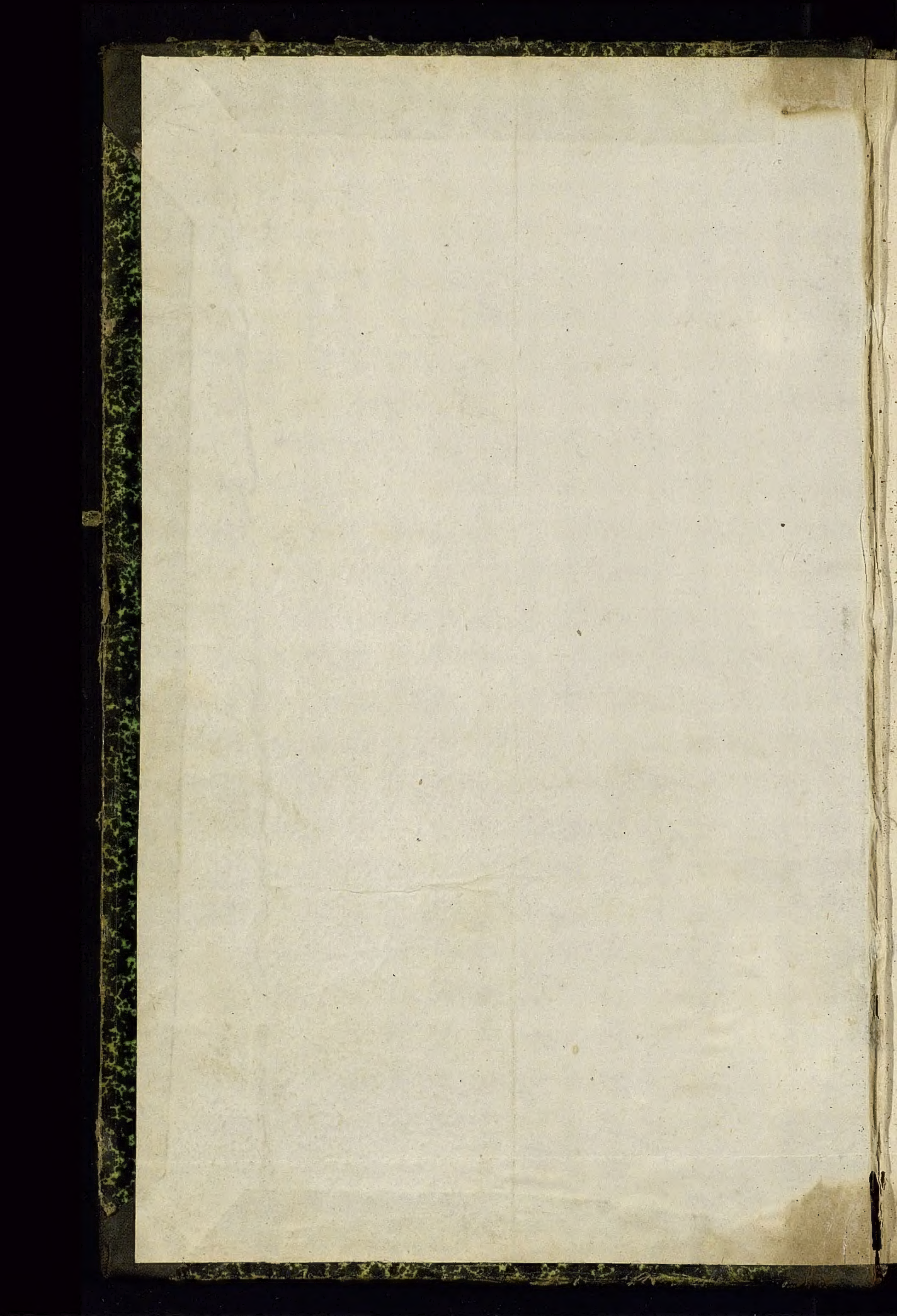

По три въ обыч.

РУССКАЯ СТАРИНА

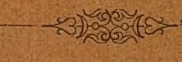
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двадцатый. ЯНВАРЬ. 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ гр. Льва Николаевича Толстаго, гравиров. на мѣди художн. Ө. А. Мѣркинъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1889.

I-я книга „Русской Старины" вышла 1-го января 1889 г.

Каталогъ христіанскихъ древностей, собранныхъ московскимъ купцомъ Николаемъ Михайловичемъ Позняковымъ; посвящается любителямъ и собирателямъ русской православной старины. Съ 45 рисунками фотогравюрами. Москва. 1888 г. Въ 8-ю долю. (Число экземпляровъ ограниченное. Мы получили таковой подъ № 54).

Описанное въ этомъ каталогѣ собраніе предназначается для продажи. Въ него вошло описаніе 3,223 предметовъ, каковы: иконы всевозможныхъ писемъ, поддѣлки подъ древнія иконы, складни, рѣзьба и кости, всевозможные кресты и крестики, панагіи, мѣдно-литые вѣнцы, оклады, серебряныя накладки съ евангелій, золотыя накладки, серебряныя накладки съ камнями, камни въ оправѣ, цѣпи, шитыя иконы и серединки письма изъ Евангелій, церковныя серебряныя и мѣдныя. Второй отдѣлъ описанія составляютъ: серьги, печати, кольца, запонки, пуговицы и пр.— Появленіе таковаго каталога, хотя бы и съ промышленной цѣлью, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о развивающейся любви въ русскомъ обществѣ — не только въ высшихъ, но и въ среднихъ его слояхъ—къ отечественной старинѣ и церковнымъ древностямъ.

Лекціи по исторіи римской литературы, читанныя въ кіевскомъ и с.-петербургскомъ университетахъ В. И. Модестовымъ. Полное изданіе (3 курса въ одномъ томѣ). С.-Петербургъ. 1888 г. Въ большую 8-ю долю. Стр. V+764+13. Цѣна 5 рублей.

Отмѣчаемъ въ нашемъ листкѣ появленіе этого вполнѣ классическаго труда извѣстнаго нашего ученаго и талантливаго публициста. В. И. Модестовъ давно пріобрѣлъ себѣ извѣстность обширными трудами въ области своей профессорской дѣятельности въ двухъ высшихъ разсадникахъ какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго просвѣщенія. При обширной эрудиціи автора, всегда касавшагося наиболѣе жизненныхъ вопросовъ въ современномъ положеніи нашего отечества—настоящей книгѣ его не трудно предсказать радушный пріемъ, въ особенности въ средѣ университетской и академической молодежи.

А. А. Титовъ. Юридическіе обычаи села Никола-перевозъ Сувоздской волости, Ростовскаго уѣзда. Ярославль. 1888 г. 8-я доля, стр. 114+XVI.

Этотъ трудъ является вполнѣ добросовѣстнымъ и умѣлымъ выполненіемъ программы, составленной императорскимъ обществомъ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. По собиранію свѣдѣній о юридическихъ обычаяхъ г. Титовъ, неутомимый труженикъ Ярославскаго края въ области мѣстной исторіи, статистики, памятниковъ древности и пр., и пр., при сотрудничествѣ одного изъ мѣстныхъ земскихъ учителей—господина Рябинина, постарался, насколько возможно точнѣе, выполнить означенную программу и придать своему труду возможную полноту. Монографія займетъ подобающее ей мѣсто въ весьма небольшой еще у насъ литературѣ по изученію юридическихъ обычаевъ русск. народа.

Описаніе дѣлъ архива морскаго министерства за время съ половины XVII-го до начала XIX столѣтія. Т. V-й, въ б. 4-ю д. Спб. 1888 г.

Обширный трудъ описанія этого архива продолжается неуклонно и отличается полнотою и обстоятельностью; каждый выходящій томъ обставленъ всѣмъ необходимымъ для облегченія въ немъ справокъ. Въ настоящемъ выпускѣ описанія помѣщены дѣла воинской морской коммиссіи съ 1731 по 1753 годъ,—россійскаго флота и адмиралтейскаго правленія съ 1757 по 1782 г.; образованіе флота съ 1802 по 1805 годъ; дѣла адмирала графа Головина съ 1733 по 1757 г.; бумаги, переданныя изъ кабинета императрицы Екатерины II съ 1776 по 1796 годъ; дѣла адмирала Семена Ивановича Мордвинова съ 1762 по 1784 годъ и графа Ивана Григорьевича Чернышева съ 1762 по 1796 г. Во главѣ коммиссіи, вѣдающей обширный трудъ разбора и описанія дѣлъ архива морскаго министерства, стоитъ по прежнему Ѳ. Ѳ. Веселаго, опытный знатокъ своего дѣла и извѣстный своими историческими трудами. Въ настоящій томъ вошли №№ съ 921-го по 1650-й. Къ книгѣ приложенъ, какъ и къ предъидущимъ томамъ, очень хорошо составленный указатель предметовъ, названій географическихъ и именъ судовъ, равно указатель годовъ по вязкамъ дѣлъ въ архивѣ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1889 г.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ выходитъ въ 1889 году въ прежнемъ объемѣ, съ гравированными на деревѣ и мѣди портретами замѣчательныхъ русскихъ людей. Много портретовъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, для „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1889 года, награвировано художниками Ѳ. А. Мѣркинымъ на мѣди, И. И. Матюшинымъ, В. В. Матэ и Г. И. Грачевымъ на деревѣ, а также исполнено въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, по прежнему, помѣщаетъ въ 1889 г. на своихъ страницахъ, между прочими вполнѣ интересными записками (мемуарами), статьями и матеріалами, множество данныхъ для исторіи минувшаго царствованія императора Александра II Освободителя и для біографій и характеристикъ его достопамятныхъ сподвижниковъ.

12 книгъ, цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1889 г. принимается для иногородныхъ въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ по Большой Подьяческой, д. № 7.

Городскіе подписчики въ Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. Цинзерлинга** (Невскій пр., д. № 46). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **А. Л. Васильева** (Страстной бульваръ, д. кн. Горчакова), **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха) и **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани — въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.).

ПОРТРЕТЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

превосходная гравюра Академика Гравера Его Императорскаго Величества Л. А. Сѣрякова († 1881 г.).

Гравюра эта окончена знаменитымъ академикомъ въ октябрѣ 1866-го года, и тогда же представленная въ Бозѣ почившему Императору удостоена Высочайшаго одобренія: художнику, — единственному въ Россіи академику-граверу на деревѣ, — въ декабрѣ 1866 г. пожаловано званіе—такъ же доселѣ единственное въ Россіи—«гравера Его Императорскаго Величества», съ причисленіемъ Сѣрякова къ Императорскому Эрмитажу.

Эта гравюра—очень хорошо отпечатана въ Парижѣ, на большомъ листѣ отличной бристольской бумаги; подъ портретомъ императорскій гербъ и подпись:

Александръ II,

императоръ всероссійскій.

Рисовалъ и гравировалъ на деревѣ академикъ Л. Сѣряковъ,

ГРАВЕРЪ

Его Императорскаго Величества.

[Величина гравюры—3/4 аршина высоты].

Это лучшее произведеніе высокохудожественнаго рѣзца покойнаго Гравера Его Величества Александра II, — Академика Сѣрякова,—предоставляется нынѣ читателямъ «Русской Старины»—

☞ лица, подписавшіяся на журналъ „Русская Старина", могутъ получить за **семь семикопѣечныхъ** *почтовыхъ марокъ* (или 50 копѣекъ) эту гравюру—съ пересылкою, въ хорошо укупоренномъ картонномъ сверткѣ.

Примѣчаніе. *Семь почтовыхъ марокъ* или *50 копѣекъ* уплачиваютъ за этотъ, повторяемъ, вполнѣ замѣчательный, въ художественномъ отношеніи, портретъ Александра II, безразлично какъ городскіе, такъ и иногородные подписчики на „Русскую Старину".

Въ отдѣльной продажѣ гравюра эта не была и не существуетъ.

Александръ II Освободитель изображенъ въ гравюрѣ Сѣрякова въ эпоху великихъ преобразованій; портретъ отличается, по своему времени (1866 г.), поразительнымъ сходствомъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Мих. Ив. Семевскаго.

ИЗДАНІЕ ОСНОВАНО 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1889 г.

ЯНВАРЬ.—ФЕВРАЛЬ.—МАРТЪ.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1889.

Екатерининскій кан. д. 78.
№ 2862.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1889.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

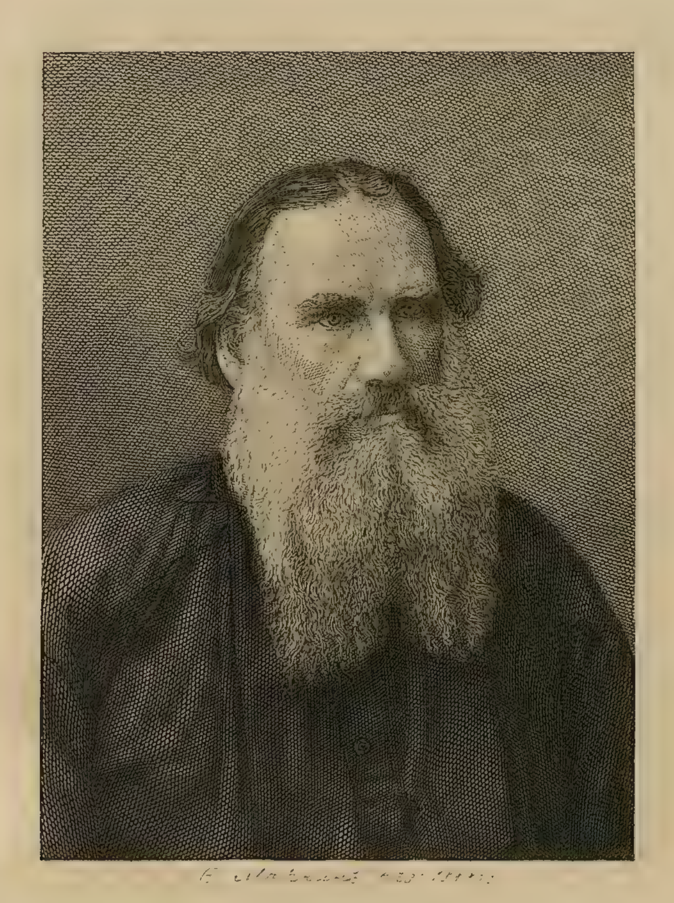

ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

рис. К. Брожъ.

Состав. Л. Шарлемань

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 декабря 1888 г. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

Л. Толстой

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 27 СЕНТЯБРЯ 1883 Г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

РОССІЯ ВЪ ЕЯ ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ ЕВРОПѢ

въ царствованіе императора Александра I-го

1806—1815 гг.

ГЛАВА ВТОРАЯ [1]).

Тринадцати-дневное пребываніе императора Александра въ Тильзитѣ съ 14 26) іюня по 27 іюня (9 іюля) 1807 г.—Отношенія императора Александра къ Наполеону.—Мирные переговоры: континентальная система, вопросы польскій и восточный.—Географическій непріятель: Швеція.— Фантастическое переустройство Европы по плану барона Гарденберга. — Пріѣздъ въ Тильзитъ королевы Луизы.—Тильзитскій трактатъ и секретныя статьи франко-русскаго союзнаго договора.—Ратификація тильзитскаго трактата 27 іюня (9 іюля) и отъѣздъ императоровъ. — Пріѣздъ австрійскаго генерала Стутергейма. — Аудіенція его у Наполеона въ Тильзитѣ.—Отправленіе генерала Савари въ Петербургъ, до назначенія французскаго посла. — Манифестъ императора Александра объ окончаніи войны съ Франціею.—Назначеніе графа Толстаго русскимъ посломъ въ Парижъ.

I.

Послѣ вторичнаго свиданія съ Наполеономъ на Нѣманѣ императоръ Александръ еще разъ возвратился въ прусскую главную квартиру, въ Пиктупёненъ, и отобѣдалъ у Фридриха-Вильгельма. Здѣсь къ государю явился Дюрокъ, посланный Наполеономъ съ приглашеніемъ къ обѣду. Для бартенштейновскихъ союзниковъ настала минута разлуки.

.... Дѣйствительно, въ тотъ же вечеръ состоялся въѣздъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LVII, февраль, стр. 269—320.

императора Александра въ Тильзитъ [1]). Такимъ образомъ, 14-го (26-го) іюня, русская политика перешла Рубиконъ. Наконецъ, отрѣшились отъ заботъ о политическомъ равновѣсіи и независимости европейскихъ государствъ и вспомнили о Россіи; казалось, что отнынѣ, послѣ печальнаго опыта двухъ неудачныхъ войнъ, императоръ Александръ навсегда отрѣшился отъ безкорыстной защиты чуждыхъ имперіи интересовъ, пустившей у насъ столь глубокіе корни съ 1796 года.

Наполеонъ устроилъ русскому государю торжественную встрѣчу. Какъ только императоръ Александръ ступилъ на лѣвый берегъ Нѣмана, французская артиллерія привѣтствовала его 60-ю выстрѣлами. Наполеонъ ожидалъ своего гостя на берегу и провожалъ до своего дома, черезъ ряды французскихъ войскъ, отдававшихъ почести новому союзнику Франціи и преклонявшихъ предъ нимъ свои побѣдоносныя знамена. Обѣдъ, начавшійся въ семь часовъ, продолжался до девяти. Затѣмъ государь отправился, въ сопровожденіи Наполеона, въ назначенный для жительства его домъ, тотъ самый, который занималъ онъ во время пребыванія въ Тильзитѣ, незадолго до фридландскаго погрома [2]).

Въ день прибытія государя въ Тильзитъ отданы были Наполеономъ пароль, отзывъ и лозунгъ: Александръ, Россія, величіе (Alexandre, Russie, grandeur), а на другой день императоромъ Александромъ: Наполеонъ, Франція, храбрость (Napoléon, France, bravoure).

На третьи сутки условились, чтобы одинъ Наполеонъ отдавалъ

---

[1]) За государемъ немедленно послѣдовали въ Тильзитъ: цесаревичъ Константинъ Павловичъ, генералъ баронъ Будбергъ, оберъ-гофмаршалъ графъ Николай Александровичъ Толстой, тайный совѣтникъ Поповъ, генералъ-адъютанты: графъ Ливенъ, князь Волконскій и князь Трубецкой, генералъ-лейтенантъ князь Лобановъ-Ростовскій и генералъ-маіоръ Фуль.

Вскорѣ затѣмъ получили повелѣніе прибыть въ Тильзитъ: князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, бывшій генералъ-прокуроръ Беклешовъ, генералъ-адъютантъ Уваровъ, генералъ Сухтеленъ и тайный совѣтникъ Лошкаревъ (нѣкогда подписавшій Ясскій миръ 1790 года, совмѣстно съ графомъ Безбородко), камергеры Рибопьеръ и графъ Нессельроде (будущій канцлеръ русской имперіи).

[2]) Рукопись (военно-ученый архивъ, № 1585). Подробности о пребываніи императора Александра въ Тильзитѣ были сообщены генералу Данилевскому современниками и очевидцами этого достопамятнаго событія.

Н. Ш.

пароли, послѣ чего они были посылаемы ежедневно къ нашему тильзитскому коменданту, полковнику Козловскому (командовавшему л.-гв. Преображенскимъ полкомъ), въ запечатанныхъ конвертахъ.

Михайловскій-Данилевскій пишетъ въ своей исторіи войны 1806 и 1807 годовъ, что Наполеонъ не хотѣлъ, чтобы прусскій король жилъ въ Тильзитѣ, и намѣревался совершенно отстранить его отъ переговоровъ. Поэтому Фридрихъ-Вильгельмъ III ежедневно пріѣзжалъ по утрамъ въ городъ къ императору Александру. При отведенномъ для него домѣ стоялъ французскій караулъ. Черезъ пять дней, по желанію государя, Наполеонъ изъявилъ согласіе на жительство короля въ Тильзитѣ, но съ условіемъ не имѣть при себѣ прусскихъ войскъ и содержать у него караулъ французамъ. И въ этомъ дѣлѣ Наполеонъ уступилъ настояніямъ императора Александра, старавшагося, по мѣрѣ силъ, облегчить участь своего друга и бывшаго союзника, и разрѣшилъ ввести въ Тильзитъ небольшое, самое необходимое для карауловъ при королѣ, число прусскихъ войскъ [1]). Тѣмъ не менѣе, король ни разу не ночевалъ въ Тильзитѣ и постоянно возвращался въ свою главную квартиру въ Пиктупёненъ.

Во все время пребыванія въ Тильзитѣ императора Александра, русскія войска гарнизона были гостями французовъ. Они продовольствовались вмѣстѣ съ французскою гвардіею. Ежедневно въ часъ пополудни былъ для нашихъ генераловъ и офицеровъ завтракъ у Бертье; кромѣ того часто приглашали ихъ къ обѣду Бертье, Коленкуръ и Дюрокъ [2]).

---

[1]) „Le roi de Prusse assistait aux réunions des deux empereurs, mais il y assistait comme un temoin incommode et malheureux. En sa présence ils s'imposaient une réserve absolue, et toujours ils attendaient qu'il se fut retiré pour se livrer à leurs plus secrets épanchements. Napoléon ressentait pour ce prince une insurmontable aversion, et il se donnait le tort de la laisser paraître".

Armand Lefebvre: „Histoire des cabinets de l'Europe pendant le Consulat et l'Empire". T. 3.

Тьеръ пишетъ: „L'infortuné roi de Prusse était venu apporter à Tilsit son malheur, sa tristesse, sa raison sans éclat, son modeste bon sens". T. 7.

[2]) В. У. А., № 1585.

За исключеніемъ чиновъ русскаго гарнизона въ Тильзитѣ, никому изъ русскихъ не было дозволено переходить на лѣвый берегъ Нѣмана, кромѣ адъютантовъ, посылаемыхъ туда изъ арміи въ императорскую главную квартиру. Но любопытство видѣть Наполеона восторжествовало надъ всѣми запрещеніями: генералы и офицеры ѣздили въ Тильзитъ въ партикулярныхъ платьяхъ и проживали здѣсь по нѣсколько дней [1]).

Императоры жили одинъ отъ другаго шагахъ въ пяти стахъ. Утро начиналось тѣмъ, что оберъ-гофмаршалы, графъ Толстой и Дюрокъ, приходили освѣдомляться, первый о здоровьѣ Наполеона, а второй—о здоровьѣ Александра. Затѣмъ до обѣда императоры, иногда въ сопровожденіи короля прусскаго, отправлялись на смотры и ученія французскихъ войскъ, расположенныхъ около Тильзита. Наполеонъ показывалъ государю маневрированіе своихъ войскъ. Императора Александра встрѣчали во французскомъ лагерѣ съ тѣми же почестями, какія отдавались самому Наполеону. Свиту государя составляли всѣ маршалы и множество генераловъ [2]). Возвращаясь съ этихъ поѣздокъ, Наполеонъ удерживалъ у себя императора Александра и посылалъ къ государю въ домъ за всѣмъ необходимымъ для переодѣванія. Наполеонъ снабжалъ даже нерѣдко государя своими галстуками и посовыми платками. Великолѣпный золотой дорожный нессесеръ Наполеона обратилъ на себя однажды вниманіе императора Александра и былъ немедленно поднесенъ государю и принятъ его величествомъ [3]).

Ежедневно императоръ Александръ обѣдалъ у Наполеона. Иногда бывали приглашаемы къ императорскому столу прусскій король, цесаревичъ Константинъ Павловичъ и Мюратъ (великій герцогъ Бергскій). За столъ садились въ восемь часовъ. Потомъ императоры разставались на короткое время, чтобы дать время прусскому королю удалиться. Часовъ въ десять вечера Наполеонъ приходилъ къ государю пѣшкомъ, одинъ, безъ свиты и адъютантовъ, въ своей исторической шляпѣ и сѣромъ сюртукѣ, при видѣ которыхъ дрожала Западная Европа [4]). Тогда начинались

[1]) Денисъ Давыдовъ: Тильзитъ въ 1807 году. Ч. 2. Москва. 1860 г.
[2]) Записки А. П. Ермолова. Ч. 1. Москва. 1866 г.
[3]) Souvenirs historiques du Baron Meneval. T. 1. Paris. 1843.
[4]) В. У. А. № 1585.

историческія бесѣды двухъ императоровъ, продолжавшіяся далеко за полночь, послѣдствіемъ которыхъ было совершенное видоизмѣненіе карты Европы.

II.

Историки нерѣдко останавливаются на вопросѣ, насколько было искренности въ дружескихъ чувствахъ императора Александра въ отношеніи къ Наполеону, начало которыхъ положено было на нѣманскомъ плоту и закрѣпленныхъ затѣмъ въ Тильзитѣ.

Правильное рѣшеніе этого вопроса возможно только принимая во вниманіе свойства характера императора Александра. Вообще Александръ Павловичъ, по справедливому замѣчанію одного изъ современниковъ этой эпохи, былъ злопамятенъ и никогда въ душѣ своей не прощалъ обидъ, хотя часто изъ видовъ благоразумія и политики скрывалъ и подавлялъ въ себѣ это чувство. Онъ никогда не простилъ Наполеону содержаніе дерзкой ноты Талейрана, отъ 4-го (16-го) мая 1804 года, написанной по приказанію перваго консула въ отвѣтъ на протестъ Россіи по поводу казни герцога Энгіенскаго [1].... Эта кровная обида запала въ сердце императора Александра и вселила въ немъ неизгладимую ненависть къ Наполеону. Она также мало изгладилась изъ памяти государя въ 1812, какъ и въ 1814 году, и стоила надменному корсиканцу престола. Въ Тильзитѣ сила обстоятельствъ заставила государя принести въ жертву своему долгу и Россіи личныя чувства; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, послѣ первой встрѣчи съ Наполеономъ, былъ неоспоримо очарованъ и увлеченъ геніемъ своего грознаго противника, смутно сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ всю выгоду союза съ императорскою Франціею. Нельзя также не принять во вниманіе, что Наполеонъ обладалъ рѣдкимъ даромъ привязывать къ себѣ собесѣдника, если онъ того

---

[1]) Талейранъ оправдывалъ въ этой нотѣ захватъ герцога Энгіенскаго на германской територіи интригами Бурбоновъ, участвовавшихъ въ замыслахъ на жизнь перваго консула. Далѣе сказано, когда Англія злоумышляла противъ Россіи въ 1801 году, императоръ поступилъ бы, безъ сомнѣнія, точно такъ, какъ французы, если бы эти обстоятельства были ему извѣстны....

Н. Ш.

желалъ; устоять противъ его краснорѣчія было также трудно, какъ и сопротивляться его оружію [1]. Неудивительно, что наступилъ даже періодъ нѣкотораго увлеченія, свойственнаго впечатлительному уму Александра, нѣсколько склонному къ идеализаціи. Дружба великаго человѣка не замедлила показаться ему благодѣяніемъ боговъ. Мало того, императоръ Александръ признавался даже впослѣдствіи, въ Эрфуртѣ, саксонскому королю: „что онъ чувствуетъ себя лучшимъ послѣ каждой бесѣды съ Наполеономъ и что часъ разговора съ этимъ великимъ человѣкомъ обогащаетъ его болѣе, нежели десять лѣтъ опытности" [2].

Но это отчасти напускное увлеченіе оказалось непрочнымъ, прежнія заботы о благѣ Европы восторжествовали надъ чувствомъ государственнаго эгоизма, которое Наполеонъ съумѣлъ на время вселить въ умѣ Александра; старая привязанность къ романтикѣ, подъ вліяніемъ эмиграціи и нѣмецкихъ друзей, вступила въ свои законныя права и при первой возможности императоръ Александръ возвратился на излюбленный путь всероссійскаго великодушія, добиваясь вмѣстѣ съ тѣмъ съ замѣчательною настойчивостью окончательной гибели своего тильзитскаго друга и лучшаго союзника Россіи. Въ 1815 году государь изъявилъ твердую рѣшимость пожертвовать послѣднимъ человѣкомъ и послѣднимъ рублемъ для торжества дѣла, признаваемаго имъ вопросомъ личной чести.

Шесть лѣтъ спустя послѣ войны 1807 года, въ бесѣдахъ съ фрейлиною Стурдзою въ 1812 году, императоръ Александръ коснулся также и тильзитскаго свиданія [3]. Государь много и горячо говорилъ о загадочномъ характерѣ Наполеона и передавалъ своей собесѣдницѣ, какъ онъ изучалъ его во время тильзитскихъ совѣщаній. Г-жа Стурдза замѣчаетъ, что во время

---

[1]) „La politique habile et l'éloquence séductrice de Napoléon, aussi irrésistible que ses armes, achevèrent ce que sa victoire et l'irritation d'Alexandre contre l'égoisme sans pudeur de l'Angleterre avaient commencé". Comte de Ségur: „Histoire et Mémoires". T. 3.

„Je connais Alexandre, j'ai eu de l'ascendant sur lui", сказалъ Наполеонъ гр. Нарбонну въ 1812 году. (Souvenirs contemporains p. Villemain).

Графъ Румянцовъ въ 1808 году не разъ говорилъ французскому послу: „l'Empereur Alexandre veut que je le répéte: l'empereur Napoléon l'a conquis à Tilsit".

[2]) Mémoires du comte de Senfft. 1806—1813. Leipzig. 1863.

[3]) Mémoires de la comtesse Edling (née Stourdza). Москва. 1888.

Н. Ш.

этого непринужденнаго разговора она убѣдилась, какъ ошибочно думали, будто Наполеонъ обольстилъ Александра. Онъ признавалъ превосходство его генія и добровольно согласился на предложенія великаго человѣка, но не былъ ослѣпленъ имъ и не возымѣлъ къ нему вреднаго для себя довѣрія. „Наполеонъ, увлеченный желаніемъ внушить удивленіе къ себѣ въ государѣ, столь превосходившемъ всѣхъ, которыхъ онъ зналъ до тѣхъ поръ, и, въ свою очередь, не слишкомъ вникая въ него, далъ ему возможность проникнуть въ свой характеръ, заключавшій въ себѣ, благодаря самой его природѣ и трудностямъ положенія, рѣдко встрѣчаемую степень осторожности".

Денисъ Давыдовъ въ своей оцѣнкѣ проницательности и самообладанія императора Александра заходитъ еще далѣе и говоритъ, что дѣло шло не объ одномъ свиданіи съ Наполеономъ, а объ очарованіи сего всемірнаго очарователя, объ искушеніи этого увлекательнаго искусителя, о введеніи въ заблужденіе этого свѣтлаго и положительнаго генія — и въ этомъ случаѣ побѣда сомнѣнно и неоспоримо осталась за нашимъ императоромъ.

Принимая всѣ эти разнорѣчивыя показанія во вниманіе, весьма вѣроятно, что при заключеніи Тильзитскаго мира государь дѣйствительно сказалъ королю и королевѣ прусскимъ: „Потерпите, мы свое воротимъ. Онъ сломитъ себѣ шею. Не смотря на всѣ мои демонстраціи и наружныя дѣйствія, въ душѣ я вашъ другъ и надѣюсь доказать вамъ это на дѣлѣ" [1]).

Въ запискахъ Баварскаго министра графа Монжела [2]) по этому поводу разсказанъ другой подходящій случай. Разбирая русскую политику наканунѣ 1812 года, Монжела утверждаетъ, что въ то время нерѣдко припоминали слова, сорвавшіяся съ устъ императора Александра при подписаніи Тильзитскаго трактата: „по крайней мѣрѣ, я выиграю время".

Но какъ бы то ни было, въ Тильзитѣ императоръ Александръ рѣшился воспользоваться выгодами, представлявшимися для Россіи отъ тѣснаго сближенія съ Франціею. Наполеонъ предоставлялъ своему союзнику свободу дѣйствій противъ Швеціи и Турціи; подобное предложеніе нельзя было оставить безъ вниманія даже

---

[1]) „Записки о моей жизни". Н. И. Греча. С.-Петербургъ. 1886.

[2]) Denkwürdigkeiten des Bayrischen Staatsministers Grafen von Montgelas 1799—1817. Stuttgart 1887.

ученику Лагарпа, не пожертвовавъ преднамѣренно жизненными интересами Россіи.

Императоръ Александръ, скрѣпя сердце, пожертвовалъ для Россіи интересами Пруссіи. Затѣмъ, весь дальнѣйшій успѣхъ новой политической системы зависѣлъ уже, главнымъ образомъ, отъ исполнителей и разумной поддержки начинаній государя со стороны общественнаго мнѣнія страны. Но какъ мы увидимъ ниже, выборъ этихъ исполнителей на политическомъ и военномъ поприщахъ былъ крайне неудаченъ; невѣжество же общественнаго мнѣнія и ослѣпленіе главныхъ государственныхъ дѣятелей въ пониманіи истинныхъ выгодъ имперіи превзошло всякое вѣроятіе. Императоръ Александръ стоялъ почти одинокимъ, при защитѣ тильзитскихъ соглашеній, подвергавшихся со всѣхъ сторонъ дружному нападенію внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ новой политической системы.

Итакъ, благодаря сочетанію всѣхъ перечисленныхъ неблагопріятныхъ условій, Тильзитскій миръ не далъ ожидаемыхъ плодовъ для будущаго благополучія Россіи.

III.

Надежда Наполеона окончательно восторжествовать надъ Англіею укоренялась въ немъ постепенно, по мѣрѣ успѣха его предпріятій.

Подъ вліяніемъ неожиданнаго для всѣхъ исчезновенія Пруссіи съ карты Европы, вызвавшаго въ Наполеонѣ необыкновенное умственное возбужденіе, онъ возъимѣлъ самыя смѣлыя мысли, которыя когда либо зарождались въ его головѣ. Съ этой поры, замѣчаетъ Тьеръ, онъ не усматривалъ предѣла своему могуществу и не признавалъ болѣе преградъ своей волѣ. Европа казалась ему полемъ безъ владыки, на которомъ онъ можетъ создать все, что пожелаетъ, все, что онъ признаетъ великимъ, разумнымъ, полезнымъ. „Il crut tout possible et il désira tout“, заключаетъ историкъ [1]).

Плодомъ его новыхъ соображеній явилось желаніе господ-

---

[1]) Thiers: Histoire. T. 7.

ствовать на сушѣ, чтобы тѣмъ владѣть моремъ; путемъ новыхъ побѣдъ на европейскомъ материкѣ Наполеонъ разсчитывалъ снова завоевать колоніи (je vais reconquérir les colonies par la terre) и нанести, наконецъ, давно желанное пораженіе, скажемъ болѣе, смертельный ударъ недоступной Англіи, разгромивъ всѣхъ ея союзниковъ и закрывъ для ея торговли всѣ порты на материкѣ.

Подобными мѣропріятіями Наполеонъ надѣялся вынудить Англію, этого непримиримаго врага вновь возникшаго, послѣ революціонной анархіи, могущества Франціи — приступить къ всеобщему миру. Такимъ образомъ задумана была великимъ полководцемъ, въ 1806 году, такъ называемая континентальная система, которая должна была охватить всю Европу, обуздавъ и смиривъ, наконецъ, Англію [1]). Ожидавшія его на этомъ пути препятствія казались императору не заслуживающими вниманія. „Все это дѣтская игра (un jeu d'enfants), писалъ Наполеонъ Камбасересу, которой нужно положить конецъ, и на этотъ разъ я возьмусь за моихъ враговъ такъ, что разомъ покончу со всѣми". Съ этого времени Наполеону казалось возможнымъ исторгнуть у Великобританіи миръ только послѣ подчиненія материка своему исключительному господству и послѣ воспрещенія англійскимъ товарамъ доступа въ европейскія гавани.

Наполеонъ поставилъ поэтому главнымъ условіемъ своего союза съ императоромъ Александромъ присоединеніе также и Россіи къ континентальной системѣ, водворяемой въ Западной Европѣ. Прекращеніе торговли съ Англіею ложилось, конечно, тяжелымъ бременемъ на наше финансовое положеніе, но разрывъ съ Великобританіею представлялъ собою необходимую временную жертву, которую оставалось только умѣло эксплоатировать императору Александру, для достиженія завѣтныхъ цѣлей русской политики.

---

[1]) Мысль Наполеона весьма рельефно выразилась въ посланіи его къ сенату, отъ 7-го (19-го) ноября 1806 года, въ которомъ онъ объявляетъ, что онъ принялъ непоколебимое намѣреніе не возвращать ни Берлина, ни Варшавы, ни прусскихъ областей, занятыхъ его войсками, до заключенія общаго мира и возвращенія французскихъ, испанскихъ и голландскихъ колоній. Н. Ш.

IV.

Когда въ 1806 году побѣдоносныя французскія войска перешли Одеръ, польскій вопросъ, сданный съ 1795 года европейской дипломатіей въ архивъ, снова воскреснулъ.

Имѣлъ-ли Наполеонъ намѣреніе, пользуясь небывалыми побѣдами, возстановить Польшу? Едва-ли безпристрастная исторія представляетъ достаточно данныхъ для рѣшенія этого вопроса, въ одностороннемъ польскомъ смыслѣ. Въ политической системѣ Наполеона Польша служила для него только средствомъ для достиженія различныхъ преслѣдуемыхъ имъ цѣлей [1]). Поэтому позволительно утверждать, что возстановленіе Посполитой Рѣчи никогда не служило для него предметомъ дѣйствія, не смотря на многія двусмысленныя рѣчи и воззванія великаго человѣка. Во всякомъ случаѣ первая встрѣча его съ поляками должна была заставить призадуматься польскихъ патріотовъ, при болѣе трезвомъ отношеніи ихъ къ политическимъ вопросамъ вообще.

Желая въ будущемъ облегчить заключеніе мира съ императоромъ Александромъ, Наполеонъ отказался признать возстановленіе Польши, о чемъ просила его депутація, прибывшая въ Берлинъ; онъ упомянулъ ей только о прежнихъ раздорахъ и отвѣтилъ на ея воззванія о помощи одними строгими совѣтами, сильно охладившими польскія надежды. Императоръ не раздѣлялъ вовсе увлеченія своихъ маршаловъ, ослѣпленныхъ легкостью одержанныхъ противъ Пруссіи успѣховъ и преслѣдовавшихъ нерѣдко личныя цѣли, подобно, напр., Мюрату, мечтавшему занять польскій престолъ. Не желаніе возстановить Польшу, но обстоятельства и характеръ Наполеона заставляли его идти впередъ и продолжать завоеваніе Пруссіи; нетерпѣливый геній императора

---

[1]) Въ этомъ Наполеонъ признавался не разъ; даже въ 1813 году, когда онъ вступилъ во главѣ вновь созданной арміи въ Германію, онъ высказался въ этомъ смыслѣ самымъ положительнымъ образомъ своимъ приближеннымъ:

— „Всего проще и разсудительнѣе было бы сойтись прямо съ императоромъ Александромъ. Я всегда считалъ Польшу средствомъ, а не главнымъ дѣломъ (j'ai toujours regardé la Pologne comme un moyen, mais pas comme une affaire principale). Удовлетворяя Россію на счетъ Польши, мы имѣемъ средство унизить Австрію, обратить ее въ ничто“. Н. Ш.

побуждалъ его привести въ исполненіе другое задуманное имъ дѣло: континентальную систему, направленную противъ Англіи, этого традиціоннаго врага Франціи.

Когда передовыя колонны французской арміи приближались къ Вислѣ, Наполеонъ, подготовивъ всѣ средства къ продолженію кампаніи, покидаетъ, наконецъ, 13-го (25-го) ноября Берлинъ, послѣ 27-ми дневной остановки въ прусской столицѣ. Переправившись въ тотъ же день черезъ Одеръ въ Кюстринѣ, императоръ въѣзжаетъ 15-го (27-го) ноября въ Познань, при радостныхъ восклицаніяхъ народонаселенія, встрѣчавшаго его какъ своего избавителя. Отвѣты Наполеона на восторженные призывы о помощи были сдержанны и разсчитаны: онъ щадилъ Австрію въ настоящемъ и Россію въ будущемъ. Выражаясь вообще о судьбѣ Польши загадочно [1], онъ присовокупляетъ нѣсколько неопредѣленныхъ и условныхъ обѣщаній. Сдержанность, выказанная Наполеономъ въ Познани, обусловливалась не только цѣлями его политики, но и положеніемъ дѣлъ въ Польшѣ. Возгласы толпы дворянъ, ручавшейся за свою страну, не увлекли его; онъ относился къ нимъ недовѣрчиво. Изъ народа, состоявшаго изъ ненавидящихъ другъ друга шляхты и хлоповъ, онъ не полагалъ возможнымъ создать государство. Нельзя было думать о томъ, чтобы все побѣдить одновременно внутри и извнѣ и все возвратить за разъ. Польша и Наполеонъ поняли другъ друга. Можно было только на половину все сдѣлать. Поэтому съ обѣихъ сторонъ дѣйствовали сообразно обстоятельствамъ, опредѣлявшимся дальнѣйшимъ ходомъ политическихъ событій [2].

---

[1]) Въ бюллетенѣ отъ 19-го ноября (1-го декабря) 1806 года встрѣчаются слѣдующія вѣщія изреченія Наполеона о Польшѣ:

„Возстановится ли польскій престолъ и вернется ли къ этой великой націи ея прежнее существованіе и независимость? Воскреснетъ ли она къ жизни изъ глубины могилы? Одинъ Богъ, правящій всѣми событіями, можетъ рѣшить эту великую политическую задачу; но, конечно, никогда не было бы событія болѣе достопамятнаго, болѣе достойнаго вниманія".

Не менѣе загадочны мысли, высказанныя Наполеономъ, 6-го (18-го) мая 1807 г., въ замѣчаніяхъ, продиктованныхъ имъ для министра внутреннихъ дѣлъ, по поводу подготовляемаго: „Exposé de la situation de l'Empire".

Наполеонъ пишетъ: „Ne pas parler de l'indépendance de la Pologne, et supprimer tout ce qui tend à montrer l'Empereur comme le libérateur, attendu qu'il ne s'est jamais expliqué à ce sujet". Н. Ш.

[2]) „La Pologue et lui se comprirent. Lui si entier, elle si passionée, s chevaleresque, sentirent qu'on ne pourrait rien faire là qu'à demi. Des deux

6-го (18-го) декабря Наполеонъ прибылъ въ Варшаву. Появленіе въ польской столицѣ мнимаго освободителя Рѣчи Посполитой сопровождалось еще болѣе шумными привѣтствіями, чѣмъ въ Познани. Но Наполеонъ и здѣсь не измѣнилъ усвоенному имъ трезвому взгляду на дѣло и, нисколько не увлекаясь восторженнымъ настроеніемъ умовъ, не терялъ изъ виду отношеній Австріи и Россіи къ польскому вопросу [1]).

---

côtés l'on se conduisit en conséquence". (Comte de Ségur: Histoire et mémoires. Paris. 1873. T. 3. Н. Ш.

[1]) Въ 1812 году повторилось то-же явленіе. Поляки отнеслись даже къ такъ называемой второй польской войнѣ съ нѣкоторою сдержанностью. По поводу отношеній Наполеона къ польскому вопросу въ 1812 году встрѣчаются любопытныя указанія въ перепискѣ генерала Михайловскаго-Данилевскаго.

Авторъ описанія Отечественной войны обратился къ польскому генералу Косецкому, съ просьбою разъяснить причину апатіи поляковъ въ 1812 году.—Косецкій, въ письмѣ отъ 27-го іюля 1836 г. (Военно-ученый архивъ. № 1762) даетъ слѣдующія драгоцѣнныя указанія:

„Tout le gens sensé à qui j'en ai parlé me l'explique dans le sens suivant: cette cause gisait dans le caractère de l'Empereur Napoléon—il sacrifiait tout à son intérêt. On savait qu'il ferait la guerre à la Russie non pour conquérir des provinces, mais pour conquérir la paix, c. à d. pour la forcer à suivre ses volontés". Въ заключеніе польскій патріотъ говоритъ, что лица, стоявшія во главѣ управленія страны, посвященныя въ тайны Наполеоновской политики, знали, что даже часть Варшавскаго герцогства будетъ принесена въ жертву императору Александру, если онъ только пожелаетъ заключить миръ (s'il eut voulu seulement faire la paix).

Разсуждая съ графомъ Нарбономъ наканунѣ войны 1812 года, Наполеонъ высказался относительно Польши вполнѣ откровенно: „Moi j'aime les polonais sur le champ de bataille; c'est une vaillante race; mais quant à leurs assemblées délibérantes, leur liberum veto, leurs diètes à cheval, sabre nu, je ne veux rien de tout cela (Souvenirs contemporains p. Villemain). Поэтому Мѣрославскій вполнѣ правъ, формулируя свой взглядъ относительно отношеній Наполеона къ Польшѣ слѣдующимъ образомъ: „Pour Napoléon il s'agissait d'employer les durs ossements de la Pologne en guise de mitraille, nullement de les assembler pour une ressurection (De la nationalité polonaise dans l'equilibre européen p. Mierosławski. Paris. 1856).

Если подобныя разсужденія вполнѣ справедливы относительно событій 1812 года, когда Наполеонъ стоялъ на Нѣманѣ съ 600,000 арміею, то смѣло можно утверждать, что въ 1807 году въ Тильзитѣ, когда Наполеонъ горячо желалъ мира и соглашенія съ Россіею, учрежденіе Варшавскаго герцогства принадлежитъ не французскому императору, но всецѣло императору Александру. Даже въ 1812 году, находясь въ Вильнѣ, Наполеонъ сказалъ полякамъ: „Въ моемъ положеніи я долженъ обращать вниманіе на разныя отношенія и исполнять многія обя-

Когда же послѣ Фридландской битвы завязались переговоры, окончившiеся перемирiемъ, Наполеонъ дѣлаетъ Россiи предложенiя, которыя не имѣли ничего общаго съ польскими надеждами: онъ признаетъ Вислу истинною и естественною границею Россiи и неоднократно высказываетъ эту мысль русскому уполномоченному, а затѣмъ и государю, но въ отвѣтъ на эти предложенiя императоръ Александръ заявляетъ, что онъ отстаиваетъ только права своего несчастнаго союзника.

Затѣмъ начались въ Тильзитѣ переговоры между обоими монархами. Здѣсь прежняя обстановка совершенно измѣнилась. Переговоры обнаружили, что основная точка зрѣнiя государя была совершенно иная, чѣмъ та, на которой стоялъ французскiй императоръ. При первомъ же обмѣнѣ мыслей Наполеонъ, къ удивленiю своему, замѣтилъ, что онъ имѣетъ передъ собою монарха, не сочувствующаго дѣянiямъ своей великой бабки. Но этого было еще мало: будучи великимъ княземъ, Александръ оплакивалъ паденiе Польши и, какъ государь, продолжалъ мечтать о ея возстановленiи. Дѣло это составляло завѣтное намѣренiе императора Александра. Онъ признавалъ обязанностью своею и призванiемъ свыше исправленiе исторической несправедливости, совершенной Екатериною II,—несправедливости, принявшей постепенно въ умѣ его даже образъ вопiющаго преступленiя [1]). Это обстоятельство не могло оставаться тайною для Наполеона и, вѣроятно, вполнѣ выяснилось для проницательнаго

занности". Понятно, съ какимъ вниманiемъ Наполеонъ отнесся бы въ 1807 году ко всякому желанiю императора Александра, высказанному относительно польскихъ областей, если бы непремѣнная воля русскаго самодержца не находилась бы на сторонѣ польскихъ притязанiй.

[1]) Даже въ позднѣйшее время императоръ Александръ продолжалъ порицать отношенiя Екатерины II къ польскому вопросу. Въ 1819 г. государь сказалъ кн. П. А. Вяземскому: „Мѣры, принятыя императрицею Екатериною II, при завоеванiи польскихъ областей, были бы теперь не согласны съ духомъ времени" (Военно-ученый архивъ, № 62).

Припомнимъ здѣсь, что послѣ втораго раздѣла Польши императрица Екатерина приказала вычеканить медаль, на которой красовалась надпись: „Отторженная возвратихъ". Медаль эта имѣла глубокiй смыслъ и служила выраженiемъ ясно сознанной исторической правды. Подобная медаль, конечно, не могла бы появиться въ царствованiе императора Александра и можетъ служить мѣриломъ той пропасти, которая отдѣляла воззрѣнiя представителей двухъ различныхъ эпохъ русской исторiи. Н. Ш.

корсиканца послѣ первыхъ же бесѣдъ съ русскимъ самодержцемъ. Поэтому позволительно утверждать, что истинный творецъ Варшавскаго герцогства не Наполеонъ, но императоръ Александръ. Коварство въ этомъ случаѣ вовсе не было на сторонѣ фридландскаго побѣдителя, и императора Александра нельзя признать жертвою наполеоновскаго двуличія и его макіавелистической политики.

Издавно лелѣя мысль о возстановленіи Польши, императоръ Александръ затруднялся только осуществленіемъ этого проекта, который требовалъ отторженія отъ Пруссіи доставшихся ей, по послѣднему раздѣлу, коренныхъ польскихъ областей. Совершить самолично ампутацію монархіи Фридриха Великаго представлялось для императора Александра столь щекотливымъ дѣломъ, что онъ никогда бы не рѣшился его исполнить; онъ даже упорно отвергалъ, по этимъ соображеніямъ, предложенный ему правый берегъ Вислы, а затѣмъ и правый берегъ Нѣмана. Но въ Тильзитѣ представился прекрасный способъ для разрѣшенія этого, близкаго его сердцу, вопроса: стоило рукою Наполеона отторгнуть отъ Пруссіи ея польскія области, создать хотя и скромное, но самостоятельное польское государство, предоставляя всемогущему времени сдѣлать остальное и создать благопріятную почву для будущихъ политическихъ комбинацій.

Кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что если бы въ эпоху тильзитскихъ дружескихъ изліяній императоръ Александръ заявилъ бы рѣшительный протестъ противъ созданія Варшавскаго герцогства, то эта своеобразная политическая комбинація никогда бы не осуществилась на дѣлѣ. Напротивъ того, встрѣтивъ со стороны русскаго императора болѣе, чѣмъ сочувственное отношеніе къ польскому вопросу, было бы, съ другой стороны, въ высшей степени странно и недальновидно, если бы Наполеонъ не поспѣшилъ воспользоваться въ свою пользу подобной благопріятной обстановкой.

Въ сущности, для Наполеона, вопросъ сводился къ тому, чтобы по инціативѣ и даже съ одобренія русскаго императора создать на Вислѣ удобный базисъ для удержанія Россіи на пути тильзитскихъ соглашеній, на тотъ всегда возможный случай, что императоръ Александръ перешелъ бы снова на сторону враговъ Франціи!...

Но императоръ Александръ не довольствовался этимъ успѣхомъ и зашелъ еще далѣе. Изъ переписки государя съ Наполеономъ, относящейся до времени тильзитскихъ переговоровъ, оказывается, что французскому властелину приходилось умѣрять полонофильство и предупредительность своего новаго союзника. Историки этой эпохи не обратили на это обстоятельство никакого вниманія.

Для подтвержденія высказаннаго достаточно привести записку, препровожденную 22-го іюня (4 іюля) Наполеономъ къ императору Александру [1]).

«Союзъ между великими державами, пишетъ Наполеонъ, проченъ, если онъ зиждется на политическихъ отношеніяхъ, вытекающихъ изъ торговыхъ связей и географическаго положенія».

«Къ счастью, торговыя сношенія всецѣло соотвѣтствуютъ выгодамъ Россіи и Франціи, и возобновленіе договора, существующаго болѣе двадцати лѣтъ, все еще является желательнымъ дѣломъ для обѣихъ державъ».

«Географическое положеніе, при настоящей обстановкѣ, настолько же благопріятно, такъ что даже въ случаѣ войны обѣ державы не знали бы гдѣ встрѣтиться, чтобы сразиться. Споры о границахъ, малая таможенная война, препирательства о водахъ, споры по предметамъ, касающимся продовольствія, и безчисленное множество другихъ ничтожныхъ поводовъ къ ссорѣ, охлаждающихъ и предшествующихъ обыкновенно открытому раздору, и являющимся предвѣстникомъ войны между двумя народами — намъ вполнѣ чужды, поэтому, чтобы выискать причины для вражды и остуды между нами, необходимо прибѣгать къ самымъ отвлеченнымъ и призрачнымъ поводамъ».

«Во время войны, происходившей между Россіей и Франціей, оба государя, сознавая положеніе и истинную политику своихъ

---

[1]) Note dictée par l'empereur Napoléon. (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Въ письмѣ, сопровождавшемъ записку, сказано слѣдующее:

„Monsieur mon Frère, j'envoie à V. M. une note sur la discussion qui nous occupe. V. M. y verra mon désir de me tenir constamment dans une position d'amitié et d'alliance avec la Russie, et d'écarter tout ce qui pourrait s'opposer directement ou indirectement à cette grande et belle pensée. Napoléon“. Н. Ш.

имперій, пожелали не только возстановить миръ, но даже, какъ-будто по взаимному соглашенію, повинуясь силѣ разсудка и истинѣ, пожелали заключить союзъ и сразу перейти отъ открытой войны къ самымъ дружескимъ сношеніямъ. Дружба и то безграничное довѣріе, которыя внушили императору Наполеону высокія качества императора Александра, скрѣпили сердцемъ связь, уже установленную и одобренную разсудкомъ. Въ подобномъ положеніи дѣлъ будемъ остерегаться сдѣлать что-либо могущее измѣнить общія торговыя и географическія отношенія, установленныя самой природой между обоими государствами».

«Возвести принца Іеронима на престолъ Саксоніи и Варшавы значило бы почти мгновенно перепутать всѣ отношенія наши. Не будетъ ни одного таможеннаго недоразумѣнія на Нѣманѣ, ни одного торговаго столкновенія, ни одного полицейскаго спора, которые тотчасъ же и непосредственно не поразили бы сердце императора Наполеона. Одной этой политической ошибкой мы расторгнемъ нашъ договоръ союза и дружбы и подготовимъ поводы къ несогласіямъ существеннѣе тѣхъ, какія дѣйствовали понынѣ. Обсудивъ этотъ вопросъ, императоръ Наполеонъ скорѣе склоненъ объявить, въ секретной статьѣ, что этотъ бракъ, о которомъ, какъ полагали, онъ помышлялъ, не входитъ въ его политическіе разсчеты [1]), и если бы даже и было такъ, онъ немедленно отказался бы отъ него, коль скоро неизбѣжнымъ его послѣдствіемъ являлось бы перемѣщеніе варшавскаго престола почти непосредственно въ его руки. Политика императора

---

[1]) Любопытно было бы разъяснить—о какомъ бракѣ говоритъ здѣсь Наполеонъ? Во всякомъ случаѣ, высказанныя въ запискѣ мысли не могутъ относиться къ состоявшемуся, вслѣдъ за тильзитскимъ миромъ, браку принца Іеронима съ принцессою Екатериною Виртембергскою.

Не разъясняетъ ли этотъ загадочный намекъ слѣдующее мѣсто въ письмѣ кн. Куракина—императрицѣ Маріи Өедоровнѣ отъ 18-го (30-го) іюня 1807 г.?— Князь Куракинъ доноситъ, что императоръ Александръ, бесѣдуя съ нимъ относительно предполагавшагося брака великой княжны Екатерины Павловны съ австрійскимъ императоромъ, замѣтилъ, что посолъ получитъ послѣднія высочайшія указанія изъ Петербурга съ курьеромъ, который догонитъ его до пріѣзда въ Вѣну.

„Государь прибавилъ, пишетъ князь Куракинъ, что вообще дѣла и положеніе Россіи до того измѣнились, что для великой княжны можно найти другое положеніе (établissement), болѣе приличное и выгодное (plus assortissant et plus convenable). Н. Ш.

Наполеона состоитъ въ томъ, чтобы не распространять своего прямаго вліянія за Эльбу; онъ усвоилъ эту политику, потому что она представляетъ единственное средство, могущее согласоваться съ искреннею и прочною дружбою, которую онъ намѣренъ заключить съ великою имперіею сѣвера».

«Такимъ образомъ земли, лежащія между Нѣманомъ и Эльбою, послужатъ преградой, раздѣляющей обѣ великія имперіи и притупляющей булавочные уколы, которые между народами, какъ было изложено выше, предшествуютъ пушечнымъ выстрѣламъ».

«Правительство императора Александра возвратитъ королю прусскому обладаніе прибрежными землями обоихъ Гафовъ и землями отъ источниковъ Одера до моря. Единственно ради желанія угодить ему, большое число крѣпостей будутъ возвращены полностію королю прусскому».

Затѣмъ Наполеонъ говоритъ, что императоръ Александръ слишкомъ справедливъ, чтобы требовать отъ него возвращенія Пруссіи ея владѣній на лѣвомъ берегу Эльбы.

«Въ столь великую эпоху важнѣе всего точно опредѣлить отношенія и границы. Слѣдуетъ припомнить всѣ бѣдствія, происходящія отъ чрезполосности государствъ, доказательствомъ чему служитъ проходъ по анспахской территоріи».

Въ заключеніе этой замѣчательной записки, Наполеонъ снова возвращался къ сдѣланному имъ уже неоднократно предложенію распространить владѣнія Россіи до устьевъ Нѣмана, взамѣнъ чего Саксонія должна была уступить Пруссіи на правомъ берегу Эльбы область, равнозначущую Мемелю.

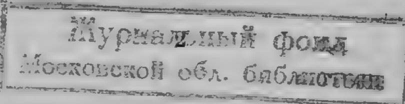
Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что нельзя согласиться съ Тьеромъ, который утверждаетъ, что учрежденіе Варшавскаго герцогства не могло быть пріятно императору Александру [1])— напротивъ того, оно вполнѣ согласовалось съ желаніемъ государя по этому вопросу.

Въ заключеніе остается еще упомянуть, что въ черновомъ тильзитскомъ трактатѣ, съ собственноручными поправками императоровъ Александра и Наполеона [2]), проскользнулъ даже

---

[1]) „Alexandre ne pouvait pas voir avec plaisir la restauration de la Pologne". Thiers: Histoire. T. 7.

[2]) Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

намекъ на это обстоятельство. Пятая статья, касающаяся образованія Варшавскаго герцогства, начиналась словами: „Вслѣдствіе желанія, изъявленнаго въ предъидущей статьѣ [1]), е. в. императоръ Наполеонъ согласенъ, чтобы.... (Par une suite du désir exprimé en l'article précédent, S. M. l'Empereur Napoléon consent à ce que).... Не хотѣлъ ли Наполеонъ этими словами сохранить въ договорѣ слѣдъ, кому принадлежитъ иниціатива въ дѣлѣ образованія герцогства? Эти слова были, однако, вычеркнуты императоромъ Александромъ.

V.

Въ бесѣдахъ Наполеона съ императоромъ Александромъ весьма видное мѣсто занималъ, конечно, восточный вопросъ и будущій раздѣлъ Турецкой имперіи.

Извѣстіе, полученное въ это время въ Тильзитѣ о переворотѣ, совершившемся въ Константинополѣ, и о низверженіи султана Селима, союзника Франціи, развязало Наполеону руки и освободило его отъ обязательствъ, принятыхъ имъ въ отношеніи къ Портѣ, вовлеченной его совѣтами въ войну съ Россіею.

„Мой союзникъ, мой другъ султанъ Селимъ лишился престола и въ оковахъ, сказалъ Наполеонъ Александру. Я полагалъ, что можно что либо сдѣлать изъ турокъ, возбудить въ нихъ нѣкоторую энергію, научить ихъ пользоваться врожденнымъ мужествомъ: это мечта. Надо покончить съ государствомъ, которое не можетъ болѣе существовать (Il faut en finir d'un Empire qui ne peut plus subsister), и принять мѣры, чтобы Англія не воспользовалась этою добычею для усиленія своего могущества".

До тильзитскихъ переговоровъ императоръ Александръ смотрѣлъ на Турцію какъ на безопаснаго сосѣда, а потому и какъ на наилучшаго [2]), порицая вмѣстѣ съ тѣмъ начинанія Екатерины II относительно Востока.

---

[1]) Въ предъидущей статьѣ, третьей, упомянуто объ искреннемъ желаніи Наполеона соединить обѣ націи (т. е. русскую и французскую) узами довѣренности и непоколебимой дружбы.

[2]) Впрочемъ, послѣ 1815 года, императоръ Александръ снова вернулся къ этому воззрѣнію.

Чарующая рѣчь Наполеона возбудила въ его слушателѣ сочувствіе къ политическому призванію Россіи на Востокѣ—политическіе уроки великаго полководца не пропали даромъ. Случилось то-же явленіе, какъ и при обсужденіи польскаго вопроса: впечатлительный умъ Александра снова опередилъ Наполеона по указываемому имъ пути и сознаніе въ необходимости пріобрѣтенія для Россіи входа въ Черное море или, какъ впослѣдствіи не разъ выражался императоръ Александръ, ключа своего дома, все болѣе укоренялось въ умѣ государя. Успѣхъ политическихъ проповѣдей Наполеона превзошелъ даже ожиданія автора этихъ импровизацій, такъ что вскорѣ ему пришлось, по обыкновенію, умѣрить притязанія своего собесѣдника.

Послѣ одной изъ бесѣдъ, въ которой вопросъ коснулся снова Константинополя, Наполеонъ потребовалъ у своего секретаря Меневаля карту Турціи и, положивъ палецъ на то мѣсто, гдѣ стоитъ Царьградъ, воскликнулъ: „Константинополь—нѣтъ, никогда. Это значитъ господство надъ вселенной!“ [1]). (C'est l'empire du monde) [2]).

Дѣйствительно, Наполеонъ, въ эпоху тильзитскихъ соглашеній, допускалъ распространеніе русскихъ владѣній за Дунаемъ только до Балканъ. Но Наполеонъ былъ не вѣченъ и затѣмъ всякія вообще уступки по восточному вопросу императоръ ставилъ впослѣдствіи въ полную зависимость отъ прекращенія нашего заступничества за Пруссію и дарованія ему относительно нея свободы дѣйствій, не стѣсняясь тильзитскими постановленіями. Наполеонъ требовалъ отъ русской политики только рус-

Въ 1816 г., въ разговорѣ съ Михайловскимъ-Данилевскимъ объ относительномъ значеніи границъ Россіи, государь сказалъ:

— „Что касается до Турціи, то по многимъ соображеніямъ, а особенно по безсилію ея, въ которомъ она теперь находится, она есть для насъ безопасный, а потому наилучшій сосѣдъ“.

Журналъ Михайловскаго-Данилевскаго за 1816 г. (Рукопись).

[1]) Тьеръ приводитъ это изреченіе со словъ Меневаля (т. 7-й).

[2]) Любопытно сравнить эти слова Наполеона съ изреченіемъ князя Бисмарка о томъ же ключѣ нашего дома. Въ рѣчи отъ 2-го (14-го) февраля 1878 г., Бисмаркъ отрицалъ значеніе Дарданелъ въ наполеоновскомъ смыслѣ и сказалъ: „Я, по крайней мѣрѣ за мое время, никогда не замѣчалъ, чтобы Пруссія ощущала бы на себѣ дѣйствіе турецкаго всемірнаго владычества“, хотя, какъ поясняетъ канцлеръ, Дарданельскій ключъ находится въ безспорномъ владѣніи султана болѣе 400 лѣтъ. Н. Ш.

ской точки зрѣнія, между тѣмъ какъ императоръ Александръ, съ бо́льшими или меньшими колебаніями, продолжалъ стоять на почвѣ европейскихъ или, лучше сказать, нѣмецкихъ интересовъ. Вотъ корень будущей размолвки между Россіею и Франціею, которая привела къ войнѣ 1812 года, а не чрезмѣрное и ненасытное властолюбіе Наполеона, какъ привыкли повторять у насъ одинъ историкъ за другимъ[1]; если нѣмецкіе историки порицаютъ, съ своей вполнѣ законной точки зрѣнія, сближеніе Александра съ Наполеономъ, то мы въ правѣ ожидать отъ русскихъ писателей бо́льшей самостоятельности мысли и хотя бы нѣкотораго стремленія къ освобожденію отъ иностранной исторической опеки...

Впрочемъ, къ этому вопросу придется возвращаться не разъ въ дальнѣйшемъ очеркѣ внѣшней политики Россіи въ началѣ XIX вѣка.

Наполеонъ не довольствовался, однако, въ Тильзитѣ возбужденіемъ одного восточнаго вопроса; онъ направилъ также вниманіе императора Александра на географическаго непріятеля Россіи: Швецію. Предвидя, что Густавъ IV, по свойственному ему упрямству, не откажется отъ враждебной Франціи коалиціи, Наполеонъ, въ виду неминуемой войны между Россіею и Швеціею, предложилъ императору Александру захватить Финляндію: „Правда, что шведскій король вамъ зять и вашъ союзникъ, сказалъ Наполеонъ императору Александру, то онъ и долженъ слѣдовать за вашей политикой, либо испытать послѣдствія своего упрямства“. Швеція, повторялъ неоднократно Наполеонъ, можетъ быть родственной державой, даже временнымъ

---

[1]) Назовемъ главнѣйшихъ: Богдановича, Исторія отечественной войны 1812 года и исторія царствованія императора Александра; Попова, Сношенія Россіи съ европейскими державами передъ войною 1812 года; Соловьева, Императоръ Александръ (политика-дипломатія); Надлера, Императоръ Александръ I и идея священнаго союза.

Мы не включаемъ въ этотъ списокъ Михайловскаго-Данилевскаго по той причинѣ, что никто не знакомъ съ его историческими трудами въ ихъ первоначальномъ, настоящемъ видѣ. Всѣ рукописи его многочисленныхъ историческихъ сочиненій подвергались личному пересмотру императора Николая и самой безжалостной ампутаціи. По правильной оцѣнкѣ многихъ политическихъ явленій и многосторонней разработкѣ матеріаловъ, онъ стоитъ гораздо выше своего историческаго преемника—генерала Богдановича.

Н. Ш.

союзникомъ, но тѣмъ не менѣе это географическій непріятель (c'est l'ennemi géographique). С.-Петербургъ слишкомъ близокъ къ финляндской границѣ. „Русскія красавицы въ Петербургѣ, заключилъ Наполеонъ, не должны слышать болѣе изъ дворцовъ своихъ громъ шведскихъ пушекъ“ [1]).

Такимъ образомъ, на основаніи тильзитскихъ соглашеній, Финляндія заранѣе уступалась императору Александру, въ вознагражденіе Россіи за войну, которую неизбѣжно предстояло ей вести съ Англіею, въ виду присоединенія государя къ континентальной системѣ.

VI.

Памятуя фридриховскую традицію исправлять по мѣрѣ силъ фигуру Пруссіи (régler la figure de la Prusse) [2]), баронъ Гарденбергъ счелъ умѣстнымъ даже въ критическую минуту, какою была, безспорна, для Пруссіи тильзитская эпоха, выступить съ фантастическимъ проектомъ переустройства Европы, клонявшимся къ новому возвеличенію Пруссіи и Безземельнаго короля на счетъ Россіи и Турціи. Этотъ проектъ заслуживаетъ, конечно, чтобы остановиться на подробномъ разборѣ своеобразныхъ политическихъ хитросплетеній прусскаго министра.

Еще 10-го (22-го) іюня, т. е. за два дня до перваго свиданія императоровъ, баронъ Гарденбергъ убѣдилъ императора Александра принять за основаніе переговоровъ съ Франціею нижеслѣдующій проектъ, изложенный имъ въ двухъ запискахъ [3]). Прусскій министръ высказывалъ мнѣніе, что только путемъ новой политической системы оказалось бы возможнымъ установить благопріятный оборотъ дѣлъ для Россіи и Пруссіи, и положить,

---

[1]) „Il ne faut plus que les belles russes de St.-Petersbourg entendent de leurs palais le canon des suédois“.

[2]) Oeuvres de Frédéric le Grand.

[3]) Предложенія барона Гарденберга изложены имъ въ собственноручныхъ запискахъ, изданныхъ знаменитымъ историкомъ Леопольдомъ Ранке: „Eigenhändige Memoiren des Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg, herausgegeben von Leopold von Ranke“. 2-ter Band. Leipzig 1877. Н. Ш.

наконецъ, предѣлъ войнамъ, опустошающимъ Европу. Гарденбергъ указываетъ при этомъ на 14-ю статью Бартенштейновской конвенціи [1]), которая предвидѣла подобную случайность, предоставляя Россіи и Пруссіи войти, по мѣрѣ надобности, въ соглашеніе относительно мѣръ, требуемыхъ сохраненіемъ ихъ собственной безопасности. Поэтому теперь настало время придумать такое земельное разграниченіе, которое было бы угодно Наполеону и обезпечивалось союзомъ между Россіею, Пруссіею и Франціею. Это и есть система, которую нѣкогда желалъ установить Наполеонъ. Съ принятіемъ подобной системы Наполеонъ, по мнѣнію Гарденберга, не могъ желать ослабленія Пруссіи, онъ долженъ былъ, напротивъ того, приложить стараніе сдѣлать ее сильнѣе. Для достиженія этой цѣли прусскій министръ находилъ, что раздѣлъ европейской Турціи представлялъ бы удобное средство для удовлетворенія всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ, предоставляя Франціи желаемое ею господство въ Средиземномъ морѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ, по мнѣнію Гарденберга, достигъ бы этимъ путемъ столь желанной имъ цѣли: свободы морей (la liberté des mers).

Въ чемъ же состоялъ предложенный Гарденбергомъ раздѣлъ Турціи? Онъ находился въ связи съ возстановленіемъ Польши и заключался въ слѣдующемъ:

Россія получала Молдавію и Валахію съ лѣвымъ берегомъ Ольты, Бессарабію, Румелію (названную въ запискѣ „la Romanie“) съ замками на азіятскомъ берегу и Болгарію. Слѣдовательно, Россіи присуждался Константинополь, хотя это не сказано прямо въ запискѣ. Но этотъ щедрый прусскій даръ предстояло еще завоевать; своему же королю, какъ увидимъ ниже, Гарденбергъ назначалъ богатѣйшія владѣнія Германіи, образуя

---

[1]) Въ упомянутой здѣсь 14-й статьѣ Бартенштейновской конвенціи сказано, что если бы Австрія и Англія отказались бы присоединить свои силы къ средствамъ Пруссіи, Россіи и Швеціи, то высокія договаривающіяся стороны предоставляютъ себѣ согласиться впослѣдствіи между собою и съ королемъ шведскимъ, относительно мѣръ, которыя они должны будутъ принять, смотря по обстоятельствамъ, для ихъ собственной безопасности (sur les mesures qui leur resteraient à prendre, d'après les circonstances, pour leur propre sûreté).

(Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ). Н. Ш.

нѣчто въ родѣ сѣверо-германскаго союза 1866 года, пріобрѣтеніе которыхъ не стоили бы Пруссіи ни капли крови.

Австрія получала Далмацію, Боснію, Сербію и часть Валахіи (т. е. Малую Валахію).

Король неаполитанскій, Фердинандъ, получалъ Албанію и Іонические острова.

Король сардинскій получалъ Македонію.

Франція получала Ѳессалію, Ливадію, Негропонтъ, Морею, Кандію и всѣ острова европейскаго архипелага.

Сицилію и Сардинію Гарденбергъ уступалъ королю Іосифу и Франціи.

Затѣмъ начинается самая любопытная часть Гарденберговскаго проекта, имѣющая предметомъ возстановленіе польскаго королевства. Для этой цѣли, щедрый на чужое добро, дипломатъ предлагалъ возвратить земли, отнятыя у Польши по послѣднему раздѣлу; но, конечно, за Пруссіею остаются: „le département de Posen et Danzig et Thorn“, а за Россіею только: „ce qu'il lui faut pour les communications nécessaires“ (!!!), т. е., вѣроятно, только узкая полоса земли для связи имперіи съ новыми пріобрѣтеніями (имѣющими еще быть завоеванными) на Балканскомъ полуостровѣ.

Королемъ этой вновь созданной Польши предполагалось назначить саксонскаго короля.

Въ заключеніе Гарденбергъ переходитъ къ плану возвеличенія Пруссіи и обращенія Безземельнаго короля въ Многоземельнаго; читая послѣдующія фантастическія комбинаціи, можно думать, что Франція испытала въ 1806 и 1807 годахъ рядъ пораженій, а Пруссія угрожаетъ уже Парижу. Пруссіи выговаривалось сохраненіе всѣхъ ея нѣмецкихъ владѣній (за исключеніемъ Вестфаліи, уступаемой Франціи, и Байрейта) и затѣмъ присуждалось: Саксонія и Лузація, часть земель Бамберга и Вюрцбурга, Любекъ и Гамбургъ. Сверхъ того, подъ главенствомъ Пруссіи, предполагалось образовать федеративный союзъ (un système fédératif) изъ Мекленбургскихъ герцогствъ и князей: Ангальтскихъ, Шварцбурга, Рейсъ, Штольбергъ и Саксонскихъ герцогскихъ домовъ. Къ этому союзу должны были еще примкнуть курфирстъ Гессенъ-Касельскій и князь Фульда, которымъ возвращались полностію владѣнія, утраченныя ими во время войны.

Союзъ между Россіею, Пруссіею и Франціею долженъ былъ доставить устойчивость этому новому приращенію политическаго могущества монархіи Фридриха Великаго.

Наконецъ, Гарденбергъ не обошелъ также своими щедротами Англію; онъ предоставлялъ ей Египетъ, возвращалъ Ганноверъ и уступалъ Мальту, при условіи, однако, принятія съ ея стороны: „des principes libéraux pour le droit maritime". Въ случаѣ же отказа Англіи признать свободу морей (la liberté des mers) должно было послѣдовать закрытіе Балтійскаго моря (fermeture de la Baltique).

Всѣ эти фантастическіе проекты были читаны и обсуждены въ нѣсколькихъ конференціяхъ въ присутствіи императора Александра и имъ утверждены какъ руководство для предстоящихъ переговоровъ (!!!). Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Александръ полагалъ поручить Гарденбергу веденіе переговоровъ, вручивъ ему полномочія отъ обоихъ монарховъ. Гарденбергъ замѣчаетъ по этому поводу, что если бы это первоначальное предположеніе получило бы осуществленіе на дѣлѣ, то, конечно, переговоры велись бы совмѣстно Россіею и Пруссіею, согласно неоднократнымъ обѣщаніямъ императора Александра и въ духѣ Бартенштейновской конвенціи.

Но русскій Богъ не допустилъ прусскаго дипломата совершить предположенное имъ неслыханное обездолѣніе Россіи! Свиданіе императора Александра съ Наполеономъ 13-го (25-го) іюня 1807 г. на Нѣманѣ разрушило всѣ эти хитросплетенія; затѣмъ послѣдовало отстраненіе отъ дѣлъ Гарденберга, въ виду непремѣнной воли Наполеона не допускать къ переговорамъ именно этого прусскаго министра. Тѣмъ не менѣе, Гарденбергъ не призналъ себя еще побѣжденнымъ и продолжалъ начатую проповѣдь о безкровномъ возвеличеніи Пруссіи и отобраніи у Россіи польскихъ пріобрѣтеній Екатерины II, предоставляя императору Александру славу совмѣстнаго съ Наполеономъ завоеванія Европейской Турціи.

Когда Наполеонъ, послѣ низверженія султана Селима, выдвинулъ восточный вопросъ въ переговорахъ съ императоромъ Александромъ, то Гарденбергъ, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ представить 17-го (29-го) іюня Фридриху Вильгельму III новую записку о переустройствѣ Европы, которую король имѣлъ въ

виду передать императору Александру. Въ письмѣ къ королю авторъ ея высказываетъ мысль, что было бы полезно довести, записку до свѣдѣнія Наполеона: „comme mon idée“, и что она, можетъ быть, послужитъ къ уничтоженію предубѣжденій императора противъ него, т. е. Гарденберга.

Новое произведеніе прусскаго дипломата начинается также разсужденіемъ: какимъ образомъ положить предѣлъ войнамъ, угнетающимъ Европу? По мнѣнію Гарденберга, цѣль можетъ быть достигнута только при содѣйствіи новой политической системы, способной объединить Россію, Францію и Пруссію, и установить распредѣленіе земель, соотвѣтствующее интересамъ этихъ трехъ державъ.

„Основанная на великихъ и либеральныхъ началахъ (fondé sur des bases grandes et libérales), она будетъ господствовать надъ вселенной и принудитъ Англію къ заключенію справедливаго мира и уступкамъ въ дѣлѣ свободы морей, столь близко затрогивающей интересы всѣхъ народовъ. Откажемся отъ всякихъ временныхъ мѣропріятій, полумѣръ и заднихъ мыслей! Разъ усвоивши эту систему, нужно будетъ энергически и разумно слѣдовать ей. Отнынѣ императоръ Наполеонъ также не можетъ желать ослабленія Пруссіи; наоборотъ, онъ долженъ сдѣлать ее болѣе сильной. А это явится самымъ вѣрнымъ средствомъ для привязанія ее къ себѣ и установленія взаимнаго довѣрія“.

„Геній великаго человѣка, съ которымъ мы имѣемъ дѣло, и великодушныя побужденія, воодушевляющія друга и самаго близкаго союзника короля, безъ сомнѣнія придумаютъ средства для достиженія этой цѣли. Но я полагаю, что оно было бы найдено, если-бъ рѣшились положить конецъ существованію Оттоманской имперіи въ Европѣ; можетъ быть, послѣдняя революція въ Константинополѣ представитъ къ тому поводъ. Франція нашла бы въ этомъ возможность обезпечить себѣ владычество въ Средиземномъ морѣ; Россія усилила бы свое могущество, давно уже признаваемое вполнѣ соотвѣтственнымъ ея интересамъ; можно было бы предоставить также выгоды Австріи, назначивъ также нѣкоторыя вознагражденія королю Фердинанду и королю сардинскому. Наконецъ, явилась бы возможность возстановить независимую Польшу, не нарушая интересовъ трехъ державъ, участвовавшихъ въ ея раздѣлѣ. Возстановленіе это совершилось-бы

возвратомъ Польшѣ провинцій, отнятыхъ у нея раздѣломъ 1795 года, за исключеніемъ Познани, которая осталась бы за Пруссіею (excepté le département de Posen qui resterait à la Prusse) и уѣзда, необходимаго Россіи для сохраненія нужныхъ сообщеній (et le district qu'il faudrait à la Russie pour conserver les communications nécessaires). Король саксонскій перешелъ бы въ Польшу, получивъ здѣсь монархію несравненно бо́льшую той, которою онъ владѣлъ до тѣхъ поръ. Россія и Австрія получили бы соотвѣтствующія вознагражденія въ Европейской Турціи. Что же касается Пруссіи, то она была бы удовлетворена присоединеніемъ курфиршества Саксонскаго и Лузаціи. Пруссія уступила бы Франціи всѣ свои владѣнія за Везеромъ и Байрейтъ, который императоръ Наполеонъ назначилъ бы Баваріи. Взамѣнъ этой уступки Франція получила бы Бамбергскія земли на правомъ берегу Майна. Затѣмъ Пруссія сохранила бы за собою всѣ прочія свои нѣмецкія владѣнія, за исключеніемъ выше упомянутыхъ, уступленныхъ Франціи. Она получила бы господство надъ Эльбою съ присоединеніемъ Гамбурга и Любека съ ихъ территоріями. Въ распоряженіи Франціи оставался бы Бременъ съ его территоріею. Всѣ прусскія владѣнія были бы совершенно отдѣлены отъ Германіи. Курфирстъ гессенъ-кассельскій, принцъ нассаускій и герцогъ брауншвейгъ-вольфенбютельскій были бы возстановлены въ своихъ прежнихъ владѣніяхъ въ Германіи. Швейцарія могла бы быть обращена въ королевство для принца Іеронима Наполеона" [1]).

Не смотря на своеобразность всѣхъ этихъ предложеній, дипломатическія козни Гарденберга не могли болѣе поколебать соглашенія, установившагося уже между Франціею и Россіею. Низведеніе Пруссіи на степень второстепенной державы было безвозвратно рѣшено въ умѣ Наполеона. Вмѣстѣ съ тѣмъ король долженъ былъ согласиться на совершенное удаленіе отъ дѣлъ Гарденберга. Графъ Гольцъ избранъ его преемникомъ.

Разставаясь съ императоромъ Александромъ, 23-го іюня (5-го іюля) 1807 г., Гарденбергъ пытался въ послѣдній разъ убѣдить

[1]) Остается сожалѣть, что этотъ дипломатическій документъ не дошелъ до Наполеона. Любопытно было бы знать, какимъ образомъ императоръ отнесся бы къ этому произведенію прусскаго идеолога, а въ особенности къ предложенію образовать изъ Швейцаріи королевство!!! Н. Ш.

государя не покидать своего друга; не довольствуясь этимъ, онъ написалъ еще на другой день императору прощальное письмо, изъ котораго приведемъ слѣдующій отрывокъ:

„Современная исторія достаточно доказала, что естественныя границы не служатъ къ обезпеченію государствъ, но, напротивъ того, вызываютъ новыя безпрерывные захваты; но если назначеніе ихъ признается полезнымъ въ политическомъ отношеніи, то почему же не дать ихъ также и Пруссіи? почему же въ данномъ случаѣ Эльбу, на всемъ ея протяженіи до Богеміи, не сдѣлать границей, отдѣляющей Пруссію отъ западныхъ областей, которыя Францiя хочетъ подчинить своей власти подъ именемъ конфедераціи. Со стороны Россіи Нѣманъ можно уже признать подобной границей, потому что узкая полоса земли на правомъ берегу этой рѣки, находящаяся во владѣніи Пруссіи, совершенно беззащитна, и въ несчастномъ случаѣ войны между Пруссіею и Россіею послѣдняя всегда завладѣетъ ею безъ малѣйшаго препятствія. Дѣйствительно, можно лишь оскорбить великодушнаго государя, давшаго столько доказательствъ благородства своей души и дружбы къ королю, если дѣлать ему предложенія, клонящіяся къ ограбленію его друга и союзника; они могутъ истекать лишь изъ умысла унизить въ глазахъ Европы, что до сихъ поръ она почитала самымъ чистымъ, самымъ честнымъ (loyal). Пусть будетъ изъ Пруссіи образовано государство, служащее посредникомъ между Россіею и Францiею, обѣ эти державы извлекутъ изъ такого положенія выгоды, и положеніе Пруссіи будетъ тѣмъ не менѣе постоянно въ высшей степени щекотливое и затруднительное. Но неужели вы потерпите, государь, чтобы Пруссія была доведена до безотрадной участи потерять всякую устойчивость и чтобы она была обречена на печальную роль подвергаться всѣмъ булавочнымъ уколамъ, которые ей предназначаетъ политика Наполеона? Я не могу допустить мысль, чтобы душа Александра могла забыть, что это именно онъ, который, къ величайшей чести его, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ возбуждалъ короля къ этой настойчивости, помѣшавшей ему войти въ отдѣльное соглашеніе съ Францiею, и что именно онъ самымъ трогательнымъ образомъ обѣщалъ королю не покидать его, даже въ случаѣ самыхъ великихъ пораженій. Эта прекрасная душа, государь, безъ сомнѣнія залогъ болѣе вѣрный, чѣмъ всѣ статьи Бартен-

штейновской конвенціи, которою ваше величество обязались не отдѣлять свое дѣло отъ дѣла короля, сложить оружіе лишь по общему согласію и приложить всѣ усилія для возстановленія короля во всѣхъ его владѣніяхъ, даже выговаривая для нихъ новыя преимущества и обезпеченія. Нѣтъ, государь, ваши великодушныя усилія не останутся напрасными; вы не откажитесь отъ нихъ. Развѣ ваше могущество не осталось неприкосновеннымъ? Вы будете еще имѣть удовлетвореніе видѣть всѣ ваши усилія увѣнчанными успѣхомъ, оставаясь вѣрнымъ той настойчивости, которую вы столь справедливо избрали своимъ девизомъ".

Съ сокрушеннымъ сердцемъ Гарденбергъ выѣхалъ въ Мемель, направляясь оттуда въ Ригу.

Такимъ образомъ пагубныя для насъ бартенштейновскія обязательства сдѣлались окончательно архивнымъ достояніемъ. Но, къ сожалѣнію, они не замедлили возродиться къ новой жизни, какъ фениксъ изъ пепла, и, конечно, не на радость и пользу Россіи!!

VII.

Для поправленія безнадежныхъ прусскихъ дѣлъ рѣшено было привлечь королеву Луизу въ Тильзитъ. Совѣтники Фридриха Вильгельма мечтали такимъ путемъ смягчить желѣзную волю суроваго побѣдителя, чуждаго, однако, сентиментальныхъ увлеченій и не допускавшаго вторженія ихъ въ область политики. Вѣроятно, вспомнили мемельское свиданіе 1802 года и постдамскую мелодрамму 1805 года, и великую пользу, извлеченную нѣкогда для Пруссіи изъ нѣжнаго сердца юнаго русскаго монарха. По мнѣнію Гарденберга, выраженному въ особой запискѣ, королева должна была, не вмѣшиваясь въ политическія дѣла, обратиться къ сердцу Наполеона, какъ мать и жена [1]); отнынѣ отъ императора зависитъ пріобрѣсти дружбу короля, осно-

[1]) „La Reine n'a pas la prétention de se mêler de ce qui regarde les affaires politiques, auxquelles elle n'a jamais pris aucune part, mais elle veut parler au coeur de Napoléon en qualité de mère et d'épouse". Записка Гарденберга отъ 22-го іюня (4-го іюля) 1807 г. (Eigenhändige Memoiren des Fürsten von Hardenberg. B. 2.).

ванную на благодарности, говорилъ Гарденбергъ, и привязать къ себѣ Пруссію; королева же приметъ на себя ручательство въ неизмѣнности этихъ чувствъ.

Утопающій, какъ говорятъ, хватается за соломенку; то же случилось и съ прусскими дипломатами въ Тильзитѣ. Но вскорѣ, вмѣсто осуществленія радужныхъ надеждъ, послѣдовало новое униженіе Пруссіи въ лицѣ ея вѣнценосной мученицы. „Одинъ Богъ знаетъ, чего это мнѣ стоитъ“, сказала удрученная горемъ королева, на пути изъ Мемеля въ Тильзитъ, безропотно покоряясь требованіямъ политики, изъ любви къ отечеству. 22-го іюня (4-го іюля) королева прибыла въ Пиктупёненъ. На другой же день Наполеонъ прислалъ къ ней Коленкура съ привѣтствіемъ и съ просьбою оказать ему честь отобѣдать у него въ Тильзитѣ, присовокупляя, что по прибытіи королевы въ городъ онъ поспѣшитъ первый посѣтить ее.

24-го іюня (6-го іюля) состоялся торжественный въѣздъ королевы въ Тильзитъ. Черезъ часъ послѣ ея прибытія, Наполеонъ прискакалъ къ дому, занимаемому Фридрихомъ Вильгельмомъ—король со свитою привѣтствовали его у входа. Наполеонъ, не выпуская изъ рукъ хлыста, раскланялся съ ними и поднялся по лѣстницѣ въ королевскіе покои, гдѣ долго бесѣдовалъ съ королевою. Красавица съ наполненными слезъ глазами предстала побѣдителю, противъ котораго возбуждала она къ войнѣ свое ополченіе [1]). „Истинное воплощеніе успѣха“, восклицаетъ графиня Фоссъ, оберъ-гофмейстерина прусскаго двора въ своемъ дневникѣ, при видѣ французскаго императора [2]). Около 8-ми часовъ состоялся обѣдъ у Наполеона, который, изъ вниманія къ королевѣ, обѣдалъ ранѣе обыкновеннаго. За столомъ Наполеонъ, видимо, былъ въ хорошемъ расположеніи духа; послѣ обѣда у

---

[1]) Записки А. П. Ермолова. Ч. 1-я.

[2]) Gräfin Voss: 69 Jahre am preussischen Hofe. Leipzig. 1876.

Потретъ Наполеона, нарисованный по этому случаю ярой прусской патріоткой, не очень лестный и не сходится съ описаніями другихъ современниковъ и очевидцевъ. „Онъ поразительно дуренъ собою, пишетъ графиня, толстое, обрюзглое смуглое лицо, при томъ толстый, маленькій, никакой фигуры; большія, круглыя, безпокойно бѣгающіе глаза, выраженіе лица суровое, истинное воплощеніе успѣха. Только одинъ ротъ у него красивый и зубы хорошіе“. Н. Ш.

него опять была съ королевою продолжительная бесѣда, которою она осталась вполнѣ довольною.

Къ полуночи королева возвратилась въ Пиктупёненъ, исполненная самыхъ радостныхъ надеждъ. Пруссаки воображали, что ужасное униженіе несчастной королевы тронуло побѣдителя и побудитъ его смягчить предъявленныя имъ требованія. Но все это былъ обманъ, что и не замедлило обнаружиться. Наполеонъ не желалъ вовсе принять на себя роль великодушнаго побѣдителя. Онъ сказалъ оберъ-гофмаршалу графу Толстому: „Je ne ferai pas pour les beaux yeux de la reine de Prusse ce que je n'ai pas pu accorder à l'amitié de Votre Empereur“ [1]).

Столь же рѣзко Наполеонъ отнесся по этому же поводу къ графу Гольцу, рѣшительно отклоняя всякое дальнѣйшее ходатайство пруссаковъ о возвращеніи областей, которыя должны были отойти отъ Пруссіи, и выразилъ сожалѣніе, что королева приняла за положительныя обѣщанія: „phrases de politesse“, съ которыми обыкновенно обращаются къ дамамъ [2]). Надо все кончить, мнѣ надо возвратиться въ Парижъ, заключилъ императоръ.

Дѣйствительно, когда на слѣдующій день королева снова прибыла въ Тильзитъ, Фридрихъ Вильгельмъ сообщилъ ей, что всѣ свои вчерашнія обѣщанія Наполеонъ взялъ обратно и въ своихъ неумолимыхъ требованіяхъ зашелъ еще далѣе, чѣмъ до свиданія съ нею. Въ прусскихъ сферахъ эту перемѣну приписывали вліянію Талейрана. Наполеонъ на этотъ разъ не посѣтилъ королевы, хотя онъ два раза проскакалъ мимо занимаемаго ею дома, заставляя каждый разъ оберъ-гофмейстерину бѣжать съ лѣстницы ему на встрѣчу. За вечернимъ столомъ, Наполеонъ, по замѣчанію графини Фоссъ, былъ смущенъ, имѣя въ то же время коварное и злобное выраженіе. На островѣ святой Елены Наполеонъ впослѣдствіи разсказывалъ, что передъ тѣмъ, чтобы сѣсть за столъ, онъ подалъ королевѣ розу необычайной красы; она, послѣ нѣкотораго колебанія, соблаговолила ее принять, но сказала: „Oui, Sire, mais avec Magdebourg“; императоръ рѣзко

---

[1]) Военно-ученый архивъ. № 1,585.

[2]) Hardenberg: Memoiren. B. 2.

„La reine de Prusse est réellement charmante; elle est pleine de cocquetterie, mais n'en soit point jalouse. Je suis une toile cirée sur laquelle tout cela ne fait que glisser“. (Correspondance de Napoléon 1-er. T, 15). Н. Ш.

отклонилъ подобную сдѣлку. Послѣ обѣда королева еще разъ бесѣдовала наединѣ съ Наполеономъ; прощаясь, она сказала непреклонному побѣдителю, что уѣзжаетъ и глубоко сожалѣетъ, что онъ ее ввелъ въ заблужденіе. Тѣ же слова королева повторила Дюроку [1]). „Наполеонъ, восклицаетъ съ негодованіемъ графиня Фоссъ, отбираетъ у насъ Вестфалію, Магдебургъ, Альтмаркъ, Гальберштадтъ и Познань. Однимъ словомъ, беретъ почти все, ничего не оставляя королю".

„Вашъ король, сказалъ въ свою очередь Наполеонъ графу Гольцу, всѣмъ обязанъ рыцарской привязанности къ нему императора Александра: безъ него, династія короля лишилась бы престола, и я отдалъ бы Пруссію брату моему Іерониму. При такихъ обстоятельствахъ, король долженъ считать одолженіемъ съ моей стороны, если я что-либо оставляю въ его власти".

VIII.

Тильзитскій миръ былъ подписанъ 25-го іюня (7-го іюля) 1807 года [2]). Ратификація трактата (Traité patent.) послѣдовала 27-го іюня (9-го іюля).

Замѣчательно, что Тильзитскій трактатъ былъ подписанъ въ день, когда Россія праздновала исполненіе 11-ти-лѣтняго возраста великаго князя Николая Павловича. Ратификація же послѣдовала въ годовщину полтавской побѣды.

Итакъ, заключеніе и утвержденіе тильзитскаго договора, измѣнившаго видъ вселенной, совершены въ два, на вѣки достопамятные, дня въ исторіи Россійскаго государства.

Всѣхъ статей въ договорѣ было тридцать. Мы перечислимъ здѣсь только главнѣйшія статьи этого самаго выгоднаго, когда-либо заключеннаго Россіею, трактата.

---

[1]) 25-го іюня (7-го іюля) Наполеонъ писалъ императрицѣ:

„La Reine de Prusse a diné hier avec moi. J'ai eu à me défendre de ce qu'elle voulait m'obliger à faire encore quelques concessions à son mari. Mais j'ai été galant, et me suis tenu à ma politique". (Correspondance. T. 15).

[2]) На трактатѣ слѣдующія подписи: князя Куракина, князя Лобанова-Ростовскаго и Талейрана, князя Беневентскаго. Н. Ш.

1) Императоръ Наполеонъ, въ угоду императору всероссійскому (par égard pour S. M. l'Empereur de toutes les Russies) и во изъявленіе своего искренняго желанія соединить обѣ націи узами довѣренности и непоколебимой дружбы, соглашается возвратить королю прусскому, союзнику его величества императора всероссійскаго, всѣ завоеванныя страны, города и земли, ниже сего означенные. (Затѣмъ слѣдовало исчисленіе этихъ областей). (Статья IV).

2) Изъ бо́льшей части земель, присоединенныхъ къ Пруссіи послѣ раздѣловъ Польши, образовано Варшавское герцогство, отданное королю саксонскому. Данцигъ объявленъ вольнымъ городомъ, подъ покровительствомъ королей прусскаго и саксонскаго. (Статьи V, VI, VII и VIII).

3) Для постановленія, по возможности, естественной границы между Россіею и Варшавскимъ герцогствомъ, присоединена къ Россіи Бѣлостокская область. (Статья X).

4) Герцогамъ Кобургскому, Ольденбургскому и Мекленбургъ-Шверинскому возвращены ихъ владѣнія, съ тѣмъ, чтобы гавани двухъ послѣднихъ герцогствъ были заняты французскими войсками до заключенія мира между Англіей и Франціей. (Статья XIII).

5) Императоръ Александръ принималъ на себя посредничество въ примиреніи Англіи съ Наполеономъ, съ тѣмъ, что оно будетъ принято Англіей въ продолженіе мѣсяца со дня размѣна ратификацій тильзитскаго трактата. (Статья XIV).

6) Императоръ Александръ признавалъ братьевъ Наполеона королями: Іосифа—неаполитанскимъ, Людовика—голландскимъ и Іеронима — вестфальскимъ; равномѣрно признавалъ онъ Рейнскій союзъ, а равно титулы и владѣнія какъ настоящихъ, такъ и будущихъ членовъ союза. (Статьи XV, XVI, XVIII, XIX, XX и XXI).

7) Императоръ Александръ уступалъ голландскому королю Іеверское княжество [1]) между восточною Фрисландіею и герцогствомъ Ольденбургскимъ. (Статья XVII).

---

[1]) Іеверское княжество принадлежало императрицѣ Екатеринѣ II, и досталось ей въ 1793 году, по пресѣченіи мужскаго потомства Ангальтъ-цербстскаго дома. Н. Ш.

8) Наполеонъ принималъ на себя посредничество въ примиреніи Россіи съ Оттоманскою портою. Положено русскимъ войскамъ выступить изъ Молдавіи и Валахіи, а туркамъ не занимать этихъ областей до заключенія окончательнаго мира между Россіею и Портою. (Статьи XXII, XXIII, XXIV и XXV).

9) Императоръ Александръ и Наполеонъ взаимно ручались за цѣлость владѣній какъ своихъ, такъ и державъ, упомянутыхъ въ этомъ трактатѣ. (Статья XXVI).

10) Церемоніалъ дворовъ с.-петербургскаго и тюльерійскаго установленъ на правилахъ совершеннаго равенства какъ между ними, такъ и въ разсужденіи пословъ, министровъ и посланниковъ, которыхъ они одинъ у другаго акредитуютъ. (Статья XXIX).

Тогда же, независимо отъ трактата, обнародованнаго во всеобщее свѣдѣніе, императоръ Александръ и Наполеонъ заключили въ Тильзитѣ еще **тайный союзный договоръ, оборонительный и наступательный** (Traité secret. Alliance offensive et défensive).

По отдѣльнымъ девяти секретнымъ статьямъ тильзитскаго трактата постановлено:

1) Оба императора обязывались воевать за одно на морѣ и на сушѣ, во всѣхъ войнахъ, которыя Россія или Франція вынуждена будетъ вести противъ какой-либо европейской державы.

2) Въ случаѣ такой войны, они заключатъ особенную конвенцію о числѣ и назначеніи выставляемаго ими войска, а въ случаѣ надобности обязуются ввести въ дѣло всѣ свои силы: морскія и сухопутныя.

3) Военныя дѣйствія во время общихъ войнъ будутъ ведены по взаимному соглашенію, и ни одна сторона не можетъ заключать отдѣльнаго мира.

4) Если Англія не приметъ посредничества Россіи, или, принявъ его, не подпишетъ къ 1-му ноября мира, на условіи признать для всѣхъ державъ равенство флаговъ на моряхъ и возвратить завоеванія, сдѣланныя съ 1805 года у Франціи и ея союзниковъ, то императоръ Александръ потребуетъ отъ сенъ-джемскаго кабинета по этому поводу положительное и точное объявленіе (déclaration positive et explicite); если же оно не послѣдуетъ къ 1-му декабря, то русскій посолъ немедленно оставитъ Англію.

5) Въ случаѣ отказа Англіи, Россія и Франція одновременно пригласятъ копенгагенскій, стокгольмскій и лиссабонскій дворы — запереть англичанамъ свои гавани и отозвать изъ Лондона своихъ посланниковъ, а если которая либо изъ этихъ трехъ державъ не согласится на сдѣланное предложеніе, то Россія и Франція поступятъ съ нею непріязненно. Въ случаѣ отказа со стороны Швеціи, заставятъ Данію объявить ей войну.

6) Россія и Франція настоятельно пригласятъ Австрію приступить къ 4-й статьѣ этого договора, съ тѣмъ, чтобы въ означенномъ случаѣ и она объявила войну Англіи.

7) Если Англія, въ опредѣленный срокъ и на объявленныхъ ей условіяхъ, заключитъ миръ, то возвратить ей Ганноверъ, взамѣнъ французскихъ, испанскихъ и голландскихъ колоній.

8) Если Оттоманская Порта не приметъ посредничества Франціи въ примиреніи съ Россіею, или, принявъ его, не заключитъ мира въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, то императоръ Александръ и Наполеонъ войдутъ между собою въ соглашеніе относительно избавленія отъ ига и притѣсненій турокъ всей европейской Турціи, за исключеніемъ города Костантинополя и Румелійской области (les hautes parties contractantes s'entendront pour soustraire toutes les provinces de l'Empire Ottoman en Europe, la ville Constantinople et la province de Romélie exceptées, au joug et aux vexations des turcs).

9) Настоящій договоръ останется въ тайнѣ.

Къ этимъ двумъ договорамъ были присовокуплены еще слѣдующія тайныя условія, состоявшія изъ семи статей:

1) Русскія войска очистятъ Бокку катарскую и передадутъ французамъ.

2) Республика семи острововъ поступаетъ въ полное владѣніе Наполеона.

3) Наполеонъ обязывается не преслѣдовать тѣхъ подданныхъ Порты, въ особенности черногорцевъ, которые участвовали совмѣстно съ русскими въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ, съ тѣмъ, чтобы они впредь оставались спокойными.

4) Императоръ Александръ соглашается признать неаполитанскаго короля Іосифа королемъ обѣихъ Сицилій, когда короля Фердинанда вознаградятъ Балеарскими островами, Кандіею или другими владѣніями одинаковаго значенія.

5) Если, въ случаѣ заключенія мира съ Англіею, Гановеръ будетъ присоединенъ къ Вестфальскому королевству, то вознаградить Пруссію областью на лѣвомъ берегу Эльбы, съ населеніемъ отъ 300,000 до 400,000 душъ.

6) Принцамъ, лишеннымъ владѣній, а равно и супругамъ ихъ, если онѣ переживутъ мужей своихъ, производить ежегодныя пожизненныя пенсіи, а именно: курфирсту Гессенъ-Кассельскому 200,000; герцогу Брауншвейгскому 100,000 и принцу Оранскому 60,000 голландскихъ гульденовъ, и получать эти деньги: первымъ двумъ отъ вестфальскаго короля Іеронима, а послѣднему отъ великаго герцога Бергскаго, Мюрата.

7) Вдовствующей герцогинѣ Ангальтъ-Цербстской, пользовавшейся доходами Іеверскаго княжества [1]), уступленнаго императоромъ Александромъ Наполеону, производить ежегодно отъ голландскаго короля, Людовика, по 60,000 голландскихъ гульденовъ.

Сверхъ вышеприведенныхъ секретныхъ статей тильзитскаго трактата, англичане обнародовали еще дополнительный секретный договоръ, будто бы заключенный между Франціею и Россіею и состоявшій изъ десяти статей [2]), а именно:

1) Россія займетъ Европейскую Турцію и распространитъ свои завоеванія въ Азіи насколько она это признаетъ удобнымъ.

2) Династія Бурбоновъ въ Испаніи и Браганцкій домъ въ Португаліи перестанутъ царствовать. Принцъ изъ дома Бонапарта получитъ каждую изъ этихъ коронъ.

3) Свѣтская власть папы прекратится: Римъ и принадлежащія къ нему земли будутъ присоединены къ королевству Италіи.

4) Россія обязуется помочь Франціи своимъ флотомъ при покореніи Гибралтара.

5) Французы займутъ города, находящіеся въ Африкѣ, какъ-то: Тунисъ, Алжиръ и пр., и при всеобщемъ мирѣ всѣ завоеванія, сдѣланныя французами въ Африкѣ, будутъ назначены въ вознагражденіе королямъ сардинскому и сицилійскому.

6) Островъ Мальта поступитъ во владѣніе Франціи и съ

---

[1]) Императрица Екатерина II дозволила владѣть Іеверскимъ княжествомъ вдовѣ послѣдняго Ангальтъ-Цербстскаго князя (1793 г.).

[2]) Schitzler: Histoire intime de la Russie. T. 1. Paris. 1847. Mémoires du comte Miot de Mélito. T. 3. Paris. 1868. Н. Ш.

Англіею не будетъ заключенъ миръ, пока она не уступитъ этотъ островъ.

7) Французы займутъ Египетъ.

8) Судоходство по Средиземному морю будетъ разрѣшено только судамъ и кораблямъ французскимъ, русскимъ, испанскимъ и итальянскимъ.

9) Данія получитъ въ вознагражденіе въ сѣверной Германіи ганзеатическіе города при условіи, однако, что она согласится передать свой флотъ Франціи.

10) Императоры россійскій и французскій войдутъ между собою въ соглашеніе на счетъ устава, по которому ни одно государство не будетъ имѣть право высылать въ море купеческіе корабли, не располагая извѣстнымъ числомъ военныхъ судовъ.

Кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ дополнительный секретный договоръ слѣдуетъ признать вымышленнымъ. Намъ не удалось доселѣ отыскать въ архивахъ слѣдовъ его существованія. Поэтому, принимая во вниманіе ходъ послѣдующихъ историческихъ событій, равно какъ содержаніе позднѣйшихъ депешъ русскихъ и французскихъ, позволительно утверждать, что по статьямъ вышеприведеннаго договора послѣдовало, вѣроятно, только словесное условное соглашеніе между императоромъ Александромъ и Наполеономъ. Въ этомъ смыслѣ высказывается также Биньонъ въ исторіи Франціи, и его показаніе, какъ современника и довѣреннаго лица Наполеона, не можетъ быть оставлено безъ вниманія [1]).

27-го іюня (9-го іюля) былъ также подписанъ миръ Франціи съ Пруссіею. Кромѣ того заключена особая конвенція 30-го іюня (12-го іюля) въ Кенигсбергѣ. По этому договору Пруссія лишалась половины своихъ подданныхъ (4.600,000 чел.). Всѣ прусскія области по лѣвую сторону Эльбы и почти всѣ земли, пріобрѣтенныя при раздѣлахъ Польши, были у нея отняты. Король прусскій присоединялся къ континентальной системѣ. Кромѣ того Пруссія обязывалась уплатить громадную контрибуцію, которая первона-

---

[1]) Bignon: Histoire de France depuis le 18 Brumaire. T. 6. Paris 1830. Онъ пишетъ: „qu'il y ait eu à cet égard un accord conditionnel entre les deux Empereurs, nul doute sur ce point“. ...„mais rien à cet égard n'avait été signé en leur nom ni par eux mêmes“. Н. Ш.

чально назначена была французами въ 154$^{1}/_{9}$ милліоновъ франковъ (41 милліонъ талеровъ), и впослѣдствіи была нѣсколько уменьшена по ходатайству императора Александра.

Сверхъ того, на основаніи дополнительной конвенціи, заключенной уже въ 1808 году въ Парижѣ, Наполеонъ обязалъ Пруссію содержать, въ продолженіе десяти лѣтъ, армію, не превосходящую 42,000 человѣкъ.

Въ день ратификаціи тильзитскаго трактата, 27-го іюня (9-го іюля), императоръ Александръ поручилъ князю Куракину поднести Наполеону, отъ имени государя, пять знаковъ ордена Св. Андрея, назначавшихся: Наполеону, Іерониму— королю вестфальскому, Мюрату, Талейрану и маршалу Бертье. Въ то же время Дюрокъ передалъ императору Александру пять знаковъ почетнаго легіона, которые должны были возложить на себя: государь, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, баронъ Будбергъ и оба русскіе уполномоченные: князь Куракинъ и князь Лобановъ-Ростовскій.

Затѣмъ императоръ Александръ, въ лентѣ почетнаго легіона, а Наполеонъ въ андреевской, поѣхали одинъ къ другому верхомъ, и встрѣтившись на половинѣ пути, на улицѣ, по сторонамъ которой были построены развернутымъ фронтомъ баталіонъ Преображенскаго полка и баталіонъ французской гвардіи, они направились къ дому, занимаемому государемъ. Здѣсь имѣлъ мѣсто обмѣнъ ратификацій [1]).

По окончаніи этой церемоніи, императоры присутствовали на парадѣ войскъ. Гвардія Наполеона и во главѣ ея баталіонъ Преображенскаго полка—прошли мимо обоихъ императоровъ. Наполеонъ подъѣхалъ къ преображенскому баталіону и, желая выказать особенное вниманіе къ храбрымъ русскимъ войскамъ, сказалъ государю:

— „Votre Majesté me permettra-t-elle de donner la légion d'honneur au plus brave, à celui qui c'est le mieux conduit dans cette campagne?“ [2]).

---

[1]) Записки генерала Бенигсена. (Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

[2]) Ваше величество позволите ли мнѣ надѣть орденъ почетнаго легіона на храбрѣйшаго изъ вашихъ солдатъ, на того, кто въ нынѣшнюю войну велъ себя отличнѣе другихъ? Н. Ш.

Александръ отвѣчалъ: „Je demande à votre Majesté la permission de consulter le commandant“ [1]), и, обращаясь къ полковнику Козловскому, спросилъ: „кому дать?“

„Кому прикажете“, было отвѣтомъ полковника.

— „Да вѣдь надобно же отвѣчать ему“, возразилъ государь.

Тогда Козловскій вызвалъ право-фланговаго гренадера Лазарева. Наполеонъ снялъ съ себя орденъ почетнаго легіона и возложилъ его на Лазарева, сказавъ ему:

— „Tu te souviendras que c'est le jour où nous sommes devenus amis, ton maître et moi“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ приказалъ производить Лазареву ежегодно по 1,200 франковъ пенсіи [2]). Возвратясь домой, государь съ своей стороны послалъ Наполеону знакъ отличія военнаго ордена для храбрѣйшаго изъ французскихъ солдатъ.

Въ тотъ же день, по приказанію Наполеона, баталіонъ гвардіи его давалъ на полѣ обѣдъ баталіону Преображенскаго полка. Подлѣ каждаго нашего гвардейца сидѣлъ французскій солдатъ; угощеніе было для всѣхъ солдатъ на серебряныхъ приборахъ. Преображенцы примѣряли французскіе мундиры и медвѣжьи шапки, а французы русскіе мундиры и кивера; общее веселіе кончилось тѣмъ, что нѣкоторые повалились подъ столъ. Императоръ Александръ хотѣлъ также угостить французскихъ гвардейцевъ, но у насъ не нашлось приборовъ. Государь, узнавъ о томъ, сказалъ съ неудовольствіемъ оберъ-гофмаршалу графу Толстому:

— „Возьми хоть по двадцати пяти червонцевъ на человѣка, но постарайся, чтобъ былъ обѣдъ“.

Графъ Толстой, съ отличавшею его рѣзкою откровенностью, отвѣчалъ государю:

„Такъ развѣ прикажете положить червонцы передъ каждымъ солдатомъ? Приборовъ у насъ всего двѣнадцать; больше вы не велѣли брать въ походъ“ [3]).

---

[1]) Прошу позволенія вашего величества посовѣтываться съ полковымъ командиромъ.

[2]) Когда впослѣдствіи Коленкуръ занималъ мѣсто французскаго посла въ Петербургѣ, онъ приглашалъ Лазарева на свои балы и обѣды, и дарилъ ему ленты ордена почетнаго легіона. (В. У. А. № 1585).

[3]) Военно-ученый архивъ. № 1585. Н. Ш.

Послѣ послѣдней прощальной бесѣды, Наполеонъ и Александръ обняли другъ друга и при восторженныхъ восклицаніяхъ войска и населенія разстались, причемъ государь обѣщалъ своему союзнику посѣтить его въ Парижѣ [1]). Наполеонъ оставался на берегу Нѣмана, пока императоръ Александръ не переправился на другой берегъ рѣки.

Пообѣдавъ и простившись съ королемъ прусскимъ, Наполеонъ выѣхалъ въ седьмомъ часу въ Кёнигсбергъ, откуда онъ, послѣ кратковременной остановки въ Дрезденѣ, направился прямо въ Парижъ.

Императоръ Александръ разстался съ своимъ новымъ другомъ въ полномъ восхищеніи. „Какой великій человѣкъ! какой геній! какой полководецъ! повторялъ государь не разъ окружавшимъ его лицамъ; какъ жаль, что я не узналъ его ранѣе, отъ сколькихъ ошибокъ онъ бы меня избавилъ! Какія великія дѣла мы совершили бы вмѣстѣ!"

Наступило время, когда дружба великаго человѣка показалась благодѣяніемъ боговъ!

---

[1]) Доказательствомъ тому служитъ письмо Наполеона, отправленное императору Александру 25-го ноября (7-го декабря) 1807 года изъ Венеціи:

...„Je suis vraiment heureux de voir se consolider l'ouvrage de Tilsit. Je le serai davantage, lorsque V. M. tiendra sa promesse de venir à Paris: ce sera un moment bien doux pour moi et pour mes peuples".

Почти въ то же время, 26-го ноября (8-го декабря), императоръ Александръ писалъ Наполеону изъ С.-Петербурга:

„L'éspoir de revoir V. M. est constamment présent à ma pensée et j'envisagerais ce moment comme un des plus agréables".

Но о Парижѣ государь, съ своей стороны, ничего не упоминалъ. — Въ 1808 году мѣстомъ свиданія былъ избранъ Эрфуртъ. (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Н. Ш.

IX.

Неожиданный исходъ войны 1807 года засталъ Австрію совершенно врасплохъ. Политики ея по обыкновенію недоумѣвали къ какому лагерю пристать; спорили и колебались; между тѣмъ Наполеонъ одерживалъ одну побѣду за другой. Наконецъ, грянулъ бой при Прейсишъ-Эйлау, но и онъ не былъ въ силахъ вызвать присоединеніе Австріи къ коалиціи. „Чего захотѣлъ отъ слѣпой курицы", справедливо замѣтилъ императоръ Павелъ о вѣнскомъ кабинетѣ еще въ 1800 году [1]). Благопріятный моментъ для вмѣшательства былъ безвозвратно утраченъ. Фридландское сраженіе вызвало къ жизни русско-французскій союзъ и настала пора совмѣстной диктатуры двухъ императоровъ въ Европѣ. Въ виду столь грознаго политическаго явленія австрійскіе государственные люди упали духомъ. Графъ Стадіонъ высказалъ даже императору Францу мнѣніе, что новая политическая обстановка можетъ каждый день заставить Австрію все поставить на карту [2])!

Тѣмъ не менѣе вѣнскій кабинетъ рѣшилъ отправить генерала Стутергейма въ главную квартиру императора Александра, съ предложеніями посредничества Австріи; но генералъ прибылъ въ Тильзитъ только 27-го іюня (9-го іюля), въ день ратификаціи франко-русскаго договора. Отнынѣ Австріи пришлось уже считаться съ совершившимся фактомъ.

Генералъ Стутергеймъ обратился тотчасъ къ барону Будбергу съ просьбою испросить ему аудіенцію у императора Александра. Недовольный политикой вѣнскаго кабинета, государь не принялъ Стутергейма. Тогда австрійскій генералъ рѣшился просить аудіенціи у Наполеона, и былъ милостиво принятъ императоромъ. Стутергеймъ доложилъ ему, что онъ присланъ къ императору Александру и королю прусскому съ предложеніями

---

[1]) Собственноручное замѣчаніе императора Павла на запискѣ графа Ростопчина 1800 года, о политическомъ состояніи Европы и отношеніи къ ней Россіи.

[2]) Adolf Beer: „Zehn Jahre Oesterreichischer Politik, 1801—1810. Leipzig 1877. Н. Ш.

посредничества Австріи, но, къ сожалѣнію, опоздалъ! „Дѣло кончено, отвѣтилъ ему Наполеонъ не безъ юмора, и нѣмецкій императоръ долженъ быть въ восторгѣ, что прекратилась война, которая велась близь его границъ, причиняя ему не мало безпокойствъ; я лично считаю себя ему обязяннымъ; положеніе мое было иной разъ затруднительнымъ, и для меня было бы чрезвычайно опаснымъ навлечь на свою шею еще одну армію, подобную австрійской“. Въ заключеніе этой нравоучительной бесѣды, Наполеонъ обѣщалъ возвратить Австріи Браунау, прибавивъ, что относительно Изонцо: „мы еще поговоримъ. Я требую только то, что мнѣ слѣдуетъ по трактатамъ, мы придемъ къ соглашенію; повторяю еще разъ, я признаю себя обязаннымъ императору“.

Наполеонъ не довольствовался этими объясненіями съ представителемъ вѣнскаго двора, но назначилъ свиданіе еще другому австрійскому дипломату, уже давно ожидавшему этого счастія.

Въ самомъ разгарѣ войны, 27-го декабря 1806 г. (8-го января 1807 г.), явился въ Варшаву австрійскій генералъ Винцентъ. Послѣ безплодныхъ переговоровъ съ Талейраномъ, продолжавшихся три мѣсяца, вѣнскій кабинетъ предписалъ Винценту хлопотать о разрѣшеніи прибыть во французскую главную квартиру; но тщетно австрійскій генералъ ожидалъ вожделѣннаго приглашенія. Снова прошло три мѣсяца, послѣдовалъ Тильзитскій миръ и тогда только долготерпѣніе Винцента получило должное вознагражденіе; Талейранъ вызвалъ его въ Дрезденъ и здѣсь аудіенція состоялась, наконецъ, 8-го (20-го) іюля.

Наполеонъ повторилъ Винценту все сказанное Стутергейму. Между прочимъ, Австрію въ то время сильно безпокоило соглашеніе, состоявшееся, вѣроятно, въ Тильзитѣ между Франціею и Россіею относительно Турціи. Винцентъ навелъ осторожно разговоръ на восточный вопросъ и сказалъ, что по слухамъ участь Оттоманской имперіи рѣшена двумя императорами. „Кто это сказалъ, прервалъ его Наполеонъ, я только вошелъ въ соглашеніе на счетъ посредничества для заключенія мира съ Портою и возвращенія утраченныхъ ею земель; я не вижу какимъ образомъ удастся когда либо приступить къ раздѣлу Турціи: „la nécessité m'en fait une loi, mon goût et mon désir m'y portent, mais ma raison s'y refuse“. — „Въ такомъ случаѣ Австріи слѣдуетъ войти съ вами въ соглашеніе, возразилъ

Винцентъ, такъ какъ ускореніе разрушенія этого больнаго тѣла не лежитъ въ нашихъ интересахъ". — „Это правда, замѣтилъ Наполеонъ, но вы не умѣете принять чью либо сторону, вы добиваетесь соглашенія по отдѣльнымъ статьямъ, не установивъ предварительно общихъ принциповъ". Винцентъ позволилъ себѣ замѣтить, что союзъ съ Австріею несравненно болѣе соотвѣтствуетъ интересамъ и намѣреніямъ Наполеона, чѣмъ союзъ съ Россіею.— „Я сознаю, отвѣтилъ Наполеонъ, что вы болѣе приличные люди, чѣмъ русскіе, и уже изъ одного европеизма я желалъ съ вами сближенія, но вы этого не хотѣли. Въ Вѣнѣ относятся къ Франціи съ предразсудками, которые были умѣстны во время революціи; тамъ существуютъ англійская и русская партіи, которыя пользуются покровительствомъ правительства. Впрочемъ, если императоръ Францъ имѣетъ дѣйствительно намѣреніе сблизиться съ Франціею, онъ уже найдетъ къ тому пути; подобное сближеніе представляется даже финансовою спекуляціею, такъ какъ оно вызвало бы безусловно повышеніе австрійскихъ государственныхъ бумагъ; впрочемъ, оставляя это въ сторонѣ, наши счеты кончены, я не вижу причины къ ссорѣ (brouillerie) между Австріею и Франціею" [1]).

---

[1]) Adolf Beer: Zehn Jahre. (Депеша Винцента отъ 17 (29) іюля 1807 г.). Въ заключеніе своего разговора, Наполеонъ отозвался съ похвалою относительно императора Александра, но высказалъ менѣе выгодное мнѣніе относительно прусскаго короля. Н. Ш.

X.

По прибытіи въ Кёнигсбергъ, Наполеонъ приказалъ, 28-го іюня (10-го іюля) 1807 г., генералу Савари немедленно отправиться въ Петербургъ. Онъ долженъ былъ оставаться въ русской столицѣ до прибытія посла, выборъ котораго еще не послѣдовалъ. Въ инструкціи, данной Савари, сказано: „Il n'est là que comme aide de camp et comme militaire et n'a aucun titre diplomatique". Затѣмъ ему было поручено, по прошествіи нѣсколькихъ дней доставить Наполеону свѣдѣнія о партіяхъ, которыя раздѣляли русскій дворъ, и о перемѣнахъ, которыя могли бы имѣть мѣсто среди министерства; въ заключеніе упомянемъ еще, что Савари долженъ былъ, по возможности, поддерживать выгоды французской торговли [1]).

Призвавъ къ себѣ Савари, Наполеонъ передалъ ему передъ отъѣздомъ еще слѣдующія словесныя инструкціи:

— „Я только что заключилъ миръ; мнѣ говорятъ, что я ошибся и буду обманутъ; но, говоря правду, довольно воевать, надо дать міру покой. Я, до избранія посла, намѣренъ послать въ Петербургъ васъ; я дамъ вамъ письмо къ императору Александру, которое замѣнитъ вѣрительную грамоту. Вы исполните тамъ мои порученія: помните только, что я не хочу войны съ кѣмъ бы то ни было, и пусть это послужитъ основаніемъ вашихъ дѣйствій. Мнѣ бы далеко не понравилось, если-бъ не удалось избѣгнуть новыхъ затрудненій. Повидайте Талейрана, онъ скажетъ вамъ, что нужно дѣлать въ настоящее время и что условлено между русскимъ императоромъ и мною. Я намѣренъ дать отдыхъ арміи въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя пока необходимо занимать, и покончить со взиманіемъ контрибуцій. Это единственно возможный случай, могущій вызвать затрудненія, но, да будетъ вамъ извѣстно, что я ни въ чемъ не уступлю по этому дѣлу. Вамъ придется поторопить отъѣздъ посла; постарайтесь, чтобы выборъ палъ на человѣка, который не явился бы къ намъ съ цѣлью дѣлать то-же самое, что дѣлали уже перебывавшіе у насъ послы.

---

[1]) Correspondance de Napoléon I. T. 15.

Я пришлю вамъ секретный договоръ, по полученіи вашихъ первыхъ донесеній. Въ вашихъ разговорахъ избѣгайте всего, что могло бы оскорбить. Такъ, напримѣръ, никогда не говорите о войнѣ, не порицайте никакого обычая, не замѣчайте ничего смѣшнаго; у каждаго народа свои привычки, а природѣ французовъ слишкомъ присуще стремленіе все относить къ самимъ себѣ и выставлять себя образцами. Это было бы плохимъ средствомъ и помѣшало бы вамъ достигнуть успѣха, сдѣлавши васъ невыносимымъ для всего общества. Наконецъ, если возможно скрѣпить союзъ мой съ этой страной и создать что-либо прочное въ этомъ отношеніи, ничѣмъ не пренебрегайте для достиженія этой цѣли. Вы видѣли какъ я былъ обманутъ австрійцами и пруссаками; я довѣряю русскому императору и между обоими народами нѣтъ ничего, что могло бы помѣшать полному ихъ сближенію; поработайте же для этого [1]).

XI.

По возвращеніи въ Петербургъ, императоръ Александръ издалъ, 9-го августа 1807 года, манифестъ, въ которомъ возвѣщалъ Россіи о прекращеніи войны и о заключеніи Тильзитскаго договора: „благословенный миръ паки возстановленъ“ [2]).

Государь изъявилъ своему народу и войску благоволеніе свое. Вездѣ, куда гласъ чести призывалъ войска, сказано въ манифестѣ, „всѣ опасности битвъ передъ ними исчезали. Знаменитыя ихъ дѣянія въ лѣтописяхъ славы пребудутъ незабвенны, и благодарное отечество, въ примѣръ потомству, всегда вспоминать ихъ будетъ“.

Не позабыты были также въ манифестѣ дворянство, купечество и всѣ прочія сословія имперіи, которыя несли съ радостнымъ чувствомъ бремя войны и готовы были всѣмъ жертвовать безопасности государства.

---

[1]) Mémoires du duc de Rovigo (Savary). T. 3. Paris. 1828.

[2]) По заключеніи мира послѣдовало также запрещеніе читать по церквамъ разосланныя синодомъ, по случаю войны съ Франціею, объявленія (о которыхъ упомянуто въ первой главѣ нашего изслѣдованія) — приказывая священникамъ не заимствовать болѣе изъ нихъ мыслей для своихъ проповѣдей.

Н. Ш.

По поводу предложеннаго Наполеономъ расширенія предѣловъ Россіи, замѣненнаго только нѣкоторымъ исправленіемъ границъ, въ манифестѣ читаемъ слѣдующее: „Въ основаніяхъ сего мира всѣ предположенія къ распространенію нашихъ предѣловъ, а паче изъ достоянія нашего союзника, признали мы не согласными съ справедливостію и съ достоинствомъ Россіи. Въ ополченіи нашемъ не расширенія пространной нашей имперіи мы искали, но желали возстановить нарушенное спокойствіе и отвратить опасность, угрожавшую державѣ, намъ сопредѣльной и союзной. Постановленіемъ настоящаго мира не токмо прежніе предѣлы Россіи во всей ихъ неприкосновенности обезпечены, но и приведены въ лучшее положеніе присоединеніемъ къ нимъ выгодной и естественной грани“.

Относительно Пруссіи, спасенной отъ окончательной гибели заступничествомъ императора Александра, въ манифестѣ сказано: „Союзнику нашему возвращены многія страны и области, жребіемъ войны отторгнутыя и оружіемъ покоренныя“. Чувство скромности, свойственное Благословенному, не позволило сказать болѣе.

Наполеонъ, напротивъ того, въ рѣчи къ законодательному корпусу, отъ 4-го (16-го) августа, выразился болѣе положительнымъ образомъ и, не скрывая истины, приписалъ сохраненіе династіи Фридриха Вильгельма III единственно дружескимъ чувствамъ, внушеннымъ ему могущественнымъ императоромъ Сѣвера [1]).

По поводу этого щекотливаго для Пруссіи вопроса, князь А. Б. Куракинъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ совершившихся событій, писалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ 18-го (30-го) іюня изъ Тильзита: „Государь отказался раздѣлить владѣнія побѣжденнаго и лишеннаго средствъ союзника. Отъ него единственно зависѣло присоединить къ своимъ обширнымъ владѣніямъ всѣ польскія провинціи Пруссіи и принять титулъ короля польскаго. Наполеонъ предлагалъ ихъ государю, но онъ имѣлъ великодушіе не пожелать этого“.... „Россія дѣлается ангеломъ-хранителемъ короля прусскаго, который въ императорѣ находитъ себѣ спасителя

---

[1]) „Si la maison de Brandebourg, qui la première se conjura contre notre indépendance, règne encore, elle le doit à la sincère amitié que m'a inspiré le puissant Empereur du Nord“.

и изъ его рукъ получаетъ снова большую часть своихъ владѣній, которыхъ онъ самъ не умѣлъ сберечь и защитить".

Пруссаки негодовали, конечно, на императора Александра за его, какъ они выражались, недостойный образъ дѣйствій (unwürdige Verhalten), приписывая свое униженіе предательству Россіи [1]). Воззрѣніе это сдѣлалось даже достояніемъ нѣмецкихъ историческихъ учебниковъ. Но король Фридрихъ Вильгельмъ III оказался прозорливѣе своихъ дипломатовъ; онъ настойчиво повторялъ прусскимъ недоброжелателямъ Россіи: „Nein, von Alexander lasse ich nicht" [2]); дружескія его чувства къ императору Александру нисколько не поколебались безпощадными условіями тильзитскаго договора! [3]). Но послѣдующія событія вполнѣ оправдали проницательность короля.

---

[1]) Гарденбергъ (Memoiren. B. 2) говоритъ: „Der Kaiser spielte eine seiner höchst unwürdige und unweise Rolle".

[2]) Нѣтъ, я не отстану отъ Александра.

[3]) Фридрихъ Вильгельмъ III писалъ 6 (18) іюля 1807 года своему послу въ Вѣнѣ, графу Финкенштейну:

„L'Empereur Alexandre partageant sincèrement tout l'accablant de ma position, se chargea d'y plâider ma cause. Je dois lui rendre justice qu'il m'a donné dans cette occasion les preuves les plus touchantes de son amitié personnelle et de sa participation au sort de ma monarchie". (Oncken: Oesterreich und Preussen im Befreiungskriege. 1 B. Berlin 1876). Н. Ш.

XII.

По заключеніи Тильзитскаго мира, императоръ Александръ тотчасъ обратилъ полное свое вниманіе на выборъ лица, которое должно было служить представителемъ Россіи при дворѣ императора Наполеона. По важности выгодъ, связанныхъ съ поддержаніемъ и упроченіемъ послѣдовавшаго, наконецъ, франко-русскаго соглашенія, или, какъ выражался Наполеонъ: „l'ouvrage de Tilsit"—удачный выборъ этого лица представлялъ особенную важность.

Еще во время тильзитскихъ переговоровъ, Наполеонъ и Талейранъ высказывали князю Куракину желаніе, чтобы государь назначилъ его посломъ въ Парижъ. Но осторожный царедворецъ хотя и сочувствовалъ принятой новой политической системѣ, однако уклонился отъ почетнаго предложенія и, предпочитая быть посломъ въ Вѣнѣ, просилъ императора Александра не измѣнять принятаго имъ рѣшенія. Князь Куракинъ съ полною откровенностью высказалъ государю, что не можетъ принять новаго назначенія, потому что слишкомъ старъ, чтобы подвергать себя ложнымъ толкованіямъ, которыя люди противоположной системы въ Петербургѣ не преминули бы дать всѣмъ его дѣйствіямъ, хотя бы они были внушены самою чистою ревностью къ службѣ и стремленіями къ благу Россіи [1]).

Къ несчастью, выборъ императора Александра палъ на генералъ-лейтенанта графа Петра Александровича Толстаго.

Здѣсь необходимо предварительно сказать нѣсколько словъ о служебной дѣятельности графа Толстаго, предшествовавшей его вступленію на совершенно незнакомое ему дипломатическое поприще.

Графъ Толстой родился въ 1761 году и началъ службу капраломъ въ л.-гв. Преображенскомъ полку. Онъ участвовалъ въ битвѣ при Мацѣевицѣ (гдѣ былъ взятъ въ плѣнъ Костюшко) и

---

[1]) Письмо князя А. Б. Куракина императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ изъ Тильзита, отъ 18 (30) іюня 1807 года.

при штурмѣ Праги [1]). Императрица Екатерина собственноручно возложила на графа Толстаго орденъ св. Георгія 3-й степени. Въ войну 1799 года графъ Толстой отправленъ былъ императоромъ Павломъ въ армію эрцъ-герцога Карла, для сношеній съ Суворовымъ. Въ 1803 году послѣдовало его назначеніе полковымъ командиромъ Преображенскаго полка и инспекторомъ петербургской инспекціи [2]). Въ 1805 году графъ Толстой отправился съ 20,000 корпусомъ въ шведскую Померанію для дѣйствія противъ французовъ въ сѣверной Германіи, совмѣстно съ шведскими и англійскими войсками. Но, по недостатку единодушія между союзниками, экспедиція эта не увѣнчалась успѣхомъ. Послѣ Аустерлица коалиція противъ Франціи распалась, и корпусъ графа Толстаго возвратился въ Россію.

Въ 1806 году на долю графа Петра Александровича выпало весьма важное порученіе: онъ долженъ былъ состоять при особѣ Фридриха Вильгельма III, содѣйствовать единству дѣйствій союзныхъ войскъ и объявлять волю короля русскимъ войскамъ, слѣдовавшимъ на помощь Пруссіи [3]).

Іенскій погромъ измѣнилъ первоначальное предположеніе государя, и графъ Толстой, въ званіи дежурнаго генерала, отправленъ въ армію, вступившую въ Пруссію. Онъ обязанъ былъ

---

[1]) По реляціямъ, графъ Толстой былъ тогда полковникомъ. Въ реляціи Суворова о прагскомъ приступѣ сказано: „графъ Толстой, командуя двумя баталіонами, въ главѣ колонны, съ первыми взошелъ на батарею и овладѣлъ ею, гдѣ и раненъ въ руку“.

Вообще Суворовъ удостоивалъ графа Толстаго особымъ уваженіемъ.

[2]) Въ 1805 году графъ Толстой сдалъ полкъ полковнику Козловскому.

[3]) Въ письмѣ императора Александра графу Толстому отъ 27 сентября 1806 года ясно выразилось то особенное довѣріе, съ которымъ государь относился къ этому генералу (военно-ученый архивъ, № 429).

Въ письмѣ, между прочимъ, сказано: „J'ai jugé nécessaire de placer un officier général de confiance auprès de la personne du roi.., j'ai cru ne pouvoir confier le poste que vous aller remplir qu'à une personne d'une activité et d'un mérite reconnu et qui aurait déjà donné des preuves non equivoques de sa capacité et de son zèle pour mon service“.

При тогдашнемъ недовѣріи къ прусскому кабинету, графу Толстому поручалось также слѣдить за ходомъ политическихъ дѣлъ, чтобы своевременнымъ распоряженіемъ отклонить всякую опасность, могущую произойти для русскихъ войскъ отъ внезапнаго измѣненія видовъ прусской политики.

Н. Ш.

доносить лично императору Александру съ полною откровенностью о положеніи дѣлъ въ арміи; ему даже разрѣшено было дѣйствовать именемъ государя во всѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ признаетъ это необходимымъ: „sans craindre jamais d'être désavoué“ [1]).

Затѣмъ, позднѣе, графъ Толстой командовалъ еще въ эту кампанію войсками, собранными на р. Наревѣ, съ цѣлью тревожить французовъ со стороны Остроленки. По заключеніи перемирія, графъ Толстой, для прикрытія границъ Россіи, отступилъ къ Бѣлостоку.

Графъ Петръ Александровичъ Толстой, подобно брату его, оберъ-гофмаршалу графу Николаю Александровичу [2]), принадлежалъ къ числу лицъ, относившихся враждебно къ тильзитскому соглашенію и къ новой политической системѣ императора Александра. Его симпатіи клонились безусловно на сторону Австріи и Пруссіи. Онъ относился съ крайнею недовѣрчивостью къ дружбѣ Наполеона, котораго привыкли уже называть въ Россіи врагомъ рода человѣческаго, и вообще не сочувствовалъ властелину Франціи. Тѣмъ не менѣе, хотя графъ Толстой и отказывался упорно ѣхать въ Парижъ, императоръ

---

[1]) Собственноручное письмо императора Александра къ графу Толстому отъ 3 января 1807 года (военно-ученый архивъ, № 429); оно оканчивается слѣдующими знаменательными словами:

„Je n'ai qu'un désir, mais celui-là est très prononcé et très sérieux, c'est de voir bien aller les choses; mais basse sur tout ce qui s'y oppose, entendez vous? Et si vous me taisez quelque chose, en vérité vous en serez responsable. En attendant je vous aime du fond de mon âme“.

[2]) До какой степени относился враждебно къ Наполеону графъ Николай Александровичъ Толстой можетъ служить слѣдующій разсказъ, относящійся къ эрфуртскому свиданію 1808 года.

Получивъ изъ рукъ Наполеона ленту почетнаго легіона, графъ Толстой явился въ ней къ императору Александру; посмотрѣвъ на Толстаго, государь вышелъ въ другую комнату, вынесъ оттуда Андреевскую ленту и хотѣлъ надѣть ее на графа, но тотъ, отступя шагъ назадъ, сказалъ: „можетъ-ли нашъ Андрей Первозванный быть вмѣстѣ съ орденомъ Бонапарта?“—„Такъ простись же навсегда съ голубою лентою“, отвѣчалъ государь, недовольный тѣмъ, что окружавшія его лица не раздѣляли его политическихъ видовъ. Дѣйствительно, графъ Н. А. Толстой умеръ, не получивъ ордена св. Андрея. (Военно-ученый архивъ № 1748). Н. Ш.

Александръ, отклоняя его возраженія, все-таки рѣшилъ назначить его посломъ. «Мое глубокое убѣжденіе осталось непоколебимымъ", писалъ государь графу Толстому 20 августа, „что именно вы болѣе, чѣмъ всякій другой, отвѣчаете тому мѣсту, которое я предназначаю вамъ". Затѣмъ, его величество, ссылаясь на извѣстную ему привязанность графа Толстаго, выражалъ увѣренность, что генералъ отправится въ Парижъ, и если, по прошествіи нѣкотораго времени, замѣтитъ, что не можетъ освоиться съ своимъ положеніемъ, то предоставляетъ ему право написать о томъ въ Петербургъ, обѣщая принять во вниманіе желанія графа. Императоръ Александръ заключилъ письмо свое словами: „помните хорошенько одно, что мнѣ вовсе не нуженъ дипломатъ, а — храбрый и честный воинъ, и эти качества принадлежатъ вамъ [1])».

Послѣ этого письма графу Толстому оставалось только одно: покориться судьбѣ. Онъ согласился исполнить волю государя и принять званіе чрезвычайнаго посла при императорѣ Наполеонѣ, продолжая однако смотрѣть на свое назначеніе, какъ на величайшую жертву, приносимую имъ престолу изъ усердія и преданности своему монарху [2]).

---

[1]) Едва графъ Толстой прибылъ въ Парижъ, какъ онъ уже просилъ у государя, въ видѣ награды для себя, быть отозваннымъ: „je n'ai cru pouvoir donner des preuves plus fortes qu' en me soumettant à ses volontés contraires à mes désirs, à mes intérêts et à mes sentiments, et à me rendre à ce poste contre ma conviction.......en restant plus longtemps ici, j' y serai nuisible à ses intérêts, à ceux de mon pays et ne saurai me faire illusion là dessus". (Письмо графа Толстаго императору Александру изъ Фонтенебло отъ 28-го октября 1807 года. Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

[2]) Военно-ученый архивъ № 429. Собственноручное письмо императора Александра графу Толстому отъ 20 августа 1807 года:

„Mon cher ami, je vois que la proximité des femmes ne vaut rien pour toute résolution où il faut de l'énergie. La votre n'est cependant nullement parvenue à changer mon intime conviction qui est que vous êtes plus propre que tout autre au poste que je vous destine et j'attends de votre attachement pour moi que vous vous rendiez à votre destination. Ce ne sera pas pour toujours; après que vous y aurez passé quelque temps, si vous voyez que vous ne réussissez pas à vous accoutumer, vous me l'écrirez et je vous promets d'avoir égard à vos désirs. Mettez vous bien en tête que je n'ai nullement

Такимъ образомъ, императоръ Александръ сознательно совершилъ величайшую ошибку, въ которую можетъ только впасть государь, поручая выполненіе предначертанныхъ плановъ лицу, не одобряющему ихъ, какъ противныхъ собственнымъ убѣжденіямъ. Подобнаго рода заблужденій судьба никогда не прощаетъ.

Одинъ французскій публицистъ справедливо замѣтилъ:

„Человѣкъ исполняетъ хорошо только то, что любитъ, и о чемъ бы ни шла рѣчь, нужно быть, такъ сказать, влюбленнымъ въ свое дѣло; одни только убѣжденные чувствуютъ въ себѣ силу завоевать не только царствіе небесное, но и всѣ земныя. Министръ, которому навязано дѣло, не пользующееся его сочувствіемъ, желаетъ ему только умѣренной степени успѣха, который могъ бы, конечно, служить лишь обвиненіемъ противъ него самого,—и онъ заранѣе утѣшается неудачей, дающей ему основаніе и право сказать: „не говорилъ ли я вамъ этого?“ Онъ дѣлаетъ множество возраженій, создаетъ затрудненія, торгуется, придирается къ мелочамъ и принимаетъ лишь полумѣры, а дѣлать дѣло на половину—самый худшій образъ дѣйствій въ этомъ мірѣ: ужъ лучше вовсе ничего не дѣлать“.

Все это буквально исполнилось въ 1807 году [1]); упроченіе тильзитскаго соглашенія ввѣрено было неумѣлому и враждебному новой политической системѣ дипломату. Пагубныя послѣдствія дѣятельности графа П. А. Толстаго вскорѣ обнаружились [2]).

---

besoin d'un diplomate, mais d'un brave et loyal militaire et sans contredit vous l'êtes. Tout à vous. Je vous attends avec impatience“.

[1]) Въ русской исторіи встрѣчается другой примѣръ, сходный съ роковымъ посольствомъ графа Толстаго въ Парижѣ: это назначеніе въ 1854 г. императоромъ Николаемъ главнокомандующимъ на Дунаѣ фельдмаршала князя Варшавскаго. Здѣсь поручалось вести армію къ побѣдамъ полководцу, относившемуся враждебно къ разгорѣвшейся войнѣ и выжидавшему только увеличенія дипломатическихъ затрудненій, чтобы перевести ввѣренныя ему войска на лѣвый берегъ Дуная и затѣмъ отойти за Прутъ.

[2]) Меттернихъ не замедлилъ тотчасъ оцѣнить русскаго посла по достоинству:

„Nous avions à redouter plus que toute autre conjoncture le rapprochement complet entre nos deux puissances voisines. Ce danger est éloigné „(Меттернихъ Стадіону 31-го октября (12-го ноября) 1807 г.—Mémoires de Metternich. T. 2. Paris. 1880). Н. Ш.

Въ политикѣ чувство личной пріязни не должно играть роли; такъ гласитъ теорія, а на практикѣ часто выходитъ иначе. Оно вполнѣ сказалось въ посольствѣ графа Толстаго въ Парижѣ и испортило въ корнѣ плоды франко-русскаго соглашенія, созданнаго тильзитскимъ свиданіемъ. Въ выигрышѣ оказались Австрія и Пруссія, которыя довели Россію до безплодной чести прослыть избавительницею Европы.

Н. К. Шильдеръ.

ГРАФЪ МИХАИЛЪ ТАРІЕЛОВИЧЪ ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВЪ

род. 1825 г., † 12-го декабря 1888 г.

Достопамятный годъ въ его жизни

(1880 — 1881).

12-го декабря 1888 года, въ Ниццѣ, угасла жизнь одного изъ наиболѣе замѣчательныхъ сподвижниковъ незабвеннаго Государя Александра-Освободителя, — не стало графа М. Т. Лорисъ-Меликова.

Газеты полны воспоминаній объ опочившемъ государственномъ и военномъ дѣятелѣ. За немногими исключеніями, эти статьи исполнены глубокаго сочувствія къ личному характеру, уму, воинскимъ доблестямъ и заслугамъ графа Михаила Таріеловича и, въ этомъ случаѣ, служатъ дѣйствительнымъ выраженіемъ чувствъ и мнѣній русскаго общества, въ благодарной памяти котораго навсегда сохранится образъ гр. М. Т. Лорисъ-Меликова; имя и дѣла его — достояніе исторіи дорогаго нашего отечества.

„Русская Старина", еще въ 1882 г. украсивъ ноябрьскую книгу своего изданія превосходнымъ портретомъ гр. Лорисъ-Меликова, исполненнымъ на мѣди рѣзцомъ лучшаго гравера,-академика И. П. Пожалостина, тогда же помѣстила очеркъ заслугъ этого славнаго кавказскаго вождя, предъ которымъ пали твердыни Карса... Нынѣ, не повторяя общеизвѣстныхъ изъ газетъ фактовъ, попавшихъ въ многочисленные некрологи графа Михаила Таріеловича изъ его послужнаго списка, мы остановимся пока на одномъ, въ высшей степени достопамятномъ въ жизни его годѣ: мы говоримъ о томъ времени, когда, волею державнаго Вождя Россіи, Лорисъ-Меликову была вручена необыкновенная, вполнѣ исключительная, власть: съ 18-го февраля 1880 года по 28-е февраля 1881 года.

Вѣрная одной изъ своихъ задачъ сохраненія матеріаловъ для исторіи,

„Русская Старина“ представляетъ настоящій очеркъ событій именно этого года (февраль 1880—февраль 1881 г.) какъ историческую справку, въ которой тщательно сведено изложеніе главнѣйшихъ фактовъ того времени, отошедшихъ въ область исторіи. Матеріалами для таковой справки-очерка послужили намъ оффиціальныя данныя, своевременно напечатанныя на летучихъ листахъ газетъ, и наши личныявоспоминанія, въ которыхъ, какъ, конечно, въ памяти очень многихъ нашихъ соотечественниковъ, неизгладимыми чертами запечатлѣны мельчайшія событія того времени.

Ред.

I.

4-го мая 1881 г. ген.-ад. графъ Лорисъ-Меликовъ уволенъ, по болѣзни, отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ. Съ уходомъ графа можно считать законченнымъ знаменательный періодъ въ нашей государственной жизни, продолжавшійся всего 15 мѣсяцевъ, но, что всего прискорбнѣе, омраченный неслыханнымъ злодѣяніемъ 1 марта. Періодъ этотъ, не смотря на свою краткость, прибавитъ еще одну свѣтлую страницу къ славному перечню незабвенныхъ дѣяній Царя-Освободителя...

Русское общество поразительно забывчиво, и живя либо настоящею минутою, либо неопредѣленными идеалами въ будущемъ, мало дорожитъ и цѣнитъ минувшее; а зачастую подвергаетъ его огульному охужденію, безъ должной критической оцѣнки. У насъ чрезвычайно короткая память и не только по отношенію къ дурному, но и къ хорошему.

„Русская Старина“, вѣрная своимъ преданіямъ—честно служить лѣтописью минувшаго, желаетъ помочь сохраненію въ памяти современниковъ, восемь лѣтъ тому назадъ пережитые, свѣтлые дни. Предлагаемый очеркъ не претендуетъ на полноту, а тѣмъ болѣе на новизну; въ немъ, напротивъ, будутъ встрѣчаться только факты общеизвѣстные; но, связанные въ одно цѣлое, они должны представить общую картину недавняго прошлаго, оцѣнка котораго предоставляется безпристрастію читателей.

Въ іюлѣ 1878 г. подписанъ берлинскій трактатъ. Этимъ обиднымъ для нашего національнаго самолюбія актомъ закончилась кровавая драма, разыгрывавшаяся полтора года на Балканскомъ полуостровѣ. Много безкорыстныхъ жертвъ принесло наше оте-

чество, много подвиговъ неслыханнаго героизма совершила наша армія, вышедшая изъ народа и проявившая на дѣлѣ лучшія его свойства. Безсмертныя имена Шипки, Плевны, Карса, зимній переходъ черезъ Балканы и тріумфальное шествіе до стѣнъ Царьграда никогда не исчезнутъ изъ памяти народной. Тѣмъ оскорбительнѣе долженъ былъ отозваться въ сердцѣ каждаго русскаго берлинскій трактатъ, столь мало соотвѣтствовавшій по своимъ конечнымъ результатамъ подъему народнаго духа и напряженію всѣхъ его физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ. Это горькое чувство не могло не отразиться на общественномъ настроеніи. Результатомъ его явилось всеобщее недовольство и притомъ недовольство, частью направленное на правительство. Никто не хотѣлъ принимать въ соображеніе, что „невозможное есть и для героевъ", что берлинскій трактатъ явился плодомъ коалиціи европейскихъ державъ, всегда завистливыхъ къ нашимъ успѣхамъ и намъ недружелюбныхъ, съ „честнымъ маклеромъ" и недоброй памяти Биконсфильдомъ во главѣ. Всѣ безъ исключенія обвиняли нашихъ дипломатовъ, ихъ безсиліе и неумѣлость. Люди самыхъ противоположныхъ направленій, но искренно любящихъ Россію и преданныхъ монархическимъ началамъ, стали равнодушнѣе къ защитѣ власти. Подъ покровомъ этого равнодушія усилилась противоправительственная пропаганда развилось соціалистическое ученіе съ открыто-анархическимъ характеромъ. Зло это, давно, еще съ 1860-хъ годовъ, свившее себѣ гнѣздо въ нашемъ отечествѣ, не особенно ярко прорывалось наружу: оно находилось пока въ періодѣ, такъ сказать, „платоническомъ", въ родѣ пресловутаго хожденія въ народъ. Но именно начиная съ 1878 г., вредныя ученія получаютъ опредѣленную окраску террористическаго оттѣнка. Первое проявленіе ихъ выразилось въ сопротивленіи вооруженною рукою при обыскѣ въ Одессѣ (процессъ Ковальскаго). Послѣдующія событія того же свойства быстро слѣдовали одно за другимъ: въ апрѣлѣ 1878 г. произведено было покушеніе на жизнь ген.-ад. Трепова (Вѣра Засуличъ), въ іюнѣ—вооруженное нападеніе на войска и уличный безпорядокъ въ Одессѣ, послѣ объявленія смертнаго приговора тому же Ковальскому; наконецъ, въ августѣ 1878 г. убійство, среди бѣлаго дня, въ С.-Петербургѣ, шефа жандармовъ, ген.-ад. Мезенцева. Здѣсь перечислены только наиболѣе

крупныя злодѣянія, не упоминая о сравнительно меньшихъ: покушеніи на жизнь тов. прок. Котляревскаго въ Кіевѣ, убійствѣ тамъ же жандармскаго офицера барона Гейкинга, вооруженномъ сопротивленіи тамъ же въ домѣ Косаровскаго, убійствъ тайныхъ агентовъ въ Москвѣ и Ростовѣ на Дону, бѣгствѣ изъ кіевскаго тюремнаго замка трехъ крупныхъ анархистовъ: Дейча, Стефановича и Бохановскаго, при помощи тюремнаго надзирателя, такого же анархиста, и проч. и проч.

Нельзя сказать, чтобы правительство оставалось равнодушнымъ зрителемъ злодѣяній, съ каждымъ днемъ становившихся все болѣе дерзкими. Но такъ какъ принимаемыя имъ мѣры не истекали изъ общаго плана дѣйствій, не были взаимно между собою согласованы, то, къ сожалѣнію, должно признать, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣли даже нѣсколько комическій оттѣнокъ, другіе были едва ли не безцѣльны, наконецъ, иныя достигали цѣлей, прямо противоположныхъ тѣмъ, ради которыхъ предпринимались. Къ числу первыхъ относятся, напр., разстановка на главныхъ улицахъ Петербурга одиночныхъ казаковъ, вскорѣ, впрочемъ, снятыхъ; или конвоированіе казаками тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ статсъ-секр. Макова, возбуждавшее общее недоумѣніе... Къ разряду вторыхъ относятся: во 1-хъ, законъ 9-го августа 1878 г., созданный, по слухамъ, въ одну ночь, по которому политическія преступленія изъяты были изъ вѣдѣнія общихъ судовъ и предоставлены военной юстиціи. Этотъ законъ, какъ видно изъ послѣдующаго, ни мало не устрашилъ злодѣевъ, а на мирную публику произвелъ болѣзненное впечатлѣніе. Во 2-хъ, новыя стѣсненія печати. Эти послѣднія оказались безцѣльными, потому что, парализуя печать подзаконную, они нисколько не повліяли на подпольныя изданія; наоборотъ, никогда эти изданія не распространялись съ такою безнаказанностью: они выходили аккуратно, въ опредѣленные сроки, на нихъ объявлялась чуть не публичная подписка, они принимали печатаніе объявленій и дошли до такой наглости, что предлагали исполненіе частныхъ заказовъ въ своихъ типографіяхъ. Желающіе провѣрить это обстоятельство могутъ справиться съ журналомъ „Земля и воля“ за 1878 г. Наконецъ, къ числу мѣръ послѣдняго разряда слѣдуетъ отнести появившееся, въ августѣ 1878 г., въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ обращеніе правительства къ

содѣйствію общества въ веденіи борьбы съ разрушительными ученіями. Ни формы, ни порядка, ни способовъ такого содѣйствія при этомъ, къ сожалѣнію, не указывалось. Поэтому когда нѣкоторыя земскія собранія (харьковское, черниговское) пожелали отозваться на призывъ правительства, то постановленія ихъ по этому предмету не только не были приняты высшею властью, но и составители ихъ чуть ли не подверглись полицейскому надзору. Понятно, что такое отношеніе власти не могло расположить къ ней элементы, остававшіеся преданными правительственнымъ интересамъ. Недовольство и раздраженіе не уменьшались.

Конецъ 1878 г. омрачился еще появленіемъ на низовьяхъ Волги, въ предѣлахъ Астраханской губ., злокачественной болѣзни, носившей всѣ признаки чумы. Правительство упорно не произносило этого названія; между тѣмъ не на шутку встревоженная Европа отозвалась установленіемъ строгаго кордона по нашей границѣ, воспрещеніемъ привоза изъ Россіи товаровъ и стѣсненіями проѣзда путешественниковъ. Принятыя Европою, по почину нашего „друга“ Бисмарка, мѣры отозвались на нашей торговлѣ и промышленности милліонными убытками. Тогда только уже, когда паника начала охватывать внутреннія губерніи и дошла до того, что обнаруживала чумныхъ субъектовъ даже въ Петербургѣ (пресловутый Наумъ Прокофьевъ), правительство рѣшилось приступить, наконецъ, къ энергическимъ мѣрамъ.

При такой печальной обстановкѣ наступилъ 1879-й годъ....

Но прежде, чѣмъ идти дальше, необходимо небольшое отступленіе.

II.

Въ числѣ дѣятелей минувшей войны замѣтно выдался ген.-ад. гр. Лорисъ-Меликовъ, стоявшій во главѣ нашихъ силъ, дѣйствовавшихъ въ азіатской Турціи. До войны гр. Лорисъ-Меликовъ былъ по особымъ порученіямъ при князѣ М. С. Воронцовѣ; маститый намѣстникъ Кавказа, мужъ высокаго государственнаго ума, рано отличилъ способности и высокія душевныя качества М. Т. Лорисъ-Меликова [1])... Михаилъ Таріеловичъ принималъ видное

[1]) См. письма князя М. С. Воронцова къ М. Т. Лорисъ-Меликову въ „Русской Старинѣ“ изд. 1884 г., томъ LXIII, стр. 589—598.

участіе въ войнѣ 1853—1855 годовъ и послѣ капитуляціи Карса въ 1855 г. былъ назначенъ, еще въ чинѣ полковника, Н. Н. Муравьевымъ начальникомъ Карской области, а затѣмъ болѣе десяти лѣтъ занималъ должность начальника Терской области, составивъ себѣ имя умнаго и опытнаго администратора и храбраго офицера; но репутація его имѣла болѣе мѣстный характеръ, и внѣ предѣловъ Кавказа имя это было почти неизвѣстно. Поставленный, съ объявленіемъ войны, въ 1877-мъ году, во главѣ нашихъ войскъ, предназначенныхъ дѣйствовать на малоазіатскомъ театрѣ войны, гр. Лорисъ-Меликовъ быстрымъ переходомъ чрезъ границы, штурмомъ крѣпости Ардагана и появленіемъ подъ стѣнами Карса сразу обратилъ на себя общее вниманіе. Дальнѣйшее движеніе къ Эрзеруму и неудавшаяся атака укрѣпленной турецкой позиціи подъ Зивиномъ произвели тягостное впечатлѣніе [1]), тѣмъ болѣе, что одновременно и на дунайскомъ театрѣ войны быстрые и блестящіе успѣхи вскорѣ смѣнились рядомъ неудачъ подъ Плевною. Но съ конца сентября 1877 г., когда дѣйствовавшій корпусъ былъ достаточно уже усиленъ войсками, ходъ дѣлъ на азіатскомъ театрѣ войны круто измѣнился. Бой на Аладжинскихъ высотахъ, плѣненіе арміи Мухтара-паши и, наконецъ, безпримѣрный ночной штурмъ Карса (6-го ноября 1877 г.), незадолго предшествовавшій паденію Плевны, поставили имя графа Лорисъ-Меликова на ряду съ самыми блестящими русскими военными именами. Доведя свои войска до Эрзерума и занявъ его, по объявленіи перемирія, Михалъ Таріеловичъ, весною 1878 г., прибылъ въ Петербургъ. Совершенные имъ подвиги, за которые онъ въ короткій періодъ времени получилъ ордена св. Георгія 3 и 2 ст., св. Владиміра 1 ст. и титулъ графа, были причиною въ высшей степени сочувственной встрѣчи его въ столицѣ.

Пріобрѣтенная имъ репутація послужила къ тому, что когда, какъ сказано выше, правительство рѣшилось, наконецъ, энергически приступить къ борьбѣ съ чумою, общее мнѣніе и въ правительственныхъ сферахъ, и въ публикѣ указало на гр. Лорисъ-

[1]) См. „Русская Старина“, изд. 1888 г., томъ LIX, стр. 149—177 и 385—411: „Бой подъ Зивиномъ“, 13-го іюня 1877 г., предисловіе къ этой статьѣ составлено по соглашенію (въ іюлѣ 1887 г.) съ графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ. Ред.

Меликова какъ на лицо, наиболѣе соотвѣтствовавшее обстоятельствамъ. Справедливость требуетъ заявить, что онъ не обманулъ общихъ ожиданій.

III.

Назначенный 24-го января 1879 г. временнымъ астраханскимъ, саратовскимъ и самарскимъ генералъ-губернаторомъ, графъ Лорисъ-Меликовъ 27-го былъ уже въ Царицынѣ, гдѣ и учредилъ временно свою главную квартиру. Царицынъ избранъ былъ потому, что въ этомъ городѣ заканчивалась сѣть нашихъ желѣзныхъ дорогъ и, слѣдовательно, огражденіемъ отъ чумы Царицына, устранялась опасность внесенія ея въ Россію желѣзнодорожнымъ путемъ. Затѣмъ, окруживъ четвернымъ кордономъ войскъ не только весь раіонъ, пораженный болѣзнью, но и всю Астраханскую губернію и снабдивъ наиболѣе нуждавшіяся мѣстности изобильнымъ медицинскимъ персоналомъ, денежными, санитарными и всякими другими средствами, графъ своими распоряженіями сдавилъ чумный раіонъ желѣзнымъ кольцомъ такъ, что въ самое короткое время болѣзнь погасла. Тогда онъ отправился лѣвымъ берегомъ Волги, чрезъ калмыцкую степь, въ Астрахань, и, посѣтивъ наиболѣе опасные пункты, въ томъ числѣ знаменитую Ветлянку, возвратился въ Царицынъ, подвергнувъ, по пути, сожженію все зараженное и подозрительное, съ выдачею пострадавшимъ тутъ же вознагражденія. Принимая энергическія военно-карантинныя и санитарныя мѣры (поголовное очищеніе селеній, осмотръ рыбныхъ ватагъ и т. п.), онъ не забывалъ и научной стороны дѣла — происхожденія болѣзни, изученіе которой возложено имъ было на съѣхавшіяся туда медицинскія свѣтила, отечественныя и иностранныя. Результатомъ всѣхъ принятыхъ имъ мѣръ было, прежде всего, общее успокоеніе. Присланные къ намъ отъ всѣхъ европейскихъ державъ делегаты, въ качествѣ не то контролеровъ, не то ревизоровъ, воочію убѣдились, что никакой дальнѣйшей опасности не предвидится, о чемъ и сообщили за границу. Повсемѣстная паника, доходившая, напр., до того, что по приказанію бывшаго варшавскаго ген.-губерн. графа Коцебу воспрещенъ былъ привозъ съ ни-

зовьевъ Волги керосина, который самъ по себѣ есть дезинфекцирующее средство,—мало по малу улеглась и жизнь вступила въ нормальную колею. Покончивъ съ чумою, графъ приступилъ къ составленію дальнѣйшей программы дѣйствій по предупрежденію возобновленія заразы, очищенію края и т. п., но не успѣлъ окончить этого труда, какъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ [1])....

Возвращаемся къ прерванному разсказу.

IV.

Начавшаяся въ 1878 г. эра политическихъ убійствъ продолжала и въ 1879 году неуклонно развиваться. Въ январѣ былъ убитъ харьковскій губернаторъ кн. Крапоткинъ, въ мартѣ совершено покушеніе на убійство шефа жандармовъ ген.-адъют. Дрентельна, наконецъ, 2-го апрѣля Соловьевымъ произведено злодѣйское покушеніе на жизнь покойнаго государя. Мѣра долготерпѣнія правительства переполнилась и 5-го апрѣля появился высочайшій указъ объ учрежденіи временныхъ генералъ-губернаторовъ въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ и о предоставленіи усиленной власти генералъ-губернаторамъ въ Москвѣ, Варшавѣ и Кіевѣ. Этимъ указомъ создавалась чрезвычайная власть, съ безграничными почти правами. Говоримъ: безграничными, потому что новымъ генералъ-губернаторамъ предоставлялось, кромѣ непосредственнаго вмѣшательства въ области администраціи, суда, учебную, печати и т. д., право „принимать всѣ мѣры, кои они признаютъ необходимыми“. Понятно, что при такомъ неограниченномъ объемѣ правъ и отсутствіи какого либо указанія на обязанности или отвѣтственность, единственныя гарантіи слѣдо-

[1]) Достойно замѣчанія, что на 6-й или 7-й день по прибытіи гр. Лорисъ-Меликова въ Царицынъ, т. е. при самомъ началѣ возложеннаго на него порученія—борьбы съ ветлянскою чумою — русскіе фонды поднялись на европейской биржѣ на 4 марки. И во что обошлись всѣ мѣры, имъ принятыя, государственному казначейству? Изъ четырехъ мильоннаго кредита, ему разрѣшеннаго, гр. Лорисъ-Меликовъ израсходовалъ въ при-Волжскомъ краѣ не болѣе 308,000 тысячъ!

вало искать въ личностяхъ новыхъ генералъ-губернаторовъ, которыми были назначены три наиболѣе выдавшіеся дѣятели минувшей войны: генералъ-адъютанты Гурко—въ Петербургъ, графъ Тотлебенъ — въ Одессу и графъ Лорисъ-Меликовъ — въ Харьковъ.

Эти лица, кромѣ указа 5-го апрѣля, не получили никакихъ указаній относительно предстоявшей имъ дѣятельности. Такое отсутствіе какой либо программы имѣло свои удобства, но еще болѣе, какъ обнаружилъ опытъ, неудобствъ. Съ одной стороны, не будучи никѣмъ и ничѣмъ связаны, новые властители могли принимать всякія мѣры, на которыя указывали имъ ихъ умъ, опытность и ознакомленіе съ мѣстными условіями и обстоятельствами; но съ другой—самая эта безграничная свобода дѣйствій вела къ тому, что призванные служить одному и тому же дѣлу и стремиться къ одной цѣли—огражденію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія—каждый изъ нихъ въ отдѣльности понималъ и это дѣло, и эту цѣль по-своему и предпринималъ тѣ или другія дѣйствія безъ всякаго соотношенія съ дѣятельностью своихъ коллегъ. Все это въ концѣ концовъ не могло не сказаться въ пестротѣ и путаницѣ мѣропріятій, не одушевленныхъ одною руководящею идеей, не объединенныхъ и нисколько между собою не согласованныхъ. Въ результатѣ получилось то, что неизбѣжнымъ стѣсненіямъ подверглись люди мирные и благонамѣренные; тѣ же, ради и противу которыхъ главнымъ образомъ направлена была чрезвычайная власть, продолжали и подъ ея покровомъ развивать свою возмутительную дѣятельность.

Мы не пишемъ здѣсь исторіи временныхъ ген.-губернаторствъ и потому не станемъ вдаваться въ подробности о дѣятельности каждаго изъ нихъ, тѣмъ болѣе, что эти подробности намъ неодинаково извѣстны. Но не можемъ воздержаться, чтобы не привести нѣсколько примѣровъ, иллюстрирующихъ тогдашнее положеніе. Главная, если не единственная задача, предложенная къ исполненію новымъ генералъ-губернаторамъ, заключалась, какъ сказано выше, въ изысканіи и осуществленіи мѣръ для огражденія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія отъ нарушеній со стороны партіи злоумышленниковъ. Какъ же эта задача рѣшалась въ разныхъ мѣстностяхъ? Въ Петербургѣ она выразилась

между прочимъ въ созданіи массы дворниковъ (что-то около 12 т. чел.), или, иными словами, въ установленіи новаго налога на жителей около $1^1/_2$ мил. руб. Съ этою тягостью можно было бы еще помириться, если бы она принесла желанные результаты. Но дѣйствительность обманула административныя ожиданія. Дворники преисправно спали днемъ и ночью у своихъ домовъ, ничего не открыли, никого не изловили и нисколько не помѣшали ни дѣятельности тайныхъ типографій въ Саперномъ переулкѣ и на Васильевскомъ о-вѣ, открытыхъ случайно, ни взрыву въ Зимнемъ дворцѣ, совершенному при участіи дѣятелей той же злоумышленной партіи. На созданіи дворниковъ чрезвычайная власть въ Петербургѣ замерла; по крайней мѣрѣ, о другихъ проявленіяхъ ея не было слышно. Въ Одессѣ чрезвычайная власть проявилась въ административныхъ высылкахъ, весьма внушительныхъ размѣровъ, но, повидимому, безъ должной разборчивости; въ огульномъ увольненіи ялтинскаго муниципалитета и въ удаленіи отъ должности директора одесскаго коммерческаго училища всѣми уважаемаго профессора. Впрочемъ, о дѣятельности одесской власти распространяться нечего. Лучшая и наиболѣе компетентная оцѣнка ей сдѣлана была во время извѣстной сцены, происшедшей на вокзалѣ жел. дороги, при отъѣздѣ гр. Тотлебена изъ Одессы, между нимъ и ближайшимъ его помощникомъ и сотрудникомъ ст.-секр. Панютинымъ. При этой сценѣ, описаніе которой въ свое время появилось въ газетахъ, подведенъ былъ, такъ сказать, итогъ генералъ-губернаторской дѣятельности въ Одессѣ и произнесенъ заслуженный, повидимому, приговоръ.... Нѣсколько иначе дѣятельность эта проявилась въ Харьковѣ и потому на ней необходимо остановиться.

Ко времени пріѣзда графа Лорисъ-Меликова положеніе дѣлъ въ Харьковѣ представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Въ январѣ 1879 г. былъ убитъ губернаторъ кн. Крапоткинъ; въ университетѣ происходили безпорядки, прекращенные при помощи военной силы и даже казацкихъ нагаекъ; полиція была настолько дискредитирована, что не проходило дня, когда бы агенты ея не подвергались оскорбленіямъ и побоямъ; высшая учебная власть бездѣйствовала и не пользовалась никакимъ авторитетомъ ни въ средѣ профессоровъ, ни между студентами; университетское начальство утратило на учащихся всякое вліяніе, студенты либо ничего

не дѣлали, либо дѣлали что хотѣли; профессора получше держались въ сторонѣ; остальные же едва ли не являлись косвенными подстрекателями увлеченій молодежи; судебное вѣдомство въ петербургскихъ правительственныхъ сферахъ „не въ авантажѣ обрѣталось“; земство, заподозрѣнное чуть ли не въ своей благонамѣренности и получая систематическіе отказы въ своихъ ходатайствахъ, было не довольно; наконецъ, учащаяся молодежь частью была политически скомпрометтирована, и вообще отличалась нравственною распущенностью [1]). Къ числу источниковъ постояннаго возбужденія и раздраженія въ средѣ увлекающагося юношества необходимо отнести также двѣ центральныя тюрьмы, расположенныя близь Харькова (45 и 60 верстъ) и предназначенныя исключительно для политическихъ преступниковъ.

Пріѣхавъ въ Харьковъ и нѣсколько ознакомившись съ мѣстными условіями, гр. Лорисъ-Меликовъ понялъ, что дѣятельность, направленная только на караніе преступныхъ или просто вредныхъ проявленій, окажется безплодною, если прежде всего она не устремится на устраненіе причинъ, вызывающихъ такія проявленія. Съ этою цѣлью графъ потребовалъ и добился немедленной замѣны начальника мѣстнаго жандармскаго управленія, личности честной и почтенной, но совершенно непригодной для даннаго времени по старости и безхарактерности. Затѣмъ, не безъ нѣкоторой борьбы, настоялъ на увольненіи попечителя учебнаго округа. Пригласивъ къ себѣ ученый персоналъ университета и указавъ на высокія его обязанности по отношенію къ молодежи, ввѣренной его умственному и нравственному попеченію, графъ возложилъ на прямую отвѣтственность учащихъ всякое уклоненіе молодежи отъ научныхъ занятій—единственной цѣли, ради которой она привлекается въ университетъ. Испросивъ значительное усиленіе личныхъ и матеріальныхъ средствъ харьковской полиціи, графъ значительно обновилъ ея персоналъ и

---

[1]) Какъ на примѣръ такой распущенности можно указать, что на ученическихъ квартирахъ оказывались на совмѣстномъ жительствѣ воспитанники и воспитанницы среднихъ учебныхъ заведеній; и тѣ и другія безпрепятственно посѣщали увеселительныя мѣста каскаднаго свойства, что и вынудило вмѣшательство генералъ-губернатора (см. приложеніе).

съ неумолимою строгостью сталъ преслѣдовать всякія нарушенія закона какъ со стороны полицейскихъ чиновъ въ отношеніи къ публикѣ, такъ и неисполненія частными лицами законныхъ требованій полиціи. Не вмѣшиваясь прямо въ дѣла городскія и земскія, чтобы не колебать законнаго порядка, графъ постоянными бесѣдами и общеніемъ съ наиболѣе выдающимися общественными дѣятелями старался вселить въ нихъ увѣренность въ благосклонномъ отношеніи къ нимъ власти и въ готовности ея выслушать и удовлетворять законныя ходатайства общественныхъ учрежденій. Въ судебномъ вѣдомствѣ и прокурорскомъ надзорѣ, къ которымъ онъ всегда относился съ полнымъ довѣріемъ, графъ нашелъ прекрасныхъ помощниковъ и сотрудниковъ, вполнѣ безкорыстныхъ и безпристрастныхъ. Такія отношенія, повидимому, были настолько новы и необычайны, что когда, во время поѣздки въ Петербургъ, въ іюлѣ 1879 г., гр. Лорисъ-Меликовъ счелъ нравственною обязанностію засвидѣтельствовать предъ покойнымъ государемъ о похвальной дѣятельности судебныхъ чиновъ, то получилъ въ отвѣтъ: „Очень этому радъ; но признаюсь, отъ тебя перваго это слышу“. Кромѣ того, графъ настоялъ на удаленіи государственныхъ преступниковъ изъ предѣловъ Харьковской губерніи и энергически, хотя, къ сожалѣнію, безуспѣшно ходатайствовалъ объ открытіи въ Харьковѣ технологическаго института, составляющаго жизненный вопросъ для массы учащейся молодежи Южнаго края.

Дѣятельность гр. Лорисъ-Меликова, въ связи съ полною его доступностью, готовностью выслушать каждаго и каждому помочь, съ недавними боевыми заслугами, наконецъ, отсутствіемъ угодливости кому бы то ни было и отвращеніемъ къ дешевой популярности, создали ему такую извѣстность въ краѣ, которая выразилась не только въ восторженныхъ оваціяхъ во время объѣзда имъ губерній своего раіона, но проникла за его предѣлы и дошла до Петербурга, гдѣ окончательно упрочила его административную репутацію. Въ Харьковѣ гр. Лорисъ-Меликовъ пробылъ 10 мѣсяцевъ. Въ теченіи всего этого времени не было не только никакихъ проявленій противоправительственной дѣятельности, но ни одного случая обыкновеннаго нарушенія порядк общественное настроеніе приняло характеръ успокоительный; довѣріе къ власти возстановилось настолько, что харьковско

генералъ-губернаторство, въ составъ котораго входили 6 губерній (харьковская, полтавская, черниговская, курская, орловская и воронежская), поставлено было въ ряду самыхъ спокойныхъ и благонадежныхъ областей имперіи.

Покойный государь оцѣнилъ заслуги гр. Лорисъ-Меликова по достоинству. Проѣзжая чрезъ Харьковъ изъ Ливадіи, въ ноябрѣ 1878 г., государь сердечно благодарилъ графа, милостиво выразившись, что дѣятельность его „вполнѣ соотвѣтствуетъ его видамъ и намѣреніямъ"... Будемъ надѣяться, что и безпристрастное потомство присоединится къ такой высокой оцѣнкѣ, исходившей притомъ изъ столь компетентнаго источника.

V.

Тяжело и мрачно заканчивался 1879 г., такъ же мрачно, какъ и начался. 19-го ноября, въ самомъ сердцѣ Россіи, въ Москвѣ, произведено было покушеніе взорвать поѣздъ, на которомъ покойный государь возвращался изъ Ливадіи. Это покушеніе, какъ извѣстно, не удалось и пострадали лишь нѣсколько вагоновъ дополнительнаго поѣзда, въ которомъ находились государева свита и багажъ. Вслѣдъ затѣмъ обнаружилось, что такой же ужасной опасности драгоцѣнная жизнь государя подвергалась и 18-го ноября, при проѣздѣ чрезъ г. Александровскъ, Екатеринославской губ., гдѣ чудовищный замыселъ взорвать царскій поѣздъ не былъ приведенъ въ исполненіе лишь вслѣдствіе случайности, поистинѣ чудесной. Повидимому, мѣра испытаній, какимъ подвергался величайшій и благодушнѣйшій изъ русскихъ монарховъ, еще не переполнилась... Дерзкая настойчивость злоумышленниковъ произвела на общество потрясающее впечатлѣніе; но, къ сожалѣнію, еще болѣе усилила скорбное и удрученное его настроеніе. Привыкнувшее къ многолѣтней опекѣ правительственной власти, общество наше, при видѣ безплодныхъ результатовъ борьбы ея съ какою-то темною, невѣдомою силою, какъ будто стало приходить къ сознанію въ собственномъ безсиліи и безпомощности. Дѣйствительно, мы присутствовали при странномъ зрѣлищѣ: на нашихъ глазахъ происходила какъ бы дуэль между прави-

тельствомъ могущественнѣйшей въ мірѣ державы, вооруженнымъ всѣми аттрибутами власти—съ одной стороны, и немногочисленною по количеству и ничтожною по значенію шайкою какихъ-то выгнанныхъ телеграфистовъ, недоучившихся семинаристовъ, гимназистовъ и студентовъ, дрянныхъ жиденковъ, свихнувшихся дѣвченокъ и т. п.—съ другой, и въ такой, повидимому неравной, дуэли успѣхъ далеко не былъ на сторонѣ силы. При этомъ остальная многочисленная масса, несомнѣнно беззавѣтно любившая свѣтлую личность государя и искренно преданная закону, порядку и ихъ олицетворенію—монархическому началу, присутствовала на поединкѣ въ качествѣ посторонняго, если даже не равнодушнаго, зрителя. Мы назвали это зрѣлище страннымъ, но, правильнѣе, его слѣдовало бы охарактеризовать эпитетомъ: позорное; вѣдь стоило этой массѣ пошевелиться, какъ говорится, двинуть плечомъ—и появившейся на поверхности нашего общественнаго организма язвы какъ бы не бывало. Какъ и почему не послѣдовало этого спасительнаго движенія — мы теперь разбирать не станемъ: это слишкомъ отвлекло бы насъ отъ нашей скромной задачи. Мы устанавливаемъ только фактъ, не пускаясь въ его объясненія и лишь, въ интересахъ исторической истины, упомянемъ мимоходомъ объ одной его сторонѣ, крайне прискорбной. Послѣдовательное повтореніе ужасныхъ злодѣйствъ, каждый разъ глубоко потрясая и возбуждая общественный организмъ, не могло, по естественному закону реакціи, не вызывать затѣмъ нѣкотораго утомленія. Являлось поэтому опасеніе какъ бы дальнѣйшая настойчивость въ томъ же направленіи не привела этотъ организмъ къ притупленію, не погасила бы въ немъ спасительной воспріимчивости... Зловѣщіе признаки такого симптома начинали уже обнаруживаться...

VI.

При такой печальной обстановкѣ, среди, если можно такъ выразиться, крайне сгущенной атмосферы, начался 1880 годъ. Нерадостна была его встрѣча и неотрадны связанныя съ нимъ надежды и ожиданія. Между тѣмъ наступалъ день, который долженъ бы навсегда остаться всероссійскимъ праздникомъ изъ праздниковъ. Приближалось 19 февраля, получавшее въ 1880 г. особое значеніе вслѣдствіе совпаденія его съ 25 лѣтіемъ восшествія на престолъ Царя-Освободителя. Какъ ни тяжело и мрачно было у всѣхъ на душѣ, но многострадальная Русь готовилась подобающимъ образомъ отпраздновать священную для нея годовщину. На всемъ пространствѣ имперіи шли приготовленія достойно почтить дорогой для каждаго русскаго день и выразить Виновнику его, особенно въ скорбныя для Него минуты, всю силу одушевляющей къ Нему любви. Изъ всѣхъ концовъ Россіи стекались въ Петербургъ депутаціи, съѣзжались представители общественныхъ силъ и міра оффиціальнаго, прибыли также всѣ генералъ-губернаторы, кромѣ сибирскихъ. Угрюмая столица нѣсколько оживилась, покинула на время гнетущія думы и заботы и присоединилась къ общимъ ожиданіямъ радостнаго дня. Оставалось лишь нѣсколько дней до всенароднаго торжества...

Вечеромъ 5 февраля 1880 г. по Петербургу разнесся странный слухъ о какомъ-то взрывѣ въ Зимнемъ дворцѣ. Первыя свѣдѣнія говорили о небольшомъ пожарѣ, вызванномъ разрывомъ газовой трубы, при чемъ пострадали нѣсколько человѣкъ. Никто не придавалъ особаго значенія событію, имѣвшему самыя неожиданныя послѣдствія. Но на другой день истина не замедлила обнаружиться во всей ея ужасающей наготѣ. Сущность самаго событія заключалась въ слѣдующемъ. Нѣкто крестьянинъ Халтуринъ, принадлежавшій къ соціально-революціонной партіи, не разъ замѣченный въ преступной пропагандѣ между фабричными рабочими и состоявшій подъ наблюденіемъ всякихъ полицій, умудрился поступить на службу въ Зимній дворецъ столяромъ, подъ именемъ Батышкова. Ознакомившись съ внутреннимъ расположеніемъ дворца, онъ изготовилъ динамитный снарядъ, снаб-

женный часовымъ механизмомъ, уложилъ его въ подвальномъ этажѣ, подъ которымъ приходилась императорская столовая, и, заведя механизмъ, ушелъ изъ дворца [1]. Разсчетъ Халтурина былъ вѣренъ: 5 февраля за обѣдомъ должна была присутствовать вся Императорская фамилія по случаю пріѣзда въ этотъ день принца Александра Баттенберга, князя Болгарскаго. По счастливой случайности, поѣздъ, на которомъ прибылъ принцъ, опоздалъ на полчаса, такъ что, когда произошелъ взрывъ, принцъ только что вошелъ во дворецъ. Кромѣ того, Халтуринъ упустилъ изъ виду, что между подвальнымъ этажемъ и столовою находилась караульная комната и что Зимній дворецъ построенъ замѣчательно солидно. Сила взрыва была, однако, такъ велика, что потолокъ подвальнаго этажа, служившій поломъ караульной, провалился и при этомъ отъ ушибовъ каменьями и при паденіи убито, изранено и изувѣчено болѣе 50 нижнихъ чиновъ л.-гв. Финляндскаго полка, занимавшаго въ тотъ день караулъ. Ударъ отразился и на Императорской столовой, въ которой покоробило полъ и загасило свѣчи и газъ. Въ первую минуту всѣ растерялись... Дворъ Зимняго дворца наполнился толпою, среди которой были министры, генералы и др. высшія лица, но много и всякаго сброда. Нельзя безъ ужаса подумать какихъ бѣдъ могли бы натворить злодѣи въ общемъ переполохѣ...

Самое тяжелое гнетущее впечатлѣніе произвело это событіе на общество. Оно было тѣмъ болѣе поражено, что съ апрѣля 1879 г. въ Петербургѣ учреждена была чрезвычайная власть, въ лицѣ временнаго генералъ-губернатора, снабженная всяческими полномочіями, и на ряду съ нею свыше полувѣка существовало пресловутое III отдѣленіе съ шефомъ жандармовъ во главѣ и цѣлою арміей явныхъ жандармовъ и тайныхъ агентовъ, всякихъ наименованій. Посыпались взаимныя обвиненія, только отвѣтственнымъ никто не оказывался. По слухамъ, обнаружилось, что происшествіе 5-го февраля было однимъ изъ результатовъ нашихъ порядковъ (?), при которыхъ у семи нянекъ дитя всегда безъ глазу. Разсказывали, что генералъ Гурко не разъ заявлялъ о необходимости подчинить ему Зимній дворецъ въ по-

[1] Халтуринъ задержанъ и повѣшенъ въ Одессѣ, въ апрѣлѣ 1882 г., за участіе въ убійствѣ ген. Стрѣльникова.

лицейскомъ отношеніи; что безъ этой мѣры онъ отклонялъ отъ себя отвѣтственность за безопасность зданія, въ которомъ обитали около 5-ти тысячъ человѣкъ; что еще въ ноябрѣ 1879 г. у одного арестованнаго соціалиста найденъ былъ чертежъ внутренняго расположенія дворца съ изображеніемъ пунктиромъ того мѣста, гдѣ произошелъ взрывъ; что чертежъ этотъ былъ переданъ кому слѣдуетъ, но полученъ отвѣтъ, что Зимній дворецъ подчиненъ особому вѣдомству и никому постороннему до него нѣтъ дѣла, что всѣ мѣры предосторожности приняты и т. п. Дѣйствительно, мѣры были приняты, но такъ умѣло, что, напримѣръ, тогдашній шефъ жандармовъ, отвѣтственный за спокойствіе и личную безопасность государя, не могъ проникать во дворецъ безъ пароля; за то всякій полотеръ, лакей, рабочій и т. п. входилъ, вносилъ и выносилъ туда и оттуда что угодно, совершенно свободно и безпрепятственно. Этою-то безпорядочною, преступною халатностью и воспользовался Халтуринъ и его направители. Онъ былъ взятъ во дворецъ какъ искусный столяръ, помѣщенъ тамъ на жительство; работалъ „очень усердно и хорошо", такъ что, по слухамъ, производилъ починки въ собственныхъ, внутреннихъ покояхъ государя, куда не проникаетъ никто, и пользуясь такою колоссальною довѣренностью и отсутствіемъ надзора, постепенно проносилъ динамитъ, не возбуждая рѣшительно ничьего подозрѣнія. Подозрѣніе не упало на него и въ первую минуту, и только когда стали провѣрять живущихъ во дворцѣ—подозрѣнію подверглись всѣ вообще дворцовые столяры, но они тотчасъ же были розысканы въ ближайшемъ кабакѣ и оказались ни въ чемъ неповинными; товарищъ же ихъ Батышковъ, онъ же Халтуринъ, домой не возвратился, чѣмъ и навлекъ на себя подозрѣніе, впослѣдствіи вполнѣ подтвердившееся.

Настроеніе въ Петербургѣ было самое мрачное: и въ правительственныхъ сферахъ, и въ обществѣ, и въ печати водворились смущеніе и тревога, близкія къ отчаянію. Любопытствующихъ отсылаемъ къ тогдашнимъ газетамъ. Зловѣщимъ слухамъ и нелѣпымъ толкамъ не было конца, они постепенно разростались, усиливались; обнаруживались, наконецъ, признаки настоящей паники. Люди состоятельные выѣзжали заграницу, цѣнныя вещи въ домахъ зарывали въ подвалы, высылали семейства на житье въ окрестности столицы. По словамъ вѣстуновъ, чуть-ли не весь

Петербургъ былъ изрытъ подкопами и минами, 19-го февраля 1880 г. произойдетъ общій взрывъ, пожары, нападеніе на государственный и другіе банки и казначейства, словомъ народное волненіе...

8-го февраля неожиданно приглашены были въ Зимній дворецъ: П. А. Валуевъ, тогдашній предсѣдатель комитета министровъ, военный министръ гр. Д. А. Милютинъ, шефъ жандармовъ А. Р. Дрентельнъ, министръ юстиціи Д. Н. Набоковъ и министръ финансовъ С. А. Грейгъ. Кромѣ того явился министръ внутреннихъ дѣлъ Маковъ, имѣвшій въ тотъ день обычный докладъ. Собравшіеся сановники недоумѣвали о цѣли приглашенія, но никто объясненія дать не могъ. Наконецъ, прибылъ наслѣдникъ цесаревичъ. Когда собрались всѣ, государь пригласилъ ихъ въ кабинетъ, куда былъ призванъ также и гр. Лорисъ-Меликовъ, бывшій въ тотъ день во дворцѣ въ качествѣ дежурнаго генералъ-адъютанта. Его величество произнесъ краткую рѣчь, въ которой, перечисливъ все, что творилось въ послѣднее время, изволилъ выразить, что дальше дѣла такъ идти не могутъ, что мы ставимъ себя въ позорное положеніе передъ Россіею и Европою; что источникъ безпорядка лежитъ въ разъединенности власти и что потому онъ призналъ необходимымъ сосредоточить ее въ одномъ лицѣ, которымъ избираетъ гр. Лорисъ-Меликова, и проситъ присутствующихъ немедленно озаботиться составленіемъ программы дѣйствій, которую и поднести къ его утвержденію.

Это неожиданное для всѣхъ назначеніе застало всѣхъ и гр. Лорисъ-Меликова врасплохъ. Но медлить и разсуждать было некогда: наступало 19-е февраля со всѣми зловѣщими предсказаніями и слухами досужихъ вѣстовщиковъ, даже изъ числа лицъ высокопоставленныхъ, а между тѣмъ чрезвычайная власть, въ лицѣ временнаго генералъ-губернатора, предназначалась къ упраздненію и замѣнить ее было необходимо безъ замедленія.

VII.

Графъ Лорисъ-Меликовъ не могъ не сознавать всей тяжести, скажемъ, прямо, необъятности возлагаемой на него задачи; но какъ вѣрноподданный, солдатъ и вѣрный государевъ слуга, не могъ даже помыслить отъ нея отказаться, тѣмъ болѣе, что тяжелое бремя поручалось ему при столь затруднительныхъ обстоятельствахъ. Неудобства его положенія осложнялись еще тѣмъ, что на него возлагались обязанности петербургскаго генералъ-губернатора, и, такимъ образомъ, на ряду съ громадною задачею политическаго свойства, ему же присвоивались и высшія полицейскія обязанности по столицѣ. Эта двойственность шла въ разрѣзъ съ его убѣжденіями, но обстоятельства вынуждали необходимость ей подчиниться. Три дня прошли въ переговорахъ и совѣщаніяхъ и результатомъ ихъ явился высочайшій указъ 12 февраля, возвѣщавшій учрежденіе „Верховной распорядительной комиссіи" и назначеніе на должность главнаго ея начальника гр. Лорисъ-Меликова. Напомнимъ текстъ этого историческаго документа:

Въ твердомъ рѣшеніи положить предѣлъ безпрерывно повторяющимся въ послѣднее время покушеніямъ дерзкихъ злоумышленниковъ поколебать въ Россіи государственный и общественный порядокъ, Мы признали за благо:

1. Учредить въ С.-Петербургѣ верховную распорядительную комиссію по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.

2. Верховной распорядительной комиссіи состоять изъ главнаго начальника оной и назначаемыхъ для содѣйствія ему, по непосредственному его усмотрѣнію, членовъ комиссіи.

3. Главнымъ начальникомъ верховной распорядительной комиссіи быть временному харьковскому генералъ-губернатору, нашему генералъ адъютанту, члену государственнаго совѣта, генералу-отъ-кавалеріи графу Лорисъ-Меликову, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта и въ званіи Нашего генералъ-адъютанта.

4. Членовъ комиссіи назначать по повелѣніямъ Нашимъ, испрашиваемымъ главнымъ начальникомъ комиссіи, которому предоставить, сверхъ того, право призывать въ комиссію всѣхъ лицъ, присутствіе коихъ будетъ признано имъ полезнымъ.

5. Въ видахъ объединенія дѣйствій всѣхъ властей по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, предоставить главному начальнику верховной распорядительной комиссіи, по всѣмъ дѣламъ, относящимся къ такому охраненію:

а) права главноначальствующаго въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ, съ непосредственнымъ подчиненіемъ ему с.-петербургскаго градоначальника;

б) прямое вѣдѣніе и направленіе слѣдственныхъ дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ въ С.-Петербургѣ и с.-петербургскомъ военномъ округѣ—и

в) верховное направленіе упомянутыхъ въ предъидущемъ пунктѣ дѣлъ по всѣмъ другимъ мѣстностямъ Россійской имперіи.

6. Всѣ требованія главнаго начальника верховной распорядительной комиссіи по дѣламъ объ охраненіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія подлежатъ немедленному исполненію, какъ мѣстными начальствами, генералъ-губернаторами, губернаторами и градоначальниками, такъ и со стороны всѣхъ вѣдомствъ, не исключая военнаго.

7. Всѣ вѣдомства обязаны оказывать главному начальнику верховной распорядительной комиссіи полное содѣйствіе.

8. Главному начальнику верховной распорядительной комиссіи предоставить испрашивать у Насъ непосредственно, когда признаетъ сіе нужнымъ, Наши повелѣнія и указанія.

9. Независимо отъ сего предоставить главному начальнику верховной распорядительной комиссіи дѣлать всѣ распоряженія и принимать вообще всѣ мѣры, которыя онъ признаетъ необходимыми для охраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія какъ въ Петербургѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи, при чемъ отъ усмотрѣнія его зависитъ опредѣлять мѣры взысканія за неисполненіе или несоблюденіе сихъ распоряженій и мѣръ, а также порядокъ наложенія этихъ взысканій.

10. Распоряженія главнаго начальника верховной распорядительной комиссіи и принимаемыя имъ мѣры должны подлежать безусловно исполненію и соблюденію всѣми и каждымъ и могутъ быть отмѣнены только имъ самимъ или особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ, и

11. Съ учрежденіемъ, въ силу сего именнаго указа Нашего, верховной распорядительной комиссіи по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, учрежденную таковымъ же указомъ отъ 5-го апрѣля 1879 года должность временнаго с.-петербургскаго генералъ-губернатора упразднить.

Правительствующій сенатъ къ исполненію сего не оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе.

Такимъ образомъ, указомъ 12 февраля 1880 г., создавалась ни болѣе, ни менѣе какъ диктатура.... Желая ослабить подавляющее впечатлѣніе, какое неизбѣжно должно было произвести на наше, и безъ того напуганное и растерявшееся, общество созданіе новой, неслыханной на Руси власти, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, намѣтить общія черты будущей своей дѣятельности, графъ Лорисъ-Меликовъ, одновременно съ обнародованіемъ указа 12-го февраля, опубликовалъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" (№ 39, отъ 15-го февраля 1880 г.) слѣдующее обращеніе къ жителямъ столицы:

Рядъ неслыханныхъ злодѣйскихъ попытокъ къ потрясенію общественнаго строя Государства и къ покушенію на священную особу Государя Императора въ то время, когда всѣ сословія готовятся торжествовать двадцатипятилѣтнее, плодотворное внутри и славное извнѣ, царствованіе великодушнѣйшаго изъ Монарховъ, вызвалъ не только негодованіе русскаго народа, но и отвращеніе всей Европы.

Правительство не разъ уже обращалось къ обществу съ призывомъ сомкнуть свои силы въ борьбѣ съ преступными проявленіями, разрушающими основныя начала гражданскаго порядка, безъ котораго немыслимо развитіе никакого благоустроеннаго государства. Нынѣ оно вынуждено прибѣгнуть къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, для подавленія зла, принимающаго опасные для общественнаго спокойствія размѣры.

Державною волею Государя на меня выпала тяжкая задача стать во главѣ неизбѣжныхъ мѣропріятій, вызываемыхъ настоящимъ положеніемъ.

Уповая на Всевышняго, твердо вѣруя въ непоколебимость государственнаго строя Россіи, неоднократно переживавшей еще болѣе тяжелыя годины, убѣжденный продолжительнымъ служеніемъ Царю и Отечеству въ здравомысліи и нравственной крѣпости русскаго народа, я съ благоговѣніемъ принимаю этотъ новый знакъ Монаршаго довѣрія къ моимъ слабымъ силамъ.

Сознаю всю сложность предстоящей мнѣ дѣятельности и не скрываю отъ себя лежащей на мнѣ отвѣтственности. Не давая мѣста преувеличеннымъ и поспѣшнымъ ожиданіямъ, могу обѣщать лишь одно—приложить все стараніе и умѣніе къ тому, чтобы, съ одной стороны, не допускать ни малѣйшаго послабленія и не останавливаться ни предъ какими строгими мѣрами для наказанія преступныхъ дѣйствій, позорящихъ наше общество, а съ другой—успокоить и оградить законные интересы благомыслящей его части.

Убѣжденъ, что встрѣчу поддержку всѣхъ честныхъ людей, преданныхъ Государю и искренно любящихъ свою родину, подвергшуюся нынѣ столь незаслуженнымъ испытаніямъ. На поддержку общества смотрю какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти въ возобновленіи правильнаго теченія государственной жизни, отъ перерыва котораго наиболѣе страдаютъ интересы самаго общества.

Въ этомъ упованіи прежде всего обращаюсь къ жителямъ столицы, ближайшимъ свидѣтелямъ безпримѣрныхъ злодѣяній, съ настоятельною просьбою спокойно и съ достоинствомъ отнестись къ будущему и не смущаться злонамѣренными или легкомысленными внушеніями, толками и слухами.

Въ разумномъ и твердомъ отношеніи населенія къ настоящему тягостному положенію вижу прочный залогъ успѣха въ достиженіи цѣли, равно для всѣхъ дорогой: возстановленія потрясеннаго порядка и возвращенія отечества на путь дальнѣйшаго мирнаго преуспѣянія, указаннаго благими предначертаніями Августѣйшаго его Вождя.

На это прямодушное обращеніе, столь необычное въ нашей служебной практикѣ, и отвѣты послѣдовали разные. „Анархисты“ отвѣчали покушеніемъ на убійство. 20-го февраля 1880 г. недоучившійся гимназистъ изъ жидовъ Млодецкій, на подъѣздѣ квартиры графа Лорисъ-Меликова, на Большой Морской,

выстрѣлилъ въ него въ упоръ изъ пистолета. Благодаря теплой шинели, графъ остался невредимъ, пуля прорвала и прожгла лишь его платье. Млодецкій былъ задержанъ на мѣстѣ преступленія, осужденъ военнымъ судомъ и чрезъ три дня казненъ. Покушеніе на жизнь графа Лорисъ-Меликова вызвало взрывъ общественнаго негодованія. Сила его, нравственная и матеріальная, была такъ велика, что даже беззастѣнчивые анархисты измѣнили принятому у нихъ обыкновенію и въ выпущенной вслѣдъ за казнью Млодецкаго прокламаціи отреклись отъ всякой съ нимъ солидарности....

Не такъ было встрѣчено назначеніе графа въ обществѣ и въ печати. Предоставленныя ему указомъ 12-го февраля неслыханныя еще на Руси права, въ силу которыхъ онъ являлся безграничнымъ и безконтрольнымъ диктаторомъ, должны были, казалось, произвести устрашающее впечатлѣніе. Между тѣмъ, просмотрѣвъ массу современныхъ газетъ и журналовъ всякихъ цвѣтовъ и направленій за февраль мѣсяцъ 1880 г., легко убѣдиться, что отношеніе къ нему печати характеризуется однимъ словомъ: довѣріе. Даже московскія газеты извѣстнаго направленія, нынѣ столь безпощадныя въ нападкахъ на бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, присоединились къ общему хвалебному хору новому диктатору и къ возлагавшимся на него упованіямъ. Но если даже допустить, какъ это принято въ нѣкоторыхъ высшихъ сферахъ, что наша печать никакого значенія не имѣетъ и нисколько не можетъ считаться выразительницею общественнаго мнѣнія, то какъ и чѣмъ объяснить тѣ, сначала десятки, а впослѣдствіи сотни писемъ, записокъ и проектовъ, ежедневно сыпавшихся къ графу Лорисъ-Меликову изо всѣхъ концовъ Россіи, отъ людей ему совершенно неизвѣстныхъ, находившихся въ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеніяхъ? Количество ихъ было такъ велико, что графу было рѣшительно не подъ силу даже прочитывать ихъ и потребовалось назначеніе 3 довѣренныхъ лицъ, которыя исключительно занимались чтеніемъ этого матеріала, его классификаціей и составленіемъ краткихъ извлеченій для доклада графу. Во всей этой массѣ проектовъ исцѣленія Россіи отъ гнѣздившихся въ ней недуговъ было, конечно, много наивнаго, а подъ часъ смѣшнаго и даже нелѣпаго, но было много и разумнаго. Во всякомъ случаѣ, подобный мате-

ріалъ служилъ вѣрнымъ, чистосердечнымъ и неподкрашеннымъ отраженіемъ мыслей, чувствъ, надеждъ, ожиданій и потребностей, волновавшихъ русскихъ людей, которые, по мѣрѣ силъ и умѣнья, спѣшили высказать все, что у каждаго наболѣло на душѣ, и указать выходъ изъ гнетущаго положенія. Въ этихъ письмахъ и запискахъ какъ въ зеркалѣ отражались упованія мыслящихъ людей и въ нихъ-то графъ Лорисъ-Меликовъ, между прочимъ, и почерпалъ опору для предпринятыхъ имъ мѣръ....

17-го декабря 1888 г. С.-Петербургъ.

Приложеніе.

Распоряженіе временнаго харьковскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта М. Т. Лорисъ-Меликова [1]).

Въ г. Харьковѣ существуютъ публичные сады: „Шато-де-Флеръ", „Тиволи" и другіе, въ которыхъ въ теченіи лѣта даются драматическія и опереточныя представленія, допускается чтеніе стиховъ и куплетовъ, пѣніе шансонетокъ, живыя картины и другія увеселенія.

По доходящимъ до меня свѣдѣніямъ, при упомянутыхъ публичныхъ увеселеніяхъ не всегда соблюдаются правила благопристойности и приличія, къ явному оскорбленію общественной нравственности. Вслѣдствіе этого мною вмѣстѣ съ симъ предписано полицейскому начальству о неуклонномъ исполненіи требованій закона (ст. 146, т. XIV, уст. о пред. и пресѣч. прест. изд. 1876 г.) и другихъ постановленій и распоряженій правительства, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ нарушенія ихъ, виновные привлекались къ отвѣтственности по ст. 43 уст. о наказ., налаг. миров. суд.

Изъ тѣхъ-же свѣдѣній, къ сожалѣнію, усматриваю, что въ упомянутые сады и другія публичныя мѣста, вопреки существующему по министерству народнаго просвѣщенія запрещенію, безпрепятственно допускаются воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній безъ различія возраста.

Подтвердивъ полиціи имѣть строгое наблюденіе за недопущеніемъ на будущее время воспитанниковъ названныхъ заведеній въ мѣста публичныхъ увеселеній, я, независимо отъ сего, предложилъ учебному начальству назначать, для совмѣстнаго съ полиціей надзора за точнымъ соблюденіемъ предписаннаго выше воспрещенія, подвѣдомственныхъ ему должностныхъ лицъ,

---

[1]) Напечатано въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», 1879 г.

которымъ для этой цѣли, по приказанію моему, предоставлено будетъ право безплатнаго входа во всѣ увеселительные сады и подобныя имъ мѣста.

Но сознавая, что одпѣми полицейскими мѣрами и наблюденіемъ со стороны учебнаго начальства нельзя вполнѣ достигнуть желанныхъ результатовъ, обращаюсь къ содѣйствію родителей, воспитателей, наставниковъ и вообще всѣхъ лицъ, на которыхъ по закону и по другимъ отношеніямъ лежитъ священная обязанность воспитанія юношества и нравственная отвѣтственность предъ обществомъ и отечествомъ за будущее его направленіе. Твердо убѣжденъ, что распоряженія мои, направленныя исключительно къ огражденію подростающаго поколѣнія отъ безнравственныхъ зрѣлищъ, которыя преждевременно возбуждая его умъ и воображеніе, не могутъ не вредить и успѣшности ученія, встрѣтятъ полное сочувствіе и поддержку во всѣхъ благомыслящихъ людяхъ, коимъ физическое и нравственное здоровье юношества и его будущность не могутъ быть не дороги.

Что-же касается воспитанницъ открытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній, то я счелъ излишнимъ упоминать о нихъ въ настоящемъ распоряженіи, такъ какъ не могу даже допустить мысли, чтобы кому либо изъ нихъ было дозволено посѣщать зрѣлища, нарушающія приличіе.

Графъ Лорисъ-Меликовъ.

1879 г.
Харьковъ.

ПРОФЕССОРЪ ХИРУРГІИ Х. Я. ГЮББЕНЕТЪ

и его воспоминанія

ОБЪ ОБОРОНѢ СЕВАСТОПОЛЯ 1854—1855 гг.

Самое полное описаніе обороны Севастополя [1]) заключается въ сочиненіи одного изъ славныхъ его защитниковъ — генералъ-адъютанта графа Тотлебена, изданномъ имъ, въ 2-хъ частяхъ, съ 1863 по 1868 г. Въ особомъ къ этому изданію приложеніи помѣщенъ «Очеркъ медицинской и госпитальной части русскихъ войскъ въ Крыму въ 1854—1856 гг.», составленный профессоромъ хирургіи кіевскаго университета Гюббенетомъ, однимъ изъ главныхъ дѣятелей на хирургическомъ поприщѣ въ стѣнахъ Севастополя, съ начала декабря 1854 г. до окончанія осады, т. е. въ теченіи почти 9 мѣсяцевъ. Оба автора умерли: Гюббенетъ — въ 1873 году, а графъ Тотлебенъ—въ 1884 г.

Родные братья покойнаго профессора Христіана Яковлевича Гюббенета, статсъ-секретарь Гюббенетъ и генералъ-лейтенантъ генеральнаго штаба Гюббенетъ, разбирая оставшіяся послѣ покойнаго бумаги, нашли отрывки написанныхъ имъ во время 262 дневнаго пребыванія его въ Севастополѣ замѣтокъ. На этихъ замѣткахъ Гюббенетъ поставилъ девизъ: «выше всего правда». Многочисленные ученики и знакомые покойнаго хорошо знаютъ, что этотъ девизъ, въ его устахъ, не есть пустая фраза. Главнѣйшая часть этихъ замѣтокъ вошла

---

[1]) Къ подробнымъ описаніямъ относится также сочиненіе М. И. Богдановича „Восточная война (1853—1856 годовъ)“, вышедшее въ 4-хъ частяхъ въ 1876—1877 гг. вторымъ изданіемъ.

въ упомянутое выше приложеніе къ «Описанію обороны Севастополя» графа Тотлебена. Нѣкоторыя составили предметъ отдѣльныхъ статей его же, профессора Гюббенета, объ эпизодахъ этой обороны; засимъ лишь немногія подробности, не вошедшія по той или другой причинѣ въ прежнія изданія, сгруппированы въ настоящемъ сообщеніи, не представляющемъ, конечно, никакого систематическаго описанія. Понятно также, что нижеприводимые отрывки изъ замѣтокъ профессора Гюббенета не имѣютъ претензіи раскрыть какія-либо особенно важныя или новыя обстоятельства. Но при всемъ томъ повтореніе же извѣстныхъ подробностей допущено лишь въ томъ случаѣ, если онѣ необходимы были для ясности изложенія и носятъ на себѣ отпечатокъ нѣкоторой оригинальности или отличаются свѣжестью впечатлѣній очевидца. Оборона Севастополя занимаетъ такую блистательную страницу въ военной исторіи всѣхъ временъ, что каждая подробность, относящаяся къ этой славной эпохѣ чести и славы русскаго воинства, составляетъ драгоцѣнное для насъ достояніе. Къ такимъ подробностямъ относятся не только голые факты, но и впечатлѣнія, которыя производили эти факты на очевидцевъ и участниковъ обороны. Эти впечатлѣнія суть своего рода факты, освѣщающіе современное значеніе исчезнувшихъ событій. Въ виду лишь этого, позволительно допустить, что сообщаемыя нынѣ отрывочныя подробности и впечатлѣнія, касающіяся великой исторической эпохи, могутъ имѣть извѣстный интересъ.

I.

Недостатокъ медиковъ въ началѣ осады.

Послѣ сраженія подъ Альмою (8-го (20-го) сентября 1854 г.) и перваго бомбардированія Севастополя (5-го (17-го) октября), обнаружилась, во всей своей силѣ, недостаточность медицинской помощи на мѣстѣ. Не дѣлая никакого упрека наличному въ то время составу медиковъ, а напротивъ, отдавая полную справедливость самоотверженію, съ которымъ они дѣлили всѣ опасности защитниковъ Севастополя, дѣйствуя въ предѣлахъ силъ и возможности, профессоръ Гюббенетъ замѣчаетъ, что усилія ихъ не могли быть успѣшными, какъ по малому числу медиковъ, такъ и по новости и неподготовленности обстановки для быстрой помощи

раненымъ, скоплявшимся въ не бывало обширныхъ размѣрахъ. Вслѣдствіе этого недостатка врачей, неурядица по медицинской и госпитальной части достигла высшихъ предѣловъ и глухіе стоны о помощи раненыхъ и искалѣченныхъ храбрецовъ проникали во всѣ концы Россіи. Если до перваго бомбардированія врачебный персоналъ Севастополя еще кое-какъ справлялся съ сравнительно малымъ числомъ раненыхъ, въ особенности, благодаря предусмотрительной заботливости генералъ-адъютанта вице-адмирала Корнилова, который, при необычайной энергіи, всюду поспѣвалъ, добывалъ все необходимое, даже для госпитальной части, и всѣхъ ободрялъ, то съ геройскою смертію его, во время этого бомбардированія, положеніе медицинской части еще болѣе разстроилось. Какъ примѣръ всѣмъ извѣстной, выходящей изъ ряда, энергіи адмирала Корнилова, котораго профессоръ Гюббенетъ уже не засталъ въ живыхъ, онъ приводитъ памятныя слова его, обращенныя въ началѣ осады къ частямъ войскъ Севастопольскаго гарнизона. Слова эти [1]), не попавшія въ описаніе обороны Севастополя графа Тотлебена, записаны профессоромъ Гюббенетомъ со словъ лично присутствовавшихъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Ребята! Вы должны забыть сигналъ отступленія. Онъ не существуетъ болѣе. Кто протрубитъ ретираду—заколите его, онъ измѣнникъ! Офицера, приказывающаго вамъ отступить—убейте! Если я вамъ буду командовать отступленіе, то не слушайтесь и заколите меня!»

5-го октября 1854 г. Корниловъ палъ на Малаховомъ курганѣ, ядро оторвало ему лѣвую ногу выше колѣна.

---

[1]) Въ исторіи Крымской войны М. И. Богдановича, стр. 63, и въ сочиненіи Жандра, стр. 228, „Матеріалы для исторіи обороны Севастополя и для біографіи Корнилова“ 1859 г., находятся варіанты этихъ же словъ

II.

Участіе великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей въ оборонѣ Севастополя.

Вскорѣ послѣ кончины адмирала Корнилова, пишетъ профессоръ Гюббенетъ, императоръ Николай Павловичъ благословилъ двухъ младшихъ сыновей своихъ великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей, которымъ было не болѣе 22 и 21 года отъ роду, въ путь для участія въ отраженіи непріятеля. Извѣстіе объ этой поѣздкѣ ихъ императорскихъ высочествъ на театръ военныхъ дѣйствій было привѣтствовано съ общимъ восторгомъ во всей Россіи, какъ знакъ особаго монаршаго поощренія защитникамъ Севастополя и утѣшенія раненымъ. Этотъ примѣръ настолько сильно подѣйствовалъ на всѣхъ вѣрноподданныхъ, что со всѣхъ сторонъ выражались желанія жертвовать жизнью и достояніемъ для поддержанія славы и чести царя и отечества.

Въ это же время профессоръ хирургіи Гюббенетъ предложилъ свою готовность перемѣнить мирную каѳедру въ кіевскомъ университетѣ на практическую дѣятельность въ стѣнахъ Севастополя. Предложеніе было принято съ благодарностью главнокомандующимъ княземъ Меншиковымъ и Гюббенетъ немедля отправился, 26-го ноября, на мѣсто съ нѣсколькими хорошо приготовленными студентами-медиками.

Прибывъ въ Симферополь и встрѣтившись тамъ съ пользовавшимся уже въ то время извѣстностью знаменитымъ хирургомъ нашимъ Н. И. Пироговымъ, осмотрѣвъ вмѣстѣ съ нимъ размѣщенныхъ тамъ послѣ сраженій подъ Альмою и Инкерманомъ раненыхъ и сдѣлавъ, по приглашенію Пирогова, нѣкоторыя самыя неотложныя операціи, Гюббенетъ спѣшилъ къ мѣсту своего назначенія въ Севастополь. Князь Меншиковъ причислилъ его, согласно выраженному имъ желанію, къ флоту. Желаніе предоставить свои услуги морскому вѣдомству профессоръ Гюббенетъ основалъ не только на личныхъ симпатіяхъ къ славнымъ дѣятелямъ его, но еще и на томъ, что перевязочные пункты въ это время находились почти исключительно въ завѣдываніи врачей морскаго вѣдомства, и что въ сухопутномъ вѣдомствѣ ока-

залось слишкомъ много начальства и мало единства, необходимаго для успѣшной дѣятельности. Кромѣ генералъ-штабъ-доктора арміи, главнаго врача госпиталя и его помощниковъ, главнаго хирурга арміи, въ распоряженіяхъ по медицинской части сухопутнаго вѣдомства принималъ еще участіе командированный, по высочайшему повелѣнію, въ Крымъ профессоръ Пироговъ, которому подобало бы, по мнѣнію проф. Гюббенета, предоставить главное руководительство хирургическою частію, помимо названныхъ властей.

14-го декабря 1854 г. Гюббенетъ вступилъ въ первый разъ въ главный перевязочный пунктъ, помѣщенный весьма удобно, даже роскошно, въ домѣ дворянскаго собранія. Медицинскій инспекторъ Севастопольскаго порта Рождественскій предоставилъ профессору Гюббенету съ готовностью самостоятельное руководство хирургическою частью перевязочнаго пункта. Приступая къ своей дѣятельности, профессоръ Гюббенетъ упоминаетъ о впечатлѣніяхъ своихъ, между прочимъ, слѣдующее: на первыхъ же порахъ я былъ пораженъ благоговѣйнымъ изумленіемъ передъ рѣдкою силою воли и выносливости раненыхъ. Такъ, одинъ изъ нихъ, матросъ Колинченко, перенося спокойно ампутацію руки выше локтя, просилъ послѣ операціи вина. Поднявъ поданный ему стаканъ, онъ выпилъ его, обратясь ко мнѣ со словами: „за ваше здоровье“.

III.

Подробности для характеристики вице-адмирала Нахимова; его смерть.

Не безъинтересною, для характеристики Нахимова, представляется, между прочимъ, первая встрѣча съ нимъ профессора Гюббенета. Съ нетерпѣніемъ, говоритъ онъ, я желалъ познакомиться съ синопскимъ героемъ и поэтому воспользовался первымъ случаемъ свободнаго для него и меня времени, чтобы съ нимъ встрѣтиться. Для этого я отправился къ нему безъ всякихъ формальностей, въ томъ же костюмѣ, въ которомъ только что производилъ операціи, со слѣдами крови на платьѣ. Съ рѣдкою сердечностью принялъ меня, совершенно незнакомаго ему человѣка, этотъ прославленный уже въ то время герой, сказавъ:

„прекрасно, что вы пріѣхали; теперь мы дадимъ себя ранить еще съ бо̀льшимъ мужествомъ; дѣло съ этими гостями затянется; спасибо имъ, по крайней мѣрѣ, за то, что они упустили уже 3 или 4 раза случай овладѣть Севастополемъ, а послѣ сраженія подъ Альмою они могли вступить въ него церемоніальнымъ маршемъ“.

Съ тѣхъ поръ, оставаясь въ тѣснѣйшихъ отношеніяхъ къ Нахимову, профессоръ Гюббенетъ имѣлъ случай близко ознакомиться съ его высокими качествами воина и человѣка, которыя не покидали его въ самыя трудныя минуты жизни. Эти качества Нахимова не рѣдко были уже описаны, и профессоръ Гюббенетъ является однимъ изъ самыхъ искреннихъ его поклонниковъ. Съ большою теплотою профессоръ Гюббенетъ отзывается о немъ въ „Приложеніи къ оборонѣ Севастополя“ графа Тотлебена, стр. 130—136, приводя его замѣчательныя по простотѣ и правдивости изреченія, столь сильно дѣйствовавшія на воодушевленіе солдатъ; описываетъ его неутомимую дѣятельность, его восторженное участіе въ каждомъ добромъ дѣлѣ, его глубокую ненависть ко всякаго рода злоупотребленіямъ, враждебность педантизму и формализму, несравненное мужество, при безпредѣльно нѣжномъ сердцѣ. Профессоръ Гюббенетъ съ умиленіемъ вспоминаетъ, что ему не рѣдко случалось встрѣчать у раненыхъ лакомства, не легко добываемыя въ осажденномъ городѣ, а у раненаго Тотлебена свѣжіе цвѣты у постели, и на его разспросы получалъ всегда одинъ отвѣтъ: „прислалъ Нахимовъ“. На все это онъ находилъ время, ободряя здоровыхъ и навѣщая и утѣшая трудно больныхъ. О Нахимовѣ профессоръ Гюббенетъ разсказываетъ еще слѣдующій малоизвѣстный случай.

Когда императоръ Николай прислалъ въ Севастополь флигель-адъютанта Альбединскаго съ порученіемъ, между прочимъ, передать поклонъ Нахимову, то онъ принялъ этотъ знакъ монаршаго вниманія со слезами на глазахъ. Когда слѣдующій, прибывшій черезъ нѣсколько времени, курьеръ вновь привезъ ему поклонъ отъ государя, то Нахимовъ, выражая свою благодарность, замѣтилъ, что уже послѣ перваго поклона онъ былъ цѣлый день боленъ (отъ того, конечно, что не можетъ порадовать государя бо̀льшими успѣхами противъ непріятеля, чѣмъ таковые

достигались на дѣлѣ) и прибавилъ: „у насъ не достаетъ нагайки, мы не заслужили поклоновъ; порядка у насъ нѣтъ“.

Въ подтвержденіе умѣнія Нахимова говорить съ простымъ солдатомъ, профессоръ Гюббенетъ разсказываетъ слѣдующее: „27 марта 1855 г. наступали свѣтлые праздники Пасхи и никто не подозрѣвалъ наступленія втораго бомбардированія, хотя всѣ ожидали важныхъ событій, судя по усиленнымъ приготовленіямъ въ союзномъ лагерѣ. Первый день праздника отличался замѣчательною тишиною со стороны союзниковъ, которые какъ бы желали дать себѣ и намъ одинъ день для молитвы. Неустрашимые матросы, помолившись Господу Богу, подумали даже объ обычныхъ въ эти дни качеляхъ, которыя они устроили себѣ вблизи бастіоновъ. Нахимовъ обошелъ, послѣ обѣдни, наши укрѣпленія, поздравилъ всѣхъ съ праздникомъ, христосовался съ исполнявшими очередную службу на валахъ матросами и обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „Ребята, смотрите, не напейтесь сегодня; непріятель у насъ на носу; къ намъ спѣшатъ на подмогу подкрѣпленія; мы прогонимъ его и тогда вы можете напиться и я напьюсь вмѣстѣ съ вами“. Его простыя безъискусственныя рѣчи доставили ему такую популярность въ войскѣ, какъ никому. Солдаты чувствовали, что онъ заботится о нихъ, ихъ любитъ и что онъ требуетъ отъ нихъ менѣе того, чѣмъ требовалъ отъ самого себя.

Нахимовъ пережилъ 4 бомбардированія. 28 іюня, въ 7 час. вечера, когда Нахимовъ, поднявшись на банкетъ батареи, сталъ разсматривать въ трубу, совершенно открыто, непріятельскія работы, пуля попала ему въ лѣвый високъ на томъ же Малаховомъ курганѣ, гдѣ были убиты Корниловъ и Истоминъ. Я находился въ то время, пишетъ профессоръ Гюббенетъ, у раненаго Тотлебена, положеніе котораго было весьма серьезно. Приглашенный къ Нахимову, куда немедленно отправился, я нашелъ его окруженнымъ врачами, справедливо признавшими его положеніе безнадежнымъ. Пуля пробила ему черепъ и прошла черезъ мозгъ. Съ первой минуты онъ потерялъ сознаніе, которое не возвращалось до самой кончины. О спасеніи его, конечно, не могло быть рѣчи, но раздробленныя части черепа были удалены и на голову положенъ ледъ. На другое утро я опять навѣстилъ Нахимова и вновь пытался холодными облива-

ніями головы возбудить сознаніе. Въ это время вошли главнокомандующій князь Горчаковъ и генералъ-адъютантъ Коцебу. У князя Горчакова брызнули слезы изъ глазъ при видѣ синопскаго героя въ безнадежномъ положеніи. Онъ взялъ меня въ сторону, желая узнать нѣтъ ли надежды на спасеніе. Я долженъ былъ дать отрицательный отвѣтъ. Еще въ тотъ же день ночью около 12 часовъ я получилъ на перевязочномъ пунктѣ, гдѣ производилъ при свѣчахъ операціи, записку отъ генералъ-адъютанта Коцебу, въ которой онъ мнѣ сообщалъ, что князь Горчаковъ отправилъ къ Нахимову опытнаго иностраннаго хирурга Г. и просилъ меня вмѣстѣ съ нимъ еще обсудить положеніе раненаго. Этотъ врачъ увѣрилъ князя Горчакова, что ему случалось излѣчивать раны, подобныя тѣмъ, какая была у Нахимова. Я счелъ себя обязаннымъ тотчасъ же ночью, въ темноту, переправиться черезъ бухту и нашелъ у Нахимова присланнаго кн. Горчаковымъ врача, объясняющаго присутствовавшимъ у постели Нахимова возможность исцѣленія. Сердце мое обливалось кровью при сознаніи невозможности спасти Нахимова, но, прекративъ всѣ споры, я согласился на предложеніе д-ра Г. дать адмиралу каждые полчаса по $^1/_2$ каплѣ Tincturae Arnicae, не видя въ этомъ никакого для него вреда.

30 іюня, въ 10 часовъ, я вновь навѣстилъ Нахимова вмѣстѣ съ княземъ Васильчиковымъ, а въ 11 час. 7 минутъ Нахимовъ скончался на нашихъ глазахъ. Тѣло его, покрытое прострѣленнымъ флагомъ корабля „Императрица Марія", было выставлено для посмертнаго прощанія. Отпѣваніе происходило 1-го іюля. Такимъ образомъ Нахимовъ — герой Синопа палъ, а русскій Вобанъ, какъ даже враги называли Тотлебена, лежалъ на одрѣ страданія.

IV.

Улучшеніе въ личномъ составѣ администраціи севастопольскаго гарнизона.

Описывая всѣмъ извѣстныя неурядицы въ администраціи Севастополя, о которыхъ Нахимовъ выразился, какъ мы замѣтили выше,—„у насъ нѣтъ порядка", профессоръ Гюббенетъ указываетъ, что благотворныя перемѣны въ управленіи севастопольскимъ гарнизономъ послѣдовали во время бытности великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей въ Севастополѣ. Личности съ энергіею и съ благороднѣйшимъ направленіемъ были поставлены во главѣ севастопольскаго гарнизона. Генералъ-адъютантъ баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ, пользовавшійся уже репутаціею опытнаго генерала и уваженіемъ въ Севастополѣ, былъ переведенъ изъ Одессы, начальникомъ севастопольскаго гарнизона. Онъ тотчасъ же избралъ себѣ помощникомъ нѣсколько забытаго кн. Меншиковымъ вице-адмирала Нахимова, назначеннаго въ то же время и военнымъ губернаторомъ г. Севастополя, а полковникъ князь Васильчиковъ получилъ мѣсто начальника штаба севастопольскаго гарнизона. Эти назначенія имѣли громадное вліяніе на улучшеніе положенія севастопольскаго гарнизона и на ходъ обороны Севастополя. По убѣжденію профессора Гюббенета, эти перемѣны могли осуществиться при сохраненіи за кн. Меншиковымъ должности главнокомандующаго, лишь благодаря могущественному вліянію великихъ князей, близко ознакомившихся съ положеніемъ дѣла въ Севастополѣ и со способностями руководителей его судебъ. Ихъ императорскія высочества успѣли лично войти въ число защитниковъ Севастополя: великій князь Николай Николаевичъ принялъ на себя главное руководство инженерною частью, а великій князь Михаилъ Николаевичъ—артиллеріею, т. е. двумя важнѣйшими средствами обороны. Съ глубокимъ сожалѣніемъ для севастопольскаго гарнизона и съ видимымъ огорченіемъ для нихъ самихъ, великіе князья были внезапно вызваны въ Петербургъ, по случаю опасной болѣзни императора Николая Павловича. Кончина его послѣдовала въ памятный всѣмъ день 18-го февраля 1855 года.

V.

Смерть контръ-адмирала Истомина.

7-е марта 1855 г., пишетъ профессоръ Гюббенетъ, принесло намъ тяжелую потерю.

Въ этотъ день бомба снесла голову одного изъ храбрѣйшихъ нашихъ моряковъ—контръ-адмирала Истомина. Хрулевъ, командовавшій въ то время войсками на Корабельной сторонѣ, услышавъ лишь о ранѣ Истомина, послалъ тотчасъ за мною, приглашая на Малаховъ курганъ. Я немедля отправился туда верхомъ на первой попавшейся казачьей лошади. Приближаясь къ Малахову кургану, я хорошо видѣлъ съ лошади непріятельскія укрѣпленія и усиленную съ нихъ стрѣльбу. Наши добрые солдаты, видя меня въ явной опасности, кричали мнѣ, чтобы я слѣзъ съ лошади и поровнялся съ ними подъ защитою валовъ, дабы не показываться стрѣлявшему непріятелю. Послѣдовавъ ихъ совѣту и направившись въ самую башню, чтобы отыскать раненаго Истомина, я нашелъ его безъ головы. Бомба снесла ему голову такъ, что нельзя было найти даже остатковъ раздробленнаго черепа. Мое присутствіе оказалось совершенно безполезнымъ и я возвратился съ тѣми же опасностями, какъ прибылъ, къ своимъ занятіямъ.

VI.

О нашихъ раненыхъ.

Далѣе профессоръ Гюббенетъ разсказываетъ, что съ нашей стороны было рѣшено сдѣлать вылазку съ 10-го на 11-е марта 1855 г. Предувѣдомленный объ этомъ, я распорядился устройствомъ возможныхъ приготовленій для пріема раненыхъ. Къ 5 час. утра прибыло уже болѣе 1,000 раненыхъ, считая въ томъ числѣ и плѣнныхъ. Такой внезапный наплывъ огромнаго числа раненыхъ вызвалъ невообразимыя затрудненія. Мы, врачи, обязаны были тотчасъ-же приступить къ безотлагательнѣйшимъ

ампутаціямъ, вслѣдствіе чего не могло не замедлиться правильное распредѣленіе по свободнымъ мѣстамъ въ госпиталяхъ раненыхъ, которыхъ накопилось на перевязочномъ пунктѣ такая масса, что они должны были лежать не только на кроватяхъ, но и на полу. Тутъ рядомъ лежали наши, французы, зуавы. Я смотрѣлъ, говоритъ Гюббенетъ, съ раздирающимъ сердцемъ, и съ чувствомъ глубокаго умиленія на эту картину мученическихъ страданій. Глядя на нашихъ тяжело раненыхъ, лежащихъ спокойно, самоотверженно и даже съ довольнымъ чувствомъ исполненнаго долга, я невольно думалъ, что съ подобною арміею можно завоевать весь міръ. Нѣкоторые спокойно курили трубку, одинъ даже вынималъ табакъ изъ сапога почти оторванной ноги и просилъ унести отрѣзанную ногу и возвратить ему сапогъ. Подобные примѣры не составляли единичныхъ случаевъ. Тѣ, кто воображаетъ, что такое множество раненыхъ выражаетъ свои страданія хоромъ жалобъ и криковъ, тѣ сильно ошибаются. Большею частію они лежатъ спокойно и лишь изрѣдка слышно легкое, но раздирающее душу вскрикиваніе или сдержанные, непрерывающіеся глухіе стоны отъ невыносимыхъ болей. При этомъ профессоръ Гюббенетъ замѣчаетъ, что тому, кому нужны, ради возвышенія души, для искренней молитвы, торжественная обстановка и музыка или мелодическое пѣніе въ церквахъ, тому было бы достаточно побывать между этими ранеными, терпѣливый стонъ которыхъ находитъ доступъ къ тончайшимъ нервамъ нашего сердца, наполняя душу самымъ возвышеннымъ религіознымъ настроеніемъ. Мнѣ кажется, говоритъ профессоръ Гюббенетъ, что картина, изображающая раненыхъ въ такомъ видѣ, какъ она представляется врачу послѣ большаго сраженія, не только дала бы съ одной стороны истинное понятіе объ ужасахъ войны и увеличила бы своевременныя усилія къ устраненію ея, но съ другой—послужила бы наиболѣе поучительнымъ назиданіемъ будущимъ поколѣніямъ о томъ пренебреженіи къ смерти и готовности жертвовать собою за царя и отечество, которыми отличались наши герои. Всѣ тѣ разсказы изъ классической древности о перенесенныхъ изъ любви къ отечеству страданіяхъ, съ которыми, ради цѣлей воспитательныхъ, знакомятъ наше юношество, оказываются единичными и блѣд-

ными, въ сравненіи съ 11-ти мѣсячными страданіями и массою случаевъ мученической смерти защитниковъ Севастополя.

VII.

Раздача Хрулевымъ георгіевскихъ крестовъ раненымъ.

Въ другомъ мѣстѣ профессоръ Гюббенетъ говоритъ, что генералъ Хрулевъ, о которомъ уже упомянуто выше, навѣщалъ почти ежедневно раненыхъ, справлялся объ ихъ нуждахъ и желаніяхъ и раздавалъ имъ георгіевскіе кресты. Трогательно было видѣть, какъ счастливы были тяжело раненые, заслужившіе за свою отвагу этотъ дорогой крестъ. Они прицѣпляли его къ рубашкѣ или къ подушкѣ страдальческаго ложа. Если многіе не переживали своихъ страданій, то этотъ крестъ, священный знакъ благоволенія царя, утѣшалъ ихъ какъ свѣтлое видѣніе въ послѣднія минуты жизни.

VIII.

Размышленія профессора Гюббенета во время постигшей его болѣзни.

Всѣ эти и многія другія уже извѣстныя событія изъ Севастопольской обороны не могли не разстроить сильнѣйшимъ образомъ нервъ, и я заболѣлъ, пишетъ профессоръ Гюббенетъ, пользуясь, по совѣту Пирогова, уже оправившагося послѣ перенесенной имъ болѣзни, теплыми ваннами изъ морской воды. Во время моей болѣзни, я во всей силѣ самъ почувствовалъ тяжелое положеніе раненыхъ и больныхъ въ Севастополѣ, гдѣ жизнь отдѣльной личности имѣла столь мало цѣны и гдѣ участіе къ страданіямъ ближняго, въ виду тысячи смертей, отвлекалось еще неувѣренностью въ собственной безопасности каждаго. Оправившись нѣсколько отъ нервнаго разстройства и возобновивъ прежнюю дѣятельность, я не могъ не чувствовать въ дни, когда стали прибывать въ постоянно усиливающемся числѣ тяжело раненые, всю слабость человѣческихъ усилій въ борьбѣ съ этою массою страданій, облегченіе коихъ во многихъ случаяхъ выхо-

дило за предѣлы средствъ, доступныхъ современной наукѣ и опыту. Понятно, что при такомъ возбужденномъ и мучительномъ состояніи духа и при нежеланіи оставить Севастополь ранѣе окончанія обороны, въ особенности, въ виду отъѣзда доктора Пирогова, мысль о томъ, что при „адскомъ огнѣ“ осаждающихъ одна изъ летающихъ и производящихъ вокругъ себя опустошенія бомбъ легко можетъ положить предѣлъ моимъ страданіямъ, не представляла мнѣ ничего устрашающаго. Но я не былъ тронутъ непріятельскими зарядами и могъ продолжать свою дѣятельность на мѣстѣ до самаго окончанія осады, не покидая храбрыхъ защитниковъ славы и чести родины, и находя истинное утѣшеніе и поддержку въ испытанномъ мною довѣріи ихъ ко мнѣ и добромъ расположеніи, а равно въ сознаніи величія задачи, которой всѣ мы были преданы буквально до послѣдней капли крови.

IX.

Французскіе раненые.

О французахъ встрѣчаются слѣдующія симпатичныя замѣтки у профессора Гюббенета. Хотя мы получали положительныя свѣдѣнія и доказательства тому, что союзныя войска претерпѣвали много лишеній зимою, вслѣдствіе недостатка въ сносныхъ помѣщеніяхъ, въ тепломъ платьѣ и топливѣ, и страдали отъ болѣзней, но раненые французы, попадавшіе въ наши руки, только рѣдко подтверждали эти извѣстія. Одинъ изъ нихъ, на предложенный ему вопросъ, не страдаютъ ли они за недостаткомъ топлива отъ холода въ своемъ лагерѣ, отвѣтилъ: „pas le moins du monde; nous avons chez nous Forey (лѣсъ) et Bosquet (рощи)“. Forey et Bosquet—имена двухъ французскихъ генераловъ.

25-го мая 1855 г., когда союзники штурмовали Селенгинскіе и Волынскіе редуты, и мы, равно и непріятель, потеряли огромную массу людей, къ намъ попало значительное число раненыхъ французовъ. Трудно описать тѣ ужасы, которые въ эти страшные дни приходилось испытывать врачу при небываломъ наплывѣ раненыхъ. Неудивительно, что раненымъ французамъ,

которымъ было отведено особое помѣщеніе, пришлось ждать, пока самая экстренная помощь не будетъ оказана нашимъ воинамъ. Но мы, врачи, чувствовали, что съ плѣннымъ раненымъ война прекращена и что человѣколюбіе требуетъ полнаго нашего къ нимъ участія, а потому безпомощность наша поспѣть повсюду одновременно ложилась тяжело на нашу совѣсть. Отъ замедленія въ помощи положеніе этихъ раненыхъ нѣсколько ухудшалось. Но ни крики, ни упреки, ни жалобы не посыпались на насъ, когда мы вошли къ нимъ; но каждый изъ нихъ нетерпѣливо ждалъ очереди. Все, что я слышалъ отъ нихъ—это приглашеніе подойти къ нимъ, выражаясь такъ: „C'est mon tour, m-r le Major!“ Одного только изъ всѣхъ я помню, который громко выражалъ свои страданія. Это былъ красивый и высокаго роста капитанъ зуавовъ, съ выразительнымъ южнымъ типомъ; но за то онъ былъ страшно искалѣченъ. Про другаго зуава (по имени Joly), которому пришлось отнять ногу, профессоръ Гюббенетъ пишетъ, что подобный веселый нравъ, какой былъ у него, трудно себѣ представить. Во время всей операціи онъ не переставалъ улыбаться, разсказывая разныя шутки. Такого же нрава былъ другой раненый, поручикъ линейнаго полка Alphonse Chotard, которому также пришлось отнять ногу выше колѣна. Этотъ нашелъ послѣ ампутаціи достаточно силы выразить мнѣ, въ особенно вѣжливой и шутливой формѣ, свою благодарность за то, что я его „лишилъ ноги“. Между тѣмъ новая бѣда обрушилась на этихъ злосчастныхъ раненыхъ. Союзныя войска усиленно направляли свои орудія противъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ лежали французы. Раненые вручили мнѣ около 30 писемъ по этому поводу, которыя чрезъ посредство князя Васильчикова были доставлены въ непріятельскій лагерь. Одинъ изъ нихъ (Boulet), подвергшійся ампутаціи ноги, началъ свое письмо къ начальнику слѣдующими характерными словами: „Mon capitaine, à peine j'ai le courage de vous annoncer que je suis fait prisonnier“... Если въ данномъ случаѣ французскимъ раненымъ не было никакой возможности оказать болѣе своевременной помощи, то были и печальные случаи, когда нашимъ необходимая помощь не могла поспѣть во-время. Послѣ неудачнаго сраженія при Альмѣ, по обстоятельствамъ дѣла и условіямъ мѣстности, наши раненые пролежали нѣкоторое время на полѣ сраженія безъ помощи. Этихъ раненыхъ профессоръ Гюб-

бенетъ видѣлъ въ Симферополѣ, при отправленіи своемъ въ Севастополь. Эти раненые разсказывали, что на полѣ сраженія навѣщала ихъ англійская королева, утѣшала ихъ, давала имъ воды и обѣщала прислать пищу и лекарства. Ничто не могло разувѣрить ихъ, что англійская королева не покидала Англіи. Они описывали ее красивою, стройною женщиною въ трaурѣ, окруженною блестящею свитою. На чемъ основана была эта легенда—объяснить не удалось; она могла быть только продуктомъ разстроеннаго подъ вліяніемъ тяжкихъ страданій воображенія. Въ дѣйствительности же помощь оказывала нашимъ раненымъ, вѣроятно, какая либо благодѣтельная англичанка, въ родѣ нашихъ сестеръ милосердія, съ которыми наши войска впервые ознакомились лишь впослѣдствіи.

X.

Сестры милосердія.

О сестрахъ милосердія встрѣчается у профессора Гюббенета слѣдующій отзывъ. Въ этотъ день (11-го марта 1855 г.) уже нѣкоторыя изъ сестеръ милосердія принимали дѣятельное участіе на перевязочныхъ пунктахъ. При этомъ я не могу не упомянуть болѣе чѣмъ съ обыкновенною похвалою о сестрѣ Барчевской: она была занята съ ранняго утра до поздней ночи и охотно принимала участіе въ операціяхъ, ловко перевязывая прорѣзываемыя артеріи. Мнѣ кажется, что эта послѣдняя манипуляція вообще успѣшнѣе и искуснѣе можетъ быть исполняема женскою рукою, чѣмъ мужскою въ томъ случаѣ, когда женщины успѣютъ превозмочь въ себѣ чувство ужаса при видѣ человѣческой крови. Онѣ способнѣе мужчинъ для этихъ занятій, которыя ближе подходятъ къ нѣжному женскому рукодѣльному труду. Самое устройство и подвижность ихъ пальцевъ должны этому способствовать.

Вообще же профессоръ Гюббенетъ говоритъ, что эти добрыя, исполненныя христіанскихъ добродѣтелей, женщины несли не только труды и лишенія наравнѣ со всѣмъ гарнизономъ, но и подвергались одинаковымъ съ нимъ опасностямъ, которыя они

переносили съ рѣдкимъ героизмомъ. Онѣ дѣлали перевязки, оставаясь неустрашимо на своемъ посту въ госпиталяхъ, куда попадали бомбы, не рѣдко уносившія жертвы и всегда оставлявшія вокругъ себя опустошенія.

Если, продолжаетъ профессоръ Гюббенетъ, оборона Севастополя выставила наружу много высокихъ доблестей и заслугъ защитниковъ его, то въ его глазахъ поведеніе нашихъ сестеръ милосердія въ Севастополѣ относится къ прекраснѣйшимъ примѣрамъ въ исторіи женской добродѣтели и самоотверженнаго исполненія ими принятыхъ на себя обязанностей. Эти ихъ качества профессоръ Гюббенетъ ставитъ выше многихъ хваленыхъ, записанныхъ въ исторіи, примѣровъ силы духа и патріотизма женщинъ. Достаточно вспомнить, что двѣ сестры были убиты непріятельскими пулями, при исполненіи обязанностей.

XI.

Князь Викторъ Илларіоновичъ Васильчиковъ.

Должно отмѣтить воспоминанія профессора Гюббенета о нѣкоторыхъ, хотя и не особенно новыхъ подробностяхъ и впечатлѣніяхъ, касающихся благороднѣйшей и симпатичной во всѣхъ отношеніяхъ личности начальника штаба севастопольскаго гарнизона—князя Васильчикова.

Въ видахъ справедливости, говоритъ профессоръ Гюббенетъ, чтобы разсѣять разные довольно распространенные слухи, я долженъ удостовѣрить, что мы, врачи, по крайней мѣрѣ, въ самомъ Севастополѣ не чувствовали недостатка въ перевязочныхъ средствахъ, не смотря на громаднѣйшее расходованіе ихъ. Кромѣ собственнаго опыта, я ссылаюсь на свидѣтельство доктора Пирогова, который мнѣ самъ говорилъ, что онъ расходовалъ, при сильномъ наплывѣ раненыхъ, около 7 пуд. корпіи въ день. Эти 7 пудовъ составляли лишь частицу всего количества расходовавшейся во всѣхъ госпиталяхъ Севастополя и Симферополя корпіи. Я не имѣю возможности привести цифру всего того количества корпіи, бинтовъ и хлороформа, которое употреблено въ Севастополѣ. Могу лишь привести съ достовѣрностью, что въ

послѣдніе дни, передъ оставленіемъ нами Севастополя, ежедневно выходило до 30,000 аршинъ бинтовъ на одномъ перевязочномъ пунктѣ Николаевской батареи и въ теченіе одного августа мѣсяца 1855 г. израсходовано тамъ же около 1 пуда хлороформа.

Всѣ осуществившіяся улучшенія въ уходѣ за ранеными солдатами составляютъ, главнымъ образомъ, заслугу неутомимаго участія къ нимъ, человѣколюбія и энергіи графа Сакена, Нахимова и князя Васильчикова. Трудно себѣ представить насколько положеніе севастопольскаго гарнизона было бы ужаснѣе, если бы внутренніе распорядки въ немъ не находились, въ значительной степени, въ зависимости отъ высокихъ качествъ столь доблестныхъ мужей. Съ этого времени (около марта 1855 г.) я находился въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ кн. Васильчиковымъ и сообщалъ ему мои наблюденія о нуждахъ госпиталей и о мѣрахъ къ удовлетворенію ихъ. Чтобы оцѣнить кн. Васильчикова въ этомъ отношеніи, нужно было быть очевидцемъ, какъ я, той готовности, съ которою онъ входилъ во всѣ мелочи, съ какимъ терпѣніемъ и вниманіемъ онъ выслушивалъ, при другихъ обширныхъ и важныхъ занятіяхъ, всѣ требованія, какъ онъ старался удовлетворять ихъ безъ замедленія, скорѣйшимъ способомъ, безъ формальностей и шума. Мнѣ памятно, какъ онъ, истощенный отъ постоянныхъ усиленныхъ трудовъ днемъ и ночью, внушалъ во мнѣ глубокое состраданіе. Зная это и видя, что онъ, тѣмъ не менѣе, постоянно окруженъ массою лицъ, требующихъ отъ него того или другаго, у меня не хватало иногда духа безпокоить его. Но все-таки приходилось прибѣгать къ нему, чтобы помочь дѣлу. Обращаясь къ нему даже ночью, лишая его столь необходимаго ему отдыха, я всегда убѣждался, что удовлетвореніе безотлагательныхъ нуждъ доставляетъ ему истинное удовольствіе, и никогда не вырывался у него знакъ нетерпѣнія. Вынесенные княземъ Васильчиковымъ въ дни осады Севастополя труды равняются испытаніямъ продолжительной дѣятельной жизни и какъ ни скупо судьба удѣляла многимъ эти дни, но и въ этотъ короткій промежутокъ времени они жили много. Вотъ почему милость императора Николая Павловича о зачетѣ уцѣлѣвшимъ защитникамъ Севастополя каждаго мѣсяца за годъ службы была весьма справедливая и удачная форма для

выраженія царскаго благоволенія, равнаго для всѣхъ участниковъ въ оборонѣ Севастополя.

XII.

Тотлебенъ.

Выше уже упомянуто было о полученной генераломъ Тотлебеномъ ранѣ. Профессоръ Гюббенетъ, находившійся въ особо близкихъ отношеніяхъ къ Нахимову, Тотлебену и Васильчикову, останавливается съ видимою любовью на обстоятельствахъ, касающихся этихъ героевъ, усматривая въ сношеніяхъ съ ними драгоцѣнное воспоминаніе о перенесенныхъ вмѣстѣ съ ними испытаніяхъ, во время возвышающей душу славной обороны уголка дорогаго отечества.

Профессоръ Гюббенетъ пользовалъ раненаго Тотлебена одинъ безъ участія другихъ врачей, а потому онъ одинъ только и могъ знать и сообщить передаваемыя нынѣ подробныя о ходѣ его болѣзни свѣдѣнія. Эти свѣдѣнія профессоръ Гюббенетъ, умершій ранѣе графа Тотлебена, не считалъ, вѣроятно, удобнымъ огласить въ печати при жизни послѣдняго.

8-го іюня 1855 года, вечеромъ, когда послѣ утомительныхъ и многочисленныхъ исполненныхъ ампутацій, профессоръ Гюббенетъ вернулся домой для отдыха, влетѣлъ къ нему посланный княземъ Васильчиковымъ офицеръ, приглашая его немедленно на южную сторону, въ виду только что полученной Тотлебеномъ раны. Я тотчасъ же, пишетъ профессоръ Гюббенетъ, поспѣшилъ туда и нашелъ Тотлебена, сидящаго на диванѣ, окруженнаго Нахимовымъ, кн. Васильчиковымъ и братомъ послѣдняго. Всѣ они были весьма встревожены, но самого Тотлебена я нашелъ въ оживленномъ настроеніи. Протянувъ мнѣ руку, онъ сказалъ: „ничего особеннаго“. По осмотрѣ оказалось, что рана причинена штуцерною пулею въ лѣвую голень съ обнаженіемъ малой берцовой кости, но пуля не задѣла самой кости. Убѣжденіе въ этомъ обстоятельствѣ и выраженное мною мнѣніе, что рана сама по себѣ не представляетъ опасности, дало всѣмъ присутствующимъ вздохнуть свободнѣе, о чемъ и донесено было князю Горчакову.

Нахимовъ лично взялся доставить все необходимое для ухода за раненымъ Тотлебеномъ, согласно даннымъ мною указаніямъ. На другой день я вновь осматривалъ рану Тотлебена и нашелъ ее гораздо болѣе чувствительною. Во время этого осмотра, непріятельскую бомбу взорвало во дворѣ дома, гдѣ жилъ Тотлебенъ, вслѣдствіе чего онъ былъ перевезенъ въ одинъ изъ казематовъ Николаевской батареи. Затѣмъ и прочія начальствующія лица также оставили близь лежащія свои квартиры, за исключеніемъ одного Нахимова, который остался на мѣстѣ до своей смерти. Въ продолженіе первыхъ 14 дней заживаніе раны Тотлебена шло такъ успѣшно, что можно бы разсчитывать на скорое выздоровленіе. Но нервная раздражительность Тотлебена, отъ которой я и прежде его пользовалъ, достигла при продолжающемся ежедневно руководствѣ его инженерными работами и постоянномъ посѣщеніи его разными нуждающимися въ его совѣтахъ людьми,— высшей степени. Я устранялъ эти посѣщенія по мѣрѣ возможности, навѣщая Тотлебена въ это время до трехъ разъ въ день. Однажды я нашелъ его переведеннымъ въ другой казематъ, озабоченнымъ разными сдѣланными ему докладами, а къ вечеру въ раздражительномъ, нѣсколько лихорадочномъ состояніи. При осмотрѣ раны я обнаружилъ вблизи ея красное пятнышко. На другой день я призналъ нужнымъ сдѣлать на этомъ мѣстѣ разрѣзъ, послѣ котораго показался гной. Черезъ нѣсколько дней такое же пятно показалось близъ сочлененія ступни, что подавало поводъ опасаться распространенія воспаленія на жилистую сферу нижней части ноги или даже самого сочлененія. Меня это безпокоило въ высшей степени, такъ какъ подтвержденіе этого опасенія должно было-бы имѣть послѣдствіемъ отнятіе самой ноги. Я не могъ не вспомнить, что подобные случаи встрѣчались нерѣдко между ранеными въ Севастополѣ и оканчивались даже смертію. У Тотлебена лихорадка увеличилась, аппетитъ пропалъ. Огромное значеніе Тотлебена въ оборонѣ Севастополя, напряженное вниманіе, съ которымъ гарнизонъ слѣдилъ за его болѣзнію, усилило еще болѣе лежавшую на мнѣ мучительную отвѣтственность предъ всею Россіею за исходъ раны Тотлебена, тѣмъ болѣе, что онъ, при нашихъ добрыхъ отношеніяхъ, не желалъ совѣта другихъ врачей, кромѣ меня, и не соглашался показывать даже имъ своей раны. Не имѣя покоя ни днемъ, ни ночью

отъ занятій и нравственныхъ страданій, я продолжалъ ухаживать за Тотлебеномъ по мѣрѣ силъ, дѣлая ему разрѣзы на ногѣ, иногда даже съ употребленіемъ хлороформа, хотя онъ всегда рѣшительно соглашался на всѣ операціи, говоря: „что должно быть сдѣлано, того не слѣдуетъ откладывать". Въ этотъ критическій моментъ Тотлебенъ долженъ былъ узнать о смерти Нахимова, столь нѣжно къ нему привязаннаго. Эта вѣсть не могла не потрясти больнаго Тотлебена; но вмѣстѣ съ тѣмъ она должна была усилить предъявляемыя ко мнѣ требованія. Если исцѣленіе Истомина и Нахимова оказалось выше человѣческихъ силъ, то спасеніе Тотлебена признавалось обязанностью представителей медицинской науки. Хотя въ первыхъ дняхъ іюля замѣтенъ былъ благопріятный поворотъ въ ходѣ заживленія раны Тотлебена, но за этимъ временнымъ успокоеніемъ вскорѣ наступили новыя, еще бо̀льшія, чѣмъ прежде, опасенія.

Рѣшено было, что Тотлебенъ для болѣе успѣшнаго лѣченія переѣдетъ въ Бельбекскую долину, въ помѣстье, предложенное въ его распоряженіе помѣщикомъ Сарандинаки. Но вдругъ, при отсутствіи видимыхъ поводовъ, съ Тотлебеномъ сдѣлался такой сильный припадокъ озноба, что, не смотря на большую силу воли, Тотлебенъ сталъ дрожать всѣмъ тѣломъ. Цвѣтъ лица измѣнился и черезъ нѣсколько часовъ онъ лежалъ въ бреду. Я приготовился къ крайнимъ въ подобныхъ случаяхъ мѣрамъ, опасаясь за могущее послѣдовать зараженіе крови. Бывшіе на моихъ глазахъ печальные исходы подобныхъ ранъ потрясли меня сильно. Въ то время графъ Сакенъ отыскалъ меня и, сообщивъ, что нашелъ Тотлебена въ безпамятствѣ, спросилъ меня: надѣетесь-ли вы на выздоровленіе Тотлебена? Вполнѣ, отвѣтилъ я, успокоивая его и себя предположеніемъ, что у него перемежающаяся лихорадка. Вечеромъ того же дня я засталъ Тотлебена хотя и въ сильномъ жару и ослабѣвшаго, но въ полной памяти, рану блѣдною и засохшею. Я тотчасъ же распорядился отправкою его въ указанное помѣстье, куда онъ и былъ перенесенъ въ кровати за 6 верстъ. Хорошій воздухъ, отчасти энергическія медицинскія средства, возобновленіе разрѣзовъ дали отличные результаты и Тотлебенъ сталъ поправляться, хотя и медленно. Въ Бельбекѣ я могъ навѣщать Тотлебена первоначально черезъ день, а потомъ отъ 2 до 3 разъ въ недѣлю; онъ видимо

сталъ выздоравливать. 30-го іюля я уже получилъ отъ Тотлебена юмористическую записку слѣдующаго содержанія: „Сегодня появились здѣсь неисчислимые легіоны мухъ и вмѣстѣ съ первыми лучами солнца они напали на меня со всѣхъ сторонъ съ ожесточеніемъ; я долженъ былъ броситься на балконъ. Теперь я измышляю планъ для нападенія и уничтоженія моихъ непріятелей; но я ожидаю отъ этой моей атаки еще менѣе опредѣленнаго успѣха, чѣмъ отъ нападенія нашего на сидящихъ въ красныхъ сюртукахъ и въ красныхъ штанахъ на Сапунъгорѣ [1]). Съ этихъ поръ выздоровленіе Тотлебена шло безостановочно.

Прибавимъ еще два слова отъ себя о графѣ Тотлебенѣ. Въ послѣднюю турецкую войну Тотлебенъ имѣлъ еще разъ случай выказать свои блистательныя военныя способности. Но около 1881 года онъ сталъ похварывать и скончался, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, лѣтомъ 1884 года, на водахъ въ Соденѣ, близь Франкфурта на Майнѣ. Статсъ-секретарь А. Я. Гюббенетъ, пользовавшійся въ то время вблизи Содена водами въ Гомбургѣ, изъ уваженія къ заслугамъ графа Тотлебена и помня дружескія отношенія его къ покойному его брату профессору Гюббенету, навѣстилъ его въ Соденѣ. Но, увы, онъ нашелъ его на смертномъ одрѣ. Не смотря на благорастворенный климатъ, на тщательный медицинскій уходъ, онъ угасалъ вдали отъ родины, окруженный нѣжно любящею, истомленною продолжительнымъ уходомъ за больнымъ, женою и многочисленнымъ его семействомъ. Черезъ часъ по прибытіи А. Я. Гюббенета, Тотлебена не стало. Тѣло его, по исполненіи церковнаго обряда на мѣстѣ, было положено въ свинцовый гробъ и отправлено въ Россію. Графъ Тотлебенъ похороненъ, по высочайшему повелѣнію, въ Севастополѣ, на братскомъ кладбищѣ.

---

[1]) Этотъ намекъ становится понятнымъ, если вспомнить, что генералъ Тотлебенъ не принадлежалъ къ числу лицъ, признававшихъ полезнымъ для насъ атаковать союзныя войска подъ Черною рѣчкою 4-го августа (Восточн. война Богдановича, часть IV, стр. 13 и 14).

XIII.

Надежды и разсчеты воюющихъ армій въ послѣдній мѣсяцъ осады.

Упомянемъ еще о нѣкоторыхъ замѣткахъ профессора Гюббенета, касающихся послѣднихъ дней защиты Севастополя. Въ іюлѣ мѣсяцѣ съ обѣихъ сторонъ, какъ съ нашей, такъ и въ лагерѣ союзниковъ, горячо желали рѣшительныхъ дѣйствій для окончанія этой страшной трагедіи. Ежедневная молитва севастопольскаго гарнизона состояла въ томъ, чтобы союзники штурмовали городъ, потому что въ этомъ случаѣ мы видѣли для себя болѣе всего шансовъ на успѣхъ. Въ союзныхъ войскахъ, истощенныхъ продолжительною осадою, проникало сомнѣніе въ возможности удачнаго штурма. Въ англійскомъ лагерѣ, по удостовѣренію корреспондентовъ, чувствовался недостатокъ въ офицерахъ, которые увольнялись, по болѣзни, въ большомъ числѣ на родину до выздоровленія. У французовъ увольненіе офицеровъ допускалось съ большими затрудненіями. Въ непріятельскомъ лагерѣ были сторонники того мнѣнія, что пока Севастополь не будетъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, нельзя разсчитывать на окончательную побѣду. Другіе считали успѣшный штурмъ вовсе неосуществимымъ. Англійскіе офицеры, возвратившіеся въ Англію, стали давать въ это время весьма скромныя въ этомъ отношеніи надежды, указывая на громадныя затрудненія и неслыханное сопротивленіе русскихъ. Англійская печать оставила уже прежній высокомѣрный и вызывающій тонъ при описаніи севастопольскихъ событій и почти безмолствовала или сообщала сухія и неполныя свѣдѣнія изъ Крыма. Характернымъ для того времени представляется письмо одного зуава къ своимъ роднымъ, слѣдующаго содержанія: „Омеръ-паша—высокомѣренъ, Пелисье—грубъ (brutal), Боске—лучшій изъ нихъ, но у него много враговъ, Симсонъ спитъ, а Раглану нуженъ цѣлый день, чтобы выговорить: Jes или No. Изъ лучшихъ людей, первоначально сюда прибывшихъ, уже немного на лицо; изъ моего баталіона осталось 13 человѣкъ. Когда насъ освободятъ изъ этого кладбища, какъ мы называемъ здѣшнія мѣста?“

XIV.

Сраженіе при Черной рѣчкѣ.

Не дождавшись штурма съ ихъ стороны, мы рѣшили вступить, 4-го августа 1855 г., въ открытый бой подъ стѣнами Севастополя. Сраженіе подъ Черной хотя и не увѣнчало успѣхомъ наши усилія, но, какъ доноситъ кн. Горчаковъ военному министру, „всѣ отъ высшихъ до низшихъ подавали собою примѣръ самой высокой неустрашимости и самоотверженія. Убиты были генералы: Реадъ, баронъ Вревскій и Веймарнъ; ранены: генералы—Врангель, Проскуряковъ, Тулубьевъ и Гриббе; контужены: генералы—Гогманъ, Левицкій, Гротенфельтъ, подъ которымъ убиты двѣ лошади, и Огаревъ. Подъ генераломъ Крыжановскимъ убита лошадь“ [1]. Мы повторили изложенныя свѣдѣнія изъ донесенія кн. Горчакова, такъ какъ они касаются событія въ высшей степени знаменательнаго по обнаруженному нашими войсками самоотверженію. Профессоръ Гюббенетъ упоминаетъ объ этомъ сраженіи какъ о „львиномъ“ мужествѣ нашихъ войскъ, въ которомъ выбыло изъ строя съ обѣихъ сторонъ по 7,000 человѣкъ. Онъ приводитъ также ходившій въ то время слухъ, что кн. Горчаковъ искалъ въ этотъ день смерти, ибо генералъ Вревскій нѣсколько разъ былъ раненъ и, наконецъ, убитъ, находясь возлѣ него. Имѣя возможность провѣрить это обстоятельство, статсъ-секретарь Гюббенетъ, женатый на дочери вышеупомянутаго, потерпѣвшаго въ этомъ сраженіи, генерала Гротенфельта (умершаго въ 1882 г.), бесѣдовалъ нерѣдко съ нимъ объ этомъ сраженіи и могъ убѣдиться изъ его словъ, что кн. Горчаковъ, въ качествѣ главнокомандующаго, не могъ имѣть и не имѣлъ столь пагубнаго для дѣла намѣренія, но при важности послѣдствій происходившаго боя, желая воодушевить всѣхъ примѣромъ своей неустрашимости, не счелъ возможнымъ, въ пылу сраженія, измѣнить однажды занятую имъ и его штабомъ опасную позицію.

---

[1] Описаніе обороны Севастополя гр. Тотлебена, ч. II, отд. 2, стр. 314 и 315.

Далѣе замѣтки профессора Гюббенета подтверждаютъ, что послѣ сраженія при Черной рѣчкѣ виды на удержаніе нами Севастополя ослабѣли. Употребивъ отчаянныя усилія обороны, испытавъ адское со стороны союзниковъ бомбардированіе, при которомъ мы теряли, въ послѣдніе дни, по 2,000 и 3,000 человѣкъ, лишившись 27-го августа 1855 г. Малахова кургана, мы въ ту же ночь оставили Севастополь, а непріятель рѣшился лишь на четвертый день послѣ этого занять оставленныя нами развалины.

XV.

Біографическія свѣдѣнія о покойномъ проф. Гюббенетѣ.

Независимо отъ участія въ Севастопольской оборонѣ, въ качествѣ хирурга, профессоръ Гюббенетъ исполнялъ подобную же миссію, будучи командированъ съ отрядомъ врачей отъ нашего общества Краснаго Креста на театръ франко-германской войны. Послѣ этого, будучи назначенъ членомъ военно-медицинскаго совѣта, онъ проживалъ въ С.-Петербургѣ. Въ 1873 г., отправляясь для поправленія здоровья за границу, онъ остановился въ Вильнѣ, у брата, нынѣ генералъ-лейтенанта Гюббенета, гдѣ и заболѣлъ серьезно. Не смотря на самый заботливый уходъ у роднаго брата и усилія медиковъ, профессоръ Гюббенетъ скончался послѣ двухмѣсячной тяжкой болѣзни, отъ скоротечной чахотки, въ полномъ обладаніи силъ, на 52 году жизни. Причина этой болѣзни осталась не вполнѣ выясненной; самая же вѣроятная догадка ея заключается въ предположеніи, что профессоръ Гюббенетъ заразился трупнымъ ядомъ отъ случайнаго порѣза руки, во время произведенныхъ имъ въ значительномъ числѣ, въ теченіе почти мѣсяца, препаратовъ надъ покойниками въ здѣшнихъ госпиталяхъ, для воспроизведенія нѣкоторыхъ сложныхъ операцій, которыя произведены имъ были въ Севастополѣ. На этотъ порѣзъ онъ своевременно жаловался брату своему, у котораго проживалъ въ С.-Петербургѣ, но не придавалъ, повидимому, особеннаго значенія этому обстоятельству. Изготовляемые имъ препараты были снимаемы, во время

самой работы профессора Гюббенета, фотографически, почти въ натуральную величину. Вся эта работа производилась по настоятельному желанію распорядителей бывшей въ 1872 г. въ Москвѣ выставки, гдѣ эти фотографіи, размѣщенныя въ шалашѣ, напоминавшемъ обстановку севастопольской обороны, занимали почетное мѣсто. Какое назначеніе получили эти фотографіи и гдѣ онѣ находятся въ настоящее время—намъ не удалось разузнать.

Въ севастопольскомъ музеѣ, гдѣ вывѣшенъ портретъ проф. Гюббенета, этихъ фотографій, по наведенной справкѣ, не оказалось.

Сообщ.: **Ад. Як. и О. Як. Гюббенетъ.**

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА АДМИРАЛА П. С. НАХИМОВА

въ Севастополѣ 1854—1855 гг.

Числа и мѣсяцы не обозначены.

Писана вся собственною рукою адмирала карандашомъ; на внутренней же сторонѣ переплета, его же рукою, написано чернилами: „Павла Степановича Нахимова“.

Послѣ каждой фразы стоитъ знакъ ≂

В. Новицкій.

Хлебъ къ чаю. ≂

Водка для больныхъ. ≂

Бревна буковыя съ Ключниковымъ. ≂

О фоняряхъ Тотлебена. ≂

Бранспойтъ—и кадки Ловягину ≂ сукно крюйтъ-камерное. ≂

Систерны 14 съ Маріи, Кулевчи и Коварны. ≂

О бранскугеляхъ. ≂

Перечислить довольствіе брига Персей съ Маріи на Чесьму. ≂

О больныхъ грекахъ горячешныхъ въ госпиталь, о раненыхъ сюда, вообще сравнить ихъ съ нашими. ≂ Не нужно медика и разныхъ средствъ. ≂ О грекахъ сколько и куда назначены? ≂

Гдѣ помѣщается 36 экипажъ во время бомбардировки? ≂

Гильхину о плотахъ въ артиллерійской бухтѣ. ≂

Сказать Васильчикову, чтобъ осматривали, когда есть чесоточные и цынготные—нѣтъ медика на Отдѣленіи. =

Водку продаютъ. =

Требуютъ свидѣтельства о разломкѣ судовъ. =

Приказъ о провизіи. =

Записку о раненыхъ офицерахъ. =

О патронахъ, чтобъ были въ исправности кремни капсюлей въ полтора раза. =

Не всѣ снаряды, заряды. =

Претензіи о водкѣ. =

Пирогову или Гюбенету освидѣтельствовать или повѣрить аптеки. =

Повѣрить казначейство. =

Систерны для воды. =

Пожарный инструментъ. =

Въ случаѣ пожара команды ближайшія идутъ тушить. =

О мясѣ. =

О гребцахъ. =

О гребныхъ судахъ въ отрядѣ. =

Поставить 24 фунтовыя пушки вмѣсто 36 фунт., а тѣ поставить въ запасъ =

Федоровскій 2 на Эльбрусѣ. =

Эсмантъ на батарею Скарятина—есть Перфильевъ = узнать гдѣ? =

Выписывать приказы въ штабѣ. =

Андреева къ дѣламъ, о деньгахъ = о орденахъ = о раненыхъ? Заниматься въ конторѣ. = Кригсъ-комисаръ и провіантмейстеръ. =

Грозный съ Дунаемъ очередоваться на трое сутокъ для экономіи угля. =

Сухарный заводъ перенести въ частные дома—муку пріостановить возить—Александрова призвать. =

Прибойникъ съ пыжевникомъ вмѣстѣ. =

О сохраненіи клоцовъ отъ банниковъ. =

Грузить крупу. =

Устроить печи на сѣверной сторонѣ. =

Елмановичъ = выдана квитанція на 50 пудовъ—остальное сѣно было на хуторѣ, котораго никто не трогалъ. =

Если кирпичъ? = Для печей съ Васильчиковымъ. =

Полковникъ Норовъ? [1]) =

О водкѣ откупщика у Макова [1]). =

Левицкаго назначить на 3 пунктъ. =

Федоровичъ. =

Леви. =

---

[1]) Въ подлинникѣ зачеркнуто. В. Н.

Макарову осмотрѣть погреба. =

Арестанты сказать Васильч. =

Для устройства печей Старченку = и кирпичъ съ Васильчиковымъ объ этомъ. =

Ядромъ нельзя палить по работамъ [1]). =

О батальонномъ командирѣ. =

О печахъ чтобъ не перебирались съ сухарнаго завода, а только бы заняли ихъ. =

О горнистѣ 42 экипажа. =

Съ 1 отдѣленія ходили за ружьями и за кирками [1]). =

Максютову о больныхъ. = Зайти въ штабъ. = Старченкову о турахъ. =

Написать Павловскому о Старченкѣ. =

У Пикана есть лѣсъ. =

Строевой рапортъ показать дежурному штабъ-офицеру. =

Мостъ осмотрѣть и переговорить съ Рѣдкинымъ. =

Гостинница Орловскаго нѣтъ мелкихъ денегъ—удерживаютъ въ церквахъ, на почтѣ и въ откупѣ, а также мелкіе торговцы. =

До сихъ поръ нѣтъ росписанія кому на какой батареѣ стрѣлять во время общей бомбардировки. =

О провіантѣ свезена ли провизія? =

Брун. прапорщикъ гарнизонной артилеріи. =

Щиты сдѣлать тросовые. =

Артилерійскаго офицера. =

Спускать лѣсъ для Малахова кургана. =

Людей съ Чесьмы [1]). =

О помощникѣ Морозова на курганѣ [1]). =

Сказать чтобъ часть отряда бы послать перевозить войска [1]). =

2 люнета [1]). =

2 кирокъ [1]). =

О мостахъ на гать. =

О солдатѣ. =

О вылазкахъ представить. =

Объ отрядѣ гребномъ. =

Юрьевъ военный полицмейстеръ. =

Петровъ въ помощь полицмейстеру [1]). =

Сломать госпиталь. =

Устройство печей. Старченки обращаться за пособіями къ старшему моему адъютанту по эскадрѣ, которому и спускать лѣсъ пароходомъ по ночамъ. =

---

[1]) Въ подлинникѣ зачеркнуто. В. Н.

Блиндажи на маленькіе пароходы. ≂

Съ Васильчиковымъ о топливѣ, чтобъ освидѣтельствовать о наличіи угля. ≂

Аудитору взятыхъ обходомъ отсылать въ штабъ. ≂

Бечерова представить главнокомандующему ≂ о раненыхъ. ≂

Матрозъ 43 экипажа. ≂

Шлюпку въ распоряженіе сестры милосердія. ≂

Чайники для раненыхъ. ≂

Трапы на новые редуты. ≂ По 4 на Малаховъ курганъ тоже. ≂

10 человѣкъ арестантовъ. ≂

Дежурнымъ по карауламъ. ≂

Плѣнныхъ на корабль. ≂

Калипсо-тезей. ≂

Людей съ пароходовъ и для подмостковъ съ Михайловскаго собора. ≂

Девку выслать по этапу въ деревню. ≂

Керна призвать. ≂

О плетневой парусинѣ. ≂

Лазарева на 4 бастіонъ. ≂

О деньщикахъ присланныхъ офицеровъ. ≂

За полицмейстеромъ о..... [1]) ≂

Домъ Никитина освидѣтельствовать. ≂

Не отливать никому водки, а давать тѣмъ, кто пьетъ ≂ присяжные листы. ≂

41 бойка. ≂

Письмо къ г. адмиралу ≂ о грекѣ ≂ усилить шитье картузовъ. ≂

Мѣщанинъ Переяславля Павелъ Орловской былъ въ дѣлѣ 24-го октября въ застрѣльщикахъ при 6 белостоцкомъ резервномъ батальонѣ. ≂

О тѣлѣ утонувшемъ. ≂

Карантинъ—таможенные—объѣздные. ≂

Объ обходахъ и порядкѣ. ≂

Записать провизію экономическую въ приходъ ≂ требовать только на наличное число людей и полупорцій не требовать. ≂

Отдать одинъ пустой магазинъ. ≂

О маслѣ, о соли. ≂

Крылова, Щегловъ. ≂

Кристафоровъ. ≂

Дать штурмановъ. ≂

Лопаты. ≂

О водѣ Остренo. ≂

Колодцы очистить и осмотрѣть ≂ какъ въ южной, такъ и на городовой. ≂

Матрозъ 34 э. подсуд. ≂

Поручить Ловягину осмотрѣть колодцы. ≂ Катеръ съ муд.... [1]) и людей. ≂

В. Н.

[1]) Нельзя разобрать.

Сказать о плѣнныхъ Коцебу ≂ о Григорьевѣ тоже.

Тверитинова возвратить. ≂

Плѣнныхъ на корабль. ≂

О провизіи въ городѣ для жителей будетъ ли недѣли на три, о чемъ и озаботиться. ≂

Варить пищу на Владимірѣ и Громоносцѣ. ≂

Бомбическія пушки съ Михайловской батареи—на Николаевскую. ≂

Матвѣева пробить стѣнку, гдѣ укажетъ Обезьяниновъ. ≂

Написать къ Юрковскому, что люди на обоихъ редутахъ остаются не ѣвши. ≂

Гюбенету шлюпку. ≂

Пароходу не ходить къ Мортонову Элингу, а возить на шлюпкахъ отъ крана. ≂

Очистить бота, выгрузить ≂ на 10 № резервъ ≂ по укрѣпленіи переправу между Волохова заведеніемъ чрезъ адмиралтейство, дать знать сейчасъ на отдѣленія. ≂

О павловской батареѣ. ≂

Константиновская батарея можетъ дѣйствовать во флангѣ черной батареи. ≂

Воду на боту. ≂

Узнать о всѣхъ наградахъ офицерскихъ. ≂

Георгіевскіе кресты нижнимъ чинамъ. ≂

Награды кондукторовъ и писарей. ≂

Награды офицеровъ. ≂

О 5 отдѣленіи сколько какого экипажа убито матросъ и ранено. ≂

Приказъ начальникамъ отдѣленій, чтобъ исключали выбылыхъ. ≂

Составить вѣрныя вѣдомости о числѣ убитыхъ и раненыхъ. ≂

Вытребовать Новикова. ≂

Насколько сухарей? ≂

Бастіоннымъ командирамъ георгіевскіе кресты. ≂

Приказать, чтобъ по 50 выстрѣловъ не тратить на штурмѣ. ≂

Кугорновыхъ мортиръ Хрулеву. ≂

Копылья лежатъ подъ сараемъ употребить на мостъ употребя мосты настоящего. ≂

Бревны шестимѣрныя, доски на нихъ съ настоящаго моста. ≂

Лѣсъ въ Мортоновомъ Элингѣ. ≂

Плотъ готовъ у Рѣдкина. ≂

Марсы у манадскаго сарая. ≂

Мастеровыхъ половину отъ Ползикова. ≂

Васильчикову сказать, что будемъ дѣлать, если загорятся магазины. ≂

Стояковъ и банниковъ не присылаютъ. ≂

Кресты давать и тѣмъ, которые были и прежде представлены. ≂

О картузахъ Новосильскому. ≂

Отданъ ли приказъ имѣть по 50 для штурму? =

Сухари. =

Два бота для перевоза раненыхъ. =

Одинъ изъ сараевъ отдать Гильхину. =

О парусинѣ съ Ключниковымъ = и Герасимовъ. =

Мѣшки, изъ которыхъ шьютъ торбы для лошадей, годны ли они. =

Шерстяной холстъ для рубахъ = для картузовъ. =

Негодные мѣшки свозить для починки. =

Прочесть донесеніе о работахъ. =

На 1 отдѣленіе есть слесари. =

Командовать сухопутными войсками = Ком. Влади. = маіоръ пьянъ (или полкъ) [1]. =

О деньгахъ ран. съ Васил., о сигналахъ тоже. =

Офицеровъ перевести на корабли, казармы осмотрѣть. =

Собрать легко-раненыхъ офицеровъ. =

Узнать какихъ экипажей на 4 №. =

28 фунт. = картечи нѣтъ пушекъ 5 бомбическихъ пушекъ. =

Всю ночь Костомаровъ стрѣлялъ ядрами. =

Предписанія нѣтъ о деньгахъ Попову. =

О лабораторіи Попову. =

О Вецелѣ. =

(Этимъ оканчивается записная книжка адмирала. Подъ послѣднимъ словомъ «о Вецелѣ» чьею-то постороннею рукою написано чернилами:

François D'aurive L-r d. N. (П. С. Нахимовъ).

Примѣчаніе. Списано все отъ слова до слова съ буквальною точностью. Книжка записная П. С. Нахимова (въ 16-ю д. листа) хранится, какъ святыня, съ прочими предметами, напоминающими героя-защитника Севастополя—въ Севастопольскомъ музеѣ.

Сообщ. 16-го декабря 1879 года В. Ф. Новицкій.

Г. Ялта.

---

[1]) Трудно разобрать. В. Н.

В. В. СИКОРСКІЙ и Ф. Ф. НЕГРЕБЕЦКІЙ

ординарцы генерала Хрулева

въ 1855 г.

I.

Извѣстно, что почти до послѣднихъ лѣтъ царствованія въ Бозѣ почившаго императора Александра Николаевича наши пѣхотные армейскіе офицеры (кромѣ офицеровъ кавказскихъ войскъ) въ сущности ни чѣмъ не были вооружены и бывало хаживали на войну и въ битвы, какъ говорится, съ голыми руками, такъ какъ нельзя же было безъ шутокъ признавать саблей такъ называвшуюся тогда полусаблю, которою былъ вооруженъ офицеръ, и огнестрѣльнымъ оружіемъ—пистолеты, предназначавшіеся для сѣдельныхъ кобуръ тѣхъ пѣхотныхъ штабъ-и оберъ-офицеровъ, которымъ въ строю полагалось быть верхомъ. Девять десятыхъ этихъ полусабель гнулись при малѣйшемъ усиліи, какъ проволока, а пистолеты въ сѣдельныхъ кобурахъ большею частью замѣнялись деревяшками [1]), имѣвшими форму пистолета; у кого же имѣлись форменные пистолеты, то они были до того тяжелы и неуклюжи, что для боя рѣшительно не годились. Случалось, что у двухъ, много у трехъ офицеровъ въ полку были форменныя полусабли съ солингенскими клинками или

---

[1]) Что и подало поводъ корреспондентамъ англійскихъ газетъ, послѣ Альминскаго дѣла, безъ шутокъ утверждать, будто наши офицеры вооружены деревянными пистолетами, а солдаты таковыми же штыками, за которые эти господа приняли ружейныя пробки, состоявшія изъ обшитой сукномъ палочки, съ пуговицею на одномъ концѣ. Пробка эта вставлялась въ штыковыя ножны, чтобы онѣ не мялись, когда въ нихъ не былъ вложенъ привинченный къ ружью штыкъ. П. А.

передѣланныя изъ черкесскихъ шашекъ, но пистолетовъ почти ни у кого не было. Таковой недостатокъ офицерскаго вооруженія сказался преимущественно при защитѣ Севастополя, когда служба пѣхотныхъ офицеровъ весьма часто ставила ихъ лицемъ къ лицу съ непріятелемъ—въ траншеяхъ и на вылазкахъ.

Въ этихъ случаяхъ офицеры чаще всего вооружались солдатскимъ ружьемъ—оружіемъ для офицера, очевидно, совсѣмъ не подходящимъ. Помнимъ, съ какою завистью мы говорили о вооруженіи англійскихъ офицеровъ, обыкновенно состоявшемъ изъ превосходной сабли и только что начавшаго тогда входить въ употребленіе—револьвера. Нѣсколько этихъ револьверовъ досталось нашимъ съ англичанъ, убитыхъ на вылазкахъ или взятыхъ въ плѣнъ, и у солдатъ, случалось, покупали отбитые ими револьверы рублей за 25—за 30 серебромъ штуку. Потребность въ вооруженіи офицеровъ револьверами, очевидно, сознавалась и нашимъ правительствомъ, а потому на казенныхъ оружейныхъ заводахъ приступили къ ихъ приготовленію, и вотъ въ іюнѣ 1855 г. прислано въ севастопольскій гарнизонъ нѣкоторое количество револьверовъ, изготовленныхъ тульскими оружейниками и очень хорошо выполненныхъ по системѣ Кольта, хотя и простой отдѣлки. Револьверы эти было приказано роздать офицерамъ, чаще другихъ сближавшимся съ непріятелемъ на вылазкахъ и въ другихъ случаяхъ. Начальнику 11 пѣх. дивизіи генералъ-лейтенанту Павлову было прислано четыре таковыхъ револьвера—по одному на полкъ дивизіи. Случившійся при этой присылкѣ у генерала Павлова генералъ-лейт. Хрулевъ взялъ два изъ этихъ револьверовъ, а именно предназначавшіеся Якутскому и Камчатскому полкамъ, и отдалъ ихъ своимъ ординарцамъ: Якутскаго полка подпоручику Сикорскому и Камчатскаго полка подпоручику Негребецкому.

Вотъ одному изъ этихъ-то револьверовъ суждено было сдѣлаться предметомъ недоразумѣнія и нѣкотораго пререканія между севастопольскими военачальниками. Дѣло въ томъ, что когда выдавались помянутые револьверы, то никому въ голову не приходило предупредить, чтобы по минованіи въ нихъ надобности, чтоли, они были возвращены казнѣ, конечно, въ цѣлости и сохранности; тогда, когда эти револьверы выдавались боевымъ дѣятелямъ, было не до экономическихъ разсчетовъ и не до грошовыхъ сбереженій; когда же осада кончилась, тогда заговорили другое и даже вспомнили о нѣсколькихъ револьверахъ, розданныхъ офицерамъ для защиты своей жизни въ рукопашномъ бою. По выходѣ изъ Севастополя у полковыхъ командировъ потребовали возвращенія посланныхъ имъ револьверовъ, а полковые командиры, въ свою очередь, того же потребо-

вали отъ тѣхъ, кому таковые были выданы. Такое требованіе, какъ оказывается, предъявилъ командиръ Якутскаго полка къ подпоручику его полка Сикорскому, такъ какъ начальникъ дивизіи увѣдомилъ полковаго командира о томъ, что генералъ Хрулевъ выдалъ этому офицеру помянутый револьверъ, но подпоручикъ Сикорскій требованія командира полка не исполнилъ и подалъ слѣдующій рапортъ:

«Начальнику войскъ, расположенныхъ у Евпаторіи и Перекопа, господину генералъ - лейтенанту и кавалеру Хрулеву, подпоручика Якутскаго пѣхотнаго полка Сикорскаго,

Рапортъ.

Командиръ Якутскаго пѣхотнаго полка полковникъ Велькъ, отъ 24 сентября за № 4438, предписалъ мнѣ: представить начальнику 11 дивизіи генералу Павлову пистолетъ-Револьвера (sic), подаренный мнѣ лично вашимъ превосходительствомъ, на томъ будто-бы основаніи, что пистолетъ этотъ присланъ былъ въ Якутскій полкъ и по желанію вашего превосходительства врученъ мнѣ только на время нахожденія моего въ Севастополѣ.

Получивъ пистолетъ-Револьвера (sic) при предписаніи вашего превосходительства отъ 10 іюня за № 308, какъ подарокъ, и дорожа имъ какъ лучшей наградой вниманія ко мнѣ (?) вашего п—а, я исполнить предписаніе командира полка не смѣю безъ разрѣшенія на то вашего п—а. Почтительнѣйше о чемъ донося вашему п—у, честь имѣю покорнѣйше просить о распоряженіи вашего п—а объ этомъ почтить меня предписаніемъ. Подпоручикъ Сикорскій».

11 октября 1855, г. Орѣховъ.

Генералъ Хрулевъ былъ не изъ такихъ командировъ, чтобы не отстоять своего подчиненнаго, нуждающагося въ защитѣ, во что бы то ни стало. Хрулевъ немедленно передалъ рапортъ Сикорскаго по начальству, при слѣдующей надписи:

«Генералъ-адъютантъ князь Васильчиковъ, отъ имени господина главнокомандующаго, вручилъ мнѣ четыре пистолета-Револьверъ, для выдачи, въ видѣ награды, наиболѣе храбрымъ офицерамъ, по моему усмотрѣнію, почему оные тогда же и были розданы мною при предписаніяхъ подпоручикамъ: помощнику начальника 5 отдѣленія по артиллерійской части Врочепскому,—начальнику цѣпи 4 отдѣленія Кишельскому, ординарцамъ моимъ: Сикорскому 1-му и Негребецкому; настоящій рапортъ Сикорскаго, коему полковой командиръ предписалъ представить пистолетъ къ начальнику 11 пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанту Павлову, на томъ основаніи, что будто

пистолетъ присланъ въ Якутскій полкъ, имѣю честь препроводить начальнику штаба 4 пѣхотнаго корпуса господину полковнику и кавалеру Козлянинову для доклада его сіятельству господину корпусному командиру, съ почтительнѣйшею просьбою моею предписать господину начальнику дивизіи не измѣнять распоряженій бывшаго начальника штаба севастопольскаго гарнизона и оставить пистолеты у тѣхъ, кому оные мною выданы по заслугамъ.

Бывшій начальникъ 3, 4 и 5 отдѣленій оборонительной линіи Севастополя, генералъ-лейтенантъ Хрулевъ».

27 октября 1855, г. Симферополь.

Очевидно, что своимъ объясненіемъ, умышленно, или забывъ обстоятельства—не знаемъ, Хрулевъ даетъ дѣлу не надлежащее освѣщеніе. Очень можетъ быть, что князь Васильчиковъ вручилъ Хрулеву четыре револьвера для раздачи въ награду храбрѣйшимъ офицерамъ, но объ этихъ револьверахъ ни генералъ Павловъ, ни полковникъ Велькъ знать не могли и слѣдовательно ни тотъ, ни другой не могли требовать револьверовъ отъ офицеровъ, которымъ они были выданы генераломъ Хрулевымъ, а если генералъ Павловъ требовалъ возвращенія револьверовъ, то только присланныхъ ему для раздачи офицерамъ полковъ его дивизіи, въ томъ числѣ требовалъ отъ подпоручика Сикорскаго револьверъ, предназначавшійся для офицеровъ Якутскаго полка, а не подаренный ему генераломъ Хрулевымъ. Очень можетъ быть, что Хрулевъ, давая Сикорскому въ награду револьверъ изъ числа полученныхъ отъ князя Васильчикова, или забылъ, что ему уже выданъ револьверъ изъ предназначенныхъ якутскимъ офицерамъ, или же, дѣлая таковой презентъ, велѣлъ Сикорскому передать какому либо другому офицеру—полковой револьверъ. Во всякомъ случаѣ Хрулевъ не имѣлъ права обижаться распоряженіемъ генерала Павлова и настаивать на учиненіи ему начальническаго внушенія! Но какъ бы тамъ ни было, а на заявленіе Хрулева послѣдовалъ нижеприводимый отвѣтъ исправляющаго должность начальника штаба 4 пѣхотн. корпуса полковника Козлянинова 2-го, отъ 7-го ноября 1855, за № 6548, изъ Бахчисарая:

«По порученію господина корпуснаго командира, переписку эту представляя господину начальнику 11 пѣхотной дивизіи, имѣю честь донести, что его сіятельству угодно, чтобы пистолеты Револьвера (sic!), выданные черезъ генералъ-адъютанта князя Васильчикова подпоручикамъ: Якутскаго пѣхотнаго полка Сикорскому и Камчатскаго егерскаго полка Негребецкому, не были отъ нихъ отбираемы, покор-

нѣйше прошу о послѣдующемъ увѣдомить на семъ же для доклада его сіятельству графу Дмитрію Ерофѣевичу (Остенъ-Сакену)».

Распоряженіе это осталось безъ отвѣта, такъ какъ генералъ Павловъ, получивъ въ командованіе другую дивизію,—уѣхалъ, а его намѣстникъ нашелъ, что требованіе это до него не относится, потому что онъ распоряженій объ отобраніи револьверовъ не дѣлалъ.

Разсказавъ исторію, вызванную первымъ появленіемъ между защитниками Севастополя револьверовъ отечественнаго производства, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ вышеназванныхъ офицеровъ, которыхъ герой Севастополя—Хрулевъ, вооружалъ револьверами, какъ храбрѣйшихъ.

II.

Въ № 5 иллюстрированнаго изданія «Пчела», за 1877 годъ, мы встрѣтили статью, озаглавленную «Константинъ Викентьевичъ Сикорскій», а также портретъ его.

Съ чувствомъ глубокой благодарности мы, старые севастопольцы, встрѣчаемъ въ печати повѣствованія о какихъ либо новыхъ боевыхъ подвигахъ нашихъ старыхъ товарищей. Читая такія повѣствованія, мы молодѣемъ духомъ, мы утѣшаемъ себя мыслію—что мы еще на что нибудь пригодны, мы убѣждаемся, что крылья орловъ севастопольскихъ еще могутъ расправиться и что орлы эти еще могутъ прежними смѣлыми очами взглянуть въ лицо смерти!.... Съ такимъ же чувствомъ мы встрѣтили помянутую статью о Сикорскомъ; но потому-то именно, что близка нашему сердцу каждая рѣчь о подвигахъ нашего стараго боеваго товарища, мы съ особенною чуткостью относимся ко всему, что о немъ говорится, и не можемъ безмолвствовать, если въ чемъ либо слова эти не вѣрны истинѣ. На этомъ основаніи мы позволяемъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній на указанную статью о Сикорскомъ. Его звали Василіемъ Викентьевичемъ, а не Константиномъ Викентьевичемъ, какъ сказано въ разсматриваемой статьѣ.

Далѣе въ ней говорится: «Во время севастопольской войны, 17 лѣтъ, поступилъ онъ въ дѣйствующія войска, гдѣ въ непродолжительномъ времени награжденный Георгіемъ и чиномъ прапорщика, за храбрость, былъ лично взятъ С. А. Хрулевымъ въ ординарцы, участвовалъ во всѣхъ важныхъ битвахъ, за что получилъ орденъ св. Анны, три медали и чинъ штабсъ-капитана» и т. д.

Выше сказанное—большею частію невѣрно. Изъ разсказа надо заключить, что отличившійся храбростью, за что былъ награжденъ Георгіемъ и чиномъ прапорщика, Сикорскій былъ взятъ Хрулевымъ въ ординарцы. На самомъ дѣлѣ, это было не такъ. 4-го марта 1855 г. Хрулевъ былъ назначенъ начальникомъ лѣвой половины оборонительной линіи Севастополя, имѣвшей въ своемъ составѣ и 11-ю пѣхотную дивизію, къ полкамъ которой Хрулевъ всегда особенно благоволилъ, имѣвъ случай ознакомиться съ ихъ боевыми качествами еще на Дунаѣ. Получивъ означенное назначеніе, Хрулевъ тутъ же обратился къ мнѣ съ просьбою выбрать ему изъ полковъ дивизіи трехъ—четырехъ юнкеровъ въ ординарцы, такъ какъ, по словамъ Степана Александровича, «эта молодежь готова въ огонь и въ воду» а ему такихъ-то и было нужно.

На другой же день я представилъ Хрулеву: Якутскаго полка юнкера Сикорскаго, Охотскаго полка—юнкера Лукина и Камчатскаго полка юнкера Негребецкаго. Всѣ трое были оставлены безсмѣнными ординарцами при Хрулевѣ. Надо сказать правду: юнкерамъ этимъ пришлось вынести въ высшей степени тяжелую службу. И день, и ночь они были въ огнѣ и въ опасности. Днемъ они были всюду съ Хрулевымъ (если не въ бѣготнѣ съ приказаніями по бастіонамъ), ночью Хрулевъ постоянно посылалъ ихъ для повѣрки своихъ передовыхъ постовъ, даже секретовъ.

Лукинъ не долго оставался при Хрулевѣ. Онъ вскорѣ заболѣлъ и какъ-то стушевался; но Негребецкій и Сикорскій остались при Хрулевѣ до конца осады, съ нимъ перешли на правую половину оборонительной линіи, когда онъ былъ назначенъ начальникомъ оной, и съ нимъ опять воротились на лѣвую половину, гдѣ и оставались при немъ все время до послѣднихъ минутъ его участія въ усиліяхъ при отраженіи штурма 27 августа 1855 г. Сикорскій награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена св. Георгія (т. е. солдатскимъ знакомъ отличія, а не орденомъ св. Георгія, какъ можно понять вышеприведенное указаніе «Пчелы»), черезъ нѣсколько дней послѣ назначенія его ординарцемъ къ генералу Хрулеву. Въ прапорщики Сикорскій произведенъ за отличіе въ большой вылазкѣ съ камчатскаго люнета, ночью, съ 10 на 11 марта 1855, когда его, также какъ и Негребецкаго, Хрулевъ нѣсколько разъ посылалъ съ приказаніями въ самый сильный огонь[1]). Сикорскій получилъ, кромѣ того, орденъ св. Анны 3-й степ. съ бан-

[1]) А. Столыпинъ въ статьѣ „Ночная вылазка въ Севастополѣ" („Современникъ" 1855, № 7, стр. 5—11) говоритъ: три юнкера, генеральскіе ординарцы (Сикорскій, Негребецкій и Чикарулъ-Кушъ) бѣгали разъ по десяти, во время боя, въ непріятельскія траншеи, для передачи приказаній.

томъ, за участіе въ отбитіи штурма 6 іюня; орденъ Анны 4-й степ. съ надп. за «храбрость», 23 іюня, за мужество во время бомбардированія Севастополя, и 12 августа чинъ подпоручика—за храбрость вообще, при защитѣ Севастополя.

Въ Севастополѣ Сикорскій не былъ произведенъ не только въ штабсъ-капитаны, какъ утверждаетъ «Пчела», но даже въ поручики, Сикорскій вышелъ изъ Севастополя подпоручикомъ и если получилъ еще какія награды, кромѣ вышеисчисленныхъ, то вѣроятно на Кавказѣ, куда его взялъ съ собою Хрулевъ, когда былъ назначенъ туда корпуснымъ командиромъ.

Далѣе въ статьѣ «Пчелы» говорится, что Сикорскій въ послѣднее время служилъ мировымъ посредникомъ въ г. Дубно и 21 августа 1876 года, взявъ двухмѣсячный заграничный отпускъ, на свои средства отправился въ Сербію, въ армію М. Г. Черняева, съ которымъ былъ товарищемъ по Севастополю, и въ бою 16 сентября 1876 г., командуя русско-болгарскою ротою, въ отрядѣ полковника Медвѣдовскаго, убитъ подъ Шиллеговацемъ.

Сикорскій никогда не былъ товарищемъ Черняева, какъ утверждаетъ «Пчела». Сикорскій сначала былъ юнкеромъ Якутскаго полка, когда М. Г. Черняевъ былъ уже капитаномъ генеральнаго штаба и дивизіоннымъ квартермистромъ нашей дивизіи, а потомъ Сикорскій, въ чинахъ прапорщика и подпоручика, состоялъ ординарцемъ у Хрулева, когда Черняевъ находился при немъ въ качествѣ начальника штаба лѣвой половины оборонительной линіи Севастополя; но, конечно, Черняевъ зналъ Сикорскаго; тѣмъ болѣе, что всѣ состоявшіе при Хрулевѣ жили въ послѣднее время съ нимъ, на Павловскомъ мыскѣ, куда перешелъ и М. Г. Черняевъ, прежде жившій въ башнѣ Малахова кургана.

Сикорскій пошелъ добровольцемъ въ Сербію не потому, что былъ товарищемъ Черняева, стоявшаго тогда во главѣ сербскихъ войскъ, у Черняева Сикорскому искать было нечего; дѣлать боевую карьеру въ его годы и въ его положеніи было уже поздно; средствъ, обезпечивающихъ жизнь, онъ въ рядахъ черняевской арміи найти не могъ; нѣтъ, Сикорскій пошелъ подъ знамена Черняева собственно потому, что не могла вынести его пылкая натура бездѣйствія, когда другіе шли драться съ нашимъ исконнымъ врагомъ, съ которымъ не были еще окончены севастопольскіе счеты.

Скажемъ при этомъ случаѣ нѣсколько словъ о другомъ ординарцѣ Хрулева, одновременно съ Сикорскимъ назначеннаго къ нему въ эту должность.

III.

Подпоручикъ Феликсъ Фортунатовичъ Негребецкій, какъ выше сказано, состоялъ ординарцемъ при Хрулевѣ съ первыхъ чиселъ марта 1855-го года до конца осады Севастополя, и не смотря на свою раннюю юность и совершенно дѣтскій обликъ, постоянно отличался беззавѣтной отвагой, хотя, какъ онъ самъ разсказывалъ, что подтверждалъ и его бывшій ротный командиръ поручикъ Маевскій, когда впервые онъ услышалъ, идя съ Маевскимъ на Малаховъ курганъ, ревъ пролетѣвшаго надъ его головою ядра, то отъ ужаса, почти безъ чувствъ, упалъ на землю ничкомъ!.... Негребецкій получилъ: за вылазку 10-го марта 1855 года знакъ отличія военнаго ордена св. Георгія и чинъ прапорщика; за мужество во второе бомбардированіе Севастополя орденъ св. Анны 4 ст. съ надписью: «за храбрость»; за дѣло 26 мая произведенъ въ подпоручики; за отбитіе штурма 6 іюня награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. съ бантомъ; «за храбрость и мужество», вообще при защитѣ Севастополя оказанныя, награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ мечами и бантомъ, а за храбрость при штурмѣ 27 августа—золотою саблею съ надписью «за храбрость». Такимъ образомъ Негребецкій, въ какіе нибудь въ 6—7 мѣсяцевъ севастопольской службы, заслужилъ мужествомъ и храбростью два чина и пять знаковъ отличія, между которыми особенное представляли значеніе орденъ св. Владиміра 4 ст. и золотая сабля, отличія, рѣдко украшающія подобныхъ Негребецкому юношей. По счастливой случайности, Негребецкій изъ Севастополя вышелъ цѣлъ и невредимъ, отдѣлавшись только тѣмъ, что однажды подъ нимъ убили лошадь, а другой разъ—пулей оторвало каблукъ у его сапога!

Въ 1859 году Негребецкій былъ командированъ въ Царское село въ офицерскую школу, состоявшую подъ начальствомъ П. С. Ванновскаго [1]), куда тогда посылали офицеровъ, которымъ полагали дать движеніе впередъ, соотвѣтствующее ихъ военнымъ способностямъ, но Негребецкому не суждено было осуществить возлагавшихся на него надеждъ, такъ какъ въ 1865 году, онъ, пріѣхавъ въ отпускъ къ своимъ роднымъ, въ с. Васильевку, Волынской губерніи — скончался послѣ трехдневной простудной болѣзни.

П. В. Алабинъ.

5 апрѣля 1888 г.
г. Самара.

---

[1]) Нынѣ военный министръ.

СТУДЕНЧЕСКІЯ ВОЛНЕНІЯ ВЪ КАЗАНИ

въ 1882 г,

IX [1]).

Пріостановкою лекцій безпорядки собственно въ стѣнахъ университета прекратились; но агитація и волненія внѣ университета еще продолжались. Студенты собирались въ портерныхъ у Лысаго, въ Софіи, за Арскимъ полемъ и др., толковали, шумѣли. Имъ, говорятъ, было извѣстно, кто намѣченъ коммиссіею къ исключенію.

Начали присылать безъимянныя письма, потомъ явилась довольно толстая гектографированная записка, наконецъ, послѣдовали демонстраціи на улицахъ.

Первое безымянное письмо получено было мною на другой день послѣ сходки; авторы письма старались свалить вину со студентовъ на профессоровъ. Письмо это, носящее подпись «отъ студентовъ, писано на университетской площадкѣ», такого содержанія (я привожу письмо въ извлеченіи) [2]):

— «Сегодня будетъ происходить судъ надъ студентомъ, оскорбившимъ профессора Ѳирсова. Кто больше заслуживаетъ наказанія? Тѣ-ли гг. студенты, которые дѣйствують самостоятельно, или тѣ, которые суть только орудіе другихъ? Въ данномъ случаѣ нѣтъ самостоятельно возмутившихся студентовъ, а есть только студенты, дѣйствующіе по наущенію другихъ. Истинные возмутители въ настоящемъ

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1887 г., LX, стр. 641—662; изд. 1888 г., т. LX, стр. 203—223, 353—370, 649—670.

[2]) Приводятся подлинныя слова письма, выпускаются фамиліи и нѣкоторыя неудобныя, какъ могущія служить къ обозначенію лицъ, мѣста.

П. Щ.

дѣлѣ и дозволившіе себѣ вольности и порицанія на сходкѣ студентовъ не присутствовали, ожидая только скандала. Возмутителями студентовъ въ настоящее время являются профессора или, вѣрнѣе, небольшая группа «(перечисляются пять фамилій), вотъ агитаторы настоящаго возмущенія противъ Ѳирсова и васъ». (Далѣе передается, что именно эти лица будто бы говорили студентамъ). «Они непосредственно нѣкоторымъ изъ студентовъ прямо говорили, что при существующемъ порядкѣ, т. е. при васъ и Ѳирсовѣ, а равно при присутствіи такихъ лицъ изъ профессоровъ (перечисляются пять фамилій профессоровъ, живущихъ не въ ладу съ тѣми пятью) университетъ походитъ на помойную яму, гдѣ нѣтъ ни науки, ни мысли, что они и честнѣй, и обладаютъ мыслью, и видятъ гибель отъ рутины. Подобные мысли и взгляды были сообщены студентамъ медикамъ трехъ курсовъ, они-то вотъ и были орудіемъ всей настоящей исторіи. Главное, такимъ образомъ, зло лежитъ въ поименованныхъ лицахъ. Они орудуютъ скандаломъ, не жалѣя студентовъ, которые пострадаютъ».

«Настоящее письмо поручено мнѣ написать небольшой группой студентовъ медиковъ старшихъ курсовъ». «Мы опять повторяемъ, что не студенты тутъ виноваты, а виноваты профессора, которые подобные взгляды пустили въ толпу студентовъ. Мѣры, слѣдовательно, должны быть къ студентамъ снисходительны».

Въ послѣднихъ словахъ, полагаю, и заключается главная цѣль письма. Тому, что профессора будто бы были возмутителями студентовъ, я и вѣрить не хочу и говорить объ этомъ почиталъ бы неумѣстнымъ, если бы ходившіе въ то время въ городѣ слухи не разносили этого обвиненія, котораго я не допускаю. Ходили слухи, что студенческіе безпорядки возникли потому, что приближались ректорскіе выборы и противники профессора Ѳирсова не желали его выбора въ ректоры. Ходили даже какія-то легенды о пустомъ домѣ одного изъ профессоровъ, въ которомъ будто бы по ночамъ виднѣлись огоньки, то собирались студенты-заговорщики для совѣщанія о демонстраціяхъ противъ попечителя округа и исправлявшаго должность ректора. Я объясняю себѣ содержаніе «письма отъ студентовъ съ университетской площадки», и разносившіеся слухи такъ: можетъ быть недовольные мною и проректоромъ Ѳирсовымъ профессора и выражали когда либо неудовольствіе на меня и на профессора Ѳирсова, ихъ слова дошли въ то-же время до студентовъ, составившихъ впослѣдствіи присланное мнѣ письмо, и вотъ, когда безпорядки совершились, въ глазахъ студентовъ университетской площадки недовольные мною и Н. А. Ѳирсовымъ профессора являются возмутителями студентовъ, заводчиками смуты.

Въ то-же время получена мною небольшая записочка очень внушительнаго содержанія: мнѣ угрожаютъ смертію, «если будутъ исключенія по поводу сходки 29-го октября». Эта записка, по моему убѣжденію, идетъ не отъ студентовъ, а отъ настоящихъ, незримыхъ заводчиковъ смуты. Она ясно показываетъ студентамъ, въ какія руки они попали и чьимъ орудіемъ дѣлаются, добиваясь будто бы расширенія правъ студенческой корпораціи. Одновременныя волненія почти во всѣхъ нашихъ университетахъ не служатъ ли очевиднымъ доказательствомъ того, что причины безпорядковъ были не мѣстныя? Поэтому и въ казанскомъ университетѣ не недовольство студентовъ профессоромъ Өирсовымъ произвело смуту, не профессора, недовольные мной и Өирсовымъ, были возмутителями студентовъ,—руководителями движенія студенческаго были незримыя лица, интересъ которыхъ устроить смуту въ русской землѣ. Эти-то сѣятели смутъ и возбуждали студентовъ казанскаго университета противъ профессора Өирсова и меня. Уже послѣ окончанія студенческихъ волненій подтвердилось, что главные дѣятели смуты изъ студентовъ были недовольны проректоромъ Өирсовымъ, какъ доносившимъ попечителю округа, а попечителемъ—«за преслѣдованіе политическихъ». Повѣствовалось про ужасы и гоненія, которымъ попечитель и Өирсовъ будто бы подвергали политическихъ, и о томъ, что будто ихъ изгоняли изъ университета десятками.

5-го ноября 1882 г., торжественный для университета день, проведенъ грустно, безъ обычнаго акта. Отъ преподавательскаго состава вятской гимназіи получена мною слѣдующая телеграмма: «Глубоко возмущенные печальнымъ случаемъ въ родномъ для насъ университетѣ, мы, бывшіе питомцы казанскаго и другихъ университетовъ, въ дорогой для насъ день 5 ноября выражаемъ полное соболѣзнованіе вашему превосходительству и проректору Өирсову и душевно желаемъ побѣды закона и правды надъ дикими проявленіями необузданнаго своеволія».

18-го ноября во входныя сѣни моего помѣщенія подброшенъ пакетъ, въ которомъ оказалась гектографированная довольно объемистая записка, содержащая разъясненіе причинъ, породившихъ студенческое движеніе. Записка эта, очевидно, имѣла въ виду и уголовный судъ надъ В—вымъ, и университетскій судъ надъ студентами, участвовавшими въ безпорядкахъ, и желала расположить уголовный судъ въ пользу В—ва, а судъ университетскій въ пользу студентовъ, и кромѣ того имѣла цѣлію повредить профессору Өирсову въ глазахъ членовъ совѣта университета. Записка во всемъ обвиняетъ Өирсова. Всѣ обвиненія, впрочемъ, сводятся къ тому, что

онъ требовалъ буквальнаго исполненія правилъ, что онъ безсердеченъ, жестокъ, грубъ, хотя фактовъ безсердечія, жестокости и грубости въ запискѣ нѣтъ. Въ запискѣ этой въ видѣ похвалы есть, такъ сказать, доносъ на бывшее университетское начальство, т. е. ректора и проректора, и на профессора, завѣдывавшаго студенческой читальней «Но до г. Ѳирсова, говоритъ записка, они (т. е. студенческія учрежденія) были терпимы: наши депутатскія собранія по читальнѣ, по библіотекѣ, по банку и по кухмистерской засѣдали въ университетскихъ аудиторіяхъ, или тамъ, гдѣ находили это удобнымъ. Собраніе по читальнѣ еле-еле удержалось, благодаря только фикціи и завѣдыванія ею однимъ изъ профессоровъ». Признавая нелегальность студенческихъ учрежденій и сходокъ, записка ни единымъ словомъ не высказала порицанія въ высшей степени грубому поступку студента В—ва.

Между тѣмъ занятія университетской коммиссіи шли своимъ чередомъ. Коммиссія вызывала студентовъ всѣхъ факультетовъ и отбирала отъ нихъ письменныя показанія. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ, то нѣкоторые студенты являлись въ коммиссію съ заготовленными тетрадями, которыя они изъявляли желаніе прочитать въ коммиссіи, и въ которыхъ излагалась цѣлая теорія сходокъ. Такіе студенты обыкновенно отказывались отвѣчать на вопросы коммиссіи, а сами задавали вопросы и очень обижались, если имъ не отвѣчали. Многія показанія студентовъ отличались рѣзкостію тона, при недостаточной степени развитія, при несвязности иногда мышленія, но за то при значительной долѣ самомнѣнія, доходящаго до nec plus ultra, считающаго себя въ правѣ судить всѣхъ и каждаго, и объявлять порицаніе не только отдѣльнымъ профессорамъ и ректору, но и всему совѣту университета. Изъ показаній студентовъ видно, что первый пунктъ петиціи объ удаленіи ректора Ѳирсова и о немедленномъ принятіи въ университетъ В—ва даже передовые считаютъ невозможнымъ и неосуществимымъ требованіемъ, но большая часть студентовъ крѣпко стоятъ за необходимость измѣненія университетскихъ правилъ въ смыслѣ предоставленія большей свободы студентамъ, разрѣшенія сходокъ, депутатскихъ собраній, товарищескаго суда и т. п.

Особенно дерзко держалъ себя въ коммиссіи студентъ Дмитрій Я—въ, братъ говорившаго на сходкѣ рѣчь Степана Я—ва. Дмитрій Я—въ показалъ, между прочимъ, что онъ видѣлъ, какъ ломали дверь, и знаетъ, кто ломалъ, но не скажетъ. Одинъ студентъ П—въ, давно замѣченный въ пьянствѣ и нехожденіи на лекціи, явился въ коммиссію пьяный. Были такіе, которые отказались совер-

шенно давать показанія. И здѣсь повторилось то же, что замѣчено въ Разборной коммиссіи въ Москвѣ въ 1861 году—студенты-поляки, а здѣсь и студенты евреи, рѣшительно отрицали свое участіе въ сходкѣ, забѣгали къ профессорамъ, прося ихъ ходатайства за нихъ передъ совѣтомъ и попечителемъ. И здѣсь были примѣры полнаго отрицанія своей виновности при явныхъ почти уликахъ. Такъ, студентъ изъ евреевъ Г—ъ показалъ въ коммиссіи, что онъ не былъ на сходкѣ, а былъ въ корридорѣ. Трудно повѣрить, чтобы не былъ на такой рѣшительной сходкѣ Г—ъ, который еще раньше бывшему проректору на вопросъ его: были ли вы на сходкѣ (на одной изъ бывшихъ въ 1881 сходокъ)? отвѣчалъ: «я съ гордостію могу сказать, что ни одной сходки не пропускалъ». Г—ъ въ 1881 году являлся даже на сходку въ Ветеринарный институтъ, и изъ-за него-то студенты-ветеринары поднялись на своего инспектора, предложившаго студенту Г—у удалиться со сходки. Студенты Ветеринарнаго института негодовали на инспектора: «какъ онъ смѣлъ выгнать нашего гостя»! Одинъ изъ студентовъ университета А—въ не явился въ коммиссію по ея вызову и представилъ послѣ въ Совѣтъ университета оригинальное медицинское свидѣтельство въ доказательство того, что онъ. А—въ, не могъ явиться въ коммиссію по болѣзни. Въ свидѣтельствѣ этомъ врачъ удостовѣрялъ, что А—въ страдаетъ mania dubitationis. Никто изъ присутствовавшихъ въ совѣтѣ профессоровъ медицинскаго факультета не могъ сказать что за болѣзнь — манія сомнѣнія. И такое свидѣтельство выдалъ ординаторъ университетской клиники. Впрочемъ, не одни молодые ординаторы, но и нѣкоторые немолодые профессора, преисполненные чувства лже-гуманности, всячески старались поддержать, очевидно, виновныхъ студентовъ, ходатайствуя за нихъ предъ совѣтомъ университета, что, конечно, не могло не оказывать вреднаго вліянія на студентовъ, которымъ, къ сожалѣнію, не безъизвѣстны были совѣтскіе дебаты.

По мнѣнію членовъ коммиссіи число сочувствующихъ безпорядкамъ студентовъ довольно большое, главныхъ же дѣятелей человѣкъ 20—30 [1]).

---

[1]) Еще не приступлено было въ совѣтѣ къ чтенію доклада коммиссіи, а уже умы волновались. Прежде проректоръ, взволнованный, приходилъ ко мнѣ объясняться по поводу слуховъ о томъ, что коммиссія видитъ причину студенческихъ волненій въ прежней слабой инспекціи за студентами, въ дозволеніи студенческихъ сходокъ и депутатскихъ собраній прежнимъ университетскимъ начальствомъ. Я успокоилъ его, поручивъ подать мнѣ объяснительную записку, которую я и приложу къ докладу коммиссіи при представленіи въ министерство, чтобы министерство могло выслушать и другую

Наконецъ, послѣ почти мѣсячныхъ усиленныхъ работъ университетская коммиссія, составленная для разслѣдованія дѣла о безпорядкахъ, представила довольно обширный докладъ съ приложеніемъ письменныхъ показаній студентовъ и съ раздѣленіемъ виновныхъ студентовъ на категоріи. Коммиссія одну изъ главныхъ причинъ безпорядковъ усматриваетъ въ испорченности студентовъ слабостію и потворствомъ прежняго непосредственнаго университетскаго начальства, которое дозволяло депутатскія собранія въ стѣнахъ университета и смотрѣло сквозь пальцы на сходки. Если это и было такъ, то можно-ли строго винить университетское начальство, когда губернская администрація, въ началѣ 1881 года, не стѣсняясь, говорила студенческимъ депутатамъ, что сходки дозволены, когда даже въ умахъ нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ, при рѣшеніи вопроса о преобразованіи университетовъ, носился, какъ идеалъ, дерптскій университетъ съ его корпоративнымъ устройствомъ? Что казанская университетская коммиссія взглянула на дѣло именно такъ, а не иначе, это естественно: казанская университетская коммиссія 1882 года, какъ и московская университетская коммиссія 1861 года, имѣли предъ собою студентовъ и совершившіеся видимые факты и судили: московская университетская коммиссія единственно по этимъ фактамъ, а казанская, сверхъ того, по даннымъ въ коммиссіи показаніямъ студентовъ. И факты, и показанія студентовъ касались только одного пункта, показнаго, такъ сказать, предлога студенческихъ волненій—корпоративныхъ правъ студенчества. Исходя изъ этой, можно сказать, студенческой идеи, московская университетская коммиссія видѣла если не главную причину, то главный предлогъ къ безпорядкамъ въ увеличеніи платы за слушаніе лекцій до 50-ти рублей, а потому однимъ изъ главныхъ условій для возстановленія нравственнаго значенія университета полагала—безплатный пріемъ въ университетъ бѣднѣйшихъ людей. Московская университетская коммиссія признала, что мысль объ единствѣ студентовъ вызвана событіемъ 1857-го года. «Съ этихъ поръ, по словамъ московской университетской коммиссіи, укоренилась въ нихъ привычка къ сходкамъ и депутаціямъ». Казанская университетская коммиссія, исходя изъ той же мысли, что въ основѣ студенческихъ безпорядковъ лежитъ чисто-студенческое дѣло—исканіе тѣхъ-же корпоративныхъ правъ, видитъ причину студенческихъ волненій 1882

сторону. Я высказалъ ему, что причина студенческихъ волненій скрывается глубже, что ее слѣдуетъ искать не внутри казанскаго университета, чему доказательствомъ служатъ безпорядки и въ другихъ университетахъ.

П. Ш.

года въ укоренившейся въ студентахъ привычкѣ къ сходкамъ и депутаціямъ, а причину укорененія этой привычки усматриваетъ въ дозволявшихся прежнимъ непосредственнымъ университетскимъ начальствомъ депутатскихъ собраніяхъ и сходкахъ... Московская, и казанская университетскія коммиссіи и не задавались вопросомъ о томъ: не слѣдуетъ-ли искать причины студенческихъ волненій не въ самомъ университетѣ, а внѣ его, въ сферѣ политической? Не служитъ-ли исканіе студентами корпоративныхъ правъ лишь благовиднымъ прикрытіемъ другихъ менѣе благовидныхъ цѣлей? Не дѣйствуютъ ли студенты, не вѣдая, въ большинствѣ, сами, что творятъ, подъ искуснымъ, ехиднымъ вліяніемъ чужой зловредной силы, въ интересахъ которой— произвести смуту въ нашемъ отечествѣ, и которая избрала своимъ орудіемъ студентовъ, какъ матеріалъ, легче всего воспламеняемый, особенно подъ воздѣйствіемъ такихъ зажигающихъ искръ, какъ свобода студенчества, общее благо, прогрессъ, права народа и проч., и проч.?

Съ 25 ноября 1882 г. начались тяжелыя, составлявшія для меня нравственную пытку, засѣданія совѣта университета, бывшія подъ моимъ предсѣдательствомъ: въ этихъ засѣданіяхъ приходилось приговаривать къ наказаніямъ виновныхъ студентовъ. Засѣданій было четыре— 25, 26, 27 и 28 ноября; они были утомительны своею продолжительностью. По выслушаніи доклада коммиссіи и показаній студентовъ, по всестороннемъ обсужденіи проступковъ каждаго, постановлено: удалить изъ университета 12 [1]), уволить 20 студентовъ, 52 студентамъ объявлено особое порицаніе, 104 порицаніе; съ тѣхъ и другихъ опредѣлено отобрать подписки на обязательствахъ такого содержанія:

«Мы, нижеподписавшіеся, обязуемся честнымъ словомъ исполнять § 45 правилъ для студентовъ и не принимать никакого участія въ произнесеніи рѣчей, присылкѣ депутатовъ, выставкѣ объявленій отъ имени студентовъ, въ коллективныхъ адресахъ, прошеніяхъ или жалобахъ, а также въ сходкахъ или сборищахъ».

Не желающіе подписать этого обязательства считаются выбывшими по прошенію. Объ удаленныхъ и уволенныхъ было тогда же сообщено губернатору для надлежащихъ съ его стороны распоряженій.

---

[1]) Изъ нихъ удалены на два года 4, на одинъ годъ 8. Уволенные могли поступать въ другой университетъ тотчасъ; удаленные могли быть приняты въ казанскій или другой какой либо университетъ только по истеченіи времени, на которое удалены. Одинъ студентъ (П—въ) былъ удаленъ изъ университета на всегда за совершенную безуспѣшность и постоянно нетрезвое поведеніе,—онъ даже въ коммиссію явился пьяный. П. Ш.

Изъ доклада коммиссіи оказалось, что преимущественно принимали участіе въ безпорядкахъ студенты первыхъ 3-хъ курсовъ медицинскаго факультета.

1-го декабря сдѣлана была студентами первая уличная демонстрація. Одинъ изъ удаленныхъ студентовъ Дмитрій Я—въ умеръ, какъ оффиціально донесено мнѣ, отъ угара. Его погребеніе было предметомъ демонстраціи. Съ музыкой, съ вѣнками, высоко на плечахъ неся гробъ, прошла большая толпа студентовъ мимо моего дома. Передъ гробомъ несли два вѣнка и 3-ю палку, на которой былъ вѣнокъ, снятый полиціею, съ надписью «неправильно исключенному отъ исключенныхъ». На кладбищѣ первую рѣчь держалъ братъ умершаго, одинъ изъ ярыхъ дѣятелей сходки, Степанъ Я—въ, тоже удаленный изъ университета. Но самую возмутительную рѣчь произнесъ тотъ-же П—тъ, который сказалъ дерзость исправлявшему должность проректора Войцеховичу 28 октября. Послѣ этой рѣчи П—тъ былъ арестованъ.

Одною демонстраціею похоронъ Я—ва не ограничились: распустили слухи, что онъ съ горя, по однимъ, отравился, по другимъ съ намѣреніемъ угорѣлъ. Прибавляли къ этому, что по этому случаю снова произойдетъ сходка, какъ только откроется университетъ. На основаніи слуховъ о готовящейся сходкѣ, нѣкоторые профессора стояли за отсрочку лекцій до января. Но кто же можетъ поручиться, что въ январѣ 1883 г. сходокъ не будетъ? Времени и безъ того пропущено много, и безъ того на насъ ропщутъ за «закрытіе» университета. 2 декабря 1882 г. происходила вторая уличная демонстрація по случаю проводa уѣзжающихъ, удаленныхъ и уволенныхъ студентовъ. Вечеромъ около параднаго входа университета собралось до 120 человѣкъ, пѣлись пѣсни, говорились рѣчи, дѣлались возгласы весьма рѣзкаго содержанія; тройки уѣзжающихъ и извощики съ провожающими запрудили всю улицу. Толпа, говорятъ, большею частію состояла изъ выпившихъ. Шумъ около университета продолжался около получаса. Съ криками и пѣснями проѣзжала эта прощальная процессія и по Николаевской площади, и по другимъ улицамъ, по дорогѣ. Городская полиція не вмѣшивалась... Нѣкоторые, благодушно относящіеся къ проступкамъ студентовъ, усваиваютъ себѣ названіе «друга молодежи»? Вѣрно ли такое названіе? Легко прослыть другомъ молодежи: стоитъ лишь потакать даже нездравомысленнымъ ихъ поступкамъ, стоитъ лишь благодушно поговорить со студентами депутатами о томъ, что сходки дозволены, разрѣшить студенческіе вечера по «землячествамъ», для собранія такимъ образомъ денегъ на разныя цѣли и т. п. Но кто истинный другъ молодежи: тотъ ли, кто по-

такаетъ имъ во всемъ, или тотъ, кто прямо говоритъ имъ правду, хотя бы это и нелюбо было имъ, кто твердою рукою сдерживаетъ ихъ вредные порывы?

По отъѣздѣ удаленныхъ и уволенныхъ, и по отобраніи подписокъ подъ вышеуказаннымъ обязательствомъ отъ студентовъ, которымъ объявлено порицаніе, снята съ университета охрана въ ночь съ 4 на 5 декабря 1882 г. и вывѣшены, согласно распоряженію министра народнаго просвѣщенія, объявленія, что «въ случаѣ возобновленія сходокъ и безпорядковъ будутъ введены въ университетъ полиція и войско, что при ихъ содѣйствіи будутъ приведены въ извѣстность всѣ участвующіе въ сходкѣ, и что они будутъ уволены, какое бы ни было ихъ число». 7 декабря 1882 г. возобновлены лекціи. Потерянное пріостановкой лекцій время восполнено чтеніемъ лекцій вплоть до самаго праздника (до 23 декабря) и начатіемъ лекцій съ 7 января 1883 г.

Первые дни лекцій прошли совершенно спокойно, хотя слухи о готовящихся будто бы сходкахъ, оваціяхъ однимъ профессорамъ, демонстраціяхъ другимъ не прекращались [1]).

---

[1]) Справедливость требуетъ замѣтить, что содержаніе доклада коммиссіи, дебаты и подача голосовъ въ засѣданіяхъ совѣта были, къ сожалѣнію извѣстны студентамъ, отчего они и могли однимъ профессорами быть довольны, другими недовольны. Изъ этого видно, что даже въ такую критическую для университета пору, когда усилія всѣхъ должны были клониться къ одной цѣли—къ умиротворенію и водворенію порядка, казанскіе профессора не могли сплотиться, какъ сдѣлали это въ 1861 году профессора московскіе. Казанскіе профессора, вѣроятно, не подумали о томъ, что разладъ въ средѣ профессорской корпораціи, къ прискорбію, извѣстенъ студентамъ и не можетъ способствовать водворенію между ними порядка. Раздѣлившаяся на партіи коллегія не можетъ оказывать отрезвляющаго вліянія на воспаленные умы молодежи. Ученая корпорація позабываетъ старую истину: concordia parvae res crescunt, discordia maximae dilabuntur. Позабыли профессора, что разладъ между ними—губительный червь, подтачивающій корни автономнаго дерева, а дерево съ подломленными корнями рано или поздно рухнетъ..... Нѣкоторые изъ профессоровъ слишкомъ легко смотрѣли на бурливую молодежь, до того легко, что послѣ состоявшагося о виновныхъ студентахъ постановленія совѣта, въ которомъ они сами участвовали, они приняли на себя не подлежащую роль ходатаевъ за удаленныхъ предъ губернаторомъ. Столь вредный для университета разладъ между профессорами, даже въ тяжкую годину, утвердилъ меня еще болѣе въ мысли о необходимости оставить постъ попечителя округа: мнѣ въ высшей степени горько было сознаніе, что, не смотря на всѣ мои усилія въ продолженіе многихъ лѣтъ, мнѣ не удалось сплотить университетскую корпорацію даже настолько, чтобы она дѣйствовала единодушно во время безпорядковъ, угрожавшихъ спокойствію университета....

П. Ш.

10-го декабря 1882 г. я получилъ безымянное письмо слѣдующаго содержанія [1]):

«Слышали мы, что въ аудиторіяхъ вывѣшены объявленія на случай безпорядковъ со стороны студентовъ. Ну, а если безпорядки проявятся со стороны профессоровъ и вообще начальства, что соизволитъ тогда выразить г. Министръ? Потрудитесь дать на сіе отвѣтъ в листкѣ объявленій или в Биржевомъ листкѣ.

«Чающія движенія воды в Казанскомъ болотѣ».—

Это письмо, признаюсь, меня порадовало, какъ признакъ недовольства студентами со стороны чающихъ движенія воды; самое выраженіе «казанское болото» было для меня не ново и приносило чувство утѣшенія, а не досады. Вотъ эти-то чающіе движенія воды и могутъ быть названы инициаторами и возбудителями безпорядковъ. Для нихъ тошно даже четырехдневное спокойствіе казанскаго университета (съ 7 по 10 декабря включительно),—они жаждутъ смуты, если не отъ студентовъ, на которыхъ, какъ видно, они потеряли надежду, то хоть отъ профессоровъ, которыми, понятно, они только пугаютъ. Имъ пріятно нарушить мой душевный покой опасеніемъ грядущихъ безпорядковъ. Имъ не по сердцу энергическія мѣры, принятыя по случаю безпорядковъ, и вывѣшенное въ университетѣ объявленіе. Имъ хотѣлось бы смуты, смуты и смуты. Казанскій университетъ уже давно прозванъ «болотомъ» въ письмахъ, еще пять лѣтъ тому назадъ призывавшихъ къ возстанію казанскихъ студентовъ. Удалось, наконецъ, взволновать тихо стоявшую въ этомъ «болотѣ» воду.

Но вотъ она опять улеглась, и снова злоба кипитъ въ груди чающихъ движенія воды, и снова хочется имъ всколыхнуть и возмутить ее.

Я считалъ это письмо предсмертнымъ хрипѣніемъ смуты, и не ошибся. Прошло нѣсколько лѣтъ, спокойствіе въ стѣнахъ казанскаго университета не нарушается.

Дай Богъ, чтобы ненарушимымъ оставалось въ университетахъ спокойствіе, столь необходимое для мирнаго процвѣтанія науки.

Я слышалъ, что студенты сильно негодовали на незванаго своего помощника П—та, произнесшаго рѣчь на кладбищѣ при погребеніи тѣла Дмитрія Яковлева. Это негодованіе понятно: рѣчь П—та, носившая совершенно антиправительственный характеръ, придавала студенческому движенію политическую окраску, которой студенты не желаютъ и которую отрицаютъ, не понимая того, что идти путемъ сходокъ и демонстрацій противъ утвержденнаго верховною властію универси-

[1]) Удержана ороографія подлинника.

тетскаго закона значитъ производить дѣйствія антиправительственныя. Хоть бы заглянули они въ иностранныя газеты,—тамъ прямо на студенческія волненія смотрятъ, какъ на проявленіе революціонныхъ началъ. Не понимала наша учащаяся молодежь, какую медвѣжью услугу оказывала она своему отечеству, и какъ она радовала враговъ государственнаго порядка. Не вѣдали студенты, что творятъ. Если бы вѣдали, не стали бы сходиться и шумѣть. Никакъ не могу я допустить, чтобы они намѣренно дѣлали вредъ родной землѣ и служили орудіемъ въ возмутительныхъ рукахъ людей, чающихъ движенія воды...

X.

Сопоставляя студенческія волненія 1882 года со студенческими безпорядками 1861 года, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ. То, чего въ 1882 г. добивались студенты—не было плодомъ университетскаго устава 1863 года. Не уставъ 1863 года породилъ несогласіе профессоровъ и поблажки ихъ студентамъ; не уставъ 1863 года вдохнулъ въ студентовъ страсть къ сходкамъ и увѣренность въ томъ, что, дѣйствуя массою, они могутъ добиться всего, чего пожелаютъ. Несчастное столкновеніе полиціи со студентами въ Москвѣ въ 1857 году было поводомъ къ первой студенческой сходкѣ, къ первому студенческому движенію. «Съ этихъ поръ, по словамъ исторической записки московской университетской коммиссіи, укоренилась въ студентахъ привычка дѣйствовать массою». Весьма жаль, что ничего неизвѣстно какъ и по чьей иниціативѣ образовалась родоначальница студенческихъ сходокъ—сходка 1859 года въ московскомъ университетѣ. Тогда, быть можетъ, представилась бы возможность рѣшить интересный вопросъ о томъ,—сами ли студенты пришли къ мысли о сходкахъ, мысли, дотолѣ совершенно чуждой имъ, или и въ этотъ первый разъ на сходку созывали ихъ чающіе движенія воды. Судя потому, что въ Казани въ 1858 году возмущали студентовъ противъ начальства студенты-поляки, какъ передавали мнѣ бывшіе въ то время студентами поляки, дѣйствовавшіе такъ осторожно и хитро, что сами остались въ сторонѣ и не подверглись никакой отвѣтственности; судя по всей дальнѣйшей исторіи университетскихъ безпорядковъ, можно предположить, что и первая сходка 1857 года произошла не безъ чужаго вліянія [1]). Настойчивость, съ которою участники первой студенческой

[1]) Уже и въ 1857 году злоумышленные люди стали дѣйствовать на молодое поколѣніе. Знаменитый митрополитъ московскій Филаретъ, въ письмѣ

сходки добивались наказанія полиціи, обличаетъ присутствіе людей, твердо руководившихъ массою, а студенты, до того времени никогда не упражнявшіеся въ сходкахъ, едвали съумѣли бы такъ настойчиво вести дѣло.

Первая сходка достигла своей цѣли: виновные полицейскіе получили законное возмездіе. Эта побѣда правды, добытая незаконнымъ путемъ массоваго движенія студенческихъ сходокъ, дорого стоила университетамъ. Сходка, давшая такіе прекрасные результаты, получила въ глазахъ студентовъ значеніе наилучшаго лекарства отъ всякихъ университетскихъ золъ. Устроенная въ первый разъ для отраженія насилія полиціи надъ студентами, сходка скоро сдѣлалась орудіемъ насилія студентовъ надъ другими, и прежде всего, конечно, надъ тѣми лицами, которыя ближе къ нимъ—надъ профессорами, инспекторомъ и его помощниками. Такое быстрое превращеніе студенческой сходки изъ орудія защиты отъ насилія въ орудіе насилія и притомъ надъ тѣми, которые прежде пользовались уваженіемъ студентовъ, также наводитъ на подозрѣніе, что чужая рука, устроившая первую сходку, продолжала радѣть о ростѣ студенческой силы, и подъ сильнымъ злотворнымъ вліяніемъ этой руки сила студентовъ все росла и росла, какъ сказочная сила, враждебная русскимъ богатырямъ, «все росла и росла», на профессоровъ и науку, «все съ боемъ шла». Уступая натиску массы, съ грустію видя, какъ изгоняются студентами изъ университета ихъ товарищи, профессора становились къ студентамъ все снисходительнѣе и снисходительнѣе. Дошло до того, что студенты стали звать на свой судъ профессоровъ [1]), требо-

---

отъ 19-го декабря 1857 года къ князю С. М. Голицыну, пишетъ: „Съ прискорбіемъ прочитавъ, возвращаю вашему сіятельству незаконный печатный листъ". „Надобно полагать, что сіе изданіе съ усиліемъ будетъ распространяемо между людьми, которыхъ издатель можетъ почитать болѣе близкими къ своимъ мыслямъ, и въ мѣстахъ, гдѣ есть случай разстроить мысли молодаго поколѣнія". „Православное Обозрѣніе", изд. 1883 года, декабрь, въ приложеніи П. Ш.

[1]) Разъ казанскіе студенты, собравшись на одну изъ своихъ домашнихъ сходокъ, потребовали къ себѣ на судъ доцента С., а декана вызвали въ качествѣ свидѣтеля. Добрѣйшій, но безхарактернѣйшій деканъ явился, по требованію студентовъ, на сходку, сталъ было объясняться, но предсѣдатель сходки—студентъ пригласилъ его сѣсть, сказавъ, что когда его спросятъ, тогда онъ и будетъ отвѣчать. Деканъ смиренно усѣлся на скамейку (сходка происходила въ аудиторіи) и ждалъ, пока его спросятъ. Когда-же былъ спрошенъ, всталъ и далъ объясненіе. Вотъ до какой жалкой роли доведены были даже старѣйшіе профессора своеволіемъ студентовъ и своею не имѣющею предѣловъ уступчивостію. Когда этотъ фактъ, спустя довольно продолжительное время, случайно дошелъ до моего свѣдѣнія, я спросилъ

вать, чтобы они ставили хорошія отмѣтки не только не отвѣчающимъ, на экзаменѣ, но даже иногда и не являющимся на испытаніе. Дошло до того, что сходки снисходительно терпѣлись ближайшимъ университетскимъ начальствомъ, отъ высшаго же начальства эти домашніе безпорядки тщательно скрывались. Въ годовомъ отчетѣ казанскаго университета за 1880 годъ было напечатано: «Заслуживающихъ особаго вниманія случаевъ или происшествій не было. Нарушеній студентами и посторонними слушателями ихъ обязанностей на основаніи установленныхъ правилъ въ отношеніи университета не было» [1]).

Прочтя приведенныя строки, не могли ли студенты подумать, что ихъ сходки въ 1880 году, посылка депутатовъ и петиція не только написанная, но и напечатанная, помнится, въ одной изъ газетъ, въ Спб., не составляютъ въ глазахъ совѣта университета никакого нарушенія ихъ обязанностей на основаніи университетскихъ правилъ. Непосредственному университетскому начальству, ради пользы студентовъ и университета, необходимо постоянно стоять на твердой почвѣ закона, неуклонно требовать исполненія студентами правилъ и съ неисполняющихъ взыскивать согласно тѣмъ же правиламъ, не позволяя ни малѣйшей поблажки и воспитывая тѣмъ въ учащихся уваженіе къ закону. Никакія сходки студентовъ не должны быть допускаемы, коль скоро онѣ запрещены закономъ, и взысканіе за недозволенныя сходки, за принятіе на себя студентами званія депутата или званія предсѣдателя сходки, должно быть самое строгое. Необходимо привести студентовъ къ сознанію, что они поступаютъ въ университетъ, чтобы учиться и повиноваться университетскому закону, а не для того, чтобы собираться въ сходки, шумѣть и распоряжаться университетомъ по своему коллективному усмотрѣнію.

Историческая записка о безпорядкахъ въ московскомъ университетѣ говоритъ: «Съ этихъ поръ (съ 1857 года) укоренилась въ нихъ (въ студентахъ) привычка къ сходкамъ и депутаціямъ». Безъ сомнѣнія, совѣтъ московскаго университета выражался такъ на основаніи опыта: вѣрно съ 1857 года по 1861 годъ сходки въ московскомъ университетѣ не прекращались. Мнѣ неизвѣстно, что происхо-

---

лично ректора? правда ли это; ректоръ отвѣтилъ утвердительно. Тогда я попросилъ къ себѣ декана. На мой вопросъ, какъ же онъ могъ дозволить студентамъ требовать къ себѣ на судъ доцента и вызывать его декана, и не только дозволилъ, но и самъ явился на сходку, и, по требованію студентовъ, давалъ показанія, онъ лишь смущенно развелъ руками и, поникнувъ головой, отвѣтилъ: „что же съ ними было дѣлать?“

[1]) Годичный актъ въ Императорскомъ казанскомъ университетѣ 5 ноября 1881 года, стр. 83 и 84. П. Ш.

дило въ московскомъ университетѣ съ 1861 по 1881 годъ, когда, вслѣдствіе студенческихъ безпорядковъ, было удалено значительное число студентовъ. Но въ казанскомъ университетѣ [1]) съ 1863-го по октябрь 1880-го года все было спокойно. Если бы сходки вошли въ привычку студентовъ, то отсутствіе сходокъ въ продолженіе 18 лѣтъ трудно было бы объяснить, особенно при тѣхъ подстрекательствахъ, которыя повторялись отъ времени до времени. Это даетъ поводъ предполагать, что безпорядки, происходившіе въ московскомъ и другихъ университетахъ, причиною своею имѣли не привычку къ сходкамъ, укоренившуюся въ студентахъ, а скорѣе внѣшнія вліянія, вредно дѣйствовавшія на университетскую молодежь. Мое предположеніе подтверждается тѣми присылавшимися во множествѣ воззваніями, возмутительными листками и письмами, призывавшими казанскихъ студентовъ къ волненіямъ, подтверждается и тѣмъ браннымъ названіемъ, которое въ одномъ изъ этихъ писемъ дано казанскому университету—«болотомъ» назвали казанскій университетъ люди, жаждущіе движенія и волненій студенческихъ. На мой взглядъ, это предположеніе подтверждается и тѣмъ настойчивымъ непризнаваніемъ, со стороны студентовъ партіи движенія, политическихъ элементовъ въ ихъ безпорядкахъ, непризнаваніемъ участія политическихъ цѣлей въ университетскихъ движеніяхъ, которыя выставляются такъ, будто студенческое движеніе вызвано и раздуто ошибками университетскаго начальства.

«Московскія Вѣдомости» не совсѣмъ вѣрно представляли эти безпорядки естественнымъ слѣдствіемъ порядка, установившагося въ университетахъ со времени устава 1863 года. Впрочемъ, Катковъ, подобно мнѣ, видѣлъ въ университетскихъ безпорядкахъ интригу крамолы.

Да, студенческія волненія, начавшіяся съ 1857 года, по моему искреннему убѣжденію, плодъ политической интриги, политической агитаціи, стремившейся и стремящейся поднять волненіе среди университетской молодежи, надѣлать тѣмъ хлопотъ правительству и отвлечь его вниманіе отъ замышляемаго болѣе серіознаго волненія. Студенческое движеніе 1861 года было прелюдіею къ польскому возстанію 1863 года [2])..

---

[1]) Существовала, по слухамъ, студенческая касса, выбирался, вѣроятно и кассиръ; но все это велось въ величайшемъ секретѣ и внѣ университета. Впослѣдствіи, когда открылось общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ, студенческая касса поступила въ кассу общества.

[2]) Только что полученная мною, во время переписки набѣло этихъ воспоминаній, статья Н. И. Щербаня: „Политическій развратъ: народоволь-

Ноты, по которымъ разыгрывались студенческіе дисгармоническіе концерты на сходкахъ 1861 и 1882 года, почти однѣ и тѣ же; дирижеры не давали себѣ труда разнообразить программу концертовъ. То, чего въ 1882 году требуютъ студенческія сходки и петиція, требовалось сходками и адресами и въ 1861 году, и даже въ 1861 г. требованія шли нѣсколько дальше. Въ 1882 году студенты требуютъ права сходокъ, депутатскихъ собраній, распоряженія стипендіями, своей кассы, своей читальни и своего товарищескаго суда. Въ 1861 г. студенты сходокъ требовали: уничтоженія платы за слушаніе лекцій (этого 1882 году не требовалось), прáва студенческихъ сходокъ, особой студенческой библіотеки, особой кассы, прáва самостоятельнаго и независимаго гласнаго студенческаго суда, прáва выбирать не только своихъ библіотекарей и кассировъ, но и участвовать черезъ своихъ депутатовъ въ выборѣ профессоровъ и ректора (послѣднее требованіе сходкой 29 октября 1882 года не предъявлялось [1]). Изъ этого сопоставленія видно, что студенческія требованія 1861 г. повторяются и въ позднѣйшіе годы и черезъ 20 лѣтъ въ петиціяхъ

ствіе и народовольцы“ („Русск. Вѣстникъ“ 1887 года, сентябрь), даетъ отвѣтъ на поставленный мною вопросъ и вмѣстѣ служитъ подтвержденіемъ моихъ взглядовъ. Роль присяжныхъ революціонеровъ въ университетскихъ исторіяхъ признана оффиціальнымъ комментаріемъ народовольческой инструкціи, который говоритъ: „партія дѣйствовала на молодежь посредствомъ студенческихъ подгруппъ, бывшихъ при каждой мѣстной революціонной группѣ, въ Петербургѣ съ 1880 года организована особая центральная студенческая группа, заявившая себя дѣятельнымъ участіемъ во всѣхъ студенческихъ волненіяхъ“ (стр. 23). „Террористы нарочно зачислялись въ университетъ для подстреканій“ (стр. 23).

На основаніи революціонныхъ изданій, слѣдовательно, на основаніи показаній самихъ революціонеровъ, авторъ статьи говоритъ: „Прокламаціи и вся иниціатива студенческихъ исторій принадлежала именно революціоннымъ агентамъ, пронырливости которыхъ едва не удалось уронить учащуюся молодежь въ глазахъ русскаго общественнаго мнѣнія, сдѣлать имя студента неблаговиднымъ въ глазахъ русскаго народа, въ глазахъ же незнакомыхъ съ дѣломъ постороннихъ компрометировать русскіе университеты до того, что Европа начинала считать ихъ разсадниками нигилизма, а консерваторы славянскихъ земель (засвидѣтельствовалъ Н. И. Костомаровъ) видѣть въ нихъ учрежденія, въ которыхъ воспитанники набираются революціоннаго духа и, возвратясь, вносятъ домой развращеніе“ (стр. 29). П. Ш.

[1] Но справедливость требуетъ прибавить, что и въ петиціи, поданной на сходкѣ 29 октября казанскими студентами, заключалось требованіе немедленно удалить отъ ректорства Ѳирсова и, какъ мнѣ было донесено, вотировался на сходкѣ вопросъ, кому быть ректоромъ, и рѣшено, что ректоромъ они желаютъ имѣть К—го, слѣдовательно, сходка 1882 года фактически принимала участіе въ выборахъ ректора. П. Ш.

1881 года и въ петиціи 1882 года. Это однообразіе программы и замѣтное отсутствіе прогрессивности требованій не указываютъ ли на то, что такъ называемое «студенческое дѣло» служило лишь роль подставнаго дѣла для отвода глазъ, а прогрессивно-то шло иное, настоящее дѣло агитаторовъ, оно шло въ ужасающемъ прогрессѣ и переродилось изъ теоретическаго нигилизма въ дышущій истребленіемъ терроризмъ.

Какъ въ 1861-мъ, такъ и въ 1882 году участниками сходокъ являются студенты 1 и 2-го курсовъ и медики 3-го курса,—студенты высшихъ курсовъ, кромѣ нѣсколькихъ, составляющихъ исключеніе, единицъ, въ сходкахъ не участвуютъ. Въ московскомъ университетѣ въ 1861 году первенствующую роль на сходкахъ играли студенты поляки; въ казанскомъ университетѣ въ 1882 году—казаки, сибиряки, евреи и семинаристы, а также уроженцы Вятской и Пермской губерній, гдѣ, какъ и въ Сибири, политическіе ссыльные играли роль цивилизаторовъ. У евреевъ, въ послѣднее время въ особенности, развилась жажда къ политической дѣятельности и къ поступленію въ учебныя заведенія: массами поступали они въ университетъ, гдѣ старались о добываніи денегъ и о пріобрѣтеніи вліянія между студентами. Въ 1861 году не замѣтно было особаго преобладанія какого либо факультета, на сходкѣ 1882 года положительно не только преобладаетъ, но почти исключительно господствуетъ медицинскій факультетъ, являющійся въ 1880—1882 гг. самымъ безпокойнымъ изъ всѣхъ. Студенты медицинскаго факультета (въ тѣ три года) до того часто нарушали спокойствіе университета, что въ средѣ профессоровъ другихъ факультетовъ невольно возникала мысль о пользѣ отдѣленія медицинскихъ факультетовъ, которые могли бы существовать отдѣльно, подобно ветеринарнымъ институтамъ, въ видѣ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, и притомъ не въ мѣстахъ нахожденія университетовъ. Понятно, что осуществленіе такой мысли, если бы оно и было признано полезнымъ, соединено съ большими затрудненіями и потребуетъ значительныхъ расходовъ...

...Трудъ—самое лучшее противоядіе отъ всяческихъ болѣзней воли. Трудъ—поистинѣ палица Геркулеса, уничтожающая всѣхъ чудовищъ. Чѣмъ больше будутъ заняты студенты дѣломъ, тѣмъ спокойнѣе будетъ въ университетѣ.

Кромѣ постояннаго усидчиваго труда, къ которому профессора могутъ пріучить студентовъ на всѣхъ факультетахъ, если почаще будутъ сходить съ высоты своихъ каѳедръ и бесѣдовать со студентами, чтобы убѣждаться, насколько они усвоили прочитанное, чтобы уяснять непонятное или плохо разслышанное ими, если будутъ по-

больше занимать ихъ письменными работами, требующими предварительнаго чтенія, изготовленіемъ препаратовъ, продѣлываніемъ опытовъ и т. п., для нашихъ студентовъ, столь искусно возбуждаемыхъ къ сходкамъ и безпорядкамъ въ потребное для злоумышленниковъ время, необходимо еще сознаніе, что законъ не можетъ быть ослабленъ или нарушенъ...

Подъ наши университеты, какъ видно изъ вышеизложеннаго, часто подкапывалась крамола. Поэтому университеты требуютъ самаго внимательнаго ухода и правительства, и общества, и прессы. Къ сожалѣнію, ни общество, ни пресса не относятся къ нимъ достаточно бережно: или захваливаютъ, или черезъ мѣру порицаютъ. А между тѣмъ представительница цивилизаціи—пресса, вся безъ исключенія должна бы, для пользы университета и студентовъ, дѣйствовать успокоительно, отрезвляющимъ образомъ на учащуюся молодежь, не позволяя себѣ нападать на существующіе университетскіе порядки, напротивъ, внушая студентамъ уваженіе къ ихъ alma mater и постоянно напоминая имъ, что университеты существуютъ для распространенія научныхъ знаній, что студенты поступаютъ въ университеты для того, чтобы учиться, а не для критики и осужденія профессоровъ и университетскихъ порядковъ, что всякая политическая агитація должна быть чужда слушателямъ курсовъ высшаго учебнаго заведенія. Общій воспитывающій голосъ всей прессы не пройдетъ безъ добраго вліянія на учащуюся молодежь. Въ послѣднее время существованія университетскаго устава 1863 года, обрушиваясь враждебно огуломъ на всѣхъ профессоровъ, нѣкоторые органы прессы восхваляли студентовъ какъ spes patriae, видя въ нихъ даже большую зрѣлость, чѣмъ въ старшихъ руководителяхъ, преждевременно объявляя университеты гарантированными отъ безпорядковъ. Факты показали, какова была еще зрѣлость нашей университетской молодежи въ 1882 году.

Когда я дописывалъ въ дневникѣ эти строки, пришло извѣстіе объ юбилеѣ кіевскаго университета. Что же это такое?.. Когда же наша университеская молодежь съ отвращеніемъ оттолкнетъ отъ себя злонамѣренныхъ подстрекателей? . . . .
. . . .

Прочиталъ телеграмму изъ Вѣны о томъ, что происходила закладка университетскаго зданія, и императоръ Францъ Іосифъ произнесъ рѣчь, въ которой призывалъ учащееся юношество стремиться къ преуспѣянію въ наукахъ, добродѣтели и любви къ отечеству,—эта рѣчь императора была встрѣчена восторженными кликами: Hoch! Прочиталъ—и грустно, и тяжело мнѣ стало при сопоставленіи этого

извѣстія съ вѣстями о праздновании 50-тилѣтія кіевскаго университета...

Заключу выдержки изъ моихъ записокъ прекрасными словами профессора Мартенса: «Счастливы университеты, учащаяся молодежь которыхъ никогда не забываетъ, что университетъ дѣйствительно—храмъ науки, а не теплица для искуственнаго разведенія скороспѣлыхъ и самомнящихъ реформаторовъ въ лицѣ недоучившихся и необразованныхъ юношей... Дай Богъ, чтобы наши русскіе университеты никогда не перестали быть храмомъ науки, убѣжищемъ мысли, воспитателями ума и таланта и крѣпкимъ устоемъ для самоотверженной и безпредѣльной любви къ родинѣ [1]).

П. Д. Шестаковъ.

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", ноябрь 1884 года: „Юбилей Бернскаго университета"; стр. 860, 863.

КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ ХУДОЖНИКА В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Бой при селеніи Хоскіой

1878 г.

Въ ноябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1888 г. помѣщены воспоминанія В. В. Верещагина о набѣгѣ въ 1877 году на Адріанополь. Въ этомъ живомъ и интересномъ разсказѣ уважаемаго и знаменитаго художника явились нѣкоторыя существенныя неточности, именно въ тѣхъ его частяхъ, гдѣ почтенный Василій Васильевичъ разсказываетъ не то, что видѣлъ лично и въ чемъ участвовалъ, но о чемъ слышалъ отъ другихъ.

Долгомъ считаю возстановить дѣло такъ, какъ оно было въ дѣйствительности.

Описывая мнимую атаку командуемаго мною скобелевскаго авангарда на обозъ турецкихъ переселенцевъ, который, на основаніи будто бы моего донесенія, Михаилъ Дмитріевичъ принялъ за регулярные таборы,—Василій Васильевичъ эту атаку ставитъ покойному генералу Скобелеву въ величайшую изъ когда либо сдѣланныхъ имъ ошибокъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, желая по возможности смягчить и оправдать сдѣланный будто бы Скобелевымъ промахъ, авторъ, не замѣчая того самъ, впадаетъ въ грубый промахъ. Привожу подлинныя выраженія текста (см. стр. 456). «Ошибкѣ этой помогло, кромѣ помянутой и уже давней ревности Скобелева къ Гуркѣ, еще то обстоятельство, что къ громадному обозу выселяющихся турецкихъ семействъ присоединились мужья, братья и прочіе родичи изъ отступавшей арміи, захотѣвшіе, весьма естественно, оказать защиту своимъ и при появленіи русскихъ соединившихся въ колонны. Эти колонны и были тѣ таборы, которые высчитывалъ Панютинъ и казацкіе

начальники въ своихъ донесеніяхъ генералу и противъ которыхъ онъ выступилъ».

Прочитавъ эти строки, каждый согласится, что желаніе въ отставшихъ турецкихъ солдатахъ оказать защиту своимъ слѣдовавшимъ въ обозѣ родичамъ—дѣйствительно есть дѣло вполнѣ естественное; но чтобы допустить предположеніе, будто бы оставившіе свои знамена бѣглецы могли вдругъ сформировать изъ себя регулярные таборы и дать правильный бой, стоившій мнѣ болѣе 300 человѣкъ выбывшими изъ строя, то это уже будетъ не только не естественно, но чистѣйшій абсурдъ.

Такой совершенно не военный выводъ почтеннаго автора можетъ служить масштабомъ и для оцѣнки дальнѣйшаго изложенія о битвѣ подъ Хоскіоемъ (которой В. В. Верещагинъ не былъ свидѣтелемъ) и той части разсказа, гдѣ говорится о поднятіи моимъ авангардомъ на штыки женщинъ и дѣтей, грабежѣ турецкаго переселенческаго обоза и прочихъ дѣяніяхъ... Очевиднымъ является, что все или часть этого разсказа почерпнута авторомъ изъ невѣрнаго и даже не военнаго источника.

Лучшимъ отвѣтомъ на приведенныя выше строки будетъ съ моей стороны, какъ бывшаго командира Углицкаго полка, передать здѣсь все дѣло подъ Хоскіоемъ въ томъ видѣ, какъ оно произошло въ дѣйствительности, въ надеждѣ что и другіе участники этого событія не откажутся своимъ печатнымъ словомъ также подтвердить и возстановить истину.

Дѣло при Хоскіоѣ происходило такъ: вечеромъ черезъ два дня послѣ Шейновскаго боя отрядъ Скобелева, авангардомъ котораго командовалъ я, совершивъ въ двое сутокъ восьмидесятичетырехъ-верстный переходъ, стоялъ уже предъ мостомъ черезъ р. Марицу у с. Сейменъ. По рѣкѣ сплошною массою шелъ ледъ; противоположный берегъ былъ занятъ турецкою пѣхотою и артиллеріею, защищавшими переправу.

По оплошности турокъ, не уничтожившихъ моста, ввѣренный мнѣ Углицкій полкъ, прежде чѣмъ ему объ этомъ отдано было какое-либо приказаніе, вдругъ очутился на противоположномъ берегу. Защищавшіе переправу турки, открывшіе было по полку безвредный ружейный и пушечный огонь, очистивъ свои окопы, бѣжали. Такимъ образомъ, совершенно неожиданно для меня и для всѣхъ, Скобелевскій отрядъ, очутившись на правомъ берегу Марицы, занялъ шоссе, отрѣзавъ этимъ самымъ тѣснимому Гурко Сулейманъ-пашѣ путь отступленія къ Адріанополю по шоссе на Германлы,—такъ что для него остался одинъ исходъ искать спасенія въ горахъ Деспото-дага.

На другой день по прибытіи отряда въ Германлы, призвавъ меня, Скобелевъ приказалъ слѣдующее: двинуться по направленію къ Хоскіою и если мною будутъ встрѣчены турецкія войска, по свѣдѣніямъ отступавшія по правому берегу р. Марицы, то завязать съ ними дѣло и постараться навлечь ихъ на весь отрядъ Скобелева, расположенный близь с. Германлы. Для выполненія этого приказанія мнѣ было назначено: 3 батальона командуемаго мною Углицкаго полка, стрѣлковый батальонъ, четырехфунтовая полубатарея подъ начальствомъ штабсъ-капитана Турчанинова и три сотни донцовъ.

На разсвѣтѣ пѣхота моего отряда, какъ была налегкѣ, безъ обоза, тронулась по направленію къ Хоскіою; вскорѣ ее обогнали казаки и стали развѣдывать. По пути движенія я началъ оставлять казачьи посты для образованія летучей почты между моимъ и Скобелевскимъ отрядами.

Медленно подвигаясь и скользя по дорогѣ, сплошь покрытой гололедицею, казаки мои развѣдывали плохо. Вдругъ въ авангардѣ затрещала живая ружейная перестрѣлка и загремѣли пушечные выстрѣлы. Казаки бросились назадъ, а я очутился лицомъ къ лицу съ наступающимъ въ превосходныхъ силахъ и въ полной готовности непріятелемъ и на весьма неудобной для принятія боя позиціи.

Положеніе было не изъ особенно пріятныхъ, тѣмъ не менѣе надо было принимать бой. Осыпаемый пулями, отрядъ мой развернулся въ боевой порядокъ и, выдвинувъ свои четыре орудія, началъ отстаиваться. Турки, имѣя въ виду свой численный перевѣсъ въ силахъ, повидимому рѣшившись раздавить мой отрядъ тяжестью своей массы, энергически атаковали центръ моего боеваго расположенія, но встрѣченные мѣткою шрапнелью молодца Турчанинова, съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ распоряжавшагося дѣйствіемъ своихъ пушекъ и огнемъ подпустившей непріятеля на 50 шаговъ пѣхоты, турецкіе таборы были отброшены въ страшномъ безпорядкѣ.

Отойдя на первоначальныя позиціи, непріятель буквально началъ осыпать насъ градомъ пуль, а нѣсколько его таборовъ справа и слѣва начали обходить и охватывать мои фланги. Противъ нихъ я выдвинулъ справа—стрѣлковый батальонъ, а слѣва 2 и 3 батальоны Углицкаго полка. Жаркая перестрѣлка кипѣла; у меня уже около 300 человѣкъ выбыло изъ строя; превосходный въ силахъ непріятель давитъ—единственнымъ исходомъ изъ этой неожиданной, жарни было бы своевременное отступленіе на Скобелева, какъ онъ мнѣ это и приказывалъ, но какъ это выполнить? какъ увезти раненыхъ, когда не было ни одной повозки? Оставить на полѣ сраженія значило бы обречь ихъ на тѣ же послѣдствія, которымъ подверглись

наши несчастные раненые—попавшіе въ руки турокъ, подъ Телишемъ и на Шибкѣ! Да и, наконецъ, отступленіе въ виду массы непріятеля казалось мнѣ дѣломъ въ высшей степени рискованнымъ; при первомъ моемъ шагѣ назадъ ободренные турки могли перейти въ рѣшительную атаку, исходъ которой врядъ ли могъ быть для меня благополученъ.

Я положился на волю Божію и рѣшился не дѣлать ни одного шага назадъ въ надеждѣ на ожидаемую помощь Скобелева, которому еще въ началѣ боя послалъ донесеніе. И, какъ это оказалось потомъ, хорошо сдѣлалъ! Турки безъ видимой причины вдругъ стали отступать и я вздохнулъ свободнѣе. Въ эту минуту прискакалъ Скобелевъ, обогнавшій спѣшившій ко мнѣ на помощь свой отрядъ. Увидя быстро удалявшіяся колонны непріятеля, Михаилъ Дмитріевичъ на первыхъ порахъ велѣлъ мнѣ тотчасъ же начать преслѣдованіе, но преслѣдованіе не могло быть ни быстро, ни энергично, въ виду крайняго утомленія моего отряда, передъ тѣмъ изнуреннаго тяжкими форсированными переходами и не менѣе тяжкимъ только что отбытымъ боемъ.

Для меня до сихъ поръ остается загадкою, что было истинною причиною внезапнаго отступленія непріятеля, на сторону котораго въ концѣ видимо сталъ склоняться успѣхъ дѣла; появленіе ли въ тылу передовыхъ колоннъ генерала Гурко, или же приближеніе шедшаго ко мнѣ на выручку генерала Скобелева? Такъ или иначе, но турки были въ полномъ отступленіи въ горы и оно было настолько поспѣшно, что Скобелевъ приказалъ мнѣ прекратить безполезное и опасное преслѣдованіе и направиться на ночлегъ въ Германлы.

Такъ кончился бой при с. Хоскіой. Читателямъ предоставляется самимъ судить были-ль противъ меня импровизированныя колонны оставившихъ свои знамена бѣглецовъ, или же тѣ самые регулярные батальоны, которые геройски дрались съ нами подъ Филипополемъ.

На пути къ Германлы, куда послѣ боя въ полномъ порядкѣ направлялся нашъ отрядъ, мы дѣйствительно увидѣли загромоздившій все шоссе переселенческій обозъ, но, Боже мой, въ какомъ ужасномъ видѣ! Несчастныя турчанки протягивали солдатамъ руки, умоляя о спасеніи и помощи съ воплями: «Урусъ! Московъ! Болгаръ рѣзитъ»! Къ чести моихъ солдатъ, могу завѣрить, что ни одинъ изъ нихъ не запятналъ себя кровью безоружной жертвы; напротивъ, многіе изъ нихъ несли на плечахъ и везли на своихъ сѣдлахъ несчастныхъ малютокъ; лафеты орудій также были ими усажены. Обгоняемые турецкіе переселенцы, особенно же женщины, съ плачемъ умоляли насъ не оставлять ихъ на жертву болгарскаго ножа. Хотя сердце и обливалось кровью при видѣ этихъ раздирающихъ душу сценъ, но

надо было спѣшить въ Германлы, откуда уже Струковъ направился занимать Адріанополь. Впослѣдствіи мы узнали, что почти весь оставленный въ тылу турецкій обозъ, въ короткій промежутокъ, между уходомъ отряда Скобелева и прибытіемъ войскъ Гурко, былъ дорѣзанъ и до конца ограбленъ болгарами.

Вотъ правдивая исторія того, какимъ образомъ я, по разсказу В. В. Верещагина, «плохо разобравъ непріятеля, поднялъ на штыкъ весь громадный жительскій обозъ».

Конечно, разъ истина возстановлена, я не могу уже пенять на почтеннаго Василія Васильевича, впавшаго въ нежелательную ошибку, вѣроятно, не по своей винѣ....

Возвращаясь опять къ сценамъ яко-бы убійствъ и грабежа, столь живо (съ чужихъ словъ) описанныхъ въ своемъ разсказѣ В. В. Верещагинымъ и приписанныхъ имъ людямъ моего авангарда, не могу не напомнить одного случая, котораго авторъ былъ свидѣтелемъ-очевидцемъ, именно въ средѣ ввѣреннаго мнѣ Углицкаго полка.

Не успѣли мои угличане послѣ шейновскаго боя составить ружья, какъ явился ко мнѣ В. В. Верещагинъ съ просьбою доставить нѣсколько мундировъ и амулетовъ съ убитыхъ турокъ, которые ему понадобились для эскизовъ. Находя эту просьбу вполнѣ естественною, я крикнулъ фельдфебелей и приказалъ имъ достать просимые мундиры и амулеты. Фельдфебеля, вмѣсто исполненія приказанія, нерѣшительно начали переглядываться между собою, а потомъ одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: «Ваше Превосходительство, позвольте намъ нанять для этого болгаръ или жидовъ, а то солдаты наши ни за что не станутъ обирать убитыхъ, потому что зазорно».

Другой случай, хорошо извѣстный Василію Васильевичу, повторился на томъ же шоссе около Германлы. На одной изъ каруцъ сидѣли старая турчанка, ребенокъ и дѣвушка поразительной красоты, я поневолѣ залюбовался ею. Замѣтивъ обращенное на нее вниманіе, красавица, простирая ко мнѣ руки, съ рыданіями начала что-то говорить по турецки. Случившійся тутъ, изъ казанскихъ татаръ, солдатикъ Углицкаго полка перевелъ мнѣ, что она дочь турецкаго полковника и, спасаясь вмѣстѣ съ другими, проситъ моей защиты. Желая охранить бѣдную дѣвушку отъ ожидавшей ее плачевной участи, я приказалъ тому же переводчику-солдатику сѣсть на повозку и подъ своей охраной доставить ее куда нибудь въ безопасное мѣсто. Честный солдатикъ буквально исполнилъ мое приказаніе. Такъ какъ до самаго Константинополя онъ нигдѣ не могъ найти вполнѣ безопаснаго мѣста, то довезъ повозку съ ввѣреннымъ его охранѣ грузомъ прямо въ столицу султановъ, куда прибывъ благополучно, онъ розы-

скалъ родныхъ красавицы, сдалъ ее подъ квитанцію, а самъ съ винтовкою и въ полной аммуниціи возвратился къ полку и явился ко мнѣ въ Чаталджѣ. Оригинальная квитанція цѣла и хранится у меня до сихъ поръ.

Я могъ бы перечислить и еще нѣсколько случаевъ, ярко характеризующихъ человѣколюбіе массы русскихъ солдатъ, тогда же, во время мнимой рѣзни, сдавшихъ болѣе 500 дѣтей старшинѣ с. Германлы, но полагаю, что и этихъ трехъ будетъ вполнѣ достаточно, чтобы ими дать правильную оцѣнку возведенныхъ В. В. Верещагинымъ (съ чужихъ словъ) обвиненій о такихъ дѣйствіяхъ, которыя совершенно несообразны и несродны съ духомъ и характеромъ русскаго войска.

Всеволодъ Панютинъ.

Варшава. 1888 г.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

1834 г.

Въ дополненіе къ многочисленнымъ матеріаламъ, представленнымъ «Русской Стариной» къ жизнеописанію великаго поэта нашего А. С. Пушкина, представляю одинъ изъ документовъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, это — переписка «о допущеніи камеръ-юнкера А. С. Пушкина въ архивъ сената для прочтенія дѣла о Пугачевскомъ бунтѣ». Она находится въ числѣ оберъ-прокурорскихъ производствъ по общему собранію московскихъ департаментовъ правительствующаго сената за 1835 г., подъ № 118. Какъ значится на оберткѣ документа, переписка по означенному вопросу началась 12-го февраля и окончилась 18-го февраля 1835 г. Слѣдовательно, она возникла уже послѣ изданія «Исторіи Пугачевскаго бунта», которая, какъ извѣстно, написана въ 1833 г., а издана въ 1834 г. Въ предисловіи къ своему труду Пушкинъ говоритъ, что, при составленіи его, онъ не пользовался дѣломъ о Пугачевѣ, которое хранилось въ с.-петербургскомъ государственномъ архивѣ, оставаясь нераспечатаннымъ. Между тѣмъ въ 1834 году с.-петербургскій государственный архивъ былъ закрытъ, и часть его документовъ передана въ московскій государственный архивъ старыхъ дѣлъ. Предполагая, повидимому, что въ числѣ ихъ перешло и дѣло о Пугачевѣ, Пушкинъ, черезъ гр. Бенкендорфа, выхлопоталъ себѣ доступъ въ московскій архивъ для занятій въ немъ по занимавшему его вопросу. Но дѣла о Пугачевѣ не оказалось въ московскомъ архивѣ старыхъ дѣлъ, хотя раньше оно и сохранялось въ немъ: отосланное въ 1826 г. къ министру юстиціи, оно поступило въ с.-петербургскій государственный архивъ, но оттуда въ 1835 г. не было возвращено въ Москву. Хотя такимъ образомъ занятія Пушкина въ московскомъ архивѣ не состоялись, тѣмъ не менѣе возбужденная по этому поводу

переписка представляетъ интересъ, какъ свидѣтельство исторической пытливости Пушкина и какъ черта изъ его біографіи.

Вся переписка состоитъ изъ 4 бумагъ: 1) ордера министра юстиціи Д. В. Дашкова оберъ-прокурору общаго собранія московскихъ департаментовъ сената Морозу, 2) предложенія послѣдняго московскому государственному архиву старыхъ дѣлъ, 3) рапорта архива оберъ-прокурору и 4) рапорта оберъ-прокурора министру юстиціи. Вотъ подлинный текстъ переписки.

1.

Господину оберъ-прокурору Морозу.

Г. генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ отъ 2-го сего февраля сообщилъ мнѣ, что государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, камеръ-юнкера Александра Сергѣевича Пушкина допускать въ архивъ правительствующаго сената, для прочтенія дѣла о Пугаческомъ бунтѣ и составленія изъ онаго выписки.

О таковой высочайшей волѣ я даю вамъ знать, для надлежащаго со стороны вашего превосходительства исполненія. Министръ юстиціи Д. Дашковъ.

Февраля 6-го дня 1835 года. № 1391

2.

Государственному московскому архиву старыхъ дѣлъ.

Г. генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ отъ 2-го сего февраля сообщилъ господину министру юстиціи, что государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, камеръ-юнкера Александра Сергѣевича Пушкина допускать въ архивъ правительствующаго сената для прочтенія дѣла о Пугачевскомъ бунтѣ и составленія изъ онаго выписки.

О таковой высочайшей волѣ, вслѣдствіе предписанія господина министра юстиціи, даю знать государственному архиву для надлежащаго исполненія. Оберъ-прокуроръ Морозъ.

Февраля 13 дня 1835 г. № 184.

3.

Его п—ству господину дѣйствительному статскому совѣтнику, правительствующаго сената 7-го департамента оберъ-прокурору, исправляющему таковую-жъ должность и по общему собранію московскихъ департаментовъ, и кавалеру Данилѣ Матвѣевичу Морозу.

Изъ государственнаго московскаго архива старыхъ дѣлъ. Рапортъ.

Ордеромъ вашего превосходительства сего февраля отъ 13-го за № 184 сему архиву предписано для надлежащаго исполненія высочайшаго повелѣнія, камеръ-юнкера Александра Сергѣевича Пушкина допускать въ сей архивъ, для прочтенія дѣла о Пугачевскомъ бунтѣ и составленія изъ онаго выписки.

А по справкѣ въ архивѣ, прошлаго 1826 года января 26 числа, бывшій господинъ оберъ-прокуроръ общаго собранія московскихъ департаментовъ и кавалеръ князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ чрезъ ассесора его архива коллежскаго совѣтника Смирнова словесно приказалъ, доставить къ нему, господину оберъ-прокурору, по секрету, дѣла, начинающіяся съ буквъ Е. П. Почему во исполненіе онаго его сіятельства словеснаго приказанія, сего архива ассесоромъ и прочими чиновниками съ прикомандированными изъ разряднаго архива чиновниками жъ секретныхъ дѣлъ, начинающихся съ буквъ Е. П., изъ смѣшанныхъ непріятельскимъ нашествіемъ [1]), собрано семь вязокъ и одинъ пакетъ и за печатью сего архива доставлено, 1826 года января 28 числа, къ его сіятельству, для препровожденія къ господину министру юстиціи. А потому и дѣлъ о Пугачевскомъ бунтѣ болѣе въ семъ архивѣ не имѣется. Да и при разборѣ, по предписанію-жъ онаго господина оберъ-прокурора и кавалера князя Гагарина, дѣлъ бывшей тайной канцеляріи, дѣлъ о Пугачевскомъ бунтѣ не оказалось.

По которому въ государственномъ московскомъ архивѣ старыхъ дѣлъ опредѣлено: вашему превосходительству донести съ прописаніемъ справки рапортомъ. Совѣтникъ и кавалеръ Евреиновъ, ассесоръ Смирновъ, ассесоръ Крестьянскій, секретарь Крестьянскій.

Февраля 15-го дня 1835 г. № 51.

---

[1]) Т. е. въ 1812 г., при нашествіи французовъ.

4.

Его пр—ству господину министру юстиціи Д. В. Дашкову. Рапортъ.

На предписаніе вашего пр—ства отъ 6 сего февраля за № 1391 о допущеніи, по высочайшей волѣ, камеръ-юнкера Александра Сергѣевича Пушкина въ архивъ правительствующаго сената для прочтенія дѣла о Пугачевскомъ бунтѣ и составленія изъ онаго выписки, честь имѣю донести, что означенное дѣло, вслѣдствіе предписанія бывшаго господина министра юстиціи князя Лобанова-Ростовскаго отъ 20 января 1826 года за № 517, представлено къ нему при рапортѣ бывшаго оберъ-прокурора общаго собранія князя Гагарина отъ 27 того-же января за № 73. Послѣ чего ордеромъ отъ 1 марта того же года за № 1769 ему, князю Гагарину, дано знать, что упомянутое дѣло, на случай могущей встрѣтиться въономъ надобности, приказано принять къ храненію въ С.-Петербургскій государственный архивъ. Оберъ-прокуроръ Морозъ.

Февраля 18 дня 1835 г. № 194.

Сообщ. И. И. Шимко.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ

въ его неизданныхъ письмахъ.

I.

Н. В. Гоголь—къ своей матери М. И. Гоголь.

1.

(1834 г.?).

Посылаю вамъ сѣмена для огорода. Только прошу васъ посадить ихъ какъ можно скорѣе, если можно, то даже въ тотъ день, когда получите ихъ; намачивать ихъ вовсе не нужно, но просто прямо посадить въ землю. Только непремѣнно нужно поливать нѣсколько разъ на день послѣ посадки. Мѣсто выбрать для нихъ лучше поближе къ пруду, особенно позаботьтесь, чтобы было получше для цвѣтной капусты, артишоковъ и брунколей, которые я очень люблю. Не забывайте особенно приказывать хоть кому-нибудь изъ комнатныхъ дѣвушекъ поливать ихъ. Хоть они садятся нѣсколько поздно, но садовникъ здѣшній увѣряетъ меня, что при аккуратномъ поливаніи они весьма могутъ поспѣть въ іюнѣ. Со всѣхъ сторонъ доходятъ слухи и стращаютъ о неурожаѣ. Обратите на это вниманіе и велите, по крайней мѣрѣ, насѣять побольше картофелю, если хлѣба немного. Да нельзя-ли не строить въ этотъ годъ фабрики и другихъ построекъ. Неужели въ винокурнѣ нельзя дать мѣстъ выдѣлывать кожъ; она же теперь совершенно гуляетъ. Приладьте какъ-нибудь. Вѣдь не въ наружномъ видѣ, не въ строеніи сила, а въ томъ, что̀ дѣлается внутри. Фабрикантъ большой фантазеръ. Ему, конечно, пріятно видѣть огромное строеніе съ пышнымъ названіемъ «фабрика», но уговорите его, скажите, что вы на слѣдующій годъ выстроите ему золотую фабрику съ брилліантовою крышею, но что теперь нельзя-ли какъ-нибудь пристроить въ винокурнѣ всѣ препараты, что нѣтъ никакой возможности поступить иначе.

2.

Москва, 1850 г.

Давно не писалъ, желая дать вамъ какія-нибудь свѣдѣнія насчетъ герольдіи, о которой вы мнѣ уже два раза писали. Сколько я помню, то дѣло по этой части было окончено совершенно и окончательно еще при покойномъ отцѣ. Онъ говорилъ одинъ разъ при мнѣ, что происхожденіе дворянства нашего записано въ 6-ю книгу. Теперь нужно узнать, послѣ-ли записки оказалось сомнѣніе. Отецъ мой доставилъ также грамоты и документы. Это я тоже помню. Теперь нужно узнать, не пропали-ли эти грамоты, или не затаскали-ли ихъ куда-нибудь въ судѣ, что теперь и не вспомнятъ. Обо всемъ этомъ Иванъ Васильевичъ Капнистъ совѣтуетъ вамъ переговорить или съ Любомирскимъ, который служилъ еще при немъ и знаетъ все, или съ кѣмъ-нибудь другимъ въ Полтавѣ, долго служившимъ при дворянскомъ собраніи. Впрочемъ, на счетъ всего этого не совѣтую вамъ особенно тревожиться. Все это сущій вздоръ. Былъ бы кусокъ хлѣба, а что въ томъ, столбовой-ли дворянинъ, или просто дворянинъ, въ шестую-ли книгу или въ восьмую записанъ. (Если не докажется происхожденіе отъ полковника Яна Гоголя, то родъ будетъ записанъ въ 8 книгу). Шестая книга, конечно, почетнѣе, но права почти тѣ же. Итакъ, вы узнайте: было-ли записано въ 6-й или еще нѣтъ? О себѣ могу сказать только то, что здоровье мое покуда порядочно, хотя и нѣтъ еще такого расположенія къ трудамъ и занятіямъ, какого бы желалъ. Сестеръ моихъ, Анну, Елисавету и Ольгу, обнимаю отъ всей души. На письмо Елисаветы объ Эмиліи скажу то, что ей слѣдуетъ поступить какъ лучше, какъ удобнѣе и возможнѣе. Если можно какъ-нибудь помѣстить въ полтавскій институтъ, то, конечно, это хорошо. Если же нельзя, то нужно будетъ ее прислать сюда въ институтъ гувернантокъ, но для этого слѣдуетъ прислать впередъ всѣ нужныя бумаги, по которымъ она можетъ быть принята. То-есть, во-1-хъ, метрическое свидѣтельство, потомъ, во-2-хъ, свидѣтельство отъ предводителя или губернатора о томъ, что она точно не имѣетъ ничего и что у ней нѣтъ ни отца, ни матери. А если можно, то и копіи съ послужнаго списка отца, впрочемъ, послѣднее не къ спѣху. Для опредѣленія въ принятіи достаточно и двухъ первыхъ. Прощайте, будьте здоровы. Прошу молитвъ вашихъ. Остаюсь всегда любящій сынъ Николай Гоголь.

II.

В. Г. Бѣлинскій—Н. В. Гоголю.

20-го апрѣля 1842 г. Спб.

Милостивый государь Николай Васильевичъ! Я очень виноватъ передъ вами, не увѣдомляя васъ давно о ходѣ даннаго мнѣ вами порученія. Главною причиною этого было желаніе — написать вамъ что-нибудь положительное и вѣрное, хотя бы даже и непріятное. Во всякое другое время ваша рукопись прошла бы безъ всякихъ препятствій, особенно тогда, какъ вы были въ Питерѣ. Если бы даже и предположить, что ее не пропустили бы, то все же могли навѣрное сказать, что только въ китайской Москвѣ могли поступить съ вами, какъ поступилъ г. Снѣгиревъ, и что въ П. этого не сдѣлалъ бы даже Петрушка Корсаковъ, хоть онъ и моралистъ, и піэтистъ. Но теперь дѣло кончено, и говорить объ этомъ безполезно.

Очень жалѣю, что «Москвитянинъ» взялъ у васъ все и что для «О. З.» нѣтъ у васъ ничего. Я увѣренъ, что это дѣло судьбы, а не вашей доброй воли, или вашего исключительнаго расположенія въ пользу «Москвитятина» и къ невыгодѣ «О. З.». Судьба же давно играетъ странную роль въ отношеніи ко всему, что есть порядочнаго въ русской литературѣ: она лишаетъ ума Батюшкова, жизни Грибоѣдова, Пушкина и Лермонтова — и оставляетъ въ добромъ здоровьи Булгарина, Греча и другихъ подобныхъ имъ негодяевъ въ Петербургѣ и Москвѣ; она украшаетъ «Москвитянинъ» вашими сочиненіями и лишаетъ ихъ О. З. Я не такъ самолюбивъ, чтобы О. З. считать чѣмъ-то соотвѣтствующимъ такимъ великимъ явленіямъ въ русской лит—рѣ, какъ Гр., П. и Лермонтовъ; но я далекъ и отъ ложной скромности бояться сказать, что О. З. теперь единственный журналъ на Руси, въ которомъ находитъ себѣ мѣсто и убѣжище честное, благородное и — смѣю думать — умное мнѣніе, и что О. З. ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть смѣшиваемы съ холопами знаменитаго села Порѣчья. Но потому-то видно имъ тоже счастье: не измѣнить же для О. З. судьбѣ своей роли въ отношеніи къ р. литературѣ.

Съ нетерпѣніемъ жду выхода вашихъ «М. Д.». Я не имѣю о нихъ никакого понятія, мнѣ не удалось слышать ни одного отрывка, чему я, впрочемъ, и очень радъ: знакомые отрывки ослабляютъ впечатлѣніе цѣлаго. Недавно въ «О. З.» была обѣщана статья о «Ревизорѣ». Думаю, по случаю выхода «М. Д.», написать нѣсколько статей вообще о вашихъ сочиненіяхъ. Съ особенною любовію хочется мнѣ поговорить о милыхъ мнѣ «Арабескахъ», тѣмъ болѣе, что я виноватъ передъ ними: во время оно, я съ жестокою запальчивостью изрыгнулъ

хулу на ваши въ «Арабескахъ» [1]) статьи ученаго содержанія, не понимая, что тѣмъ изрыгаю хулу на духа. Онѣ были тогда для меня слишкомъ просты, а потому и неприступно высоки; притомъ же на мутномъ днѣ самолюбія безсознательно шевелилось желаніе блеснуть и безпристрастіемъ. Вообще, мнѣ страхъ какъ хочется написать о вашихъ сочиненіяхъ. Я опрометчивъ и способенъ вдаваться въ дикія нелѣпости; но—слава Богу—я, вмѣстѣ съ этимъ, одаренъ движимостью впередъ и способностью собственные промахи и глупости называть настоящимъ ихъ именемъ и съ такою же откровенностью, какъ и чужіе грѣхи. И потому, подумалось, во мнѣ много новаго съ тѣхъ поръ, какъ, въ 1840 году, въ послѣдній разъ вралъ я о вашихъ повѣстяхъ и «Ревизорѣ». Теперь я понялъ, почему вы Хлестакова считаете героемъ вашей комедіи, и понялъ, что онъ точно герой ея; понялъ, почему «Ст. Пом.» считаете вы лучшею повѣстью своею въ «Миргородѣ», также понялъ, почему одни васъ превозносятъ до небесъ, а другіе видятъ въ васъ нѣчто въ родѣ Поль-де-Кока, и почему есть люди, и притомъ не совсѣмъ глупые, которые знаютъ наизусть ваши сочиненія, не могутъ безъ ужаса слышать, что вы выше Марлинскаго, и что вашъ талантъ—великій талантъ. Объясненіе всего этого даетъ мнѣ возможность сказать дѣло о дѣлѣ, не бросаясь въ отвлеченныя и окольныя разсужденія; а умѣренный тонъ (признакъ, что предметъ понятъ ближе къ истинѣ) даетъ многимъ возможность сознательно полюбить ваши сочиненія. Конечно, критика не сдѣлаетъ дурака умнымъ и толпу мыслящею; но она, у однихъ, можетъ просвѣтлить сознаніемъ безотчетное чувство, и у другихъ — возбудитъ мыслію спящій инстинктъ. Но величайшею наградою за трудъ для меня можетъ быть только ваше вниманіе и ваше доброе, привѣтливое слово. Я не заношусь слишкомъ высоко, но—признаюсь—и не думаю о себѣ слишкомъ мало; я слышалъ похвалы себѣ отъ умныхъ людей и—что еще лестнѣе—имѣлъ счастіе пріобрѣсти себѣ ожесточенныхъ враговъ: и все-таки больше всего этого меня радуютъ доселѣ и всегда будутъ радовать, какъ лучшее мое достояніе, нѣсколько привѣтливыхъ словъ, сказанныхъ обо мнѣ Пушкинымъ и, къ счастію, дошедшихъ до меня изъ вѣрныхъ источниковъ, и я чувствую, что это не мелкое самолюбіе съ моей стороны, а то, что я понимаю, что̀ такое человѣкъ, какъ Пушкинъ, и что̀ такое одобреніе со стороны такого человѣка, какъ Пушкинъ. Послѣ этого вы поймете, почему для меня такъ дорогъ вашъ человѣческій, привѣтливый отзывъ...

Дай вамъ Богъ здоровья, душевныхъ силъ и душевной ясности. Горячо желаю вамъ этого, какъ писателю и какъ человѣку, ибо одно съ другимъ тѣсно связано. Вы у насъ теперь одинъ,—и мое нравственное существованіе,

---

[1]) Бѣлинскій, очевидно, имѣетъ въ виду здѣсь свой рѣзкій отзывъ объ ученыхъ статьяхъ Гоголя въ „Арабескахъ" (въ концѣ статьи: „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя", Соч., т. I, стр. 235, примѣч.). В. Ш.

моя любовь къ творчеству тѣсно связаны съ вашею судьбою; не будь васъ— и прощай для меня настоящее и будущее въ художественной жизни нашего отечества: я буду жить въ одномъ прошедшемъ и, равнодушный къ мелкимъ явленіямъ современности, съ грустной отрадой буду бесѣдовать съ великими тѣнями, перечитывая ихъ неумирающія творенія, гдѣ каждая буква давно мнѣ знакома...

Хотѣлось бы мнѣ сказать вамъ искренно мое мнѣніе о вашемъ «Римѣ», но, не получивъ предварительно позволенія на откровенность, не смѣю этого сдѣлать.

Не знаю, понравится-ли вамъ тонъ моего письма,—даже боюсь, чтобы онъ не показался вамъ болѣе откровеннымъ, нежели сколько допускаютъ то наши съ вами свѣтскія отношенія; но не могу перемѣнить ни слова въ письмѣ моемъ, ибо въ случаѣ, противномъ моему ожиданію, легко утѣшусь, сложивъ всю вину на судьбу, издавна уже не благопріятствующую русской литературѣ.

Съ искреннимъ желаніемъ вамъ всякаго счастія, остаюсь готовый къ услугамъ вашимъ Виссаріонъ Бѣлинскій.

III.

Прокоповичъ къ Н. В. Гоголю.

27-го іюня 1847 г.

Я нѣсколько виноватъ передъ тобою, что не извѣстилъ тебя въ прошломъ письмѣ объ отъѣздѣ Бѣлинскаго за границу; тогда письмо твое къ нему не прогулялось бы понапрасну сюда. Но все-равно, оно отправилось по первой же почтѣ къ нему въ Силезію, въ Зальцбрунъ, откуда ты, вѣроятно, и получишь отъ него отвѣтъ.

Эта поѣздка была необходима для Бѣлинскаго: только отъ нея одной зависитъ спасеніе жизни его, бывшей, въ продолженіе послѣдней зимы, не одинъ разъ на волоскѣ и сохранившейся въ противность всѣхъ правилъ и приговоровъ медицины.

Пользуясь твоимъ позволеніемъ, я прочиталъ письмо твое къ нему. Мнѣ кажется, ты очень ошибаешься, воображая, что статью свою Б. написалъ, принявъ на свой счетъ нѣкоторыя выходки твои вообще противъ журналистовъ. Зная Бѣлинскаго давно, я не могу не быть увѣреннымъ, что ни одна строчка его не назначалась мщенію за личное оскорбленіе. Почему не судить проще, и не принимать всего сказаннаго имъ встрѣчѣ совершенно противоположныхъ другъ другу убѣжденій, искреннихъ въ немъ, и, конечно, не притворныхъ и въ твоей книгѣ? Бѣлинскій не говорилъ хладнокровно о прежнихъ твоихъ сочиненіяхъ: могъ-ли онъ говорить хладнокровно и о послѣднихъ?

Впрочемъ, онъ самъ, вѣроятно, въ отвѣтѣ своемъ выскажетъ тебѣ всѣ свои побужденія.

Порученіе твое о появившемся здѣсь, по словамъ твоимъ, твоемъ однофамильцѣ я выполнилъ; но никакихъ слѣдовъ его здѣсь не отыскалось, никто ни о чемъ подобномъ въ Петербургѣ не слыхалъ, и не знаю, откуда къ тебѣ дошли эти вѣсти. Впрочемъ, на всякій случай я просилъ управляющаго конторою агентства Языкова предупредить всѣхъ книгопродавцевъ, съ которыми со всѣми она имѣетъ сношенія. Весь твой Прокоповичъ.

Примѣчаніе. Любопытно, что въ письмахъ Гоголя къ Прокоповичу есть слѣды довольно близкихъ отношеній его къ Бѣлинскому: напр., въ письмѣ отъ 11-го мая 1842 года Гоголь говорилъ: „Я получилъ письмо отъ Бѣлинскаго. Поблагодари его. Я не пишу къ нему потому, что минуты не имѣю времени, и потому что, какъ самъ онъ знаетъ, обо всемъ нужно потрактовать и поговорить лично, что мы и сдѣлаемъ въ нынѣшній проѣздъ мой черезъ Петербургъ („Русское Слово", 1859 г., I, 117). Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 15-го мая 1842 г., изъ Москвы) Гоголь поручалъ Прокоповичу передать просьбу Бѣлинскому написать рецензію на I т. „Мертвыхъ Душъ":

„Попроси Бѣлинскаго, чтобы сказалъ что-нибудь о ней въ немногихъ словахъ, какъ можетъ сказать нечитавшій ея" („Русское Слово", 1859 г., т. I, стр. 118). Въ письмѣ отъ 15-го іюля Гоголь снова поручаетъ Прокоповичу попросить Бѣлинскаго отпечатать для него листки критики „Мертвыхъ Душъ", если она будетъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" („Русское Слово", 1859 г., I, 119). В. Ш.

IV.

Н. В. Гоголь—А. П. Толстому.

8-го августа 1847 г.

Письмо ваше отъ 5-го августа получилъ, порошковъ еще нѣтъ, но вѣроятно они скоро придутъ въ слѣдъ. Благодарю васъ много за доброту и попеченье о здоровьѣ моемъ. Дай Богъ за это и здоровья и блаженной участи творить то, что угодно Ему. На счетъ черкесовъ я съ вами совершенно согласенъ: мы совершенно не умѣли изъ нихъ сдѣлать нашу силу и крѣпость, и Богъ-вѣсть изъ-за чего задумали истреблять то, что послужило бы къ добру нашему. Только, мнѣ кажется, врядъ-ли удастся модному просвѣщенію одолѣть этотъ народъ. Богъ не даромъ сберегаетъ простоту нѣкоторыхъ народовъ и хранитъ въ ущельяхъ и горахъ остатки патріархальнаго быта.

Остальное письмо напечатано въ изданіи г. Кулиша (т. VI, 413—414), за исключеніемъ слѣдующихъ заключительныхъ строкъ:

Ну прощайте. Очень бы хотѣлось вмѣсто этого слова обнять васъ лично. Графинѣ передайте самый душевный поклонъ. Весь вашъ Гоголь.

V.

В. А. Жуковскій—Н. В. Гоголю.

1.

1849 (?).

Милый Гоголекъ, я не отвѣчалъ на послѣднія письма твои, потому что не люблю мистификацій. Изъ этихъ трехъ письменныхъ инфузорій, которыя я получилъ отъ тебя со времени нашей разлуки, я, какъ ни силился, не могъ склеить и половины порядочной честной записки. Итакъ, не сѣтуй, что я на твои призраки писемъ тебѣ не отвѣчалъ. Что̀ со мной дѣлается, ты это знаешь, ибо главное мое дѣло Одиссея; теперь въ твоихъ рукахъ—ты, вѣроятно, получилъ и вторую часть отъ Булгакова. О прочемъ сказать нечего, старое по старому. Но что же ты такъ вдругъ исчезъ для меня, и такъ упорно молчишь (будучи со всѣми прочими такой словоохотливый корреспондентъ). Это для меня непонятно, и не знаю, найдешь-ли способъ себя оправдать предъ собою и предо мною. Пока ты этого способа не нашелъ, отъ меня письма къ тебѣ не будетъ. Поблагодари добраго Шевырева за его любезный отвѣтъ на мою варшавскую эпистолу. Если онъ напишетъ продолженіе своей прекрасной статьи объ Одиссеи, то нельзя-ли мнѣ эту статью прислать отдѣльно черезъ Булгакова. Жуковскій.

2.

1-го (13-го) февраля 1851 г. Баденъ.

Милый Гоголекъ, вотъ ужъ моя очередь предъ тобою виниться: скажу тебѣ теперь нѣсколько словъ о себѣ. Но нѣтъ, еще нѣсколько словъ о тебѣ. Здѣсь, въ Баденѣ, Кошелевъ (который, однако, нынче отъѣзжаетъ); онъ обрадовалъ меня извѣстіемъ, что «Мертвыя Души» идутъ шибко впередъ; онъ знаетъ, что ты читалъ многое Хомякову; но Хомяковъ не сказалъ что̀, какъ и каково; сохраняетъ данное тебѣ обѣщаніе не произносить никакого сужденія. Но для меня довольно знать, что ты пишешь и что пишется—дѣло будетъ, вѣрно, хорошо кончено. Теперь обо мнѣ. Я надѣюсь вѣрно возвратиться нынѣшнею весною, или въ началѣ лѣта, въ Россію. Прежде всего поѣду въ Дерптъ и тамъ на первый случай оставлю жену и дѣтей; самъ же въ августѣ мѣсяцѣ отправлюсь въ Москву и тамъ отпраздную коронацію и царскій юбилей; туда, надѣюсь, на это время съѣдутся всѣ мои родные, туда равно, надѣюсь, пріѣдешь и ты и по образу и подобію Хомякова дашь мнѣ хлебнуть твоихъ «Мертвыхъ душъ».

Послѣ этихъ словъ снова продолжается письмо Жуковскаго въ 7-мъ изданіи его сочиненій, но конецъ опущенъ. Возстановляемъ его здѣсь:

Молю Бога, чтобы даровалъ мнѣ еще десятокъ лѣтъ здоровья и жизни; я буду стараться употребить ихъ съ пользою, покорствуя Его святой волѣ— тогда послѣ меня что-нибудь дѣльное останется на добро дѣтямъ моимъ и отечеству.

Прости, Гоголекъ. Я напишу къ тебѣ, когда поѣду отсюда, или когда пріѣду въ Россію. Жена дружески тебѣ кланяется.

Твой вѣрный Жуковскій.

VI.

Н. В. Гоголь и Н. М. Языковъ.

1.

Въ числѣ друзей Гоголя, особенно имъ любимыхъ и находившихся съ нимъ въ ровныхъ, неизмѣнно близкихъ и искреннихъ отношеніяхъ, видное мѣсто принадлежитъ поэту Н. М. Языкову. Гоголя соединяли съ Языковымъ сходныя воззрѣнія на поэзію и литературу вообще, присущее имъ обоимъ глубокое религіозное настроеніе и, наконецъ, также въ значительной степени, тяжелыя страданія отъ физическихъ недуговъ. Ихъ взаимная привязанность, насколько можно судить по письмамъ, никогда не только не была серьезно омрачена какой-нибудь размолвкой, но даже и деликатно сдерживаемымъ взаимнымъ недовольствомъ. Одинъ только разъ въ письмахъ Гоголя къ Языкову промелькнула легкая тѣнь неудовольствія по поводу просьбы послѣдняго прислать что-нибудь въ издаваемый ихъ общимъ пріятелемъ Пановымъ «Московскій Сборникъ». Но, во всякомъ случаѣ, если недостатокъ такта побуждалъ иногда нѣкоторыхъ изъ друзей Гоголя диктаторски вмѣшиваться въ его личныя и семейныя дѣла и неловкимъ посредничествомъ растравлять его душевныя раны, то, несомнѣнно, что никогда ничего подобнаго не позволяли себѣ ни Жуковскій, ни Языковъ.

Личное знакомство Гоголя съ Языковымъ относится къ концу тридцатыхъ годовъ, но еще гораздо раньше случалось Гоголю съ восторгомъ говорить въ письмахъ о его поэзіи. Такъ, однажды, послѣ язвительнаго отзыва о разныхъ бездарныхъ писателяхъ, Гоголь восклицаетъ: «Попотчивать-ли тебя (А. С. Данилевскаго) чѣмъ-нибудь изъ Языкова, чтобы закусить эту дрянь[1]) конфектами?»

---

[1]) Въ подлинникѣ употреблено гораздо болѣе сильное выраженіе, неудобное для печати.

и вслѣдъ затѣмъ цитируетъ отрывокъ изъ одного стихотворенія (изд. Кулиша, т. V, стр. 172). Въ другой разъ, сравнивая Языкова съ Пушкинымъ, Гоголь характеризуетъ его поэзію весьма сочувственными чертами, хотя и не теряетъ перспективы въ этомъ сравненіи: «Стихи Языкова—любовь до брака: они эффектны, огненны и съ перваго раза ужъ овладѣваютъ всѣми чувствами. Но послѣ брака любовь – это поэзія Пушкина: она не вдругъ обхватитъ васъ, но чѣмъ болѣе вглядываешься въ нее, тѣмъ болѣе она открывается, развертывается и, наконецъ, превращается въ величавый и обширный океанъ». (Изд. Кул., т. V, стр. 151). Обѣ приведенныя здѣсь цитаты относятся къ 1832 и 1833 годамъ; позднѣйшіе отзывы Гоголя о Языковѣ слишкомъ извѣстны.

Первая встрѣча Гоголя съ Языковымъ задолго предшествовала ихъ совмѣстному сожительству въ Ганау въ августѣ 1841 года, когда они сошлись уже настолько, что предполагали по возвращеніи на родину вмѣстѣ поселиться въ Москвѣ [1]). 19-го сентября 1841 года Языковъ такъ писалъ объ этомъ своей сестрѣ:

«Мнѣ пришлось еще зиму просидѣть въ Ганау. Братъ Петръ Михайловичъ разскажетъ тебѣ, почему, какъ и чего ради это сдѣлалось. Онъ отправился отсюда въ Дрезденъ, а потомъ и далѣе въ Питеръ и на Русь, вмѣстѣ съ Гоголемъ, который провелъ съ нами цѣлый мѣсяцъ [2]), ожидая рѣшенія судьбы моей на будущій годъ, если бы мнѣ ѣхать. Гоголь сошелся съ нами; обѣщался жить со мною вмѣстѣ, т. е. на одной квартирѣ, по возвращеніи моемъ въ Москву. Онъ, кажется, написалъ много новаго и ѣдетъ издавать оное. Онъ премилый, и я радъ, что братъ Петръ Михайловичъ не одинъ пустился въ дальній путь, а съ товарищемъ, съ которымъ не можетъ быть скучно и который бывалъ и перебывалъ въ чужихъ краяхъ и знаетъ всѣ нѣмецкіе обычаи и повѣрія. Гоголь обѣщался пріѣхать пожить и въ Симбирскѣ, чтобы получить истинное понятіе о странахъ приволжскихъ. Это было бы намъ хорошо».

Рѣшено было, что Гоголь и братъ Языкова поѣдутъ впередъ и будутъ дожидаться въ Москвѣ возвращенія Николая Михайловича. Въ ожиданіи послѣдняго, Гоголь, какъ и въ прежніе пріѣзды въ Москву, остановился у Погодина. Его увлеченіе Москвой и московскими пріятелями, однако, оказалось непрочнымъ и непродолжительнымъ. Еще не далѣе какъ за годъ передъ тѣмъ,

---

[1]) Одно не бывшее еще въ печати (какъ и всѣ приводимые здѣсь документы) письмо Н. М. Языкова даетъ возможность точно установить, что въ первый разъ онъ видѣлся съ Гоголемъ въ Ганау 30 іюня 1839 года:

„Гоголь вчера былъ у насъ проѣздомъ въ Маріенбадъ. Съ нимъ весело! Онъ мнѣ очень понравился и знаетъ Римъ, какъ свои пять пальцевъ“ и проч. (письмо отъ 1 іюля 1839 г. изъ Ганау). Изъ переписки Языкова и его братьевъ видно, что прежде онъ не зналъ Гоголя.

[2]) Приблизительно отъ половины августа до половины сентября 1841 г.

В. Ш.

одни неотложныя обстоятельства могли заставить Гоголя, скрѣпя сердце, выѣхать изъ Рима въ Москву, тогда какъ изъ Москвы онъ стремился какъ можно скорѣе вырваться обратно въ любимый городъ, пока это не удалось ему благодаря сдѣланному для него друзьями крупному займу. Теперь онъ мечталъ надолго устроиться въ Москвѣ и въ первомъ письмѣ съ увлеченіемъ писалъ своему другу объ ожидаемыхъ удовольствіяхъ совмѣстной жизни, говоря: «Жизнь наша можетъ быть здѣсь полно хороша и безбурна. Кофій (любимый напитокъ обоихъ друзей) «уже доведенъ мною до совершенства» и проч. Но вскорѣ крупная ссора съ Погодинымъ и недовольство какими-то мелочными непріятностями и сплетнями (см. о послѣднихъ изд. Кулиша, т. V, стр. 467) заставили Гоголя, не дожидаясь замѣшкавшагося Языкова, «какъ благодати ждать счастливаго отъѣзда».

Въ Римѣ Гоголь снова встрѣчается съ Языковымъ, часто перемѣнявшимъ по совѣту докторовъ мѣста лѣченія. Здѣсь ему пришлось также заботливо ухаживать за «умирающимъ» другомъ, какъ нѣкогда ухаживалъ онъ за другимъ близкимъ человѣкомъ, такъ рано оставившимъ свѣтъ, симпатичнымъ юношей Іосифомъ Віельгорскимъ. Сначала Языковъ былъ такъ слабъ, что за нимъ предполагали прислать кого-нибудь изъ Москвы, чтобы немедленно везти на родину, но черезъ нѣсколько времени онъ оправился настолько, что снова могъ посѣщать разные курорты. Такимъ образомъ друзья разстались навсегда, но сохраняли до конца глубокую нравственную связь, поддерживая письмами другъ въ другѣ религіозное настроеніе.

Гоголь, продолжая увлекаться поэзіей Языкова, смотрѣлъ на него, какъ на поэта, призваннаго, подобно Давиду, возбуждать въ читателяхъ религіозное воодушевленіе и вообще возвышенныя чувства. Смерть Языкова произвела на него сильное впечатлѣніе. Въ письмѣ къ матери Гоголь говорилъ о ней: «Безъ мысли о смерти и вѣчности я бы не перенесъ нынѣшней моей печальной утраты, о которой, вѣроятно, вы уже слышали. Я лишился наилучшаго моего друга, съ которымъ я жилъ душа въ душу, къ которому я питалъ истинно-родственную любовь, потому что питать истинно-родственную любовь я могу только къ тѣмъ, которые понимаютъ мою душу и живутъ сколько-нибудь во Христѣ дѣлами жизни своей. Еще за нѣсколько лѣтъ передъ симъ эта смерть сокрушила бы меня, можетъ быть, совершенно». (Соч. Гог., изд. Кул., VI, 332).

Съ отношеніями Гоголя къ Языкову мы можемъ познакомиться ближе изъ помѣщаемыхъ далѣе ненапечатанныхъ ихъ писемъ.

2.

Н. В. Гоголь—Н. М. Языкову.

Письмецо это вручитъ графъ Иванъ Петровичъ Толстой, пребывающій на службѣ въ Москвѣ, съ которымъ мы купались въ Остенде. Онъ очень добрая душа и взялся не только увѣдомить тебя о всѣхъ своихъ знакомыхъ, отъѣзжающихъ изъ Москвы за границу, но даже исправить самому всѣ сопряженныя съ этимъ хлопоты и въ этомъ я ему вѣрю, потому что онъ человѣкъ весьма обстоятельный относительно дѣлъ. Я еще купанья своего не кончилъ. Морскія воды, кажется, нѣсколько помогли мнѣ, и если Богъ поможетъ, то, вѣрно, помогутъ еще болѣе по окончаніи купанья. Теперь я тебѣ не пишу ни о чемъ, потому что спѣшу; но въ слѣдующемъ письмѣ постараюсь. Адресуй по-прежнему во Франкфуртъ. Всю зиму и осень я, вѣроятно, проведу съ Жуковскимъ, потому что это мнѣ теперь весьма нужно и полезно относительно моихъ занятій. Но обо всемъ этомъ потомъ. Прощай, обнимаю тебя много разъ. Весь твой Гоголь. [1]).

3.

Н. М. Языковъ къ Н. В. Гоголю.

10 августа 1846 г.

Вотъ тебѣ списки съ твоихъ писемъ, тобою желаемые [2]). Пакетъ вышелъ таки толстый, не смотря на мелкописную рукопись.

Твоя статья объ «Одиссеѣ» [3]), переведенной Жуковскимъ, уже напечатана въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Современникѣ»; въ «Москвитянинѣ» тоже будетъ, но когда—не знаю. — «Какъ мнѣ быть съ Москвитяниномъ»? говоритъ Студитскій, которому Погодинъ поручилъ издавать его: «Михаилъ

---

[1]) Письмо это пропущено въ изданіи П. А. Кулиша и должно быть по содержанію отнесено къ осеннимъ мѣсяцамъ 1844 года, всего вѣроятнѣе къ началу сентября (ср. письмо къ Жуковскому, изд. Кул., VI, 95). Ему предшествуетъ письмо, напечатанное на 87-й стр. VI тома, а слѣдуетъ за нимъ письмо изъ Франкфурта на 98-й стр. того же тома.

[2]) См. предшествующія письма Гоголя къ Языкову (т. VI, стр. 249 и 255).

[3]) Въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями" письма Гоголя къ Языкову подверглись значительнымъ перемѣнамъ. Ср., напр., письмо о Карамзинѣ въ изданіи г. Кулиша (VI, 249) и въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки", также статью „Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время" и о томъ же въ письмахъ (изд. Кулиша, т. VI, стр. 117 и 149).

В. Ш.

Петровичъ не оставилъ мнѣ денегъ на изданіе, а типографія въ долгъ не вѣритъ?»—Твоя статья нравится всѣмъ нашимъ[1]) и радуетъ ихъ,—статья сильно и прекрасно написанная! Возстаютъ противъ нея только духи тьмы—наплевать на нихъ! Чортъ съ ними!

Получилъ ли ты «Брынскій Лѣсъ?» и какъ тебѣ онъ нравится?—Получаешь ли ты «Современникъ?» Прочти въ немъ статью Чижова Овербекъ [2]).

Я собираюсь перебираться въ Москву; пора уже и на зимнее сидѣніе. Іюль и половина августа были у насъ жарки невыносимо. Лѣто было горше и мухами богато паче, но «тѣмъ не любовно, что не грибовно». Я доволенъ водолѣченіемъ, хотя я еще не поступилъ подъ полное его дѣйствіе: меня вѣдь нельзя пользовать прямо, крѣпко и рѣшительно; меня можно поправлять не иначе, какъ исподволь, потихоньку, полегоньку. Но и въ эти полтора мѣсяца оно сдѣлало во мнѣ такую перемѣну, какой и во всѣ десять или одиннадцать лѣтъ моего нездоровья никакія мази, микстуры, ванны и проч. мнѣ не приносили. Теперь я могу стоять прямо и хожу прямо, а до сихъ поръ мнѣ непрестанно что-то давило сгибаться впередъ!! Неправда ли, что это не бездѣлица и стоитъ уже большаго спасибо?

Пановъ собираетъ второй томъ «Сборника Московскаго». Что если бы прислалъ въ него хоть малую толику? Какъ бы освѣжилъ и оживилъ его и всю нашу братію?

Ты продолжай ко мнѣ писать отовсюду на Кузнецкій мостъ въ домъ Хомякова. Прощай покуда. Твой Н. Языковъ.

Примѣчаніе. Помѣщаемое здѣсь письмо (какъ и прочія) печатается въ первый разъ. Оно представляетъ большой интересъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ жадно желали представители славянофильской партіи и издатели журналовъ этого направленія привлечь Гоголя въ свои ряды. Подобное желаніе, разумѣется, обнаруживалось въ равной мѣрѣ, какъ мы знаемъ уже, и «Отечественными Записками» и другими органами противоположнаго лагеря, но для послѣднихъ было естественнѣе и извинительнѣе, такъ какъ имъ не могло быть извѣстно предубѣжденіе Гоголя противъ журнальной работы, хорошо знакомое славянофиламъ. Просьбы Панова оказать вліяніе на Гоголя были, конечно, очень убѣдительны, если Языковъ рѣшился написать объ этомъ Гоголю. Не смотря на самую искреннюю и задушевную дружбу Гоголя къ Языкову и на расположеніе его къ Панову (см. объ отношеніяхъ Гоголя къ Панову.

---

[1]) Слово это, повидимому, имѣетъ отношеніе къ извѣстному стихотворенію Языкова „Къ ненашимъ“, получившему косвенное одобреніе со стороны Гоголя (т. VI, стр. 118).

[2]) Овербекъ — художникъ, жившій въ 40-хъ годахъ въ Римѣ въ одно время съ Гоголемъ и Чижовымъ. В. Ш.

Изд. Кул. V т., стр. 424—427, и VI, 498, гдѣ Гоголь прямо называетъ Панова «близкимъ сердцу человѣкомъ»), надѣявшемуся на силу дружескаго слова Языкова, отвѣтъ былъ полученъ неблагопріятный и даже раздражительный. «И ты противъ меня! не грѣхъ ли и тебѣ склонять меня на писаніе журнальныхъ статей,—дѣло, за которое уже со мной поссорились нѣкоторые пріятели?» (VI, 267). Не оставалось никакого сомнѣнія въ безучастности Гоголя къ новому журналу и представляемому имъ направленію, тогда какъ прежде она была неясна вслѣдствіе его восторженныхъ похвалъ славянофильскимъ стихотвореніямъ Языкова. Гоголь же увлекался ихъ силой и изяществомъ, ихъ поэтической стороной, но не одобрялъ звучащую въ иныхъ изъ нихъ политическую ноту, говоря, что «поэту слѣдуетъ болѣе углублять самую истину, чѣмъ препираться объ истинѣ», и отзываясь о противной партіи, что «нельзя назвать всего совершенно у нихъ ложнымъ и что, къ несчастію, не совсѣмъ безъ основанія ихъ нѣкоторые взгляды». Вмѣсто полемики Гоголь рекомендовалъ Языкову «перетряхнуть русскую старину и выставить русскія стихіи и славянскія струи нашей природы въ живыхъ и говорящихъ образахъ».

Замѣчательно, что взглядъ Гоголя на журнальную литературу становился постепенно высокомѣрнымъ и почти враждебнымъ, по мѣрѣ того какъ выростало въ его глазахъ значеніе его призванія и любимыхъ произведеній. Въ 1836 году въ статьѣ «О движеніи журнальной литературы» Гоголь называлъ еще ея голосъ «вѣрнымъ представителемъ мнѣній цѣлой эпохи и вѣка» и находилъ, что «она во всякомъ случаѣ имѣетъ право требовать самаго пристальнаго вниманія». Впослѣдствіи, допуская умѣстность споровъ о взглядахъ славянофиловъ и западниковъ въ журналахъ и гостиныхъ, онъ возмущался тѣмъ, что они переходятъ въ головы должностныхъ людей!!

VII.

Пропущенныя мѣста въ письмахъ Н. В. Гоголя къ Н. М. Языкову въ изданіи П. А. Кулиша.

V т., стр. 484, послѣ словъ: «въ Мюнхенѣ живетъ король»—«одинъ изъ всѣхъ европейскихъ королей, окружившій себя художествами и искусствомъ, а не псарней, б...омъ, шагистикой, кроеніемъ мундировъ».

И ниже, послѣ: «здѣсь я не въ силахъ даже письма написать»—«а не то что предаться какъ слѣдуетъ размышленіямъ, объ руку съ засѣдателемъ и потомъ отправиться въ нижній земскій судъ, т. е. къ генералу Говену».

VI т., стр. 15, послѣ словъ: «Россета начали сажать потомъ з... въ воду

на цѣлые четверть часа»—«до того, что онъ не чувствовалъ своей—вовсе и считалъ ее отмороженною».

Стр. 18, послѣ словъ: «имѣю въ виду сказать кое-что вообще о русскихъ писателяхъ»—

«Здѣсь узналъ я довольно печальную исторію о Бакунинѣ. Сей философъ надѣлалъ просто глупостей и нынѣшнее его положеніе жалко. Въ Берлинѣ онъ не ужился и выѣхалъ—куда не помню, какъ мнѣ разсказываютъ, по причинѣ, что не могъ имѣть никакого серьезнаго вліянія. Вздумалъ онъ,—съ какою цѣлью, Богъ вѣдаетъ—для того, чтобы услужить новымъ философамъ Берлина и Шеллингу, написать въ какомъ-то журналѣ статью на гегелистовъ, которыхъ уничтожилъ вовсе и обличилъ въ самомъ революціонномъ направленіи. Статья произвела негодованіе. Прусскій король запретилъ журналъ и донесъ о семъ русскому правительству. Бакунинъ долженъ былъ скрыться, и, теперь, говорятъ, въ Цюрихѣ, всеконечно безъ всякихъ обезпеченій въ будущемъ. Все это узналъ я отъ Попова, московскаго кандидата, слушающаго въ Берлинѣ лекціи, пріятеля Авдотьи Петровны и всѣхъ Елагиныхъ, жившаго у нихъ почти въ домѣ. Онъ же сказалъ мнѣ, что старикъ Елагинъ Василій находится теперь въ Прагѣ, и, вѣроятно, заѣдетъ къ тебѣ въ Гаштейнъ. Вотъ все, что набралось сказать тебѣ» [1]).

Въ концѣ письма отъ 1 сентября 1843 г. (VI, 24) въ изданіи г. Кулиша опущена приписка: «Мой поклонъ передай всѣмъ твоимъ братьямъ и сестрамъ, которые помнятъ меня, которые позабыли меня и которые даже не видали меня»,

Въ письмѣ отъ 5 октября 1843 г. (VI, 24) пропущены только обозначенныя двумя чертами слова: «пропуститъ цензура».

На стр. 35, VI тома, послѣ словъ: «Все стройно и причинно» пропущено: «Богъ не то, что иной писатель, который поспѣшитъ, да всѣхъ и насмѣшитъ, какъ говоритъ Измайловъ», и на 36 стр. передъ припиской: «О полученіи сего письма увѣдоми» стоитъ: «Адресуй въ Ниццу, poste restante».

На стр. 50, передъ словами: «Все, что ни написалъ я тебѣ здѣсь, перечти со вниманіемъ» выпущено:

«Но изъ твоей души должны исторгнуться другіе псалмы, не похожіе на тѣ, изъ своихъ страданій и скорбей исшедшіе, можетъ быть, болѣе доступные для нынѣшняго человѣчества, чѣмъ страданія и скорби Давидовы».

На стр. 59 опущена приписка въ концѣ: «Письма адресуй всегда во Франкфуртъ или на имя Жуковскаго въ посольство, или прямо poste restante,

---

[1]) Гоголь враждебно и насмѣшливо относился къ Бакунину, съ которымъ нѣсколько разъ встрѣчался во время своихъ путешествій за-границей. Антипатія Гоголя къ Бакунину проглядываетъ и въ письмѣ отъ 27 сентября 1841 года (см. т. V, стр. 450). В. Ш.

должны дойти всячески»; также, на стр. 84, въ концѣ, послѣ словъ: «адресъ остается на прежнихъ основаніяхъ» слѣдуетъ читать: «а для лучшей точности вслѣдъ за фамиліей Joukoffsky прибавляй: Salzwedelsgarten vor dem Schaumenthor». Въ концѣ письма отъ 14 іюля 1844 г. (VI, 88) снова: «Адресуй попрежнему въ Франкфуртъ, но для лучшей доставки въ мои руки прибавляй слѣдующую приписку: Salzwedelsgarten vor dem Schaumenthor. Твой Гоголь».

На стр. 96: «Будь здоровъ, трезвъ и бодръ духомъ. Богъ да хранитъ тебя. Твой Гоголь».

На стр. 105 послѣ словъ: «Кто виноватъ?»—«Это ужъ давно извѣстно, что петербургскіе литераторы п—, а московскіе б—», и на 106: «Почему знать? можетъ быть, на насъ лежитъ грѣхъ, что завелось такое количество п— и б—». Далѣе слѣдуетъ большой пропускъ: «Каковъ между прочимъ Погодинъ и какую штуку онъ со мною съигралъ вновь! Я воскипѣлъ негодованіемъ на Бецкаго на помѣщеніе моего портрета и надобенъ же такой случай: вдругъ самъ Бецкій является изъ Харькова во Франкфуртъ для принятія отъ меня личнаго распеканія. Отъ него я узнаю, что Погодинъ изволилъ еще въ прошломъ году приложить мой портретъ въ «Москвитянинѣ» самоуправно, безъ всякихъ оговорокъ, точно какъ будто свой собственный, между тѣмъ какъ изъ-за подобныхъ исторій у насъ уже были съ нимъ серьезныя схватки. И вѣдь между прочимъ пришипился[1]), какъ бы ничего не было, и никто изъ моихъ пріятелей меня не увѣдомилъ! Я не сержусь теперь потому только, что отвыкъ отъ этого. Но скажу тебѣ откровенно, что бóльшаго оскорбленія мнѣ нельзя было придумать. Если Булгаринъ, Сенковскій и Полевой, совокупившись вмѣстѣ, написали на меня самую злѣйшую критику если бы самъ Погодинъ соединился съ ними и написалъ бы вмѣстѣ все, что способствуетъ къ моему униженію, это было бы совершенно ничто въ сравненіи съ симъ. На это я имѣю свои собственныя причины, слишкомъ законныя, о чемъ не разъ объявилъ этимъ господамъ и чего, однако, не хотѣлъ имъ изъяснять, имѣя тоже законныя причины. Такой степени отсутствія чутья, всякаго приличія и до такой степени неимѣнія деликатности, я думаю, не было еще ни въ одномъ человѣкѣ испоконъ вѣку. Написалъ ли ты въ молодости своей дрянь, которую и не мыслилъ печатать, онъ, чуть только увидѣлъ ее, хвать въ журналъ свой, безъ начала, безъ конца, ни къ селу, ни къ городу, безъ спроса, безъ позволенія».

На стр. 111, послѣ словъ: «На счетъ отправки «Москвитянина» за 1843 годъ «пропущено»: «Погодинъ, кажется, прилгнулъ» и далѣе, послѣ словъ: «Но ты сдѣлай ему (М. С. Щепкину) выговоръ» пропущено: «и объяви ему въ короткихъ выраженіяхъ, что онъ человѣкъ—г...».

---

[1]) То же оригинальное выраженіе употребилъ Гоголь однажды въ „Мертвыхъ Душахъ“ о Собакевичѣ; см. соч. Гог., 3 изд. наслѣдн., 3 т., стр. 260

В. Ш.

На стр. 113, послѣ словъ: «онъ (В. А. Перовскій) много видѣлъ, былъ два раза губернаторомъ» пропущено: «въ Одессѣ и въ Твери». Въ концѣ письма слѣдуетъ дополнить:

«Ни одного человѣка я не встрѣтилъ, который бы любилъ его и который бы имъ былъ доволенъ. Онъ самъ уже это видитъ, ожесточается, видитъ вездѣ неблагодарность и не видитъ только того, что всему причиною онъ самъ, и главная причина всему не та, чтобы какіе-нибудь важные недостатки, а неимѣніе такта, отсутствіе всякаго понятія о какомъ-нибудь приличіи. Не думая и не желая никого оскорбить, онъ оскорблялъ на всякомъ шагу и весьма часто самымъ щекотливымъ образомъ. Онъ умѣлъ оскорбить даже тѣхъ, которыхъ ничѣмъ нельзя или, по крайней мѣрѣ, трудно чѣмъ оскорбить: у меня только одна вещь и была — портретъ, именно на се то онъ весь обломился всей своей медвѣжьей натурой. Но довольно. Пиши, пожалуйста, и не забывай. Твой Гоголь».

На стр. 163 за словами: «блаженъ тотъ», кто, «позабывши о собственномъ своемъ спасеніи, помышляетъ только о ихъ спасеніи», слѣдуютъ:

«Словомъ, мужъ, загорѣвшійся той любовью, которой еще и не знали во времена Давида и которую принесъ Христосъ на землю. Да и вообще много другихъ, сильнѣйшихъ псалмовъ можетъ произвести поэтъ, крещенный огнемъ и духомъ Христовымъ, если только возрожденіе свое, какъ человѣка, внесетъ въ поэзію свою».

На стр. 192, въ концѣ приписка: «Адресуй еще на имя Жуковскаго во Франкфуртъ. Твой Гоголь».

На стр. 230 въ концѣ: «Если что найдется прислать, пришли или къ Вяземскому, или къ графу Віельгорскому (на Михайловской площади, въ собственномъ домѣ) съ тѣмъ, чтобы они отправили съ курьеромъ, которые теперь ѣздятъ всякую недѣлю въ Палермо или въ Римъ. Спроси у Шевырева, получилъ ли онъ письмо мое отъ 20 числа декабря», и нѣсколько выше, послѣ словъ: «Напиши мнѣ подробно и обстоятельно всѣ твои нынѣшніе припадки; мнѣ это нужно».—«Затѣмъ обнимаю. Прощай. Твой Гоголь. Адресъ мой. Uia de la Croce, 81, 3 piano».

На стр. 238, въ концѣ приписка: «Ты мнѣ до сихъ поръ не далъ адреса, и я адресую по прежнему въ домъ Хомяковой». На стр. 245: «Передай письмо Сергѣю Тимоѳеевичу, а другое—Надеждѣ Николаевнѣ (Шереметевой). Богъ да сохранитъ тебя во всемъ. Твой Гоголь». На стр. 249, послѣ словъ: «Спѣшу укладываться» — «Адресуй письма и посылки во Франкфуртъ попрежнему на имя Жуковскаго. Прилагаемое письмо отправь немедленно къ Сергѣю Тимоѳеевичу», и въ самомъ концѣ: «до слѣдующаго письма»,—подписи нѣтъ. На стр. 268: «прощай, Богъ, да сопутствуетъ тебѣ во всемъ! Адресуй въ Римъ или poste restante, или на имя Иванова, что еще лучше. Во Франкфуртѣ пробуду двѣ недѣли. Жуковскій тебѣ кланяется. Обнимаю тебя.

Твой Гоголь». На стр. 286: «Прилагаю при семъ небольшую записочку Надеждѣ Николаевнѣ (Шереметевой) и небольшую записочку Авдотьѣ Петровнѣ (Елагиной), которыя имъ препроводи. Затѣмъ до слѣдующаго письма; обнимаю тебя, прощай! Все адресуй въ Неаполь, poste restante». На стр. 383: «и отвѣтъ адресуй въ Неаполь, poste restante. Твой Гоголь».

Сообщ. В. И. Шенрокъ.

VIII.

Письмо Н. В. Гоголя—А. О. Смирновой.

А. А. Гатцукъ сообщилъ намъ тетрадку руки О. М. Бодянскаго— это тщательно переписанное покойнымъ профессоромъ и пламеннымъ почитателемъ Гоголя одно изъ обширныхъ писемъ великаго писателя къ его другу А. О. Смирновой. Письмо это помѣщено П. А. Кулишемъ въ его изданіи писемъ Гоголя (т. VI, 127), но съ пропусками; таковые отмѣтилъ намъ съ обычною обязательностью В. И. Шенрокъ и мы приводимъ здѣсь эти пропущенныя г. Кулишемъ мѣста. Ред.

[Декабрь 1844 г. [1]].

Плетневъ меньше всѣхъ былъ въ этомъ виноватъ, или лучше сказать онъ вовсе невиненъ, но за то онъ смѣшнѣе всѣхъ и точной робенокъ..... Онъ бы былъ гораздо умнѣе въ сношеніяхъ со мной и справедливѣе ко мнѣ, если бы на бѣду самъ не затянулся въ литературное дѣло; ему вообразилось, что онъ по смерти Пушкина долженъ защищать его могилу издаваньемъ «Современника», къ которому самъ Пушкинъ не питалъ большой привязанности. Журналъ опредѣленной цѣли не имѣлъ никакой даже и при немъ, а теперь и подавно. Плетневъ связываетъ съ нимъ какую то пространную идею, которую всякой и толкуетъ по своему; впрочемъ и самъ онъ этой идеѣ въ статьяхъ своего «Современника» ни кому не далъ понять. Но тѣмъ не менѣе онъ считалъ, что одинъ только идетъ по прямой дорогѣ, по которой должна идти всякая литература, и всѣхъ, кто не помѣщаетъ статей въ «Современникѣ», считаетъ людьми оттолкнувшимися и чуть не врагами тѣни Пушкина. Я это видѣлъ и потому избѣгалъ всякаго литературнаго разговора съ нимъ въ бытность мою въ Петербургѣ, ибо мнѣ предстояло или сказать: идея твоя совершенно справедлива, великодушна и благородна, я твой помощникъ и сотрудникъ, или сказать: любезный другъ, ты гоняешься за тѣнью. Я бы

---

[1]) Отвѣтъ на письмо А. О. Смирновой, отъ 18 декабря 1844 г., „Русская Старина“, изд. 1888 г., томъ LX, октябрь, стр. 141.

его разсердилъ навсегда, вотъ почему...... Изъ этого письма я узналъ то, что онъ больше ребенокъ, нежели я предполагалъ; въ письмѣ юношескіе упреки, юношескія стремленія, смѣшеніе понятій о дружбѣ и дружескихъ отношеній съ цѣлями литературными. Къ этому примѣшалась мысль о единствѣ церкви, въ какомъ то безотчетномъ, необъяснившемся для него самаго, соединеніи съ литературой; наконецъ, противорѣча себѣ самому, и при всемъ этомъ твердая увѣренность въ непреложности своихъ положеній и въ томъ, что онъ мнѣ, наконецъ, высказалъ всю правду, указавъ мнѣ дорогу, какъ человѣку оттолкнувшемуся...... Когда я показалъ его Жуковскому, онъ разсмѣялся и совѣтовалъ отвѣчать въ шуточномъ тонѣ...... приличномъ гордому и увѣренному въ себѣ человѣку...... Мое намѣреніе было при этомъ сколько нибудь смягчить его душу. Мнѣ трудно писать къ тому, съ которымъ не завязались душевныя искреннія рѣчи, но которое въ существѣ своемъ было искренно. Вы говорите, съ Плетневымъ произошла въ послѣдніе три года большая перемѣна, что онъ сдѣлался истиннымъ христіаниномъ. Странно, его письмо этого не показываетъ. Христіанинъ не будетъ говорить о чистотѣ своей души, какъ онъ, и чѣмъ чище душа, тѣмъ больше будетъ въ силахъ видѣть не чистоту души своей, постигая только тогда всю недоступность Божественнаго совершенства; христіанинъ не будетъ отзываться о другихъ, называя ихъ промышленниками, раскольниками, врагами истины и просвѣщенія. Изъ этихъ людей, на которыхъ онъ намекаетъ, я болѣе имѣлъ бы право негодовать, получивъ личныя оскорбленія, но отправивъ въ сторону всякія личныя отношенія, я долженъ сказать истину, что души у нихъ также добры, какъ и у него, и сердце также прекрасное, какъ и у него, но что они также, какъ и онъ, сбились съ толку. Наконецъ, мнѣ кажется...... Такое опредѣленіе дружества скорѣе языческое, чѣмъ христіанское...... О Плетневѣ вообще вотъ что можно сказать: душа у него точно чистая и прекрасная, и онъ не сдѣлалъ никакого тяжкаго проступка, не былъ потрясенъ сокрушающей силой несчастія. Богъ не призвалъ его къ тому, что-бы быть ближе къ Нему, а потому онъ гордъ своею чистотою. Богу лучше кающійся грѣшникъ, чѣмъ гордый праведникъ. Отъ того и душа его обросла черствою корою всякихъ привычекъ свѣтской жизни и не слышитъ, что она бываетъ временами далеко отъ самой себя. Плетневъ имѣетъ умъ не глубокъ и не многостороненъ, а потому онъ не могъ видѣть далѣе того горизонта, который обнимаютъ глаза его, и естественно, что отвергаетъ и самую мысль, что есть пространство внѣ имъ зримой черты Но довольно о Плетневѣ......

Сообщ. въ копіи руки О. М. Бодянскаго—**А. А. Гатцукъ**.

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

въ 1831—1832 гг.

Свѣдѣнія о дѣтствѣ и юности Лермонтова донынѣ очень скудны. Бо̀льшая часть ихъ почерпается изъ устныхъ преданій. Они собраны профессоромъ Висковато̀вымъ (см. «Русск. Мысль» 1881 г., №№ 10, 11, 12, и 1882 г., № 2 и 4), который пополнилъ ихъ свѣдѣніями, почерпнутыми отъ старожиловъ с. Тархановъ, мѣста первоначальнаго воспитанія поэта, и отъ оставшихся въ живыхъ родственниковъ Лермонтова и его товарищей; но документовъ письменныхъ, относящихся къ первой порѣ жизни Лермонтова, сохранилось до того мало, что біографу ея приходится основывать свои заключенія почти исключительно на преданіяхъ и даже прибѣгать для пополненія пробѣловъ къ догадкамъ, пользуясь юношескими поэтическими произведеніями Лермонтова. Я разумѣю — деревенскую жизнь его въ дѣтствѣ у бабушки Е. А. Арсеньевой и московскую пору ученія въ ея же домѣ, въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ и въ университетѣ.

Въ виду этого каждый документъ, относящійся къ этой порѣ жизни Лермонтова, имѣетъ особенную цѣну. Послѣдующая пора въ этомъ отношеніи счастливѣе: на время по отъѣздѣ изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ онъ поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, приходится восемь писемъ, притомъ богатыхъ подробностями интимной жизни, такъ какъ большинство изъ нихъ обращено къ лицу, съ которымъ поэтъ былъ въ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ. Къ нимъ должно прибавить и 9-е письмо, приписку въ письмѣ Шеншина при отъѣздѣ изъ Москвы 7-го іюня 1831 года. Несравненно бѣднѣе письмами первая пора жизни Лермонтова, до отъѣзда его въ Петербургъ. Въ числѣ обнародованныхъ донынѣ — только три письма относятся къ этой порѣ. Они всѣ также обращены къ одному лицу.

Біографы справедливо останавливаютъ свое вниманіе на лицахъ, которыя такъ или иначе участвовали въ воспитаніи поэтовъ въ нѣжную пору ихъ отрочества и юности, раздѣляя съ ними интересы художественные въ тѣ годы ихъ жизни, когда слагаются ихъ вкусы. Упомянутыя выше три письма юнаго Лермонтова указываютъ такое лицо въ теткѣ его. Въ каждомъ изъ этихъ писемъ Лермонтовъ дѣлится съ нею именно этими интересами. Письма не имѣютъ датъ, но несомнѣнно, что первое изъ нихъ относится къ тому времени, когда Лермонтовъ, по пріѣздѣ въ Москву, еще готовился къ поступленію въ пансіонъ (1827 или 1828 гг.). Здѣсь 13-ти или 14-ти лѣтній Лермонтовъ, давъ отчетъ въ своихъ учебныхъ занятіяхъ, сообщаетъ, что былъ въ театрѣ на представленіи оперы «Невидимки» и вспоминаетъ при этомъ, что уже видѣлъ ее восемь лѣтъ назадъ въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Москву. Изъ этого заключаемъ, что первое театральное впечатлѣніе, сохранившееся въ памяти поэта, относится приблизительно къ 5-лѣтнему возрасту. Здѣсь же упоминаетъ онъ о кукольномъ театрѣ въ домѣ бабушки и проситъ тетку прислать ему для восковыхъ куколъ забытые имъ въ деревнѣ «воски». Второе письмо относится уже ко времени ученія его въ пансіонѣ, послѣ декабрьскихъ экзаменовъ 1828 или 1829 г.: здѣсь Лермонтовъ, между прочимъ, сообщаетъ объ успѣхахъ своихъ въ рисованіи, о своихъ литературныхъ опытахъ и надѣется на напечатаніе одного изъ нихъ въ новомъ выпускѣ «Калліопы», который тогда намѣревался издать инспекторъ пансіона для помѣщенія въ немъ сочиненій воспитанниковъ. Этотъ ранній опытъ Лермонтова не дошелъ до насъ, но въ письмѣ сообщается его заглавіе: «Геркулесъ и Прометей». Лермонтовъ пишетъ о немъ своей теткѣ, какъ о чемъ-то ей уже ранѣе извѣстномъ. При томъ же письмѣ 14-ти или 15-лѣтній Лермонтовъ прилагаетъ и свое стихотвореніе «Поэтъ», въ которомъ пытается изобразить душевное состояніе поэта въ минуту творчества, сравнивая это настроеніе съ вдохновеніемъ Рафаэля въ моментъ созданія Мадонны. Автографы этихъ обоихъ писемъ находятся въ имп. публ. библіотекѣ. Третье письмо, сообщенное въ «Русскую Старину» 1886 г. (кн. V, стр. 442) Н. Буковскимъ изъ собранія автографовъ В. Хохрякова, снова проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на художественные интересы, которые захватили 15-лѣтняго поэта во время пребыванія его въ московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ (1829 г.). Будучи, какъ извѣстно, полупансіонеромъ этого учебнаго заведенія, Лермонтовъ имѣлъ случай посѣщать театръ, и въ упомянутомъ письмѣ къ теткѣ своей вступается за московскихъ актеровъ, которымъ она повидимому предпочитала петербургскихъ. Извѣстная мелодрама «Жизнь игрока» и «Разбойники» Шиллера, въ исполненіи Мочалова, произ-

вели на юнаго Лермонтова сильное впечатлѣніе, и онъ спѣшитъ подѣлиться имъ, подкрѣпляя свое мнѣніе свидѣтельствомъ лицъ, видѣвшихъ въ этихъ піесахъ Каратыгина.

Случай доставилъ въ мои руки 4-е письмо, которое знакомитъ насъ еще болѣе съ тою же стороною жизни поэта, которая открывается въ упомянутыхъ выше письмахъ. Не лишено значенія, что и это письмо обращено къ той же теткѣ. Обстоятельство это даетъ возможность видѣть въ ней повѣренную художественныхъ впечатлѣній юнаго поэта.

Г. Висковатовъ въ своихъ матеріалахъ для біографіи Лермонтова, опредѣляя личность тетки, къ которой обращены первыя три письма, колеблется между двумя лицами: Марьей Акимовной Шанъ-Гирей и Е. А. Хастатовой. П. А. Ефремовъ въ послѣднемъ изданіи сочиненій Лермонтова (1887 г.) справедливо рѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу г-жи Шанъ-Гирей.

Сообщаемое ниже 4-е письмо любезно предоставлено мнѣ дочерью Марьи Акимовны, Екатериной Павловной Веселовской, какъ письмо, адресованное къ ея матери. Марья Акимовна Шанъ-Гирей, рожденная Хастатова, была дочь Екатерины Алексѣевны, родной сестры Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой, бабушки Лермонтова, воспитывавшей его. Что письма писаны именно къ этой теткѣ, вполнѣ согласуется и со всѣми данными, заключающимися въ упомянутыхъ письмахъ: въ первомъ посылается поцѣлуй и благодарность за подвязку «Катюшѣ» (дочери Марьи Акимовны); изъ PS втораго письма явствуетъ, что оно писано въ Апалиху — а такъ называлось имѣніе, которое было дано ей въ приданое при замужествѣ [1]); въ третьемъ письмѣ посылается поклонъ Аннѣ Акимовнѣ, сестрѣ Марьи Акимовны, и поцѣлуи «двумъ Катюшамъ», изъ которыхъ одна, упоминаемая въ первомъ письмѣ, дочь Марьи Акимовны, а другая (равно, какъ тамъ же упомянутая Маша) — дочь сестры ея, Анны Акимовны Петровой, въ то время гостившей съ дѣтьми въ Апалихѣ.

Обращаюсь къ содержанію сообщаемаго ниже письма, которое относится уже ко времени пребыванія Лермонтова въ московскомъ университетѣ, слѣдовательно, къ 1831 или первой половинѣ 1832 г.

Біографами Лермонтова неоднократно назывались тѣ иностранные поэты, которыхъ читалъ онъ еще въ юношескую пору жизни, благодаря знанію новыхъ языковъ — французскаго, нѣмецкаго и англійскаго: Ла-Гарпъ, Шатобріанъ, Ламартинъ, Руссо, Лессингъ,

---

[1]) См. „М. Ю. Лермонтовъ" П. А. Висковатова, гл. I (Р. М. 1881 г., № 10), стр. 14.

Шиллеръ, Гёте, Байронъ. При этомъ справедливо указывалась въ первую пору особенная симпатія, которую вызывалъ въ душѣ Лермонтова Шиллеръ, что подтверждается и его юношескими опытами. Въ сообщаемомъ нынѣ письмѣ мы имѣемъ свидѣтельство о раннемъ знакомствѣ его и съ Шекспиромъ.

Письмо это—отвѣтъ, вызванный нападками на Шекспира со стороны Марьи Акимовны. Это живой голосъ того непосредственнаго ребяческаго чувства, которое въ драмѣ умѣетъ цѣнить только сильное выраженіе душевныхъ движеній дѣйствующихъ лицъ. Студентъ не отдаетъ себѣ еще отчета въ ихъ характерѣ и взаимномъ отношеніи: онъ не отличаетъ въ Шекспировомъ «Гамлетѣ» Розенкранца и Гильденштерна отъ Полонія; самъ Гамлетъ въ его передачѣ называетъ себя человѣкомъ, «одареннымъ сильною волею». Очевидно, поэтическое произведеніе не оставило въ его памяти ясныхъ образовъ; въ нее запали лишь отдѣльные моменты сценъ, какъ лирическое выраженіе сильныхъ аффектовъ. Полузабытая непонятая трагедія сохранилась въ душѣ юнаго поклонника Шиллера лишь настолько, насколько отвѣчала его субъективному господствующему настроенію: въ письмѣ своемъ онъ останавливается въ особенности на сценѣ съ матерью и на сарказмахъ Гамлета; именно эти сарказмы пытается онъ воспроизвести, какъ подтвержденіе истинной, «проникающей въ сердце поэзіи».

Но при всей наивности заступничества за Шекспира, которое составляетъ предметъ этого письма, нельзя не цѣнить, что въ немъ не повторяются только чьи-либо чужія слова, но передается собственное впечатлѣніе, и выражается оно искренно и горячо; самое искаженіе передаваемаго (напр. сцены съ матерью) не лишено нѣкоторой доли творчества, своеобразно восполняющаго позабытыя представленія. Не маловажно и самое обращеніе Лермонтова къ «Гамлету» въ то время, когда еще на нашей сценѣ не давалось его перевода, впервые поставленнаго Мочаловымъ въ бенефисъ 1836 года. Знаменателенъ этотъ голосъ противъ французскихъ передѣлокъ, которыя дотолѣ предпочитались подлиннымъ пьесамъ Шекспира. Припомнимъ, что съ этимъ предразсудкомъ долженъ былъ считаться Пушкинъ, который едва рѣшился въ 1831 г. обнародовать своего «Бориса Годунова», долженствовавшаго нанести ударъ французской драматической системѣ. Большинство публики, даже знакомой съ трагедіями Шекспира, было того мнѣнія, что онѣ негодны для новаго времени и требуютъ очистки. Въ кругу московскихъ студентовъ такое мнѣніе уже не раздѣлялось. Тамъ могъ Лермонтовъ научиться уваженію къ произведеніямъ творчества. Недаромъ онъ влагаетъ въ уста московскихъ студентовъ, выведенныхъ имъ въ IV сценѣ «Страннаго чело-

вѣка [1])», одной изъ юношескихъ драмъ своихъ московской поры, насмѣшку надъ тѣмъ, что на театрѣ исполняются «общипанные» Разбойники Шиллера [2]).

Извѣстно, что къ московской порѣ относятся собственные драматическіе наброски Лермонтова и четыре полныхъ его драмы. Письмо, относящееся къ тому же времени и заключающее юношескую оцѣнку трагедіи, представляетъ поэтому особый интересъ.

Письмо любопытно и какъ образчикъ того, какъ юный Лермонтовъ читалъ поэтовъ и насколько онъ, будучи 17-лѣтнимъ студентомъ, былъ въ состояніи давать отчетъ въ увлекавшихъ его поэтическихъ произведеніяхъ. Біографы Лермонтова, имѣя слишкомъ мало данныхъ объ образованіи, полученномъ имъ въ Москвѣ, почти одни имена учителей его [3]), склонны представлять обученіе его серьезнымъ и основательнымъ. Помимо практическаго знакомства съ новыми языками, которое вполнѣ подтверждается французскими письмами самого Лермонтова юнкерской поры его жизни и обильнымъ чтеніемъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ въ подлинникахъ, біографы сообщаютъ объ особенныхъ успѣхахъ Лермонтова въ русской словесности. О нихъ передавалъ руководившій его ученіемъ Зиновьевъ. Приводится и фактическое подтвержденіе этихъ словъ, что въ пансіонѣ Лермонтовъ получилъ первый призъ на публичномъ экзаменѣ за сочиненіе. Сообщаемое ниже письмо можетъ послужить къ выясненію степени участія учебныхъ занятій въ успѣхахъ юношескаго пера Лермонтова, и насколько было основательно полученное Лермонтовымъ школьное обученіе.

Сличая это письмо съ тетрадями Лермонтова, гдѣ онъ писалъ свои юношескіе опыты, встрѣчаешься съ тѣмъ обыкновеннымъ явленіемъ, что поэтическій даръ у геніальныхъ поэтовъ находитъ въ минуты творчества изящное выраженіе независимо отъ ихъ ученія языку. Поразительнымъ подтвержденіемъ этого явленія можетъ служить тотъ фактъ, что сообщаемое письмо писано одновременно съ однимъ изъ лучшихъ лирическихъ стихотвореній Лермонтова — «Ангеломъ». А потому нѣтъ никакой необходимости прибѣгать къ натяжкамъ, чтобы объяснять ранніе успѣхи его поэтическаго пера серьезнымъ ученіемъ. Нельзя также придавать призу за экзаменаціонное сочиненіе въ

---

[1]) Въ передѣлкѣ этой піесы, напечатанной въ „Юношескихъ драмахъ М. Ю. Лермонтова“, Спб., 1880, стр. 219.

[2]) Мочаловъ исполнялъ роль Карла Мора въ Сандуновской передѣлкѣ Шиллеровыхъ „Разбойниковъ“.

[3]) Въ числѣ ихъ упоминается и проф. Мерзляковъ. Л. П.

благородномъ пансіонѣ значенія свидѣтельства объ успѣхахъ въ русскомъ языкѣ. Призъ могъ быть данъ за поэтическій опытъ, что по традиціи особенно цѣнилось учителями этого пансіона. Не должно забывать и того обстоятельства, что исправленіе учителями приготовляемыхъ къ публичнымъ торжествамъ ученическихъ работъ было всегдашнимъ обычаемъ старыхъ школъ. Письмо же Лермонтова вводитъ насъ въ ту закулисную правду, которая необходима при опредѣленіи дѣйствительныхъ результатовъ ученія поэта, и имѣетъ значеніе уже не только для біографіи Лермонтова, но и для правдиваго представленія той степени умственнаго развитія, литературной подготовки и грамотности, какою обладалъ одинъ изъ даровитѣйшихъ московскихъ студентовъ начала 1830-хъ годовъ.

Каждому ясно, что письмо писано юношей, не получившимъ почти никакой школьной подготовки въ отечественномъ языкѣ. Сличая это письмо съ французскими письмами Лермонтова, писанными лишь на годъ или на два позднѣе, наглядно убѣждаешься, что и онъ, наряду съ другими нашими поэтами первой половины нынѣшняго вѣка, былъ лишенъ и въ семьѣ и въ школѣ надлежащаго руководства въ ученіи родному языку, и что талантъ его въ выработкѣ языка и въ пониманіи читаемыхъ поэтовъ былъ предоставленъ почти всецѣло самому себѣ.

Привожу текстъ письма съ точнымъ сохраненіемъ правописанія. По моему мнѣнію, такое буквальное сохраненіе текста положительно необходимо при воспроизведеніи рукописей учебной поры каждаго писателя. Нельзя не пожалѣть, что этотъ обычай не принятъ у насъ. Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, онъ какъ нельзя лучше поможетъ оцѣнить, насколько Лермонтовъ поработалъ надъ собою, усвоивъ въ послѣдующую пору жизни и правильность прозаическаго языка, и правописаніе, какъ то свидѣтельствуютъ его позднѣйшіе, также черновые, автографы.

Левъ Ив. Поливановъ.

Письмо М. Ю. Лермонтова къ М. А. Шанъ-Гирей.

Ma chère tante. Вступаюсь за честь Шекспира. Если онъ великъ, то ето въ Гамлетѣ, если онъ истинно Шекспиръ, етотъ геній необъемлемый проникающій въ серце человѣка, въ законы судьбы, оригинальной тоесть неподражаемый Шекспиръ—то ето въ Гамлетѣ. Начну съ того что имѣетѣ вы переводъ не съ Шекспира, а переводъ перековерьканной піесы Дюсиса, которой, чтобы удовлетворить приторному вкусу Французовъ, не умѣющихъ обнять высокое, и глупымъ ихъ правиламъ, перемѣнилъ ходъ трагедіи и выпустилъ множесто характеристическихъ сценъ: ети переводы, къ сожалѣнію играются у насъ на театрѣ.—Вѣрно въ вашемъ Гамлѣтѣ нѣтъ сцѣны могильщиковъ, и другихъ коихъ я не запомню.

Гамлетъ по Англински написанъ половина въ прозѣ половина въ стихахъ.—Вѣрно нѣтъ той сцѣны когда Гамлетъ говоритъ съ своей матерью и она показываетъ на портретъ его умершаго отца: въ етотъ мигъ съ другой стороны, видимая одному Гамлету, является тѣнь короля, одѣтая какъ на портретѣ; и принцъ глядя уже на тѣнь отвѣчаетъ матери—какой живой контрастъ, какъ глубоко! Сочинитель зналъ, что вѣрно Гамлетъ не будетъ такъ поражонъ и встревоженъ увидевъ портретъ какъ при появленіи призрака.

Вѣрно Офелія не является въ сумасшествіи! хотя сія послѣдняя одна изъ трогательнѣйшихъ сценъ! Есть ли у васъ сцена когда король подсылаетъ двухъ придворныхъ, чтобъ узнать точьноли помѣшанъ притворившійся принцъ, и сей обманываетъ ихъ; я помню нѣсколько мѣстъ етой сцѣны; они (придворные [1]) надоѣли Гамлету и етотъ прерываетъ одного изъ нихъ спрашивая:

Гам.: не правдали ето облако похоже на пилу (sic).

1 придворной да, мой принцъ.

Гамлетъ а мнѣ кажется что оно имѣетъ видъ верьблюда, что похоже на животное!

2 придвор. принцъ, я самъ лишь хотѣлъ сказать ето.

Гамлетъ на чтоже вы похожи оба? — и проч.

Вотъ какъ кончается ета сцѣна: Гамлетъ беретъ флейту и говоритъ: Съиграйтѣ что нибудь на етомъ инструментѣ.

1 прид. я ни когда неучился принцъ, я не могу;

Гам: пожалуста.

---

[1]) Вписано сверхъ строки. Л. П.

1 прид: клянусь принцъ не могу (и проч.: извиняется)

Гамлетъ ужели послѣ етого не чудаки вы оба? когда изъ такой малой вѣщи вы не можетѣ изторгнуть согласныхъ звуковъ, какъ хотитѣ изъ меня, существа одареннаго сильной волею, изторгнуть тайные мысли?..

и ето не прекрасно!...

Теперь слѣдуютъ мои извиненія, что я къ вамъ, любезная тетинька не писалъ: клянусь некогда было; ваше письмо меня возпламенило: какъ обижать Шекспира?

Мнѣ здѣсь довольно весело: почти каждой вечеръ на балѣ. — но вел(пк)имъ постомъ я уже совсемъ засяду. Въ университетѣ все идетъ хорошо. —

Прощайтѣ милая тетинька: желаю вамъ здоровья и всего что выжелаетѣ; если говорятъ: одна голова хорошо, а двѣ лучьше, зачемъ несказать: одно серце хорошо а два лучше.—

Цалую ваши ручьки остаюсь покорной вашъ племянникъ

М. Лермантовъ.

PS. Поклонитесь отъ меня дядинькѣ [1]) и поцалуйтѣ пожалуста дѣточекъ [2]).

Сообщ. Л. И. Поливановъ.

---

[1]) Павлу Петровичу Шанъ-Гирей.

[2]) Екатерину Павловну и братьевъ ея: Акима, Алексѣя и Николая (Акимъ П. и Алексѣй П. Шанъ-Гиреи уже умерли). Л. П

ПАВЕЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ ѲЕДОТОВЪ.

I.

Басенка моимъ новымъ знакомкамъ смолянкамъ.

Цвѣтки садовый и оранжерейный.

От равныхъ сѣмечекъ два равные цвѣтка,
Весною, юные изъ общаго горшка
Въ разсадкѣ участью разрознились своею,
Конечно случай виноватъ:
Одинъ попалъ въ куртину въ садъ,
Другой въ оранжерею.
Прощаясь други обнялись,
Головушки склонили внизъ,
Другъ на друга росинку
Скатили какъ слезинку.
Цвѣтокъ садовый говоритъ:
„Какую рокъ тебѣ сулитъ
Въ оранжереѣ злую долю,
Ты въ душную идешь неволю,
Какой тамъ воздухъ!... Нѣтъ, вотъ мнѣ,
На вольномъ воздухѣ совсѣмъ другое дѣло,
Красотокъ бабочекъ, посмотришь, налетѣло
Да и не бабочки однѣ,
И птички съ пѣснями своими,
Какъ будетъ весело мнѣ съ ними!...
Тебѣ-жъ такихъ утѣхъ, конечно, не видать,
Ты, правда, будешь въ холѣ
И по неволѣ
Тебя заставятъ тамъ пышнѣе разцвѣтать,
Да натурально-ль это?
Зачѣмъ же и весна и лѣто?
Ужели чтобы ихъ въ затворѣ просидѣть?“

Такъ садовый цвѣтокъ изволитъ другу пѣть.
Оранжерейный-же цвѣтокъ,
Запуганный неволею, смутился,
И пріунылый въ уголокъ
Въ оранжереѣ помѣстился; —
А братъ его въ своемъ прославленномъ саду....
Посмотримъ, кто гдѣ на бѣду.
Конечно, всѣмъ извѣстно,
Въ оранжереѣ душно, тѣсно,
Но въ непогоду тамъ
Цвѣткамъ
Чудесно!
Свѣтло,
Тепло,
Кругомъ закрыто,—
Чуть холодъ съ Сѣвера сердито
Подуй на садъ,
Въ саду цвѣтокъ ужъ недоволенъ,
Подуй еще, цвѣтокъ ужъ боленъ,
Ужъ пострадалъ его и блескъ, и ароматъ;—
Межъ тѣмъ въ теплицѣ печка грѣетъ,
И тамъ цвѣтокъ въ теплѣ съ дня на день хорошѣетъ.
Но вотъ напалъ губитель шквалъ,
Въ теплицѣ только потемнѣло,
Да въ окна загудѣло,
А бѣдный садъ?...
А бѣдный братъ?
Неопытный не зналъ тогда про непогоду,
Когда хвалилъ свободу,
И отъ нея-жъ погибъ! А незнакомый съ ней
Тепличный разцвѣталъ милѣй все и милѣй
И такъ разцвѣлъ красиво,
Что просто диво!...
Садовникъ наградилъ красу его, какъ могъ,
И очутился мой цвѣтокъ,
Ужъ для цвѣтка въ почетномъ самомъ мѣстѣ:
Какъ избранный попалъ
На пышный балъ
И тамъ красавицѣ невѣстѣ
Онъ съ гордостію грудь младую украшалъ,
И счастливый вполнѣ теперь своей судьбою
Ужъ помирился съ ней, забылъ свой прошлый трудъ
И за терпѣніе доволенъ былъ собою.
Но не въ терпѣньѣ штука тутъ!....
Терпѣть цвѣточекъ мой былъ просто приневоленъ,
Хотя теперь и самъ доволенъ;
Но въ прелести цвѣтка садовникъ виноватъ,
Что мѣсто онъ нашелъ ему въ оранжереѣ.—
Но къ заключенію скорѣе,

Не знаю, будетъ-ли впопадъ: —
        Весь міръ нашъ садъ,—
Цвѣточки, дѣвицы, тепличныя-жъ для шутки—
        Пусть назовутся институтки!—
Садовникъ же, кого ихъ долгъ боготворить,
Объ имени его не смѣю говорить,
Не святотатствую своими я стихами,—
Съ рукою на сердцѣ пусть отгадаютъ сами,
Иль спросятъ маменекъ своихъ,
        Иныя, можетъ быть, изъ нихъ
        Бывали заграницей,
        И много видѣли онѣ,
Завиднаго въ чужой хваленой сторонѣ;—
        А всюду-ль царь съ царицей
        Такой заботливый пріютъ
Сиротамъ подданныхъ даютъ?! —

П. Ѳедотовъ.

1849 г. февраля 17-го.

II.

Басня.

Пчела и Цвѣтокъ.

Летая по свѣту, конечно, за медкомъ,
        Пчела влетѣла въ домъ,
Затѣмъ, что въ немъ въ окнѣ одномъ
        Она замѣтила горшочки,
        И въ тѣхъ горшкахъ цвѣточки;—
Ну какъ не залетѣть?
        Гдѣ до любимаго коснется,
Не только что пчеламъ, и намъ людямъ неймется,
        Любимое хоть въ щелку поглядѣть,
                И то отрада,—
А тутъ пчелѣ цвѣты, чего-жъ ей больше надо?
Къ тому-жъ людской разборчивый и прихотливый родъ
Цвѣтовъ къ себѣ дурныхъ въ хоромы не беретъ,—
        А изъ отличныхъ все породъ.
Хоть и для глазъ у нихъ иной не такъ пріятенъ,
        Такъ ужъ навѣрно ароматенъ.—
                И подлинно, пчела
Въ дому цвѣтокъ породистый нашла;
Да только не въ родню онъ что-то росъ такъ бѣдно,
        И цвѣлъ такъ блѣдно,
        Что не на что взглянуть.

Пчела подумала, попробую нюхнуть,
Авось утѣшусь ароматомъ,
Авось медку найду хоть атомъ,
Но что-же?... И того
Не оказалось у него.
Пчела плечами только жала;—
Земля чтоль подъ тобой, цвѣточекъ, отощала?
Подумала, и внизъ сползла —
Земля хорошая была,
И политa, какъ надо.—
Трудолюбивую пчелу взяла досада,
(Кто самъ трудолюбивъ
Къ бездѣйствію другихъ куды какъ щекотливъ,
Сейчасъ подумаетъ, что вѣрно тотъ лѣнивъ)
Такъ, приписавъ все лѣни,
Пчела укоры, пени
На хилаго цвѣтка
Посыпала, какъ изъ мѣшка.—
„Уродъ, жужжитъ она, позоръ своей природы!
Ты, знаешь, какъ ее повсюду чтутъ народы!
А ты?“ Тогда цвѣтокъ уныло отвѣчалъ:—
„Блаженъ, когда бы я объ этомъ и не зналъ,
Желаньемъ не томясь и къ цѣли равнодушный,
Я можетъ лучше-бъ цвѣлъ и въ этой сферѣ душной;—
Окно на сѣверъ здѣсь, любезная, взгляни,
Насупротивъ стѣна, и я всю жизнь въ тѣни!—
Въ тѣни! межъ тѣмъ съ порой изящества начало
Въ душѣ про сладкое, про что-то зашептало,
А вмѣстѣ съ радостью тогда казалось мнѣ,
Что что-то здѣсь въ моемъ окнѣ
Тотъ сладкій шопотъ заглушало,
И мнѣ чего-то здѣсь въ тѣни не доставало,
Но я тогда еще былъ малъ,
Не ясно это понималъ—
И росъ какъ всѣ. Когда-жъ съ явленьемъ почекъ
Всѣ прокричали:—вотъ цвѣточекъ!...
Тогда широкая молва
Души неясныя слова
Собой мнѣ пояснила.
Я понялъ, чѣмъ меня природа одарила,
Какой блестящій мнѣ дала она удѣлъ,
За нимъ, достичь его желаньемъ полетѣлъ,—
Душа лишь только средствъ искала!—
Но въ нихъ увы! судьба мнѣ гордо отказала.
Я жаждалъ солнца, но оно
Въ мое не жалуетъ окно.
Желанья жаркія желаньями остались,
Отъ безнадежности лучи ихъ къ центру сжались,
И спертый жаръ во мнѣ какъ адъ съ тѣхъ поръ палитъ

И весь составъ мой пепелитъ!...
Такъ не дивись, пчела, что я цвѣту такъ вяло,
И лѣнью не кори! Бѣды моей начало
Не лѣнь,
А тѣнь". —
Талантъ! молись—чтобъ счастья солнце
Въ твое оконце взглянуло иногда—
Иначе, какъ цвѣтку, въ тѣни—тебѣ бѣда!

П. Өедотовъ.

10-го іюля 1849 г.
С.-Петербургъ.

Сообщ. Надежда Петровна Вернеръ, рожд. Ждановичъ.

Примѣчаніе. Мы помѣстили обѣ басни, какъ принадлежащія знаменитому жанристу-художнику и остроумному поэту-юмористу П. А. Өедотову, обширная сатирическая шутка котораго „Маіоръ" (поэма-шутка въ стихахъ) — была напечатана въ „Русской Старинѣ" 1872 года; быть можетъ, обѣ басни и бывали въ печати, но мы ихъ напоминаемъ, благодаря любезности Н. П. Вернеръ, обладающей этими стихотвореніями въ подлинномъ автографѣ талантливаго Өедотова, притомъ эти басни переносятъ насъ въ старину, когда институты высоко стояли въ средѣ дворянства русскаго и были единственными разсадниками образованія и воспитанія дворянокъ-барышень, пока не явились всесословныя и весьма полезныя женскія гимназіи. Ред.

АВТОГРАФЫ ИЗЪ СОБРАНІЯ КН. П. А. ПУТЯТИНА

I.

С.-Петербургъ. ч. 15 ноября 1786 года.

Господинъ порутчикъ князь Путятинъ, извольте уволить въ полкъ порутчика Корфа для свиданія съ матерью. Вашъ благосклонный Павелъ.

Примѣч. На конвертѣ адресъ: „Господину поручику кн. Путятину въ Гатченѣ".

II.

М. г. Федоръ Федоровичъ! Марта 14-го отправляюсь отъ берега въ море, съ устья 2-й большой рѣки съ О отъ Шемахэ (?) въ прямомъ разстояніи 49′ отъ нашего креста. Рѣку сію называютъ Чукчи Омъ-реп. Посмотрите внимательно къ О отъ устья сей рѣки; нѣтъ-ли на берегу гдѣ-либо притоновъ русскихъ избъ и сайбы? Мы здоровы. Поклонъ Ав. Фед. Врангель.

Примѣч. Писано карандашемъ на клочкѣ синей бумаги, на оборотѣ: „Федору Федоровичу". Писано карандашемъ потому, что отъ сильной стужи чернила вымерзали. Писано на Ледов. океанѣ. Кн. П. П.

III.

Баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ.

Вакхъ.

Прощай, венера! Богъ съ тобою!
Съ фіаломъ счастливъ я:
Двоихъ дружишь ты межъ собою,
А съ вакхомъ—всѣ друзья!

Примѣч. Писано на маломъ лоскуткѣ бумаги. Кн. П. П.

Сообщ. кн. П. А. Путятинъ.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ.

I.

Его замѣтки и наброски

въ 1836 году.

Литературное и художественное значеніе А. И. Герцена уже давно признано въ нашей печати. Н. Н. Страховъ въ своей книгѣ: «Борьба съ западомъ», говоритъ про Герцена, что «это одно изъ самыхъ крупныхъ именъ нашей литературы», причемъ указываетъ на его большой художественный талантъ и весьма подробно разбираетъ его произведенія. Не разъ на страницахъ нашихъ толстыхъ журналовъ—хотя и мимоходомъ, сопоставлялось это имя, какъ великаго художника, съ именемъ Гоголя. Дѣйствительно, между тѣмъ и другимъ писателемъ въ способности обрисовки, а главное—въ умѣньи подмѣтить и оттѣнить комическую сторону лица, характера, положенія и умѣло повернуть его къ читателю—сказывается поразительное сходство; равно какъ въ изображеніи красоты, пластичности Герценъ имѣетъ много общаго съ Лермонтовымъ... Но всесторонняя оцѣнка литературной дѣятельности этого замѣчательнаго писателя еще впереди, со временемъ несомнѣнно она появится, пока-же «Русская Старина», вѣрная одной изъ своихъ задачъ—сохраненія матеріаловъ къ исторіи отечественной литературы и исторіи русскаго общества, не можетъ оставлять безъ вниманія данныя къ біографіи автора «Кто виноватъ»—«Былое и думы» и проч. произведеній этого талантливаго писателя.

Лѣтъ шесть-семь тому назадъ я помѣстила въ «Русской Мысли» три большія статьи А. И. Герцена, оказавшіяся въ найденной «Записной тетради»—и до тѣхъ поръ или совсѣмъ неизвѣстныя читателямъ, или же извѣстныя по другимъ варіантамъ. То были: 1) «Легенда

о св. Өедорѣ» («Русская Мысль» 1881 г., декабрь, стр. 47—73); 2) Германскій путешественникъ (1882 г., январь, стр. 239—252) и 3) Вторая встрѣча (1882 г., декабрь, стр. 145—152). Тогда же я упомянула въ предисловіи, что въ найденной «Тетради», кромѣ названныхъ большихъ статей, встрѣчаются наброски отдѣльныхъ мыслей, которыя съ точки зрѣнія исторической и біографической любопытны и интересны. Помѣщаю въ настоящее время нѣсколько такихъ набросковъ въ видѣ двухъ отдѣльныхъ отрывковъ: 1) Отдѣльныя мысли и 2) Отдѣльныя замѣчанія о русскомъ законодательствѣ.

Первое есть собственно отрывочныя замѣтки по поводу какой-нибудь блеснувшей мысли, причемъ подтвержденія своей мысли авторъ ищетъ въ историческихъ примѣрахъ, въ исторіи Греціи, Рима, французской революціи, Египта и проч.

Въ каждой высказанной мысли сквозитъ оригинальный умъ и талантъ Искандера (псевдонимъ Герцена), хотя приводимые наброски, надо замѣтить, относятся еще ко времени его юности: они занесены въ тетрадь во время ссылки въ Вятку въ 1836 году, когда Герценъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ религіознаго настроенія своей двоюродной «сестры» Наташи, впослѣдствіи его жены.

«Отдѣльныя мысли о русскомъ законодательствѣ» имѣютъ значеніе въ исторіи развитія политическихъ взглядовъ этого писателя. Будущій біографъ найдетъ въ нихъ первообразъ юношескихъ воззрѣній А. И. Герцена.

Е. С. Некрасова.

1.

Отдѣльныя мысли.

Произведеніе человѣка имѣетъ цѣлью пребываемость существованія, но не всякое. Иное производитъ гибель другихъ и собственную. Таковъ брандеръ. Его дѣло жечь, губить и самому погибнуть въ пожарѣ; даже болѣе—самому горѣть прежде корабля. Такъ и провидѣніе: ему нужны всякія орудія и нуженъ брандеръ, который жжетъ. Но легко ли быть имъ? Правда, подобно конгревовой ракетѣ, онъ блеститъ, шумитъ, жжетъ. Но внутри его ядъ, долженствующій разрушить его самого.

Но, вѣдь, не всякій огонь на морѣ—брандеръ. Есть и маяки, фаросы, указующіе путь кораблямъ, ведущіе ихъ въ безопасную при-

стань, показующіе имъ мели. Брандеръ нуженъ въ войну, фаросы—всегда.

Вотъ апостолы...[1]).

Атилла, Аларихъ, Дантонъ, Мирабо были эти brulots, пущенные провидѣніемъ въ станъ непріятельскій. Св. Павелъ, Златоустъ—такіе фаросы для веси Господней.

Бенедиктины—якобинцы. Та же противоположность.

Человѣкъ, назначенный жечь, давшій мѣсто въ своей груди огню разрушенія, будетъ все жечь. Пожаръ сжигаетъ и икону, и хартію, и стѣну, и пыль на стѣнѣ. Я увѣренъ, что Атилла, Аларихъ, ежелибъ не они были призваны вести разрушить Римъ, то они были бы простыми воинами этой брани, какими были по душѣ. Даже ежелибъ остались дома, то они въ своемъ семейномъ кругу сдѣлали бы этотъ пожаръ. Примѣръ жизни Мирабо подтверждаетъ это.

14 октября 1836.

Еще весьма важный примѣръ—Маратъ. Прежде чѣмъ онъ являлся въ...[2]) камерѣ на трибуну...[2]) требовать казней поколѣній, онъ былъ докторомъ медицины. Есть его сочиненіе: «Полемика о теоріи свѣта», гдѣ онъ съ такою же яростію ниспровергаетъ опыты и теоріи предшественниковъ [3])...

Сравнимъ Робеспьера и Фихте, Наполеона и Шеллинга!

. . . .

. . . .

Римская исторія имѣетъ то же вліяніе на душу юноши, какъ романы на душу дѣвушки.

Откуда шли эти типы историческіе?

Греція выразила полную идею изящнаго. Ея архитектура всегда будетъ поражать самой простотой. Римъ сдѣлалъ то же съ своимъ политическимъ бытомъ. Простыми, рѣзкими, геніальными чертами набросалъ онъ жизнь свою. Но въ изящномъ Греціи и въ гражданственности Рима одинъ недостатокъ — нѣтъ религіи. Отсюда этотъ характеръ конечности, соизмѣримость.

---

[1]) Пропущено два слова.

[2]) Не разобрано по одному слову.

[3]) Не разобрано нѣсколько словъ. Е. Н.

Ноября 6. 1836.

Весь вечеръ, занимаясь развитіемъ мысли религіозной въ жизни человѣчества и открывъ нѣкоторые весьма важные результаты,—я радовался. Уже ложась спать, безъ всякаго дѣла развернулъ Эккартгаузена и попалъ на слѣдующій текстъ св. Писанія:

«И бѣси вѣруютъ и трепещутъ!»

Да, вѣра безъ любви—мечта!

Мышленіе безъ дѣйствованія — мечта!

У египтянъ болѣе гордости, болѣе тайны, болѣе кастъ; въ готизмѣ—болѣе молитвы, болѣе святаго.

Готизмъ, или тевтонизмъ, имѣетъ какое-то сродство съ духомъ мавританскимъ. Но въ одномъ мысль аскетическая и религіозная; въ другомъ — жизнь разгульная, роскошная. Тамъ — поэзія молитвы тутъ—поэзія жизни восточной, Дантъ и Аріостъ.

Италія, кажется, нигдѣ во всей чистотѣ не выразила готизма,—она не могла забыть своего прошедшаго.

Низложенныя [?] зданія XVII и XVIII вѣка такъ же дурны, какъ и тогдашняя литература. Вездѣ эффекты, поза, натяжка, пастораль на паркетѣ, театральная декорація, а не сама сущность.

Ежели стиль тевтонскій во всей чистотѣ своей выражаетъ христіанство, стиль греческій — политеизмъ, стиль египетскій — религію того края; и ежели мы откроемъ, чѣмъ каждый изъ нихъ выражаетъ свою религію и какъ, тогда не въ правѣ ли мы будемъ дѣлать по тому же закону прямыя заключенія отъ стиля храмовъ къ религіи? Напримѣръ, находя въ Нубіи стиль египетскій, заключимъ, что ихъ религія сходна; напротивъ, разсматривая развалины индусскихъ храмовъ, этихъ пещеръ, изсѣченныхъ въ скалѣ, этихъ пилоновъ четверогранныхъ, или массы, скалы, перенесенныя кельтами, или овальные своды персовъ—мы ихъ равно отдѣлимъ отъ всего предъидущаго.

Не будемъ дивиться сродству дальнему индѣйскихъ развалинъ и тевтонскаго стиля. Вспомнимъ сходство религіи христіанской и Вишну.

Открытіе развалинъ Мерое въ Ефіопіи французомъ Caillioud еще далѣе на югъ отталкиваетъ колыбель греческой цивилизаціи. Вѣроятно, изъ Ефіопіи населился Египетъ. Храмы того же характера; тамъ встрѣчается уже форма пропитральная [1]) храмовъ. Итакъ, и эта форма не есть изобрѣтеніе грековъ. Можетъ...[2]) очень правъ, говоря, что всѣ ордена только усовершенствованы греками.

---

[1]) Не перинтеральная ли?

[2]) Не разобрано. Е. Н.

Сами египтяне говорятъ, что Изида пришла изъ Ефіопіи и научила ихъ обработывать поле.

Храмъ египетскій (вообще) есть храмъ чисто земной, тѣлесный, изсѣченный въ скалѣ и углубленный, такъ сказать, въ землю, мертвый съ своими стройными колоннами. Они выражали свое поклоненіе Озирису, давая ему ужасную человѣческую форму (50 фут., напр., въ Ебимбулѣ [1]).

Идея тайны грозной, страшной выражалась въ мрачномъ фасадѣ.

2.

Отдѣльныя замѣчанія о русскомъ законодательствѣ.

Въ гражданскомъ обществѣ (dans le fait social) прогрессивное начало есть правительство, а не народъ. Правительство есть формула движенія (du progrès), выраженіе идеи общества, форма его историческая, фактъ непреложный. Нигдѣ правительство не становилось настолько передъ народомъ, какъ въ Россіи; можетъ, отъ этого оно не всегда было исторически справедливо, не всегда послѣдовательно. Прежде юрисконсультовъ у насъ явились учрежденія съ самыми дробными приложеніями, но за то не всѣ они своевременны и умѣстны.

Сводъ императора Николая — огромный юридическій фактъ; онъ остановилъ жизнь юридическую Россіи и, показавъ все совершенное ею, все, что сдѣлало правительство, показалъ, (что) труды индивидуальные должны теперь облегчить труды правительства.

Возраженія Савиньи противъ германской кодификаціи не идутъ.

Сводъ не токмо не ограничилъ, но далъ правильную форму прогрессивному началу законодательства.

Есть ли естественный переходъ отъ «Уложенія» къ законамъ Петра Великаго?

Есть ли и насколько національная сторона (во) вновь выходившихъ узаконеніяхъ отъ Петра до Свода?

Какіе національные элементы перешли изъ Судебника, Уложенія черезъ все царствованіе дома Романовыхъ до Свода? Какіе исключились?

Глубокія изысканія токмо могутъ разрѣшить эти вопросы.

Характеръ законодательства императрицы Екатерины II—философскій, въ смыслѣ филантропіи XVIII вѣка, проникнутъ важнѣйшими идеями для быта гражданскаго. Характеръ законодательства

[1]) Не Ембосъ-ли?

Павла — рыцарскій и, можетъ, не вовсе своевременный. Характеръ законодательства (Александра Павловича) сбивается во многомъ на начальный характеръ постановленія de l' Assemblée nationale и вообще политическаго ученія du garantie (?).

Въ законѣ Екатерины есть что-то женское, исполненное любви, что-то напоминающее патріархальную Германію. У Александра много Франціи (учрежденіе министерствъ).

Въ законахъ императора Николая видѣнъ характеръ положительности, котораго не доставало прежде, характеръ внутренней силы государства, чувствующаго всю мощность свою.

У насъ не было системы, послѣдовательности принятія европеизма. Россія воспитана такъ же, какъ мы. Ибо революція Петра была матеріальная.

Въ европейскую эпоху нашего законодательства при самыхъ начальныхъ трудахъ является два элемента, блестящимъ образомъ развитые «Наказомъ» Екатерины II. Эти два элемента лучшее доказательство, насколько правительство стояло выше народа и насколько оно хотѣло поднять его. Я говорю о коллегіальномъ началѣ и о выборахъ. Одна власть исполнительная ввѣрялась лицу, власть судебная и законодательная (въ назначенныхъ предѣлахъ) всегда ввѣрялись мѣсту, а не лицу. Совѣтникъ всегда имѣлъ право подать голосъ, перенесть дѣло въ иную инстанцію, эта высшая опять составляется изъ нѣсколькихъ лицъ, и ежели снова возникнетъ разногласіе, то рѣшеніе вопроса можетъ быть или большинствомъ голосовъ, или же восходитъ на высочайшее разсмотрѣніе, т. е. къ источнику законодательной власти. Его рѣшеніе не имѣетъ и аппеляціи. Такъ и быть должно. Изъ уваженія къ самому народу такъ быть должно; воля царя самодержавнаго—есть воля самого народа, его рѣшеніе имѣетъ святость,—эту мысль очень хорошо развили въ восточныхъ законодательствахъ.

Итакъ, съ одной стороны коллегіальное начало — и слѣдственно большинство голосовъ, съ другой — выборы — и слѣдственно прямое вліяніе массы, или, лучше сказать, дворянства въ дѣлахъ судебныхъ, ибо представители (его) во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ. Довѣренность правительства была такъ велика, что не токмо судебную власть, но и исполнительную вручило оно отчасти людямъ выбраннымъ, а не назначеннымъ, оставя себѣ главный надзоръ, т. е. губернаторъ, губернское правленіе, городничіи... А такъ сказать прямые исполнители земской...[1]) засѣдатели, ею (?) избранные. Еще больше. Устрой-

---

[1]) Не разобрано слово.

ство муниципальное само въ себѣ весьма хорошо,—не говоря уже о купцахъ,—мѣщане и цеховые имѣютъ всѣ нужныя гарантіи. Они сами дѣлаютъ раскладку городскихъ сборовъ; сами распоряжаются суммами, судятъ своимъ судомъ свои дѣла (магистраты, ратуши, словесный, сиротскій судъ, наконецъ, комерческій судъ). Но и въ тѣхъ дѣлахъ, когда они судимы гражданскимъ судомъ или уголовнымъ, голосъ остается въ засѣдателѣ, въ депутатѣ.

Основанія муниципальнаго права, выборовъ, коллегіальнаго учрежденія такъ обширны, что другія страны юной юридической жизнью своей не достигли ихъ. Можетъ быть, всего менѣе обращено было вниманія до сихъ поръ на казенныхъ крестьянъ. Но элементъ выбора и большинства голосовъ уже есть въ волостномъ правленіи, уже сверхъ полицейскаго надзора и нѣкотораго участія въ раскладкѣ земскихъ и натуральныхъ повинностей, право составленія приговоровъ довольно велико. Но недостатокъ учрежденій по этой части имѣло уже въ виду правительство и др. Министерства государственныхъ имуществъ надѣется (?) ждать ихъ. Удѣльное имѣніе въ маломъ видѣ показываетъ планы правительства. Впрочемъ, крестьяне въ другихъ странахъ точно также hors la loi, какъ выходящіе изъ электоральнаго ценза (кромѣ Швеціи). Замѣтить необходимо, у насъ ценза нѣтъ; право, данное сословію, независимо отъ его состоянія, и въ нѣкоторомъ смыслѣ цензъ имѣетъ жизнь въ нашемъ законодательствѣ только въ переходѣ изъ мѣщанъ въ купцы, изъ гильдіи въ гильдію и наконецъ въ почетное гражданство.

Наше законодательство принимаетъ владѣніе за фактъ и только въ этомъ смыслѣ охраняетъ его; лучшее доказательство—это десятилѣтняя давность, безспорное межеваніе.

Взгляните, какая обширная база лежитъ подъ «Сводомъ». Россія и Америка—двѣ страны, которыя поведутъ далѣе юридическую жизнь человѣчества. Россія—какъ высшее развитіе самодержавія на народныхъ основаніяхъ, и Америка—какъ высшее развитіе демократіи на монархическихъ основаніяхъ.

Вотъ что, кажется мнѣ, устанавливаетъ болѣе правильное и полное развитіе законодательства.

1. Доселѣ массы не умѣютъ понять своихъ правъ. Говорятъ: «да какой голосъ имѣетъ засѣдатель отъ градскаго (?) общества въ уголовной палатѣ!» Кто же въ этомъ виноватъ? Конечно, не законодательство. Такъ какъ оно не виновато въ томъ, что совѣтники не подаютъ голоса, боясь предсѣдателя или губернатора, въ томъ, что журналъ составленъ весь секретаремъ нехорошо...[1]). Такъ какъ оно

---

[1]) Не разобрана фраза.

не виновато въ томъ, что дворянинъ богатый и чиновный пренебрегаетъ службой обязательной (?), въ то самое время, какъ въ Остзейскихъ провинціяхъ отставные генералы, аристократы не стыдятся служить нѣсколько трехлѣтій на самыхъ низшихъ мѣстахъ. Виновато ли оно въ томъ, что дворяне не считаютъ своихъ суммъ, не требуютъ въ земскихъ повинностяхъ назначенія? (?)... [1]).

А причина этому — недостатокъ просвѣщенія, недостатокъ гражданственности, эгоистическая лѣнь, но болѣе всего недостатокъ просвѣщенія.

2. Нѣкоторыя учрежденія основаны совсѣмъ на другихъ началахъ и часто противоположныхъ — они останавливаютъ другъ друга.

3. Перевѣсъ, данный дворянству.

4. Помѣщичье право, исключающее изъ общаго круга людей крѣпостныхъ.

За этимъ слѣдуетъ черта и слѣдующая фраза:

Главнѣйшее—это раздѣленіе полное по регламенту. Это Leg (?) agraria, юбилейный годъ.

Е. Н.

3.

Письмо А. И. Герцена къ А. Ѳ. Вельтману.

Препровождаю Вамъ еще два стихотворенія: одно Сатина, другое Огарева—въ Альманахъ.

Если не составитъ затрудненія, то—Вы сами навели меня на эту мысль—я попрошу экземпляровъ 25-ть моей статьи напечатать особо. Преданный отъ души А. Герценъ.

Марта 5.

Примѣчаніе. Это собственноручное письмо А. И. Герцена находится въ Московскомъ Румянцовскомъ музеѣ подъ № 2,274.

Сообщ. Е. С. Некрасова.

---

[1]) Не разобрано слово.

II.

А. И. и А. А. Герцены

(1838—1839 гг.).

1.

Въ «Книгѣ, выданной изъ Владимірской духовной консисторіи города Владиміра Николозлатовратской церкви причту, для записи родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ на 1838 годъ», записано «во 2-й части, о бракосочетавшихся»:

3. Тысяча восемь сотъ тридцать осьмаго года (1838) мая 9-го дня. Служащій въ штатѣ канцеляріи владимірскаго гражданскаго губернатора чиновникъ, титулярный совѣтникъ, Александръ Ивановъ сынъ Герценъ съ дочерью иностранки Ксеніи Ивановой Захарьиной, дѣвицею Натальей Александровой Захарьиной.

По женихѣ (поручители): Помощникъ правителя канцеляріи владимірскаго гражданскаго губернатора, губернскій секретарь Мелькомъ Каспаровъ сынъ Ломизе и губернскаго правленія переводчикъ изъ дворянъ губернскій регистраторъ, Николай Ивановъ сынъ Татариновъ.

По невѣстѣ: Того-жъ правленія совѣтникъ коллежскій ассесоръ, Петръ Петровъ сынъ Медзолевскій и титулярный совѣтникъ, Константинъ Петровъ сынъ Смирновъ.

Вѣнчалъ города Владиміра Николозлатовратской церкви протоіерей І. Остроумовъ.

При вѣнчаніи брака были той же церкви діаконъ Петръ Ивановъ Златовратскій и пономарь Петръ Димитревскій.

2.

Въ такой же «книгѣ», выданной той же церкви причту на 1839 г., въ «1-й части, о родившихся», записано:

№№.	Рожденіе.	Крещеніе.	
12.	13. іюнь.	9. іюля.	Александръ.

(Родители): штата канцеляріи владимірскаго губернатора титу-

лярный совѣтникъ, Александръ Ивановъ Герценъ и законная жена его, Наталья Александрова, оба православнаго исповѣданія.

(Воспріемники): Гвардіи капитанъ Иванъ Александровъ (Алексѣевъ?) сынъ Яковлевъ и ея превосходительство, владимірскаго губернатора Ивана Емануиловича жена Юлія Θедоровна Курута, протоіерей Іоаннъ Остроумовъ, діаконъ Петръ Златовратскій, пономарь Петръ Димитревскій.

Сообщ. А. В. См—ъ.

III.

Письма А. И. Герцена и Н. П. Огарева къ Вас. Ив. Кельсіеву

1866—1867.

4-го октября 1872 года въ С.-Петербургѣ, въ Полюстровѣ, на рукахъ писателя и педагога Алексѣя Егоровича Разина, въ крайней бѣдности,—скончался Василій Ивановичъ Кельсіевъ; тѣло его погребено въ шестомъ разрядѣ на Больше-охтенскомъ кладбищѣ.

Еще весьма молодымъ человѣкомъ захваченный волной „взбаламученнаго моря", Кельсіевъ на пути въ Русскую Америку, куда ѣхалъ на службу русско-американской торговой компаніи, высадился въ Лондонѣ около 1862 года, да тамъ и остался, примкнувъ къ кружку эмигрантовъ. Прошло не болѣе 1½ года, заварилась Польская послѣдняя смута и отъ „Колокола", издававшагося въ Англіи, а затѣмъ въ Швейцаріи, отшатнулось русское общество. Дѣла эмиграціи пошли плохо... Кельсіевъ, много работавшій въ „Колоколѣ" и въ изданіяхъ ея редакціи, отправился, около 1865—1866 гг., съ революціонными цѣлями на Дунай, въ Тульчу, къ тамошнимъ раскольникамъ... Тамъ онъ долженъ былъ скоро убѣдиться, что всѣ его мечтанія организовать изъ старообрядцевъ какую-то политическую партію были плодомъ его полнаго невѣдѣнія ни этихъ людей, ни ихъ вѣрованій, ни ихъ отношеній къ Россіи. Кельсіевъ затосковалъ... Но у него была жена, были дѣти. Провидѣніе двумя-тремя ударами, внезапно разразившимися надъ нимъ—отняло у него дѣтей, сразило затѣмъ и его кроткую, любящую жену Варвару Тимофѣевну... Кельсіевъ въ душевной тоскѣ запилъ.. Въ 1866-мъ году сталъ онъ писать въ „Русскомъ Вѣстникѣ" подъ именемъ Иванова-Желудкова, и его статьи о юго-западныхъ славянскихъ земляхъ проявили несомнѣнный, даже сильный, талантъ и наблюдательность. Затѣмъ—онъ принесъ повинную предъ нашимъ правительствомъ, для чего добровольно явился въ Россію и отдалъ себя въ руки властей; здѣсь онъ нашелъ полное всемилостивѣйшее прощеніе.

Въ 1868 году Кельсіевъ выпустилъ въ свѣтъ въ С.-Петербургѣ двѣ книги: свои воспоминанія („Пережитое и передуманное") и свои путевыя замѣтки („Галичина и Молдавія", путевыя замѣтки) и сдѣлался усерднымъ сотрудникомъ „Голоса"...

Но полная всевозможныхъ треволненій жизнь давно уже надломила Кельсіева; онъ вновь сталъ пить, пить страшно, пить непрестанно, какъ только пьютъ русскіе люди, падалъ все ниже, ниже... 4-го октября 1872 г., на 38 году, жизнь его пресѣклась....

Не задолго до кончины, а именно въ февралѣ 1871 г., Кельсіевъ, передалъ намъ, для помѣщенія въ „Русской Старинѣ", уцѣлѣвшія у него шесть писемъ къ нему его бывшихъ друзей—„другаго берега", А. И. Герцена и Н. П. Огарева...

Помѣщаемъ ихъ здѣсь—какъ документы, свидѣтельствующіе о крайней преувеличенности газетныхъ слуховъ, двадцать лѣтъ тому назадъ бывшихъ о тульчинской агентурѣ — русской эмиграціи, затѣмъ какъ матеріалъ для обрисовки отношеній Герцена и Огарева къ даровитой, но, увы, столь рано надломленной въ средѣ эмиграціи—личности Кельсіева...

Ред.

1.

А. И. Герценъ—В. И. Кельсіеву.

9-го мая 1866 г. 7 Quai du Mont-blanc.

Поздно отвѣчаю вамъ, но все это время проведено такъ тревожно, что не хотѣлось просто писать; . . . . совершающіяся . . . . безмѣрны. Печатные доносы, Некрасовъ, воспѣвающій на обѣдахъ Муравьева. . . . . . .—руки опускаются. Если вы въ самомъ дѣлѣ бросили дѣла міра сего и начали снова изучать китайскую азбуку, если это не натяжка—завидую вамъ.

Вы понимаете, что при теперешнихъ обстоятельствахъ о работѣ въ петербургскіе журналы, черезъ насъ, и думать нечего. Напишите что-нибудь для «Колокола»—мы вамъ заплотимъ франковъ по 10 за колону, или для предполагаемой «Полярной Звѣзды». Да отчего вы не хотите переводить—тутъ что-то видно стараго Адама. Переводовъ требуется у насъ всего больше.

Мы живемъ кое-какъ съ нашимъ политикосоціальнымъ ракомъ, взошедшимъ внутрь. Огаревъ въ деревнѣ лечится, Наталья Алексѣевна (Огарева) переѣхала въ Лозану. Я съ Татой (Наталья Герценъ) въ Женевѣ—и жду, будетъ война или миръ, чтобы знать—куда можно ѣхать. Что-жъ вы не пишите о вашей полькѣ?—или вы ее не захватили? Прощайте.

На оборотѣ Николаемъ Платоновичемъ Огаревымъ, написано слѣдующее:

Ваше предпослѣднее письмо я читалъ съ глубокимъ участіемъ дружбы и мысли, и читалъ не одинъ разъ. Отвѣчать на него сбирался тоже не одинъ разъ, но во время оно меня такъ осадила моя болѣзнь, что не собрался да и только. Теперь живу въ деревнѣ и мнѣ кажется лучше, вотъ уже почти мѣсяцъ не страдаю. Сталъ было работать; насколько въ этомъ успѣю—не знаю. Обстоятельства равно противны и сбивчивы; хорошенько приняться за дѣло, вдаться въ одинъ вопросъ, не сворачивая—трудно; мерзости міра сего съ какой-нибудь стороны да задѣнутъ — или внутренно озлобишься, или скручинишься—и спокойная работа обрывается. Надежды я ни на что не теряю, но на сію минуту тяжеловато-съ. А на ваше послѣднее письмо я сбирался, сбирался отвѣчать, да и не отвѣчалъ уже не по разстроенному здоровью, а потому, что я изъ него ясно не могу себѣ представить ни вашего положенія, ни даже вашихъ стремленій. Какъ, что и почему—я не могу сообразить. Дѣйствительно ли вами овладѣла страсть къ изученію миѳовъ и восточныхъ языковъ — тоже не увѣренъ. Безотвѣтственность собственныхъ ошибокъ—мысль аристократическая, въ какомъ бы мірѣ ни являлась—въ феодальномъ или литературномъ, сословно или индивидуально-самолюбивомъ, а все же мысль аристократическая и обрывается на неизбѣжностяхъ sui generis химизма личной и общественной жизни. Не во судъ и во осужденіе говорю это—а потому, что больно за васъ—страшно. Если можно, скажитесь яснѣе. Если же дѣйствительно научный трудъ сталъ вамъ утѣшеніемъ и поглощаетъ всю вашу живую дѣятельность—давайте что можно, присылайте работу въ самомъ дѣлѣ. Объ отношеніяхъ же къ міру печатному онъ (А. И. Герценъ) вамъ на 1 страницѣ сказалъ всю правду.—Прощайте пока. Дайте руку.

2.

А. И. Герценъ—В. И. Кельсіеву.

24-го мая. 7 Quai du Mont-blanc.

....Главными дѣятелями само благородное общество и журналы въ родѣ «Московскихъ Вѣдомостей». Вотъ почему я думаю, что сношеніе съ Катковымъ представляетъ много невыгоднаго. Пишите Краевскому или Коршу въ «С.-Петербургскія Вѣдомости».

Сто франковъ я посылаю. Заработать ихъ вы непремѣнно должны и потому будемъ ждать. Получаете-ли вы «Колоколъ»? или какъ вамъ его посылать? Не нужно ли какихъ книгъ изъ нашихъ для продажи?

Прощайте, сынъ мой (Александръ) во Флоренціи все занимается животными и рѣжетъ собакъ съ профессоромъ Шифомъ. Михаилъ Ал. (Бакунинъ?) въ Неаполѣ. Вѣроятно крупныя волны новыхъ событій и его выпрутъ ближе на сцену. Все кипитъ и кипятится—и безуміе, и поэзія. Помните старую поговорку: «Si la raison dominait dans le monde—il ne s'y passerait rien». Будьте здоровы.

Адресъ вашъ меня долго затруднялъ—выдадутъ ли вамъ деньги?

[Приписка Н. П. Огарева]: Крѣпко обнимаю васъ, любезный другъ, отъ души желаю вамъ твердости на предпринятомъ пути. Только ваша переписка съ «Русскимъ Вѣстникомъ» мнѣ не нравится. Къ лицу-ль намъ эти лица?... Сомнѣваюсь. Пишите—когда возможно, не оставляйте совсѣмъ безъ извѣстій; это было бы во всѣхъ отношеніяхъ не хорошо. Прощайте... Авось мы доживемъ—свидимся.

3.

Н. П. Огаревъ—В. И. Кельсіеву.

21-го декабря (1866 или 1865 г.?). Ричмондъ. 6, Rothsay Villas, Richmond hill.

Другъ мой Василій Ивановичъ, ваше письмо и статейку я нашелъ, возвратясь изъ Парижа. Вы спросите—зачѣмъ я туда ѣздилъ? Хоронить ѣздилъ. Вамъ близко извѣстно—что̀ это значитъ. Хоронить ѣздилъ! Оба Лёли тамъ умерли. Натали (Огарева) поѣхала съ дѣтьми въ Парижъ, въ ноябрѣ. Около 1-го декабря Леля дѣвочка занемогла крупомъ (или angine concreuse, diphteritis) и 4-го декабря умерла; ей дѣлали трахеотомію. Я пріѣхалъ и уже не засталъ ее, но засталъ больнаго мальчика, который умеръ 11-го декабря. Лизу мы отдалили и услали ее, какъ можно скорѣе, съ Натали въ Монпелье, чтобъ спасти отъ этой эпидеміи. Лиза жива. Натали въ отчаяньи, но крѣпится ради Лизы. Александръ Ивановичъ поѣхалъ въ Монпелье; я, дождавшись въ Парижѣ извѣстія, что Лиза внѣ опасности, возвратился въ Англію, гдѣ дождусь Александра Ивановича и тогда рѣшимъ—что̀ дѣлать, куда ѣхать. Премудрость, давшая прожить дѣтямъ три года, чтобъ уморить ихъ самой ужаснѣйшей болѣзнью, какую я только знаю, изумительна. Руки опустились, голова идетъ кругомъ, но надо уйти въ работу и воскреснуть, что я и сдѣлаю. Болѣзнь моя въ эту осень очень разыгралась; стану здѣсь серьезно лечиться у Нефт., съ которымъ въ пониманіи ея совершенно согласенъ. Въ Парижѣ ни за что въ мірѣ лечиться не стану. Тамъ я убѣдился, что науки

нѣтъ, что люди принимаютъ ее за средство сдѣлать карьеру, и что невѣжество можетъ безраскаянно употреблять способы леченья, равныя палачеству, зная, что они не помогутъ.

Писать много некогда, милый Кельсіевъ, или не хочется даже. Въ другой разъ напишу о дѣлахъ. Теперь, право, не въ силахъ. Одно только скажу: вы требуете людей, есть еще двое — одинъ полякъ (католикъ, но равнодушный къ католическому вопросу), другой русскій; пишите поскорѣе—могутъ ли они, въ особенности первый, пріѣхать; если-бъ я былъ не одинъ, я послѣ вашего письма рѣшилъ бы утвердительно, не дожидаясь инаго извѣщенія; но теперь не могу и жду вашего отвѣта какъ можно скорѣй; отвѣчайте хоть одну строчку, но тотчасъ. Пишите на имя Тр. или Тх., ибо я за перемѣну квартиры не отвѣчаю; кажется, что пробуду два мѣсяца, но не ручаюсь. Баптистовъ вашихъ помѣщу въ «Колоколѣ» теперь же; но я думаю безъ подписи. Вообще скажите, довольно ли безопасно натыкать на ваше мѣстопребываніе? Вдобавокъ неизвѣстность, откуда пришло извѣстіе, будетъ имѣть свой эффектъ. Но на вопросъ мой отвѣчайте, ибо иной разъ помѣстить статью за подписью лучше.

До отъѣзда въ Парижъ, Натали мнѣ оставила письмо къ Варварѣ Тимоѳеевнѣ [1]). Не могу его отыскать да и только, а откладывать посылку этого письма тоже не могу. Стало, какъ найду, такъ и пошлю. Но оно было писано въ другихъ обстоятельствахъ. А что Варвара Тимоѳеевна? что малютка? Обнимите ихъ за меня.

Ну—прощайте на этотъ разъ.

Какъ вамъ понравился декабрьскій «Колоколъ?»

О Глосѣ справлюсь еще.

4.

Н. П. Огаревъ—В. И. Кельсіеву.

17-го октября (1866 или 1867 г.?).

Любезный Василій Ивановичъ, вчера послѣ полутора годовъ мы имѣли о васъ извѣстіе. Что же это съ вами? Почему вы полтора года не пишете? Получили ли наши письма (которыхъ было навѣрно не меньше 4)? Получили-ли мое послѣднее письмо изъ Женевы черезъ Тульчу? Почему вы не писали, когда страдали? Всего этого я понять не могу. Да дайте же хоть одну строчку! Что Варвара Тимоѳѣевна?

---

[1]) Жена Кельсіева.

Напишите хоть одно слово, да не откладывая въ дальній ящикъ по неизвѣстной мнѣ причинѣ. Крѣпко обнимаю васъ. Вашъ Огаревъ.

Письмо это просто опытъ, чтобъ узнать—можно ли этимъ путемъ писать къ вамъ. Объ васъ слухи печальные. Извѣстите сами. Между прочимъ Катковъ и Комп.—обвиняютъ васъ, что вы съ зажигателями. Вы вѣрно все это читали въ «Ойчизнѣ». Я все дѣлалъ, писалъ вамъ, посылалъ газеты и, наконецъ, замолчалъ. Хорошо ли вы знали Жуковскаго, черезъ котораго шла переписка?

Отвѣтъ посылайте немедленно: La Boissière près de Génève.

5.

А. И. Герценъ—В. И. Кельсіеву.

29-го октября (1866 или 1867 г.?). Génève. La Boissière.

Ужасное письмо ваше мы получили. О несчастіяхъ, постигнувшихъ васъ, говорить нечего; жмемъ руку вамъ и еще больше Варварѣ Тимоѳеевнѣ.

Мы къ вамъ писали черезъ д-ра Грасовскаго и черезъ него получили первыя вѣсти. Получили ли вы наше письмо?

Многое остается неяснымъ въ вашемъ письмѣ. Зачѣмъ вы бросили Тульчу и мѣсто? Зачѣмъ не писали тотчасъ? Въ какихъ отношеніяхъ вы разстались съ Гончаромъ? [1]).

Улучите минуту покойную и напишите реляцію. На счетъ вашего намѣренія ѣхать или идти сюда-ли, въ Лондонъ-ли—одумайтесь и очень. Если теперь для Варв. Тим. нужно не много денегъ—мы можемъ переслать сейчасъ двѣсти франковъ, но какъ это сдѣлать, напишите сейчасъ.

Обвиненія Каткова васъ именно въ подлогахъ должны быть основаны на какой-нибудь клеветѣ. Не догадываетесь ли вы, не знаетъ ли Жуковскій или Васильевъ — гдѣ онъ? Вамъ бы слѣдовало Каткова ругнуть.

---

[1]) Осипъ Семеновичъ Ганчаръ, атаманъ старообрядцевъ некрасовцевъ, жившихъ за Дунаемъ, род. 1796 г., ум. въ 1879 г. Весьма интересное жизнеописаніе Ганчара, составленное съ его словъ его другомъ А. Никитинымъ, помѣщено въ „Русской Старинѣ“ 1883 г., т. XXXVIII, стр. 175—192; при той же книгѣ помѣщенъ портретъ этого замѣчательнаго ходока о всѣхъ нуждахъ его земляковъ некрасовцевъ. Ред.

А вѣдь русскій то Фибринъ или церебринъ еще сыроватъ—оттого мы и не умѣемъ ничего довести до конца. Это вина не личности, а расы и ея возраста. Лиха бѣда была осѣсть—англичанинъ, голландецъ и даже нѣмецъ пустили бы корни въ землю, сосредоточили бы на одномъ зернѣ, и сдѣлали бы что-нибудь.

«Колоколъ» я велѣлъ вамъ послать. Замѣтьте, что мы вамъ перестали посылать не такъ давно. Мы постоянно посылали на Жуковскаго и, кажется, до васъ никогда не доходило.

Въ будущее—въ наше русское—я смотрю безъ отчаянія, главное—все и цѣло и идетъ... а до акциденціи дѣла нѣтъ.

Прощайте—передаю Огареву перо. А. Герценъ.

Приписка Н. П. Огарева: Герценъ вамъ сказалъ все, что можно сказать въ письмѣ; мнѣ остается прибавить повтореніе...

Тяжело легло на сердце ваше письмо. Я чувствую, что вы въ состояніи отчаянія—и страшно этого не хочется, какія бы несчастія ни были. Сберите свои силы, другъ могъ, и еще разъ выростите до дѣятельности. Такъ сдаваться нельзя ни передъ тюрьмой, ни передъ природой...

Обнимаю васъ крѣпко и Варвару Тимоѳеевну. Пишите тотчасъ; такъ разрываться, какъ вы до сихъ поръ дѣлали, нельзя. Пишите тотчасъ. Дайте же отсюда быть вамъ полезнымъ словомъ и дѣломъ...

Лиза и Нат. (Огаревы) въ Монтре.

6.

А. И. Герценъ—В. И. Кельсіеву.

13-го декабря (1866 или 1867 г.?). La Boissière, Génève.

Долго не писалось къ вамъ послѣ послѣдняго письма вашего. Оно ужасно. Мы въ предвидѣніи несчастія писали наше письмо. Что тутъ дѣлать словами?

Письмо ваше носитъ слѣды вынесенныхъ бѣдствій и лихорадочнаго расположенія духа. Если этотъ тонъ отчаянія и своего рода метанья изъ стороны въ сторону — васъ сколько нибудь врачуетъ — то и хорошо. Но дѣлать изъ него норму и теорію жизни невозможно. Жизнь васъ страшно раздавила, вы лично имѣете всѣ права на ски-

танія, какъ перекати поле. Но все же это случайность,—васъ несчастія захватили прежде, чѣмъ вы устоялись на чемъ бы то ни было, и оскомина у васъ дѣлается натощакъ. Если у васъ былъ субъективный интересъ къ дѣлу, то вы все же не имѣете права сердиться, потому что вы въ сущности ничего не сдѣлали, а можете идти прочь. Если же былъ и объективный интересъ, то вы ошибаетесь, что все идетъ дурно. И мы, и не мы, бо̀льшею частью, дѣлали вздоръ, а дѣло шло своимъ чередомъ. Лично можетъ спасти человѣка одно — работа. Какая цѣль, какая польза? вопросы чрезвычайно важные, но вся природа и всѣ люди, захваченные постоянно дѣломъ своего развитія, устройства, кормленія—продолжаютъ, философствуя и не философствуя, работу. На людяхъ и смерть красна. Я полагаю еще разъ, что индивидуально вы, я—можемъ отказаться тянуть канитель, идти въ бѣгуны или шарманщики—это и не порокъ, и не добродѣтель.

Отчего бы вамъ не начать писать? Что раскольники оказались демосоками на свой манеръ, а не на вашъ,—это еще не бѣда. Въ отношеніяхъ невѣрующихъ къ фанатикамъ всегда бываетъ хромая нога.

Напишите еще разъ о вашихъ планахъ. Если вамъ нужны деньги—франковъ 200 я пришлю, но научите какъ, чтобъ дошли (я спрашивалъ васъ уже объ этомъ).

Отчего Жуковскій такъ плохо доставлялъ вамъ «Колоколъ»? Не возьметъ ли онъ на коммиссію экземпл. 10—20?

Прощайте.

Приписка Н. П. Огарева: Дойдетъ или не дойдетъ до васъ это письмо, бѣдный мой Василій Ивановичъ? Еще ли вы на мѣстѣ или уже на пути? Стану ждать отъ васъ отвѣта и надѣяться, что вы имъ не замедлите такъ, какъ я своимъ, то отъ дѣла, то отъ бездѣлья, то отъ болѣзни, то отъ прогулки, то отъ сомнѣній—гдѣ вы? Да и вамъ мудрено отвѣчать, Кельсіевъ. Въ такомъ ли вы расположеніи духа, чтобы услышать голосъ правды! Утѣшать васъ, уговаривать васъ я не стану, это какъ-то глупо и скорѣй приходитъ въ голову человѣку равнодушному. Одно только скажу—сберите всѣ силы ради правды и дѣла—и все же изживется вѣкъ легче, потому что будетъ занятъ сознательно, и тутъ то найдется крѣпость выносить горе и жизнь, а вѣдь и то, и другое надо же выносить, потому что самоубійство пошло.

Одно еще въ вашемъ письмѣ: я все же не вижу, чего вы хотите и что предпринимаете? Ваши намѣренія не ясны для васъ самихъ. Сберитесь съ силами, обдумайте и напишите ясно. Время прошло не

мало; чай уже фантастическое начинаетъ остывать, горе о прошломъ растетъ въ свой размѣръ чистой святыни, и человѣческій мозгъ освобождается для работы. Пишите еще, Василій Ивановичъ.

Обнимаю васъ и жду вашего письма.

Не похлопочете ли, чтобъ въ Галацѣ продать «Молоканъ», издан. нами въ Женевѣ? Если можете помѣстить, я вамъ сто экземпляровъ пришлю.

Въ Тульчѣ, говорятъ, требуютъ и очень. Не возьмется ли Жуковскій?

Сообщ. въ 1871 г. въ С.-Петербургѣ В. И. Кельсіевъ.

Въ Соловецкой обители

1887 г.

Въ интересномъ очеркѣ М. А. Колчина о ссыльныхъ и заточенныхъ въ Соловецкомъ монастырѣ замѣтилъ я одну неточность: именно, на стр. 57 «Русской Старины», октябрь 1887 г., напечатано: «Въ октябрѣ 1883 года выпущенъ былъ изъ этой (Соловецкаго монастыря) тюрьмы послѣдній арестантъ Давидовъ, и съ тѣхъ поръ она стоитъ ни кѣмъ не занятая».

Посѣтивъ лѣтомъ 1887 г. Соловецкій монастырь, я осмотрѣлъ и эту тюрьму, въ которой тогда содержались двое арестантовъ, сосланныхъ туда за распространеніе сектъ, но какихъ именно, я узнать не могъ. Также не узналъ и именъ ихъ, но по происхожденію одинъ изъ нихъ принадлежитъ къ Новгородской губерніи, а другой—къ Херсонской. Сидятъ они въ заточеніи уже нѣсколько лѣтъ—сколько помнится—лѣтъ 8 или 9. Тому назадъ нѣсколько лѣтъ ихъ было выпустили на свободу въ предѣлахъ монастыря, но затѣмъ опять вскорѣ заперли. Содержатся они въ двухъ смежныхъ камерахъ и не огутъ сообщаться другъ съ другомъ. Помѣщеніе ихъ чистое, свѣтлое и оообще они на обращеніе съ ними не жалуются.

19-го апрѣля 1888 г.

Б. Якунчиковъ.

МИХАИЛЪ НИКИФОРОВИЧЪ КАТКОВЪ.

Письмо его къ Якову Ив. Ростовцеву

1859 г.

М. г. Іаковъ Ивановичъ! Просвѣщенное вниманіе, обращаемое вашимъ превосходительствомъ на литературу, выраженное вами признаніе пользы, которую принесла она и еще можетъ принести великому дѣлу, предпринятому правительствомъ, вашъ призывъ содѣйствовать по мѣрѣ нашихъ силъ трудамъ высочайше учрежденныхъ коммиссій для составленія положенія о крестьянахъ усугубили бы, безъ сомнѣнія, наши силы и побудили бы насъ съ бо̀льшимъ рвеніемъ и, можетъ быть, еще съ бо̀льшимъ успѣхомъ входить въ подробности этого сложнаго и труднаго вопроса. Мы посвятили ему серьезное и тщательное изученіе, собрали значительный запасъ свѣдѣній и могли бы представить цѣлый рядъ статей, которыя были бы, можетъ быть, не безполезны, но, къ сожалѣнію, въ то самое время, когда мы получили приглашеніе отъ вашего превосходительства, цензурнымъ комитетамъ дано предписаніе, которое отнимаетъ у насъ всякую бодрость и всякую возможность продолжать нашу дѣятельность. Не смотря на то, что въ «Русскомъ Вѣстникѣ» ни одна статья по крестьянскому вопросу не подверглась порицанію правительства, мы постоянно были стѣсняемы разнаго рода препятствіями и затрудненіями, которыя неоднократно вынуждали насъ прерывать разработку этого вопроса. Долгое время, напримѣръ, не позволяли намъ употреблять даже самое слово выкупъ, такъ что мы должны были прибѣгать къ разнымъ изворотамъ рѣчи, чтобы высказать эту полезную мысль, которая нашла себѣ отзывъ въ губернскихъ комитетахъ и заслужила, наконецъ, одобреніе самаго правительства.

Но чѣмъ несомнѣннѣе становилась польза, оказываемая литературой,

чѣмъ болѣе стала она обращать на себя вниманіе просвѣщенныхъ лицъ, стоящихъ во главѣ управленія, тѣмъ болѣе, повидимому, находили нужнымъ съ другой стороны стѣснять и затруднять ее. Не довольствуясь строгою общею цензурою, которая имѣетъ своимъ назначеніемъ не допускать къ печати ничего такого, что могло бы показаться предосудительнымъ и вреднымъ, насъ подчинили множеству спеціальныхъ цензуръ, при чемъ стало особенно затруднительно положеніе московской журналистики. Статьи, которыя назначаются такой спеціальной цензурѣ, должны подвергаться всѣмъ проволочкамъ формальнаго дѣлопроизводства: сначала онѣ поступаютъ въ цензурный комитетъ, а оттуда препровождаются въ Петербургъ, въ канцелярію министра народнаго просвѣщенія, гдѣ онѣ сортируются и откуда разсылаются по различнымъ вѣдомствамъ для передачи чиновникамъ этихъ вѣдомствъ, занимающимся спеціальною цензурою; тѣмъ же порядкомъ статьи должны возвращаться въ редакціи. Каждая статья проходитъ такимъ образомъ семь инстанцій. Обыкновенно употребляются на это два, три и даже четыре мѣсяца; такъ что статья, по возвращеніи въ редакцію, теряетъ всякій интересъ и требуетъ, по крайней мѣрѣ, значительной передѣлки для того, чтобы согласить ее съ тѣмъ новымъ положеніемъ, какое вопросъ успѣлъ принять въ теченіи этого времени, и статья снова должна отправиться въ тотъ же путь, рискуя снова утратить свое значеніе. Эта мучительная борьба съ безпрерывными препятствіями облегчалась, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что цензору не вовсе запрещалось брать нѣкоторыя статьи на свою отвѣтственность и пропускать ихъ, не отсылая на предварительное разсмотрѣніе министерскихъ чиновниковъ. Но теперь строго подтверждено, чтобы всѣ, безъ исключенія, статьи по крестьянскому вопросу посылались на предварительное разсмотрѣніе и притомъ не одного министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ бывало прежде, но многихъ другихъ министерствъ и главныхъ управленій. Съ цензора не снимается отвѣтственность за пропускъ статей, хотя бы и одобренныхъ всѣми министерствами, но съ тѣмъ вмѣстѣ у него отнимается право пропустить даже такую статью, которая не можетъ возбуждать ни малѣйшаго сомнѣнія. Цензоръ въ этомъ случаѣ не можетъ даже руководствоваться тѣми статьями, которыя были одобрены административною цензурою. Предписано и подтверждено, чтобы онъ отсылалъ въ Петербургъ всякую статью по крестьянскому вопросу, а стало быть и такую, которая была бы ни чѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ прежде одобренныхъ статей.

Послѣ этого мы считаемъ совершенною невозможностію продолжать наши занятія по этому вопросу и полагаемъ, что стѣсненія,

которымъ насъ подвергли, не что иное, какъ особая форма запрещенія. Но полученное мною письмо вашего превосходительства снова возбуждаетъ наши надежды и, пользуясь этимъ случаемъ, я беру смѣлость просить васъ помочь намъ выйти изъ нашего затруднительнаго положенія и дать намъ средства исполнить изъявленное вами желаніе.

Намъ нужно только, во 1-хъ, чтобы обыкновенной общей цензурѣ дано было право разрѣшать къ печати статьи по крестьянскому вопросу и только тѣ изъ нихъ отсылать на предварительное разсмотрѣніе, которыя затруднятъ цензора; во 2-хъ, чтобы редакціи дано было право передавать министерскимъ чиновникамъ статьи, подлежащія ихъ разсмотрѣнію, черезъ агента ея въ Петербургѣ, безъ стѣснительнаго посредничества передаточныхъ инстанцій.

Вообще же въ самомъ интересѣ вопроса необходимы нѣкоторыя льготы литературѣ, чтобы она могла съ пользою заниматься его разъясненіемъ.

Излишняя придирчивость и ограниченіе могутъ безъ всякой нужды только вредить изученію вопроса. Смѣю думать, что всѣ опасенія въ этомъ случаѣ совершенно напрасны. Злонамѣреннаго и притомъ опаснаго направленія въ статьяхъ этого рода нельзя ожидать, да его и не допустила бы цензура, какъ бы ни была она льготна; но излишнія стѣсненія, частыя замѣчанія и выговоры за всякое случайное неосторожное выраженіе пугаютъ цензора и отнимаютъ бодрость у писателя.

Возлагая всѣ наши надежды на ваше превосходительство, мы будемъ ожидать, что намъ будетъ дана возможность продолжать нашу дѣятельность, которую правительство, въ лицѣ вашемъ, находитъ полезною и въ которой мы принуждены были остановиться. Какъ скоро обстоятельства позволятъ намъ возобновить ее, я сочту долгомъ исполнить желаніе вашего превосходительства касательно доставленія въ комиссію по 100 отдѣльныхъ оттисковъ каждой статьи по крестьянскому вопросу.

Съ истиннымъ почтеніемъ и глубочайшею преданностію имѣю честь и проч. Михаилъ Катковъ.

21-го марта 1859 г. Москва.

Сообщ. В. А. Остряковъ.

Левъ Александровичъ Мей

1859 г.

М. г. Іаковъ Ивановичъ! [1]) Постоянное благорасположеніе в. п. ко мнѣ, какъ къ бывшему лицеисту, даетъ мнѣ нѣкоторое право прибѣгнуть въ вамъ, милостивый государь, съ почтительнѣйшею и усердною просьбою въ полномъ упованіи на снисходительное вниманіе вашего превосходительства.

Состоя на службѣ при археографической комиссіи по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, я почти не имѣю служебныхъ занятій за исключеніемъ кабинетнаго разбора древнихъ документовъ и лѣтописей. Между тѣмъ, довольно близкое знакомство съ русскою стариною, съ народнымъ бытомъ и отечественнымъ языкомъ, при вспомогательныхъ разнородныхъ знаніяхъ, осмѣливаетъ меня на болѣе дѣятельное служебное поприще. Въ настоящее время его императорскому величеству благоугодно было возложить па в. п—ство государственныя заботы о благоустройствѣ всей Россіи. Ваше п—ство, безъ сомнѣнія, не замедлите избрать не только пособниковъ и думцовъ, но и рядовыхъ, добросовѣстныхъ исполнителей вашихъ предначертаній: въ эти-то ряды я и желалъ бы стать, подъ общее знамя народнаго дѣла.

Какъ ни смѣло подобное притязаніе, но оно оправдывается искреннимъ желаніемъ—принести посильную общественную пользу подъ руководствомъ высочайше-избраннаго дѣятеля, на просвѣщенное покровительство котораго я такъ давно и такъ справедливо привыкъ надѣяться.

Съ чувствами истиннаго уваженія и нелицемѣрной преданности имѣю честь пребыть, и проч. Левъ Мей.

С.-Петербургъ, 3-го іюня 1859 года.

Чиновникъ археографической комиссіи надворный совѣтникъ Левъ Александровъ Мей жительство имѣетъ въ Николаевской улицѣ, въ домѣ подъ № 11-мъ.

Сообщ. В. А. Остряковъ.

---

[1]) Генералъ-адъютантъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ.

ѲЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ БУСЛАЕВЪ,

академикъ и профессоръ.

18-го августа 1888-го года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ службы академика Ѳ. И. Буслаева. Почтенный ученый родился 13-го апрѣля 1818 года, въ гор. Керенскѣ, Пензенской губерніи, гдѣ отецъ его занималъ должность секретаря уѣзднаго суда. Буслаеву не было пяти лѣтъ, когда онъ потерялъ отца и мать его переѣхала въ Пензу. Здѣсь онъ прожилъ до окончанія курса въ пензенской гимназіи и въ 1834 году поступилъ казеннокоштнымъ студентомъ въ московскій университетъ. Не смотря на юный возрастъ, 16-ти-лѣтній юноша усердно началъ заниматься, и своими блестящими способностями обратилъ вниманіе на себя не только своихъ профессоровъ, но и попечителя московскаго университета графа С. Г. Строганова. По окончаніи курса въ 1838 году со степенью кандидата, Ѳ. И. былъ опредѣленъ сверхштатнымъ учителемъ во 2-ю московскую гимназію (18-го августа 1838 г.). Изъ воспоминаній его учениковъ мы знаемъ, какою горячею любовью пользовался Буслаевъ среди своихъ учениковъ. Онъ своими увлекательными уроками возбудилъ въ ученикахъ любовь къ русскому языку и литературѣ. Недолго пришлось Буслаеву быть преподавателемъ и въ слѣдующемъ году онъ вмѣстѣ съ семействомъ графа С. Г. Строганова отправляется за границу, гдѣ пробылъ два года.

Италія произвела на Ѳ. И. чарующее впечатлѣніе. Здѣсь онъ изучилъ классическое искусство, а памятники искусства въ Римѣ и Бурбонскій музей въ Неаполѣ приводили его въ восторгъ. Вернувшись въ Россію въ 1841 г., Буслаевъ назначенъ былъ учителемъ въ 3-ю московскую гимназію. Онъ очень хорошо понималъ, что схоластическое преподаваніе русскаго языка и литературы, царствовавшее тогда у насъ въ школѣ, неудовлетворительно и потому началъ работать надъ измѣненіемъ такого преподаванія. Въ 1844 году онъ издалъ

сочиненіе о преподаваніи русскаго языка. Это сочиненіе произвело цѣлую бурю. Учителя возстали противъ Буслаева, такъ какъ имъ не хотѣлось разстаться съ старою системою, а предлагаемая Буслаевымъ система преподаванія требовала отъ нихъ много работы. Буслаевъ затѣмъ издалъ свою историческую грамматику, грамматику русскаго языка, сближенную съ церковно-славянскимъ языкомъ, и историческую христоматію русскаго языка. Всѣ эти сочиненія произвели переворотъ въ преподаваніи русскаго языка и литературы и составили Буслаеву славу первоклассиаго ученаго. О значеніи этихъ трудовъ прекрасно говоритъ II отдѣленіе Академіи Наукъ въ своей привѣтственной телеграммѣ Ѳ. И. Буслаеву по поводу его 50-ти-лѣтняго юбилея: «Ваши превосходные труды, основанные на сравнительно-историческомъ методѣ, впервые приложенномъ вами къ русской филологіи, давно оцѣнены по достоинству и навсегда останутся образцами глубокаго изученія, тонкаго эстетическаго чувства и мастерскаго изложенія». Въ привѣтственной телеграммѣ московскаго учебнаго округа о тѣхъ-же трудахъ Буслаева говорится, что заслуги его для русской школы — незабвенны и что многоучащееся юношество весьма много обязано его блестящимъ научнымъ изслѣдованіямъ и педагогическимъ воззрѣніямъ касательно преподаванія важнѣйшаго предмета школы — русскаго языка и литературы. Занимая около 10-ти лѣтъ должность инспектора Ермолаевскаго женскаго училища, Ѳедоръ Ивановичъ поставилъ это заведеніе прекрасно и оно заняло одно изъ первыхъ мѣстъ среди женскихъ учебныхъ заведеній Москвы.

Въ 1842 г. Буслаевъ прикомандировывается къ московскому университету въ качествѣ помощника профессора И. И. Давыдова и С. П. Шевырева, по исправленію студенческихъ сочиненій, а съ января 1847 года начинаетъ читать лекціи. Въ 1848 году Буслаевъ блестяще защищаетъ свою магистерскую диссертацію «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ». Это сочиненіе дало ему имя не только у насъ, но и за границею. Слава Буслаева какъ профессора, такъ и ученаго все росла и въ 1859 году онъ удостоился преподавать русскій языкъ и литературу наслѣднику русскаго престола Его Высочеству Цесаревичу Николаю Александровичу. Какъ успѣшно шли эти занятія, это лучше всего видно изъ всемилостивѣйшей грамоты Буслаеву ко дню его юбилея. Жалуя ему Бѣлаго Орла, Его Императорское Величество Государь Императоръ говоритъ, что Августѣйшій братъ его Цесаревичъ Николай Александровичъ всегда сохранялъ о Буслаевѣ признательное воспоминаніе. Лучшей награды учителю и не можетъ быть. Усердно готовясь къ лекціямъ для своего августѣйшаго ученика, Буслаевъ еще занимался своимъ капитальнымъ трудомъ:

«Очерки русской словесности и искусства». Этому труду онъ посвящалъ только дни лекціи, такъ какъ накапунѣ лекціи онъ не имѣлъ времени. Занятія съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ продолжались до конца 1860 года, по три раза въ недѣлю.

Въ 1860 г. Буслаевъ напечаталъ «Очерки рус. словесн. и искусства». Этотъ громадный трудъ въ 2-хъ большихъ томахъ, съ 212 прекрасно исполненными рисунками, былъ горячо привѣтствованъ какъ печатью, такъ и учеными. Академія наукъ избрала Буслаева ординарнымъ академикомъ, а московскій университетъ, по возвращеніи его въ Москву, поднесъ ему степень доктора. Значеніе этого замѣчательнаго труда оцѣнено нашими учеными.

Возвратившись въ Москву, Өедоръ Ивановичъ Буслаевъ всецѣло посвятилъ себя московскому университету, гдѣ съ честью занималъ каөедру до 1881 года, когда вышелъ въ отставку по собственному желанію. Съ выходомъ Буслаева московскій университетъ лишился замѣчательнаго профессора. Профессора лишились въ немъ прекраснаго товарища, который съ рѣдкою прямотою защищалъ свои мнѣнія, а студенты — прекраснаго профессора и руководителя. Өедоръ Ивановичъ готовъ былъ помочь каждому студенту, чѣмъ онъ могъ. Прямой, доступный и очень радушный, онъ былъ отцомъ для своихъ слушателей. Слушатели его разсказывали намъ, съ какою любовью и сердечностью Өедоръ Ивановичъ относился къ студенту, который обращался къ нему съ какимъ нибудь научнымъ вопросомъ или просилъ руководствовать его въ научныхъ работахъ.

Выйдя въ отставку, Буслаевъ, какъ вѣрно выразился въ адресѣ петербургскій университетъ, ни на минуту не прекратилъ своихъ научныхъ занятій и въ 1884 году подарилъ насъ колосальнымъ трудомъ, изданіемъ своего знаменитаго апокалипсиса. 66-ти лѣтній старецъ подъ своимъ наблюденіемъ издалъ и прекрасный атласъ въ 400 рисунковъ къ апокалипсису. Этотъ трудъ былъ привѣтствованъ какъ замѣчательное явленіе: императорское русское археологическое общество присудило маститому ученому золотую медаль. По порученію общества трудъ Буслаева разсматривалъ нашъ извѣстный знатокъ церковныхъ древностей профессоръ Н. В. Покровскій и, на основаніи его прекрасной рецензіи, была присуждена медаль.

Въ адресѣ спб. университета сдѣлана такая характеристика заслугъ Буслаева: «не многимъ, какъ вамъ, даны были и успѣхъ многообѣщающаго почина и торжества неустаннаго исполненія. Заслуги ваши, въ научной разработкѣ исторіи русскаго языка, словесности и искусства, быстро сдѣлавшіяся извѣстными всей учащей и учащейся Россіи, давно создали вамъ славу первокласснаго ученаго, и избравъ васъ въ 1881 году

въ свои почетные члены, с.-петербургскій университетъ уже выразилъ этимъ уваженіе ко всей вашей предыдущей дѣятельности. Послѣдовавшіе затѣмъ труды ваши по изученію русской старины и народности сами по себѣ могли бы быть украшеніемъ любой ученой жизни».

Въ адресѣ II отдѣленія Академіи Наукъ вспоминаются великія заслуги Буслаева въ дѣлѣ преподаванія роднаго языка и изслѣдованія нашей письменности и русскаго искусства. «Вооруженный талантомъ и знаніемъ, вы въ той и другой области проложили новые пути, признанные единственно вѣрными и обязательными для всѣхъ вступающихъ на то-же поприще», говорятъ далѣе академики въ своемъ привѣтствіи.

Не смотря на почтенный возрастъ, Ѳедоръ Ивановичъ въ этомъ году пересмотрѣлъ свою грамматику и христоматію, значительно ихъ дополнилъ для новаго изданія. Его грамматика выдержала нѣсколько изданій.

Всѣхъ трудовъ Ѳедора Ивановича довольно много.

Онъ отзывался и на общественныя явленія и статьи его разсѣяны по разнымъ журналамъ и газетамъ. Ихъ болѣе полтораста. Незначительная лишь часть ихъ собрана маститымъ ученымъ въ двухъ большихъ томахъ подъ заглавіемъ «Мои досуги».

Юбилей Ѳ. И. Буслаева прошелъ, но описаніе его напечатано только въ однѣхъ «Пензенскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ», отъ 9-го октября. Кромѣ высочайшей награды и всемилостивѣйшей грамоты, маститый ученый былъ избранъ, по поводу своего 50-тилѣтняго юбилея, въ почетные члены новороссійскаго университета, археологическаго института и пензенскаго губернскаго статистическаго комитета. Въ своей статьѣ въ «Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», посвященной Буслаеву, мы высказали желаніе, чтобы портретъ знаменитаго ученаго былъ помѣщенъ въ пензенской гимназіи, гдѣ онъ учился. Наша мысль была принята сочувственно и въ телеграммѣ Буслаеву, въ день его юбилея отъ пензенской гимназіи говорится: «Пензенская гимназія, первоначальная ваша альма-матеръ, памятуетъ своего старѣйшаго ученика и гордится тѣмъ, что она имѣла васъ своимъ питомцемъ. Совѣтъ гимназіи, почитая вашу полувѣковую и многотрудную службу на пользу отечественной науки и россійскаго просвѣщенія, единогласно ходатайствуетъ предъ высшимъ начальствомъ о постановкѣ вашего портрета въ актовомъ залѣ гимназіи, въ примѣръ и назиданіе какъ современному поколѣнію, пребывающему въ гимназіи, такъ и будущимъ ея питомцамъ».

Министръ народнаго просвѣщенія Н. Д. Деляновъ (нынѣ графъ) поздравилъ юбиляра слѣдующей телеграммой:

«Привѣтствую стараго друга, товарища и знаменитаго ученаго. Да продолжитъ вамъ Господь Свою милость и да послужите еще долго свѣточемъ для молодыхъ поколѣній».

Дòроги были для Буслаева монаршая милость, привѣтствія академиковъ и съ родины, тронули его до глубины души и выраженія любви и уваженія со стороны многочисленныхъ учениковъ и ученицъ, но грустно было, что московскій университетъ позабылъ своего профессора. О юбилеѣ Буслаева было вовсе неизвѣстно, гдѣ онъ будетъ праздноваться. Не было и юбилейнаго комитета. Не смотря на это, въ день 18-го августа, Ѳедоръ Ивановичъ получилъ массу поздравленій. Многіе, не зная, гдѣ Ѳедоръ Ивановичъ, посылали привѣтствіе въ Москву, другіе въ университетъ и т. д. Всѣ эти привѣтствія отличались замѣчательною сердечностью и показали какою громадною любовью и уваженіемъ пользуется знаменитый ученый во всѣхъ краяхъ нашего обширнаго отечества.

А. Ѳ. Селивановъ.

От**ъ** редакціи «Русской Старины». Съ глубочайшимъ сочувской Старины» объявленіе о «Библіографѣ» сдѣлали къ нему свое примѣствіемъ къ громаднымъ заслугамъ Ѳ. И. Буслаева въ области науки, славнаго ученаго, пользующагося всеобщимъ уваженіемъ, помѣстили мы статью А. Ѳ. Селиванова; да послужитъ она и нашимъ привѣтомъ маститому академику и профессору по поводу юбилея его полувѣковой дѣятельности; присоединяемъ къ этому привѣту наше личное, исполненное сердечной признательности, воспоминаніе:

Въ 1855—1856 годахъ, въ бытность нашу въ Москвѣ еще юнымъ 18-ти лѣтнимъ офицеромъ гвардіи, профессоръ Ѳедоръ Ивановичъ своимъ добрымъ вниманіемъ, радушіемъ, своими просвѣщенными совѣтами поддержалъ зарождавшуюся еще въ насъ тогда любовь къ отечественной старинѣ; его доброму вниманію, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими высоко чтимыми нами лицами (А. Д. Галаховъ, А. Н. Островскій), обязаны мы тѣмъ, что въ скоромъ послѣ того времени посвятили себя скромному служенію отечественной исторіи.

Ред.

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ.

Замѣтка.

Въ ноябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1888 года напечатаны, по поводу столѣтняго юбилея Щепкина, интересныя воспоминанія о немъ Н. В. Кукольника, сообщенныя И. А. Пузыревскимъ. Слѣдуетъ оговорить, чего г. Пузыревскимъ не сдѣлано, что эти воспоминанія появляются въ печати не въ первый разъ. Они появились впервые въ фельетонахъ газеты «Голосъ» за 1864 г. №№ 77 и 78. Дѣвица Позднякова, о которой такъ много пишетъ Кукольникъ, предрекая ей громкую славу, теперь извѣстная, первоклассная артистка московскаго Малаго театра, Гликерія Николаевна Ѳедотова.

Въ той же книгѣ «Русской Старины» изд. 1888 г. помѣщены весьма интересныя записки о Щепкинѣ артистки А. И. Шубертъ. Въ нихъ обращаетъ на себя вниманіе фамилія одного актера: Потемчиновъ. Тутъ, очевидно, описка, надо читать: Потанчиковъ; онъ былъ, дѣйствительно, актеромъ московскаго театра въ 1840-хъ годахъ, игралъ вмѣстѣ съ Никифоровымъ и Степановымъ и пользовался, въ свое время, извѣстностью въ роляхъ резонеровъ. О немъ можно найти много сочувственныхъ отзывовъ въ сочиненіяхъ В. Г. Бѣлинскаго, который говоритъ, что Потанчиковъ съ успѣхомъ замѣнялъ даже Щепкина.

А. И. Шубертъ въ концѣ своихъ воспоминаній вполнѣ вѣрно замѣчаетъ, что «Щепкинъ еще живъ, жива душа его и царитъ на московской сценѣ». И можно сказать, что онъ еще долго будетъ жить, потому что жизнь эту оберегаютъ и поддерживаютъ не одни только непосредственные его ученики и товарищи (среди которыхъ – замѣтимъ кстати—А. И. Шубертъ не упомянула о двухъ столь замѣтныхъ, какъ С. П. Акимова и Н. В. Рыкалова), но вся труппа Малаго театра, девизомъ которой и доселѣ служитъ то, что было особенно симпатичнымъ въ дѣятельности Щепкина—уваженіе къ своему искусству, вѣра въ него и стремленіе къ правдѣ и естественности.

А. Н. Сиротининъ.

1888 г. 8-го ноября.
Орелъ.

Адмиралъ Иванъ Алексѣевичъ Шестаковъ

† 1888 г.

Въ 1867 году 21-го мая немного моряковъ собралось для торжественнаго открытія памятника покойному адмиралу Михаилу Петровичу Лазареву. Небольшая группа моряковъ, на развалинахъ Севастополя, представляла и развалину славнаго Черноморскаго флота. Мѣсто для памятника выбрано на горѣ, возвышающейся надъ бывшими доками, впереди разрушенныхъ казармъ. «Онъ глядитъ на рейдъ и на дѣла своихъ рукъ», какъ выразился въ своей рѣчи адмиралъ Шестаковъ. «Онъ сотворилъ это разрушеніе, приводящее въ восторгъ русское сердце—и въ этихъ развалинахъ, именно въ этомъ истребленіи всего имъ сдѣланнаго, истощившемъ громадныя силы враговъ искусныхъ—его слава и его подвигъ».

По прочтеніи державной воли монарха, по данному знаку слетѣла ткань, скрывающая памятникъ, воздвигнутый по приказанію Николая I, и уже несуществующій Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, съ его дѣяніями какъ живой, предсталъ предъ нами. Начался молебенъ, который служилъ симферопольскій архіерей и архимандриты Херсонесскаго и Успенскаго монастырей. Что чувствовали въ эту торжественную минуту моряки, то послѣ молебна, по окончаніи салюта, вылилось въ живую рѣчь адмирала Шестакова. Рѣчь его была проникнута убѣжденіемъ, это было гордое воспоминаніе о славномъ прошломъ и крѣпкая надежда на такое-же будущее. Онъ стоялъ на одной изъ ступеней памятника, а выше архіерей съ двумя архимандритами какъ бы благословляли его на эту рѣчь. Онъ былъ вдохновляемъ своимъ учителемъ Лазаревымъ, и для всѣхъ присутствующихъ казался такимъ-же, какъ и онъ, слугою своего отечества.

Изъ всей его рѣчи я только отрывки могъ запомнить, съ которыми и дѣлюсь съ читателями:

«...Не гражданская доблесть, высказанная Михаиломъ Петровичемъ въ молодыхъ еще лѣтахъ, говорилъ Шестаковъ, не Наваринскій погромъ, въ которомъ «Азовъ» (корабль) стяжалъ память, достойную ревностнаго храненія, не входъ въ Босфоръ, гдѣ скромный на слова адмиралъ лаконическимъ отвѣтомъ вылилъ душу, готовую на всякую жертву при одномъ воспоминаніи о долгѣ къ своему государю, не эти свѣтлыя случайности, достаточныя для озаренія всякой жизни лучами извѣстности, передаетъ имя Михаила Петровича потомству. Трудъ упорный, неослабный, неутомившійся препятствіями, польза, поистинѣ не доставлявшая выгодъ труженику, безконечное усердіе къ обязанности, цѣлая жизнь, отданная долгу—вотъ изъ чего вылитъ этотъ знаменательный памятникъ.

«Прекрасный корабль кончилъ свое кругосвѣтное плаванье, флагъ спущенъ, брошенъ мертвый якорь! сказалъ Шестаковъ, вспоминая, какъ 16 лѣтъ назадъ, тогда еще живой Севастополь шелъ съ торжественною грустью на встрѣчу чтимому праху. Спущенный флагъ, спустя нѣсколько лѣтъ, взлетѣлъ еще разъ надъ стѣнами, обреченными на гибель, и гордо блисталъ 11 мѣсяцевъ въ пламени истребленія—но на брошенномъ мертвомъ якорѣ городъ-страдалецъ отстоялъ Россію. Вотъ значеніе, народное значеніе того, котораго такъ вѣрно передалъ намъ рѣзецъ художника—тоже не существующаго». Затѣмъ, отъ прошлаго, обращаясь къ будущему, адмиралъ продолжалъ: «Спущенный флагъ, осѣнявшій Севастополь и флотъ при ихъ безвременномъ концѣ, вѣявшій на нихъ духомъ Лазарева чрезъ достойныхъ его сподвижниковъ, крѣпившій ихъ въ геройскомъ мученичествѣ, разовьется вновь, снова призоветъ насъ къ живому дѣлу на пользу родины. Не станемъ разрывать нити, связующей дорогія воспоминанія съ вѣрою въ будущее; и когда воля монарха укажетъ намъ возобновить минувшее, соберемся вновь у этого памятника, на тѣхъ могилахъ дадимъ вѣрноподданническій обѣтъ на прахѣ вождей нашихъ—и надъ этими холмами тлѣнія вновь займется радостная заря воскресенія».

И онъ дождался этой зари. По слову царя явился вновь на Черномъ морѣ флотъ, который Шестаковъ, какъ бы для крещенія, принялъ въ свои руки и умеръ въ Севастополѣ недалеко отъ памятника своего учителя....

А. П. Игнатьевъ.

Одесса. 28-го ноября 1888 г.

ГРАФЪ ЛЕВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ

род. въ 1828 г.

Въ послѣднее десятилѣтіе положительно нѣтъ дня, когда бы не печаталось что-либо объ этомъ высокодаровитомъ писателѣ, объ этомъ, во всѣхъ отношеніяхъ, замѣчательномъ русскомъ человѣкѣ. „Русская Старина", всегда глубоко почитая заслуги всѣхъ старѣйшихъ и по времени дѣятельности, и по мощи таланта, отечественныхъ писателей, давно уже останавливаетъ, съ своей стороны, вниманіе читателей на вполнѣ исторической личности графа Л. Н. Толстаго: его геній, какъ писателя въ области повѣсти и романа, есть одно изъ блестящихъ украшеній эпохи Царя-Освободителя....

Въ 1880-мъ году, къ апрѣльской книгѣ (стр. 681) „Русской Старины", мы приложили самый точный снимокъ-фотогравюру съ весьма интереснаго портрета группы писателей 1856-го года: здѣсь гр. Л. Н. Толстой изображенъ еще въ офицерскомъ сюртукѣ, только что возратившимся (мартъ 1856 г.) изъ Севастополя, изображенъ въ средѣ его друзей-писателей, таковы были: И. С. Тургеневъ, А. Н. Островскій, И. А. Гончаровъ, Д. В. Григоровичъ и А. В. Дружининъ.

Въ той же книгѣ (стр. 853—871) перомъ уважаемаго критика и маститаго преподавателя отечественной словесности А. П. Милюкова начертана оцѣнка творчества графа Л. Н. Толстаго.

Въ 1887-мъ году, къ ноябрьской книгѣ (стр. 273) „Русской

Старины", приложенъ ксилографическій снимокъ съ весьма извѣстнаго портрета писаннаго съ графа Л. Н. Толстаго въ 1873 г., славнымъ портретистомъ И. Н. Крамскимъ. Гравюра весьма тщательно исполнена художникомъ В. В. Маттэ, ученикомъ академика Л. А. Сѣрякова. Въ той же книгѣ (стр. 575—582) профессоръ О. Ѳ. Миллеръ помѣстилъ очеркъ жизни и литературной дѣятельности гр. Л. Н. Толстаго.

При настоящей книгѣ „Русской Старины" (январь 1889 г.) помѣщена гравюра на мѣди, исполненная съ особымъ тщаніемъ рѣзцомъ художника Ѳ. А. Мѣркина. Оригиналомъ послужила фотографія, за выборомъ которой мы позволили себѣ обратиться къ графинѣ Софьѣ Андреевнѣ, супругѣ гр. Л. Н. Толстаго. Графиня весьма любезно и обязательно исполнила нашу просьбу, доставивъ фотографію-портретъ своего мужа въ январѣ 1888 года.

Позволяемъ себѣ надѣяться, что выборъ фотографіи, исполненіе съ нея гравюры на мѣди и, наконецъ, весьма заботливое ея отпечатаніе въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, особенно внимательной къ исполненію заказовъ художественныхъ приложеній къ „Русской Старинѣ" съ 1870-го года, т. е. съ самаго начала изданія этого журнала, вполнѣ удовлетворятъ читателей „Русской Старины" и многочисленныхъ почитателей и почитательницъ графа Л. Н. Толстаго.

Кстати отмѣтимъ: лично мы имѣли удовольствіе видѣть знаменитаго автора „Война и миръ" только одинъ разъ, именно: въ 1878-мъ году онъ посѣтилъ насъ въ С.-Петербургѣ и затѣмъ мы провели у него, отдавая визитъ, болѣе часу въ самой интересной для насъ бесѣдѣ. Графъ Левъ Николаевичъ въ то время живо интересовался источниками и матеріалами къ задуманному имъ роману-хроникѣ „Декабристы". Исполняя его просьбу, мы, послѣ помянутаго свиданія, съ величайшимъ удовольствіемъ посылали ему въ Москву, а затѣмъ въ Ясную Поляну, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, томъ за томомъ, рукописи изъ обширнаго архива „Русской Старины", именно тѣ, которыя имѣли отношеніе къ его художественному труду; превосходный

образчикъ этого труда скоро затѣмъ явился въ напечатанныхъ главахъ „Декабристы"....

Какъ жаль, что авторъ этой новой и превосходной историко-бытовой картины жизни русскаго общества оставилъ ее только лишь при первыхъ набroom наброскахъ своей геніальной кисти....

Ред.

Примѣчаніе. Изъ писемъ гр. Л. Н. Толстаго къ намъ отъ 15-го марта, 2-го и 22-го апрѣля, 5-го декабря 1878 г., при которыхъ Левъ Николаевичъ возвращалъ намъ прочитанныя имъ рукописи, видно, что онъ внимательно изучалъ источники къ задуманной имъ хроникѣ-романъ: Декабристы.

Обширныя записки декабриста Александра Петровича Бѣляева написаны при нѣкоторыхъ указаніяхъ гр. Л. Н. Толстаго т. е. графъ читалъ ихъ и по его вопросамъ и указаніямъ Бѣляевъ распространилъ свой разсказъ; при посредствѣ гр. Л. Н. Толстаго эти превосходныя записки явились въ „Русской Старинѣ"; см. изд. 1880 г., т. XXIX; 1881 г., тт. XXX, XXXI и XXXII; 1884 г., т. XLII; 1885 г., тт. XLV и XLVIII; 1886 г., тома XLIX и LII).

Ред.

Поправка.

Въ „Русской Старинѣ" изд. 1888 г., томъ LX, декабрь, на страницѣ 730, строка 12, напечатано: 31 іюля 1843 г.—читай: 31 августа 1843 г.

А.

ПАМЯТИ ВОДОВОЗОВА, СТОЮНИНА, ГЕРДА.

Изъ надгробныхъ рѣчей.

Съ каждымъ годомъ виднѣй и страшнѣй пустота
Въ той фалангѣ бойцовъ просвѣщенья,
Гдѣ лишь властная смерть замыкаетъ уста,
Гдѣ она прекращаетъ несенье креста
И... бросаетъ вѣнки въ утѣшенье...

Только—смерть! Ни угрозы, ни гнетъ, ни нужда,
Ни соблазна дурманъ благовонный,—
Сокрушить не могли тѣхъ бойцовъ никогда
И чудеснѣй всѣхъ звѣздъ ихъ блестѣла звѣзда
И глаза опускалъ побѣжденный.

Что ни годъ, то утрата! За гробомъ, толпой
Вотъ—соратники, тоже сѣдые...
И невольно вопросъ ихъ тревожитъ простой:
„А теперь, господа, кто изъ насъ чередной?..“
Гдѣ вы, юности дни золотые?..

Пусть работѣ, борьбѣ и конца не видать,
Подъ ногой пусть все чаще капканы —
Но все хочется жить! И зачѣмъ умирать,
Если силы хватаетъ еще получать
Боевыя, почетныя раны?..

Много было вѣнковъ, надмогильныхъ рѣчей!
Исчезали отцы понемногу...
И—въ смущеньи душа: вѣрить хочется ей,
Что изъ пестрой толпы нашихъ милыхъ дѣтей
Много выйдетъ на ту-же дорогу!

В. Р. Щиглевъ.

1886—1888 гг.
Спб.

ВАСИЛІЙ НАЗАРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ.

О подпискѣ на сооруженіе ему памятника.

Въ ноябрѣ 1888 года мы получили отъ г. ректора императорскаго харьковскаго университета циркулярное письмо, отъ 8-го ноября 1888 г. за № 8, которое здѣсь и помѣщаемъ. Ред.

Въ 1872 году по случаю столѣтней годовщины дня рожденія Василія Назаровича Каразина, столь много потрудившагося для основанія университета въ Харьковѣ, совѣтъ императорскаго харьковскаго университета, по иниціативѣ извѣстнаго писателя Григорія Петровича Данилевскаго, рѣшилъ обратиться къ высшему правительству съ ходатайствомъ объ открытіи повсемѣстной подписки на сооруженіе въ г. Харьковѣ памятника этому общественному дѣятелю. Прежде чѣмъ начать ходатайство объ этомъ дѣлѣ, совѣтъ харьковскаго университета сообщилъ о своемъ намѣреніи нѣкоторымъ общественнымъ учрежденіямъ, находящимся въ г. Харьковѣ. Эти учрежденія отнеслись сочувственно къ рѣшенію совѣта, при чемъ одно изъ нихъ, а именно — харьковское губернское земское собраніе, постановленіемъ отъ 18-го ноября 1874 года, ассигновало на памятникъ В. Н. Каразину 5.000 р. Независимо отъ этого, въ томъ-же засѣданіи, харьковское губернское земское собраніе ассигновало 5.000 р. на учрежденіе при харьковскомъ университетѣ стипендіи имени Каразина. Вслѣдствіе ходатайства харьковскаго университета, по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, послѣдовало высочайшее разрѣшеніе, отъ 11-го апрѣля 1875 года, на открытіе повсемѣстной подписки на памятникъ Каразину и на учрежденіе стипендіи его имени. Правила о стипендіи имени В. Н. Каразина вслѣдъ за тѣмъ были выработаны совмѣстно харьковскимъ университетомъ и харьковскимъ губернскимъ земствомъ, утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія, и стипендія съ тѣхъ поръ ежегодно выдается.

Что касается до подписки на памятникъ, то дѣло въ настоящее время представляется въ слѣдующемъ видѣ. Сумма, пожертвованная харьковскимъ губернскимъ земствомъ, вслѣдствіе нарощенія процентами, возросла въ настоящее время приблизительно до 6.500 рублей. Частныхъ пожертвованій почти не поступало. Такую скудость частныхъ пожертвованій совѣтъ харьковскаго университета объясняетъ не отсутствіемъ сочувствія въ обществѣ къ предпринятому дѣлу, а почти совершенною неизвѣстностью о существованіи высочайше разрѣшенной подписки. Поэтому совѣтъ императорскаго харьковскаго

университета, въ засѣданіи 31-го мая 1888 года, рѣшилъ принять энергическія мѣры для распространенія въ обществѣ свѣдѣній объ этой подпискѣ и вообще для приведенія дѣла о сооруженіи памятника къ скорѣйшему и наилучшему окончанію. Съ этою цѣлію онъ рѣшилъ ходатайствовать передъ правительствомъ объ учрежденіи изъ представителей харьковскаго университета и харьковскаго губернскаго земства особаго комитета для сбора пожертвованій и предварительныхъ сношеній и распоряженій по сооруженію памятника В. Н. Каразину.

Желая, однако, теперь-же, не дожидаясь разрѣшенія со стороны правительства ходатайства объ особомъ комитетѣ, дать болѣе быстрое движеніе дѣлу о подпискѣ на памятникъ В. Н. Каразину, совѣтъ императорскаго харьковскаго университета въ томъ-же засѣданіи, 31-го мая 1888 года, постановилъ отпечатать подписные листы и разослать ихъ различнымъ лицамъ съ просьбою оказать посильное содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ.....

Подписныя деньги, съ указаніемъ отъ кого онѣ слѣдуютъ, могутъ быть во всякое время передаваемы или пересылаемы по почтѣ, самими подписчиками непосредственно или же при вашемъ посредствѣ, въ правленіе харьковскаго университета. Имена жертвователей будутъ своевременно опубликованы.

Отъ редакціи «Русской Старины». Заслуги Василія Назаровича Каразина—на пользу упроченія и развитія просвѣщенія въ дорогомъ нашемъ отечествѣ — особенно хорошо извѣстны постояннымъ и давнимъ читателямъ «Русской Старины»: весьма многія страницы этого историческаго изданія заняты трудами Каразина, знаменитаго основателя министерства народнаго просвѣщенія и учредителя университета въ Харьковѣ; много писано было нами и нашими сотрудниками, въ особенности незабвеннымъ сыномъ Василія Назаровича, Филадельфомъ Васильевичемъ — о жизни, плодотворной дѣятельности и нравственныхъ страданіяхъ, выпавшихъ на долю этого вполнѣ достопамятнаго, благороднѣйшаго, въ нравственномъ отношеніи, общественнаго дѣятеля, какимъ былъ до конца дней своихъ Вас. Наз. Каразинъ [1]).

Подписка на сооруженіе памятника В. Н. Каразина въ Харьковѣ высочайше разрѣшена 11-го апрѣля 1875 года. Будемъ надѣяться, что она, полузабытая и нынѣ возобновляемая, приведетъ, наконецъ, къ желаемому результату и Харьковъ украсится монументомъ въ память основателя въ немъ университета...

Ред.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1875 г., тт. XII, XIII и XIV; 1871 г., тт. III и IV; 1873 г., т. VII; 1870 г., т. II; 1872 г., тт. V и VI.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двадцатый. **ФЕВРАЛЬ.** 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Михаила Христофоровича Рейтерна, гравировалъ на мѣди художникъ Ѳ. А. Меркинъ.—II и III. Рисунки: плита на могилѣ М. И. Глинки въ Берлинѣ, 1857 г., и памятникъ на его могилѣ въ С.-Петербургѣ, въ Александро-Невской лаврѣ, 1857 и 1888 гг. Гравиров. художникъ В. В. Маттэ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78

1889.

II-я книга „Русской Старины" вышла 1-го февраля 1889 г.

Витебская Старина. Томъ V-й: матеріалы для исторіи Полоцкой епархіи. Часть I, съ 47 отдѣльными приложеніями. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Витебскъ, 1888 г., въ 8 д., стр. CLXVII+650+XX.

25 марта 1889 г. истекаетъ полъ-вѣка со дня возсоединенія бѣлорусскихъ уніатовъ съ православною церковью. Въ виду этого знаменательнаго дня А. П. Сапуновъ выпустилъ въ свѣтъ новый томъ своего превосходнаго научно-историческаго сборника; въ него вошла масса данныхъ къ исторіи Полоцкой епархіи съ конца XVI-го в. по 1772-й годъ. Для этого понадобился разборъ древняго архива Полоцкой духовной консисторіи, вмѣщающій въ себѣ, какъ изъяснено въ предисловіи, болѣе 5,000 документовъ на языкахъ западно-русскомъ, польскомъ, латинскомъ и итальянскомъ. А. П. Сапуновъ и М. Л. Веревкинъ исполнили свой трудъ не только съ усердіемъ и знаніемъ дѣла, но съ видимою любовью къ предмету, ихъ занимающему. Попечитель Вил. Учебн. округа Н. А. Сергіевскій и начальникъ Витебск. губ. кн. В. М. Долгоруковъ съ своей стороны оказали почтеннымъ труженикамъ вниманіе и поддержку къ изданію настоящаго сборника. За всѣмъ тѣмъ А. П. Сапуновъ внесъ не только свой личный громадный трудъ въ это дѣло, но и приложилъ крупную сумму на напечатаніе художественныхъ приложеній къ этому изданію и оно не только для провинціальнаго, но въ пору бы сказать даже для столичнаго изданія напечатано замѣчательно роскошно.... 14 портретовъ западнорусскихъ духовныхъ іерарховъ въ хорошихъ литографіяхъ, а также множество превосходныхъ фототипическихъ снимковъ съ историческихъ актовъ украшаютъ эту книгу. Отпечатана она въ 400-хъ экземплярахъ.

А. П. Сапуновъ—питомецъ Витебск. гимназіи, затѣмъ кончилъ курсъ на филологическомъ факультетѣ Спб. университета и съ 1873 г. состоитъ преподавателемъ древнихъ языковъ въ Витебск. гимназіи; онъ горячо любитъ и прекрасно знаетъ Витебскую старину и, какъ видно изъ цѣлаго ряда его трудовъ, много сдѣлалъ для ея сохраненія въ своихъ историческихъ трудахъ. I-й томъ «Витебск. Старины» изданъ имъ въ 1883 г., томъ IV—въ 1885 г. Въ 1884 г. составлена имъ «Историческ. Записка 75-ти лѣтія Витебск. гимназіи», а нынѣ выпущенъ V-й томъ «Витебск. Старины». Настоящая книга вмѣщаетъ въ себѣ вполнѣ научно обработанную А. П. Сапуновымъ монографію—по исторіи Полоцкой епархіи съ древнѣйшихъ временъ до половины XIX вѣка, и 476 документовъ; всѣ они появляются впервые въ печати (вслѣдъ за отпечатаніемъ ихъ въ «Полоцк. епарх. вѣдомостяхъ»); изъ нихъ 89 актовъ напечатаны вполнѣ, остальные въ болѣе или менѣе обширныхъ извлеченіяхъ; сдѣланы со всѣхъ переводы; сборникъ сопровождается указателемъ малопонятныхъ словъ и выраженій, встрѣчающихся въ актахъ, въ книгѣ помѣщенныхъ.

Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность. По неизданнымъ источникамъ составилъ ген. штаба генералъ-маіоръ князь Щербатовъ. Томъ первый, съ 23 картами и планами, 1782—1826 гг. Спб., въ б. 8-ю д., 1888 г., стр. 396+139. Цѣна 6 руб.

Въ 1876-мъ году мы имѣли случай говорить съ княземъ Ѳедоромъ Иванов. Паскевичемъ, сыномъ покойнаго фельдмаршала, и указали ему на необходимость раскрыть свой архивъ и озаботиться изданіемъ труда, въ которомъ, по матеріаламъ этого архива, была бы изложена жизнь и дѣятельность его достопамятнаго родителя. «Рано, рано еще».... повторялъ мнѣ князь.... Между тѣмъ, въ русскомъ обществѣ все шире и шире развивалась потребность знать свое родное, прошедшее; усилилась необходимость то въ сборникахъ матеріаловъ, то въ обработанныхъ трудахъ воскрешать жизнь и дѣянія тѣхъ выдающихся русскихъ людей, которые сослужили добрую службу отечеству и его верховнымъ вождямъ. И вотъ князь Ѳ. И. Паскевичъ, вслѣдъ за другими, призналъ, что настала часъ озаботиться разработкою своего архива; нашелъ онъ къ тому способнаго и даровитаго человѣка, хорошо владѣющаго перомъ и получившаго высшее спеціально-военное образованіе, что прямо необходимо для составленія біографіи

М. Рейтернъ

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 14 ДЕКАБРЯ 1887 Г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

ЗАПИСКИ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ТУРГЕНЕВА.

LXIII [1]).

Права, предоставленныя Екатериною дворянамъ. — Нѣкоторые изъ намѣстниковъ и губернаторовъ въ XVIII вѣкѣ.—Графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ.—Волненія крестьянъ при Павлѣ.—Передвиженіе полковъ.—Усмиреніе крестьянскихъ волненій.—Князья Александръ и Алексѣй Куракины.—Князь П. В. Лопухинъ.—А. А. Беклешовъ.—П. Х. Обольяниновъ.

Приводя на страницахъ нашего изданія вновь нѣсколько главъ изъ собственноручной обширной рукописи Записокъ Александра Михайловича Тургенева, напомнимъ главнѣйшія данныя его біографіи.

А. М. Тургеневъ родился около 1772 года. Четырнадцати лѣтъ поступилъ онъ на службу въ гвардію унтеръ-офицеромъ, и былъ очевидцемъ, въ Петербургѣ, послѣднихъ дней царствованія Екатерины II-й и первыхъ дней царствованія Павла Петровича. Въ декабрѣ 1796 года Тургеневъ переведенъ въ армію;—при разныхъ шефахъ состоялъ адъютантомъ и вынесъ всѣ тяготы военной службы 1796—1801 годовъ. По оставленіи военной службы, Тургеневъ, въ 1803—1806 гг., прослушалъ курсъ въ Геттингенскомъ университетѣ. По возвращеніи въ Россію—служилъ при Сперанскомъ; съ 1811 года опять въ арміи; подъ Бородинымъ тяжко раненъ; въ 1814 году—капитанъ въ отставкѣ. Поступаетъ въ службу гражданскую. Въ 1823 году А. М. Тургеневъ назначенъ тобольскимъ гражданскимъ губернаторомъ; въ 1828 году назначенъ губернаторомъ въ Казань, но тогда же, взамѣнъ губернаторства, получилъ постъ директора медицинскаго департамента; произведенъ за отличіе въ дѣйствительные статскіе совѣтники и удостоенъ личной благодарности императора Николая за весьма успѣшное управленіе этимъ департаментомъ въ трудное время войнъ 1828—1831 годовъ.

Послѣ 44-хъ-лѣтней военной и гражданской службы А. М. Тургеневъ вышелъ въ отставку.

Онъ былъ въ числѣ ближайшихъ друзей В. А. Жуковскаго, Д. Н. Блудова, князя П. А. Вяземскаго, графовъ Строгоновыхъ, графа Канкрина и другихъ видныхъ дѣятелей. Всѣ глубоко уважали А. М. Тургенева за его честность, умъ, нравственныя качества и за его пламенную любовь къ отечеству. А. М. Тургеневъ скончался на 92-мъ году жизни, въ іюлѣ 1863 года, въ Царскомъ Селѣ, гдѣ и погребенъ. (См. «Русскую Старину», изд. 1885 г., томъ XLVII, стр. 365—373 и слѣдующія). Ред.

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1885 года, томъ XLVII, стр. 365—390 т. XLVIII, стр. 55—82, 247—282, 473—486; изд. 1886 г., т. XLIX, стр. 39—62; т. LII, стр. 47—76, 259—284; изд. 1887 г., т. LIII, стр. 77—106, 329—342.

Екатерина, даровавъ дворянамъ права представительнаго правленія, преимущества, равныя (самой высшей) власти (манифестъ 1782 или 1783 года: все, чѣмъ дворянинъ владѣетъ на землѣ, въ водѣ и что найдетъ въ утробѣ земли, все принадлежитъ ему и всѣмъ имѣетъ право располагать по произволу), твердила окружавшимъ ее царедворцамъ, говоря:

— „Я въ душѣ республиканка, деспотизма ненавижу. Но для блага народа русскаго абсолютная власть необходима. Вы видѣли на опытѣ, что сдѣлалъ народъ во время бунта Пугачева“.

Окружавшіе Екатерину на это разсужденіе отвѣчали ей: „И премудро, и милостиво, всемилостивѣйшая матушка государыня!“

Разговоръ этотъ Екатерины, въ кругу царедворцевъ ея слышанный, нѣсколько сотъ разъ ею повторенный, пересказанъ мнѣ бывшимъ камердинеромъ ея, Ф. Е. Секретаревымъ.

Екатерина никогда не наказывала начальниковъ или постановленныхъ управителей своихъ за притѣсненія и ограбленія народа, т. е. крестьянъ, котораго именовали въ ея время черный народъ—чернь.

Губернаторъ тобольскій Денисъ Чичеринъ ужаснѣйшія дѣлалъ варварства въ Сибири; послѣ него генералъ-губернаторъ Якобій грабилъ Сибирь, какъ Батый. Мельгуновъ, генералъ-губернаторъ ярославскій, Воронцовъ—владимірскій и костромской, грабившіе безъ всякой пощады, не были наказаны. Сумасшедшій Каменскій—въ Рязани, глуповатый Ступишинъ—въ Нижнемъ-Новгородѣ и Пензѣ, Кречетниковъ—въ Тулѣ и Калугѣ, пьяница воинъ Василій Нащокинъ—въ Симбирскѣ самовольничали, какъ хотѣли, и также безнаказанно. Дочь генералъ-губернатора князя Василія Мещерскаго, чтобы скрыть, короткость свою съ лакеемъ своимъ, заперла его въ кабакѣ пировавшаго съ товарищами и похвалявшагося тѣмъ, что онъ фаворитъ госпожи своей и властелинъ всей Казани,—слабый и престарѣлый князь Мещерскій дѣлалъ все, что только хотѣла дочь его,—зажгла кабакъ; по несчастію Казани, злодѣяніе это было учинено во время сильной бури,—весь городъ и большое число жителей содѣлались жертвою пламени,—князь и княжна остались ненаказанными. Разсказъ о Мещерскомъ вошелъ въ пословицу. Татаринъ казанскій подалъ Мещерскому прошеніе;

князь, не понимая, о чемъ татаринъ просилъ его, прошеніе было писано по-русски, сказалъ татарину:

— „Я не понимаю, о чемъ ты просишь“.

Татаринъ жаловался, что его въ судахъ совершенно ограбили; оскорбленный отвѣтомъ Мещерскаго, татаринъ сказалъ князю на изломанномъ русскомъ языкѣ:

— „Э-э, брата князя Василь! стара стала, глупа стала, умъ кончала!“

Еще забылъ упомянуть о грабителяхъ: въ Астрахани—Бекетовѣ, на Кавказѣ и Кубани—Павлѣ Сергѣевичѣ Потемкинѣ.

Потемкинъ былъ генералъ-губернаторъ кавказскій. Въ его время низведенный шахъ персидскій просилъ Екатерину дозволить ему пріѣхать въ Россію, дожить остатокъ дней жизни его подъ милосердою державою ея величества.

Государыня благосклонно на прошеніе шаха соизволила: генералъ-губернатору Потемкину Павлу Сергѣевичу высочайше повелѣно принять шаха на посланный для привоза его корабль и привезть въ Астрахань, гдѣ государыня назначила ему мѣстопребываніе. Шахъ нагрузилъ корабль великимъ количествомъ богатствъ, ему принадлежавшихъ, въ золотѣ, серебрѣ, драгоцѣнныхъ каменьяхъ, жемчугахъ и прочей утвари состоявшихъ. Когда все было къ отплытію готово, шахъ пріѣхалъ на баркасѣ къ кораблю со всѣмъ семействомъ своимъ и при всходѣ на корабль, по распоряженію Павла Сергѣевича Потемкина, отрубили шаху руки и бросили его въ море, семейство его было также потоплено. Богатства шаха, въ кораблѣ нагруженныя, П. С. Потемкинъ присвоилъ себѣ.

Не скоро истина сего событія дошла до слуха всемилостивѣйшей Екатерины. Наказанія явнаго, по законамъ, Павлу Потемкину не было. Государыня прислала ему съ кабинетъ-курьеромъ рескриптъ.

Какъ разсказывали тогда — въ рескриптѣ было написано только одно слово „умри!“ Справедливо-ли это или выдумано—сказать утвердительно невозможно. Однако же, П. С. Потемкинъ чрезъ шесть или восемь часовъ послѣ полученія высочайшаго рескрипта дѣйствительно и предѣйствительно изволилъ скончаться и погребенъ въ какомъ-то монастырѣ въ Москвѣ. Проповѣдникъ въ надгробномъ словѣ превознесъ усопшаго болярина похвалами

паче всѣхъ земнородныхъ сыновъ человѣческихъ! Но хвалилъ недаромъ: пятью стами рублями благодарили благовѣстителя. Рой поэтовъ исписалъ также цѣлую стопу бумаги стихами всѣхъ размѣровъ, хваля Павла Потемкина. Но слово надгробное, всѣ хвалы поэтовъ, самъ Потемкинъ—погибли съ шумомъ! Думаю, и проповѣдникъ, и поэты также стерты рукою времени съ лица земли.

Павелъ, воцарившись, не слѣдовалъ системѣ Екатерининой. Онъ единственно самъ хотѣлъ и былъ ужаснѣйшимъ властителемъ. Всѣ разряды въ народѣ его безъ малѣйшаго различія были въ понятіи его смѣшаны, всѣ равно были рабы предъ нимъ. Знаменитаго фельдмаршала графа Бориса Шереметева, сподвижника, вѣрнаго слуги царя Петра Алексѣевича, внукъ—графъ Николай Петровичъ Шереметевъ, послѣ кончины императрицы, выпросившій у двора должность гофмаршала, былъ сурово поученъ Павломъ, за сатиру въ стихахъ, найденную однажды Павломъ Петровичемъ у себя подъ салфеткою.

При восшествіи на тронъ Павелъ повелѣлъ весь народъ, то есть безъ различія казеннаго вѣдомства и помѣщичьихъ крѣпостныхъ крестьянъ, привесть къ присягѣ ему, воцарившемуся. Народъ, 34 года ожидавшій восшествія его, чаявшій увидѣть въ немъ избавителя своего, видѣвшій безпрестанно фельдъегерей, провозившихъ тѣхъ, на которыхъ онъ до того взглянуть боялся, въ Сибирь скованными,—услышавшій въ первый разъ присягу, полудикій, невѣжествующій народъ принялъ присягу знакомъ освобожденія отъ ига, отъ рабства крѣпостнаго, пересталъ повиноваться господамъ своимъ, исполнять приказанія управителей; во многихъ мѣстахъ истязатели крестьянъ приняли заслуженное ими, но безсудное возмездіе—многіе были убиты, многіе повѣшены. Бунтъ, повсемѣстное возстаніе рабовъ могло и было готово разлиться, какъ изверженная лава.

Случайное велѣніе Павла спасло государство отъ общей гибели.

Мы видѣли, что въ первые часы владычества своего Павелъ, движимый нерасположеніемъ ко всему содѣянному Екатериною, рѣшилъ все измѣнить. Повелѣвъ арміи, подъ начальствомъ Зубова въ Персіи находившейся, каждому полку особенно возвратиться въ предѣлы имперіи, назначивъ прочимъ полкамъ другія

непремѣнныя квартиры, Павелъ Петровичъ невѣдомо, какъ бы само Провидѣніе его руководствовало, приведя всѣ войска въ движеніе, спасъ государство отъ конечной гибели. По дошедшимъ извѣстіямъ о волненіяхъ крестьянъ, Павелъ повелѣлъ истреблять возмущавшихся крестьянъ вооруженною силою. Десятки тысячъ переколоты, тысячи наказаны кнутомъ и обезображенные вырваніемъ ноздрей пошли въ пустыни сибирскія. Происшествіе это ни мало не помѣшало, однако, сурово относиться и къ дворянству.

Вельможа, любимецъ его, довѣренное лицо, генералъ-прокуроръ, — око государево, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ вдругъ палъ въ опалу царскую, также и братъ его, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ. Обоимъ братьямъ повелѣно было ѣхать на житье въ помѣстья свои. Князь Алексѣй поѣхалъ въ орловскую вотчину свою село Куракино, гдѣ и жилъ все остальное время царствованія государя Павла. Князь Александръ Куракинъ отправился въ саратовское помѣстье свое село Надеждино, пробылъ тамъ недолго, вызванъ Павломъ ко двору и когда по возвращеніи былъ введенъ въ кабинетъ императора, хотя и былъ принятъ отлично, милостиво,—государь высочайше изволилъ шутить съ Куракинымъ, разспрашивалъ о (романическихъ) подвигахъ его, а у князя Александра Борисовича по этой части было о чемъ спросить и онъ могъ также разсказать кое-что: его сіятельство изволилъ оставить послѣ себя беззаконно прижитыхъ имъ съ разными фаворитками 70 душъ обоего пола дѣтей, а князь А. Б. Куракинъ не шахъ персидскій [1]).

Когда (1818 г.) былъ привезенъ изъ Парижа прахъ умершаго тамъ князя Александра Куракина, одна особа требовала, чтобы высокопреосвященнѣйшій нынѣ (1831 г.) митрополитъ, а въ то время еще архимандритъ, Филаретъ произнесъ надгробное слово надъ прахомъ сіятельствовавшаго. Филаретъ съ похвальною и благородною твердостію отрекся отъ порученія, сказавъ прямо, безъ околичностей, что онъ не знаетъ, что сказать въ память усопшаго,—говорить же о томъ, что онъ оставилъ 70 душъ, незаконно прижитыхъ имъ, дѣтей, противно Закону Божію и святой православной церкви.

---

[1]) Между прочими дѣтьми кн. А. Б. Куракина извѣстны:—бароны Сердобины, бароны Вревскіе и другіе.

Князь Александръ Куракинъ сидѣлъ въ кабинетѣ у Павла Петровича и, не смотря на всѣ ласки царя, милостиво ему расположеннаго, утиралъ безпрестанно лицо платкомъ,—потъ градомъ лилъ съ Куракина.

Павелъ, замѣтивъ сильное волненіе крови въ Куракинѣ, спросилъ его:

— „Князь Александръ Борисовичъ! неужели тебѣ жарко? У меня никогда болѣе 12 градусовъ тепла въ комнатѣ не бываетъ".

Куракинъ, кланяясь въ поясъ Павлу Петровичу, отвѣчалъ: „Всемилостивѣйшій государь! необыкновенная теплота растворилась въ тѣлѣ моемъ отъ несказаннаго счастія находиться предъ вами, всепресвѣтлѣйшій государь, и отъ неизъяснимаго желанія угодить вамъ, всемилостивѣйшій государь, и доложить вашему величеству угодное!"

Павелъ засмѣялся и изволилъ Куракину отвѣчать:

— „Сказать мнѣ пріятное можно и не потѣя".

Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ впалъ въ опалу, какъ о томъ узнали впослѣдствіи, по наговору (бывшаго) цырюльника Кутайсова, котораго Куракинъ, къ удивленію всѣхъ царедворцевъ, не болѣе почиталъ, какъ брадобрѣемъ.

Услышали при дворѣ, что князь Алексѣй бездѣльникъ, плутуетъ вмѣстѣ съ откупщиками и подрядчиками. Всѣ не постигали, какимъ образомъ могла вѣсть эта дойти до государя. Вѣрный и нелицепріятный слуга царскій — ящикъ сосновый давно былъ уже въ опалѣ, давнымъ давно былъ истребленъ, когда князь Алексѣй пришелъ въ немилость. Цирюльникъ Кутайсовъ доложилъ, не усердіемъ будучи подвигнутъ, истину, но по уваженію того, что его, Кутайсова, чарочкой обносили, ему ничего въ лапу не попадало.

Обстоятельства благопріятствовали. Поднялось значеніе Анны Петровны, дочери Петра Васильевича Лопухина, искали случая возводить Лопухина на высшія степени, жаловать ему титла, ордена, имѣнія, наконецъ, не зная чѣмъ пожаловать его, придумали и повелѣли, чтобы лакеи, повара, кучера, истопники князя Лопухина носили придворную ливрею.

Лопухинъ заступилъ мѣсто кн. Алексѣя Куракина, возведенъ въ достоинство княжеское съ титломъ свѣтлости; другую дочь свою выдалъ въ замужество за сына Кутайсова. Кутайсовъ

пожалованъ въ оберъ-шталмейстеры, возведенъ въ графское достоинство, отнялъ у сына жену....

Два маклера въ шашняхъ князя Лопухина, князь Василій Алексѣевичъ Хованскій, да бывшій нѣкогда въ случаѣ дуракъ Иванъ Николаевичъ Корсаковъ, не знаю за что, поссорились съ гр. Кутайсовымъ. Они не смѣли ссориться съ Кутайсовымъ, да цырюльнику показалось, что Хованскій и Корсаковъ недовольно вѣжливы предъ нимъ, не хотятъ отдать достодолжнаго уваженія высокимъ его достоинствамъ, вслѣдствіе этого заключенія г-на цырюльника состоялось повелѣніе: Хованскому ѣхать на житье въ Симбирскъ, Корсакову—въ Нижній-Новгородъ.

Мѣсто князя Лопухина занялъ умный и дѣловой человѣкъ Александръ Андреевичъ Беклешовъ. Онъ не могъ долго остаться и на мѣсто его скоро поступилъ безграмотный, съ ослинымъ умомъ, Петръ Хрисанфіевичъ Обольяниновъ.

Вотъ два доказательства великаго ума Обольянинова. Гнусный Туманскій, опредѣленный ценсоромъ въ Ригѣ, чтобы не было ввозимо запрещенныхъ книгъ, присвоилъ себѣ право осматривать въ Лифляндіи всѣ частныя библіотеки, которыхъ было, благодареніе Богу! въ Лифляндіи довольное число; каждый кирхшпиль имѣлъ свою библіотеку, которою завѣдывалъ пасторъ; желающіе пользоваться чтеніемъ платили небольшое число за то денегъ, сборъ этотъ былъ обращаемъ на покупку книгъ для библіотеки. Въ одной изъ библіотекъ кирхшпиля Туманскій нашелъ какую-то запрещенную книгу, еще до царствованія Павла, которую можно было сыскать во всѣхъ домахъ у тѣхъ, которые читаютъ.

Туманскій, желая выслужиться, представилъ книгу генералъ-прокурору,—по системѣ тогдашняго правленія всѣмъ завѣдывалъ генералъ-прокуроръ. Обольяниновъ устроилъ такъ, что пасторъ (Зейдеръ) былъ наказанъ кнутомъ и потомъ (?) сужденъ въ уголовной палатѣ!

Донскіе казаки, издревле занимавшіеся грабежемъ, воровствами, крали у несчастныхъ, вокругъ ихъ земель кочующихъ, калмыковъ дѣтей и присвоивали украденныхъ себѣ въ крѣпостные рабы. Болѣе 30 тысячъ накраденныхъ калмыковъ находилось у донцовъ, которые ихъ содержали хуже скотовъ, случалось и то, что убивали ихъ по произволу, по прихоти.

Калмыки подали всеподданнѣйшее прошеніе и молили повелѣть причислить ихъ въ войско донское и дать имъ для пропитанія земли.

Долго не знали въ С.-Петербургѣ съ генералъ-прокуроромъ Обольяниновымъ что повелѣть; наконецъ, состоялось повелѣніе причислить калмыковъ въ число войска Донскаго и дать имъ земли. Повелѣно генералъ-прокурору немедленно написать о семъ указъ Правительствующему сенату. Обольяниновъ пріѣхалъ домой, потребовалъ экспедитора Сперанскаго въ кабинетъ, приказалъ ему взять бумагу и перо, сѣсть и писать, что онъ будетъ диктовать. М. М. Сперанскій исполнилъ, какъ было приказано: сидитъ, бумага предъ нимъ, перо въ рукѣ, напитанное чернилами, и ожидаетъ. Обольяниновъ ходитъ большими шагами по комнатѣ, останавливается, прикладываетъ руку ко лбу и спрашиваетъ Сперанскаго: „что же ты не пишешь?“

„Ожидаю, что ваше высокопревосходительство изволитъ приказать“, отвѣчалъ Сперанскій.

— Пиши: Указъ нашему сенату.

„Написалъ“.

— Точку.

„Есть“.

— По случаю калмыковъ....

„Есть“, говорилъ Сперанскій.

Обольяниновъ подошелъ, схватилъ листъ, на которомъ Сперанскій написалъ «Указъ нашему сенату», «точку» и «по случаю калмыковъ», изорвалъ, бросилъ, укоряя Сперанскаго, что не то написалъ, велѣлъ взять другой листъ и началось тѣми же словами: Указъ нашему сенату, точку, по случаю калмыковъ.

Семь разъ начиналъ Обольяниновъ диктовать «Указъ нашему сенату, точку, по случаю калмыковъ», далѣе никакъ не вылѣзала премудрость его высокопревосходительства. По счастію Сперанскаго доложили генералъ-прокурору, что графъ Ф. В. Ростопчинъ пріѣхалъ. Обольяниновъ подосадовалъ, что не вовремя, мѣшаетъ ему надиктовать указъ нашему сенату, однакоже, приказалъ просить графа. Сперанскій вышелъ изъ кабинета, встрѣтился съ Ростопчинымъ, дозволилъ себѣ спросить у графа— не знаетъ-ли онъ, что угодно государю повелѣть о калмыкахъ? Ростопчинъ разсказалъ Сперанскому, что должно сдѣлать.

Чрезъ полчаса времени или еще и менѣе Сперанскій принесъ Обольянинову написанный указъ нашему сенату. Обольяниновъ приказалъ прочесть написанное въ присутствіи графа Ростопчина и, выслушавши, началъ укорять Сперанскаго, для чего онъ не писалъ такъ, какъ теперь написано, когда онъ диктовалъ ему.

Въ первый годъ царствованія своего Александръ I указалъ составить въ Москвѣ комитетъ для уравненія городскихъ повинностей. Обольяниновъ былъ уже въ Москвѣ и давалъ обѣды прежирные. Фельдмаршалъ графъ Ив. Петр. Салтыковъ, военный губернаторъ въ Москвѣ, созвалъ дворянъ, объявилъ имъ волю императора и оставилъ собраніе, приказавъ мнѣ остаться и по окончаніи донесть ему, какъ все происходило.

Должность адъютанта во многихъ случаяхъ весьма близка обязанностямъ нынѣшнихъ (1831 г.) жандармовъ. Губернскимъ предводителемъ былъ кн. Павелъ Мих. Дашковъ. Въ минуту между дворянами составились партіи, смекнули чѣмъ будетъ возможно поживиться, схватить чинокъ, крестикъ, по крайней мѣрѣ, поѣсть, попить сладко, поиграть въ карты, а до того дѣла нѣтъ, что избранный никуда негодный дуракъ и въ дѣлѣ о благѣ общемъ, кромѣ вреда, ничего сдѣлать не можетъ. Послѣ всѣхъ означенныхъ соображеній написали кандидатомъ въ президенты комитета, вмѣстѣ съ прочими, и Петра Хрисанфіевича Обольянинова.

Фельдмаршалъ графъ Мих. Фед. Каменскій, какъ владѣлецъ въ Москвѣ дома, явился въ собраніе минутъ 10 послѣ отбытія фельдмаршала — военнаго губернатора. Взглянувъ на листъ, на которомъ были написаны имена кандидатовъ, и увидавъ имя Обольянинова, всталъ съ своего мѣста и началъ говорить собранію:

— „Какъ, милостивые государи, вы хотите избирать въ президенты Обольянинова? государственнаго вора, взяточника и дурака набитаго!“ и, проговоривъ эту хвалу его высокопревосходительству, которое, то есть Петръ Хрисанфіевичъ, тутъ же у стола третій или четвертый отъ Каменскаго сидѣлъ, взялъ перо и зачеркнулъ на листѣ имя Обольянинова.

Петръ Хрисанфіевичъ началъ было что-то возражать. Каменскій закричалъ·

— „Молчи,—я знаю, что ты воръ! докажу,—ты овесъ для кавалеріи собралъ съ насъ въ Орлѣ, а изъ казны взялъ деньги себѣ“.

Обольяниновъ молчалъ и всѣ молчали. Кто молчитъ, тотъ сознается; слѣдовательно, Обольяниновъ сознался, да и всѣ его воромъ сознали, потому что никто за нанесенное ему тяжкое оскорбленіе не вступился, хотя въ лицѣ Обольянинова все сословіе дворянъ должно (было) почесть себя оскорбленнымъ.

Чрезъ годъ послѣ этого дворянство московское или въ первые послѣ событія сего дворянскіе выборы—избрало Петра Хрисанфіевича губернскимъ дворянскимъ предводителемъ!

Четыре или пять трехлѣтій Петръ Хрисанфіевичъ Обольяниновъ былъ избираемъ дворянскимъ губернскимъ предводителемъ. Московскій военный генералъ-губернаторъ князь Дмитрій Вл. Голицынъ, при открытіи выборовъ дворянскихъ, предъ лицомъ всего знаменитаго дворянства московскаго, торжественно благодарилъ Хрисанфіевича за преподаніе ему мудрыхъ совѣтовъ, по управленію ввѣренной ему губерніи! Что еще болѣе—не удивительнѣе, въ Россіи ничему дивиться не должно, а—смѣшнѣе, что Обольяниновъ за мудрые совѣты, преподанные князю Голицыну въ управленіи столицею и губерніею, награжденъ (по его ходатайству) орденомъ св. Равноапостольнаго князя Владиміра первой степени...

LXIV [1]).

Послѣдній день жизни Екатерины Великой.—Въ караулѣ.—Апоплексія.—Зубовы.—Васильчиковъ.—Пріѣздъ в. к. Павла Петровича.—Аракчеевъ.

I.

Я началъ службу мою на военномъ поприщѣ весьма съ молодыхъ, можно сказать юношескихъ, лѣтъ, вахмистромъ лейбъгвардіи въ конномъ полку.

---

[1]) Эта глава представляетъ нѣкоторыя новыя подробности къ помѣщенному уже изъ списка записокъ А. М. Тургенева сокращенному авторомъ разсказу о послѣднихъ дняхъ жизни Екатерины II. Настоящій разсказъ, какъ и предъидущая глава взяты изъ подлинной рукописи автора. Сличи „Русскую Старину“ изд. 1885 г., томъ XLVII, стр. 377—380. О подлинной рукописи Записокъ А. М. Тургенева см. въ нашемъ обзорѣ „Русской Старины“ 1886 г., т. LII, декабрь 1886 г., стр. 758.

1796 года ноября четвертаго числа былъ я отряженъ, подъ командою поручика Янковичъ-де Мирьево, въ караулъ въ Зимній дворецъ. Въ царствованіе Екатерины гвардія содержала двое сутокъ караулъ во дворцѣ, а армейскіе полки содержали недѣльные караулы въ городѣ.

Пятаго числа ноября, утромъ въ 9 часовъ, пошелъ я изъ конногвардейской кордегардіи на главную гауптвахту, внутри двора Зимняго дворца находившуюся, рапортовать поручику: „караулъ исправенъ, команда провела ночь благополучно, происшествія никакого не случилось, винную порцію принялъ“, и получить отъ его благородія начальническія приказанія.

Къ большому для меня неудовольствію, поручика на гауптвахтѣ я не засталъ, мнѣ сказали—онъ пошелъ въ верхъ, во дворецъ.

Отвѣтъ этотъ мнѣ весьма не нравился потому, что я долженъ былъ взбираться на самый верхъ, въ четвертый этажъ, отыскивать моего поручика въ коридорѣ фрейлинъ, куда часто гг. офицеры и не офицеры, даже нижніе чины, наши братья вахмистры и сержанты, по знакомству хаживали къ знакомымъ фрейлинамъ, камеръ-юнгферамъ завтракать, (пить) шоколадъ.

Съ предубѣжденіемъ, что мнѣ предстоитъ пересчитать ногами по крайней мѣрѣ ступеней 120, пошелъ я съ гауптвахты на большую лѣстницу, чтобы пробраться въ пресловутый фрейлинскій проулокъ,—но, выходя на лѣстницу, былъ удивленъ множествомъ придворныхъ чиновниковъ, какъ-то: камергеровъ, камеръ-юнкеровъ и прочихъ извѣстныхъ, высокихъ сановниковъ, пріѣзжавшихъ ко двору и поспѣшно всходящихъ на лѣстницу. Много видѣлъ я также дамъ, съ такою же торопливостью идущихъ на лѣстницу; тѣ и другія были просто, не нарядно, какъ бываетъ въ праздничные, торжественные дни, одѣты; всѣ мнѣ казались блѣдными, испуганными, всѣ хранили молчаніе!—Что-бы это значило? подумалъ я и, вмѣсто направленія дирекціи во фрейлинскій корридоръ, я сдѣлалъ въ два оборота направо, взялъ дирекцію въ аванзалы дворца, куда имѣлъ право ходить для осмотра конно-гвардейскихъ часовыхъ, стоявшихъ у дверей четвертой комнаты отъ кавалергардовъ.

Дойдя до моихъ товарищей, я увидѣлъ залы дворца наполненными людьми, какъ толкучій рынокъ; всѣ были, казалось мнѣ, печальные, съ отчаяніемъ на лицѣ, перешептывались, ходили туда и сюда, спрашивали, разспрашивали другъ друга, но все шепотомъ.

Часовой рейтаръ 2 роты изъ малороссіянъ, по прозванью Костюкъ, шепнулъ мнѣ: „кажу, вахмистръ, кажуть, царица захилѣла!“

Я отвѣчалъ ему: „молчи, дурень, не наше дѣло“. Въ XVIII вѣкѣ сказать о государынѣ, что она больна, было страшное слово. Уголовное преступленіе! Наконецъ, нашелъ я въ толпѣ моего поручика, который, не выслушавъ рапорта моего, спѣшилъ приказать мнѣ, чтобы лошади были осѣдланы, замундштучены и люди готовы на конь.

— Слушаю, ваше благородіе, отвѣчалъ я.

Въ это время вышелъ, изъ внутреннихъ покоевъ, братъ фаворита кн. Платона Зубова, Николай; онъ былъ тогда, помнится, уже генералъ-поручикъ: мужчина большаго роста, широкоплечій, рожа рябая, всею поступью и ухватками своими представлявшій болѣе тоснинскаго ямщика, нежели генералъ-поручика. Громко спросилъ гофъ-фуріера: „готовъ-ли экипажъ?“ и пошелъ далѣе чрезъ залы на лѣстницу.

Братъ его, фаворитъ кн. Платонъ Зубовъ, отправилъ его въ Гатчино къ наслѣднику престола, великому князю Павлу Петровичу, гдѣ его императорское высочество всегда осенью и зимою имѣлъ постоянное свое пребываніе и изволилъ денно и нощно заниматься экзерсированіемъ нѣсколькихъ сотенъ солдатъ, пѣшихъ и конныхъ, которыхъ ему императрица Екатерина, непонятно по какому умозаключенію, дозволяла формировать. Офицеры у его высочества были такого же разбора и свойства, какъ его солдаты. Сіе, впослѣдствіи знаменитое, войско имѣло особый мундиръ и офицеры, и солдаты были точно такъ одѣты, какъ была одѣта армія короля прусскаго, отца Фридриха Великаго, извѣстнаго подъ названіемъ костолома.

Отецъ Фридриха Великаго любилъ высокаго роста солдатъ, платилъ большія деньги вербовщикамъ за большерослыхъ людей, но когда попадались великаны съ кривыми ногами, король приказывалъ ломать имъ ноги и выпрямлялъ ихъ; преданіе говоритъ, что искусство костоломства въ Берлинѣ достигло совершенства!

Получивъ приказанія моего поручика: „лошадей осѣдлать, замундштучить, людей имѣть готовыми на конь“, отправился я въ конногвардейскую кордегардію для исполненія даннаго мнѣ приказанія.

Видѣнное мною въ залахъ дворца усилило мое любопытство посмотрѣть, что происходило внѣ царскаго дома и я, вмѣсто ближайшаго пути въ кордегардію, чрезъ черный дворикъ, взялъ дирекцію по большой лѣстницѣ на выходъ подъ фонарикъ, изъ котораго Екатерина сматривала на собиравшійся народъ на дворцовую площадь въ торжественные дни и всегда кармливала пшеницею пріученныхъ или прикормленныхъ голубей, которыхъ въ 10 часовъ утра обыкновенно прилетало къ фонарику большое стадо.

Площадь была покрыта экипажами и народомъ; народъ толпился въ разныхъ мѣстахъ на площади кучами, голуби стаями летали вокругъ фонарика; но народъ и голуби тщетно ожидали женщину, предъ которою раболѣпствовали милліоны подвластныхъ ей народовъ и которой страшились цари и народы сосѣдственные.

Она уже лежала безчувственна въ двухъ шагахъ не отъ блистательнаго трона своего, съ помоста коего она, по мановенію руки, повелѣвала разрушать царства и покорять народы, съ котораго она, по соизволенію своему, предписывала законы и уставы, нѣтъ! она лежала, поверженная безъ чувствъ на полу, въ двухъ шагахъ отъ (маленькаго кабинетика).

Не вѣсте бо, егда пріидетъ тать и подкопаетъ храмину.

Когда я вошелъ въ кордегардію, капралъ Синтяковъ допивалъ винную свою порцію. Онъ прежде служилъ 10-мъ въ кирасирскомъ полку его высочества наслѣдника и оттуда, по выбору, поступилъ въ конную гвардію, гдѣ за стройный ростъ, пригожую наружность и ловкость произведенъ въ капралы. Синтяковъ коротко былъ знакомъ съ шефомъ кирасирскаго полка, обитателемъ Гатчины. Оборотивъ кружку вверхъ дномъ, Синтяковъ сказалъ мнѣ на ухо:

— Ахъ! вахмистръ, отжили мы добрые дни, тебѣ не выходить капитаномъ въ армію, а у меня все хозяйство пойдетъ къ чорту; нѣтъ, уже не держать бабамъ нашимъ коровъ, не попивать имъ кофеекъ!

— Что такое, Синтяковъ? спросилъ я его, встревоженный предсказаніемъ, что не будутъ вахмистры выходить въ армію капитанскими чинами.

— Какъ что такое? повторилъ Синтяковъ; развѣ не слыхалъ, не знаешь?...

— Нѣтъ, не знаю, да погоди, братъ, дай время выполнить приказъ офицерскій.

— А что?

— Вотъ услышишь. Эй, рейтары! сѣдлать и мундштучить коней, самимъ быть готовыми на конь!

Живо рейтары побѣжали въ конюшни сѣдлать коней, а я съ Синтяковымъ и харчевникомъ (въ кордегардіи былъ всегда харчевникъ, который приготовлялъ для рейтаровъ разныя лакомства, какъ-то: пироги, блины, яичницы, солянки и пр., и пр.) остались въ кордегардіи.

Родственникъ Синтякова былъ истопникомъ кабинета Екатерины; когда Екатерина, бывши за ширмами, упала пораженная, безъ чувствъ, этого никто не видалъ и первый истопникъ, вошедшій подложить дровъ въ каминъ, услышавъ, что за ширмами кто-то хрипитъ, испугался, уронилъ полѣно изъ охапки дровъ; на этотъ стукъ вбѣжалъ въ кабинетъ Захаръ Константиновичъ Зотовъ, любимый камердинеръ Екатерины, заглянулъ за ширмы, ахнулъ.

Въ это время вбѣжала изъ заднихъ дверей М. С. Перекусихина и тѣмъ начали, что съ помощію истопника могущественную императрицу отнесли на нѣсколько шаговъ отъ ширмъ.

Все это происшествіе пересказалъ мнѣ Синтяковъ изъ слова въ слово.

Я, Синтяковъ и харчевникъ конногвардейской кордегардіи были если не первые, то, конечно, изъ первыхъ въ Петербургѣ, знавшихъ о семъ приключеніи съ такою подробностію.

II.

Въ 4 часа пополудни вѣстовой позвалъ меня къ офицеру, котораго я нашелъ не на гауптвахтѣ, а въ залахъ дворца, о чемъ и вѣстовой меня предувѣдомилъ.

Янковичъ-де-Миріево далъ мнѣ запечатанное письмо къ маіору конно-гвардіи, генералъ-маіору Григорію Алексѣевичу Васильчикову, приказавъ доставить его маіору какъ можно поспѣшнѣе.

Я сѣлъ на добраго коня, приложилъ шпоры и черезъ четверть часа подалъ письмо генералу, котораго, вопреки его

обыкновенію, нашли у себя дома. Долго было бы мнѣ искать маіора моего, Васильчикова, по городу, да, по счастью моему, онъ двое сутокъ сряду игралъ у Кашталинскаго въ банкъ, проигралъ всѣ деньги до послѣдней копѣйки и только что передо мною пріѣхалъ домой, сердитый, бѣшеный, глаза красные, распухлые, волосы на головѣ взъерошены, какъ шерсть на пуделѣ; нѣсколько уже пощечинъ было имъ роздано служителямъ и онъ еще продолжалъ что-то доспрашиваться отъ стоявшаго передъ нимъ камердинера.

Я въ это время вскакалъ во всю прыть на дворъ, спрыгнулъ съ коня и взбѣжалъ на лѣстницу, въ комнату и подалъ ему письмо.

Васильчиковъ, какъ я могъ замѣтить по сверкавшимъ глазамъ его, готовъ былъ осыпать меня бранью, ругательствами, что, къ сожалѣнію, въ русской службѣ начальствующіе чиновники себѣ часто дозволяютъ съ подчиненными; началъ было уже: что ты такъ ша... да, взглянувъ на печать, не докончилъ начатаго ругательства. Сорвавши же печать и пробѣжавъ глазами письмо, сдѣлался изъ краснаго блѣденъ, какъ бѣлое полотно, перемѣнилъ тонъ, ласково спросилъ меня:

— Тургеневъ, что тамъ дѣлается?

— Не знаю, ваше превосходительство, большой съѣздъ ко двору, всѣ залы наполнены съѣхавшимися, площадь покрыта толпами народа, отвѣчалъ я.

— Скачи-же, какъ можно скорѣе, обратно во дворецъ и доложи князю (Зубову), что я сію же минуту вслѣдъ за тобою буду; ординарецъ, адъютанта! Если его дома нѣтъ—аудитора Колобова! Малый! одѣваться!

А я опять на коня, опять шпоры въ бока коню, понесся вихремъ въ Зимній дворецъ.

Не было еще пяти часовъ, но въ Петербургѣ, въ ноябрѣ, въ 4 часа пополудни безъ свѣчъ нельзя обойтиться.

Дворецъ былъ освѣщенъ, какъ бываетъ въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресенье. Во дворцѣ, гдѣ я долженъ былъ отыскать моего офицера, всѣ разряды чиновъ смѣшались, и всѣ придворные этикеты уничтожились. Я, будучи вахмистромъ, безпрепятственно, отыскивая Янковича-де-Мирьево, вошелъ въ кавалергардскую комнату, толкая генераловъ въ лентахъ, цѣпляясь палашемъ

за фалбалы платьевъ штатсъ-дамъ и фрейлинъ; всѣ мнѣ уступали дорогу, всѣ были снисходительны......

Отрапортовавъ офицеру отвѣтъ генерала, я получилъ приказаніе остаться въ верху въ аванзалѣ и ожидать приказанія его. Я пробрался назадъ, сквозь знатныхъ и знаменитыхъ сановниковъ, которые всѣ ходили осовѣвшими, какъ мокрыя мыши, остался ожидать приказанія въ аванзалѣ.

III.

Въ 2 или 2 съ половиною часа пополуночи карета, запряженная 10-ю лошадьми,—на козлахъ сидѣли и назади кареты стояли люди съ зажженными факелами,—выѣзжавшая изъ Луговой Милліонной, произвела во всѣхъ бывшихъ тогда въ залахъ дворца мгновенное потрясеніе, какъ сила электрическаго удара!

Еще карета была довольно далеко отъ подъѣзда, какъ уже отъ самыхъ первыхъ дверей до самаго кабинета, въ которомъ повелительница сѣвера боролась еще со смертію, очистилась широкая дорога; всѣ угадали, что карета везла наслѣдника, хотя едва сотая часть изъ присутствовавшихъ знала, что къ наслѣднику, съ извѣстіемъ о приключившейся болѣзни императрицы, былъ посланъ Николай Зубовъ.

Надобно было видѣть, какъ царедворцы выталкивали людей напередъ, которыхъ лица наслѣднику были менѣе или вовсе незнакомы, какъ сами становились позади ихъ, какъ уклонялись въ глубину комнатъ, чтобы не быть увидѣнными въ первую минуту, чтобы не встрѣтиться съ его взорами.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, пріѣхавшій въ Петербургъ за нѣсколько предъ симъ мѣсяцевъ, котораго царица приняла какъ стараго друга, начальноположителя ея могущества, ея величія, ея славы, гр. Орловъ въ кабинетѣ видѣлъ государыню умиравшую.... Передъ собою видѣлъ онъ спѣшными шагами проходившаго къ кабинету наслѣдника, у котораго на лицѣ не было замѣтно сокрушенія о приближеніи къ смерти Екатерины.... Графъ Орловъ зналъ, что съ послѣднимъ вздохомъ государыни (ему предстоитъ опала).... Что происходило въ то время въ душѣ графа А. Г. Орлова—отдаю на судъ читателя.

По восшествіи на царство Павелъ Петровичъ повелѣлъ отрыть въ Невскомъ монастырѣ тѣло Петра Третьяго; при вскрытіи гробницы найдены длинная коса рыжихъ волосъ и ботфорты; ни одной кости не нашли.

Павелъ воздалъ останкамъ Петра III почести, возложивъ на гробъ его императорскую корону.

При гробѣ Петра III повелѣлъ графу А. Г. Орлову безотлучно дежурить и по окончаніи погребальной церемоніи прислалъ Орлову въ подарокъ золотую, брилліантами осыпанную, табакерку, на медальонѣ которой, вмѣсто портрета, нарисована была висѣлица.

Неизъяснимая царствовала тишина въ залахъ, всѣ были объяты какимъ-то страхомъ, казалось, у всѣхъ и каждаго, какъ отъ мороза, сжималось сердце или сыпался на тѣло снѣгъ.

Отворяются двери и входитъ наслѣдникъ, въ гатчинскомъ, или прусскаго покроя, мундирѣ, большая съ галуномъ на головѣ шляпа, въ правой рукѣ палка, большія съ раструбами перчатки и на ногахъ пребольшущія ботфорты, шпага привязана сзади и выставлена между фалды кафтана. Въ этомъ костюмѣ увидѣли Павла въ первый разъ во дворцѣ.

Екатерина не дозволяла ему являться въ семъ нарядѣ; но теперь онъ возложилъ его безбоязненно, какъ будто по предвѣдѣнію, что Екатерина уже не будетъ болѣе царствовать. Если бы Павелъ явился въ такомъ убранствѣ за нѣсколько дней предъ симъ, не только во дворцѣ, а на улицѣ, ему бы немедленно было это запрещено и онъ былъ бы арестованъ. Но чрезъ нѣсколько часовъ послѣ сего явленія всему россійскому войску повелѣно было надѣть этотъ.... однорядокъ.

За нимъ шли три офицера въ такомъ же одѣяніи, какъ и онъ. Первый былъ съ свиньесходнымъ оливковаго цвѣта лицемъ— Аракчеевъ; второй небольшаго роста, съ толстымъ круглымъ лицемъ, похожимъ на пломпъ-пуддингъ—Котлубицкій, и третій преплоскаго, фатальнаго лицеобразія—Ратьковъ.

Наслѣдникъ скоро шелъ къ дверямъ кабинета, которыя были затворены, а трое сопровождавшихъ его наперсниковъ остались въ залахъ, на очистившейся дорогѣ. Раздвинувшіеся произвольно, какъ-бы магическою силою, для прохода Павла Петровича люди не

смѣли сдвинуться, оставить мѣстъ своихъ, хотя никто имъ въ томъ не препятствовалъ.

Аракчеевъ и его товарищи стояли на сказанной дорогѣ, какъ статуи въ аллеѣ Лѣтняго сада; никто къ нимъ не подходилъ, никто ихъ не привѣтствовалъ и они, въ странномъ одѣяніи своемъ, обращали на себя взоры зрителей, какъ то бываетъ, когда ходятъ смотрѣть привозимыхъ къ намъ африканскихъ львовъ, тигровъ, гіенъ.

Недолго они остались на позорище для удовлетворенія любопытствующихъ глазъ присутствовавшихъ. Три извѣстныя въ тогдашнее время при дворѣ и въ городѣ подлости—Петръ Степановичъ Валуевъ, Александръ, если не ошибаюсь въ отчествѣ, Николаевичъ Саблуковъ и господинъ Пещуровъ, какъ три граціи, поспѣшили къ нимъ съ привѣтствіями, кланялись имъ, жали имъ руки, рекомендовались и показывали толпѣ людей, въ залахъ стоящей, что они съ ними были давнишніе пріятели, въ короткой связи; каждая изъ трехъ грацій каждаго изъ трехъ пришельцевъ ласкала и привѣтствовала равнымъ образомъ, не зная еще, который изъ нихъ ближе къ наслѣднику, который имѣетъ болѣе его довѣренности, болѣе ему нуженъ! Въ придворной тактикѣ постановлено непремѣннымъ правиломъ ласкать всѣхъ, упреждать всякаго привѣтствіями, поклонами, пожатіемъ руки и пр., и пр.

До царствованія Екатерины, въ ея царствованіе, въ царствованіе Павла и Александра Павловича, вѣроятно и нынѣ (1831 г.), правило всѣхъ ласкать и всѣмъ кланяться въ придворной тактикѣ не измѣнилось.

Можно смѣло держать закладъ 1,000 противъ одного, что и въ царствованіе мудраго, прозорливаго Петра—Трубецкіе, Головины, Ягужинскіе, Бутурлины, Головкины, Голицыны, Ефимовскіе, Чернышевы и Салтыковы — ласкали, жали руку шута Балакирева, гладили, прикармливали пирожками любимую собаку Петрову — Лизету и даже снимали съ Лизеты безпокоившихъ ее блошекъ. О Меншиковѣ и упоминать нечего..........

Будучи взятъ Петромъ Великимъ изъ блинниковъ во дворецъ и прямо во внутреннія комнаты, Меншиковъ подружился прежде всего съ Лизетою, чтобы она не кусала его; потомъ искалъ онъ

и пользовался покровительствомъ Балакирева; сдѣлавшись любимцемъ государевымъ и командующимъ генераломъ въ войнѣ противу шведовъ, Меншиковъ уступилъ Петру свою плѣнницу....

Я самъ своими глазами видѣлъ въ царствованіе Александра Павловича, какъ гофъ-маршалъ, графъ Николай Александровичъ * * *, жалъ руку камердинеру вдовствующей императрицы, Петру Ильичу Крылову, который былъ крѣпостной дворовый слуга графа Александра Сергіевича Строгонова и подаренъ императрицѣ.

Видѣлъ, какъ графъ обнималъ повара Миллера! Это происходило въ комнатахъ, но видѣлъ также своими глазами, какъ генералъ-адъютантъ Θедоръ Петровичъ Уваровъ, обвѣшенный орденами, какъ далмацкій оселъ — водоносными съ побрякушками кисами, лѣзъ на козлы коляски, стоявшей предъ крыльцомъ Казанскаго собора, изъ котораго Александръ Павловичъ, по выслушаніи молебствія, вышелъ и садился въ коляску отправиться въ путь; и Уваровъ на козлахъ обнималъ Илью Ивановича Байкова—лейбъ-кучера.

A propos: Θедоръ Петровичъ Уваровъ былъ довольно глупый человѣкъ. Счастіемъ его по службѣ обязанъ онъ не достоинствамъ своимъ, но широкоплечію своему, крѣпости мышцевъ своихъ и крайней бѣдности своей.

Супруга кн. Петра Васильевича Лопухина, Катерина Николаевна, помнится, рожденная Щетнева, искала себѣ ближняго человѣка; никто изъ насъ на предложенія ея не согласился. За товарищемъ моимъ Брокомъ и за мною Катерина Николаевна волочилась безъ всякихъ околичностей. Уваровъ кинулся въ этотъ омутъ и выплылъ изъ него, украшенный и возвышенный....

Все это никого не удивляло въ 1797—1800 гг., но по какимъ уваженіямъ Уваровъ остался близкимъ человѣкомъ послѣ 1801-го года, этого невозможно постигнуть и лѣтописи будутъ объ этомъ говорить, какъ о чрезъестественномъ событіи....

Но я заговорился, обратимся,—что дѣлается во дворцѣ?

IV.

Все царское семейство созвано въ комнату предъ кабинетомъ императрицы; Павелъ занялъ тутъ свой постъ, и часто ходилъ къ царицѣ, лежавшей все еще посреди комнаты на полу, но уже на матрацѣ; толпа лейбъ-медиковъ окружала полуобмертвѣлый трупъ ея, всѣ пособія были тщетны, она хрипѣла и очень громко: въ третьей комнатѣ было слышно сипѣніе умирающей.

Великій князь Александръ, великія княжны Александра и Елена, любимцы Екатерины, погруженные въ уныніе, сокрушаемые горестью, блѣдные, съ заплаканными глазами, сидѣли неподвижно на своихъ креслахъ, какъ римскіе сенаторы на курильскихъ, когда вбѣжала въ сенатъ толпа варваровъ, чтобы умертвить ихъ.

Одинъ Константинъ Павловичъ (великій князь) былъ въ движеніи, выходилъ въ другія комнаты и часто разговаривалъ съ Аракчеевымъ, Котлубицкимъ, болѣе же съ Ратьковымъ.

Въ 5 часовъ утра 6-го числа ноября велѣно было смѣниться дворцовому караулу, безъ церемоніи: барабанъ не билъ, трубы не играли.

Проѣзжая изъ дворца въ конную гвардію за Таврическій дворецъ, (я видѣлъ, что) по улицамъ толпился народъ, подвигаясь въ направленіи къ Зимнему дворцу. Множество было между народа женщинъ, женъ придворныхъ служителей, которыя шли также ко дворцу и плакали, даже рыдали.

Я ѣхалъ рядомъ съ капраломъ Синтяковымъ, у котораго на глазахъ нерѣдко навертывались слезы; онъ, взглядывая на плачущихъ женщинъ, повторялъ слышанное уже мною:

— „Ахъ! отжили мы добрые дни наши", прибавивъ къ прежнимъ словамъ новыя изреченія: „всѣхъ замордуютъ, не оставятъ никого въ покоѣ!"......

Въ полку былъ отданъ приказъ: быть всѣмъ готовымъ, по первой повѣсткѣ чрезъ гефрейторовъ, какъ можно скорѣе ротамъ выѣзжать на проспектъ предъ полковой дворъ; аммуниція безъ галуновъ, боевыхъ патроновъ въ сумѣ 30, плащи синіе.

Въ 11 часовъ пополудни, 6-го числа, полкъ стоялъ уже въ боевымъ порядкѣ предъ полковымъ дворомъ, когда маіоръ Ва-

сильчиковъ прискакалъ изъ дворца въ каретѣ и первыя его слова были: „2 и 7 роты впередъ; адъютантъ, трубачей и вахмистровъ—ступай за штандартами; Колобовъ (аудиторъ) — священника съ крестомъ и евангеліемъ сюда!"

Отъ 2-й роты я былъ командированъ къ штандарту. Штабсъротмистръ Бачмановъ велъ эскадронъ, князь Дм. Влад. Голицынъ командовалъ 7-ю ротою. Бачмановъ скомандовалъ: рысью! Эскадронъ полетѣлъ.

Пріѣхавъ передъ дворецъ, штандарты наши мы нашли еще на всегдашнемъ ихъ мѣстѣ, въ сѣняхъ наверху парадной лѣстницы; но долго были должны дожидаться, нельзя было проѣхать по набережной; маіоръ Измайловскаго полка Іосифъ Іевлевичъ Арбеньевъ, вѣроятно, не разслушавъ внятно приказанія, вмѣсто того, чтобы прислать отъ полка роту со знаменами, какъ то было приказано и какъ то всѣми гвардейскими полками выполнено, собравши весь Измайловскій полкъ, изволилъ привести его передъ дворецъ и какъ, за множествомъ на дворцовой площади народа и экипажей, выстроить полка было невозможно, онъ поставилъ полкъ тремя баталіонными колоннами на набережной, предъ входомъ парадной лѣстницы и загородилъ проходъ къ подъѣзду.

Павелъ былъ испуганъ этою ошибкою Арбеньева до чрезвычайности, но Іосифъ Іевлевичъ, сойдя съ коня и явившись предъ лицемъ великаго князя Павла, возгласилъ громогласно:

Всемилостивѣйшій государь, Измайловскій полкъ здѣсь готовъ присягать вашему величеству!

Слова „Ваше величество" въ первый разъ предъ великимъ княземъ прозвучали. Онъ дружески обнялъ Арбеньева и сказалъ:

— „Люблю васъ, Іосифъ Іевлевичъ, я всегда былъ увѣренъ въ вашей вѣрной службѣ".

Когда Измайловскій полкъ присягнулъ, мы взошли на лѣстницу, взяли штандарты, привезли въ полкъ, конногвардейцы, какъ и прочіе гвардейцы, поцѣловали крестъ и слова Христа Спасителя на вѣрность императору Павлу.

Іосифъ Іевлевичъ Арбеньевъ, какъ выше сказано, былъ причиною, что штандарты конной гвардіи возвратились во дворецъ послѣ всѣхъ знаменъ пѣшихъ гвардейскихъ полковъ. Новое безпокойство въ Павлѣ. Однако, съ улыбкою на лицѣ, которая всегда всѣхъ болѣе пугала, нежели ободряла, спрашивалъ

Павелъ окружавшихъ его съ вынужденнымъ спокойствіемъ: „что мои конногвардейцы такъ долго копаются?“ Чрезъ нѣсколько минутъ представшій предъ него конной гвардіи маіоръ Васильчиковъ разсѣялъ туманное облако безпокойствъ и подозрѣнія, всеподданнѣйше донеся, что полкъ принялъ ему присягу.

Павелъ, съ улыбкою, отвѣчалъ Васильчикову:

— Не я, а Арбеньевъ васъ заморозилъ.

Когда мы привезли штандарты во дворецъ, было уже довольно свѣтло, Аракчеевъ ожидалъ насъ на площади передъ дворцомъ. Спѣшились вахмистры съ штандартами и начались намъ, т. е. штандартоносцамъ, отъ Аракчеева, съ помощью Ратькова, поученія и наставленія: какъ держать штандартъ, какъ заходить, какъ подать штандартъ государю. Каждое слово поученія, указанія желчный Аракчеевъ добавлялъ оскорбительными для насъ и никогда неслыханными нами выраженіями; адъютанта полковаго вертѣлъ и толкалъ, какъ лакея. Мы взглянули другъ на друга и, безъ сомнѣнія, у всѣхъ пробѣжало въ мысли: «ну, попались мы!» Аракчеевъ скомандовалъ: маршъ! и какъ намъ новыхъ командныхъ словъ не было еще объявлено, мы съ мѣста не шевелились, не понимая, намъ ли онъ командовалъ; притомъ же Аракчеевъ скомандовалъ: штандартъ-юнкеры впередъ, маршъ! Такого званія, то есть штандартъ-юнкера, въ полку не существовало, но велемудрый сподвижникъ въ преобразованіи войскъ Павла I, злобный Аракчеевъ, за такое наше непонятіе и несполненіе его приказанія, благоволилъ произвести насъ въ новое званіе, въ новый чинъ, закричавъ во все горло съ клубящеюся пѣною у рта.

— Что-жъ вы, ракаліи, не маршируете! Впередъ—маршъ!

Мы двинулись съ словомъ: маршъ! понявъ, что оно замѣнило команду: ступай!

Маршируя за Аракчеевымъ, принесли мы штандарты въ кабинетъ императора. Его величество изволилъ стоять на серединѣ комнаты, шляпа на головѣ, перчатки на рукахъ, подпоясанный шарфомъ, и отъ каждаго изъ насъ изволилъ принимать штандартъ и приставлять его къ стѣнѣ: мѣста для штандартовъ не было еще приготовлено.

А. М. Тургеневъ.

ЗАПИСКИ Н. Н. МУРЗАКЕВИЧА

1806—1883.

XXIV[1]).

Н. Н. Мурзакевичъ снова въ Петербургѣ.—Строгость цензуры.—Воспрещеніе русскимъ ученымъ имѣть сношеніе съ славянами (1848 г.).—Осмотры ученыхъ хранилищъ. — Знакомства. — Венгерская кампанія. — Славянскій съѣздъ въ Прагѣ.—Возвращеніе въ Одессу.—Выходъ I отдѣла втораго тома „Записокъ одесскаго общества исторіи и древностей“ (1848 г.) и непохвальная продѣлка Надеждина.—Кончина херсонскаго архіепископа Гавріила.—Сближеніе съ епископомъ херсонскимъ Иннокентіемъ (Борисовымъ) и его характеристика.—II и III отдѣлы „Записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей“ (1849 г.).

Испытавъ въ Эривани, 21 іюня (1847 г.) зной въ 50° (по Реомюру), я испыталъ въ С.-Петербургѣ въ послѣднихъ дняхъ декабря и морозъ въ 30°. Новый 1848-й годъ я встрѣтилъ здѣсь. Рѣзкій переходъ отъ 41° сѣверный широты подъ 60° на здоровье не имѣлъ дурныхъ послѣдствій: сильный жаръ, испарина и постоянное движеніе непримѣтно укрѣпили мое здоровье. Въ Петербургъ двинулся я по случаю открытыхъ мною въ библіотекѣ князя Михаила Семеновича: a) подлинныхъ писемъ царевича Алексѣя Петровича; b) писемъ царицъ и царевенъ къ архимандриту Варлааму, и c) разрядной книги 1476 года. Письма царевича обличаютъ злонамѣренныхъ клеветниковъ, представившихъ его неспособнымъ ни къ какому дѣлу. Это была бѣдная жертва

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., томъ LIII—LVI; изд. 1888 г., г. LIX, сентябрь, стр. 583—610.

разсчета Петра и Екатерины, съ ихъ креатурою Меншиковымъ. Зная оффиціальный взглядъ, пущенный самимъ Петромъ на своего несчастнаго сына, болѣе грамотнаго, чѣмъ самъ отецъ, и дѣятельностью своею приносившаго нѣкоторое время относительную пользу, я считалъ необходимымъ узнать мнѣніе высшей цензуры о моихъ находкахъ. Эту мѣру посовѣтовалъ мнѣ самъ князь Михаилъ Семеновичъ. Въ это трудное для писателей время, кромѣ строгости обыкновенной цензуры, приправившейся ко всему, дѣйствовала еще цензура, состоявшая при III отдѣл. собств. е. и. в. канцеляріи, но сверхъ сего была еще особая, секретная цензура. Ее составляли баронъ М. А. Корфъ, Бутурлинъ и еще кто-то. Эти члены «чернаго совѣта» еще просматривали выпущенное цензурою въ свѣтъ, и вслѣдствіе ихъ особаго взгляда книгу останавливали, извлекали изъ обращенія и истребляли, угрожая въ то-же время авторамъ или издателямъ. Такъ, за книгу: «Продѣлки на Кавказѣ», соч. помѣщицы Лачиновой, московскому профессору и цензору Крылову пришлось было прокатиться въ дальній городъ, если бы не отстоялъ его попечитель, графъ С. Г. Строгановъ. Романы „Черная рада“, соч. Кулиша и его же: „Повѣсть объ Украинскомъ народѣ“ (Кіевъ, 1846 г. 8°), были жестоко преслѣдуемы, равномѣрно, какъ и ихъ авторъ. Тогда же былъ учрежденъ особый комитетъ для изданія учебныхъ книгъ, по новосочиненной программѣ. Въ такомъ же духѣ были даны „секретныя инструкціи ректорамъ и деканамъ университетовъ и директорамъ и инспекторамъ лицеевъ“. В. В. Григорьевъ съ жандармами осматривалъ въ Ригѣ книжные магазины. Предсѣдателемъ комитета состоялъ бывшій московскій профессоръ И. И. Давыдовъ, поддѣлывавшійся къ Уварову. Повсюду слѣдили за такъ называемыми „славянофилами“. Графъ Строгановъ, не приведшій въ исполненіе бумагу министра народнаго просвѣщенія Уварова, о запретѣ сношеній русскихъ ученыхъ съ славянскими учеными за границею, неожиданно былъ „уволенъ вовсе отъ службы по министерству народнаго просвѣщенія“. Когда я проѣзжалъ въ этотъ разъ чрезъ Москву, то обязательство не имѣть сношеній съ заграничными славянофилами и мнѣ было предложено къ подписи, въ засѣданіи московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ вице-президентомъ Чертковымъ.

Посѣтивъ гр. С. Г. Строганова, я нашелъ его видимо бодрымъ, но въ лицѣ сильно измѣнившимся.

Что касается до моихъ сношеній съ западными славянофилами, то я ихъ имѣлъ только съ знаменитыми: П. І. Шафарикомъ и В. В. Ганкою. Письменное мое знакомство съ ними началось съ 1838 года, когда покойный мой другъ М. М. Киріаковъ познакомился съ ними лично, во время леченія въ Карлсбадѣ. Они, зная меня по статьямъ, помѣщавшимся въ „Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщенія", и по книжкамъ моимъ, пересылавшимся Михаиломъ Петровичемъ Погодинымъ, вошли со мною: Шафарикъ въ переписку, а Ганка—въ передачу книгъ и словесныхъ порученій, чрезъ различныхъ проѣзжихъ. Шафарику я постоянно высылалъ необходимыя русскія книги, а потомъ и матеріалы для „Славянскаго народоописанія". Вслѣдствіе запрета и многихъ непріятностей, испытанныхъ другими, поневолѣ прекратилъ и я письменныя сношенія съ ними.

Появленіе мое въ С.-Петербургѣ было встрѣчено многими благопріятно. Министръ Уваровъ привѣтливѣе прежняго обращался со мною; познакомилъ съ своимъ сыномъ, Алексѣемъ, уже занимавшимся археологіею, и представилъ, въ качествѣ опытнаго антикварія, предсѣдателю С.-Петербургскаго новоучрежденнаго археологическаго общества,—герцогу Максимиліану Лейхтенбергскому. Въ одно изъ засѣданій общества, собиравшагося въ его дворцѣ, герцогъ прелюбезно меня встрѣтилъ. Послѣ засѣданія, оставя на чай, онъ о многомъ подробно разспрашивалъ: ему были памятны Вознесенскіе смотры, когда онъ былъ еще женихомъ теперешней своей жены. Появленіе мое у е. и. в. великаго князя Константина Николаевича, казалось, доставило удовольствіе какъ ему самому, такъ и всѣмъ прежнимъ нашимъ спутникамъ. Всѣ подробности путешествія къ Бѣлому морю, со времени нашей разлуки, были мнѣ пересказаны великимъ княземъ. Его высочество показалъ даже портретъ нареченной своей невѣсты, которая, дѣйствительно, была прекрасна. Предупредивъ государя наслѣдника Александра Николаевича, его высочество послалъ меня къ нему въ сопровожденіи Ѳ. С. Лутковскаго, на половину его высочества. Государь наслѣдникъ, встрѣтивъ фразою: «очень радъ съ вами познакомиться», разспрашивалъ о Новороссійскомъ краѣ и, отпуская,

сказалъ, что «надѣется въ этотъ годъ посѣтить край». При чемъ предложилъ осмотрѣть Эрмитажъ и арсеналы его собственный и въ Царскомъ селѣ. Всѣ дни моего въ этотъ разъ веселаго пребыванія я проводилъ такъ: утра—въ осмотрѣ эрмитажныхъ коллекцій, частныхъ — графа А. С. Уварова, князя А. А. Сибирскаго, И. А. Бартоломея, лейбъ-егерскаго капитана Я. Я. Рейхеля, французскаго афериста Я. Я. Сабатье, старопечатныя русскія книги Н. В. Сахарова, но не могъ добиться до рукописей Публичной библіотеки, почивавшихъ въ первобытномъ своемъ хаосѣ [1]). Вечера—на гастрономическихъ обѣдахъ гр. Уварова, графа І. К. Ламберта, князя Василія Андреевича Долгорукова, Геннади, и за бѣдными трапезами—у старыхъ своихъ пріятелей: чиновника коммиссаріата В. И. Петровскаго, сверстника моего дѣтства, М. А. Коркунова, А. А. Васильева-земляка, а въ это время частнаго полицейскаго штабъ-лекаря. День заканчивалъ оперою или въ маскарадныхъ балахъ.

Наканунѣ моего выѣзда изъ С.-Петербурга, 28 генваря 1843 г., нашелъ главныя улицы запруженными войсками, шедшими къ смотру императорскому, на Дворцовой площади. На другой день П. П. Костанда (старый нашъ лицеистъ, а теперь въ 1843 г. капитанъ гвардейской конной артиллеріи) сказалъ, что смотръ былъ по случаю предстоявшаго похода въ Австрію, гдѣ возставшіе венгерцы уже крѣпко одолѣвали Габсбурга. Поднялись и славяне, узнавшіе изъ книги Шафарика свою силу, по крайней мѣрѣ, если не моральную, то числительную. Нѣсколько лѣтъ позже я узналъ, что славянское стремленіе къ самостоятельности значительнѣе проявилось въ Прагѣ, гдѣ будильниками были Ганка и Шафарикъ. Въ апрѣлѣ 1848 года въ Прагѣ собрался славянскій съѣздъ, составленный изъ хорватовъ, сербовъ, словаковъ, далматинцевъ, поляковъ, руссиновъ, моравовъ, вначалѣ подъ видомъ „Литературнаго сейма", на которомъ присутствовали Шафарикъ и Ян. Дворачекъ съ представителями національностей—Фр. Палацкимъ, Ст. Вразомъ, Павломъ Стаматовичемъ, „парохомъ" (священникомъ) Сегединскимъ, чле-

[1]) Впослѣдствіи собраніе рукописей императорской публичной библіотеки приведено въ образцовый порядокъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ.

номъ нашего одесскаго общества (онъ, на удивленіе всѣхъ славянъ-католиковъ, въ это время первый рѣшился показать чехамъ прежнюю ихъ литургію, отслуживъ всенародно, на площади, православную обѣдню), Фр. Цахомъ, Карл. Либельтомъ, Гр. Гинелевичемъ. Сеймъ этотъ, замышлявшій самостоятельное (федеративное) устройство славянъ, вычеканившій въ память этого событія медаль, гдѣ четыре націи подавали другъ другу руки единенія (къ несчастью, посреди стоящему поляку), былъ разогнанъ австрійскими пушками. Бѣдный Шафарикъ, почетнымъ образомъ былъ, яко профессоръ университета, помѣщенъ въ іезуитскую кляузуру (за рѣшетчатую дверь, куда посторонняго не впускаютъ).

Воротясь домой, я устремилъ мою дѣятельность на изданіе втораго тома Записокъ одесскаго общества. Не скрою, что кромѣ долга, какъ редактора и секретаря общества, меня побуждала къ усиленной работѣ мысль—не подать повода къ злорадству Надеждина, повсюду разглашавшаго, что послѣ смерти Княжевича, выхода его, Надеждина, и Григорьева, общество наше должно умереть морально. И, дѣйствительно, оно могло разрушиться отъ подкоповъ, дѣлаемыхъ умными, но неблагородными недоброжелателями. Освѣдомясь однажды изъ статьи казанскаго профессора В. И. Григоровича, что въ императорской вѣнской публичной библіотекѣ хранится въ двухъ томахъ переписка константинопольскихъ патріарховъ съ подчиненными имъ епархіальными начальниками, въ томъ числѣ бывшими въ Крыму и въ Россіи, мы, чрезъ посредство князя М. С. Воронцова, почетнаго президента общества, и чрезъ гр. Нессельроде, успѣли склонить князя Меттерниха дать позволеніе списать для одесскаго общества копіи съ патріаршихъ актовъ. Дѣло было оффиціальнымъ путемъ возложено на тамошняго библіотекаря Миклошича, к-рый исподволь сталъ списывать порученное. Что же дѣлаетъ г. Надеждинъ, посѣщавшій Австрію для узнанія: дѣйствительно ли тамъ намѣреваются создать для русскихъ раскольниковъ архіереевъ, которые бы служили для нихъ по книгамъ, печатаннымъ до патріаршества Никонова? Нашъ оффиціальный сыщикъ о намѣреніяхъ бѣлокриницкихъ (сборное мѣсто австрійскихъ и русскихъ бѣглецовъ-раскольниковъ) не узналъ, но копіи съ константинопольскихъ грамотъ забралъ именемъ „члена

одесскаго общества“, тогда какъ отъ онаго отказался четыре года тому назадъ, и забраннаго по принадлежности не возвратилъ, но причелъ въ свою собственность! Матеріалъ этотъ предполагался къ помѣщенію во второмъ томѣ, который, по случаю такого страннаго поступка г. Надеждина, долженъ былъ явиться въ свѣтъ бѣднѣе однимъ важнымъ матеріаломъ и при томъ въ одномъ первомъ отдѣленіи. Первое отдѣленіе этого тома вышло въ декабрѣ мѣсяцѣ; въ немъ помѣстились мои статьи: 1) Начало книгопечатанія въ Новороссійскомъ краѣ. 2) Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ монастыряхъ епархій: херсонской и кишиневской. Для новороссійскаго календаря, издаваемаго Михневичемъ, я написалъ: «Обзоръ православной іерархіи тѣхъ мѣстъ, которыя составляютъ нынѣ Новороссійскій край и Бессарабію».

Въ маѣ мѣсяцѣ сего года я потерялъ еще одного изъ моихъ лучшихъ знакомыхъ, могу сказать, друзей, здѣшняго архіепископа Гавріила. Одиннадцатилѣтняя пріязнь наша заключилась прочною дружбою. Насъ сблизило единство цѣлей, это историческія изслѣдованія о новороссійскомъ краѣ, которымъ Гавріилъ, среди множества хлопотливыхъ дѣлъ по обширной и неустроенной епархіи, состоящей въ двухъ губерніяхъ, всѣмъ сердцемъ предался. Рядъ его статей украшаетъ страницы Записокъ общества. Когда этотъ почтенный старецъ помышлялъ объ успокоеніи своего утомленнаго тѣла и духа на югѣ Россіи, надежды его были неожиданно разрушены искательствомъ младшаго собрата по сану. Извѣстному проповѣднику Иннокентію (Борисову), въ короткое время изъ ректоровъ кіевской академіи достигшему титула архіепископскаго, но сидѣвшему на епархіи епископской въ Харьковѣ, крайне захотѣлось въ Одессу. Отличавшійся особенною ловкостью (напримѣръ, въ Почаевскомъ монастырѣ при изгнаніи уніатовъ), директоръ канцеляріи оберъ-прокурора синода Алексѣй Ив. Войцеховичъ умѣлъ уладить дѣло такъ, что старика подъ предлогомъ повышенія перевели въ Тверь. Эта епархія считается одною степенью выше херсонской. Общее всенародное сожалѣніе, даже иновѣрцевъ, сопровождало отъѣздъ всѣми любимаго и уважаемаго, не ханжу, архіерея. Да и онъ смѣло и благородно высказалъ свою грусть въ замѣчательной прощальной рѣчи къ народу. Такъ исповѣдываться, всенародно, едва ли многіе архіереи рѣшатся. Гавріилу епархія обязана многими образованными

священниками, открытіемъ семинаріи, сиротскаго дѣвичьяго пріюта при Михайловскомъ монастырѣ и построеніемъ многихъ хорошихъ церквей. Домостроительство, при бѣдныхъ средствахъ, составляло его отличительную черту; примѣрные порядокъ, чистота и забота о семинаристахъ будутъ ему незабвеннымъ памятникомъ. За излишнюю довѣрчивость къ своимъ приближеннымъ, особенно къ негодяю Д—ву, его келейнику-взяточнику, Гавріилъ поплатился переводомъ на суровый сѣверъ, гдѣ онъ постоянно болѣлъ, гдѣ не переставалъ горевать и гдѣ скончался отъ жестокаго ревматизма, оставя и тамъ добрую память по себѣ. Прерванныя наши личныя сношенія поддерживались постоянно частою перепискою, продолжавшеюся до самой его мирной, христіанской кончины. Прибывшій въ Одессу его преемникъ въ началѣ имѣлъ неблагоразуміе опорочивать нѣкоторыя будто бы опущенія своего предмѣстника; но общая любовь и уваженіе къ Гавріилу скоро заставили перемѣнить тонъ. Встрѣча моя съ Иннокентіемъ была довольно холодная; но день за днемъ, увидѣвъ въ немъ не совсѣмъ злаго человѣка, а честолюбца (какъ обыкновенно бываютъ многіе наши архіереи), я понемногу сблизился съ нимъ, тѣмъ болѣе, что онъ неоднократно показывалъ мнѣ свое благорасположеніе. Девять лѣтъ не прерывалась наша пріязнь, сопровождавшаяся довѣріемъ ко мнѣ по многимъ дѣламъ.

О характерѣ преосвященнаго Иннокентія скажу, что кромѣ честолюбія, онъ имѣлъ еще страсть къ деньгамъ [1]), которыхъ по смерти оказалось свыше 200,000 р., не считая раскраденныхъ его прислугою. Вотъ другія его черты: все, что бралъ, то или терялъ, или присваивалъ; по прихоти часто перемѣщалъ бѣдныхъ священниковъ; любилъ связи со знатью и не заботился о расположеніи къ себѣ простонародья. Въ Одессѣ, по крайней мѣрѣ, брался за многія предпріятія ученыя, но не довершалъ ихъ. Даже даръ систематической проповѣди онъ обращалъ въ легкую импровизацію. Семинарію совершенно забылъ, на экзаменахъ едва-ли

---

[1]) Какъ ни суровъ этотъ отзывъ о знаменитомъ проповѣдникѣ, но онъ высказывается не въ первый разъ. Онъ также согласенъ и съ мнѣніемъ одного севастоп. благочиннаго, который говорилъ, что преосвящ. „жалъ и тамъ, идѣже не расточалъ“ (Херс. Вѣд. 1862 г. № 1). Къ этому не лишнимъ прибавить, что рука арх. Иннокентія всегда была щедрою и не замыкалась, когда приходилось дѣлать добро. Кн. В. Дабижа.

былъ два раза. Смерть его покровителя графа Протасова и послѣдовавшая за тѣмъ холодность членовъ синода произвели на него сильное впечатлѣніе и ускорили самую его смерть: Иннокентій, сверхъ чаянія медиковъ, умеръ внезапно.

Продолженіе Записокъ, заключавшееся во 2 и 3 отдѣленіяхъ, кончено печатаньемъ въ 1849 году. Здѣсь были мои статьи: 1) Эллинскіе памятники, найденные въ новороссійскомъ краѣ. 2) Аккерманскія греческія надписи. 3) Килійская церковь св. Николая и ея достопримѣчательности. 4) Эски-Крымская арабская надпись, показывающая эпоху водворенія Узбекъ-ханомъ мусульманства въ Крыму, въ 1313 году. 5) Молдовлахійскія граматы, хранящіяся въ Бессарабіи: а) воеводы Стефана, 1434 года; b) воеводы Петра, 1535 г.; c) воеводы Александра, 1554 г.; d) воеводы Константина Могилы, 1609 г., е) воеводы Ильи Александра, 1667 г.,—всѣ писанныя по славянски. 6) Списокъ съ статейнаго списка великаго государя царскаго величества посланниковъ: стольника и полковника и намѣстника Переяславскаго Василія Михайловича Тяпкина, дьяка Никиты Зотова, писанный въ 7189 (1681) году, по случаю заключенія Бахчисарайскаго договора. 7) Собственноручныя распоряженія князя Потемкина-Таврическаго, во время второй турецкой войны, въ царствованіе Екатерины II. 8) Рецензію на книгу: Изслѣдованія объ исторіи и древностяхъ города Херсониса Таврическаго, сочиненіе Б. Кене. 9) Рецензія на атласъ Чернаго моря, съ описей, произведенныхъ Е. Манганари. 10) Некрологъ Димитрія (Сулимы), архіепископа кишиневскаго. 11) Надписи въ Екатеринодарскомъ войсковомъ соборѣ. 12) Инструментъ разграниченія земель между Россіею и Портою въ 1742 году. 13) Реляція отъ 24 сентября 1761 г. о заложеніи новой крѣпости св. Дмитрія Ростовскаго. 14) Монеты, отысканныя на о. Фидониси.

Занимаясь корректурою этого тома, я часть времени удѣлялъ на надзоръ за ввѣреннымъ мнѣ попечителемъ лицея М. Н. Бугайскимъ одесскимъ еврейскимъ училищемъ. Это полезное для евреевъ учрежденіе существуетъ съ 1828 г.; цѣль его — постепеннымъ образомъ вводить цивилизацію въ народѣ, погруженномъ въ грубые фанатизмъ и предразсудки, посѣваемые Талмудомъ и его нелѣпыми пояснителями.

XXV.

Ученыя занятія Н. Н. Мурзакевича.—О письмахъ къ архимандриту Варлааму царицы Прасковьи Өеодоровны (Салтыковой) и царевенъ.—Изданіе „подлинныхъ писемъ царевича Алексѣя Петровича" (1850 г.).—Выводы изъ писемъ о личности царевича.

Слѣдствіемъ прошлогодней поѣздки въ Петербургъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ было получено разрѣшеніе цензуры касательно возможности изданія писемъ царевича Алексѣя Петровича и разрядной книги; но о „Письмахъ къ архимандриту Варлааму" министръ Уваровъ отъ 29 января, № 135, такъ отозвался князю Михаилу Семеновичу Воронцову:

„Что же касается до рукописи, содержащей въ себѣ письма къ архимандриту Варлааму, то къ напечатанію ея представляются слѣдующія затрудненія:

„1) письма императрицы Екатерины Первой 1710 г., въ которыхъ она подписывалась Екатериною Михайловною, могутъ подать поводъ къ предположенію, что она писала до брака съ Петромъ Великимъ, а это навлекло бы тѣнь сомнѣнія на рожденіе великихъ княженъ Анны и Елизаветы, отъ законнаго брака;

„2) Всѣ письма къ архимандриту Варлааму, заключая въ себѣ одни обыкновенныя привѣтственныя выраженія, не представляютъ ничего особенно примѣчательнаго въ историческомъ отношеніи, но они писаны наскоро, нѣкоторыми царственными особами, не предполагавшими ихъ къ гласности, и потому въ нихъ встрѣчаются многія выраженія, которыя хотя были свойствены стариннымъ нравамъ, но въ наше время могутъ показаться неприличными и подать поводъ легкомысленнымъ людямъ къ неосновательнымъ догадкамъ, не совмѣстнымъ съ достоинствомъ и даже оскорбительнымъ для чести тѣхъ лицъ".

Письма эти были писаны: царицею Прасковьею Өеодоровною, царевнами Анною и Маріею и Екатериною (тогда еще фавориткою Петра). Варлаамъ, архимандритъ новгородскій, ханжа и пройдоха, имѣлъ частыя тайныя свиданія съ царевнами и Екатериною. Не служилъ ли онъ переносчикомъ тѣхъ разговоровъ, которые онъ имѣлъ съ царевнами, приверженицами стараго

порядка, передавая ихъ Екатеринѣ, а она Петру? Такимъ образомъ они совмѣстно и исподоволь подкапывались подъ неосторожнаго и недальновиднаго царевича Алексѣя.

Вотъ образчики нѣсколькихъ писемъ:

а) Царевны Натальи Алексѣевны (сестры Петра):

„Ради Господа Бога не повреди своего здоровья, а мнѣ твоя болѣзнь ей несносна. У меня толка и радости, что ты, мой государь“.

б) Царицы Прасковьи Ѳедоровны Салтыковой:

а) „Пожалуй, свѣтъ мой, есть ли тебѣ возможна такую милость показать нада мною, а мнѣ есть самая нужда и печаль пришла отъ дочери моей отъ Катерины, и мнѣ побить челомъ тебѣ, батюшка, чтобы ты помолился где знаешь, а писать и приказать невозможна, а все хочетца съ тобою повидатца, не знаю какъ и с кемъ в своей печали ползу получить. А буде пожалуешъ, и ты изволишь поѣхать изъ Новагорода на Псковъ и на маи деревни, а мы аднѣ живемъ и нихто тебя оу насъ не аувидитъ; ей-ей хочеца с тобою видетца, поговорить и штобы ползу получить“.

b) „Батюшка, свѣтъ мой свѣщеной отецъ Варлаамъ Аньтипьевичъ, спасенно здравствуй, сама батюшка пасть претъ чесные твое и свѣтые ношки, аки блудница ка Христу, прося прощенѣя греховъ своихъ и благословѣніе твоего всегда по молитвѣ требую“.

c) „Премного челомъ бью, преклоняя главу свою грешную хотя и недостойную к светымъ стапамъ и целую праведные твои ношки и прошу прощеніе в своеі вине, что я замешкала к тебе, свѣту своему и радости своеі писать, прямая моя вина страдничья пре тобою“.

d) „Батюшка государь мой, свѣщенноиереи Варлаамъ Антипьевичь, спасенно свѣтъ мой здравствуй. А мнѣ свѣтъ мой великая печаль, что промежъ насъ такъ стала, ей-ей сокрушаюся и немогу терпеть болше сие печали, в скорыхъ числехъ хачу твои очи видеть и пасти оу свѣтыхъ твоихъ ножекъ, и когда тое

радость обрящу, что будемъ по прежнему жить, и въ тое время отъ печали освабожуся. По семъ свѣтъ мой здравствуй. Буду впередь писать сами, да посылаю вамъ по платочку".

Къ концу осени, отложа „Разряды" до благопріятнаго случая, напечаталъ я переписку царевичеву подъ такимъ заглавіемъ:

„Письма царевича Алексѣя Петровича къ его родителю Петру Великому, государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и кабинетъ-секретарю Макарову, съ приложеніемъ писемъ царевича Петра, царевны Натальи и князя Вяземскаго къ его высочеству".

145 писемъ царевичевыхъ издалъ я слово въ слово и въ нужныхъ мѣстахъ приложилъ пояснительныя примѣчанія. Нѣсколько экземпляровъ „Писемъ" послалъ князю, а онъ отъ себя представилъ по одному: государю императору, наслѣднику и великому князю Константину Николаевичу. Первый удостоилъ благосклоннаго принятія, а цесаревичъ (31 марта 1850 г., № 1,229), чрезъ гофмаршала своего двора, увѣдомилъ князя Воронцова, что „его высочество, принявъ съ особеннымъ удовольствіемъ замѣчательный трудъ „мой", соизволилъ повелѣть благодарить меня отъ имени его высочества". Е. И. В. Константинъ Николаевичъ также поручилъ князю Воронцову: „изъявить мнѣ, какъ издателю и какъ сопровождавшему его высочество въ путешествіи по южному краю, благодарность его".

Министръ С. С. Уваровъ написалъ мнѣ:

„Съ особымъ удовольствіемъ получилъ я при вашемъ письмѣ книгу вашу. Ученая ваша дѣятельность составляетъ наилучшее доказательство вашей преданности къ наукамъ и мнѣ пріятно увѣрить васъ, что мое усердіе къ развитію оныхъ всегда равняться будетъ съ любовью къ просвѣщенію. Примите, м. г., вмѣстѣ съ моею благодарностью увѣреніе въ моемъ истинномъ почтеніи. Графъ Уваровъ. 7 января 1850 г.".

Изъ писемъ царевича Алексѣя Петровича я дѣлаю такой выводъ. Онъ есть жертва, принесенная Петромъ семейнымъ, Екатерининымъ и Меншикова, разсчетамъ. Царевичево воспитаніе и образованіе совершенно было пренебрежено. Оно было поручено выходцу, нѣмцу

Гизену, который вмѣсто того, чтобы заниматься съ ученикомъ, пускался въ политику, ѣздилъ по иностраннымъ дворамъ хлопотать о княжьемъ титулѣ, въ Вѣнѣ, для Меншикова; своего питомца отрывалъ отъ ученья, возя смотрѣть на осады ничтожныхъ крѣпостицъ. Но было и того хуже, когда наблюдателемъ за воспитаніемъ и направленіемъ наслѣдника престола былъ назначенъ безграмотный и необразованнѣйшій хищникъ Меншиковъ. Однако, не смотря на весь дурной подборъ учителей и руководителей, царевичъ грамотностью владѣлъ лучше, чѣмъ его отецъ. На 17 году возраста, при болѣзненности, царевичъ, однако, успѣшно исполняетъ данныя ему порученія. Среди такого тяжелаго времени, въ какое была ведена война съ Карломъ XII, царевичъ заготовляетъ резервы, оружіе, провіантъ для арміи, что въ обвинительномъ слѣдствіи все умолчано, и во все это время только однажды онъ получилъ напоминаніе царя (см. письмо № 43), „чтобъ врученныя дѣла какъ наискоряя управлялъ". На что царевичъ тотчасъ отписалъ: „изволь извѣститься отъ другихъ, что истинно со всякимъ прилежаніемъ врученныя дѣла управливаемъ какъ возможно скоро". Виноватому такимъ тономъ невозможно было говорить съ царемъ. Дѣятельность царевича видимо исчезаетъ съ половины 1709 года, т. е. послѣ Полтавской битвы. Всѣмъ розданы награды, а о царевичѣ нигдѣ ни слова. Впрочемъ, не столько это, сколько принужденіе жестокосердаго отца— Катерину (служившую прежде у Шереметева, потомъ Меншикова и выкреста изъ жидовъ Девіера, а теперь у Петра) признать „матушкою", которую до того, вмѣстѣ съ отцомъ, кликалъ „маткою", и, по ея безграмотству, быть ея секретаремъ (письма № 110 и № 114) и, что хуже всего, сопутствовать ей за границу, гдѣ европейскіе дворы ее не признавали въ качествѣ законной жены царя. Все это, конечно, возмущало духъ царевича, съ молокомъ матери всосавшаго „мѣстничество", и, собравшись въ одно, порвало и безъ того слабую связь отца съ сыномъ. А тутъ подвертывается низкій плотоугодникъ Меншиковъ, составившій планъ низверженія царевича и возведенія на престолъ сына Екатерины. Не иначе, какъ съ вѣдома Меншикова, князь Вяземскій подставляетъ царевичу чухонку Афросинью, умѣвшую вкрасться въ сердце неопытнаго царевича. Алексѣй радъ былъ домашней скромной связи. Хотя распутство свое могъ

удовлетворять явно, по примѣру отца, любившаго свободное время проводить не въ семьѣ, но въ австеріяхъ и ассамблеяхъ, гдѣ курили, пили, заставляли напиваться самихъ дамъ и затѣмъ открывали вакханаліи. Какъ же царевичу, смотря на все это, не сдѣлаться пьяницею, когда попойка считалась почти законнымъ офиціальнымъ дѣломъ (письмо № 105), и какъ молодому человѣку быть цѣломудреннымъ?... Алексѣй былъ еще не развращенъ, онъ былъ совѣстливъ; хотѣлъ „прикрыть грѣхъ" женитьбою на забеременѣвшей Афросиньѣ. Противъ воли и желанія ему навязали чопорную нѣмецкую принцессу, о которой тогда же ходили невыгодные слухи. Итакъ, интрига началась. Царь, въ надеждѣ имѣть отъ Катерины наслѣдника, требуетъ отъ царевича отреченія отъ престола. Приверженцы старины и мѣстничества, знать боярская и духовенство, совѣтуютъ отказаться и склоняютъ или временно постричься въ монахи, или уѣхать за границу и пробыть тамъ дотоль, пока отецъ умретъ, здоровье котораго отъ трудовъ и оргій видимо слабѣло. Пользуясь доступомъ пройдохи новгородскаго архимандрита Варлаама къ старой царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ и къ царевнамъ Натальѣ, Марьѣ и др., и Катерина заводитъ съ нимъ переписку и свиданія и отъ него вывѣдываетъ тайны семейныя и, можетъ быть, заговоръ о бѣгствѣ царевича за границу. Катерина въ увеличенномъ видѣ все пересказываетъ всегда крутому, свирѣпому и подозрительному Петру, у котораго съ похмѣлья часто болѣла голова, неспособная на хладнокровное размышленіе. Меншиковъ все узнаетъ чрезъ Афросинью, и ѣдущему царевичу за-границу совѣтуетъ взять Фроську съ собою; даетъ ему собственныя деньги, на которыя онъ былъ скупъ и жаденъ. Тайна укрывательства, даже австрійскаго, открыта, разумѣется, Фроською. Царевичъ выданъ и хищные опричники Петровы—Толстой и Румянцевъ везутъ безхарактернаго юношу на мучительную казнь, хотя царевичу было обѣщано забвеніе всего прошлаго. На бѣду царевича, Катерина разрѣшается сыномъ Петромъ и судьба законнаго наслѣдника престола рѣшена. Петръ съ Меншиковымъ, 24-го іюня 1818 г., идутъ къ заточеннику въ Петропавловскую крѣпость; тоже и на другой день, а 26-го числа царевичъ обнародывается умершимъ. 27-го числа царь весело празднуетъ Полтавскую викторію!! Дѣти, рожденныя Катериною отъ Петра

(зараженнаго недугомъ), были недолговѣчны. Гнѣвъ Божескій въ этомъ дѣлѣ проявился мстителемъ Меншикову за отца, въ лицѣ Петра II. Петръ Андр. Толстой, въ день смерти Петра I, былъ пожалованъ графскимъ титуломъ, однако-же, объявленнымъ только въ 17 .. г. Самодержцу, пренебрегавшему общественнымъ мнѣніемъ, совѣстно показалось тотчасъ объявить народу о наградѣ опричнику.

Нѣкоторою помѣхою въ окончательной отдѣлкѣ изданія писемъ царевичевыхъ была моя мѣсячная поѣздка по порученію попечителя округа, М. Н. Бугайскаго, для осмотра училищъ екатеринославской дирекціи. Осмотрѣвъ ихъ и повѣривъ на экзаменахъ учениковъ съ дѣлаемыми имъ аттестаціями въ Екатеринославской и Таганрогской гимназіяхъ и нѣкоторыхъ училищахъ, я подалъ попечителю свое заключеніе и о замѣченныхъ недостаткахъ откровенно разсказалъ, чѣмъ, кажется, не угодилъ начальнику, не желающему видѣть въ своемъ управленіи несовершенства. Годъ этотъ я завершилъ написаніемъ „Обзора православной іерархіи тѣхъ мѣстъ, которыя составляютъ нынѣ Новороссійскій край и Бессарабію“, для новороссійскаго календаря, а для „Временника“, издаваемаго московскимъ обществомъ исторіи и древностей россійскихъ, послалъ актъ времени перваго самозванца—„Отказную запись $\frac{7117}{1609}$ года“. Этому обществу я признателенъ за то, что оно, послѣ митрополита Евгенія, первое меня поощрило къ занятіямъ по отечественной исторіи. „За полезные труды по части отечественныхъ древностей“ общество 11-го апрѣля 1836 года избрало меня своимъ дѣйствительнымъ членомъ. 2-го декабря „за отлично усердную службу и особые труды“ я былъ пожалованъ знаками ордена св. Анны 2-й степени, украшенной императорскою короною.

XXVI.

Состояніе Ришельевскаго лицея при попечителѣ Бугайскомъ (1850 г.). — Одесское общество.—Градоначальники Ахлестышевъ и Казначеевъ. — Неудавшійся романъ Н. Н. Мурзакевича. — Поѣздка въ Петербургъ и въ Москву.—Министръ народнаго просвѣщенія кн. Ширинскій-Шихматовъ.—Гр. С. С. Уваровъ; кн. А. С. Сибирскій; герцогъ Лейхтенбергскій.—Представленіе вел. кн. Константину Николаевичу и Государю Наслѣднику Александру Николаевичу.—П. А. Плетневъ.—Вѣсти изъ Кіева объ арестѣ Костомарова и Кулиша.—Кн. В. А. Долгоруковъ; кн. М. А. Оболенскій; М. П. Погодинъ; А. Д. Чертковъ; О. М. Бодянскій.—Возвращеніе въ Одессу.—Встрѣча съ Н. В. Гоголемъ.—Поѣздка въ Малороссію.—Изданіе рукописи „о казакахъ запорожскихъ кн. Мышецкаго“ и „устнаго повѣствованія бывшаго запорожца Л. Коржа“ (1851 г.).

Тягостны для меня воспоминанія о 1850 годѣ. Но рѣшившись изложить исповѣдь мою безъ утайки, скажу и о тяжкой двойной моей борьбѣ. Наплывъ богатыхъ польскихъ семействъ, подъ предлогомъ воспитанія дѣтей въ Одессѣ, гдѣ власть грознаго кіевскаго генералъ-губернатора Бибикова на нихъ не простиралась, имѣлъ пагубное вліяніе на лицей. Подъ предлогомъ приготовленія молодыхъ людей къ поступленію въ студенты лицея, но дѣйствительно для того, чтобы связать свои сношенія съ заграничными патріотами, поляки, щедрою рукою отсыпая деньги за уроки, деморализировали многихъ профессоровъ. Прежняя скромная, умѣренная и безупречная жизнь ихъ, соблазненныхъ легкою наживою денегъ, рѣзко и быстро измѣнилась и перешла въ картежный разгулъ. Попечитель М. Н. Бугайскій (удаленный Клейнмихелемъ изъ корпуса путей сообщенія), достигшій этого мѣста по протекціи родственницы своей жены, фрейлины Нелидовой, директоръ N и болѣе вліятельные профессоры: Генр. Брунъ, Левтеропуло, Линовскій—съ 8 часовъ вечера, почти ежедневно, упражнялись въ картахъ или дома, или въ клубѣ. Генр. Брунъ даже умеръ въ клубѣ и за картами. Фамильярное сближеніе начальника съ подчиненными повело къ тому, что попечитель на профессорскія продѣлки своихъ партнеровъ сталъ смотрѣть сквозь пальцы. Лихоимство развивалось съ каждымъ днемъ: пріемы въ студенты, переводы изъ курса въ курсъ и выпуски сопровождались циническими вымогательствами

преподавателей: Линовскаго, Камарницкаго, Зеленецкаго, Петровскаго, Гассгагена. Писались за деньги даже сочиненія для студентовъ! Почти всѣ профессора давали частные уроки и за это покровительствовали денежнымъ; за то строгость ихъ обрушивалась на бѣднякахъ. Жалобы попечителю улаживались за игорнымъ столомъ. Тріумвиратъ оппозиціонный, состоявшій изъ Соколова, Кузьмина и меня, былъ слабъ и при большинствѣ голосовъ безсиленъ. И Соколовъ, при всемъ безкорыстіи, увлекся страстью къ игрѣ. Профессора держали у себя на квартирѣ студентовъ, въ качествѣ пансіонеровъ; но о нравственномъ надзорѣ за ними у многихъ не было и въ поминѣ. Панычамъ нужна была только протекція. Жившій у профессора философіи панычъ Ягницкій блистательно проходилъ курсъ въ сосѣднемъ публичномъ домѣ и кончилъ общею бойнею, на которой замертво укололили студ. Булатова; у проф. чистой математики отецъ не нашелъ своего сына, двѣ недѣли гдѣ-то пропадавшаго, о чемъ менторъ и не подозрѣвалъ. Тогда-то и начались въ профессорскомъ кружкѣ постройка домовъ, покупка обширныхъ мѣстъ для этой же цѣли, арендованіе земель... Невесело было тѣмъ немногимъ, которые не соглашались съ большинствомъ. По себѣ скажу, положеніе ихъ было тягостное. Эти обстоятельства осуждали почти на полное уединеніе. Въ городѣ коммерческомъ семейная жизнь ведется инымъ образомъ, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Бываютъ дни въ году, когда званые вечера или балы сближаютъ общество; но затѣмъ—двери на запоръ. Мужъ сидитъ въ клубѣ или казино, жена дома съ семьею или одна. Еженедѣльныя собранія у князя Воронцова, съ выѣздомъ его на Кавказъ, должны были прекратиться. Бывшій военнымъ губернаторомъ Одессы Дм. Дм. Ахлестышевъ, котораго семейный кругъ поддерживался какъ его умною и доброю женою, такъ и имъ самимъ, по случаю назначенія его въ Москву сенаторомъ закрылся.

Въ Ахлестышевѣ Одесса потеряла одного изъ лучшихъ своихъ градоначальниковъ, занимавшагося безкорыстно и съ видимою для города пользою. Ему городъ обязанъ устройствомъ тротуаровъ, площадей, городоваго кладбища, госпиталя, сиротскаго училища, русскаго театра и нѣсколькими древесными плантаціями. Назначенный градоначальникомъ Ал. Ив. Казначеевъ и его благовѣрная супруга—„синіе чулки“, по многимъ причинамъ, не

могли собрать вокругъ себя общество, въ которомъ съ пріятностью можно было бы отдохнуть отъ трудовъ. Оставалось небогатое семейство П. П. Титова, достаточно поплатившагося за извѣстное 14-е декабря, брата константинопольскаго посла; его супруга Юл. Мих. была дочь коменданта, убитаго въ 1831 году въ Варшавѣ. У нихъ собирались: добрые старики—оба Катакази (изъ нихъ одинъ бывшій греческій посланникъ), Негри, иногда графъ Л. С. Потоцкій (сынъ перваго харьковскаго попечителя), Казначеевы и пріѣзжая изъ Москвы кн. Щ. съ промотавшимся въ пухъ мужемъ. Мужъ, по неисправной поставкѣ дровъ въ одно казенное мѣсто, скрылся, оставивъ по себѣ викарія въ лицѣ К. О., служившаго членомъ въ „мытарнѣ" (таможнѣ?). Дочь бѣдныхъ и неблагородныхъ родителей мнѣ понравилась, сколько своею прекрасною наружностію, столько и благородствомъ характера. Дружественному сближенію охотно благопріятствовала мать; свиданія наши были почти ежедневныя и обратились въ привычку. Разговоры о скучной холостой жизни и похвальной семейной чаще и чаще велись матерью, въ присутствіи дочери. Такъ минули зима, весна и лѣто. Преградъ не существовало никакихъ. Холостое общество Н. П. Ильина, Л. С. Пушкина[1]), М. А. Кологривова, кн. Васильчикова и другихъ я почти забылъ, готовясь къ семейной жизни... Но надобно же судьбѣ, чтобы викарій мужа истратилъ казенныя деньги, а находчивая его подруга открыла неожиданно ларчикъ, изъ котораго 43,000 р. были тотчасъ внесены въ кассу. Ссудившій эти деньги, нѣкогда блистательный гусаръ, а теперь благороднѣйшій старый полковникъ, въ одну недѣлю покончилъ дѣло. Богато убранную, полумертвую невѣсту изъ церкви прямо усадили въ дорожную карету, которая остановилась только въ военномъ поселеніи, гдѣ среди ночи встрѣтили молодыхъ блестящіе офицеры съ факелами. Старый мужъ денегъ никогда обратно не получилъ. Его больнаго увезли въ теплыя страны, а молоденькая жена была обречена на роль сидѣлки при паралитикѣ, до самой его смерти.

„Ахъ люди, люди злые!"...

Съ восторженною радостію привѣтствовалъ холостой кружокъ возвратившагося блуднаго сына. Давній, добрый знакомый, графъ

---

[1]) Л. С. Пушкинъ—родной братъ поэта. Кн. В. Д.

Карлъ Карловичъ Ламбертъ почасту сводилъ рѣчь на изреченіе славнаго доктора Панглоса: „все идетъ къ лучшему!" Что же касается меня, то на мою долю приходилось встрѣчать потомъ и другія прекрасныя личности, увлекавшія меня пластическою красотою. Пріятели не разъ ожидали, что мои ухаживанья за Р. Г. Л. кончатся гименеевыми узами. Но прежняго счастья я не находилъ. Видно счастье, какъ цвѣтъ Ивана-Купалы (приносящій возможность пользоваться всѣми благами на землѣ и подъ землею), дается въ руки только однажды...

Работы мои въ теченіи всего этого года шли плохо: конченныя статистическія тетради о Бессарабіи я сдалъ на руки губернатору П. И. Ѳедорову. Свѣдѣнія мои кстати пригодились Константину Ивановичу Арсеньеву, прибывшему изъ С.-Петербурга въ Бессарабскую область, по особенному порученію министерства. Два дня провелъ я съ нимъ въ Аккерманѣ и лично передалъ ему разныя свѣдѣнія, а также и карты. Арсеньевъ, возвращая ихъ (5-го сентября), писалъ: „что онѣ ему были очень полезны". Тяжелый годъ мой заключилъ я статейкою для календаря, разумѣется новороссійскаго: „Одесская городская публичная библіотека и ея успѣхи". Затѣмъ я отправился въ Москву и С.-Петербургъ, чисто для разсѣянья.

Прибывъ въ С.-Петербургъ на другой день новаго 1851 года, я, послѣ короткаго отдыха, явился въ министерство по заведенному обычаю. Новый министръ князь Ширинскій-Шихматовъ встрѣтилъ меня дружественно, разсказалъ о сдѣланной имъ поѣздкѣ въ Казань и о задуманномъ планѣ, въ курсъ университетскаго преподаванія ввести педагогію, и покончилъ приглашеніемъ бывать у него въ домѣ. Отставнаго министра графа Уварова я нашелъ въ полупараличномъ состояніи. Борьба его съ графомъ Строгановымъ кончилась обоюднымъ паденіемъ. Русское просвѣщеніе въ двухъ этихъ умныхъ и энергическихъ личностяхъ понесло огромную утрату. Маленькій кружокъ Сергѣя Семеновича Уварова въ этотъ разъ составляли: И. И. Давыдовъ, теперь директоръ педагогическаго института, и московскій профессоръ Грановскій. За обѣдомъ мы перекидывались отрывочными разговорами, а послѣ него убивали время картами. Heu mihi! Зараза эта, значитъ, не въ одномъ лицеѣ. При частыхъ свиданіяхъ съ сыномъ Сергѣя Семеновича—Алексѣемъ и съ княземъ

А. С. Сибирскимъ, я имѣлъ случай познакомиться со многими неизвѣстными мнѣ экземплярами древнихъ монетъ нашего края. Оба любителя не щадили денегъ на увеличеніе своихъ минцъ-кабинетовъ, дѣйствительно, прекрасныхъ. И все это потихоньку шло къ нимъ изъ Керчи. Своевольное преслѣдованіе находокъ и даже насильственныя отбиранія ихъ у керченскихъ жителей наглымъ Ашикомъ породили монетную контрабанду. Находки не шли въ эрмитажъ или музеи, но тайно распродавались или перетапливались; послѣднее Ашикъ дѣлалъ чаще, послѣ замѣченнаго министромъ Перовскимъ вывоза за границу керченскихъ древностей, обстоятельство, мнѣ неизвѣстное, но въ 185* году лично мнѣ переданное, въ Одессѣ, графомъ А. А. Перовскимъ. Въ этотъ разъ я нашелъ господствующею въ богатой петербургской молодежи страсть къ археологіи и нумизматикѣ. Начиная отъ самого царя, дѣятельно занимавшагося устройствомъ чудеснаго эрмитажа, министра удѣловъ графа Перовскаго, герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, всѣ (кто только желалъ попасть во дворецъ предсѣдателя археологическаго общества, гдѣ происходили частыя засѣданія членовъ) старались волею-неволею прикинуться археологомъ. Умерли Перовскій, Лейхтенбергскій и блестящее общество мало-по-малу поросло травою и мхомъ. Теперь надобно дать премію за отысканіе с.-петербургскаго археологическаго общества (1851 г.). Всѣ разбѣжались, начиная съ перваго его секретаря, ловкаго и вкрадчиваго г. Кене.

Въ это время я сблизился съ графомъ Іосифомъ Карловичемъ Ламбертомъ, вслѣдствіе письма, даннаго мнѣ его братомъ графомъ К. К. Открытый, благородный характеръ этого рыцаря чести и правды многимъ извѣстенъ. Тогда же я представлялся: великому князю Константину Николаевичу и государю наслѣднику; привѣтъ и ласка ихъ были прежніе.

Опера, вечера у старыхъ и новыхъ знакомыхъ, въ томъ числѣ у П. А. Плетнева, къ которому я имѣлъ письмо отъ Гоголя, завершали хлопотливыя утра. Отъ Плетнева я узналъ объ опалѣ, постигнувшей въ Кіевѣ Костомарова и Кулиша. Ихъ подвергли полицейскому преслѣдованію за малороссійскій сепаратизмъ [1]).

---

[1]) Это не точно. О малороссійскомъ сепаратизмѣ не могло быть рѣчи, такъ какъ Н. И. Костомаровъ никогда ему не сочувствовалъ. А Костомаровъ, Кулишъ и нѣкоторыя другія лица старались о возбужденіи взаимности

Костомарова, адъюнкта университета, сослали въ Саратовъ, на службу въ губернаторскую канцелярію, Кулиша, отправлявшагося за-границу, возвратили и помѣстили въ С.-Петербургѣ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. О всемъ этомъ писалъ мнѣ Кулишъ, не жалуясь на свою судьбу. Костомарова же я потерялъ изъ виду и встрѣтился съ нимъ уже въ 1852 году, въ Керчи, на курганныхъ раскопкахъ. Не могу не вспомнить также и того радушнаго, теплаго гостепріимства, которымъ я пользовался въ домѣ военнаго министра князя Василія Андреевича Долгорукова. Знакомство со мною началъ князь еще въ 1845 году, во время частыхъ его побывокъ въ Одессѣ. Тогда онъ состоялъ начальникомъ штаба военныхъ поселеній, въ Кременчугѣ. Жена его (урожденная графиня Сен-При) Ольга Карловна, для здоровья и для воспитанія дѣтей, жила въ Одессѣ. Два раза въ недѣлю въ ея гостиной собирались потолковать обо всемъ дѣльномъ: П. П. Титовъ, графъ М. Д. Толстой (братъ Е. Д. Лачиновой), Гавр. Ант. Катакази, Гр. Ив. Соколовъ [1]) и я. И въ С.-Петербургѣ въ гостиной министра я былъ попрежнему откровененъ и имѣлъ духъ высказать мнѣніе, что венгерская война надѣлаетъ Россіи множество враговъ. Князь промолчалъ. Показали мнѣ только что выпущенную съ монетнаго двора медаль въ память венгерской войны. И тутъ я смѣло высказался противъ рисунка медали. На другой день передавали мнѣ остроту князя Меншикова, поправившаго надпись сказанной медали вмѣсто: «съ нами Богъ!» — „Богъ съ ними!"

между малороссіянами и другими славянскими народностями, объ обмѣнѣ мыслей и взглядовъ на свою исторію и на произведенія литературъ. Символическимъ знакомъ такой взаимности были кольца съ именами Кирилла и Меѳодія — первоучителей славянства. Эти кольца послужили главнѣйшимъ пунктомъ обвиненія... едва ли не въ возбужденіи всего славянства противъ своихъ правительствъ... Въ то время мы никому не дозволяли вмѣшиваться въ наши дѣла и, въ свою очередь, строго избѣгали вмѣшательства въ дѣла, казавшіяся намъ чужими. О дѣятельности нашихъ теперешнихъ славянскихъ комитетовъ тогда не могло быть никакой рѣчи. Кн. В. Д.

[1]) Всѣ эти лица хорошо извѣстны въ одесскомъ обществѣ: П. П. Титовъ, декабристъ, братъ В. П. Титова, члена госуд. совѣта; гр. Мих. Дм. Толстой, бывшій много лѣтъ президентомъ импер. общ. сельскаго хоз. Южной Россіи; Г. А. Катакази, богатый бессарабскій землевладѣлецъ; Г. И. Соколовъ, инспекторъ Ришельевскаго лицея, женатый на сестрѣ М. М. Кирьякова. Кн. В. Д.

На возвратномъ пути въ Одессу я провелъ десять дней въ Москвѣ, въ семействѣ Лачиновыхъ, переселившихся сюда въ 1841 году. Кромѣ прежнихъ знакомствъ въ кругу ученыхъ я пріобрѣлъ новое, въ лицѣ страстнаго любителя отечественной старины князя Михаила Андреевича Оболенскаго, начальника стараго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Бѣдный М. П. Погодинъ жаловался на медвѣжью услугу Гоголя, отъ котораго я привезъ письмо. Гоголь осень и зиму 1849 г. проводилъ въ Одессѣ: обѣдали мы ежедневно вмѣстѣ и бо̀льшею частію проводили и вечера вмѣстѣ. Гоголь въ своихъ „Письмахъ" справедливо осуждалъ неизъяснимую „поспѣшность" Погодина во всѣхъ его дѣлахъ, которая ему и другимъ часто вредила. Въ Москвѣ почти всѣ свои вечера я проводилъ у А. Д. Черткова, сдѣлавшагося въ это время отчаяннымъ славянофиломъ. Начитанный, благородный старикъ даже въ этрусскихъ надписяхъ видѣлъ славянское нарѣчіе. Прежняго моего спутника Іосифа М. Бодянскаго я засталъ въ опалѣ за помѣщеніе въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей" — „Сказанія о Россіи, англичанина Флетчера". Неосмотрительнаго редактора удалили отъ секретарства по обществу и перевели въ казанскій университетъ, куда упрямый малороссіянинъ не поѣхалъ, и теперь сидитъ безъ должности. „Чтенія" замѣнены „Временникомъ" общества, а секретаремъ избранъ И. Д. Бѣляевъ. Бывъ въ одномъ засѣданіи этого общества, къ удивленію, я нашелъ его въ маленькой комнаткѣ, въ домѣ стараго университета. Кромѣ двухъ шкафовъ, наполненныхъ незначительнымъ количествомъ монетъ, вещицъ и книгъ, я ничего особаго не нашелъ въ обществѣ, возстановленномъ послѣ безумнаго Растопчинскаго пожара Москвы. Въ тридцать пять лѣтъ, кажется, можно имѣть хорошій музей! Вотъ что значитъ не имѣть своего уголка. Извѣстное дѣло, что вещи, книги и пр., переходящія отъ одного секретаря къ другому, портятся, теряются; между тѣмъ положенныя въ опредѣленный уголъ остаются цѣлыми. Вотъ вслѣдствіе-то этихъ побужденій я настоятельно хлопоталъ о построеніи для нашего одесскаго общества исторіи и древностей музея. Благодаря содѣйствію нашего почетнаго президента, князя М. С. Воронцова, выпросившаго у государя изъ заемнаго банка 4,000 рублей, на правилахъ 36-лѣтняго займа, въ 1842 году музей

былъ открытъ для публики. А теперь, благодаря добрымъ людямъ, богатства его мало-по-малу приращаются.

По случаю преждевременныхъ оттепелей, мой обратный путь сопровождался трудно-проѣзжаемою грязью, а въ Херсонской губерніи разливомъ рѣчекъ. Подъ дряннѣйшимъ изъ городовъ Бобринцемъ, переѣзжая въ бродъ черезъ р. Сугаклею и не попавъ ночью на извѣстную ямщикамъ примѣту, я едва не унесенъ былъ потокомъ воды. Всякую весну и осень бываютъ подобныя сцены, но заботливое губернское и почтовое начальства не обращаютъ на это вниманія, даже не ставятъ вѣхъ для указанія дороги. Объ этомъ я вписалъ жалобу въ жалобную станціонную книгу. Помощникъ почтъ-инспектора, поэтъ Андрей Ив. Подолинскій, наивно называетъ эти книги „альбомами для проѣзжающихъ".

Проводивъ Н. В. Гоголя на его родину, гдѣ онъ хотѣлъ въ семействѣ встрѣтить Пасху, я предался полному бездѣйствію. Во весь этотъ годъ мною владѣла какая-то умственная апатія. Вяло подвигались даже заготовленіе и просмотръ матеріаловъ для третьяго тома Записокъ. Лѣтнюю вакацію я весело и разсѣянно провелъ въ Полтавской губерніи, среди прекраснаго музыкальнаго семейства П. Г. Родзянки. Возвратясь, я нашелъ на смертномъ одрѣ душевно любимаго мною нашего вице-президента А. Ѳ. Негри. Ветхій старикъ, въ вечернюю прогулку, оступился и надломилъ себѣ ногу. Неискусное водолеченіе произвело воспаленіе въ нижней части тѣла. И только здоровая натура больнаго, вообще ведшаго правильную жизнь, подняла его съ постели. Негри былъ женатъ на родной сестрѣ братьевъ Ипсиланти, изъ которыхъ князь Александръ въ 1821 году затѣялъ неблагоразумное возстаніе этеристовъ, въ пухъ разбитыхъ турками при р. Прутѣ (по ту сторону м. Скулянъ).

Годъ этотъ закончилъ статейкою, помѣщенной въ календарѣ: „Музеумъ одесскаго общества исторіи и древностей"; это коротенькій указатель пріобрѣтеній, сдѣланныхъ въ теченіе одиннадцати лѣтъ.

Найденная рукопись въ библіотекѣ князя Воронцова: „Исторія о казакахъ запорожскихъ, какъ оные издревле зачалися и откуда свое происхожденіе имѣютъ", представленная мною на просмотръ князя Михаила Семеновича въ Тифлисъ, была

пополнена многими примѣчаніями С. В. Сафонова, и въ этомъ же 1851 г. издана на счетъ общества. Авторъ ея, инженеръ-прапорщикъ князь Мышецкій, былъ посланъ въ 17.... для узнанія Сѣчи. Книжечка эта служила дополненіемъ прежде изданныхъ мною, въ 1842 году, „Устныхъ повѣствованій бывшаго запорожца Л. Коржа". Столѣтній старецъ кончилъ свои дни въ архіерейскомъ домѣ архіепископа екатеринославскаго Гавріила; преосвященный, вмѣстѣ съ ректоромъ семинаріи, Іаковомъ (впослѣдствіи архіепископомъ нижегородскимъ), записали слово въ слово разсказы Коржа и, такимъ образомъ, обогатили исторію новороссійскаго края драгоцѣннымъ матеріаломъ. Рукопись эта, ходя по рукамъ, достигла г. С — скаго, который, не спрося согласія архіепископа, позволилъ себѣ передѣлать ее и напечатать въ журналѣ „Министерства народнаго просвѣщенія". Но первый редакторъ, недовольный такою продѣлкою, упросилъ меня издать разсказъ, какъ онъ говорилъ, „въ собственномъ тонѣ очевидца-разсказчика".

XXVII.

Пріѣздъ въ Одессу гр. Л. А. Перовскаго (1852 г.).—Его отзывъ о раскопкахъ, производившихся Ашикомъ. — По приглашенію гр. Перовскаго, Н. Н. Мурзакевичъ отправляется въ Крымъ.—Раскопки въ Керчи.—Путешествіе на верблюдахъ въ Перекопъ.—Письмо гр. Л. А. Перовскаго, по поводу замѣчательныхъ археологическихъ находокъ въ Тамани.—Встрѣча въ Одессѣ съ М. Н. Муравьевымъ; его неудовольствіе противъ попечителя лицея Бугайскаго.—Смерть Г. И. Соколова.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1852 г. посѣтилъ Одессу, грозный для чиновничества, министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Л. А. Перовскій. При обозрѣніи лицея, онъ зашелъ ко мнѣ на лекцію русской исторіи, послѣ которой познакомился со мною. Одинъ изъ вечеровъ, проведенныхъ со мною, посвященъ имъ былъ на разсказъ о разныхъ продѣлкахъ въ Керчи г. Ашика и его зятя, лекаря Арпы (мальтійца), рѣшившихся отнять честь открытія въ Керчи двухъ древнихъ греческихъ мраморныхъ статуй, случайно найденныхъ однимъ мѣщаниномъ... Ашикъ, давно проживавшій въ Одессѣ, въ изданныхъ брошюрахъ, русской и французской, оповѣщалъ Европу, что находка предъуказана

имъ, а Арпа приписывалъ ее себѣ. Графъ Л. А. Перовскій, произведя разслѣдованіе на мѣстѣ и обнаруживъ наглый обманъ и хищеніе, все это опубликовалъ въ журналѣ своего министерства, а Ашика уволилъ отъ должности директора керченскаго музея. Множество различныхъ поступковъ вандализма и высылки древностей за границу пересказалъ мнѣ графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій. Какъ я прежде упоминалъ, дѣло раскрытія кургановъ для науки было потеряннымъ. Надлежало подумать о спасеніи остальнаго. А. Е. Люценко, инженеръ путей сообщенія, мой знакомый по Тифлису, былъ назначенъ директоромъ и музея, и всѣхъ курганныхъ раскопокъ. Для руководства ему былъ данъ планъ, въ которомъ точно обозначено систематическое вскрытіе гробницъ, съ сопровожденіемъ подробной описи находокъ. Спутниками министра въ эту поѣздку были г. Надеждинъ и князь А. А. Сибирскій. Вслѣдствіе приглашенія графа побывать вмѣстѣ съ нимъ въ Крыму, я, по окончаніи студенческихъ экзаменовъ въ лицеѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ, отправился на пароходѣ въ Евпаторію, надѣясь застать его еще здѣсь; но наканунѣ моего пріѣзда онъ уѣхалъ на Сакскія цѣлебныя грязи, а оттуда къ себѣ, въ южнобережское имѣніе Меласъ. Зная, что графъ прибудетъ въ Керчь, я отправился туда; но неизвѣстныя мнѣ причины заставили его прожить долѣе въ Меласѣ. Осмотрѣвъ всю окрестность классической Керчи, я присутствовалъ при вскрытіи нѣкоторыхъ кургановъ градоначальникомъ, княземъ Дм. Ив. Гагаринымъ. Въ одной изъ изсѣченныхъ въ крѣпкой глинѣ гробницъ, ниже горизонта земли, была открыта деревянная гробница, съ изящными лѣпными орнаментами, но лишь только внѣшній воздухъ коснулся гробницы, все налѣпленное свернулось въ комочки и исчезло такъ мгновенно, что даже проворная рука опытнаго рисовальщика не могла охватить общности рисунка. Тутъ я вспомнилъ и понялъ миѳическій разсказъ объ освобожденіи Орфеемъ изъ нѣдръ аида своей жены Эвридики. Изъ Керчи я вернулся снова въ Евпаторію и отсюда, нанявъ татарскую арбу о двухъ верблюдахъ, въ полномъ татарскомъ комфортѣ, направилъ путь прямо степью на Перекопъ. Переѣздъ мой совершился въ два дня, съ ночлегами. Ночью, ѣдучи, я не понималъ, какъ мой возница (арбаджи) не сбивается съ дороги; но присматриваясь изъ-подъ холстянаго навѣса кибитки къ степной

пустынѣ, я примѣтилъ одну звѣздочку, которая во всю ночь не выходила изъ мысленно намѣченной мною линіи. Сообщивъ объ этомъ, утромъ, татарину, я получилъ отъ него подтвержденіе моей догадки, что путь свой, днемъ, они направляютъ по небольшимъ курганчикамъ, а ночью по нѣкоторымъ неподвижнымъ звѣздамъ. Вечеромъ, не доѣзжая еще верстъ 15 до Перекопа, мнѣ показалось, что онъ отстоитъ всего версты на двѣ. Это было дѣйствіе «миража», который сближаетъ большія разстоянія, а кустарные бурьяны превращаетъ въ лѣса; нерѣдко впадина представляется озеромъ, а пасущіеся верблюды и скотъ принимаютъ образъ какихъ-то фантастическихъ животныхъ. Осмотрѣвъ перекопскій валъ и разбираемую турецкую крѣпостцу у Сиваша, я пустился на перекладной, по гладкой долинѣ, къ Херсону, и проѣхавъ двѣ особенно песчаныя станціи, добрался до Алешекъ, древняго Олешья, торговаго пути „изъ Руси въ Грекы“, т. е. къ византійскому Херсону, коего слѣды замѣтны и теперь въ двухъ верстахъ отъ Севастополя. Въ Херсонѣ обѣщанныхъ документовъ времени Потемкина я не нашелъ; но вмѣсто ихъ получилъ отъ Л. А. Перовскаго письмо, въ которомъ онъ, отъ 17-го августа изъ Симферополя, писалъ слѣдующее:

— „Полагаю, что для васъ не безъинтересно будетъ знать, что во время раскрытія, въ присутствіи моемъ, гробницъ на Таманьскомъ полуостровѣ, близь станціи Сѣнной, тамъ, гдѣ предполагается мѣстоположеніе древней Фанагоріи, въ одной изъ этихъ гробницъ, очевидно женской, посчастливилось сдѣлать замѣчательныя находки. Въ томъ числѣ особеннаго вниманія заслуживаютъ двѣ глиняныя статуетки, покрытыя алебастромъ, съ остатками красокъ и позолоты, изъ коихъ одна представляетъ геній жизни и смерти, а другая молодаго Бахуса; обѣ онѣ, принадлежащія къ лучшимъ этого рода произведеніямъ древняго искусства, примѣчательны еще тѣмъ, что вынуты изъ земли въ сохранности, какой никакъ нельзя было ожидать, такъ какъ гробница, сдѣланная изъ нежженаго кирпича, обвалилась, и отъ того внутренность ея вся до верху была засыпана землею. Кромѣ сего найдены тутъ: еще двѣ статуетки, изображающія, повидимому, вакханокъ; головной уборъ, въ видѣ діадемы, составленный изъ золотыхъ бляшекъ съ разными изображеніями и къ тому же убору принадлежащіе два массивныхъ золотыхъ аграфа

въ видѣ змѣекъ; ожерелье изъ золотыхъ бусъ и множество другихъ, болѣе или менѣе примѣчательныхъ, подробностей древняго костюма и погребальныхъ потребностей. Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр. P. S. Считаю не излишнимъ присовокупить еще для вашего свѣдѣнія, что, проѣзжая изъ Керчи чрезъ Θеодосію, я узналъ о недавнемъ открытіи тамъ слѣдовъ древней стѣны и башенъ, которыя должны, повидимому, принадлежать древней Эллинской Θеодосіи. Графъ Л. Перовскій".

Это письмо, изъ числа другихъ, я помѣщаю для того, чтобы обличить злоупотребленія, бывшія при Ашикѣ и Корейшѣ. Они, въ официальныхъ донесеніяхъ, почти постоянно доносили, что многочисленные разрытые ими курганы, около Сѣнной, были безплодны. Съ своей стороны я доставилъ графу Перовскому дублеты отысканныхъ въ мою бытность въ Керчи мѣдныхъ монетъ воспорскаго архонта Асандра и нѣсколько другихъ.

По возвращеніи въ Одессу я встрѣтилъ на бульварѣ пріѣхавшаго изъ С.-Петербурга директора межеваго департамента, Михаила Николаевича Муравьева, въ то же время и вицепрезидента русскаго географическаго общества. Какъ знакомый, представленный ему въ С.-Петербургѣ Константиномъ Ивановичемъ Арсеньевымъ, я представился ему и здѣсь, и отъ него узналъ, что онъ прибылъ съ цѣлію, чтобы присоединить къ математическому отдѣленію лицея предполагаемое имъ къ учрежденію отдѣленіе межевщиковъ, необходимыхъ для окончанія размежеванія Бессарабіи, размежеванія, тянущагося около тридцати лѣтъ....

Во время продолжительнаго его пребыванія въ Одессѣ мнѣ привелось неоднократно слышать его неудовольствіе на попечителя лицея, Бугайскаго, какъ за неудовлетворительное и несвоевременное доставленіе требуемыхъ отъ него свѣдѣній, такъ и за объясненія съ нимъ въ нетрезвомъ видѣ. Часто онъ говорилъ и о распущенности студентовъ, которая, дѣйствительно, начинала выходить изъ границъ терпимости. Система профессорскаго протектората, приносящаго скорые и хорошіе плоды, въ это время была сильно развита. Добросовѣстный инспекторъ Соколовъ оставилъ лицей около года тому назадъ, а съ его выходомъ молодежь осталась совершенно предоставленною самой себѣ. Изнурительное кровотеченіе, перешедшее въ быструю чахотку,

скоро свело въ могилу Григорія Ивановича Соколова; сожалѣніе объ умномъ, честномъ, дѣятельномъ и благотворительномъ человѣкѣ было общее. Архіепископъ Инокентій, изъ любви къ покойному, совершалъ погребеніе, а признательные студенты отнесли тѣло его на отдаленное отъ города кладбище. Къ сожалѣнію, рѣдкія умственныя и сердечныя способности этого человѣка заглушались его страстью къ картамъ, впрочемъ, не для выигрыша, но чтобы убить время въ многолюдствѣ, которое онъ страстно любилъ [1]).

XXVIII.

Внезапная ревизія Ришельевскаго лицея товарищемъ министра А. С. Норовымъ.—Общая паника въ лицеѣ.—Увольненіе отъ должности помощника попечителя и директора лицея. Назначеніе директоромъ лицея Н. Н. Мурзакевича (1852—53 гг.).—Ближайшіе поводы ревизіи лицея.—Непосредственные ея результаты, благопріятно отразившіеся въ мѣстномъ обществѣ.

Углубившись въ редакцію третьяго тома Записокъ, утромъ 7-го декабря (1851 г.) я былъ отвлеченъ отъ моихъ занятій повѣсткою изъ правленія лицея, приглашавшею меня, вмѣстѣ съ другими, явиться, въ полдень, къ товарищу министра народнаго просвѣщенія А. С. Норову. Онъ прибылъ въ Одессу, вечеромъ, 6-го числа, неожиданно для всего учебнаго начальства. „Трусъ велій бысть“ въ лицеѣ. Вопросы: зачѣмъ? для чего? предлагались всѣми и ни кѣмъ не разрѣшались. На оффиціальное представленіе пріѣзжему ревизору попечитель Бугайскій опоздалъ и при представленіи профессоровъ не могъ сказать о многихъ, какихъ предметовъ они состоятъ преподавателями. Директоръ лицея растерялся до жалости. Не понимаемъ и доселѣ: для чего г. Норовъ пересматривалъ, по списку, рѣшительно всѣхъ студентовъ; между тѣмъ это заняло цѣлое утро. Засимъ начались хожденія ревизора па всѣ лекціи. У меня былъ на двухъ лекціяхъ и на одномъ повтореніи пройденнаго студентами курса Бѣдный профессоръ всеобщей исторіи, Ф. К. Брунъ, едва дочиталъ свою лекцію.... Будучи меланхолическаго, сосредоточеннаго

---

[1]) Біографія его помѣщена въ „Записк. Одес. Общ. Ист. и Др.“ Н. М.

характера, онъ, прійдя домой, хватилъ себя бритвой по рукѣ; къ счастію, разрѣзъ пришелся неглубоко и своевременныя медицинскія пособія спасли его. Несчастный зналъ за собою нѣкоторыя послабленія относительно студентовъ; но онъ былъ, по баснѣ Эзоповой, тотъ волъ, который захватилъ клочекъ жертвеннаго сѣна. По вечерамъ инквизиторъ по одиночкѣ призывалъ къ себѣ каждаго профессора. Разспрашивалъ, мылъ голову нѣкоторымъ и покончилъ, наконецъ, тѣмъ, что по данной ему власти, 17-го декабря, рано утромъ, я получилъ увѣдомленіе попечителя слѣдующаго содержанія. „При настоящемъ обозрѣніи Ришельевскаго лицея и состоящей при немъ гимназіи съ благороднымъ пансіономъ г. товарищъ министра народнаго просвѣщенія удостовѣрился въ необходимости дать симъ заведеніямъ иное направленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ его п—во, полагая завѣдывающаго нынѣ Ришельевскимъ лицеемъ помощника моего уволить отъ управленія какъ лицеемъ съ гимназіею и благороднымъ при ней пансіономъ, такъ и прочими подвѣдомственными ему нынѣ учебными заведеніями, и впредь, до особаго распоряженія, поручить управленіе это вамъ,—въ предписаніи 16-го декабря № 7 требуетъ распоряженія моего, какъ объ увольненіи г. N. отъ управленія лицеемъ съ прочими заведеніями, такъ и о порученіи сего управленія вамъ. На семъ основаніи, предложивъ правленію Ришельевскаго лицея объ увольненіи г. N. отъ управленія лицеемъ и прочими заведеніями и сообщая вамъ о семъ, поручаю немедленно принять такое управленіе на себя, на законномъ основаніи, и о времени вступленія въ управленіе и принятіи всего на законномъ основаніи донести мнѣ“.

Давъ г. N. три дня сроку, на сдачу должности, 20-го декабря я вступилъ въ многотрудную обязанность. Не имѣвъ охоты быть бюрократомъ и никогда къ тому не готовясь, я откровенно высказался г. Норову, что если въ теченіи года не возмогу направить дѣло на ладъ, то откажусь. Труды предстояли серьезные, тяжкіе, а вознаграждающія все это матеріальныя выгоды были ничтожныя. Директорское жалованье, съ пенсіонерною прибавкою, едва достигало 2,000 руб., тогда какъ эту сумму я сполна имѣлъ отъ профессуры и библіотеки съ городскимъ музеемъ.

Обозрѣвая учебныя заведенія вмѣстѣ съ А. С. Норовымъ, я нашелъ бо́льшую часть ихъ въ жалкомъ состояніи. Хуже всѣхъ

оказались дѣвичьи пансіоны: тамъ дурно учили, еще хуже кормили, зимою рѣдко топили комнаты и позволяли многое „недозволяемое“. Въ этомъ отношеніи содержательница такъ называемаго „образцоваго пансіона“, получавшаго пособіе отъ города, Р—нова, всѣхъ превзошла. У нея несчастныя дѣвочки свободно отпускались на холостыя вечеринки. Русскій языкъ и Законъ Божій всюду замѣтно были ослаблены. Реформаты, протестанты и католики прозелитствовали надъ русскими дѣтьми безпрекословно; одни евреи были недоступны для новиціата.

Вся эта гроза, разрѣшившаяся сильнымъ переворотомъ, произошла отъ слѣдующихъ причинъ. Неизвинительныя послабленія студентамъ лицея, дѣланныя профессорами, вслѣдствіе лихоимства, исподоволь стали проникать и въ гимназію. Два учителя: В—въ, русскаго языка, и Д—скій, латинскаго, первые высказали свою ловкость въ опустошеніи кармановъ польскихъ панычей, не пренебрегая и карманными часами. Попечителемъ Бугайскимъ оба молодца были уволены изъ училищнаго вѣдомства. Долинскій поступилъ на полицейскую службу въ Бессарабіи, а другъ его остался безъ занятій. Въ одно прекрасное утро Воршевъ и Долинскій подаютъ записку исправляющему должность новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора Ѳедорову о дурномъ направленіи, даваемомъ въ Одессѣ дѣтямъ польскаго происхожденія, о предоставленной полякамъ свободѣ имѣть свои частные пансіоны и польскихъ учителей, и о пренебреженіи обученія русскому языку. Разумѣется, записка пошла въ ходъ. Съ другой стороны адъюнктъ лицея, отъявленнѣйшій взяточникъ, писатель студентамъ, за деньги, курсовыхъ сочиненій, сочинитель ябедъ и всякаго качества просьбъ, также съ своей стороны послалъ въ министерство доносъ, въ подобномъ духѣ съ Воршевымъ и Долинскимъ. Неудовольствіе генерала М. Н. Муравьева на пьяненькаго Бугайскаго, вѣроятно, переданное набожному министру, князю Ширинскому, вынудило его къ принятію крутой мѣры. И, такимъ образомъ, по высочайшему повелѣнію, налетѣлъ Авраамъ Норовъ, нѣкогда сладострастный [1]) авторъ „Путешествія по Сициліи, въ 1822 г.“, а теперь (1851 г.) паломникъ

---

[1]) См. его Путешествія, томы: I, стр. 66, 71, 83, 91, 123, 170, 184, 189, 219; II, стр. 9, 10, 29, 39, 59, 121, 133. Н. М.

и авторъ описанія Святой Земли; безногій, добрый, но крайне разсѣянный старикъ, слушалъ всякія наушничества одесскаго жандармскаго штабъ-офицера, тѣмъ не менѣе, въ числѣ многихъ распоряженій Норова было одно, которое на всѣхъ жителей сдѣлало хорошое впечатлѣніе: это воспрещеніе профессорамъ лицея давать студентамъ и поступающимъ въ студенты частные уроки, а также тѣхъ и другихъ держать у себя пансіонерами. Мѣра для ученаго сословія обидная, но не отклоненная попечителемъ, заботившимся только о самосохраненіи, и при томъ до такой степени, что онъ даже отрекся отъ многихъ своихъ распоряженій, словесно данныхъ своему покорнѣйшему слугѣ, помощнику попечителя и директору лицея...

Никол. Никиф. Мурзакевичъ.

Примѣчаніе. Здѣсь оканчиваются Записки Николая Никифоровича Мурзакевича. Въ бумагахъ, намъ сообщенныхъ его наслѣдникомъ и племянникомъ имѣются еще записныя тетрадки покойнаго, а также большая переписка вице-президента Новороссійскаго Общества исторіи и древностей, но все это—это лишь матеріалъ, болѣе или менѣе цѣнный, къ его біографіи, печатать же ихъ вслѣдъ за Записками непосредственно не представляетъ интереса. Ред.

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОЛОВНИНЪ

въ его заботахъ

о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи въ родовомъ селѣ Гулынки, Пронскаго уѣзда, Рязанской губ.

«Теперь, когда такъ мало встрѣчается отраднаго въ жизни, еще болѣе цѣнишь хорошія явленія».

Слова А. В. Головнина въ письмѣ 20-го февраля 1882 г.

Передъ нами 227 писемъ извѣстнаго государственнаго дѣятеля покойнаго А. В. Головнина († 3-го ноября 1886 г.) къ школьному учителю въ селѣ Гулынкахъ (Рязанской губ., Пронскаго уѣзда) Н. С. Федотьеву и, кромѣ того, нѣсколько печатныхъ брошюръ, изданныхъ Головнинымъ, не для продажи, касающихся различныхъ учрежденій въ его родовомъ селѣ. Изученіе этихъ писемъ, почти исключительно дѣловаго характера, и этихъ брошюръ, въ примѣненіи къ живому и труднѣйшему дѣлу народнаго просвѣщенія, рисуетъ воображенію стройную и поучительную картину жизни русской народной школы, вполнѣ удовлетворяющей своему назначенію, главнымъ образомъ, благодаря заботамъ о ней и руководительству со стороны истинно-просвѣщеннаго государственнаго и общественнаго дѣятеля. Вмѣстѣ съ тѣмъ, письма эти весьма ярко обрисовываютъ симпатичный обликъ самаго учредителя и руководителя школы, возбуждая, и въ этомъ случаѣ, то глубокое къ нему уваженіе, которое, по справедливости, отъ всѣхъ истинныхъ патріотовъ заслужилъ

въ своей многосторонней государственной дѣятельности этотъ замѣчательный человѣкъ.

Вмѣсто простаго печатанія всѣхъ писемъ и дополненій изъ брошюръ, мы попытаемся, по приглашенію уважаемаго редактора „Русской Старины", дать общій очеркъ возникновенія, жизни и значенія благотворительныхъ и учебныхъ учрежденій покойнаго А. В. Головнина, по возможности не утомляя читателя однообразіемъ матеріала и въ то же время строго держась его для фактической достовѣрности. Пусть наша скромная попытка возстановить для читателей „Русской Старины" картину 25-лѣтія жизни вполнѣ образцовой русской народной школы и тѣсно связанныхъ съ нею другихъ учрежденій, послужитъ новымъ поводомъ къ тому, чтобы съ благодарнымъ вниманіемъ отнестись къ прошедшему, въ назиданіе для будущаго.

Н. Н. Куликовъ.

I.

Общія свѣдѣнія о селѣ Гулынкахъ, о его владѣльцахъ и населеніи ко времени учрежденія школы.

Рязанской губерніи, Пронскаго уѣзда, Соболевской волости, село Гулынки, находящееся на 54° 14′ с. широты, 40° 0′ вост. долготы (отъ Гринвича), 305,2 фута надъ уровнемъ моря [1]), расположено на берегу рѣки Истьи, притокѣ Оки, въ 6 верстахъ отъ станціи Вороново-Старожилово Рязанско-Козловской желѣзной дороги; на Гулынской же землѣ впадаютъ въ Истью два притока, Меча и Серебрянка. Рѣка Истья несудоходна и во многихъ мѣстахъ перегорожена плотинами для мукомольныхъ мельницъ. Населеніе въ 1860 году, за три года до открытія школы, состояло изъ 65 дворовъ, крестьянъ мужскаго пола 360, женскаго пола 375 душъ (735 душъ) [2]); всѣ великоруссы, право-

---

[1]) Лѣтопись главной физической обсерваторіи 1871 г.

[2]) Описаніе Рязанской губ. Барановича. 1860 г.
Нынѣ муж. пола—422, женск. пола—407 душъ [829 душъ].

славнаго вѣроисповѣданія; въ этой мѣстности не было ни иновѣрцевъ, ни раскольниковъ или сектантовъ, ни тайныхъ, ни явныхъ. Изъ наблюденій надъ населеніемъ села Гулынки и другихъ окрестныхъ селъ и деревень опытныя лица составили заключеніе, что оно отличалось чрезвычайною болѣзненностью, общимъ худосочіемъ и слабостью сложенія; при этомъ почти всѣ женщины страдали послѣдствіями невѣжественнаго обращенія мѣстныхъ повитухъ съ роженицами; здоровыхъ и рослыхъ было весьма мало; населеніе мельчало болѣе и болѣе. Кромѣ многихъ общихъ причинъ физическаго упадка крестьянскаго населенія (постоянные наборы при продолжительной службѣ солдата, невѣжество крестьянъ относительно гигіены, дурныя жилища и пища, излишнее употребленіе хлѣбнаго вина и т. д.), относительно Гулынскихъ крестьянъ дѣйствовало вредно на здоровье и причиняло частыя лихорадки мѣстное положеніе населенія на болотистой низменности и вредная мѣстная вода (при слабомъ теченіи и маломъ наклоненіи мѣстныхъ рѣчекъ). Нѣкоторому возвышенію матеріальнаго благосостоянія части Гулынскихъ крестьянъ, сравнительно съ сосѣдними селеніями, содѣйствовала во время крѣпостнаго состоянія легкая барщина и небольшіе оброки при постоянномъ почти отсутствіи помѣщиковъ и, особенно, то обстоятельство, что въ селѣ Гулынкахъ, расположенномъ на большой астраханской дорогѣ, останавливались шедшіе въ Москву обозы съ хлѣбомъ и разными товарами и гурты, которые кормились въ Гулынкахъ и имѣли тамъ водопой. По отзыву А. В. Головнина, „въ такомъ небольшомъ селеніи, какъ Гулынки, при полномъ поземельномъ надѣлѣ и мірскихъ оброчныхъ статьяхъ (мірскіе огороды, кузница, питейный домъ) и заработкахъ на желѣзной дорогѣ, не должно быть нищихъ, питающихся подаяніемъ“. Къ этому мы добавимъ, по свѣдѣніямъ изъ писемъ, что кромѣ указанныхъ благопріятныхъ удобствъ для населенія,—бурмистръ села имѣлъ разрѣшеніе отъ А. В. Головнина раздавать въ мѣсяцъ 35 руб. людямъ, не могущимъ работать, и сиротамъ. Съ другой стороны, постоянные пріѣзжіе въ крестьянскихъ домахъ и на дворахъ пріучали крестьянъ къ лѣни, трактирной жизни у себя дома, пьянству и, доставляя нѣкоторыя матеріальныя выгоды, вредили нравственно. Постоянная толпа проѣзжихъ заносила также разныя болѣзни. Много Гулын-

скихъ крестьянъ и сами занимались извозомъ (до постройки Рязанско-Козловской желѣзной дороги), ѣзжали въ Астрахань, Москву и Одессу, вели трактирную жизнь по большимъ дорогамъ и приносили домой также разныя болѣзни. „Продолжительные посты соблюдались народомъ, какъ говоритъ составитель печатной замѣтки о Гулынскихъ учрежденіяхъ, несравненно строже, чѣмъ правила нравственныя“ [1]). Пьянство развито было весьма сильно и для населенія Гулынокъ было уже издавнымъ недугомъ. Еще въ 1820-мъ году, по запискамъ отца А. В. Головнина, въ бытность самого помѣщика въ селѣ, въ началѣ ноября мѣсяца,—нѣкоторые гулынскіе крестьяне замерзали въ канавѣ, куда сваливались пьяные. Относительно медицинской помощи, село Гулынки находилось тоже въ печальномъ положеніи. Крестьяне ходили за помощью въ недугахъ лишь къ сосѣдней помѣщицѣ сельца Кожухова, почтенной старушкѣ Екатеринѣ Васильевнѣ Ивашинцевой, которая, ласково ихъ принимая и терпѣливо ихъ выслушивая, давала имъ простыя домашнія безвредныя средства, и это продолжалось даже тогда, когда уже ѣздилъ разъ въ недѣлю, по приглашенію Гулынскаго помѣщика А. В. Головнина, съ 1853 г., врачъ съ Истьинскаго чугуннаго завода Полторацкихъ, для безплатнаго леченія крестьянъ; эти посѣщенія вскорѣ прекратились собственно по недовѣрію населенія къ врачу.

О селѣ Гулынкахъ и Гулынской деревенской церкви упоминается еще въ Рязанскихъ писцовыхъ книгахъ въ 1628 и 1629 г., какъ о собственности стольника Игнатія Глѣбова сына Вердеревскаго. Церковь построена и освящена въ 1727 г. стараніями Петра Космина сына Вердеревскаго (надпись на доскѣ, при входѣ въ старую Гулынскую церковь). Внучкѣ упомянутаго строителя церкви, Александрѣ Ивановнѣ Вердеревской, досталось по наслѣдству гулынское имѣніе. Отъ ея брака съ Михаиломъ Васильевичемъ Головнинымъ родился сынъ, знаменитый мореплаватель, вице-адмиралъ Василій Михайловичъ Головнинъ († 30-го іюня 1831 г.); отъ брака его съ Авдотьей Степановной Лутковской родился Александръ Васильевичъ Головнинъ († 3-го ноября

---

[1]) Замѣтки о лечебницѣ для приходящихъ и о двухъ начальныхъ училищахъ при селѣ Гулынкахъ. Спб. 1874.

1886 г.), съ именемъ котораго тѣсно связано благосостояніе населенія въ его родномъ селѣ и преуспѣяніе созданныхъ имъ учрежденій. Къ числу ихъ относятся:

1) Каменный храмъ, сооруженный на его средства въ 1865 г., и часовня для покойниковъ.

2) Начальное училище для мальчиковъ, основанное въ 1863 г. и помѣщенное впослѣдствіи въ особомъ каменномъ зданіи съ квартирами для двухъ учителей. При училищѣ—двѣ библіотеки, физическій кабинетъ и всевозможныя пособія, метеорологическая станція.

3) Начальное училище для дѣвочекъ въ особомъ деревянномъ домѣ (основанное въ 1870 г.).

4) Пріютъ для грудныхъ и малолѣтнихъ дѣтей сельскихъ работницъ (основанъ въ 1860 году, нынѣ не существуетъ).

5) Лечебница и родильный пріютъ и баня; при нихъ—врачъ, акушерка, фельдшерица.

Вспоминая о такой благотворной дѣятельности А. В. Головнина на пользу Гулынскаго населенія, одинъ изъ его друзей и почитателей, М. И. Семевскій, такъ характеризуетъ истинный смыслъ и значеніе его благотвореній:

— „Немедленно по освобожденіи крестьянъ, именно тогда, когда громадное большинство помѣщиковъ, когда-либо и что-либо дѣлавшихъ для своихъ крестьянъ, прекратили поддержку, въ своихъ имѣніяхъ, различныхъ, нѣкогда учрежденныхъ ими, благотворительныхъ учрежденій, А. В. Головнинъ, напротивъ того, усилилъ, развилъ и увѣковѣчилъ плоды своей высоко-благотворительной дѣятельности по отношенію къ прежнимъ своимъ крестьянамъ; и все это продолжалось не годъ, не два, не въ пору только увлеченій различными благотворными вѣяніями, каковыя увлеченія отличали нѣкоторыхъ русскихъ людей 1860-хъ и начала 1870-хъ годовъ,—нѣтъ, со стороны А. В. Головнина, это продолжалось всю его жизнь, до самаго того времени, когда смерть смежила очи этого истинно-русскаго человѣка и патріота въ самомъ возвышенномъ значеніи сего слова“ [1]. Вспоминая о благотворительной дѣятельности покойнаго въ день празднованія 25-лѣтія

---

[1]) „Русская Старина“ изд. 1 37 г., т. LIII, мартъ, стр. 767 — 790 и слѣдующія.

учрежденной имъ школы, почтенный законоучитель школы, священникъ В. Д. Ярустовскій, между прочимъ, сказалъ: „Поистинѣ, отрадно видѣть любовь, всецѣло полагающую счастіе сердца въ томъ, чтобы съ высоты своего званія распространять лучи милосердія на всѣхъ и на все!“

II.

Заботы А. В. Головнина о религіозно-нравственномъ просвѣтленіи крестьянъ.—Гулынскія церкви.

Какъ истинный христіанинъ и педагогъ, А. В. Головнинъ тѣсно связывалъ умственное и нравственное преуспѣянія населенія родоваго своего села съ поддержаніемъ и укрѣпленіемъ въ немъ религіозныхъ чувствъ. Для этой цѣли, на ряду съ другими учрежденіями, онъ потратилъ много заботъ и расходовъ на сооруженіе и поддержаніе новаго храма и на всѣ статьи божественнаго въ немъ служенія.

Старая деревянная церковь во имя Собора Пресвятыя Богородицы и преподобнаго Варлаама, построенная еще въ 1727 г. предкомъ А. В. Головнина, Вердеревскимъ, была поддерживаема преимущественно потомками строителя, а также мѣстными помѣщиками и самими крестьянами.

Замѣтивъ, что эта церковь оказалась уже недостаточною по числу населенія и очень холодна, А. В. Головнинъ на собственныя средства построилъ (въ 1863—1865 гг.) новый каменный храмъ и спабдилъ его всѣмъ необходимымъ для богослуженія (освященъ 17 апрѣля 1865 г., въ день рожденія государя императора Александра Николаевича). Воздвигая въ родовомъ селѣ этотъ новый храмъ, въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, А. В. Головнинъ, какъ онъ самъ говоритъ [1]), „былъ при этомъ проникнутъ мыслью, что если, съ одной стороны, манифестъ 19 февраля 1861 года оказывалъ величайшее благодѣяніе крестьянамъ, выводя ихъ изъ положенія

[1]) Замѣтка о двухъ церквахъ при селѣ Гулынкахъ. 1873 г. Спб. Напечатана для гулынскихъ прихожанъ.

рабовъ, унижающаго нравственное достоинство человѣка, признавая за ними права свободныхъ гражданъ и даруя имъ поземельную собственность, то, съ другой стороны, тотъ же законодательный актъ приноситъ большое добро и помѣщикамъ, устраняя отъ нихъ значеніе рабовладѣльцевъ и не допуская долѣе господства произвола, унижающаго и растлѣвающаго нравственную природу того человѣка, который произволомъ надъ личностью другаго человѣка пользовался“.

Гулынская каменная церковь во имя Св. Троицы построена въ древнемъ византійско-русскомъ стилѣ, въ видѣ креста, съ соблюденіемъ всѣхъ современныхъ архитектурныхъ условій и требованій. Для составленія проекта, А. В. Головнинъ посылалъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, рязанскому архитектору С. А. Щеткину—рисунки разныхъ старинныхъ русскихъ церквей съ своими замѣчаніями, а составляемые Щеткинымъ рисунки показывалъ извѣстнымъ петербургскимъ архитекторамъ. Запрестольный образъ Воскресенія Христова въ настоящую величину сдѣлалъ для церкви знаменитый художникъ Нефъ, которому А. В. Головнинъ подалъ мысль изобразить событіе Воскресенія безъ обыкновенной обстановки падающихъ и бѣгущихъ римскихъ воиновъ въ блестящихъ пестрыхъ одеждахъ,—но изобразить Спасителя, возносящагося отъ тьмы къ свѣту, отъ земли къ небу и благословляющаго эту землю, гдѣ онъ пострадалъ, чтобы вызвать ее изъ мрака невѣдѣнія и злобы къ свѣту своего ученія и любви, причемъ все стараніе художника должно было обратиться на выраженіе лица воскресшаго Богочеловѣка. Съ этого образа, въ которомъ художникъ, по отзыву А. В. Головнина, превосходно передалъ вышесказанныя мысли,—написана копія масляными красками, подъ наблюденіемъ самого Нефа, нынѣ находящаяся въ Сергіевскомъ монастырѣ близъ Петербурга [1]). Въ церкви есть образа, пожертвованные его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ въ 1864 г. и ея императорскимъ высочествомъ великою княгинею Еленою Павловною въ 1865 г., и два образа, изготовленные на Мюнхенской

---

[1]) Петербургскій эстампный магазинъ Фельтена изготовилъ въ Парижѣ превосходную гравюру этого образа и фотографическія изображенія въ разную величину. Н. К.

королевской фабрикѣ по рисункамъ академика, нынѣ профессора и почетнаго члена императорской академіи художествъ, Ѳ. Г. Солнцева. Снаружи на стѣнахъ храма находятся около 20 надписей изъ священнаго писанія, сдѣланныя по выбору и желанію строителя въ томъ намѣреніи, чтобы крестьяне, собирающіеся около церкви обыкновенно задолго до начала богослуженія, читали оныя, неграмотные-же—слушали чтеніе своихъ грамотныхъ дѣтей. Насколько населеніе дорожитъ грамотностью, какъ средствомъ для чтенія божественныхъ книгъ,—видно, между прочимъ, изъ письма гулынскаго крестьянскаго общества къ А. В. Головнину, написаннаго по случаю десятилѣтняго существованія гулынской мужской школы (1873 г.); въ этомъ письмѣ міръ благодаритъ учредителя школы именно за то, что дѣти читаютъ родителямъ св. писаніе.

Составъ гулынскаго прихода въ 1873 г. (по оффиціальнымъ даннымъ) представлялъ слишкомъ 1,200 человѣкъ, въ томъ числѣ—крестьянъ въ двухъ селахъ и двухъ деревняхъ—1,043 чел.; помѣщиковъ, бывшихъ дворовыхъ людей и временно-проживающихъ лицъ другихъ сословій — около 140 чел. Разстояніе отъ мѣста жительства различныхъ прихожанъ Гулынской церкви отъ $^1/_2$ в. до 5 верстъ. Кромѣ обычнаго церковнаго имущества, необходимаго для правильности и благолѣпія богослуженія, при храмѣ Св. Троицы находится, особая отъ училища, церковная библіотека, заключавшая въ себѣ въ 1868 г. (на 3-й годъ послѣ учрежденія) 466 названій книгъ, въ 1873 г.—771 названіе, а въ настоящее время заключающая болѣе 1,000 названій. Книги эти въ извѣстные періоды времени перебираются, обтираются и просушиваются, подъ руководствомъ священника, учителями школы, а по особому желанію А. В. Головнина—и при участіи мальчиковъ-учениковъ, для которыхъ, по его словамъ, „весьма полезно видѣть какъ слѣдуетъ бережно обращаться съ книгами и чисто держать ихъ“. Заботясь объ истинномъ благолѣпіи божественнаго служенія въ учрежденномъ имъ храмѣ, А. В. Головнинъ, задолго еще, чѣмъ на этотъ предметъ обращено было серьезное вниманіе высшаго духовнаго правительства, неусыпно заботился объ учрежденіи и прочномъ существованіи при церкви хорошаго хора пѣвчихъ. Найдя и въ этомъ отношеніи достойнаго себѣ помощника въ лицѣ учителя школы Н. С. Федотьева,

А. В. съ своей стороны не жалѣлъ средствъ и заботъ для процвѣтанія этого необходимаго элемента православнаго богослуженія. Съ педагогической точки зрѣнія А. В. придавалъ также большое значеніе музыкѣ, считалъ ее „большимъ образовательнымъ средствомъ" и указывалъ, въ этомъ отношеніи, на примѣръ Германіи, гдѣ, какъ напримѣръ, въ учительской семинаріи въ Карлсруэ (Баденѣ) употребляютъ на обученіе музыкѣ будущихъ народныхъ учителей 27 часовъ въ недѣлю (органъ, скрипка, пѣніе). Въ разное время А. В. доставилъ школѣ каталоги духовной музыки, ноты, скрипичныя школы, 5 скрипокъ, фисъ-гармонику, отдѣльныя принадлежности для скрипокъ, такъ что въ школѣ есть порядочное собраніе инструментовъ и нотъ; на свой счетъ А. В. отправлялъ учителя съ гулынскими пѣвчими въ Москву и въ Рязань, чтобы послушать архіерейскихъ пѣвчихъ. По § 7 правилъ для школы, утвержденныхъ ея учредителемъ въ 1867 г., „уроки пѣнія назначены нѣсколько разъ въ недѣлю по окончаніи предметныхъ уроковъ". По цифирнымъ таблицамъ Васси (метода Шеве) учатся всѣ ученики, а для пѣнія въ церкви составленъ особый хоръ; вмѣстѣ съ дѣтьми на урокахъ и въ церкви поютъ и учителя. Изъ отчета о десятилѣтнемъ существованіи школы видно, что нотное пѣніе шло весьма хорошо въ школѣ и что, кромѣ нотнаго курса, ученики пѣли всю обѣдню и слѣдующія пьесы: „Боже, царя храни", „Коль славенъ", „Славься" (Жизнь за Царя), хоръ „Наша прекрасная страна", „Пѣснь о добромъ царѣ" и хоръ изъ ораторіи Генделя; составитель отчета замѣчаетъ при этомъ, что всѣ означенные №№ пѣнія исполняются учениками на три голоса довольно стройно, хотя голоса—очень плохіе. Впослѣдствіи, къ большому удовольствію А. В., пѣніе введено было и въ женской школѣ. Кромѣ уроковъ пѣнія, въ учебные дни въ школѣ и тамъ-же передъ обѣднею устраивались спѣвки, на которыя собирались не только любители-пѣвцы изъ крестьянъ, но и не пѣвцы.

По поводу этихъ любителей-пѣвцовъ, интересно то, что съ начала 1870-хъ годовъ въ селѣ Гулынкахъ образовался весьма хорошій хоръ пѣсенниковъ, подъ руководствомъ двухъ слѣпыхъ, изъ которыхъ одинъ пришелъ изъ Москвы и пѣлъ дискантомъ. Другой изъ этихъ слѣпыхъ, при посредствѣ хорошо грамотныхъ учениковъ, перечиталъ бо́льшую часть школьной и церковной

библіотеки и зналъ, подъ какими №№ стоятъ лучшія книги. Нашъ извѣстный педагогъ И. Ѳ. Рашевскій, бывшій въ то время директоромъ спб. учительской семинаріи и посѣтившій Гулынки въ 1871 г., а также П. А. Червяковскій, преподаватель гатчинской учительской семинаріи, посѣтившій это село въ 1874 г., съ большими похвалами отзывались объ успѣхахъ учениковъ въ пѣніи и о церковномъ хорѣ. При такихъ условіяхъ несомнѣнно пріятный отвѣтъ получилъ изъ села Гулынки, при посредствѣ А. В. Головнина, извѣстный государственный дѣятель, любитель и знатокъ пѣнія—Т. И. Филипповъ на слѣдующіе поставленные имъ вопросы:

„Какъ идетъ пѣніе церковное и свѣтское? Любятъ-ли крестьяне пѣніе? Есть-ли у нихъ кружки пѣвчихъ? Усвоиваютъ-ли они себѣ старинные напѣвы? Какъ составленъ гулынскій хоръ?“ Но еще болѣе были пріятны для самого почтеннаго строителя церкви и учредителя всего того, что содѣйствуетъ ея высокому назначенію,—тѣ отрадные результаты, которые онъ самъ могъ видѣть и слышать, относительно религіознаго просвѣтленія населенія. Отстраняя, по своей всегдашней скромности, отъ себя причину успѣховъ, А. В. въ слѣдующихъ прекрасныхъ словахъ говоритъ о пользѣ своихъ учрежденій и о своихъ надеждахъ на будущее:

— „Постройка Гулынской каменной церкви, теплой и сухой, отличающейся благолѣпіемъ, подобающимъ Дому Господню, безъ всякой роскоши, и устройство хора пѣвчихъ изъ учениковъ Гулынской школы, благодаря любителю и знатоку церковнаго пѣнія старшему учителю Н. С. Федотьеву, имѣли послѣдствіемъ, что крестьяне стали чаще и въ бóльшемъ числѣ посѣщать церковь и въ присутствіи при богослуженіи находили бóльшее удовлетвореніе своимъ духовнымъ потребностямъ. Можно надѣяться, что преподаваніе Закона Божія въ обѣихъ школахъ и объясненіе богослуженія, предметовъ онаго и обрядовъ еще болѣе привлечетъ къ Дому Божію новое молодое поколѣніе, которое съ бóльшимъ знаніемъ и пониманіемъ будетъ участвовать въ службахъ Божіихъ и что въ то же время въ немъ будетъ развиваться и христіанская нравственность. Если, дѣйствительно, съ новыми поколѣніями крестьянъ въ селѣ Гулынкахъ явится между ними болѣе чистая религіозность, болѣе ясное пониманіе своихъ христіанскихъ обязанностей, лучшая нравственность и бóльшее

умственное развитіе,—то цѣль учрежденія двухъ школъ, построенія благолѣпнаго храма и устройства при немъ библіотеки, будетъ достигнута. Конечно, главными дѣятелями въ этомъ богоугодномъ дѣлѣ должны быть мѣстный приходскій священникъ и законоучитель въ школахъ, учителя и учительницы оныхъ. Отъ ихъ усердія, знанія и способностей зависитъ весь успѣхъ" [1]). Эти знаменательныя слова послужатъ и для насъ лучшимъ переходомъ къ описанію учрежденія и развитія Гулынскихъ школъ, этого источника умственнаго просвѣтленія крестьянъ родоваго села достопамятнаго ихъ учредителя.

III.

Заботы А. В. Головнина объ умственномъ просвѣтленіи крестьянъ.—Гулынскія школы.—Учрежденіе школъ и общія о нихъ данныя. — Личность учредителя.—Средства содержанія.

Гулынская мужская сельская школа учреждена помѣщикомъ А. В. Головнинымъ весною 1863 года (открыта 21 мая 1863 г.) и въ теченіи двухъ первыхъ лѣтъ помѣщалась въ наемныхъ избахъ, имѣя учебныя пособія лишь настолько, насколько позволяло помѣщеніе. Первымъ учителемъ въ ней былъ преданный дѣлу народнаго образованія педагогъ Кочетовъ. Объ этомъ лицѣ, въ теченіи двухъ лѣтъ организовавшемъ ученіе въ гулынской школѣ и пользовавшемся постоянно особеннымъ уваженіемъ ея учредителя, слѣдуетъ сказать подробнѣе.

Сынъ извѣстнаго въ Спб. протоіерея Іоакима Семеновича Кочетова, Александръ Іоакимовичъ Кочетовъ, воспитывался въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ и уже въ бытность свою въ этомъ заведеніи любилъ по воскресеньямъ и праздникамъ учить дѣтей грамотѣ. Поступивъ на службу въ аудиторскій департаментъ морскаго министерства, онъ продолжалъ, по прежнему, свои любимыя занятія по обученію дѣтей грамотѣ. Узнавъ о предположеніи А. В. Головнина открыть школу въ Гулынкахъ,—Кочетовъ настоятельно предлагалъ себя въ учителя, и, не смотря на отклоненія со стороны учредителя школы,—

[1]) Замѣтки о двухъ церквахъ при селѣ Гулынкахъ. Спб. 1873 г., стр. 7.

онъ рѣшился, руководясь своимъ призваніемъ, оставить прежнее мѣсто съ 1,200 р. жалованія и поступилъ учителемъ въ Гулынскую школу на 300 руб. жалованья. Кочетовъ имѣлъ особый, нынѣ столь рѣдкій въ педагогахъ, даръ привязывать къ себѣ дѣтей своимъ ласковымъ обращеніемъ и умѣніемъ сообразоваться съ ихъ понятіями. Обладая высшимъ образованіемъ и въ то же время опытностью въ дѣлѣ начальнаго образованія, руководясь своимъ благословеннымъ призваніемъ, Александръ Іоакимовичъ далъ Гулынской школѣ, съ самаго перваго дня ея дѣятельности, хорошее направленіе, состоявшее въ стремленіи нравственно и умственно развивать учениковъ, не ограничиваясь однимъ воздѣйствіемъ на ихъ память, и достигалъ этой цѣли ласковымъ обращеніемъ, большимъ терпѣніемъ при объясненіи урока и заботами о томъ, чтобы ученики полюбили свою школу. Кочетовъ прожилъ два года за перегородкой въ крестьянской избѣ, гдѣ помѣщались классныя скамьи. Въ 1865 году онъ былъ назначенъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія съ жалованіемъ и командированъ за границу для изученія тамошнихъ народныхъ школъ. Впослѣдствіи въ Спб. онъ былъ постояннымъ совѣтникомъ А. В. Головнина по дѣламъ Гулынской школы, а ко дню десятилѣтняго юбилея школы, 21 мая 1873 г., пріѣхалъ въ Гулынки къ обѣднѣ и провелъ весь день среди учителей и учениковъ, участвовалъ во всѣхъ ихъ скромныхъ удовольствіяхъ; на другой день (22 мая) сдѣлалъ испытаніе всѣмъ ученикамъ и ученицамъ и о своихъ отрадныхъ впечатлѣніяхъ сообщилъ почтенному учредителю школы.

Съ 1865 года и по настоящее время (1888 г.) учителемъ гулынской школы состоитъ бывшій помощникъ А. І. Кочетова— вполнѣ достойный и весьма свѣдущій педагогъ Николай Степановичъ Федотьевъ. Въ первые два года существованія школы 1863—18 65 и съ 1869 г. по настоящее время въ школѣ занимались и занимаются два учителя.

Съ 1867 г. гулынская школа помѣщается въ собственномъ каменномъ домѣ подлѣ церквей, вновь перестроенномъ въ 1876 г.

Въ 1869 году учреждена въ Гулынкахъ женская школа, сперва въ наемномъ помѣщеніи, а съ 1870 г. въ особо выстроенномъ для нея зданіи, возлѣ мужскаго училища. Ученикамп

школы состояли и состоятъ, бо́льшею частью, крестьянскія дѣти села Гулынокъ, но, сверхъ того, ученики изъ окружныхъ и даже дальнихъ селеній (изъ 60 сел.), а также дѣти служащихъ на Рязанско-козловской желѣзной дорогѣ и даже сынъ купца изъ города Ряжска. Родители дальнихъ селеній помѣщаютъ своихъ дѣтей на жительство и содержаніе пищей къ гулынскимъ крестьянамъ, съ тѣмъ, чтобы они отъ нихъ ходили въ школу. Въ случаѣ непогоды дѣти могутъ ночевать въ училищѣ. Дѣти поступаютъ въ школу въ возрастѣ не моложе 9 лѣтъ и кончаютъ ученіе не моложе 12 лѣтъ. Курсъ ученія 3-хъ-лѣтній, но многіе остаются и на 4-й годъ. Число учащихся въ школѣ — въ годъ учрежденія (1863) было 80 человѣкъ, и это же число остается среднимъ до 1881 года, при чемъ иногда число учениковъ доходило до 114. Нынѣ—учениковъ 112 чел.

Въ 1887—88 учебномъ году было учениковъ 112 человѣкъ; изъ нихъ—окончило курсъ со свидѣтельствомъ на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности—15 человѣкъ. По сословіямъ они раздѣляются: дворянъ 6, духовнаго званія 1, крестьянъ 105 человѣкъ.

Съ 1863 г. по 1887 годъ въ школѣ было учениковъ 659; по сословіямъ: дворянъ — 13, духовнаго званія—13, чиновниковъ—3, купцовъ—10, мѣщанъ—16, всего 55 человѣкъ разныхъ сословій, остальные—крестьяне. Окончили курсъ—215 чел.; изъ нихъ 112 человѣкъ со свидѣтельствомъ на льготу по воинской повинности IV разряда, а 15 человѣкъ—окончили съ успѣхомъ полный курсъ учительской семинаріи (за послѣднія 10 лѣтъ вовсе нѣтъ желающихъ поступать въ учительскую семинарію). Бо́льшая часть окончившихъ курсъ въ Гулынской школѣ обращается, согласно желанію и совѣту ея учредителя, къ крестьянскому труду земледѣльца въ родномъ селеніи; нѣкоторые же—идутъ въ города на промыселъ или поступаютъ въ учителя другихъ школъ. Кромѣ того, изъ бывшихъ Гулынскихъ учениковъ, по свѣдѣніямъ 1887 года—двое занимаютъ должности начальниковъ станцій желѣзной дороги; 8 учатся въ духовныхъ заведеніяхъ; трое—въ гимназіи и трое—въ кадетскомъ корпусѣ.

Съ самаго основанія школы и до послѣдняго времени Гулынскія училища посѣщали постоянно, по приглашенію и на счетъ учредителя,—извѣстные педагоги и, по обязанностямъ службы,—

чиновники министерства народнаго просвѣщенія и, послѣ внимательнаго изученія ихъ состоянія и нуждъ, дѣлали подробные устные, а чаще письменные доклады А. В. Головнину или своему начальству. Такъ, извѣстный педагогъ В. А. Золотовъ (нынѣ покойный) былъ въ Гулынкахъ 3 раза, И. Ѳ. Рашевскій—2 раза; кромѣ того, были: гг. Червяковскій, Миропольскій, инспекторъ народной школы Трескинъ, членъ рязанскаго губернскаго училищнаго совѣта Дашковъ, директоры рязанскихъ училищъ Шиллингъ и Оранскій, инспекторы начальныхъ училищъ Смирновъ и Темяшевъ. Всѣ эти лица и другія, посѣщавшія Гулынскую школу, давали самые лестные отзывы относительно успѣховъ школы и указывали на ихъ нужды, которыя всегда немедленно удовлетворялись ихъ учредителемъ.

Мужская школа съ 1867 года, а женская—съ 1873 года поступили въ вѣдѣніе пронскаго земства, при чемъ А. В. Головнинъ остался ихъ попечителемъ до 1874 года и главнымъ руководителемъ до самой смерти. (Съ 1888-го года—попечителемъ мужской школы состоитъ его зять сенаторъ Петръ Ивановичъ Саломонъ, а попечительницею женской школы — его супруга Поликсенія Васильевна Саломонъ, сестра покойнаго А. В. Головнина). Когда возникло предположеніе преобразовать Гулынскую школу въ двухклассную съ пособіями отъ министерства народнаго просвѣщенія и объ этомъ сообщено было А. В. Головнину,—онъ написалъ учителю школы, что рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ Пронскаго земства. „Я же, съ своей стороны, говоритъ въ этомъ письмѣ А. В.,—во всякомъ случаѣ буду, по мѣрѣ средствъ моихъ, помогать школѣ: будетъ-ли она земская или министерская. Желательно только, чтобы вліятельные члены земства имѣли въ виду, что министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ Пронское земство, средствъ содѣйствовать преуспѣянію и улучшенію школы, если только захочетъ употребить въ пользу оной эти средства“.

Такія соображенія Александра Вас. были особенно важны въ виду распоряженія министерства народнаго просвѣщенія (въ 1874 г.), въ силу котораго—предсѣдателями училищныхъ совѣтовъ назначались мѣстные предводители дворянства, а по учебной части—отъ министерства народнаго просвѣщенія назначались особые директоры на губернію и инспекторы по уѣздамъ, такъ

что предсѣдателямъ земскихъ управъ оставлено только хозяйственная денежная часть расходовъ по земскимъ школамъ. Разъясняя впослѣдствіи своему учителю основныя статьи новаго положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ (1874 г.), А. В. Головнинъ говоритъ, что по этому закону „болѣе всего значенія для учебной части будутъ имѣть инспектора, а по хозяйственной и денежной части земство, которому предоставлены самыя широкія права".

Этотъ и дальнѣйшіе доводы о значеніи власти земства по новому положенію А. В. Головнинъ дѣлаетъ въ виду „мрачнаго на этотъ предметъ взгляда" г. Ржевскаго, тогдашняго предсѣдателя земской управы, имѣвшаго въ виду, вообще, отказъ земства отъ школъ. Вотъ что говоритъ учредитель школъ въ Гулынкахъ, желая отстранить „мрачный взглядъ земства":

„Земству оставляется огромная сила, отъ которой главнѣйше зависитъ благосостояніе школы. Оно можетъ назначать какое пожелаетъ жалованіе учителямъ, увеличивать или уменьшать оное, давать имъ или не давать награды, смотря по тому, въ какой мѣрѣ они удовлетворяютъ его требованіямъ и дѣйствуютъ согласно его видамъ. Оно можетъ дать имъ хорошую квартиру, окружить почетомъ и тѣмъ самымъ привлечь достойныхъ людей (подчеркнуто въ подлинникѣ). Отъ него зависитъ устроить хорошее помѣщеніе для школы, удобную классную мебель, наполнить школу классными книгами, привлекать учениковъ наградами и пособіями, заботиться о нихъ и доставлять мѣста лучшимъ ученикамъ по выходѣ изъ школы: и во все это никто не въ правѣ вмѣшиваться (ст. 12 Положенія). Тутъ земство полный независимый хозяинъ. Сколько средствъ для дѣйствія на пользу народнаго образованія"!

Какъ ни шатки эти доводы, какъ и вообще всякіе доводы утѣшенія въ потерѣ чего-нибудь, но въ то-же время какъ стройна и поучительна самая картина идеаловъ почтеннаго государственнаго дѣятеля для всякаго, власть надъ школами имѣющаго!

— „Многочисленные наблюдатели, учрежденные новымъ закономъ, говоритъ въ томъ же письмѣ А. В., не могутъ быть очень тягостны для учителей, ибо въ ст. 15 Полож. сохранено правило, что школы освобождаются отъ представленія всякаго рода срочныхъ вѣдомостей, донесеній и т. п. При томъ они едва ли много и

часто будутъ ѣздить по школамъ... Желательно, чтобы къ вамъ былъ назначенъ инспекторъ знающій, толковый и благонамѣренный.... Я искренно радуюсь вашему удостовѣренію, что въ вашихъ школахъ всегда былъ порядокъ,—но слово „порядокъ“ разными ревизорами различно понимается. Одинъ видитъ полный порядокъ тамъ, гдѣ другой, недовольный недостаточно, по его мнѣнію, почетнымъ пріемомъ, ему оказаннымъ, замѣчаетъ большой безпорядокъ“.

Со времени передачи училищъ въ вѣдѣніе Пронскаго земства, А. В. Головнинъ, по желанію земства, состоялъ попечителемъ учрежденныхъ имъ народныхъ училищъ, мужскаго и женскаго. Въ виду же статьи 14 Положенія 25-го мая 1874 года, въ силу которой „попечители начальныхъ народныхъ училищъ вполнѣ отвѣтствуютъ за порядокъ въ сихъ заведеніяхъ“, А. В. отказался отъ своего почетнаго званія, такъ какъ онъ, находясь постоянно въ Спб., не имѣлъ возможности исполнить упомянутое требованіе новаго закона. Тѣмъ не менѣе, онъ не переставалъ содѣйствовать преуспѣянію учрежденныхъ имъ заведеній пожертвованіями и совѣтами учителю. Кромѣ училищъ и остальныхъ учрежденій, А. В. Головнинъ передалъ Пронскому земству 12,000 руб. въ неприкосновенный капиталъ (6,000 руб. школѣ и 6,000 руб. больницѣ) и ежегодно жертвовалъ до 1,000 руб. деньгами и всевозможныя пособія. Кромѣ того, въ случаѣ замедленія, по какой бы то ни было причинѣ, поступленія въ школы ассигнованныхъ отъ земства денегъ, А. В. немедленно удовлетворялъ нуждамъ школы изъ собственныхъ средствъ заимообразно, лишь бы только дѣло, имъ поставленное, и лица, надъ этимъ дѣломъ работающія, не терпѣли какой-либо неудачи или стѣсненія.

Послѣ этого внѣшняго очерка учрежденія и исторической судьбы Гулынскихъ школъ, въ связи съ письмами покойнаго ихъ учредителя, остановимся нѣсколько на тѣхъ данныхъ по этимъ письмамъ, которыя рельефнѣе обрисовываютъ личныя свойства и воззрѣнія этого замѣчательнаго человѣка.

Самъ А. В. въ молодые годы прошелъ служебное поприще путемъ суроваго труда. „Я самъ служилъ, говоритъ онъ, много лѣтъ, въ небольшихъ должностяхъ, получая 500 р. въ годъ безъ

квартиры; являлся на службу въ 8 часовъ утра и просиживалъ до 4-хъ, и это продолжалось весь годъ, при чемъ не зналъ вовсе праздниковъ, ибо начальникъ требовалъ меня и въ день Рождества, и 1-го января, и въ первый день Пасхи, но въ эти дни отпускали домой пораньше. Поэтому я знаю по опыту, что̀ такое работа и когда нуженъ отдыхъ".

Относительно вопроса о брачной жизни вообще и для народнаго учителя въ частности, онъ высказываетъ твердыя убѣжденія: „Я вообще считаю, говоритъ онъ, — положеніе женатаго болѣе нормальнымъ, правильнымъ, сообразнымъ съ природою, чѣмъ положеніе холостаго, хотя я самъ не женатъ, и полагаю, что не слѣдуетъ откладывать до перезрѣлыхъ лѣтъ вступленіе въ бракъ. Затѣмъ могутъ быть, конечно, обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ вовсе не должно вступать въ супружество и слѣдуетъ отказываться отъ счастія семейной жизни, напримѣръ, наслѣдственная болѣзнь, вообще слабый, болѣзненный организмъ, обязанность своимъ трудомъ содержать престарѣлыхъ родителей, болѣзненныхъ и не могущихъ содержать себя братьевъ и сестеръ и т. п. Эти обстоятельства могутъ быть различны въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, и потому для каждаго рѣшеніе можетъ быть различно".

Что касается до народнаго учителя,—то А. В. много разъ высказывается о необходимости народному учителю быть семейнымъ и, по отношенію къ своему Гулынскому учителю, говоритъ: „Я искренно желаю вамъ полнаго счастія и полагаю, что въ семейной жизни, въ деревнѣ, гдѣ жить дешевле, чѣмъ въ городѣ, вы будете счастливѣе, нежели оставаясь холостымъ. Исполненію вашихъ учительскихъ обязанностей семейство не помѣшаетъ и вамъ не придется часто съ нимъ разставаться, какъ приходится военнослужащимъ (врачамъ и офицерамъ)". Въ то-же время онъ не совѣтуетъ своему учителю связывать вопроса о его женитьбѣ съ пріисканіемъ учительницы для Гулынской школы. Для послѣдней нужна, по словамъ А. В.,—„личность пожилая и вполнѣ преданная школѣ и пріюту". Въ настоящее время оба учителя Гулынской школы женаты и имѣютъ дѣтей.

Въ сношеніяхъ своихъ съ Гулынскимъ учителемъ А. В. проявляетъ извѣстную всѣмъ его знавшимъ вѣжливость и ласку вмѣстѣ съ самой изысканной предупредительностью. Онъ поздрав-

ляетъ его и впослѣдствіи супругу его съ праздниками, даетъ ему добрый совѣтъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, радуется его радости и горюетъ съ нимъ въ горѣ.

За успѣхи въ школѣ и за исполненіе различныхъ порученій часто выражаетъ искреннюю благодарность. Въ то-же время въ письмахъ дѣловаго содержанія выдерживаетъ строго дѣловой тонъ. А. В. высоко ставилъ личность народнаго учителя вообще и въ письмѣ къ представителю земства доказываетъ, что „учитель народной школы важнѣе преподавателя всякаго другаго училища, ибо, большею частью, онъ одинъ и отъ него одного зависитъ весь успѣхъ дѣла, тогда какъ, напримѣръ, въ гимназіи, недостатки одного учителя парализируются достоинствами другихъ или качествами директора и инспектора. Посему весьма важно дорожить спеціально приготовленными народными учителями и весьма важно удерживать какъ можно долѣе народнаго учителя на одномъ мѣстѣ, ибо полную пользу можно ожидать отъ него, когда онъ ознакомится съ особенностями мѣстности, учениками и ихъ семействами. Денежный расходъ на народныхъ учителей въ наше время есть самый производительный, ибо трудно даже представить себѣ, какъ велика будетъ польза для Россіи, когда поднимется уровень образованія сельскаго населенія и низшихъ классовъ городскихъ жителей". По поводу того, что Гулынскій учитель рѣшился остаться на своемъ постѣ, не смотря на лестныя для него предложенія въ Рязань,—А. В. замѣчаетъ: „въ Рязани желаютъ имѣть лицъ, окончившихъ курсъ въ гимназіи, а отличаютъ и даютъ ходъ впередъ получившимъ университетское образованіе; этотъ взглядъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе распространяется. Въ Гулынскихъ школахъ дорожатъ болѣе опытностью и установившимися отношеніями съ крестьянами и дѣтьми ихъ и заслуженнымъ уваженіемъ".

О томъ, какое назначеніе давалъ своей школѣ А. В. Головнинъ, и о размѣрахъ ея пользы онъ высказываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ рядъ замѣчательныхъ мыслей. Письмо написано по тому поводу, что Гулынскій учитель хлопоталъ передъ А. В. о помѣщеніи какого-то мальчика въ духовное училище или въ гимназію. Вотъ что пишетъ почтенный государственный дѣятель:

„Относительно мальчика, о которомъ пишете, я не думаю, что-

бы помѣщеніе въ духовное училище или въ гимназію послужило къ его счастью, именно по слѣдующимъ причинамъ:

— Изъ духовнаго званія уходятъ теперь (1872 г.) въ большомъ числѣ лица, которыя родились въ немъ, имѣютъ въ немъ родныхъ и покровителей.

— Знакомые мои умные священники старались дѣтямъ своимъ дать другое назначеніе.

— Духовныя училища находятся еще въ переходномъ состояніи.

— Число приходскихъ церквей во многихъ губерніяхъ уменьшается.

— 12-ти-лѣтній мальчикъ не можетъ еще чувствовать призванія къ духовному званію и не можетъ понимать высокаго значенія и трудности обязанностей священника.

— Гимназическое семилѣтнее ученіе греческому и латинскому языку полезно вполнѣ, когда весь курсъ пройденъ и молодой человѣкъ поступаетъ на 4 года въ университетъ. Не кончившимъ курса пользы отъ него мало. Чтобы учиться въ гимназіи и потомъ въ университетѣ, всего около 10 лѣтъ, нужно, по меньшей мѣрѣ, по 300 р. въ годъ, а всего 3,000 р., и то съ большими лишеніями,—крестьянскій мальчикъ поступитъ въ гимназію, въ чуждую враждебную ему среду, гдѣ надъ нимъ будутъ смѣяться, называть мужикомъ, удаляться его; много труда, огорченія, лишенія и униженія придется перенести. Онъ встрѣтитъ, притомъ, и даровитыхъ молодыхъ людей, съ лучшимъ подготовленіемъ, бо̀льшими матеріальными средствами, которымъ все будетъ легче доставаться; по окончаніи курса, оторвавшись и образомъ мыслей, и познаніями, и привычками, отъ своей родной крестьянской среды,—куда онъ пойдетъ безъ родства, связей, покровителя, безъ денегъ? Вы желаете сдѣлать его полезнымъ человѣкомъ, но—кто полезнѣе религіознаго, нравственнаго крестьянина, честнаго, трудолюбиваго, который обрабатываетъ свою землю, и настолько развитъ, что въ свободное время читаетъ съ пониманіемъ Евангеліе, священную исторію, историческіе разсказы о Россіи, сельско-хозяйственныя книги? Вотъ какихъ крестьянъ должны готовить намъ сельскія школы, а не семинаристовъ или гимназистовъ. Если сельскія школы будутъ являться въ деревняхъ не для того, чтобы образовать крестьянъ,

а чтобы выводить лучшихъ изъ нихъ въ другія званія, переполненныя своими членами, то такія школы принесутъ вредъ, а не пользу. Теперь крестьянское сословіе у насъ такъ поставлено, что оно нуждается въ образованныхъ, развитыхъ, нравственныхъ крестьянахъ, для своего мірскаго и волостнаго управленія, для участія въ земскихъ собраніяхъ. Наконецъ, для особенно даровитыхъ мальчиковъ есть учительскія семинаріи, гдѣ приготовляютъ крестьянъ къ истинно-полезному и почтенному званію сельскихъ учителей. По всему этому для счастья мальчика, о которомъ вы пишете, — я не могу содѣйствовать помѣщенію его въ гимназію, ни поступленію въ духовное званіе".

О существовавшемъ въ 1870-хъ годахъ въ нѣкоторыхъ сферахъ нашего общества недоброжелательствѣ къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, о современныхъ толкахъ и блужданіяхъ находимъ интересныя данныя и мысли въ одномъ изъ писемъ А. В.

„Письмо ваше отъ 21 мая, полученное мною 24-го числа, напомнило мнѣ здѣшніе экзамены въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ [1]). Точно также и здѣсь экзамены происходятъ съ утра до вечера и крайне утомляютъ и учениковъ, и учителей, но здѣсь это продолжается нѣсколько недѣль; также и здѣсь случается, что посторонніе экзаменаторы стараются отстранять учителей заведеній, гдѣ экзаменъ производится, и не допускаютъ, чтобы они помогали своимъ ученикамъ. Разные преподаватели стараются выказать свою собственную ученость и слишкомъ много говорятъ. Ученики конфузятся и изъ нихъ выскакиваютъ самые бойкіе и смѣлые, а не тѣ, которые, быть можетъ, лучше знаютъ дѣло, но по природѣ робки и застѣнчивы. Недоброжелательство къ разнаго рода учебнымъ заведеніямъ встрѣчается весьма часто. Лица, повидимому, образованныя находятъ, что у насъ будто-бы слишкомъ много университетовъ; что студенты, окончившіе въ нихъ курсъ, обходятся казнѣ слишкомъ дорого и не приносятъ своею дѣятельностью пользы, которая вознаграждала бы издержки на ихъ образованіе; что плату за слушаніе лекцій слѣдовало-бы значительно возвысить, дабы сдѣлать университетское образованіе доступнымъ только людямъ богатымъ;

[1]) Очевидно, почтенный учитель Гулынской школы въ своемъ письмѣ жаловался на не-педагогическіе пріемы нѣкоторыхъ рьяныхъ экзаменаторовъ изъ мѣстнаго уѣзднаго начальства. Н. К.

что надобно уменьшить права профессоровъ на участіе въ управленіи университетомъ и т. д. Другіе—отрицаютъ пользу преподаванія въ гимназіяхъ латинскаго и греческаго языка, говоря, что ученикамъ, въ теченіи всей жизни, не понадобится ни говорить, ни писать на нихъ, и сами не понимаютъ, что это изученіе есть дознанное вѣками лучшее педагогическое орудіе для разносторонняго умственнаго развитія [1]). Иные возстаютъ противъ допущенія въ одно и то же заведеніе учениковъ изъ лицъ разныхъ сословій. Нѣкоторые желали бы превратить всѣ народныя школы въ ремесленныя школы, а общее образованіе такъ называемаго простаго народа ограничить умѣніемъ читать, писать и знаніемъ нѣсколькихъ молитвъ. Личныя отношенія при назначеніи увольненіи учителей имѣютъ большое вліяніе. Вы согласитесь, что было бы весьма прискорбно, если бы, въ виду всего вышеизложеннаго, профессора и учители стали оставлять свои мѣста и начали бы искать другой кругъ дѣятельности. Оставить должность легко, но развѣ можно быть увѣрену, что на другомъ мѣстѣ не встрѣтятся еще бо̀льшія непріятности? Вы приводите пословицу: «насильно милъ не будешь». Я отвѣчу слѣдующими: «перемелется—мука будетъ»,—«терпѣніе—спасеніе»,—«безъ терпѣнья нѣтъ спасенья»,—«будемъ молчать, да станемъ поджидать»,—«терпѣніе и трудъ—все перетрутъ». Относительно того, что вамъ говорятъ о дороговизнѣ школы, надо было имѣть въ виду, что умственное развитіе и плоды онаго нельзя перелагать на деньги. Можно ли разсчитать, сколько рублей стоило образованіе людей, изъ которыхъ вышли изобрѣтатели паровыхъ машинъ, желѣзныхъ дорогъ, хлороформа, телеграфа, книгопечатанія, токарнаго станка и т. п., и образованіе тѣхъ, которые совершенствовали и продолжаютъ совершенствовать эти изобрѣтенія. Можно ли разсчитать на деньги, сколько барышей эти изобрѣтенія принесли человѣчеству? Умственный посѣвъ и умственная жатва пудами и четвериками не измѣряются, рублями и копѣйками не оцѣниваются.

„Изъ всего сказаннаго мною слѣдуетъ, что явленія, которыя

---

[1]) Созданный А. В. Головнинымъ уставъ гимназій 1864 г., по оффиціальному свидѣтельству, „положилъ классическое образованіе въ основу собственно научнаго университетскаго образованія“. (Сборн. постан. по мин. нар. просв. 1877 г., т. V, стр. 275). Н. К.

у васъ бываютъ, встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ, что нельзя ими не огорчаться, но никакъ не слѣдуетъ терять терпѣніе и бросать хорошее дѣло. Конечно, плоды школьнаго ученія являются не вдругъ, не скоро. Настоящіе благіе результаты оказываются черезъ нѣсколько поколѣній; это не то, что мостъ построить черезъ рѣку или дорогу желѣзную провести».

Въ другомъ письмѣ А. В. съ ѣдкой ироніей (что, впрочемъ, встрѣчается весьма рѣдко) отзывается о замѣчаніяхъ нѣкоторыхъ невѣжественныхъ посѣтителей Гулынскихъ школъ.

— „Замѣчанія вашихъ посѣтителей меня не удивляютъ, ибо каждый судитъ по своимъ собственнымъ привычкамъ и вкусамъ о томъ, что для другаго необходимо и что составляетъ лишнее. Турецкій султанъ, который кушаетъ пальцами, хотя и съ золотой тарелки, нашелъ бы, что вамъ вовсе не нужно имѣть ножи и вилки. Одинъ расходуетъ деньги на мыло для рукъ и на фильтръ для очищенія воды, которую пьетъ, а другой на табакъ и на очищенное вино; одна особа тратитъ на бѣлье, котораго не видно, а другая — на бѣлила и румяна, которыя очень видны“.

Надо замѣтить, впрочемъ, что А. В. въ то же время съ большимъ вниманіемъ и довѣріемъ относится къ сообщеніямъ и замѣчаніямъ о его школахъ со стороны настоящихъ педагоговъ, посѣщавшихъ ихъ либо по приглашенію А. В., либо по обязанностямъ службы или по собственной любознательности.

Радуясь отъ души всякому доброму направленію, А. В. въ то же время, по опыту жизни, имѣлъ часто и скептическій взглядъ на прочность и продолжительность иныхъ отрадныхъ явленій. Такъ, когда онъ получилъ свѣдѣнія о томъ, что гулынскіе крестьяне въ 1874 году составили приговоръ не пить въ кабакѣ, — онъ спѣшитъ написать учителю слѣдующее: „относительно публикаціи въ газетахъ приговора не пить въ кабакѣ я полагалъ бы повременить и напечатать черезъ нѣсколько лѣтъ, когда можно будетъ сказать, что приговоръ исполнялся въ точности. Теперь теряютъ вѣру въ эти приговоры, ибо во многихъ селахъ они состоялись, а потомъ мало-по-малу крестьяне начали безнаказанно не исполнять ихъ. Важенъ не приговоръ, а точное, добросовѣстное исполненіе“.

Когда начались печальныя броженія въ народныхъ школахъ подъ вліяніемъ злонамѣренныхъ людей, подготовлявшихъ роковыя для нашего отечества преступленія и злодѣйства, — Гулынскія школы, на ряду съ другими, подверглись внимательному осмотру и наблюденію со стороны мѣстной власти. Два письма А. В. въ 1878 году по этому поводу къ Гулынскому учителю ясно указываютъ, насколько онъ берегъ свои школы отъ вредныхъ вліяній:

— „Я собиралъ свѣдѣнія о вѣроятной причинѣ троекратнаго осмотра библіотеки нашей школы, и полагаю, что эта мѣра вовсе не вызвана какимъ либо недовѣріемъ собственно къ вамъ, а есть просто исполненіе общаго распоряженія о тщательномъ осмотрѣ библіотекъ, сколько нибудь значительныхъ. Распоряженіе вызвано, кажется, тѣмъ, что въ 15 начальныхъ училищахъ виленскаго округа найдены были самимъ учителемъ присланныя по почтѣ неизвѣстно отъ кого весьма вредныя брошюры и представлены по начальству".

„Свѣдѣнія, которыя вы сообщаете мнѣ отъ 20-го ноября о посѣщеніи вашихъ школъ г. инспекторомъ, заставляютъ меня предполагать, что онъ пріѣзжалъ съ добрымъ намѣреніемъ удостовѣриться въ благонамѣренности направленія школъ и благонадежности учителей. Въ послѣднее время люди заблуждающіеся, недоучившіеся, не переварившіе въ головѣ мыслей, гдѣ-то слышанныхъ и кой-гдѣ прочитанныхъ, проповѣдывали въ школахъ весьма вредныя противо-религіозныя, безнравственныя и противуправительственныя ученія.

— „Тамъ, гдѣ это замѣчалось, школы закрывались и учители ссылались. Въ Ряжскомъ уѣздѣ, селѣ Мураевкѣ, былъ такой случай. Вамъ должно зорко смотрѣть, чтобы такой ядъ не завелся въ Гулынкахъ и при первомъ признакѣ просить предсѣдателя училищнаго совѣта и инспектора объ удаленіи неблагонадежныхъ людей. Прочтите это письмо нашему священнику, доктору, вашему помощнику, и просите ихъ помогать вамъ. Что у васъ за переплетчикъ проѣзжій явился? Можно-ли быть въ немъ увѣрену? Не раздаетъ ли онъ вредныхъ листковъ, не вшиваетъ ли ихъ въ книги, отдаваемыя вами въ переплетъ? Все это случалось. Нѣтъ-ли въ Гулынкахъ ненадежныхъ пришлыхъ людей? За такими долженъ наблюдать урядникъ. Если-бы у васъ на селѣ или въ школѣ завелось вредное ученіе, несогласное съ

нравственностью, религіею, съ законами, враждебное правительству, это было-бы для васъ всѣхъ большимъ несчастіемъ и повело бы аресты, допросы, ссылки и закрытіе школы".

Обращаясь къ матеріальнымъ условіямъ существованія Гулынскихъ учрежденій, мы и здѣсь видимъ, что не только ихъ возникновеніе,—но и процвѣтаніе и долголѣтіе значительно зависѣли отъ щедротъ А. В. Головнина и отъ даннаго имъ большаго обезпеченія на будущее. При этомъ, какъ видно, А. В. хотя обладалъ значительнымъ и независимымъ состояніемъ—но излишнихъ денегъ не имѣлъ и, по различнымъ, семейнымъ и инымъ условіямъ—а главное, по причинѣ своей широкой благотворительности, вынужденъ былъ давать на Гулынскія учрежденія меньше, чѣмъ онъ желалъ-бы для ихъ процвѣтанія. Что состояніе его имѣло извѣстный предѣлъ, наиболѣе ясно видно изъ того его письма, гдѣ онъ говоритъ о своей болѣзни: „Я уже 18 лѣтъ отказывалъ себѣ въ поѣздкахъ на минеральныя воды и лечусь въ Царскомъ Селѣ привозными. Доходы мои уменьшаются, а расходы, не смотря на экономію, увеличиваются, вслѣдствіе возвышенія цѣнъ на всѣ предметы. Многимъ однофамильцамъ родственникамъ въ разныхъ губерніяхъ посылаю, согласно ихъ просьбамъ, пособія; сколько здѣсь бѣдныхъ, которымъ не могу прекратить выдачи, но полагаю, что съ будущаго года (1885) и эти выдачи уменьшатся".

Во время голода въ губерніяхъ и въ Финляндіи А. В. оказалъ пособія въ значительномъ размѣрѣ. Еще болѣе расходовъ съ его стороны вызвала Турецкая война съ ея послѣдствіями. Главнѣйшею побудительною для А. В. причиною передать свои учрежденія сперва въ вѣдѣніе, а потомъ въ собственность земства съ капиталомъ 12,000 руб. и со всѣми строеніями—было соображеніе, что, послѣ его смерти, „наслѣдники его не будутъ въ состояніи содержать школы; съ передачею же ихъ въ земство я буду утѣшаться мыслью, что школы и больница будутъ существовать и послѣ моей смерти".

Кромѣ общихъ, ассигнованныхъ по смѣтѣ, расходовъ на свои учрежденія (жалованье служащимъ, наемъ помѣщенія, отопленіе и т. д.), А. В. постоянно дѣлалъ различные единовременные расходы. При этомъ онъ руководилъ хозяйствомъ школъ и давалъ рядъ практическихъ совѣтовъ учителю. Рекомендуя

беречь дрова и не выходить по этой статьѣ изъ смѣты, А. В. даетъ рядъ совѣтовъ относительно экономіи топлива. Посылая 200 руб. для омеблированія квартиръ учителя и его помощника—А. В. даетъ совѣтъ покупать въ Москвѣ мебель подержаную, не изъ сыраго дерева. Вообще А. В. расходовалъ свои средства, кромѣ общихъ крупныхъ пожертвованій, на слѣдующія статьи:

1) Меблировка, отдѣлка и ремонтъ квартиръ для служащихъ.

2) Книги, инструменты, учебныя пособія (между прочимъ,—электрическая машина, воздушный насосъ, химическая лабораторія, фонарь для туманныхъ картинъ, картины изъ Англіи).

3) Вся обстановка школы и больницы (между прочимъ—пожарная труба и металлическій насосъ).

4) Подарки служащимъ и учащимся; дѣтскіе праздники; угощеніе посѣтителей, учащихся и почетныхъ гостей въ торжественные дни; теплая одежда и чай—бѣднѣйшимъ изъ учащихся („не стѣсняясь смѣтою“).

5) Библіотеки—училищъ, церковная и публичная сельская; газеты и журналы.

6) Расходы на поѣздки учителей въ Москву и Рязань въ интересахъ школы; отправка нѣсколькихъ мальчиковъ на лѣтніе курсы въ Ряжскъ.

7) Принадлежности для пчеловодства, садоводства и шелководства.

8) Экстренное леченіе служащихъ и дѣтей (кумысъ, противохолерные припасы). Какъ истинно русскій, гостепріимный человѣкъ, А. В. много разъ требуетъ отъ учителя, чтобы онъ дѣлалъ дѣтямъ угощеніе, а равно и для посѣтителей дѣлалъ угощеніе, „по мѣстнымъ обычаямъ“. Между прочимъ, онъ удивляется экономіи со стороны учителя: „что можно купить на 12 руб., чтобы угостить 70 мальчиковъ, имѣющихъ, конечно, хорошій аппетитъ?“

Послѣ передачи школъ и больницъ земству, А. В. платилъ отъ себя дополнительное содержаніе учителю, учительницѣ и акушеркѣ и давалъ всевозможныя пособія своимъ учрежденіямъ. Прочитавъ въ газетахъ заявленіе о томъ, что учителя, находящіеся въ Порховскомъ уѣздѣ, три мѣсяца не получали жалованья, въ виду того, что въ земствѣ не было денегъ и расходъ этотъ

считался необязательнымъ,—А. В. прислалъ вырѣзку статьи учителю съ слѣдующими строчками: „если-бы, вслѣдствіе неисправнаго поступленія земскихъ сборовъ, что-либо подобное случилось у васъ, по школамъ или больницѣ,—потрудитесь увѣдомить меня, и я постараюсь выслать вамъ недостающее въ счетъ возврата при пополненіи кассы земства". Предлагая учителю, по случаю его свадьбы, ремонтировать квартиру, А. В. прибавляетъ: „чтобы вы могли ввести вашу супругу въ приличное помѣщеніе".

Въ 1878 году А. В. приходилось уже „серьезно подумать, какъ обезпечить Гулынскія заведенія отъ дальнѣйшаго уменьшенія средствъ оныхъ", такъ какъ земство, имѣя недоимки въ своихъ доходахъ,—вызывало его постоянно на новыя значительныя пожертвованія.

Вообще можно сказать, что А. В. Головнинъ не жалѣлъ средствъ для поддержанія своихъ учрежденій въ его родовомъ селѣ.

IV.

Обстановка Гулынскихъ школъ.—Ходъ и метода ученія.—Ученики и ученицы.—Служащія лица.—Заботы о крестьянахъ.—Посѣтители школъ.—Отчеты и статьи о школахъ.

Гулынскія школы помѣщались сперва въ наемныхъ помѣщеніяхъ, а впослѣдствіи въ собственныхъ домахъ; мужская школа—съ 1867 года въ большомъ каменномъ домѣ, а женская школа—съ 1870 года въ большомъ деревянномъ домѣ. Оба зданія вполнѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію и неоднократно вызывали одобреніе со стороны опытныхъ въ школьномъ дѣлѣ посѣтителей. О чистотѣ въ нихъ особенно заботился А. В. Головнинъ, приводя примѣръ Германіи и Швейцаріи, гдѣ въ школьныхъ помѣщеніяхъ, по его наблюденію, чистота необыкновенная. Для чистоты воздуха вездѣ устроена правильная вентиляція и правильная топка печей. Въ виду сильно возвышавшейся съ году на годъ цѣнности дровъ, А. В. придавалъ большое значеніе отопленію углемъ, и, по его указаніямъ, сдѣланы были въ школѣ опыты этой системы отопленія. На стѣнахъ школъ помѣщаются образа, портреты государей и великаго князя Константина Нико-

лаевича, географическія карты, пособія для нагляднаго обученія и термометры. Относительно обстановки школы есть слѣдующія указанія самого А. В. въ его письмѣ (1868 г.):

„Посылаю въ полное ваше распоряженіе 200 р. на устройство классныхъ комнатъ и вашей квартиры и прошу имѣть въ виду слѣдующія мои желанія:

1) Чтобы въ каждой комнатѣ были поставлены въ переднихъ углахъ св. иконы, а въ классныхъ комнатахъ устроены передъ иконами лампады.

2) Чтобы въ классныхъ комнатахъ были повѣшены портреты государя императора и великаго князя Константина Николаевича, какъ главнаго помощника его величества въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Надобно, чтобы крестьяне знали это. Одинъ портретъ государя у васъ есть, а другой, равно портретъ великаго князя, я пришлю.

3) Въ корридорѣ устроить по стѣнамъ вѣшалки, чтобы вѣшать платье учениковъ.

4) Во всѣхъ комнатахъ повѣсить шторы.

5) Въ общихъ классныхъ комнатахъ: большой, на сѣверъ окнами, и малой, на югъ окнами, къ господской усадьбѣ, поставить столъ для учителя и скамьи со столами для учениковъ, такъ чтобы свѣтъ падалъ на бумагу учениковъ — съ лѣвой стороны.

6) Чтобы въ двухъ угловыхъ комнатахъ по обѣ стороны малой классной, составляющихъ квартиру учителя, было поставлено по кровати съ хорошими матрацами, постельнымъ бѣльемъ, одѣялами зимнимъ и лѣтнимъ, комодомъ для бѣлья и шкапомъ для платья, письменнымъ столомъ, умывальнымъ столикомъ съ умывальнымъ приборомъ, и полки по стѣнамъ для книгъ. Всѣ эти вещи должны находиться въ каждой изъ угловыхъ комнатъ. Въ одной изъ нихъ будетъ жить г. учитель, а другая назначается на случай пріѣзда къ нему родственниковъ, гостей или чиновника учебнаго вѣдомства, для осмотра училища.

7) Вообще все училище слѣдуетъ содержать чрезвычайно чисто. Вещи должны быть просты, но чисты. На мой счетъ должно красить, какъ скоро что-либо загрязнится, и чинить все, что испортится.

Если посланныхъ денегъ не достанетъ, прошу написать мнѣ“.

Такія же пожеланія и указанія даетъ А. В. и по отношенію къ женской школѣ въ 1871 году, но, съ прибавкою въ квартиру учительницѣ многихъ хозяйственныхъ вещей (посуда и т. п.) и, между прочимъ, говоритъ: „Я желалъ-бы, чтобы комната учительницы была меблирована прилично, съ кроватью, диванами, креслами, стульями, комодами, шкапами, умывальниками и туалетнымъ столомъ, коврами, оконными гардинами, цвѣтами на окнахъ, зеркалами, часами, лампами и т. п. Вѣроятно, бо̀льшую часть этихъ вещей г-жа Лучинская (учительница) могла бы по своему вкусу купить въ Рязани или Москвѣ и только иконы, царскіе портреты, карты и книги пришлось бы прислать отсюда". Для квартиры семейнымъ учителямъ въ 1874 г.—частью на счетъ земства, частью на счетъ А. В., надстроенъ и вполнѣ отдѣланъ 2-й этажъ школьнаго зданія.

Скамейки въ школахъ сдѣланы безъ спинокъ (за исключеніемъ послѣдней)—согласно мнѣнію и желанію учителя, на основаніи авторитетнаго объ этомъ заявленія извѣстнаго педагога И. Ѳ. Рашевскаго. Относительно картинъ по естественной исторіи и чучелъ животныхъ А. В. пишетъ: „Картины изъ естественной исторіи можно развѣсить по стѣнамъ школы, но изображеніе человѣческаго скелета и внутреннихъ частей тѣла слѣдуетъ держать въ шкапу и развертывать только во время уроковъ. Я послалъ ихъ потому, что вы писали мнѣ, что И. Н. Никульшинъ (докторъ) выразилъ желаніе объяснять строеніе человѣческаго тѣла старшимъ ученикамъ".

„Относительно чучелъ животныхъ, купленныхъ въ Москвѣ для Старожилова (сосѣдняя школа въ им. г. ф.-Дервисъ), полагаю подождать покупать ихъ для нашей школы. Для класснаго ученья нужно небольшое число чучелъ или куколъ, ибо остальные предметы легко объяснять по картинамъ. Между тѣмъ, эти вещи стоятъ дорого и храненіе большаго числа ихъ обременительно и требуетъ много мѣста. Моль очень портитъ ихъ. Сверхъ того, въ нихъ заводится гниль и разные червяки, а мѣняя цвѣтъ, линяя, они не даютъ вѣрнаго понятія о животныхъ, которыхъ изображаютъ".

Кромѣ другихъ учебныхъ пособій, — въ одномъ физическомъ кабинетѣ Гулынскихъ училищъ находится предметовъ болѣе, чѣмъ на 1,000 рублей; въ числѣ ихъ — элек-

трическая машина, насосы, фонарь и всѣ приспособленія для туманныхъ картинъ съ образовательною цѣлью. Всѣ эти учебныя пособія служатъ не только для школьнаго ученія дѣтей, но приносятъ большую пользу и при установленныхъ правилами школы вечернихъ и воскресныхъ занятіяхъ, на которыя приходятъ и бывшіе ученики, и другіе крестьяне; при этомъ учитель излагаетъ нѣсколько подробнѣе разныя явленія природы и разъясняетъ крестьянамъ законы и постановленія, касающіеся ихъ сословія. Посѣтившій въ мартѣ 1867 г. Гулынскую школу извѣстный педагогъ В. А. Золотовъ такъ говоритъ объ этихъ занятіяхъ: „Послѣ обѣдни, въ комнатѣ, примыкающей къ библіотекѣ, были произведены разные опыты; при этомъ присутствовали всѣ учащіеся, многіе изъ крестьянъ, и даже два помѣщика, бывшіе у обѣдни; объясняли большею частью старшіе изъ мальчиковъ и очень удовлетворильно, а главное въ такихъ выраженіяхъ, которыя доступны всякому. Случалось, что объясняющіе и спорили между собою; тогда за рѣшеніемъ обращались къ учителю. Это было очень занимательно и два часа времени прошли незамѣтно".

Всему имуществу училища ведутся подробные инвентарные каталоги.

Обращаемся къ самому плану, порядку и методу ученія въ Гулынскихъ школахъ.

Прежде всего остановимся на письмѣ А. В. Головнина къ предсѣдателю Пронскаго уѣзда земскаго собранія А. П. Бурцову, по поводу выраженнаго означеннымъ земскимъ собраніемъ въ 1871 г. желанія, чтобы при Гулынской школѣ былъ открытъ ремесленный классъ съ обученіемъ первоначальному кузнечно-слесарному и столярно-токарному мастерствамъ. Въ письмѣ этомъ почтенный учредитель школы высказываетъ рядъ интересныхъ и общихъ соображеній о ремесленномъ образованіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ какъ-бы програму всей дѣятельности Гулынской школы, насколько онъ самъ ее создалъ и просвѣщеннымъ своимъ воздѣйствіемъ приводилъ въ исполненіе.

„Гулынская школа есть начальное общеобразовательное училище. Она имѣетъ цѣлью развивать умственныя способности своихъ учениковъ, изъ крестьянскихъ мальчиковъ, сообщая имъ начальныя свѣдѣнія, нужныя какъ для земле-

дѣльца, такъ и для мастероваго, ремесленника, писаря, конторщика, садовника и вообще для лицъ всѣхъ состояній. Посему въ ней обучаются начальнымъ основаніямъ Закона Божія, умѣнью читать съ полнымъ пониманіемъ прочитаннаго и разсказывать прочитанное, писать четко и, по возможности, правильно, также начальнымъ основаніямъ счетоводства и пѣнію. Тѣмъ изъ учениковъ, которые окажутся способными и сами пожелаютъ продолжать учиться, сообщаются краткія свѣдѣнія изъ географіи и исторіи Россіи и объясняются нѣкоторыя явленія природы, напр., громъ и молнія, солнечное и лунное затмѣнія, также нѣкоторые законы природы въ примѣненіи къ промышленности, напр., объясняется и показывается на модели устройство паровоза, идущаго въ виду ихъ селенія, электромагнитнаго телеграфа, проходящаго черезъ Гулынки, термометра, барометра, обыкновеннаго насоса и т. п. Полный курсъ продолжается три года. Гулынская школа, для достиженія показанныхъ цѣлей, имѣетъ двухъ учителей, законоучителя и снабжена довольно значительною библіотекою, физическимъ кабинетомъ и музыкальными инструментами. Она посѣщается зимою около 70 учениками и помѣщается въ собственномъ каменномъ домѣ, состоящемъ изъ двухъ классныхъ комнатъ, по комнатѣ для каждаго изъ двухъ учителей, и кухни. При обсужденіи желанія Пронскаго земства устроить при Гулынской школѣ обученіе ремесламъ необходимо имѣть въ виду все вышеизложенное, дабы это обученіе могло принести пользу и не повредить прочимъ предметамъ. Мысль ввести въ народную школу обученіе ремесламъ и мастерствамъ весьма заманчива, ибо черезъ это какъ-бы дается ученикамъ вѣрное средство заработывать себѣ существованіе, и самое ученіе въ школѣ обѣщаетъ приносить немедленно практическую осязательную пользу. Посему и въ Германіи, и во Франціи вводили ремесла въ народныя начальныя школы, но путемъ опыта пришли къ убѣжденію, что невозможно вести съ пользою одновременно и какъ бы параллельно общее начальное образованіе и спеціальное техническое обученіе какимъ-либо мастерствамъ. То и другое такъ сильно вредитъ или мѣшаетъ другъ другу, что польза всего ученья почти пропадаетъ, и вообще должно сказать, что мастерства и ремесла менѣе всего изучаются въ школѣ. Для достиженія истинной

пользы необходимо, чтобы общее начальное образованіе предшествовало спеціальному техническому обученію, чтобы сіе послѣднее наступало въ то время, когда первое достаточно развило умственныя способности ученика, а не раньше, и чтобы ни одно изъ нихъ не отнимало у другаго времени, которое въ начальной школѣ тѣмъ дороже, что, по самому возрасту учениковъ, на ученье въ народной школѣ нельзя употреблять больше 4-хъ часовъ въ сутки безъ отягощенія учениковъ, и что крестьянскія дѣти около полугода отвлекаются отъ ученья сельскими работами. Посему обученіе ремесламъ можетъ являться не иначе, какъ послѣ совершеннаго окончанія общеобразовательнаго курса начальныхъ училищъ. Это относится до всѣхъ народныхъ школъ вообще и вслѣдствіе этихъ воззрѣній, добытыхъ опытомъ, въ Германіи и Швейцаріи учреждаютъ теперь совершенно отдѣльно народныя начальныя общеобразовательныя школы и школы собственно ремесленныя или такъ называемыя учебныя мастерскія, не допуская смѣшивать предметы обученія въ тѣхъ и другихъ. Относительно собственно Гулынской школы должно замѣтить, что въ ея теперешнемъ помѣщеніи нѣтъ возможности устроить мастерскія и что для этого пришлось бы возвести особое зданіе, съ квартирами для учителей мастеровыхъ; что село Гулынки есть въ сущности весьма небольшая и бѣдная деревня, гдѣ нельзя найти ремесленниковъ, которые годились бы въ учители, и что выписывать ихъ пришлось бы изъ Рязани; что хорошій мастеровой не пойдетъ въ учители за небольшую плату, ибо собственнымъ трудомъ заработаетъ себѣ болѣе, и что поэтому расходъ на мастеровъ учителей будетъ весьма значителенъ и расходъ этотъ еще увеличится оттого, что ученики будутъ несомнѣнно портить много матеріала. Если допустить, чего, конечно, нельзя избѣжать, что произведенія учениковъ будутъ продаваться, то со стороны крестьянъ явится неудовольствіе, какъ бывало въ другихъ мѣстахъ, и недоброжелательство къ ремесленнымъ классамъ, ибо родители подумаютъ, что обученіе ихъ сыновей ремесламъ есть только предлогъ, чтобы получить даровыхъ работниковъ. Наконецъ, надобно обсудить вопросъ: желательно ли даже въ мѣстности, гдѣ находится село Гулынки, искусственно отвлекать крестьянъ отъ хлѣбопашества и на деньги земства превращать

ихъ въ ремесленниковъ, и не полезнѣе ли дѣйствовать совсѣмъ наоборотъ, поощряя земледѣліе, огородничество, пчеловодство, скотоводство, вводя сыровареніе или, что еще лучше, оставить самой природѣ вещей дать то или другое направленіе дѣятельности крестьянъ, ограничиваясь сообщеніемъ имъ тѣхъ свѣдѣній, которыя нужны для каждаго промысла и рода труда, и стараясь, посредствомъ начальной общеобразовательной школы о томъ, чтобы сдѣлать ихъ въ будущихъ поколѣніяхъ людьми религіозными, нравственными, грамотными, трезвыми, знающими счетоводство и имѣющими начальныя познанія въ отечествовѣдѣніи и естествовѣдѣніи. И эта задача весьма велика, не присоединяя къ ней никакихъ побочныхъ цѣлей. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что сдѣланные у насъ опыты разными вѣдомствами обученія ремесламъ въ училищахъ общеобразовательныхъ никогда не удавались и что для пользы дѣла слѣдуетъ учреждать совершенно отдѣльно отъ такихъ училищъ собственно ремесленныя спеціальныя школы или учебныя мастерскія, и притомъ въ городахъ или большихъ богатыхъ промышленныхъ селахъ, а не въ малолюдныхъ бѣдныхъ земледѣльческихъ поселкахъ, особенно лежащихъ, какъ Гулынки, по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, откуда легко съѣздить въ городъ для покупки ремесленныхъ издѣлій.

Въ этомъ письмѣ — полный обзоръ направленія и дѣятельности Гулынской школы и ясная постановка задачи народнаго образованія, полезная не для одного этого счастливаго, въ этомъ отношеніи села.

Н. Н. Куликовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДНЕВНИКЪ ПРОФ. АКАД. АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1826 годъ

(январь, февраль, мартъ, апрѣль, май, юнь).

«Повѣсть о самомъ себѣ» [1]) обрывается на вступленіи автора въ новую жизнь, у стѣнъ университета—конечной цѣли всѣхъ его юношескихъ стремленій. Онъ не располагалъ на этомъ покончить, но собирался обработать въ стройное цѣлое и остальной запасъ своихъ воспоминаній. Судьба иначе рѣшила. Александру Васильевичу удалось по желанію обработать только незначительную часть этихъ воспоминаній: бо́льшая и, можетъ быть, интереснѣйшая часть ихъ осталась, послѣ него, въ сыромъ видѣ на страницахъ его дневника.

А дневникъ онъ велъ съ четырнадцати-лѣтняго возраста по самый день кончины, въ іюлѣ 1877 г. Такимъ образомъ накопилась масса тетрадей, а въ нихъ куча фактовъ и данныхъ самаго разнообразнаго содержанія. Приведенные въ порядокъ рукой самого автора, они, конечно, выиграли бы въ изложеніи и въ освѣщеніи, которое сообщило бы имъ его опытное перо. Но мы полагаемъ, что и въ настоящемъ отрывочномъ видѣ они представляютъ много интереснаго и поучительнаго. Записанные на скорую руку, факты, съ цѣлью только лучше сохранить ихъ въ памяти, безъ искусственной группировки и субъективныхъ выводовъ, часто говорятъ здѣсь убѣдительнѣе самыхъ краснорѣчивыхъ комментарій и въ своей неприкрашенной правдивости представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для будущаго историка данной эпохи.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 287—310; дек., стр. 549—582.

Къ сожалѣнію, въ непрерывной цѣпи этого матеріала, охватывающаго болѣе полу-вѣка, одинъ существенный пробѣлъ, а именно: въ ряду годовъ съ 1824 по 1877 гг. не достаетъ 1825 года, одного изъ самыхъ знаменательныхъ въ жизни Александра Васильевича.

Въ этомъ году онъ окончательно занялъ мѣсто въ обществѣ равноправнымъ членомъ его, впервые перешагнулъ за порогъ университета, гдѣ протекла почти вся послѣдующая его жизнь, сблизился съ передовыми людьми тогдашней молодой Россіи и чуть не былъ вовлеченъ въ водоворотъ, гдѣ погибло столько свѣжихъ силъ и надеждъ.

Пробѣлъ этотъ мы можемъ возстановить только въ нѣсколькихъ словахъ, на основаніи слышаннаго нами отъ Александра Васильевича при его жизни. Собственная же хроника его объ этомъ періодѣ времени, такъ или иначе, исчезла въ декабрьскомъ погромѣ 1825 г.

Молодой Никитенко вышелъ изъ дома графа *** съ обновленнымъ духомъ, но безъ всякихъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію—безъ пристанища, почти безъ хлѣба. Мамонтовъ усиленно хлопоталъ о томъ, чтобы его не съ пустыми руками выпустили изъ графской канцеляріи, но добился только выдачи ста рублей, которыми молодой человѣкъ, скрѣпя сердце, и пробавлялся добрую часть слѣдующаго года.

Поступленіе его въ университетъ, тѣмъ временемъ, состоялось уже безъ особенныхъ затрудненій, благодаря не остывавшему покровительству князя Голицына и другихъ лицъ, отнынѣ заинтересовавшихся его судьбой. При всемъ своемъ развитіи и способностяхъ, молодой человѣкъ не имѣлъ систематической школьной подготовки и врядъ-ли совладалъ бы съ рутиною вступительнаго экзамена...

Его, не въ примѣръ другимъ, безъ провѣрочнаго испытанія, допустили къ слушанію лекцій перваго учебнаго семестра, съ обязательствомъ только, при переходѣ на второй курсъ, сдать и вступительный экзаменъ.

Заступники Александра Васильевича передъ графомъ ***, съ Рылѣевымъ во главѣ, не прерывали съ нимъ сношеній и изъ покровителей скоро превратились въ добрыхъ пріятелей. Особенно часто видѣлся онъ съ (декабристами) Рылѣевымъ и княземъ Евгеніемъ Оболенскимъ. Послѣдній, въ іюлѣ 1825 г., даже пригласилъ его совсѣмъ на жительство къ себѣ, въ качествѣ воспитателя своего младшаго брата, тогда присланнаго къ нему изъ Москвы оканчивать образованіе.

Здѣсь молодой Никитенко очутился въ самомъ центрѣ тогдаш-

няго прогрессивнаго движенія. Согрѣтый лучами высокой гуманности, царившей въ этомъ обществѣ, гдѣ онъ былъ принятъ съ истинно братскимъ радушіемъ, Александръ Васильевичъ уже начиналъ считать себя у пристани. Онъ и не подозрѣвалъ, какая новая гроза зрѣла около него: она разразилась въ злополучный день 14-го декабря и застала его врасплохъ. Покровители и друзья, правда, щадили его юность и неопытность, а можетъ быть, и не довѣряли его зрѣлости и потому не посвящали его въ тайну замышленнаго ими государственнаго переворота. Тѣмъ не менѣе, когда разразился ударъ, онъ не могъ не отразиться косвенно и на Никитенко: будетъ или нѣтъ доказано, что онъ ни словомъ, ни дѣломъ не причастенъ къ заговору, а пока противъ него былъ фактъ сожительства съ однимъ изъ соучастниковъ въ немъ и частаго общенія съ другими. Понятно, въ какомъ вихрѣ новыхъ сомнѣній и опасеній очутился опять молодой человѣкъ; какъ терзался за судьбу друзей и за собственную участь. Въ этихъ тревогахъ и волненіяхъ, на распутіи между отчаяніемъ и надеждою, засталъ его новый 1826 годъ.

Дальше предоставимъ говорить самому Александру Васильевичу Никитенко.

С. Н.

1826 годъ.

Январь 1. Сегодня я проснулся въ скверномъ расположеніи духа. Ужасы прошедшихъ дней давили меня, какъ черная туча. Будущее представлялось мнѣ въ самомъ мрачномъ, безнадежномъ видѣ. Я все больше и больше погружался въ уныніе. Вдругъ явился Ростовцевъ. Онъ сегодня въ первый разъ вышелъ изъ комнаты послѣ болѣзни отъ ранъ, полученныхъ имъ въ бѣдственный день 14-го декабря.

Послѣ обычнаго дружескаго привѣтствія и поздравленія съ новымъ годомъ, онъ обрадовалъ меня двумя извѣстіями. Первое состояло въ томъ, что генералъ позволяетъ мнѣ перемѣнить квартиру и что, слѣдовательно, я раздѣлался съ сомнительнымъ и крайне непріятнымъ положеніемъ, уже болѣе двухъ недѣль томившимъ меня. Второе, что Өедоръ Николаевичъ Глинка, который вполнѣ заслуживаетъ любовь и уваженіе и котораго я искренно почитаю, — что Глинка, будучи представленъ государю императору, оправдалъ себя во всѣхъ подозрѣніяхъ, какими его кто-то очернилъ въ глазахъ правительства.

Бумаги Глинки были отобраны, а самъ онъ взятъ во дворецъ. Невинность его, однако, скоро обнаружилась и государь отпустилъ его домой, сказавъ:

— Не морщиться и не сердиться, господинъ Глинка! Нынѣ такія несчастныя обстоятельства, что мы, противъ воли, принуждены иногда тревожить и честныхъ людей. Я почиталъ васъ всегда умнымъ и благороднымъ человѣкомъ. Скажите всѣмъ вашимъ друзьямъ, что обѣщанія, которыя я далъ въ манифестѣ, положили рѣзкую черту между подозрѣніями и истиною, между желаніемъ лучшаго и бѣшенымъ стремленіемъ къ переворотамъ,—что обѣщанія эти написаны не только на бумагѣ, но и въ сердцѣ моемъ. Ступайте: вы чисты, совершенно чисты.

Получивъ извѣстіе объ арестѣ этого истинно добраго человѣка, я былъ очень огорченъ. Но проницательность государя не дала ему ошибиться на счетъ правилъ и духа нашего милаго поэта-христіанина.

Итакъ, новый годъ начался для меня лично не дурно, но какъ для многихъ другихъ?...

3. Я желалъ-бы сейчасъ же воспользоваться позволеніемъ генерала. Квартира эта сдѣлалась мнѣ тяжела, какъ могила. Но у меня ни копѣйки денегъ, а безъ нихъ не бываетъ на свѣтѣ ни квартиры, ни того, что нужно въ квартирѣ. Я въ крайне затруднительномъ положеніи. Всѣ связи, которыя могли бы послужить мнѣ въ пользу, порваны. Здѣсь я могу пробыть еще развѣ только нѣсколько дней, то есть пока здѣсь маленькій князь, мой воспитанникъ. Но и тутъ бѣда: этотъ юноша всегда былъ строптиваго нрава. Много хлопотъ доставлялъ онъ мнѣ. Я усердно старался внушить ему кое-какія хорошія правила и обуздать его буйную волю. Поставивъ себѣ это цѣлью, я терпѣливо переносилъ всѣ огорченія, всѣ грубости, коими его своенравіе щедро осыпало меня. Изрѣдка только удавалось мнѣ пробудить въ немъ добрыя чувства, да и то были лишь минутныя вспышки. Со времени же несчастія его брата онъ сдѣлался совершенно несносенъ. Я пробовалъ кротко увѣщевать его, но въ отвѣтъ получилъ нѣсколько грубостей и наши отношенія крайне натянуты.

А между тѣмъ онъ остеръ, не лишенъ способностей, одаренъ твердой волей. Но острота его направлена исключительно на изворотливость, а способности его заржавѣли отъ неупотребленія, какъ тотъ прадѣдовскій мечъ, о которомъ говоритъ Батюшковъ въ своихъ «Пенатахъ». Сила же воли въ немъ въ заключеніе превратилась въ своеволіе. Причина тому слѣдующая. Отецъ, добрый человѣкъ, въ младенчествѣ отдалъ его въ распоряженіе двухъ гувернеровъ,

француза и нѣмца, которые научили ребенка болтать на иностранныхъ языкахъ, но не дали ему ни здраваго смысла, ни нравственныхъ понятій. Князекъ росъ, а съ нимъ и прирожденные ему пороки. Когда его привезли изъ Москвы въ Петербургъ и поручили брату, онъ былъ уже въ полномъ смыслѣ слова шалунъ. Его помѣстили въ одинъ изъ французскихъ пансіоновъ, гдѣ учатъ многому, но не научаютъ почти ничему: онъ еще болѣе усовершенствовался въ разныхъ шалостяхъ. Братъ его, человѣкъ очень хорошій, но, по ложному пониманію Шеллинговой системы, положилъ: «ничѣмъ не стѣснять свободы нравственнаго существа», то есть своего братца. Слѣдствіемъ было уже сказанное выше. Впрочемъ, это едва ли не примѣнимо къ воспитанію почти всего нашего дворянства, особенно самаго знатнаго. У насъ обычай воспитывать молодыхъ людей «для свѣта», а не для «общества». Ихъ умъ развиваютъ на разныхъ тонкостяхъ внѣшняго приличія и обращенія, а сердце предоставляютъ естественнымъ влеченіямъ. Гувернеръ французъ ручается за успѣхъ «въ свѣтѣ», а за нравственность отвѣчаетъ одинъ случай.

Почти то же слѣдуетъ сказать и объ общественномъ воспитаніи у насъ. Добрые нравы составляютъ въ немъ предметъ почти посторонній. Наука преподается поверхностно. Начальники учебныхъ заведеній смотрятъ больше въ свои карманы, чѣмъ въ сердце своихъ питомцевъ. Въ одномъ только среднемъ классѣ замѣтны порывы къ высшему развитію и рвеніе къ наукамъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ наше дворянство, утопая въ невѣжествѣ, мало по малу приходитъ въ упадокъ, средній классъ готовится сдѣлаться настоящимъ государственнымъ сословіемъ.

5. Ростовцевъ просилъ меня переѣхать къ нему. Одна крайность развѣ заставила бы меня на это рѣшиться. Я увѣренъ въ его дружескомъ расположеніи ко мнѣ, но это самое налагаетъ на меня, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, обязанность быть особенно осторожнымъ. Государь императоръ его торжественно благодарилъ. Имя его сдѣлалось предметомъ жаркихъ толковъ въ столицѣ.

6. Въ то самое время, какъ я особенно горевалъ о моихъ печальныхъ обстоятельствахъ, нашъ добрый дворецкій, Егоръ, доложилъ мнѣ, что меня желаетъ видѣть генеральша Штеричъ, одна изъ дальнихъ родственницъ князя. Я нисколько не удивился, полагая, что она хочетъ переговорить со мной о моемъ воспитанникѣ. Но вышло нѣчто иное.

Я отправился къ ней въ пять часовъ вечера. Меня провели въ спальню. Тамъ я увидѣлъ въ постелѣ больную женщину среднихъ лѣтъ, съ пріятнымъ, умнымъ лицомъ. Это была г-жа Штеричъ.

Пригласивъ меня сѣсть, она, послѣ обычныхъ въ настоящее время разговоровъ о послѣднихъ бурныхъ событіяхъ, сказала: «Я слышала о васъ много хорошаго. Знаю, что вы теперь въ затруднительномъ положеніи. Если вы не найдете ничего для себя лучшаго, я вамъ предлагаю квартиру и столъ у себя».

Предложеніе было очень кстати, но ошеломило меня своей неожиданностью.

— «Но чѣмъ-же я, въ свою очередь, могу быть вамъ полезенъ и отплатить за то добро, которое вы мнѣ предлагаете»?

— «Этого вовсе не нужно», отвѣчала она, «я просто желаю вамъ помочь, какъ человѣку, того заслуживающему. Если вамъ угодно, вы можете переѣхать ко мнѣ въ слѣдующее-же воскресенье».

Поговоривъ еще немного, я раскланялся и ушелъ домой въ смущеніи и до сихъ поръ еще ни на что не рѣшился.

7. Я все больше и больше удостовѣряюсь въ дружескомъ расположеніи ко мнѣ Ростовцева. Онъ мнѣ опять предлагалъ убѣжище у себя и съ такимъ чувствомъ, какое можетъ внушить одна дружба.

Я, между прочимъ, познакомился у него еще съ В. Н. Семеновымъ, который мнѣ показался очень добрымъ человѣкомъ. Онъ служитъ при министрѣ народнаго просвѣщенія и самъ вызвался поговорить обо мнѣ съ нашимъ ректоромъ, съ которымъ хорошо знакомъ. При экзаменѣ я надѣюсь на себя по всѣмъ предметамъ, хотя послѣднее время и не могъ усидчиво заниматься. За то латинскій языкъ меня сокрушаетъ. Въ немъ я за весь прошлый годъ мало успѣлъ и въ этомъ самъ виноватъ: я не могъ принудить себя хорошенько заняться изученіемъ граматическихъ формъ, которыя скучны, но необходимы, а что необходимо, то должно быть сдѣлано, не взирая на трудности. Въ такомъ случаѣ слѣдовало-бы подражать Наполеону. Одинъ инженерный генералъ жаловался ему на трудности при взятіи какой-то крѣпости: «Не въ томъ дѣло, что трудно, генералъ, а въ томъ, можно-ли ее взять»?—«Да, консулъ, не невозможно».—«Ну, такъ впередъ!» и крѣпость, нѣсколько часовъ спустя, сдалась тому, у кого не было трудностей, а одна невозможность. Такъ и мнѣ слѣдовало-бы поступить и я не былъ-бы теперь въ необходимости прибѣгать къ снисхожденію добрыхъ людей.

Я каждый вечеръ провожу у Ростовцева.

8. У меня ни копѣйки денегъ. Я рѣшительно не зналъ, что предпринять. И изъ этой бѣды вывелъ меня Ростовцевъ. Онъ такъ дружески самъ предложилъ мнѣ небольшую сумму, что вынулъ жало изъ всегда тяжелаго положенія сознавать себя кому либо обязаннымъ.

Послѣ жестокой борьбы и продолжительныхъ размышленій, я

рѣшился перебраться къ г-жѣ Штеричъ. Быть не можетъ, чтобы у меня тамъ не нашлось дѣла.

9. Сегодня сдалъ я первый экзаменъ изъ богословія. Получилъ первые баллы, но не доволенъ собою: я отвѣчалъ не такъ точно и ясно, какъ хотѣлъ-бы и могъ-бы.

10. Сегодня я переселился въ домъ г-жи Штеричъ. Мнѣ отведена опрятная, хорошая комната. Предшествовавшіе моему переѣзду дни я жестоко терзался мыслію, что не буду имѣть въ этомъ домѣ никакой опредѣленной должности, которая избавляла-бы меня отъ печальной необходимости получать кровъ и пищу даромъ. Напрасныя терзанія. Свѣтская женщина, конечно, умѣетъ обработывать свои дѣла лучше, чѣмъ неопытный студентъ угадывать ея намѣренія.

Еще вчера г-жа Штеричъ пригласила меня къ себѣ обѣдать и послѣ разныхъ околичностей дала мнѣ замѣтить, что ей не будетъ противно, если я удѣлю нѣсколько своего времени на то, чтобы читать русскую словесность ея сыну, а также и нѣкоторыя другія науки (если у меня будутъ свободные часы!), нужныя для дипломатической службы, на которую этотъ молодой человѣкъ недавно поступилъ.

Слова г-жи Штеричъ сняли съ моего сердца тяжелое бремя. Я свободнѣе вздохнулъ и пожалѣлъ только, что она не выяснила мнѣ сразу своихъ намѣреній. Признательность моя отъ того не уменьшилась-бы, а уваженіе мое къ г-жѣ Штеричъ только возросло-бы. Какъ-бы то ни было, я теперь чувствую себя спокойнымъ: получая двѣ необходимѣйшія потребности жизни—кровъ и пищу, я буду платить за нихъ своимъ трудомъ.

Сынъ г-жи Штеричъ—молодой человѣкъ 17 лѣтъ. У него, кажется, доброе сердце и ясный умъ. Физіономія его очень пріятная, съ легкимъ оттѣнкомъ привлекательной задумчивости. Онъ получилъ отличное воспитаніе, въ которомъ нравственность не считалась дѣломъ случайнымъ. Не лишенъ онъ и нѣкоторыхъ познаній. Мать его въ этомъ отношеніи поистинѣ рѣдкая женщина. Она имѣетъ здравыя понятія о воспитаніи и думаетъ, что русскій дворянинъ не долженъ быть всѣмъ обязанъ своимъ рабамъ, но также кое-чѣмъ и самому себѣ. Она путешествовала съ сыномъ по Германіи и по Италіи, стараясь совершенствовать его воспитаніе.

Самъ молодой человѣкъ мнѣ нравится. Онъ набоженъ безъ суевѣрія, по влеченію сердца, и это одно уже ставитъ его выше толпы нашего знатнаго юношества, которое полагаетъ гордость своихъ лѣтъ и званія въ томъ, чтобы не уважать ничего, что уважается другими. Его можно упрекнуть развѣ въ томъ, что онъ вообще мало

размышлялъ и не доходитъ до глубины вещей. Но, сказать правду, размышлялъ-ли бы и я въ семнадцать лѣтъ, если бы исключительность моего положенія не подстрекала къ дѣятельности моихъ способностей. Природный умъ, конечно, и въ началѣ своего развитія не любитъ оставаться въ праздности, но съ другой стороны ничто не возбуждаетъ такъ его дѣятельности, какъ нужда и горькій опытъ. Я употреблю всѣ усилія, чтобы научить молодаго Штерича разсуждать не поверхностно, чтобы направить его честолюбіе на истинно полезное и дать его характеру твердость, безъ коей не бываетъ ничего ни умнаго, ни добраго.

11. Экзаменъ въ латинскомъ языкѣ. Я получилъ 3 балла. Стыжусь: переводъ, по которому профессора судятъ объ успѣхахъ студентовъ, сдѣланъ мною съ помощью одного изъ моихъ товарищей. Но если бы не это злоупотребленіе, то, не взирая на всѣ мои отличія по другимъ предметамъ, я не получилъ бы степени студента и не былъ бы переведенъ на второй курсъ. Даю себѣ слово впередъ быть благоразумнѣе, трудолюбивѣе и тверже.

13. Экзаменъ изъ теоретической философіи. На мою долю выпало много трудныхъ и запутанныхъ метафизическихъ задачъ. Говорятъ, профессоръ хотѣлъ отличить меня этимъ. Я съ честью выдержалъ испытаніе и получилъ первые баллы.

14. Сегодня студенты собрались на квартирѣ у Армстронга слушать мои объясненія практической философіи, изъ которой у насъ послѣ завтра экзаменъ. Всѣ чинно усѣлись за большимъ столомъ, гдѣ мнѣ было предоставлено мѣсто президента. Должно быть я былъ въ ударѣ: товарищи въ заключеніе осыпали меня благодареніями. Если мнѣ, дѣйствительно, удалось помочь имъ, я счастливъ.

Кстати, помѣщаю здѣсь характеристику нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей.

М........ кажется олицетвореніемъ живости и остроты ума. Онъ необыкновенно быстро схватываетъ предметы довольно трудные, но схваченное имъ не долго держится въ немъ. Вообще въ его умѣ, характерѣ и чувствахъ удивительная легкость, воспріимчивость, оборотливость, но безъ силы и постоянства. Говоритъ онъ такъ пріятно, что вызываетъ у васъ невольную улыбку, даже когда пускается въ личныя остроты — неизбѣжныя при такомъ складѣ ума. Счастливая природа его доставляетъ ему неистощимый запасъ самыхъ разнообразныхъ удовольствій. Онъ всегда живъ, веселъ, какъ истинная юность.

Д... разсуждаетъ не поверхностно: у него пытливый умъ и доброе сердце.

А.......... Умъ чистый, но не способный пускаться въ даль. Душа у него прекрасная, а нравственность человѣка, убѣжденнаго, что въ мірѣ нѣтъ ничего лучше добродѣтели. У него рѣдкая по качествамъ сердца мать.

С....... одержимъ стремленіемъ къ изящному и къ знанію, но умъ у него упрямый, какъ злая жена. Онъ и желалъ бы направить его на что-нибудь серьезное, да тотъ всѣми силами отбивается и кричитъ: «не хочу, не хочу!»

Л.......... имѣетъ видъ человѣка, всегда погруженнаго въ глубокія думы, но на самомъ дѣлѣ у него не много мыслей въ наличности, отъ того, можетъ быть, что онъ мало занимается наукой, которая даетъ для нихъ матеріалъ. Онъ съ энтузіазмомъ говоритъ о великихъ мужахъ, которымъ желалъ бы уподобиться, но, пренебрегая трудомъ, мало подаетъ на то надеждъ. Онъ, должно быть, до конца жизни останется только великимъ мечтателемъ.

К....... тонокъ, остроуменъ, съ обширными познаніями, но врядъ-ли обладаетъ твердостью духа, чтобы не падать подъ ударами судьбы.

Ч....... 1. Мягокъ и умомъ, и сердцемъ, и тѣломъ.

Ч....... 2. Маленькая лисичка. Умъ его въ хитрости, а сердце въ умѣ.

З....... Гибкій тѣломъ и характеромъ, желаетъ всѣмъ угождать на словахъ.

М....... флегматикъ, но не глупъ. Это будетъ вполнѣ дѣловой человѣкъ.

15. Экзаменъ изъ русской словесности. Я выдержалъ его хорошо.

16. Сегодняшній экзаменъ изъ практической философіи сопровождался большими непріятностями. Лодій, профессоръ правъ и философіи, одинъ изъ старѣйшихъ въ нашемъ университетѣ, а по духу старѣйшій изъ всѣхъ, ибо весь проникнутъ схоластикой XIII в. Онъ напалъ на профессора Пальмина, читающаго намъ практическую философію, и упрекалъ его въ томъ, что тотъ заставлялъ насъ слѣдовать ложной и опасной системѣ. Пальминъ держался основныхъ положеній Канта. Дѣло принимало серьезный оборотъ, такъ какъ въ него вмѣшалась личная вражда Лодія къ Пальмину, а вражда, какъ извѣстно, имѣетъ зоркіе глаза и умѣетъ открывать зло тамъ, гдѣ другіе и не подозрѣваютъ его. Мы ожидали дурныхъ для себя послѣдствій, особенно я, который составлялъ записки по данному предмету и пополнялъ ихъ собственными замѣчаніями. Но, благодаря сдержанности и благоразумію нашего профессора, все обошлось благополучно.

Итакъ, экзамены кончены. Я выдержалъ ихъ среди самыхъ бурныхъ приключеній моей жизни и по совѣсти выдержалъ съ честью, за исключеніемъ латинскаго, воспоминаніе о которомъ вызываетъ у меня краску стыда.

19. Былъ у Галича. Получилъ отъ него эстетику, недавно имъ написанную и напечатанную. Онъ говоритъ очень пріятно; сужденія его глубоки и возвышенны. У него я встрѣтился со старымъ своимъ знакомымъ, Тяжеловымъ, учителемъ кадетскаго корпуса; я съ нимъ не видѣлся уже болѣе года и теперь мы возобновили знакомство. Отъ Галича я пошелъ къ Пальмину, который обнадежилъ меня, что мнѣ не надо будетъ держать студентскаго экзамена.

22. Былъ у Ростовцева. Онъ опредѣленъ адъютантомъ къ великому князю Михаилу Павловичу. Ему, кажется мнѣ, не этого хотѣлось. Однако, государь къ нему попрежнему благосклоненъ. Съ его тонкимъ умомъ и честолюбіемъ онъ можетъ далеко пойти. Отношенія его ко мнѣ тѣ же, что и прежде.

23. Сегодня Ростовцевъ навѣстилъ меня. Онъ, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что князь Оболенскій въ показаніяхъ своихъ запуталъ многихъ и въ томъ числѣ Глинку, который ожидаетъ, что его опять арестуютъ. Если это случится, онъ собирается призвать меня въ свидѣтели, какъ всегда присутствовавшаго при его свиданіяхъ съ княземъ Оболенскимъ и потому могущаго подтвердить, что въ бесѣдахъ ихъ не было ничего политическаго. Онъ поручилъ Ростовцеву просить меня объ этомъ. Къ чему эта просьба? Если онъ поступитъ, какъ намѣревается, я и безъ того долженъ буду сказать истину, которая, впрочемъ, для него ни мало не предосудительна. Но, само собой разумѣется, я предпочелъ бы избѣжать этого новаго усложненія.

24. У г-жи Штеричъ собирается такъ называемое высшее общество столицы и я имѣю случай дѣлать полезныя наблюденія. До сихъ поръ я успѣлъ замѣтить только то, что существа, населяющія «большой свѣтъ», сущіе автоматы. Кажется, будто у нихъ совсѣмъ нѣтъ души. Они живутъ, мыслятъ и чувствуютъ, не сносясь ни съ сердцемъ, ни съ умомъ, ни съ долгомъ, налагаемымъ на нихъ званіемъ человѣка. Вся жизнь ихъ укладывается въ рамки свѣтскаго приличія. Главное правило у нихъ: не быть смѣшнымъ. А не быть смѣшнымъ, значитъ рабски слѣдовать модѣ въ словахъ, сужденіяхъ, дѣйствіяхъ также точно, какъ и въ покроѣ платья. Въ обществѣ «хорошаго тона» вовсе не понимаютъ, что истинно изящно, ибо общество это въ полной зависимости отъ извѣстныхъ, временно преобладающихъ, условій, часто идущихъ въ разрѣзъ съ изящнымъ. При-

нужденность изгоняетъ грацію, а систематическая погоня за удовольствіями дѣлаетъ то, что они вкушаются безъ наслажденія и съ постояннымъ стремленіемъ, какъ можно чаще замѣнять ихъ новыми. И подъ всѣмъ этимъ таятся самыя грубыя страсти. Правда, на нихъ набрасываютъ покровъ внѣшняго приличія, но послѣдній такъ прозраченъ, что не можетъ вполнѣ скрыть ихъ. Я нахожу здѣсь совершенно тѣ же пороки, что и въ низшемъ классѣ, только безъ добродѣтелей, прирожденныхъ послѣднему. Особенно поражаютъ меня женщины. Въ нихъ самоувѣренность, исключающая скромность. Я подъ скромностью разумѣю не одно чувство стыдливости въ сношеніяхъ между двумя полами, но и то свойство души, которое научаетъ находить середину между самоувѣренностью и отсутствіемъ сознанія собственнаго достоинства. Я знаю теперь, что «ловкость» и «любезность» свѣтской женщины есть не иное что, какъ способность съ легкостью произносить заученное, и вотъ правило этой ловкости и любезности: «одѣвайся, держи ноги, руки и глаза такъ, какъ приказала мадамъ француженка, и не давай языку своему ни минуты отдыха, не забывая при томъ, что французскія слова должны быть единственными звуками, издаваемыми этимъ живымъ клавишемъ, который приводится въ дѣйствіе исключительно легкомысліемъ». Въ самомъ дѣлѣ, знаніе французскаго языка служитъ какъ бы пропускнымъ листомъ для входа въ гостиную «хорошаго тона». Онъ часто рѣшаетъ о васъ мнѣніе цѣлаго общества и освобождаетъ васъ, если не навсегда, то на долго, отъ обязанности проявлять другія важнѣйшія права на вниманіе и благосклонность публики.

Февраль 2. Былъ у профессора и декана нашего факультета, Пальмина. Мой товарищъ Армстронгъ получилъ на экзаменѣ практической философіи почти послѣдніе баллы, между тѣмъ выдержалъ экзаменъ едва ли не лучше всѣхъ. Это его крайне огорчило и онъ просилъ меня объясниться по этому поводу съ деканомъ. Я самъ уже многимъ обязанъ профессору Пальмину, но не думаю, чтобы это должно было служить мнѣ препятствіемъ въ настоящемъ случаѣ. И дѣйствительно, мнѣ удалось достигнуть желаемаго. Деканъ принялъ въ соображеніе мое объясненіе и обѣщалъ поправить несправедливость. А когда я у него спросилъ, могу ли я самъ разсчитывать на то, что буду переведенъ на 2-й курсъ, онъ отвѣчалъ: «Кому же перейти, если не вамъ? Вы имѣете на то несомнѣнное право. Я со своей стороны, по крайней мѣрѣ, не позволю оказать вамъ несправедливость».

Горячо поблагодаривъ добраго профессора за себя и за товарища, я ушелъ успокоенный. Пальмину лѣтъ за сорокъ. Онъ, повидимому, флегматикъ, но не угрюмъ. У него добродушная улыбка и

онъ умѣетъ постоять за того, кто ему по душѣ. Со мной онъ всегда ласковъ и привѣтливъ, говоритъ тономъ дружбы, какъ съ равнымъ. У него здравый умъ. Онъ не систематикъ и ищетъ истины вездѣ, гдѣ только надѣется найти ее, и любитъ ее, въ какомъ бы видѣ она ему не представлялась. Практическое предпочитаетъ теоретическому и разсудокъ уму. Скроменъ. Испыталъ много превратностей, но перенесъ ихъ, какъ подобаетъ философу. И теперь участь его не блестящая. Онъ не богатъ, а семейство у него пребольшое. Я, между прочимъ, нахожу въ немъ сходство съ Ф. Ф. Ферронскимъ, моимъ добрымъ украинскимъ философомъ. Та же, повидимому, простота сердца и равнодушное отношеніе ко внѣшнимъ невзгодамъ. При всемъ томъ, говорятъ, что профессоръ этотъ не любимъ въ университетѣ. Но кто же умѣетъ такъ ненавидѣть и гнать, какъ ученые: имъ издревле принадлежитъ честь совершенствовать не одно хорошее, но и дурное.

8. Видѣлся съ Ростовцевымъ. Мнѣ съ чего-то пришло въ голову, что онъ, будучи нынѣ взысканъ счастьемъ, можетъ перемѣниться ко мнѣ. Однако, онъ мнѣ не далъ ни малѣйшаго повода о немъ такъ думать. Но я знаю его, знаю, что онъ честолюбивъ, а честолюбіе, сопровождаемое успѣхомъ, съ каждымъ шагомъ впередъ умаляетъ въ глазахъ честолюбца предметы, остающіеся у него позади, и такъ до тѣхъ поръ, пока они совсѣмъ стушуются и онъ ужъ не видитъ больше ничего, кромѣ самого себя. Если такъ случится съ Ростовцевымъ, мнѣ ничего не останется, какъ пожелать ему пріятныхъ сновъ въ объятіяхъ фортуны и удалиться съ его пути. Но, повторяю, до сихъ поръ я не имѣю ни малѣйшаго къ тому повода. А сердце подстрекаетъ меня вообще считать Ростовцева выше толпы и честолюбіе его относить къ разряду возвышенныхъ и просвѣщенныхъ.

10. Былъ у профессора словесности Бутырскаго. Въ его теоріи словесности много истинъ, особенно полезныхъ въ настоящее время, когда у насъ стали появляться писатели, отвергающіе правила здраваго смысла и думающіе, что вмѣсто изученія языка и всякихъ другихъ знаній довольно обладать фантазіей и сомнительнымъ остроуміемъ, чтобы заслужить право на безсмертіе. Мы вообще мало любимъ останавливаться на предметахъ и углубляться въ ихъ суть. Все, что отзываетъ трудомъ, для насъ нестерпимо. У насъ многіе люди, даже съ талантомъ, заражены язвою лѣни и стремятся легкимъ способомъ добывать похвалы и удивленіе. Для нихъ все рѣшаетъ минута энтузіазма: они называютъ это вдохновеніемъ и уже ни о чемъ больше не заботятся. Въ числѣ нашихъ модныхъ литераторовъ не мало такихъ. Я знакомъ съ иными и часто удивляюсь ихъ невѣ-

жеству съ одной стороны и рѣзкости сужденій съ другой о предметахъ, имъ вовсе или очень мало извѣстныхъ. Трудъ они называютъ педантствомъ. Для нихъ довольно познакомиться съ французскимъ языкомъ и прочесть на немъ нѣсколько книжекъ, чтобы считать свое образованіе оконченнымъ. Написавъ потомъ нѣсколько журнальныхъ статеекъ, нѣсколько мадригаловъ и пѣсенекъ, которымъ апплодируютъ въ гостиныхъ, они принимаютъ важный видъ заслуженныхъ литераторовъ и величественно успокоиваются на лаврахъ, мечтая, по очереди, о потомствѣ и о сытномъ обѣдѣ у какого нибудь мецената.

15. Сегодня, въ десять часовъ утра, всѣ студенты собрались въ университетъ. Былъ отслуженъ молебенъ и каждый изъ насъ получилъ свидѣтельство на званіе студента, а потомъ прочитано намъ росписаніе о переводѣ насъ на высшіе курсы. Я переведенъ на второй и со мной всѣ мои товарищи изъ вольнослушающихъ.

19. . . . . . нездоровъ. Въ болѣзняхъ, какъ и во всѣхъ бѣдахъ, главное не ослабѣвать духомъ, чтобы не дѣлаться слишкомъ чувствительнымъ къ самому себѣ. Мы страдаемъ не столько отъ постигающаго насъ зла, сколько отъ того расположенія духа, съ какимъ принимаемъ его. Надо всегда смотрѣть на зло не съ той стороны, съ какой оно представляется всего тягостнѣе, а съ той, съ которой является удобнымъ къ перенесенію, а сію сторону мы всегда найдемъ, если отнимемъ отъ зла все то, что придаетъ ему наше воображеніе, наше самолюбивое *я*, наша склонность считать себя средоточіемъ всего, насъ окружающаго.

28. Сегодня мнѣ гораздо лучше. Я спускался внизъ благодарить г-жу Штеричъ и опять бодро принялся за лекціи и за другія обязанности.

Мартъ. 1. Настоящее положеніе мое слѣдующее: я имѣю помѣщеніе очень хорошее, обѣдъ, чашку или двѣ чаю по утру и въ вечеру. Но денегъ ни гроша и никакой надежды ихъ откуда нибудь получить. Слѣдовательно, половина моихъ нуждъ удовлетворена, а другая, состоящая въ одеждѣ, еще зависитъ отъ будущей снисходительности судьбы. Въ этомъ домѣ всѣ со мной ласковы, а молодой человѣкъ особенно ко мнѣ вѣжливъ. Время мое такъ распредѣлено: встаю въ пять, иногда въ шесть часовъ, никогда позже. Въ дни, опредѣленные для лекцій, иду въ университетъ, возвращаюсь домой въ 12 часовъ, записываю лекціи или читаю сочиненія, имѣющія связь съ университетомъ. Въ 2 часа за мной обыкновенно присылаетъ г-жа Штеричъ. Я схожу внизъ и всегда застаю тамъ нѣсколько приглашенныхъ къ обѣду лицъ. Обѣдъ подаютъ въ 3 часа. Время это самое непроизводительное. Оно проходитъ въ разговорѣ, гдѣ мало

одушевленія. Толкують обыкновенно о городскихъ новостяхъ, а за недостаткомъ оныхъ перебираютъ старое. Ничего нѣтъ скучнѣе такого разговора. Вся задача собесѣдниковъ здѣсь не допустить молчанія, котораго свѣтскіе люди боятся хуже язвы. Я присвоилъ себѣ привиллегію тотчасъ послѣ обѣда уходить въ свою комнату, гдѣ около часа отдыхаю за книгою, не требующею размышленія. Потомъ приступаю къ отправленію новыхъ обязанностей: читаю курсъ словесности и исторіи молодому Штеричу. Въ свободное время посѣщаю знакомыхъ и университетскихъ товарищей. Къ чаю опять являюсь внизъ, гдѣ повторяется то-же, что и за обѣдомъ, а въ 11 часовъ ложусь спать.

7. Вчера дворецкій князя Евгенія Оболенскаго просилъ меня придти разобрать оставшіяся у него на рукахъ книги его господина. Онъ хотѣлъ уложить ихъ по матеріямъ и отослать въ Москву къ старому князю. Съ горькимъ, щемящимъ чувствомъ вошелъ я въ комнаты, гдѣ прошло столько замѣчательныхъ мѣсяцевъ моей жизни и гдѣ разразился ударъ, чуть не уничтожившій меня въ прахъ. Тамъ все было въ безпорядкѣ и запустѣніи. Я всталъ у окна и глубоко задумался. Солнце садилось и послѣдніе лучи его съ трудомъ пробивались сквозь облака, быстро застилавшія небо. Въ печальныхъ комнатахъ царила могильная тишина: въ нихъ пахло гнилью и уныніемъ. Что сталось съ еще недавно кипѣвшею здѣсь жизнью? Гдѣ отважные умы, задумавшіе идти наперекоръ судьбѣ и однимъ махомъ рѣшать вѣковыя злобы? Въ какую бездну несчастія повергнуты они! Ужъ лучше было-бы имъ разомъ пасть въ тотъ кровавый день, когда имъ стало ясно ихъ безсиліе обратить противъ теченія потокъ событій, неблагопріятныхъ для ихъ замысла!......

Размышленія мои были прерваны приходомъ адъютанта князя Оболенскаго: онъ пришелъ сюда за своими книгами. Мы поговорили нѣсколько минутъ и я ушелъ съ тоской въ сердцѣ.

12. Сегодня мнѣ исполнилось 23 года, если вѣрить старому календарю, въ которомъ рукой отца записанъ 1803 годъ, какъ годъ моего рожденія. Итакъ, юность моя отцвѣтаетъ. Мало людей, которые провели-бы ее такъ бурно, дѣятельно и безъ всякаго руководства. Я достигъ цѣли: свергнулъ съ себя ненавистное иго, подъ бременемъ котораго чуть не палъ, и вступилъ на поприще благородное, но каждый шагъ въ достиженіи этого я покупалъ цѣною страданій и напряженія всѣхъ своихъ силъ. Дальнѣйшій мой путь въ главныхъ чертахъ намѣченъ, а настоящее для меня скрашено расположеніемъ профессоровъ и любовью товарищей, между которыми я даже пользуюсь своего рода авторитетомъ. Вотъ хорошая

сторона моего теперешняго положенія, но у него есть и оборотная, не менѣе важная. Мнѣ предстоитъ еще около двухъ лѣтъ пробыть въ университетѣ и я на это время не обезпеченъ даже въ необходимѣйшихъ нуждахъ. И теперь, когда я, повидимому, во многомъ успокоенъ, мнѣ все-же приходится терпѣть отъ такихъ нуждъ, которыя тяжело ложатся на сердце, не говоря уже о бѣдственномъ положеніи моей матери, которое служитъ для меня источникомъ постоянныхъ мукъ.....

Занятіями моими въ этотъ годъ я доволенъ. Могу сказать по совѣсти, что я не терялъ времени и пріобрѣлъ много новыхъ познаній. Въ одномъ только я попрежнему плохъ: это въ латинскомъ языкѣ. У меня не хватаетъ ни времени, ни терпѣнія для изученія его формъ. Онъ просто возбуждаетъ во мнѣ отвращеніе.

15. Вотъ примѣръ свѣтскаго эгоизма. Меня недавно посвящала въ его тайны одна дама, съ тонкимъ знаніемъ свѣта и людей, слывущая за близкую пріятельницу г-жи Штеричъ. «Возьмемъ хоть насъ съ нею», говорила она, «мы точно не можемъ жить одна безъ другой. Рѣдкій день мы не вмѣстѣ. Но если вы полагаете, что мы это дѣлаемъ безъ всякаго разсчета, по внутреннему влеченію, вы очень ошибаетесь. Дѣло въ томъ, что я не люблю моего мужа и рада всякому случаю не быть съ нимъ вмѣстѣ. Пребываніе дома для меня отравлено его присутствіемъ и вотъ почему я безвыходно здѣсь. Госпожа Штеричъ, съ своей стороны, часто хвораетъ и нуждается въ собесѣдницѣ, которая развлекала бы ее. И вотъ между нами заключился своего рода негласный договоръ: я избавляюсь отъ необходимости обѣдать и пить чай съ глазу на глазъ съ ненавистнымъ человѣкомъ, а она получаетъ возможность меньше думать о своей болѣзни». Надо отдать справедливость этой дамѣ: она очень откровенна.

Апрѣль 6. Получилъ печальное извѣстіе изъ Малороссіи. Меня увѣдомляютъ о смерти Владиміра Ивановича Астафьева. Это былъ одинъ изъ ближайшихъ моихъ друзей и главный участникъ въ счастливой перемѣнѣ въ моей судьбѣ. Онъ былъ уменъ, образованъ, добръ, но неблагоразуміе молодости остановило успѣхи его среди самыхъ лучшихъ надеждъ, а слабости преклонныхъ лѣтъ сократили жизнь его.

Вѣсть о кончинѣ этого человѣка меня глубоко огорчила. Вокругъ меня мало по малу рѣдѣютъ знакомые и милые сердцу предметы. Новыя связи не замѣняютъ вполнѣ старыхъ: послѣднія какъ то всегда искреннѣе и прочнѣе. Не отъ того ли, что въ нихъ сердце предупреждаетъ разсудокъ, который потомъ только скрѣпляетъ его

выборъ? Память Астафьева навсегда останется для меня священной онъ въ полномъ смыслѣ слова былъ для меня вторымъ отцомъ: первый далъ мнѣ жизнь, а второй возможность употребить ее достойно.

11. Сегодня всѣ студенты собрались въ университетской аудіенцъ-залѣ, гдѣ ректоръ Дегуровъ произнесъ къ намъ слово, въ которомъ увѣщевалъ быть преданными нашему монарху. Рѣчь свою онъ подкрѣпилъ примѣромъ 14 декабря. Ректоръ говорилъ горячо и рѣчь его произвела впечатлѣніе.

18. Свѣтлое Христово Воскресеніе. Я не могъ сегодня, по обыкновенію, быть у заутрени и обѣдни и не слышалъ радостныхъ гимновъ, съ дѣтства пробуждавшихъ во мнѣ всегда отрадныя чувства. Несносный портной не успѣлъ окончить ко времени мундира и я до двухъ часовъ просидѣлъ дома. Потомъ я былъ съ поздравленіями у нѣкоторыхъ знакомыхъ. День вообще прошелъ скучно.

19. Былъ съ поздравленіемъ у Дмитрія Ивановича Языкова. Онъ принялъ меня очень ласково. Затѣмъ я пошелъ къ Ростовцеву и, къ счастію, засталъ его дома. Мы давно не видались и оба обрадовались случаю поговорить на свободѣ. Онъ какъ будто не совсѣмъ доволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ. Стезя честолюбія, по которой онъ вздумалъ идти, такова, что человѣку благородному по ней не пройти вовсе, или же, проходя, надо измучиться, постоянно насилуя себя. Улыбка сильныхъ и вниманіе толпы не могутъ дать удовлетворенія тому, чье сердце, дѣйствительно, бьется отъ полноты любви къ людямъ и къ добру, въ комъ развита потребность внутренней жизни и самодѣятельности. Можно принимать сіи дары, подносимые двусмысленною благосклонностью или своенравіемъ людей и фортуны, можно даже иногда искать ихъ, но для того только, чтобы сдѣлать изъ нихъ употребленіе, достойное высшихъ цѣлей. Надо искать всего, что расширяетъ кругъ нашей дѣятельности, но стремиться съ любовью, съ энтузіазмомъ и съ твердостью должно только къ тому, что неизмѣнно и справедливо.

Мы разстались съ Ростовцевымъ, давъ другъ другу слово чаще видѣться.

24. Остальные дни праздниковъ прошли довольно скучно. Ничего нѣтъ несноснѣе одиночества въ толпѣ, занятой исключительно удовольствіями и соблюденіемъ внѣшнихъ приличій, а еще того хуже, когда свѣтскій вихрь и васъ косвенно задѣваетъ, выхватываетъ васъ изъ будничной трудовой обстановки и заставляетъ тоже кружиться въ сферѣ мелкихъ прихотей и безсодержательнаго веселья.

29. Слушалъ лекціи изъ исторіи философіи. Мы занимались греками и, по обыкновенію, начали съ Ѳалеса. Профессоръ обращался

къ намъ съ вопросами, на которые мы, по его словамъ, отвѣчали удовлетворительно.

30. По утру зашелъ послушать лекцію профессора Т—ву о словесности. Засталъ оную уже на половинѣ: онъ трактовалъ о красотѣ. Потомъ я былъ на лекціи статистики проф. З. Онъ читалъ намъ общее обозрѣніе Европы. Профессоръ З., кажется, слишкомъ любитъ пускаться въ подробности, но онъ очень хорошо объясняетъ свой предметъ, т. е. точно, толково и чистымъ языкомъ. У него грубая, полудикая физіономія, но его пріятно слушать.

Май 1. Отъ 8 до 10 часовъ утра слушалъ лекцію естественнаго права у профессора Лодія. Послѣдователи французской школы по этому праву говорятъ: «Люди рождаются свободными и равными въ разсужденіи правъ и пребываютъ свободными и равными въ нихъ. Цѣль всякой государственной связи есть сохраненіе природныхъ и неотъемлемыхъ правъ человѣка. Сіи же права суть: свобода, собственность, безопасность и власть противоборствовать угнетенію». Французы старались принаравливать всѣ положенія естественнаго права къ политическимъ идеямъ того времени—это ясно. Но опроверженіе, которое намъ вообще предлагалъ нашъ профессоръ, показалось мнѣ неудовлетворительнымъ. Понятія: свобода, собственность и власть противоборствовать угнетенію надлежало бы разсмотрѣть въ отвлеченности, а онъ показалъ намъ только злоупотребленія, кои дѣлались въ примѣненіи ихъ, и тѣмъ самымъ какъ бы доказывалъ ихъ полную несостоятельность, чего, конечно, не могъ имѣть въ виду.

2. Сегодня я былъ приглашенъ на обѣдъ къ Мамонтову. Тамъ засталъ я большое общество. Мамонтовъ праздновалъ свое новоселье по древнему русскому обычаю, но новымъ французскимъ способомъ, т. е. орошая его въ изобиліи шампанскимъ. У меня отъ этого галлицизма закружилась голова не меньше, чѣмъ отъ словесныхъ галлицизмовъ нашихъ свѣтскихъ людей. Мамонтовъ былъ очень веселъ и поощрялъ къ тому же своихъ гостей. Впрочемъ, все это не выходило изъ предѣловъ приличія. Я очень уважаю этого умнаго и добраго старика и люблю его за то, что во дни скорби онъ протянулъ мнѣ дружескую руку, и словомъ и дѣломъ служилъ мнѣ оплотомъ противъ козней Дубова и другихъ. Два сына его были со мной въ университетѣ и только нынѣшній (1826) годъ окончили курсъ. Многочисленное семейство окружало сегодня Мамонтова, какъ патріарха.

3. Пошелъ было на лекціи, которыхъ, однако, не было, потому что профессоръ Бутырскій не пришелъ. Потомъ все утро занимался дѣлами г-жи Штеричъ, которыя, сказать правду, отнимаютъ у меня не мало таки времени.

5. Занимался приведеніемъ въ порядокъ и обработкой лекцій, но на этотъ разъ съ усиліемъ, безъ внутренняго расположенія къ труду. На мнѣ, должно быть, сказывается утомленіе отъ массы постороннихъ дѣлъ, которыми я заваленъ.

12. Всѣ эти дни провелъ въ обычныхъ занятіяхъ... Положеніе мое съ каждымъ днемъ становится все затруднительнѣе. Помимо стола и квартиры, ни одна изъ другихъ моихъ нуждъ не обезпечена: ни одежда, ни учебныя пособія. А время мое, за исключеніемъ часовъ, проводимыхъ на лекціяхъ, почти цѣликомъ принадлежитъ г-жѣ Штеричъ. Я не только занимаюсь съ ея сыномъ, но и всѣми ея дѣлами вообще. Но не имѣя никакого съ нею договора, я, конечно, не вправѣ ничего и ожидать. Что-же мнѣ дѣлать? Одно остается: просить государя, чтобъ онъ далъ мнѣ возможность окончить курсъ въ университетѣ. Объ этомъ надо подумать и посовѣтоваться съ Д. И. Языковымъ. Только, я полагаю, это лучше сдѣлать послѣ коронаціи.

20. Сегодня было годичное торжественное собраніе въ нашемъ университетѣ. Было много посѣтителей и въ томъ числѣ дюкъ Брогліо, генералъ французской службы, занимающій первое мѣсто въ свитѣ французскаго посла, маршала Мармонта. Прекрасный мужчина. Черты лица его благородны и выразительны, движенія граціозны и непринужденны. Глядя на него, я понялъ, какъ далеки отъ своего образца наши подражатели французскаго стиля въ обращеніи. Они перенимаютъ внѣшніе пріемы и думаютъ, что въ этомъ все. Между тѣмъ имъ прежде всего слѣдовало бы проникнуться тѣмъ духомъ гуманности и общительности, какимъ преисполнены французы, а пріемы явились бы уже сами собой, вмѣстѣ съ внутренней граціей, безъ которой не бываетъ внѣшней.

Актъ продолжался часа три, но мы, студенты, собрались гораздо раньше и провели время довольно пріятно, расхаживая по залѣ и дѣлая наблюденія надъ приходящими. Профессоръ и секретарь совѣта Бутырскій прочелъ отчетъ дѣятельности университета за прошлый годъ — отчетъ, изъ коего, не смотря на всѣ старанія оратора доказать противное, было очевидно, что просвѣщеніе въ столицѣ не сдѣлало за это время большихъ успѣховъ. Ректоръ Дегуровъ произнесъ на французскомъ языкѣ рѣчь о вліяніи просвѣщенія на народы: ее очень хвалили. Профессоръ Пальминъ часа полтора говорилъ о добродѣтеляхъ покойнаго императора Александра Павловича. Любопытнѣе всего былъ отрывокъ изъ литературныхъ лекцій профессора Бутырскаго, который прочелъ оный съ обычною своей

пріятностью. Дѣло шло «о сущности поэзіи». Немногіе изъ нашихъ глубоко вникаютъ въ его теорію, между тѣмъ въ ней много истинъ, которыя могли бы принести большую пользу нашей литературѣ, если бы къ нимъ захотѣли повнимательнѣе прислушаться.

25. Вчера вечеромъ было студентское собраніе въ домѣ Лингвиста. Мы читали теорію уголовнаго права; я объяснялъ товарищамъ нѣкоторыя затруднительныя мѣста. Мы провели часа четыре очень пріятно.

Іюнь 6. Всѣ эти дни усердно занимался лекціями и сдѣлалъ кое-какія полезныя пріобрѣтенія въ этомъ смыслѣ.

14. Смотрѣлъ похоронную процессію императрицы Елисаветы Алексѣевны. Вышелъ изъ дому слишкомъ рано и съ тремя товарищами бродилъ по Лѣтнему саду. Мы смотрѣли на толпу, пеструю и крайне разнообразную, замѣчали физіономіи. Наконецъ, мнѣ надоѣло ждать и я уже собрался идти домой. Вдругъ пушечные выстрѣлы возвѣстили приближеніе процессіи. Я занялъ не особенно выгодное мѣсто, но пришлось имъ довольствоваться, ибо тѣснота была невообразимая. Процессія между тѣмъ приблизилась. Я навелъ мой лорнетъ, началъ разсматривать и, признаюсь въ моемъ безчувствіи, не увидѣлъ ничего, что бы меня сильно тронуло. Впрочемъ, этому, конечно, я самъ виноватъ. Я вообще не охотникъ до зрѣлищъ, полагающихъ такое великое различіе между человѣкомъ и человѣкомъ... Дѣвицы патріотическаго общества, шедшія по двѣ въ рядъ; мужики въ богатыхъ кафтанахъ, жалованныхъ имъ покойною императрицею; фигуры въ черныхъ мантіяхъ; роскошная карета покойницы; великолѣпный гробъ съ ничтожными останками величія—все это проносилось передо мной, какъ китайскія тѣни. Въ заключеніе я, какъ малая капля въ океанѣ, отхлынулъ съ толпой отъ Марсова поля и направился домой, повторяя про себя избитыя, но многозначительныя слова: «суета суетъ» и т. д....

17. Церемоніймейстеръ печальной процессіи Ш. возилъ меня сегодня въ Петропавловскую крѣпость или, лучше сказать, въ церковь при ней, посмотрѣть печальное убранство оной. Церковь не обширна, но съ гробами покоющихся въ ней царей, съ высокимъ пышнымъ катафалкомъ, на коемъ возлежалъ новый прахъ, готовый тоже занять мѣсто подъ печальными сводами—все это представляло нѣчто мрачное и величественное. Картина эта въ первую минуту произвела на меня сильное впечатлѣніе. Но моему торжественному настроенію духа былъ скоро положенъ конецъ. Вокругъ катафалка, какъ рой трутней, вертѣлась толпа придворныхъ дамъ и мужчинъ:

они шептались, шаркали, любезничали, волочились съ видомъ дѣловой важности, очевидно воображая, что отправляютъ службу отечеству. «Да, господа», подумалъ я, «это ваше дѣло. Вы всегда у мѣста тамъ, гдѣ нечего дѣлать». Какъ суетятся они, какая озабоченность во взглядахъ, какое самодовольство на лицахъ! О, это великіе люди... при похоронахъ царей.

Выходя изъ крѣпости, я взглянулъ на рѣшетчатыя окна тюремъ. И тамъ тѣ-же могилы! Бѣдные страдальцы! Ахъ, если бы и вы умѣли, какъ тѣ, другіе, находить удовлетвореніе въ самодовольствѣ: вѣдь оно способно скрасить самый адъ, имѣя въ него доступъ. Ваши счеты съ сердцемъ, конечно, могутъ дать вамъ полное удовлетвореніе, но счеты съ разумомъ, пожалуй, дадутъ въ итогѣ горькій осадокъ недовольства и сомнѣній. И праведникъ, если хочетъ дѣйствовать, долженъ быть мудръ, ибо праведникъ безъ мудрости — безсильное дитя...

26. Два дня на этой недѣлѣ я провелъ съ рѣдкимъ удовольствіемъ. Въ четвергъ, по окончаніи лекцій, въ 12 часовъ, я съ двумя ближайшими изъ моихъ товарищей, Михайловымъ и Делемъ, отправился на дачу (за Лѣсной корпусъ) къ третьему, студенту же, Армстронгу. Онъ былъ именинникъ и мы дали ему слово провести этотъ день съ нимъ. Шли мы туда въ отличномъ настроеніи духа. Между нами не прерывалась одушевленная бесѣда. Мы говорили о разныхъ отвлеченныхъ предметахъ съ полнымъ сочувствіемъ и гармоніей въ мысляхъ, и не замѣтили, какъ очутились у порога дачи, гдѣ были радушно встрѣчены семействомъ Армстронга. Насъ уже ожидалъ сытный обѣдъ. Усталые отъ продолжительнаго пути и сердечныхъ изліяній, мы быстро уничтожили его. Послѣ обѣда настали сельскія удовольствія: мы бѣгали, шутили, смѣялись, катались въ лодкѣ между хорошенькими островками на пруду. Михайловъ превзошелъ самъ себя въ остроуміи. Немного спустя, къ намъ присоединилось еще два товарища, студенты математическаго факультета. Общество наше сдѣлалось шумнѣе, но менѣе пріятно. Гармонія была нарушена и я ушелъ въ себя.

Вечеромъ всѣ уѣхали. Я остался одинъ съ Армстронгомъ. Мы вышли въ поле. Солнце, въ видѣ раскаленнаго шара, спускалось на горизонтѣ; лѣсъ подергивался туманомъ; предметы вдали постепенно исчезали и звуки дневной суеты замирали. Люблю я эту торжественную тишину прекрасной лѣтней ночи: она всегда отрадно, успокоительно на меня дѣйствуетъ. Давно уже не наслаждался я близостью природы. Лѣтніе вечера для меня ничѣмъ не отличаются отъ зим-

нихъ въ душномъ каменномъ Петербургѣ. Они и въ то, и въ другое время года ознаменовываются для меня единственно необходимостью сходить внизъ, пить чай. Чистый, благорастворенный воздухъ давно не освѣжалъ моей крови и я съ жадностью глоталъ его. Запахъ молодыхъ березокъ не можетъ сравниться ни съ какимъ ароматомъ, вѣющимъ отъ нашихъ модницъ и модниковъ.

Долго бродили мы безъ цѣли и плана, забывъ о лекціяхъ и ежедневныхъ заботахъ, не поминая прошлаго, не думая о будущемъ, довольные собою и всѣмъ міромъ. Не часто удается мнѣ до такой степени забываться въ настоящемъ, но чѣмъ рѣже такія минуты, тѣмъ глубже отъ нихъ слѣдъ...

Домой мы пришли послѣ одиннадцати. Намъ подали ужинъ: кусокъ холоднаго жаркаго и горшокъ кислаго молока, называемаго простоквашею. Послѣдняя мнѣ пришлась особенно по вкусу: она напомнила мнѣ домашніе ужины и обѣды, гдѣ молоко въ разныхъ видахъ всегда играло главную роль. Мать моего товарища была такъ ласкова, привѣтлива, даже нѣжна, что я чувствовалъ себя совершенно легко и свободно. Тихій, здоровый сонъ заключилъ этотъ пріятный день, какого я уже давно, давно не испытывалъ.

На слѣдующее утро, тотчасъ послѣ чаю, мы опять отправились бродить по окружнымъ полямъ. Къ намъ присоединился товарищъ Ч., общество котораго намъ было пріятно, и не внесло, по вчерашнему, разлада въ мое праздничное настроеніе духа. Итакъ, весь день опять прошелъ въ прогулкахъ. Вечеромъ мы ходили пить чай въ маленькую деревушку верстахъ въ двухъ отъ дачи Армстронга. Въ полѣ у стройной березы, подъ синимъ шатромъ неба, былъ поставленъ столикъ: мы усѣлись вокругъ и время пролетѣло незамѣтно въ оживленной бесѣдѣ. Солнце, склоняясь къ западу, наконецъ, напомнило намъ, что пора и домой.

На другой день, послѣ утренняго чая, я вмѣстѣ съ Ч. отправился въ Петербургъ пѣшкомъ же. Госпожа Штеричъ встрѣтила меня ласково, замѣтила, что соскучилась безъ меня, и прибавила, что черезъ четыре дня уѣзжаетъ въ Москву.... У насъ начались каникулы, но дѣла пропасть. Надо привести въ порядокъ однѣ лекціи и составить другія, напримѣръ, по богословію и исторіи философіи. А тутъ еще французскій и латинскій языки ...

30. Я получилъ печальное извѣстіе съ родины. Братъ мой, Григорій, недавно женился и такъ хорошо, что съ его женитьбой значительно улучшилось и матушкино положеніе. Это было большимъ для меня успокоеніемъ: она могла, наконецъ, отдохнуть отъ заботъ

о насущномъ хлѣбѣ для своей семьи. Но вдругъ получаю извѣстіе, что въ селѣ Алексѣевкѣ, куда переселился братъ въ домъ, полученный имъ въ приданое за женой, пожаръ истребилъ триста семьдесятъ дворовъ. Я трепеталъ за брата, но все еще надѣялся, что бѣда не коснулась его. Теперь нѣтъ больше сомнѣній: домъ и все имущество его сгорѣло. Такимъ образомъ, благополучіе нашего семейства было опять только мимолетнымъ сномъ.

А. В. Никитенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сообщ. С. А. Никитенко.

ПЛАТОНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ АНТОНОВИЧЪ

род. 1812 г., † въ декабрѣ 1883 г.

Въ весьма обстоятельномъ и полномъ живаго интереса историко-біографическомъ очеркѣ «Графъ Н. И. Евдокимовъ», помѣщенномъ въ «Русской Старинѣ» (изд. 1888 г., кн. IV), между прочимъ переданъ любопытный разсказъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ 18-го сентября 1837 г. состоялось личное свиданіе извѣстнаго кавказскаго генерала Клюки-фонъ-Клугенау съ главою мюридовъ Шамилемъ. Свиданіе это было условлено, съ цѣлію пригласить Шамиля прибыть въ Тифлисъ, гдѣ онъ могъ бы лично заявить свои вѣрноподданническія чувства императору Николаю Павловичу, посѣтившему тогда Кавказъ, и такимъ образомъ подтвердить искренность незадолго предъ тѣмъ даннаго имъ клятвеннаго обѣщанія прекратить враждебныя дѣйствія противъ русскихъ. На свиданіе, какъ сообщаетъ авторъ очерка, Шамиль явился, сопутствуемый 200 мюридовъ, а Клугенау, кромѣ 25 человѣкъ конвоя, былъ сопровождаемъ лишь штабсъ-капитаномъ Н. И. Евдокимовымъ, состоявшимъ при немъ въ качествѣ адъютанта, да унтеръ-офицеромъ Антоновичемъ (изъ польскихъ военноплѣнныхъ).

Относительно упоминаемаго здѣсь унтеръ-офицера Антоновича, отъ котораго самъ имѣлъ случай слышать вышеозначенный разсказъ, нахожу нелишнимъ исправить вкравшуюся ошибку. Антоновичъ, Платонъ Александровичъ, былъ не изъ польскихъ военноплѣнныхъ и родомъ не полякъ, а малороссъ, уроженецъ Кролевецкаго уѣзда, Черниговской губерніи, и предки его, въ четырехъ поколѣніяхъ до дѣда включительно, были православные священники. П. А. Антоновичъ воспитывался въ новгородсѣверской гимназіи, во время директорства извѣстнаго педагога и ученаго Ильи Ѳедоровича Тимковскаго, и по окончаніи курса въ 1829 году, семнадцатилѣтнимъ юношей, поступилъ сначала въ харьковскій университетъ, гдѣ пробылъ одинъ годъ, а затѣмъ перешелъ въ московскій по словесному факультету.

Въ февралѣ 1833 года Антоновичъ, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ студентовъ московскаго университета, былъ разжалованъ въ рядовые, съ лишеніемъ дворянскаго достоинства и съ написаніемъ

въ одинъ изъ полковъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, за то, какъ выражено въ его послужномъ спискѣ, что, слыша о тайномъ обществѣ губернскаго секретаря Сунгурова, составленномъ въ Москвѣ, не только не донесъ объ этомъ правительству, но еще домогался узнать отъ Сунгурова обстоятельнѣе о томъ обществѣ [1]).

По прибытіи на Кавказъ, П. А. Антоновичъ зачисленъ былъ въ Апшеронскій пѣхотный полкъ, входившій въ составъ отряда, дѣйствовавшаго подъ начальствомъ генералъ-маіора Клюки-фонъ-Клугенау. Генералъ Клугенау, по свойственной ему гуманности, отнесся не только снисходительно, но съ теплымъ участіемъ къ молодому человѣку, понесшему слишкомъ тяжелую кару за свое юношеское увлеченіе и пытливость, въ сущности же отличавшемуся твердыми нравственными правилами, прямымъ и благороднымъ характеромъ. Впослѣдствіи Платонъ Александровичъ всегда съ чувствомъ глубокой признательности вспоминалъ о томъ вниманіи и радушіи, которымъ онъ пользовался со стороны почтеннаго генерала и всего его семейства. Въ іюлѣ 1837 г. Антоновичъ произведенъ былъ, за отличіе въ сраженіи противъ горцевъ, въ унтеръ-офицеры, а въ сентябрѣ того же года сопутствовалъ генералу Клугенау при личномъ свиданіи и переговорахъ его съ Шамилемъ.

Весьма примѣчательна, по своей многосторонности, дальнѣйшая служебная дѣятельность П. А. Антоновича. Въ 1838 году онъ переведенъ былъ въ Тенгинскій полкъ, расположенный на восточномъ берегу Чернаго моря [2]) и въ маѣ 1839 г., за отличіе въ сраженіяхъ съ горцами,

---

[1]) Въ «Русскомъ Архивѣ», изд. 1887 г., помѣщена была статья покойнаго Я. И. Костенецкаго: «Воспоминанія изъ студенческой жизни», въ которой подробно изложенъ весь ходъ слѣдственнаго дѣла о такъ называемомъ сунгуровскомъ тайномъ обществѣ. Костенецкій, изъ дворянъ Конотопскаго уѣзда и сверстникъ Антоновича по гимназіи, былъ также въ числѣ потерпѣвшихъ по сунгуровскому дѣлу и также попалъ рядовымъ на Кавказъ. Прикосновенные къ тому-же дѣлу студенты: Кольрейфъ (сынъ лютер. пастора въ Москвѣ) и Кноблохъ (родомъ изъ Сарепты) записаны были рядовыми въ Оренбургскій корпусъ, а Кошевскій въ Тобольскій корпусъ. А. Т.

[2]) Генералъ Филипсонъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Архивѣ», изд. 1883 г., № 6, говоря о назначеніи своемъ на должность завѣдывающаго штабомъ начальника Черноморской береговой линіи въ концѣ 1830-хъ годовъ, такъ отозвался о П. А. Антоновичѣ:

—«Къ счастію, я нашелъ себѣ хорошаго сотрудника. Это былъ унтеръ-офицеръ Тенгинскаго полка Антоновичъ. Онъ былъ студентомъ московскаго университета и оттуда съ жандармомъ отправленъ рядовымъ на Кавказъ за то, какъ сказано въ его формулярномъ спискѣ, что, зная о существованіи тайнаго общества, не только не донесъ о томъ правительству, но допытывался у губернскаго секретаря Сунгурова, изъ кого состоитъ это общество и какая его цѣль.

произведенъ въ прапорщики, съ назначеніемъ правителемъ канцеляріи начальника черноморской береговой линіи, которымъ въ то время былъ генералъ-лейтенантъ Ник. Ник. Раевскій. Въ той же должности онъ оставался и при послѣдующихъ начальникахъ береговой линіи, генералахъ Анрепѣ и Будбергѣ и адмиралѣ Серебряковѣ. Вскорѣ по открытіи военныхъ дѣйствій въ Крыму, на П. А. Антоновича, уже въ чинѣ полковника, возложено было исправленіе должности Керчь-Еникольскаго градоначальника, а по занятіи Керчи непріятелемъ въ началѣ 1855 г. ему представилась не легкая обязанность покинувшее городъ бѣднѣйшее населеніе временно разселить и устроить въ сѣверныхъ уѣздахъ Таврической губерніи и по заключеніи мира вновь водворить въ полуразрушенномъ и опустошенномъ городѣ. Съ окончаніемъ крымской войны, Антоновичъ состоялъ по особымъ порученіямъ при новороссійскомъ генералъ-губернаторѣ графѣ А. Г. Строгоновѣ; въ 1861 году, съ производствомъ въ генералъ-маіоры, назначенъ былъ одесскимъ градоначальникомъ, а чрезъ два года бессарабскимъ губернаторомъ. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстой, во время обозрѣнія учебныхъ заведеній въ Бессарабіи, познакомился съ П. А. Антоновичемъ и предложилъ ему занять постъ попечителя кіевскаго учебнаго округа. Назначенный, въ 1868 г., на эту должность, Платонъ Александровичъ занималъ ее въ теченіи 12 лѣтъ; въ 1880 году, въ чинѣ генералъ-лейтенанта и состоя кавалеромъ орд. св. Александра Невскаго, согласно прошенію, по болѣзни, былъ уволенъ отъ должности попечителя и скончался 8-го декабря 1883 года въ г. Керчи.

Въ заключеніе настоящей замѣтки, нелишнимъ нахожу прибавить, что Платону Александровичу довелось вторично, но при совершенно другой обстановкѣ, встрѣтиться съ Шамилемъ. Это случилось въ то время, когда Шамиль, получивъ высочайшее соизволеніе поселиться въ Турціи, былъ проѣздомъ въ Кіевѣ. П. А. Антоновичъ, свидѣвшись съ нимъ и напомнивъ ему о переговорахъ, которые

Причина, очевидно, достаточная для того, чтобы разбить всю будущность и отравить жизнь 18-ти лѣтняго юноши. Судьба поправила несправедливость людей: Антоновичъ съ честію вынесъ тяжелое испытаніе и впослѣдствіи болѣе 10 лѣтъ занималъ должность попечителя кіевскаго учебнаго округа, въ чинѣ генералъ-лейтенанта. При бойкихъ умственныхъ способностяхъ и хорошемъ образованіи, П. А. Антоновичъ обладаетъ замѣчательною практическою мудростью и умѣетъ жить съ людьми. Это человѣкъ вполнѣ правительственный и дорогой дѣятель на всякомъ служебномъ поприщѣ. Совершенно непонятно, какъ изъ него ухитрились сдѣлать революціонера. Его нравственные принципы безупречны. Образъ его мыслей въ сущности либеральный; но онъ прежде всего вѣрный и разумный исполнитель распоряженій правительства». А. Т.

въ 1837 г. велъ съ нимъ генералъ Клюки-ф.-Клугенау, и о своемъ участіи въ свитѣ послѣдняго, между прочимъ, предложилъ вопросъ: отчего онъ не согласился тогда на предложенныя русскимъ генераломъ условія? Шамиль отвѣчалъ: «если русскіе въ то время не могли покорить горцевъ, то, очевидно, они не могли бы и защитить меня, если бы я отдался подъ ихъ защиту».

А. В. Телесницкій.

8-го декабря 1888 г.
С.-Петербургъ.

Полковникъ де-Граве и Ѳ. М. Достоевскій

[Омской острогъ].

Читая интересную статью А. П. Милюкова въ достойнѣйшемъ журналѣ «Русская Старина» изд. 1881 г. о Ѳедорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ, я вспомнилъ о недостойной статьѣ одного изъ соузниковъ Достоевскаго по заключенію въ Омскомъ острогѣ, кажется поляка, вышедшей тотчасъ-же послѣ смерти Ѳедора Михайловича, также въ 1881-мъ году, и напечатанной въ то время въ нѣкоторыхъ газетахъ. Въ этой статьѣ неизвѣстный авторъ повѣствуетъ, яко-бы Ѳедоръ Михайловичъ отъ плацъ-маіора омской крѣпости Кривцова подвергался до трехъ разъ наказанію розгами. Это совершенная небылица. Г. Кривцовъ по своей желчности и скверному характеру, можетъ быть, и въ состояніи былъ-бы это сдѣлать, но при такомъ добрѣйшемъ и достойнѣйшемъ комендантѣ, какой былъ въ то время въ Омскѣ—полковникъ де-Граве, никакъ бы не посмѣлъ; комендантъ на другой же день, при утреннемъ рапортѣ, не преминулъ бы доложить объ этомъ корпусному командиру и не поздоровилось-бы Кривцову! Не можетъ быть, чтобы говоръ объ экзекуціи, постигшей писателя Ѳ.М. Достоевскаго, не распространился-бы по городу, я же служилъ въ то время въ корпусномъ штабѣ старшимъ адъютантомъ и не могъ-бы не знать, если-бы такой случай произошолъ. Да сверхъ того, госпитальное начальство, гдѣ, какъ упоминаетъ авторъ, послѣ секуціи Ѳ. М. Достоевскій былъ на излѣченіи, не оставило бы варварскій поступокъ Кривцова въ секретѣ.

Не могу умолчать, что къ участи Ѳ. М. Достоевскаго многіе относились въ Омскѣ весьма сочувственно; въ госпиталѣ же извѣстный нашъ писатель оставался весьма долго на излеченіи своей постоянной болѣзни (падучей), по которой поступалъ, и госпитальныя дамы по своей гуманности, въ особенности жена старшаго доктора г-жа Троицкая, посылали Достоевскому чай и часть изъ своего обѣда.

Н. Т. Черевинъ.

Г. Любимъ, Ярослав. губ.
8-го декабря 1888 г.

КЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ

1820—1830 гг.

XLIV [1]).

Нечаевъ къ А. А. Бестужеву.

Москва, 9-го ноября 1825 г.

Насилу ты откликнулся, милая моя Шехеразада! Не было о васъ ни слуху, ни духу, — и я, право, не зналъ, что о тебѣ подумрть. Послѣднее письмо твое оправдывало тебя передо мною и тѣмъ дружескимъ запросомъ, который ты безъ обиняковъ дѣлаешь мнѣ на счетъ московскаго твоего притона. Безъ обиняковъ и я тебѣ отвѣчаю, что свѣтлица твоя занята секретаремъ моимъ, котораго надолго перемѣстить нельзя, не вскипятивъ чернильной его крови. Да и тебѣ, конечно, будетъ веселѣе провести зиму съ тѣми, которые не страдаютъ по моему отъ поч.... и не поютъ съ утра до вечера:

Она прошла, сей жизни сладость!

Со всѣмъ тѣмъ я очень тебѣ обязанъ, что со мною напередъ оговорился. Иначе я могъ-бы подумать, что ты на меня дуешь губы или боишься моихъ домовыхъ, которые у соннаго тебя вытащили 50 р Помнишь-ли хлопоты твоего Личарды или Ричарда (право, не знаю, какъ написать правельнѣе).—При всемъ моемъ невзгодьѣ я надѣюсь на дружбу твою, что ты хотя два разика въ мѣсяцъ пріѣдешь ночевать у меня, какъ въ первый разъ, подлѣ моей комнаты, въ гостиной,—и мы по утру кой о чемъ [побалакаемъ], какъ не удастся поговорить ни въ какой иной часъ цѣлыхъ сутокъ. Даешь ли мнѣ въ этомъ

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1888 г., томъ LIX, октябрь, стр. 149—168; ноябрь, стр. 311—332; декабрь, 583—600.

честное слово, мой Алистеръ? Мои требованія очень скромны и немногимъ превышаютъ условія Русалки съ Видостаномъ.

Между тѣмъ Полевой идетъ своей чередой, и Шаликовъ издыхаетъ. Вотъ приготовлена ему и эпитафія:

Надежды цѣлаго семейства
Убилъ журналомъ Полевой:
Мужъ умеръ, бѣшеный отъ книжнаго злодѣйства,
Жена отъ мужниныхъ побой.

Хочешь-ли еще что нибудь похуже моей фабрики:

Я незавидую Париду:
На трехъ богинь взирать онъ могъ;
Одну я видѣлъ Зеneиду—
И весь Олимпъ у милыхъ ногъ!

Ты, вѣрно, угадываешь, о какой Зенеидѣ идетъ дѣло. Это наша полярная Коринна, къ которой опредѣлился я въ ледяные Освальды

Но вотъ тебѣ приложеніе немножко подѣльнѣе. Ежели рѣшишься напечатать въ «Звѣздѣ», эти стихи, пожалуйста, попроси, чтобы правописаніе и пунктуацію оставили, какъ у меня они значутся. Люблю въ дѣтяхъ видѣть себя даже съ моими родинками и пятнами! Ты взялъ съ собою мое посланіе къ Ліодору. Больше и лучше на сей разъ почти ничеге нѣту. Вяземскаго въ Москвѣ не нашлось: онъ не возвращался изъ костромскихъ своихъ вотчинъ [1]). Здѣсь Баратынскій, но боленъ, и я его еще не видалъ. Впрочемъ, и самъ я недавно воротился изъ деревни. Съ нетерпѣніемъ ждемъ твоихъ повѣстей. Давыдовъ догадывается, что Кровь за кровь [2]) родомъ изъ Кавказа. Якубовичъ былъ твоею Музою. Пожми за меня богатырскую его руку. Привези его съ собою. Обнимаю почтеннаго Рылѣева, которому пора переселиться изъ чужбины на родную Русь, въ матушку Москву, гдѣ... Но ваше сердце болѣе меня наговоритъ вамъ въ ея пользу. Не знаю, что будетъ послѣ Голицына, а въ его планетной системѣ довольно свѣта и теплоты.

Не знаю также, зачѣмъ переворотилъ страницу. Можно было бы и тамъ внизу подписать фанальное слово Нечаевъ.

P. S. «Святый Боже! Святый крѣпкій».—Кого это везутъ на кладбище??—Андрей Семеновъ Кологривовъ приказалъ долго жить. —Новый Анакреонъ! говорятъ, онъ умеръ въ храмѣ Цетереи.

---

[1] Ср. дальше письмо кн. Вяземскаго къ А. А. Бестужеву, № XLV. В. Я.
[2]) Повѣсть Марлинскаго (А. А. Бестужева).

XLV.

Кн. П. А. Вяземскій къ А. А. Бестужеву.

Остафьево. 18-го ноября 1825 г.

Поздно отвѣчаю на ваше гнѣвно дружеское письмо, любезный Александръ Александровичъ, потому что поздно получилъ его за поѣздкою своею въ Костромскую деревню, куда ѣздилъ за недоимками и ѣздилъ безуспѣшно. Вотъ отчего и я у васъ въ недоимкѣ, но дайте срокъ—справлюсь и исправлюсь. Дѣло въ томъ, что у меня на станкѣ для васъ піеса капитальная, которую не хочется выпустить въ безобразномъ видѣ, хотя нашъ капитальный губернаторъ и Безобразовъ. Черезъ недѣлю доставлю свой оброкъ, а мелочныхъ вкладчинъ моихъ у васъ много, не такъ ли?

Вѣрьте, что я и самъ сердечно желалъ васъ видѣть въ Петербургѣ, но я никого не видалъ за краткостію времени, за разными недосугами и досадными заботами, которыя сдѣлали изъ меня въ послѣднее пребываніе мое въ Петербургѣ человѣка ни на что негоднаго. За отъѣздомъ Тургеневыхъ у меня даже не было комнаты своей, и я бивуакировалъ въ одной канцеляріи. Мѣсто ли это для дружескихъ свиданій? Усмирите сердце свое и примите мое оправданіе и равно искреннее сожалѣніе, что я не видался съ вами. Только смотрите, не отплачивайте тѣмъ-же и, когда пріѣдете въ Москву, дайте тотчасъ вѣсть о себѣ. Можетъ быть, я тогда буду еще въ подмосковной. Милости просимъ, какъ снѣгъ на голову!

Простите, любезный рыцарь Полярной Звѣзды! А мнѣ сказали было, что вы свой альманахъ обращаете въ журналъ, и я порадовался. Кто о чемъ, а я все брежу о хорошемъ журналѣ.

Мой сердечный поклонъ вашему Полуксу. Жена вамъ кланяется.

XLVI.

А. С. Грибоѣдовъ къ А. А. Бестужеву.

Екатериноградская станица. Ноября 22-го 1825 г.

Повѣришь ли, любезный мой теска, что я только нынче получилъ письмо твое? А доказательствомъ, что я боюсь остаться въ долгу, пусть будетъ тебѣ поспѣшность, съ которой отвѣчаю. Нынѣшній день у насъ, линейскихъ, богатъ происшествіями,—сюда прибылъ Алексѣй Петровичъ; кругомъ меня свисты, висты, бредни и проч. Не самая

благопріятная пора, чтобы собраться съ мыслями, но откладывать до завтра не хочу,—кто знаетъ, гдѣ мы завтра будемъ, и скоро ли наживешь здѣсь хоть сутки спокойствія? Досугу не имѣю ни на секунду, окруженъ шумнымъ сонмищемъ, даже сплю не одинъ,—въ моей комнатѣ находится Мазаровичъ, съ латинскимъ молитвенникомъ и дипломатическими замыслами; одно спасеніе, это изъ постели на лошадь и въ поле. Кавказская цѣпь ни откудова, отъ Тамани до Каспійскаго моря, не представляется такъ (величественно), какъ здѣсь; не свожу глазъ съ нея; при ясной, солнечной погодѣ туда, за снѣжныя вершины, въ глубь этихъ ущелій погружаюсь воображеніемъ и не выхожу изъ забвенія, покудова облака или мракъ вечерній не скроютъ совершенно чудеснаго, единственнаго вида; тогда только возвращаюсь домой къ друзьямъ и скоморохамъ. Климатъ необыкновенный. На Малкѣ я началъ что-то поэтическое, по крайней мѣрѣ, самому очень нравилось, обстоятельства прервали, остылъ, но при первой благопріятной перемѣнѣ снова завьюсь въ эѳиръ. Что ты пишешь? скажи мнѣ; одно знаю, что оргіи Юсупова срисовалъ мастерскою кистью, сдѣлай одолженіе, внеси въ повѣсть, нарочно составь для нихъ какую нибудь рамку. Я это еще не разъ перечитаю себѣ и другимъ порядочнымъ людямъ въ утѣшеніе. Этакій старый придворный подлецъ! Оржицкій передалъ ли тебѣ о нашей встрѣчѣ въ Крыму? Вспоминали о тебѣ и о Рылѣевѣ, котораго обними за меня искренне, по республикански. Зовутъ меня. Прощай. Не пеняй, что мало, не пеняй, что толку немного, но ей-ей! я сегодня въ вихряхъ ужасныхъ.

P. S. Любезнѣйшій Александръ, не полѣнись, напиши мнѣ еще разъ и побольше, что въ голову взойдетъ; не повѣришь, какимъ веселымъ расположеніемъ духа я тебѣ нынче обязанъ, а со мною это рѣдко случается. Поклонись Булгарину. Ни Пчелы, ни Сѣвернаго Архива, ни Сына Отечества не могу достать,—какіе мы здѣсь безграмотные!

Мой адресъ. Начальнику Кавказа, корпуснаго штаба ген.-маіору Вельяминову, не забудь, а то письмо твое опять прокочуетъ мѣсяцевъ шесть.

Адресъ: въ С.-Петербургъ. Его высокоблагородію м. г. Александру Александровичу Бестужеву. У Синяго моста, въ домѣ Американской компаніи.

XLVII.

А. С. Грибоѣдовъ къ В. К. Кюхельбекеру.

Станица Екатериноградская 27-го ноября 1825 г.

Душа моя, Вильгельмъ. Спѣшу увѣдомить тебя о моемъ житьѣ, покудова не народился новый мѣсяцъ, а съ нимъ и новыя приключенія: еще нѣсколько дней и, кажется, пущусь съ Алексѣемъ Петровичемъ въ Чечню, если тамъ скоро утишатся военныя смуты, перейдемъ въ Дагестанъ, а потомъ возвращусь къ вамъ на сѣверъ. Здѣсь многіе, или лучше сказать, всѣ о тебѣ вспоминаютъ: Вельяминовъ, съ которымъ я до сихъ поръ слонялся по верхней Кабардѣ, Коцебу 2-й, Цебриковъ, Талызинъ, Устимовичъ, Павловъ etc., etc., и даже старикъ нашъ, не смотря на прежнюю вашу ссору, разспрашивалъ о тебѣ съ большимъ участіемъ. Аттестатъ вышлется къ тебѣ надняхъ. Мазаровичъ непремѣнно бы наградилъ тебя длинною эпитемьею, да, по счастью, надумывается для важныхъ депешъ къ Несельроду и Комп.; мы живемъ въ одной комнатѣ, я у него подъ носомъ то курю, то стрѣляю; впрочемъ, скоро разстанемся, я въ горы, а онъ черезъ, обратно въ Тифлисъ. Ты былъ въ родахъ въ тотъ разъ, какъ приписалъ мнѣ строчки двѣ въ письмѣ Одоевскаго, что-же произвелъ? Пришли прочесть,—дай мнѣ быть воспріемникомъ, не смотря, что мы въ разлукѣ.

Меня слишкомъ лѣниво посѣщаетъ вдохновеніе; теперь о томъ и помышлять нечего, развлеченіе безпрестанное. Бѣгичевъ въ послѣднемъ письмѣ утѣшаетъ меня закономъ упругости, что пружина, на время сжатая, коль скоро исчезнетъ препятствіе, съ большимъ порывомъ отпрянетъ и на свободѣ сильнѣе будетъ дѣйствовать; а я полагаю, что у меня дарованіе въ родѣ мельничнаго колеса, и коли дать ему волю, такъ оно вздоръ замелетъ; право, милый мой Вильгельмъ, не знаю, съ кѣмъ я умомъ подѣлился, но на мою долю осталось немного. Помоги тебѣ Богъ, будь меня достойнѣе во мнѣніи друзей и недруговъ. Кстати о достоинствѣ: какой нашъ старикъ чудесный [1]), не взирая на всѣ о немъ кривые толки; вотъ уже нѣсколько дней какъ я присталъ къ нему въ родѣ тѣни, но ты не повѣришь, какъ онъ занимателенъ, сколько свѣжихъ мыслей, глубокаго познанія людей всякаго разбора, остроты разсыпаются полными горстями,

[1]) Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Ред.

ругатель безжалостный, но патріотъ, высокая душа, замыслы и способности точно государственные, истинно русская, мудрая голова. По долговременной отлучкѣ я ему еще лучше узналъ цѣну. Это не помѣшаетъ мнѣ когда нибудь съ нимъ разсориться, но уваженія моего онъ ни въ какомъ случаѣ утратить не можетъ.

Дѣла здѣшнія были довольно плохи, и теперь горизонтъ едва проясняется. Кабарду Вельяминовъ усмирилъ, однимъ ударомъ свалилъ двухъ столповъ вольнаго, благороднаго народа. Надолго ли это подѣйствуетъ? Но вотъ какъ происходило. Кучукъ Джанхотовъ въ здѣшнемъ феодализмѣ, самый значительный владѣлецъ, отъ Чечни до Абазеховъ никто не коснется ни табуновъ его, ни подвластныхъ ему ясырей, и нами поддержанъ, самъ тоже считается изъ преданныхъ русскимъ. Сынъ его, любимецъ Алексѣя Петровича, былъ при посольствѣ въ Персіи, но не раздѣляя любви отца къ Россіи, въ послѣднемъ вторженіи закубанцевъ, былъ на ихъ сторонѣ, и вообще храбрѣйшій изъ всѣхъ молодыхъ князей, первый стрѣлокъ и наѣздникъ и на все готовый, лишь бы кабардинскія дѣвушки воспѣвали его подвиги по ауламъ. Велѣно его схватить и арестовать. Онъ самъ явился по приглашенію въ Нальчихскую крѣпость, въ сопровожденіи отца и другихъ князей. Имя его Джамбулатъ, въ сокращеніи по черкески Джамботъ. Я стоялъ у окна, когда они въѣзжали въ крѣпость, старикъ Кучукъ, обвитый чалмою въ знакъ того, что посѣтилъ святыя мѣста, Мекку и Медину, другіе не столько знатные владѣльцы ѣхали поодаль, впереди уздени и рабы пѣшіе; Джамботъ въ великолѣпномъ убранствѣ, цвѣтной тишлой сверхъ панцыря, кинжалъ, шашка, богатое сѣдло и за плечами лукъ съ колчаномъ. Спѣшились, вошли въ пріемную. Тутъ объявлена имъ воля главнокомандующаго. Здѣсь арестъ не то, что у насъ, не скоро дастъ себя лишить оружія человѣкъ, который въ немъ всю честь полагаетъ. Джамботъ рѣшительно отказался повиноваться. Отецъ убѣждалъ его не губить себя и всѣхъ, но онъ былъ непреклоненъ; начались переговоры; старикъ и нѣкоторые съ нимъ пришли къ Вельяминову съ просьбою не употреблять насилія противъ несчастнаго смѣльчака, но уступить въ семъ случаѣ было бы несогласно съ пользою правительства. Солдатамъ велѣно окружить ту комнату, гдѣ засѣлъ ослушникъ; съ нимъ былъ другъ его Канаматъ....; при малѣйшемъ покушеніи къ побѣгу отданъ былъ приказъ, чтобы стрѣлять. Я, знавши это, заслонилъ собою окно, въ которое старикъ отецъ могъ бы все видѣть, что происходило въ другомъ домѣ, гдѣ былъ сынъ его. Вдругъ раздался выстрѣлъ. Кучукъ вздрогнулъ и поднялъ глаза къ небу. Я оглянулся. Выстрѣлилъ Джамботъ изъ окна, которое вышибъ ногою, потомъ высунулъ руку съ кинжаломъ, чтобы

отслонить окружающихъ, выставилъ голову и грудь, но въ ту-же минуту ружейный выстрѣлъ и штыкъ прямо въ шею повергли его на землю, вслѣдъ за этимъ еще нѣсколько пуль не дали ему долго бороться со смертію. Товарищъ его прыгнулъ за нимъ, но середи двора также былъ встрѣченъ въ упоръ нѣсколькими выстрѣлами, палъ на колѣна, но они были раздроблены, оперся на лѣвую руку, и правою успѣлъ еще взвести курокъ пистолета, далъ промахъ и тутъ же лишился жизни.

Прощай, мой другъ; мнѣ такъ мѣшали, что не дали порядочно досказать этой кровавой сцены; вотъ уже мѣсяцъ, какъ она происходила, но у меня изъ головы не выходитъ. Мнѣ было жаль не тѣхъ, которые такъ славно пали, но старца отца. Впрочемъ, онъ остался неподвиженъ и до сихъ поръ не видно, чтобы смерть сына на него сильнѣе подѣйствовала, чѣмъ на меня. Прощай еще разъ. Кланяйся Гречу и Булгарину.

XLVIII.

Величко къ К. Ѳ. Рылѣеву.

(1823—1825).

Почтеннѣйшій! Наконецъ Величко тряхнулъ стариною. Кое-какъ собралъ бурною петербургскою жизнью разсѣянные цвѣты московскихъ музъ, бросилъ ихъ на бумагу, вычистилъ сколько могъ по своему уразумѣнію, и при семъ вамъ представляетъ. Примите на себя трудъ прочитать ея калякáнье, именемъ его убѣдите Александра Александровича Бестужева также пробѣжать этотъ вздоръ, и если вы сыщете его достойнымъ для помѣщенія въ Полярную, то вмѣстѣ соблаговолите сдѣлать замѣчанія карандашемъ. Я непремѣнно воспользуюсь ими и что надобно исправлю. Въ противномъ же случаѣ, то есть — буде трактатъ мой о словесности вамъ не понравится, возвратите мнѣ его безъ всякихъ замѣчаній; огненнымъ путемъ полетитъ онъ отъ меня въ высшія страны атмосферы, достигнетъ Олимпа и заставитъ боговъ чихать сряду нѣсколько столѣтій...

XLIX.

Ѳ. В. Булгаринъ къ А. О. Корниловичу.

Суббота, 11 ч. вечера (1820—1823?).

Ты меня совершенно разстроилъ не только на сегодняшній день, но и надолго. Я не зналъ, что ты такая недотрога, и не думалъ обижать тебя, смѣявшись на суету твоего богомолья. Я чувствую, что съ моимъ характеромъ мнѣ вовсе не надобно ходить въ компаніи молодыхъ людей, гдѣ въ старые годы шутили и подшучивали другъ надъ другомъ, смѣялись и не сердились. Ты напрасно сравнивалъ себя и свое положеніе со сценою, бывшею между мною и Гречемъ. Гречъ, прихвастывая на счетъ моихъ сочиненій, утверждалъ клевету моихъ враговъ, что все лучшее у меня написано Гречемъ. Тебѣ же извѣстно, что Гречъ кромѣ ѣ и запятыхъ ничего не поправляетъ, какъ было и съ твоимъ переводомъ исторіи [1]). Слѣдовательно, у меня вышло дѣло чести и репутаціи. А твое богомолье съ перваго взгляда принято за шутку, ибо всякій мальчикъ имѣетъ довольно ума, чтобъ разсудить, что ни ты, ни Гладковъ не могутъ говѣть въ армянской, католической и русской церквахъ. Развы вы всѣ и ты не шутили на счетъ моихъ знакомствъ съ Руничемъ, Магницкимъ, Милорадовичемъ? Развѣ я сердился? (Это) говорятъ и на улицахъ, а я смѣюсь, увѣренъ будучи, что меня никто изъ знакомыхъ не почтетъ шпіономъ или наушникомъ. Даю формальную клятву никогда, никакъ не шутить съ тобою, и буду держаться съ тобою твоего собственнаго правила, чтобы не быть ни съ кѣмъ фамильярнымъ и ни съ кѣмъ не дружиться: но только съ тобою однимъ, а съ прочими буду жить, какъ меня создала мачеха природа. Ты, выходя, сказалъ, что со мною нельзя жить близко и на этикетахъ. Если это было сказано искренне, то сожалѣю, что ты не зналъ меня. Безъ сомнѣнія, общество князей и графовъ этикетнѣе моего, а дружба съ (Цеплинымъ), Шторхомъ, Френомъ и Корсаковымъ не доведетъ до фамильярности. Но не знаю, найдешь ли у нихъ болѣе привязанности къ себѣ и дружбы, сколько ты всегда имѣлъ въ моемъ фамильярномъ сердцѣ. Впрочемъ, я обѣщаю тебѣ торжественно исправиться и быть столь-же холоднымъ, какъ ты и друзья твои. Не заходить иначе, какъ по дорогѣ

---

[1]) Военная исторія походовъ россійскихъ въ XVIII ст., 4 ч., сочиненіе А. Бутурлина, пер. А. Корниловичъ. 1819—1823 гг.—Отрывки этого перевода были напечатаны въ „Сынѣ Отечества" 1813 и 1823 гг. В. Я.

или когда надобно просидѣть четверть часа, чтобъ идти за дѣломъ: словомъ, буду жить съ тобою по нѣмецки, но никогда не забуду, что ты для меня сдѣлалъ, какъ я много тебѣ обязанъ по журналу. и всегда тайно буду любить тебя. Θ. Булгаринъ.

Адресъ: A Monsieur Monsieur de Kornilowicz, capitaine et...

L.

Баронъ Θедоръ Корфъ [1]) къ А. О. Корниловичу.

(Неизвѣстнаго года).

М. г. Александръ Осиповичъ! Имѣвъ удовольствіе уже нѣсколько разъ испытать ваше благорасположеніе, осмѣливаюсь безпокоить васъ новою просьбою, которая изложена ниже.

Во-первыхъ, прошу васъ потрудиться доставить мнѣ тотъ томъ Бюшинга, въ коемъ находится на французскомъ языкѣ исторія Бирона, герцога Курляндскаго, если она вамъ не нужна.

Потомъ прошу васъ, если это возможно, дать мнѣ обѣщанныя вами сочиненія: Russische Günstlinge, 1-й и 2-й томъ Histoire de Catherine II par Castera и Бумаги или Документы о заключеніи Антона Ульриха Брауншвейгскаго въ Холмогорахъ.

Наконецъ, осмѣливаюсь просить васъ, чтобъ вы потрудились прочесть нижеслѣдующій реестръ сочиненій, и если у васъ находятся нѣкоторыя изъ оныхъ и они теперь вамъ не нужны, то нельзя ли вамъ ссудить меня ими на нѣкоторое время.

Если что либо изъ просимаго мною возможно, то я прошу васъ назначить день, въ который могъ бы я прислать къ вамъ человѣка.

Надѣюсь, что вы исполните просьбу мою и чрезъ то крайне обяжете меня.

Имѣю честь и проч. бар. Θеодоръ Корфъ.

P. S. Прилагаю при семъ реестръ книгамъ, касающимся біографіи Іоанна III.

Schmidt-Phiseldek's Materialen zu d. Rus. Geschichte, Einleitung in die Rus. Geschichte.—Hemzel's Leben d. Gr. Ostermann's. — Müller's Sammlung Russischer Geschichte (1-е изданіе). — Яковлева, Жизнь принцессы Анны, правительницы Россіи.—Mercure historique et politique (1741, стр. 499). — Geschichte der Kais. Elisabeth.—Des Gr. zu Linar hinterlassene Staatsschriften.—Biographie Peter's III.—Leben d. Kaiser. Anna.—Der Allerdurchlauchtigsten Anna Ioannowna Personalia. — Das glückselige Russland unter der

[1]) Баронъ О. К. Корфъ, генералъ-маіоръ? В. Я.

Regierung d. Kais. Anna. — Geschichte von dem Leben, der Regierung und Verstossung vom Throne Iwan's III.—Leben, Schicksal und Tod des bekannten russischen Prinzen Iwan.—Die merkwürdige Lebensgeschichte Peters III.—La vie de Munich par Haum. — Personalia d. Kais. Elisabeth. — Iwan's III Entthronung.—Merkwürdiges Leben d. wohlbekannten E. J. Büren.—Geschichte E. J. von Biron.—Merkwürdigkeiten d. Rus. Geschichte unter Peter III. — Mémoires pous servir à l'histoire de Pierre III.—Merkwürdige Lebens Beschreibungen.—Schlözers Münzgeschichte. — Progrés de la puissance russe.—Busching's Abhandlungen und Nachrichten aus und von Russland.—Lesebuch für Est- und Livland, 4-tes Stück.

Адресъ: A Monsieur Monsieur de Kornilowitch, officier de l'Etat Major, par bonté.

LI.

А. А. Бестужевъ къ А. О. Корниловичу.

(Неизвѣстнаго года).

Привѣтствую тебя, любезный Корниловичъ. Я вчерась пріѣхалъ въ столицу. Увѣдомь, пожалуйста, когда и какъ прислали отвѣтъ изъ полка, и скоро ли можетъ выйти рѣшеніе и не нужно ли посредство Бетанкура для поспѣшности дѣла? Отпиши объ этомъ по аккуратнѣе, а сегодня развѣдай, милый, въ штабѣ и пришли мнѣ сказать. Муханову три тысячи привѣтовъ. (Де ла рондо) его здоровъ ли? Я все еще въ карантинѣ, но, кажется, ввечеру пущусь на бѣлый свѣтъ. Твой Александръ.

6 часовъ утра. (Адресъ: г. Корниловичу).

LII.

А. А. Бестужевъ къ неизвѣстному.

(Неизвѣстнаго года).

Я радъ, что не засталъ тебя дома. Всегда лучше пишется, нежели говорится. Дѣло вотъ въ чемъ. Я перечелъ сегодня письмо твое и увидѣлъ, что тебя оскорбилъ своимъ. Меня зазрила совѣсть, и я прошу извиненія,—тѣмъ болѣе, что въ запискѣ моей къ шуткѣ примѣшивалась и досада. Хотя ты много виноватъ передо мною своею неоткровенностью, но это не дѣлаетъ правымъ меня и я не могу долго держать за языкомъ душу. Что будетъ съ дружествомъ, если мы перестанемъ другъ въ другѣ вѣрить доброму или станемъ вѣрить только дурному?

Одно къ одному. Что ты ни говори, а между нами пробѣжала черная кошка. Тогдашнее объясненіе не только не разувѣрило, но даже убѣдило меня въ противномъ, ибо слова твои вовсе разнились съ тѣмъ, что говорилъ(а) Ел. Ив., или воображеніе мое, какъ фантасмогорія, увеличиваетъ предметы, но это отъ того, что они въ туманѣ. Какъ бы то ни было, а мнѣ у тебя становится неловко; я привыкъ къ твоему дому, какъ къ родному, животная привычка трехъ лѣтъ укоренила это чувство. Но теперь, когда мнѣ кажется, что за мной глядятъ, какъ за воромъ, и самому мнѣ пришлось не только быть, но и казаться честнымъ, то, признаться, тяжело. И потому не приписывай рѣдкость моихъ посѣщеній какому нибудь гнѣву или неудовольствію. Ты знаешь, какъ я бѣгаю всякаго принужденія. Я бросилъ для этого всѣ знакомства. Не удивись же, что я сокращу твое. Думаю, что дружба наша отъ того не потерпитъ. Твой Александръ.

(Даты нѣтъ никакой).

II. Письма разныхъ лицъ къ А. А. Ивановскому.

LIII.

В. П. Андроссовъ [1]).

Москва. 1825 г., янв. 14-го.

Суждено, видно, мнѣ не выйти изъ вины передъ вами, Андрей Андреевичъ! Простите ли вы мнѣ вину мою или продолжите вашу опалу, я все-таки страшно виноватъ. Какъ, думаю самъ, не отвѣчать цѣлый мѣсяцъ! Вы знаете, что изъ всѣхъ судей нашихъ сами мы самые снисходительные къ себѣ; но тутъ-то не приберу извиненія и въ первой инстанціи собственнымъ судомъ достойно осуждаюсь: переношу къ вамъ, въ надеждѣ болѣе на вашу всегдашнюю снисходительность, нежели на мои плохіе доводы. Но «лучше поздно, чѣмъ никогда», говорятъ люди разумные, лучше въ январѣ, чѣмъ въ февралѣ, продолжаю я и, ободрившись, принимаюсь благодарить васъ, какъ за прекрасное письмо ваше о наводненіи, такъ и за лестное обѣщаніе подарить меня поэмою Олина. Одно было бы нужнѣе для моего самолюбія и тщеславія (будь ихъ у меня больше): «вотъ что пишутъ ко мнѣ изъ Петербурга», могъ бы я сказать, вынимая

[1]) Василій Андроссовъ, авторъ „Хозяйственной статистики Россіи", М. 1827 г., и „Статистической записки о Москвѣ". М. 1832. В. Я.

съ важностію изъ недавно распечатаннаго пакета умное письмо ваше, и ждать должной хвалы; другое же... знаете ли, оно мнѣ упрекъ, и вотъ причина: до сихъ поръ вамъ отъ меня ни ягодки съ полей Парнаса, куда вы меня такъ усердно руководили. Этотъ упрекъ горьче для меня и потому еще, что обѣщать даже боюсь, не зная, будетъ ли что нибудь нужное на моемъ пустоцвѣтѣ. Уцѣлѣвшее отъ бурь моей молодости я еще не разбиралъ. Первый ростокъ, покажущійся на голыхъ развалинахъ прежней моей мечтательности, будетъ вашъ. Но скоро ли?—не знаю самъ. Отъ разборчивости, пріобрѣтаемой съ ученьемъ и опытами, или отъ слабѣющаго съ лѣтами воображенія, только мнѣ писать теперь стихи несравненно труднѣе, нежели прежде. Не могу жаловаться на нетерпѣніе, со всѣмъ тѣмъ часто готовъ вмѣстѣ съ Шаликовымъ положить послѣднюю жертву на алтарь грацій, если бы примѣръ его не удерживалъ меня: боюсь стыда быть вѣтренымъ; свѣтъ не видалъ еще дива, чтобы человѣкъ, обманывающій себя надеждою на славу поэта, отказался по собственному убѣжденію отъ сего титла. Оно столько предполагаетъ въ человѣкѣ высокихъ способностей, что каждый изъ насъ, сильно обидясь, если бы другіе перестали вѣрить его піитизму, обидѣлъ бы себя еще болѣе, отказавшись самъ отъ этой вѣры къ самому себѣ. Судите же теперь о бѣдномъ состояніи того стихотвора, который отказаться не можетъ; посредственнымъ недоволенъ, а великое не по силамъ; вѣдь это все равно, что перекрестный огонь. Ужъ не приняться ли мнѣ исключительно за прозу? Вашъ совѣтъ?

Съ Крещенья у насъ играютъ на Большомъ театрѣ; я бы ничего не увеличилъ, сказавши: на огромномъ; видавшіе театръ петербургскій увѣряютъ, что московскій огромнѣе. Амфитеатръ и сцена въ самомъ дѣлѣ необыкновенно велики. Отдѣлано все пестро и красно, освѣщается скупо. Жаль только, что наша труппа ничтожна (во всемъ значеніи этого слова) на этомъ театрѣ.

Вчера вышелъ Телеграфъ; я еще не видалъ его: не ожидаю, впрочемъ, многаго, зная редакцію; въ будущемъ письмѣ объ этомъ напишу болѣе. Благодарю васъ душевно за брата. Вы мнѣ позволите надѣяться, что я еще болѣе долженъ буду васъ благодарить. В. Андроссовъ.

(Сверху помѣта: получ. 20).

Сообщ. **В. Е. Якушкинъ.**

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ КРѢПОСТНАГО ПРАВА.

I.

Разбирая рукописи ученаго архива русскаго географическаго общества, я встрѣтилъ между ними интересное «Приложенiе къ этнографическому альбому и этнографической картѣ Воронежской губернiи», составленной Н. И. Второвымъ [1]). Подъ скромнымъ именемъ

---

[1]) Николай Ивановичъ Второвъ (род. въ 1818 г. въ Самарѣ, † въ 1865 г.) принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ нашихъ статистиковъ и этнографовъ. Получивъ образованiе на филологическомъ факультетѣ казанскаго университета, онъ поступилъ на службу въ университетскую библiотеку и вскорѣ обратилъ на себя вниманiе своими литературными работами. Оставивъ службу въ Казани, онъ принесъ въ даръ городу огромную и отлично устроенную библiотеку, собранную еще его отцомъ и послужившую основанiемъ казанской общественной библiотеки. Продолжая службу въ Петербургѣ, Н. И. не покидалъ занятiй наукою и литературою, но слабость здоровья заставила его перейти на службу въ Воронежъ. Здѣсь онъ въ теченiе 8-ми лѣтъ занимался тщательнымъ и подробнымъ обозрѣнiемъ городовъ и городскаго хозяйства Воронежской губернiи, статистикой недвижимыхъ имуществъ, изданiемъ „Воронежскихъ актовъ" и удостоился отъ многихъ ученыхъ обществъ званiя члена. Этнографическiй альбомъ съ вышеупомянутымъ приложенiемъ принадлежитъ къ числу работъ этого перiода жизни Н. И. Въ 1857 г. Н. И. возвратился въ Петербургъ и поступилъ на службу въ хозяйственномъ департаментѣ мин. вн. дѣлъ, продолжая заниматься вопросами экономическими и статистическими. Главнымъ предметомъ его занятiй было изученiе нашихъ городскихъ поселенiй и результатомъ этихъ трудовъ было изданiе двухъ томовъ „Экономическаго состоянiя городскихъ поселенiй европейской Россiи въ 1861—1862 гг.". За этимъ изданiемъ послѣдовало другое, еще болѣе обширное—„Городскiя поселенiя Россiйской имперiи", трудъ, предпринятый и оконченный при личномъ участiи Н. И. Въ 1864 г. Н. И. издалъ „Муниципальныя учрежденiя зап. Европы". Эта книга была, насколько намъ извѣстно, послѣднею работою Второва: въ слѣдующемъ году онъ умеръ. Весинъ

«Приложенія» я нашелъ весьма любопытный историческій и этнографическій очеркъ воронежскаго края. Очеркъ этотъ составленъ еще въ 1850-хъ годахъ и заключаетъ, между прочимъ, интересныя черты, характеризующія, съ одной стороны, отношеніе къ крѣпостнымъ помѣщиковъ, а съ другой—отношенія къ помѣщичьей власти самихъ крестьянъ-малороссіянъ и великоруссовъ.

— «Малороссіяне, говоритъ г. Второвъ, живо сохраняютъ еще въ памяти свое прежнее казачество, и тѣ, которые принадлежатъ помѣщикамъ, называютъ себя не иначе, какъ «подданными». Въ нихъ наиболѣе замѣтно стремленіе къ освобожденію изъ крѣпостнаго состоянія. Въ случаяхъ же злоупотребленія помѣщичьей власти, весьма нерѣдкихъ, со стороны ихъ встрѣчается болѣе оппозиціи, чѣмъ со стороны крѣпостныхъ изъ великороссіянъ, которые у иныхъ помѣщиковъ, говоритъ г. Второвъ, безпрекословно позволяютъ обращать себя на мѣсячину и ежедневно употреблять на барщину, какъ рабочее животное. Г. Второвъ приводитъ два случая, характеризующихъ крѣпостныхъ изъ малороссіянъ. Въ одномъ помѣстьѣ крестьяне претерпѣвали большія притѣсненія отъ управляющаго. Они нѣсколько разъ обращались къ своему барину съ жалобами на послѣдняго, но безъ всякаго успѣха. Тогда терпѣніе ихъ истощилось, они выгнали управляющаго изъ имѣнія и, продолжая попрежнему отправлять барщину подъ надзоромъ избраннаго ими изъ своей среды атамана или старосты, увѣдомили о томъ помѣщика. Тотъ, не долго думая, принялъ это за бунтъ, донесъ о немъ губернскому начальству, которое немедленно отправило чиновника для разслѣдованія происшествія и принятія мѣръ. Чиновникъ, сопровождаемый полиціей и сотней казаковъ, торжественно прибылъ въ село и, не найдя тамъ, по случаю рабочей поры, никого, кромѣ стариковъ, старухъ да малыхъ ребятъ, сбѣжавшихся подъ страхомъ въ церковь, окружилъ послѣднюю своимъ отрядомъ. Осажденные ударили въ набатъ. Крестьяне, находившіеся въ полѣ, заслышавъ тревогу, бросились въ село съ дубьемъ, косами и другими орудіями, попавшимися подъ руки. Произошла страшная свалка, въ которой верхъ остался за крестьянами: казаки, большею частію пьяные, разсѣялись. Губернскому чиновнику попало также изрядно, и онъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ, а чиновникъ земской полиціи былъ забранъ въ полонъ.

За свою расправу крестьяне поплатились очень дорого: нарядженъ былъ военный судъ, приговорившій главныхъ виновниковъ прогнанію сквозь строй и отдачѣ въ арестантскія роты.

Въ другомъ имѣніи, населенномъ малороссами, помѣщица изъявила желаніе уволить своихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы

и получила отъ нихъ часть денегъ, но потомъ раздумала и, не возвративъ крестьянамъ денегъ, продала ихъ другому помѣщику. Крестьяне, однако, не хотѣли уже обращаться въ крѣпостныхъ. Не взирая на всѣ увѣщанія и внушенія, что ихъ искъ неоснователенъ за неисполненіемъ узаконенныхъ формъ, они стояли на своемъ, и отказались повиноваться новому владѣльцу. Тогда противъ нихъ употреблено было обыкновенное средство — военная сила. Однако, и тутъ нашлись смѣльчаки, объявившіе рѣшительно, что никакія наказанія не заставятъ ихъ отказаться отъ иска. По судебному приговору, они были подвергнуты строгому наказанію.

Для характеристики крѣпостныхъ изъ великороссіянъ, г. Второвъ приводитъ слѣдующій случай.

Одна помѣщица Новохоперскаго уѣзда, замужняя женщина и мать многихъ дѣтей, связалась съ своимъ лакеемъ, кутила вмѣстѣ съ нимъ, причемъ оба производили страшныя неистовства: она, ревнуя къ своему любовнику-лакею дворовыхъ дѣвокъ, била ихъ безъ милосердія, заковывала ихъ въ кандалы и заставляла скованныхъ исполнять разныя тяжелыя работы; любовникъ ея, завѣдуя имѣніемъ, производилъ подобную расправу съ мужиками и принуждалъ ихъ работать на барщинѣ болѣе трехъ дней въ недѣлю, не исключая воскресныхъ и другихъ праздничныхъ дней. Крестьяне-великороссы безропотно переносили все это. Только скоропостижная смерть одной изъ дворовыхъ дѣвокъ, находившейся передъ кончиною довольно долгое время въ кандалахъ, подала поводъ къ слѣдствію. Но и тутъ, какъ дворовые, такъ и крестьяне, кромѣ весьма немногихъ, дали такія уклончивыя показанія, что уѣздный судъ, а затѣмъ дворянское депутатское собраніе, куда дѣло это, вмѣстѣ съ поступившею вновь жалобою мужа помѣщицы на ея развратное поведеніе и жестокое обращеніе съ крестьянами, передано было для постановленія приговора,—вполнѣ ее оправдали. Къ счастью, только тогда, когда дѣло дошло до сената, рѣшеніе было измѣнено: имѣніе помѣщицы отобрано было въ опеку, а самой ей—воспрещено въѣзжать въ имѣніе и держать при себѣ крѣпостныхъ.

Сообщ. 23-го марта 1879 г. **Л. Весинъ.**

II.

Болѣе полъ-вѣка назадъ.

Въ селѣ Княз—кѣ, п. уѣзда, княгиня Г — на, чтобы доставить удовольствіе своей дочкѣ, приказала старостѣ отбирать каждый день по семи дѣвокъ, поздоровѣе, и присылать на господскій дворъ. Тамъ на нихъ надѣвали особаго рода упряжь и впрягали въ шарабанъ. Затѣмъ садилась княжна, рядомъ съ собой сажала кучера, брала въ руки возжи, хорошій хлыстъ,—и отправлялась гулять. Молча правила она возжами и изрядно подхлыстывала дѣвокъ. Нагулявшись досыта по полямъ, лугамъ, лѣсамъ, горамъ и оврагамъ, она довольною возвращалась домой и кричала:

— Мама, мама! Давай моимъ лошадямъ овса!

Мама выходила, приказывала принести кульки орѣховъ, пряниковъ и конфектъ, разсыпать ихъ въ длинную колоду въ конюшнѣ — и подогнать дѣвокъ. Тѣ должны были стоять у колоды и ѣсть. Княжна каталась каждый день, но каждый день на новой семеркѣ.

Р—шанское имѣніе князей К—ей, населенное малороссами, одно время было отдано въ аренду нѣкоему Буяльскому, старику 70 лѣтъ. По закону крѣпостничества, браки совершались только съ разрѣшенія владѣльцевъ или управляющихъ ихъ имѣніями. Поэтому отцы жениховъ и невѣстъ и слободы Р. предъ браками дѣтей ихъ должны были являться къ Буяльскому за разрѣшеніемъ. Онъ разрѣшалъ сватьямъ, на словахъ, повѣнчать дѣтей ихъ, но за писаннымъ разрѣшеніемъ, которое должно быть отдано духовенству, приказывалъ приходить невѣстамъ.

Всѣ эти—Буяльскіе, Заб—скіе, Хл—цкіе и подобные имъ, коихъ зналъ я въ теченіи сорока лѣтъ, безобразничая съ крестьянами, шибко вздували и князей К—ей.

Имѣніе у князей К—ей огромное, раскидано по многимъ губерніямъ и въ большихъ массахъ,—по нѣсколько тысячъ душъ и по нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ земли въ каждомъ участкѣ. Сами князья К. въ имѣніяхъ не жили никогда, всегда или въ Петербургѣ, или заграницей, въ имѣніяхъ бывали рѣдко, чрезъ семь—восемь лѣтъ и то дня на два—на три.

Разъ старикъ К—ей пріѣзжаетъ въ р—ское имѣніе съ пріятелемъ своимъ Пах—вымъ и говоритъ:

— А я замѣчаю, что крестьяне стали жить хуже. Смотрите: всѣ

хаты развалились. Прежде этого не было. Бывало, любо глядѣть вездѣ. Да, прежде лучше было!...

— Ваше сіятельство, давно изволили быть здѣсь?

— Да какъ вамъ сказать? Лѣтъ семь или восемь,—такъ.

— Если вашему сіятельству будетъ угодно осчастливливать имѣнія своимъ посѣщеніемъ и на будущее время тоже чрезъ семь или восемь лѣтъ, то не останется и того, что изволите видѣть теперь.

— Это почему?

— Нужно осматривать имѣчія по крайней мѣрѣ черезъ два года, если уже не угодно черезъ каждый годъ.

— Почему?

— Больше страху управляющимъ. Меньше воровать будутъ.

— Хорошо! Спасибо, спасибо, за совѣтъ! Только ужъ не знаю, какъ это... Черезъ годъ...

Князь видитъ, что пріятель его человѣкъ прямой, благородный,— и поручилъ ему обревизовать экономію. Упущеній и злоупотребленій нашлось, конечно, много,—и князь упросилъ пріятеля принять Р—ское имѣніе въ управленіе. Теперь князь остался совершенно покоенъ. Время шло и шло,—и прошло два года. Пріятель, съ шести тысячъ душъ имѣнія, въ два года не далъ ни копѣйки дохода, надѣлалъ долговъ на имѣніи болѣе 150 тысячъ рублей и раскланялся съ княземъ. По конторскимъ книгамъ, говорили тогда, такъ все чисто обдѣлано, что, какъ говорится, и булавочки не подпустишь. Такъ все и лопнуло.

Сообщ. А. ***.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XXXIII [1]).

Маріи, Александру и Наташѣ [2]).

Благодарю тебя, о, Провидѣнье,
Благодарю, благодарю Тебя,
Ты мнѣ дало чудесное мгновенье,
Я дожилъ до чудеснѣйшаго дня.
Какъ я желалъ его! Въ душѣ глубоко
Я какъ мечту, какъ сонъ его ласкалъ —
Сбылась мечта и этотъ мигъ высокій
Я не во снѣ, я на яву узналъ.
Любовь и дружба—вы теперь со мною,
Теперь вы вмѣстѣ, вмѣстѣ у меня —
О, Боже мой, я радостной слезою
Благодарю, благодарю Тебя,
Благодарю! О, съ самаго рожденья
Ты два зерна мнѣ въ душу посадилъ,
И вотъ я два прекрасныя растенья
Изъ нихъ, мой Боже, свято возрастилъ.
Одно—то дубъ съ зелеными листами,
Высокій, твердый, гордою главой
Онъ съединился дивно съ небесами
И тѣнь отрадно бросилъ надъ землей.
Другое—то роскошное явленье,
То южныхъ странъ душистое дитя,
Магнолія—вѣнецъ всего творенья...
О, Боже мой, благодарю тебя!
Любовь и Дружба—вы теперь со мною,
Друзья! такъ обнимите же меня,
Вотъ вамъ слеза, пусть этою слезою
Вамъ скажется, что ощущаю я...

Мартъ 1839 г.
Владиміръ.

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1888 г., т. LX, стр. 469—490, 601—616.

[2]) Марія – первая жена Н. П. Огарева, Александръ и Наталья Герцены.

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

Воспоминанія Н. А. Огаревой-Тучковой

1848—1870.

I.

Когда мы всѣмъ семействомъ, т. е. мои родители, я съ сестрой и гувернантка наша, m-elle Michel, пріѣхали въ 1848 году изъ Рима въ Парижъ, Александръ Ивановичъ Герценъ писалъ о нашемъ пріѣздѣ Павлу Васильевичу Анненкову, который, какъ и Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, находился тогда тамъ. Сначала Анненковъ пришелъ къ намъ одинъ; онъ намъ всѣмъ очень понравился: его непринужденность, пріятное и ровное обхожденіе со всѣми, его готовность намъ все показывать въ Парижѣ, гдѣ онъ былъ какъ дома, приводили насъ въ восторгъ. Его помощь была всего чувствительнѣе въ картинныхъ галлереяхъ: онъ понималъ живопись, много уже видалъ галлерей за границей и любилъ объяснять намъ особенности картинъ, которыя были у насъ передъ глазами, но которыя бы мы, вѣроятно, безъ него не замѣтили, благодаря нашей неопытности. Черезъ нѣсколько дней Анненковъ привелъ намъ Ивана Сергѣевича Тургенева. Высокій ростъ Ивана Сергѣевича, прекрасные его глаза, иногда упорная молчаливость, иногда, наоборотъ, горячій разговоръ, безконечные споры съ Анненковымъ на всевозможныя темы, все это не могло не поразить насъ. Капризность его характера не замедлила высказаться въ каждодневныхъ посѣщеніяхъ имъ нашего семейства: иной разъ онъ приходилъ очень веселый, другой разъ очень угрюмый, съ иными вовсе не хотѣлъ говорить и т. д. У Віардо, говорятъ, онъ не позволялъ себѣ капризовъ, съ русскими онъ чув-

ствовалъ себя свободнѣе. Многіе за глаза смѣялись надъ продолжительностью его привязанности къ Віардо, а я думаю, напротивъ, что это было его самое лучшее чувство. Какова же была бы его жизнь безъ него? Мнѣ только грустно то, что Віардо была иностранка, понемногу она отняла его у Россіи. Женщина безъ выдающагося таланта; безъ обстановки искусства—неартистическая натура не могла бы ему нравиться надолго. Въ его произведеніяхъ, особенно въ «Запискахъ Охотника», такъ виденъ поэтъ, что онъ не могъ бы ужиться въ другомъ мірѣ. Для Віардо онъ покинулъ Россію, отвыкъ отъ нея, она становилась все дальше, дальше, будто въ туманѣ; онъ продолжалъ писать, но талантъ его измѣнился, угасалъ, какъ и талантъ Огарева. На родинѣ, съ 1849 по 1855 годъ, Николай Плановичъ Огаревъ написалъ болѣе стихотвореній и лучшихъ, чѣмъ въ продолженіе всей его жизни заграницей.

На одного Байрона отсутствіе изъ родины не имѣло вліянія, но онъ былъ міровой поэтъ, къ тому-же онъ ненавидѣлъ Англію; но какъ ненавидѣлъ? Потому ли, что слишкомъ горячо ее любилъ—или это была аномалія, какъ бываетъ очень рѣдко съ дѣтьми, которые не любятъ своихъ родителей,—кто намъ скажетъ?

Возвращаясь къ Тургеневу, я вспоминаю, какъ онъ въ это время намъ всѣмъ казался страненъ. Онъ приходилъ къ намъ ежедневно, иногда чтобъ играть въ шахматы съ моимъ отцемъ, иногда исключительно для меня, съ остальными дамами онъ только здоровался, а дамъ было много, особенно съ возвращенія изъ Италіи семейства А. И. Герцена, и всѣ дамы, конечно, замѣчательнѣе меня.

Жена Герцена, о которой я много говорила въ Запискахъ Т. П. Пассекъ, была поэтическая натура и наружности очень привлекательной; Марья Ѳедоровна Коршъ (сестра Евгенія), немолодая уже дѣвица, умная и очень любезная; красивая и еще не старая мать Александра Ивановича Герцена, Луиза Ивановна, и Марія Каспаровна Ернъ (нынѣ m-me Рейхель), тогда дѣвушка, очень умная, веселая, образованная; моя мать, тогда еще довольно молодая и тоже красивая; моя сестра Елена, которую за необыкновенную грацію Наталья Александровна Герценъ называла «своимъ пажемъ», и я, дурняшка, которую она называла своей Консуелой или Миньоной Гете.

Тургеневъ любилъ читать мнѣ стихотворенія или разсказывать планы своихъ будущихъ сочиненій; помню до сихъ поръ канву одной драмы, которую онъ собирался написать, и не знаю—осуществилась ли его мысль: онъ хотѣлъ представить кружокъ студентовъ, которые, занимаясь и шутя, вздумали для забавы преслѣдовать одного това-

рища, смѣялись надъ нимъ, преслѣдовали его, дурачили его — онъ выносилъ все съ покорностью, такъ что многіе, въ виду его кротости, стали считать его за дурака. Вдругъ онъ умираетъ: при этомъ извѣстіи сначала раздаются со всѣхъ сторонъ шутки, смѣхъ. Но внезапно является одинъ студентъ, который никогда не принималъ участія въ гоненіяхъ на несчастнаго товарища. При жизни послѣдняго, по его настоянію, онъ молчалъ, но теперь онъ будетъ говорить о немъ. Онъ разсказываетъ съ жаромъ каковъ, дѣйствительно, былъ покойникъ. Оказывается, что гонимый студентъ былъ не только умный, но и добродѣтельный товарищъ; тогда встаютъ и другіе студенты и каждый вспоминаетъ какой нибудь фактъ оказанной имъ помощи, доброты и проч. Шутки умолкаютъ, наступаетъ неловкое, тяжелое молчаніе. Занавѣсъ опускается. Тургеневъ самъ воодушевлялся, представляя съ большимъ жаромъ лица, о которыхъ разсказывалъ.

Иногда Иванъ Сергѣевичъ приносилъ мнѣ духи «Гардени», его любимый запахъ; говорилъ со мною даже иногда о Віардо, тогда какъ вообще онъ избѣгалъ произносить ея имя—это было для него въ родѣ святотатства. Онъ написалъ тогда маленькую комедію «Гдѣ тонко, тамъ и рвется», прочелъ ее у насъ и посвятилъ мнѣ.

Когда мы ходили всѣмъ обществомъ гулять по городу, онъ велъ меня подъ руку, не смотря на то, что онъ былъ самый высокій, а я самая маленькая изъ нашего общества. Разъ, когда мы вышли смотрѣть иллюминацію, Тургеневъ вдругъ почти присѣлъ:

— Что съ вами? спросила я съ удивленіемъ.

— Ничего, отвѣчалъ онъ,—я хотѣлъ только убѣдиться, можете ли вы что-нибудь видѣть чрезъ эту сплошную толпу,—иллюминація очень хороша.

Вѣроятно, убѣдившись, что мнѣ почти ничего не видно, Тургеневъ подвелъ меня къ какому-то крыльцу и ввелъ на верхнюю ступеньку; тамъ, дѣйствительно, я могла вполнѣ любоваться великолѣпнымъ зрѣлищемъ иллюминаціи въ Парижѣ.

Впослѣдствіи мы жили въ одномъ домѣ съ А. И. и Н. А. Герценами въ Парижѣ и потому Тургеневъ часто заставалъ меня съ сестрой у Наталіи Александровны. Часто Александра Ивановича не было дома, тогда Тургеневъ читалъ мнѣ что-нибудь, при этомъ если всѣ сидѣли вмѣстѣ, то у Тургенева являлись удивительныя фантазіи: онъ то просилъ у насъ всѣхъ позволенія кричать какъ пѣтухъ; влѣзалъ на подоконникъ и, дѣйствительно, неподражаемо хорошо кричалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ устремлялъ на насъ неподвижные глаза; то просилъ позволенія представить сумасшедшаго. Мы обѣ

22*

съ сестрой радостно позволяли, но Наталья Александровна Герценъ возражала ему:

— Вы такіе длинные, Тургеневъ, вы все тутъ переломаете, говорила она,—да, пожалуй, и напугаете меня.

Но онъ не обращалъ вниманія на ея возраженія. Попроситъ у нея, бывало, ея бархатную черную мантилью, драпируется въ нее очень странно и начнетъ свое представленіе. Онъ всклокочетъ себѣ волосы и закроетъ ими себѣ весь лобъ и даже верхнюю часть лица; огромные сѣрые глаза его дико выглядываютъ изъ-подъ волосъ. Онъ бѣгалъ по комнатѣ, прыгалъ на окна, садился съ ногами на окно, дѣлалъ видъ, что чего-то боится, потомъ представлялъ страшный гнѣвъ. Мы думали, что будетъ смѣшно, но было какъ-то очень тяжело. Тургеневъ оказался очень хорошимъ актеромъ; слабая Наталья Александровна отвернулась отъ него и всѣ мы вздохнули свободно, когда онъ кончилъ свое представленіе, а самъ онъ ужасно усталъ. Когда насъ звали съ сестрой наверхъ, Иванъ Сергѣевичъ или уходилъ въ кабинетъ Герцена, смежная съ гостиной комнатка, или ложился на кушетку въ гостиной и говорилъ мнѣ:

— Возвращайтесь поскорѣй, а я пока понѣжусь.

Онъ очень любилъ лежать на кушеткахъ и имѣлъ талантъ свернуться даже на самой маленькой.

Наталья Александровна или читала, или занималась съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей, а на Тургенева не обращала ни малѣйшаго вниманія: онъ былъ, какъ и П. В. Анненковъ, короткій знакомый въ ихъ домѣ. Анненковъ имѣлъ большую симпатію и глубокое уваженіе къ Натальѣ Александровнѣ, Тургеневъ же, напротивъ, не любилъ ее, мало съ ней говорилъ, какъ будто нехотя; нерѣдко случалось имъ даже говорить другъ другу колкости. Я была въ странномъ положеніи между ними двумя: горячо любя Наталью Александровну, я была, однако, какъ молодая дѣвушка, очень польщена постояннымъ вниманіемъ Ивана Сергѣевича ко мнѣ, но я оставалась совершенно спокойна и мысль полюбить его никогда мнѣ не приходила въ голову; я не кокетничала, но видѣла въ Тургеневѣ особенно талантливаго и оригинальнаго человѣка, и мнѣ это нравилось; бывало только иногда досадно на насмѣшки дамъ, которыя меня дразнили, называя вниманіе Тургенева ухаживаньемъ. Иногда мнѣ хотѣлось ему высказать, что его постоянное и исключительное ко мнѣ вниманіе конфузитъ и навлекаетъ на меня разныя маленькія непріятности; но взгляну, бывало, на его большіе, прекрасные глаза, которые такъ добродушно, почти по дѣтски улыбаются—и промолчу.

Разъ мы всѣ сидѣли, т. е. молодежь, на крыльцѣ, которое выходило

въ нашъ садикъ—былъ теплый іюльскій вечеръ. Анненковъ и Тургеневъ тоже были съ нами. Вдругъ Иванъ Сергѣевичъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— M-lle Natalie, за котораго изъ насъ двухъ вы бы скорѣе пошли замужъ? (разумѣя Анненкова).

— Ни за котораго, отвѣчала я, смѣясь.

— Однако, если-бъ нельзя было отказать обоимъ? сказалъ онъ.

— Почему же нельзя, сказала я, ну, въ воду бы бросилась.

— И воды-бы не было, возразилъ Тургеневъ.

— Ну, сказала я, смѣясь, за васъ бы пошла.

— А! вотъ этого-то я и хотѣлъ, все-таки вы меня предпочли Анненкову, сказалъ Иванъ Сергѣевичъ, глядя на Анненкова съ торжествующей улыбкой.

— Конечно, сказала я, если и воды нѣтъ.

И всѣ засмѣялись.

Осенью мы оставили Парижъ,—срокъ, назначенный для нашего путешествія, оканчивался. Иванъ Сергѣевичъ пришелъ проститься и принесъ мнѣ на память маленькую записную книжечку, гдѣ было написано, чтобъ я никогда не принимала серьезнаго рѣшенія, не взглянувъ на эти строки и не вспомнивъ, что есть человѣкъ, который меня никогда не забудетъ.

Мы уѣхали.

II.

Черезъ годъ или два я услышала, что Ивану Сергѣевичу велѣно жить въ его имѣніи въ Орловской губерніи, гдѣ онъ прожилъ безвыѣздно два года. Говорили, что онъ былъ сосланъ за то, что находился въ Парижѣ во время іюньскихъ дней 1848 г. Тогда были большія строгости.

Мой отецъ (Тучковъ) былъ предводителемъ дворянства въ Инсарскомъ уѣздѣ; во время нашего путешествія отецъ былъ замѣненъ его кандидатомъ, но по возвращеніи онъ былъ косвенно удаленъ отъ своей должности и кандидатъ сдѣлался предводителемъ. Отецъ находилъ это удаленіе незаконнымъ и требовалъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, чтобъ ему было объяснено, почему онъ замѣненъ, или просилъ, чтобъ его отдали подъ судъ; но все это ни къ чему не привело и просьба отца осталась безъ послѣдствій.

Во время ссылки Ивана Сергѣевича, Віардо была приглашена

пѣть въ Петербургѣ. Всѣ были очень удивлены, что у нея не хватило мужества навѣстить Тургенева въ его Спасскомъ; не повидавшись съ нимъ, она возвратилась за границу.

Впослѣдствіи, уже замужемъ, я была однажды въ Петербургѣ. Огаревъ хлопоталъ о полученіи заграничнаго паспорта; нашъ былъ первый, выданный въ наступившемъ царствованіи Александра II. Кто-то намъ сказалъ, что И. С. Тургеневъ тоже въ Петербургѣ,—мы этому очень обрадовались оба. Сначала Огаревъ встрѣтился съ нимъ у кого-то изъ общихъ пріятелей, потомъ Тургеневъ явился къ намъ—мы стояли въ какой-то гостиницѣ. Никогда не забуду этой встрѣчи, такъ мало я ее ожидала.

Когда Тургеневъ постучалъ въ дверь, я сидѣла въ первой комнатѣ, Огаревъ былъ во второй. Онъ хотѣлъ идти на встрѣчу входящему, но Тургеневъ предупредилъ его, услышавъ обычное «войдите». Онъ вошелъ, кланяясь мнѣ на ходу и спѣша къ Огареву.

Дверь была открыта и я слышала, какъ онъ сказалъ Огареву:

— Вѣдь вы женаты? На комъ?

«На Тучковой, отвѣчалъ Огаревъ, съ простодушнымъ удивленіемъ въ голосѣ,—да вы развѣ не знаете?»

— Познакомьте меня, пожалуйста, съ вашей женой, сказалъ Иванъ Сергѣевичъ.

«Да вѣдь вы, кажется, давно знакомы», говоритъ Огаревъ и зоветъ меня.

Я встаю,—они входятъ и я не могла не улыбнуться, протягивая руку этому новому знакомому. Это была какая-то сцена изъ Онѣгина. Съ этой минуты Иванъ Сергѣевичъ былъ, дѣйствительно, новый знакомый.

За то къ Огареву у него была въ эту эпоху горячая симпатія. Прощаясь, онъ говорилъ ему: «я не могу такъ уйти, скажите мнѣ, когда я васъ увижу снова, гдѣ, назначьте день» и пр. Мнѣ кажется, всѣ очень горячія чувства его, кромѣ къ Віардо, не длились долго. Разъ онъ зашелъ къ намъ въ Петербургѣ, въ отсутствіи Огарева, и сказалъ мнѣ:

— Я хотѣлъ передать Огареву порученіе Н***, но все равно, вы ему скажите. Вотъ въ чемъ дѣло: Огаревъ показываетъ многимъ письма Маріи Львовны [1]) и позволяетъ себѣ разныя о нихъ коментаріи; скажите ему, что Н*** проситъ его не продолжать этого, въ противномъ случаѣ онъ будетъ вынужденъ представить письма

---

[1]) Первая жена Огарева.

Огарева къ Марьѣ Львовнѣ куда слѣдуетъ, изъ чего могутъ быть для Огарева очень серьезныя послѣдствія.

— Это прекрасно, вскричала я съ негодованіемъ, — это угроза доноса en toute forme,—и онъ, Н***, называется вашимъ другомъ, и вы, Тургеневъ, принимаете такое порученіе!

Онъ проговорилъ какое-то извиненіе и ушелъ.

Конечно, это объясненіе ни чуть не способствовало нашему сближенію. Изъ писемъ Маріи Львовны (присланныхъ Огареву по смерти ея) онъ узналъ, что, не смотря на то, что NN, съ повѣреннымъ Ш***, по довѣренности Маріи Львовны, получили орловское имѣніе для передачи ей, все-таки они ее оставляли безъ всякихъ средствъ къ существованію, такъ что она умерла, содержимая Христа ради какимъ-то крестьянскимъ семействомъ близь Парижа......

III.

Каждый годъ, разъ или два, Тургеневъ пріѣзжалъ въ Лондонъ. Иногда онъ бывалъ очень веселъ; не могу забыть, какъ онъ пріѣхалъ однажды съ какимъ-то соотечественникомъ изъ литераторовъ. Послѣдній вовсе не зналъ по французски. Когда стали спрашивать паспорты на французскомъ пароходѣ, оказалось, что молодой человѣкъ запряталъ свой паспортъ куда-то далеко въ чемоданъ. Тургеневъ его успокоивалъ, говоря, что это не бѣда, спросятъ имя и проч. и запишутъ; такъ и случилось. Услыша, что у молодаго русскаго паспорта нѣтъ, гарсонъ вынулъ записную книжку и началъ дѣлать обыкновенные вопросы:

— Votre nom, prénom, nom de famille?

Молодой литераторъ бойко отвѣчалъ.

— Votre âge? продолжалъ гарсонъ.

— Cent vingt sept ans, отвѣчалъ скромно нашъ путешественникъ. Тургеневъ кусалъ себѣ губы, чтобъ не разразиться смѣхомъ.

— Comment? переспросилъ гарсонъ, не вѣря своимъ ушамъ. Молодой литераторъ увѣренно повторилъ. Тогда улыбка мелькнула на лицѣ гарсона и онъ сталъ пристально осматривать говорящаго; въ глазахъ его читалось:

— Diable! dans ce climat de neige et de glace on se conserve joliment bien. Avec ses 127 ans ce galiard a l'air d'en avoir à peine 25!

И Тургеневъ хохоталъ, не стѣсняясь смущеніемъ своего молодаго друга, который прерывалъ его, сконфуженно говоря:

— Это все вы, Иванъ Сергѣевичъ, — право, вы сами!!..

Помню еще одинъ замѣчательный случай. Это было около 1861 года; кто-то пріѣхалъ изъ Парижа къ намъ и разсказывалъ, какъ русскіе, находящіеся въ Парижѣ, собрались на дебаркадерѣ, чтобы привѣтствовать при въѣздѣ въ Парижъ одно высокопоставленное лицо, отправляющееся въ кругосвѣтное путешествіе. Когда ожидаемый поѣздъ приблизился и ожидаемое лицо вышло, наши соотечественники встрѣтили его съ почтительнымъ привѣтствіемъ, но вмѣсто обычнаго любезнаго отвѣта на оное послѣдовало рѣзкое замѣчаніе о томъ, что неприлично русскимъ дворянамъ носить бороду. Привѣтствующіе были поражены подобнымъ обращеніемъ. Слыша объ этомъ происшествіи изъ достовѣрнаго источника, Герценъ хотѣлъ разсказать это въ «Колоколѣ», но вдругъ является Иванъ Сергѣевичъ и говоритъ, что пріѣхалъ за тѣмъ, чтобъ передать Герцену, что его просятъ не печатать о вышеупомянутомъ фактѣ: высокопоставленное лицо обѣщаетъ, въ продолженіе всего своего путешествія, воздерживаться отъ подобныхъ выходокъ, если Герценъ промолчитъ на этотъ разъ. Это было передано Ивану Сергѣевичу кн. Н. А. Орловымъ, служившимъ посланникомъ въ Бельгіи. Герценъ и высокопоставленное лицо сдержали оба слово.

Однажды Тургеневъ пріѣхалъ въ Лондонъ въ очень хорошемъ расположеніи духа. Онъ насъ забавлялъ разными разсказами о родинѣ; между прочимъ, мы были очень заинтересованы слѣдующимъ разсказомъ о государѣ Николаѣ Павловичѣ и графѣ Т***. Всѣмъ извѣстно, что Николай Павловичъ предпочиталъ штатской службѣ—военную службу, особенно терпѣть не могъ, чтобъ оставляли военную службу для штатской. Какъ то случилось, что графъ Т***. оставилъ военную службу и взялъ отставку. Кажется, годъ спустя, находясь въ Петербургѣ, Т*** былъ приглашенъ къ короткимъ знакомымъ на многолюдный раутъ, куда и отправился въ простомъ пиджакѣ. На его бѣду совершенно неожиданно явился туда и Николай Павловичъ. Онъ прохаживался по заламъ: его высокій ростъ позволялъ ему различать всѣхъ и въ густой толпѣ. Замѣтивъ Т***, который былъ тоже высокаго роста, Николай Павловичъ направился въ его сторону. Завидя государя, графъ Т***. привѣтствовалъ его съ замираніемъ сердца, чувствуя себя какъ бы виноватымъ передъ государемъ за то, что находился въ отставкѣ. Николай Павловичъ отвѣчалъ слегка на его поклонъ и сталъ всматриваться въ его костюмъ.

— Ah! mon cher T***, comme vous voilà affublé! сказалъ онъ съ улыбкой,—comment appelez vous cela, продолжалъ онъ, взявъ его за рукавъ.

— Patjack, votre majesté, отвѣчалъ T***.

— Comment? переспросилъ Николай Павловичъ.

— Patjack, votre majesté, повторилъ T*** съ сильнымъ сердцебіеніемъ.

— Ce n'est pas mal, mais quelle différence avec l'uniforme militaire, сказалъ государь и прослѣдовалъ дальше.

T*** вздохнулъ всей грудью, надѣясь, что его приключеніе окончено. Но походя немного и милостиво разговаривая съ нѣкоторыми лицами, Николай Павловичъ опять увидалъ неподалеку T***.

— A! T***, comme s'appelle donc votre costume? сказалъ онъ.

— Patjack, votre majesté!

— Comment dites-vous? переспросилъ Николай Павловичъ.

Patjack, votre majesté, отвѣчалъ T*** и чувствовалъ, какъ крупныя капли пота выступали у него на лбу. Казалось, Николай Павловичъ забавлялся его смущеніемъ. Походя еще по заламъ, онъ опять увидалъ T*** и пошелъ къ нему на встрѣчу. Бѣдный графъ завидя государя, хотѣлъ ретироваться за колонну, но высокій ростъ выдавалъ его, и Николай Павловичъ отыскалъ его и тамъ.

— Ah! mon cher T***, comment appelez vous donc cet habit, j'ai très mauvaise mémoire ce matin, сказалъ онъ.

— Patjack, votre majesté, съ отчаяніемъ отвѣчалъ T***.

— Comment, c'est un nom très difficile à retenir, переспросилъ Николай Павловичъ.

— Patjack, votre majesté! сказалъ T***; и едва Николай Павловичъ прослѣдовалъ, какъ графъ T*** поспѣшилъ оставить раутъ, обѣщая себѣ никогда не попадаться на глаза государю въ злополучномъ пиджакѣ.

Разъ Тургеневъ пріѣхалъ къ намъ вскорѣ послѣ написанія имъ «Фауста». Онъ читалъ его самъ у насъ, но ни Огареву, ни Герцену «Фаустъ» не понравился, съ той только разницей, что послѣдній дѣлалъ свои замѣчанія очень сдержанно, тогда какъ первый критиковалъ «Фауста» очень рѣзко; съ этихъ поръ Иванъ Сергѣевичъ окончательно потерялъ всякое расположеніе къ Огареву.

Помню, что разъ Тургеневъ пріѣхалъ въ Лондонъ особенно веселый и милый къ Герценымъ.

— «Знаешь-ли, что я тебѣ скажу, началъ онъ, обращаясь къ Александру Ивановичу, вѣдь я пріѣхалъ нынче не одинъ; чтобъ тебя лицезрѣть, одинъ чудакъ пустился въ дорогу, не зная ни одного

иностраннаго слова, и просилъ меня проводить его до Лондона. Вѣдь это подвигъ? Отгадай—кто это? Вотъ что, продолжалъ онъ, можетъ лучше сначала тебѣ къ нему съѣздить—можетъ Огареву не совсѣмъ пріятно его видѣть, были какія-то непріятности»...

Господа, сказалъ Александръ Ивановичъ, да ужъ это не Н***-ли? Онъ вѣдь безъязыченъ; съ чего же онъ взялъ, что мнѣ будетъ пріятно его видѣть, послѣ того, что онъ черезъ тебя, Иванъ Сергѣевичъ, передавалъ Огареву».

— Да вѣдь онъ нарочно пріѣхалъ изъ Россіи, чтобъ повидаться съ тобой!

«Можетъ ѣхать обратно», сказалъ Герценъ и былъ непреклоненъ. Вообще за Огарева онъ оскорблялся гораздо болѣе, чѣмъ за самого себя.

Въ продолженіе трехъ дней Иванъ Сергѣевичъ постоянно уговаривалъ Герцена увидать Н—ва, но принужденъ былъ покориться непреклонной волѣ Герцена и увезти его обратно, не добившись свиданья.

По переѣздѣ въ Швейцарію мы не видали болѣе Ивана Сергѣевича; изрѣдка онъ переписывался съ Герценомъ. По распоряженію послѣдняго «Колоколъ» высылался правильно Тургеневу, В*** и нѣкоторымъ еще,—но когда Огаревъ сломалъ ногу и Тургеневъ не освѣдомился о состояніи его здоровья, Герценъ разсердился на Тургенева и не велѣлъ высылать ему болѣе «Колокола»; за то, когда мы пріхали въ Парижъ въ концѣ 1869 г., Герценъ самъ смѣялся, разсказывая какъ при первомъ свиданіи Тургеневъ подробно и долго разспрашивалъ своего друга о здоровьѣ Огарева.

— «Видно урокъ былъ хорошъ!» говорилъ Александръ Ивановичъ, смѣясь.

IV.

Во время свиданья въ Парижѣ, въ 1869 г., они разговорились о литературѣ. Александръ Ивановичъ спрашивалъ, что пишетъ Тургеневъ въ настоящее время.

— Я ничего не пишу, отвѣчалъ Иванъ Сергѣевичъ, меня въ Россіи не читаютъ болѣе; я ужъ сталъ писать для нѣмцевъ по нѣмецки и печатать въ Берлинѣ; но вотъ бѣда, вздумали переводить, что я пишу, и повѣришь-ли, продолжалъ онъ съ жаромъ, когда въ Спб. Н*** былъ поданъ переводъ, то онъ отдалъ его обратно переводчику, говоря: «это нельзя напечатать, это слишкомъ хорошо, вы

переведите какъ нибудь похуже — я напечатаю». И оба пріятеля залились звонкимъ смѣхомъ.

Тургеневъ шутилъ, но внутри ему было больно это отчужденіе своихъ. Съ двадцатипяти-лѣтняго возраста онъ былъ избалованъ судьбой, слава его все росла; впослѣдствіи, благодаря переводамъ Віардо, онъ сталъ не менѣе извѣстенъ и въ Европѣ; передъ нимъ широко растворялись двери лучшихъ салоновъ Парижа и Лондона, онъ становился баловнемъ счастія, какъ вдругъ родная страна отшатнулась, отвернулась отъ него, и за что? За изящную фотографію нигилизма въ Россіи (Отцы и дѣти). Онъ писалъ, какъ соловей поетъ, безъ намѣренья уязвить чье нибудь самолюбіе, онъ писалъ, потому что это было его призванье, а русская молодежь оскорбилась, увидала злую преднамѣренность и ополчилась на Тургенева: тяжелое отношеніе съ своими продолжалось нѣсколько лѣтъ.

Герценъ не любилъ антиэстетическаго проявленія нигилизма въ Россіи и удивлялся негодованію русской молодежи на Тургенева. Онъ говаривалъ иногда соотечественникамъ: «помилуйте, Базаровъ апоѳеозъ нигилизма, нигилисты никогда до него не дойдутъ. Въ Базаровѣ есть еще много человѣческаго. Чего же имъ оскорбляться?»

Герценъ и Тургеневъ переживали тяжелое время; оба они находились тогда подъ опалой общественнаго мнѣнія въ Россіи — Тургеневъ, какъ сказано выше, за яркое представленіе нигилизма, Герценъ за соболѣзнованіе о Польшѣ; конечно, по своимъ взглядамъ и правиламъ, А. И. былъ всегда на сторонѣ болѣе слабыхъ, но онъ не принималъ никакого участія въ польскихъ дѣлахъ; однако, были недоброжелательныя личности, которыя на это намекали, и этого было достаточно, чтобъ онъ былъ почти всѣми оставленъ.

Впослѣдствіи для Тургенева все измѣнилось, къ счастію еще при его жизни; онъ былъ понятъ, оцѣненъ на родинѣ и пылкая молодежь спѣшила сама горячо привѣтствовать талантливаго писателя и старалась загладить свое несправедливое предубѣжденіе противъ него. А для Герцена заря этого горячаго примиренья никогда не занялась......

Когда Александръ Ивановичъ Герценъ занемогъ своей послѣдней болѣзней, Иванъ Сергѣевичъ навѣстилъ его и видѣлъ, что Герцену угрожаетъ большая опасность, и все-таки онъ исчезъ на нѣсколько дней. Тогда именно Тургеневъ ходилъ (только потому, что не съумѣлъ отказаться) смотрѣть казнь Тропмана, которую Иванъ Сергѣевичъ и описалъ вскорѣ въ «Вѣстникѣ Европы», изд. 1870 года.

Послѣ казни Тропмана Тургеневъ пришелъ къ намъ нервный, почти больной; онъ провелъ нѣсколько дней безъ сна и пищи. Онъ вспоминалъ съ содраганіемъ о видѣнномъ.

— «Да, говорилъ онъ, лучше бы я вамъ помогалъ ходить за больнымъ Александромъ Ивановичемъ, вотъ гдѣ было мое мѣсто; но я жалкій человѣкъ, стихіи управляютъ мной. Когда Бѣлинскій [1]) умирающій возвращался въ Россію—я... я не простился съ нимъ».

«Знаю, Иванъ Сергѣевичъ, васъ отозвала Віардо—не сдѣлайте того же и нынче. Вы любите Герцена, а пожалуй и съ нимъ не проститесь», сказала я.

— «Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно», возразилъ онъ горячо.

Вырубовъ почти не отходилъ отъ больнаго; Таландье [2]), узнавъ въ Англіи о кончинѣ Герцена, безъ денегъ въ ту минуту, заложилъ часы и поспѣлъ къ похоронамъ Герцена,—а И. С. Тургенева не было,—онъ выѣхалъ изъ Парижа!

Н. А. Огарева-Тучкова.

---

[1]) Бѣлинскій былъ какъ бы руководителемъ Тургенева, восхищался его талантомъ, направлялъ его, а иногда выговаривалъ ему какъ ребенку.

[2]) Впослѣдствіи депутатъ въ палатѣ.

Н. О.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ НЕКРАСОВЪ.

Письмо его къ сестрѣ.

9-го ноября 1840 г.

Вчера цѣлый день мнѣ было скучно. Вечеромъ скука усилилась... Какая-то безотчетная грусть мучила меня. Я самъ не понималъ, что̀ со мною дѣлалось. Всѣ занятія мои мнѣ опротивѣли, всѣ предположенія показались мнѣ жалкими. Я не могъ ни за что приняться и со злостью изорвалъ начало одной срочной статьи. Мнѣ было не до того... я чуть не плакалъ... И, право, заплакалъ бы, если-бъ не стыдился самого себя. Вдругъ приносятъ письмо отъ тебя... я съ жадностью схватилъ его, прочелъ, но и оно не успокоило меня; однакожъ, оно изумило меня, какъ будто ты подслушала меня, какъ будто оно было писано подъ вліяніемъ тѣхъ самыхъ идей, которыя преслѣдовали меня въ этотъ вечеръ. Я сожалѣлъ, досадовалъ, что такъ сильно увлекся пустою суетностію; я писалъ:

Грустно... совсѣмъ въ суетѣ утонулъ я,
Бѣдному сердцу простора я не далъ..
Тяжко... за что самъ себя обманулъ я...
Самъ себя мрачнымъ терзаніямъ предалъ?

Я думалъ тогда, отчего такая пустота въ моей душѣ? Отчего меня не всегда и не такъ сильно радуетъ то, что радуетъ и дѣлаетъ счастливыми другихъ... Отчего я такъ холодно встрѣчаю и успѣхъ, и неуспѣхъ того, что другаго или закинуло бы на седьмое небо, или бросило въ ознобъ злости и отчаянія? Оттого, отвѣчаю я самъ себѣ, что все это мнѣ кажется мелкимъ, ничтожнымъ... А стремясь за нимъ, я вмѣшался въ пеструю толпу людей, у которыхъ не моя цѣль, я увлекся общимъ потокомъ и не отстаю отъ другихъ, хлопочу, торгуюсь на рынкѣ свѣта...

А дни летятъ... Слой пыли гуще, шире,
День ото дня на позабытой лирѣ...
Порой возьму: по струнамъ пробѣгу,
Но ужъ ни пѣть, ни плакать не могу,
Ни забывать душевной тяжкой муки;
Твердятъ укоръ разорванные звуки,
И я отъ лиры прочь бѣгу!
Бѣгу... Куда? Въ торгъ суетности шумной,
Чтобъ заглушить тоску души безумной...
Бѣгу туда, гдѣ плачетъ нищета,
Гдѣ свѣтелъ ликъ богатаго шута...
Бѣгу затѣмъ, чтобъ дать душѣ уроки,
Пренебрегать правдивые упреки,
Когда желаетъ быть сыта!...

Да, дни летятъ... летятъ и мѣсяцы... летятъ самые годы... А грустно... все также грустно. Когда же мнѣ будетъ весело? спрашиваю я самъ себя. Видно, еще пора не пришла, можетъ быть, и не будетъ ея. Что это за странная, за безпокойная жизнь человѣческая, которая сама не знаетъ, чего ищетъ, чего ждетъ. Пройдутъ годы—нѣтъ и въ поминѣ прежнихъ чувствъ, прежнихъ желаній, всѣ они кажутся уже глупыми, не стоившими ни труда, ни борьбы съ препятствіями. Настанутъ новыя желанія, стремленія,—и вотъ ты снова хлопочешь, суетишься, перемогаешь самого себя. И что-же? И они, въ свой чередъ, кажутся смѣшными, глупыми... и такъ далѣе до самой кончины... Грустно! Лучше не расшевеливать души, не бросать искры въ порохъ, а жить такъ однообразно и инстинктивно, какъ живутъ многіе, какъ многимъ жить суждено, и какъ многимъ жить нравится. Не въ томъ ли и состоитъ искусство жить, чтобъ умѣть самого себя заставить признаться, что не стоитъ жить; что ты не живешь, а состоишь на службѣ, которой отставка—смерть?.. Тяжела борьба души съ тѣломъ, тяжела борьба человѣка съ самимъ собою. Нѣтъ, не буду больше думать объ этомъ, пойду, пять брошусь въ общій потокъ... Несите меня, несите, волны суетности къ вашей глупой цѣли... я опять вашъ... опять

Я день и ночь тружусь для суеты,
И ни часа для мысли, для мечты...
Зачѣмъ? На что? Безъ цѣли, безъ охоты!...
Лишь боль въ костяхъ отъ суетной работы,
Да въ сердцѣ бездна пустоты!

Но что нужды! За то я не буду имѣть права жаловаться на жизнь, не буду глупцомъ въ глазахъ другихъ. Иногда, какъ теперь,

я оглянусь назадъ, загляну въ тайникъ души и, вѣрно, ужаснусь, заплачу... Мнѣ будетъ стыдно самого себя, но что дѣлать...

Что дѣлаешь ты, милая сестра? Что думаешь ты? Я знаю твою глубокую душу... твой взглядъ на все... а потому думаю, что тебѣ грустно, очень грустно въ минуты нѣмыхъ бесѣдъ съ собою... Я бы понялъ тебя, ты бы поняла меня, если-бъ мы были вмѣстѣ... а мертвыя слова—безжизненные звуки... мнѣ не высказать, не обрисовать чувства... они только хорошо умѣютъ передавать людямъ обычную заученную прозу жизни. Грусть одиночества начинаетъ чаще мучить меня. Я бы охотно пріѣхалъ къ вамъ, охотно бы отдохнулъ съ вами...

Если не помѣшаютъ мнѣ обстоятельства, то въ декабрѣ я непремѣнно пріѣду къ вамъ, милая сестра: тогда увидимся, тогда перескажемъ другъ другу все... оплачемъ наши прошедшія мечтательныя радости, погорюемъ надъ настоящимъ, заглянемъ въ будущее. Можетъ быть что и улыбнется намъ... Прощай, милая сестра. Сто разъ цѣлую тебя... я люблю тебя, какъ сестру, какъ друга, который одинъ только понимаетъ меня, предъ которымъ только я высказываю мою душу, люби же и ты меня такъ... не сердись за мелочныя мои ошибки и частое невниманіе къ тебѣ, которое происходитъ не отъ эгоизма, а отъ моего разсѣяннаго, безпокойнаго характера, а нынѣ частію и отъ множества занятія. Прощай... И братъ и другъ твой Н. Некрасовъ.

Подлѣ этого письма ты найдешь безжизненныя строки, набросанныя мною вчера поутру, болѣе по обязанности, я прочелъ послѣ ихъ и увидѣлъ, что онѣ какой-то формуляръ, но уже изорвать его не хотѣлось. Саблина стихи очень глупы... Это глупый, сумасшедшій н....й, котораго я вамъ не совѣтую пускать къ себѣ въ домъ, потому что по безсознательной глупости своей онъ можетъ, пожалуй, надѣлать какихъ нибудь мерзостей. Н. Н. Некрасовъ).

Примѣчаніе. Помѣщенное выше письмо славнаго нашего поэта—весьма обязательно сообщено его племянникомъ, офицеромъ артиллеріи, К. С. Звягинымъ. Письмо писано поэтомъ къ родной его сестрѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ Звягиной. Звягины—весьма старинная дворянская фамилія; представителей ея встрѣчаемъ мы еще въ XVI-мъ вѣкѣ въ числѣ жителей мѣстности, гдѣ возникъ, два вѣка спустя, С.-Петербургъ; въ XVII-мъ вѣкѣ Звягины, какъ видно изъ грамотъ и примѣчаній къ описанію герба этой фамиліи, жалуемы были, за службу ихъ царямъ и отечеству, помѣстьями.

Кромѣ Елисаветы Алексѣевны Звягиной, Н. А. Некрасовъ имѣлъ еще сестру—Анну Алексѣевну Буткевичъ; обѣ онѣ скончались.

Ред.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XXXVII [1].

Свѣтлое воскресенье.

Когда еще дитей я былъ
И росъ я въ тишинѣ,—
Какъ праздникъ Божій я любилъ!
Какъ было сладко мнѣ!

* * *

Съ тѣхъ поръ прошло такъ много лѣтъ,
Я не дитя давно,
Но прежней радости ужъ нѣтъ
И на душѣ темно.

* * *

И скученъ праздникъ для меня,
Грущу о прежнихъ дняхъ
И сердцемъ мало вѣрю я
И слезы на глазахъ.

1839 г. Н. Огаревъ.

Ив. Ив. Сердюкъ и Л. В. Дубельтъ

1850 г.

Въ 1850 годахъ сотрудникъ-корреспондентъ импер. вольн. эконом. общества Ив. Ив. Сердюкъ, находясь въ Петербургѣ по дѣламъ общества, представлялся бывшему предсѣдателю общества, князю Вас. Вас. Долгорукому.

По участію въ трудахъ общества, И. И. Сердюкъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ, т. е. помѣщалъ статьи, изъ которыхъ одна была написана по приглашенію князя, подъ заглавіемъ: «Краткій очеркъ хозяйственныхъ занятій могилевскаго помѣщика И. И. Сердюка», въ которой, при описаніи хозяйственныхъ занятій, по недавнему переселенію изъ южной Руси, было сказано: «Я перевелъ изъ Малороссіи въ Мстиславскій уѣздъ, въ деревню Кудричи, 25 мужчинъ и 25 женщинъ малороссіянъ, въ тѣхъ соображеніяхъ, чтобы племеннымъ смѣшеніемъ довольно сильнаго и довольно нравственнаго (обывателя южноруcса) современемъ усвоить въ Бѣлорусскомъ краѣ крѣпкихъ и добросовѣстныхъ хлѣбопашцевъ. «Мнѣ стоило большаго труда и издержекъ обзавести переселенцевъ хозяйствомъ, ублажить ихъ тоску по отчизнѣ и сблизить или, такъ сказать,

[1]) См. „Русск. Старину“ изд. 1888 г., томъ LX, стр. 469—490; 601—616; 765; изд. 1889 г., т. LXI, февраль.

сроднить различные характеры, уравновѣсить разнородную природу въ хозяйственномъ быту и пр.».

Статья эта была напечатана въ Трудахъ вольн. экон. общества 1850 г. Т. II, № 4. Смѣсь, стр. 11.

По напечатаніи статьи Сердюкъ прибылъ въ Петербургъ и былъ у князя Вас. Вас. Долгорукаго.

Князь встрѣтилъ, противъ обыкновенія, въ какомъ-то взволнованномъ настроеніи:

— Что вы, батюшка, надѣлали! Государь читалъ и приказалъ подобныхъ статей не печатать!

Послѣ такого неожиданнаго пріема Сердюкъ не находилъ удобнымъ даже объясняться,—отправился къ секретарю общества В. П. Бурнашеву, который разъяснилъ ему дѣло въ слѣдующемъ разсказѣ:

«Въ III отдѣленіи, для В. В. Дубельта, пересматриваются всѣ журналы, и въ статьѣ Сердюка, напечатанной въ «Трудахъ вольн. экон. общ.», подчеркнуты были Дубельтомъ слова: «ублажить ихъ тоску по отчизнѣ», и № «Трудовъ» представленъ государю Николаю Павловичу, въ тѣмъ видахъ, что сія статья заслуживаетъ кары, которая какъ бы вышла отъ лица неблагонадежнаго политически, — но сія услуга, къ запугиванію власти, разрѣшилась неожиданною отмѣткою государя, противъ подчеркнутыхъ словъ: «вздоръ!»

Легко представить себѣ, какъ перепугался Ив. Ив. Сердюкъ; ревностный дотолѣ корреспондентъ вольн. экон. общ., подъ страхомъ цензорскихъ рецензій Л. В. Дубельта, не скоро совладалъ съ собою и взялся за перо.

Примѣчаніе. Записано по разсказу г. Сердюка, въ гор. Мстиславлѣ, Могилевской губ.

Сообщ. въ 1881 г. докторъ С. Д. Носъ.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XXXIV.

Gelseminum

(Цвѣтокъ).

Люблю тебя, ты мой цвѣтокъ чудесный!
И ты, какъ я, ты Божіе дитя,
И надъ тобой звучалъ глаголъ небесный,
Какъ ты вставалъ изъ мглы небытія.
Въ твое зерно велѣньемъ мощнымъ слова
Вложилась мысль и тихо въ немъ она
Земную жизнь раскрыть была готова,
Предчувствіемъ небеснаго полна.—
И корень сталъ въ землѣ искать питанья...
Но солнце вышло; ясно и тепло
На Божіе взглянуло достоянье,
Зерно въ землѣ съ любовію нашло,
Свѣтило, грѣло, жизнь къ себѣ манило,
И вотъ зерно изъ-подъ коры земной
Зеленый листъ на Божій свѣтъ явило,
Съ любовью цвѣтъ возникъ къ нему главой.
Цвѣтокъ забился въ сладкомъ трепетаньи,
И самъ не зналъ, чѣмъ Богу угодить —
И, наконецъ, свое благоуханье,
Какъ даръ любви, ему сталъ возносить.
Люблю тебя, ты мой цвѣтокъ чудесный,
И я, какъ ты, я Божіе дитя,
И надо мной звучалъ глаголъ небесный,
Какъ я вставалъ изъ мглы небытія.
И я возросъ, пробилъ кору земную,
И истину лелѣять сталъ въ тиши,
Не зналъ я, чѣмъ воздать мнѣ за святую,
И Богу гимнъ раздался изъ души.
Цвѣтокъ, цвѣтокъ! Вѣдь намъ одна дорога,
Товарищъ мой! я чувствую—съ тобой
Служители единаго мы Бога,
Любовію къ нему исполнены одной.
Такъ жребій нашъ сплетенъ однимъ желаньемъ:
Какъ другъ, займусь и жизнію твоей,
И пусть съ твоимъ святымъ благоуханьемъ
Сольется пѣснь души моей.

Чертково. Іюль 1839 г.

ДѢТСКОЕ ОРУДІЕ ЛЮДОВИКА XVI

въ виленскомъ музеѣ древностей.

Изъ воспоминаній Теобальда.

I.

Въ 1848 году, предъ венгерскою войною, послѣдовало высочайшее императора Николая Павловича повелѣніе объ отобраніи всякаго рода оружія отъ всѣхъ жителей Сѣверо-Западныхъ и смежныхъ съ ними губерній и о доставленіи его въ динабургскій артиллерійскій арсеналъ на храненіе.

Живо закипѣла работа въ шести губерніяхъ. Исправники и становые пристава выказали въ этомъ случаѣ изумительную дѣятельность: они отбирали шпаги даже отъ тѣхъ отставныхъ военныхъ офицеровъ, которые были съ мундиромъ въ отставкѣ. Въ число оружія были засчитываемы даже дѣтскіе игрушечные луки. Ножи, вилки и дамскія тамбурныя иголки, однако, отбираемы не были. Мясникамъ и поварамъ было оставлено только по одному большому ножу.

Всѣ радіусы путей, ведущіе къ Динабургу, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, были запружены подводами съ ящиками, нагруженными оружіемъ. Ящики доставлялись на имя коменданта крѣпости, при толстыхъ описяхъ. Описи не читались никѣмъ и складывались мною въ особый, приспособленный для нихъ, шкафъ, а ящики не раскупоривались и ставились въ арсеналѣ по мѣрѣ доставки. Наконецъ, арсеналъ чуть не до потолка заполнился ящиками, до того, что въ немъ буквально негдѣ было повернуться.

При пріемѣ оружія арсенальные цейхвартеры пѣли ему многая лѣта лежанія и вѣчную память погибели въ сыромъ и мокромъ арсеналѣ.

Обѣ пророчества сбылись.

Оружіе мирно почивало. Прошла венгерская война, настала крымская — и вдругъ въ арсеналѣ встрѣтилась военному вѣдомству надобность—и вотъ по какому случаю:

Во время оно, около полувѣка тому назадъ, все обученіе войскъ—говорю о пѣхотѣ—состояло, какъ извѣстно, въ вытягиваніи носка, держаніи круче ружейнаго приклада, маршировкѣ до того плавной, чтобъ не проливался стаканъ съ водою, поставленный на киверъ, и въ ружейныхъ пріемахъ, до того тактичныхъ, что походили на щелканье орѣховъ. Это называлось тактикою. Каждый поворотъ, каждый шагъ нижняго чина былъ тактиченъ: разъ-два! Руки всегда навыворотъ и пальцы по квартирамъ; чувствовать онъ долженъ былъ только лѣвой локоть своего товарища.

Стрѣлять солдата тогда не учили. Его учили только заряжать ружье на 12 темповъ и на 4 темпа. Да и къ чему было портить ружье, когда оно должно было всегда свѣтиться и гремѣть въ ловкихъ рукахъ какъ бубенчикъ? Это называлось ружье съ темпомъ. Бывало инспектирующій начальникъ зорко смотритъ внутрь ружейнаго ствола и ищетъ въ немъ свѣта. Помню одного начальника дивизіи, балагура, который, заглядывая въ ружье, говаривалъ: «И во тмѣ свѣтъ свѣтится—и тма его не объятъ»—при чемъ кивалъ въ сторону бригаднаго командира.

У каждаго солдата находилось на рукахъ по 60 боевыхъ патроновъ; но эти патроны назывались смотровыми. Боже сохрани, потерять или израсходовать хоть одинъ смотровой патронъ: бѣднаго солдата запороли бы до полусмерти. Да и какъ было не беречь пороха, когда его на всю Россію выдѣлывалось тогда только 30 тысячъ пудовъ въ годъ? Послѣ венгерской войны начали выдѣлывать его уже по 300 тысячъ пудъ, но и это была капля въ морѣ.

Нельзя, однако-же, сказать, чтобъ солдатъ совсѣмъ не учили стрѣлять. Случалось, что разъ или два въ годъ, особенно послѣ венгерской войны, нижнихъ чиновъ выводили къ мишенямъ; но тамъ стрѣлокъ наровилъ только скорѣе выпустить пулю и держалъ отъ себя ружье на благородной дистанціи, для отклоненія отъ себя отдачи, которая нерѣдко очень чувствительно давала себя знать его плечу и зубамъ. Болѣе правильное стрѣлковое обученіе началось только по введеніи въ войска штуцеровъ (по 6 на каждую роту).

Но не смотря на такое мучительно-непроизводительное обученіе войскъ, что за могучая сила была русскій солдатъ! Онъ прошелъ тѣ степи, въ которыя не осмѣлилась ступить нога Александра Македонскаго; онъ перешагнулъ тѣ заоблачныя горы, гдѣ гуляютъ только орлы, да вѣтры буйные и куда не смѣли проникнуть даже римскіе легіоны! Сами иностранцы говорили, что «русскаго солдата мало убить: его нужно и повалить еще».

Царствованіе Александра II Освободителя облагородило, возвысило русскаго солдата. Но что было прежде—страшно вспомнить! Кулакъ, палка, фухтель, ружейный шомполъ, ефесъ офицерской сабли — все это, какъ давно всѣмъ и каждому извѣстно, было орудіемъ истязанія солдата за носокъ, прикладъ, запоздалый темпъ въ ружейныхъ пріемахъ, за поднятіе не той ноги...

— Ты что шепелявишь, какъ старая баба? спросишь бывало инаго.

— Жубовъ нѣтъ, ваше благородіе.

— Гдѣ же твои зубы?

— Повыбивали господа командиры.

Въ другой разъ видишь плачущаго рекрута.

— Ты что тутъ разрюмился?

— Дядюшка побилъ.

— За что?

— За отличіе.

Оказывается, что онъ, чистя, сломалъ «отличіе», которое прикрѣпляется къ киверу поверхъ герба.

И кто полъ-вѣка тому назадъ не билъ бѣднаго солдата? – Если офицеръ былъ гуманенъ, справедливъ, его аттестовали слабымъ, неспособнымъ къ военной службѣ. Злой человѣкъ назывался служакою. Оттого собачиться во фронтѣ считалось высшею военною доблестію. Многіе въ старину до того привыкали къ жестокому обращенію съ нижними чинами, что не могли пройти по фронту, чтобъ нѣсколькимъ человѣкамъ не разбить зубы, такъ, за «здорово-живешь»—и то совершенно хладнокровно. Напримѣръ:

— Ты чего трясешься, какъ въ лихорадкѣ? Чего передо мною дрожишь?... Что я, чортъ?... Что я, чортъ?...

И начинаетъ кулаками доказывать, что онъ ангелъ.

Случилось, что во фронтѣ одинъ солдатъ, по ошибкѣ, поднялъ правую ногу, тогда какъ всѣ подняли лѣвыя. Ротный командиръ, стоявшій на флангѣ, закричалъ:

— Какая тамъ каналья подняла обѣ ноги? Впередъ его!

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подбѣжалъ къ фронту, выхватилъ сосѣдняго солдата съ тѣмъ, который поднялъ правую ногу, и отдулъ его палками, ни за-што, ни про-што, чтобъ впередъ не поднималъ обѣихъ ногъ!

Одинъ полковой командиръ, изъ передовыхъ, видя безполезную жестокость нѣкоторыхъ своихъ ротныхъ командировъ, строжайше запретилъ имъ наказывать солдатъ безъ личнаго его разрѣшенія. Случилось, что солдатъ провинился; ротный командиръ представилъ его рапортомъ къ полковому, который положилъ резолюцію: «сдѣлать виновному предъ ротою выговоръ». Взбѣшенный ротный командиръ вывелъ роту и вызвалъ виновнаго.

— Тебѣ велѣно сдѣлать предъ ротою выговоръ. Ты знаешь, что значитъ солдатскій выговоръ?—Вотъ что!

Съ этимъ онъ засучилъ рукава и давай крошить солдата съ уха на ухо. Искровавивъ солдата и наставивъ ему на лицѣ пропасть фонарей—при чемъ солдатъ долженъ былъ стоять, вытянувшись въ струнку, онъ отпустилъ его въ казармы.

Въ слѣдующій разъ попался въ чемъ-то другой солдатъ той же роты.

Полковой командиръ предписалъ дать ему предъ ротою 200 розогъ. Когда конфирмацію прочитали, солдатъ радостно перекрестился.

— Слава Богу, что не выговоръ! произнесъ онъ и началъ быстро раздѣваться.

Особенно въ ту, нынѣ отдаленную отъ насъ, старину жестоки съ солдатами были нѣмцы. Они умѣли разомкнуть шеренгу на руку дистанціи, поворотить во флангъ и производить маршировку тихимъ шагомъ, съ тѣмъ, чтобы каждый заднiй солдатъ, данною ему палкою, билъ передняго; потомъ шеренга поварачивалась налѣво-кругомъ и каждый колотилъ того, кто передъ тѣмъ колотилъ его. Это называлось взаимное обученіе.

Словомъ, каждый начальникъ былъ врагомъ своего подчиненнаго. Всякое мягкое слово, обращаемое къ подчиненному, считалось преступленіемъ, нарушеніемъ воинской дисциплины. Дурнаго офицера пекли за то, что онъ дуренъ; хорошаго—для того, чтобы онъ не испортился. То же самое примѣнялось и къ нижнимъ чинамъ

Бывали, впрочемъ, случаи и любезнаго обращенія начальниковъ съ подчиненными; но отъ этой любезности становилось такъ же холодно, какъ и отъ распеканціи. Напримѣръ:

— Капитанъ N! Вы прекрасный офицеръ, краса полка. Я съ особымъ удовольствіемъ каждый разъ встрѣчаю васъ. Но позвольте дать вамъ дружескій совѣтъ.

— Слушаю, ваше п—ство, извольте приказывать.

— Когда придете домой, дайте вашему цирюльнику пятьсотъ: какъ смѣлъ этотъ негодяй, на инспекторскій смотръ, одѣться чище своего ротнаго командира?!

Въ переводѣ значило: вы одѣты хуже цирюльника. Или:

— Здравствуйте! Какъ поживаете?

— Покорнѣйше благодарю, ваше п—ство.

— Рота ваша въ порядкѣ?

— Въ совершенномъ, ваше п—ство.

— У васъ, кажется, жена или дѣти были нездоровы?

— Жена болѣла, ваше п—ство; но, благодаря Бога, теперь здорова.

— Ну, и слава Богу. Однако, дальше намъ не по дорогѣ: я пойду прямо, а вы потрудитесь зайти на гауптвахту, за то, что ходите безъ сабли.

Счастье, ежели за такія преступленія арестъ ограничивался тремя днями!

Но самая свирѣпая, самая беззавѣтная жестокость господствовала въ бывшемъ образцовомъ полку, въ учебныхъ карабинерныхъ полкахъ и въ баталіонахъ военныхъ кантонистовъ. 500 ударовъ была норма. Для 200 «и раздѣвать не стоило». Я зналъ одного подпоручика, изъ фельдфебелей, воспитанника—сперва баталіона военныхъ кантонистовъ, а потомъ учебнаго карабинернаго полка. Онъ говорилъ, что если бы за каждую розгу или палку, которыя онъ съѣлъ

до выпуска на службу, дали ему по одному рублю, то онъ былъ бы Ротшильдомъ. Конечно, подпоручикъ тутъ пересаливалъ; но все таки онъ съѣлъ не одну тысячу розогъ за прикладъ и носокъ.

Сами солдаты находили такой порядокъ вещей нормальнымъ. Бывало не разъ говорятъ:

— Что это за начальникъ: въ зубы дастъ, такъ ни разу не перевернешься и съ ногъ не слетишь. То-ли дѣло фельдфебель нашъ: какъ поднесетъ, такъ одинъ не выпьешь!

А прогнаніе сквозь строй!... Нѣтъ, ужъ лучше накинуть на это завѣсу забвенія......

Но прошу прощенія за отступленіе и возвращаюсь къ дѣлу.

II.

Послѣ неоднократныхъ маневровъ подъ Краснымъ Селомъ военные агенты изъ иностранцевъ при нашемъ дворѣ начали доносить своимъ правительствамъ, что русская гвардія маневрируетъ превосходно, но о стрѣльбѣ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Извѣстія объ этомъ все чаще и чаще стали появляться въ заграничныхъ газетахъ. Военное министерство встревожилось и образовало коммисію для изслѣдованія причинъ дурной стрѣльбы гвардіи.

Вотъ собрались на совѣты
Генеральски эполеты,

судили, рядили—и, наконецъ, пришли къ заключенію, что у гвардіи слишкомъ зачищены ружья. Никому въ то время въ голову не пришло, что солдаты дурно стрѣляютъ потому, что ихъ не учатъ стрѣльбѣ, а берегутъ смотровые патроны.

Дабы гвардейцы сразу сдѣлались отличными стрѣлками, рѣшено было выписать для гвардейскаго корпуса новыя ружья изъ Тулы, а зачищенныя, никуда негодныя обратить въ 6-й пѣхотный корпусъ, состоявшій тогда изъ 16, 17 и 18 дивизій.

Такъ и сдѣлали.

Вдругъ грянула крымская война.

Гвардія съ новыми ружьями осталась въ Петербургѣ, а 6-й корпусъ, съ зачищенными ружьями, брошенъ на Альму....

Тогда еще вѣрили, что «пуля дура, а штыкъ молодецъ»; но альмская битва доказала какъ-разъ противное: что «штыкъ дуракъ, а пуля молодецъ». У насъ было по 6 штуцерныхъ въ ротѣ, у французовъ были вооружены штуцерами поголовно цѣлые полки. Разбитые на голову владимірцы и суздальцы неоднократно кидались колоннами въ штыки, но французы не

принимали этой атаки, разсыпались и пронизывали колонны во фланги пулями-молодцами.

По окончаніи боя французы, какъ рѣдкость, показывали другъ другу наше ружье и говорили:

— Посмотрите, чѣмъ эти варвары защищаются на своей землѣ!

Французы открыли глаза нашему тогдашнему военному министерству: оно поняло, что совсѣмъ не готово къ войнѣ, что съ песками, прикладами, да учебнымъ шагомъ въ три пріема, хотя бы и каждый солдатъ поднималъ обѣ ноги вдругъ, далеко не уйдешь, и французовъ шапками не закидаешь.

И вотъ началось кормленіе собакъ во время самой охоты! Закипѣла самая горячая дѣятельность, началась нарѣзка ружей, заготовка новыхъ, сдача старыхъ въ арсеналы, приготовленіе бо́льшаго количества пороха.... А тутъ, какъ на зло, не оказалось на лицо и селитры....

На Украинѣ не удобряютъ полей, а навозъ складываютъ въ кучи и онъ ферментируется въ нихъ шесть лѣтъ, по прошествіи которыхъ и вываривалась изъ него селитра. Украинскіе помѣщики имѣли отъ нея, но причинѣ недостатка путей сообщенія, плохой заработокъ, едва покрывавшій расходы. Военное вѣдомство позавидовало помѣщикамъ: считая издѣліе селитры военною контрабандою, оно добилось обложенія производства ея пошлиною. Помѣщики, находя для себя эту операцію невыгодною, бросили ее. Въ крымскую войну военное вѣдомство бросилось къ украинскимъ помѣщикамъ: «давайте-молъ селитры безданно, безпошлинно».

— Подождите шесть лѣтъ, отвѣчали помѣщики.

Достали сто тысячъ пудовъ селитры въ Пруссіи, но за то союзники чуть не объявили ей войны.

Между тѣмъ, въ динабургскомъ арсеналѣ не оказалось мѣста для составлявшихъ красоту фронта темпистыхъ, зачищенныхъ ружей: частное оружіе загромождало арсеналъ. Конечно, немедленно возникъ вопросъ, что дѣлать съ частнымъ оружіемъ? Артиллерійскій департаментъ предписалъ командиру арсенала: разсортировать это оружіе и изъ него «драгоцѣнное» (?), рѣдкое и годное отдѣлить, а негодное обратить въ ломъ.

Приступили къ вскрытію ящиковъ.

О, Аллахъ! Да это уже готовый ломъ! Гдѣ ухитрились становые пристава набрать такого дерьма? Нагрѣли они себѣ порядочно руки! Неужели въ шести губерніяхъ не было ни одного порядочнаго ружья? Это было какое-то подобіе ружей, частію безъ замковъ, частію съ привязанными къ ложамъ, простыми веревками, жестяными трубками и даже просто деревянными палками; если же и были на какомъ нибудь оружіи желѣзныя части, то отъ восьми лѣтняго лежанія въ мокромъ арсеналѣ проржавѣли насквозь, до того, что палецъ проходилъ сквозь стволъ или сабельный клинокъ. Куда-же гг. становые дѣвали годное оружіе? Если оставляли для себя хорошее, то ужъ никакъ не возами.

Стали искать «драгоцѣннаго» оружія. Странно было бы и найти его въ этомъ хламѣ. Разумѣется, ничего подобнаго не нашли. Изъ рѣдкаго оружія въ одномъ или двухъ ящикахъ нашли какія-то ложи—должно быть отъ китайскихъ или арабскихъ и духовыхъ ружей, съ инкрустаціями изъ слоновой кости и перламутра, но сгнившія и разрушенныя; желѣзо крошилось въ рукахъ; найдено нѣсколько клинковъ отъ шпагъ и мечей, съ ефесами и безъ оныхъ, съ слѣдами золоченыхъ надписей, но проржавѣвшихъ насквозь, съ дырьями и никуда негодныхъ; такого же качества оказалось нѣсколько ятагановъ и кинжаловъ, съ разломанными рукоятками. Словомъ, отобрать ничего нельзя было и потому все безъ исключенія было отдано подъ молотъ и обращено въ ломъ.

Можно судить, сколько было въ арсеналѣ частнаго оружія, когда изъ однихъ ружейныхъ ложъ и досокъ отъ ящиковъ набралось 60 кубическихъ саженей дровъ!

Это было въ 1855 году.

III.

Командиромъ динабургскаго арсенала былъ тогда полковникъ Александръ Александровичъ Ламанскій, честнѣйшая и благороднѣйшая личность. Цейхвартеромъ, завѣдывавшимъ пріемкою частнаго оружія, былъ надворн. совѣтн. Соловьевъ. Въ Динабургѣ квартировало тогда тверское ополченіе, подъ начальствомъ ген.-маіора Наумова.

По знакомству съ Ламанскимъ и Соловьевымъ, многіе, какъ изъ мѣстнаго гарнизона, такъ и изъ офицеровъ ополченія, изъ любопытства заходили въ арсеналъ, чтобъ повѣрить разсказы объ этомъ сказочномъ оружіи—и удивлялись смѣлости тѣхъ, кто присылалъ въ крѣпость оружіе. А что если бы вдругъ арсеналъ да вздумалъ въ то время принимать оружіе по описямъ? Сколько изъ полицейскихъ улетѣло бы подъ судъ.

При осмотрѣ оружія, до сломки его, съ цейхвартеромъ Соловьевымъ посѣтители вели не разъ такіе разговоры:

— Неужели и эту вещицу (кинжалъ, мечъ, ружейная ложа какой-нибудь особой формы) вы обратите въ ломъ?

— Да на что же иное она годится? Изржавѣла до того, что даже крошится.

— Лучше подарите ее мнѣ: авось хоть сколько-нибудь отчищу и сохраню, какъ игрушку.

— А возьмите, пожалуй; только взамѣнъ ея пришлите мнѣ для счета какой-нибудь старый тесакъ или ножъ.

Такимъ образомъ, изъ лома этого перешло нѣсколько никуда негодныхъ

вещицъ въ частныя руки и съ полнымъ безкорыстіемъ со стороны Соловьева. Да если бы онъ и захотѣлъ ими торговать, то никто не далъ бы ему за нихъ ни гроша.

Началась ломка. Изломали весь хламъ. Сложили мѣдь и желѣзо въ отдѣльныя кучи, дерево въ сажени.

Разъ утромъ зашелъ я къ полковнику Ламанскому. Онъ пригласилъ меня съ собою въ арсеналъ, гдѣ вѣсили металлическій ломъ. Гуляя по арсеналу, я замѣтилъ въ углу на полу маленькую, мѣдную, темнозеленую отъ ржавчины, пушечку, на лафетѣ, при одномъ колесѣ. Я поднялъ ее: тѣло орудія было длиною четверти въ полторы; но оковка лафета, выкрашеннаго въ темнозеленую, почернѣвшую отъ времени, краску, поразила меня своею микроскопическою отчетливостію. Я счелъ это моделью какого-нибудь древняго орудія. Лѣваго колеса недоставало: оно было отломано, вмѣстѣ съ частью оси, у самой подушки и затеряно. Я показалъ эту пушечку Ламанскому.

— Нужно было отнимать отъ ребенка эту игрушку! замѣтилъ онъ. Какъ будто она представляла какую-нибудь опасность! Воображаю, какъ плакалъ мальчуганъ, когда становой завладѣлъ его артиллеріею.

— Я возьму себѣ эту «артиллерію», Александръ Александровичъ: отдамъ ее вычистить, додѣлать колесо, окрасить и буду держать у себя на письменномъ столѣ.

— Пожалуй, возьмите. Только иногда позволяйте стрѣлять моему Колѣ если она окажется годною для стрѣльбы.

Я отнесъ пушечку къ командиру инженернаго арсенала полковнику Гагельстрому, который и передалъ ее въ мастерскую. Но какъ очистить ее нельзя было иначе, какъ чрезъ огонь, то ее и поставили въ горнъ; но какъ только пушка нагрѣлась, изъ нея раздался такой сильный выстрѣлъ, что чуть не разрушилъ горна. Оказалось, что пушечка много лѣтъ была заряжена. Неизвѣстно, однако, была ли въ ней картечь, потому что, къ счастію орудіе было поставлено стоймя, дуломъ вверхъ. Говорю, «къ счастію», потому, что если-бы оно лежало дуломъ къ людямъ и имѣло внутри картечь, то могло бы надѣлать бѣды.

По прошествіи двухъ недѣль, полковникъ Гагельстромъ принесъ ко мнѣ пушечку сіяющую, выкрашенную въ свѣтлозеленый цвѣтъ, съ новою осью и колесомъ и она долго красовалась на моемъ письменномъ столѣ, въ качествѣ пресс-папье.

Прошли года.

IV.

Военнымъ министромъ былъ назначенъ печальной памяти Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ. Послѣ замѣчательнаго приказа его, законченнаго имъ, въ восторгѣ отъ своего назначенія, словами: «Ура! «Боже царя храни», съ приказаніемъ прочесть приказъ во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ—онъ началъ свою дѣятельность производствомъ слѣдствій по всѣмъ безымяннымъ доносамъ.

Есть люди, которые смертію своею оказываютъ обществу единственную полезную услугу. Смерти ихъ радуются, какъ свѣтлому празднику. Такъ, когда фонъ-деръ-Лауницъ (ожидающій еще своего біографа) убился въ Харьковѣ, упавъ съ коня, то въ Харьковѣ не хватило шампанскаго, для питья на радостяхъ! Сухозанеты: Иванъ (одноногій игрокъ) и Николай (министръ),—эта мелкая шляхта Минской губерніи—пользовались такою же всеобщею ненавистью, какъ и Лауницъ. Но Сухозанетъ не былъ министромъ до смерти и, по смѣнѣ его съ этого званія, всѣ поздравляли друга друга, именно какъ съ свѣтлымъ праздникомъ, и уже никто не желалъ его смерти. На мѣсто Сухозанета взошла благотворная звѣзда первой величины—Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, имя и дѣла котораго и все его прекрасное служеніе государю и отечеству перейдутъ къ отдаленнѣйшимъ поколѣніямъ русскаго народа въ благодарной его памяти.

Я зналъ одного, погубленнаго Сухозанетомъ, генерала, который говорилъ:
— «Я не желаю смерти Сухозанету, хоть его ужъ хуже и нѣту; напротивъ, желаю ему жить какъ можно дольше, дабы онъ долѣе чувствовалъ то презрѣніе, которое каждый оказываетъ ему теперь, по смѣнѣ его съ званія военнаго министра».

Дѣйствительно, надобно было имѣть особый талантъ, чтобъ умѣть заслужить къ себѣ такую всеобщую ненависть. Даже солдаты ненавидѣли его, хотя между простымъ солдатомъ и министромъ такое же разстояніе, какъ между землею и Сатурномъ.

Въ «Русскомъ Архивѣ», за 1884 годъ, помѣщена сложенная на Сухозанета въ 1861 году «Солдатская пѣсня», въ которой, по поводу назначенія его временнымъ намѣстникомъ Царства Польскаго, говорится:

„И сбылось, чего не ждали:
Не было печали—
Черти накачали“.

Т. е. пріѣхалъ Сухозанетъ. Далѣе говорится о его дѣйствіяхъ въ Польшѣ:

„Чтобъ покончить все заразъ,
Вздумалъ онъ отдать приказъ,
Оскорбительный для насъ:

„Если васъ-де будутъ бить,
Молча то переносить
И обидчикамъ не мстить“.

„Что ему конфедератки?
Онъ заглядывалъ въ палатки,
Чистилъ тюфяки, да матки

„Караулилъ не спроста
Онъ отхожія мѣста:
Чтобъ была въ нихъ чистота“.....

Да! Это тотъ самый Сухозанетъ, который, исправляя должность намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, отдалъ невѣроятный и возмутительный приказъ по 1-й арміи, въ которомъ онъ строго обязывалъ всѣхъ и каждаго, отъ генерала до рядоваго, не раздражать народныхъ страстей, не отвѣчать оскорбленіями на оскорбленія, мало того, если поляки будутъ даже стрѣлять, то не отвѣчать выстрѣлами на выстрѣлы, но замѣчать изъ какого окна палъ выстрѣлъ и сообщать о томъ полиціи. Словомъ, приказывалъ намъ утираться, если плюнутъ въ лицо, снимать съ поклономъ шапки, если будутъ бить, и съ сложенными покорно руками подставлять лобъ подъ пулю. «Отечество и служба требуютъ отъ васъ жертвъ, писалъ Сухозанетъ.—И вы больше принесете имъ пользы своею пассивностію, обезоруживающею народныя страсти, нежели раздражая послѣднія вооруженнымъ сопротивленіемъ».

Тяжелое было тогда время.

„Словомъ: всѣ здѣсь не мѣшали
Тяжко обижать Москалей:
    Популярности искали!
Опозорена, измята
Слава русскаго солдата—
    Кланяйся-жъ, ребята!“

были послѣднія слова «Пѣсни».

Но возвратимся къ арсеналу.

Въ 1859 году Сухозанетъ написалъ къ динабургскому коменданту, что графъ Коссаковскій обратился въ военное министерство съ просьбою, разрѣшить отправить въ виленскій музей древностей все «драгоцѣнное и рѣдкое» оружіе, отобранное у него въ 1848 году и сданное въ динабургскій арсеналъ; разрѣшивъ эту просьбу, министръ предписывалъ немедленно привести ее въ исполненіе.

Что такое? Что за оружіе графа Коссаковскаго? Комендантъ очень хорошо зналъ, что въ арсеналѣ ни «драгоцѣннаго», ни «рѣдкаго» оружія не было и если оказалась какая-нибудь гниль, то она 4 года назадъ обращена въ ломъ, отъ котораго въ арсеналѣ не осталось уже и слѣда.

Такъ комендантъ и отвѣтилъ. Но тутъ грянулъ страшный громъ.

Сухозанетъ, какъ родственникъ графу Коссаковскому по графинѣ де-Лаваль, ужасно взбѣленился, не повѣрилъ донесенію коменданта и, считая оружіе

это расхищеннымъ, предписалъ коменданту произвести строжайшее слѣдствіе по этому дѣлу и непремѣнно найти похитителей, отъ которыхъ и отобрать покраденное. Онъ присовокупилъ, во-первыхъ: «я самъ видѣлъ это оружіе у графа Коссаковскаго и восхищался какъ историческою, такъ и матеріальною его цѣнностію», и во-вторыхъ: «иначе я самъ приступлю къ дознанію и тогда послѣдствія его будутъ пагубны для многихъ».

Вздрогнулъ Динабургъ. Злое было предписаніе, злой былъ и министръ. Всѣ, кто имѣли какую-нибудь бездѣлицу изъ арсенала, поспѣшили возвратить ее цейхвартеру Соловьеву, который и обращалъ въ ломъ. Я также отослалъ мою пушечку, чтобъ выгородить себя отъ всякой отвѣтственности.

Началось слѣдствіе. Генералъ Симборскій приказалъ отобрать отъ всѣхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и чиновниковъ гарнизона и города подписки: не имѣлъ ли кто-нибудь изъ нихъ оружія изъ арсенала, и если имѣлъ, то какое именно и какимъ путемъ было оно пріобрѣтено? Какъ всѣ, имѣвшіе оружіе, въ томъ числѣ и я, возвратили таковое въ арсеналъ, то и дали смѣло подписки въ томъ, что изъ арсенала никакого оружія не пріобрѣтали.

Между тѣмъ, нужно было розыскать—не было ли въ числѣ списковъ разнаго оружія, доставленнаго исправниками — вѣдомости оружія графа Коссаковскаго? Нѣсколько дней рылся я въ горахъ этихъ списковъ и, наконецъ, нашелъ въ одномъ изъ нихъ отдѣлъ, подъ заглавіемъ: «Оружіе графа Коссаковскаго. Боже мой! чего, чего тамъ не было написано! Но написано было много, а ничего почти не доставлено. Въ числѣ названій разнаго оружія значилось подъ № 67: «Дѣтское орудіе Людвига XVI».

Такъ вотъ она моя пушечка! Если бы я зналъ, что она значитъ, я ни за что не отдалъ бы ее въ ломъ, но самъ требовалъ бы сохраненія ея въ арсеналѣ, въ исправленномъ мною видѣ.

Я досадовалъ не только на себя, но и на самого графа Коссаковскаго: что за беззаботность, что за равнодушіе съ его стороны къ такому огромному количеству рѣдкаго, историческаго оружія! Развѣ не могъ онъ написать къ коменданту крѣпости или командиру арсенала и просить обратить вниманіе на его оружейную коллекцію! Развѣ его раззорило бы нѣсколько рублей въ годъ на чистку и смазку оружія и для вознагражденія того цейхшрейбера или фейерверкера, который доглядывалъ бы оружіе? Нѣтъ, онъ предпочелъ, чтобы тѣ остатки, которые достались въ крѣпость, гнили въ сыромъ арсеналѣ въ теченіи восьми лѣтъ! Неужели Коссаковскій думалъ, что военное вѣдомство обязано было устроить особый музей или оружейную палату для храненія его оружія и беречь потому только, что это было оружіе пана графа Коссаковскаго? Никто въ крѣпости не подозрѣвалъ о существованіи не только подобнаго оружія, но даже и самаго Коссаковскаго. Между тѣмъ, оно могло бы быть вытащено изъ-подъ спуда, если-бы того хотѣлъ съ самаго начала Коссаковскій; мало того: оружіе было бы спасено отъ разрушенія, выяснено: что изъ него доставлено

въ крѣпость и что расхищено на мѣстѣ—и, быть можетъ, по горячимъ слѣдамъ, отъискалось бы и похищенное.

Окончилось слѣдствіе и представлено военному министру. Все выше замѣченное о беззаботности самаго графа Коссаковскаго было оговорено въ дѣлѣ. Виновныхъ, разумѣется, не обнаружено, потому что ихъ и не было. Сухозанетъ бѣсился и выходилъ изъ себя.

Вдругъ одинъ изъ аудиторовъ динабургскаго ордонансъ-гауза, человѣкъ злой по природѣ, послалъ къ военному министру доносъ, въ которомъ назвалъ поименно всѣхъ насъ, имѣвшихъ временно оружіе изъ арсенала, и даже нѣсколькихъ офицеровъ тверскаго ополченія.

Возликовалъ министръ. Самъ началъ производить слѣдствіе—и исполнилъ обѣщаніе свое, что «послѣдствія его будутъ пагубны для многихъ».

V.

Полетѣли слѣдственныя коммисіи: въ Тверскую губернію, для допроса бывшихъ ополченцевъ и отобранія отъ нихъ оружія, и въ Динабургъ. У нѣкоторыхъ тверитянъ были найдены какія-то бездѣлицы и взяты. Слѣдователи непремѣнно добивались сознанія, что оружіе куплено отъ цейхвартера Соловьева, но, конечно, добиться этого не могли, такъ какъ за оружіе это никто не платилъ ни гроша и выпрошено оно изъ лома.

Предсѣдателемъ динабургской слѣдственной коммисіи былъ назначенъ адъютантъ генералъ-фельдцейхмейстера полковникъ Боборыкинъ. Прибывъ въ Динабургъ, онъ собралъ насъ, значившихся въ аудиторскомъ доносѣ, и сказалъ:

— Господа, я все знаю. Предупреждаю васъ, что запирательство ваше крѣпко вамъ повредитъ, тогда какъ чистосердечное сознаніе послужитъ къ облегченію вашей участи.

Онъ обратился ко мнѣ.

— Вотъ, напримѣръ, что я знаю о вашей пушечкѣ: ее исправляли въ инженерномъ арсеналѣ; въ горнѣ она дала выстрѣлъ; потомъ къ ней придѣлали ось и колесо, выкрасили и она около 4-хъ лѣтъ стояла у васъ на письменномъ столѣ; а когда послѣдовалъ вопросъ отъ военнаго министра, вы возвратили ее въ арсеналъ, гдѣ и взята она подъ молотъ. Всѣ чины инженернаго арсенала подтверждаютъ эти подробности.

Такимъ точно образомъ онъ обратился и къ слѣдующимъ лицамъ:

1) Товарищу моему, плацъ-адъютанту капитану Конопаку, который имѣлъ продыравленный ятаганъ.

2) Настоятелю военнаго собора протоіерею Сергію Ляшкевичу, имѣвшему полуразрушенную ложу ружья, съ частію уцѣлѣвшей инкрустаціи изъ слоновой кости и перламутра.

3) Помощнику главнаго доктора военнаго госпиталя ст. сов. де-Конради,

у котораго находился старинный, проржавленный и съ двумя дырьями насквозь мечъ.

4) Начальнику уѣздной жандармской команды подполковнику барону Корфу, имѣвшему кусокъ такой же ложи, какъ и настоятель собора.

Прочихъ не упомню.

Конечно, всѣ мы сознались, что безъ вины виноваты, и дали письменныя показанія.

Возвратились, наконецъ, въ Петербургъ торжествующія слѣдственныя коммисіи, истративъ на поѣздку свою огромную сумму—около 5,000 руб. сер.

Военный министръ, по разсмотрѣніи слѣдственныхъ дѣйствій, предписалъ динабургскому коменданту: «полковника Ламанскаго и надв. сов. Соловьева, за расхищеніе ввѣреннаго ихъ храненію «драгоцѣннаго и рѣдкаго оружія», предать военному суду арестованными, съ отрѣшеніемъ отъ должностей,—съ тѣмъ, чтобы судъ сдѣлалъ заключеніе и обо всѣхъ лицахъ, способствовавшихъ расхищенію».

Надобно знать, что такое былъ въ до-реформенное время военный судъ! Не было ни судей, ни прокуроровъ, ни защитниковъ, — были аудиторы, у которыхъ въ рукахъ всецѣло находилась судьба подсудимаго. Правда, назначался предсѣдатель изъ штабъ-офицеровъ гарнизона и члены военно-судной коммисіи отъ войскъ; но засѣданій суда никогда не бывало, обрядностей и формъ судопроизводства не существовало никакихъ. Аудиторъ допрашивалъ одинъ, судилъ одинъ, приговоръ постановлялъ одинъ и только оставлялъ въ дѣлѣ свободныя мѣста для подписей предсѣдателя (или, какъ тогда называли, презуса) и членовъ. При встрѣчѣ съ ними аудиторъ иногда говаривалъ:

— Зайдите завтра ко мнѣ, во столько-то часовъ, подписать дѣло.

Обыкновенно же члены вызывались къ подписи аудиторскими записками. Приглашенный заходилъ и подписывалъ, не читая, гдѣ аудиторъ указывалъ пальцемъ.

Было много аудиторовъ честныхъ, добросовѣстныхъ, безкорыстныхъ; но сколько было такихъ, которые составляли позоръ своей корпораціи, снимали съ подсудимаго послѣднюю рубаху, отнимали послѣднюю чайную ложку! Тамъ же, въ Динабургѣ, былъ одинъ аудиторъ, который, забравъ у подсудимаго чиновника послѣднее одѣяло, вытребовалъ у него и единственное утѣшеніе его—очень цѣнную флейту, хотя самъ не умѣлъ играть на ней, и продалъ ее полковому капельмейстеру за три рубля.

И дѣла тянулись годы.

Дѣло Ламанскаго и Соловьева, сравнительно, окончилось скоро—на слѣдующій годъ, потому что министръ нетерпѣливо ждалъ его и приказывалъ аудиторіатскому департаменту настаивать на скорѣйшемъ окончаніи его.

Динабургскій приговоръ былъ не строгъ для подсудимыхъ, но въ Петербургѣ отмѣнили его и постановили слѣдующую конфирмацію въ 1860 году [1]).

---

[1]) То есть при Сухозанетѣ.

Полковника Ламанскаго и цейхвартера Соловьева лишить чиновъ, орденовъ, дворянскаго достоинства и разжаловать въ рядовые, со ссылкою въ линейные баталіоны—перваго въ кавказскіе, а послѣдняго въ сибирскіе — и Соловьева безъ выслуги.

Спрашивается: за что такъ жестоко пострадали эти несчастные? За то, что Сухозанетъ былъ изъ родни Коссаковскому и сдѣлался судьею въ собственномъ дѣлѣ.

Всѣхъ «прикосновенныхъ» (кромѣ настоятеля собора) предписано выдержать подъ арестомъ на гауптвахтѣ по двѣ недѣли и обратить на нихъ издержки слѣдственныхъ коммисій, по разсчету получаемаго ими жалованья.

Конфирмація эта, разумѣется, приведена была немедленно въ исполненіе.

Но сколько въ ожиданіи этого адскаго рѣшенія выстрадали какъ подсудимые и прикосновенные, такъ и ихъ семейства — этого нельзя описать; можно развѣ только вообразить!

Не благословляли несчастные Сухозанета!

Аналогичное съ этимъ дѣло было въ крѣпости Новогеоргіевскѣ, въ арсеналѣ которой было сосредоточено оружіе, отобранное отъ жителей Царства Польскаго—вскорѣ ли послѣ мятежа 1831 года, или предъ 1848 годомъ — не знаю. Тамошнее оружіе также приказано было обратить въ ломъ; но тамъ оружіе было отбираемо съ бо̀льшею добросовѣстностью, такъ какъ въ числѣ подлежащаго ломкѣ было много прекраснаго холоднаго и огнестрѣльнаго оружія — такого, что самимъ цейхвартерамъ жаль было брать подъ молотъ. Мудрено-ли, что они—за деньги или даромъ—обмѣнивали хорошее оружіе на дурное, необходимое лишь для счета? Конечно, это злоупотребленіе; но въ тѣ времена, когда «безгрѣшные доходы» имѣли право гражданства въ Россіи, едва-ли такой обмѣнъ можно было называть преступленіемъ. Правительство, однако, узнало объ этой мѣнѣ и назначило слѣдствіе, которое обнаружило пропасть виновныхъ. Но императоръ Николай Павловичъ, разсмотрѣвъ это дѣло и видя, что тутъ придется предать суду нѣсколько сотъ человѣкъ—по всегдашнему рыцарскому великодушію своему, повелѣлъ прекратить дѣло, безъ всякихъ послѣдствій.

Теперь дѣтское орудіе Людвига XVI находится въ виленскомъ музеѣ древностей; оно лежитъ безъ лафета и называется просто: «маленькая дѣтская пушка».

Сколько печальныхъ думъ возбуждаетъ она во мнѣ, при каждомъ взглядѣ на нее! Многое пережилъ я чрезъ нее, много стоила она мнѣ тайныхъ и жгучихъ страданій!

Музею въ г. Вильнѣ никто не сообщалъ еще исторіи этого орудія и онъ даже не подозрѣваетъ всей исторической его важности.

Настоящею статьею я первый открываю музею эту тайну.

ЖИЗНЬ АѲАНАСІЯ СИЛЬВЕСТРОВА,

сельскаго священника, въ иночествѣ Захарія.

Его автобіографія

(конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій).

Предлагаемая вниманію читателей «Русской Старина» автобіографія, какъ видно изъ помѣщеннаго ниже «заголовка», кѣмъ-то была списана съ «собственноручнаго подлинника», писана полууставомъ, буквами церковной печати, со всѣми особенностями славянскихъ книгъ: съ титлами, удареніями и т. п. Мы здѣсь не сочли за нужное употребить славянскій шрифтъ,—отъ этого можетъ только выиграть въ чтеніи эта не безъинтересная автобіографія.

Авторъ, нигдѣ не учившійся дьяческій сынъ, по волѣ преосвященнаго Ксенофонта, посвященный въ священника, видимо, оправдалъ возлагавшіяся на него надежды; онъ съ честью прошелъ земной путь, по окончаніи котораго и вздумалъ повѣдать (притомъ довольно толково и весьма чистосердечно) про свое житье бытье. Необходимо только отмѣтить, что конецъ «автобіографіи», кажется, принадлежитъ другому лицу, именно—списавшему «жизнь» съ «собственноручнаго подлинника»; здѣсь чувствуется другой ужъ тонъ въ повѣствованіи, нѣтъ того восторженнаго настроенія, въ которомъ сложилась у автора его «автобіографія».

А. В. С.

Рожденіе, воспитаніе, жизнь и нѣкоторыя приключенія бывшаго села Вашки священника Аѳанасіа Силвестрова, а нынѣ во иночествѣ іеромонаха Захаріи.

[Списано съ его собственноручнаго подлинника].

При державѣ блаженныя памяти императрицы Екатерины Вторыя, Владимірской губерніи, Переславской округи въ селѣ Вашкахъ, при церкви святителя и чудотворца Ніколая жилъ дьячекъ Силвестръ Ивановъ съ женою Ѳедосьей Ивановой. Имѣли они у себя двухъ дочерей и третьяго сына Афанасіа, то есть меня, и радовались о сынѣ своемъ, потому только, что онъ у нихъ былъ одинъ. Сей ихъ сынъ Аѳанасій часто ходилъ въ церковь къ службѣ Божіей. Церковь тогда была еще деревянная. Въ ней былъ мѣстной образъ святителя и чудотворца Ніколая въ ризѣ серебряной; и онъ, Аѳанасій, столько любилъ сей образъ, что, во младыхъ лѣтахъ, молился передъ нимъ безъ усталости, впрочемъ, не по внутреннему чувствованію благоговѣнія или сокрушенія, но только потому, что онъ въ ризѣ серебряной ему очень понравился. Прихожане начали заводить каменную церковь. Аѳанасій тогда возъимѣлъ великую охоту для каменьщиковъ носить кирпичи, и подрядчикъ съ трехсотенной клѣтки платилъ ему по два гроша. Это для него было очень пріятно и весело, то онъ въ семъ дѣлѣ и потрудился довольно. Отъ роду минуло ему четырнадцать лѣтъ, ростомъ сталъ высокъ, а пѣть и читать умѣлъ весьма худо. Молва прошла, что съ праздноживущихъ духовнаго званія скоро послѣдуетъ наборъ въ военную службу. Ахъ! какъ горько отецъ и мать сего испужалися. Имѣть одного сына подъ старость, да и того лишиться! поплакали довольно, и говорятъ: «заутра поѣдемъ къ архіерею просить въ пономари въ Вепреву пустыню, находящуюся недалеко отъ Вашки». Отецъ сумнѣвался, какъ показать архіерею сына, не знающаго ни пѣть, ни читать? Вставши по утру рано, начали сряжаться въ Переславль ко владыкѣ съ намѣреніемъ, просить объ опредѣленіи на помянутое мѣсто сына ихъ. Вдругъ появилась къ нимъ сосѣдка дьяконица, и говоритъ: что вы знаете? нынѣ въ ночи у насъ вотъ что надѣлалось: дьячекъ Ніколай и пономарь Иванъ убили въ кабакѣ Романовскаго попа, и крестьяне уже ихъ перевязали. Вотъ два мѣста праздныя открываются дома. Сосѣдъ дьяконъ уже ускорялъ съ своимъ сыномъ занять пономарское, и взялъ заручную отъ помѣщика и крестьянъ. Ахъ какъ жаль! осталось дьяческое мѣсто. Отецъ съ матерью думаютъ, какъ просить во дьячка? и въ пономари то онъ не годится. Однако, по просьбѣ ихъ, помѣщикъ и прочіе прихожане заручную во дьячка дали для утѣшенія только ихъ, а, впрочемъ, никто не надѣялся ему при церкви быть. Итакъ, они, пріѣхавши въ Переславль, прежде подачи просьбы, отдали сына каѳедральнаго собора псаломщику учиться чтенію и пѣнію нотному. Учился онъ у псалом-

щика того два мѣсяца, а затверживалъ только то, что владыка обыкновенно любилъ слушать. Сосѣдъ дьяконъ подалъ ко владыкѣ о сынѣ просьбу въ пономаря, но резолюція послѣдовала ему: «отказать и впредь не просить». Случилось намъ (имъ) со псаломщикомъ мести домовую у владыки церковь: потому что какъ онъ, Аѳанасій, у псаломщика того жилъ и учился, то и дѣлалъ вспоможеніе ему, что потребно было, безъ ослушанія. Мели (церковь), и вдругъ въ архіерейскихъ покояхъ захлопали двери. Что такое? Строгой и горячій владыка Ѳеофилактъ бѣжитъ къ нимъ въ церковь, кричитъ, бранится, сердится: они, испужавшись оба, спрятались за печку: псаломщикъ Аѳанасію сказалъ: «поди за своей просьбой: теперь онъ насердившись и накричавшись послѣ этого милостивъ бываетъ». Аѳанасій того-жъ часа сходилъ за нею и владыкѣ подалъ, былъ слушанъ въ чтеніи и пѣніи, и за симъ резолюція послѣдовала: «во дьячкахъ быть не способенъ, а быть пономаремъ, во дьячкахъ же быть Переславской Сергіевской церкви діакону за пьянство». Аѳанасій былъ сбрадованъ милостью Божіею столько, что, по его признанію, ни словомъ изъяснить, ни умомъ своимъ постигнуть не могъ. Отецъ и мать, увѣдавши, пріѣхали; (я) Аѳанасій встрѣтилъ; они отъ радости оба плакали, и даже не вѣрили, что столь дивную сыну ихъ, возлюбленному Аѳанасію, низпослалъ Господь милость, сотворивъ безграмотнаго пономаремъ, при отцѣ дьячкѣ, въ своемъ селѣ. Несказанна радость, и нельзя не радоваться: въ одномъ домѣ отецъ дьячекъ и сынъ пономарь, два дохода, и стали по маленьку разживаться. Потомъ Аѳанасій женился, взялъ въ жену ростовской округи въ селѣ Сканятиновѣ у священника дочь Евдокію Даниловну: въ приданое взялъ мѣдною монетою десять рублей. И вотъ непріятность: въ дорогѣ къ дому, на мѣшкѣ, въ коемъ везены были тѣ приданыя деньги, сдѣлалась дыра, и потерялось изъ нихъ два рубля шесть гривенъ. Пономарскую должность исправлялъ седмь, и послѣ восемь лѣтъ дьяческую безпорочно: читалъ по книгѣ проповѣди, прихожанамъ его было пріятно. Въ ономъ селѣ Вашкахъ былъ священникомъ дядя родной Елисей. У него были два сына, Порфирій и Діомидъ, Аѳанасію двоюродные братья и крестники. Порфирій, окончивъ учебный курсъ, опредѣлился въ городъ Гороховецъ во діакона въ соборъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ Вашкой (Вашкинской) дьяконъ не отбилъ у него отцовское священническое мѣсто на его родинѣ въ Вашкахъ. Вскорѣ Аѳанасіевъ дядя священникъ Елисей, волею Божіею, заболѣлъ и сдѣлался безъ языка. Тотъ сынъ его Порфирій соборной діаконъ пріѣхалъ въ Вашку съ намѣреніемъ, на отцовское мѣсто просить. Прихожане всѣ подписали съ охотою, также подписали и Аѳанасію съ охотою, на Божію волю, кого Онъ изберетъ, и владыка Ксенофонтъ благословитъ. Аѳанасію ѣхать съ просьбою не хотѣлось, не надѣясь переспорить ученаго соборнаго дьякона, и притомъ сына. Оной дьяконъ Порфирій сказалъ Аѳанасію: «батюшка крестной, поѣдемъ оба вмѣстѣ во Владимиръ: ты меня отвезешь туда, а самъ накупишь тамъ

пшена и гречневой крупы». Аѳанасій согласился, поѣхали. Пріѣхавши во Владиміръ, Аѳанасій ушелъ прямо въ соборъ, и палъ передъ образомъ Божія Матери Владимірской, и, по его словамъ, даже не помнилъ, какъ молился дотолѣ, какъ уже пришелъ сторожъ и сказалъ ему: «нутко! размолился долго: мы запремъ». Пришелъ на квартиру, крестникъ лошадь выпрягъ, ночевали. Поутру говоритъ Аѳанасьевъ крестникъ: «крестный, пойдемъ къ архіерею, и подадимъ просьбы вмѣстѣ». Аѳанасій сказалъ ему: хорошо, и подали. Владыка Аѳанасія слушалъ, читать давалъ разныя книги, а дьякону сказалъ: выучилъ-ли ты титулъ царской? ибо діаконъ нѣсколько его не выговаривалъ. Потомъ владыка сказалъ: подите, я разберу. Ушли они на квартиру, ждутъ разбору. Въ сіе время стали подавать просьбы семинаристы, окончавшіе свое ученіе, и готовые священники: потому что мѣсто завидное, и село торговое. Аѳанасій каждый день ходилъ въ соборъ молиться Божіей Матери: дожидался разбору недѣлю съ великимъ сумнѣніемъ, что будетъ? Аѳанасій сказалъ потомъ крестнику своему, діакону: Порша, зайди ко владыкѣ: то-ли, сіе-ли, я уѣду домой. Что мнѣ дожидаться! просителей сколько, гдѣ мнѣ, дьячку, такое мѣсто? Онъ и зашелъ ко владыкѣ, которой сказалъ ему: поди, тутъ назначенъ дьячекъ. Крестникъ приходитъ, поздравляетъ и говоритъ: ты, батюшка крестной, назначенъ во священника, съ выдачею по сороку рублей въ годъ. О, какъ Аѳанасій обрадовался и дивился, что Царица Небесная сотворила съ нимъ! Посемъ и посвятился во священника, давалъ выдачу шесть лѣтъ каждый годъ по сороку рублей вѣрно. Жилъ священникъ без.... (упречно); имѣлъ дѣтей: шесть дочерей и одного сына. Старики померли, похоронилъ ихъ по христіанской должности. Дочерей пристроилъ: трехъ отдалъ на сторону за священниковъ, четвертая за секретаремъ въ городѣ Юрьевѣ, пятая была сговорена за ученаго въ Ярославль, но лишь только уѣхалъ женихъ, и невѣста занемогла, и болѣла болѣе году: жениху отказали, сказавъ, что она уже замужество оставляетъ, а обѣщаніе положила посвятить себя въ монастырь, ежели Богъ подыметъ. И какъ скоро освободилась отъ болѣзни, то и опредѣлилась въ Переславской Ѳеодоровской дѣвичь монастырь, тамъ Аѳанасій построилъ ей хорошую келію, купилъ ей дѣвочку, и благополучно живетъ просфорницей. Шестой дочери сдалъ свое мѣсто и заведеніе, принявъ зятя. Слава Богу! всѣхъ дѣтей пристроилъ хорошими порядками и христіанскою должностію. Самому ему скучно стало безъ службы: но къ счастію опредѣлили его въ село Романово служить за запрещеннаго священника. Потомъ звали его и въ другія мѣста, а именно: въ Петербургъ, въ Москву къ церкви Адріана и Наталіи, еще въ Переславль къ церкви чудотворца Сергія, вездѣ на раннія обѣдни. Думалъ онъ: что дѣлать, куда рѣшиться? Вздумалъ онъ и о превеличайшихъ грѣхахъ своихъ, и еще: какъ бы треокаянную жизнь свою къ одному мѣсту опредѣлить. Пошолъ на праздникъ Тихвинскія Божія Матери въ село Романово служить, и сдѣлалъ

четыре жеребья, а) въ Петербургъ, в) въ Москву, г) въ Переславль, д) дома жить. Смѣшавъ ихъ, помолился Божіей Матери и вынулъ одинъ, досталось идти въ Переславль. Пришелъ къ Преподобному Сергію, отслужилъ обѣдню, и прочиталъ проповѣдь. Прихожане полюбили и съ радостію желали, но благочинной сказалъ мнѣ: тутъ на ранніе не положено штату, а безъ штату служить мнѣ показалось не хорошо, сталъ говорить прихожанамъ, они и штатъ мнѣ положили сто двадцать рублей, кромѣ дохода, довольно было для меня, говорилъ онъ: но тутъ жить ему не разсудилось, а въ такое размышленіе пришелъ, помня свои грѣхи величайшіе и смертные, чтобъ оставить суету мірскую со всѣми соблазнами и прелестями, жену, дѣтей и любезное село Вашку, свою милую родину, гдѣ служилъ храму Господню, созидалъ и старался о немъ: ибо церковь была деревянная, а при его бытности сдѣлана каменная преукрашенная: колоколо было двадцати пудовое, а теперь звонъ сдѣлался семьсотъ пудовъ, Божіею помощію. Кажется, что нигдѣ нѣтъ такого украшенія и величайшаго храма. Кокъ можно было все сіе оставить? Но оставивъ, пошелъ во Владиміръ проситься въ монастырь къ Тихфинской Божіей Матери и Данiилу Преподобному. Владыка благословилъ, и опредѣлилъ указомъ. Пришло время разставаться со своею родиною, съ женою и дѣтьми, и съ домомъ своимъ. Вообразите! столько лѣтъ живши съ любезною супругою, оставить ее и совсѣмъ вовся не знать до конца жизни! Можетъ-ли что быть горестнѣе сего? Палъ ей въ ноги: прости меня грѣшнаго треокаянника, милая моя супруга, чѣмъ я тебя оскорбилъ! Отъ жалости не помню, что я тутъ ей еще говорилъ. Потомъ прощался съ любезною дочерью. Она пала, обняла ноги, только и повторяла: батюшка! батюшка! на кого ты меня покидаешь? съ кѣмъ мнѣ жить будетъ? Боже мой! какъ прискорбно, какъ жалко. Таково было разставаніе съ родиной и родными своими священника Аѳанасія! И что еще? пришелъ ко храму, палъ предъ нимъ, и безъ памяти его подняли. Боже мой, Боже мой! Простился, пошелъ, оглянулся назадъ, лежатъ всѣ мои любезные на землѣ жена и дѣти. Ахъ, какъ жалко! Боже мой! И еще въ послѣдній разъ сказалъ: прощайте! прощайте, мои милые всѣ! Пріѣхалъ въ монастырь, отпустилъ подводу, остался одинъ въ кельѣ своей, палъ предъ образомъ Божія Матери на землю. Гдѣ взялись слезы и рыданіе? Боже мой! Тогда мой вопль услышалъ сосѣдъ въ другой кельѣ, пришелъ ко мнѣ, говоря: что ты, что ты, отецъ Аѳанасій? и поднялъ меня съ полу, сталъ со мною говорить, и я, слава Богу, пришолъ въ себя, сталъ ходить въ церковь, а несказанная тоска меня ни на минуту не оставляла. Это въ точности написано все въ его подлинникѣ. Сталъ жить въ монастырѣ. Вѣрно по его, а можетъ быть и по своему дикому нраву и угрюмости (переправлено въ: кроткому нраву и смирному), братья его не полюбили. Одинъ наплевалъ въ глаза, другой при братіи ругалъ за трапезою, третій заперъ въ ретирадѣ; такъ, Богу изволившу, терпѣлъ первыя искушенія. Въ крайностяхъ

прибѣгалъ къ жившему на покоѣ преосвященному архіепископу Лаврентію. Въ тоскѣ впервые пришедъ къ нему, палъ въ ноги, всѣ приключенія ему разсказалъ....(вырвано).... и о тоскѣ своей. Преосвященный обласкалъ и.... (вырвано).... накормилъ его духовною пищею, и въ подобныхъ случаяхъ приказалъ къ себѣ ходить. Итакъ, священнику Аѳанасію стало повеселѣе, а, впрочемъ, думалъ куда либо убѣжать: ибо, по словамъ его, алаберная (это слово зачеркнуто другими чернилами) монастырская школа ему не понравилась, яко —ая. Также и господинъ инспекторъ духовнаго училища Иванъ Петровичъ Чуриловскій премного въ крайностяхъ ему помогалъ разумными совѣтами, врачуя его безуміе духовною пищею. Поживъ четыре года бѣлцомъ, постригся въ одинъ день со своею супругою и дочерью. Любезная супруга моя (его) до постриженія довольное время жила въ Ѳеодоровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, при дочери. Священнику Аѳанасію наречено имя Захарія, супругѣ Елисаветъ, дочери—Олимпіада. Спаси васъ, Господи! Здѣсь не излишнимъ кажется воскликнуть: Велій еси, Господи, и чудна дѣла твоя, и ни едино же слово довольно будетъ къ пѣнію чудесъ твоихъ.

Правда, эта «автобіографія» священника можетъ служить только частицей «матеріала» для обрисовки быта духовенства за время «сто лѣтъ тому назадъ»; авторъ кратко отмѣчаетъ такіе факты, наличность которыхъ въ наше время немыслима, даже повѣрить было бы трудно за возможность ихъ и въ прошломъ, если бы не эта «автобіографія» лица, подлинность котораго несомнѣнна.

Намъ остается въ дополненіе приблизительно опредѣлить время и освѣтить упоминаемыя мѣста и лица.

Аѳанасій родился въ началѣ 1770-хъ годовъ прошлаго столѣтія; село Вашка и теперь красуется на крутомъ берегу рѣчки Вашки, въ полуверстѣ отъ Ярославскаго шоссе, въ 23-хъ верстахъ отъ города Переславля-Залѣсскаго. Храмъ, дѣйствительно, какъ сельскій храмъ, достоинъ вниманія по громадности и внутреннему богатому украшенію. Образъ св. Николая Чудотворца и теперь стоитъ въ числѣ «мѣстныхъ» образовъ, въ серебряной ризѣ. Конечно, не о. Аѳанасій украшалъ храмъ, а усердіе прихожанъ да бывшіе помѣщики, особенно Родышевскіе; на дочери одного Родышевскаго, Аннѣ Сергѣевнѣ, былъ женатъ Александръ Матвѣевичъ Бухаревъ (въ монашествѣ архим. Ѳеодоръ), который, живя у тестя, нерѣдко посѣщалъ и Вашкинскую церковь. (Умеръ въ апрѣлѣ 1871 г.).

Аѳанасій опредѣленъ былъ причетникомъ при Ѳеофилактѣ (Горскомъ), который, воспитанникъ москов. дух. академіи, былъ постриженъ въ монашество въ 1758 г., съ 1759—учитель въ родной академіи, въ 1768—70—префектъ тамъ же, съ 1770—ректоръ, съ 1774—архимандритъ Донскаго монастыря, съ сентября 1776 г. былъ епископомъ Переяславскимъ (теперь во

Владимір. губ.), въ маѣ 1788 г. былъ переведенъ въ коломенскую епархію, потому что переяславская, суздальская и владимірская епархіи были соединены въ этомъ году въ одну суздальскую епархію. Ѳеофилактъ, авторъ Ortodoxae orientalis Ecclesiae dogmata (напеч. въ 1784 г.), умеръ 12 октября 1788 г.

Упоминаемыя села: Вепрева пустынь и Романово находятся въ пяти верстахъ отъ села Вашки, но пустынь теперь уже Ростовскаго уѣзда (Ярославской губ.), а Романово—переславскаго, стоитъ на берегу Вашутинскаго озера.

Аѳанасій говоритъ, что 15 лѣтъ исправлялъ онъ дьяческую должность, стало быть, онъ былъ посвященъ во священника въ самыхъ первыхъ годахъ текущаго столѣтія: если Ѳеофилактъ опредѣлилъ его въ пономари въ 1788 г., то еп. Ксенофонтъ, занявшій владимірскую каѳедру въ 1800 году, посвятилъ его во священника не позже 1803 года. Въ 30-хъ годахъ этого столѣтія о. Аѳанасій уже былъ за штатомъ, сдавъ мѣсто зятю (о. Николаю Разумовскому, ум. въ концѣ 1870-хъ годовъ), потому что онъ упоминаетъ объ архіепископѣ Лаврентіи, который съ 1831 г. жилъ на покоѣ въ Переславлѣ, въ Даниловомъ монастырѣ. Лаврентій (Лука Бакшевскій), авторъ нѣкоторыхъ духовныхъ сочиненій и записокъ о 1812-мъ годѣ, род. во Владим. губ. въ 1776 г., учился въ переславской и потомъ троицкой семинаріяхъ, потомъ архимандритъ многихъ монастырей, съ 1819—еп. дмитровскій, а съ 1820—еп. и потомъ архіеп. черниговскій до 1831 г. (Умеръ 17 дек. 1837 г.).

Долго ли жилъ о. Аѳанасій (въ монашествѣ Захарія) въ Даниловомъ монастырѣ—не знаемъ, потому что упоминаемый И. П. Чуриловскій (род. въ 1803, ум. 2 ян. 1883 г.) былъ инспекторомъ переславскаго духовнаго училища съ 1831 по 1851 г. Одно для насъ несомнѣнно, что къ началу 1860-хъ годовъ въ живыхъ изъ рода о. Аѳанасія никого не было кромѣ его зятя, священника въ селѣ Вашкѣ.

Сообщ. А. В. Смирновъ.

Игуменъ Израиль, узникъ Соловецкой обители

1865 г.

Въ числѣ біографическихъ подробностей, приведенныхъ г. Колчинымъ въ его весьма интересномъ очеркѣ: „Ссыльные и заточенные въ Соловецкомъ монастырѣ“, „Русская Старина“ изд. 1888 г., упомянуто, между прочимъ, что игуменъ Израиль, во всякомъ случаѣ замѣчательный человѣкъ, занимался весьма усердно живописью. Мнѣ представилась возможность видѣть одинъ изъ образчиковъ его кисти, довольно большую картину въ 25 сант. въ сторонѣ. Картина эта писана масляными красками и изображаетъ св. евангелиста Іоанна Богослова на островѣ Патмосѣ; въ рисункѣ ея и письмѣ видна довольно искусная рука. На оборотной сторонѣ сдѣлана крупными славянскими буквами слѣдующая точная надпись:

„Написанъ сей образъ С. А. и св. Іоанна Богослова Ангела моего, въ память его бывшаго заточенія на островѣ Патмосѣ, за слово Божіе и за свидѣтельство о истинѣ.

„Писалъ на Соловецкомъ островѣ въ острогѣ содержащійся съ 1834 года арестантъ и узникъ, бывшій забайкальскаго края монастырей игуменъ Израиль.

„1830 года, мца апрѣля 13 дня. При настоятелѣ архимандритѣ Димитріе“.

Изображеніе это принадлежитъ въ настоящее время тещѣ моей, Е. И. Граве, получившей его въ наслѣдство отъ покойнаго Леонида Александровича Михайловскаго-Данилевскаго. Весьма интересны и не лишены нѣкоторой таинственности обстоятельства, при которыхъ совершилась передача этой картины, послѣ смерти Израиля, настоятелемъ Соловецкаго монастыря въ руки Л. А. Михайловскаго-Данилевскаго.

Въ 1865 г. Михайловскому-Данилевскому случилось быть въ Петербургѣ и узнать тамъ въ томъ кругу знати, гдѣ особенно интересовались личностью Израиля, о смерти послѣдняго. Леонидъ Александровичъ какъ-то особенно близко принялъ къ сердцу извѣстіе о кончинѣ этого заточника, видѣть котораго ему, однако, никогда не случалось, и не замедлилъ купить, въ силу явившагося у него желанія, надгробный памятникъ для постановки его надъ могилой Израиля.

По пріѣздѣ изъ Петербурга въ Нижній Новгородъ, онъ вдругъ снова сталъ поспѣшно собираться въ дорогу и вскорѣ, захвативъ съ собою памятникъ, отправился въ Соловецкій монастырь. Тамъ, съ разрѣшенія монастырскихъ властей, онъ водрузилъ памятникъ на могилѣ Израиля и послѣ обѣдни заказалъ отслужить по рабу Божьему Израилю панихиду, по окончаніи которой настоятель монастыря, подойдя къ г. Михайловскому-Данилевскому и развертывая передъ нимъ свернутое полотно, проговорилъ:

— Прошу васъ принять это изображеніе св. Евангелиста Іоанна, писанное покойнымъ Израилемъ, въ силу его завѣщанія, потому что онъ сказалъ: „издалека пріѣдетъ человѣкъ и поставитъ на моей могилѣ памятникъ,—тому человѣку и отдайте это священное изображеніе“.

Это и была описанная выше картина.

В. П. Водопьяновъ.

Нижній-Новгородъ.

АЛЕКСѢЙ ПОЛИКАРПОВИЧЪ БОЧКОВЪ

въ монашествѣ от. Антоній

† около 1872 г.

Въ октябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1888 г., въ статьѣ «Къ литературной и общественной исторіи 1820 — 1830 гг.», сдѣланъ ея авторомъ такой отзывъ объ игуменѣ Антоніи: «лицо оригинальное и мало извѣстное». Мнѣ приходилось неоднократно встрѣчаться съ о. Антоніемъ и потому считаю не лишнимъ сообщить о немъ коекакія біографическія свѣдѣнія, правда, касающіяся болѣе внѣшней, чѣмъ внутренней стороны его загадочной жизни, но, полагаю, мало извѣстныя [1]).

Игуменъ Антоній, въ мірѣ Алексѣй Поликарповичъ Бочковъ, происходилъ изъ купеческаго званія, но, сколько мнѣ извѣстно, никогда не занимался торговыми дѣлами, а жилъ весьма значительнымъ доходомъ съ принадлежавшихъ ему и сданныхъ въ аренду бань, находившихся между Калинкинскимъ и Цѣпнымъ Египетскимъ мостами. Не знаю, какъ въ настоящее время, а въ былое—эти бани всему околотку были извѣстны подъ названіемъ «Бочковскихъ». Воспитаніе Бочковъ получилъ въ одномъ изъ лучшихъ петербургскихъ, повидимому, не русскихъ пансіоновъ, ибо бѣгло объяснялся на французскомъ языкѣ. Женатъ былъ А. П. Бочковъ на дочери извѣстнаго богача, сахарнаго заводчика П. И. Пономарева, другая дочь котораго

---

[1]) Сообщается въ дополненіе къ первой моей замѣткѣ объ А. П. Бочковѣ, помѣщенной въ „Русской Старинѣ“ изд. 1874 г., томъ IX, мартъ, стр. 566; см. также отзывъ Ивановскаго о Бочковѣ, тамъ же, томъ IX, стр. 395—396. А. Ч.

была замужемъ за бывшимъ спб. городскимъ головой В. А. Алферовскимъ. Извѣстный, промотавшійся П. И. Пономаревъ, умершій въ 1887-мъ году, о необыкновенной расточительности котораго разсказывались въ газетахъ анекдоты, былъ внукъ вышеназваннаго.

Первая моя встрѣча съ о. Антоніемъ относится къ очень отдаленному времени моей жизни, когда мнѣ было не болѣе 7—8 лѣтъ, т. е. къ концу 1820-хъ годовъ. Это было въ Ревелѣ, куда Бочковъ пріѣзжалъ, ради морскихъ ваннъ для своей больной жены. Въ началѣ 1830-хъ годовъ былъ онъ лѣтомъ вторично въ Ревелѣ, но уже вдовцомъ, нельзя сказать, чтобы очень печальнымъ, но скучающимъ и, какъ мнѣ казалось, незнающимъ куда дѣвать свою особу, пресыщенную всѣми мірскими благами. Въ это же время, дабы не быть привлеченнымъ къ городской службѣ въ столицѣ, онъ приписался къ ревельскому купечеству, русская часть котораго, какъ извѣстно, въ то время не участвовала въ городскомъ управленіи. Бочковъ отличался красивой, привлекательной наружностью, манерами совершеннаго джентльмена; на устахъ его всегда играла любезная, но нѣсколько насмѣшливая улыбка. Не помню въ точности, въ которомъ году онъ принялъ монашество, но между 1837 и 1841 годами, во время моего пребыванія въ петербургскомъ университетѣ, я его встрѣчалъ неоднократно временно проживающимъ въ домѣ его тестя Пономарева, уже въ монашеской рясѣ. Такъ какъ онъ удалялся отъ общества, то я не имѣлъ случая близко съ нимъ бесѣдовать, но слышалъ отъ его родственниковъ, что ему, вслѣдствіе его слишкомъ идеальныхъ понятій о монашеской жизни, никакъ не удавалось открыть для постояннаго пребыванія такой монастырь, который бы вполнѣ удовлетворялъ его желаніямъ, и что по этой причинѣ онъ перебывалъ уже въ нѣсколькихъ монастыряхъ. Впослѣдствіи я узналъ, что Бочковъ основался въ Черменецкомъ монастырѣ (Новгородск. губ., Боровицкій уѣздъ) и назначенъ его игуменомъ. Послѣдніе годы жизни о. Антонія были отравлены безпутною жизнью его единственнаго сына, доставленнаго къ отцу изъ Парижа, разбитымъ параличемъ, безъ языка и въ состояніи идіота. Между тѣмъ изъ молодаго человѣка, получившаго воспитаніе въ извѣстномъ въ свое время пансіонѣ Журдана и одареннаго прекрасными умственными способностями и благородной душой, не будь онъ въ юношескомъ возрастѣ лишенъ родительскаго попеченія, могъ бы выйти полезный человѣкъ. Но о. Антоній, занятый исключительно мыслью о своемъ собственномъ спасеніи, ничего лучшаго не могъ придумать, какъ опредѣлить своего 16-лѣтняго сына въ контору тестя своего Пономарева.

Здѣсь кстати охарактеризовать, въ немногихъ словахъ, личность

Пономарева, игравшую одно время первостепенную роль на петербургской биржѣ, пользовавшуюся расположеніемъ и протекціей такихъ лицъ, какъ гр. Бенкендорфъ [1]) и Л. В. Дубельтъ. Пономаревъ былъ едва ли ни первый изъ русскихъ купцовъ-бородачей, грудь котораго была увѣшана высшими орденскими знаками. Судьба торговой фирмы Пономарева наглядно свидѣтельствуетъ, что чѣмъ легче (старикъ разсказывалъ, что онъ пришелъ изъ деревни въ Петербургъ, имѣя лишь 5 руб. ассигн. въ карманѣ) нашимъ купечествомъ наживаются огромные капиталы, тѣмъ скорѣе они и проживаются. Пономаревъ оставилъ своему внуку (оба сына его умерли ранѣе его самого) хорошо устроенные сахарные заводы, амбары, лавки, съ придачей нѣсколькихъ милліоновъ, и не болѣе какъ черезъ 20—25 лѣтъ въ рукахъ этого безалабернаго мотыги не осталось и слѣдовъ всего этого добра. Слѣдующій примѣръ покажетъ какъ умно распоряжался доставшимся ему огромнымъ имуществомъ многообѣщавшій внучекъ. Однажды понадобились ему деньги и онъ сбылъ ловко подвернувшемуся ревельскому нѣмцу за 10 т. р. огромное строеніе бывшаго сахарнаго завода, въ которомъ находилось однихъ мѣдныхъ котловъ и пр. посуды на 10 тысячъ, и при немъ дачи и луга на нѣсколькихъ десятинахъ. Вся эта мѣстность, лежащая на прекраснѣйшемъ мѣстѣ, была пріобрѣтена немного лѣтъ спустя графомъ Орловымъ-Давыдовымъ за 50 т. р., если не за большую сумму. Старикъ Пономаревъ, жалуясь на мотовство своего внука, обыкновенно говаривалъ: «Вся бѣда въ томъ, что слишкомъ много дровъ» (т. е. денегъ), а отказать въ этихъ «дровахъ» былъ не въ силахъ. Напротивъ, онъ еще подбавилъ ихъ, назначивъ молодаго Бочкова, послѣ смерти своего сына, завѣдывать кассой конторы, которую онъ даже едва ли былъ въ состояніи провѣрить. Неудивительно, что при такой обстановкѣ молодой человѣкъ пустился во всѣ тяжкія и кончилъ идіотствомъ.

Ознакомивъ читателя съ внѣшними условіями жизни о. Антонія, я, къ сожалѣнію, не обладаю достаточнымъ матеріаломъ для начертанія его нравственнаго облика. Въ первое время моего знакомства съ о. Антоніемъ я, по молодости, мало обращалъ на него вниманія; а позднѣе, не смотря на мое желаніе, не представлялось возможности

---

[1]) Приглашенный гр. А. Х. Бенкендорфомъ посѣтить его имѣніе Фалль (въ 30 верстахъ отъ Ревеля), Пономаревъ, въ память своего пребыванія тамъ, построилъ въ фальскомъ паркѣ прехорошенькій домикъ, въ русскомъ стилѣ, съ вывѣской: „изба Пономарева".

А. Ч.

съ нимъ сблизиться. Я считалъ дѣломъ довольно обыкновеннымъ, что купецъ, увлеченный мистицизмомъ, господствовавшимъ въ 1820 годахъ даже при дворѣ, отказался отъ свѣта, и только въ концѣ 1841 г., находясь въ Стокгольмѣ, заинтересовался этой личностью вопросомъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ Глинки: Не знавалъ ли я Бочкова— «это былъ замѣчательный человѣкъ». Но возвратясь изъ-за границы, черезъ два года, я уже не нашелъ о. Антонія въ Петербургѣ.

Послѣднія мои свѣдѣнія объ отцѣ Антоніи относятся къ началу 1860-хъ годовъ и доставлены мнѣ были моими свойственницами, посѣтившими Черменецкій монастырь и отзывавшимися объ его игуменѣ, какъ о лицѣ, обворожившемъ ихъ своей красивою осанкою, любезнымъ обхожденіемъ и образованіемъ. Надѣялся я также узнать кое-что объ о. Антоніи изъ переписки его съ однимъ моимъ хорошимъ знакомымъ, но письма его къ послѣднему, наполненныя, какъ меня увѣряли, религіозными разсужденіями, къ немалому моему удивленію, были годъ тому назадъ, по смерти моего знакомаго, уничтожены его неразумными наслѣдницами.

А. А. Чумиковъ.

Ревель, 7-го ноября 1888 г.

Примѣч. Записки о. Антонія еще въ 1874 г. находились въ скиту Козельской Оптиной пустыни, у тамошняго іеромонаха Климента, и вытребованы были изъ Черменецкаго монастыря для соображеній при составленіи житія покойнаго Оптинскаго старца, іеромонаха Льва (Бичурина), подъ руководствомъ котораго о. Антоній нѣкоторое время или проходилъ монашество, или даже „полагалъ начало“ его. Записки о. Антонія, мѣстами, чрезвычайно рѣзки, потому что содержатъ порицаніе нѣкоторыхъ монашескихъ авторитетовъ и монастырскихъ порядковъ.

А. Ч.

АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ВЕРСТОВСКІЙ

1840 г.

Двадцать пять лѣтъ минуло со смерти А. Н. Верстовскаго, этого народнаго композитора, а между тѣмъ сколько нибудь сносной біографіи его до сихъ поръ не написано (1). Надо надѣяться, очередь все-таки дойдетъ когда нибудь до покойнаго Алексѣя Николаевича, композитора даровитаго, занимающаго въ исторіи русской оперы видное мѣсто. Онъ одинъ изъ первыхъ началъ разрабатывать народные мотивы. До него только Кавосъ (2) дѣлалъ попытки создать что-то русское въ своей музыкѣ: онъ, обративъ серьезное вниманіе на народные элементы, старался знакомиться съ русскими пѣснями, русскими мотивами. «Князь Невидимка», «Илья Богатырь», «Жаръ-Птица» и особенно «Иванъ Сусанинъ», въ настоящее время имѣющія только историческій интересъ, произведенія эти въ его время имѣли блистательный успѣхъ и долго не сходили со сцены. Покойный Верстовскій явился ужъ болѣе талантливымъ продолжателемъ Кавоса и дѣло музыкальной критики указать настоящее мѣсто Алексѣя Николаевича въ исторіи русской оперы. Для будущихъ біографовъ мы предлагаемъ—какъ матеріалъ—два письма Верстовскаго къ хорошему знакомому его, П. И. Хотяинцеву (3), имѣющія отчасти и автобіографическое значеніе.

А. С.

I

5-го марта 1840 г.

М. г., Павелъ Ивановичъ! Если я давно не отвѣчалъ на пріятнѣйшее письмо ваше—такъ въ томъ не обвиняйте меня строго. Мнѣ хотѣлось исполнить волю вашу приложеніемъ къ прекраснымъ стихамъ вашимъ нѣсколько моихъ звуковъ. Но занятія мо(и) по театру отнимаютъ у меня весь день—весь вечеръ—и иногда достается и ночи. Теперь спѣшу увѣдомить васъ, что произвелось что-то путное; не знаю, что-то вы скажете, и если это небольшое музыкальное произведеніе будетъ спѣто съ душей—можетъ быть порядочно. Я нѣсколько заимствовалъ идею изъ послѣдней оперы моей Тоска по родинѣ,—и пѣніе идетъ съ віолончелемъ obligato, и потому, если вы не раздумали, и г. Евсеевъ не потерялъ своего голоса, то я почти увѣренъ, что пѣсенка моя вамъ понравится. За остальныхъ я не ручаюсь — да мнѣ ихъ и не нужно! Если вы вздумаете послушать эту бездѣлку съ оркестромъ, то увѣдомьте меня, я постараюсь переслать къ вамъ и партитуру, только скажите какъ и когда. Теперь это вышло почти кантатой и потому требуетъ большой отдѣлки. Во многихъ звукахъ вы узнаете Трубадура Газетнаго Переулка,—въ воспоминаніи вашемъ отзовется можетъ быть и распущенная похоронная шляпа, и огромный стеклянный фіалъ съ фармацевтическими травами, и распашныя полуночныя бесѣды. Однимъ словомъ все, чѣмъ долго жила душа, и что еще она хранитъ, какъ мусульманинъ завѣтъ корана или красавица любимое ожерелье!!... Но я, кажется, заврался! Это отъ того, что мнѣ пріятно и поврать съ любимымъ человѣкомъ. Простите, мой добрый и безцѣнный П. И. Не забывайте и любите попрежнему душей преданнаго вамъ А. Верстовскаго.

Всему почтеннѣйшему семейству вашему прошу свидѣтельствовать мое душевное почтеніе.

Увѣдомьте меня, что у васъ новенькаго литературнаго или музыкальнаго. Наши новости всѣ вялы. Нашъ Загоскинъ (4), кажется, выходитъ въ отставку — кого-то намъ пожалуютъ. Если вы хороши съ Дегаемъ (5)—поклонитесь ему, если онъ не такъ высоко стоитъ, что этого не замѣтитъ, а то можно послать ему поклонъ черезъ Пинскаго.

II.

12-го марта 1840 г. Москва.

Вотъ вамъ и пловецъ! Какъ вырвался изъ души—какъ слился съ съ пера—такъ къ вамъ и посылаю, мой добрый и безцѣнный Павелъ Ивановичъ! Судите нестрого! Я такъ торопился, что и порядочнаго конца не придѣлалъ. Но за то скоро и охотно исполнилъ волю вашу! Въ этой музыкѣ два непремѣнныхъ условія. Первое, чтобъ тенористъ былъ съ душей—и віолончелистъ выходилъ бы изъ дюжинныхъ. Если вы найдете музыку скучной—въ этомъ не мало виноваты и вы сами. Въ разлукѣ съ друзьями звуки мертвѣютъ! Увѣдомьте меня откровенно какъ вамъ понравится и кто вамъ споетъ и сыграетъ Пловца. Мнѣ каждая такта будетъ интересна. Если эта пьеса будетъ не дурно исполнена, я бы хотѣлъ, чтобъ ее послушали—В. А. Жуковскій и А. Всеволожскій — они мои музыки въ старину любили. Пусть эти звуки имъ отзовутся воспоминаніемъ былаго! Простота пѣнія мнѣ такъ полюбилась, что я эту идею вставилъ въ мою оперу!

Живъ-ли Рейнгардъ? Если вы съ нимъ по старому сошлися — дайте и ему послушать Газетнаго писателя и вамъ душою преданнаго А. Верстовскаго.

Примѣчанія.

(1) Алексѣй Николаевичъ Верстовскій родился въ Тамбовской губерніи (по другимъ — въ Москвѣ) 18 февраля 1799 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ дома, потомъ былъ отданъ въ институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія въ Петербургѣ. Музыка съ юныхъ лѣтъ была его страстью. Онъ учился фортепіанной игрѣ у Фильда и Штейбельта, на скрипкѣ у Маурера и Бема, пѣніемъ занимался съ пѣвцомъ Тарквиніемъ. Будучи мальчикомъ, онъ публично разыгрывалъ очень трудныя піесы, а на 18-мъ году ужъ является авторомъ музыки къ водевилямъ—„Бабушкины попугаи", „Карантинъ", „Новая шалость", „Станиславъ", „Старушка волшебница" и друг.; въ 1823 г. онъ перевелъ и напечаталъ, сочинивъ къ нему музыку, водевиль въ 1 д. „Домъ сумасшедшихъ, или странная свадьба" (съ франц. „Le mariage extravagant"). Спб., въ театр. тип., 12°. Въ 1824 г. былъ возобновленъ Петровскій (Большой московскій) театръ, а потомъ открытъ прологомъ (1824 г., М., 8°), сочиненнымъ Михаиломъ Александровичемъ Дмитріевымъ (р. 23 мая 1796, † 5 сентября 1866 г.),—„Торжество Музъ". Музыка къ нему была написана Верстовскимъ, Александромъ Александровичемъ Алябьевымъ (1802, † 1852) и Шольцомъ (капельмейстеръ театра),—и тогда же Алексѣй Николаевичъ былъ назначенъ директоромъ музыки, а съ 11 сентября 1825 г.—и инспекто-

ромъ московскихъ театровъ. Около этого же времени онъ получаетъ извѣстность, какъ авторъ романсовъ и пѣсенъ своеобразныхъ, оригинальныхъ, надолго сохранившихся въ памяти народной; вмѣстѣ съ этимъ—онъ славился въ кругу знакомыхъ какъ пѣвецъ съ душою; правда, онъ не обладалъ сильнымъ голосомъ и потому не могъ пѣть безъ акомпанимента,—но выраженіе, огонь и чувство заставляли забывать недостатокъ силы голоса „отъ слабости груди", по словамъ самого пѣвца. Изъ его произведеній имѣли славу: „Бѣдный пѣвецъ", „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ", „Освальдъ или Три пѣсни", „Приди, о путникъ молодой", „Черная шаль" и мн. др. Послѣднее выдержало нѣсколько изданій и было очень любимой пѣснью. Въ 1825 г., вмѣстѣ съ Александромъ Ивановичемъ Писаревымъ (р. 14 іюля 1803, † 15 марта 1828 г.), издалъ „Драматическій альбомъ для любителей театра и музыки, на 1826 годъ". М., въ тип. импер. моск. театровъ, 16°, 2 книжки, въ 1-й 6 портретовъ артистовъ и 376 стр., а во 2-й, въ продолговатую осьмушку, 26 стр. нотъ—для куплетовъ и разныхъ оперъ водевиль. Въ 1826 г. Верстовскій издалъ „Музыкальный альбомъ на 1827 г. М., гравир. и печатано у К. Венцеля, 1827 г., 8°, 35 стр., а въ 1827 г. тоже на 1828 г. М., тамъ же, 1828 г., 8°, 45 стр. Въ это время А. Н—чу хотѣлось попробовать свои композиторскія способности на созданіи оперы, но не было либретто. Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ, видя нежеланіе знакомыхъ тратить время для писанія либретто, взялся самъ за этотъ трудъ, выбралъ волшебную французскую піесу „Зиметти", написалъ два акта... Верстовскому нравилось это; но Аксаковъ не кончилъ своей работы, а убѣдилъ Михаила Николаевича Загоскина сочинить либретто для Верстовскаго; такимъ образомъ и написана была опера „Панъ Твардовскій". Она была поставлена на сценѣ въ 1828 году; по словамъ Кублицкаго и Перепелицына, опера, сюжетъ которой взятъ изъ народной польской легенды, имѣла громадный успѣхъ и многіе номера распѣвались во всѣхъ московскихъ гостинныхъ, нѣкоторые напѣвы перешли въ цыганскіе таборы; пѣсня съ хоромъ—„Мы живемъ среди полей", сдѣлалась народною, ее много лѣтъ наигрывали органы, шарманки... Въ 1832 г. была поставлена на сценѣ вторая опера Верстовскаго „Вадимъ или пробужденіе двѣнадцати спящихъ дѣвъ", въ 3 дѣйствіяхъ, съ прологомъ (либретто С. П. Шевырева). Говорятъ, опера тоже имѣла успѣхъ и долго держалась въ репертуарѣ; но даже современные отзывы о первой и второй операхъ указываютъ множество недостатковъ. (См. Москов. Вѣстн. 1828 г., №№ 11—13, „Драматическія прибавленія". Отзывы С. Т. Аксакова). Еще ранѣе появленія оперъ, А. Н. написалъ музыку на куплеты въ „Аналогическомъ водевилѣ" въ 1 дѣйствіи, написанномъ М. Н. Загоскинымъ—„Репетиція на станціи или доброму служить—мѣсто лежитъ". Этотъ водевиль напечатанъ послѣ: М., 1845 г., 8°, 6 нен., VI и 59 стр. и въ концѣ особо—„Послѣдніе куплеты, музыка Верстовскаго". Ноты на 4 стр. Въ 1835 году появилась опера Верстовскаго, составившая эпоху въ области отечественной музыки,—это „Аскольдова могила" на текстъ М. Н. Загоскина. Скоро опера сдѣлалась любимою, народною и до сего времени не сходитъ со

сцены, и навсегда останется образцовымъ произведеніемъ. Номера ея: „Гой ты, Днѣпръ-ли мой широкій", „Въ старину живали дѣды", „Ахъ, подруженьки, какъ грустно", „Ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ", „Близко города Славянска", „Заходили чарочки по столику"—пользуются всеобщею извѣстностью. Оперы, „Тоска по родинѣ" (1839 г.) и особенно „Сонъ на яву или Чурова долина", написанныя на безсмысленное либретто кн. А. А. Шаховскаго, не имѣли успѣха. Въ 1855 г. Верстовскій написалъ музыку къ стихамъ С. П. Шевырева — „Хоръ и строфы въ честь 100-лѣтняго празднества импер. московскаго университета, 12 янв. 1855 г." (4°, 4 стр., на цвѣтной бумагѣ). Послѣдняя опера А. Н—ча, „Громобой", въ 4 д. на слова Д. Т. Ленскаго (1858 г.), расхваленная заранѣе, обманула надежды, хотя и долго держалась. Съ 23 мая 1848 г. А. Н. Верстовскій управлялъ конторой московскихъ театровъ. Умеръ въ Москвѣ 5-го (17) ноября 1862 г.

(2) Катеринъ Альбертовичъ Кавосъ, род. въ 1775 г., въ Венеціи. 12-ти лѣтъ написалъ кантату, принятую въ театрѣ съ восторгомъ. Въ 1790 г. получилъ мѣсто органиста въ соборѣ св. Марка. Въ 1798 г. былъ приглашенъ капельмейстеромъ русской оперы въ Петербургѣ. Здѣсь сначала писалъ музыку для французскихъ оперетокъ, для балетовъ Дидло; потомъ — оперы изъ русской жизни или съ русскими мотивами (всего 13 оперъ); во времена кн. Шаховскаго уснащалъ музыкой водевили, мелодрамы, оперетки... Клалъ на музыку и русскія пѣсни. Онъ былъ учителемъ пѣнія воспитанниковъ театральной школы и преподавателемъ вокальнаго искусства въ Смольномъ монастырѣ и Екатерининскомъ институтѣ. Умеръ въ 1840 г.

(3) Павелъ Ивановичъ Хотяинцевъ, переводчикъ водевилей: „Суевѣръ, или понедѣльникамъ вѣрить не должно". Комедія съ куплетами въ 1 д. Съ франц. М., въ т. Семена, 1826 г., 8°, 71 стр., и „Вотуръ, или хозяинъ за печатью". Водев. въ 1 д. Перев. съ франц. Спб., въ т. III отд. собств. е. и. в. канц. 1834 г., 8°,—дворянинъ, обладавшій многими помѣстьями, род. въ Москвѣ, въ 1793 г., а умеръ въ Харьковѣ, 25 октября 1855 г. Онъ писалъ много стиховъ и разсылалъ ихъ своимъ знакомымъ и даже незнакомымъ, какъ, напр., Бенкендорфу, сряду цѣлыми десятками экземпляровъ.

(4) Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ, авторъ множества драматическихъ произведеній и романовъ, весьма извѣстныхъ (1789, † 1852), по словамъ біографа С. Т. Аксакова, оставался директоромъ москов. театровъ до февраля 1842 г., въ апрѣлѣ 1840 г. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени.

(5) Павелъ Ивановичъ Дегай, воспитанникъ харьковскаго университета, послѣ сенаторъ и статсъ-секретарь, авторъ многихъ юридическихъ сочиненій, умеръ въ Петербургѣ 23 декабря 1849 г.

А. В. Смирновъ.

Г. Судогда, Владим. губ.

Графъ Закревскій подъ надзоромъ III-го отдѣленія.

Помѣщаемъ характерное письмо графа А. Х. Бенкендорфа къ полковнику корпуса жандармовъ въ Москвѣ, Александру Александровичу Волкову, по поводу графа Закревскаго. Оно относится къ тому времени, когда Закревскій былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Графъ Закревскій былъ впослѣдствіи въ той самой Москвѣ генералъ-губернаторомъ, въ которой, какъ видно изъ этого письма, гр. Бенкендорфъ отдалъ его подъ надзоръ тайной полиціи. Ред.

St.-Pétersbourg, le 2 Avril.

Mon bien cher ami, mille grace pour le lavoir; il est charmant; voici les 75 r. Je suis bien faché de vous savoir toujours indisposé; ménagez vous, cher ami, la première des choses c'est la santé. Nous sommes encore ici dans les frimâts, c'est comme au mois de Janvier. Je crains que pour le voyage de l'Empereur, qui commencera à la fin de Janvier, les chemins ne seront pas très beaux. Je crois que Sakrefsky qui demande un congé pour quelques mois, sera aussi à Moscou; je crains que son habitude de crier contre tout ne fasse un mauvais effet; voilà un homme, que la vanité perd complettement, c'est bien dommage. Dites moi bien confidentiellement comment il sera, où il ira et s'il vairra son ami Ermolow.

Je vous prie de baiser les mains de ma part à Madame, et d'être bien persuadé de la bonne amitié de votre dévoué A. Benkendorf.

С.-Петербургъ, 2-го апрѣля.

[Переводъ В. Т.]: Любезный другъ мой, тысячу разъ благодарю васъ за умывальникъ; онъ прелестенъ; вотъ слѣдуемые 75 р. Мнѣ весьма непріятно слышать, что вы все прихварываете; берегитесь, любезный другъ: здоровье—главная вещь. У насъ здѣсь все еще морозы, точно въ январѣ; я опасаюсь, что къ путешествію императора, которое начнется въ концѣ января, дороги будутъ не особенно хороши. Я думаю, что Закревскій, который просится въ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ, также будетъ въ Москвѣ; я боюсь, что его привычка кричать противъ всего не произвела бы дурнаго впечатлѣнія; этого человѣка совершенно губитъ тщеславіе, что очень жаль. Напишите мнѣ весьма секретно какъ онъ будетъ держать себя, кого онъ будетъ посѣщать и увидитъ ли онъ своего друга Ермолова.

Прошу васъ поцѣловать за меня ручки у вашей супруги и быть вполнѣ увѣреннымъ въ дружескихъ чувствахъ преданнаго вамъ А. Бенкендорфа.

Сообщ. А. С. Киселевъ.

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛИНКА.

Новые матеріалы для его біографіи.

I.

Симфонія «Тарасъ Бульба».

Про «Тараса Бульбу» Глинки я услыхалъ въ первый разъ за границей. Сѣровъ, съ которымъ я былъ тогда въ постоянной перепискѣ, писалъ мнѣ въ Римъ 16-го сентября 1852 года [1]):

«Недѣли двѣ назадъ мнѣ принесли письмо изъ-за границы, но не отъ тебя, а отъ Мих. Ив. Глинки, изъ Парижа. Очень мило съ его стороны, что онъ вздумалъ ко мнѣ написать, и довольно много. Я хорошо помню его неохоту къ корреспонденціи и, конечно, очень цѣню вниманіе его, что онъ ко мнѣ написалъ прежде, чѣмъ я къ нему. Онъ живетъ въ Парижѣ (rue Rossini!) и останется тамъ всю зиму. Пишетъ, что принимается за симфонію. Это будетъ—«Тарасъ Бульба». Онъ нѣсколько разъ игралъ мнѣ оттуда основныя мысли (еще въ Петербургѣ). Будетъ славно, можно поручиться напередъ, и будетъ, какъ всегда у него, оригинально въ высшей степени, потому что онъ идетъ своимъ особеннымъ путемъ. Въ «Жизнь за царя», конечно, есть много сходства съ направленіемъ Керубини, даже въ фактурѣ отдѣльныхъ частей, но есть и огромная разница, а перевѣсъ національнаго элемента измѣняетъ все....»

То письмо Глинки, про которое говоритъ Сѣровъ, сохранилось и теперь напечатано. Оно—отъ 21-го августа (9-го сентября) 1852 г.

---

[1]) Письмо это, какъ и многія другія письма Сѣрова ко мнѣ изъ этой эпохи, не было до сихъ поръ опубликовано. В. С.

Про «Тараса Бульбу» говорится въ постскриптумѣ: «Вчера принесли мнѣ десть бумаги; длиною болѣе, шириною менѣе аршина: 16 строкъ зѣло широкихъ. Этимъ же перомъ принимаюсь завтра за симфонію...»

Но не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ, Глинка уже какъ-то охладѣлъ къ новому созданію и 2-го октября писалъ сестрѣ своей, Людм. Иван. Шестаковой: «Жизнь моя скромна и тиха: я рѣшительно попрежнему домосѣдъ: облѣнился, лежу, ѣмъ и ѣмъ, много читаю и проч.... Музыка употребляется только для потѣхи сосѣдокъ и пріятелей. Симфонія пріостановилась — еще не созрѣла, а если Богъ поможетъ, поживемъ и довершимъ дѣло....»

Спустя еще мѣсяца два, Глинка писалъ ей же, 28-го ноября: «Тараса Бульбу продолжать теперь не могу. Странное дѣло! Весьма мало написано мною за границей. А теперь рѣшительно чувствую, что только въ отечествѣ я еще могу быть на что-либо годенъ....» [1]).

Спустя два года, Глинка, уже воротившійся въ Россію, писалъ въ своихъ «Запискахъ»: «Сентябрь 1852 г. былъ въ Парижѣ превосходный, и я поправился до такой степени, что принялся за работу. Заказалъ себѣ партитурной бумаги огромнаго размѣра и началъ писать симфонію Украинскую («Тарасъ Бульба») на оркестръ. Написалъ первую часть перваго Allegro (C-moll) и начало второй части, но, не будучи въ силахъ или расположеніи выбиться изъ нѣмецкой колеи въ развитіи, бросилъ начатый трудъ, который впослѣдствіи Don Pedro истребилъ (хорошъ былъ баринъ!)....»

Но въ то самое время, какъ писались эти «Записки», Глинка, въ письмѣ къ старинному своему другу Нестору Кукольнику, отъ 12-го ноября 1854 года, говорилъ: «Муза моя молчитъ, отчасти, полагаю отъ того, что я очень перемѣнился, сталъ серьезнѣе и покойнѣе, весьма рѣдко бываю въ восторженномъ состояніи; сверхъ того, мало по малу у меня развилось критическое воззрѣніе на искусство, и теперь я, кромѣ классической музыки, никакой другой безъ скуки слушать не могу. По этому послѣднему обстоятельству, ежели я строгъ къ другимъ, то еще строже къ самому себѣ. Вотъ тому образчикъ: въ Парижѣ я написалъ 1-ю часть Allegro и начало 2-й части Казацкой симфоніи (C-moll — «Тарасъ Бульба») — я не могъ продолжать второй части, она меня не удовлетворяла. Сообразивъ, я нашелъ, что развитіе Allegro (Durchführung, Développement) было

---

[1]) Какъ эти два письма Глинки къ его сестрѣ, такъ и другія къ ней же, приводимыя ниже, болѣе не существуютъ. Уцѣлѣли только извлеченія изъ нихъ, напечатанныя мною, 32 года тому назадъ, въ моей біографіи Глинки («Вѣстникъ Европы», 1857 г., т. XI и XII). В. С.

начато на нѣмецкій ладъ, между тѣмъ какъ общій характеръ пьесы былъ малороссійскій. Я бросилъ партитуру, а Педро уничтожилъ ее....»

Другому своему пріятелю, К. А. Булгакову, Глинка писалъ въ слѣдующемъ году (8-го іюня 1855 года): ....«Вмѣсто Андалузіи я провелъ два года въ мѣстечкѣ Парижѣ, гдѣ хотѣлъ было написать симфонію Украинскую: «Тарасъ Бульба», но мнѣ не удалось....»

Итакъ, если-бы основываться на однихъ словахъ самого Глинки, надо было бы вывести то заключеніе, что онъ не кончилъ своего «Тараса Бульбу» потому, что «сталъ серьезнѣе и покойнѣе», «никакой другой музыки, кромѣ классической, безъ скуки слушать не можетъ, и ежели сталъ строгъ къ другимъ, то еще строже къ самому себѣ»; наконецъ, потому, что «не былъ удовлетворенъ собственной своей музыкой», замѣтивъ, что часть симфоніи сочинялъ «на нѣмецкій ладъ, между тѣмъ какъ общій характеръ ея малороссійскій».

Невозможно сомнѣваться въ дѣйствительности этихъ причинъ и громадномъ ихъ вліяніи на Глинку. Но тѣ, кто лично зналъ въ тѣ времена великаго нашего художника, кому тогдашняя его жизнь была близко извѣстна, могли бы указать на нѣсколько другихъ причинъ, столько-же важныхъ и рѣшительныхъ.

И во-первыхъ, къ началу 1850-хъ годовъ Глинка значительно постарѣлъ и опустился. Онъ самъ это иногда высказывалъ родственникамъ, близкимъ друзьямъ и знакомымъ. Еще въ концѣ 1849 г. онъ писалъ Марьѣ Степановнѣ Кржижевичъ: «Боюсь, чтобъ свиданье со мною не разочаровало васъ. Правда, руки и голосъ еще служатъ исправно, но вообще на видъ я жестоко постарѣлъ въ эти послѣдніе годы....»

Спустя три года, въ октябрѣ 1852 года, т. е. именно въ то время, когда началось сочиненіе «Тараса Бульбы», Глинка писалъ изъ Парижа своей сестрѣ: «Волковъ обѣщалъ нарисовать меня въ теперешнемъ видѣ, т. е. въ образѣ отставнаго маіора брюхана (платья не лѣзутъ). Расползся и посѣдѣлъ шибко....» Въ декабрѣ того же года онъ писалъ Д. В. Стасову: «Вамъ вѣрно уже извѣстно, что, вмѣсто Севиліи, я въ Парижѣ. По моимъ соображеніямъ, едва-ли, въ теперешнемъ возрастѣ, мнѣ здѣсь не лучше, чѣмъ въ Андалузіи. Я, собственно говоря, не хвораю, но сталъ лѣнивъ, постарѣлъ злодѣйски, а расплылся, сирѣчь потолстѣлъ, до безобразія.... Музыка дремлетъ, но не спитъ. Сижу дома, грѣюсь у камина. Прочелъ Гомера, Софокла и Овидія (въ переводѣ), а теперь просто ѣмъ, сплю, да и только....»

Итакъ, прежде всего—физическая немощь, усталость, лѣнь, отяжелѣніе. Что дѣлать? Эти факты несомнѣнны, они были. Но какъ

рано пришли эта усталость, это отяжелѣніе, эта лѣнь! Не ужасно ли? скажетъ всякій. Вѣдь Глинкѣ было всего только лѣтъ 50 тогда! Давно ли былъ написанъ предъ тѣмъ у него «Русланъ», а въ самое послѣднее время «Хота»? Да, но есть что-то, что сильнѣе всякой физической немощи и болѣзней способно сломить даже самаго высокаго человѣка. Это—наболѣвшая отъ несправедливостей душа, это—глубоко израненное чужою тупостью или непониманіемъ сердце. Что разсказывалъ Листъ про Шопена? «Онъ очень опредѣлительно чувствовалъ (говоритъ Листъ) свое высокое превосходство, но, быть можетъ, до него не доходило изъ внѣшняго міра столько эхо и отклика, сколько ему необходимо было для спокойнаго сознанія въ томъ, что его вполнѣ цѣнятъ. Ему недоставало общественныхъ рукоплесканій и, конечно, онъ самъ себя спрашивалъ, въ какой мѣрѣ могутъ избранные салоны замѣнить своимъ энтузіазмомъ ту толпу, которой онъ избѣгалъ? Немногіе понимали его, но и между этими многіе ли достаточно понимали его? Похвалы почти шокировали его. Тѣ похвалы, на которыя онъ имѣлъ право, не доносились до него большими массами, и онъ поневолѣ оставался недоволенъ похвалами отдѣльныхъ лицъ. Сквозь всѣ учтивыя фразы, которыми онъ стряхивалъ ихъ съ себя, какъ докучную пыль, можно было примѣтить, что онъ считалъ себя не только мало, но худо апплодированнымъ, и потому предпочиталъ оставаться невозмущеннымъ въ своемъ уединеніи и чувствѣ» [1]. Въ своемъ отношеніи къ внѣшнему міру Глинка былъ тотъ же Шопенъ. Онъ точно также не могъ опираться на одного самого себя, какъ на каменную гору, ему нужно было глубокое сочувствіе если не всей толпы, то большой массы публики; ему нужны были страстныя симпатіи, ему нужно было широкое признаваніе со стороны многихъ. Какъ Шопенъ, «онъ считалъ себя не только мало, но худо апплодированнымъ», и угрюмо уходилъ и запирался въ свою раковинку. Сочувствія однихъ близкихъ и друзей ему было мало. «Что значатъ букеты для того, чье чело призываетъ на себя безсмертные лавры», восклицаетъ то же про Шопена Листъ. Признавайте это малодушіемъ, сколько вамъ угодно, но это чувство есть въ натурѣ многихъ людей, иногда самыхъ великихъ и глубокихъ, и ничѣмъ на свѣтѣ уже этого не перемѣнишь. Но этихъ-то лавровъ, столько необходимыхъ Глинкѣ, на челѣ у него никогда не было, пока онъ былъ живъ. То ли дѣло итальянцы, Россини, Беллини и Доницетти—у тѣхъ на лбу мѣста не доставало для всѣхъ лавровъ, которые вѣчно торопилась надѣть на нихъ Европа. Еще бы! Итальянская пошлость было какъ разъ то, что для всѣхъ требовалось. Но Глинка еще въ 1843 году, по

---

[1] Chopin, par Liszt, стр. 74—75.

словамъ его «Записокъ», окончательно «возненавидѣлъ итальянскихъ пѣвуновъ и модную итальянскую музыку». Ихъ фальшь, рутина, условность давно уже были ему невыносимы. Но не только пошлая итальянская музыка, даже всякіе классики прежняго времени, даже иныя посредственности и бездарности новаго времени приходились больше по вкусу публики, чѣмъ такой великій, глубокій талантъ, какъ Глинка. И Сѣровъ,—когда-то прежде прогрессистъ, а въ послѣднее свое время человѣкъ, спустившійся такъ низко, что совершенно приходился по плечу всѣмъ своимъ русскимъ современникамъ по музыкальной части,—выражалъ только мнѣніе нашего общества, когда писалъ: «Равенство Глинки Глуку, Моцарту, Веберу—еще дѣло весьма проблематичное... «Русланъ» не можетъ соперничать не только съ первостепенными операми нашего столѣтія, какъ «Весталка», «Іосифъ», «Водовозъ», «Фиделіо», «Фрейшюцъ», «Эвріанта», «Вильгельмъ Телль», но ни съ «Фенеллой» Обера, ни съ Мейерберовскими операми, ни даже съ Маршнеровскими, съ мелкими Оберовыми и т. д.» И подобные приговоры Глинка долженъ былъ слышать, или, по крайней мѣрѣ, угадывать по тому, что̀ вокругъ него постоянно шло и дѣлалось! И онъ былъ оттого вѣчный мученикъ. Каково великому человѣку чувствовать равнодушіе или почти презрѣніе вокругъ, особливо если этотъ человѣкъ—безконечно-нѣжная, впечатлительная, чувствительная натура, какимъ былъ всегда Глинка. Сестра его, Л. И. Шестакова, разсказываетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Послѣ всѣхъ несчастій семейной катастрофы (съ женой), что видѣлъ мой братъ въ Петербургѣ? Его оперу «Жизнь за Царя» итальянцы вытѣснили съ Большаго театра на Александринскій. Опера эта давалась съ полнымъ пренебреженіемъ во всѣхъ отношеніяхъ, и когда давалась? Или въ табельные дни — не по музыкѣ, а по имени оперы, или когда по чему-нибудь нельзя было давать другихъ оперъ. Братъ говорилъ мнѣ: «Поймутъ твоего Мишу, когда его не будетъ, а «Руслана» черезъ сто лѣтъ...» Иные изъ пріятелей брата позволяли себѣ (1854, 1855 годы), для краснаго словца, конечно, на аристократическихъ вечерахъ, разсказывать про него разныя некрасивыя вещи, а другіе считали обязанностью передавать это брату. Все это страшно тревожило его...» Во множествѣ писемъ Глинки мы находимъ самое полное подтвержденіе всего этого: мы тутъ читаемъ сто разъ про то постоянное раздраженіе, непріятности и оскорбленія, среди которыхъ проходила жизнь Глинки всякій разъ, когда онъ изъ-за границы пріѣзжалъ въ Россію. Видѣть постоянное торжество глупой итальянской музыки и глупыхъ итальянскихъ пѣвцовъ, полное пренебреженіе къ своему генію, повтореніе точь въ точь того самаго непониманія и непризнаванія, которое только что передъ тѣмъ совершалось у насъ въ отношеніи Пушкина, въ самую

сильную пору его зрѣлости,—на кого же это могло не дѣйствовать разрушительнымъ образомъ? Натура Глинки была мягкая, незлобивая, готовая на прощеніе. Поживъ нѣсколько лѣтъ за-границей, успокоившись отъ послѣдняго житья въ Россіи, словно отогрѣвшись и отдышавшись отъ мороза, Глинка опять начиналъ стремиться на родину, дорогую, несравненную. Ему опять мерещились покой, родныя сердца, отрада, мирная жизнь. Онъ писалъ сестрѣ своей изъ Парижа, въ ноябрѣ 1852 года: «Я теперь рѣшительно чувствую, что только въ отечествѣ я еще могу быть на что-либо годенъ. Здѣсь мнѣ какъ-то неловко; я шибко постарѣлъ, равнодушнѣе чѣмъ когда-либо ко всѣмъ удовольствіямъ свѣта... когда-то доведется быть снова во своясѣхъ?» Въ маѣ 1853 года: «Скучно мнѣ на чужой сторонѣ; жизнь моя все та-же, уединенная, домосѣдная и безцвѣтная. Часто упрекаю себя, что предпринялъ это нелѣпое и неудачное путешествіе...» 3-го іюня: «Скука и тоска шибко одолѣваютъ. Тянетъ во свояси точно такъ, какъ въ 1833 году. Все то, что здѣсь называется удовольствіемъ жизни, меня не утѣшаетъ, а того, что еще можетъ согрѣвать душу, развлекать и занимать умъ, здѣсь искать не должно...» 2-го февраля 1854 года: «Шумъ свѣта, театры, даже путешествія—все мнѣ надоѣло; жажду тихой жизни въ кругу своихъ...»

Однако-же, одной тихой семейной жизни для Глинки оказалось въ Россіи мало. Онъ скоро снова принялся за музыку, сталъ приводить въ порядокъ прежнія сочиненія, оркестровать нѣкоторыя изъ нихъ, наконецъ—и сочинять. Окруженный самыми горячими симпатіями ближайшаго себѣ человѣка—сестры, поклоненіемъ небольшаго кружка искреннихъ поклонниковъ и цѣнителей, Глинка, казалось, снова ожилъ для музыки. «Тарасъ Бульба», затѣянный за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ еще въ Россіи и потомъ заброшенный въ Парижѣ, теперь снова выплылъ на сцену. Онъ по цѣлымъ днямъ занимался имъ, соображалъ дальнѣйшее развитіе этого сочиненія и почти всякій день игралъ своимъ юнымъ пріятелямъ и поклонникамъ все новыя и новыя подробности этого новаго созданія. Глинка далъ Россіи первую русскую оперу—теперь онъ былъ наполненъ мыслью создать и первую русскую симфонію. Произведя на свѣтъ нѣсколько оркестровыхъ вещей, и такихъ великихъ, крупныхъ и глубоко самостоятельныхъ, какъ «Хота», «Ночь въ Мадридѣ» и «Камаринская»—это безконечно оригинальное, впервые явившееся на свѣтъ русское скерцо, Глинка уже чувствовалъ себя полнымъ, готовымъ, созрѣвшимъ симфонистомъ. И «Тарасъ Бульба» сильно двинулся впередъ. Но въ это самое время театральная дирекція, устами П. С. Ѳедорова, всемогущаго тогда въ нашемъ театральномъ мірѣ начальника репертуарной части и близкаго знакомаго Глинки, предложила ему написать оперу. Еще недавно

НАДГРОБНАЯ ПЛИТА НА МОГИЛѢ М. И. ГЛИНКИ

НА КЛАДБИЩѢ ВЪ БЕРЛИНѢ, 1857 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 24 ЯНВАРЯ 1889 г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

Глинка писалъ своей сестрѣ, изъ Парижа, 2 февраля 1854 г.: «Несторъ Кукольникъ подзываетъ меня скорѣе въ Питеръ и обѣщаетъ отколоть для меня оперу. На что, однако-же, моего согласія нѣтъ»... Теперь-же, подъ вліяніемъ осѣнившей его теплоты родины и симпатій, все измѣнилось. Уже было его согласіе на сочиненіе оперы. Дѣло закипѣло. Это была опера «Двумужница», или «Волжскіе разбойники» въ трехъ актахъ, въ «русскомъ родѣ», говорилъ въ своихъ тогдашнихъ письмахъ Глинка. «Сюжетъ ея уже давно вертѣлся въ головѣ моей», пишетъ онъ Кукольнику весной 1855 года. «Я, кажется, пристрою своего «Тараса Бульбу» къ «Двумужницѣ», говорилъ онъ сестрѣ въ письмѣ 25 мая. Въ среду былъ у меня Гейденрейхъ, ему я игралъ «Тараса» и сказалъ, что хочу сдѣлать изъ него антрактъ. «Какой антрактъ? воскликнулъ онъ, что такое антрактъ? Школьникъ, сирѣчь профессоръ, который бѣжитъ въ буфетъ, чтобы поскорѣе выкурить папироску. Нѣтъ, говорилъ онъ, «Тарасъ»— это барыня, да еще какая! просто отличнѣйшая увертюра». В. Стасовъ протестуетъ (т. е. противъ обращенія «Тараса» въ увертюру), говоритъ, что эта музыка слишкомъ малороссійская. Полагаю, рѣшитъ время»..... Однако, время не рѣшило ни въ пользу увертюры, ни въ пользу антракта. Вышло нѣчто совершенно другое. Вышло то, что и «Двумужница», и «Тарасъ» вовсе не состоялись. Произошли многія обстоятельства, которыя глубоко уязвили, раздражили и обезкуражили автора. Онъ забросилъ оба начатыя созданія, не хотѣлъ болѣе ничего о нихъ знать, и никогда болѣе къ нимъ не возвращался. «Досады, огорченія и страданія меня сгубили, писалъ Глинка В. П. Энгельгардту 29 ноября 1855 года. Я рѣшительно упалъ духомъ» (démoralisé)....» Замѣтимъ здѣсь, что одна изъ главныхъ причинъ разстройства и раздраженія Глинки была враждебная статья о русской музыкѣ и «Жизни за Царя», напечатанная въ началѣ того года А. Рубинштейномъ въ нѣмецкихъ газетахъ, въ Германіи. «Онъ всѣмъ намъ напакостилъ», писалъ Глинка Энгельгардту, и повторялъ сто разъ эти-же слова всѣмъ окружавшимъ. «Двумужница» давно уже прекратилась, писалъ онъ тому-же знакомому своему. Поэтъ мой (либреттистъ) Василько-Петровъ пропалъ въ августѣ, и, какъ водится въ Питерѣ, началъ распускать по городу нелѣпые толки обо мнѣ. Я ему искренно признателенъ, какъ и Вильбуа: съ пакостной публикой мнѣ связываться не слѣдуетъ. А что опера прекратилась, я радъ: 1) потому, что мудрено и почти невозможно писать оперу въ русскомъ родѣ, не заимствовавъ хоть характера у моей старухи (Ж. з. ц.); 2) не надобно слѣпить глазъ, ибо вижу плохо; 3) въ случаѣ успѣха мнѣ-бы пришлось оставаться долѣе необходимаго въ этомъ ненавистномъ Питерѣ....» Какая разница начала и конца! Съ какимъ горячимъ

чувствомъ ожиданія, симпатіи и надежды Глинка летѣлъ въ Россію, какъ ему тутъ было снова захотѣлось сочинять, съ какимъ жаромъ онъ за это принялся—и какъ все это лопнуло и разлетѣлось дымомъ, какое вмѣсто того наступило разочарованіе, какой холодъ и морозъ, какъ разбились—и уже навсегда—всѣ послѣднія надежды!

Ни оперы, ни симфоніи такъ и не состоялось.

Отъ «Тараса Бульбы» не осталось никакого слѣда. Что было сочинено и записано въ Парижѣ самимъ Глинкой, то истребилъ спутникъ и сожитель Глинки, мало образованный и мало интеллигентный испанецъ донъ-Педро. Что было сочинено потомъ Глинкой въ Петербургѣ, то вовсе не было имъ записано. Но въ теченіи тѣхъ 30-ти лѣтъ, которыя прошли со времени смерти Глинки, два человѣка изъ числа ближайшихъ къ нему въ послѣднее время его жизни личностей, В. П. Энгельгардтъ и М. А. Балакиревъ, твердо помнили нѣкоторые отрывки изъ главныхъ темъ, назначавшихся для симфоніи Глинки. Въ продолженіе этого времени они много разъ повторяли, для себя и для другихъ, эти отрывки, и такимъ образомъ сохранили ихъ въ неприкосновенной цѣлости. Но мнѣ было безконечно больно подумать, что скоро ничего отъ этого не останется, и пропадетъ всякій слѣдъ того, что однажды Глинка задумывалъ. И я упросилъ Энгельгардта и Балакирева записать то, что у нихъ сохранилось въ памяти. Они охотно это сдѣлали, и такимъ образомъ я имѣю теперь возможность воспроизвести все это въ печати.

В. П. Энгельгардтъ писалъ мнѣ: «Глинка всего чаще игралъ намъ всѣмъ, знакомымъ, три отрывка мотивовъ. Первый назначался для изображенія «Степи», второй—для изображенія «Сѣчи Запорожской», третій—для «Сцены любви» Андрія съ полькой. Бывало, станетъ Глинка играть одинъ изъ этихъ небольшихъ мотивовъ нѣсколько разъ сряду, и потомъ варіируетъ ихъ до безконечности, иногда пустится въ фугато. Два изъ нихъ я помню хорошо. Первый мотивъ былъ слѣдующій:

«Бульба съ сыновьями ѣдетъ въ степи. Валторны должны были изображать (по словамъ Глинки)—вѣтерокъ, а скрипки—колеблющійся ковыль.

«Глинка, бывало, напѣваетъ тему валторнъ: сжавъ губы и раздувъ щеки, онъ старается подражать тихому мѣдному звуку валторнъ и въ то же время обѣими руками нѣжно перебираетъ безчисленныя варіаціи, изображающія ковыль.

«Тема въ «Сѣчи» была такая:

«Сцена любви» Андрія съ полькой должна была изображаться посредствомъ мотива съ польскимъ характеромъ: онъ былъ нѣчто въ родѣ сладострастной мазурки въ $^3/_4$, но всего было на лицо лишь нѣсколько тактовъ. Этого мотива я болѣе не помню».

М. А. Балакиревъ, со своей стороны, сообщилъ мнѣ слѣдующую тему, которая была второю темою въ первой части симфоніи Глинки:

II.

Погребеніе Глинки въ Берлинѣ и надгробный его памятникъ въ Петербургѣ.

О послѣднихъ дняхъ жизни Глинки и его кончинѣ мы имѣемъ достаточно свѣдѣній. Они подробно изложены въ письмѣ профессора Дена къ Л. И. Шестаковой, напечатанномъ въ «Воспоминаніяхъ» этой послѣдней. Но о погребеніи и могилѣ Глинки въ Берлинѣ мы до сихъ поръ знали очень мало. Все ограничивалось лишь слѣдующими строками того же Дена:

«18 (6) февраля (1857) года было погребеніе, при которомъ присутствовалъ Мейерберъ, одинъ чиновникъ русскаго посольства, Бульшталь, Кашперовъ [1]), скрипачъ Грюнвальдъ, который игралъ Глинкѣ гайдновскіе квартеты, концертный дирижеръ Бееръ, хозяева и я; двѣ русскія дамы, которыхъ я не зналъ, были жены священниковъ, здѣшняго и веймарскаго. Сообразно съ вашимъ желаніемъ, я поставилъ временно простой памятникъ на его могилѣ, изъ силезскаго мрамора, съ такою надписью: «Michail von Glinka. Kaiserl. Hoff-Capellmeister geb. 20 Mai 1804 zu Nowo-Spasskoie Gouv Smolensk. Gest. 15 Fevr. 1857 zu Berlin» [2]). Въ настоящее время мы можемъ пополнить эти свѣдѣнія нѣсколькими другими.

В. П. Энгельгардтъ, спустя три мѣсяца пріѣзжавшій въ Берлинъ и, по желанію Л. И. Шестаковой, распоряжавшійся переселеніемъ гроба Глинки изъ Берлина въ Петербургъ, разсказываетъ: «Не смотря на очень значительную сумму, уплаченную потомъ Л. И. Шестаковой по счетамъ Дена, похороны Глинки въ Берлинѣ были, можно

[1]) Русскій композиторъ, жившій въ то время въ Берлинѣ и довольно часто посѣщавшій Глинку. В. С.

[2]) Михаилъ Глинка, императорскій придворный капельмейстеръ, родился 20 мая 1804 г. въ селѣ Ново-Спасскомъ Смоленской губ., сконч. 15 (3) февраля 1857 г. въ Берлинѣ.

сказать, нищенскія. Даже могилу Денъ выбралъ въ отдѣленіи кладбища, гдѣ хоронятъ бѣдныхъ. Гробъ былъ самый дешевый и такъ скоро развалился, что когда я съ Деномъ выкапывали (въ маѣ) тѣло, то пришлось обвернуть гробъ въ холстъ, чтобы имѣть возможность поднять его на поверхность земли. Когда гробъ вынули и открыли, я не рѣшился взглянуть на Михаила Ивановича. Одинъ изъ могильщиковъ приподнялъ полотно и, тотчасъ закрывъ, сказалъ: «Das Gesicht sieht böse aus!» (лицо страшно). По словамъ могильщика все лицо было бѣлое, точно какъ бы покрытое ватой».... Псаломщикъ М. В. Тихонравовъ, состоявшій болѣе 40 лѣтъ при берлинской русской церкви, провожалъ тѣло Глинки отъ Берлина до Штетина и тамъ сдалъ его на пароходъ «Владиміръ».

Въ 1888 году, по желанію Л. И. Шестаковой, В. П. Энгельгардтъ распорядился снятіемъ фотографіи съ наружнаго вида могилы Глинки въ Берлинѣ. Снимокъ съ этой фотографіи при семъ прилагается.

Въ «Воспоминаніяхъ» своихъ Л. И. Шестакова разсказываетъ, что еще раньше прибытія тѣла Глинки въ Петербургъ, «въ придворной Конюшенной церкви, съ соизволенія государя императора, была совершена панихида съ придворными пѣвчими; при этомъ отецъ Г. П. Полисадовъ, состоявшій долго въ Берлинѣ при русскомъ посольствѣ и бывавшій тамъ у брата, который любилъ его и дорожилъ его бесѣдами, случайно въ это время пріѣхавшій въ Петербургъ, сказалъ небольшую, но полную чувства рѣчь о Глинкѣ». Къ этому разсказу мы имѣемъ возможность присоединить очень любопытную подробность, которую мы находимъ въ запискѣ о похоронахъ Глинки, написанной еще въ 1857 году покойнымъ Н. А. Бороздинымъ, великимъ почитателемъ Глинки, присутствовавшимъ на всѣхъ церемоніяхъ въ память Глинки, скоро послѣ его кончины. «Священникъ при русскомъ посольствѣ въ Берлинѣ, Полисадовъ, разсказываетъ Бороздинъ, пожелалъ сказать, на парадной панихидѣ въ Конюшенной церкви, надгробное слово Глинкѣ. Передъ произнесеніемъ рѣчи, директоръ пѣвческой капеллы, А. Ѳ. Львовъ, не хотѣлъ этого дозволить, объявивъ, что безъ его цензуры это невозможно сдѣлать, а онъ забылъ дома очки и цензуровать не можетъ тотчасъ же. Но тутъ кознь не удалась, потому что старшій священникъ Конюшенной церкви разрѣшилъ чтеніе проповѣди, и она была произнесена».... Такому характерному событію можно, мнѣ кажется, дать всю вѣру, вспомнивъ разные изустные разсказы самого Глинки его близкимъ знакомымъ, а также разныя подробности «Записокъ» Глинки и его писемъ, касательно отношеній къ нему А. Ѳ. Львова, по наружности

ласковыхъ и искреннихъ, но въ сущности имѣвшихъ совершенно иной характеръ. Всего же лучше привести себѣ на память хотя слѣдующее мѣсто изъ «Записокъ» Глинки: «Въ 1852 г. былъ 50-лѣтній юбилей Филармоническаго общества. Нѣмцы хотѣли дать пьесу и моего сочиненія. Графъ Мих. Юрьев. Віельгорскій и Львовъ вытѣснили меня. Негодованія съ моей стороны не было, и я училъ и кормилъ пѣвчихъ (приготавливавшихся исполнять «Stabat mater» А. Ѳ. Львова.

Въ «Воспоминаніяхъ» своихъ, на страницахъ «Русской Старины», Л. И. Шестакова разсказываетъ, какъ, вскорѣ послѣ перевезенія тѣла Глинки въ Петербургъ, надъ его могилою, на Александро-Невскомъ кладбищѣ, былъ поставленъ памятникъ, по рисунку академика И. И. Горностаева. Медальонъ съ портретомъ Глинки, въ профиль, помѣщенный на монументѣ, сдѣланъ съ силуэта, снятаго въ 1842 году съ тѣни на бумагу. Этотъ медальонъ былъ исполненъ молодымъ талантливымъ скульпторомъ Лаверецкимъ, и пройденъ, по моей просьбѣ (такъ какъ, по желанію Л. И. Шестаковой, я распоряжался устройствомъ памятника), профессоромъ Пименовымъ, учителемъ Лаверецкаго и хорошо знавшимъ Глинку лично, при его жизни. Ко всему этому я прибавлю теперь еще нѣсколько подробностей.

Силуэтъ Глинки, о которомъ здѣсь говорится, до сихъ поръ сохраняется у меня. Онъ мнѣ былъ подаренъ Софьей Николаевной Дютуръ, урожд. Сѣровой, родной сестрой композитора Алекс. Ник. Сѣрова. Въ началѣ 1840-хъ годовъ Глинка нерѣдко встрѣчался, въ семействѣ Табаровскихъ, съ Александромъ Николаевичемъ и Софьей Николаевной Сѣровыми, которые были тогда одними изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ Глинки, еще до представленія на театрѣ его «Руслана и Людмилы». Въ то время была въ Петербургѣ мода на силуэты, и молодая Сѣрова уговорила однажды Глинку, необыкновенно живаго и подвижнаго, посидѣть смирно нѣсколько секундъ, чтобъ она могла снять его силуэтъ, а на силуэты она была великая мастерица. Силуэтъ удался превосходно, и потому мы имѣемъ въ медальонѣ надгробнаго памятника вѣрнѣйшее и достовѣрнѣйшее изображеніе Глинки, въ профиль, въ ту эпоху, когда онъ создавалъ «Руслана». Замѣчу мимоходомъ, что впослѣдствіи, спустя семь лѣтъ, сестра А. Н. Сѣрова (въ то время уже замужняя дама) часто бывала со мною у Глинки, послѣ его возвращенія изъ Испаніи, и онъ тщательно проходилъ съ нею многіе изъ своихъ романсовъ, такъ какъ очень цѣнилъ ея превосходное пѣніе, талантливое и страстное.

Прибавлю еще, что на челѣ надгробнаго памятника Глинки, въ гранитѣ вырѣзана строчка нотъ изъ знаменитаго и великолѣпнаго хора въ «Жизнь за царя»: «Славься, славься, святая Русь!» Это было совершенное нововведеніе. До тѣхъ поръ, не только нигдѣ у насъ, но, кажется, нигдѣ въ Европѣ, не писали нотъ на надгробныхъ памятникахъ великихъ музыкантовъ.

Въ теченіе 30 лѣтъ, прошедшихъ съ 1857 года, совершенно испортилась чугунная рѣшетка, поставленная первоначально вокругъ монумента Глинки. Она лопнула и растрескалась. Л. И. Шестакова рѣшила замѣнить ее новою, но болѣе прежняго художественною и содержательною. Та, которая окружаетъ теперь памятникъ Глинки, сочинена необыкновенно талантливо и оригинально архитекторомъ И. П. Ропеттомъ, и исполнена изъ кованаго желѣза истиннымъ мастеромъ-художникомъ К. И. Винклеромъ. Вся передняя ея сторона состоитъ изъ буквъ надписи (во всю вышину рѣшетки), содержащей исчисленіе главнѣйшихъ созданій Глинки. Налѣво написано сплетающимся узоромъ вязи:

1836. Жизнь за Царя.
1840. Князь Холмскій.
1842. Русланъ и Людмила.

Направо:

1845. Аррагонская Хота.
1848. Комаринская.
1851. Ночь въ Мадридѣ.

Посреди же этихъ узорчатыхъ надписей, столько оригинальныхъ по своимъ формамъ, воздвигаются двѣ скрижали изъ бѣлаго мрамора, на которыхъ выпуклыми буквами вычеканено, на одной:

Жизнь за Царя

на другой:

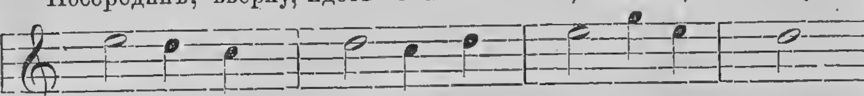
Русланъ и Людмила.

Идея, создавшая эти мраморныя памятныя доски, глубоко справедлива. Двѣ великія оперы Глинки суть истинныя «скрижали» для всѣхъ русскихъ музыкантовъ. Надъ скрижалями—золотое имя Глинки, въ звѣздѣ, заключенной въ золотую полукруглую полосу, на которой стоятъ слова изъ «Руслана м Людмилы»:

Во славу Русскія земли
Брядайте струны золотыя!

Кругомъ Глинкинскихъ «скрижалей» идетъ золотое сіяніе, образуемое семью музыкальными лучами. Это семь строчекъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ геніальнѣйшихъ, оригинальнѣйшихъ темъ Глинки въ его операхъ.

Посерединѣ, вверху, идетъ тема: «Славься, славься, святая Русь».

Направо идутъ: тема языческаго хора: «Лель таинственный, упоительный» въ «Русланѣ»:

Тема женскаго хора: «Разгулялася, разливалася вода вешняя» въ «Жизни за Царя»:

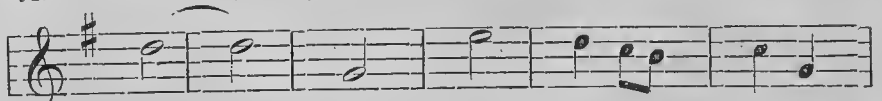
Речитативъ баяна: «Одѣнется съ зарею, роскошною красою», въ «Русланѣ»:

Съ лѣвой стороны, тема хора въ панихидѣ Людмилы: «Не проснется птичка утромъ»:

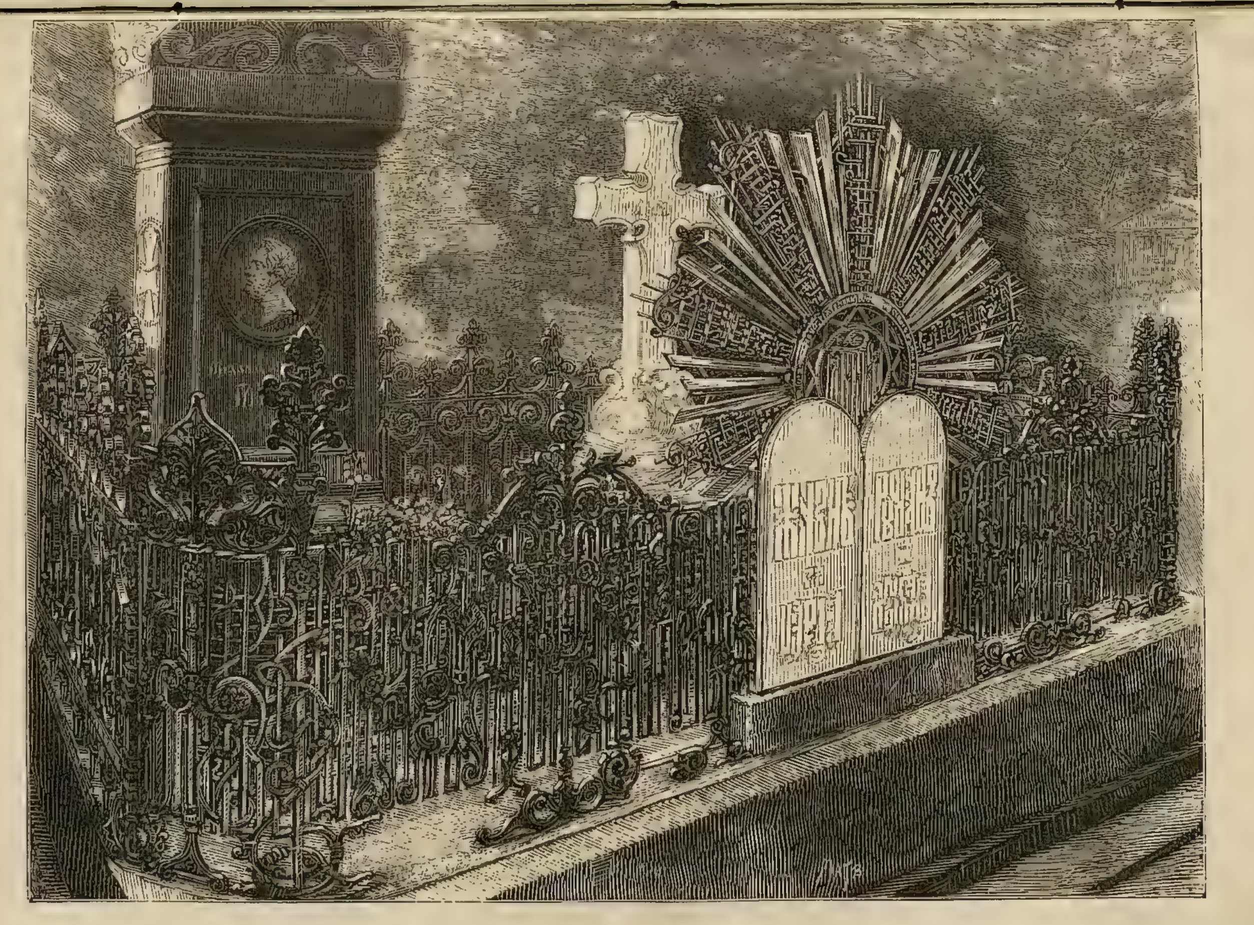
Речитативъ запѣвалы въ первомъ хорѣ «Жизни за Царя»: «Во бурю во грозу»:

Тема начала аріи Руслана: «Временъ отъ вѣчной темноты»:

Сообщ. В. В. Стасовъ.

ПАМЯТНИКЪ НА МОГИЛѢ М. И. ГЛИНКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

ВЪ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРѢ.

(монументъ сочиненъ н. н. горностаевымъ въ 1857 году, рѣшотка вокругъ сочинена и. п. ропеттомъ въ 1888 году).

дозволено цензурою. с.-петербургъ, 24 января 1889 г. приложеніе къ «РУССКОЙ СТАРИНѢ». экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

„БИБЛІОГРАФЪ“ И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

1825—1888.

Въ Петербургѣ пятый годъ существуетъ журналъ «Библіографъ», издаваемый и редактируемый Н. М. Лисовскимъ. По программѣ своей онъ вполнѣ отвѣчаетъ настоятельнымъ потребностямъ людей, поставленныхъ въ необходимость имѣть дѣло съ книгами; давая свѣдѣнія о литературѣ современной, онъ представляетъ много интереснаго и въ историко-литературномъ отношеніи. Предполагая, что въ числѣ читателей «Русской Старины» можетъ найтись достаточное число лицъ, интересующихся вопросами историко-литературными и библіографическими и нуждающихся въ библіографическихъ пособіяхъ, мы находимъ не безполезнымъ познакомить ихъ съ этимъ журналомъ, который по самому характеру библіографическихъ изданій и по малой ихъ распространенности, вѣроятно, многимъ вовсе не извѣстенъ.

Предпосылаемъ этому обзору небольшой очеркъ существовавшихъ у насъ въ прежнее время библіографическихъ изданій. Ред.

I.

Къ началу XIX столѣтія произведенія печати настолько у насъ умножились, что сдѣлалось уже необходимымъ составлять подробныя имъ описи и постоянно слѣдить за всѣми новыми явленіями литературы, давая о нихъ свѣдѣнія болѣе или менѣе своевременныя. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ книгопечатанія и литературной дѣятельности въ Россіи вызывается потребность въ самыхъ разнообразныхъ библіографическихъ трудахъ: отъ составленія каталоговъ и указателей до ученыхъ разысканій и изслѣдованій литературныхъ произведеній, сдѣлавшихся достояніемъ исторіи. Здѣсь библіографія становится уже на научную почву и приближается къ области исторіи литературы, оказывая послѣдней большое подспорье.

О ростѣ нашей литературы въ количественномъ отношеніи можно заключить по слѣдующимъ цифрамъ. Въ 1825 г. въ Россіи вышло на русскомъ языкѣ 323 сочиненія, въ 1830-хъ гг. ихъ выходило ежегодно до 450; въ 1855 г. число появившихся въ свѣтъ сочиненій доходитъ до 700; въ 1864 г. до 1,200; въ 1871 г. до 2,000; въ 1881 г. до 3,000 и въ настоящее время мы смѣло можемъ принять цифру ежегодно выходящихъ сочиненій въ 5,000. Что касается статей въ періодическихъ изданіяхъ, то число ихъ, разумѣется, будетъ еще значительнѣе. Достаточно упомянуть, что въ 1860 г. на русскомъ языкѣ выходило въ Россіи 230 періодическихъ изданій, а спустя 22 года, т. е. въ 1882 году, число это возрасло до 522. Общее же число всѣхъ періодическихъ изданій, когда либо издававшихся въ Россіи съ начала прошлаго столѣтія и до нашихъ дней, доходитъ до 1800.

Рядомъ съ развитіемъ книгопечатанія стало увеличиваться и число библіографическихъ работъ. Въ книжкѣ Г. Н. Геннади «Литература русской библіографіи», вышедшей въ 1858 г., содержится описаніе 787 библіографическихъ книгъ и статей, изданныхъ въ Россіи; въ настоящее же время ихъ можно насчитать нѣсколько тысячъ.

Въ ряду этихъ многочисленныхъ библіографическихъ трудовъ видное мѣсто занимаютъ періодическія изданія, посвященныя спеціально библіографіи. Изъ прежнихъ изданій этого рода особенное вниманіе обращаютъ «Библіографическіе Листы» П. И. Кеппена (1825 г.) и «Библіографическія Записки» А. Н. Аѳанасьева (1858, 1859 и 1861 г.г.). Такъ какъ оба эти журнала въ настоящее время составляютъ библіографическую рѣдкость, то о нихъ мы скажемъ нѣсколько подробнѣе.

«Библіографическіе Листы» представляютъ собою первую попытку изданія въ Россіи библіографическаго журнала. Она была сдѣлана въ С.-Петербургѣ магистромъ правовѣдѣнія, докторомъ философіи и впослѣдствіи академикомъ П. Кеппеномъ и относится къ 1825 г. Задача этихъ листовъ состояла въ томъ, чтобы «ознакомить любителей просвѣщенія со всѣми новыми произведеніями отечественной литературы и художествъ». «Библіографическіе Листы» выходили въ неопредѣленные дни, но обыкновенно три раза въ мѣсяцъ небольшими тетрадками въ 4 д. листа по 8 страницъ каждая, и печатались въ два столбца мелкимъ довольно убористымъ шрифтомъ. Подписная цѣна назначалась въ 15 р. за годовой экземпляръ. Въ теченіи 1825—1826 гг. всѣмъ номеровъ вышло 43. Прекращая изданіе «Библіографическихъ Листовъ», П. Кеппенъ предполагалъ вернуться къ этому дѣлу вновь; онъ даже надѣялся «сдѣлать эти листы общеполезнѣе, соблюдая бо̀льшее разнообразіе въ матеріалахъ, чего ранѣе, по новости дѣла, исполнить не было возможности». Но недостатки, на которые намекаетъ здѣсь издатель, нисколько не уменьшаютъ достоинства «Библіографическихъ Листовъ», такъ какъ труда болѣе совершеннаго по тому времени трудно даже представить. Здѣсь мы находимъ

обширное библіографическое обозрѣніе выходившихъ въ теченіи 1825 года книгъ и періодическихъ изданій, съ подробными ихъ описаніями, критическими замѣчаніями и извлеченіями; кромѣ того имѣемъ хронологическую роспись первопечатнымъ славянскимъ книгамъ, некрологи нѣкоторыхъ ученыхъ, статьи археологическія, филологическія, этнографическія, статистическія, при чемъ все это принадлежитъ частью самому П. Кеппену, частью другимъ ученымъ, имена которыхъ служатъ ручательствомъ за основательность ихъ сужденій. Вмѣстѣ съ издателемъ труды его по составленію «Библіографическихъ Листовъ» раздѣлялъ извѣстный въ то время литераторъ и ученый А. Х. Востоковъ. Кромѣ того доставленіямъ разныхъ свѣдѣній содѣйствовали: Ѳ. П. Аделунгъ, митрополитъ Евгеній, Ганка (въ Прагѣ), К. Ѳ. Калайдовичъ, Караджичъ (въ Вѣнѣ), П. М. Строевъ, Х. Д. Френъ, Шаффарикъ (въ Новомъ Садѣ, въ Венгріи), Д. И. Языковъ и многіе другіе. Полный комплектъ «Библіографическихъ Листовъ» за 1825 г. (т. е. всѣ 43 №№ съ справочнымъ указателемъ) въ 725 нумеровъ столбцовъ и страницъ и ненумерованныхъ 8 страницъ составилъ собою впослѣдствіи 2-й № «Матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи», П. Кеппена; № 1-й этихъ «Матеріаловъ», содержащій въ себѣ обозрѣніе источниковъ для составленія исторіи Россійской словесности, вышелъ въ 1819 г., а № 3-й тѣхъ же «Матеріаловъ»—въ 1827 г.

Не смотря на выраженное П. Кеппеномъ намѣреніе возобновить изданіе «Библіографическихъ Листовъ», они болѣе не продолжались. Причина этому неизвѣстна, но можно предположить, что недостатокъ въ подписчикахъ игралъ здѣсь не послѣднюю роль; № 3-й «Матеріаловъ», по увѣдомленію издателя, былъ обезпеченъ подпискою только на 153 экземпляра, изъ числа которыхъ на 100 экземпляровъ подписалось министерство народнаго просвѣщенія, на 13 экземпляровъ кіевская духовная академія и на 40 экземпляровъ Ѳ. А. Толстой, о другихъ подписчикахъ не упоминается. Въ настоящее время всѣ три выпуска «Матеріаловъ», а въ особенности второй, содержащій въ себѣ «Библіографическіе Листы», сдѣлались большою рѣдкостью.

II.

Съ прекращеніемъ «Библіографическихъ Листовъ» мы не имѣли ни одного посвященнаго библіографіи періодическаго изданія въ теченіи 27 лѣтъ, т. е. до возникновенія въ Москвѣ въ 1858 году «Библіографическихъ Записокъ», журнала, сходнаго съ «Библіографическими Листами» по своей задачѣ, но выступившаго съ болѣе обширной и разнообразной программой, принаровленной къ требованіямъ времени.

«Библіографическія Записки» издавались Н. М. Щепкинымъ подъ редакціею А. Н. Аѳанасьева и существовали въ теченіи трехъ лѣтъ: 1858,

1859 и 1861 гг. Въ 1860 г. онѣ не издавались. Журналъ этотъ выходилъ тетрадями въ 4 долю листа (въ 2 столбца) два раза въ мѣсяцъ: въ первый годъ (1858) въ теченіи всѣхъ 12-ти мѣсяцевъ (24 №№ въ годъ), а въ послѣдующіе два года изданія (1859 и 1861 гг.) въ теченіи только 10 мѣсяцевъ, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ (по 20 №№ въ годъ). Полный комплектъ за годъ составлялъ одинъ томъ (т. I, 1858, VIII + 770 столб., съ портр. Н. И. Новикова, т. II, 1859, VI + 672 столб., съ портр. Д. И. Фонъ-Визина, т. III, 1861, VI + 702 столб., съ портр. А. Н. Радищева). Подписная цѣна назначалась въ 1858 г. 5 р. съ доставкой и пересылкой; впослѣдствіи же была повышена: въ 1859 г. до 5 р. 50 к. (съ пересылкой 7 р.), а въ 1861 г. до 6 р. (съ пересылкою 7 р. 50 к.). Это изданіе сдѣлалось теперь также большою библіографическою рѣдкостью [1]).

Что касается програмы «Библіографическихъ Записокъ», то въ составъ ея входили: описаніе книгъ и рукописей, рѣдкихъ или чѣмъ либо замѣчательныхъ; описаніе старопечатныхъ книгъ; свѣдѣнія объ изданныхъ и не изданныхъ мемуарахъ; біографіи русскихъ писателей и обнародованіе неизданныхъ ихъ писемъ и разныхъ сочиненій; поправки библіографическихъ ошибокъ; извѣстія объ иностранныхъ сочиненіяхъ, имѣющихъ связь съ русской исторіей и литературой; свѣдѣнія о типографіяхъ, успѣхахъ книгопечатанія, собирателяхъ библіотекъ и ихъ кригохранилищахъ; извѣстія, относящіяся до книжной торговли. Уже изъ этой програмы, которая, надо сказать, выполнялась вполнѣ добросовѣстно, должно замѣтить, что «Библіографическія Записки» представляютъ много общаго съ «Библіографическими Листами», и слѣдовательно много интереснаго и полезнаго. Наибольшій же интересъ имѣютъ многочисленныя розысканія и изслѣдованія въ области историко-литературной, а также обнародованіе нѣкоторыхъ произведеній русскихъ

---

[1]) Это не значитъ, однако, что оно все разошлось, напротивъ, подписчиковъ было очень мало, но его постигла слѣдующая судьба: сотни экземпляровъ „Библіографическихъ Записокъ“ оставались у ихъ редактора—извѣстнаго трудолюбца и ученаго А. Н. Афанасьева; этотъ писатель, служившій въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, по малодушію его начальника кн. М. А. Оболенскаго, для ученой репутаціи котораго Афанасьевъ много потрудился, долженъ былъ оставить службу, виновный лишь въ томъ, что имѣлъ несчастье видѣть у себя совершенно непрошеннаго гостя эмигранта В. И. Кельсіева, къ нему забревшаго на ½ часа; въ годъ тяжкихъ лишеній, постигшихъ затѣмъ А. Н. Афанасьева, тѣснясь въ холодной квартиркѣ, не зная чѣмъ прикрыть полъ, изъ-подъ котораго страшно дуло, Афанасьевъ употребилъ вмѣсто ковра всѣ экземпляры недвижимой своей собственности—„Библіографическія Записки“, для чего растрепалъ ихъ по листамъ и ими толстымъ слоемъ покрылъ полъ; когда же листы чрезъ нѣкоторое время истерлись, то были выметены какъ соръ; такъ разсказывалъ намъ покойный Д. Е. Кожанчиковъ про судьбу одного изъ лучшихъ библіографическихъ органовъ въ Россіи. Ред.

писателей (цѣликомъ или въ отрывкахъ) и писемъ имъ, которыя мы въ большомъ числѣ находимъ на страницахъ «Библіографическихъ Записокъ». Такъ мы встрѣчаемъ здѣсь письма слѣдующихъ лицъ: Е. А. Болховитинова, А. Ѳ. Воейкова, Н. В. Гоголя, А. С. Грибоѣдова, А. В. Дашкова, Г. Р. Державина, В. А. Жуковскаго, А. Е. Измайлова, Н. М. Карамзина, М. Т. Каченовскаго, А. С. Пушкина, В. Н. Татищева, П. Я. Чаадаева и многихъ другихъ. Весьма цѣнныя для историка литературы сообщенія и статьи помѣщали: А. Аѳанасьевъ, А. Галаховъ, Г. Геннади, Н. Гербель, Я. Гротъ, И. Забѣлинъ, И. Калугинъ, Д. Кобеко, М. Лонгиновъ, В. Межовъ, Р. Минцловъ, кн. М. Оболенскій, П. Пекарскій, М. Полуденскій, А. Пыпинъ, С. Соловьевъ, Н. Тихонравовъ и мн. др. Мы не имѣемъ возможности перечислить здѣсь всего напечатаннаго въ «Библіографическихъ Запискахъ» и отсылаемъ интересующихся непосредственно къ журналу; въ немъ каждая замѣтка достойна вниманія и не можетъ оставаться неизвѣстною историку литературы. Поэтому прекращеніе такого журнала было явленіемъ крайне прискорбнымъ.

Въ концѣ 1861 г. появилось извѣщеніе, что редакція «Библіографическихъ Записокъ», уже сдѣлавшая одну пріостановку въ 1860 г., еще разъ пріостанавливаетъ свое изданіе на годъ, или на два, смотря по обстоятельствамъ, и тутъ же говорилось, что о возобновленіи «Библіографическихъ Записокъ» при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, на которыя можно разсчитывать, въ виду имѣющагося преобразованія цензуры, своевременно будетъ заявлено. Однако, на этотъ разъ возобновленія изданія не послѣдовало. Извѣщеніе упоминаетъ о цензурныхъ условіяхъ и тѣмъ какъ бы намекаетъ на причину пріостановки изданія, но мы скорѣе допускаемъ, что и это изданіе не могло существовать по недостатку матеріальныхъ средствъ, при весьма ничтожной подпискѣ. Временная пріостановка изданія на одинъ годъ, сокращеніе объема изданія рядомъ съ постояннымъ увеличеніемъ подписной цѣны—все это до нѣкоторой степени подтверждаетъ наше предположеніе.

III.

«Книжный Вѣстникъ», журналъ русской литературной дѣятельности книжной торговли, книгопечатанія и т. п., началъ издаваться въ С.-Петербургѣ съ 1860 года. Программу его составляли: перечень новыхъ книгъ; отзывы о нихъ или краткое изложеніе содержанія; общія статьи о литературѣ, ея новостяхъ и явленіяхъ; статьи о книжной торговлѣ; объявленія о содержаніи журналовъ по мѣрѣ выхода ихъ въ свѣтъ и разныя другія объявленія.

Главное значеніе журнала было чисто справочное, историко-литературныя и критическія статьи занимаютъ въ немъ мѣсто второстепенное. Изъ помѣщенныхъ въ немъ библіографическихъ работъ можно отмѣтить трудъ В. И.

Межова, содержащій въ себѣ подробное описаніе періодическихъ изданій, выходившихъ въ Россіи въ теченіи 1860 года. Редакторомъ-издателемъ «Книжнаго Вѣстника», въ 1860 году, былъ Ю. М. Богушевичъ. Журналъ выходилъ 2 раза въ мѣсяцъ, тетрадями въ 1 или 2 листа, въ 4 д. Подписная цѣна 3 руб. въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Съ 1861 года «Книжный Вѣстникъ», сохраняя свое главное названіе, измѣняетъ второстепенное и называется журналомъ книжно-литературной дѣятельности. Самое изданіе и редакція переходятъ къ книжно-торговой фирмѣ Н. Сеньковскаго. Форматъ измѣняется въ 8 д. Все остальное остается почти безъ перемѣнъ. По направленію своему журналъ мало по малу дѣлается органомъ книжно-торговой фирмы и преслѣдуетъ торговыя цѣли. На страницахъ его часто обсуждаются разные практическіе вопросы, касающіеся книжнаго и типографскаго дѣла и т. п. Самое существованіе журнала продолжается до 1867 года. Въ 1865 году редакторомъ его короткое время былъ П. А. Ефремовъ, который значительно оживилъ на время «Книжный Вѣстникъ», но съ 1866 года журналомъ вѣдаетъ книжный магазинъ Сеньковскаго, а затѣмъ «Книжный Вѣстникъ» переходитъ въ собственность Беккера, редакція же журнала поступаетъ въ завѣдываніе, на нѣкоторое время, Я. А. Ростовцева. Число подписчиковъ на «Книжный Вѣстникъ», какъ говорятъ, не превышало 300.

IV.

Съ сентября мѣсяца 1872 года по 1878 годъ включительно издавался при главномъ управленіи по дѣламъ печати спеціальный его органъ подъ названіемъ «Указатель по дѣламъ печати». Онъ выходилъ два раза въ мѣсяцъ небольшими тетрадками въ 2—4 листа, въ 8 д, и стоилъ по подпискѣ 3 р. за годъ и только на одинъ 1877 годъ цѣна была понижена до 1 руб.

Въ «Указателѣ» печатались свѣдѣнія и распоряженія по дѣламъ печати, и въ числѣ ихъ мы находимъ: подробные списки новымъ книгамъ, выходящимъ въ Россіи; списки сочиненіямъ, разсмотрѣннымъ иностранною цензурою; списки періодическимъ изданіямъ, книжнымъ магазинамъ, библіотекамъ, типографіямъ и т. п. Съ 1877 года «Указатель» былъ сданъ въ арендное содержаніе нѣсколькимъ книгопродавцамъ съ фирмою Попова во главѣ; съ этого времени въ немъ открывается три отдѣла: 1) оффиціальный, для помѣщенія правительственныхъ распоряженій; 2) неоффиціальный, въ которомъ печатаются списки книгамъ, отзывы о нихъ, содержаніе различныхъ журналовъ и разныя мелкія извѣстія, касающіяся литературной дѣятельности въ Россіи, и 3) Приложенія, состоящія изъ книгопродавческихъ объявленій. Въ это время «Указатель» хотя и продолжаетъ издаваться при главномъ управленіи, но уже именуется

также органомъ русской книжной торговли, типографскаго и словолитнаго дѣла. Послѣдніе два года выходилъ подъ редакціею Ф. Солярскаго. Опытъ соединенія главнаго управленія съ книгопродавцами въ дѣлѣ изданія библіографическаго журнала оказался весьма неудачнымъ. Программа «Указателя» была перепутана до крайности и не представляла ничего опредѣленнаго. Подписчиковъ почти не было и журналъ большею частью разсылался безплатно.

V.

Вслѣдъ за прекращеніемъ «Указателя по дѣламъ печати», въ 1879 г. возникаетъ «Россійская библіографія» книгопродавца Э. К. Гартье. Первый годъ журналъ выходилъ еженедѣльно, а затѣмъ два раза въ мѣсяцъ, тетрадками въ нѣсколько листовъ 8 д. и стоилъ по подпискѣ 5 руб. въ годъ. Имѣя намѣреніе поставить свою торговлю по образцу заграничныхъ на широкихъ основаніяхъ, Гартье не скупился на рекламы и, кажется, предпринялъ изданіе журнала съ этою цѣлью. Чтобы дать ему возможно большее распространеніе, издатель первое время охотно шелъ на какія угодно нововведенія и не стѣснялся расходами. Самъ лично завѣдуя только коммерческимъ, книжно-торговымъ отдѣломъ журнала и пропагандируя въ немъ идею о необходимости учрежденія у насъ книгопродавческаго общества, онъ всю остальную работу по развитію собственно литературнаго отдѣла и составленію библіографическихъ указателей предоставилъ другимъ. Этимъ дѣломъ завѣдывалъ сперва Е. Ѳ. Буринскій, а въ началѣ 1881 года его смѣнилъ Н. М. Лисовскій. Въ литературномъ отдѣлѣ помѣщались: замѣтки историческія, библіографическія, различныя библіографическія разъясненія, біографіи, извѣстія о покойныхъ писателяхъ, отзывы о новыхъ книгахъ, обзоры библіотекъ и т. п.; въ приложеніяхъ давались снимки съ болѣе замѣчательныхъ рукописей. Справочный отдѣлъ состоялъ изъ указателей новыхъ книгъ, содержанія періодическихъ изданій и проч. Появленіе «Россійской Библіографіи» встрѣчено было очень сочувственно; свои статьи печатали въ ней Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, Н. В. Губерти, Д. Ф. Кобеко, И. Ф. Токмаковъ, Д. Д. Языковъ и многіе другіе. Но съ 1880 года дѣла Гартье пошли плохо и это отразилось на журналѣ; онъ уже не имѣлъ прежней матеріальной поддержки со стороны издателя и поставленъ былъ въ зависимость отъ подписки; если журналъ не сразу прекратился въ это время, а продолжалъ существовать, то благодаря только усиліямъ лицъ, завѣдывавшихъ изданіемъ и редакціею; о дальнѣйшемъ же развитіи нельзя было и думать. Наконецъ, въ 1882 году, магазинъ Гартье, окончательно придя въ упадокъ, закрылся и журналъ прекратился на третьемъ номерѣ.

VI.

Мысль г. Гартье о необходимости у насъ книгопродавческаго общества нашла себѣ осуществленіе; такое общество учреждается въ 1883 году и съ 1884 года оно начинаетъ издавать свой органъ подъ названіемъ «Книжный Вѣстникъ». Срокъ выхода назначенъ былъ два раза въ мѣсяцъ, а затѣмъ измѣненъ на ежемѣсячный. Какъ органъ книгопродавческаго общества, этотъ новый «Книжный Вѣстникъ» помѣщалъ иногда замѣтки по книжно-торговому дѣлу, въ которыхъ указывались мѣры къ его упорядоченію.

Изъ этого обзора періодическихъ изданій, посвященныхъ библіографіи, мы видимъ, что только два изъ нихъ заслуживаютъ серьезнаго вниманія, какъ отвѣчающія требованіямъ науки, это «Библіографическіе Листы» и «Библіографическія Записки». А затѣмъ съ самаго начала 1860-хъ годовъ намъ представляется рядъ изданій, которыя преслѣдуютъ преимущественно практическія цѣли, служа вмѣстѣ съ тѣмъ справочными книгами въ области текущей литературы. И это вполнѣ понятно: изданія попадаютъ въ руки книгопродавцевъ, для которыхъ чужды болѣе высокіе, научные интересы библіографіи; для нихъ самое главное имѣть подъ рукою справочный листокъ о вновь выходящихъ книгахъ; самое изданіе библіографическихъ журналовъ предпринимается ими въ видахъ рекламы; вотъ почему издатели иногда не жалѣютъ денегъ для этого дѣла, надѣясь убытки по изданію съ избыткомъ наверстать на развитіи книжно-торговыхъ оборотовъ. Но обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, они отстраняются отъ библіографіи, такъ какъ не она привлекала ихъ, а реклама, которую изъ нея хотѣли сдѣлать. Отсюда ясно, что библіографическимъ журналомъ, попавшимъ въ такія руки, ничего не оставалось, какъ пойти къ упадку; исключеніемъ въ послѣднее время была только «Россійская Библіографія» и то потому, что завѣдываніе ею находилось въ рукахъ людей, которымъ интересы библіографіи были близки и дороги.

Такой упадокъ нашихъ библіографическихъ журналовъ, разумѣется, долженъ былъ вызвать чувство сожалѣнія въ истинныхъ библіографахъ и обращать ихъ вниманіе къ временамъ давнопрошедшимъ, къ временамъ Кеппена и Афанасьева, когда ими издавались «Библіографическіе Листы» и «Библіографическія Записки». Если бы возникло подобное изданіе вновь, то существеннымъ отличіемъ его отъ этихъ предшественниковъ могло бы заключаться въ болѣе разработанномъ и обширномъ справочномъ отдѣлѣ, который обусловливался бы теперь болѣе значительнымъ числомъ ежегодно выходящихъ книгъ и періодическихъ изданій. Но такая программа возлагала-бы на редакцію новаго изданія такъ много труда и самое предпріятіе требовало бы такъ много мате-

ріальныхъ затратъ, ничего не обѣщая въ будущемъ, что оно едва-ли могло осуществиться, тѣмъ болѣе въ виду всѣхъ предшествовавшихъ неудачъ.

Однако, все это не помѣшало Н. М. Лисовскому основать журналъ «Библіографъ», который возникъ въ концѣ 1884 года и продолжаетъ существовать по настоящее время, мало по малу развиваясь и совершенствуясь съ каждымъ годомъ.

VII.

Журналъ «Библіографъ» выходитъ ежемѣсячными тетрадями изъ нѣсколькихъ листовъ въ 8 д. большаго формата и распадается на двѣ половины: въ 1-мъ отдѣлѣ помѣщаются: историческіе, историко-литературные и библіографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; критическіе разборы новыхъ книгъ; разныя мелкія сообщенія о новостяхъ нашей литературы, біографіи, некрологи и т. п.; во 2-мъ отдѣлѣ помѣщаются полные указатели русской литературы, т. е. какъ отдѣльно выходящихъ книгъ, такъ и статей, печатаемыхъ въ періодическихъ изданіяхъ, кромѣ того указатели иностранной литературы, касающейся Россіи (Rossica), правительственныя распоряженія по дѣламъ печати и проч. Такая программа сообщаетъ журналу характеръ учено-библіографическаго и историко-литературнаго изданія, но вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ ему и справочно - библіографическое значеніе. «Библіографъ» долженъ одною своею частью походить на «Библіографическіе Листы» и «Библіографическія Записки», а другою на тѣхъ своихъ предшественниковъ, которые имѣли преимущественно справочный характеръ. Но опасаясь выступить съ перваго-же года съ изданіемъ большихъ размѣровъ и вполнѣ соотвѣтствующимъ намѣченной программѣ, г. Лисовскій задумалъ развивать его постепенно и началъ главнымъ образомъ со втораго (справочнаго) отдѣла, давъ ему въ началѣ значительное преобладаніе надъ первымъ отдѣломъ, который долженъ былъ развиваться мало по малу, по мѣрѣ представлявшейся возможности. Работая энергично, съ замѣчательною любовью къ дѣлу и надеждою на успѣхъ, онъ бо́льшую часть работы выносилъ и выноситъ на себѣ и въ то-же время старался пріобрѣсти сотрудниковъ для перваго отдѣла журнала, число которыхъ, разумѣется, не могло не увеличиваться, по мѣрѣ того какъ возростало сочувствіе къ новому изданію. Въ немъ участвуютъ теперь и нѣкоторые изъ профессоровъ с.-петербургскаго университета, какъ, напримѣръ: К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и Н. И. Карѣевъ, а также молодые ученые: А. И. Барбашевъ, С. Ф. Платоновъ, И. Г. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло и др. Пересматривая «Библіографъ» за его четырехлѣтнее существованіе, мы кромѣ того встрѣчаемъ на его страницахъ статьи и сообщенія: Я. Ѳ. Березина-Ширяева, Н. В. Губерти, Д. Ѳ. Кобеко, А. С. Лаппо-Данилевскаго, В. И. Межова, А. Е. Молчанова,

И. Д. Морошкина, Н. Оглоблина, С. Л. Пташицкаго, И. Ф. Токмакова, Н. Д. Чечулина, Д. Д. Языкова и др. Значительно увеличившись, сравнительно съ прежнимъ, въ настоящее время первый отдѣлъ журнала состоитъ изъ трехъ, четырехъ листовъ въ каждомъ выпускѣ. Второй-же отдѣлъ попрежнему выходитъ въ объемѣ двухъ, двухъ съ половиною листовъ. Иногда при журналѣ появляются небольшія приложенія, заключающія въ себѣ отдѣльныя работы библіографическаго характера.

Въ первомъ отдѣлѣ изъ архивныхъ документовъ, памятниковъ литературы, неизданныхъ произведеній русскихъ писателей и писемъ ихъ находимъ нѣсколько вполнѣ любопытныхъ сообщеній. Такъ С. Л. Пташицкій помѣстилъ реестръ книгъ, составлявшихъ библіотеку великаго князя Литовскаго въ 1510 году; этотъ реестръ извлеченъ изъ книгъ Литовской метрики, находящейся теперь въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Въ статьѣ «Книжный рынокъ въ Енисейскѣ въ XVII в.» г. Оглоблинъ приводитъ интересное извлеченіе изъ «товарной цѣновной росписи» города Енисейска за 1649 и 1687 гг., о бывшихъ въ продажѣ печатныхъ книгахъ, которая даетъ понятіе, какія въ этихъ годахъ книги встрѣчались въ продажѣ и по какой цѣнѣ продавались въ столь отдаленномъ краѣ. Для исторіи русской и иностранной библіографіи въ связи съ книжной торговлей сообщены матеріалы г. Токмаковымъ, относящіеся ко времени царствованія Петра I; матеріалы эти касаются авторовъ и переводчиковъ разныхъ книгъ, а также изданія и продажи этихъ книгъ. Въ «грамотѣ архіепископа вологодскаго Гавріила», сообщ. Н. В. Губерти, говорится о поимкѣ московскаго жителя Г. В. Талицкаго, продававшаго печатныя и рукописныя книги, содержавшія порицанія дѣйствій правительства. Кромѣ этого г. Губерти въ статьѣ «А. Т. Болотовъ, какъ критикъ и рецензентъ литературныхъ произведеній» даетъ пространныя выписки изъ рукописи Болотова «Современникъ или записки для потомства», въ которыхъ находимъ отзывы о Херасковѣ, Карамзинѣ, Дмитріевѣ и разныхъ книгахъ. Магистръ русской исторіи г. Платоновъ напечаталъ открытый имъ въ рукописяхъ новый варіантъ легенды о чудѣ св. Дмитрія царевича Угличскаго. Весьма любопытенъ сообщенный и объясненный г. Лопаревымъ новый памятникъ русской литературы (1550 г.), составляющій произведеніе монаха Іосифа: «Лѣтописецъ и сказаніе ко ученію и разсужденіе о фонпандѣ вкратцѣ». Этотъ памятникъ древней письменности «составленъ монахомъ Іосифомъ для сына царя Ивана Васильевича Грознаго, царевича Ивана, вѣроятно, съ намѣреніемъ сдѣлаться его воспитателемъ. Видимою цѣлью автора было написать наставленіе для юнаго царевича и изложить свой взглядъ, систему и методъ при его воспитаніи. Напечатанное г. Шляпкинымъ письмо Н. И. Новикова къ Ф. П. Ключареву рисуетъ намъ ту бѣдность, въ которой находился Новиковъ по возвращеніи изъ ссылки. Упомянемъ еще письма Г. Р. Державина къ Хвостову и Соломкѣ, сообщ. Н. В. Губерти,

и переписку между А. Н. Сѣровымъ и Ю. К. Арнольдомъ, сообщ. г. Галлеромъ.

Въ числѣ изслѣдованій и статей надо отмѣтить интересную статью профессора К. Н. Бестужева-Рюмина о Н. А. Полевомъ, въ особенности же статью Л. Н. Майкова «Симеонъ Полоцкій о русскомъ иконописаніи», въ которой уважаемый авторъ разсказываетъ о заботахъ Полоцкаго, направленныхъ къ упорядоченію иконной живописи, искаженной неумѣлыми мастерами. Для достиженія своей цѣли Полоцкій обратился къ царю Алексѣю Михайловичу съ прошеніемъ о принятіи мѣръ къ улучшенію иконописанія въ Москвѣ и подготовилъ разсмотрѣніе этого вопроса на Московскомъ соборѣ 1666—1667 гг.; памятникомъ заботъ этого собора объ иконномъ писаніи служитъ окружная царская грамота по этому предмету въ 1666 году, редакторомъ которой былъ также Полоцкій. Въ «Замѣткѣ объ отношеніяхъ митрополита Евгенія (Болховитинова) къ Державину до личнаго знакомства съ поэтомъ» г. Шмурло очень мѣтко очерчиваетъ личность митрополита Евгенія, который хотя и былъ проникнутъ уваженіемъ къ Державину, но по своему обычаю, всегда откровенный въ выраженіи своихъ чувствъ, не стѣснялся быть иногда къ нему очень рѣзкимъ. Въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго монастыря, въ черновыхъ бумагахъ митрополита Евгенія, г. Шмурло нашелъ эпиграмму Евгенія на оду Державина (На восшествіе императора Александра I), которая и приведена въ этой замѣткѣ. Въ статьѣ «Лѣтописные источники для исторіи Литвы въ средніе вѣка» г. Барбашевъ помѣстилъ подробный обзоръ лѣтописей русскихъ, литовскихъ, ливонскихъ, прусскихъ и польскихъ; здѣсь указаны всѣ ихъ изданія и посвященныя имъ изслѣдованія; статья эта получаетъ особенный интересъ, такъ какъ представляетъ сводъ мнѣній, добытыхъ путемъ многолѣтняго изученія источниковъ для исторіи Литвы, занятія которой дали автору магистерскую степень. Г. Лаппо-Данилевскій, разбирая данныя лѣтописи Генриха Латыша, сообщилъ на основаніи ея любопытныя библіографическія свѣдѣнія о ея авторѣ. О польскомъ историкѣ XV вѣка Длугошѣ встрѣчаемъ статью г. Пташицкаго. Въ статьѣ г. Савельева «Очеркъ современной теоріи заимствованія» сведены мнѣнія, доказывающія самобытность нашей культуры, вопреки существующему направленію нѣкоторыхъ ученыхъ, не допускающихъ въ міровоззрѣніяхъ народныхъ никакой самостоятельности. Наконецъ, г. Чечулинъ собралъ любопытныя данныя о книгахъ по городамъ Московскаго государства въ XVI вѣкѣ; въ своей статьѣ на основаніи писцовыхъ книгъ онъ разсказываетъ о степени распространенія различныхъ книгъ печатныхъ и рукописныхъ по 8 городамъ; эти данныя любопытны для исторіи образованности на Руси въ XVI вѣкѣ. Изъ статей біографическаго характера или содержащихъ въ себѣ сводъ литературныхъ мнѣній упомянемъ: «Обзоръ литературы объ Арсеніи Мацѣевичѣ», Ив. Яков. Морошкина; матеріалы для біографіи I. А. Вейскгопфена, издателя первой астраханской газеты «Восточныя

Извѣстія»; «И. С. Тургеневъ въ оцѣнкѣ своихъ ближайшихъ современниковъ», г-жи Кавелиной, и воспоминанія Я. Ѳ. Березина-Ширяева о Н. П. Дуровѣ.

Между библіографическими указателями по частнымъ вопросамъ слѣдуетъ назвать: «Библіографическій списокъ литературныхъ трудовъ кіевскаго митрополита Евгенія Болховитинова», составленный Е. Шмурло. Въ списокъ этотъ вошли не только напечатанные литературные труды митрополита Евгенія, но и всѣ сохранившіеся въ рукописи, которыми авторъ пользовался, главнымъ образомъ, въ Кіево-Софійской библіотекѣ. О каждомъ трудѣ сдѣланы здѣсь самыя тщательныя разысканія и изслѣдованія. Списокъ обнимаетъ періодъ времени съ 1785 по 1803 годъ. Въ статьяхъ, посвященныхъ Грибоѣдову, авторъ ихъ сдѣлалъ тщательную свѣрку сочиненій Грибоѣдова въ различныхъ изданіяхъ, причемъ опредѣляетъ ихъ подлинную и болѣе правильную редакцію. Особаго вниманія заслуживаетъ работа г. Молчанова, посвященная А. Н. Сѣрову и представляющая собою весьма полные библіографическіе указатели произведеній Сѣрова и литературы о немъ. Въ трудѣ этомъ уже давно чувствовалась необходимость. Сѣровъ извѣстенъ какъ музыкальный критикъ едва-ли не столько же, какъ и композиторъ. Его сужденія не потеряли цѣны и въ наше время и часто повторяются въ печати нашими критиками. Сѣровъ писалъ охотно и очень много; его статьи разсыпаны во многихъ изданіяхъ и нѣкоторыя очень трудно находимы. Г. Молчановъ добросовѣстно собралъ все, что касается Сѣрова, и своимъ трудомъ сдѣлалъ хорошій подарокъ нашимъ музыкантамъ-литераторамъ. Наконецъ, упомянемъ о библіографическомъ указателѣ книгъ и статей о св. Кириллѣ и Меѳодіи, сост. Н. Лисовскій. Этотъ трудъ былъ пріуроченъ къ празднованію тысячелѣтней памяти славянскихъ первоучителей, происходившему въ 1885 г., и представляетъ довольно полный сводъ русской литературы; на иностранныхъ же языкахъ названы только нѣкоторые важнѣйшіе труды.

О рѣдкихъ изданіяхъ находимъ въ «Библіографѣ» нѣсколько сообщеній Н. В. Губерти, И. Дмитровскаго, Д. Ѳ. Кобеко, А. Савича, И. Шляпкина и др.

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи участвуетъ нѣсколько сотрудниковъ журнала. Здѣсь мы находимъ рецензіи отъ самыхъ небольшихъ отзывовъ, имѣющихъ намѣреніе ознакомить съ содержаніемъ книги до пространныхъ, переходящихъ въ критическія статьи. Всѣ эти рецензіи прежде всего чужды полемическаго задора и, указывая на недостатки, всегда сохраняютъ выдержанность тона и уваженіе къ чужимъ трудамъ. Въ случаѣ возраженія со стороны авторовъ разбираемыхъ книгъ редакція охотно печатаетъ ихъ письма, предоставляя, разумѣется, себѣ право произнести послѣднее слово. Все это заслуживаетъ полнѣйшее сочувствіе каждаго читателя, кому дороги успѣхи родной словесности—какъ науки.

Послѣ разсмотрѣнія содержанія перваго отдѣла намъ остается сказать

нѣсколько словъ и о второмъ—справочномъ. Къ тому, что мы говорили о немъ выше, можно добавить, что Н. М. Лисовскій относится къ нему съ постоянною заботливостью и старается сдѣлать его необходимою настольною книгою для всевозможныхъ справокъ въ области текущей литературы, какъ отечественной, такъ и иностранной, насколько послѣдняя касается Россіи. Такою необходимою книгою этотъ отдѣлъ, дѣйствительно, и является. Въ немъ мы прежде всего встрѣчаемъ полный и хорошо разработанный каталогъ новыхъ книгъ, которыя распредѣляются въ систематическомъ порядкѣ по отдѣламъ знанія, напримѣръ: богословіе, философія, правовѣдѣніе, исторія, географія, естествознаніе, беллетристика, искусства и т. п.; всѣхъ подраздѣленій въ каталогѣ можно насчитать до 20. Затѣмъ слѣдуетъ указатель иностранныхъ книгъ, выходящихъ въ Россіи, а также иностранной литературы, касающейся нашего отечества (Rossica). Въ послѣднее время составленіе указателя «Rossica» принялъ на себя В. И. Межовъ. Въ каждомъ выпускѣ «Библіографа» помѣщается также указатель къ нашей періодической печати. Ранѣе этотъ указатель печатался въ систематическомъ видѣ, т. е. съ распредѣленіемъ статей по отдѣламъ, сообразно съ ихъ содержаніемъ, но такъ какъ при этомъ не было возможности обозрѣть въ подробности содержаніе той или другой книжки журналовъ, то съ 1888 г. въ «Библіографѣ» печатается въ отдѣльности содержаніе каждой новой книжки современныхъ намъ періодическихъ изданій. Затѣмъ по окончаніи года пользованіе этимъ справочнымъ отдѣломъ значительно облегчается прилагаемыми къ журналу общими справочными указателями. Наконецъ въ справочномъ отдѣлѣ мы находимъ свѣдѣнія о всѣхъ распоряженіяхъ правительства по дѣламъ печати.

VIII.

Въ заключеніе упомянемъ о проектируемомъ у насъ Н. М. Лисовскимъ учрежденіи библіографическаго общества. Изъ помѣщенной имъ по этому поводу въ своемъ журналѣ статьи мы узнаемъ, что общество это должно объединить всѣ библіографическія силы и содѣйствовать успѣшному выполненію разнаго рода библіографическихъ работъ, которыя очень часто могутъ быть недоступны для отдѣльныхъ лицъ. Кромѣ того общество можетъ входить въ обсужденіе различныхъ историко-литературныхъ вопросовъ. Съ возникновеніемъ общества г. Лисовскій охотно готовъ предоставить въ его распоряженіе свой журналъ въ качествѣ органа. Такія предположенія намъ представляются весьма симпатичными и мы искренно желаемъ имъ скорѣйшаго осуществленія. Библіографическое общество дѣйствительно можетъ вызвать рядъ работъ крайне полезныхъ и необходимыхъ, на исполненіе которыхъ въ настоящее время, по ихъ трудности и неблагодарности, не находится охотниковъ.

Самое изданіе библіографическаго журнала при содѣйствіи общества сдѣлается болѣе легкимъ и обезпеченнымъ.

Ознакомившись съ судьбою предшествовавшихъ журналовъ, спеціально посвященныхъ библіографіи, мы видимъ, какъ неустойчиво у насъ это дѣло. Попытокъ было много, были и очень хорошія изданія, но всѣ они не имѣли успѣха; существованіе библіографическихъ журналовъ было вообще очень недолговѣчно, а въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые издавались частными лицами не изъ книгопродавцевъ; послѣдніе, разумѣется, должны были имѣть болѣе средствъ распространять подобныя изданія, но бѣда, что въ ихъ рукахъ они дѣлались орудіемъ рекламы и въ библіографическомъ отношеніи оставляли желать очень многаго.

Мы не знаемъ, насколько въ благопріятныхъ условіяхъ находится «Библіографъ», но думаемъ, что существованіе его въ значительной степени обусловлено жертвами со стороны его редактора-издателя и только его энергіи, любви къ дѣлу и большой опытности въ веденіи библіографическаго органа этотъ отличный журналъ обязанъ тому, что могъ возникнуть, просуществовать четыре года, привлечь къ себѣ сочувствіе и сотрудничество людей науки и перейти въ пятый годъ своего бытія; будемъ же надѣяться, что «Библіографъ» упрочится на многіе годы, по крайней мѣрѣ мы горячо этого желаемъ.

Въ виду этого искренняго желанія, ред. «Русской Старины», работая болѣе 20 лѣтъ въ области русской исторіи и исторіи русской литературы и искусствъ, и понимая всю важность библіографическихъ пособій, а также необходимость непрерывнаго изданія журнала, посвященнаго библіографіи, беретъ на себя починъ обратить на существующій въ настоящее время журналъ «Библіографъ» вниманіе общества и нашей періодической печати. Съ этой цѣлью мы еще въ 1887 г., печатая въ «Русской Старинѣ» объявленіе о «Библіографѣ», сдѣлали къ нему свое примѣчаніе, въ которомъ рекомендовали читателямъ этотъ журналъ, какъ замѣчательно хорошо редижируемое изданіе. Въ теченіи 1888 года онъ достигъ значительно бо́льшаго развитія. Этимъ объясняется, почему мы, почти не помѣщая въ нашемъ журналѣ критическихъ статей, а тѣмъ болѣе о періодическихъ изданіяхъ, посвятили настоящій очеркъ издаваемому Н. М. Лисовскимъ журналу «Библіографъ».

В. Т—къ.

6-го декабря 1888 г.
С.-Петербургъ.

МИХАИЛЪ ХРИСТОФОРОВИЧЪ РЕЙТЕРНЪ.

Къ его портрету

приложенному при «Русской Старинѣ» изд. 1889 г., томъ LXI, февраль, стр. 209.

Издавна, съ особымъ удовольствіемъ вспоминаемъ мы Государя-Освободителя и его сподвижниковъ именно въ февральскихъ книгахъ „Русской Старины“, имѣя въ виду, что день 19-го февраля какъ въ теченіе всего царствованія Александра II, со времени появленія великаго акта освобожденія 20 милліоновъ народа, такъ и послѣ кончины Александра II, пребудетъ на всемъ пространствѣ земли, гдѣ только слышится русская рѣчь, праздникомъ однимъ изъ наиглавнѣйшихъ. Итакъ, именно въ февральскихъ книгахъ „Русской Старины“ мы, съ особымъ удовольствіемъ, отводимъ мѣсто воспоминаніямъ и историко-біографическимъ очеркамъ о времени и людяхъ эпохи императора Александра II.

Нынѣшнюю книгу, также февральскую, мы имѣемъ удовольствіе украсить гравюрою, исполненною на мѣди, — портретомъ Михаила Христофоровича Рейтерна, прежде всего потому, что Михаилъ Христофоровичъ одинъ изъ немногихъ, оставшихся въ живыхъ, членовъ, славной памяти, редакціонныхъ коммиссій, выработавшихъ проектъ Положеній 19-го февраля.

Независимо отъ сего, въ царствованіе Александра II Освободителя, въ теченіе многихъ лѣтъ М. Х. Рейтернъ занималъ одно изъ главныхъ мѣстъ въ ряду министровъ въ Бозѣ почивающаго государя, именно былъ министромъ финансовъ.

Сказаннаго довольно, чтобы мы въ февральской книгѣ „Русской

Старины“ позволили себѣ остановиться предъ этою пользующеюся всеобщимъ уваженіемъ личностью и привести о немъ, въ видѣ историко-біографической справки, нѣсколько данныхъ.

I.

М. Х. Рейтернъ родился 12-го сентября 1820 г. въ русскомъ семействѣ, въ г. Порѣчьѣ, Смоленской губерніи. Онъ сынъ Христофора Романовича Рейтерна († 1833 г.), ветерана многихъ войнъ, начиная съ 1799-го года, а также великой отечественной войны. Христофоръ Романовичъ скончался въ чинѣ генералъ-лейтенанта, на посту командира 3-й уланской дивизіи; женатъ онъ былъ на Екатер. Ив. Гельфрейхъ († 1866 г.). Родители и предки М. Х., а равно онъ самъ, принадлежатъ къ старинной дворянской фамиліи евангелическо-лютеранскаго исповѣданія; семья была мало достаточная и за М. Х. по сіе время не значится ни родоваго, ни благопріобрѣтеннаго имѣнья, кромѣ небольшаго дома-особняка, занимаемаго имъ въ Петербургѣ на Англійской набережной и пріобрѣтеннаго имъ лишь въ послѣдніе годы его жизни. У родителей его, при весьма малыхъ средствахъ къ жизни, было 12 дочерей и два сына; мать М. Х. была женщина большаго ума, твердаго характера, страстно любила дѣтей и имѣла на все воспитаніе М. Х. самое благотворное вліяніе. Двоюродная сестра М. Х. была замужемъ за знаменитымъ поэтомъ В. А. Жуковскимъ. Родство съ поэтомъ, однимъ изъ лучшихъ русскихъ людей первой половины XIX вѣка, конечно, подѣйствовало самымъ благотворнымъ образомъ на родичей поэта по его супругѣ, такъ какъ свѣтлая личность В. А. Жуковскаго клала свой отпечатокъ на все и всѣхъ, что къ нему такъ или иначе соприкасалось.

М. Х. Рейтернъ получилъ воспитаніе, послѣ хорошаго домашняго обученія и пребыванія въ пансіонѣ въ г. Верро, въ Царскосельскомъ лицеѣ. Извѣстно, что этотъ лицей, даровавшій Россіи Пушкина и нѣсколько созвѣздій великаго поэта, далъ въ то-же время нѣсколько государственныхъ и видныхъ на разныхъ поприщахъ служенія Россіи дѣятелей.

Бывшій Царскосельскій, нынѣ Александровскій, лицей, по крайней мѣрѣ въ первую половину всей эпохи его существованія, былъ истиннымъ разсадникомъ государственныхъ людей Россіи и тѣмъ оправдалъ тѣ надежды, которыя возлагались на него при его учрежденіи. М. Х. выпущенъ изъ лицея съ чиномъ 9 класса, а за отличные успѣхи удостоился получить серебряную медаль № 3.

5-го февраля 1840 г. Рейтернъ, что довольно замѣчательно, опредѣленъ именно въ то самое министерство финансовъ, къ которомъ ему потомъ довелось служить съ такою честью и долгое время быть главою этого министерства; поступилъ онъ въ особенную канцелярію министерства финансовъ по кредитной части, имѣя отъ роду всего лишь 19 лѣтъ; здѣсь М. Х. послѣдовательно прошелъ должности младшаго и старшаго помощниковъ столоначальника, но въ 1843 г. перешелъ въ департаментъ министерства юстиціи; въ 1844 г. былъ столоначальникомъ, въ слѣдующемъ—чиновникомъ особыхъ порученій и въ томъ-же году имѣлъ довольно важное порученіе отъ министра юстиціи: „собрать вѣрныя свѣдѣнія о практическомъ примѣненіи существующихъ въ Остзейскихъ губерніяхъ правилъ судопроизводства по судебнымъ мѣстамъ вѣдомства министерства юстиціи“. Замѣчательна быстрота, съ которой М. Х. тогда работалъ: въ февралѣ 1845 г. дано ему было это порученіе, а 26-го марта онъ его уже окончилъ. Въ слѣдующемъ году М. Х. участвуетъ въ трудахъ по образованію судебныхъ мѣстъ въ губерніяхъ Таврической и Херсонской; въ 1847 г. исправляетъ должность товарища герольдмейстера въ правительствующемъ сенатѣ. Но вотъ въ 1854 г. совершается въ жизни и служебной дѣятельности М. Х. Рейтерна событіе, которое дало ему возможность выказать свои замѣчательныя способности къ государственной дѣятельности: мы говоримъ о назначеніи его, 24-го февраля 1854 г., старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при начальникѣ главнаго морскаго штаба его императорскаго величества. Рейтернъ былъ въ то время всего лишь статскимъ совѣтникомъ, на 14 году его службы. Это откомандированіе въ другое министерство — событіе въ высшей степени счастливое для Рейтерна — дало ему возможность послужить въ обширной сферѣ дѣятельности, вполнѣ соотвѣтствовавшей его способностямъ. Въ самомъ дѣлѣ,

во главѣ морскаго министерства стоялъ тогда 27-лѣтній великій князь Константинъ Николаевичъ—человѣкъ замѣчательной энергіи, неутомимаго трудолюбія и обширнаго образованія, можно сказать, образованія даже научнаго, съ громадной подготовкой къ тѣмъ чрезвычайной важности обязанностямъ, которыя угодно было возлагать на него какъ его августѣйшимъ родителемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, такъ въ особенности, съ 1855 г., его августѣйшимъ братомъ императоромъ Александромъ II. Уже въ 1854—1855 гг., въ годину севастопольской борьбы, въ морскомъ министерствѣ, по почину великаго князя и въ кругу его ближайшихъ сподвижниковъ, въ большинствѣ талантливыхъ и энергическихъ, лицъ, бывшихъ во всеоружіи научнаго образованія и близко знакомыхъ съ европейскимъ строемъ государственной жизни, уже тогда зарождались тѣ реформы, для осуществленія которыхъ представилось столь обширное поле въ первое десятилѣтіе царствованія Государя-Освободителя; уже тогда, повидимому, лишь въ сферѣ морскаго министерства, стали вникать въ необходимость установки государственнаго хозяйства на иныхъ началахъ, сознана была потребность въ гласности, въ устраненіи внѣдрившихся въ администрацію злоупотребленій, потребность ясныхъ и правдивыхъ отчетовъ, въ постановкѣ на правильныхъ основаніяхъ въ Россіи великаго дѣла воспитанія и образованія юношества, потребность въ перенесеніи на русскую почву всего того, что было хорошаго за рубежомъ отечества и что могло и должно было быть перенесено въ общій строй внутренней жизни нашего отечества....

М. Х. Рейтернъ встрѣтилъ здѣсь, въ этомъ кругу, нѣсколькихъ товарищей по воспитанію въ лицеѣ; въ особенности для М. Х. было пріятно видѣть на посту секретаря великаго князя Константина Николаевича своего давнишняго товарища и друга А. В. Головнина, каковая дружба связывала М. Х. съ Головнинымъ буквально до послѣдняго часа жизни Александра Васильевича († 1886 г.). Рейтернъ былъ замѣченъ съ первыхъ-же дней по переходѣ его въ морское министерство. Въ самомъ дѣлѣ, уже 4-го марта 1854 г. онъ назначенъ членомъ комитета по своду морскихъ постановленій, два дня спустя его назначаютъ членомъ комитета для составленія хозяйственнаго устава морскаго министерства, въ тотъ же день его назначаютъ членомъ комитета о

смѣтахъ строительнаго департамента того-же министерства и въ тотъ же день онъ назначенъ въ помощь вице-адмиралу Мелихову для ревизіи означеннаго департамента; 16-го сентября того-же года Рейтернъ является членомъ коммиссіи, учрежденной для разъясненія затрудненій и жалобъ, возникшихъ по поставкѣ кронштадтскимъ канатнымъ заводомъ пеньки одного изъ подрядчиковъ; въ концѣ того-же года Рейтернъ произведенъ за отличіе по службѣ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и вслѣдъ затѣмъ переименованъ въ должность чиновника особыхъ порученій морскаго министерства.

Очевидное дѣло, М. Х. въ одинъ годъ самыхъ усердныхъ, можно сказать неустанныхъ, трудовъ проявилъ свои обширныя знанія, большую подготовку къ служебной дѣятельности по вопросамъ первостепенной важности и необыкновенную усидчивость; тутъ-же необходимо сказать, что его ровный, необыкновенно сдержанный характеръ, его замѣчательное спокойствіе, твердость его убѣжденій, все это всегда и повсюду располагало къ нему и очень рано, какъ мы видимъ, стало содѣйствовать ему къ вполнѣ успѣшному прохожденію государственной службы на высшихъ ея ступеняхъ. Не доставало ему еще для его будущей карьеры—знанія внутренней Россіи. Взрощенный въ лицеѣ, а затѣмъ въ петербургскихъ канцеляріяхъ послѣдовательно трехъ министерствъ: финансовъ, юстиціи и морскаго,— Рейтернъ еще не былъ достаточно знакомъ съ внутренней Россіей, и вотъ, конечно для восполненія этого пробѣла, е. и. в. великій князь Константинъ Николаевичъ командировалъ М. Х. на нѣсколько мѣсяцевъ въ Архангельскъ, а затѣмъ въ Астрахань, для осмотра казенныхъ зданій и ревизіи строительнаго и госпитальнаго управленій въ сихъ портахъ.

Въ этой продолжительной командировкѣ (1855 г.) Рейтернъ ознакомился съ европейской Россіей отъ самой сѣверной ея оконечности до одной изъ южныхъ.

По окончаніи поѣздки по Россіи, М. Х., вновь по представленію генералъ-адмирала, командированъ первоначально въ Пруссію, затѣмъ въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, впослѣдствіи же во Францію и Англію—для собранія свѣдѣній къ усовершенствованію счетоводства. Эта командировка продолжалась три года безъ двухъ мѣсяцевъ, именно до 1-го сентября

1858 года. При отличной подготовкѣ Рейтерна какъ по образованію, такъ и по ознакомленію его съ государственной службой послѣдовательно въ трехъ министерствахъ, трехъ-лѣтнее пребываніе за границей оказалось весьма благотворнымъ для этого человѣка: оно дало ему обширный запасъ знаній, оказавшихся весьма пригодными для этого государственнаго дѣятеля.

Въ 1858 г. Рейтернъ, по представленію его императорскаго высочества великаго князя Константина Николаевича, пожалованъ въ статсъ-секретари его императорскаго величества—отличіе, свидѣтельствовавшее, что генералъ-адмиралъ вполнѣ убѣдился, что надежды, возложенныя имъ на этого даровитаго труженика, вполнѣ оправдались, и великій князь горячо рекомендовалъ Рейтерна вниманію государя императора. Съ этого времени порученія первостепенной государственной важности одно за другимъ быстро слѣдовали для М. Х. Въ декабрѣ 1858 г., по высочайшему повелѣнію, онъ назначенъ управляющимъ дѣлами, учрежденнаго подъ предсѣдательствомъ государственнаго канцлера графа Несельроде, комитета желѣзныхъ дорогъ; въ іюлѣ 1859 г. Рейтернъ назначенъ членомъ совѣта министра финансовъ, съ оставленіемъ въ морскомъ министерствѣ завѣдующимъ имеритальной кассой; въ томъ же году онъ назначенъ членомъ въ учрежденную при министерствѣ финансовъ коммиссію о земскихъ банкахъ, о преобразованіи коммерческаго банка, о преобразованіи заемнаго банка въ особый банкъ для казенныхъ вкладовъ и объ улучшеніи податей и пошлинъ; въ январѣ 1860 года онъ назначенъ завѣдующимъ дѣлами комитета финансовъ—этого высшаго органа для выработки проектовъ законоположеній, съ финансовыми вопросами связанныхъ, и для разрѣшенія высшихъ финансовыхъ мѣропріятій; 18-го мая 1860 г., по высочайшему повелѣнію, объявленному статсъ-секретаремъ графомъ Панинымъ, Рейтернъ назначенъ въ финансовую по крестьянскимъ дѣламъ коммиссію.... М. Х. Рейтернъ вошелъ такимъ образомъ въ составъ, славной памяти, редакціонныхъ коммиссій, выработавшихъ Положенія 19-го февраля 1861 года.

Въ общую массу труда этихъ коммиссій Мих. Христоф. Рейтернъ, а равно Н. Х. Бунге внесли значительную долю труда собственно по разрѣшенію финансовой стороны крайне сложнаго, крайне обширнаго дѣла выкупа крестьянскихъ надѣловъ. Золотая

на александровской лентѣ медаль за труды по освобожденію крестьянъ, пожалованная 17-го апрѣля 1861 г. членамъ Редакціонныхъ коммиссій, служитъ напоминаніемъ Рейтерну и его товарищамъ по редакціоннымъ коммиссіямъ объ ихъ непосредственномъ участіи въ этой наиглавнѣйшей реформѣ Александра II.

Въ январѣ 1862 г. Рейтерну всемилостивѣйше повелѣно быть предсѣдателемъ въ учрежденной при министерствѣ финансовъ коммиссіи объ улучшеніи системы податей и пошлинъ; наконецъ, 23-го января 1862 г. государь императоръ возложилъ на Рейтерна управленіе министерствомъ финансовъ съ оставленіемъ въ званіи статсъ-секретаря его императорскаго величества; въ томъ-же году 6-го декабря М. X. назначенъ министромъ финансовъ съ оставленіемъ въ званіи статсъ-секретаря.

II.

Портфель министра финансовъ оставался въ рукахъ М. X. въ продолженіе шестнадцати съ половиною лѣтъ.

Конечно, не въ бѣгломъ очеркѣ, вызванномъ здѣсь, главнымъ образомъ, помѣщеніемъ портрета этого уважаемаго государственнаго дѣятеля двухъ послѣдовательно царствованій, — возможно сдѣлать обозрѣніе его обширной финансовой дѣятельности; она, всеконечно, послужитъ предметомъ особой монографіи, для составленія которой, быть можетъ, еще и не настало время. Какъ и всякое дѣло рукъ человѣческихъ, государственная дѣятельность Рейтерна не свободна отъ ошибокъ; но въ сужденіи о нихъ необходимо принять во вниманіе тѣ выходящія изъ ряда, по трудности своей, обстоятельства, среди которыхъ дѣйствовалъ этотъ министръ.

Съ освобожденіемъ крестьянъ, съ совершеннымъ упраздненіемъ дароваго крѣпостнаго труда, въ теченіе столѣтій бывшаго одной изъ основъ государственнаго и внутренняго быта Россіи — все было, такъ сказать, взломано въ отношеніи государственнаго и народнаго устройства.... Безпредѣльная площадь нашего отечества, за исключеніемъ линій дорогъ Николаевской и строившейся Варшавской, вовсе не имѣла желѣзныхъ дорогъ;

ея громаднѣйшія рѣки едва имѣли десятки пароходовъ; деньги хранились чуть-ли не въ подземныхъ и подпольныхъ кладахъ— банковъ не было почти никакихъ; все это надо было вызвать къ жизни; смѣты министерствъ и отдѣльныхъ управленій составлялись самымъ примитивнымъ образомъ; государственная роспись вырабатывалась подъ сурдинкой и считалась чуть-ли не государственной тайной; каждый министръ относился къ государственной казнѣ какъ къ неистощимому кошелю, изъ котораго спѣшили, на основаніи того или другаго высочайшаго повелѣнія, отдѣльно, въ невѣдѣніи другихъ вѣдомствъ испрошеннаго, пользоваться какъ можно болѣе для нуждъ своего вѣдомства; не было единства кассы; не было правилъ по составленію смѣтъ и своевременному ихъ представленію, въ связи съ критическими замѣчаніями подлежащихъ финансовыхъ и контрольныхъ учрежденій, въ государственный совѣтъ. Къ счастью Рейтерна, по вопросамъ, съ сими послѣдними предметами связанными, почти одновременно явился дѣятель способный, усердный и горячо преданный своему дѣлу — мы говоримъ о покойномъ государственномъ контролерѣ В. А. Татариновѣ — онъ оказался весьма способнымъ сподвижникомъ и, такъ сказать, соратникомъ М. Х. Рейтерна въ его дѣятельности, направленной къ упорядоченію смѣтъ и государственной росписи....

Не вдаваясь, однако, въ подробности, намѣтимъ лишь, хотя въ нѣсколькихъ чертахъ, главнѣйшіе предметы въ обширныхъ государственныхъ трудахъ Рейтерна съ 1862-го по 1878 г.

Выкупная операція явилась грандіозной финансовой мѣрой, давшей возможность Россіи, въ теченіи менѣе четверти вѣка, окончательно развязать отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и стряхнуть, такимъ образомъ, крѣпостное иго. Милліоны крѣпостныхъ сдѣлались собственниками своихъ надѣловъ.

Россія была освобождена отъ наѣзжихъ иноземцевъ, захватившихъ было въ свои хищныя руки желѣзнодорожное дѣло; грабежу концессій былъ положенъ предѣлъ и Россія стала быстро покрываться изъ конца въ конецъ длиннѣйшими линіями желѣзныхъ дорогъ; вызванъ былъ къ жизни кредитъ: въ столицахъ и городахъ, а также въ многолюднѣйшихъ торговыхъ селахъ явились банки, взаимно-кредитныя общества, ссудо-сберегательныя товарищества. При этомъ въ воспоминаніи подъемлются случаи, и не малочи-

сленные, оказавшихся въ разныхъ городахъ Россіи краховъ и хищеній банковъ, но передъ этимъ нечего останавливаться долго, такъ какъ это явленіе довольно обыденное не въ одной Россіи, но и въ заграничной жизни государствъ какъ стараго, такъ и новаго свѣта; а съ другой стороны, у насъ, при невѣжественности массы населенія, при склонности многихъ дѣльцовъ къ плутовству и мошенничеству, свободно развившимся подъ сѣнью дореформенныхъ судебныхъ учрежденій и на почвѣ крѣпостнаго безправія, и не могло быть иначе; но это зло временное и когда жизнь войдетъ окончательно въ норму, случаи помянутыхъ хищеній будутъ все рѣже и рѣже, въ особенности, когда обществу будетъ предоставлено болѣе свободы въ дѣлѣ мѣстнаго самоуправленія и контроля, а печати право широкой гласности.

Кто не знаетъ какимъ злымъ бичемъ было для нашего отечества откупное право, но оно рухнуло въ управленіи финансами М. Х. Рейтерна; опять таки нѣтъ основанія увѣрять, что замѣнившій его акцизъ былъ свободенъ отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, но во всякомъ случаѣ каждый признаетъ, что съ введеніемъ акцизнаго управленія безвозвратно устранена масса зла, присущаго прежнимъ, злой памяти, откупщикамъ и откупному управленію чуть-ли ни всей Россіи. Уничтоженіе откуповъ и введеніе акцизнаго управленія предпринято и исполнено было М. Х. Рейтерномъ при энергическомъ содѣйствіи имъ же выбраннаго, приглашеннаго къ сему дѣлу и полнымъ его довѣріемъ облеченнаго, Константина Карловича Грота. Энергіи, уму, твердости характера, необыкновенной настойчивости Грота, — человѣка также истинно государственнаго и, подобно Рейтерну, пользующагося общимъ уваженіемъ,—Россія обязана спасеніемъ отъ откуповъ и откупщиковъ, въ конецъ было растлившихъ весь внутренній строй Россіи и русскаго народа.

М. Х. Рейтерну принадлежитъ честь выбора, а главное — постоянная поддержка этого замѣчательнаго своего сотрудника (въ теченіе 1861—1869 гг.) и всего того великаго дѣла, которому К. К. Гротъ посвятилъ многіе годы самаго упорнаго труда.

Отмѣтимъ отношенія М. Х. Рейтерна къ нашей печати. На немъ, равно какъ на немногихъ изъ дѣятелей государственныхъ прежняго времени, отнюдь не лежитъ упрекъ, чтобы онъ когда

нибудь выступилъ противъ той или другой статьи, противъ тѣхъ или другихъ органовъ нашей печати или противъ личностей отдѣльныхъ авторовъ; статьи, критиковавшія ходъ финансоваго дѣла, нерѣдко принадлежали лицамъ къ составу служащихъ въ вѣдомствѣ министерства финансовъ. Повторяю, многія ли изъ лицъ, у власти стоявшихъ на Руси, могутъ сказать, что они не были грѣшны въ томъ или другомъ извѣтѣ, жалобѣ, доносѣ на отечественную печать, да и не мудрено: соблазнъ къ тому всегда былъ очень великъ и цензурное управленіе (мы говоримъ, всеконечно, о прошломъ времени)—отличалось замѣчательной угодливостью передъ тѣмъ или другимъ министромъ.... Разъ мы уже заговорили объ этомъ предметѣ, отмѣтимъ и тотъ фактъ, что однимъ изъ чиновниковъ министерства финансовъ, въ теченіе довольно многихъ лѣтъ, былъ нашъ знаменитый, по его могучему таланту, сатирикъ М. Е. Салтыковъ, бывшій управляющимъ казенныхъ палатъ послѣдовательно въ двухъ или трехъ губерніяхъ.

Обращаясь къ трудамъ М. Х. по упорядоченію государственной росписи, вспомнимъ о томъ высокомъ уваженіи, которое постоянно имѣлъ и выражалъ къ Рейтерну знаменитый, покойный предсѣдатель департамента государственной экономіи, К. В. Чевкинъ (1863 — 1875 гг.). Мы имѣемъ у себя, въ архивѣ, завѣщанномъ намъ К. В. Чевкинымъ, письменное свидѣтельство того высокаго уваженія, какое питалъ онъ къ государственному уму и душевнымъ качествамъ Михаила Христофоровича. Чевкинъ же, какъ извѣстно, отличался обширнымъ умомъ, горячо любилъ и зналъ Россію и постоянно въ своей государственной дѣятельности стоялъ на стражѣ самыхъ дорогихъ интересовъ Россіи. Рейтернъ былъ, гораздо моложе Чевкина, который почти могъ по возрасту своему быть ему отцомъ, но это нисколько не мѣшало какъ Чевкину, такъ и другимъ наиболѣе виднымъ по уму лицамъ,—членамъ государственнаго совѣта, признавать авторитетъ Рейтерна... Много разъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ званіи помощника статсъ-секретаря присутствуя въ общихъ собраніяхъ государственнаго совѣта или въ нѣкоторыхъ комитетахъ при немъ (въ Главномъ—по крестьянскому дѣлу), пишущій эти строки слышалъ спокойную, твердую всегда рѣчь М. Х. и ни разу не помнимъ мы, чтобы его доводы,

полные убѣдительности и глубокаго знанія дѣла, не были бы признаны уважительными этимъ высшимъ законодательнымъ въ Россіи учрежденіемъ...

О дѣятельности Рейтерна, какъ члена въ Главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія, должно упомянуть.

Если крестьянское дѣло, послѣ Положеній 19-го февраля 1861 года, проведенное на Руси спокойно, не было расшатано какими-нибудь измѣненіями основныхъ Положеній, то этимъ, всеконечно, оно обязано Главному комитету, имѣвшему двадцать лѣтъ во главѣ своей его императорское высочество великаго князя Константина Николаевича, а въ числѣ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ—М. Х. Рейтерна, который и былъ преемникомъ великаго князя,—въ 1881—1882 гг., по званію предсѣдателя Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, до его упраздненія въ маѣ мѣсяцѣ 1882 г.

Мѣсто не позволяетъ намъ вдаваться въ подробности при обзорѣ государственной дѣятельности Михаила Христофоровича. Обширныя его заслуги вполнѣ признаны и чрезвычайно справедливо оцѣнены съ высоты трона, верховными державными вождями Россіи. Приводимъ изъ нѣсколькихъ высочайшихъ рескриптовъ, которыми въ разное время былъ осчастливленъ М. Х. Рейтернъ, три, а именно: отъ 7-го іюня 1878 г., 15-го мая 1883 г. и 30-го декабря 1886 года.

Въ этихъ трехъ актахъ весьма полно и всесторонне опредѣлено значеніе государственныхъ заслугъ М. Х. Рейтерна для Россіи и ея вѣнценосныхъ державныхъ вождей.

Михаилъ Семевскій.

20-го января 1889 г.
С.-Петербургъ.

Высочайшіе грамота и рескрипты

Михаилу Христофоровичу Рейтерну.

1.

Божіею милостію,

Мы, Александръ Вторый,

и проч.

Нашему статсъ-секретарю, члену государственнаго совѣта, дѣйствительному тайному совѣтнику, Михаилу Рейтерну.

Съ искреннимъ сожалѣніемъ снизойдя на просьбу вашу объ увольненіи васъ, по разстроенному трудами здоровью, отъ должности министра финансовъ, Мы вмѣняемъ Себѣ въ сердечный долгъ почтить благодарнымъ воспоминаніемъ доблестную дѣятельность вашу, и особенно тѣ важныя услуги, которыя вы оказали государству въ теченіи шестнадцатилѣтняго управленія министерствомъ финансовъ.

Вы были призваны на постъ министра въ трудное время, когда, вслѣдствіе недавно оконченной предъ тѣмъ войны и обширныхъ внутреннихъ преобразованій, требовались чрезвычайныя усилія, дабы вывести финансы имперіи на путь правильнаго развитія.

Къ выполненію возложенной на васъ задачи вы приступили съ твердою вѣрою въ будущность Россіи, съ ясно сознанною мыслью, что благосостояніе государственнаго хозяйства зиждется на богатствѣ народа и обусловливается увеличеніемъ производительныхъ силъ его.

Рядомъ мѣръ, по указаніямъ Нашимъ, вами непосредственно, или при ближайшемъ содѣйствіи вашемъ, настойчиво и неуклонно приведенныхъ въ исполненіе, достигнуты были замѣчательные результаты: въ нѣсколько лѣтъ построена обширная сѣть желѣзныхъ дорогъ; промышленное и торговое движеніе приняло небывалые дотолѣ размѣры; государственные доходы стали быстро возрастать, и ежегодный избытокъ ихъ надъ расходами смѣнилъ прежніе хроническіе дефициты нашихъ бюджетовъ; наконецъ, кредитъ государства, не смотря на увеличившуюся сумму обязательствъ казны, значительно возвысился и упрочился. Благодаря симъ успѣхамъ, страна могла вынести и огромныя тягости послѣдней войны, съ непоколебленнымъ, и внутри и извнѣ, довѣріемъ къ ея силамъ.

Признавая справедливымъ ознаменовать столь плодотворное, по

своимъ послѣдствіямъ, достославное служеніе ваше изъявленіемъ особеннаго Нашего благоволенія, Мы пожаловали васъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашего Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, знаки коего, при семъ препровождаемые, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію.

Знаки сіи, свидѣтельствуя предъ лицомъ Россіи о государственныхъ заслугахъ вашихъ, да будутъ для васъ выраженіемъ и Нашей душевной признательности за неутомимо-ревностные, просвѣщенные, блестящими успѣхами отмѣченные труды ваши на пользу престола и отечества.

Пребываемъ къ вамъ Императорскою Нашею милостію неизмѣнно благосклонны.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано

Александръ.

Въ Царскомъ Селѣ.
7-го іюня 1878 г.

2.

Михаилъ Христофоровичъ! Доблестное, преисполненное трудностей, но всегда твердо стремившееся ко благимъ цѣлямъ управленіе ваше министерствомъ финансовъ, достигшее памятныхъ результатовъ въ дѣлѣ государственнаго хозяйства и поднятія финансовыхъ силъ Россіи, заслужило особенную признательность въ Бозѣ почившаго родителя Моего, высоко цѣнившаго неутомимо ревностные, блестящими успѣхами отмѣченные, труды ваши.

Призвавъ васъ на высокій постъ предсѣдателя комитета министровъ, Я былъ увѣренъ, что ваша просвѣщенная опытность, искренняя, полная безпристрастія приверженность къ успѣхамъ государственнаго управленія и на этомъ новомъ поприщѣ останутся отличительными чертами дѣятельности вашей.

Принося вамъ сегодня выраженіе душевной признательности Моей какъ за исполненіе вами возложенныхъ Мною на васъ обязанностей, такъ и за дѣятельное участіе въ обсужденіи тѣхъ важныхъ финансовыхъ мѣръ, постепенное и своевременное осуществленіе коихъ признается Мною необходимымъ, Я, въ изъявленіе особаго Моего благоволенія, жалую вамъ, препровождаемые при семъ, брильянтовые знаки ордена святаго апостола Андрея Первозваннаго.

Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Александръ.

Въ Москвѣ 15-го мая 1883 г.

3.

Михаилъ Христофоровичъ! Съ душевнымъ сожалѣніемъ уступая просьбѣ вашей объ увольненіи, по болѣзни глазъ, отъ исполненія многотрудныхъ обязанностей предсѣдателя въ комитетѣ министровъ, Я считаю долгомъ выразить вамъ сердечную признательность за достойное, почти полувѣковое, служеніе ваше престолу и отечеству.

Въ Бозѣ почившій Родитель Мой, оцѣнивъ отличныя способности ваши въ дѣлахъ государственныхъ, призвалъ васъ въ 1862 году къ управленію министерствомъ финансовъ. Вамъ предстояло тогда, при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, быть исполнителемъ Высочайшихъ предначертаній къ развитію производительныхъ силъ страны и къ приведенію въ порядокъ потрясенныхъ войною государственныхъ финансовъ.

Подъ руководствомъ вашимъ упрочилось довѣріе къ нашимъ финансамъ введеніемъ въ нихъ гласности и яснымъ изложеніемъ государственной росписи. При оказавшейся необходимости быстраго возведенія сѣти желѣзныхъ дорогъ въ нашемъ отечествѣ, вы, рядомъ искусныхъ финансовыхъ операцій, привлекли къ сему важному государственному дѣлу необходимые капиталы и, посреди немалыхъ затрудненій, содѣйствовали къ возбужденію частной на этомъ поприщѣ предпріимчивости, послѣ предшествовавшихъ неудачъ.

Вашей заботливости объ интересахъ государственнаго казначейства Отечество обязано значительнымъ пониженіемъ строительной цѣны дорогъ, благодаря введенному въ 1868 году измѣненію въ порядкѣ выдачи концессій.

Родитель Мой имѣлъ утѣшеніе быть свидѣтелемъ той настойчивости, которую вы, совокупно съ покойными предсѣдателемъ департамента государственной экономіи государственнаго совѣта Чевкинымъ и государственнымъ контролеромъ Татариновымъ, явили въ исполненіи первостепенной финансовой задачи—установить равновѣсіе государственныхъ доходовъ съ расходами. Впервые достигнутое въ 1872 г., оно продолжалось неизмѣнно до самаго наступленія военнаго времени.

Пріобрѣтенное усиліями вашими развитіе государственныхъ ресурсовъ, при поддерживаемой вами строгой бережливости въ расходахъ, увѣнчалось значительнымъ поднятіемъ государственнаго кредита, не смотря на вызванное выкупною операціей и желѣзнодорожнымъ дѣломъ увеличеніе нашей задолженности.

Ослабленіе силъ отъ напряженной дѣятельности понудило васъ,

къ сожалѣнію, сложить съ себя отвѣтственное званіе министра финансовъ, но не лишило ни Родителя Моего, ни Меня возможности пользоваться, въ важныхъ случаяхъ, совѣтомъ вашей опытности въ дѣлахъ государственныхъ. Цѣня ее по достоинству, Я призвалъ васъ въ 1881 году къ исполненію важныхъ обязанностей предсѣдателя комитета министровъ, и съ утѣшеніемъ видѣлъ въ дѣятельности вашей совершенное исполненіе всѣхъ Моихъ видовъ и ожиданій.

Желая почтить труды ваши и заслуги предъ государствомъ знакомъ Моей признательности, жалую вамъ, препровождаемый при семъ, украшенный алмазами, портретъ Мой, для ношенія въ петлицѣ на Андреевской лентѣ. Увольняя васъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ званія предсѣдателя комитета министровъ, но съ оставленіемъ въ прочихъ должностяхъ и званіяхъ, отъ всего сердца желаю, чтобы продолжаемое леченіе надолго еще позволило Мнѣ сохранить васъ въ числѣ ближайшихъ Моихъ совѣтниковъ.

Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Искренно уважающій васъ и благодарный

Александръ.

30-го декабря 1886 г.
Гатчина.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XXXVIII.

Утро.

Порою подъ вечеръ угрюмый
Ложится на душу печаль,
И скорбныя толпятся думы,
И все мрачится жизни даль,
И грустно такъ, и такъ всѣ люди
Становятся страшны, страшны,
Разшевелить въ ихъ черствой груди
Нельзя сочувственной струны,
И все пустѣетъ путь унылый,
И одиноко человѣкъ
Кой-какъ плетется до могилы
И радъ что отжилъ скучный вѣкъ.
Но вотъ какъ солнышко проглянетъ
Высоко въ небѣ голубомъ,
На дольній міръ отрадно взглянетъ
Своимъ живительнымъ лучемъ,
То въ сердцѣ съ утренней порою
Такъ станетъ тихо и свѣтло
Какъ этихъ водъ передо мною
Невозмущенное стекло;
И не пуста моя дорога,
Я не одинъ уже стою,
Предъ взоромъ любящаго Бога,
Ужъ я любимъ, ужъ я люблю.
За крайнимъ краемъ небосклона
Все будетъ онъ меня любить,
Все я могу къ отцу на лоно
Съ любовью голову склонить.

Н. Огаревъ

Чертково. Іюль 1839 г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга первая. Изданіе А. Д. и П. Д. Погодиныхъ. Спб., 1888 г., въ 8 д., стр. XXI+344. Цѣна 2 руб. 50 к. Складъ книги у издателя А. Д. Погодина, Спб., Лиговка, д. № 23, кв. 2.

Имя и труды Михаила Петровича Погодина вѣдомы всей грамотной Россіи; Москва справедливо причисляла его, многіе годы, къ своимъ наиболѣе выдающимся, по дарованіямъ и патріотизму, гражданамъ и высоко его почитала. А. С. Пушкинъ, Н. В. Гоголь, В. А. Жуковскій и длинная вереница лучшихъ русскихъ людей 1820 — 1860-хъ годовъ дружили съ своеобразнымъ профессоромъ-историкомъ, до мозга костей—русскимъ человѣкомъ, какимъ былъ Михаилъ Петровичъ, совмѣщавшимъ въ себѣ достоинства и недостатки, присущіе именно русскому человѣку.... Болѣе полувѣка продолжалась его ученая, литературная и общественная дѣятельность.... Понятно, что разработка біографіи такого дѣятеля есть трудъ необходимый, полезный, поучительный, таковой трудъ является вкладомъ въ исторію русскаго образованнаго общества, въ исторію русской литературы, въ русскую исторіографію.

Въ вышедшемъ томѣ подробно обозрѣвается первый періодъ въ жизни и дѣятельности М. П. Погодина,—именно съ 11-го ноября 1800-го года, день его рожденія, 11-е марта 1825 г., полученіе степени магистра русской исторіи, и далѣе, по 1826 г. При этомъ приводится множество, мѣстами преинтересныхъ, выписокъ изъ многолѣтняго обширнаго «Дневника» Погодина. Уже въ этомъ томѣ труда Н. П. Барсукова читатель встрѣчаетъ рядъ лицъ, которыя не престанутъ вызывать интересъ любознательнаго читателя: такъ, здѣсь мы видимъ рядъ профессоровъ московскаго университета за время пребыванія въ немъ студента Погодина (1818—1821 гг.) и преподаванія его же въ москов. университ. пансіонѣ (1821 — 1825 гг.), а также Н. М. Карамзина, Ѳ. И. Тютчева, А. Ѳ. Малиновскаго, М. Т. Каченовскаго, Кубарева, И. И. Дмитріева, А. Ѳ. Мерзлякова, П. М. Строева, К. Ѳ. Калайдовича, гр. Н. П. Румянцева, И. М. Снегирева, Д. В. Давыдова, кн. В. Ѳ. Одоевскаго, С. П. Шевырева, митрополита Филарета и множество другихъ [1]); эти лица являются либо

[1]) Въ концѣ всего труда «Жизнь М. П. Погодина», будетъ нѣсколько томовъ, авторъ, конечно, помѣститъ алфавитный указатель всѣхъ лицъ, упоминаемыхъ въ этомъ обширномъ трудѣ; таковой указатель совершенно необходимъ.

участниками въ событіяхъ того времени, излагаемыхъ обстоятельно, подробно, съ тою точностью и, можно сказать, документальностью [1]), которая въ особенности присуща способу изложенія почтеннаго Н. П. Барсукова, либо выражаются въ отношеніяхъ къ герою книги, причемъ весь нравственный обликъ М. П. Погодина—этого сына русскаго крестьянина - вольноотпущенника, впослѣдствіи же профессора-историка и академика, выростаетъ какъ живой.

Книга читается съ живымъ интересомъ, а такъ какъ въ ней масса вполнѣ хорошо сгруппированныхъ выписокъ изъ обширнѣйшаго, неизданнаго дневника М. П. Погодина, то читатель постоянно какъ бы видитъ предъ собою самаго Михаила Петровича и слышитъ его толковую, очень часто умную, своеобразную рѣчь.... Разсказомъ о свиданіи и знакомствѣ съ Н. М. Карамзинымъ въ 1826-мъ году въ Спб. оканчивается первый томъ книги: «Жизнь и труды М. П. Погодина».

Вообще къ Михаилу Петровичу судьба не была мачихою при жизни,— доброю она оказалась и послѣ его смерти: составленіе его жизнеописанія выпало на долю его искренняго почитателя, притомъ лица весьма свѣдущаго въ отечественной исторіографіи и вообще въ жизни и трудахъ многихъ современныхъ Погодину тружениковъ въ области изысканія отечественной старины. Въ самомъ дѣлѣ, Н. П. Барсуковъ, членъ археографической коммиссіи и разныхъ ученыхъ обществъ, давно пріобрѣлъ себѣ извѣстность нѣсколькими отличными трудами, таковы: 1) Списокъ книгъ церковной печати, хранящихся въ библіотекѣ св. Синода; 2) Дневникъ Храповицкаго—превосходное изданіе подъ ред. Н. П. Барсукова, обставившаго его цѣлымъ словаремъ біографій, весьма точныхъ, подробныхъ и интересныхъ,—то біографіи русскихъ дѣятелей XVIII-го вѣка; 3) Жизнь и труды П. М. Строева, трудъ Н. П. Барсукова чрезвычайно интересный, составленный весьма заботливо и оказавшійся предтечею къ труду о М. П. Погодинѣ, съ которымъ Строевъ былъ очень близокъ во всю свою жизнь, всецѣло посвященную собиранію и изученію памятниковъ отечественной старины; 4) Описаніе древнихъ рукописей археографической коммиссіи; 5) Источники русской агіографіи; 6) Русскіе Палеологи 1840-хъ годовъ; 7) Жизнь и труды В. Г. Барскаго; 8) Странствованіе В. Г. Барскаго по святымъ мѣстамъ Востока; 9) Житіе и завѣщаніе святѣйшаго патріарха московскаго Іоакима; 10) Письма А. И. Тургенева къ К. С. Сербиновичу, обставленныя примѣчаніями Н. П. Барсукова и помѣщенныя въ «Русской Старинѣ»; 11) Указатель къ Запискамъ Семена Порошина, изданнымъ ред. «Русской Старины» во второмъ тисненіи....

Этого перечня трудовъ, заботливо, съ большимъ вниманіемъ и знаніемъ

---

[1]) Разсказъ Н. П. Барсукова сопровождается безпрерывными ссылками, число которыхъ доходитъ до 638, но онѣ ни мало не затрудняютъ чтеніе.

дѣла составленныхъ, вполнѣ достаточно, чтобы видѣть въ жизнеописателѣ М. П. Погодина—Николаѣ Платоновичѣ Барсуковѣ, лицо во всеоружіи знанія и обширной опытности въ составленіи таковыхъ трудовъ. А трудъ обширный, долголѣтній: надо обладать тою любовью и уваженіемъ къ памяти Погодина, каковыми чувствами преисполненъ Н. П. Барсуковъ, чтобы углубиться въ разборъ массы рукописей, замѣтокъ, дневниковъ, переписки М. П. Погодина—и все это бо̀льшею частью писанныхъ чревычайно неразборчивымъ почеркомъ, чернилами, зачастую выцвѣтшими...

Между тѣмъ работа идетъ непрерывно: второй томъ труда Н. П. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина» печатается,—третьяго тома написано уже (къ январю 1889 г.) тридцать главъ... Тутъ ничего другаго не остается, какъ радоваться, что непереводятся на Руси такіе почтенные, безкорыстные—и добавимъ, стоящіе вполнѣ на высотѣ своего призванія труженики, каковъ уважаемый сочленъ нашъ по Археографической коммиссіи Н. П. Барсуковъ...

Книгу его о Погодинѣ мы начали просмотромъ, а съ перваго же десятка страницъ стали читать и прочли сплошь; книга эта, повторяемъ, большаго интереса и она, всеконечно, займетъ мѣсто въ каждой сколько нибудь порядочной библіотекѣ русскихъ образованныхъ людей.

Еще одно слово—и на этотъ разъ объ отношеніяхъ къ намъ лично покойнаго М. П. Погодина. Отзывчивый на все, что относилось къ упроченію и развитію знаній въ области отечественной исторіи, М. П. Погодинъ привѣтствовалъ весьма сочувственно—и устно, и письменно—изданіе наше «Русская Старина» съ первыхъ же дней ея основанія, въ январѣ 1870-го года.

Встрѣтивши затѣмъ въ 1871 г. пишущаго эти строки въ Спб., на вечерѣ у Н. В. Калачова, М. П. Погодинъ благословилъ насъ на продолженіе этого изданія и предсказалъ ему долголѣтіе и успѣхъ.

Въ 1872-мъ году, посѣтивъ насъ, Михаилъ Петровичъ вручилъ намъ на память первые томы своей «Исторіи Россіи» съ надписью: «Дѣдушка» Москвитянинъ»—внучкѣ своей «Русской Старинѣ» [1]).

Михаилъ Семевскій.

23-го января 1889 г.
Спб.

---

[1]) Всѣ три тома были не переплетены, мы отдали ихъ въ переплетъ, не доглядѣли: переплетчикъ, оторвавъ обертку, уничтожилъ, къ искреннему нашему сожалѣнію, дорогой для насъ автографъ. Ред.

II.

Журналы комитета министровъ. Царствованіе Александра I, 1802—1826 гг. Томъ I: 1802—1810 гг. Спб., 1888 г., въ б. 8-ю д., стр. 504.

Выпускъ въ свѣтъ этого сборника составляетъ чрезвычайно пріятное явленіе, не только потому, что въ книгѣ соединено множество весьма важныхъ матеріаловъ для наиболѣе блестящаго періода царствованія Александра I,—матеріаловъ, безъ которыхъ не обойдется отнынѣ ни одно изъ лицъ, кто только будетъ писать о той эпохѣ,—но и потому, что это изданіе свидѣтельствуетъ, что высшія правительственныя учрежденія не охладѣваютъ къ отечественной исторіи и вносятъ въ нее вполнѣ цѣнные вклады. Понятно, что примѣръ Комитета министровъ не останется безъ подражанія въ министерствахъ и архивы ихъ все болѣе и болѣе будутъ являть въ печати свои сокровища, матеріалы для новѣйшей русской исторіи.

Глубокая благодарность управляющему дѣлами комитета министровъ А. Н. Куломзину и его ближайшему сотруднику за этотъ трудъ, выполненный замѣчательно хорошо [1]).

Сборнику «Журналовъ комитета министровъ» предпосланъ сжатый, но весьма обстоятельный очеркъ исторіи комитета министровъ (1802—1810—1816—1826 гг.), личный его составъ, общая характеристика дѣятельности комитета, обзоръ дѣлѣ и вопросовъ обсужденныхъ въ немъ (до 1810 г.) и пр.

Алфавитные указатели содержанія книги и особенно хорошо составленный указатель личныхъ именъ съ біографіями главнѣйшихъ въ комитетѣ дѣятелей чрезвычайно облегчаютъ пользованіе этимъ сборникомъ. О степени же его интереса можно судить изъ того значенія, какое имѣлъ комитетъ министровъ—въ 1802—1810 гг., а именно: до 1806 г. въ его засѣданіяхъ лично присутствовалъ Александръ I и до преобразованія въ 1810 году на новыхъ началахъ государственнаго совѣта на разсмотрѣніе и разрѣшеніе комитета вносились почти всѣ важнѣйшіе вопросы государственнаго управленія Россіи.

Искреннѣйше желаемъ, дабы это весьма важное для русской исторіи XIX-го вѣка было изданіе неуклонно продолжаемо.

Мих. Семевскій.

---

[1]) Анатолію Николаевичу Куломзину принадлежитъ, между прочими его трудами, нѣсколько обширныхъ и весьма цѣнныхъ, по историческому ихъ значенію, сообщеній по исторіи финансовъ въ Россіи за время царствованій Екатерины II и Александра I, см. въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества». М. С.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двадцатый. **МАРТЪ.** 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Ивана Александровича Гончарова, гравировалъ художникъ И. П. Матюшинъ, съ фотографіи г. Деньера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1889.

III-я книга „Русской Старины" вышла 1-го марта 1889 г.

Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Александра II. — Н. П. Семенова. Изд. М. Е. Комарова. Спб. 1889 г., въ 8 д., стр. XIX+848. Томъ I: первый періодъ занятій. Съ портретомъ Александра II и изображеніями 10 членовъ комиссій, бывшихъ при ихъ открытіи. Цѣна за I томъ 7 руб., за три тома по подпискѣ 18 руб.

Трудъ этотъ, посвященный государю императору Александру Александровичу, составитъ, по окончаніи, одинъ изъ основныхъ источниковъ для исторіи величайшаго дѣянія, совершеннаго Царемъ-Освободителемъ. — Н. П. Семеновъ, нынѣ сенаторъ, былъ однимъ изъ членовъ редакціонныхъ комиссій, а его братъ, нынѣ также сенаторъ, П. П. Семеновъ, завѣдывалъ дѣлопроизводствомъ этихъ комиссій.—На обязанность составителя выше названной книги возложено было Я. И. Ростовцевымъ — вести дневникъ тому, что обсуждалось въ редакціонныхъ комиссіяхъ, дабы — «остались слѣды для исторіи»—какъ выразился предсѣдатель этого, славной памяти, учрежденія. Нынѣ этотъ трудъ, вполнѣ обработанный почтеннымъ сенаторомъ, дѣйствительно представляетъ, если не исторію освобожденія крестьянъ, то весьма подробную, интересную и обстоятельную лѣтопись комиссій по крестьянскому дѣлу и, такимъ образомъ, является въ высшей степени цѣннымъ «матеріаломъ для начертанія полной и правдивой исторіи освобожденія крестьянъ въ Россіи», «съ каковаго событія, по справедливому выраженію Н. П. Семенова, начинается новая эпоха въ исторической жизни русскаго народа».

Горячо желаемъ возможно скораго выпуска въ свѣтъ остальныхъ двухъ томовъ этого монументальнаго изданія. Большое спасибо русскому человѣку, вышедшему изъ самой среды нашего народа, М. Е. Комарову — за принятыя имъ на себя издержки по напечатанію этого изданія.

Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію.— М. И. Сухомлинова. Спб. 1889 г. Изданіе А. С. Суворина; въ 8 д. 2 тома. Томъ I, стр. VIII + 612. Т. II, стр. 516. Цѣна каждаго тома по 3 рубля.

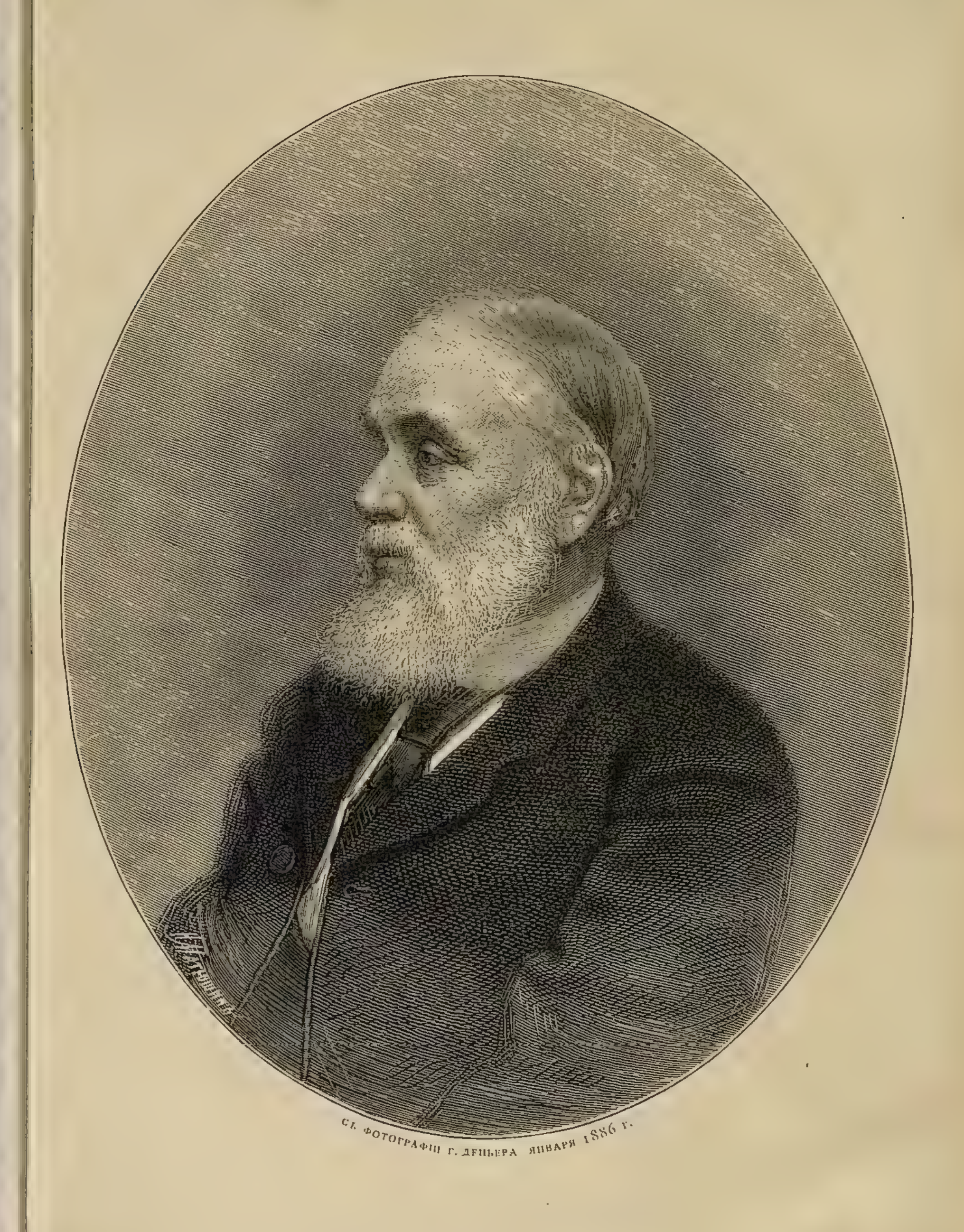
Л. Н. Майковъ: Очерки изъ исторіи Русской литературы XVII и XVIII столѣтій. Изд. А. С. Суворина. Спб., въ 8 д., стр. VIII+434. Цѣна 2 р. 50 к.

М. И. Сухомлиновъ и Л. Н. Майковъ превосходно знакомы съ исторіей просвѣщенія въ Россіи вообще и исторіей нашей словесности въ особенности. Всѣ изданія, редактированныя этими учеными, выполнены превосходно; всѣ монографіи, даже небольшія замѣтки, составленныя ими, отличаются всестороннимъ, почти всегда по первоначальнымъ рукописнымъ источникамъ, изученіемъ историческихъ и литературныхъ памятниковъ; самое изложеніе трудовъ этихъ изслѣдователей отличается изящнымъ, вполнѣ академическимъ, въ хорошемъ смыслѣ, изложеніемъ. Въ виду этого, изданіе А. С. Суворинымъ историко-литературныхъ монографій этихъ уважаемыхъ ученыхъ и писателей въ области исторіи нашего просвѣщенія и словесности, представляетъ весьма пріятное явленіе и крайне полезное дѣло. Въ названныя книги вошли слѣдующія монографіи:

М. И. Сухомлиновъ, т. I: Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I,— обширное изслѣдованіе со множествомъ къ нему приложеній.—А. Н. Радищевъ, особенно интересный трудъ. — Томъ II: Н. И. Новиковъ. — Фридрихъ Цезарь Лагарпъ—воспитатель Александра I.—Императоръ Николай Павловичъ—критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина.—Полемическія статьи Пушкина.—Появленіе въ печати сочиненій Гоголя.—Кн. П. А. Вяземскій,— Н. А. Полевой и его журналъ «Московскій Телеграфъ».—Три повѣсти Н. Ф. Павлова.— Снятіе опалы съ славянофиловъ. — И. С. Аксаковъ въ 1840-хъ годахъ.

Л. Н. Майковъ: Симеонъ Полоцкій.— Одна изъ русскихъ повѣстей Петровскаго времени.—Къ характеристикѣ Ломоносова, какъ ученаго.—В. И. Майковъ (особенно хорошо составленное изслѣдованіе). — Литературныя мелочи Екатерининскаго времени.—Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики.

Необходимо замѣтить, что хотя очерки Л. Н. Майкова и были помѣщены въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, но, издавая нынѣ, онъ переработалъ ихъ сообразно современному состоянію свѣдѣній о тѣхъ предметахъ, о которыхъ въ нихъ идетъ рѣчь. Сборникъ статей Л. Н. Майкова сопровождается указателемъ личныхъ именъ.

Съ фотографіи г. Деньера января 1886 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 10 ОКТЯБРЯ 1888 г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

КОРРЕСПОНДЕНТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

Фридрихъ Гриммъ

въ перепискѣ съ графами Николаемъ и Сергѣемъ Румянцевыми

1774 — 1804.

[Письма сообщены графомъ Д. А. Толстымъ].

Въ обширной и превосходно устроенной библіотекѣ и архивѣ графа Дмитрія Андреевича Толстаго въ его имѣніи, селѣ Маковѣ, Михайловскаго уѣзда, Рязанской губерніи, между прочими другими историческими матеріалами сохранилась обширная переписка уполномоченнаго посланника герцога Саксенъ-Готскаго при дворѣ Людовика XVI, Фридриха Мельхіора Гримма, извѣстнаго корреспондента императрицы Екатерины II, съ сыновьями фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго — графами Николаемъ и Сергѣемъ, которые были ввѣрены руководству Гримма находясь долгое время за границей, гдѣ и слушали курсы въ университетахъ. Оба впослѣдствіи заняли высокіе посты въ государственной службѣ Россіи. Изъ нихъ графъ Николай Петровичъ (род. 1754 г.), знаменитый ревнитель наукъ и просвѣщенія, былъ государственнымъ канцлеромъ и умеръ 3-го января 1826-го года; графъ Сергѣй Петровичъ въ 1774 году былъ въ Лейденѣ; здѣсь С. П. Румянцевъ посѣщалъ лекціи въ тамошнемъ университетѣ, по окончаніи же въ немъ курса вступилъ на дипломатическое поприще; онъ былъ назначенъ посланникомъ при Саксенъ-Готскомъ дворѣ, затѣмъ съ 1785 по 1788 г. былъ посланникомъ въ Берлинѣ, а съ 20-го іюля 1793 г. по 24-е октября 1795 г. былъ посланникомъ въ Стокгольмѣ; въ царствованіе императора Александра I графъ Сергѣй Петровичъ также занималъ видные

посты. Съ обоими гр. Румянцевыми, въ особенности же съ гр. Сергѣемъ Петровичемъ, до конца жизни Гриммъ сохранилъ самыя дружескія отношенія и находился съ ними въ постоянной перепискѣ въ продолженіе 30 лѣтъ, съ 1774 по 1804 годъ; за этотъ длинный періодъ времени, въ теченіи котораго Гриммъ, бывшій руководитель гр. Румянцевыхъ, успѣлъ сдѣлаться дряхлымъ, немощнымъ старцемъ (онъ скончался въ 1807 г., 84 лѣтъ отъ роду), испытавъ за это время не мало тревогъ и огорченій, сохранилось до 229 писемъ Гримма, изъ коихъ бо̀льшая часть адресована гр. Сергѣю Румянцеву [1]), нѣсколько писемъ его брату, гр. Николаю Петровичу, и одно письмо, дѣловаго характера, къ бывшему впослѣдствіи главнокомандующимъ въ Москвѣ (1812 г.) гр. Ѳ. В. Ростопчину.

I.

Просматривая эту массу полу-шутливыхъ, полу-серьезныхъ писемъ, невольно удивляешься плодовитости и неутомимости Гримма, который, не смотря на свои многочисленныя занятія какъ служебныя, такъ и частныя, состоя въ то же время корреспондентомъ русской императрицы и нѣсколькихъ другихъ владѣтельныхъ особъ, находилъ время вести эту обширную частную переписку и, будучи иной разъ совершенно измученъ и падая отъ усталости, какъ онъ самъ выражается, все-таки садился за письменный столъ и со свойственной ему бойкостью пера и юморомъ сообщалъ своему молодому другу различныя парижскія новости, придворные слухи, дипломатическія дѣла, назначенія, военныя извѣстія, упоминая мимоходомъ о массѣ лицъ и о своихъ частныхъ дѣлахъ и заботахъ и давая отчетъ о разныхъ порученіяхъ, которыя онъ успѣвалъ исполнять для графа. Съ теченіемъ времени переписка ихъ принимала все болѣе интимный характеръ и по мѣрѣ того, какъ гр. С. П. Румянцевъ подвигался въ своей служебной карьерѣ, Гриммъ чаще сталъ прибѣгать къ нему съ просьбами о покровительствѣ и о ходатайствѣ при русскомъ дворѣ за него и за разныхъ другихъ лицъ.

Не смотря на то, что Гриммъ жилъ во Франціи въ эпоху, въ

---

[1]) Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцевъ род. 17-го марта 1755 г., умеръ, холостымъ, 24-го января 1838 г., въ чинѣ дѣйств. тайнаго совѣтника; имѣлъ трехъ воспитанницъ, которыя носили фамилію Кагульскихъ. См. «Русскую Родословную книгу» изд. ред. «Русской Старины», Спб., 1873 г., томъ I, стр. 75.

высшей степени знаменательную въ жизни французскаго народа, онъ не обмолвился въ своихъ письмахъ ни однимъ словомъ о тѣхъ событіяхъ, которыя угрожали спокойствію страны и королю, при коемъ онъ состоялъ акредитованнымъ посланникомъ. Какая же могла быть причина столь упорнаго умалчиванія о событіяхъ такой первостепенной важности со стороны весьма словоохотливаго, въ другихъ случаяхъ, корреспондента? Безъ сомнѣнія, она заключалась въ свойственной Гримму крайней осторожности и нѣкоторой робости его характера, заставлявшей его быть сдержаннымъ изъ опасенія навлечь на себя бѣду, въ случаѣ, если бы письма его попали въ чужія руки; если бы не эти опасенія, то, разумѣется, онъ высказалъ бы откровенно свое мнѣніе по поводу этихъ событій въ письмахъ къ своему другу, въ которомъ онъ видѣлъ человѣка весьма умнаго и начитаннаго и съ которымъ бесѣдовалъ поэтому, не смотря на большую разницу лѣтъ, о всевозможныхъ предметахъ. Затронувъ его личные интересы и интересы близкихъ ему людей, французская революція заставила его, наконецъ, высказаться въ письмѣ къ гр. Румянцеву отъ 1-го (12-го) января 1797 г.

«Вашему пр—ву, вѣроятно, не безъизвѣстно, пишетъ онъ, что три года тому назадъ обще-признанная преданность моя къ императрицѣ (Екатеринѣ II) была причиною отличія, оказаннаго мнѣ во Франціи республиканскимъ правительствомъ, которое нарушило по отношенію ко мнѣ самымъ неслыханнымъ образомъ всѣ человѣческія права, не принявъ во вниманіе мое званіе посланника иностранной державы, коимъ я состоялъ 18 лѣтъ, ворвалось силою въ мой домъ въ надеждѣ захватить корреспонденцію ея имп. велич. и, ошибившись въ этомъ отношеніи, отомстило мнѣ, лишивъ меня всего моего состоянія и ограбивъ меня до такой степени, что безъ тѣхъ двухъ тысячъ содержанія, которыя я получалъ отъ щедротъ императрицы со времени послѣдняго пребыванія моего въ Петербургѣ, мнѣ оставалось бы жить подаяніемъ».

«Я былъ безъ дальнѣйшихъ формальностей внесенъ въ списокъ эмигрантовъ.... [1]) и лишился въ нѣсколько недѣль всего, что у меня было на свѣтѣ, такъ какъ, проведя всю жизнь во Франціи, все мое маленькое состояніе было помѣщено въ этой странѣ.... Очевидно, ни принцъ, коего я былъ посланникомъ, ни самъ я лично не подали ни малѣйшаго повода къ столь возмутительному поступку. Виною моею въ глазахъ жестокаго (atroce) правительства, существовавшаго во Франціи, было всѣмъ извѣстное довѣріе, коимъ удостоивала меня

[1]) Письмо къ гр. Ростопчину 19-го (31-го) марта 1800 г.

покойная императрица. Они справедливо считали ее глубоко возмущенной всѣми злодѣяніями этого преступнаго правительства и, не имѣя возможности отомстить за это иначе, избрали жертвою самаго ничтожнаго, но въ то же время самаго преданнаго изъ ея слугъ».

Преданность Гримма императрицѣ Екатеринѣ II и преклоненіе его передъ ея свѣтлой личностью были вполнѣ искреннія и глубокія, поэтому весьма естественно, что въ письмахъ своихъ къ гр. Румянцеву, человѣку, состоявшему на русской службѣ и также весьма преданному великой монархини, Гриммъ часто упоминаетъ о своей высокой покровительницѣ, коей онъ былъ такъ много обязанъ, всегда живо интересуется всѣмъ «исходящимъ изъ страны, управляемой Екатериною», и вообще принимаетъ горячо къ сердцу русскіе интересы; не смотря на это, мы не встрѣчаемъ въ его перепискѣ никакихъ новыхъ фактовъ по отношенію къ русскому двору или къ политикѣ Екатерины, ни одной характеристики выдающихся людей той эпохи и съ этой стороны эти письма, не смотря на ихъ обиліе, не составляютъ вклада въ историческую литературу, но не лишены интереса, какъ отголосокъ личныхъ взглядовъ и чувствъ, волновавшихъ «преданнаго слугу» Екатерины по поводу того или другаго событія въ Россіи, и, главнымъ образомъ, какъ живое свидѣтельство той глубокой, совершенно искренней и неизмѣнной преданности, которую способна была поселить императрица Екатерина въ сердцѣ иностранца, не только своими щедротами, но, главнымъ образомъ, своимъ умомъ, своею отзывчивостью къ чужимъ интересамъ, своимъ участіемъ и тѣмъ способомъ, какимъ она оказывала свои благодѣянія.

Какъ извѣстно, первое знакомство Гримма съ императрицею Екатериною относится къ 1773 г., когда онъ прибылъ въ Россію, въ свитѣ ландграфини Гессенъ-Дармштадтской, по случаю бракосочетанія великаго князя Павла Петровича съ ея дочерью, нареченной Наталіей Алексѣевной.

Онъ умѣлъ снискать довѣріе и расположеніе императрицы, которая предлагала ему поступить на русскую службу, но Гриммъ, крайне осторожный во всѣхъ своихъ поступкахъ, не рѣшился принять этого предложенія, изъ опасенія, что его положеніе въ Россіи не будетъ прочнымъ; но такъ какъ это предложеніе не разъ было возобновляемо впослѣдствіи, то оно послужило для Гримма источникомъ серьезнаго раздумья и многихъ колебаній.

«Вотъ уже болѣе года какъ я размышляю по поводу предложенія, сдѣланнаго мнѣ первой личностью (première personne du siècle) нашего вѣка, и по поводу оригинальности моей судьбы—заслуживъ ея вниманіе», пишетъ онъ своему другу 23-го декабря 1774 г.

Шесть лѣтъ спустя, въ декабрѣ 1781 г., онъ былъ готовъ, «не смотря на свои преклонныя лѣта, вновь отправиться въ Россію», если бы императрица того пожелала, и просилъ своего друга сказать ему откровенно, «будетъ ли ему прилично просить у французскаго министра разрѣшеніе принять это порученіе (commission)», «если ея величество императрица стала бы еще настаивать на мысли» о его поступленіи на русскую службу.

«Если я не могъ посвятить мою жизнь и мои услуги «à ma favorite» десять лѣтъ тому назадъ (письмо отъ 19-го февраля 1784 г.), то я не могу предложить ей послѣдніе дни безполезнаго существованія, не смотря на всѣ ея милости и не смотря на то, что она возвращается (въ своихъ письмахъ) къ этому три или четыре раза».

Переписка императрицы съ Гриммомъ началась въ 1774 году и продолжалась, всегда одинаково оживленная съ обѣихъ сторонъ, до 1796 г., т. е. до самой кончины Екатерины II, и пересылалась сначала по почтѣ, но въ 1785 г. императрица «возъимѣла великодушное желаніе посылать Гримму «каждые три мѣсяца курьера, который привозилъ ея письма и отвозилъ его отвѣты». Политики истощатся по этому поводу въ глубокомысленныхъ предположеніяхъ, но труды ихъ пропадутъ даромъ, замѣчаетъ по этому поводу Гриммъ (31-го іюля 1785 года).

«Я никогда не думалъ, пишетъ онъ другой разъ [1]), чтобы милости (les bontés) ко мнѣ императрицы могли продолжаться такъ долго, именно, чтобы она поддерживала со мною переписку столь правильно, это какое-то чудо и оно кажется мнѣ сновидѣніемъ», «если бы въ то время [2]) кто нибудь высказалъ мнѣ подобное предположеніе, то я отнесся бы къ нему весьма скептически», «теперь же я не повѣрилъ бы тому, кто сталъ бы мнѣ предсказывать, что эти милости должны окончиться».

«Я долженъ отдать справедливость моему другу (à mon amie, т. е. Екатеринѣ), что она никогда не имѣла противъ меня ни малѣйшаго подозрѣнія и, зная ея справедливость и доброту, вполнѣ увѣренъ, что тотъ, кто сталъ бы внушать ей подобное подозрѣніе, потерялъ бы свои слова даромъ», съ другой стороны, «я сомнѣваюсь, чтобы кто либо изъ русскихъ, не исключая васъ», любезный графъ, «любилъ императрицу болѣе, нежели я люблю ее, и былъ бы болѣе преданъ ей. Говорятъ, будто я люблю расходовать ея деньги, но мнѣ достаточно

---

[1]) Письма отъ 19-го іюля 1782 г. и 19-го февраля 1784 г.

[2]) Въ 1774 г., когда началась ихъ переписка. В. Т.

сознанія, что никто не скупится ея деньгами болѣе меня и что я употребляю иной разъ извѣстныя уловки, чтобы отклонить ее отъ кое какихъ покупокъ [1]), такъ какъ я замѣтилъ, что когда пройдетъ минута горячности, то желаніе ея вел. пріобрѣсти какую нибудь вещь проходитъ.... Слѣдовательно, и съ этой стороны всякій изъ васъ, господа, заставилъ бы ее истратить вдвое и втрое болѣе. Что касается благотворительности, счастливымъ орудіемъ коей я являюсь иногда въ рукахъ ея вел., то я довожу щепетильность мою до крайности, чтобы благодѣянія ея не были направлены на предметъ, ихъ недостойный».

«Я буду очень радъ [2]), когда мнѣ не придется ничего болѣе просить [3]) у императрицы и не производить для нея никакихъ расходовъ, тогдѣ мнѣ останется лишь писать ей все, что придетъ мнѣ въ голову и что подскажетъ сердце—это будетъ для меня высшимъ блаженствомъ».

Этихъ выписокъ, намъ кажется, достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о чувствахъ, одушевлявшихъ Гримма по отношенію къ императрицѣ Екатеринѣ; будучи такъ глубоко преданъ ей, онъ принималъ, разумѣется, близко къ сердцу и все касавшееся Россіи и чести русскаго имени, поэтому онъ искренно печалится всякій разъ, когда до него доходитъ слухъ о какомъ нибудь не совсѣмъ благовидномъ поступкѣ русскихъ за границею.

«Я въ отчаяніи», пишетъ онъ гр. Румянцеву изъ Парижа 12-го марта 1783 г., «что большая часть вашихъ соотечественниковъ такъ неделикатны въ вопросахъ чести. Вамъ извѣстно, можетъ быть, что маршалъ Биронъ живетъ здѣсь открыто и роскошно принимаетъ у себя всѣхъ иностранцевъ и что онъ всегда особенно отличалъ русскихъ.... онъ не ограничивается однѣми любезностями, но оказываетъ существенныя услуги. Графъ Петръ Разумовскій, напр., никогда не

---

[1]) Пользуясь личнымъ знакомствомъ Гримма съ представителями искусства въ Италіи, императрица выписывала черезъ его посредство картины, камеи и другія художественныя произведенія. (Сборн. русск. историч. общ., т. XXIII, стр. III).

[2]) Письмо 16-го сентября 1782 г.

[3]) Зная, какимъ расположеніемъ и довѣріемъ Гриммъ пользовался у Екатерины II, многіе обращались къ нему съ просьбами ходатайствовать за нихъ у императрицы; на его заступничество разсчитывали иногда люди высокопоставленные, такъ, напр., въ 1782 г. онъ получилъ письмо изъ Гааги, отъ кн. Голицына, назначеннаго посланникомъ въ Туринъ, съ просьбою замолвить за него слово предъ императрицей и выхлопотать ему другое назначеніе. Но Гриммъ рѣшительно отклонялъ отъ себя всѣ подобнаго рода ходатайства, совершенно не желая вмѣшиваться въ дѣла политики. В. Т.

могъ бы выѣхать изъ Парижа безъ маршала, который одолжилъ ему болѣе 52 тысячъ ливровъ; фельдмаршалъ Разумовскій [1]) поблагодарилъ его и обязался уплатить эту сумму; съ тѣхъ поръ прошло четыре или пять лѣтъ, а маршалъ не слыхалъ объ этомъ болѣе ни слова. Онъ ссудилъ деньгами также и г-жу Остервальдъ и многихъ другихъ лицъ. То-же молчаніе, ни гроша не возвращено».

Въ числѣ всевозможныхъ новостей, сообщаемыхъ Гриммомъ своему другу, онъ упоминаетъ, между прочимъ, о посѣщеніи Парижа въ 1774 г. гр. Орловымъ, который «былъ принятъ въ Версалѣ съ почетомъ, былъ представленъ королю въ его кабинетѣ—отличіе, котораго удостоиваются лишь коронованныя особы (princes souverains) и посланники иностранныхъ державъ», и о путешествіи великаго князя Павла Петровича съ его супругою говоритъ: «Сѣверный графъ и графиня уѣхали въ среду утромъ, они провели въ Парижѣ ровно мѣсяцъ». Они имѣли всюду рѣшительный успѣхъ «тѣмъ болѣе прочный, что онъ не есть дѣло пристрастія, а выражаетъ одобреніе, основанное на справедливости. Трудно выказать болѣе вѣжливости, деликатности и находчивости во всѣхъ случаяхъ; они были какъ нельзя болѣе щедры въ своихъ милостяхъ, я въ особенности могу похвалиться тѣмъ, что со мною обращались здѣсь какъ въ Петербургѣ, т. е. съ тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ всѣ относятся къ человѣку, удостоенному милостями императрицы.... впрочемъ, они такъ закружились въ вихрѣ удовольствій, что не имѣли времени оглянуться».... «Вы увидите ихъ во Франкфуртѣ, на обратномъ пути ихъ изъ Голландіи; они проведутъ тамъ одинъ день и затѣмъ черезъ Мангеймъ и Страсбургъ отправятся въ Монбельяръ; дальнѣйшій ихъ маршрутъ извѣстенъ вамъ лучше, нежели мнѣ. То, что они сдѣлали въ годъ, имъ слѣдовало сдѣлать въ два; тогда это было бы превосходно; они могли бы осмотрѣть Англію и были бы въ состояніи посвятить надлежащее время Италіи, Франціи и какой нибудь другой странѣ, не утомляясь черезъ мѣру. Такъ какъ великій князь (un grand duc de Russie) не можетъ путешествовать каждый годъ, то я высказалъ бы это мнѣніе, если бы спросили моего совѣта. Вамъ извѣстно, что они оказали вашему другу, Барятинскому, честь, подобной которой не оказывали ни одному изъ его сослуживцевъ—остановившись въ его домѣ. Говорятъ, что они уплатили вообще всѣ расходы, которые онъ производилъ для нихъ, и сдѣлали ему сверхъ того подарокъ въ двѣ тысячи луидоровъ [2]). Это весьма благородно, но они были здѣсь щедры

---

[1]) Отецъ графа Петра Разумовскаго.

[2]) «On dit qu'ils ont payé généralement ,tout ce qu'il a dépensé pour eux et lui ont fait par dessus le marché un présent de deux mille louis».

повсюду и оставляютъ по себѣ славу, ни чѣмъ не запятнанную, какой мы и могли желать» [1]).

Въ бытность свою въ Парижѣ великій князь Павелъ Петровичъ «удостоилъ своимъ посѣщеніемъ мастерскую Греза» и былъ такъ восхищенъ его произведеніями, что пріобрѣлъ одну изъ его картинъ и заказалъ другую. «Первая называется «невинность» и состоитъ изъ одной лишь фигуры; сюжетъ второй, заключающей семь фигуръ: священникъ, дѣлающій выговоръ молодой дѣвушкѣ за то, что она нашумѣла въ церкви во время богослуженія. Это прелестная, по моему мнѣнію, картина, говоритъ Гриммъ [2]), одно изъ самыхъ пикантныхъ и наиболѣе удачныхъ произведеній его кисти. Грезъ обратился къ вашему сотоварищу, кн. Барятинскому, чтобы узнать—какимъ способомъ переслать ее въ Россію. Князь выказалъ большое нежеланіе [3]) вмѣшиваться въ это дѣло, хотя эти приказанія были отданы въ его присутствіи. Онъ посовѣтывалъ Грезу написать прямо великому князю, чтобы узнать его распоряженіе по этому поводу и цѣну обѣихъ картинъ. Грезу, съ своей стороны, крайне не хотѣлось поступить такимъ образомъ и онъ онъ обратился ко мнѣ за совѣтомъ какъ поступить въ этомъ случаѣ, я же, прошу васъ, любезный графъ, взять на себя эти переговоры». «Если е. выс—во вышлетъ Грезу шесть тысячъ ливровъ (livres) за картину, которую онъ увезъ съ собою, и двѣнадцать тысячъ ливровъ за ту, которая только что окончена, то художникъ будетъ очень доволенъ; въ сущности, я думаю, что онъ могъ бы получить за послѣднюю картину пятнадцать тысячъ франковъ, но достаточно будетъ и указанной суммы.... Я не могу себѣ позволить писать по этому поводу непосредственно самому великому князю, не имѣвъ никогда чести и права писать ему лично. Однако, необходимо, чтобы е. выс—во зналъ объ этомъ, поэтому я обращаюсь къ другу Сѣвернаго графа и, называя васъ этимъ именемъ, думаю почтить его болѣе, нежели васъ, такъ какъ о монархѣ лучше всего судить по выбору его друзей» [4]).

---

[1]) «Une réputation telle que nous pouvions la désirer et sans la moindre tâche».

[2]) Письмо отъ 14-го іюля 1783 г.

[3]) Une grande répugnance.

[4]) «Quand je vous décore de ce titre, je compte l'honorer encore plus que vous, car c'est par le choix de ses amis qu'un Prince est jugé le plus sûrement».

В. Т.

II.

Въ 1784 году скончался фаворитъ Ланской, бывшій въ случаѣ съ октября 1779 г. по самую свою смерть—25-го іюня 1784 г. Эта преждевременная кончина молодаго, полнаго силъ и красоты, человѣка глубоко огорчила и потрясла Екатерину II; печаль ея была, какъ извѣстно, безгранична и она долго не могла помириться съ этою потерею.

«Событіе 6-го іюля (нов. стиля) привело меня въ отчаяніе, пишетъ Гриммъ 11-го октября 1784 г. Я узналъ о немъ въ Ліонѣ самымъ неожиданнымъ образомъ, черезъ гг. Пернонъ, директоровъ нѣсколькихъ значительныхъ заводовъ, которые, получивъ письма изъ Петербурга, прочли мнѣ эту статью, не подозрѣвая какое впечатлѣніе она должна была произвести на меня. Я оставилъ Ліонъ на слѣдующій день и возвратился въ Парижъ въ страшномъ унынiи. Не знаю, почему я не отправился въ Петербургъ. Меня остановила только мысль, что пришлось бы ѣхать цѣлый мѣсяцъ, не получая извѣстій объ императрицѣ, не зная въ какомъ состояніи я застану ее. Вскорѣ я получилъ отъ нея страничку, написанную шесть дней спустя послѣ происшествія. Она огорчила меня несказанно [1]). До полученія ея я писалъ императрицѣ, умоляя ее располагать мною совершенно и какъ она найдетъ удобнымъ. Я писалъ ей еще два раза, но съ 2-го (13-го) іюля не имѣю отъ нея извѣстій и въ довершеніе безпокойства въ газетахъ говорятъ, что она опять захворала»....

«Успокойте меня, любезный графъ [2]), насчетъ здоровья императрицы, хотя (теперь) всѣ говорятъ мнѣ, что она здорова, но здѣсь распространяютъ такъ много слуховъ объ упадкѣ ея силъ и о (плохомъ состояніи) ея здоровья, что я чрезвычайно встревоженъ ими и мнѣ необходимо постоянно слышать отъ ея посланниковъ, что слухи эти неосновательны»....

«Мнѣ кажется, что я могу вообще быть спокоенъ на счетъ ея здоровья [3]), но несомнѣнно, что она очень грустить и остается неутѣшною.... Меня же утѣшаетъ только мысль, что она принимается мало-по-малу за свои любимыя занятія».

Эти тревожные слухи о болѣзни Екатерины, распространившіеся

---

[1]) Cette page me fit un mal horrible.

[2]) Писано 21-го ноября 1784 .

[3]) Письмо отъ 20-го декабря 1784 г

въ Европѣ въ 1784 г., не умолкали и въ слѣдующемъ 1785 г. (въ Берлинѣ говорили, напр., что у «нея пухнутъ ноги») и печалили, и волновали Гримма, хотя «по письмамъ, получаемымъ» имъ «изъ Петербурга, было видно, что ни сама императрица, ни приближенные ея не питали ни малѣйшаго опасенія на счетъ ея здоровья». Императрица, видимо, не волновалась этими слухами, такъ какъ, «прочитавъ въ Кельнской газетѣ извѣстіе о своей смерти, она сообщила (Гримму) объ этомъ въ шутливомъ тонѣ» [1]).

Переписка императрицы Екатерины II съ Гриммомъ не прекращалась и во время знаменитаго путешествія ея на югъ Россіи, въ 1787 г., по поводу котораго Гриммъ замѣчаетъ: «повидимому, рѣшительно всѣ.... до послѣдняго спутника, одинаково очарованы этимъ путешествіемъ.... Все это походитъ болѣе на феерію, нежели на правдоподобный разсказъ» [2]).... Впрочемъ, ma favorite и на берегахъ Чернаго моря была озабочена печальной исторіей [3])... Болѣе года тому назадъ [4]) императрица поручила мнѣ время отъ время подготовлять герцога Брауншвейгскаго къ окончательному разводу ея дочери съ тѣмъ звѣремъ (bête féroce), съ которымъ судьба связала ее.... дѣло дошло до огласки и ея величество отправила курьера прямо къ герцогу Брауншвейгскому. Я полагаю, что его зятя почти что исключили изъ вашей службы. Жену его помѣстили, на время отсутствія императрицы, въ Перновѣ; ея величество принимаетъ въ ней самое рѣшительное участіе, не измѣнявшееся съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ она пріѣхала въ Россію. Ихъ импер. выс—ва также рѣшительно на ея сторонѣ противъ мужа: однако, судя по тому, что сообщаетъ мнѣ ея величество, ихъ имп. выс—ва находятъ, что во время послѣдняго скандала принцессѣ не слѣдовало укрываться во дворецъ, не предваривъ ихъ объ этомъ. Но если жизнь ея была, какъ кажется, въ опасности, то нельзя было терять ни минуты, чтобы укрыться въ надежное мѣсто. Меня удивляетъ, что она не могла остаться въ Петербургѣ во время отсутствія ея величества. Мнѣ кажется, что ея зять и невѣстка становятся ея естественными покровителями. Между нами, планъ ея величества состоитъ въ томъ, чтобы отецъ взялъ ее къ себѣ, когда положеніе ея будетъ обезпечено».

«Что касается петербургскаго общества, то, мнѣ кажется, оно

---

[1]) «Elle m'en parla fort gaiement». (Письмо Екатерины II, отъ 31-го мая 1784 года).

[2]) Tout cela ressemble plutôt à une feerie qu'à une histoire.

[3]) Разводомъ дочери герцога Брауншвейгскаго съ ея мужемъ.

[4]) «Il y a plus de dix huit mois», писано 28-го февраля 1787 г. В. Т.

всегда было на ея сторонѣ [1]). Я отъ души сожалѣю родителей той и другой стороны. Ея отецъ настаиваетъ на томъ, чтобы она вернулась къ нему какъ можно скорѣе, таково же и намѣреніе покровительницы ея (императрицы Екатерины), которая предупредила меня, что мужъ принцессы [2]) старается уронить ее въ глазахъ ея отца»... [3]).

Вотъ нѣсколько строкъ, писанныхъ по поводу этого дѣла Гримму самой императрицей, которыя онъ сообщилъ, въ копіи, гр. Румянцеву:

Изъ Кіева 2-го (13-го) марта 1787 г.

...«Проектъ развода, прилагаемый вами, былъ уже присланъ мнѣ прямо самимъ отцомъ. Я отвѣчала ему, что такъ какъ я объявила его зятю, на другой же день послѣ того, какъ его дочь искала убѣжища у меня [4]), что я не буду судьею въ его дѣлѣ, то мнѣ невозможно вмѣшиваться въ него иначе, какъ по долгу званія [5]), если та или другая сторона потребуетъ моего вмѣшательства, и что съ этой цѣлью будутъ даны мои инструкціи посланнику моему во Франкфуртѣ. Вслѣдствіе чего я и писала этому послѣднему».

Около этого же времени, т. е. лѣтомъ 1787 г., Гриммъ не разъ упоминаетъ въ своихъ письмахъ къ графу С. П. Румянцову о докторѣ Самойловичѣ, которому графъ особенно покровительствовалъ, и пересылая ему брошюру о прививки чумы, говоритъ: «вся честь этой заслуги принадлежитъ покровительствуемому в. пр—мъ доктору Самойловичу, который убиваетъ въ настоящее время людей оффиціально въ Херсонѣ, подъ покровительствомъ е. с—ва, кн. Потемкина... Но что особенно прискорбно для вашего знаменитаго любимца, это то, что ваша августѣйшая монархиня.... утверждала мнѣ года два или три тому назадъ, что вашъ знаменитый любимецъ Самойловичъ обманщикъ и что только парижскіе ротозѣи, подобные мнѣ, въ состояніи повѣрить, что чуму возможно прививать».

---

[1]) Письмо отъ 25-го марта 1787 г.
[2]) Que le mari discourtois.
[3]) Письмо отъ 31-го юня 1787 г.
[4]) «Se retira chez moi».
[5]) «Qu'à titre de bons offices».

III.

Войны Россіи съ Турціей и со Швеціей, происходившія въ эпоху Екатерины II, чрезвычайно интересовали Гримма и исходъ ихъ волновалъ его до крайности, поэтому онъ слѣдилъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ за извѣстіями, доходившими съ обоихъ театровъ военныхъ дѣйствій, боялся «умереть, не дождавшись заключенія мира», и опасался, чтобы счастье не измѣнило Екатеринѣ. «Я не спокоенъ вообще на счетъ оборота, принимаемаго вашими или, лучше сказать, нашими дѣлами, писалъ онъ гр. Румянцову [1]), ибо я убѣжденъ, что ни одинъ русскій въ мірѣ, не исключая и свѣтлѣйшаго князя, не можетъ принимать въ нихъ болѣе горячаго участія, нежели я. Я опасаюсь, чтобы люди, окружающіе императрицу, не побудили ее къ такимъ мѣрамъ, которыя могутъ омрачить конецъ царствованія, которому я желалъ бы сохранить его блескъ, не прибавляя къ нему ни одного новаго луча. Я опасаюсь, что у ея друзей достаточно знаній и подготовки для того, чтобы обнять всю сущность большаго предпріятія, но нѣтъ достаточно энергіи, чтобы дѣйствовать цѣлесообразно ис воевременно и достаточно осмотрительности, чтобы предупредить тѣ затрудненія, которыя можетъ повлечь за собою одна неудача, и чтобы сравнить эту опасность съ тѣми сомнительными выгодами, которыя опи льстятъ себя достигнуть; къ тому же, вполнѣ ли увѣрена въ томъ, что тотъ, кто сдѣлался ея приближеннымъ (ami intime), послѣ ея путешествія [2]) отнесется ко всѣмъ ея мѣропріятіямъ съ тою сердечностью и честностью, которыя она всегда проявляла въ дѣлахъ внѣшней политики? Увѣрена ли она въ томъ, что онъ будетъ въ состояніи сдѣлать это безъ большихъ неудобствъ? Или она хочетъ помѣриться снова силами съ исполиномъ, въ сущности ослабленнымъ, но котораго опасность и надобность могутъ снова поставить на ноги? Говорятъ, что счастье любитъ помогать только молодости. Это значитъ, что есть возрастъ, когда нужно умѣть опочить на лаврахъ, такъ какъ этотъ возрастъ не позволяетъ проявлять въ своихъ поступкахъ дѣятельности и энергіи, необходимыхъ для великихъ успѣховъ».

«Не знаю, почему съ самаго объявленія войны я имѣю постоянно самыя грустныя предчувствія (письмо отъ 29-го ноября 1787 г.). Я

---

[1]) Письмо это не имѣетъ даты, оно помѣщено только 14-го іюня, но относилось, вѣроятно, къ 1787 г.

[2]) Въ Крымъ. В. Т.

не настолько глупъ, чтобы видѣть въ этомъ какое нибудь прорицаніе но изслѣдуя источникъ, изъ котораго проистекаетъ это предчувствіе я вижу, что онъ заключается въ смутной увѣренности, что никто не бываетъ постоянно счастливъ, что въ различные періоды жизни бываютъ полосы счастья и несчастья и что чѣмъ болѣе въ прошломъ было первыхъ, тѣмъ болѣе слѣдуетъ считать вторыя неизбѣжными. Вотъ мораль, не слишкомъ основанная на разумѣ или разсужденіи, но которая смущаетъ меня тѣмъ не менѣе. Правда, что мое внутреннее безпокойство значительно усилено Лейденской газетой отъ 23-го ноября. Извѣстіе, сообщенное въ ней, не помѣчено никакимъ числомъ, но все таки оно возможно и мнѣ нужно было бы имѣть безграничную увѣренность въ военныхъ талантахъ и дарованіяхъ моего музыкальнаго благодѣтеля [1]), чтобы быть совершенно спокойнымъ.

Здѣсь носятся также постоянно неясные слухи о плохомъ положеніи нашихъ дѣлъ на Кубани, и тотъ, кто командуетъ тамъ войсками, давно стоитъ у меня на дурномъ счету. Если можете, любезный графъ, успокойте меня, я сильно въ этомъ нуждаюсь».

7-го октября 1788 г. «Я получилъ отъ 30-го августа письмо изъ лагеря подъ Очаковымъ, отъ Бюлера. Онъ увѣряетъ меня, что капитанъ-паша, разбитый неоднократно, появился вновь, но убѣдился въ невозможности что либо предпринять; поэтому осада продолжается и черезъ нѣсколько дней всѣ батареи будутъ готовы и всѣ чрезвычайныя средства будутъ пущены въ ходъ одновременно на морѣ и на сушѣ и онъ надѣется, что это будетъ важный шагъ впередъ. Онъ увѣряетъ меня, что наша артиллерія самая превосходная и самая грозная изъ всѣхъ, которыя выставлялись когда либо противъ какой либо крѣпости. Такъ пусть же они возьмутъ ее! Они выводятъ меня окончательно изъ терпѣнія. Вы не сомнѣваетесь, конечно, что меня порядочно тревожитъ положеніе дѣлъ въ Венгріи. Имѣя громадныя силы быть всюду слабымъ, подвергаться всегда нападенію и никогда не нападать самимъ—подобный планъ кампаніи приводитъ меня въ отчаяніе».

«Дѣла въ Венгріи [2]) кажутся мнѣ въ самомъ плохомъ положеніи;

---

[1]) Такъ называлъ Гриммъ въ шутку кн. Потемкина, потому что князь посылалъ ему въ подарокъ ноты: «Честь имѣю сообщить вамъ, пишетъ Гриммъ 10-го августа 1786 г., что кн. Потемкинъ, не состоя со мною въ перепискѣ, оказываетъ мнѣ, съ нѣкоторыхъ поръ, всевозможныя любезности, высылая мнѣ ноты и т. п. и ея в. обратила мое вниманіе на эту любезность и намекнула, что мнѣ слѣдуетъ поблагодарить его, что я и исполнилъ съ послѣднимъ курьеромъ».

[2]) Письмо отъ 19-го октября 1788 г. В. Т.

нужно было особенную геніальность, чтобы довести ихъ до столь тревожнаго состоянія, съ тѣми средствами, которыя были у насъ въ распоряженіи. Я ничего не слышу объ Очаковѣ или, лучше сказать, мнѣ говорили о вылазкѣ, во время которой пушки на одной батареѣ, направленной противъ города, были заклепаны. Я ничего не требую болѣе отъ князя, моего музыкальнаго благодѣтеля, какъ взятія этой крѣпости, но если она не будетъ взята, что же принесетъ намъ его походъ? Надѣюсь, что взятіе Хотина дастъ папашѣ [1]) возможность провести зиму въ Яссахъ; безъ сомнѣнія, это лучшая наша добыча, тѣмъ болѣе, что, мнѣ кажется, намъ будетъ возможно подвинуться нѣсколько къ Валахіи и помочь поправленію дѣлъ въ Трансильваніи, но какимъ образомъ хотите вы, любезный графъ, чтобъ я льстилъ себя надеждою на миръ, который составляетъ предметъ всѣхъ моихъ желаній».

«Все то, чего я опасался, сбывается мало по малу, пишетъ Гриммъ мѣсяцъ спустя (30-го ноября 1788 г.).... что же касается арлекина, который такъ встревожилъ меня нынѣшнее лѣто, то когда я слышу его имя—вся кровь стынетъ у меня въ жилахъ».

Война со Швеціей, происходившая въ то же время, менѣе тревожила преданнаго слугу Екатерины, но и она вызываетъ у него иногда мрачныя мысли и предположенія, въ особенности при извѣстіи о смерти адмирала Грейга.

«Непобѣдимый шведскій флотъ еще разъ сразился съ нами и побѣдилъ насъ, какъ въ прошломъ году».... (письмо безъ даты, относится, вѣроятно, къ концу 1787 г.), «и укрылся точно также, какъ въ прошломъ году въ гавани, чтобы отдохнуть отъ утомленія, причиненнаго побѣдою. Я ничего не боюсь со стороны Густава, онъ еще разъ отложитъ разгромъ Петербурга, до будущаго года; я жажду лишь общаго мира и опасаюсь, что мы далеки отъ него.

«Вашъ дурной сосѣдъ убьетъ меня, пишетъ Гриммъ 10-го августа 1788 г. Я не боюсь того, что онъ потрясетъ русскую имперію до основанія, но онъ неминуемо погубитъ меня. Мы не имѣемъ еще извѣстій о морскомъ сраженіи 19-го числа кромѣ его реляцій. Онъ приписываетъ себѣ побѣду. По его словамъ онъ взялъ въ плѣнъ одинъ корабль, а другой потопилъ; правда, и онъ потерялъ также одно судно и эскадра его укрылась въ Свеаборгъ. Судя по его реляціи, такелажъ нашей эскадры сильно пострадалъ и она съ трудомъ можетъ добраться до Кронштадта. Однако, не это обстоятельство возбу-

[1]) Фельдмаршалу Румянцову.

ждаетъ мои опасенія, но я видѣлъ письмо изъ Петербурга, въ которомъ говорится, что мы можемъ въ настоящую минуту противопоставить ему всего 13 тысячъ человѣкъ въ Финляндіи, куда онъ вступилъ съ 30 тыс. войскомъ,.... и что одна ошибка съ нашей стороны или одно удачное смѣлое дѣйствіе его можетъ привести его въ Петербургъ.

«Императрица дала о себѣ вѣсть [1]) два раза, 10-го (21-го) іюля она прислала мнѣ письмо, писанное ей адмираломъ Грейгомъ послѣ сраженія. Я буду очень радъ, если шведы всегда будутъ побѣждать насъ такимъ образомъ, мы отъ этого не очень пострадаемъ. Второе письмо отъ 14-го (25-го) іюля сообщаетъ мнѣ, что три передовые шведскіе поста были отбиты въ Финляндіи съ потерею 150 человѣкъ и двухъ орудій....

«Говорятъ, что флотскіе экипажи оказали чудеса храбрости въ сраженіи 17-го числа, но что адмиралъ Грейгъ не былъ одинаково доволенъ всѣми своими капитанами и что одинъ изъ нихъ даже разжалованъ.

«Говорятъ, что озлобленіе противъ шведовъ чрезвычайно сильно въ Петербургѣ и притомъ во всѣхъ классахъ общества. Я слышалъ дней 10 тому назадъ, что двѣ тысячи киргизскихъ татаръ прослѣдовали черезъ Петербургъ, направляясь въ Финляндію, и чтобы сократить нѣсколько путь, переправились черезъ Неву вплавь (?).

«Я былъ въ мучительномъ безпокойствѣ по поводу сраженія подъ Выборгомъ не болѣе 24 часовъ [2]), но и этого довольно. Этотъ слухъ ходилъ здѣсь (въ Парижѣ) болѣе недѣли и оставался до сихъ поръ безъ подтвержденія. Въ Версалѣ получены письма изъ Петербурга отъ 5-го числа, въ которыхъ ни слова не говорится о Финляндіи. Я спокоенъ; но тѣмъ не менѣе я умру отъ однихъ потрясеній, причиняемыхъ мнѣ ложными извѣстіями».

Недѣлю спустя, 4-го сентября 1788 г., онъ пишетъ: «Я нѣсколько успокоился на счетъ великаго Густава, который не совершитъ, быть можетъ, тѣхъ великихъ дѣлъ, коихъ можно было опасаться, судя по его благороднымъ замысламъ. Знаете ли вы, что онъ намѣревался овладѣть Петербургомъ черезъ Ладожское озеро? Его планы, точно также какъ его письма къ сенату и его дипломатическіе акты, весьма ординарны (communs). Письма изъ Петербурга отъ 8-го августа извѣщаютъ, что четыре тысячи шведовъ, высадившихся между Фридрихсгамомъ и Выборгомъ, были разбиты и обращены въ бѣгство». «Гнѣвъ

---

[1]) Письмо отъ 21-го августа 1788 г.

[2]) Письмо отъ 29-го августа 1788 г.

Шведскаго Ахилла продолжался не долѣе, нежели гнѣвъ Ахилла Өессалійскаго [1]), онъ не только не предлагаетъ намъ миръ, но требуетъ его отъ насъ и ѣдетъ къ намъ съ намѣреніемъ не оставить въ Петербургѣ камня на камнѣ, пощадивъ лишь статую Петра Великаго, на пьедесталѣ которой прикажетъ выбить: «здѣсь былъ Густавъ», онъ возвращается къ себѣ поспѣшно съ самыми миролюбивыми намѣреніями; только душа героя способна на такую перемѣну». Отъ всего этого не останется вскорѣ инаго вреда, какъ то зло, которое онъ причинилъ мнѣ.

«Васъ потрясло до глубины души извѣстіе о болѣзни адмирала Грейга [2]); теперь получена вѣсть о его кончинѣ, можете судить, до какой степени я убитъ; право, любезный графъ, въ долгой жизни, въ долгомъ царствованіи бываютъ дурныя полосы, точно также какъ и хорошія; это кажется суевѣрнымъ, но это истина. Если хочешь избѣжать ихъ, нужно жить недолго. Если судьба благоволитъ вамъ, несчастная полоса настигаетъ васъ въ цвѣтѣ лѣтъ, и если вамъ посчастливится тогда побороть ее, вамъ нѣтъ равнаго, всякій считаетъ васъ человѣкомъ избраннымъ и зависть, и злоба прощаютъ вамъ Совсѣмъ иное, если все удается вамъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, вы подвергаетесь нападкамъ людей завистливыхъ, они прощаютъ лишь тѣмъ, кто боролся съ несчастіемъ, а невзгоды и несчастная полоса плохіе дары на старости лѣтъ. Фридрихъ II принадлежалъ къ первой категоріи, поэтому послѣдніе 24 года его жизни были рядомъ всевозможныхъ удачъ.

«Тѣнь Грейга постоянно у меня передъ глазами [3]), потому что она унесла съ собою одну изъ главныхъ основъ моего спокойствія. Чтобы закончить это письмо чѣмъ нибудь утѣшительнымъ, скажу вамъ, любезный графъ, что маленькій польскій генералъ Ржевускій, находящійся здѣсь ... передаетъ, что по послѣднимъ письмамъ, полученнымъ имъ изъ Польши, папаша [4]) разбилъ турокъ близь Бендеръ; генералъ полагаетъ, что эта крѣпость въ настоящую минуту въ нашихъ рукахъ; жаль, что польскія извѣстія представляютъ сплетеніе лжи.

«Я въ страшномъ отчаяніи отъ нашей войны (5-го сентября 1789 г.), такъ какъ я предвижу, что умру, не дождавшись ея окончанія».

---

[1]) Письмо отъ 14-го сентября 1788 г.

[2]) Письмо отъ 30-го ноября 1788 г.

[3]) Письмо отъ 2-го апрѣля 1789 г.

[4]) Фельдмаршалъ Румянцевъ. В. Т.

Кромѣ безпокойствъ и треволненій, вызванныхъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи и не достаточно успѣшнымъ, по его мнѣнію, ходомъ нашей кампаніи, Гриммъ имѣлъ въ то время другой предметъ уже чисто личныхъ заботъ; его постоянно тревожила участь молодой дѣвушки, Эмильи де Бельзексъ, оставшейся круглой сиротой на его попеченіи въ 1783 году по смерти бабушки своей m-me d'Epinay, извѣстной своими мемуарами и педагогическимъ сочиненіемъ «Conversations d'Emilie», съ которою Гриммъ познакомился въ домѣ Руссо и много лѣтъ находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Императрица Екатерина II, зная привязанность Гримма къ этому семейству, приняла участіе въ судьбѣ молодой дѣвушки, пожаловала ее во фрейлины (въ 1782 г.), когда ей было 14 лѣтъ, а въ январѣ 1784 года, видя изъ писемъ Гримма, какъ онъ груститъ о потерѣ своего давнишняго друга, совѣтывала ему, взявъ съ собою его питомицу, «пріѣхать въ третій разъ въ Петербургъ», предпринявъ это путешествіе, «чтобы разсѣять свою грусть». Это предложеніе сильно взволновало и смутило Гримма, онъ не зналъ на что рѣшиться: «сегодня шестой день какъ я получилъ эти депеши, пишетъ онъ гр. Румянцеву 29 января 1784 г., а я не могу еще поговорить съ вами о нихъ настолько хладнокровно, чтобы выяснить, что именно они предвѣщаютъ мнѣ въ будущемъ». Вѣчно осторожный и нерѣшительный старикъ и на этотъ разъ не воспользовался сдѣланнымъ ему столь милостиво предложеніемъ, изъ опасенія, что ему остается жить не долго. «Я могъ бы рѣшиться на это лишь въ томъ случаѣ, если бы кто нибудь могъ обезпечить мнѣ десять лѣтъ жизни, говоритъ онъ, иначе, что станется съ дѣвочкой въ странѣ столь отдаленной отъ ея родины» [1]).

Десятилѣтняя переписка съ императрицей Екатериной и ея милостаивая о немъ заботливость, кажется, должны были служить Гримм достаточной порукой въ томъ, что его питомица, въ случаѣ его смерти, не осталась бы безпомощной и покинутой въ Россіи.

Но врожденная осторожность взяла верхъ; оставшись во Франціи, онъ продолжалъ думать и скорбѣть о томъ, какъ бы устроить участь этой дѣвочки; «молите Бога, чтобы я нашелъ мужа для моей питомицы», проситъ онъ своего друга, «что не особенно легко въ ея положеніи.... я не буду имѣть ни минуты спокойствія, покуда дитя это не будетъ устроено»; спокойствіе его было на время обезпечено, и судьба молодой дѣвушки устроилась благодаря великодушному вмѣшательству его высокой покровительницы, которая въ томъ же 1784 г.

---

[1]) Письмо къ гр. Румянцеву 29-го декабря 1785 г.

выслала ей на приданое 12,000 руб. и приняла въ этомъ дѣлѣ особое участіе.

«Эмилія замужемъ съ 22-го числа», сообщаетъ Гриммъ 30-го марта 1786 г., «это чудо дѣло рукъ императрицы»; «я высказалъ ей [1]), что я теряю всякую надежду когда-либо выдать замужъ мою бѣдную Эмилію, если она не окажетъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ своего покровительства; что же она дѣлаетъ? Получивъ мое письмо и не говоря мнѣ ничего объ его содержаніи, она посылаетъ мнѣ прилагаемую при семъ записку [2]). Я былъ совершенно уничтоженъ. Если вы услышите послѣ этого, что я собрался неожиданно въ путь, чтобы пасть къ ея ногамъ и умереть возлѣ нея отъ благодарности, вы скажете: такъ и должно было случиться, чтобы можно было простить ему его счастье. Согласитесь съ тѣмъ, что самый нѣжный другъ не могъ бы отнестись къ своему другу съ бо̀льшимъ усердіемъ, съ бо̀льшимъ участіемъ, съ бо̀льшей горячностью и деликатностью»....

.... «Итакъ, благодаря всемогуществу нашей императрицы, главное дѣло моей жизни окончено».

IV.

Въ 1786 г. императрица Екатерина II удостоила Гримма еще одного знака своего благоволенія, приславъ ему орденъ св. Владиміра 2-й степени, чѣмъ онъ былъ весьма смущенъ, такъ какъ, по своей скромности, не претендовалъ на столь высокую награду.

Предварительно передъ тѣмъ между Гриммомъ и гр. Румянцевымъ происходила по этому поводу переписка, довольно любопытная для характеристики взглядовъ Гримма на награды и отличія и его чувствъ къ императрицѣ Екатеринѣ.

Поздравляя графа, 3-го ноября 1785 г., съ пожалованіемъ ему ордена св. Владиміра, Гриммъ высказалъ въ своемъ письмѣ, что

---

[1]) Письмо отъ 19-го февраля 1784 г.

[2]) Это была копія съ записки императрицы къ французскому посланнику при русскомъ дворѣ, гр. Сегюру, въ которой императрица просила его отрекомендовать отъ ея имени Эмилію де Бельзексъ маршалу, отцу гр. Сегюра, завѣдывавшему во Франціи военнымъ департаментомъ, и выражала желаніе, «чтобы король поручилъ бар. Гримму пріискать ей супруга, который, одобренный его величествомъ, могъ бы быть удостоенъ какой-либо милости, по случаю женитьбы, покровительствуемой королемъ». (Сборн. русск. историч. общ., т. II, стр. 354). В. Т.

ему нравятся кресты св. Георгія и Владиміра, «быть можетъ потому», что они созданы императрицею Екатериною».

Очевидно, молодой Румянцевъ, желая доставить своему бывшему наставнику удовольствіе, намекнулъ ему, въ одномъ изъ своихъ писемъ, о своемъ намѣреніи выхлопотать для него орденъ Св. Владиміра, вызывая его на откровенность по этому поводу, такъ какъ 4-го декабря того же 1785 года Гриммъ пишетъ ему въ отвѣтъ:

«То, что вы говорите мнѣ о крестахъ св. Владиміра, насмѣшило меня сначала до слезъ.... не можетъ быть, любезный графъ, чтобы вы хотя съ минуту подумали, что я желалъ бы получить большой крестъ св. Владиміра, если не считаете, что вашъ бѣдный другъ помѣшался.... Насколько мнѣ помнится, я говорилъ вамъ иногда, что я никогда не добивался въ этой жизни никакихъ благъ, что все то хорошее, что случилось со мною, случилось совершенно неожиданно, безъ малѣйшей думы съ моей стороны.... вы понимаете, конечно, что въ мои лѣта не приходится мѣнять взглядъ (une allure), въ которомъ я не раскаивался всю жизнь. Къ тому же, въ милости ко мнѣ императрицы мнѣ особенно лестно то, что, оказавъ мнѣ, давно уже, благодѣяніе свыше моихъ заслугъ, эту пенсію или жалованіе, получаемое мною, она далека отъ мысли, что я желаю чего либо инаго, какъ только сохранить ея милостивое расположеніе (ses bontés). Никогда въ жизни не думалъ я о лентѣ, но такъ какъ вы заставляете меня въ первый разъ подумать объ этомъ, то я выскажу вамъ откровенно свой взглядъ. Я желаю умереть въ томъ скромномъ положеніи, въ коемъ я жилъ до сихъ поръ; ни въ какомъ случаѣ я не желалъ бы получить орденъ св. Анны, потому что это орденъ не русскій, потому что въ сущности его носятъ у васъ люди слишкомъ сановитые.... мнѣ надобно бы быть посланникомъ императрицы, чтобы отважиться носить его.... Но если бы императрица, по своему собственному желанію, приказала мнѣ носить одинъ изъ ея орденовъ въ петличкѣ или на шеѣ, я чувствую, что моя скромность могла бы сдѣлать эту уступку тщеславію.... если бы этотъ кусочекъ орденской ленты принадлежалъ одному изъ орденовъ, созданныхъ ею, я былъ бы на верху блаженства, я сказалъ бы: это цвѣтъ моей повелительницы.... онъ будетъ при жизни и послѣ смерти видимымъ знакомъ (le cachet) моей славы. Въ этомъ отношеніи, простой крестъ св. Владиміра 4-й степени въ петлицу совершенно удовлетворилъ бы мое честолюбіе, но сознаюсь вамъ, что съ тѣхъ поръ какъ его прислали Хотинскому, онъ утратилъ свою цѣну въ моихъ глазахъ. Я могу сказать, надѣюсь, безъ хвастовства, что я пользуюсь уваженіемъ, которое составляетъ награду всей моей жизни и которому я обязанъ судьбѣ,

сдѣлавшей изъ меня человѣка особеннаго, ибо никто иной не можетъ похвастать тѣмъ, что онъ находится двѣнадцать лѣтъ въ постоянной и правильной перепискѣ съ первымъ, во всѣхъ отношеніяхъ, монархомъ нашего вѣка. Поэтому мнѣ было бы неудобно сдѣлаться черезъ это видимое отличіе равнымъ человѣку, не пользующемуся никакимъ уваженіемъ; люди сказали бы: какъ, этотъ человѣкъ, котораго мы считали особой при императрицѣ, не стоитъ въ ея глазахъ лучше Хотинскаго, она ставитъ ихъ на одну доску. Орденъ 3-й степени, который носится по всей вѣроятности на шеѣ, кажется мнѣ слишкомъ не по моимъ заслугамъ.... Если бы въ Россіи существовали, какъ во Франціи, чиновники, состоящіе при каждомъ орденѣ въ качествѣ секретаря, исторіографа ордена и т. п., то состоя въ одной изъ этихъ должностей, я могъ бы носить орденскій знакъ въ петличкѣ».... «но все это пустыя мечты, и я умру, не получивъ этого отличія отъ моей владычицы [1]), развѣ она создастъ таковой спеціально для меня, въ уваженіе того, что никто не принадлежалъ ей когда-либо въ такой степени, какъ я принадлежу ей, и что никогда монархъ не былъ такъ любимъ, какъ она любима мною, ради ея самой, а не за ея санъ и могущество».

Какъ много ни сдѣлала императрица Екатерина для Гримма лично и для обезпеченія его питомицы, однако, по несчастному стеченію обстоятельствъ, ему не суждено было успокоиться на этотъ счетъ: не только онъ самъ потерялъ во время революціи плоды «разумно проведенной жизни», но и мужъ его воспитанницы, гр. де-Бель, лишился всѣхъ помѣстій, коими онъ владѣлъ близь Парижа, былъ совершенно раззоренъ и долженъ былъ эмигрировать въ 1791 г. съ семействомъ, состоявшимъ изъ жены и троихъ дочерей, изъ коихъ старшая была крестницею Екатерины II. Августѣйшая покровительница этого семейства оказала ему и въ этомъ случаѣ существенную матеріальную поддержку, а императоръ Павелъ довершилъ ея благодѣянія, пожаловавъ питомицѣ Гримма сначала въ пожизненное, а затѣмъ въ полное, владѣніе помѣстье въ Литвѣ, о каковой милости Гриммъ просилъ императрицу незадолго до ея кончины, но она не нашла, въ то время, возможнымъ исполнить его просьбу. На бѣду для престарѣлаго Гримма, которому самой судьбой, кажется, было предназначено вѣчно имѣть источникъ безпокойства и хлопотъ, четыре деревни, составлявшія это имѣніе, оказались отстоящими другъ отъ друга на довольно значительномъ разстояніи, вслѣдствіе чего управленіе ими было сопряжено съ большими затрудненіями, и вотъ онъ снова хло-

[1]) Je mourrai sans un, j'appartiens de ma maîtresse.

почетъ, прибѣгая въ этомъ дѣлѣ къ ходатайству своего друга и воспитанника о томъ, чтобы эти деревни были замѣнены другими, смежными, хлопочетъ также о взысканіи денегъ съ крестьянъ, неисправныхъ плательщиковъ, арендовавшихъ эти земли, и т. д., и т. д.

Гриммъ, покинувшій окончательно Францію во время революціи, вслѣдъ за удаленіемъ изъ Парижа русскаго посланника Симолина, поселился сперва во Франкфуртѣ на Майнѣ, а потомъ въ Готѣ, гдѣ былъ назначенъ въ 1795 г. императрицею Екатериною II русскимъ посланникомъ при штатахъ Нижне-Саксонскаго округа св. Римской имперіи, а незадолго до кончины императрицы—резидентомъ ея въ Гамбургъ; но обо всѣхъ этихъ милостяхъ и о томъ, какъ отнесся къ нимъ въ свое время Гриммъ, изъ переписки его съ гр. Румянцевыми не видно, такъ какъ переписка эта обрывается въ декабрѣ 1794 г. и возобновляется лишь въ январѣ 1797 г., т. е. уже послѣ кончины императрицы Екатерины II.

V.

1-го (12-го) января 1797 г. онъ пишетъ гр. Румянцеву изъ Готы:

«Вашему пр—ву, конечно, небезъизвѣстно, что императоръ [1]), чрезъ шесть дней послѣ восшествія на престолъ, соблаговолилъ утвердить меня на томъ посту, на который августѣйшая покровительница моя, столь неожиданно, назначила меня мѣсяца за два или за три до своей кончины. Этотъ милостивый поступокъ (acte de bonté) его имп. велич. и благодарность, вызванная имъ во мнѣ, были для меня первыми проблесками возвращенія къ жизни. Позабывъ даже совершенную перемѣну въ моемъ положеніи, я осмѣлился, въ первую минуту, написать императору, высказать ему мою благодарность и выразилъ надежду представить въ скоромъ времени его велич. записку о положеніи, въ коемъ я нахожусь. Я чувствую, что это письмо можетъ вызвать или явное порицаніе или полное одобреніе, смотря потому, отнесутся ли къ нему со строгостью или снисхожденіемъ. Не знаю, дошло ли мое письмо до императора и соблаговолитъ ли его велич. въ такомъ случаѣ простить мнѣ и просмотрѣть его, но когда я прочелъ въ газетѣ, что одинъ музыкантъ изъ Берлина былъ удостоенъ запиской (его велич.) за то, что онъ прислалъ ноты императрицѣ, августѣйшей его матери, то, разумѣется, я долженъ былъ

[1]) Павелъ I.

ободриться. Итакъ, я составляю эту записку и, какъ ни горестно для меня это занятіе, я въ отчаяніи, что не могу ограничить ее нѣсколькими строками; но если я не войду въ нѣкоторыя подробности, то мнѣ невозможно дать вѣрнаго понятія о моемъ положеніи».

Затруднительность этого положенія и матеріальные недостатки, которые пришлось испытать Гримму въ Гамбургѣ, не смотря на весьма солидное вознагражденіе, связанное съ занятіемъ этого поста, были вызваны страшной дороговизной, существовавшей на все въ этомъ городѣ, невозможностью найти въ немъ сколько нибудь приличнаго помѣщенія и многими неудобствами, которыя ему пришлось вслѣдствіи этого переносить. Въ довершеніе всѣхъ невзгодъ, климатъ Гамбурга оказалъ весьма гибельное вліяніе на его здоровье и весьма серьезная болѣзнь, полученная имъ въ этомъ городѣ, окончилась совершенною потерею одного глаза.

«Положеніе мое не улучшилось, жалуется онъ въ своихъ письмахъ отъ 2-го (13-го) сентября и 1-го (12-го) декабря 1797 года, я чувствую себя во всѣхъ отношеніяхъ, физически и нравственно, какъ нельзя хуже». «Не подлежитъ сомнѣнію, что покойная августѣйшая покровительница моя, назначивъ меня совершенно неожиданно на постъ въ Гамбургъ, и е. в. государь императоръ, утвердивъ меня на этомъ посту»... «безъ малѣйшаго съ моей стороны права на его милости», «хотѣли обезпечить благополучіе и спокойствіе послѣдней моей жизни и эта цѣль ихъ великодушія и щедрости была бы, безъ сомнѣнія, достигнута, если бы въ то время освободилось, случайно, какое нибудь иное мѣсто. Во всякомъ иномъ мѣстѣ я могъ бы служить государю совершенно спокойно, благословляя его имя до послѣдняго дня моей жизни; но по стеченію странныхъ и роковыхъ обстоятельствъ, постъ, выпавшій мнѣ на долю, единственный, оставаться на которомъ мнѣ невыносимо. Я получаю великолѣпное содержаніе, но такъ какъ все мое имущество расхищено, раззорено и уничтожено разбойниками, то мнѣ приходится обзавестись кое-какъ въ городѣ, гдѣ цѣны на все непомѣрныя и который по стеченію обстоятельствъ сдѣлался самымъ дорогимъ городомъ въ Европѣ». «Несомнѣнно, что если здоровье мое устоитъ противъ непостоянства климата, мѣняющагося по четыре раза въ день, если я буду въ состояніи предохранить мои глаза отъ совершеннаго ослѣпленія, коимъ угрожаетъ имъ воспаленіе, вызванное здѣшнимъ климатомъ, я буду тѣмъ не менѣе вынужденъ будущею весною подумать объ удаленіи отсюда, ибо я окажусь несостоятельнымъ.... Я чувствую одно, что я долженъ умереть на службѣ е. в.».

Однако, въ январѣ мѣсяцѣ 1798 г., Гриммъ былъ уволенъ, по прошенію, высочайшимъ указомъ отъ занимаемой имъ должности, такъ какъ потеря глаза окончательно лишила его возможности продолжать свою служебную дѣятельность.

Въ собраніи писемъ Гримма мы находимъ копіи съ двухъ документовъ, касающихся его увольненія: одинъ изъ нихъ—проектъ указа къ повѣренному въ дѣлахъ въ Гамбургѣ Свѣчину, а другой проектъ рескрипта барону Гримму.

Вотъ текстъ этихъ двухъ документовъ:

«Проектъ рескрипта въ Гамбургъ къ дѣйствительному статскому совѣтнику барону Гримму.

Указомъ нашимъ отъ 31-го января сего года, даннымъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, всемилостивѣйше уволили мы васъ, снисходя на ваше прошеніе, отъ службы нашей, вслѣдствіе чего и повелѣваемъ мы вамъ, дабы вы сдали съ описью весь министерскій архивъ посту вашего находящемуся при васъ коллежскому ассесору Свѣчину, коего на сей случай оставляемъ мы при ономъ постѣ, въ званіи нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, а при томъ и преподали ему всѣ тѣ свѣдѣнія, кои могутъ служить къ руководству дѣлъ нашихъ. Прилагаемыя здѣсь отзывныя наши о васъ грамоты къ ихъ величествамъ королямъ прусскому и аглинскому, такъ же къ герцогу Браунштейгъ-люнебургскому, яко директорамъ нижняго саксонскаго округа, и къ городамъ Гамбургу, Любеку и Бремену, равно какъ и кабинетныя письма къ герцогамъ Мекленбургъ-шверинскому и Стрелицкому, имѣете вы доставить ихъ извѣстнымъ вамъ порядкомъ, для свѣдѣнія же вашего и надлежащаго употребленія слѣдуютъ здѣсь со всѣхъ оныхъ списки, и пребываемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклоннымъ. Данъ въ Санктпетербургѣ марта 9-го дня 1798-го года.

По указу его императорскаго величества подписанъ по сему: князь Александръ Безбородко. Князь Александръ Куракинъ».

На поляхъ помѣта: отправленъ по почтѣ 10-го марта 1798-го года.

«Проектъ указа къ повѣренному въ дѣлахъ коллежскому ассесору Свѣчину въ Гамбургъ.

Его императорское величество на прошеніе дѣйствительнаго статскаго совѣтника и чрезвычайнаго посланника барона Гримма всемилостивѣйше уволилъ его въ 31-й день генваря сего года отъ службы своей и какъ рескриптомъ, нынѣ же къ нему отправленнымъ, предписано, чтобъ онъ весь министерскій архивъ Гамбургскаго посту сдалъ съ описью вамъ, то вслѣдствіе сего предписывается отъ коллегіи и вамъ, дабы вы, оставаясь при семъ постѣ до назначенія ему

преемника въ званіи повѣреннаго въ дѣлахъ, оный архивъ отъ него приняли и по пріемѣ коллегію извѣстили.

Подписано по сему.... Графъ Румянцовъ».

Въ С.-Петербургѣ. Марта 9-го дня 1798 года.

Этимъ мы и закончимъ нашъ обзоръ переписки Гримма съ графами Н. П. и С. П. Румянцевыми, такъ какъ вышеприведенными изъ нея выписками исчерпывается все, сколько нибудь имѣющее въ нихъ отношеніе къ Россіи и для характеристики самаго ихъ автора; письма эти интересны въ томъ отношеніи, что весьма рельефно обрисовываютъ личность Фридриха Гримма, съ которымъ русская монархиня находилась въ долгой и дружеской перепискѣ, отдавала полную справедливость его уму и ни разу не усомнилась въ его искренней къ ней преданности. Въ виду этого слѣдуетъ быть вполнѣ признательными графу Д. А. Толстому, который озаботился отысканіемъ, сохраненіемъ и приведеніемъ въ порядокъ этихъ документовъ и расположилъ ихъ хронологически; тщательно снятыя и провѣренныя копіи съ этихъ писемъ были доставлены графомъ Дмитріемъ Андреевичемъ Толстымъ въ редакцію «Русской Старины» и послужили матеріаломъ для настоящаго очерка.

В. В. Тимощукъ.

ВОЙНА ПРОТИВЪ ВЕНГЕРЦЕВЪ

1849 г.

О прежнихъ войнахъ нашихъ, до Венгерской войны включительно,—мало появлялось въ печати воспоминаній непосредственныхъ участниковъ. Между тѣмъ, подобныя воспоминанія, представляя, такъ сказать, закулисную сторону войны, указывая на современныя, личныя отношенія разныхъ начальствующихъ лицъ, какъ между собою, такъ и къ своимъ подчиненнымъ, даютъ иногда надлежащее освѣщеніе оффиціальнымъ донесеніямъ и реляціямъ. Имѣя это въ виду, мы помѣщаемъ здѣсь разсказъ о войнѣ противъ венгерцевъ бывшаго офицера генеральнаго штаба Стренга, состоявшаго въ 1849 г. при штабѣ 2-го пѣхотнаго корпуса. Замѣтимъ при этомъ, что ходъ военныхъ дѣйствій нашей главной арміи описанъ въ этихъ воспоминаніяхъ, вообще, правильно; хотя, конечно, разсказъ г-на Стренга относятся, преимущественно, къ той, сравнительно узкой, сферѣ дѣятельности, въ которой ему приходилось вращаться.

Ред.

I.

Революціонное движеніе, охватившее, въ началѣ 1848 года, весь западный континентъ Европы и распространившееся въ сопредѣльныя съ Россіею государства, возмущеніемъ Венгріи и Трансильваніи, заставило императора Николая Павловича принять соотвѣтственныя мѣры къ огражденію предѣловъ имперіи. Состоявшееся въ г. Варшавѣ свиданіе съ молодымъ австрійскимъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ, раннею весною 1849 года, подробнѣе опредѣляло участіе Россіи, вслѣдствіе чего и войска 3-го, 2-го и 4-го пѣхотныхъ корпусовъ, съ кантониръ своихъ квартиръ, начали приближаться къ границамъ Галиціи, гдѣ и назначены имъ новыя тѣсныя квартиры: 2-му корпусу въ южной части Радомской, Келецкой и Люблинской губерніяхъ. Но прежде чѣмъ войска дошли до этихъ квартиръ, получены были, въ первой половинѣ мая, новыя предписанія съ марш-

рутами для войскъ, обозначающими направленіе къ самымъ границамъ Венгріи, черезъ Галицію, двумя главными дорогами: одною черезъ Радомъ, Кельцы, Краковъ, Тирново въ Ясло и Грыбово, а другою изъ Люблина, черезъ Пржемысль и Тирново, туда же.

Будучи назначенъ старшимъ адъютантомъ по части генеральнаго штаба во 2-ой пѣхотный корпусъ, только тремя мѣсяцами передъ этимъ (20 февраля 1849 г.), я едва успѣлъ кое какъ ознакомиться съ дѣлами. Хотя по штату и полагалось по два старшихъ адъютанта, но въ настоящее время я былъ однимъ, вслѣдствіе перевода одного на Кавказъ (капитана Кроіеруса) и взятія другаго въ главный штабъ (капитана Эрнрота), и я остался таковымъ до самаго перехода черезъ Карпаты, когда въ мѣстечко Ясло прибыли къ намъ выпущенные изъ военной академіи, оренбургской казачьей артиллеріи сотникъ Дандевиль и конной артиллеріи поручикъ Цытовичъ. Первый тотчасъ былъ командированъ въ 5-ю пѣхотную дивизію, а второй оставленъ при штабѣ. Къ несчастію, сей послѣдній вскорѣ послѣ сего заболѣлъ сильною лихорадкою и страдалъ ею почти всю кампанію, а потому могъ только, въ свободное отъ пароксизма время, помогать въ канцеляріи [1]).

Многосложныя работы, вслѣдствіе безпрерывныхъ измѣненій маршрутовъ частей войскъ, требовали величайшей аккуратности и точнаго исполненія мѣстъ и времени, когда нарочно посланные эстафетами офицеры должны достигать частей войскъ, находившихся въ движеніи, такъ чтобы полки и батареи могли слѣдовать далѣе по даннымъ главнымъ штабомъ маршрутамъ. Тутъ надобно было, для каждаго нарочно посланнаго офицера, составить особые для него маршруты, съ обозначеніемъ гдѣ и когда какимъ частямъ войскъ онъ долженъ былъ передать предписанія, ограничивая, разумѣется, число этихъ нарочныхъ, для уменьшенія издержекъ казны. Такимъ образомъ, изъ г. Кельцы отправлены были, въ послѣдній разъ, 8 офицеровъ нарочныхъ, въ 12 пѣх. полковъ, 4 кавалерійскихъ, въ 12 пѣшихъ и 2 конныя батареи, въ 1 стрѣлковый, въ 1 саперный баталіоны, не считая дивизіонные и бригадные штабы. Помню весьма хорошо, что когда я подавалъ предписанія эти начальнику корпуснаго штаба на подпись, онъ спрашивалъ меня, нѣтъ ли въ нихъ ошибокъ, а когда отвѣтилъ ему, что, надѣюсь, этого нѣтъ, онъ возразилъ: «ну тогда избѣгнете суда». Вообще Александръ Ивановичъ Ушаковъ былъ человѣкъ добрый, только большой эгоистъ, не любилъ, когда его безпокоили (и сюда можно было отнести и служебныя дѣла), такъ что,

[1]) Дивизіонные квартирмейстры, разумѣется, должны были находиться при своихъ дивизіонныхъ штабахъ. А. С.

когда много дѣлъ было, то спрашивалъ, скоро ли конецъ будетъ? Его обыкновенный отвѣтъ на вопросъ, не имѣетъ ли онъ какихъ нибудь особыхъ приказаній—было: «дѣлайте, какъ знаете, лишь бы было хорошо». Къ счастію, оберъ-квартирмейстръ полковникъ Николай Кузьмичъ Тетеревниковъ, какъ истый начальникъ и товарищъ, самъ взялся дѣятельно помогать по канцеляріи, но онъ скоро усталъ и не могъ заниматься долго по ночамъ, до двухъ, трехъ часовъ; тутъ онъ дѣлался такимъ соннымъ, что часто засыпалъ при повѣркѣ маршрутовъ. Эти двѣ ночи въ Кельцахъ и вслѣдъ затѣмъ другія двѣ въ Краковѣ, куда штабъ 20 мая перешелъ, мнѣ очень памятны, потому что не удалось вовсе смыкать глазъ. Здѣсь занятъ я былъ сообщеніемъ австрійскимъ властямъ, по нѣмецки, маршрутовъ слѣдованія корпуса по Галиціи, для доставленія эшелонамъ, на ночлежныхъ пунктахъ, квартиръ и снабженія провіантомъ и фуражемъ. Здѣсь же приданы корпусному штабу и дивизіоннымъ штабамъ по одному австрійскому офицеру, для облегченія разныхъ сношеній съ мѣстными властями. Въ продолженіе этихъ пяти дней мнѣ все-таки разъ удалось оторваться отъ занятій, когда штабнымъ чинамъ предложено было, графомъ Легидичемъ [1]), осмотрѣть цитадель или, вѣрнѣе, бывшій древній королевскій замокъ, лежащій близъ Вислы, на отдѣльномъ возвышеніи. Въ главномъ костелѣ здѣсь помѣщены гробы бывшихъ польскихъ королей; весьма красивые и интересные историческіе памятники! Съ возвышенной терассы замка намъ показали, по другой сторонѣ Вислы, гробъ Костюшки. Видъ съ этой терассы надъ окружающей мѣстностью превосходный.

Во время движенія отъ Кракова далѣе, намъ, корпусному штабу и эшелоннымъ начальникамъ части, слѣдуемой одновременно съ нами, предложено также осмотрѣть извѣстные соляные раскопки въ городѣ Величкѣ; городъ сей весь подкопанъ многочисленными шахтами, въ нѣсколькихъ ярусахъ. Такъ какъ мы имѣли здѣсь только привалъ (продолжавшійся все-таки цѣлые два часа), то успѣли спускаться машиною только въ нѣкоторыя, да переходить нѣкоторыми корридорами между ними. Въ одной изъ шахтъ насъ встрѣтила австрійская музыка звуками нашего народнаго гимна, при бенгальскомъ освѣщеніи. Успѣли далѣе переплыть, по деревянному плоту, черезъ подземную рѣчку, берега которой также освѣщены были; посѣщали такъ называемую Суворовскую церковь, устроенную въ память героя итальянской кампаніи 1799 года; всѣ принадлежности церкви высѣчены изъ соли.

Къ первымъ числамъ іюня мѣсяца, 2-й пѣхотный корпусъ, за

---

[1]) Генералъ-губернаторъ Галиціи.

исключеніемъ 6-й пѣхотной дивизіи, сосредоточился на сѣверныхъ покатостяхъ Карпатскихъ горъ, въ окрестностяхъ мм. Ясла и Грыбова. 6-я дивизія направилась впослѣдствіи особо изъ Кракова въ долину р.Ваагъ, гдѣ дѣйствовала отдѣльно отъ прочей арміи, въ отрядѣ генералъ-адъютанта Граббе; впослѣдствіи, по сложеніи Гергеемъ оружія, она направлена была къ кр. Коморнъ [1]) и, по сдачѣ этой крѣпости, возвратилась въ Россію, въ г. Калишъ.

4-го іюня данъ войскамъ отдыхъ и отправлены небольшія команды саперъ для окончательнаго приведенія дорогъ въ возможную исправность, а 5-го іюня началось общее движеніе двумя колоннами: лѣвая, изъ Ясла, состояла изъ 4-й пѣхотной дивизіи, съ ея артиллеріею, 2-го сапернаго баталіона, гусарскаго ея императорскаго высочества великой княгини Ольги Николаевны полка, съ конно-легкою батареею полковника Мамаева; а правая, изъ Грибова, состояла изъ 5-й пѣх. дивизіи съ артиллеріею и 2-го стрѣлковаго блталіона; да впереди, на самой границѣ Венгріи, уже находились казачьи сотни Юдина полка. Къ вечеру лѣвая колонна достигла вершины перевала у д. Коняно; особыхъ затрудненій и препятствій, какъ при подъемѣ, такъ и при спускѣ, не представлялось; иногда, натурально, при слишкомъ крутомъ подъемѣ или спускѣ, къ батарейнымъ орудіямъ и къ зряднымъ ящикамъ пришлось наряжать пособіе, но всегда изъ одной прислуги. Легкіе обозы (какъ-то: лазаретныя кареты, артельныя повозки, кузницы, денежный ящикъ и т. д.) слѣдовали за ними, но другія повозки пришли днемъ позже и къ нимъ были наряжаемы небольшія команды.

У дер. Коняно первый разъ войска стали бивуакомъ на выбранныхъ мѣстахъ; впереди авангардъ изъ казачьяго полка и гусарскаго съ батареею, а сзади, у самой деревни, 4-я пѣх. дивизія, съ артиллеріею и сапернымъ баталіономъ. Во время движенія, сюда прибылъ къ отряду флигель-адъютантъ гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ графъ фонъ-Гейденъ, для присутствія при переходѣ черезъ Карпаты, по повелѣнію государя императора.

Слѣдующій день, т. е. 7-го іюня, продолжалось движеніе черезъ Зборово въ г. Бартфельдъ, который и былъ занятъ авангардомъ, расположившимся впереди города, а 4-я дивизія съ артиллеріею стала не доходя города, близь небольшой Черной рѣчки. Вечеромъ прибылъ фельдмаршалъ, вмѣстѣ съ Е. И. В. великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и съ конвоемъ конно-иррегулярной бригады генералъ-лейтенанта Верзилина, расположившейся частью впереди города, частью въ самомъ городѣ.

---

[1]) Для обложенія сей крѣпости.

Здѣсь ночью, на 7-е іюня, случилось маленькое интермеццо, не имѣвшее, впрочемъ, никакого послѣдствія. Начальникъ корпуснаго штаба, имѣя въ виду, что мы первый разъ находились противъ непріятеля, велѣлъ штабнымъ стать бивуакомъ въ саду, не доходя самаго города; тутъ же расположился и штабъ 4-й дивизіи. Начальникъ этой дивизіи, генералъ-лейтенантъ Карловичъ, старикъ, коему не спалось, осмотрѣвъ окружавшія горы, увидѣлъ тутъ ясно какихъ-то всадниковъ, почему и послалъ своего адъютанта къ намъ въ штабъ увѣдомить объ этомъ. Во время объясненія со мною посланнаго, пробудился начальникъ штаба и, услышавъ въ чемъ дѣло, просилъ передать генералу, чтобы онъ успокоился, что это былъ, безъ сомнѣнія, нашъ разъѣздъ и что ежели самъ не можетъ уснуть, то чтобы не мѣшалъ другимъ пользоваться отдыхомъ.

Еще вечеромъ того-же дня объявлено намъ, черезъ начальника корпуснаго штаба, приказаніе фельдмаршала о рекогносцировкѣ его свѣтлости слѣдующаго утра, почему намъ, офицерамъ генеральнаго штаба, приказано было по утру къ 8 часамъ собраться и съ начальникомъ штаба отправиться въ авангардъ, куда и прибылъ корпусный командиръ генералъ-лейтенантъ Купреяновъ, а вслѣдъ затѣмъ и фельдмаршалъ съ генералитетомъ и съ своимъ главнымъ штабомъ. Поднявшись на довольно значительное возвышеніе, вправо отъ города, отъ котораго весьма хорошо видна была, на значительное разстояніе, впереди лежащая мѣстность, въ томъ числѣ и дороги, и лагерь передоваго непріятельскаго отряда, фельдмаршалъ, имѣя подлѣ себя какого-то штатскаго господина, у котораго разспрашивалъ на счетъ направленія дорогъ, вдругъ, обращаясь назадъ къ своимъ, сказалъ:

— Дайте бумагу и карандашъ, надо записать.

Тутъ засуетились, вездѣ слышны были вопросы, у кого есть бумага и карандашъ. Находясь немножко назади, такъ какъ фельдмаршалъ окруженъ былъ генералитетомъ и своимъ штабомъ, я, желая подать таковые (находившіеся у меня всегда въ карманѣ чепрака, вмѣстѣ съ картою Шедіуса Венгріи), заставилъ лошадь поддаться впередъ и, вынувъ бумагу и карандашъ, очутился подлѣ Паскевича, и онъ тутъ же началъ диктовать диспозицію о движеніи впередъ. Тутъ, немножко погодя, подъѣхалъ генеральнаго штаба полковникъ Веймарнъ, потихоньку шепнулъ мнѣ на ухо, чтобы передать ему бумагу и карандашъ, и осаживать лошадь, что я и исполнилъ. Нѣсколько дней послѣ, по занятіи г. Кашау, генералъ квартирмейстеръ арміи генералъ Фрейтагъ, увидя меня, выразилъ мнѣ свою благодарность, присовокупя что-то про спасеніе чести генеральнаго штаба.

II.

8-го іюня, 4-я пѣх. дивизія, съ саперным баталіономъ и гусарскимъ полкомъ направлены по разнымъ дорогамъ, по направленію къ Эперіесу, но 9-го числа опять соединились у д. Адамсфельде; къ нимъ присоединилась къ вечеру конно-иррегулярная бригада ген. Верзилина и стала въ авангардѣ, а слѣдующій день войска имѣли дневку.

Во время дневки, рано утромъ, въ 3 часа, получено изъ главнаго штаба предписаніе отправить офицера генеральнаго штаба для изслѣдованія свойства ближайшей дороги въ г. Эперіесъ, а какъ войскамъ, какъ сказано, назначалась дневка, то начальникъ штаба счелъ возможнымъ меня отправить на эту рекогносцировку.

Это была первая моя командировка въ военное время. Явившись къ начальнику нашего штаба, для полученія дополнительныхъ приказаній, я спрашивалъ его, слѣдуетъ ли мнѣ взять какой-нибудь конвой для прикрытія, на что онъ отвѣтилъ, что непремѣнно слѣдуетъ, но не болѣе 20 или 30 человѣкъ казаковъ. Велѣвъ подать лошадь, я отправился къ начальнику авангарда ген. Верзилину и просилъ, по приказанію начальника штаба, назначить человѣкъ 10 казаковъ для означенной цѣли.

— «А вы куда хотите ѣхать?»—спросилъ онъ.

Показалъ я ему направленіе, по которому мнѣ слѣдовало направиться; тогда онъ возразилъ, что мнѣ, вѣроятно, скоро придется вернуться, такъ какъ его казаки еще поздно вечеромъ имѣли перестрѣлку съ непріятелемъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ приказаніе надо исполнить, съ вечера уже прошло нѣсколько часовъ, я отправился въ путь и къ 11 часамъ по утру уже вернулся съ донесеніемъ, что дорога эта хотя проселочная, но въ настоящее, сухое, время очень удобна, проходитъ по открытымъ мѣстамъ и не имѣетъ никакихъ значительныхъ подъемовъ или спусковъ; исключеніе составляетъ только самая близкая къ шоссе часть, гдѣ мостъ черезъ рѣчку Тарчу венгерцы зажгли и который горѣлъ, когда я пріѣхалъ. Необходимо потому отправить туда команду саперъ для сдѣланія новаго спуска и подъема, а такъ какъ рѣчка въ это время мелка была, то безъ моста можно было обойтись. Одного отсталаго солдата, родомъ словака, мы нашли и привезли съ собою. Онъ показалъ, что венгерцы, подъ начальствомъ Высоцкаго, отступили, дѣйствительно, ночью съ большою поспѣшностью.

День 11-го іюня для меня навсегда памятенъ, такъ какъ я чуть не

попалъ подъ судъ; поэтому нахожу необходимымъ болѣе подробно изложить дѣло это. По диспозиціи на этотъ день, 4-я пѣх. дивизія съ гусарскимъ полкомъ, съ конною батарею и съ сапернымъ баталіономъ слѣдовали въ г. Эперіесъ; оттуда далѣе 4-я дивизія должна была направиться по шоссе въ с. Самосъ; 5-я же пѣх. дивизія съ стрѣлковымъ баталіономъ, соединившимся съ нею близь самаго города, была впереди и, по сдѣланіи кратковременнаго подъ городомъ привала, вытянулась, сначала по шоссе въ Кашау, но вскорѣ, взявши вправо, перешла р. Тарчу по мосту и направилась по правой сторонѣ этой рѣчки, такъ что она была нѣсколько впереди и вправо отъ шоссе, по которому должна была двигаться 4-я пѣх. дивизія, по совершеніи болѣе продолжительнаго привала, дабы люди могли приготовить и съѣсть кашу.

Вслѣдъ за выступленіемъ 5-й дивизіи изъ бивуака, получено мною отъ корпуснаго командира слѣдующее приказаніе: «поднять гусарскій ея имп. выс. великой княгини Ольги Николаевны полкъ съ конною батареею полковника Мамаева; бригадный командиръ генералъ Багговутъ, какъ отрядный командиръ, принимаетъ начальство надъ этимъ авангардомъ, коего передовая часть, нѣсколько сотенъ казаковъ, находилась уже впереди, по шоссе; далѣе ему слѣдовать по большому шоссе въ с. Самосъ». При этомъ мнѣ было приказано сообщить генералу Багговуту, при которомъ велѣно было мнѣ состоять какъ офицеру генеральнаго штаба, «чтобы онъ не удалился бы слишкомъ далеко впередъ, а настолько, чтобы голова слѣдующей за гусарами пѣхотной колонны 4-й дивизіи всегда была видна».

Посему, когда около четырехъ часовъ пополудни 5-я дивизія уже своротила съ шоссе вправо, то гусары начали трогаться съ мѣста. Пройдя версты 3 или 4 отъ бивуака 4-й пѣх. дивизіи, я напомнилъ генералу Багговуту о данномъ приказаніи, предложивъ ему сдѣлать маленькій привалъ. Это предложеніе высказалъ я въ присутствіи командира полка полковника Орлая, командира 1-го экадрона ротмистра Радена и бригаднаго адъютанта ротмистра Ореуса. На это генералъ отвѣтилъ, что кавалеріи короткіе привалы не приносятъ пользы, и что гораздо выгоднѣе дойти скорѣе до мѣста ночлега и тамъ пользоваться продолжительнымъ отдыхомъ, тѣмъ болѣе, что непріятеля, кажется, нѣтъ. Кромѣ того онъ, говорилъ, что онъ же, какъ начальникъ отряда, отвѣчаетъ за свои дѣйствія. Въ сущности я, разумѣется, долженъ былъ согласиться съ нимъ, хотя не высказалъ этого.

Продолжавъ, такимъ образомъ, еще минутъ 10 движеніе впередъ, мы встрѣтили три, четыре повозки съ ранеными казаками, кои, какъ

часто бываетъ, преувеличивая дѣло, говорили: «что половина полка пропала и другая скоро пропадетъ, ежели не поспѣшите на выручку». Тутъ я опять намекнулъ слово на счетъ приказанія корпуснаго командира, присовокупляя, что казаки всегда могутъ отступить по такой открытой и довольно ровной мѣстности, а чтобы не отклоняться много отъ данныхъ приказаній, не угодно ли ему здѣсь обождать непріятеля, ежели онъ наступаетъ, и выбрать для атакъ удобное мѣсто. На это генералъ Багговутъ возразилъ, и, можетъ быть, очень логично, что непріятель самъ отступаетъ, и не думаетъ преслѣдовать казаковъ, а хочетъ отъ нихъ только отвязаться. «Нѣтъ, говорилъ онъ, такого удобнаго случая больше не представится». Вслѣдъ за этимъ велѣлъ приготовиться къ бою, первому эскадрону сбросить связки сѣна и саквы овса и вынуть сабли.

Тутъ слыша пушечные и ружейные выстрѣлы, мы проскакали двѣ небольшія деревни, близко расположенныя другъ къ другу (Санъ-Петри и Москарманы), и стали располагаться впереди ихъ. Первый или лейбъ-эскадронъ, выѣхавъ, отдѣлился отъ полка и рысью тронулся впередъ, развернулся и, проскакавъ казачью цѣпь, наскочилъ на непріятельскую таковую пѣхотную, производившую пустую перестрѣлку съ нашими казаками; наша кавалерія изрубила помянутую цѣпь, какъ равно и ближайшіе непріятельскіе резервы. Тутъ я видѣлъ находившагося съ казаками генеральнаго штаба полковника Эрна, который совѣтовалъ мнѣ исходатайствовать, чтобы казаки генерала Лабынцова немножко подавались бы впередъ, чѣмъ непріятель въ с. Самосѣ угрожался бы во флангъ и въ тылъ, такъ какъ шоссе изъ с. Самосъ переходитъ р. Тарчу и соединяется съ дорогою, по которой слѣдовали колонны генерала Лабынцова.

Находя это весьма полезнымъ, я испросилъ разрѣшеніе генерала Багговута отправиться мнѣ къ генералу Лабынцову и просить нѣсколько подать впередъ, ежели не пѣхоту, то, по крайней мѣрѣ, казаковъ. Получивъ двухъ гусаръ для конвоя и для скорѣйшаго отысканія брода черезъ р. Тарчу, я явился къ генералу тогда, какъ онъ только что сошелъ съ лошади и когда его войска стали располагаться на бивуакѣ. Ген. Лабынцовъ, выслушавъ меня, жалѣлъ, что не могъ дать приказаніе пѣхотѣ продолжать движеніе, такъ какъ она очень устала, вслѣдствіе значительнаго перехода въ этотъ жаркій день, но велѣлъ тутъ же своему дивизіонному квартирмейстеру подполковнику Мицевичу подать казаковъ нѣсколько впередъ. Генералъ Лабынцовъ вышелъ на крыльцо господскаго дома, гдѣ остановился, и отсюда ясно слышалъ и видѣлъ выстрѣлы. И онъ жалѣлъ, что генералъ Багговутъ, не имѣя близко пѣхоты, такъ поздно вечеромъ (въ 6 часовъ) началъ дѣло.

Проскакавъ въ какую-нибудь четверть часа обратно къ мѣсту дѣла, я засталъ оное уже подъ самымъ концомъ. Тотъ же лейбъ-эскадронъ раза три возобновлялъ атаки на непріятельскіе цѣпи и резервы, причемъ былъ поддержанъ огнемъ двухъ конныхъ орудій, отлично поставленныхъ полковникомъ Мамаевымъ. Нѣсколько гусаръ ворвались въ самое село Самосъ, но были, разумѣется, встрѣчены огнемъ изъ оконъ и жизнью поплатились за дерзость свою; ихъ трупы мы нашли на другой день на улицѣ. Говорятъ, лошади понеслись и нельзя было удержать ихъ.

Результатомъ этой схватки было: въ плѣнъ взятыхъ: 4 оберъ-офицера и 20 съ чѣмъ-то рядовыхъ; убитыхъ непріятелей на другой день насчитали свыше 80 труповъ, а сколько было раненыхъ осталось неизвѣстнымъ. По показанію плѣнныхъ, въ числѣ убитыхъ былъ и начальникъ штаба Высоцкаго полковникъ Арнфельдъ. Изъ нашихъ гусаръ выбыло изъ строя до 30 гусаръ.

Во время дѣла, когда я поѣхалъ къ генералу Лабынцову, прибылъ въ отрядъ генеральнаго штаба капитанъ (Петръ Коновичъ) Меньковъ, состоявшій при фельдмаршалѣ.

По окончаніи дѣла, генералъ Багговутъ велѣлъ мнѣ ѣхать на встрѣчу корпусному командиру и донести ему словесно о дѣлѣ. Хотя я старался отклонить это порученіе, но какъ онъ настаивалъ на его исполненіи, то я принужденъ былъ отправиться. Пріемъ, какъ и предвидѣлъ, былъ самый непріятный. «Что вы тамъ дѣлали, какъ смѣли не слушать моихъ приказаній. Развѣ не передали генералу Багговуту ихъ?», и когда я ему отвѣтилъ, что я это сдѣлалъ при свидѣтеляхъ, то укорялъ меня въ томъ, что я запискою, хотя карандашемъ, не увѣдомилъ его о неисполненіи генераломъ Багговутомъ его приказаній. Разсердившись, пришпорилъ лошадь и прибавилъ: «я генерала и васъ подъ судъ отдамъ», и мы рысью отправились къ гусарамъ.

При встрѣчѣ съ генераломъ Багговутомъ и ему, вѣроятно, досталось, какъ передали мнѣ впослѣдствіи, но я ничего не слышалъ, потому что очень усталъ и отсталъ отъ другихъ, предаваясь несовсѣмъ пріятнымъ мыслямъ. Корпусный командиръ, подъѣзжая къ фронту гусаръ, которые уже спѣшились, а офицеры стояли впереди, не поздоровался съ людьми. Маіору Гольштейну, легко раненому въ ногу и потому нѣсколько выставившему больную ногу, онъ замѣтилъ, что не умѣетъ стоять передъ начальствомъ; а когда тотъ отвѣтилъ, что раненъ, то получилъ въ отвѣтъ: «ваше мѣсто не здѣсь, а позади фронта».

Почти въ сумеркахъ прибыла 4-я дивизія съ сапернымъ баталіономъ и, по моему указанію, поставлена на бивуакѣ [1]).

Полагая найти какое-нибудь содѣйствіе или, по крайней мѣрѣ, сочувствіе въ моемъ положеніи, я отправился къ начальнику нашего корпуснаго штаба, который, сожалѣя, какъ онъ выразился, объ этомъ, прибавилъ, что такимъ случаямъ легко могутъ подвергаться наши офицеры генеральнаго штаба, но что надо надѣяться все-таки, суда можетъ быть не будетъ. Между тѣмъ приказалъ мнѣ сдѣлать плѣннымъ обыкновенные допросы на счетъ непріятельскихъ силъ, намѣреній и проч., почему я и отправился въ хату, назначенную для моей канцеляріи, гдѣ и занимался этимъ дѣломъ вплоть до утра, когда сильный конскій топотъ по улицѣ далъ знать о прибытіи какого нибудь кавалерійскаго отряда; оказалось, что это была конно-мусульманская иррегулярная бригада, прибывавшая обыкновенно нѣсколько ранѣе фельдмаршала Паскевича. И дѣйствительно, въ 8 часовъ утра мы встрѣтили его. Казалось, онъ былъ очень доволенъ вчерашнимъ дѣломъ, потому что, подъѣзжая къ фронту гусаръ и поздоровавшись съ людьми, онъ поблагодарилъ ихъ за молодецкое, лихое дѣло и велѣлъ генералу Багговуту представить отличившихся немедленно къ наградамъ.

Начальникъ нашего штаба, увидя меня, сказалъ:

— Ну, видите, все кончилось ничѣмъ.

Вслѣдъ за прибытіемъ фельдмаршала, произведено было въ этотъ день, т. е. 12-го іюня, общее наступленіе къ г. Кашау. Мостъ черезъ Тарчу, который непріятель при отступленіи зажегъ, былъ исправленъ рано утромъ саперами. Движеніе это произведено тремя колоннами: вправо — 5-ю пѣх. дивизіею, въ серединѣ 4-ю пѣх. дивизіею съ гусарами, а еще лѣвѣе видны были колонны какой-то дивизіи 4-го пѣх. корпуса. При подъемѣ на гору, по другой сторонѣ р. Тарчи, видъ этихъ наступающихъ пѣхотныхъ колоннъ, предшествуемыхъ казаками и конно-иррегулярною бригадою, былъ истинно величественъ. Ожидали дѣла, но непріятель, обойденный съ обоихъ фланговъ, повсюду отступилъ поспѣшно, посадивши бо́льшую часть своей пѣхоты на подводы.

Къ вечеру присоединились къ нашему корпусу остальные три полка кавалеріи съ конною батареею и расположились бивуакомъ у самаго г. Кашау.

Слѣдующій день данъ корпусу отдыхъ.

---

[1]) Такъ какъ дивиз. квартирмейстеру, по темнотѣ, трудно было выбрать мѣсто, съ которымъ я уже днемъ познакомился. А. С.

Корпусный командиръ, позвавъ меня къ себѣ, объявилъ, что, принимая во вниманіе мою постоянную ревностную службу, хотѣлъ только нѣкоторымъ образомъ заставить меня быть осмотрительнѣе при исполненіи данныхъ порученій и слѣпо исполнять ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, велѣлъ всегда на ночлегахъ выбирать домъ для себя съ канцеляріею поближе къ нему, съ тѣмъ, чтобъ всегда быть подъ рукою, а во время движенія неотлучно при немъ находиться.

Изъ г. Кашау, гдѣ къ главной квартирѣ присоединился 3-й пѣх. корпусъ, движеніе продолжалось на Ферро къ Мишкольцу, причемъ части 3-го корпуса были впереди. 4-й пѣх. корпусъ направленъ былъ лѣвѣе на Токай, по слѣдамъ отступающаго Висоцкаго.

Изъ с. Гальмай я опять былъ отправленъ для рекогносцировки проселочной дороги черезъ р. Гернадъ на м. Талья, лежащій на большой дорогѣ отъ г. Кашау на г. Токай. Вмѣстѣ со мною отправленъ былъ инженеръ-капитанъ Спиридоновъ, для соображеній относительно мѣръ при переправѣ черезъ р. Гернадъ, ежели окажется то необходимымъ. Во все время ѣзды шелъ безпрерывный мелкій дождь и я вернулся въ 2 часа пополудни; дорога въ сухое время удобна, но въ настоящее дождливое время чрезвычайно грязна и у рѣки Гернадъ имѣла крутой подъемъ на другой сторонѣ; моста не было, переправа совершается въ бродъ; въ дождливое, продолжительное время невозможно переправиться безъ моста.

III.

Дня черезъ два по выступленіи изъ Кашау, вслѣдствіе продолжительныхъ дождей, въ войскахъ началась развиваться холера въ сильной степени, чему содѣйствовало, безъ сомнѣнія, расположеніе на бивуакахъ по размокшей известково-глинистой почвѣ, да недостатокъ хорошей воды, какъ для питья, такъ и для варки пищи, потому что вода сдѣлалась чрезвычайно мутною и нечистою. Попавшіеся намъ на встрѣчу поѣзды съ холерными больными 3-го корпуса, отправленными въ госпитали, сзади устроенные, на простыхъ крестьянскихъ повозкахъ (по расходованіи своихъ лазаретныхъ каретъ), представляли истинно печальное и унылое зрѣлище. Подъ вліяніемъ неимовѣрныхъ мученій, издавая жалкіе стоны, эти бѣдные обливали другъ друга рвотами и прочими испражненіями и причиняли на встрѣчу попавшимъ товарищамъ непріятныя впечатлѣнія и ощущенія. Тутъ въ числѣ живыхъ попадались и трупы. Эта ненастная

погода, продолжавшаяся 6 — 7 дней, породила и у насъ въ полкахъ и батареяхъ 2-го корпуса болѣзнь, такъ что когда дошли до Мишкольца, то была весьма сильна. Начальники дивизій, по собраніи во время слѣдованія свѣдѣній о числѣ больныхъ, тотчасъ по прибытіи на бивуакъ у города, отправились къ корпусному командиру съ донесеніями о семъ, а этотъ, въ свою очередь, къ фельдмаршалу, вслѣдъ за этимъ также прибывшему въ Мишкольцъ. Онъ немедленно приказалъ сдѣлать росписаніе полкамъ и батареямъ на тѣсныхъ квартирахъ въ окрестностяхъ города, по деревнямъ, гдѣ въ хатахъ и сараяхъ, на свѣжей, сухой соломѣ, они имѣли возможность высушиваться и отдохнуть. Какъ только эти удобства представились и погода на другой день начала проясняться, болѣзнь тотчасъ стала ослабѣвать.

Во время стоянки въ Мишкольцѣ, я ѣздилъ, по приказанію начальника штаба, въ штабъ 5-ой пѣхотной дивизіи, въ д. Чабѣ, для собранія свѣдѣній о числѣ больныхъ дивизіи и 2-го стрѣлковаго баталіона, и оказалось, что въ ротахъ умерло отъ 30 до 40 человѣкъ, и это въ продолженіе какихъ нибудь 6—8 дней. Умирали и офицеры, но не пропорціонально съ нижними чинами. Бригадный командиръ егерской бригады 5-ой дивизіи, генералъ-маіоръ Мейеръ, также умеръ. Разъ когда я отправился, по обыкновенію, вечеромъ за приказаніями въ главную квартиру, находящуюся также здѣсь, мнѣ сказали, что генералъ Фрейтагъ еще не вернулся отъ князя Горчакова, и потому мы зашли въ близь лежавшую гостинницу поѣсть что нибудь. Тутъ находился молодой, здоровый, широкоплечій, усатый ротмистръ гусарскій Мудровичъ, который при насъ за столомъ заболѣлъ и, не смотря на поданное медицинское пособіе, тутъ же вечеромъ умеръ.

24-го іюня 1849 г. армія выступила изъ Мишкольца, по направленію на Мезо-Кевездъ и Гатванъ, впереди 3-й, а за нимъ нашъ 2-й корпусъ. А какъ движеніе столь значительнаго числа войскъ производилось по одной дорогѣ, да притомъ съ значительнымъ вагенбургомъ, заключавшимъ, кромѣ обыкновеннаго количества повозокъ, еще 20-ти дневный запасъ хлѣба, возимый рогатымъ скотомъ, назначеннымъ для ротъ, то части 2-го корпуса выступили только въ 11 часовъ утра и прибыли на ночлегъ поздно вечеромъ. Начальникъ штаба, по приказанію корпуснаго командира, самъ находился у заставы города, пропуская войска и обозы. Отъ продолжительной стоянки на солнцѣ и на одномъ мѣстѣ онъ заболѣлъ, и хотя, въ слѣдующіе дни, слѣдовалъ съ нами, въ каретѣ, но не занимался служебными дѣлами нѣсколько дней. Въ слѣдующій день и оберъ-квартирмейстеръ полков-

никъ Тетеревниковъ заболѣлъ, такъ что я одинъ здоровымъ остался и долженъ былъ всѣ дѣла подать и доложить корпусному командиру. Поручикъ Цытовичъ, находившійся при штабѣ, страдалъ все сильною лихорадкою, но въ свободное отъ пароксизмовъ время усердно помогалъ. Въ продолженіе этихъ пяти сутокъ я не смыкалъ глазъ и впослѣдствіи часто удивлялся, какъ могъ я выдержать такое состояніе. Вѣрно молодость и здоровая натура помогали. Днемъ на конѣ, провожая корпуснаго командира во время движенія, а по прибытіи на ночлегъ, я долженъ былъ, поѣвши что нибудь, отправиться въ главную квартиру за приказаніями, доложить ихъ корпусному, вклеить его же таковыя въ общую диспозицію, передать ихъ въ войска, особо при штабѣ находившимися казаками, растолковать имъ подробно, гдѣ войска находятся, обождать возвращенія ихъ съ росписками, дабы удостовѣриться всѣ ли части и во-время получили диспозиціи, а затѣмъ опять садиться на коня.

Близь Гатвана получено отъ главнаго штаба предписаніе: отправить дивизіонъ уланъ, подъ начальствомъ опытнаго штабъ-офицера, для наблюденія за собравшимися по другой сторонѣ р. Тиссы, противъ с. Поросло, непріятелями. Начальникъ штаба, выздоровѣвъ, приказалъ мнѣ отправиться къ полковому командиру Харьковскаго уланскаго полка, изложить важность значенія сего порученія и что выборъ сего офицера лежитъ на его отвѣтственности, а мнѣ же велѣлъ дать ему словесно [1]) подробное наставленіе, преимущественно указать, какъ, по открытіи непріятеля, онъ долженъ дѣйствовать и по какимъ дорогамъ отступать. Сдѣлавъ самъ, на маленькой восковой бумагѣ, копію съ карты Шедіуса этихъ мѣстъ, съ обозначеніемъ путей отъ р. Тиссы на Вайценъ и Пештъ, и наклеивъ ее на болѣе твердой бумагѣ и передавъ ему этотъ брульонъ, я, сколько могъ, внятно и коротко изложилъ его обязанности, присовокупляя, что ему слѣдуетъ во время дать знать главному штабу о всемъ болѣе замѣчательномъ на счетъ непріятеля. Направленіе главныхъ силъ къ Вайцену онъ долженъ былъ имѣть въ виду. И дѣйствительно, полковой командиръ (полковникъ Земенецкій) далъ опытнаго, хотя стараго, сѣдаго штабъофицера, маіора Дукшинскаго, участника турецкой кампаніи 1828-го и 1829-го годовъ. Въ эскадронѣ состоялъ и сынъ его офицеромъ; самъ же онъ былъ въ отставкѣ, а когда послѣдовалъ вызовъ государя императора желавшимъ вновь вступить въ ряды, онъ явился. Впослѣдствіи, когда непріятель перешелъ р. Тиссу, чему онъ, разумѣется,

---

[1]) По неимѣнію времени составлять письменную инструкцію.

не могъ препятствовать, онъ такъ зорко слѣдилъ за нимъ, не упуская его ни минуты изъ виду, отступая на армію, такъ что навелъ его на отрядъ генералъ-лейтенанта графа Толстаго, отправленнаго на выручку и прикрытіе общаго вагенбурга въ Гатванѣ и Ассотѣ и тѣмъ въ значительной степени приготовилъ успѣхъ подъ Туромъ и Самбокомъ. Въ награду за эти дѣйствія былъ произведенъ въ подполковники, а при свиданіи со мною онъ дружески пожалъ мнѣ руку и, показывая брульонъ, говорилъ, что онъ спасъ его и отрядъ, такъ какъ венгерцы часто не понимали его, при опросѣ направленія дорогъ.

Между тѣмъ генералъ-лейтенантъ Зассъ, находившійся впереди съ летучимъ казачьимъ отрядомъ и двумя казачьими батареями, столкнулся съ передовою частью войскъ Гергея, старавшагося пробиться черезъ Вайценъ къ нижней Тиссѣ, успѣлъ искусно развернуть силы, свои и молодецкимъ дѣйствіемъ казачьихъ батарей такъ озадачилъ его, что онъ, считая имѣть противъ себя значительныя силы въ нерѣшимости ограничился однимъ артиллерійскимъ огнемъ и тѣмъ далъ возможность прибыть на другой день 3-й кавалерійской, а вслѣдъ затѣмъ и нашей 2-й, а къ вечеру и ночью части пѣхоты 3-го корпуса, подъ начальствомъ генерала Ридигера.

Пѣхота 2-го корпуса двигалась 3-го и 4-го іюня также форсированнымъ маршемъ, отъ Гатвана къ Вайцену, и расположилась близь мызы Дукки. По прибытіи, генералъ Купреяновъ получилъ какое-то словесное приказаніе отъ фельдмаршала, собралъ офицеровъ генеральнаго штаба и начальника штаба и мы отправились верхами по направленію къ полю сраженія, откуда гремѣла довольно сильная артиллерійская канонада. У самой мызы Дукка проселочная дорога нѣсколько съуживается между виноградниками и на встрѣчу кавалькадѣ нашей попалось нѣсколько повозокъ съ больными и ранеными. Лошадь корпуснаго чего-то испугалась и бросилась въ сторону, а онъ упалъ съ нея въ канаву, наполненную дождевою водою, откуда съ трудомъ вытащили его, и онъ уѣхалъ домой, велѣвъ начальнику штаба отправиться къ фельдмаршалу. Отъ сего послѣдняго не послѣдовало никакого приказанія; а въ чемъ прежнее состояло—этого мы никто не знали. Начальникъ штаба впослѣдствіи намекалъ на то, что не было ли ему поручено разузнать, возможно ли по горамъ обойти лѣвый флангъ Гергея? Это нѣкоторымъ образомъ соглашается съ предложеніемъ, сдѣланнымъ генералу Ридигеру двумя нашими лучшими офицерами генеральнаго штаба, полковникомъ Гротенфельдомъ (оберъ-квартирмейстеромъ его) и подполковникомъ Эрномъ (изъ главнаго штаба, но прикомандированнымъ въ распоряженіе генерала Ридигера),

но на проектъ которыхъ тотъ не соглашался, считая его слишкомъ смѣлымъ и пристойнымъ молодымъ людямъ, присовокупляя, что былъ бы онъ 20 или 30 лѣтъ моложе, то можетъ быть самъ предложилъ бы такой.

При вступленіи 2-го корпуса въ г. Вайценъ, который былъ оставленъ жителями, отправившимися по другую сторону Дуная, такъ какъ бой совершался послѣдній день на самыхъ улицахъ города, корпусный командиръ желалъ прекратить безпорядки, совершаемые отсталыми нижними чинами полковъ 3-го корпуса, велѣлъ всѣмъ чинамъ штаба обыскать дома и собрать таковыхъ отсталыхъ, а изъ нашего штаба отправить ихъ въ штабъ 3-го корпуса, войска коего преслѣдовали нѣкоторое время Гергея.

Вечеромъ того же 5 числа я отправился въ главную квартиру въ городѣ и долженъ былъ нѣкоторое время обождать генерала Фрейтага, который всегда самъ диктовалъ диспозицію. Въ 9 часовъ онъ пришелъ отъ фельдмаршала, велѣлъ тотчасъ отыскать какого нибудь молодаго офицера генеральнаго штаба, при главной квартирѣ; послали за однимъ, за другимъ, но дома не нашли никого. Наконецъ, не много разсердившись, обратился онъ ко мнѣ и говоритъ, что такъ какъ приказаніе касается преимущественно до 2-го корпуса, то я какъ адъютантъ могъ бы это исполнить. Я, разумѣется, поклонился, но просилъ его, по составленіи диспозиціи, отправить таковую корпусному командиру, съ увѣдомленіемъ—куда я отправился.

Приказанія генерала Фрейтага состояли въ слѣдующемъ: «отправляйтесь тотчасъ на бивуакъ вашей гусарской бригады (впереди самаго города) къ генералу Багговуту, велите поднять бригаду съ конною батареею и, тихонько пройдя городъ въ темнотѣ, направиться по дорогѣ назадъ въ Ассотъ, гдѣ и подчиниться состоявшему при фельдмаршалѣ генералъ-лейтенанту графу Толстому, который къ утру прибудетъ и приметъ начальство надъ отрядомъ. Получено свѣдѣніе отъ отряда уланъ, посланнаго въ с. Поросло на Тиссѣ, о переходѣ значительныхъ силъ венгерской кавалеріи черезъ эту рѣку, а потому отрядъ уланъ отступаетъ на главныя силы. А вы, господинъ поручикъ, должны состоять при отрядѣ какъ офицеръ генеральнаго штаба, до смѣны другимъ, который вслѣдъ за этимъ назначается».

Сѣвъ на лошадь, я съ своимъ казакомъ, отправившись на бивуакъ гусаръ, гдѣ рѣдкіе огоньки горѣли, довольно скоро нашелъ мѣсто ночлега генерала Багговута, разбудилъ его адъютанта ротмистра Ореуса и попросилъ его, съ своей стороны, будить генерала. Велѣвъ подбросить хворостъ на огонь, адъютантъ разбудилъ генерала, доложивъ, что я прибылъ съ приказаніями, прямо изъ главнаго штаба.

Выслушалъ генералъ Багговутъ съ сіяющимъ лицемъ первую половину приказаній, но когда долженъ былъ присовокупить, что генералъ графъ Толстой приметъ начальство надъ его бригадою, я явно, хотя при слабомъ освѣщеніи бивуачнаго огня, могъ замѣтить непріятное на него впечатлѣніе этой послѣдней половины приказаній. Но скоро онъ, преодолѣвъ себя, сдѣлалъ распоряженія и мы въ 12-мъ часу ночи тронулись съ мѣста, прошли городъ и пустились далѣе. Еще не разсвѣло, какъ догналъ насъ посланный для моей смѣны генеральнаго штаба поручикъ Кебеке. Итакъ, не удалось еще разъ съ лихими гусарами быть въ дѣлѣ и на походѣ слышать ихъ любимыя пѣсни, оканчивающіяся словами:

„Не марайте имя Ольги,
Бѣлый ментикъ и штандартъ“.....

Въ слѣдующій день тронулась пѣхота наша съ уланскою бригадою, имѣя впереди 5-ю пѣх. дивизію, также на Ассотъ. Когда голова колонны дошла до Ассоты, то генералъ Лабынцевъ получилъ свѣдѣніе отъ уланъ, что гусарскій отрядъ, вѣроятно, скоро столкнется съ непріятельскою конницею Перчеля и Дембинскаго, поэтому онъ, своротя съ большой дороги, по дорогѣ на Туръ и Самбокъ, ускорилъ движеніе, а когда ясно слышны были пушечные выстрѣлы, то велѣлъ людямъ сбросить ранцы, посадить артиллерійскую прислугу на орудія и двинулся впередъ усиленнымъ шагомъ. Явясь въ самую рѣшительную минуту свалки на поле сраженія, онъ успѣлъ выставить двѣ пѣшія батареи, которыя своимъ появленіемъ и огнемъ озадачили венгерцевъ, пораженныхъ сверхъ того прежде смѣлыми повторенными атаками эскадроновъ вел. кн. Ольги Николаевны полка. Но почему Ганноверскій полкъ не производилъ атакъ—неизвѣстно [1]). Уже по окончаніи дѣла прибылъ корпусный командиръ, съ своимъ штабомъ, и мы могли только издали видѣть отступавшія колонны непріятеля. Черезъ часъ прибылъ фельдмаршалъ Паскевичъ; объѣхавши ряды гусарскаго вел. княгини Ольги Николаевны полка, поздравилъ ихъ съ побѣдою и сдѣлалъ распоряженіе о преслѣдованіи непріятеля нашею кавалеріею.

Въ слѣдующій день войскамъ данъ отдыхъ, вслѣдствіе усиленныхъ движеній предыдущаго дня; равномѣрно хоронили какъ своихъ, такъ

---

[1]) Разговаривая впослѣдствіи со многими эскадронными командирами, я отъ нихъ слышалъ, что если бы ихъ собственный генералъ (Багговутъ), комадовалъ бы отрядомъ, то и ганноверцы понеслись бы въ атаку. А. С.

и непріятелей. Въ числѣ убитыхъ съ нашей стороны былъ дивизіонеръ маіоръ Гольштейнъ; онъ былъ весь почти изрубленъ, но жилъ два, три часа послѣ дѣла.

Подъ начальствомъ начальника главнаго штаба князя Горчакова былъ здѣсь составленъ отрядъ, для форсированія переправы черезъ р. Тиссу у д. Тисса Фюредъ; въ составъ его вошли: 5-я пѣхотная дивизія, съ ея артиллеріею, уланская бригада съ батареею, 2-й стрѣлковый и 2-й саперный баталіонный съ понтоннымъ паркомъ и казачій полкъ. Такъ какъ мы, штабные, не участвовали въ дѣлѣ семъ, то оно здѣсь и не описывается. Въ слѣдующій день 4-я пѣх. дивизія съ гусарскою бригадою прибыли, да кромѣ того, здѣсь сосредоточились и части 3-го пѣхотнаго корпуса. По сдѣланіи дневки здѣсь, оба корпуса направлены были вверхъ по теченію рѣки въ д. Чеге, гдѣ саперы навели мостъ чрезъ рѣку и начали дѣлать предмостное укрѣпленіе (которое, впрочемъ, на другой день оставили). Цѣль этихъ распоряженій и сосредоточенія двухъ корпусовъ состояла въ томъ, чтобъ, имѣя надежныя средства къ переправѣ, можно бы было, смотря по надобности, дѣйствовать на ту или другую сторону р. Тиссы, такъ какъ еще тогда не имѣлось вѣрныхъ свѣдѣній о мѣстѣ нахожденія арміи Гергея, послѣ столкновенія съ нею 4-го пѣх. корпуса, генерала Чеодаева, подъ Мишкольцемъ. Но когда, наконецъ, вечеромъ, 16-го іюня, офицеръ генеральнаго штаба, отправленный съ этою цѣлью къ ген. Чеодаеву, привезъ извѣстіе, что Гергей направился къ Токаю и перешелъ Тиссу, то фельдмаршалъ велѣлъ всѣмъ войскамъ слѣдовать на Ниригъ-газы и далѣе въ г. Дебречинъ. Тутъ кавалерія была впереди, а за нею 3-й и 2-й корпуса.

Приближаясь, 21-го іюля 1849 г., къ г. Дебречину, передовой отрядъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ сотенъ казаковъ, части уланскаго его императорскаго высочества великаго князя Константина Николаевича полка и конной батареи, у стѣнъ почти самаго города, былъ встрѣченъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ непріятеля, занимавшаго огороды и виноградники городскіе и отлично умѣвшаго скрыть въ нихъ свои орудія. Развернувъ свою батарею, отрядъ стойко встрѣтилъ этотъ огонь, но будучи въ 3, даже 4 раза слабѣе и совсѣмъ открыта, батарея не могла съ успѣхомъ устоять противъ непріятеля. Между тѣмъ начальникъ 2-й кавалерійской дивизіи, генералъ-лейтенантъ Глазенапъ, получилъ приказаніе взять вправо отъ большой дороги, по которой мы пришли, развернуться и ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Къ несчастью, вся мѣстность вправо отъ этой дороги, вплоть почти до самаго города, вся засѣяна была кукурузою, которая въ это время года достигала такой высоты, что едва видны

были верхушки уланскихъ пикъ. Здѣсь исчезла, можно сказать, дивизія и не трудно себѣ представить, что ежели послѣдовало какое нибудь приказаніе отъ фельдмаршала прямо начальнику сей дивизіи, то не легко было бы найти эту часть войска.

Между тѣмъ получено приказаніе фельдмаршала: 5-й пѣх. дивизіи, шедшей во главѣ, вступить въ боевыя линіи, влѣво отъ означенной большой дороги, развернуться и смѣнять конную батарею съ ея прикрытіемъ. И пора было, дѣйствительно, произвести эту смѣну: батарея сильно пострадала, потерявъ сбитыми нѣсколько орудій и половину прислуги, выбитыхъ изъ строя.

Въ это время корпусный нашъ командиръ со всѣмъ своимъ штабомъ (въ томъ числѣ дежурство и взводъ жандармскій) пропустилъ пѣшія двѣ батареи, выѣзжавшія усиленною рысью для занятія позиціи, велѣлъ имъ немедленно открыть огонь, чтобы противодѣйствовать непріятельской артиллеріи, производившей намъ значительный вредъ, и, увидя нѣкоторое содраганіе въ рядахъ, подъѣзжалъ къ одному изъ среднихъ развернутыхъ баталіоновъ, старался своимъ примѣромъ внушить имъ хладнокровіе и одушевить краткою рѣчью, говоря: «что нельзя избѣгать того, что Богомъ предназначено». Но вдругъ, изъ числа безпрерывно бросаемыхъ непріятелемъ ядеръ и гранатъ, вырывавшихъ цѣлые ряды изъ фронта, одна граната лопнула у самыхъ ногъ лошади генерала Купреянова, осколками своими ранила его въ ногу, а другими поразила лошадь въ животъ такъ, что она тутъ-же издохла. Упавъ съ лошади, генералъ, отъ сильной, вѣроятно, боли, громко застоналъ, и дрожащимъ голосомъ просилъ къ себѣ знамя баталіона, чтобы, какъ говорятъ, умереть подъ нимъ. Генералъ Ушаковъ, какъ начальникъ штаба, не допустилъ этого, велѣлъ знамя возвратить въ свое мѣсто и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ распоряженіе о переноскѣ генерала Купреянова внѣ выстрѣловъ, для осмотра ранъ и вообще поданія всякой ему медицинской помощи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ штаба отправился къ фельдмаршалу, находившемуся влѣво, при войскахъ 3-го пѣх. корпуса, и донесъ о раненіи корпуснаго командира и спросилъ, кому онъ, фельдмаршалъ, приказываетъ принять командованіе надъ корпусомъ. На это послѣдовалъ отвѣтъ, что начальникъ 5-й пѣх. дивизіи генералъ-лейтенантъ Лабынцовъ долженъ вступить въ командованіе корпусомъ.

Тутъ между батареями 5-й артиллерійской бригады мы, чины генеральнаго штаба, являлись новому корпусному. Дежурство и жандармскій взводъ прежде начальникомъ штаба были направлены назадъ, вѣроятно, съ цѣлью, не обнаруживать непріятелю присутствія болѣе значительнаго и важнаго лица.

Какъ оказалось, мы здѣсь чуть не лишились своего новаго командира. У генерала Лабынцова вдругъ ядромъ убита была лошадь. Поднявшись быстро съ земли и перекрестившись, онъ сказалъ своему личному адъютанту капитану Соколову: «ну, въ седьмой разъ Богъ помиловалъ грѣшника» (подразумѣвая, что шесть лошадей прежде, во время служенія на Кавказѣ, были убиты подъ нимъ).

Дѣйствіями нашей артиллеріи по всей линіи, огонь непріятеля сталъ ослабѣвать; тогда генералъ Лабынцовъ послалъ оберъ-квартирмейстера полковника Тетеревникова къ фельдмаршалу, просить разрѣшенія подвинуться впередъ. А какъ на это не послѣдовало разрѣшенія, то генералъ Лабынцовъ слѣзъ съ лошади, прогуливался между орудіями, и наставлялъ молодыхъ да неопытныхъ, какъ говорилъ онъ, артиллеристовъ, какъ направлять орудія, по пороховому дыму непріятеля.

Наконецъ (приблизительно, сколько помнится), около 6 часовъ пополудни, велѣно двинуться впередъ; тутъ ясно видно было, какъ непріятель сталъ отступать; противъ нашего праваго фланга тянулись длинные ряды обоза его. Преслѣдующая его конно-иррегулярная бригада, въ самыхъ улицахъ города, отбила 4 орудія, и мы, въ 7-мъ часу, вступили въ городъ.

Упреки сдѣланные нашей 2-й кавалерійской дивизіи, что она не двинулась впередъ и что якобы не могли найти начальника дивизіи, для передачи ему приказаній, мнѣ кажется, не дѣйствительны, потому что спрашивается, почему такое приказаніе, ежели таковое послѣдовало, не передано было черезъ корпуснаго командира, который тутъ-же, нѣсколько сотъ шаговъ отъ кавалеріи, находился, такъ какъ онъ имѣлъ возможность послать нѣсколькихъ нарочныхъ съ этимъ порученіемъ и, слѣдовательно, скорѣе могъ найти дивизіоннаго генерала въ чащѣ кукурузы.

Преслѣдованіе производилось иррегулярною бригадою, и частью кавалеріею 3-го корпуса, къ которой на другой день присоединилась наша. Надъ этимъ авангардомъ, поддержаннымъ сзади пѣхотою 3-го корпуса, принялъ общее начальство командиръ сего корпуса генералъ Ридигеръ, направляясь на Гросвардейнъ.

Непріятелемъ, съ которымъ мы столкнулись, оказался корпусъ Наги-Шандора, выдвинутый Гергеемъ, для прикрытія своего фланговаго движенія отъ Токая къ Гросвардейну.

На другой день послѣ сраженія, при посѣщеніи фельдмаршаломъ генерала Купреянова на его квартирѣ, сей послѣдній просилъ милостиваго содѣйствія его свѣтлости о наградѣ нѣкоторыхъ лицъ штаба,

какъ ближайшихъ исполнителей его, Купреянова, приказаній, въ числѣ коихъ и я находился.

Здѣсь, въ г. Дебречинѣ наша пѣхота, съ главнымъ штабомъ, осталась дней 10 и приготовила хлѣбъ на 20 дней. Черезъ нѣсколько дней выступила 4-я пѣх. дивизія съ ея артиллеріею и уланскимъ вел. князя Николая Александровича полкомъ въ кр. Мункачъ, для обложенія ея; а 5-я пѣх. дивизія, въ послѣднихъ числахъ іюля, также направилась на Гросвардейнъ, котораго мы достигли въ первыхъ числахъ августа мѣсяца 1849 г., когда дошло до насъ извѣстіе о сложеніи оружія Гергеемъ, у с. Вилагоша, передъ войскомъ генерала Ридигера, чѣмъ венгерская кампанія кончилась и войска наши приступили къ возвращенію въ отечество.

А. О. Стренгъ.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ЕВДОКИМОВЪ

1804—1873.

III [1]).

По назначеніи Н. И. Евдокимова начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи, въ вѣдѣніе его поступало все пространство, ограниченное съ запада р. Сунжею, съ сѣвера Терекомъ, а съ востока горнымъ округомъ Салатау (или Салатавіею) и заключавшее въ себѣ Чечню и Кумыкскую плоскость. Главнымъ театромъ предстоявшей военной дѣятельности Николая Ивановича являлась Чечня, раздѣлявшаяся на Большую (на восточной сторонѣ р. Гойты) и Малую (на западной сторонѣ). Страна эта, орошаемая множествомъ рѣкъ и рѣчекъ, представляетъ въ сѣверныхъ частяхъ своихъ плодоносную равнину, часть которой въ то время была покрыта вѣковыми, дремучими лѣсами; далѣе къ югу мѣстность постепенно становится холмистѣе, пересѣченнѣе и, наконецъ, сливается съ передовымъ кряжемъ главнаго Кавказскаго хребта,—такъ называемыми Черными горами, тоже покрытыми лѣсомъ. Чечня, по плодородію своей земли и обилію пастбищъ, справедливо считалась житницею для лежащихъ за нею горныхъ, безплодныхъ пространствъ, а дѣвственные лѣса, ее покрывавшіе, служили естественнымъ оплотомъ для туземцевъ, почти сплошь намъ враждебныхъ. Та часть ихъ, которой уже

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1888 г., т. LVIII, апрѣль, стр. 143—162; томъ LX, октябрь, стр. 169—202.

прискучила постоянная необезпеченность имущества и самой жизни, стала мало-по-малу выселяться изъ лѣсовъ, подъ защиту нашихъ крѣпостей; но переселенія эти были до сего времени дѣломъ весьма труднымъ и опаснымъ, такъ какъ Шамиль, отлично понимавшій стратегическое и экономическое значеніе Чечни, учредилъ надъ ея жителями строгій надзоръ и, при малѣйшемъ подозрѣніи, падавшемъ на кого либо изъ жителей, или даже на цѣлые аулы, неумолимо переселялъ ихъ подалѣе въ горы, а прежнія жилища истреблялъ. Исполнителями его приговора въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно являлись вооруженныя партіи дагестанскихъ горцевъ—такъ называемыхъ тавлинцевъ (отъ татарскаго слова „тау"—гора), которые были самыми ярыми приверженцами ученія мюридизма и пользовались поэтому особымъ довѣріемъ Шамиля.

Чеченцы были такими же отчаянными разбойниками, какъ и прочіе кавказскіе горцы, такъ что наши Сунженскія и Терскія станицы не имѣли покоя отъ ихъ хищническихъ набѣговъ. Крупныя и мелкія экспедиціи, предпринимавшіяся въ глубь ихъ страны, служили только кратковременною острасткою, а иногда сопровождались и бѣдственнымъ для насъ исходомъ, какъ, напр., экспедиціи генерала Граббе въ Ичкеринскіе лѣса (1842 г.) и кн. Воронцова—къ Дарго (1845 г.). Дорого купленными опытами пришлось намъ убѣдиться въ томъ, что Чечню нельзя покорить однимъ ударомъ и что прочнаго завоеванія ея можно достигнуть лишь при соблюденіи постепенности и систематичности въ дѣйствіяхъ. Прежде всего надо было начать съ уничтоженія естественныхъ крѣпостей Чечни—ея непроходимыхъ лѣсовъ; и вотъ на первый планъ выступаетъ топоръ, прорубаются широкія просѣки по наиболѣе важнымъ стратегическимъ направленіямъ; открывается возможность безопаснаго движенія отъ одного укрѣпленнаго пункта къ другому; на отрѣзанныхъ просѣками участкахъ враждебные аулы истребляются, а жителямъ ихъ остается или выселяться подъ нашъ ближайшій надзоръ, или бѣжать далѣе, въ негостепріимныя горы. Система эта, начавшаяся примѣняться съ надлежащею послѣдовательностію только съ конца 1840-хъ годовъ, особенно блестящимъ образомъ оправдалась въ 1852 году, при дѣйствіяхъ въ Чечнѣ тогдашняго начальника лѣваго фланга, князя Александра Ивановича Барятинскаго.

Возгорѣвшаяся въ 1853 г. Восточная война временно парализовала дѣятельность нашихъ войскъ на Кавказѣ и заставила ихъ держаться отчасти въ пассивномъ положеніи. Начатое кн. Барятинскимъ дѣло пріостановилось, и самъ онъ оставилъ лѣвый флангъ линіи, будучи назначенъ начальникомъ штаба арміи, дѣйствовавшей въ Азіятской Турціи.

Генералъ отъ инфантеріи Николай Николаевичъ Муравьевъ, назначенный главнокомандующимъ на Кавказѣ послѣ кн. Воронцова, тоже обратилъ особое вниманіе на Чечню и, едва лишь прекратились военныя дѣйствія на турецкой границѣ, раннею весною 1856 г. прибылъ во Владикавказъ, куда вызвалъ и Н. И. Евдокимова, для совѣщанія относительно дѣйствій на лѣвомъ флангѣ.

Еще до свиданія своего съ Муравьевымъ Николай Ивановичъ успѣлъ уже ощупать одинъ уголъ Чечни. Вскорѣ по пріѣздѣ съ праваго фланга онъ отправился въ крѣпость Воздвиженскую и, стянувъ туда 5 баталіоновъ пѣхоты и 17 сотенъ конницы при 12-ти орудіяхъ, перешелъ съ ними, 22 февраля, на правый берегъ р. Аргуна. Расположившись противъ горы Гойтенъ-Кортъ, онъ въ продолженіе четырехъ дней рубилъ просѣки по разнымъ направленіямъ, не встрѣчая препятствій со стороны непріятеля. Только къ 1-му марта появилось противъ него значительное скопище горцевъ, подъ предводительствомъ наиба Талгика; но оно уже не могло воспрепятствовать нашимъ войскамъ въ проведеніи новой, широкой просѣки отъ Гойтенъ-Кортской высоты до р. Джалки; артиллерія, а въ особенности огонь вновь сформированныхъ стрѣлковыхъ частей, вооруженныхъ нарѣзными ружьями, держали противника въ почтительномъ отдаленіи, такъ что ему, за все время экспедиціи, продолжавшейся до 6-го марта, удалось вывести у насъ изъ строя только 6 чел. нижнихъ чиновъ. Столь же незначительною потерею сопровождалась и произведенная Н. И. Евдокимовымъ, 15-го марта, рекогносцировка по рѣкѣ Гудермесъ, при чемъ разсѣяна была значительная непріятельская партія [1]).

Генералъ Муравьевъ, вызвавъ Н. И. Евдокимова во Владикавказъ, долго съ нимъ бесѣдовалъ о положеніи дѣлъ въ Чечнѣ,

---

[1]) Военно-ученый архивъ, отд. II, № 6,590.

высказалъ нѣсколько общихъ соображеній относительно дѣйствій, которыя онъ имѣлъ въ виду произвести съ цѣлью покоренія Кавказа, и въ заключеніе потребовалъ отъ Николая Ивановича, чтобы тотъ собственныя свои предположенія изложилъ въ особой запискѣ. Изъ всего, что Муравьевъ говорилъ, было ясно, что онъ особенно хлопочетъ о возможно меньшемъ размѣрѣ средствъ для предстоявшихъ дѣйствій. Увлекаясь воспоминаніями о временахъ Ермоловскихъ, онъ, при всемъ своемъ умѣ и высокомъ образованіи, упускалъ изъ вида, что съ тѣхъ поръ мѣстныя обстоятельства и условія борьбы съ горцами радикально измѣнились.

По отбытіи главнокомандующаго въ Тифлисъ, Н. И. Евдокимовъ уѣхалъ въ кр. Грозную (тогдашнее мѣстопребываніе начальника лѣваго фланга) и занялся составленіемъ потребованной отъ него записки, которая и была изготовлена въ 2—3 дня. Письменныя сношенія, возникшія по ея поводу между имъ и Муравьевымъ, продолжались до средины іюля; но дѣйствовать ему согласно предписаніямъ Муравьева уже не пришлось, такъ какъ въ концѣ того же мѣсяца пришло извѣстіе о замѣщеніи послѣдняго кн. А. И. Барятинскимъ.

Извѣстіе это было принято на Кавказѣ съ восторгомъ. Новый главнокомандующій давно уже былъ извѣстенъ тамошнимъ войскамъ съ наилучшей стороны. Они считали его своимъ и не безъ основанія ожидали, что съ прибытіемъ молодаго, талантливаго и энергическаго полководца дѣло закипитъ усиленно и что за тяжкою борьбою съ противникомъ и природою послѣдуютъ щедрыя награды.

Въ распоряженіе кн. Барятинскаго отдавались дотолѣ еще небывалыя на Кавказѣ средства, такъ какъ правительство наше, по заключеніи Парижскаго мира (весною 1856 г.), рѣшилось, для окончательнаго покоренія края, воспользоваться тѣми, присланными изъ Россіи, войсками, которыя дѣйствовали въ Азіятской Турціи, и кромѣ того сформировать еще нѣсколько новыхъ мѣстныхъ войсковыхъ частей, конныхъ и пѣшихъ. Пора было покончить съ враждебною страною, которая при каждой внѣшней войнѣ парализовала значительную часть нашихъ боевыхъ силъ.

Общія черты предстоявшихъ на Кавказѣ дѣйствій намѣчены

были кн. Барятинскимъ еще во время пребыванія его, въ началѣ 1856 г., въ Петербургѣ; но болѣе подробныя соображенія относительно постепеннаго покоренія восточнаго Кавказа, конечно, лучше всего могли быть обсужены на мѣстѣ. Поэтому, находясь въ Москвѣ, на коронаціи, кн. Барятинскій, 27-го августа, писалъ Н. И. Евдокимову слѣдующее:

„Предполагая выѣхать изъ Москвы около 12-го сентября,.... я разсчитываю быть въ Темиръ-ханъ-шурѣ около 25-го сентября. Мнѣ бы весьма хотѣлось наиболѣе важные вопросы, которые необходимо должны возникнуть при высочайше утвержденномъ новомъ раздѣленіи кавказской военной администраціи, рѣшить тотчасъ же по пріѣздѣ, при взаимномъ соглашеніи сосѣднихъ начальниковъ, а потому покорнѣйше прошу ваше превосходительство пріѣхать къ тому времени въ Темиръ-ханъ-Шуру. Здѣсь, по общемъ обсужденіи, рѣшимъ мы наиболѣе удобное разграниченіе Дагестана съ лѣвымъ крыломъ и переговоримъ обо всемъ, относящемся до предполагаемой въ нынѣшнюю зиму экспедиціи въ Чечню; посему прошу васъ соображенія объ этихъ предметахъ составить заблаговременно и захватить съ собою всѣ данныя, которыя для полнаго рѣшенія сказаннаго вопроса необходимы“ [1]).

Въ число военно-административныхъ реформъ, о которыхъ упоминается въ этомъ письмѣ, входило новое раздѣленіе кавказской линіи на двѣ самостоятельныя части: правое и лѣвое крыло. Послѣднее, начальникомъ котораго назначался Н. И. Евдокимовъ (26-го августа того же года произведенный въ генералъ-лейтенанты), обнимало районъ значительно бо̀льшій прежняго лѣваго фланга. Сохраняя на востокѣ, приблизительно, прежнія границы, оно доходило на западѣ до р. Малки, захватывая такимъ образомъ весь бывшій владикавказскій округъ и часть бывшаго центра кавказской линіи. Понятно, что съ увеличеніемъ объема подвѣдомственной Н. И. Евдокимову территоріи чрезвычайно увеличивался и усложнялся для него кругъ занятій; но за то открывалась и бо̀льшая возможность для самостоятельности и единства въ дѣйствіяхъ.

Прибытіе кн. Барятинскаго, ѣхавшаго по Волгѣ и Каспій-

---

[1]) Арх. гр. Евдокимова, № 44.

скому морю, сильно замедлилось вслѣдствіе бурной погоды, такъ что только около половины октября онъ пріѣхалъ въ Темиръ-ханъ-Шуру, гдѣ въ числѣ прочихъ начальствующихъ лицъ встрѣтилъ его и Николай Ивановичъ. Пріемъ, оказанный Н. И. Евдокимову главнокомандующимъ, не оставлялъ никакихъ сомнѣній въ полномъ къ нему довѣріи и расположеніи; изъ продолжительныхъ совѣщаній онъ вынесъ убѣжденіе, что предположенія его будутъ осуществляться.

—„Ну, почтеннѣйшій (обычное выраженіе Николая Ивановича), говорилъ онъ одному изъ сопровождавшихъ его штабныхъ офицеровъ, — все идетъ отлично, скоро закипитъ у насъ дѣло въ Чечнѣ".

Князь Барятинскій, пробывъ нѣсколько дней въ Темиръ-ханъ-Шурѣ и бесѣдуя съ Н. И. Евдокимовымъ, ограничился на этотъ разъ общими указаніями относительно дѣйствій въ предстоявшую зимнюю экспедицію и нѣкоторыми другими, наиболѣе неотложными распоряженіями; затѣмъ онъ уѣхалъ, черезъ Дербентъ и Шемаху, въ Тифлисъ, а Николай Ивановичъ возвратился въ Грозную, гдѣ предстояло ему множество дѣлъ, какъ по организаціи новаго управленія войсками и краемъ, такъ и по подготовкѣ зимняго движенія въ глубь враждебной страны, которое должно было совершиться по возможности неожиданно для непріятеля.

Цѣлью предстоявшей экспедиціи было занятіе долины рѣки Мичикъ, для проложенія просѣки черезъ давно извѣстный войскамъ лѣваго крыла Маюртупскій орѣшникъ (отъ аула „Маюртупъ)," представлявшій непроходимую чащу и служившій надежнымъ убѣжищемъ для мѣстныхъ жителей. Такъ какъ Шамиль черезъ своихъ лазутчиковъ обыкновенно пронюхивалъ о нашихъ намѣреніяхъ, то приняты были всѣ мѣры для того, чтобы ввести его въ заблужденіе: назначенныя въ экспедицію войска, принявшія названіе „Чеченскаго" отряда, стягивались постепенно къ укрѣпленію Куринскому и къ аулу Умаханъ-Юртъ; между тѣмъ, на правомъ берегу Аргуна, около укрѣпленія Бердыкель выставлена была особая колонна, имѣвшая видъ авангарда отряда, который, по распущеннымъ Н. И. Евдокимовымъ слухамъ, долженъ былъ двинуться далѣе въ глубь Большой Чечни. Слухамъ этимъ не только жители, но и самыя войска вполнѣ повѣ-

рили. Шамиль былъ сбитъ съ толку и, какъ вскорѣ оказалось, не принялъ надлежащихъ мѣръ тамъ, гдѣ бы ихъ слѣдовало принять.

5-го декабря Н. И. Евдокимовъ, во главѣ Чеченскаго отряда (11,167 штыковъ, 463 чел. драгунъ, 2,754 чел. казаковъ и милиціи, при 26 орудіяхъ и 16 ракетныхъ станкахъ), двинулся въ долину Мичика и немедленно приступилъ къ работамъ по вырубкѣ лѣса. Главнымъ противникомъ нашимъ здѣсь оказалась ненастная погода, а не горцы, которые, очевидно, были застигнуты врасплохъ, такъ что 7-го числа уже прорублена была черезъ маюртупскій орѣшникъ такая широкая и удобная просѣка, что войска наши могли проходить по ней въ густыхъ колоннахъ.

Въ письмѣ кн. Барятинскому, отъ 8-го декабря, Николай Ивановичъ, между прочимъ, сообщаетъ: „Непріятель, какъ теперь видно, не ожидалъ насъ со стороны Мичика и, озабоченный удаленіемъ въ лѣса семействъ и имущества, слабо тревожилъ насъ во время рубки, почему мы успѣли уже проложить себѣ свободный путь во всю длину лѣса. Работы, однако же, еще много, какъ по чрезвычайной густотѣ его, такъ и по значительности протяженія“ [1]).

Рубка лѣса, дѣйствительно, продолжалась еще до 18-го декабря и въ этотъ день маюртупскій орѣшникъ—оплотъ Чечни со стороны Качкалыковскаго хребта—перестал существовать. Мѣстные жители, какъ выше сказано, почти не оказывали сопротивленія, понимая безплодность своихъ усилій; только 16-го числа одно изъ скопищъ Шамиля, подошедшее изъ ущелья р. Гудермесъ, пустило по отряду издалека нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Даже по выступленіи нашихъ войскъ въ обратный путь, непріятель, противъ своего обыкновенія, не преслѣдовалъ ихъ.

„Этимъ, пишетъ Н. И. Евдокимовъ въ своемъ донесеніи, кончились военныя дѣйствія Чеченскаго отряда въ 1-й періодъ военныхъ дѣйствій зимою 1856—57 гг. Высланныя противъ насъ Шамилемъ толпы горцевъ не осмѣлились вступить съ нами въ рѣшительный бой безъ мѣстныхъ жителей. Считая устройство сообщенія отъ кумыкской плоскости въ глубь Чечни дѣломъ

[1]) Архивъ гр. Евдокимова, № 43.

первой важности, я сему главному условію подчинилъ всѣ прочія и ограничивался однѣми только работами, если не поставленъ былъ въ необходимость сражаться. Поэтому на сей разъ крови русской пролито немного; за то ревности, неутомимыхъ трудовъ и мужества много оказано. При непрерывной слякоти, грязи, густыхъ туманахъ и усиленныхъ по необходимости работахъ, войска сохранили бодрый и веселый духъ и совершили важный на кавказской войнѣ подвигъ“ [1]).

Съ бо̀льшими подробностями описана эта замѣчательная экспедиція въ слѣдующемъ письмѣ Николая Ивановича кн. Барятинскому, отъ 23-го декабря 1856 г.:

„Маюртупская просѣка кончена. Она исполнена подъ вліяніемъ единодушнаго желанія всѣхъ и каждаго заслужить одобреніе вашего сіятельства, и я повергаю этотъ трудъ милостивому вашему вниманію. Всѣ предварительныя распоряженія были сдѣланы въ смыслѣ указаній в. с—ва. Генералъ-маіору барону Николаю даны были 9 батальоновъ для занятія лагерной позиціи въ самомъ лѣсу, съ тѣмъ, чтобы тамъ же расположиться и остальнымъ войскамъ, по мѣрѣ ихъ прибытія; но проливной дождь, а потомъ густой, мокрый снѣгъ были причиною, что распоряженія эти не могли быть выполнены. Единственная переправа черезъ Мичикъ, наскоро устроенная саперами у бывшаго аула Маслягима, испортилась такъ скоро, что едва только 6 батальоновъ, съ частью конницы и нѣсколькими орудіями, могли перейти на лѣвый берегъ; снѣгъ залѣплялъ глаза и не позволялъ видѣть далѣе 10 шаговъ передъ собою, а время склонялось за полдень. Увидѣвъ эти неудобства и удостовѣрясь лично, что по свойству береговъ Мичика не представляется возможности возстановить переправу ранѣе сутокъ, я вынужденъ былъ приказать войскамъ стянуться къ бывшей переправѣ в. с—ва, у Гурдали, и, остановясь здѣсь, приступить къ разработкѣ дороги; ибо хотя прежнія были совершенно срыты непріятелемъ, однако, меня мѣсто обнадеживало, что, при новыхъ усиліяхъ, разработка переправы сохранитъ прочность, по крайней мѣрѣ, на время пребыванія отряда. Между тѣмъ дорога по глинистому грунту качкалыковскаго перевала становилась хуже и хуже;

[1]) Воен. Уч. арх., отд. II, № 6590.

обозъ едва двигался, и опасеніе за способы дальнѣйшихъ подвозовъ продовольствія становилось очевиднѣе. Все это вмѣстѣ заставило меня отказаться отъ прежняго предположенія и начать рубку просѣки посредствомъ движенія особыми колоннами. Этотъ способъ замедлялъ, безъ сомнѣнія, работу нашу дня на 4 или 5, за то освободилъ отъ необходимости переправлять транспорты съ продовольствіемъ черезъ мичиковскій оврагъ,—что̀ составило бы новое препятствіе, едва ли не худшее перевоза черезъ Качкалыковскій хребетъ“.

„Все время 16-ти дневнаго пребыванія отряда въ долинѣ Мичика сопровождалось непогодою: каждый почти день былъ дождь или туманъ, и только 2 дня ясныхъ. Войска трудились каждый день,—одни на рубкѣ просѣки, другія на Мичиковской переправѣ, портившейся ежедневно, третьи въ конвоированіи колоннъ. Поэтому, окончивъ Маюртупскую просѣку, я почелъ необходимостью распустить ихъ немедленно на квартиры“ [1]).

Письмо это наглядно показываетъ, что̀ значили зимнія экспедиціи на Кавказѣ, даже при отсутствіи серьёзнаго сопротивленія со стороны непріятеля. Никто, конечно, не могъ лучше кн. Барятинскаго оцѣнить самоотверженіе и усиліе войскъ, съ которыми ему самому не разъ приходилось участвовать въ подобныхъ же предпріятіяхъ; никто также столь ясно не могъ сознавать, сколь разумны и цѣлесообразны были распоряженія ихъ начальника. Это и доказывается слѣдующимъ письмомъ его Н. И. Евдокимову, отъ 30-го декабря 1856 г.,—письмомъ, весьма любопытнымъ еще и потому, что оно раскрываетъ предположенія князя относительно послѣдующихъ дѣйствій и вызываетъ откровенный на ихъ счетъ отвѣтъ Николая Ивановича.

„Приношу вашему п-ву, пишетъ князь, искреннюю и чувствительную мою благодарность за окончаніе перваго періода прекрасной вашей экспедиціи; успѣхъ чрезвычайный и тѣмъ болѣе для меня пріятный, что опытными распоряженіями вашими сбережено такъ много крови“.

„Теперь на ближайшее усмотрѣніе передаю вамъ мысль, о которой прошу откровенно высказать мнѣ ваше мнѣніе: полагаете ли вы возможнымъ, для втораго дѣйствія зимней экспедиціи,

---

[1]) Арх. гр. Евдокимова, № 43.

собрать весь отрядъ въ Воздвиженскомъ, или же раздѣлить его на двѣ части—одну на Мичикѣ, а другую въ Воздвиженскомъ, съ тѣмъ, чтобы, предполагая совокупное дѣйствіе сихъ двухъ отрядовъ къ Автуру и Гельдыгену, обратиться внезапно и такъ, чтобы этого никто не ожидалъ, въ Аргунское ущелье, до Шубута; тамъ, расположивъ вашъ отрядъ, а можетъ быть и притянувъ къ нему еще часть или весь отрядъ Мичиковскій, заняться вырубкою лѣса и выбрать, по вашему усмотрѣнію, такой пунктъ, гдѣ бы можно было временно расположить, можетъ быть и на цѣлый годъ, самостоятельный отрядъ въ засѣкахъ, въ балаганахъ или землянкахъ, до той поры, когда можно будетъ тамъ построить постоянное укрѣпленіе для подвижнаго резерва. Этимъ способомъ получаете вы возможность упразднить отъ значительнаго гарнизона всѣ укрѣпленія заднихъ линій, а населеніе Большой и Малой Чечни и Черныхъ горъ, увидя васъ уже въ тылу, воспользуется симъ случаемъ, чтобы принести рѣшительную покорность, и Шамиль безъ сомнѣнія принужденъ будетъ тотчасъ же перенести свою резиденцію изъ Веденя въ Карату́ или въ какое либо другое мѣсто въ нѣдрахъ горъ. Водворивши такимъ образомъ отрядъ въ четыре баталіона, съ достаточнымъ числомъ кавалеріи и артилеріи, за Аргунскимъ ущельемъ, и обезпечивъ его сообщеніе съ Воздвиженскимъ, вамъ уже легко будетъ, съ остальною частію вашихъ войскъ, приступить къ третьему дѣйствію зимней экспедиціи, т. е. къ разчисткѣ Гельдыгенскаго орѣшника, а если Богъ поможетъ, то и Автурскаго лѣса до Шалинской поляны. Жду съ нетерпѣніемъ отъ васъ отвѣта.... Прошу ваше п—во, съ изъявленіемъ еще разъ полной и душевной моей признательности, принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности“ [1]).

Увлекаясь своими широкими планами, талантливый полководецъ, со свойственною ему пылкостію, конечно, желалъ и быстрѣйшаго осуществленія ихъ. На дѣлѣ это оказывалось не такъ легко. Практическій и предусмотрительный Н. И. Евдокимовъ явился тутъ сдерживающимъ элементомъ. Онъ лучше чѣмъ кто либо зналъ насколько разныя, повидимому мелкія, препят-

---

[1]) Арх. гр. Евдокимова, № 43.

ствія—если ихъ предварительно не устранить—могутъ испортить осуществленіе самыхъ блестящихъ плановъ, и предпочиталъ дѣйствовать хотя медленнѣе, но навѣрняка. Онъ и не стѣснился высказать кн. Барятинскому собственныя соображенія, въ нижеслѣдующемъ письмѣ, отъ 4-го января 1857 г.

.... „Вы изволите требовать откровеннаго мнѣнія моего касательно занятія Аргунскаго ущелья. Спѣшу доложить на это въ духѣ желанія вашего с—ва.

„При всей готовности выполнить волю вашу обращеніемъ втораго періода дѣйствій въ Аргунское ущелье, я не могу не сознаться, что экспедиціи этой до сей поры не было въ виду и потому не было сдѣлано никакихъ предварительныхъ распоряженій, требуемыхъ важностью предпріятія. Главное же затрудненіе предстоитъ въ обезпеченіе отряда сѣномъ, котораго въ Воздвиженскомъ, отъ необильнаго урожая травы, ни жители, ни войска не заготовили въ достаточномъ количествѣ и котораго изъ другихъ мѣстъ, за недостаткомъ перевозочныхъ средствъ, не представляется возможности доставить за умѣренныя издержки. Между тѣмъ занятій, при выполненіи этой экспедиціи, предстоитъ весьма много; вырубка лѣса и уничтоженіе его, разработка дороги въ каменистомъ грунтѣ и устройство временныхъ укрѣпленныхъ помѣщеній для войскъ займутъ едва ли не все остальное время до ранней весны.

„Не смѣю отвергать, что занятіе Аргунскаго ущелья доставитъ намъ важные результаты; но мнѣ кажется, что достиженіе ихъ менѣе затруднительно и вѣрнѣе путемъ систематической послѣдовательности. Долговременная служба моя въ войнѣ съ здѣшними народами пріучила меня не вѣрить горцамъ и считать ихъ безвредными только тогда, когда они бываютъ лишены къ тому возможности. Поэтому общей одновременной покорности отъ нихъ я не ожидаю, и мнѣніе мое, связанное съ такими убѣжденіями, внушаетъ смѣлость доложить: не изволите-ли ваше с—во признать возможнымъ подготовить несомнѣнную вѣроятность въ полнотѣ успѣха дѣйствій нашихъ въ Аргунскомъ ущельи слѣдующими предварительными дѣйствіями въ Большой Чечнѣ:

„1) Разчисткою дорогъ по всѣмъ важнымъ ея направленіямъ; 2) постройкою укрѣпленія въ центрѣ Большой Чечни на 3 роты

пѣхоты и 2 сотни казаковъ (здѣсь укрѣпленіе, по мнѣнію стариковъ чеченцевъ, окончательно покоритъ намъ плоскость Большой Чечни, ибо прикроетъ покорное населеніе отъ набѣговъ, почему я и полагаю построить его прежде чѣмъ на Хоби-Шавдонѣ); 3) довершеніемъ устройства Сунженской линіи, чрезъ водвореніе станицы въ Чертугаѣ и казачьихъ постовъ по Сунжѣ и между ею и Терекомъ; 4) устройствомъ ауловъ мирныхъ жителей Большой и Малой Чечни; 5) необходимыми работами въ кр. Воздвиженской и другихъ пунктахъ лѣваго крыла, нуждающихся въ томъ для поддержки спокойствія края и для сохраненія здоровья людей.

„Направивъ въ настоящемъ году всѣ способы къ одной этой цѣли, я думаю хотя и не вполнѣ успѣть, однако, въ большой части, какъ этихъ предпріятій, такъ и въ приготовленіяхъ предстоящей экспедиціи по Аргуну,—послѣ чего даже незначительные отряды, оставленные въ Большой Чечнѣ и на Кумыкской плоскости, будутъ достаточны для охраненія края, а дѣйствія главныхъ силъ въ Аргунскомъ ущельѣ освободятся отъ вліянія случайныхъ обстоятельствъ на плоскости".

„Пути изъ Аргунскаго ущелья далѣе въ горы заслонены дремучимъ лѣсомъ, гораздо болѣе, чѣмъ входъ въ ущелье. Дѣйствія наши станутъ грозными для Шамиля и всей горной Чечни еще болѣе тогда, когда мы проникнемъ за эту вторую лѣсную ширму; поэтому намъ предстоитъ, кромѣ занятія ущелья, проложить и этотъ путь, въ гористой уже мѣстности. Спокойствіе со стороны Чеченской и Кумыкской плоскости и совокупность дѣйствій безъ сомнѣнія облегчатъ намъ эту операцію, посредствомъ которой и получится уже прочная власть надъ всѣми горными чеченскими племенами. Что касается до Шамиля, то онъ долженъ, кажется, держаться Чечни до послѣдней крайности. Говорятъ, что всѣ свои цѣнныя вещи онъ вывезъ уже въ Карату́, (но) при всемъ этомъ находятся люди, утверждающіе, что онъ оставитъ Ведень не прежде, какъ послѣ совершенной потери вліянія на приверженцевъ своихъ среди чеченскихъ племенъ".

„Представляя вышеизложенное на рѣшеніе вашего с—ва, я чистосердечно исполняю этимъ долгъ, вами на меня возложен-

ный, и буду ожидать приказаній вашихъ по сему предмету, чрезъ курьера" [1]).

Въ такомъ же духѣ, еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ (25-го декабря), писалъ Евдокимовъ и новому начальнику штаба Кавказской арміи, свиты его величества генералъ-маіору Дмитрію Алексѣевичу Милютину [2]), который предлагалъ прислать къ нему (Евдокимову) нѣкоего выходца изъ горъ, Юсуфа-Хаджи [3]), и излагалъ предположенія послѣдняго относительно средствъ для покоренія Большой Чечни.

„Въ письмѣ, вчера мною полученномъ (такъ отвѣчаетъ ему Николай Ивановичъ), ваше п—во просите меня ускорить отвѣтомъ по вопросу касательно проживающаго въ Тифлисѣ Юсуфа-Хаджи.... (такъ) какъ отъ него, въ предстоящихъ зимнихъ движеніяхъ, въ самомъ дѣлѣ можетъ быть нѣкоторая польза, то я рѣшаюсь просить возвратить его, если возможно, безъ замедленія. Касательно совѣтовъ его я слѣдующаго мнѣнія:

„Занятіе плоскости Большой Чечни дѣйствительно порѣшитъ дѣло съ чеченцами; но для этого намъ не нужно вдаваться съ укрѣпленіями въ ущелья Черныхъ горъ, и не нужно болѣе двухъ: одного на Мичикѣ, а другаго въ окрестностяхъ Автура. Мы вдались бы въ ошибку, если бы повѣрили, что укрѣпленія наши могутъ замыкать выходы изъ ущелій. Образованіе ближайшихъ къ намъ отроговъ Черныхъ горъ допускаетъ свободно переходить хребты изъ одного ущелья въ другое, и укрѣпленія наши, введенныя въ глубину ихъ, столь же легко могутъ быть обходимы непріятелемъ, сколько трудно поддерживать съ ними наши сообщенія. Только далѣе въ горахъ, гдѣ перевалы становятся скалисты, сказанныя условія начинаютъ получать мѣсто; но къ этому, покуда, мы здѣсь еще не близки, и для того, чтобы сблизиться, надо управиться съ плоскостью Большой Чечни,

---

[1]) Арх. гр. Евдокимова, № 43.

[2]) Впослѣдствіи графъ и воен. министръ.

[3]) Этотъ Юсуфъ-Хаджи, воспитывавшійся въ константинопольской военной школѣ, былъ нѣсколько времени приближеннымъ человѣкомъ у Шамиля и главнымъ у него руководителемъ въ постройкѣ укрѣпленій; но лѣтомъ 1856-го г., когда шансы борьбы противъ насъ, съ заключеніемъ Парижскаго мира, все болѣе и болѣе стали уменьшаться, онъ ушелъ къ русскимъ, и съ тѣхъ поръ проживалъ въ Тифлисѣ. Въ письмѣ Евдокимова обсуждаются его совѣты касательно средствъ для покоренія Большой Чечни. И. О.

для чего, по моему мнѣнію, необходимо слѣдующее: 1) выстроить мостъ черезъ Аргунъ, у Бердыкеля, 2) поселить станицы у Чертугая и Умаханъ-Юрта, 3) сдѣлать два укрѣпленія: въ окрестностяхъ Автура и на Хоби-Шавдонѣ, или въ долинѣ Мичика, 4) постъ на Джалкѣ, для поддержанія сообщенія Грозной съ Автуромъ, 5) размѣстить и устроить покорное чеченское народонаселеніе. Послѣ этого мы смѣло можемъ называть нашею всю плоскость Чечни и начинать движенія далѣе. Пути для демонстрацій Юсуфъ-Хаджи указалъ довольно удачно; но я думаю, что Шамиль давно уже понялъ образъ веденія войны противъ насъ и не замедлитъ угадать наши намѣренія вскорѣ послѣ первыхъ основательныхъ извѣстій о составѣ отрядовъ. Поэтому мнѣ кажется, что со стороны Ходжалъ-Махи демонстрація, по отдаленности отъ Чечни, не принесетъ большой пользы; противъ Аргунскаго ущелья, гдѣ намъ весьма полезно современемъ утвердиться, лучше не показывать теперь никакихъ намѣреній, впредь до рѣшительнаго движенія, ибо если мы сдѣлаемъ туда диверсію, то непріятель можетъ послѣ того поставить намъ такія препятствія, для одолѣнія которыхъ потребуются большія усилія. Прикрытые не весьма большою ширмою лѣса, горцы живутъ по Аргуну спокойно; но если мы возбудимъ въ нихъ сомнѣніе преждевременно, они укрѣпятся, и тогда входъ въ ущелье будетъ уже для насъ весьма труденъ.

„Если бы изъ при-Каспійскаго края, пользуясь иногда праздностію войскъ, стали бы прокладывать хорошую дорогу отъ Евгеньевскаго укрѣпленія, черезъ Теренгулъ, къ Буртунаю и дѣлать просѣки отъ Міатлы, черезъ Хубарскія высоты и отъ Чиръ-Юрта къ Дылыму, — эти дѣйствія, согласуемыя съ временемъ года, принесли бы двойные плоды: силы непріятеля были бы развлечены, а время и труды солдатъ постепенно приближали насъ къ успѣху въ будущихъ предпріятіяхъ“ [1]).

Въ отвѣтѣ на это письмо (5 января 1857 г.) генералъ Д. А. Милютинъ говоритъ:

„Получивъ письмо вашего п—ва, отъ 25 декабря, я немедленно же испросилъ разрѣшенія г. главнокомандующаго на отправленіе къ вамъ Юсуфа-Хаджи съ его свитою.... Изложен-

---

[1]) Архивъ гр. Евдокимова, № 50.

ныя въ письмѣ вашемъ соображенія по поводу сообщенныхъ мною совѣтовъ Юсуфа я счелъ долгомъ своимъ доложить г. главнокомандующему. Его сіятельство, какъ вамъ уже извѣстно, вполнѣ раздѣляетъ ваши мнѣнія относительно Чечни, и также убѣжденъ, что судьба ея порѣшится занятіемъ Хоби-Шавдона и Автура. Что же касается до движенія въ Аргунское ущелье, то князь Александръ Ивановичъ писалъ уже вамъ объ этомъ предметѣ и ждетъ съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что движеніе можетъ быть не иначе предпринято, какъ въ видѣ внезапнаго и рѣшительнаго удара; демонстраціи же въ этомъ направленіи, конечно, были бы болѣе вредны, чѣмъ полезны. Мысли вашего п—ва относительно просѣкъ въ Салатавіи также вполнѣ одобрены г. главнокомандующимъ и будутъ сообщены ген.-лейт. кн. Орбельяну для соображенія. Содѣйствіе въ этомъ направленіи, дѣйствительно, можетъ принести значительную помощь вашимъ успѣхамъ въ Чечнѣ" [1]).

Наконецъ, полученъ былъ княземъ Барятинскимъ столь нетерпѣливо имъ ожидаемый отвѣтъ Н. И. Евдокимова на письмо его отъ 30-го декабря [2]). Какъ отнесся главнокомандующій къ соображеніямъ Николая Ивановича, можно видѣть изъ нижеслѣдующаго письма къ послѣднему отъ начальника штаба кавказской арміи (8 января 1857 г.).

„Г. главнокомандующій,—пишетъ Д. А. Милютинъ,—получивъ письмо вашего п—ва отъ 4-го сего января, поручилъ мнѣ увѣдомить васъ, что его с—во вполнѣ одобряетъ ваши соображенія относительно предстоящаго образа дѣйствій въ Чечнѣ и разрѣшаетъ вамъ приводить въ исполненіе ваши соображенія совершенно по вашему усмотрѣнію. Между прочимъ, кн. Александръ Ивановичъ предоставляетъ вашему п—ву приступить въ нынѣшнемъ же году къ постройкѣ укрѣпленія въ окрестностяхъ Автура, если вы признаете это предпріятіе своевременнымъ.... Его с—во раздѣляетъ ваше мнѣніе, что укрѣпленіе въ означенномъ мѣстѣ можетъ весьма упрочить положеніе наше на плоскости чеченской, однако же, рѣшительнаго оборота въ дѣлахъ всего края ожидаетъ отъ вступленія нашего въ Аргунское

---

[1]) Архивъ гр. Евдокимова, № 50.

[2]) См. выше.

ущелье. Довершеніе устройства Сунженской линіи и надѣленіе землями покорныхъ чеченцевъ также заслуживаютъ самаго неослабнаго вниманія. Что же касается до кр. Воздвиженской, то главнокомандующій полагаетъ ограничиться въ этомъ пунктѣ лишь самыми неотлагательными работами, единственно для поддержанія существующихъ строеній, имѣя въ виду, что съ предполагаемымъ шагомъ нашимъ въ аргунское ущелье важность крѣпости Воздвиженской утратится. Вообще, кн. Александръ Ивановичъ считаетъ, что самымъ важнымъ результатомъ предпріятій нашихъ въ Чечнѣ должно быть уменьшеніе количества войскъ въ тѣхъ частяхъ края, которыя останутся задними и будутъ требовать гораздо меньшихъ силъ для охраненія, чѣмъ прежде. Къ этому результату должны клониться всѣ наши усилія" [1])...

Предшествовавшая переписка показываетъ, что основныя соображенія Н. И. Евдокимова были высшимъ кавказскимъ начальствомъ признаны вполнѣ вѣрными. Согласно имъ повелись и послѣдующія дѣйствія въ смыслѣ упроченія русской власти въ Большой Чечнѣ.

На сей конецъ, въ самомъ началѣ 1857 года, было вновь сформировано два отряда: главный (Чеченскій), силою въ $14^1/_2$ баталіоновъ, 4 эскадрона драгунъ, 15 сотенъ казаковъ, 5 сотенъ милиціи, при 20 орудіяхъ и 16 ракетныхъ станкахъ, подъ начальствомъ самого Н. И. Евдокимова, и вспомогательный (Кумыкскій), изъ $7^1/_2$ баталіоновъ, 13 сотенъ казаковъ и милиціи, при 14 орудіяхъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора барона Николаи.

За день до начала экспедиціи Николай Ивановичъ писалъ генералу Милютину:

«Сегодня выѣзжаю я во второй чеченскій походъ. Войска сосредоточатся къ вечеру за Аргуномъ и завтра стянутся на Джалкѣ. Чтобы сократить наши занятія во второмъ періодѣ, я собралъ войскъ больше, чѣмъ предполагалось, и буду стараться съ этими средствами открыть Чечню для лѣтнихъ движеній и вдоль, и поперегъ. Генералъ-маіоръ баронъ Николаи будетъ дѣйствовать черезъ Маюртупскую просѣку на Гелдыгенскій лѣсъ съ одной, а я, отъ Джалки, съ другой стороны. Дѣло это скоро

[1]) Архивъ гр. Евдокимова, № 50.

кончится; тогда мы сдѣлаемъ то же съ Автурскимъ лѣсомъ; потомъ прорубимъ Герзелинскій лѣсъ, черезъ Гертме на Гелдыгенъ, расчистимъ Шалинскую просѣку и увидимъ, что должно будетъ дѣлать впередъ».

«Отрядъ со стороны Кумыкской плоскости начинаетъ свои занятія съ 14 числа, на Хоби-Шавдонѣ, подготовленіемъ строеваго лѣса на укрѣпленія»....

«Я очень радъ, что мнѣніе мое о чеченскихъ дѣлахъ удостоилось одобренія князя Александра Ивановича. Буду теперь стараться о возведеніи крѣпости въ окрестностяхъ Автура и, если Богъ поможетъ сладить со множествомъ предстоящаго здѣсь дѣла, то можно, кажется, заблаговременно предвидѣть возможность и скораго занятія Аргунскаго ущелья и Веденя. Подробнѣе объ этомъ предметѣ я буду писать послѣ обозрѣнія мѣстности» [1])....

15 января 1857 г. Чеченскій отрядъ, согласно распоряженіямъ Николая Ивановича, сосредоточился на берегу р. Аргуна, противъ укрѣпленія Бердыкель, а на другой день двинулся къ р. Джалкѣ, по направленію на высоты Чухумъ-Барзъ. Непріятельское скопище, засѣвшее у подошвы этихъ высотъ, будучи угрожаемо обходомъ нашей конницы, отступило безъ боя. Въ продолженіе слѣдующихъ трехъ дней войска рубили просѣки по направленію къ ауламъ Эспенъ и Агшпатой, при чемъ горцы непрерывно старались мѣшать имъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ; а 20-го числа Чеченскій отрядъ, оставивъ на Джалкѣ свой вагенбургъ, подъ соотвѣтствующимъ прикрытіемъ, двинулся къ аулу Гелдыгенъ, чтобы, совокупно съ войсками барона Николаи, сосредоточенными на Кумыкской плоскости, проложить дорогу по Гелдыгенскому лѣсу и тѣмъ открыть путь еще далѣе въ глубь Чечни, направляясь черезъ Маюртупскую просѣку.

„Хотя,—пишетъ Н. И. Евдокимовъ въ своемъ донесеніи,—мною получены были свѣдѣнія, что сборъ непріятеля, со дня перехода нашего черезъ Джалку, значительно увеличился, такъ что кромѣ чеченцевъ, преимущественно изъ ауловъ, ближайшихъ

[1]) Архивъ гр. Евдокимова, № 50, изъ письма Н. И. Евдокимова начальнику главнаго штаба кавказской арміи, отъ 15 января 1857 г.

къ горамъ, прибыли пѣшiе ичкеринцы, андiйцы, гумбетовцы и конныя толпы горцевъ изъ разныхъ отдаленныхъ обществъ,—но я, для движенія къ Гелдыгену, избралъ дорогу нѣсколько кружную, въ томъ предположенiи, что вообще непрiятель, при движенiи нашемъ впередъ, обыкновенно не представляетъ сильнаго сопротивленiя, и что, желая осмотрѣть мѣстность по дорогѣ, гдѣ наши войска еще не проходили, я не показывалъ заранѣе, какую именно дорогу намѣренъ избрать для устройства по ней постояннаго сообщенiя отъ Джалки на Гелдыгенъ".

Подъ густымъ туманомъ и по еле-проходимымъ трущобамъ пришлось двигаться нашимъ войскамъ. Во время вынужденныхъ остановокъ Н. И. Евдокимовъ приказывалъ, не теряя времени, рубить окрестный лѣсъ, и такимъ порядкомъ, постепенно подвигаясь впередъ черезъ вновь проложенныя просѣки, перешелъ черезъ р. Хулхулау, а переднiе эшелоны отряда, подъ начальствомъ полковниковъ: Мищенко и Кемпферта (постоянныхъ сподвижниковъ Н. И. Евдокимова въ Чечнѣ), добрались до большаго аула Автура. Непрiятель, бдительно слѣдившiй за нашимъ движенiемъ, — насколько лишь позволяла туманная погода, — стягивался со всѣхъ сторонъ конными и пѣшими толпами, стрѣлялъ съ далекаго разстоянiя изъ своихъ орудiй, нѣсколько разъ начиналъ ружейную перестрѣлку, но серьезнаго сопротивленiя нигдѣ не оказывалъ: картечь и гранаты наши, а также лихiя атаки конницы, оттѣсняли его все далѣе и далѣе. Занявъ мимоходомъ аулъ Оспанъ-Юртъ, для обезпеченiя себя отъ ночнаго нападенiя, Н. И. Евдокимовъ въ тотъ же вечеръ достигъ Гелдыгена, откуда, черезъ прилегавшiй съ противуположной стороны орѣшникъ, уже виднѣлись бивачные огни Кумыкскаго отряда.

По соединенiи обоихъ отрядовъ, войска, въ теченiи нѣсколькихъ дней, рубили лѣсъ по разнымъ направленiямъ, истребляли враждебные аулы и прилегавшiе къ нимъ сады и посѣвы, подъ постояннымъ огнемъ горцевъ, покушавшихся иногда даже на атаку открытою силою. 24-го числа отрядъ барона Николаи возвратился на Хоби-шавдонскiя высоты, а войска Чеченскаго отряда продолжали рубку лѣса по лѣвому берегу р. Хулхулау и по разнымъ другимъ направленiямъ. Только 31-го января, по окончанiи всѣхъ намѣченныхъ занятiй, возвратились они на

Аргунъ, къ Бердыкелю, послѣ чего были распущены по квартирамъ.

Потеря наша, за всю двухъ-недѣльную экспедицію, была самая ничтожная, какъ, впрочемъ, почти и во всѣхъ Евдокимовскихъ экспедиціяхъ. Николай Ивановичъ не любилъ затѣвать сраженій безъ особенной надобности, а больше донималъ противника искусными маневрами; но слѣдуетъ замѣтить, что и чеченцы въ это время стали уже не тѣ, что прежде. Сознаніе безплодности борьбы при вновь усвоенной русскими системѣ дѣйствій сильно поколебало духъ нашихъ противниковъ, и теперь, главнымъ образомъ, только страхъ передъ грозною карою Шамиля заставлялъ ихъ сражаться съ нами, да и то далеко не съ прежнею энергіею. Что касается самого имама, то наша январьская экспедиція заставила и его сильно призадуматься. Собравъ всѣхъ своихъ наибовъ, онъ строго подтвердилъ имъ приказаніе соблюдать крайнюю бдительность, при чемъ прибавилъ: „изъ дѣйствій Учгéза видно, что онъ сколько остороженъ, столько намъ и опасенъ» [1]).

На представленномъ императору Александру II журналѣ военныхъ дѣйствій за означенный періодъ времени государь собственноручно написалъ: „Объявить въ приказѣ благоволеніе генералу Евдокимову и всѣмъ гг. генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ. Нижнимъ чинамъ обоихъ отрядовъ по 1 р. сер. на человѣка».

По полученіи извѣстія о семъ въ Тифлисѣ, генералъ Милютинъ писалъ Николаю Ивановичу: «Вчера фельдъегерь изъ Петербурга привезъ извѣстіе о монаршемъ вниманіи, котораго удостоились зимнія дѣйствія в. п—ва въ Чечнѣ. Вмѣстѣ съ симъ, извѣщая васъ объ этомъ оффиціально, имѣю честь сообщить вамъ, м. г., что оказанная е. и. в—мъ милость тѣмъ болѣе радуетъ г. главнокомандующаго, что она нисходитъ непосредственно отъ высочайшаго соизволенія государя императора, безъ всякаго со стороны князя Александра Ивановича представленія“ [2]).

Послѣ отдыха войскъ, продолжавшагося одинъ мѣсяцъ,

---

[1]) Изъ письма г.-м. Бѣлика гр. Евдокимовой, 25-го марта 1888 г.

[2]) Арх. гр. Евдокимова, № 50: письмо ген. Милютина, 11 марта 1857 г.

Н. И. Евдокимовъ приступилъ къ 3-му періоду военныхъ дѣйствій, намѣченныхъ къ выполненію въ теченіи зимы съ 1856 года на 1857-й годъ. Они открылись 4-го марта, и подобно тому, какъ въ предшествовавшемъ періодѣ, повелись одновременно съ двухъ сторонъ: отъ Бердыкеля двинулся, подъ личнымъ начальствомъ Николая Ивановича, Чеченскій отрядъ ($12^1/_2$ баталіоновъ пѣхоты, 4 эскадрона драгунъ, $20^1/_2$ сотенъ казаковъ и милиціи, при 18 орудіяхъ), а съ Кумыкской плоскости—отрядъ барона Николаи 7 баталіоновъ и 13 сотенъ, при 14 орудіяхъ). На этотъ разъ главныя работы происходили около рѣки Бассъ: рубилась просѣка отъ бывшаго аула Шали на Автуры и расчищалась проложенная еще въ 1852 году, но заросшая просѣка отъ кр. Воздвиженской къ Шали. 9-го марта заложенъ былъ на лѣвомъ берегу Басса временный укрѣпленный Шалинскій лагерь, который оконченъ къ 20-му числу и занятъ соотвѣтствующимъ гарнизономъ. Попытки появлявшагося тамъ и сямъ непріятеля, помѣшать нашимъ работамъ, были постоянно и съ успѣхомъ отражаемы. Послѣдними актами этой экспедиціи были: овладѣніе такъ называемыми Гойтемировскими воротами,—ущельемъ между р.р. Ярыкъ-Су и Яманъ-Су, открывавшимъ входъ въ глубь самыхъ крѣпкихъ мѣстъ Ауха и Ичкеріи. Ущелье это, хотя и сильно укрѣпленное завалами, оставлено было горцами безъ защиты и 19-го числа занято Кумыкскимъ отрядомъ; а 22-го марта особая колонна, ввѣренная начальству полковника Мищенко, расчистила сильно заросшую дорогу отъ кр. Воздвиженской къ Урусъ-Мартанскому укрѣпленію, на которой отряды наши постоянно подвергались нападеніямъ.

Донося о послѣдней своей экспедиціи, Н. И. Евдокимовъ, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: „Въ продолженіе 3-го періода, войска, продолжая сражаться и работать, въ короткое время совершили многое. Чеченскій отрядъ въ 10 дней воздвигъ укрѣпленный пунктъ, для постройки коего, при обыкновенныхъ занятіяхъ, потребовалось бы несравненно болѣе времени. Этими трудами, соединенными съ постояннымъ боемъ съ тавлинцами и чеченцами, этотъ укрѣпленный лагерь окружился широкими полянами, на которыхъ подвижной резервъ будетъ дѣйствовать въ продолженіе лѣта и окончательно тѣмъ утвердитъ за нами пространство отъ Аргуна до Хулхулау, на которомъ безъ сом-

нѣнія явятся выходцы изъ ущелій, подъ наше владычество. Просѣка отъ Умаханъ-Юрта въ средину Большой Чечни отняла отъ непокорныхъ широкія поля и, разрѣзавъ, такъ сказать, непокорное населеніе, гнѣздившееся въ недоступныхъ до сего времени лѣсахъ, поставило его въ необходимость искать спасенія или бѣгствомъ въ горы, или выходомъ къ намъ на поляны" [1]).

Такимъ образомъ, третій періодъ зимнихъ дѣйствій этого года оказался столь же для насъ плодотворнымъ, какъ и оба предшествовавшіе.

Тревожная боевая жизнь во время экспедицій, масса занятій по военно-административной части и гражданскому управленію обширнымъ краемъ, при сильномъ недостаткѣ рабочихъ силъ (такъ какъ штабъ лѣваго крыла еще не былъ окончательно сформированъ)—все это не мѣшало Николаю Ивановичу крайне серьезно и обдуманно составлять планы для предстоявшихъ намъ, въ будущемъ, дѣйствій, которыми долженъ былъ быть нанесенъ смертельный ударъ власти Шамиля въ Чечнѣ и завершиться многолѣтняя кровавая борьба за обладаніе этою страною. Къ противнику своему онъ относился отнюдь не съ-высока и отлично понималъ, что тотъ не преминетъ воспользоваться малѣйшею съ нашей стороны оплошностію, чтобы снова на нѣсколько лѣтъ затормозить наши успѣхи. Свои мысли и соображенія о будущихъ дѣйствіяхъ Николай Ивановичъ представилъ главнокомандующему въ особой въ высшей степени замѣчательной, запискѣ отъ 28-го марта 1857 г. [2]).

Князь Барятинскій, съ своей стороны, желая лично убѣдиться въ результатахъ послѣднихъ дѣйствій и провѣрить на мѣстѣ свои предположенія на будущее время, весною того же года (12-го апрѣля) выѣхалъ изъ Тифлиса, по направленію черезъ Владикавказъ, по верхне-Сунженской и передовой Чеченской линіямъ, въ кр. Грозную и далѣе. Осмотрѣвъ по пути расположенныя въ отрядахъ войска и произведенныя ими работы, онъ писалъ военному министру: „поѣздка эта убѣдила меня, что со стороны Большой Чечни мы, дѣйствительно, достигли значительнаго успѣха

---

[1]) Воен. уч. архивъ, отд. II, № 6597б.

[2]) См. приложеніе.

вырубкою лѣсовъ, произведенною генералъ-лейтенантомъ Евдокимовымъ въ послѣднюю зиму. Плоскость Большой Чечни, можно сказать, окончательно отторгнута отъ владѣній Шамиля, и движенія войскъ по прямому направленію отъ Воздвиженскаго къ Куринскому укрѣпленію теперь возможны во всякое время" [1]).

Поѣздка, совершенная кн. Барятинскимъ по линіи, и рекогносцировка, произведенная имъ, 27-го апрѣля, въ Аухѣ, до границъ Ичкеріи, еще болѣе утвердили въ немъ мысль о важности взаимнаго содѣйствія войскъ лѣваго крыла и Прикаспійскаго края. Послѣднимъ поручено было, въ теченіи наступавшаго лѣта, овладѣть Салатавіею. Занятію этой страны главнокомандующій придавалъ весьма серьезное значеніе, предусматривая, что оттуда, какъ отъ предгорія Андійскаго хребта, удобно будетъ подавать руку войскамъ лѣваго крыла при предстоявшемъ имъ движеніи въ Ичкерію, подступы къ которой уже были подготовлены зимними работами Н. И. Евдокимова въ Большой Чечнѣ и въ Ауховскомъ обществѣ.

Внушенія о важности и необходимости этого взаимнаго содѣйствія сдѣланы были обоимъ командующимъ войсками. Николаю Ивановичу генералъ Милютинъ писалъ по этому поводу слѣдующее:

„Главнокомандующій поручилъ мнѣ убѣдительнѣйше просить ваше п—во, соглано съ тѣми указаніями, которыя вы изволили получить лично отъ князя Александра Ивановича, имѣть постоянно въ виду, всѣми зависящими отъ васъ мѣрами содѣйствовать князю Орбельяни, какъ наступательными движеніями со стороны Чечни, такъ и отправленіемъ подкрѣпленій въ самую Салатавію въ тѣхъ особенныхъ случаяхъ, когда представится настоятельная въ томъ надобность,—хотя бы пришлось чрезъ это прервать на время строительныя работы во ввѣренномъ вамъ краѣ.... Князь Александръ Ивановичъ вполнѣ надѣется, что ваше п—во пожертвуете охотно всѣми частными цѣлями для общаго дѣла, отъ успѣха котораго въ настоящее время зависитъ будущность и лѣваго крыла, и Дагестана" [2]).

Вполнѣ сочувствуя мысли о взаимномъ содѣйствіи и глубоко

---

[1]) Кавказскій Сборникъ, т. VIII, стр. 340.
[2]) Кавк. Сборникъ, т. VIII, стр. 343.

сознавая важность онаго, Николай Ивановичъ не только письменно сносился по сему предмету съ начальникомъ войскъ Прикаспійскаго края, но и отправился, для личнаго съ нимъ свиданія, въ укрѣпленіе Евгеніевское, служившее исходнымъ пунктомъ для предстоявшей экспедиціи въ Салатавію. Прибывъ туда 19-го іюня, онъ съ большимъ участіемъ отнесся къ разрѣшенію задачи, возложенной на Салатавскій отрядъ, и, вникнувъ во всѣ подробности, обѣщалъ кн. Орбельяни усилить его войска присылкою съ лѣваго крыла одного баталіона пѣхоты и одного дивизіона драгунъ со взводомъ легкихъ орудій. Для ознакомленія Н. И. Евдокимова съ мѣстностію, произведена была рекогносцировка окрестностей аула Новаго Буртуная, которымъ предполагалось овладѣть, а равно и путей, ведущихъ оттуда къ ауламъ: Ауху, Дылыму и Зондаку. Возвратясь въ Грозную и сообщая генералу Милютину о своей поѣздкѣ, Николай Ивановичъ, между прочимъ, писалъ: „Я вполнѣ понимаю важность занятія Буртуная, готовъ содѣйствовать успѣху устройства тамъ штабъ-квартиры (Дагестанскаго пѣх. полка) всѣми зависящими отъ меня средствами и смѣю полагать, что никогда частныя цѣли не отклоняли меня отъ общаго дѣла“ [1]).

На этотъ разъ, однако, Салатавскій отрядъ обошелся собственными средствами, и войскамъ лѣваго крыла не пришлось отвлекаться отъ своихъ лѣтнихъ занятій, состоявшихъ преимущественно въ разработкѣ дорогъ, исправленіи укрѣпленныхъ пунктовъ и т. п.

Приближавшіяся осень и зима были, какъ для Чечни, такъ и для всего вообще восточнаго Кавказа, чреваты событіями первостепенной важности. Записка, поданная Н. И. Евдокимовымъ главнокомандующему, въ мартѣ, (о которой упомянуто выше), равно какъ и другія письменныя соображенія начальника лѣваго крыла, были изслѣдованы кн. Барятинскимъ съ особеннымъ вниманіемъ и по достоинству имъ оцѣнены. Генералъ Милютинъ, въ письмѣ Николаю Ивановичу, отъ 20-го августа 1857 года, говоритъ слѣдующее:

„Князь Александръ Ивановичъ внимательно читалъ ваши предположенія и вообще раздѣляетъ ваши мнѣнія; но сдѣлалъ

---

[1]) „Кавказскій Сборникъ, томъ VIII, стр, 351.

только нѣкоторыя частныя замѣчанія, которыя я и сообщаю в. п—ву въ оффиціальномъ отзывѣ. Дай Богъ вамъ успѣха въ замышляемыхъ обширныхъ предпріятіяхъ. Г. главнокомандующій не стѣсняетъ васъ ни въ какихъ распоряженіяхъ и заранѣе увѣренъ, что все будетъ исполнено вами превосходно. Штабсъ-капитанъ Гарднеръ передастъ вамъ на словахъ нѣкоторыя мысли с. с—ва. Вообще, князь Александръ Ивановичъ находитъ, что лучше ограничиться меньшимъ числомъ предпріятій, но за то додѣлать сполна все то, что будетъ предпринято" [1]).

Самъ кн. Барятинскій, въ письмѣ военному министру, отъ 24-го октября 1857 г., упомянувъ объ успѣхахъ нашихъ въ Салатавіи, продолжаетъ такъ:

„Генералъ Евдокимовъ пойдетъ ему (князю Орбельяни) на встрѣчу просѣками изъ Ауха. Въ настоящее время онъ уже долженъ начать рядъ военныхъ дѣйствій, которыя будутъ продолжаться всю зиму, въ разныхъ мѣстахъ лѣваго крыла, съ одною общею цѣлью—перенести нашу передовую линію съ плоскости на первый уступъ главнаго хребта. Увѣренъ, что онъ исполнитъ это важное дѣло съ дѣятельностью и искусствомъ, отличающими этого генерала [2])».

Такое довѣріе главнокомандующаго, возлагая на Николая Ивановича крупную отвѣтственность, съ другой стороны развязывало ему руки. Кн. Барятинскій, вообще отличавшійся рѣдкою прозорливостью въ выборѣ себѣ сотрудниковъ, зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло,—зналъ, чего можно ожидать отъ генерала умнаго, предусмотрительнаго, закаленнаго въ кавказскихъ войнахъ, — и Евдокимовъ блистательно оправдалъ его ожиданія.

И. О.

---

[1]) Арх. гр. Евдокимова, № 50.
[2]) Воен. уч. архивъ, отд. II, № 6599.

Приложение къ гл. III.

Записка о покореніи Черныхъ горъ.

[28-го марта 1857 г. Въ кр. Грозной].

Въ продолженіе послѣднихъ 12-ти лѣтъ главною цѣлью нашихъ военныхъ дѣйствій со стороны Терека, противъ непокорныхъ племенъ, было устройство передовой Чеченской линіи. Въ этихъ видахъ устроены укрѣпленія: Воздвиженское, Ачхоевское, Урусъ-Мартанское, Шалинскій лагерь; проложены просѣки по большой русской дорогѣ черезъ Гехинскій и Гойтинскій лѣса, устроены просѣки: Шалинская на Хоби-Шавдонѣ, гдѣ возводится нынѣ укрѣпленіе, черезъ Гельдыгенскій и Маюртупскій лѣса и черезъ долину Хулхулау.

Завладѣніе равниною по правую сторону Сунжи до Черныхъ горъ нами достигнуто. Остатокъ равнины, примыкающей къ подошвѣ Черныхъ горъ, какъ по незначительности этого пространства, такъ и по мѣстности, покрытой лѣсами и упирающейся въ ущелья, долженъ быть отнесенъ къ нагорному пространству, которое ожидаетъ новыхъ усилій нашего оружія.

Вся равнина Большой и Малой Чечни и по большую русскую дорогу очищена отъ непокорнаго населенія, за небольшимъ исключеніемъ части теченія рѣкъ Мичика и Гудермеса. Постоянное движеніе колоннъ въ продолженіи наступающаго лѣта по вновь устроеннымъ просѣкамъ отъ долины Джалки до Кочкалыковскаго хребта и до Умаханъ-Юрта отниметъ отъ непокорныхъ всякую возможность пахать и косить и, безъ всякаго сомнѣнія, заставитъ ихъ частью переселиться въ горы, частью перейти къ намъ съ покорностью. По примѣру уже устроиваемыхъ населеній изъ покорныхъ туземцевъ въ Малой Чечнѣ, будетъ, безъ сомнѣнія, современемъ заселена плоскость Большой Чечни выходцами; но въ населеніи этихъ покорныхъ чеченцевъ не скоро будутъ водворены спокойствіе и мирный бытъ. Ущелья горъ не останутся безъ населенія, намъ враждебнаго, и это населеніе больше, нежели прежде, чуждается теперь вліянія нашего. Прежде, когда у бѣглецовъ были живѣе воспоминанія о привольной жизни на равнинахъ, объ ихъ прежнемъ общественномъ бытѣ, мы имѣли болѣе возможности разсчитывать на возвращеніе чеченцевъ. Теперь стариковъ, помнящихъ прежнія времена, осталось немного; продолжительная, ожесточенная война, безпрестанныя переселенія и лишенія уничтожили у чеченцевъ всякую общественность. Бродя ничтожными хуторами по мѣстамъ дикимъ и невоздѣланнымъ, чеченцы, въ продолженіе

многихъ лѣтъ, имѣли только одну цѣль—убѣгать нашего вліянія и сопротивляться намъ съ оружіемъ въ рукахъ. Новое поколѣніе, взросши въ этихъ условіяхъ, не знаетъ лучшей жизни, даже предпочитаетъ ее прежней, и мы можемъ еще дѣйствовать на нихъ посредствомъ немногихъ уже людей, помнящихъ прежній бытъ.

Можно почти навѣрное полагать, что бо̀льшая часть этого непокорнаго населенія, бѣжавшая въ ущелья, не возвратится на плоскость безъ особенныхъ побудительныхъ къ тому причинъ; главная же и почти единственная причина—это будетъ необходимость отъ успѣховъ нашего оружія.

Пока Черныя горы будутъ наполнены враждебнымъ населеніемъ, положеніе покорныхъ на плоскости Большой и Малой Чечни будетъ всегда двусмысленно. Имѣя близкихъ и воинственныхъ сосѣдей, покорные туземцы никогда не должны будутъ выпускать изъ рукъ оружія для своей защиты, и сверхъ того, по одноплеменности и прочимъ связямъ, и даже для собственной безопасности, не въ состояніи будутъ прекратить сношеній съ непокорными; мы сами этого отъ нихъ требовать будемъ для нашихъ военныхъ необходимостей, и это средство съ двойнымъ остріемъ будетъ отзываться неблагопріятно на ихъ домашній и общественный бытъ.

Слѣдовательно, чтобы устроить покорное населеніе на плоскости въ тѣхъ видахъ, какихъ требуетъ обезпеченіе края, необходимо завладѣть Черными горами.

Полоса Черныхъ горъ, населенная враждебными намъ племенами, тянется отъ долины Ассы до Сулака. Вся эта мѣстность, покрытая лѣсами, изрытая верховьями рѣчекъ, мелкими притоками и оврагами, представляетъ на каждомъ шагу для дѣйствій нашихъ значительныя затрудненія. Сверхъ того, эта цѣпь горъ, опираясь, особенно въ восточной своей части, на подвластныя Шамилю племена Дагестана, постоянно получаетъ оттуда подкрѣпленія, что видно изъ ряда экспедицій, предпринятыхъ въ послѣдніе годы.

Завладѣніе этою цѣпью, т. е. утвержденіе наше на противуположной покатости, должно быть произведено, по моему мнѣнію, дѣйствіемъ войскъ съ фронта по одному изъ ущелій и обходомъ этой цѣпи горъ съ фланга.

При существованіи Владикавказскаго военнаго округа, дѣйствія войскъ, бывшихъ въ распоряженіи начальника онаго, за неимѣніемъ другаго поприща для дѣйствій, и сверхъ того, въ видахъ обезпеченія военно-грузинской дороги, уже начали покореніе Черныхъ горъ, въ смыслѣ вышеизложенномъ; устройствомъ просѣкъ въ долины Ассы, Фортанга, Гехи; обходъ этихъ ущелій движеніемъ въ Ако и проложеніемъ колесной дороги по Джераховскому ущелью были началомъ того предпріятія, которое мы должны развить въ большихъ размѣрахъ теперь, когда почти окончено уже дѣло съ равниною Малой и Большой Чечни.

Вышесказанныя дѣйствія со стороны бывшаго Владикавказскаго военнаго

округа, по соразмѣрности со средствами, для нихъ употребленными, принесли для того участка весьма важныя послѣдствія: проложеніемъ нѣкоторыхъ дорогъ, хотя не вполнѣ приведенныхъ къ окончанію, мы открыли доступы для уничтоженія, наказанія и покоренія разныхъ разбойничьихъ притоновъ, тревожившихъ Владикавказскій округъ, и поддерживали вліяніе наше въ нѣкоторыхъ обществахъ, лежащихъ за полосою Черныхъ горъ.

Но такъ какъ необходимо покореніе Черныхъ горъ развить въ большихъ размѣрахъ, то, по моему мнѣнію, стратегическое значеніе западной оконечности этого хребта уступаетъ восточной оконечности, и думаю, что дѣйствія наши, направленныя противъ восточной стороны, доведутъ насъ скорѣе къ болѣе важнымъ послѣдствіямъ по слѣдующимъ причинамъ:

1) Полоса Черныхъ горъ, заключающая въ себѣ Салатавію, Аухъ, Ичкерію и верховья рѣчекъ Большой Чечни непосредственно прилегаетъ къ владѣніямъ, гдѣ власть Шамиля болѣе развита и вся полоса Черныхъ горъ связана съ непокорнымъ Дагестаномъ, пространствомъ, идущимъ отъ укр. Евгеніевскаго и Чиръ-Юрта къ верховьямъ Аргуна. Слѣдовательно, дѣйствуя въ обходъ Черныхъ горъ по сему направленію, мы, отрѣзывая Черныя горы отъ источника ихъ помощи, вмѣстѣ съ тѣмъ угрожаемъ долинѣ Андійскаго Койсу.

2) Мѣстопребываніе Шамиля находится въ этомъ пространствѣ и онъ, съ успѣхомъ нашего оружія, долженъ будетъ удалиться въ глубь Дагестана и утратить вліяніе свое на всю полосу Черныхъ горъ.

3) Дѣйствуя на восточную половину Черныхъ горъ, войска лѣваго крыла могутъ сосредоточить главную массу своихъ силъ на атаку Черныхъ горъ съ фронта, прорваться сквозь одно изъ ущелій и утвердиться на противуположной покатости. Одновременно съ этимъ, отрядъ войскъ Прикаспійскаго края можетъ дѣйствовать въ обходъ Черныхъ горъ, отъ Евгеніевскаго на Бортунай и Зондакъ, и тѣмъ значительно способствуя войскамъ лѣваго крыла, обезпечиваетъ Шамхальскую плоскость, производитъ полезное вліяніе на Кумыкское владѣніе и угрожаетъ долинѣ Андійскаго Койсу.

На основаніи этихъ соображеній я ограничусь небольшимъ числомъ подробностей, которыя будутъ сопровождать первоначальныя дѣйствія наши по вышеизложенному плану.

1) Войска лѣваго крыла Кавказской линіи въ продолженіе сего лѣта преимущественно займутся утвержденіемъ нашей власти на равнинѣ Большой Чечни и приготовленіями для дѣйствій зимою въ Черныя горы.

2) Со стороны Дагестана весьма полезно было бы, по моему мнѣнію, въ продолженіе этого лѣта устроить укрѣпленіе у Бортуная, разработать дорогу туда и, сколько представится возможности, по направленію на Зондакъ. Съ этимъ шагомъ, укрѣпленія Чиръ-Юртъ и Евгеніевское, а отчасти и кр. Внезапная потеряютъ важность пограничныхъ укрѣпленій и гарнизоны ихъ вскорѣ могутъ быть уменьшены.

3) Зимою 1857—1858 годовъ отъ войскъ лѣваго крыла устраивается дорога по одному изъ ущелій Черныхъ горъ, возводится временное укрѣпленіе, разрѣзывается тѣмъ на двое непокорное населеніе и пріобрѣтается возможность дѣйствовать на встрѣчу войскамъ Прикаспійскаго края и въ обходъ ущелій рѣчекъ Большой Чечни.

4) Лѣтомъ слѣдующаго 1858 года войска лѣваго крыла и Прикаспійскаго края, подвигаясь на встрѣчу одинъ другому не временными движеніями, а въ смыслѣ покоренія края, если не отрѣжутъ совершенно восточной полосы Черныхъ горъ отъ Дагестана, то, по крайней мѣрѣ, достигнутъ для покоренія всей полосы Черныхъ горъ многихъ весьма важныхъ данныхъ (Арх. гр. Евдокимова, № 14).

ДНЕВНИКЪ ПРОФ. АКАД. АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1826 г.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ [1]).

Іюль 3. Вчера, въ 12 ч. ночи, г-жа Штеричъ, вмѣстѣ съ сыномъ отправилась въ Москву. Она оставила мнѣ много порученій и дала довѣренность на веденіе разныхъ ея дѣлъ. До сихъ поръ отношенія наши очень хороши. Сына же ея я положительно полюбилъ. Молодой человѣкъ платитъ мнѣ тѣмъ-же, съ оттѣнкомъ уваженія, что значительно облегчаетъ мою задачу съ нимъ. Такимъ образомъ нравственное мое положеніе здѣсь вполнѣ удовлетворительно, о матеріальномъ же стараюсь какъ можно меньше думать...

19. Былъ у Елп—го, кандидата, преподающаго намъ теорію уголовнаго права. Я составилъ планъ диссертаціи «О происхожденіи и сущности права наказанія» и далъ ему оный на разсмотрѣніе. Сегодня по утру, отъ восьми до двѣнадцати, мы вмѣстѣ занимались обсужденіемъ этого предмета. Елп—ій хвалилъ связность моего плана, порядокъ мыслей, но вооружился противъ началъ, какія я принялъ за основаніе, говоря, что это начала Шеллинговы, а Шеллингъ ни къ чему не ведетъ, какъ только къ превыспреннимъ поэтическимъ парадоксамъ. Я защищалъ свои положенія и мы долго блуждали въ лабиринтѣ метафизики.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, стр. 293—314.

Августъ 8. Услышалъ я отъ Армстронга, которому сказывалъ Михайловъ, о напечатаніи въ «Сынѣ Отечества» моего сочиненія подъ заглавіемъ: «О преодолѣніи несчастій», которое было мною въ октябрѣ прошлаго года отдано въ цензуру. Послѣдняя, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, долго не пропускала его и оно теперь только явилось въ свѣтъ.

Возвратясь съ дачи, я поторопился достать 12 № «Сына Отечества» и, дѣйствительно, увидѣлъ въ немъ мое сочиненіе. Пробѣжавъ его, я замѣтилъ многія неточности выраженій, нѣсколько мѣстъ съ болѣе пышнымъ, чѣмъ опредѣленнымъ изложеніемъ мыслей, и это значительно умѣрило мое удовольствіе видѣть себя въ первый разъ въ печати. Пока я не слышалъ еще никакихъ отзывовъ.

17. Сегодня кончаются наши каникулы, продолжавшіеся болѣе полутора мѣсяца, и завтра уже надо явиться въ университетъ. Признаюсь, что я во все это время сдѣлалъ гораздо меньше, чѣмъ надлежало бы, особенно по части латинскаго языка, въ которомъ я очень мало успѣлъ. Ожидаю отъ этого большихъ непріятностей, тѣмъ болѣе, что страшный Греффе, нашъ профессоръ древней словесности, бичъ всѣхъ малосвѣдущихъ въ латыни студентовъ, вернулся изъ Германіи, куда ѣздилъ на свиданіе съ родными, и теперь будетъ присутствовать на экзаменѣ.

Но, кромѣ ученыхъ и учебныхъ занятій, сколько еще заботъ у меня! Надняхъ пріѣдетъ изъ Москвы г-жа Штеричъ и время мое опять очутится въ ея распоряженіи. Нужды мои тѣмъ временемъ ростутъ. Я уже принужденъ былъ продать нѣсколько книгъ, чтобы запастись чернилами, бумагою и перьями. Горько мнѣ было разставаться съ этими добрыми товарищами: они составляли все мое имущество и ими пришлось пожертвовать необходимости. Но теперь уже нечего будетъ и продать больше.

18. Сегодня студенты собрались въ университетъ въ большую залу, куда вскорѣ явились и профессора. Вдругъ ко мнѣ подходитъ нашъ профессоръ словесности, Бутырскій, и не то ласково, не то недовѣрчиво спрашиваетъ:

— Не ваше ли сочиненіе читалъ я въ «Сынѣ Отечества», подъ названіемъ «О преодолѣніи несчастій»?

— Такъ точно, отвѣчалъ я.

— Неужели? Клянусь, я не предполагалъ, чтобы вы, молодой студентъ, были авторомъ сочиненія, которое сдѣлало бы честь гораздо болѣе опытному литератору. Оно поражаетъ богатствомъ и зрѣлостью мыслей, прибавилъ онъ, обращаясь къ стоявшему около своему това-

рищу. Есть нѣкоторыя ошибки въ слогѣ и я поясню ихъ вамъ. Замѣтилъ я также въ двухъ-трехъ мѣстахъ нѣкоторую неясность. Но помимо этого, все прекрасно.

Едва успѣлъ я поблагодарить его за столь лестный отзывъ, какъ подошли ко мнѣ другіе профессора. Всѣ читали уже мое сочиненіе и спѣшили выразить мнѣ свое удовольствіе. Я совсѣмъ растерялся отъ этого неожиданнаго тріумфа и готовъ былъ провалиться сквозь землю, чтобы уйти отъ всѣхъ устремленныхъ на меня глазъ. Въ заключеніе Бутырскій обѣщалъ разобрать мое сочиненіе на первой же своей лекціи.

Мы отслушали молебенъ и разошлись по домамъ, получивъ приказаніе завтра собираться на лекціи.

22. Сегодня поутру былъ у Булгарина. Онъ принялъ меня очень вѣжливо, хвалилъ мое сочиненіе, просилъ и впередъ писать для его журнала.

— Я думалъ, замѣтилъ онъ, что вы гораздо старше, чѣмъ вижу теперь.

Потолковавъ о томъ, о семъ, Булгаринъ пригласилъ меня посѣщать его вечерами, обѣщалъ познакомить съ извѣстнѣйшими литераторами и, пожимая на прощаніе мнѣ руку, сказалъ:

— Въ чемъ будете имѣть нужду, относитесь ко мнѣ. Я могу быть вамъ полезенъ и почту за удовольствіе оказать вамъ услугу. Вы—чадо наукъ, слѣдовательно, родной намъ.

Я поблагодарилъ. Онъ еще раньше обѣщался напечатать въ мою пользу нѣсколько отдѣльныхъ экземпляровъ моего сочиненія и просилъ зайти какъ нибудь въ типографію и тамъ получить ихъ.

26. Сегодня былъ въ типографіи Греча. Узнавъ, что я въ типографіи дожидаюсь выдачи мнѣ экземпляровъ моего сочиненія, Гречъ велѣлъ просить меня къ себѣ въ кабинетъ.

— Радъ случаю съ вами познакомиться, сказалъ онъ ласково,— вы написали вещь, которая дѣлаетъ вамъ честь.

— Я желалъ бы, возразилъ я, воспользоваться вашими замѣчаніями. Я только что выступаю на литературное поприще и нуждаюсь въ руководствѣ и въ совѣтахъ.

— Въ настоящемъ случаѣ не нахожу замѣчаній, которыя могъ бы вамъ сдѣлать. Надняхъ мнѣ писалъ о васъ изъ Петрозаводска Ѳедоръ Николаевичъ Глинка. Онъ читалъ ваше сочиненіе съ величайшимъ удовольствіемъ и просилъ меня поблагодарить васъ за него. Сдѣлайте милость, и впередъ не оставляйте насъ своими трудами.

Опять оставалось только поблагодарить, что я и сдѣлалъ отъ всего сердца.

Вечеромъ смотрѣлъ иллюминацію, въ честь коронованія государя императора, состоявшагося 22-го сего мѣсяца, въ Москвѣ. Я началъ мой походъ отъ Семеновскаго моста. У Семеновскихъ казармъ сіялъ щитъ съ вензелемъ государя и государыни. Передъ университетомъ горѣлъ обелискъ, съ означеніемъ дня и года коронаціи. Лучше всего иллюминованы были: коммиссія составленія законовъ, домъ графа Шереметева и Гостинный дворъ. Экипажей и народу было великое множество. На Аничковскомъ мосту еще можно было кое какъ двигаться, но дальше по Невскому проспекту народъ стоялъ сплошною массою. Я дошелъ до Думы и больше не могъ. Вернулся обратно и добрался до дома съ величайшимъ трудомъ.

30. Былъ, наконецъ, у Д. И. Языкова и исполнилъ то, что давно задумалъ, а именно разсказалъ ему о своемъ безвыходномъ положеніи и о намѣреніи прибѣгнуть къ государю, съ просьбою о вспомоществованіи для окончанія курса въ университетѣ. Языковъ слушалъ меня внимательно и, подумавъ немного, сказалъ:

«Нѣтъ, я не совѣтовалъ бы утруждать этимъ государя. Но почему бы вамъ не сдѣлать договора съ этой великодушной женщиной (г-жою Штеричъ), которая, вмѣсто денегъ, платитъ вамъ за ваши труды своимъ уваженіемъ? Въ такихъ случаяхъ нечего церемониться. Одни ваши занятія съ ея сыномъ чего нибудь да стоятъ».

— «Нѣтъ, в. п., возразилъ я,—г-жа Штеричъ во всякомъ случаѣ предлагаетъ мнѣ квартиру и столъ и полагаетъ, что этимъ достаточно вознаграждаетъ меня. Когда я согласился къ ней переѣхать, у меня и этого не было. Требовать отъ нея теперь еще чего либо я считаю себя не въ правѣ—да это и не къ чему не повело бы, кромѣ разрыва. Она очень разсчетлива и даже сынъ ея никогда не располагаетъ свободными деньгами».

Подумавъ еще, Языковъ сказалъ: «Подайте прошеніе министру».

Я понялъ—къ чему это клонится, и рѣшился высказать мое твердое намѣреніе не быть снова въ рабствѣ, хотя и не столь жестокомъ, какъ то, отъ коего я избавился, но тѣмъ не менѣе тягостномъ.

— «Я боюсь, в. п., сказалъ я,—что если подамъ просьбу министру, меня включатъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ. Въ такомъ случаѣ у меня на пути опять явится непреодолимая преграда. Моя цѣль, окончивъ курсъ въ университетѣ, служить подъ вашимъ начальствомъ. Отдавая теперь всего себя дѣлу своего образованія, я льщу себя надеждою, что не буду безполезенъ на томъ

пути, на который вступить желаю. Къ тому же я уже прошелъ половину университетскаго курса: было бы крайне печально отказаться отъ своей цѣли, когда уже такъ близокъ къ ней.

Я замолчалъ. Языковъ задумался и по довольно долгомъ размышленіи сказалъ: Ну, погодите немного—пока вступитъ въ должность новый попечитель: тогда я посовѣтуюсь съ нимъ, что дѣлать.

Я поблагодарилъ за участіе и откланялся. Я бо́льшаго ожидалъ отъ своего свиданія съ Языковымъ, но теперь, по крайней мѣрѣ, знаю, что онъ не совѣтуетъ мнѣ обращаться за помощью къ государю. Что же касается его переговоровъ съ попечителемъ, боюсь, чтобы они не привели къ тому результату, который мнѣ такъ непріятенъ, а именно, опять таки къ предложенію принять меня въ число казенныхъ студентовъ. Все—лучше этого. Но подожду еще, какъ совѣтуетъ Языковъ, и поищу, не найду ли какой нибудь работы...

Сентябрь 5. Былъ у Бутырскаго и отдалъ ему экземпляръ моего сочиненія, который онъ у меня потребовалъ, такъ какъ намѣренъ разобрать оное во время одной изъ своихъ лекцій. Онъ убѣждаетъ меня продолжать мои занятія въ этомъ направленіи.

Отъ него пошелъ къ Павскому съ записками богословія, мною составленными, но не засталъ его дома. Записки оставилъ у него.

Октябрь 10. Долго не принимался за свой дневникъ: причина этому та, что я обремененъ занятіями. По университету дѣла пропасть. Въ теченіи слѣдующихъ трехъ мѣсяцевъ надо отчасти повторить, отчасти изучить: государственное хозяйство; естественное право; теорію уголовнаго права; русское гражданское право; статистику; составить записки по исторіи философіи и по догматическому богословію; написать къ предстоящему акту диссертацію; заняться поусерднѣе латинскимъ языкомъ. Помимо этого я пишу новое сочиненіе «О характерѣ». Часть дня даю уроки молодому Штеричу и привожу въ порядокъ дѣла его матери. Иной разъ голова идетъ кругомъ.

11. Наконецъ, вырвался сегодня по утру къ Языкову. Онъ меня встрѣтилъ словами: «Я уже говорилъ о васъ попечителю и дамъ вамъ письмо, съ которымъ вы къ нему представитесь. Вотъ мой планъ: попечителю родственникъ Полѣновъ, подъ начальствомъ котораго служитъ молодой Штеричъ. Полѣновъ можетъ побудить г-жу Штеричъ отнестись къ вамъ справедливѣе».....

— «Чувствительно благодарю в. п.», возразилъ я, «за ваше попеченіе обо мнѣ. Но не подумаетъ ли г-жа Штеричъ, что я на нее жаловался и хочу вынудить отъ нея то, что зависитъ единственно

отъ ея доброй воли. Вѣдь у меня съ нею, какъ вамъ извѣстно, нѣтъ никакого договора».

— «Это можно будетъ сдѣлать осторожно и деликатно», отвѣчалъ Языковъ. — «Зайдите ко мнѣ надняхъ: я приготовлю вамъ письмо къ попечителю».

Не въ веселомъ расположеніи духа ушелъ я отъ добрѣйшаго Димитрія Ивановича. Его планъ мнѣ не по душѣ и я всячески постараюсь отъ него уклониться. Вся надежда теперь на Греча и Булгарина, для которыхъ готовлю сочиненіе «О характерѣ».

12. Молодой Штеричъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ. По этому случаю говорено много пустаго. Мать старается доказать, что онъ пріобрѣлъ это званіе важными заслугами. Посреди ея разговора со мной пришла г-жа С., въ первый разъ послѣ возвращенія г-жи Штеричъ изъ Москвы. Пошли объятія, клики радости, жеманныя поздравленія съ одной стороны, а съ другой глубокомысленныя комментаріи о трудахъ, понесенныхъ молодымъ человѣкомъ, и которыя повели къ дарованію ему настоящаго отличія.

— «Пусть всѣ знаютъ», говорила мать, «что мой Евгеній не одними танцами пріобрѣлъ это».

Самъ молодой человѣкъ гораздо спокойнѣе относится къ своему величію.

17. Сегодня получилъ отъ Димитрія Ивановича Языкова письмо къ попечителю, содержаніе котораго онъ мнѣ сообщилъ. «Любезный другъ», писалъ онъ, «сдѣлай одолженіе, прими подъ особенное свое покровительство подателя сего, студента Никитенкова. Я его давно знаю. Онъ учится въ университетѣ, но не имѣетъ никакого состоянія; живетъ у г-жи Штеричъ, для которой много работаетъ. Нельзя-ли какъ нибудь заставить ее платить за его труды?» и т. д.

Признаюсь, я долго колебался, идти-ли мнѣ съ этимъ письмомъ. Если попечитель будетъ дѣйствовать черезъ Полѣнова, она можетъ подумать, что я на нее жаловался—и тогда послѣднее будетъ горше перваго. Затѣмъ, я положительно считаю себя не въ правѣ чего-либо отъ нея требовать... Письмо Языкова, однако, все-таки, въ заключеніе, порѣшилъ отнести: иначе, что̀ подумаетъ онъ о моемъ пренебреженіи его помощью?

Отъ Языкова я пошелъ отыскивать Ст. Мих. Смив. Онъ недавно выпущенъ изъ крѣпости и мнѣ крайне хотѣлось увидѣть его. Однако, я не смогъ найти его квартиры, о которой имѣлъ только смутныя догадки.

Недавно также я познакомился съ другимъ молодымъ человѣкомъ,

вышедшимъ изъ крѣпости: это племянникъ г-жи Штеричъ, Кшкн. Онъ около года просидѣлъ въ заключенiи. Теперь его посылаютъ на жительство въ Архангельскъ, куда онъ и ѣдетъ черезъ четыре дня. Это, кажется, человѣкъ прекрасной души и умный, но не особенно ученый и слабаго характера. Впрочемъ, десятимѣсячное заключенiе могло оставить на немъ слѣды и кое что въ немъ смягчить, а иное и ожесточить.

19. Сегодня поутру, въ 10 часовъ, отправился я къ попечителю Константину Матвѣевичу Бороздину, съ письмомъ Д. И. Языкова. Я отдалъ письмо и черезъ минуту былъ позванъ къ нему. Попечитель принялъ меня такъ благосклонно, какъ я и не ожидалъ. Особенно порадовало меня то, что онъ немедленно отвергъ планъ, заставить г-жу Штеричъ платить мнѣ за труды не однѣми ласками. Но въ замѣнъ этого онъ пока ничего новаго не предложилъ.

— Итакъ, что-же мнѣ дѣлать? сказалъ онъ. — Я всею душою готовъ помочь вамъ. Вы этого заслуживаете: я много хорошаго о васъ слышалъ. Но какiя средства придумать? Научите меня сами. Впрочемъ, я хорошенько займусь вами и подумаю. Приходите ко мнѣ недѣли черезъ двѣ. Я сегодня же повидаюсь съ Димитрiемъ Ивановичемъ и посовѣтуюсь съ нимъ.

— Я бы одного желалъ, в. п., замѣтилъ я,—это поддерживать себя своимъ трудомъ, какъ бы онъ ни былъ обременителенъ.

Попечитель еще поговорилъ со мной, похвалилъ мое сочиненiе «О преодолѣнiи несчастiй», которое читалъ, и очень ласково со мной простился.

20. Видѣлся съ С. М. С—мъ. Онъ вышелъ изъ крѣпости вмѣстѣ съ Кшкн. Онъ съ философскимъ равнодушiемъ говоритъ о своей прошедшей бѣдѣ и о своей будущей, не слишкомъ-то привлекательной, участи. О послѣдней еще не послѣдовало окончательнаго рѣшенiя, но его, вѣроятно, сошлютъ куда нибудь въ Иркутскъ или Оренбургъ. Онъ очень бѣденъ и живетъ только своимъ трудомъ.

Вечеромъ заходилъ къ Димитрiю Ивановичу увѣдомить его о послѣдствiяхъ свиданiя моего съ попечителемъ.

21. Возвратясь сегодня въ четыре часа домой изъ университета, увидалъ я на своемъ письменномъ столѣ записку отъ Ростовцева, въ которой онъ увѣдомляетъ меня о прiѣздѣ своемъ изъ Москвы и проситъ съ нимъ повидаться. Я тотчасъ отправился на Васильевскiй островъ и засталъ его дома. Мы обрадовались другъ другу и провели часа четыре въ дружеской оживленной бесѣдѣ. Мы вспоминали прошлое, особенно ту бурную эпоху, въ которую такъ много видѣли и

испытали. Онъ откровенно говорилъ о своемъ настоящемъ положенiи. Великiй князь, по прежнему, къ нему очень благосклоненъ, но государь холоденъ.

Ростовцевъ думаетъ, что это дѣйствiе благоразумной политики, то есть что государь опасается излишнею благосклонностью вскружить ему голову и что, имѣя на него высшiе виды, этимъ самымъ сберегаетъ его для пользы своей и отечества.

Я иначе думаю. Я ожидалъ, что государь, со временемъ, будетъ смотрѣть другими глазами на поступокъ Ростовцева и иначе будетъ думать о письмѣ его, писанномъ наканунѣ бунта. Письмо сiе краснорѣчиво, умно, но въ немъ, сверхъ республиканской смѣлости, видна нѣкоторая затѣйливость и натяжка патрiотизма. Когда бурное время прошло и волненiе страстей уступило мѣсто болѣе спокойному обсужденiю вещей, тогда нѣкоторые могли это замѣтить и растолковать.

Поступокъ Ростовцева, во всякомъ случаѣ, заключаетъ въ себѣ много твердой воли и присутствiя духа, чему я самъ былъ свидѣтелемъ, но онъ, мнѣ кажется, слишкомъ хотѣлъ показаться благороднымъ, а это, въ соединенiи съ тѣмъ сомнительнымъ положенiемъ, въ коемъ онъ находился, можетъ показаться многимъ только хитрою стратегемою, посредствомъ которой онъ хотѣлъ въ одно время и выпутаться изъ бѣды, и явиться человѣкомъ доблестнымъ. Весьма естественно, что и государь такъ думаетъ.

Это мнѣнiе могло быть сильно подкрѣплено еще тѣмъ, что Ростовцевъ объявилъ заговорщикамъ о разговорѣ своемъ съ государемъ наканунѣ бунта и даже далъ имъ копiю съ письма своего къ нему, что объявили сами заговорщики при допросахъ. Сей поступокъ могъ быть сдѣланъ и съ хорошимъ намѣренiемъ, то есть чтобы остановить заговорщиковъ, показавъ имъ, что правительству уже извѣстны ихъ замыслы, и оно, слѣдовательно, готово принять мѣры. Но съ другой стороны, это могло быть и простою несостоятельностью, которая являлась какъ бы неизбѣжнымъ послѣдствiемъ первыхъ его связей съ княземъ Оболенскимъ и Рылѣевымъ—то есть онъ хотѣлъ имъ показать, что онъ дѣйствуетъ не какъ предатель. Но для сего уже было достаточно того, что онъ не назвалъ заговорщиковъ передъ государемъ, а предоставилъ имъ самимъ объявиться или скрыться. Но въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ находился Ростовцевъ, трудно не сдѣлать ошибки.

Бесѣда наша затянулась до десяти часовъ и я вернулся домой весьма довольный своимъ вечеромъ.

24. Въ прошедшiе дни, въ свободное отъ занятiй время, я читалъ

Тацита. Какая мощь въ этомъ историкѣ! Римъ въ его время уже отжилъ свое исполинское величіе, но оно вновь ожило на страницахъ его безсмертнаго произведенія. Онъ, очевидно, не думаетъ поучать, но ни одинъ историкъ не поучаетъ столько, какъ онъ. И это не разсужденіями или нравоученіями, а силой самого повѣствованія—убѣдительнаго въ своей безъискусственной простотѣ и ясности изложенія. Сравнивая его съ Плутархомъ, находишь между обоими большую разницу. Плутархъ возвышенъ, Тацитъ великъ. Въ одномъ сила, въ другомъ могущество. Плутархъ тоньше и просвѣщеннѣе, Тацитъ глубже и всеобъемлющѣе. Плутархъ изобразилъ дѣянія великихъ людей золотыми буквами; Тацитъ вырѣзалъ ихъ неизгладимыми чертами на скрижаляхъ исторіи. Красота одного въ краснорѣчіи, другаго въ отсутствіи его. Читая Плутарха, восхищаешься имъ; читая Тацита, не съ нимъ бесѣдуешь, а съ людьми и событіями минувшихъ вѣковъ. Плутархъ позволяетъ себѣ отступленія, которыя ему охотно прощаешь; Тацитъ всегда сдержанъ и владѣетъ собой: онъ выше авторскихъ слабостей. Плутархъ философъ; Тацитъ человѣкъ, гражданинъ и мудрецъ. Одинъ созданъ, чтобы описывать дѣянія великихъ мужей, другой—чтобы быть самому такимъ.

Ноябрь 1. Мое утро по вторникамъ и по субботамъ посвящено занятіямъ со Штеричемъ. Главная цѣль ихъ усовершенствовать молодаго человѣка въ русскомъ языкѣ, настолько, чтобы онъ могъ писать на немъ письма и дѣловыя бумаги. Мать прочитъ его въ государственные люди и потому прибѣгла къ геройской рѣшимости заставлять иногда сына разсуждать и даже излагать свои размышленія на бумагѣ по-русски. Молодой человѣкъ добръ и кротокъ, ибо природа не вложила въ него никакихъ сильныхъ наклонностей. Онъ превосходно танцуетъ, почему и сдѣланъ каммеръ-юнкеромъ. Онъ исчерпалъ всю науку свѣтскихъ приличій: никто не запомнитъ, чтобы онъ сдѣлалъ какую-нибудь неловкость за столомъ, на вечерѣ, вообще въ собраніи людей «хорошаго тона». Онъ весьма чисто говоритъ по французски, ибо онъ природный русскій и къ тому-же учился у француза — не булочника или сапожника, которому показалось бы выгоднымъ заниматься ремесломъ учителя въ Россіи—но у такого, который (о, верхъ благополучія!) и во Франціи былъ учителемъ.

Но при всѣхъ сихъ важныхъ и общеполезныхъ знаніяхъ и талантахъ молодой человѣкъ питаетъ отвращеніе къ серьезнымъ умственнымъ занятіямъ. Онъ получаса не можетъ провести у письменнаго стола за самостоятельнымъ трудомъ. Въ послѣдній нашъ урокъ онъ какъ-то особенно вяло разсуждалъ и, очевидно, предпочиталъ слу-

шать меня, чѣмъ самъ работать. Чтобы урокъ ужъ не совсѣмъ прошелъ даромъ, я сталъ разсказывать ему кое-какіе историческіе факты. Во время бесѣды входитъ мать. Я ожидалъ замѣчанія за мою снисходительность, на дѣлѣ вышло иначе. Когда возлюбленный сынъ ея вышелъ, она разсыпалась въ благодарностяхъ за то, что я такъ хорошо занялъ его.

— Но, вѣдь, мы въ сущности теряли время, возразилъ я,—ибо дѣлали не то, что полезнѣе, а что пріятнѣе.

— Съ молодыми людьми иначе нельзя, сказала она,—ихъ можно поучать, только забавляя. Вы своими разсказами и разговорами можете просвѣтить его болѣе, чѣмъ всѣ профессора со своими педантическими пріемами. Онъ васъ любитъ и вамъ вѣритъ: вы, не затрудняя его, легко сообщите ему всѣ нужныя знанія.

Сомнительно, чтобы въ восемнадцать лѣтъ можно было успѣшно учиться механически посредствомъ однихъ ушей, безъ содѣйствія воли и напряженія ума.

Но таково большинство людей, призванныхъ блистать въ свѣтѣ. А между тѣмъ, сколько изъ нихъ считаютъ себя въ правѣ добиваться чиновъ, отличій, власти—и добиваются! Невольно возмущаешься, когда подумаешь, что одно слово, вылетѣвшее изъ такой головы, можетъ у тысячи подобныхъ себѣ отнять спокойный сонъ, насущный хлѣбъ и опредѣлить ихъ жребій.

4. Давно уже мой товарищъ по университету, пылкій, остроумный Михайловъ, просилъ меня, отъ имени своихъ родителей, познакомиться съ ними и со всѣмъ ихъ семействомъ.

— «Сдѣлайте намъ честь вашимъ посѣщеніемъ», уже больше года твердитъ мнѣ мой добрый товарищъ, котораго я очень люблю за его блестящій умъ и чувствительное сердце. Отецъ его дѣйств. статск. сов. и правитель канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ. Живутъ они если не роскошно, то съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ свѣтскаго этикета. Я, въ моемъ потертомъ мундиришкѣ и значительно поношенныхъ сапогахъ, считалъ себя не у мѣста въ ихъ гостинной и потому постоянно уклонялся отъ приглашеній товарища. Но теперь приближеніе экзаменовъ заставило меня измѣнить мое намѣреніе: Михайловъ звалъ меня къ себѣ уже не съ визитомъ къ его родителямъ, а для того, чтобы вмѣстѣ съ нимъ заняться приготовленіемъ къ экзамену и объясненіемъ ему нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ.

Итакъ, сегодня, послѣ латинской лекціи, мы вмѣстѣ съ нимъ отправились къ нему. Товарищъ немедленно представилъ меня своему отцу. Тотъ принялъ меня съ отмѣнною вѣжливостью и наговорилъ

мнѣ много лестнаго. За чайнымъ столомъ, куда насъ пригласили, Михайловъ познакомилъ меня также съ своей матерью: она въ свою очередь была со мной очень любезна. Мы говорили о многомъ. Отецъ Михайлова показался мнѣ человѣкомъ образованнымъ, нѣсколько самоувѣреннымъ, но вполнѣ гуманнымъ. Въ матери его много ума, начитанности, тонкости, много любезности и лишь небольшая доза той чопорности и принужденности, безъ которой никогда не обходятся люди такъ называемаго «хорошаго тона».

Меньшой братъ моего Михайлова, Вольдемаръ, или по русски Владиміръ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, имѣетъ всю пылкость своего брата, но выказываетъ больше основательности въ умѣ и приверженности къ занятіямъ, которыя образуютъ послѣдній. Это весьма любезный юноша: онъ говоритъ не по лѣтамъ умно и краснорѣчиво. Сестра его, дѣвица лѣтъ семнадцати, очень миловидна. Но я съ ней не говорилъ и она почти все время промолчала.

Больше всего поражаетъ въ сей семьѣ благородный образъ мыслей всѣхъ членовъ ея и рѣдкая гармонія ихъ сердецъ. При всемъ разнообразіи оттѣнковъ въ характерѣ каждаго изъ нихъ, между ними полное единодушіе въ стремленіяхъ и чувствахъ. Они, кажется, всѣ за одно думаютъ, любятъ, радуются, скорбятъ и потому, можетъ быть, нѣсколько пристрастны ко всему тому, что считаютъ своимъ роднымъ.

8. Въ какой зависимости человѣкъ отъ самыхъ мелкихъ нуждъ! Небольшой прорѣхи въ сапогахъ достаточно, чтобы повергнуть его на одръ, если не смерти, то болѣзни, и разстроить самыя благія намѣренія его. Такъ было и со мной эти дни. Теперь у насъ въ университетѣ самое горячее время. Каждый часъ на счету, а я промочилъ ноги и дня четыре провелъ самымъ непроизводительнымъ образомъ. И сегодня еще мнѣ не слѣдовало бы выходить, но я долженъ былъ явиться къ попечителю.

Въ девять часовъ утра я отправился къ нему и былъ немедленно принятъ, такъ же благосклонно, какъ и первый разъ.

— «Ваше положеніе не перемѣнилось?» съ участіемъ спросилъ онъ.

— «Нѣтъ, в. п., оно все то-же».

Здѣсь я изложилъ передъ нимъ планъ, который недавно пришелъ мнѣ въ голову. Нѣкто С., по повелѣнію покойнаго императора пользовался отъ университета пятью стами рублями годоваго пенсіона, пока не кончитъ курса. Ему оставалось пробыть въ университетѣ еще годъ: но онъ недавно исключенъ изъ него за дурное поведеніе. Пятьсотъ рублей, которыя ему еще слѣдовало бы получить, такимъ образомъ, остались въ казнѣ университета. Я хотѣлъ

просить, чтобы сія сумма была выдана мнѣ въ видѣ ссуды съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи моего курса, вычитать оную изъ жалованья въ томъ мѣстѣ, гдѣ буду я служить.

— «Знаю, в. п., прибавилъ я къ сему, что сей заемъ требуетъ обезпеченія, но я не имѣю ничего, кромѣ жизни. Слѣдовательно, въ случаѣ моей смерти, университетъ теряетъ свои деньги. Но во всякомъ другомъ случаѣ, смѣю увѣрить, что они будутъ возвращены».

— «Это бы можно сдѣлать, отвѣчалъ попечитель, — если бы университетъ имѣлъ деньги, но онъ весь въ долгу и каждый годъ занимаетъ тысячъ до двадцати. Я хочу предложить вамъ нѣчто другое. Очень скоро надѣюсь я перейти въ университетъ, если только не измѣнятся обстоятельства. Тогда я дамъ вамъ квартиру у себя и мѣсто въ моей канцеляріи, которое принесетъ вамъ рублей пятьсотъ въ годъ. Занятія по канцеляріи не будутъ идти въ разрѣзъ съ вашими университетскими занятіями. Итакъ, прошу васъ, побывайте у меня опять недѣли черезъ полторы».

Послѣ этого онъ еще очень ласково со мной разговаривалъ. Между прочимъ, я узналъ отъ него, что по университету готовятся важныя преобразованія. Хотятъ возстановить у насъ классическую ученость и потому самый университетъ, можетъ быть, уничтожатъ, обративъ его опять въ педагогическій институтъ, для того, чтобы Россія не нуждалась въ учителяхъ и профессорахъ.

Попечитель еще разспрашивалъ меня объ обстоятельствахъ моей прошлой жизни, похвалилъ мое сочиненіе: «О преодолѣніи несчастій», выразилъ желаніе, чтобы я впослѣдствіи служилъ по ученой части и совѣтовалъ приналечь на латинскій языкъ.

Наконецъ, къ нему пришли съ бумагами и я ушелъ, ободренный и крайне довольный его ласкою.

Возстановленіе классической учености въ Россіи—мѣра важная. Мы будемъ изучать древнихъ, писать на нихъ комментаріи, подражать имъ—и творческій самостоятельный духъ нашъ мало по малу притупится: мы научимся повиноваться, чтобы не сказать—рабствовать...

Нынѣшній государь знаетъ науку царствовать. Говорятъ, онъ неутомимъ въ трудахъ, все самъ разсматриваетъ, во все вникаетъ. Онъ простъ въ образѣ жизни. Его строгость къ другимъ въ связи со строгостью къ самому себѣ; это, конечно, рѣдкость въ государяхъ самодержавныхъ. Ему недостаетъ, однако, главнаго, а именно людей, которые могли бы быть ему настоящими помощниками. У насъ есть придворные, но нѣтъ министровъ; есть люди дѣловые, но

нѣтъ людей съ умомъ самостоятельнымъ и душею возвышенною. Одинъ Сперанскій.

Вотъ любопытный анекдотъ о нынѣшнемъ государѣ. Въ одну изъ его прогулокъ передъ нимъ падаетъ на колѣни человѣкъ и проситъ у него правосудія на одного какого-то богатаго помѣщика, который занялъ у него восемь тысячъ рублей, составлявшихъ все его достояніе, и теперь ихъ ему не отдаетъ. Между тѣмъ проситель и семейство его крайне нуждаются.

— «Есть у тебя нужные документы?»—спросилъ государь.

— Есть, ваше величество, вексель—и вотъ онъ.

Императоръ, удостовѣрясь въ законности документа, приказалъ отнести оный къ маклеру и потребовать, чтобы тотъ сдѣлалъ на немъ надпись о передачѣ онаго Николаю Павловичу Романову.

Проситель сдѣлалъ по приказанію, но маклеръ принялъ его за сумасшедшаго и отправилъ къ генералъ-губернатору. Послѣднему тѣмъ временемъ уже приказано было выдать заимодавцу всю сумму съ процентами, что и было имъ тутъ же исполнено. Государь, получивъ вексель, протестовалъ его и на третій день тоже получилъ всю сумму съ процентами. Тогда онъ призвалъ къ себѣ должника, сдѣлалъ ему строгій выговоръ, а начальству внушеніе, чтобы оно впредь не допускало подобныхъ послабленій и не менѣе скоро удовлетворяло законныя требованія его подданныхъ, какъ и его собственныя.

Правосудіе государя должно поднять у насъ кредитъ, а уменьшеніе акцизовъ и пошлинъ развяжетъ руки промышленности — и торговля процвѣтетъ. Система финансовъ у насъ еще не такъ запутана; нужны простыя мѣры, чтобы возбудить движеніе и жизнь въ оцѣпенѣвшихъ членахъ нашего государственнаго тѣла. Ахъ, если бы онъ придумалъ средство скинуть цѣпи съ десяти милліоновъ рабовъ! Какъ оживилась бы дѣятельность народа! Сколько рукъ, нынѣ устремленныхъ только на то, чтобы услуживать тунеядцамъ, обратилось бы къ трудамъ общеполезнымъ! Въ одномъ домѣ графа Ш.*** живетъ до четырехъ сотъ человѣкъ, существованіе которыхъ проявляется только въ томъ, что они ѣдятъ, пьютъ и спятъ спокойнымъ сномъ на счетъ класса производящаго.

11. Сегодня познакомился съ извѣстнымъ государственнымъ человѣкомъ Петромъ Степановичемъ Молчановымъ. Ему лѣтъ за пятьдесятъ; онъ къ несчастію лишенъ зрѣнія, но лицо у него свѣжее. Онъ бодръ, говоритъ весело, пріятно и любитъ разсказывать анекдоты изъ прошедшихъ временъ. Узнавъ, что я изъ Острогожска, онъ сталъ разспрашивать меня о Владимірѣ Ивановичѣ Астафьевѣ, съ

которымъ былъ друженъ въ молодости. Онъ довольно долго жилъ въ Малороссіи и говоритъ по малороссійски, какъ истый малороссіянинъ. Мысли его о нынѣшнихъ государственныхъ дѣлахъ обличаютъ большую опытность.

— «Насильственными мѣрами, говоритъ онъ, нельзя сдѣлать ничего прочнаго: можно только развѣ оторвать вѣтви злоупотребленій, тогда какъ надо истребить корни ихъ. Правосудіе еще не возстановится отъ того, что отдадутъ нѣсколькихъ подъ судъ. Прочныя и основательныя постановленія, направляющія умы и духъ времени, а не насилующія ихъ, и просвѣщенная власть, охраняющая эти постановленія—вотъ что въ настоящую минуту всего нужнѣе для государства. Я зналъ многихъ сенаторовъ, сказалъ онъ, между прочимъ, которые едва умѣли подписывать свое имя: мудрено ли, что въ сенатѣ, этомъ святилищѣ правды, ея было всего меньше. Секретари дѣлали тамъ, что хотѣли. Государь дѣятеленъ; спасибо ему, но, повторяю еще, надо дѣйствовать постепенно и на самыя причины зла».

Въ числѣ другихъ анекдотовъ Петръ Степановичъ разсказалъ слѣдующій. «Нѣкто Ваксель, членъ межеваго департамента въ Москвѣ, былъ до того извѣстенъ своимъ грабительствомъ, что императрица Екатерина называла его Вольтеромъ, ибо Вольтеръ значитъ по французски (vol terre) похищающій отъ земли. На сего Вакселя сочинили въ Москвѣ сатиру, въ которой нещадно обругали его, укоряя въ лихоимствѣ. Обиженный пожаловался графу Алексѣю Орлову.

— «Я не могу оказать вамъ никакой помощи», отвѣчалъ ему тотъ, «но, если хотите, дамъ вамъ добрый совѣтъ, польза котораго дознана мною на собственномъ опытѣ. Когда я былъ съ флотомъ въ Мореѣ, то во всѣхъ европейскихъ газетахъ обо мнѣ писали, что я ничего не дѣлаю, какъ только приказываю грекамъ дѣлать свои бюсты, и собираю антики. На что же я рѣшился? Пересталъ дѣлать то, въ чемъ меня упрекали, и газеты замолчали».

Я цѣлый вечеръ не отходилъ отъ господина Молчанова и съ интересомъ слушалъ его. У дѣловыхъ людей всегда чему нибудь научишься и никакъ не слѣдуетъ пренебрегать мнѣніемъ о настоящемъ положеніи вещей тѣхъ, которые нѣкогда сами участвовали въ правленіи.

12. Слышно о большихъ преобразованіяхъ по университету и о такихъ, между прочимъ, которыя подвергнутъ учащихся большимъ стѣсненіямъ и по духу, и по формѣ. Юношество болѣе всего недо-

вольно первыми. Я употребляю все мое вліяніе на товарищей, чтобы сдерживать въ нихъ порывы негодованія. Нынче кто благороденъ и неблагоразуменъ—тотъ гибнетъ.

Неужели въ самомъ дѣлѣ хотятъ создать для насъ матеріальную логику, то есть навязать нашему уму самые предметы мышленія и заставить называть черное бѣлымъ и бѣлое чернымъ, потому только, что у насъ извращенный порядокъ вещей. Можно заставить не говорить извѣстнымъ образомъ и объ извѣстныхъ предметахъ — и это уже много, но не мыслить!... Между тѣмъ именно это и хотятъ сдѣлать, забывая, что если насиліе и полагаетъ преграды исполненію вѣчныхъ законовъ человѣческаго развитія, то только временно: варваръ и рабъ отживаютъ свое урочное время, человѣчество же всегда существуетъ...

14. Былъ по утру у профессора Пальмина для просмотра вмѣстѣ съ нимъ записокъ по исторіи философіи, составленныхъ мною. Но у него—какъ это съ нимъ часто бываетъ—встрѣтилась какая то помѣха и я ушелъ отъ него ни съ чѣмъ. Зашелъ по дорогѣ къ Тяжелову, учителю корпусовъ юнкерскаго и кадетскаго. Странное дѣло! Этотъ человѣкъ самъ учился и учитъ, а уже нѣсколько разъ просилъ меня дѣлать для него кое какія нужныя сочиненія. Теперь опять просилъ написать рѣчь, которую онъ долженъ прочесть при началѣ своихъ лекцій въ юнкерской школѣ. Онъ впрочемъ, не глупъ и не лишенъ свѣдѣній, а только тяжелъ въ мысляхъ, какъ и въ обращеніи.

30. Всѣ предшествовавшіе дни я былъ такъ занятъ, что не имѣлъ времени ничего занести въ мой дневникъ. Нынѣшній годъ очень трудный по нашему факультету: предметовъ много и нѣкоторые, или, лучше сказать, всѣ требуютъ большаго вниманія. Сверхъ того, я пишу диссертацію «О духѣ политической экономіи, какъ науки». Планъ я начерталъ обширный и очень занятъ этимъ дѣломъ. Отъ этого сочиненія и отъ того, какъ я произнесу его публично, многое для меня зависитъ.

Между прочимъ, былъ опять у попечителя и ушелъ отъ него съ новымъ: «Подождите»! Но вѣдь въ сущности вся жизнь не что иное какъ ожиданіе!

Декабрь 3. Сегодня Полѣновъ, племянникъ нашего попечителя, просилъ меня отъ имени послѣдняго побывать у него вечеромъ, часовъ въ шесть. Это неожиданное приглашеніе и обрадовало меня, и удивило, ибо послѣ моего послѣдняго свиданія съ попечителемъ я потерялъ всякую надежду на скорое облегченіе моей участи.

Прихожу вечеромъ. Попечитель объявляетъ мнѣ, что теперь же можетъ принять меня въ свою канцелярію съ жалованьемъ въ 500 руб., такъ какъ отнынѣ штатъ его утвержденъ. Главная моя обязанность будетъ заключаться въ веденіи переписки, требующей особенной обработки — значитъ я, собственно говоря, буду секретаремъ при немъ. Я этимъ очень доволенъ: 500 руб. въ моемъ настоящемъ положеніи чуть не богатство.

Попечитель уже поручилъ мнѣ написать одну бумагу къ министру и далъ мнѣ дѣло, которое должно служить для нея матеріаломъ. Дѣло запутанное. Надо хорошенько имъ заняться и написать какъ можно обстоятельнѣе. Бумага эта будетъ пробнымъ камнемъ, по которому мой начальникъ долженъ заключить, стою-ли я его заботъ. И такъ, займемся поприлежнѣе.

5. Попечитель, кажется, человѣкъ очень добрый. Онъ обращается со мною съ той непринужденной вѣжливостью и добродушіемъ, которыя въ начальникѣ заставляютъ любить человѣка. Я принесъ къ нему сегодня бумагу, написанную мною къ министру.

— «Очень хорошо», сказалъ онъ, — «только я не желалъ бы давать о семъ дѣлѣ такого рѣзкаго мнѣнія».

— «Господинъ Б... можетъ быть и правъ по совѣсти, в. п.», отвѣчалъ я, — «но положительные законы противъ него: я старался согласоваться съ ними».

— «Но въ семъ дѣлѣ еще много сомнительнаго», продолжалъ попечитель.—«Хотя г-нъ Б. и мой двоюродный братъ, я, однако, во многомъ признаю его виновнымъ, но не совсѣмъ такъ, какъ его обвиняетъ комитетъ».

Признаюсь, я подумалъ: «а, вотъ гдѣ тайна!» Я взялъ бумагу, передѣлалъ ее и опять представилъ ввечеру: она была на этотъ разъ одобрена.

Мнѣ поручили новое дѣло, потруднѣе перваго. На первыхъ порахъ это, конечно, занимаетъ у меня больше времени, чѣмъ слѣдуетъ: я ложусь спать въ два часа ночи, встаю въ шесть утра.

13. По утру былъ у попечителя. Не знаю, чему приписать откровенность, съ какою онъ говоритъ со мной о разныхъ вещахъ, относящихся къ его службѣ и даже къ политикѣ. Не могу сказать, чтобы мои первые шаги въ новой должности были блистательны, ибо я уже написалъ двѣ бумаги, которыя не были одобрены. Главная моя ошибка въ нихъ, правда, заключалась въ естественномъ незнаніи отношеній между собой лицъ, которыхъ эти бумаги касались.

Говоря о предстоящихъ въ университетѣ преобразованіяхъ, попе-

читель какъ будто самъ склонялся къ тому мнѣнію, что въ русскихъ университетахъ вовсе не слѣдуетъ читать нѣкоторые предметы. Я понялъ, что дѣло идетъ объ естественномъ правѣ.

Отпуская меня, онъ сказалъ: «прошу васъ хранить въ тайнѣ то, что бываетъ говорено между нами. Не забывайте, что во всѣхъ такихъ случаяхъ я говорю съ вами не какъ попечитель».

Лестная довѣренность, которая меня, однако, немного тревожитъ.

20. Читалъ Байрона. Его поэзія подобна Эоловой арфѣ, на которой играетъ буря: нѣтъ гармоніи, но слышны такіе аккорды, которые васъ потрясаютъ какъ стоны умирающаго друга или любовницы.

Наполеонъ, Байронъ и Шеллингъ представители нашего вѣка. Они скажутъ будущимъ поколѣніямъ его тайну и покажутъ имъ, какъ въ наше время духъ человѣческій хотѣлъ торжествовать надъ рокомъ и изнемогалъ въ непосильной борьбѣ съ нимъ.

30. Все это время занимался приготовленіями къ экзаменамъ. Дѣла столько, что даже здоровье мое отъ того терпитъ. Я почти окончилъ диссертацію. Еще прежде читалъ я планъ ея Бутырскому, который вполнѣ его одобрилъ. Значительная часть моего времени посвящена товарищамъ. Я приготовилъ записки и програмы, облегчающія трудъ по приготовленію къ экзаменамъ. Кромѣ того, многіе товарищи съ 26-го числа собираются у меня, гдѣ мы вмѣстѣ повторяемъ курсъ исторіи, философіи и государственнаго хозяйства. Время, которое мы проводимъ такимъ образомъ, самое для меня пріятное и чуть-ли не самое производительное.

31. Послѣдній день 1826 года. Утро до 3-хъ часовъ провелъ я съ товарищами въ занятіяхъ по исторіи философіи. Часы эти пролетѣли быстро, какъ всѣ тѣ, которые я провожу въ кругу любимыхъ изъ моихъ товарищей, въ умственномъ трудѣ, согрѣтомъ для насъ взаимной любовью къ дѣлу и другъ къ другу.

Во время занятій пришелъ Полѣновъ и принесъ росписаніе порядка экзаменовъ, которое прислано къ попечителю. Предметы такъ расположены, что намъ очень легко будетъ къ нимъ готовиться. Между каждымъ экзаменомъ промежутокъ дня въ три. Прекрасно!

Теперь 11 часовъ. Прости, старый годъ. Привѣтствую тебя, 1827-й: будь милостивъ ко мнѣ!...

А. В. Никитенко.

(Продолженіе слѣдуетъ)

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XXXV [1]).

Отцу.

Отецъ! вотъ нѣсколько ужъ дней
Воспоминанье все рисуетъ
Твои черты душѣ моей
И по тебѣ она тоскуетъ.
Все помню: какъ ты здѣсь сидѣлъ,
Съ какимъ бывало наслажденьемъ
На домъ, на садъ, на прудъ глядѣлъ.
Какую къ нимъ любовь имѣлъ,
Про нихъ твердилъ намъ съ умиленьемъ.
„Все это, ты тогда мечталъ,
Оставлю сыну въ достоянье".
Но равнодушно я внималъ
И не туда несло желанье.
Я виноватъ передъ тобой;
Я съ старикомъ скучалъ, бывало,
Подъ часъ роптала на жребій свой...
Прости меня! На ропотъ мой
Набрось забвенья покрывало.
Скажи, отецъ, гдѣ ты теперь?
Неправда ль, ты воскресъ душою!
Неправдаль-ль, гробовая дверь
Не все замкнула за собою?
Скажи: ты чувствуешь, что я
Здѣсь на землѣ грущу, тоскую,
Все помню, все люблю тебя,
Что падала слеза моя,
Не разъ на урну гробовую?
О! если все то знаешь ты —
То будь и тамъ мой добрый геній,
Храни меня средь суеты,
Храни для чистыхъ вдохновеній —
Молись!.. Но можетъ въ той странѣ
Ты самъ, раскаяньемъ гонимый,
Страдаешь... О, скажи же мнѣ —
Я-бъ сталъ молиться въ тишинѣ,
Чтобъ Богъ далъ миръ душѣ томимой.
Но нѣтъ! Ты всё-же лучше сталъ,
Чѣмъ я, среди грѣха и тлѣнья,
Вѣдь ты въ раскаяньи страдалъ,
И смылъ всѣ пятна заблужденья; —
Такъ ты молись за жребій мой,
А я святыни не нарушу,
Моею грѣшною мольбой...
Молись, отецъ, и успокой
Мою тоскующую душу.

Н. П. Огаревъ.

Чертково. Іюль 1839 г.

---

[1]) См. „Русск. Старину" изд. 1888 г., томъ LX, стр. 469—490, 601 616; изд. 1889 г., т. LXI, стр. 336, 352, 354 и 430.

СТУДЕНЧЕСКІЯ ИСТОРІИ ВЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

1855—1863 гг.

Извѣстно всѣмъ, что въ послѣднія тридцать лѣтъ почти во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ имперіи происходили очень часто такъ называемыя студенческія исторіи или, какъ онѣ именуются на оффиціальномъ языкѣ, студенческіе безпорядки, при чемъ, по мѣрѣ повторенія ихъ, онѣ пріобрѣтали все болѣе и болѣе острый и сложный характеръ. Отсюда само собой вытекаетъ, что на эти исторіи нельзя смотрѣть какъ на нѣчто случайное, а что съ ними должно считаться какъ съ явленіемъ жизни нашего общества, требующимъ серьезнаго объясненія и разслѣдованія его въ причинахъ, вызывавшихъ и поддерживавшихъ его. Между тѣмъ въ нашей литературѣ не было сдѣлано и попытки къ удовлетворенію этого требованія, даже хотя въ примѣненіи къ исторіямъ, происходившимъ въ одномъ какомъ-либо университетѣ или другомъ высшемъ учебномъ заведеніи. И это понятно: фактическая сторона явленія совсѣмъ пока не изслѣдована; все, что по этой части извѣстно обществу, ограничивается или очень краткими правительственными сообщеніями о нѣкоторыхъ, особенно выдавшихся, «студенческихъ исторіяхъ», или слухами, которые передавались вначалѣ, не всегда безпристрастно и вѣрно, лицами, прикосновенными къ этимъ исторіямъ, а затѣмъ, переходя изъ устъ въ уста, разнообразились до безконечности, совершенно искажая истинное положеніе дѣла.

Въ виду сказаннаго, трудъ, который предлагается теперь вниманію читателей, будетъ, полагаю, не излишнимъ.

Въ немъ читатель не найдетъ многихъ закулисныхъ подробностей, которыя относятся къ студенческимъ исторіямъ въ казанскомъ университетѣ, случившимся уже давно, и которыя, конечно, извѣстны нѣкоторымъ частнымъ лицамъ, теперь еще здравствующимъ. Напрасно бы также читатель сталъ искать въ этомъ трудѣ какихъ-либо характеристикъ лицъ, находившихся въ томъ или другомъ соприкосновеніи съ студенческими исторіями въ Казани. Все это могутъ сдѣлать люди, которые близко стояли къ описываемымъ здѣсь событіямъ, и это, конечно, было бы желательно: задача, которою я задался при составленіи труда, заключалась въ вѣрномъ и совершенно объективномъ изложеніи чисто оффиціальныхъ данныхъ о сказанномъ предметѣ; другими словами: я желалъ представить вниманію читателей лѣтопись

этихъ «студенческихъ исторій», составленную на основаніи оффиціальныхъ источниковъ. Къ счастію, послѣдніе сохранились въ архивѣ казанскаго университета въ совершенной полнотѣ и въ весьма значительномъ количествѣ (они указаны точно въ концѣ труда). Изучая ихъ, я пришелъ къ заключенію, что они изобилуютъ такими подробностями, на основаніи которыхъ можно составить связную и не лишенную научнаго и даже практическаго интереса лѣтопись старыхъ студенческихъ исторій въ г. Казани. Почитаю своимъ долгомъ заявить, что въ составленіи этого труда весьма дѣятельное участіе оказалъ близкій ко мнѣ человѣкъ—студентъ Н. Н. Ѳ—въ.

Профессоръ **Н. Ѳирсовъ.**

28 мая 1886 года.
Казань.

ГЛАВА I.

Упадокъ николаевской системы надзора за студентами. — Стараніе инспектора Ланге и попечителя Молоствова поддержать эту систему.—Крупные студенческіе проступки. — Снисходительный взглядъ на нихъ высшей администраціи. — Дѣло Гилямова и Срѣтенскаго. — Умновская исторія и ея послѣдствія.

1855, 1856 и 1857 годы.

Приблизительно съ половины 1855 года установившаяся въ царствованіе императора Николая I система надзора за учащимися въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ имперіи, система, въ сущности направленная къ поддержанію внѣшняго порядка въ этихъ заведеніяхъ и къ подавленію вольномыслія, быстро утрачиваетъ свою прежнюю силу. Такъ было и въ казанскомъ университетѣ, не смотря на то, что во главѣ управленія казанскимъ студенчествомъ продолжали стоять люди, глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ плодотворности отеческп-военной системы надзора за учащеюся молодежью.

Тогдашнимъ инспекторомъ студентовъ казанскаго университета, В. И. Ланге, каждогодно представлялись попечителю учебнаго округа, генералу Молоствову, списки студентовъ, на которыхъ инспекторъ налагалъ своею властію взысканіе за мелкіе проступки. Просматривая такой списокъ, веденный инспекторомъ съ 28 сентября 1855 г. по 5 іюня 1856 г., удивляешься обилію студентовъ, подвергшихся за это время карѣ. За время дѣйствія университетскаго устава 1863 года за 20 слишкомъ лѣтъ не было столько штрафованныхъ студентовъ, сколько ихъ было въ одинъ только указанный учебный годъ; да и прежде никогда не было столько таковыхъ.

Это странное, на первый взглядъ, явленіе въ быту казанскаго студенчества удовлетворительно объясняется другими оффиціальными данными и разсказами лицъ, которыя въ ту пору были сами студентами и наравнѣ съ другими подвергались взысканіямъ за отступленіе отъ установленной дисциплины.

Дѣло въ томъ: студенты 1855—1857 годовъ, подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній, перестали считать проступками то, что за таковые признавали и попечитель округа, и инспекторъ Ланге, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ генерала Молоствова, и даже прежніе студенты 1840-хъ и начала 1850-хъ годовъ. Явилось печальное недоразумѣніе, которое, такъ какъ ни кѣмъ не устранялось, неминуемо должно было повести къ столкновенію между студенчествомъ и его начальствомъ: студенты перестали исполнять установившіяся только въ силу обычая, а не въ силу закона, правила, которыя никогда имъ не были объявляемы въ печатномъ видѣ и которыя они потому стали разсматривать какъ произвольное измышленіе попечителя и инспектора, и предпочитали за нарушеніе ихъ идти лучше въ карцеръ, въ которомъ, благодаря студенческой изворотливости, умѣвшей отводить глаза начальства, нерѣдко по ночамъ устраивались попойки, игра въ карты,—чѣмъ чрезъ исполненіе ихъ казаться предъ товариществомъ людьми отсталыми; съ другой стороны, попечитель и инспекторъ, люди, получившіе военное образованіе и въ теченіе долговременной своей службы воспитавшіе въ себѣ убѣжденіе, что относительно учащейся молодежи всякое лыко должно идти въ строку, т. е. что всякое отступленіе отъ условленной дисциплины должно быть наказуемо, — не обращали ни малѣйшаго вниманія на новыя вѣянія и продолжали дѣйствовать по отношенію къ студентамъ въ духѣ старой системы, вполнѣ вѣруя, что они чрезъ то исполняютъ свой долгъ на пользу молодежи. И вотъ идутъ неослабно взысканія съ провинившихся студентовъ, заключавшіяся въ отеческомъ распеканіи и большею частію въ посаженіи въ карцеръ, за непоклонъ инспектору, за небрежный поклонъ ему же, за ношеніе длинныхъ волосъ и усовъ, за несоблюденіе формы, за бытіе въ райкѣ театра, за хожденіе по трактирамъ, за нетрезвость, за поздній приходъ къ богослуженію, за неимѣніе на шеѣ галстука, за сидѣніе во время обѣда въ разстегнутомъ сюртукѣ, за куреніе табаку, за неприличное харканіе въ присутствіи помощника инспектора студентовъ, за неодобреніе казеннаго стола и т. п.

Устремляя, такимъ образомъ, все свое вниманіе и направляя всѣ средства, находившіяся въ его распоряженіи, на поддержаніе въ университетѣ во всей чистотѣ прежняго режима, понуждая студентовъ,

начавшихъ плохо посѣщать профессорскія лекціи, къ постоянному хожденію на эти лекціи, и за неисправное посѣщеніе ихъ карая виновныхъ въ томъ убавкою отмѣтки въ поведеніи и даже недопущеніемъ къ переходнымъ экзаменамъ [1]), ближайшее начальство университета принуждено было принимать къ своему разбирательству такія дѣянія отдѣльныхъ студентовъ, которыя были, дѣйствительно, проступками, и при томъ выходящими изъ ряда вонъ, цѣлыми исторіями, привлекавшими вниманіе и общества, и высшей учебной администраціи. Таковы: драка нѣсколькихъ студентовъ на озерѣ Кабанѣ съ лодочниками [2]), буйство нѣсколькихъ студентовъ въ квартирѣ студента Жуковскаго, выразившееся, между прочимъ, въ разбитіи стеколъ и зеркала и затѣмъ въ нападеніи на квартиру посторонняго лица [3]); нанесеніе побоевъ студентами Соковнинымъ, Рязановымъ, Страдинымъ и Понизовскимъ [4]) на Николаевской площади офицерамъ кн. Оболенскому и Лобочевскому, занимавшимъ видное положеніе въ казанскомъ обществѣ,—за неблагопріятные отзывы ихъ о студентахъ, выраженные ими публично.

Достойно замѣчанія то, что казанское общество снисходительно относилось къ такого рода дѣяніямъ студентовъ, разсматривая ихъ какъ увлеченіе молодости. Надо замѣтить и то, что и высшая администрація наклонна была также снисходительно смотрѣть на такія проявленія студентами грубости и тѣмъ подрывала въ мнѣніи молодежи авторитетъ мѣстнаго начальства, относившагося къ нимъ съ справедливою строгостію.

Такой снисходительный взглядъ на подобнаго рода проступки студентовъ высшая администрація выразила по дѣламъ объ исключеніи изъ университета студента башкирца Абдулъ-Гилямова [5]) и студента Срѣтенскаго, дѣламъ, которыя потому заслуживаютъ, чтобы остановиться на нихъ подолѣе.

Гилямовъ неоднократно былъ замѣчаемъ инспекціею въ нетрезвости, буйствѣ, своевольномъ уходѣ изъ университета, гдѣ жилъ на казенномъ содержаніи, какъ стипендіатъ башкирскаго войска, въ неповиновеніи чинамъ инспекціи и въ оскорбленіи ихъ; нѣсколько разъ за такія дѣянія сидѣлъ онъ въ карцерѣ; но это наказаніе не производило на него ни малѣйшаго дѣйствія; поэтому, по представленію

---

[1]) Дѣло канц. попечит., 7.
[2]) Тамъ-же, 7.
[3]) Тамъ-же, 16.
[4]) Дѣло объ исключ. студ., 6—11.
[5]) Д. к. п., 1.

инспектора рѣшено было исключить его изъ университета и отправить въ распоряженіе оренбургскаго генералъ-губернатора, съ препровожденіемъ подробнаго перечня его проступковъ. Прочитавъ этотъ перечень, генералъ-губернаторъ обратился къ попечителю съ бумагой, въ которой просилъ его принять Гилямова вновь въ студенты, на томъ основаніи, что, какъ онъ писалъ въ этой бумагѣ, Гилямовъ «ведетъ себя отлично хорошо»,—и достигъ того, что исключенный изъ университета этотъ башкирецъ, съ разрѣшенія министра н. пр., былъ снова принятъ въ студенты [1]).

Поведеніе Срѣтенскаго во время его студенчества является весьма похожимъ на поведеніе Гилямова [2]). Срѣтенскій, какъ и тотъ, часто напивался пьянъ, производилъ разныя буйства, самовольно отлучался по ночамъ изъ университета, бранился въ присутствіи чиновъ инспекціи площадными словами, оказывалъ имъ неповиновеніе, дерзко говорилъ съ инспекторомъ, и за такія дѣянія нѣсколько разъ былъ помѣщаемъ въ карцеръ и послѣ каждой высидки тамъ принимался опять за старое. Инспекторъ увидѣлъ надобность просить попечителя удалить его изъ числа студентовъ [3]). На этотъ разъ онъ былъ исключенъ [4]). Ему выдали прогонныя деньги въ количествѣ 198 р. 38¼ к. [5]), и онъ отправился на родину, въ Восточную Сибирь, гдѣ, какъ сибирскій стипендіатъ, обязанъ былъ служить по назначенію мѣстнаго начальства; но онъ успѣлъ доѣхать только до уѣзднаго города Малмыжа, откуда поспѣшилъ возвратиться въ Казань, узнавъ, что ему снова позволено поступить въ казанскій университетъ; это оказалось вѣрнымъ: министръ нар. просвѣщенія, по ходатайству генералъ-губернатора Восточной Сибири, призналъ возможнымъ оставить его въ университетѣ, «съ тѣмъ, однако, условіемъ, если онъ, при чистосердечномъ раскаяніи въ прежнихъ проступкахъ, совершенно загладитъ ихъ безукоризненнымъ впредь поведеніемъ своимъ» [6]). Но Срѣтенскій успѣлъ предупредить это условіе: онъ прибылъ въ Казань, имѣя въ карманѣ изъ суммы, назначенной на путешествіе въ Восточную Сибирь, только 52 р. 4¼ к. Вслѣдствіе этого, 21-го апрѣля, попечитель получаетъ отъ министра письмо, въ которомъ свое разрѣшеніе оставить Срѣтенскаго въ университетѣ беретъ назадъ, такъ какъ ему попечитель сообщилъ «невыгодныя свѣдѣнія о Срѣтенскомъ» и въ

---

1) Дѣло канц. попечит., 25—32.
2) Тамъ-же, 34—38.
3) Тамъ-же, 43 и 44.
4) Тамъ-же, 47.
5) Тамъ-же, 56.
6) Тамъ-же, 61.

числѣ ихъ—о быстромъ умаленіи суммы, назначенной на дальнее путешествіе [1]). Но до новаго выѣзда изъ Казани въ Восточную Сибирь онъ, 13-го іюня, ночью, сдѣлалъ нападеніе на помощниковъ инспектора Зоммера и Фишера и, назвавъ ихъ шпіонами инспектора, намѣревался ихъ избить, что ему, однако, по смыслу донесенія Зоммера, сдѣлать не удалось, благодаря быстрому удаленію послѣдняго отъ Срѣтенскаго и твердости, выказанной Фишеромъ.

«Зоммеръ улепетываетъ, но не уйдетъ отъ меня», говорилъ Срѣтенскій «громко про себя», какъ сообщаетъ сказанное донесеніе.

«Слышавши эти слова», говоритъ Зоммеръ, «я, дѣйствительно, пошелъ быстрѣе прежняго». Срѣтенскій продолжалъ гнаться за нимъ. Зоммеръ, по его выраженію, не допустилъ его къ себѣ на три шага и сказалъ ему: «Срѣтенскій, что вы отъ меня хотите?» На это онъ отвѣтилъ: «а вотъ я тебѣ покажу, чего я хочу!»

Послѣ этихъ словъ помощникъ инспектора, какъ онъ самъ сообщаетъ, «отъ него побѣжалъ», а онъ, Срѣтенскій, пустился его преслѣдовать и, подбѣжавъ близко, закричалъ: а, тутъ и бабье! и хотѣлъ было броситься на мою жену, но г. Фишеръ заслонилъ ее собою; Срѣтенскій же съ поднятыми все еще кулаками остановился и передъ Фишеромъ, который въ свою очередь приготовился самъ противу его защищаться». Тутъ на помощь помощникамъ инспектора явились караульные и часовой отъ воротъ университета, и Срѣтенскій, «увидавъ ихъ и оставивъ Фишера, пустился бѣжать въ обратный путь», по выраженію донесенія. Но караульные его догнали, и послѣ всѣхъ упорныхъ его дѣйствій «онъ», въ присутствіи Зоммера, былъ отведенъ въ часть [2]).

Оскорбленіе, нанесенное Срѣтенскимъ помощникамъ инспектора, было «прощено по молодости его лѣтъ и чистосердечному его раскаянію», но тѣмъ не менѣе оно послужило къ скорѣйшей высылкѣ его въ Восточную Сибирь: «Срѣтенскій, по выдержаніи 4 дней подъ арестомъ, высланъ уже мною изъ Казани», сообщаетъ попечителю военный губернаторъ 27-го іюня 1856 г.

---

[1]) Дѣло канц. попечит., 75.

[2]) Д. к. п., 88 и 89. Оба упоминаемые здѣсь помощника инспектора, уже давно умершіе, пользовались при жизни репутаціей отлично исполнительныхъ должностныхъ лицъ. Фишеръ кончилъ службу и жизнь въ званіи директора Вятской гимназіи. Зоммеру, лѣтъ 13 тому назадъ, по случаю пятидесятилѣтія его службы, совѣтъ у—та торжественно, съ преподнесеніемъ подарка, выразилъ уваженіе къ его долголѣтней полезной и честной служебной дѣятельности. Н. Ѳ.

Факты изъ жизни казанскаго студенчества за 1855—1856 годы, переданные нами, ясно свидѣтельствуютъ о ненормальномъ и крайне натянутомъ отношеніи между учащеюся молодежью и ея непосредственнымъ ближайшимъ начальствомъ. Поэтому не удивительно, что обыкновенный въ сущности случай послужилъ толчкомъ къ серьезному столкновенію между массою студенчества и прямымъ его начальствомъ, происшедшему въ 1857 году [1]).

Въ числѣ студентовъ у—та находился нѣкто Умновъ. По какому-то случаю онъ нагрубилъ инспектору Ланге. Попечитель Молоствовъ вызвалъ Умнова въ профессорскую комнату и началъ дѣлать ему отеческое наставленіе, такъ какъ Умновъ пользовался его покровительствомъ. Умновъ на отеческія наставленія отвѣчалъ грубостями, за что попечитель пригрозилъ отдать его въ солдаты.

Вскорѣ послѣ этого, по поводу случая съ Умновымъ, въ актовомъ залѣ собралась толпа студентовъ. Пришелъ инспекторъ. Его освистали. Явился попечитель. И его освистали. Начали слѣдствіе, но объ его изысканіяхъ нѣтъ въ нашемъ распоряженіи никакихъ оффиціальныхъ извѣстій. Дѣло, надѣлавшее много шума въ Поволжьѣ, кончилось тѣмъ, что Умновъ былъ отданъ въ солдаты, а инспекторъ Ланге [2]) и попечитель Молоствовъ вышли въ отставку [3]). Исправленіе должности инспектора было поручено экстраординарному профессору Пахману [4]), а должность попечителя—помощнику попечителя полковнику Ѳ. Ѳ. Веселаго [5]).

Генералъ-лейтенантъ Молоствовъ, оставляя должность попечителя съ назначеніемъ въ сенаторы, выразилъ совѣту у—та слѣдующее: «оставляя университетъ послѣ почти 10-лѣтняго моего имъ управленія, я считаю самою пріятною обязанностью выразить гг. просвѣщеннымъ членамъ его мою душевную благодарность за столь ревностное и просвѣщенное ихъ содѣйствіе къ столь важной возложенной на меня обязанности по дѣлу образованія юношества. При этомъ позволю

---

[1]) Въ 1856 году въ казанскомъ университетѣ было 301 челов. студентовъ православнаго исповѣданія, причемъ на историко-филологическомъ факультетѣ было 11, на физико-матем. 34, на юридическомъ 106, на врачебномъ 151. Студентовъ лютеранскаго исповѣданія было 14; всѣхъ студентовъ было, стало быть, 315 человѣкъ. (Дѣло по канц. инсп., № 17). Кромѣ того было въ университетѣ нѣсколько человѣкъ башкирцевъ и калмыковъ, которыхъ присылало начальство этихъ инородцевъ, предварительно подготовивъ ихъ въ 1-й казанской гимназіи. Н. Ѳ.

[2]) Дѣло канц. попечит., 1.

[3]) Тамъ-же, 8.

[4]) Тамъ-же, 2.

[5] Тамъ-же, 5.

себѣ увѣрить гг. членовъ у—та, что время, проведенное мною въ средѣ ихъ, будетъ для меня незабвенно» [1]).

Этотъ-же самый генералъ Молоствовъ, уже не будучи попечителемъ, исходатайствовалъ Умнову поступленіе вновь въ студенты у—та [2]).

Демонстрація студентовъ противъ попечителя округа и инспектора студентовъ, имѣвшая такой исходъ, т. е. не только оставленная безъ всякаго взысканія съ виновныхъ въ ней, но и послужившая причиною увольненія потерпѣвшихъ начальниковъ, повлекла за собою важныя послѣдствія. Въ Казани и другихъ городахъ Поволжья укореняется мнѣніе, что студенты составляютъ силу, съ которою нужно считаться; среди студентовъ начинаетъ преобладать убѣжденіе, что они составляютъ не только самостоятельный элементъ въ университетѣ, т. е. что не только имѣютъ право самостоятельно завѣдывать своими студенческими дѣлами посредствомъ сходокъ и депутатскихъ собраній, которыя съ этого времени начинаютъ безпрепятственно практиковаться, устраивать свои дѣла въ стѣнахъ университета, заводить для себя кассы, читальни и проч., но и элементъ, могущій вліять на ходъ вообще университетской жизни, вести особую свою университетскую политику.

ГЛАВА II.

История по поводу лекцій профессора физіологіи Берви; отношеніе къ ней ближайшаго начальства студентовъ и министерства.—Дѣло студента Поликарпова.—Петиція студентовъ по поводу предположеннаго исключенія студента Рослова изъ у—та.—Побоище въ русской Швейцаріи.—Движеніе среди студенчества по поводу разногласія съ нимъ и поведенія студента Бѣляева.—Столкновеніе нѣсколькихъ студентовъ съ театральной дирекціей.

1858-й годъ.

1858 годъ даетъ факты, подтверждающіе выше сдѣланный выводъ. Этотъ годъ въ своемъ началѣ доставляетъ намъ явленіе, въ быту студентовъ раньше невиданное. 31-го января ректоръ у—та Ковалевскій сообщаетъ попечителю Груберу [3]) слѣдующее письмо, переданное ему профессоромъ физіологіи Берви. Это письмо отъ

---

[1]) Д. к. п., 10.

[2]) Д. к. п., 1. Умновъ, какъ дальше узнаемъ, былъ снова исключенъ за участіе въ безпорядкахъ, случившихся въ 1861 году, и затѣмъ чрезъ нѣсколько лѣтъ умеръ отъ чахотки.

[3]) Назначенъ на мѣсто Молоствова.

студентовъ медицинскаго факультета. Оно гласитъ: «Господинъ профессоръ! Всѣмъ намъ извѣстна ваша продолжительная служба казанскому университету, за которую мы, всѣ студенты медицинскаго факультета, душевно васъ благодаримъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во вниманіе ваши преклонныя лѣта и вашу слабость, просимъ васъ, для общей нашей пользы, сложить съ себя эту тяжелую обязанность, которая становится еще тяжелѣе нынче, во время быстраго развитія науки, требующаго силъ свѣжихъ и молодыхъ. Извините насъ, профессоръ, что заговорили объ этомъ мы первые, — любовь къ наукѣ и желаніе быть полезными обществу заставляетъ насъ поспѣшить. Да и вы, вѣроятно, уже убѣждены въ настоящее время сами, что остатокъ вашихъ драгоцѣнныхъ лѣтъ приличнѣе провесть въ мирномъ семейномъ кругу, нежели въ физіологическомъ кабинетѣ и физіологической лабораторіи, занимаясь живосѣченіями, необходимость которыхъ при изученіи физіологіи и вамъ, и намъ понятна. Надѣемся, что справедливый голосъ не оскорбитъ и найдетъ съ вашей стороны полную и скорую готовность помочь общей пользѣ». Подъ этимъ посланіемъ подписались студенты четырехъ курсовъ въ количествѣ 71-го: первый курсъ, не слушающій физіологіи, не подписывался [1]).

Передавъ письмо ректору, профессоръ Берви, вслѣдъ за тѣмъ, подаетъ ему рапортъ, въ которомъ, «для предупрежденія могущихъ послѣдовать болѣе непріятныхъ демонстрацій, онъ считаетъ нужнымъ удалиться отъ всякаго столкновенія со студентами, до окончательнаго рѣшенія начальствомъ начатаго изслѣдованія этого дѣла» [2]).

Изслѣдованіе же, дѣйствительно, было начато, какъ объ этомъ попечитель увѣдомляетъ ректора 12-го февраля 1858 г.: прежде всего оно происходило «подъ рукою», ибо имѣлось «въ виду открыть какъ причины, побудившія студентовъ къ столь противозаконному дѣйствію, такъ и главныхъ виновниковъ онаго». Изъ слѣдствія «подъ рукою» узнали: 1) что студенты, подписавшіе письмо, въ оправданіе своего поступка приводятъ то, что они не хотѣли приносить формальной жалобы на неудовлетворительность преподаванія г. Берви и полагали, что письмо ихъ не получитъ гласности; 2) что они, повидимому, подстрекаемы были къ этой противозаконной демонстраціи сторонними внушеніями, и что изъ числа 71-го подписавшихъ студентовъ многіе сдѣлали это безсознательно, по наущенію своихъ товарищей; 3) что

---

[1]) Д. к. п., 1.
[2]) Д. к. п., 2.—Берви пересталъ на время читать лекціи (Д. к. п., 5).

хотя они сознаются въ противозаконности своихъ дѣйствій въ настоящемъ случаѣ и изъявляютъ готовность принести извиненіе предъ всѣми профессорами медицинскаго факультета, но не соглашаются извиниться передъ г. Берви, который былъ оскорбленъ ихъ письмомъ.

Узнавши все это, ректоръ подъ своимъ предсѣдательствомъ образовываетъ слѣдственный комитетъ изъ гг. декановъ всѣхъ факультетовъ, инспектора студентовъ и синдика ун—та и предлагаетъ «сему комитету войти въ разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ сего дѣла, опредѣлить степень виновности студентовъ, подписавшихъ адресъ къ г. профессору Берви, и подлежащее съ нихъ за то взысканіе» [1]). Но еще слѣдственный комитетъ не представилъ результатовъ своихъ розысканій, какъ отъ министра успѣло придти предписаніе, чтобы студенты просили прощеніе у Берви [2]). Попечитель Груберъ сначала освѣдомляется—изъявляютъ ли студенты готовность просить прощеніе у профессора Берви, почему и приказываетъ отобрать отъ нихъ подписку [3]). Студенты выразили «готовность». 23-го февраля была назначена церемонія. Студенты собрались въ актовую залу. Сюда-же явились: ректоръ, члены комитета и преподаватели медицинскаго факультета. Пришелъ и профессоръ Берви [4]). Затѣмъ произошло то, чего не приводится въ донесеніи попечителя министру, а что мы узнаемъ изъ бумаги, представленной слѣдственнымъ комитетомъ.

Студенты сказали: «Мы извиняемся, г. профессоръ, въ своемъ неумѣстномъ поступкѣ».

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ профессоръ, я начну читать лекціи.—И пошелъ изъ залы; въ толпѣ послышались голоса: «На это мы не согласны!» И нѣкоторые тутъ же объявили г. ректору, что они просятъ назначить имъ другаго профессора. Вмѣстѣ съ тѣмъ студенты просили донести министру, что они извинились по его приказанію и волѣ, которую они считаютъ для себя закономъ, но что убѣжденіе ихъ относительно неудовлетворительности лекцій г. Берви остается то-же [5]). Этимъ закончилась церемонія испрашиванія прощенія «по приказанію министра». А потомъ и слѣдственный комитетъ, отобравши отвѣты отъ подписавшихся студентовъ, пришелъ къ такимъ выводамъ: 1) настоящій поступокъ есть дѣло только нѣсколькихъ студентовъ, за которыми увлеклись остальные, опираясь на товарищеское единодушіе, 2) что виновники хотя и высказали

---

[1]) Дѣло канц. попечит., 3 и 4.

[2]) Ибо попечитель увѣдомилъ его обо всемъ, что случилось (Д. к. п., 6).

[3]) Д. к. п., 7.

[4]) Тамъ-же, 8.

[5]) Тамъ-же, 9.

готовность «загладить свой неумѣстный поступокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ явнымъ несознаніемъ нѣкоторыхъ, въ глубинѣ души своей, вины передъ профессоромъ Берви. Въ подтвержденіе этого положенія приводится то, что произошло въ залѣ, и въ 3) наконецъ, что подписавшими письмо къ г. Берви студентами, исключая только весьма немногихъ, высказано и подтверждено подписомъ каждаго предъ цѣлымъ комитетомъ явное упорство въ сознаніи неправильности своего поступка, т. е. написанія настоящаго письма, съ цѣлью, по словамъ ихъ, улучшенія преподаванія, въ то время, какъ по даннымъ имъ въ руководство правиламъ, съ просьбою объ этомъ предметѣ они обязаны были обратиться къ г. ректору ун—та.

«При этомъ почти каждымъ прибавлено въ письменномъ показаніи, что послѣ объявленія имъ, со стороны комитета, незаконности ихъ дѣйствія относительно написанія подобнаго письма профессору Берви, они все-таки считаютъ эту мѣру на будущее время позволительною, а нѣкоторые даже лучшею, оправдывая въ этомъ случаѣ свое положеніе убѣжденіемъ, что письмо написано частнымъ образомъ, хотя ихъ и увѣряли въ противномъ члены комитета. И только послѣ объявленія имъ письма г. министра народнаго просвѣщенія и взятія съ нихъ подписки въ исполненіи воли его высокопревосходительства испросить прощеніе у г. Берви, нѣкоторые студенты явились, а остальные объявили желаніе явиться въ комитетъ, съ просьбой о позволеніи дать дополнительныя показанія, въ которыхъ одни совершенно сознались, что вышеупомянутая мѣра непозволительна, а другіе только просили слово «непозволительно» замѣнить словомъ «неумѣстно» [1]).

Послѣ этого сообщенія слѣдственнаго комитета его дѣйствія были прекращены [2]). А 15-го марта 1858 г. министръ народнаго просвѣщенія, «принявъ во вниманіе, что студенты, восчувствовавъ сдѣланное имъ внушеніе о неумѣстности ихъ поступка, поспѣшили съ чистосердечнымъ раскаяніемъ исполнить указанія начальства и испросили прощеніе у профессора Берви», обратился къ ректору «съ предложеніемъ повторить имъ строгое внушеніе объ исполненіи ихъ обязанностей по отношенію къ ихъ наставникамъ и объявить, что на сей разъ «онъ ограничивается» этою мѣрою, въ увѣренности, что они оцѣнятъ дѣлаемое нынѣ снисхождніе [3]), по уваженію къ ихъ раскаянію и покорности, и на будущее время не подадутъ повода къ неодобренію ихъ поведенія» [4]). 9-го іюня того же года

---

[1]) Д. к. п., 9 и 10.

[2]) Тамъ-же, 12.

[3]) Эти слова подчеркнуты.

[4]) Д. к. п., 13.

поступило прошеніе профессора Берви объ отставкѣ [1]. Со стороны ун—та и начальства къ увольненію Берви не нашлось «никакихъ препятствій» [2]. 21-го іюля высочайшимъ приказомъ статскій совѣтникъ Берви былъ уволенъ отъ службы съ тою пенсіею [3], какую получалъ до этого времени [4].

Не успѣла еще окончиться описанная исторія, какъ въ томъ-же (185[illegible]) году является на свѣтъ новая, въ которой студенчество выступаетъ опять съ своимъ голосомъ предъ своимъ начальствомъ; затѣмъ возникаютъ и другія исторіи такого же характера. 15-го февраля инспекторъ Пахманъ представляетъ попечителю объ исключеніи изъ университета студента Θеодора Поликарпова. Этотъ Поликарповъ былъ уже исключенъ, 20-го декабря 1856 г., за дурное поведеніе. Оно характеризуется, напримѣръ, тѣмъ, что онъ 9-го ноября 1858 года былъ посаженъ въ карцеръ на семь сутокъ, за пьянство и буйство, со шпагою, въ своей квартирѣ. Потомъ, въ 1857 г., былъ принятъ снова въ университетъ, «согласно дозволенію управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія».—«Нынѣ, сообщаетъ далѣе инспекторъ, по поводу домашней драки съ товарищемъ своимъ Бѣлинскимъ, студентомъ того же курса и факультета, погрозилъ ему подачей жалобы въ судебное мѣсто на то, будто Бѣлинскій покушался на его жизнь, и въ отвращеніе этой жалобы потребовалъ отъ Бѣлинскаго, въ видѣ удовлетворенія за обиду, 50 р., изъ коихъ получилъ наличными 25 р., а въ остальныхъ взялъ съ него росписку». Инспекторъ заключилъ Бѣлинскаго въ карцеръ на двое сутокъ «за излишнюю горячность въ спорѣ съ товарищемъ», а Поликарпову выразилъ всю гнусность его поступка, глубоко оскорбившаго имя и мундиръ студента, и приказалъ ему возвратить Бѣлинскому деньги и росписку. Кромѣ этого, онъ приказалъ ему «немедленно подать прошеніе объ увольненіи изъ университета». Вслѣдъ затѣмъ къ инспектору пришли студенты, по одному изъ всѣхъ факультетовъ и курсовъ, и просили настоятельно выключить изъ среды ихъ Поликарпова, опозорившаго ихъ званіе, или, по крайней мѣрѣ, вмѣстѣ съ увольненіемъ изъ университета по прошенію, возбранить ему дальнѣйшее пребываніе въ г. Казани [5].

Попечитель, прочитавъ это, на поляхъ написалъ: «исключить и

---

[1]) Дѣло канц. попечит., 1.
[2]) Тамъ-же, 3.
[3]) Тамъ-же, 1143 р. 68 к.
[4]) Тамъ-же, 7.
[5]) Тамъ-же, 1 и 2.

сообщить о высылкѣ изъ города» [1]). Но Поликарповъ не былъ доволенъ такой резолюціей. Онъ подалъ прошеніе министру народнаго просвѣщенія, въ которомъ говорилъ о несправедливомъ увольненіи его изъ университета. Смыслъ этого прошенія таковъ: Бѣлинскій дѣйствительно покушался на его жизнь, замахивался кинжаломъ, которымъ нечаянно прокололъ палецъ другому студенту; затѣмъ снялъ со стѣны пистолетъ, чтобы его пустить въ дѣло, но пистолетъ былъ вырванъ у него товарищами. Въ виду всего этого, онъ, Поликарповъ, рѣшился подать въ этомъ смыслѣ жалобу, заботясь о томъ, чтобы Бѣлинскій на будущее время кого-либо не убилъ. Товарищи уговаривали не подавать. Онъ не соглашался на это. Тогда они принесли ему въ подарокъ 50 р., взявъ съ него росписку, что онъ, получивъ эти деньги, не будетъ жаловаться на Бѣлинскаго. Объ этомъ узналъ инспекторъ и велѣлъ подать прошеніе объ увольненіи изъ университета по домашнимъ обстоятельствамъ. Студенты, увидавъ какой оборотъ приняло дѣло, явились, въ количествѣ 7 человѣкъ, къ инспектору просить объ исключеніи его, Поликарпова; изъ нихъ одинъ—медикъ 1-го курса, никогда не назначаемый въ депутаты по неспособности, а шестеро остальныхъ—медики 4-го курса, даже не знавшіе, находится ли онъ, Поликарповъ, въ университетѣ, а не то что знать объ его поведеніи [2]). Такъ представилъ Поликарповъ дѣло своего исключенія, почему и считаетъ себя «невинно погибшимъ». Онъ проситъ министра спасти его [3]). Министръ, между тѣмъ, выходитъ въ отставку, успѣвъ, однако, приказать, чтобы просьбу Поликарпова препроводили «на усмотрѣніе казанскаго попечителя [4]). Попечитель усматриваетъ то, что намъ извѣстно изъ донесенія инспектора студентовъ, почему и считаетъ просьбу Поликарпова «не заслуживающею вниманія» [4]).

Теперь, придерживаясь хронологическаго порядка, мы должны отмѣтить представленіе инспекторомъ объ исключеніи изъ университета студента Рослова, который «неоднократно» былъ замѣченъ въ нетрезвомъ состояніи. Товарищи за него ходатайствуютъ, прося оставить его въ университетѣ до слѣдующаго, хотя менѣе важнаго, случая. Инспекторъ предоставляетъ это благоусмотрѣнію попечителя. Послѣдній пишетъ: «разрѣшить оставить Рослова студентомъ впредь до какого либо съ его стороны проступка» [5]).

---

[1]) Дѣло канц. попечит., 1.
[2]) Тамъ-же, 6 и 7.
[3] Тамъ-же, 5.
[4]) Тамъ-же, 8 и 9.
[5] Тамъ-же, 10.

Съ 24-го на 25-е мая 1858 г. въ русской Швейцаріи разыгрались слѣдующія сцены. Тамъ, въ гостинницѣ, были студенты. Они засидѣлись такъ долго, что прикащикъ и служители начали ихъ выталкивать, говоря: «убирайтесь, убирайтесь, будетъ!» Одному изъ студентовъ, Николаю Теплову, это очень не понравилось: онъ, «бывшій въ нетрезвомъ видѣ», ударилъ прикащика въ лицо. Служители вступились, быстро вооружившись кто метлой, кто палкой, кто щеткой. Студенты выбѣжали изъ гостинницы. Одинъ изъ нихъ позвалъ казаковъ. Послѣдніе, не зная, кто ихъ призвалъ, начали хватать студентовъ и, «вѣроятно, перевязавъ, отправили бы ихъ въ часть», предполагаетъ инспекторъ Филипповъ [1]), «если бы не подошелъ на шумъ гулявшій въ Швейцаріи ординарный профессоръ Пахманъ, который, разспросивъ о причинахъ ссоры, убѣждалъ прекратить ее, и приказалъ студентамъ идти въ городъ». Студенты пошли прочь отъ гостинницы. Прикащикъ, видимо недовольный такимъ исходомъ дѣла, закричалъ служителямъ: «нѣтъ, надобно хоть одного захватить, да связать, идите, догоните ихъ». Казаки и прислуга, послѣ такого призыва, бросились догонять. Студенты разбѣжались, ударивъ одного казака по лицу. Николай Тепловъ скрылся въ оврагѣ. Посидѣвъ тамъ нѣкоторое время, онъ вылѣзъ оттуда, полагая, что все кончилось, но тутъ же былъ схваченъ казаками и представленъ въ 4-ю часть. Сообщая эти обстоятельства происшествія попечителю, инспекторъ присовокупляетъ, что поведеніе участвовавшихъ въ дракѣ студентовъ до сихъ поръ было безукоризненно, почему онъ арестовалъ ихъ «за дозволеніе себѣ быть въ гостинницѣ»—на 1 день, а Николая Теплова «за драку и нетрезвое состояніе» на 4 дня [2]). Исправляющему должность попечителя полковнику Веселаго число дней ареста показалось очень незначительнымъ: онъ распорядился продлить сидѣніе въ карцерѣ на трое сутокъ для всѣхъ [3]), кромѣ Теплова, который былъ посаженъ въ карцеръ на 10 дней [4]). Этимъ бы, кажется, и закончилось дѣло. Но инспектору Филиппову хотѣлось изслѣдовать его глубже. Онъ сдѣлалъ къ этому попытку, окончившуюся только тѣмъ, что она повлекла за собой новые безпорядки въ студенческомъ товариществѣ. Дѣло произошло такимъ образомъ. Желая лучше узнать обстоятельства происшествія въ загородной гостинницѣ, инспекторъ «обратился ко многимъ студентамъ строгой

---

[1]) Проф. Пахманъ незадолго до этого сложилъ съ себя исполненіе обязанности инспектора.

[2]) Д. к. п., 1 и 2.

[3]) Тамъ-же, 3

[4]) Тамъ-же, 6.

нравственности, прося ихъ развѣдать, какъ о постороннихъ лицахъ, бывшихъ при ссорѣ, такъ и о другихъ подробностяхъ, болѣе или менѣе могущихъ служить къ разъясненію степени виновности никогда ни въ чемъ дурномъ не замѣченныхъ до исторіи этой студентовъ». Они собрались «въ свободныхъ комнатахъ университета съ тѣмъ, чтобы по собраніи свѣдѣній объявить инспектору о нихъ въ то-же время». На это собраніе пришелъ, между прочимъ, нѣкій студентъ Бѣляевъ. Они, какъ видно, не особенно его жаловали, если судить по тому, что онъ былъ выгнанъ вонъ. Изгнанный явился къ инспектору и объявилъ объ этомъ обстоятельствѣ, присовокупивъ къ этому то, что студентъ Синцовъ ударилъ его палкой. Инспекторъ вмѣстѣ съ Бѣляевымъ отправился въ собраніе студентовъ; студенты прежде всего просили его, чтобы онъ удалилъ Бѣляева изъ собранія, такъ какъ при немъ возможно новое столкновеніе. Инспекторъ попросилъ Бѣляева выйти.

Когда тотъ вышелъ, то студенты разсказали инспектору, что они просили Бѣляева оставить ихъ, такъ какъ онъ не долженъ быть въ ихъ обществѣ, вслѣдствіе объявленнаго уже ему распоряженія господина попечителя. Это они повторили ему нѣсколько разъ. Бѣляевъ, обратившись къ Синцову и другимъ, поддерживающимъ требованіе объ оставленіи имъ студенческаго собранія, сказалъ, что онъ самъ гнушается быть въ такомъ обществѣ, въ которомъ бываютъ они. Тогда студенты его вытолкали, а Синцовъ сознался, что ударилъ его, но не палкой, которая, дѣйствительно, была въ рукахъ его, а корешкомъ книги [1]). Чтобы этотъ поступокъ товарищей съ Бѣляевымъ былъ вполнѣ понятенъ, надо обратиться къ прежнимъ явленіямъ въ студенчествѣ, которыя породили столь натянутыя отношенія между Бѣляевымъ и его товарищами, что первому попечителемъ былъ запрещенъ входъ въ ихъ общество. Бумаги, находящіяся въ нашемъ распоряженіи, это обстоятельство выясняютъ вполнѣ.

Въ этихъ бумагахъ прежде всего видимъ, что причиною образованія непріятныхъ отношеній между Бѣляевымъ и его товарищами были: 1) слухи объ его частной жизни и 2) его неуживчивый характеръ. Послѣдній проявился, между прочимъ, въ томъ, что Бѣляевъ заявилъ о невозможности вручить суммы банка самимъ студентамъ, «именно потому, что нельзя положиться на ихъ честность».

— Какая честь? сказалъ онъ,—какое честное слово можетъ обезпечить врученную ему (кассиру изъ студентовъ) сумму?

Его переспросили. Онъ подтвердилъ. Его болѣе не слушали [2]).

[1]) Д. к. п., 4 и 5.

[2]) Такъ показали многіе студенты.

Затѣмъ Бѣляевъ оскорбилъ довѣренное лицо отъ общества студентовъ—Баканина. Оскорбленіе произошло слѣдующимъ образомъ. Въ дежурной комнатѣ находилось нѣсколько студентовъ и въ томъ числѣ Порфирій Сысоевъ. Входитъ Бѣляевъ и начинаетъ искать какую-то книгу. Потомъ подходитъ къ столу и говоритъ:

— Что это дѣлаетъ Баканинъ! Ключи отъ стола уноситъ, не отдаетъ намъ никакихъ отчетовъ.

— Послушайте, отвѣтилъ на это Порфирій Сысоевъ,—если Баканинъ будетъ каждому изъ насъ отдавать отчетъ, то это для него будетъ очень обременительно.

Тогда Бѣляевъ произнесъ такую тираду:

— Да что говорить: отчетовъ намъ не отдаютъ—какія книги куплены, сколько тамъ денегъ собрано? Это, навѣрное, со стороны Баканина какія нибудь мошенничества. Взяли себѣ пять человѣкъ библіотеку, составили какую-то монополію, забираютъ на домъ по 10 книгъ...

Порфирій Сысоевъ прервалъ:

— Скажите, кто-же это бралъ по 10 книгъ?

— Да Баканинъ-то. Сколько онъ таскаетъ книгъ изъ библіотеки! Да и ты самъ, прибавилъ Бѣляевъ,—развѣ ты не бралъ?

Порфирій Сысоевъ отвѣчалъ:

— Все это совершенно неправда.

Чрезъ нѣсколько времени студенты снова приступили къ Бѣляеву и спросили: не отказывается ли онъ отъ своихъ убѣжденій «касательно чести студентовъ?» Оказалось, что убѣжденія его прежнія [1]). Бѣляевъ на эти обвиненія отвѣтилъ, что о неуступчивомъ характерѣ его подписавшіяся подъ показаніемъ лица говорить не могутъ, ибо онъ съ ними не знакомъ. Про частную жизнь предлагаетъ спросить его знакомыхъ. Что касается недовѣрія (къ честности студента), то онъ не понимаетъ, въ чемъ тутъ вина: онъ желаетъ гарантіи для суммъ банка болѣе вѣсской честнаго слова на томъ-же самомъ основаніи, на какомъ правительство «ручается за прочность кредитнаго постановленія не честнымъ словомъ, но достояніемъ всего государства и безотлагательнымъ обмѣномъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету въ уѣздныхъ казначействахъ» и проч. Баканина мошенникомъ не считалъ, но что въ библіотекѣ безпорядокъ—это подтверждаетъ: книги берутъ домой, вопреки правилу: «не брать

---

[1]) Это показали: Михайловскій, Бургеръ, Сысоевъ Порфирій, Тимкинъ, Синцовъ, Кучинъ, Позернъ, Донецкій, Щегловъ и др. (Дѣло по собранію бумагъ о происшествіяхъ между студентами, 10 № 12).

домой» [1]). Такъ оправдывался Бѣляевъ. Но кромѣ этихъ винъ, въ которыхъ онъ оправдывался, за нимъ числилась еще слѣдующая. На шестой недѣлѣ великаго поста онъ поссорился съ студентомъ Толмачевымъ, только что выбраннымъ въ библіотекари. Дѣло происходило такъ. Студентъ Николай Тепловъ спросилъ какую-то книгу «Современника. Толмачевъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ гдѣ она. Не зналъ же онъ по той причинѣ, что не успѣлъ еще принять книги отъ прежняго библіотекаря. Тутъ случился Бѣляевъ, который сказалъ: «вы обязаны знать».

Вслѣдъ затѣмъ на вывѣшенномъ объявленіи объ избраніи въ библіотекари Толмачева Бѣляевъ написалъ: «кто не хочетъ соблюдать порядки, тотъ не можетъ быть библіотекаремъ». Толмачевъ поспѣшилъ вывѣсить объявленіе, въ которомъ отказывался отъ должности библіотекаря. Бѣляевъ и на этомъ написалъ: «что, братъ, струсилъ, рано, врешь, дудки-шалишь!»

Толмачевъ потребовалъ объясненія, конечно, не словъ, едва-ли объяснимыхъ, но поступка. Бѣляевъ не объяснилъ. А затѣмъ произошла ссора, во время которой Бѣляевъ бросился на Толмачева съ кулаками и хотя не ударилъ его, но назвалъ его свиньей и глупцомъ [2]). Вотъ поступки Бѣляева, повлекшіе за собой извѣстное распоряженіе попечителя не являться ему, Бѣляеву, въ общество своихъ товарищей. Онъ явился. Его выгнали. Исправляющій должность попечителя Веселаго, извѣщенный объ этомъ, поручилъ декану юридическаго факультета профессору Осокину начать по этому послѣднему дѣлу слѣдствіе, назначивъ ему въ помощники: адъюнкта Янишевскаго, инспектора Филиппова и синдика университета Траубенберга [3]).

Эта коммиссія начала разспрашивать студентовъ, которые одинаково изобразили слѣдующія обстоятельства.

Когда Бѣляевъ вошелъ въ комнату, гдѣ собрались студенты, то никто не кричалъ, чтобы онъ вышелъ вонъ, но только послышалось нѣсколько голосовъ: здѣсь Бѣляевъ; послѣ того его тотчасъ окружили Паржинцкій, Синцовъ и др. Паржинцкій обратился къ Бѣляеву съ вопросомъ: на какомъ основаніи онъ явился въ ихъ собраніе? Бѣляевъ отвѣтилъ: на такомъ, на какомъ онъ, Паржинцкій, не явился для объясненій [4]), при этомъ назвалъ его площаднымъ крикуномъ. Эти слова послужили уже поводомъ къ неудовольствію противъ Бѣляева, если не всѣхъ, то большей части студентовъ. Оно

---

[1]) Дѣло по с. б. о пр. м. студ., 11 и 12.

[2]) Д. по с. б. о происш. между студ. 12 13 14 и 15.

[3]) Д. к. п., 1.

[4]) По прежнимъ пререканіямъ между Бѣляевымъ и Паржинцкимъ.

было возбуждено еще болѣе, когда Бѣляевъ что сказалъ, онъ пренебрегаетъ обществомъ Паржинцкаго и ему подобныхъ. Тутъ онъ, какъ объявилъ студентъ Булыгинъ, показалъ рукою на стоявшихъ близь него. Въ толпѣ раздались голоса: «вонъ Бѣляева!» Вслѣдъ за этимъ многіе двинулись къ двери, чтобы вытѣснить его изъ комнаты [1]). Далѣе студенты показали, что какъ только Бѣляевъ былъ вытѣсненъ, дверь тотчасъ же была затворена. Никѣмъ, кромѣ студента Михайлова, не было замѣчено, чтобы кто нибудь преслѣдовалъ его въ другую комнату. Синцовъ же объявилъ, что хотя онъ пришелъ съ палкой, по случаю боли въ ногѣ, но что, при объясненіи съ Бѣляевымъ, ея у него въ рукахъ не было. Такъ какъ Бѣляевъ заявилъ, что онъ получилъ толчки и ударъ въ грудь отъ Паржинцкаго, едва не свалившій его, то студенты были спрошены и относительно этихъ пунктовъ показанія Бѣляева. Всѣ отвергли справедливость втораго пункта; о толчкахъ же, полученныхъ Бѣляевымъ при изгнаніи изъ комнаты, студентъ Михайловъ письменно объяснилъ, что онъ видѣлъ, какъ толкали Бѣляева въ затылокъ Паржинцкій и Синцовъ, который даже преслѣдовалъ его въ слѣдующей комнатѣ.

Спросили Паржинцкаго: правда ли это? Онъ не отпирался, но только объяснилъ, что онъ и другіе, стоя впереди, толкали Бѣляева ненамѣренно, а вслѣдствіе напора толпы [2]).

Это сущность того, что, какъ результатъ слѣдствія, доносится коммиссіей исправляющему должность попечителя.

Послѣдній постановилъ: «студента 4-го курса медицинскаго факультета Игнатія Паржинцкаго исключить изъ числа студентовъ университета; своекоштныхъ же студентовъ того же факультета — 5-го курса Александра Бѣляева и 4-го курса Матвѣя Синцова уволить по прошеніямъ, и въ случаѣ неподачи оныхъ выдать увольнительныя свидѣтельства [3]).

То, что̀ нами теперь отмѣчено, проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на студенческія отношенія того времени; то же, что̀ сейчасъ мы сообщимъ, прольетъ нѣкоторый свѣтъ на отношенія общества къ студентамъ. Въ нашемъ распоряженіи донесеніе отъ 17-го ноября на

---

[1]) Бѣляевъ вполнѣ не отвергаетъ того показанія, что имъ сдѣланъ жестъ, говоря о пренебреженіи, но что онъ относился не ко всѣмъ студентамъ, а только къ Паржинцкому и къ тѣмъ, стоявшимъ возлѣ него, которые прежде имѣли съ нимъ столкновенія. Большая же часть студентовъ приняла это какъ относящееся къ нимъ вообще.

[2]) Д. к. п., 2, 3 и 4.

[3]) Тамъ-же, 9.

имя инспектора Филиппова отъ студента казанскаго университета Аркадія Вейнера. Оно повѣствуетъ намъ вотъ о чемъ.

16-го числа того же мѣсяца 1858 года Аркадій Вейнеръ былъ въ театрѣ. Вдругъ онъ услыхалъ отъ горничной, что актриса Піунова «убилась». Онъ тотчасъ побѣжалъ на сцену, гдѣ увидалъ сказанную актрису «безчувственною».

Вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Петромъ, и какимъ-то Волковымъ, бывшимъ студентомъ петербургскаго университета, онъ хлопоталъ о приведеніи ея въ чувство. Хлопоча, оба Вейнера «безъ калошъ и шинели» совершали разъѣзды. Аркадій «бросился» домой за одеколономъ, а братъ его отправился отыскивать доктора, котораго и нашелъ въ клубѣ. Піунову перенесли въ ложу директора театра. Докторъ прописалъ лекарства. Петръ Вейнеръ и Волковъ «бросились» за лекарствами, съ каковыми возвратились уже въ то время, когда Піунова пришла немного въ себя, что ей дало возможность пригласить обоихъ Вейнеровъ въ ложу. Они не замедлили это исполнить.

«Все было тихо и скромно, замѣчаетъ Аркадій Вейнеръ. Но вотъ явился директоръ театра, нѣкто М — цевъ. Онъ сказалъ Піуновой: «сколько разъ я говорилъ вамъ, чтобы вы не выходили на вызовы нѣсколькихъ человѣкъ». Аркадій Вейнеръ, предполагая, что директоръ намекаетъ на нихъ, замѣтилъ: «вызывали не два, три человѣка, а болѣе двадцати». Они заспорили. Вскорѣ принялъ участіе и братъ Аркадія, Петръ. Въ жару спора М—цевъ рѣшилъ обоихъ противниковъ вытолкать вонъ, для чего и взялъ ихъ за плечи. Они упирались. И Петръ Вейнеръ успѣлъ поговорить съ М—цевымъ въ такомъ родѣ:

М—цевъ: «если вы не выйдете, я велю связать васъ и вытолкать вонъ».

Петръ Вейнеръ: «какъ вы смѣете такъ говорить?»

М—цевъ: «молчать, мальчишка! я велю тебя выпороть».

Петръ Вейнеръ: «если я мальчишка, то ты негодяй!»

М—цевъ: «мерзавецъ!» И тутъ онъ вставилъ слово, въ печати не употребляющееся.

Выслушавъ его, Петръ Вейнеръ сказалъ: «я не хочу съ вами ругаться, потому что я—студентъ, а вы—Богъ знаетъ кто». Послѣ этого Піунова отправилась домой, а съ нею и Петръ Вейнеръ въ качествѣ провожатаго. Аркадій же остался и, встрѣтивъ М—цева въ корридорѣ, заявилъ ему: «будьте увѣрены, что завтрашній день я доведу эту исторію до свѣдѣнія студентовъ и начальства». М—цевъ отвѣтилъ: «плевать я хочу на студентовъ. Я буду жаловаться попечителю, а если онъ не удовлетворитъ мою просьбу, то губернатору.

Студенты давно бунтуютъ, но я заставлю ихъ смириться. Жалѣю, что не приказалъ связать Вейнера».

«Слышали эти слова, замѣчаетъ Аркадій Вейнеръ, бывшій студентъ петербургскаго университета Волковъ и бывшій студентъ казанскаго университета Владиміръ Поповъ».

Свой рапортъ, содержаніе котораго нами передано, Аркадій Вейнеръ заканчиваетъ такъ: «Всѣ вышеозначенныя выходки со стороны г. М—цева, какъ оскорбляющія весь университетъ, не исключая и начальства, заслуживаютъ самаго жаркаго вмѣшательства для защиты правъ студентовъ». «Поэтому я, выводитъ отсюда Аркадій Вейнеръ, отъ лица всѣхъ оскорбленныхъ во мнѣ студентовъ, всепокорнѣйше прошу ваше высокородіе принять зависящія отъ васъ мѣры, чтобы заставить г. М—цева дать надлежащее удовлетвореніе обиженнымъ и чтобы оградить на будущее время гг. студентовъ отъ подобныхъ оскорбленій».

Инспекторъ студентовъ пишетъ на этомъ рапортѣ резолюцію: «представить на благоусмотрѣніе г. попечителю» [1]. Каково было его «благоусмотрѣніе»—изъ бумагъ не видно.

Н. А. Ѳирсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Дѣло по собранію бумагъ о происшествіяхъ между студентами, 19 и 20.

РУССКІЕ ДОСТОПАМЯТНЫЕ ЛЮДИ ВЪ ИХЪ ПИСЬМАХЪ.

Изъ собранія автографовъ кн. П. А. Путятина.

Княгиня Марія Сибирская [1]).

(1727 г.).

Всемилостивѣйшая Государыня! Высокія милости и щедрое содержаніе, подаваемое благодѣтельною рукою вашею, великая государыня, ко всѣмъ и иностраннымъ князьямъ и царевичамъ, кои и не были никогда подъ скипетромъ россійскимъ, но, по случившимся несчастнымъ для нихъ въ ихъ отечествахъ приключеніямъ, прибѣгали къ скипетру россійскому и получали милостивое покровительство и щедрое содержаніе не только для ихъ самихъ, но и для всего ихъ потомства. Я, несчастная, княгиня Сибирская, съ четырьмя моими дочерьми, родными внуками покойнаго свекра моего, несчастнаго царевича Сибирскаго Василія Алексѣевича, хотя и могла надѣяться на данное пропитаніе мнѣ съ моими дѣтьми, указомъ 1728 году, коимъ велѣно всѣ имѣнія, отъ помянутаго Сибирскаго царевича отобранныя, возвратить дѣтямъ его, но какъ оныя имѣнія всѣ уже были именными повелѣніями разнымъ людямъ пожалованы, и дабы не перенесли они обиды, отнятіемъ у нихъ сихъ розданныхъ имѣній, то и остался сей указъ безъ точнаго по оному исполненія, а я съ несчастными внуками онаго царевича—безъ всякаго пропитанія.

Сжальтесь, милосердная государыня, надъ нами, несчастными, не имѣющими ниоткуда помощи, кромѣ единаго Бога и васъ, отъ Него намъ дарованной. Облегчите, великая государыня, наше несчастное состояніе пожалованіемъ мнѣ, бѣдной, съ дѣтьми моими какого-либо ежегоднаго содержанія, по милостивому и материнскому вашему разсмотрѣнію.

---

[1]) Жена князя Ѳедора Васил. Сибирскаго, 1717—1758 гг.

Великая государыня, щедрую и благотворительную руку твою чувствуютъ и сами злодѣи—скипетру твоему, то насъ-ли, бѣдныхъ, великая государыня, несчастіемъ нашихъ предковъ, умножившихъ предѣлы Россійской имперіи, оставите и повергнете въ презрительное состояніе испрашивать мнѣ и дѣтямъ моимъ у всѣхъ людей насущнаго хлѣба.

Въ заключеніе сего прошу только моего святаго Господа, да расположитъ великодушное и щедрое ваше сердце и ко мнѣ бѣдной и несчастной съ дѣтьми моими и продолжитъ благополучное ваше государствованіе для поданія и позднѣйшимъ потомкамъ примѣру, что вы, великая государыня, поставляете за добродѣтель единое орудіе управлять милліонами народовъ, яко мать, проживающихъ отъ ея источниковъ щедроты и благотворительнаго страннопріимства. Повергая себя ко освѣщеннымъ вашимъ, великая государыня, стопамъ и съ четырьмя моими дочерьми

всеподданнѣйшая ваша раба княгиня Марья Сибирская.

Примѣчаніе. Жена князя Θедора Васильевича Сибирскаго (1717—1758), единственная отрасль князей Сибирскихъ.

Родъ происходитъ отъ Кучума, послѣдняго царя сибирскаго, происходящаго по восточнымъ преданіямъ отъ Чингисхана.

Настоящая челобитная писана къ императрицѣ Екатеринѣ II.

Кн. П. П.

Князь Петръ Черкаской

1739 г.

Государь мой, Иванъ Моисѣевичъ, многолѣтно здравствуй! Письмо ваше я получилъ исправно, писанное мая 31-го дня, въ которомъ изволишь упоминать, что барки мои къ Боровицкимъ порогамъ, прошедшаго маія 28 числа, пришли, и безъ всякаго мнѣ убытку отправились опять маія 29 числа до Петерпельской пристани благополучно. И за оное вамъ, государю моему, благодарствую, а нынѣ я получилъ отъ человѣка своего Петра Закина письмо, въ которомъ пишетъ, что до Нова-города двѣ барки пришли благополучно, а третью, отъѣхавъ отъ Боровицкихъ пороговъ верстъ пятьдесятъ, разбило на камень, о чемъ васъ, государь мой, прошу во оноемъ вспомоществовать, какъ васъ Богъ паразумитъ и какъ возможно, чтобъ оной хлѣбъ прислать ко мнѣ въ Питербургъ, за что самъ служить вамъ готовъ. Также изволили вы увѣдомиться чрезъ сына вашего, что ея императорское величество всемилостивѣйшая государыня императрица изволила меня пожаловать ко двору ея высочества государыни принцессы Анны въ гофъ-маршалы, и

со онымъ рангомъ поздравляете, и за оное ваше поздравленіе благодарствую и пребываю вашъ, государь мой, вѣрный слуга князь Петръ Черкаской.

Государю моему Ивану Моисѣичу его милости Невельскому, на Боровицкихъ порогахъ.

С.-Петербургъ,
лѣта 1739, іюня 11-го.

Матвѣй Дмитріевъ Мамоновъ

(1773).

Государь мой Семенъ Ивановичъ! Симъ случаемъ имѣю честь вамъ, государю моему, донести, что посланное къ его превосходительству Ивану Перфильевичу (Елагину) отъ 19 августа письмо мое вручено ему вѣрно, на которое онъ отозвался сообѣщаніемъ всевозможное вамъ сдѣлать и хотѣлъ о томъ ко мнѣ самъ писать. Вслѣдствіе чего положилъ я теперь, какъ скоро конфирмованной дворцовому вѣдомству статъ открытъ будетъ, то отъ дворцовой конторы еще формальное о васъ представленіе сдѣлать, и препоручить о томъ стараться уже тѣмъ людямъ, которые въ присутствіе дворцовой канцеляріи вновь опредѣлены будутъ.

Впрочемъ съ неотмѣннымъ почтеніемъ пребываю, государь мой, вашего высокородія вѣрнопокорнѣйшимъ слугою Матвѣй Д. Мамоновъ.

17 сентября 1773 г.
Москва.

1774 г.

Государь мой Семенъ Ивановичъ! По всеусерднѣйшемъ благодареніи моемъ за письмо ваше отъ 21-го числа прошедшаго мѣсяца, имѣю честь донести: извѣстный злодѣй Пугачевъ пойманъ и присланъ къ его сіятельству графу Петру Ивановичу (Панину) въ городъ Симбирскъ, откуда въ Москву въ скорости привезеннаго его во узахъ ожидаютъ. Не оставьте, государь мой, о семъ для спокойствія во всѣхъ мѣстахъ жителямъ до свѣдѣнія оныхъ довести. Воронежской дворцовой конторѣ, какъ и прочимъ, хотя и назначено быть въ городѣ и то для того, чтобъ, поселясь, въ крестьянскихъ селеньяхъ, не дѣлали онымъ какого притѣсненія, а какъ вы съ своею конторою можете находиться въ заводѣ, гдѣ и крестьянъ нѣтъ, то не сдѣлайте тѣмъ никакой сему указу противности, и для того, до прибытія сюда его превосходительства Ивана Перфильевича (Елагина), постарайтесь никуда съ своего мѣста не перебиваться, а тогда можно ему всѣ неудобства обстоятельно объяснить и испросить точное на то дозволеніе.

Поручикъ Симоновъ, что вамъ ослушался, за то всеконечно будетъ здѣсь штрафованъ; только волость извольте поручить въ правленіе, выбравъ въ головы лучшаго и надежнаго крестьянина, а не подъячаго, ибо то съ законами нашими не согласно. О помощникахъ спрашивали меня и многіе начальники конторскіе, въ какой имъ должности быть надлежитъ, но сего до наказовъ, которые всѣмъ онымъ конторамъ дадутся, узнать никому невозможно, однако, то вамъ сказать можно, что на томъ основаніи, какъ были помощники въ коллегіи экономіи, быть имъ нельзя, ибо названо конторою, то кажется, должно имъ подписывать общіе съ вами приговоры. Всего паче прошу васъ, государя моего, постарайтесь, Бога ради, чрезъ воинскія команды усмирить бунтующія волости, а именно: Троицкоострожскія, Маколавскую и Залѣсскія села, и въ какомъ состояніи находятся всѣ вашего правленія волости,—дайте намъ знать.

Впрочемъ, пребываю навсегда вамъ, государю моему, вѣрнѣйшимъ и охотнымъ слугою Матвѣй Д. Мамоновъ.

Октября 9 дня 1774 г.
Москва.

И. Всеволожской.

21 октября 1820 года. Циркулярно.

Милостивый государь мой Иванъ Терентьевичъ! Какое получилъ я предписаніе отъ г. управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ № 1816 о томъ, чтобы дворянскіе предводители освѣдомлялись въ уѣздахъ о притѣсненіяхъ владѣльческимъ крестьянамъ и извѣщали бы объ оныхъ начальниковъ губерній; съ онаго къ вашему превосходительству для надлежащаго въ потребномъ случаѣ исполненія препровождаю при семъ списокъ.

Милостивой государь мой, вашего превосходительства покорный слуга И. Всеволожской.

21 октября 1820 года.

Вышневолоцкому предводителю дворянства (Ив. Алексѣев. Мельницкому).

Списокъ съ циркулярнаго предписанія министерства внутреннихъ дѣлъ, департаментъ исполнительный, тверскому гражданскому губернатору, отъ 7-го іюля 1820 года за № 1816.

Новгородской губерніи, Боровицкаго уѣзда, помѣщикъ флота капитанъ 2-го ранга Лутохинъ въ іюнѣ 1818 года, во время осматриванія крестьянскихъ работъ въ полѣ, убитъ и тѣло его тогда же сожжено на грудѣ сучьевъ.

Въ злодѣяніи семъ участвовала почти вся вотчина Лутохина, сдѣлавъ

заговоръ по тому поводу, что онъ завелъ много работъ, держалъ крестьянъ на барщинѣ безразсчетно, наказывалъ ихъ нещадно и употреблялъ въ работу въ праздничные и воскресные дни.

По разсмотрѣніи о семъ дѣла, 67 человѣкъ мужеска и женска пола наказаны тѣлесно, а 28—сосланы вѣчно въ каторжную работу.

Потомъ, вслѣдствіе высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія, требовано было отъ губернскаго правленія свѣдѣніе, почему оно не предупредило означеннаго злодѣянія наложеніемъ въ свое время на имѣніе Лутохина опеки, чрезъ что сохранилась бы жизнь помѣщика и не подвергнулось бы многое число людей преступленію и наказанію.

На сіе новгородской губернаторъ отозвался, что жалобъ отъ крестьянъ на жестокое съ ними обращеніе помѣщика и на отягощеніе ихъ работами не доходило ни до губернскаго правленія, ни до земскаго суда, который самъ собою узнать о поступкахъ Лутохина не могъ, сколько по 70 верстной отдаленности деревни его отъ уѣзднаго города, столько и по кратковременному его въ ней пребыванію, продолжавшемуся менѣе четырехъ мѣсяцевъ, и что, по таковой неизвѣстности, не могло губернское начальство приступить ко взятію имѣнія его въ опеку.

Донесеніе сіе новгородскаго гражданскаго губернатора, поступивъ на разсмотрѣніе комитета гг. министровъ, представлено было государю императору.

Его величество высочайше повелѣть соизволилъ подтвердить начальникамъ губерній о обращеніи ими особеннаго вниманія, дабы подобныя притѣсненія крестьянъ не оставались имъ безъизвѣстными; для чего имѣютъ они независимо отъ свѣдѣній, кои должны они получать чрезъ земскую полицію о происходящемъ въ уѣздахъ, вмѣнить дворянскимъ предводителямъ въ обязанность освѣдомляться каждому въ своемъ уѣздѣ о тѣхъ случаяхъ, кои подобныя притѣсненія крестьянамъ знаменовать могутъ, и о томъ извѣщать гг. губернаторовъ для принятія благовременно приличныхъ мѣръ.

Сообщая вашему превосходительству о сей монаршей волѣ, я не сомнѣваюсь, чтобъ гг. предводители дворянства не исполняли оной съ особеннымъ усердіемъ, тѣмъ болѣе, что симъ оказывается имъ новое довѣріе и что съ пресѣченіемъ подобныхъ злоупотребленій сопрягаются толь существенно самыя пользы дворянскаго сословія.

Вѣрно: правитель канцеляріи и кавалеръ Власовъ.

Василій Андреевичъ Жуковскій.

Прошу васъ меня увѣдомить о вашей дочкѣ. Приложенное прошу повергнуть ко стопамъ Прасковьи Степановны, три ландшафта. Кланъ (?) и конь Заурвейда. Каковъ я!

Наоборотѣ: Графинѣ Праск. Васильевнѣ Толстой.

Баронъ (впослѣд. графъ) Модестъ Андреевичъ Корфъ.

5 марта 1845.

Вотъ тебѣ, любезный другъ Михайло Лукьяновичъ [1]), письменный отвѣтъ П. на записку, которую я послалъ ему о тебѣ, когда не засталъ его дома. А вотъ и сегодняшній словесный разговоръ, который онъ самъ же завелъ, подойдя ко мнѣ: «я недавно докладывалъ государю о назначеніи на такое-же мѣсто одного человѣка, но когда на вопросъ его: сколько у меня членовъ въ совѣтѣ, я отвѣчалъ, что столько то, онъ прямо мнѣ отказалъ, находя, что уже довольно. Это, однако, ничего: il n'a pas été très bien disposé ce jour là et puis je n'ai pas beaucoup insisté, je suis persuadé qu'un autre jour l'affaire s'arrangera sans aucune difficulté. Но вотъ въ чемъ дѣло. До сихъ поръ вашъ aspirant имѣлъ нѣсколько порученій, которыя исполнилъ хорошо. Но они были больше механическія. Теперь я придумалъ для него одно дѣло, которое должно показать и знаніе его, и взглядъ, и степень способности къ редакціи. «Прекрасно, отвѣчалъ я: такое порученіе, вѣрно, ему будетъ очень пріятно, а я съ моей стороны увѣренъ, что онъ исполнитъ его совершенно удовлетворительно», и прибавилъ все, что внушило мнѣ на твой счетъ сердце и справедливость. «Ну знаете ли, продолжалъ онъ смѣючись, что послѣ такой рекомендаціи вы рискуете у меня весь вашъ кредитъ потерять, и если вашъ пріятель не удовлетворитъ ей, то онъ (т. е. кредитъ) упадетъ не на 20, не на 50, а на всѣ 100 процентовъ».

«Охотно покоряюсь этому строгому приговору и это пусть будетъ вамъ лучшимъ доказательствомъ, что я не робѣю за своего кандидата. Но, позвольте: вѣдь вы постановили только одну альтернативу неудачи и не прибавили, что̀ будетъ въ случаѣ другой: удовлетвореніе вашимъ ожиданіямъ?» — «Тогда я вамъ даю слово, что онъ тотчасъ будетъ членомъ совѣта».

Вотъ, любезный другъ, чуть-ли не литеральный отчетъ въ нашемъ разговорѣ. «Въ чемъ будетъ состоять новое порученіе?» — спросить я не могъ, потому что насъ перебили; но успѣлъ только, по вопросу о томъ, узнать, что оно еще не дано. Теперь, какъ все поставлено въ зависимость отъ успѣха въ исполненіи, я не сомнѣваюсь уже въ благопріятномъ результатѣ, которому искренно и отъ души порадуется твой вѣрный № 8 [2]).

Понедѣльникъ.

Письменнаго отвѣта П. я не хотѣлъ тебѣ пересылать, пока не имѣлъ обѣщаннаго въ немъ словеснаго объясненія.

---

[1]) Яковлевъ, сенаторъ.

[2]) Баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ, № 8 по первому выпуску изъ лицея.

Кн. П. П.

Владимiръ Ивановичъ Даль [1])

1845 г.

1845 г., марта 30, С.-Петербургъ.

Милостивый государь князь Дмитрiй Алексѣевичъ! [2]). Въ продолженiи службы моей въ черноморскомъ флотѣ, въ 1822 году, тогдашнiй главный командиръ предалъ меня военному суду, какъ сказано было, за сочиненiе пасквилей. Годъ тянулось дѣло, меня обошли чиномъ, содержали на гауптвахтѣ, наконецъ, судъ приговорилъ: разжаловать меня въ матросы. Я подалъ противъ этого на высочайшее имя просьбу, не считая себя въ такой степени виновнымъ, и генералъ-аудиторiатъ, благодаря вниманiю и справедливости его, разсудилъ дѣло тѣмъ, что вмѣнилъ мнѣ въ наказанiе содержанiе на гауптвахтѣ, возвративъ чинъ лейтенанта со старшинствомъ, и перевелъ въ Балтiйскiй флотъ.

Я съ своей стороны, вообще не будучи способенъ къ морской службѣ, этимъ случаемъ былъ побужденъ оставить ее навсегда и заслужить себѣ новое имя въ свѣтѣ. Вступивъ въ казенные воспитанники дерптскаго университета, я въ 1829 году получилъ дипломъ доктора медицины, отправился въ турецкiй походъ и съ того времени, измѣнивъ по обстоятельствамъ еще разъ родъ службы, постоянно живу сю и содержу порядочную семью—душъ восемь. Окончательная участь моя будетъ: жить современемъ небольшою пенсiею, если только я доживу и дослужусь до нея.

Но семь лѣтъ флотской службы моей пропадаетъ: онѣ, по всей вѣроятности, не зачтутся мнѣ къ пенсiи, потому что я былъ подъ судомъ и формуляръ мой, не оговаривая положительно, чтобы я былъ обвиненъ, отзывается, однако-же, обо мнѣ довольно дурно: «находился подъ судомъ за сочиненiе пасквилей, и содержанiе на гауптвахтѣ вмѣнено въ наказанiе». Такъ, если не ошибаюсь, провинность моя записана была тогда въ послужной списокъ мой, по распоряженiю мѣстнаго начальства.

Не знаю, правильно ли было такое распоряженiе, потому что я никогда не видалъ приговора генералъ-аудиторiата; не стану и оправдываться съ своей стороны, потому что никто въ своемъ дѣлѣ не судья. Считая себя счастливымъ, что дѣло кончилось хотя сколько нибудь въ мою пользу, я молчалъ съ тѣхъ поръ, благодаря искренно въ душѣ своей адмирала Беллингсгаузена, кому, какъ тогдашнему генералъ-аудитору флота, я считаю

---

[1]) Псевдонимъ казакъ Луганскiй. Извѣстный составитель толковаго словаря и писатель.

[2]) Эристовъ, князь Дмитрiй Алексѣевичъ, сенаторъ и флота генералъ-аудиторъ (1845 г.). Кн. П. П.

себя обязаннымъ за мое спасеніе, понимая при томъ, что тяжба мичмана съ адмираломъ во всякомъ случаѣ неравная.

Но восходящіе въ Царствіе небесное даютъ просторъ остающимся на землѣ грѣшникамъ; а правосудіе свѣтлѣйшаго князя (Меншикова) не отвергнетъ и справедливой просьбы мичмана. Если бы ваше сіятельство взяли на себя трудъ взглянуть на подлинное дѣло, которое теперь у васъ подъ руками, то думаю, что пожелали бы помочь человѣку въ горѣ и смыть съ него пятно, можетъ быть, и не совсѣмъ заслуженное, а съ тѣмъ вмѣстѣ прибавить ему нѣсколько лѣтъ службы къ пенсіи. А когда бы, на этомъ основаніи, сталось сбыточно доложить о семъ дѣлѣ его свѣтлости, да затѣмъ увѣдомить меня о возможности и средствахъ достигнуть, чего желаю,—то вы, милостивый государь, конечно, не откажетесь отъ этого и не пощадите лишнихъ хлопотъ и трудовъ на пользу добраго дѣла.

Примите, многоуважаемый князь, увѣреніе въ искреннемъ почтеніи моемъ и преданности. Покорнѣйшій слуга В. Даль.

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

Ты вѣчно въ разъѣздахъ и я также, любезный братъ. Я недавно возвратился изъ Симбирска и еще не могу отдохнуть отъ проклятыхъ дорогъ, изрытыхъ губернаторами. Правда-ли, что ты отъ насъ отбываешь? Сохрани Богъ, если далеко отъ Москвы, а если въ Москвѣ, то дай Богъ только, чтобы мѣсто было выгоднѣе; увѣдомь, братъ любезный. Да ты, который такъ часто рыскаешь по большимъ дорогамъ, не можешь ли выполнить уже тригоднее обѣщаніе: пріѣзжай въ мое Мышецкое: теперь осень, мы съ тобой погуляемъ за зайцами и даже за медвѣдями, коихъ около меня болѣе, нежели зайцевъ. Пожалуйста, братъ любезный, хвати когда нибудь, вѣдь только 3 часа ѣзды, очень одолжишь брата и друга Дениса.

Если будутъ на имя мое посылки, то вели брать къ себѣ, а я за ними къ тебѣ буду посылать.

Примѣчаніе: На конвертѣ написано: „Его Высокоблагородію Николаю Ивановичу Похвисневу".

Сообщ. князь П. А. Путятинъ.

НИКОЛАЙ ФИЛИПОВИЧЪ ПАВЛОВЪ

† 29-го марта 1864 г.

29-го марта 1889 г. исполнится четверть вѣка со дня кончины талантливаго писателя Н. Ф. Павлова. Въ свое время онъ былъ извѣстенъ какъ даровитый драматургъ, беллетристъ, поэтъ, переводчикъ, критикъ и публицистъ. Пушкинъ (въ 1835), Гоголь (въ 1846 г.) въ печати заявили свое одобреніе выдававшемуся дарованію Н. Ф. Павлова. Литературная дѣятельность его относится къ 1825—1864 гг.

Извѣстный библіографъ нашъ С. Пономаревъ составилъ довольно полный списокъ литературныхъ трудовъ Н. Ф. Павлова и въ него внесъ до 64-хъ его мелкихъ и крупныхъ трудовъ....

Но ничѣмъ лучше не можемъ мы помянуть Н. Ф. Павлова, какъ рѣчью, сказанною имъ, 3-го сентября 1856 года, на обѣдѣ литераторовъ скоро послѣ коронованія Царя-Освободителя; вотъ эта рѣчь, навѣянная коронаціоннымъ манифестомъ и весьма обязательно сообщенная намъ г. С. Пономаревымъ; хотя она и была въ свое время напечатана, но ее вполнѣ умѣстно воспроизвести:

— «Господа, въ два дня, въ двухъ нумерахъ газетъ, сколько плодотворныхъ впечатлѣній! Съ Петра Великаго вы не назовете никакой эпохи въ нашей исторіи, гдѣ-бъ такъ много было сдѣлано въ такое немногое время. Конечно, это не оглушительный громъ оружія, не побѣдный кликъ на развалинахъ чужаго жилища,—это подвиги, болѣе согласные съ требованіемъ вѣка, у нихъ болѣе правъ на благословеніе народа, въ нихъ болѣе человѣческаго, христіанскаго значенія. Благоговѣйные помыслы о предержащей власти, сохранившей и возвеличившей Россію, есть святой долгъ, налагаемый и оправдываемый самымъ пытливымъ разумомъ; но счастливо время, въ которое исполненіе долга сливается съ желаніями сердца, но радостна жизнь, если не разберешь, что велитъ долгъ и что внушаетъ любовь. Скажите,

разобрали-ль вы, чѣмъ недавно, чувствомъ долга или чувствомъ любви, билось ваше сердце, когда глаза ваши, застилаемые докучною слезой, останавливались невольно на трехъ незабываемыхъ словахъ: отмѣнить, простить, возвратить. И какъ счастливы были вы, зная, что ужъ этихъ словъ никто на землѣ отмѣнить не можетъ! Шекспиръ называетъ скипетръ знакомъ временнаго могущества, а милосердіе принадлежностью самого Бога. Въ исторіи много примѣровъ милосердія, но всегда ли исцѣлялось разомъ столько ранъ, но вездѣ ли съ такимъ всеобъемлющимъ человѣколюбіемъ отгадывались разнообразныя боли человѣческаго сердца? Воображеніе не въ силахъ обнять эту массу страданій этихъ людей всѣхъ сословій, всѣхъ вѣръ, всѣхъ народностей, которыхъ лучи милосердія отъищутъ въ глухихъ, неизвѣстныхъ мѣстностяхъ, на необъятныхъ пространствахъ».

«Поднимемъ же, господа, веселые надеждой, отъ всей души, отъ всего сердца наши бокалы во здравіе и во славу того, чье высокое имя начертано нетлѣнными буквами подъ словами: отмѣнить, простить, возвратить, за кого въ эту минуту бѣжитъ еврей изъ грязной корчмы въ шумную синагогу молиться своему Іеговѣ; о комъ увѣчный солдатъ, бѣдная солдатка шлютъ теплыя молитвы христіанскому Богу, судорожно сжимая въ объятіяхъ возвращеннаго имъ сына; кто насъ и нашихъ братій по крови, разрозненныхъ съ нами исторіей, соединяетъ въ одно свѣтлое, радостное, благородное чувство; кто открываетъ намъ широкій путь къ просвѣщенію, кто повелѣлъ намъ растворить двери университетовъ; кто снялъ преграды къ сближенію народовъ, къ обмѣну разныхъ образованностей; кто не забылъ въ пустыняхъ Сибири ни согрѣшившихъ отцовъ, ни безгрѣшныхъ дѣтей; кто въ просвѣщенной благости вспомнилъ всѣхъ и все не отъ избытка даровъ милосердія, какими располагаетъ его могущество, а отъ той нѣжной заботливости, отъ того воспоминающаго чувства христіанской любви, которое остается на страницахъ исторіи!»

Эти сердечныя слова да будутъ лучшею поминкою и по вѣчно-памятномъ Царѣ-Освободителѣ, которому въ этомъ же мартѣ мѣсяцѣ настаетъ уже восьмая годовщина.... Пусть проходятъ годы, но «всегда время—отдавать справедливость заслугѣ, благодарнымъ быть—всегда время».

ВОСПОМИНАНІЯ ХУДОЖНИКА В. В. ВЕРЕЩАГИНА[1].

Переходъ черезъ Балканы.—Скобелевъ.

1877—1878 гг.

— Да, пустите же, Василій Васильевичъ!

— Нѣтъ, не пущу!

— Пустите, я вамъ говорю, мнѣ крайне нужно!

— Не пущу!

— Да пустите, чортъ побери! Вѣдь меня ожидаетъ главнокомандующій, отрядъ дожидаетъ!

— Не пущу!

Это М. Д. Скобелевъ рвался къ дверямъ своего кабинета, въ нашемъ домѣ, въ Плевнѣ. Онъ заказалъ себѣ для перехода черезъ Балканы какой-то необыкновенной длины и теплоты сюртукъ, на черномъ бараньемъ мѣху; заказалъ его еврею-портному Владимірскаго полка и тотъ опоздалъ, не доставилъ сюртука къ сроку. Скобелевъ страшно сердился, кричалъ, звалъ своего деньщика Курковскаго, грозилъ, что перепоретъ ихъ всѣхъ, рвался въ дверь, а я стоялъ у двери и не пускалъ, потому что онъ непремѣнно кого нибудь побилъ-бы.

— Будьте увѣрены, утѣшалъ я его, что они изо всѣхъ силъ теперь выбиваются докончить и принести вамъ сюртукъ, работаютъ руками, глазами и зубами и вы понапрасну только будете шумѣть, а пожалуй и драться.

— «Гдѣ эта бестія запропастился, кричалъ онъ черезъ затворенную дверь; пустите-же, наконецъ, Василій Васильевичъ! мнѣ только этого подлеца найти, я его»....

— Не пущу! не шумите и не горячитесь понапрасну.

Всему, однако, есть конецъ—кончилось и мученіе М. Д.; явился.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., томъ LX, стр. 445—468 и 671—688.

деньщикъ съ сюртукомъ, сшитымъ и сидѣвшимъ просто ужасно. Скобелевъ страшно бранился, одѣваясь; опять грозился всѣхъ перепороть, сюртукъ бросить въ печку и проч. Но главное все-таки было достигнуто—онъ никому не далъ лизуна.

— «Ну, что, Василій Васильевичъ, какъ сюртукъ? скверно—а? да скажите-же!»

При всемъ моемъ желаніи успокоить и утѣшить его, надобно было сознаться, что платье не важно, но дѣлать было нечего, его превосходительство напялилъ его и поѣхалъ къ великому князю.

Я остался ожидать моихъ лошадей изъ города Орханіе, изъ отряда генерала Гурко, куда отправилъ за нимъ моего казака. Я написалъ съ нимъ прощальное посланіе членамъ «Англійскаго клуба», который составляли всѣ мы, бывшіе въ штабѣ Гурко: Скалонъ, Коссиковскій, Сухановъ, Цертелевъ, Петлинъ, Шаховской, Казнаковъ; просилъ возвратить съ лошадьми оставшіяся вещи, которыя и получилъ, при прелестнѣйшемъ письмѣ отъ милыхъ товарищей по походу, укорявшихъ дружески за измѣну имъ, за переходъ изъ отряда Гурко въ отрядъ Скобелева. Злодѣи оставили только у себя мои консервы, шоколадъ, кофе, сладкіе сухари и проч. съѣдобность, добытую незадолго передъ тѣмъ съ немалымъ трудомъ отъ маркитанта, и, вмѣсто извиненія, велѣли сказать, что, вѣроятно, мнѣ это теперь не нужно, такъ какъ у Скобелева все есть. А Скобелевъ, какъ на зло, объявилъ, что «во время похода пусть всякій промышляетъ какъ знаетъ,—онъ будетъ заботиться только о своемъ желудкѣ».

Перешелъ же я изъ отряда Гурко въ отрядъ Скобелева потому, что по пріѣздѣ въ сдавшуюся Плевну (на просьбу мою) сказать по секрету съ кѣмъ мнѣ будетъ интереснѣе идти теперь? я получилъ въ отвѣтъ: «со Скобелевымъ».

Этюды, сдѣланные въ гвардейскомъ отрядѣ Гурко, я передалъ доктору Суковенко для доставки на мою квартиру въ Систово, а онъ преисправно потерялъ ихъ, всѣ до одного,—а ихъ было отъ 30 до 40 штукъ, писанныхъ на самыхъ мѣстахъ битвъ, буквально подъ непріятельскимъ огнемъ.

При выѣздѣ моемъ оказался сюрпризъ: хозяинъ дома, въ которомъ я жилъ со Скобелевымъ, представилъ счетъ разнымъ разностямъ, у него забраннымъ.... За такія вещи, какъ дрова, собиравшіяся изъ разбитыхъ турецкихъ домовъ, разумѣется, дорого не пришлось платить, но оказалось, что не отдано, напр., за двое саней....

Нечего дѣлать, пришлось поплатиться не малымъ количествомъ золотыхъ.

* *
*

Я разсчитывалъ догнать выступившій отрядъ въ тотъ же день, но въ Боготѣ, въ главной квартирѣ, замѣшкался. Великій князь былъ по обыкновенію очень любезенъ. Когда Скалонъ доложилъ и я вошелъ въ юрту, его высочество былъ въ сильномъ волненіи, такъ какъ съ минуты на минуту ожидалъ извѣстія отъ Гурко, начавшаго наканунѣ свой знаменитый переходъ черезъ Балканы по глубокому снѣгу.

— «Ахъ, кабы ему удалось, кабы удалось благополучно спуститься», говорилъ главнокомандующій, видимо весьма озабоченный....

Я говорилъ, что, по мнѣнію моему, и сомнѣваться нельзя въ успѣхѣ, и такъ какъ я прибылъ недавно оттуда, то разсказалъ и начертилъ ему наши и турецкія позиціи около Шандорника и противъ Арабъ-Конака.

— «Такъ до свиданія, тамъ!»—сказалъ мнѣ главнокомандующій на прощаніе, протягивая руку по направленію къ Балканамъ.

* * *

Лошадь моя, которую я теперь первый разъ обновилъ, оказалась никуда негодною; я купилъ ее у ***, для рекомендаціи передавшаго мнѣ, что это бывшій конь Скобелева, очень уставшій подъ генераломъ и теперь поправившійся. Оказывалось, что либо конь былъ вовсе загнанъ, либо Скобелевъ и бросилъ его за негодность: ни шагу, ни рыси, ни галопа. Чистое наказаніе ѣзда на такомъ высокомъ меланхолическомъ одрѣ.

Къ вечеру не успѣлъ добраться до Ловчи, пришлось заночевать въ турецкой деревнѣ. Только было я началъ стучаться въ первый попавшійся домъ, бѣжитъ солдатъ:

— «Ваше высокоблагородіе, не извольте стучать, мы отведемъ квартиру, для этого здѣсь приставлены».

Оказывается, что къ турецкимъ деревнямъ распорядились приставить охранную стражу для обереганія ихъ отъ проходящихъ войскъ и въ результатѣ было то, что турецкія деревушки до сихъ поръ были полны всякимъ добромъ....

* * *

. . . .

* * *

Подъѣзжая на другой день къ городу Ловчѣ, я могъ разобрать въ общихъ чертахъ планъ бывшей здѣсь битвы, штурма высотъ Скобелевымъ. По разсказу послѣдняго и многихъ другихъ я зналъ, что битва была очень кровопролитная и что въ редутахъ мертвые лежали буквально одинъ на другомъ, грудами. Правда, что перевѣсъ русскихъ силъ передъ турецкими былъ значителенъ, 20,000 противъ 8,000, но за то же и высоты приходилось занимать страшно крутыя, да еще съ земляными укрѣпленіями, въ которыхъ турки заявили себя такими мастерами.

Одинъ изъ разсказывавшихъ мнѣ объ этомъ сраженіи прехладнокровно говорилъ и о грудахъ тѣлъ, и о позахъ заколотыхъ, и о зловоніи, которое стояло кругомъ, но не вытерпѣлъ, вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, когда вспомнилъ, что на 3 или 4-й день изъ-подъ кучи мертвыхъ вытаскивали еще живыхъ,—у всякаго свои слабости.

Я искренно думаю, что кабы не довѣрили совершенно штурма укрѣпленій Скобелеву, то они не были бы взяты.

* *
*

Пріѣхавши въ городъ Сельви, я пошелъ прямо къ Михаилу Дмитріевичу, который былъ въ это время въ совѣтѣ съ начальникомъ штаба полковникомъ Куропаткинымъ и начальниками частей. Я передалъ ему поклонъ главнокомандующаго и не могъ не замѣтить, что пріятель мой былъ что-то очень нервенъ.

— «Представьте, сказалъ онъ мнѣ, *** не хочетъ двигаться съ мѣста; говоритъ, что онъ не намѣренъ пробивать лбомъ стѣну; пророчитъ, что насъ занесетъ снѣгомъ и проч. Ну, да мы и одни пойдемъ, и если нужно, умремъ»....

Не мало безпокоило его и то, что прошедшій на дняхъ городомъ отрядъ ***, назначенный также къ переходу черезъ Балканы, по другую сторону Шипки, реквизировалъ часть вьючныхъ животныхъ, сѣделъ и всего, что предусмотрительный Скобелевъ заготовилъ давно уже для своего отряда (замѣчательно, что Скобелевъ и Куропаткинъ заготовили все для перехода черезъ Балканы еще въ октябрѣ, когда они бѣдствовали подъ Плевною). Нечего было дѣлать, пришлось снова все заготовлять, не теряя ни часа времени. К. бросился въ Тырново, гдѣ, съ помощью губернатора, нашего общаго туркестанскаго пріятеля Щ., въ три дня опять все досталъ и раздобылъ.

Въ Габровѣ, куда мы затѣмъ перешли, стояло столпотвореніе вавилонское. Что сталось съ этимъ миленькимъ, чистенькимъ городкомъ: все было наполнено больными, преимущественно отмороженными на Шипкѣ: по улицамъ и дворамъ валялись дохлыя лошади,

бродили женщины и дѣти, вдовы и сироты забалканскихъ болгаръ, перерѣзанныхъ турками... За то торговля шла бойко: чаю, сахару, вина и проч. навезено было множество; сѣно-же и ячмень продавались на вѣсъ серебра.

По улицамъ движеніе, суета, давка невообразимыя. Удивительно, что въ такой массѣ всякаго сброда не нашлось шпіоновъ, чтобы дать знать туркамъ о готовящемся обходѣ—тѣ и не думали о грозившей имъ опасности съ фланговъ, такъ что оказались захваченными совершенно врасплохъ.

Скобелевъ хлопоталъ о лошади, такъ какъ его, ужъ и не знаю которая счетомъ, была замучена; хвалилъ очень моего иноходца.

— Возьмите, говорю.

— Нѣтъ, благодарю, мнѣ нужно бѣлую, нѣтъ ли бѣлой?

— Есть, но васъ не сдержитъ—мала.

Гдѣ-то, кажется, у драгунъ, онъ досталъ, наконецъ, хорошаго, высокаго, бѣлаго коня. Когда я поѣхалъ на Шипку, чтобы повидать тамъ старыхъ знакомыхъ, Петрушевскаго, Дмитровскаго и друг., встрѣтилъ по дорогѣ оттуда Скобелева, несущагося маршъ-маршемъ по глубокому снѣгу и грязи. Ну, думаю, не надолго и новая лошадь! Онъ еще разъ видѣлъ Радецкаго на Шипкѣ, принялъ отъ него приказанія и выслушалъ опять твердо высказанное намѣреніе не двигаться съ занятыхъ позицій. То-же самое слышалъ я и отъ браваго генерала Д., тоже стараго туркестанца, начальника штаба Радецкаго, когда навѣстилъ его вечеромъ въ тотъ день: онъ былъ сильно возбужденъ, зимній походъ черезъ горы осуждалъ и пророчилъ намъ смерть въ снѣгу—ни болѣе, ни менѣе.

Планъ перехода Балканъ въ обходъ турецкой арміи, расположенной подъ Шипкою, принадлежалъ Радецкому и его начальнику штаба Д., но они предлагали сдѣлать это осенью, такъ что когда главнокомандующій, по взятіи Плевны, далъ приказъ исполнить этотъ планъ, Радецкій пришелъ въ ужасъ, объявилъ, что это движеніе было задумано въ разсчетѣ на осень, а не на зиму, и теперь за глубокимъ снѣгомъ неисполнимо.

Скобелевъ, однако, былъ совершенно увѣренъ въ успѣхѣ дѣла, и 26-го декабря 1877 года выступилъ къ деревнѣ Топлишъ въ предгорьяхъ, куда уже раньше двинулись войска.

* * *

Казакъ мой кубанецъ Курбатовъ, не смотря на строгій наказъ поспѣвать за мною, такъ-таки и не поспѣлъ; онъ увѣрялъ, что за ночь «безпремѣнно справится», но, конечно, за ночь просто кутнулъ съ пріятелями, такъ что за мою довѣрчивость я былъ наказанъ и -

не видѣлъ его и моихъ вещей въ продолженіе нѣсколькихъ дней, все время перехода черезъ горы, гдѣ какъ разъ не хватило мнѣ для этюдовъ полотенъ и красокъ.

Я пріѣхалъ въ Топлишъ ночью и рѣшительно не зная, куда приткнуться въ этой деревенькѣ, биткомъ набитой войсками, сунулся къ Скобелеву; но оказалось, что онъ уже улегся и храпѣлъ тѣмъ богатырскимъ сномъ, который всегда такъ подкрѣплялъ его передъ серьезнымъ дѣломъ; зная его за очень нервнаго человѣка, я, признаюсь, никогда не могъ понять этой способности засыпать именно тогда, когда нужно.

Ужъ и не знаю, какъ я попалъ въ хату главнаго доктора отряда, очень милаго человѣка, котораго встрѣчалъ на перевязочномъ пунктѣ, но не зналъ лично; онъ напоилъ меня чаемъ, а въ сосѣдней избѣ, въ повалку съ неизвѣстными мнѣ господами, переспалъ. Изъ насѣкомыхъ тутъ была одна кавалерія, что еще хорошо,—кабы пришлось спать между солдатами, то не миновать бы и сѣренькой пѣхоты.

На другой день, раннимъ утромъ, войска уже длинною, кривою линіею тянулись къ подъему, по подъему и по самому хребту. Скобелевъ былъ впереди и догонять его было трудно по узкому проходу въ снѣгу—того и смотри, наткнешься на солдатскій штыкъ. Саперы прошли здѣсь наканунѣ, разгребли снѣгъ, но его все-таки осталось столько, что лошадь оступалась и проваливалась, а главное, неудобно было то, что изъ-за разгребеннаго снѣга образовались по обѣимъ сторонамъ дороги цѣлыя стѣны, въ ростъ человѣка, коли не выше, такъ что, уступая мѣсто всаднику, солдаты не могли податься въ сторону, они припадали къ товарищу не безъ смѣха и шутокъ:

— Штыкъ подними, прими! Смотри, сейчасъ глазъ вонъ верховому выколешь!

Приходилось постоянно продѣлывать гимнастическія упражненія на сѣдлѣ, чтобы кого нибудь не ушибить, да и самому не наткнуться на штыкъ или не удариться колѣномъ о вьюкъ съ зарядами. Со штыками-то я раздѣлался благополучно, но колѣна свои отколотилъ «въ лучшемъ видѣ».

Труднѣе всего, конечно, было проходить сотнѣ уральскихъ казаковъ, шедшей впереди саперъ съ проводниками; они протаптывали путь по совершенно занесеннымъ снѣгомъ горамъ, ведя лошадей подъ уздцы и часто совершенно проваливаясь, увязая въ снѣгу. Командовалъ уральцами тоже туркестанецъ сотникъ Кирилинъ. За казаками рота саперъ, подъ командою Ласковскаго, адъютанта главнокомандующаго, уже правильно расчищала намѣченный путь.

Въ одномъ мѣстѣ прежалкую картину представляли кучкою прію-

тившіеся на бугрѣ около дороги музыканты: въ своихъ холодныхъ шинелишкахъ они сидѣли, тѣсно сжавшись отъ холода; музыкальные инструменты ихъ, въ чехлахъ, нѣкоторые огромныхъ размѣровъ, лежали около нихъ—бѣдные артисты!

* *
*

Еще было довольно рано, когда мы остановились для привала, на высокой равнинѣ противъ скалы «Марковы столбы». Подъ деревьями, справа, разрыли въ снѣгу мѣсто для палатки Скобелева и Куропаткина; невдалекѣ расположились мы. Полукругомъ по всей опушкѣ лѣса, окружавшаго равнину, раскинулись войска.

Я написалъ этюдъ этого мѣста и успѣлъ таки согрѣться у Скобелева стаканомъ чаю; затѣмъ, однако, пришлось прибѣгнуть къ небольшому запасу консервовъ, кофе и шоколада, бывшаго только у меня и, конечно, сейчасъ же уничтоженнаго нашею проголодавшеюся молодежью. Лошадей мы пробовали кормить конскими консервами, но онѣ что-то отворачивали морды, — не очень охотно жевали этотъ кормъ. Какъ я сказалъ, подъ деревьями, кругомъ снѣжной площади расположились войска и вездѣ запалили костры, благо весь лѣсъ былъ къ услугамъ отряда. Хотя по зареву этихъ огней турки и могли открыть насъ, но Скобелевъ разумно рѣшилъ, что лучше имѣть непріятелемъ людей, чѣмъ морозъ, который былъ порядочный. Великое было счастье для отряда, что не только вьюги, но и просто вѣтра не было, въ противномъ случаѣ зловѣщія предсказанія Д. хоть частію оправдались бы, пожалуй. Къ тому же надобно сказать, что заботливостью Скобелева и его начальника штаба все было предусмотрѣно: у всѣхъ солдатъ были набрюшники и на ногахъ просаленныя портянки; у каждаго былъ запасъ вареной говядины, сухарей и чаю. Кромѣ того, во избѣжаніе замораживанія и отмороживанія, приказано было солдатамъ наблюдать другъ за другомъ въ эту ночь.

Я укрылся всѣмъ, что у меня было: полушубкомъ, буркою и одѣяломъ; легъ около самаго огня и все-таки чувствовалъ, что медленно замерзаю; какъ ни корчился, ни свертывался кренделемъ, ничего не помогало—пришлось оставить надежду на сонъ и, закуря сигару, ждать у костра разсвѣта, болтая съ товарищами. Часть отряда поднялась и прошла впередъ еще ночью, а подъ утро двинулись и мы.

Я писалъ этюдъ траншеи, вырытой въ снѣгу, къ сторонѣ турецкихъ позицій—у меня была исполнена послѣ картина этой траншеи—когда Скобелевъ проѣхалъ впередъ и тутъ даже и по этой дорогѣ галопомъ; солдаты бодро и весело отвѣчали на его привѣтъ.

Надобно было видѣть, какъ удивились турки, когда мы вышли

изъ лѣсовъ на открытый склонъ горы, къ нимъ обращенной. Они попробовали сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій, но безъ вреда намъ—гдѣ попасть въ растянутую линію! Пули же ихъ вовсе не долетали до насъ.

Всѣ позиціи турецкія, а за ними и наши, были отсюда какъ на ладони.

Вонъ гора св. Николая, гдѣ наши солдатики съ нетерпѣніемъ слѣдили теперь за нами, ждали результата нашего обхода, который долженъ былъ, наконецъ, освободить ихъ отъ долгаго мучительнаго сидѣнья въ засыпанныхъ снѣгомъ землянкахъ Шипки.

Вонъ турецкія батареи на такъ называемой Лысой горѣ: турки стоятъ большими группами, разсуждаютъ, вѣроятно, о томъ, что готовитъ имъ впереди кизметъ, т. е. судьба. Помѣшать нашему движенію они теперь уже не въ силахъ, надобно было подумать объ этомъ раньше; нападеніе на насъ съ фланга, съ мѣста теперешняго ихъ расположенія, по глубокому снѣгу, было очень трудно,—близокъ локоть, да не укусишь.

Оставалось помѣшать намъ спускаться, но мы уже и спускаться начали—совсѣмъ опоздали наши враги!

У самаго начала спуска 2 высокія горы, 2 пика, расположены по обѣ стороны дороги. Какъ старый военный, я сейчасъ же замѣтилъ К., что эти 2 возвышенности необходимо немедленно же и крѣпко занять.

— «Что, что вы говорите, Василій Васильевичъ?», — спросилъ ѣхавшій впереди насъ Скобелевъ.

Я повторилъ, что эти высоты, какъ командующія спускомъ, необходимо на всякій случай занять....

— «Да, Алексѣй Николаевичъ, обратился онъ къ К., это совершенно вѣрно, прикажите сейчасъ же занять ихъ и окопаться».

— Слушаю-съ! — отвѣтилъ К. неохотно,—бѣда, какъ не любятъ военные, даже и развитые, совѣтовъ статскихъ, хотя, собственно говоря, я имѣлъ право считать себя болѣе военнымъ, чѣмъ большинство офицеровъ отряда.

Скобелевъ, впрочемъ, былъ выше этого и всегда былъ не прочь принять совѣтъ, если находилъ его разумнымъ, откуда бы онъ ни шелъ.

Полковникъ Куропаткинъ, начальникъ штаба Скобелева, былъ безспорно одинъ изъ самыхъ лучшихъ офицеровъ нашей арміи: не высокаго роста, не особенной физической красоты, но храбрый, разумный и хладнокровный, онъ былъ многими чертами характера противоположенъ Скобелеву, который давно уже былъ съ нимъ друженъ, уважалъ и цѣнилъ его, хотя часто съ нимъ спорилъ; и надобно сказать,

что въ спорахъ этихъ разсудительный начальникъ штаба оказывался по большей части болѣе правымъ, чѣмъ блистательный увлекавшійся генералъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы кругозоръ Куропаткина былъ шире, чѣмъ Скобелева—скорѣе наоборотъ; напр., въ вопросѣ возможности зимняго перехода черезъ Балканы, вопросѣ громадной важности для исхода всей кампаніи, К. держался мнѣнія Р. и Д., т. е. былъ абсолютно противъ этого похода... Скобелевъ же, напротивъ, былъ душою и тѣломъ за походъ и совершенно увѣренъ въ счастливомъ исходѣ его.—«Перейдемъ, а не перейдемъ, такъ умремъ со славою»,—повторялъ онъ свою любимую фразу.

— «Онъ только и знаетъ, что умремъ, да умремъ, говорилъ мнѣ К. еще въ Плевнѣ; умереть-то куда какъ не трудно, надобно знать стоитъ ли умирать»....

К. не былъ такъ щегольски и въ то же время такъ дерзко храбръ, какъ Скобелевъ, но и онъ тоже былъ замѣчательной храбрости; и лошадей-то подъ нимъ убивало, и зарядные-то ящики у него передъ носомъ взрывало, и самого-то его много разъ ранило, а онъ все живъ да живъ и теперь также неисправимъ по части измышленія всякой пагубы на непріятелей Россіи, какъ и прежде—коли не больше.

* *
*

Скоро пришло изъ передоваго отряда саперъ донесеніе о томъ, что турки наступаютъ. Я видѣлъ, что краска бросилась въ лицо Скобелеву при этомъ извѣстіи; онъ тотчасъ же обратился къ солдатамъ:

— «Поздравляю васъ, братцы, съ началомъ дѣла, турки наступаютъ!»

Солдаты дружно отвѣтили обычное: «Рады стараться, ваше превосходительство!»

Посланъ былъ ординарецъ Дукмасовъ съ двумя ротами, на помощь саперамъ. Скобелевъ, знавшій статутъ Георгіевскаго креста наизусть, заранѣе сказалъ ему, что онъ получитъ Георгія за это дѣло.

Спускъ былъ едва ли не труднѣе подъема; мѣстами лошадь уходила въ снѣгъ по шею и я былъ искренне благодаренъ моему рыжему иноходцу за отчаянныя усилія, съ которыми онъ меня выносилъ изъ сугробовъ, ни разу не ткнувши меня носомъ въ нихъ. Мѣстами, однако, ѣхать верхомъ не было никакой возможности, надобно было скользить внизъ. Солдаты устроили праздничныя игры и скатывались кто благополучно, кто кувыркомъ со смѣхомъ и шутками. Самому-то, впрочемъ, съѣхать было не трудно — куда ни шло — но заставить съѣхать на томъ же инструментѣ лошадь было не такъ

удобно. Ужъ не помню, какъ свелъ я своего коня съ одного крутаго мѣста, настоящаго обрыва,—кажется, мы вмѣстѣ скатились!

Разработка этого мѣста, конечно, потребовала бы очень много времени, почему, вѣроятно, наши саперы и отступились отъ него, но, съ другой стороны, и оставлять такія мѣста для спуска по нимъ кавалеріи и особенно артиллеріи—очень и очень рискованно, считая, что невозможнаго на свѣтѣ нѣтъ.

* * *

Мы были уже на южномъ склонѣ Балканъ. Скобелевъ остановился на одной изъ крайнихъ возвышенностей и долго подробно осматривалъ долину Тунджи и турецкія позиціи, разстилавшіяся передъ нами.

Налѣво гора св. Николая, съ Шипкою. Расположеніе нашихъ полковъ рѣзко обозначалось черными грязными линіями, по бѣлой массѣ снѣга. Въ бинокли мы видѣли всѣ подробности: вонъ на самой скалѣ св. Николая батарея Мещерскаго, названная такъ по имени убитаго на ней офицера этого имени. Отъ привычки изъясняться на французскомъ діалектѣ, бравый князь плохо говорилъ по русски и поэтому былъ сначала предметомъ насмѣшекъ и офицеровъ и солдатъ, но потомъ своимъ безстрашнымъ поведеніемъ заслужилъ общее уваженіе и умеръ молодцомъ, не сморгнувъ, на своемъ посту.

Помню, я рисовалъ эту батарею, но огонь былъ такъ силенъ, что, каюсь, я поминутно кивалъ и отклонялся головою отъ свистѣвшихъ пуль, гранатъ, а временемъ и бомбъ, летавшихъ съ турецкихъ батарей изъ-за горы. Пули на этомъ пунктѣ летѣли буквально дождемъ и оберегаться отъ нихъ было, впрочемъ, просто ребячество.

Бомбы назывались на Шипкѣ воронами—эти вороны даже землянки прошибали!

Вонъ развалина турецкаго блокгауза, въ окнѣ котораго я было расположился разъ писать долину Тунджи, виднѣвшуюся тогда въ какомъ-то чудесномъ фіолетовомъ туманѣ. Хоть у меня и былъ складной стулъ, но, чтобы не сидѣть на открытомъ мѣстѣ, я свернулъ подъ закрытіе этого домишка и расположился на подоконникѣ—авось подъ крышею не задѣнетъ пуля!

Не тутъ-то было: турки, хорошо наблюдавшіе все, что дѣлалось у насъ, съ ихъ очень близкихъ позицій, конечно, сейчасъ же замѣтили хромаго любителя видовъ — это было въ сентябрѣ, когда рана моя еще только слегка затянулась — и угостили меня разъ за разомъ тремя гранатами: первая ударила въ стѣну безъ большаго вреда, вторая — въ крышу, хотя и не въ то мѣсто, гдѣ я сидѣлъ, но, однако, забросала весь блокгаузъ обломками и загадила пылью

мои краски; третья, наконецъ, съ адскимъ шумомъ и трескомъ пробила крышу совсѣмъ рядомъ съ моимъ подоконникомъ, взрыла и набросала на меня и мое писанье такую массу земли, камней и всякой дряни, что я рѣшился уйти, не кончивши этюда—отъ грѣха!

Еще далѣе по горѣ «центральная» и «круглая» батареи и между ними землянки Минскаго полка, въ одной изъ которыхъ у пріятеля моего Н. я провелъ нѣсколько дней.

Далѣе тоже все знакомыя мѣста: вонъ по ту сторону св. Николая турецкія батареи «Девятиглазка», «Воронье гнѣздо», «Сахарная голова». Вонъ та часть дороги, по которой въ послѣднее время никто уже не ѣздилъ—пробирались объѣздомъ, по загорою, потому что она вся была на виду у турокъ—и съ которой, не смотря на то, что ее обыкновенно проскакивали маршъ-маршемъ, и всадники, и телѣги съ лошадьми часто сбрасывались въ кручу гранатами и бомбами.

Внизъ отъ русскихъ позицій турецкія землянки и батареи, а совсѣмъ внизу, въ долинѣ, отъ развалинъ деревни Шипки до деревни Шеново—укрѣпленные курганы, центръ турецкой позиціи, за которыми начинается густая дубовая шеновская роща. Вдали прямо подъ нашимъ спускомъ кряжъ Малыхъ Балканъ. Наискось, направо, деревня Иметли, по имени которой назывался и нашъ перевалъ; направо въ тунджинскую долину Скобелевъ и Куропаткинъ смотрѣли особенно пытливо, такъ какъ, по слухамъ, оттуда двигались турецкія войска на помощь шипкинской арміи.

* *
*

Передовыя войска остановились на привалъ, въ ущельѣ, а Скобелевъ пошелъ по обыкновенію рекогносцировать дорогу. Онъ поѣхалъ было верхомъ, но турки, засѣвшіе внизу за скалами, открыли такую пальбу, что пришлось сойти съ лошади. Съ нимъ былъ начальникъ штаба Куропаткинъ, помощникъ его графъ Келлеръ, я и нѣсколько казаковъ, не помню—былъ ли кто еще изъ офицеровъ. Турки буквально обсыпали насъ свинцомъ и выжить ихъ оттуда не было возможности, такъ какъ наши ружья Крынка не доносили туда нашихъ пуль. Я началъ набрасывать въ альбомъ открывшуюся передъ нами часть долины, а Скобелевъ прошелъ еще впередъ. Смотрю, ужъ тащатъ назадъ подъ руки Куропаткина, блѣднаго какъ полотно. Онъ остановился перевести духъ за тѣмъ же обломкомъ скалы, за которымъ я рисовалъ — пуля ударила его въ лѣвую лопатку, скользнула по кости и вышла черезъ спину. Бѣдняга страшно осунулся и все просилъ посмотрѣть рану и сказать ему по правдѣ не смертельна ли она. Скоро пришелъ Скобелевъ и мы всѣ двинулись назадъ. К., разумѣется, тащили подъ руки, такъ какъ онъ съ трудомъ передвигалъ ноги.

Мнѣ случалось быть въ очень сильномъ огнѣ, но въ такомъ дьявольскомъ, признаюсь, еще не доводилось. Даже на Дунаѣ при нашей минной атакѣ, когда насъ осыпали и съ берега, и съ турецкаго судна, кажется, огонь не былъ такъ силенъ.

Здѣсь турки стрѣляли на самомъ бликомъ разстояніи и лѣпили пулю въ пулю, мимо самыхъ нашихъ ногъ, рукъ, головъ. Такъ и свистѣлъ свинецъ то съ пискомъ, то съ припѣвомъ и, шлепнувшись въ скалу, либо падалъ къ ногамъ, либо рикошетировалъ. Не то чтобы слѣдовалъ выстрѣлъ за выстрѣломъ, нѣтъ, то была сплошная барабанная дробь выстрѣловъ, направленныхъ на нашу группу — свистъ назойливый, надоѣдливый, хуже комаринаго.

Моя лошадь и лошадь Скобелева, которыхъ вели за нами въ поводу, остались цѣлы, но у болгарина моего убили коня, также какъ и вообще убили много людей и животныхъ.

Я шелъ съ лѣвой стороны Скобелева и, признаюсь, не совсѣмъ хладнокровно слушалъ эту трескотню.

— «Вотъ, думалось, сейчасъ тебя, братъ, прихлопнутъ, откроютъ тебѣ секретъ того, что ты такъ хотѣлъ знать: что̀ такое война!»

Помню, что я, однако, наблюдалъ еще Скобелева. Смотрю на него и замѣчаю, не наклоняется ли онъ хоть немного, хоть невольно, подъ впечатлѣніемъ свиста пуль?—Нѣтъ, не наклоняется нисколько! Нѣтъ ли какого нибудь невольнаго же движенія мускуловъ въ лицѣ или въ рукахъ? — Нѣтъ, лицо, повидимому, спокойно и руки, какъ всегда, засунуты въ карманы пальто. Нѣтъ ли выраженія безпокойства въ глазахъ, я разглядѣлъ бы его даже, если бы оно было хорошо, глубоко скрыто — кажется, нѣтъ, развѣ только какая-то безстрастность взгляда указывала на внутреннюю тревогу, далеко, далеко запрятанную отъ постороннихъ. Идетъ себѣ мой Михаилъ Дмитріевичъ своею обыкновенною походкою съ развальцемъ, склонивши голову немного на бокъ.

— «Чортъ побери, думалъ я, да онъ все тише и тише идетъ, нарочно что ли!»

Пальба просто безобразная, то и дѣло валятся съ дороги въ кручу люди и лошади. Бравый К., влекомый сзади, кричитъ оттуда:

— «Бѣгите, кто цѣлъ, всѣхъ перебьютъ»!

Графъ К. и еще нѣкоторые въ припрыжку бросились впередъ; я, какъ болѣе обстрѣленный, остался со Скобелевымъ.

— «Ну, Василій Васильевичъ»,—говорилъ онъ мнѣ послѣ, когда поворотъ дороги закрылъ насъ, наконецъ, отъ турецкихъ пуль, «мы сегодня прошли сквозь строй!»

* *
*

Мнѣ интересно было узнать внутреннее чувство Скобелева во время сильной опасности и послѣ я спрашивалъ его:

— Скажите мнѣ откровенно, неужели это правда, что вы пріучили себя къ опасности и уже не боитесь ничего?

— Что за вздоръ,—отвѣтилъ онъ; меня считаютъ храбрецомъ и думаютъ, что я ничего не боюсь, но я признаюсь, что я трусъ. Каждый разъ, что начинается перестрѣлка и я иду въ огонь, я говорю себѣ, что въ этотъ разъ вѣрно худо кончится.... Когда на Зеленыхъ горахъ меня задѣла пуля и я упалъ, моя первая мысль была: «ну, братъ, твоя пѣсня спѣта!»....

Признаюсь, мнѣ пріятно было слышать это отъ Скобелева, потому что послѣ его моя собственная личность казалась менѣе трусливою. Не то, чтобы я особенно преклонялся передъ храбростью, но трусость-то, съ которой такъ часто приходилось встрѣчаться, была ужъ очень противна. Сознавая, что подъ сильнымъ огнемъ я чувствовалъ себя не совсѣмъ спокойнымъ и боялся, что вотъ-вотъ прихлопнетъ и начатыя картины останутся неоконченными, я доволенъ былъ, что и Скобелевъ смотрѣлъ въ глаза смерти далеко не хладнокровно, только хорошо скрывалъ свои чувства.

— Я взялъ себѣ за правило никогда не кланяться подъ огнемъ, говорилъ онъ мнѣ,—разъ что позволишь себѣ дѣлать это—зайдешь дальше, чѣмъ слѣдуетъ...

Теперь я искренно думаю, что нѣтъ такого человѣка, который былъ бы спокоенъ подъ огнемъ.

* * *

Куропаткину наскоро перевязали рану и потащили на посилкахъ въ Габровскій госпиталь, назадъ черезъ Балканы. Онъ сказалъ передъ отбытіемъ:

— Вотъ вамъ мой послѣдній совѣтъ: выбейте поскорѣе этихъ турокъ, во что бы то ни стало, иначе они перегубятъ много народа.

Мы попрощались съ К.; Скобелевъ чуть-чуть всплакнулъ даже, но, впрочемъ, быстро отеръ слезы, оправился.

— Полковникъ, графъ Келлеръ! Вы вступите въ должность начальника штаба.

— Слушаю, ваше превосходительство!

— Вотъ и производство вышло, съострилъ удалявшійся Куропаткинъ.

Крѣпко чувствовали всѣ въ отрядѣ его потерю; по словамъ Скобелева, онъ былъ ему незамѣнимъ.

Генералъ приказалъ штурмовать турокъ, но полковникъ Паню-

тинъ, которому дано было это приказаніе, просилъ дозволенія сначала попробовать выжить ихъ огнемъ.

У него былъ одинъ батальонъ, вооруженный ружьями Пибоди, взятыми при сдачѣ Плевны, и 2 роты, съ этими ружьями, буквально, засыпали турокъ свинцомъ, такъ что не далѣе какъ черезъ нѣсколько минутъ ни одного выстрѣла не было болѣе оттуда, ни одного непріятеля тамъ не осталось, всѣ утекли. Болѣе поразительнаго примѣра того, что значитъ хорошее вооруженіе, мнѣ рѣдко случалось видѣть.

. . . .

Конечно, Панютинъ спасъ тутъ много солдатскихъ жизней, потому что штурмъ засѣвшихъ за камнями турокъ не обошелся бы безъ потерь. Сколько-же всего нашихъ жизней было бы спасено, если-бы ружьями, взятыми при сдачѣ Плевны, вооружили часть отряда; ружей этихъ было нѣсколько десятковъ тысячъ, съ милліонами зарядовъ.

. . . .

Десятки тысячъ ружей Пибоди, взятыя у турокъ, пролежали грудами подъ снѣгомъ, за все время, что я пробылъ въ Плевнѣ, т. е. около двухъ недѣль, также какъ и ящики съ зарядами; эти послѣдніе валялись въ великомъ множествѣ и по самой дорогѣ, и по сторонамъ ея, на нѣсколькихъ верстахъ разстоянія, а такъ какъ никто не прибиралъ ихъ, то проходившія повозки давили и взрывали ихъ сотнями, тысячами!

* *
*

Скобелевъ какъ будто былъ выбитъ изъ своей колеи раною К. Болѣе обыкновеннаго онъ былъ нервенъ и безпокоенъ и все отводилъ меня въ сторону.

— Василій Васильевичъ, какъ вы думаете, ладно у меня идетъ? Какъ на вашъ взглядъ—нѣтъ безпорядка? Графъ К. хорошій офицеръ, но онъ неопытенъ, боюсь, не вышло бы путаницы!

Я успокоивалъ его, говорилъ, что покамѣсть, какъ мнѣ кажется, все идетъ какъ слѣдуетъ.

— Заняли вы высоты, командующія переваломъ?

— Да, люди уже посланы туда!

— Приказали имъ окопаться?

— Приказалъ.

— Удостовѣрьтесь, исполнено-ли приказаніе!

Удостовѣриться посланъ былъ Х. и мнѣ смѣшно вспомнить, какъ этотъ бравый офицеръ, увидя на упомянутыхъ высотахъ людей, принялъ ихъ за турокъ.

Скобелевъ не унимался, все безпокоился:

— Вас. Вас., вы были у Гурко, скажите по правдѣ, больше у него порядка, чѣмъ у меня?

— Порядка не больше, но онъ меньше вашего горячится.

— Да развѣ я горячусь?

— Есть немножко, вонъ въ одно и то-же мѣсто послали третьяго ординарца...

Помнится, въ Плевнѣ, когда я только что воротился изъ гвардейскаго отряда, мнѣ случилось въ пріятельской бесѣдѣ съ обоими Скобелевыми и еще однимъ генераломъ защищать Гурко отъ нѣкоторыхъ несправедливыхъ нападокъ, росказней, повторяемыхъ обыкновенно изъ двадцатыхъ устъ. Михаилъ Дмитріевичъ, неравнодушно относившійся къ положенію Гурко, какъ начальнику почти цѣлой арміи, заподозрилъ меня въ пристрастіи и (разсердился)....

* * *

Дали знать, что раненъ адъютантъ главнокомандующаго Л.; хотя рану его называли легкою, жаль было для отряда потерять этого хорошаго офицера.

Генералъ приказалъ между тѣмъ полковнику Панютину выбить турокъ изъ траншей, подъ самымъ спускомъ, откуда они портили опять не мало нашего народа.

Генералъ Столѣтовъ (одинъ изъ моихъ знакомыхъ еще по Кавказу) посланъ былъ занять деревню Иметли. Надобно замѣтить, что С. былъ уже полковникомъ, когда М. Д. Скобелевъ надѣвалъ еще только эполеты: теперь первый, въ чинѣ генералъ-маіора, былъ подъ командою у втораго, генералъ-лейтенанта и командира отдѣльнаго отряда, и въ оправданіе свое говорилъ:

— За такими рысаками, какъ Скобелевъ, не угоняешься.

Мы провели эту ночь на снѣгу, въ нашемъ ущельи, кругомъ костра, который съ трудомъ поддерживали сырыми прутьями, да и тѣ-то раздобывали съ трудомъ; казаки и вообще нижніе чины кругомъ Скобелева были такая вольница, что ни мало не заботились о немъ, такъ что только когда, теряя терпѣніе, онъ пускалъ въ ходъ брань и угрозы, они бросались исполнять требуемое. «Чортъ васъ побери, я васъ всѣхъ перепорю», кричалъ онъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ и только послѣ этого деньщикъ его вяло, громко ворча, а другіе, какъ будто и въ серьезъ боясь угрозы, исполняли, что нужно. Угрозы, впрочемъ, не всегда оставались только угрозами, случалось, переходили и въ дѣло; С. давалъ иногда страшныя затрещины, а деньщику Курковскому, за грубость ординарцу Х., было, въ Плевнѣ, всыпано столько горячихъ, что нѣсколько дней онъ, буквально, едва бродилъ. Это не помѣшало С., сейчасъ же вслѣдъ за экзекуціею, начать

снова заигрывать съ своимъ деньщикомъ, принимавшимъ, однако, тогда шутки патрона очень мрачно и сдержанно.

Кругомъ костра, кромѣ Скобелева, было нѣсколько человѣкъ офицеровъ, но Н. Д., нашего браваго и всюду поспѣвавшаго корреспондента, что-то не было видно, вѣрно онъ находился въ Иметли. Не знаю, спалъ ли Скобелевъ, пожалуй, онъ и тутъ съумѣлъ заснуть, но я только забывался. Голова была тяжела, на желудкѣ пусто,—мы ничего не ѣли и выпили лишь по стакану чая. Особенно тяжело должно быть было раненому Л., тутъ же на снѣгу валявшемуся въ коротенькомъ полушубкѣ. Рана его была, что называется, очень счастливая: пуля ударила подъ мышку, не попортивъ груди. Онъ отправился было даже на утро съ нами осматривать непріятельскую позицію, не слушая совѣтовъ беречься, но я силою воротилъ его, заставилъ уѣхать назадъ въ Габрово, въ госпиталь, къ великому удовольствію и счастію его преданнаго деньщика.

Утро было прекрасное. Небольшой турецкій отрядъ стоялъ у насъ подъ горою, какъ будто съ намѣреніемъ помѣшать спуску, но вскорѣ, не попробовавъ счастья, отошелъ,—кажется, непріятель не блисталъ ни распорядительностью, ни рѣшительностью.

Съ Шеновскихъ батарей открыли орудійный огонь, а съ нашей стороны нечѣмъ было отвѣчать, поэтому, когда Скобелеву дали знать, что по такой дорогѣ невозможно провезти артиллерію, я позволилъ себѣ настаивать, чтобы хоть одно орудіе было протащено. Генералъ такъ и приказалъ. Покамѣсть пробовали отвѣчать съ дороги изъ нашихъ горныхъ пушченокъ; снаряды далеко не долетали, но шумъ выстрѣловъ производилъ извѣстный эффектъ, давая знать непріятелю, что и мы съ артиллеріею, и ободряя своихъ солдатиковъ, съ удовольствіемъ замѣчавшихъ:

— «Вона! наша пошла на отвѣтъ—вали!»

Скобелевъ просилъ меня сдѣлать набросокъ мѣстности, съ расположеніемъ турецкихъ войскъ, чтобы пріобщить его къ своему донесенію. Такъ какъ сверху, съ дороги, многое было не видно, то я спустился пониже, да и не радъ былъ: пуль летало тамъ такое множество, что, признаюсь, только стыдъ не позволилъ задать сейчасъ же тягу, и я лишь наскоро, съ грѣхомъ пополамъ, набросилъ планъ; при этомъ случаѣ я хватился моего альбома съ рисунками—его не было! а альбомъ-то былъ съ замѣтками отъ Плевны и Горнаго Дубняка до самыхъ послѣднихъ дней. Перебирая въ памяти, гдѣ бы я могъ потерять эту дорогую для меня вещь, я вспомнилъ, что послѣдній разъ держалъ ее въ рукахъ, когда бросился обнимать раненаго Куропаткина; выходило, что вдвойнѣ такъ нѣжничать не слѣдовало;

во-первыхъ, потому что К. проворчалъ: «что вы цѣлуете-то меня, посмотрите лучше рану», во вторыхъ, потому что за этою нѣжностью я выпустилъ изъ рукъ и оставилъ на снѣгу альбомъ свой. Скорѣе бросился я туда искать, но ничего не нашелъ, что было и понятно, потому что множество народа коннаго и пѣшаго прошло уже по этому пути и коли не сбили, не сбросили, то замяли, вѣроятно, мою бѣдную книжку.

При поискахъ моихъ увидѣлъ я какое множество солдатъ, казаковъ и лошадей было вчера перебито, главнымъ образомъ во время памятной рекогносцировки Скобелева. У одного вышиблены были, буквально цѣликомъ, вся грудь и животъ—хоть бы что тамъ въ середкѣ осталось.

Нѣтъ какъ нѣтъ моего альбома; плакалъ онъ вмѣстѣ со всѣми замѣтками, такъ мнѣ нужными для будущихъ работъ, рѣшилъ я мысленно—и въ это время встрѣтилъ знакомаго офицера Владимірскаго полка.

— Знаете-ли, говоритъ онъ, вѣдь нашли альбомъ вашего покойнаго брата; должно быть, турки вынули у него, у мертваго, и занесли сюда въ Иметли.

— Да это, должно быть, мой альбомъ, который я розыскиваю, у кого вы его видѣли?

Онъ назвалъ фамилію офицера Донскаго казачьяго полка и я поскакалъ его искать. Полкъ этотъ уже спустился въ полномъ составѣ и Скобелевъ лично разставлялъ его въ долинѣ.

Наконецъ-то, я добрался до моей дорогой тетради; оказалось, что солдатикъ поднялъ ее на дорогѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ я рисовалъ и гдѣ отдыхалъ раненый К.; взялъ его съ собою и въ Иметли, въ тѣснотѣ, около колодезя, снова обронилъ; поднялъ казакъ, передалъ офицеру, а офицеръ передалъ мнѣ!

* * *

Я воротился на мѣсто нашего бивуака; снѣгъ вездѣ таялъ, было очень жарко, меня томила жажда. Остановившіеся на роздыхъ солдаты пили чай; я присосѣдился къ одному, любезно предложившему мнѣ не чашку, а крышку походнаго котелка, съ чѣмъ-то похожимъ на чай, но крѣпко отдававшимъ похлебкою.

Въ разговорѣ съ солдатомъ я узналъ, что ихъ скупо надѣляли чаемъ, а особенно сахаромъ; этого послѣдняго выдавали, правда, положенное число кусочковъ, но до того микроскопическихъ, что чай приходилось пить буквально въ наглядку.

. . . .

Хотя у Скобелева, вообще говоря, все касающееся продовольствія солдатъ велось порядочно, ибо онъ строго смотрѣлъ за этимъ и взыскивалъ, но тѣмъ не менѣе я сожалѣю, что забылъ сказать ему объ этихъ кусочкахъ сахара;—я увѣренъ, что за все остальное время кампаніи они были бы тогда не такъ микроскопичны въ его отрядѣ.

* * *

Я нашелъ Скобелева на спускѣ разговаривающимъ съ княземъ Вяземскимъ, начальникомъ бригады болгарскаго ополченія, пріѣхавшимъ донести о томъ, что невозможно протащить по этой адской дорогѣ даже и одного орудія. Скобелевъ не настаивалъ болѣе, но я пожалѣлъ; будь это у Гурко, тотъ приказалъ бы провести, «во что бы то ни стало», и навѣрное были бы протащены хоть два орудія.

Вспоминаю, какъ подъ Этрополемъ славный мой пріятель генералъ Д. далъ знать Гурко, что «орудія втащить на высоты, какъ было приказано, нѣтъ никакой возможности», на что получилъ лаконическій отвѣтъ: «втащить зубами»—и орудія были втащены, правда, не зубами, а волами, но вѣдь для дѣла это было безразлично.

Князь В. доложилъ также, что съ перевала давно уже были на виду, а теперь стали видны и со спуска передовыя части отряда князя Мирскаго, спустившагося въ долину съ другой стороны Шенова. Дѣйствительно, хотя съ трудомъ, но можно было разсмотрѣть вдали, на бѣлой массѣ снѣга, небольшія темныя черточки,—полки, двигавшіеся по направленію къ Шеново, т. е. уже наступавшіе на турокъ; даже слышна была трескотня выстрѣловъ. Скобелевъ разспрашивалъ В. о томъ, какія части онъ встрѣтилъ на пути: спустились изъ 16 пѣхотной дивизіи два полка и спускался третій; кавалерія еще вся была въ пути, кромѣ одного полка казаковъ—очевидно, отряду никакъ было не собраться за сегодняшній день.

— Какъ вы думаете, Василій Васильевичъ, спросилъ меня Скобелевъ, скоро ли они дойдутъ до Шенова?

— Коли турки не задержатъ, часа черезъ 2—$2^1/_2$.

— Такъ, пожалуйста, скажите Панютину, чтобы выступалъ въ траншеи!

Я поскакалъ такъ, что мой бѣдный рыжій иноходецъ подумалъ, вѣроятно, что я съума сошелъ—скакать, да еще по такой дорогѣ, когда онъ завѣдомо уморился и насилу волочилъ ноги! Признаюсь, приказаніе было слишкомъ давно ожидаемое, такъ что еще не доскакавъ до П., сверху я крикнулъ ему:

— Полковникъ Панютинъ, извольте выступать!

Тотъ, въ свою очередь, такъ обрадовался, что не заставилъ повторять себѣ это два раза, а отвѣтилъ только: «Слава Богу!», снялъ

фуражку, перекрестился и двинулся впередъ такъ быстро, что когда, обогнувъ большую извилину дороги, я подскакалъ къ нему—онъ уже миновалъ траншеи.

— Генералъ велѣлъ выступить покамѣсть только до траншеи, говорю.

— Мы миновали ихъ уже, что-же вы раньше не сказали!

— Кто же зналъ, что вы такъ зашагаете...

Смотрю, маршъ-маршемъ несется Скобелевъ прямо къ намъ.

— Василій Васильевичъ. Вы двинули войска за траншеи?

— Я!

— Прикажете остановиться, ваше превосходительство? спросилъ П.

— Нѣтъ, нѣтъ, я только что хотѣлъ двинуть васъ дальше; ступайте впередъ, остановлю васъ послѣ, когда будетъ нужно.

У меня какъ гора съ плечъ свалилась!

Выстрѣлы со стороны отряда Мирскаго учащались, стрѣляли уже залпами, слышалось «ура! ура!» нашихъ и «Аллахъ!» турокъ. Очевидно, съ той стороны разгорѣлся уже бой и намъ слѣдовало идти имъ на помощь, но съ чѣмъ? спустившіяся силы были совсѣмъ ничтожны, а остальная часть двигалась по перевалу очень медленно, на что Скобелевъ страшно бѣсился. Не смотря на то, что онъ посылалъ ординарца за ординарцемъ торопить, кавалерія шла убійственно тихо и совсѣмъ загородила путь остальной пѣхотѣ.

Предполагая, что хоть что-нибудь надобно было бы оставить въ резервѣ, на случай встрѣчи съ слишкомъ неравными силами турокъ, у которыхъ, по свѣдѣніямъ, войска было не мало, пришлось бы начинать бой съ однимъ полкомъ, что, очевидно, было просто неразумно. Чтобы тѣмъ не менѣе отвлечь часть силъ непріятеля на себя, генералъ демонстрировалъ, построилъ батальоны къ атакѣ и выдвинулъ впередъ горную артиллерію. Такъ какъ пушченки наши продолжали «не хватать», то подрыли имъ передки, еще и еще, и добились, наконецъ, того, что онѣ стали махать прямо въ середку непріятеля. Тамъ крѣпко зашевелились, очевидно, стали готовиться къ встрѣчѣ насъ, особенно когда я уговорилъ П. дать два залпа и прокричать полкомъ «ура»!

Три турецкія орудія отвѣчали намъ; вдоль всей деревни выдвинулась сплошною линіею конная цѣпь, повидимому, черкесовъ.

Мы стояли совсѣмъ близко къ непріятелю и, конечно, не только заставили его отвлечь часть силъ на насъ, но и удержали въ бездѣйствіи не мало ихъ резервовъ.

Скобелевъ рѣшилъ, собравши за ночь всѣ свои силы, нанести завтра туркамъ рѣшительный ударъ. Онъ нѣсколько разъ говорилъ

объ этомъ и я лично крѣпко одобрялъ это рѣшеніе.... Когда Михаилъ Дмитріевичъ подошелъ къ Панютину, стоявшему съ полкомъ въ передовой линіи, и сказалъ, что атакуетъ завтра—бравый полковникъ отвѣтилъ:

— Что, ваше превосходительство, теперь Алексѣя Николаевича (Куропаткина) нѣтъ—и толку, кажется, у насъ не будетъ.

Не смотря на то, что это было сказано громко, милѣйшій М. Д. только отвѣтилъ:

— Каково онъ мнѣ льститъ! Подождите, успѣете еще!

У П., очевидно, руки неудержимо чесались; что касается меня, какъ ни ничтожно и мало авторитетно могло быть мое мнѣніе, я такъ-таки и полагалъ, что слѣдовало воздержаться отъ атаки съ нашими ничтожными силами. Конечно, всѣ мы чувствовали, что слѣдовало «идти на выстрѣлы» и Скобелевъ мучился болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой, но невозможно было сдѣлать это теперь, съ разсчетомъ на успѣхъ.

* *
*

Уже темнѣло. Генералъ велѣлъ съ наступленіемъ ночи отвести войска назадъ; я совѣтовалъ ему приказать разложить огни по всей линіи прежняго расположенія войскъ, съ тѣмъ, чтобы продолжать отвлекать въ нашу сторону вниманіе турокъ. Скобелевъ такъ и сдѣлалъ.

Со стороны другаго отряда давно уже стало затихать и теперь все смолкло. Послѣ мы узнали, что онъ имѣлъ тутъ жаркое дѣло.

Чего стоило чуткой, нервной, подвижной натурѣ Скобелева удержаться отъ атаки въ этотъ день—я это знаю, такъ какъ все время былъ съ нимъ. По большей части мы были одни потому, что онъ постоянно отходилъ въ сторону, съ желаніемъ высказать то, что у него было на душѣ, то, что его, видимо, безпокоило, душило:

— Какъ вы думаете, Василій Васильевичъ, хорошо я сдѣлалъ, что не штурмовалъ сегодня? Я знаю, скажутъ, что я сдѣлалъ это нарочно, будутъ упрекать меня въ томъ, что я съ умысломъ не атаковалъ, что не хотѣлъ помочь—ну, да я подамъ въ отставку!!

— О какой отставкѣ вы говорите, успокоивалъ я его, вы сдѣлали то, что должны были сдѣлать, то, что могли. Вы отвлекли на себя часть турецкихъ силъ, но штурмовать съ однимъ полкомъ было немыслимо...

Къ намъ подошелъ тутъ Столѣтовъ; я взялъ его въ свидѣтели, просилъ его сказать свое откровенное мнѣніе—онъ безъ обиняковъ высказался, что съ такими ничтожными силами идти на такую крѣпкую позицію было крайне рискованно, если не невозможно.

Скобелевъ какъ будто немного успокоился, но онъ былъ вполнѣ

военный человѣкъ и его чутье подсказывало ему, что вышло что-то неладное....

Онъ много разъ еще возвращался къ тому-же:

— Вас. Вас., подите сюда на минуточку; вѣдь я не могъ иначе сдѣлать? ну, что-же, ну, оставлю службу, ну, подамъ въ отставку, коли будутъ упрекать!...

Душевно было жаль слушать его оправданія, этотъ плачъ воина, не поспѣвшаго на выручку своихъ!

Онъ обошелъ войска, вездѣ велѣлъ окопаться и окопаться такъ, какъ если бы предстояло серьезное нападеніе непріятеля, причемъ бесѣдовалъ съ солдатами, вспоминая случаи, гдѣ они пренебрегали окапываться и страдали черезъ это.

Признаюсь, я до сихъ поръ не знаю—была назначена Радецкимъ общая атака обоихъ отрядовъ на этотъ день или нѣтъ? Если да, то, конечно, на С. лежала извѣстная доля отвѣтственности за то, что онъ не спустилъ съ горъ весь отрядъ къ назначенному времени, хотя это и оказалось матеріально невозможнымъ; коли же нѣтъ, то, напротивъ, отвѣтственность на томъ отрядѣ, который атаковалъ, не будучи увѣреннымъ въ томъ, что Скобелевъ въ состояніи поддержать ихъ, что онъ уже успѣлъ спуститься.

Видя нервность Скобелева, я предложилъ ему послать сейчасъ же одного изъ его ординарцевъ къ Радецкому, съ донесеніемъ о томъ, что̀ сдѣлано и что̀ предстояло сдѣлать завтра, а также для испрошенія инструкцій, если бы таковыя имѣлись.

— «Да невозможно съѣздить теперь къ Радецкому и воротиться до утра» отвѣчалъ онъ.

— Напротивъ, я увѣренъ, что возможно; пошлите, напр., Дукмасова, онъ бравый малый; скажите ему, что къ утру завтрашняго дня онъ долженъ воротиться. Исполнитъ—дайте ему крестъ; не исполнитъ—подъ арестъ.

Скобелевъ согласился.

Я отыскалъ Дукмасова, сказалъ ему, чтобы онъ приготовился немедленно ѣхать черезъ горы, и этотъ донецъ-молодецъ, глазомъ не сморгнувши, пошелъ «справляться». Сказать правду, въ 16—17 часовъ два раза переѣхать черезъ Балканы, да еще подняться на Шипку къ Радецкому и спуститься оттуда и все это по ужасной дорогѣ, сплошь запруженной войсками—была штука не легкая, однако, Дукмасовъ исполнилъ это.

Ночевать мы воротились въ Иметли. Вдоль линіи непріятельскихъ позицій, па мѣстахъ бывшаго расположенія нашихъ войскъ, ярко горѣли костры.

Въ деревнѣ оказалось много сѣна, но жилыми помѣщеніями она была не богата, такъ какъ большая часть домовъ была разрушена. На бѣду мою, конный болгаринъ, котораго мнѣ дали и у котораго убили на рекогносцировкѣ лошадь, наскучивъ, вѣроятно, таскать мои вещи, либо продалъ, либо бросилъ ихъ и пропалъ самъ; у него были мой бинокль, револьверъ и др. нужныя походныя принадлежности. Особенно жалко мнѣ было револьвера, какъ одной изъ немногихъ вещей, доставшихся мнѣ послѣ убитаго подъ Плевною брата моего Сергѣя.

Долго бродилъ я по деревнѣ между кострами въ поискахъ за болгариномъ — ажъ измучился. Усталый и голодный, пошелъ въ избу, отведенную для Скобелева.

— «Нѣтъ дома».

Побродивши еще, снова зашелъ.

— «Все еще не приходилъ».

Ну, думаю, дождусь, иначе совсѣмъ плохо, ѣсть нечего. «Теперь должно быть скоро будутъ, говорилъ казакъ его, ужинъ готовъ».

У меня слюньки текли.

Вотъ должно быть и онъ: слышны у калитки шаги; въ страшной темнотѣ Скобелевъ наткнулся на казака и, должно быть, подъ вліяніемъ недовольства сегодняшнимъ днемъ, ударилъ его такъ сильно, что тотъ съ ногъ слетѣлъ.

«Что ты мнѣ подъ ноги лѣзешь, скотина»!

— Потомъ, разглядѣвши меня: «это кто тутъ такой? Ахъ, это вы, Василій Васильевичъ!—Ну извини меня, голубчикъ, продолжалъ М. Д. обращаясь къ казаку, поцѣлуй меня, не сердись!.... Пойдемте, В. В., поболтаемъ за ужиномъ. Ей! дайте бутылку шампанскаго».

Пьяницей Скобелевъ никогда не былъ, но шампанское очень любилъ, пожалуй даже слишкомъ, и дядя его, всесильный тогда графъ А., снабжалъ его иногда ящиками такого хорошаго вина, о какомъ мы могли только мечтать и грезить. Въ Плевнѣ, помню, онъ увѣрялъ, что уже допиваемъ послѣднія бутылки, что черезъ горы онъ не потащитъ ни одной, но, очевидно, это была только военная хитрость—таки нашлась еще завѣтная бутылочка, а завтра, если турки будутъ основательно побиты, найдется, вѣроятно, и еще одна. Собесѣдникъ мой былъ однако смущенъ, во первыхъ, думаю, неотвязною мыслью о томъ, что онъ не успѣлъ атаковать сегодня турокъ и что его обвинятъ въ намѣреніи провалить М., а во вторыхъ и тѣмъ отчасти, что я былъ невольнымъ свидѣтелемъ того, какъ ни за что, ни про что полетѣлъ съ ногъ бѣдный казакъ. Такъ разговоръ нашъ и вертѣлся опять болѣе на неразумности атаки

съ малыми силами, на предположеніяхъ о томъ, что̀ было сегодня въ другомъ отрядѣ и проч.

Я не зналъ гдѣ пріютиться на эту ночь и очень обрадовался когда нечаянно набрелъ на избушку, занятую ординарцами Скобелева. У нихъ былъ разведенъ огромный огонь въ каминѣ; на полу, въ повалку, мы отлично выспались.

Вся молодежь, окружавшая Скобелева, была далеко не модная, но она была хорошо обстрѣлена, невзыскательна и ежедневно порхала и летала черезъ всевозможныя опасности.

* *
*

На слѣдующій день я всталъ до свѣта и сейчасъ же поѣхалъ на передовую линію, въ сопровожденіи казака, котораго, по распоряженію Скобелева, дали мнѣ изъ донскаго полка. Было сыро, стоялъ туманъ, кругомъ догорали солдатскіе костры. Скобелевъ что-то не торопился начинать дѣла, можетъ быть дожидался Д. съ Шипки отъ Радецкаго. Уже совсѣмъ разсвѣтало, когда я въѣхалъ на одинъ изъ кургановъ вмѣстѣ съ Харановымъ, ординарцемъ Скобелева, для наблюденія за непріятелемъ. Бравый товарищъ мой, осетинскій офицеръ, не былъ расположенъ къ писанію, почему я доносилъ генералу, время отъ времени, о томъ, что̀ мы передъ собою замѣчали, въ движеніяхъ непріятеля.

Снизу мгла поднялась уже и деревня Шенова съ турецкими редутами и траншеями ясно открылась, но Шипка и всѣ горы были все еще на половину въ облакахъ. Въ это время, какъ и всю ночь, у насъ въ долинѣ и наверху на Шипкѣ то и дѣло раздавались одиночные выстрѣлы, то чаще, то рѣже, но вяло, нехотя, безъ увлеченія—очевидно, съ обѣихъ сторонъ ждали, готовились.

Скоро съ другой стороны деревни Шенова перестрѣлка стала усиливаться, у насъ же все еще было смирно.

Не мало посмѣялись мы съ Х. надъ нашимъ страхомъ быть отрѣзанными отъ отряда, а пожалуй и захваченными въ плѣнъ. Насъ было только 3—4 человѣка и мы были очень далеко впереди своихъ. Когда туманъ еще не поднялся, мы замѣтили 10 или 12 черныхъ предметовъ, выдѣлившихся изъ линіи турецкой кавалеріи и приблизившихся къ намъ; вотъ они остановились, повидимому, осмотрѣлись и затѣмъ дружно, шеренгою направились далѣе на перерѣзъ нашему сообщенію съ отрядомъ; мы уже приготовились отступать, чтобы не дать себя отрѣзать, когда туманъ разсѣялся и оказалось, что предполагаемые враги, казавшіеся во мглѣ внушительными, большущими, были здоровенныя собаки, рыскавшія за остатками солдатскихъ ужиновъ!

Хорошо, что я не приписалъ Скобелеву въ запискѣ: партія черкесовъ отдѣлилась отъ цѣпи и направилась..... и проч., вотъ бы засмѣялъ онъ насъ послѣ; а смѣялся онъ звонко, громко, съ какимъ-то прихрипомъ: кхе, кхе, кхе, кхе!

Въ томъ отрядѣ перестрѣлка очень усилилась—очевидно опять разгоралась сильная битва. Я только что написалъ и послалъ генералу предложеніе сдѣлать поискъ къ сторонѣ Шепова, для отвлеченія силъ непріятеля, какъ показался вдали значекъ, а вскорѣ прискакалъ казакъ отъ Скобелева: онъ приказалъ намъ отойти и началъ бой.

Изъ большихъ орудій такъ таки и не притащили ни одного. Говорятъ, болгарское ополченіе, перетаскивавшее ихъ, выбилось изъ силъ, но ничего не могло подѣлать. Я продолжаю думать, однако, что оно боялось, за этою неблагодарною для него работою, опоздать къ бою, почему и не довершило начатаго дѣла и что у Г. ногтями ли, зубами ли, но орудія были бы доставлены. Пришлось опять ограничиться горными пушченками. За то кавалерія спустилась вся, т. е. полкъ московскихъ драгунъ, полкъ петербургскихъ уланъ и 2 полка донцовъ; изъ пѣхоты—стрѣлковая бригада, болгарское ополченіе и всѣ полки 16 дивизіи: Углицкій, Казанскій, Суздальскій, Владимірскій—что за славные полки!

Два послѣдніе, какъ особенно пострадавшіе подъ Плевною, отдыхали, стояли въ резервѣ.

Теперь отрядъ былъ въ сборѣ; сегодня была увѣренность въ силѣ, а слѣдовательно и успѣхѣ, сегодня разговоръ пошелъ иной!!!

* *
*

Первые пошли въ атаку стрѣлковая бригада и болгарское ополченіе, на правое крыло турокъ, да какъ пошли, удальцы! — Поднялась страшная трескотня, ура! ура! ура! Аллахъ! Аллахъ!...

Въ это время подъѣхалъ Дукмасовъ, подбоченясь, съ улыбочкою, но съ сильно подбитою физіономіею—это онъ треснулся на перевалѣ о дерево.

— «Радецкій совершенно одобряетъ все, что я сдѣлалъ, сказалъ мнѣ Скобелевъ, показывая только что полученную записку»—лицо его при этомъ сіяло искреннимъ удовольствіемъ.

. . . .
. . . .

Пока шла атака праваго фланга турокъ, кавалерія наша была отправлена въ обходъ лѣваго, наперерѣзъ ихъ сообщенію съ Казанлыкомъ. Тутъ прежде всего сказалась выгода того, что въ дѣло были пущены всѣ силы отряда; даже въ счастливомъ случаѣ, наканунѣ, турки только отступили бы, такъ какъ не было кавалеріи

чтобы отрѣзать имъ путь. Сегодня же имъ предстояло или разбить, отогнать насъ, или сдаться, потому что идти назадъ было нельзя— тамъ были драгуны, уланы и казаки.

Тѣмъ временемъ масса раненыхъ тянулась отъ нашего лѣваго крыла, пошедшаго въ атаку; число ихъ дѣлалось все больше и больше; вотъ уже отходятъ цѣлыми кучками.... Что это? Смотрю и глазамъ своимъ не вѣрю: вонъ десятки, сотни, сначала пятятся, потомъ прямо поворачиваются..... отступаютъ.... Весь отрядъ отступаетъ — нѣтъ сомнѣнія, наши отбиты!

— Михаилъ Дмитріевичъ! говорю, вѣдь отбиты наши на чисто!

Не отводя глазъ отъ бинокля, Скобелевъ такъ и впился въ мѣсто битвы.

— Это бываетъ,—отвѣтилъ онъ какъ-то странно шутливо.

Онъ вызвалъ немедленно Панютина съ Углицкимъ полкомъ. «Съ Богомъ, проходите впередъ, я дамъ знать, когда начинать».

— Слушаю-съ, — отвѣтилъ тотъ, молча снялъ шапку, перекрестился — молча снялъ шапки и перекрестился слѣдомъ за командиромъ весь полкъ.

Какъ я замѣтилъ уже раньше, у Панютина давно чесались руки, поэтому опять онъ не заставилъ два раза повторять приказаніе—такъ и зашагалъ.

— «Жидовъ сюда»,—скомандовалъ Скобелевъ —это значило: «музыку сюда», такъ какъ большинство музыкантовъ обыкновенно изъ жидовъ.

Подъ музыку, равняясь какъ на ученьѣ, съ развернутыми знаменами, прошли впередъ углицкіе баталіоны, весело отвѣчая на привѣтствіе генерала.

— Если отобьютъ Панютина, я самъ поведу войска впередъ, сказалъ Скобелевъ, снова занявшійся биноклемъ.

Мнѣ приходилось быть во многихъ сраженіяхъ, но признаюсь, никогда еще не доводилось видѣть такой стройной, правильной атаки; «Долина Розъ» приняла видъ «Царицына луга» въ день смотра: наступавшіе шли подъ звуки маршей, въ резервныхъ полкахъ играли «Боже Царя Храни» и «Коль славенъ». Только одинъ баталіонъ изъ резервовъ, шедшихъ занять мѣсто атаковавшихъ, несъ знамя въ чехлѣ—я подъѣхалъ и приказалъ «развернуть знамя».

— По чьему приказанію?—спросилъ адъютантъ.

— Генерала Скобелева.

Михаилъ Дмитріевичъ увѣрялъ потомъ, что онъ былъ умница въ этотъ день, держался внѣ огня, но, очевидно, это надобно было понимать относительно: насъ просто обсыпало гранатами. Турки

стрѣляли сначала по резервамъ, но потомъ замѣтили нашу группу и съ полдюжины гранатъ ударилось такъ близко отъ Скобелева, что онъ потерялъ терпѣніе и сердито закричалъ на столпившихся около него казаковъ съ лошадьми.

— Да разойдитесь вы, чортъ бы васъ побралъ, перебьютъ васъ всѣхъ дураковъ!...

Неутомимый графъ Келлеръ, уѣхавшій куда-то распоряжаться, долго не возвращался и мнѣ пришлось написать нѣсколько приказаній Скобелева—чистое наказаніе. Помню, что онъ велѣлъ перемѣнить заключительную фразу записки, посланной начальнику кавалеріи, генералу Дохтурову, написанную въ смыслѣ совѣта дѣйствовать рѣшительнѣе. Побудило меня къ этому то, что на нашихъ глазахъ одна изъ кавалерійскихъ колоннъ, отъ удара въ середину ея гранаты, шарахнулась въ сторону и затѣмъ пріуменьшила шагъ.

— Это старый генералъ,—сказалъ мнѣ Скобелевъ, я не могу ему такъ писать.

Еще помню, что въ запискѣ къ генералу Мирскому я забылъ выставить число и часъ, за что хозяинъ, т. е. С. разсердился на меня. Кстати подъѣхалъ графъ Келлеръ.

— Что это васъ никогда нѣтъ, обрушился на него С., пишите скорѣе....

Я радъ былъ, что дешево отдѣлался, и принялся рисовать—это было мнѣ сподручнѣе.

Панютинъ былъ уже впереди, но еще не начиналъ рѣшительной атаки и Скобелевъ послалъ ординарца Х. съ приказаніемъ «начать штурмъ».

Стоя въ это время близко, я прибавилъ: «да скажите, чтобы резервы были недалеко!» Генералъ опять осерчалъ:

— Да, Василій Васильевичъ, вѣдь не учить же людей, когда они идутъ въ огонь!

— А почему бы и нѣтъ, думалось мнѣ,—учить не учить, а посовѣтовать....

Много позже, годъ спустя, когда я ѣздилъ снова въ Болгарію, встрѣтился мнѣ въ Шеново стрѣлковый офицеръ капитанъ К., имѣвшій репутацію очень храбраго и распорядительнаго. Я спросилъ его почему они были отбиты—онъ отвѣчалъ буквально: «потому, что резервы были далеко; солдаты пошли очень хорошо, но, встрѣтивши сильный отпоръ, оглянулись, видятъ поддержка далеко—и пошатнулись».

Панютинъ пошелъ храбро; сохраняя порядокъ, подошелъ онъ къ

турецкимъ траншеямъ, на близкое разстояніе, не стрѣляя, только по временамъ приказывая своимъ людямъ ложиться.

— Смотрите на Панютина! Михаилъ Дмитріевичъ,—говорю Скобелеву, какъ славно онъ идетъ! онъ совсѣмъ молодецъ!

— Я вамъ скажу,—отвѣтилъ Скобелевъ, отнявши на минуту бинокль отъ глазъ и поворачиваясь, «Панютинъ — это бурная душа!»

Такъ и вижу милаго Скобелева въ сюртукѣ и пальто на распашку, какъ онъ, широко разставивши ноги, сабля, отброшенная на отмахъ, слѣдитъ въ бинокль за ходомъ битвы. По временамъ, не перемѣняя позы, отдаетъ приказанія или, когда дѣлается очень жарко, снова посылаетъ «къ чорту» жмущихся въ кучку казаковъ съ лошадьми; значекъ его крѣпко привлекаетъ выстрѣлы—и значекъ посланъ «къ чорту».

* * *

Передъ нами синею полосою рисовалась дубовая роща, въ которой расположена деревня Шеново; оттуда поминутно показывались отдѣльные дымки орудійныхъ выстрѣловъ и стлался сплошной дымъ ружейныхъ. Налѣво тяжелыя бѣлесоватыя тучи застилали верхнюю половину всѣхъ горъ, въ томъ числѣ и Шипки; съ той стороны тоже слышался теперь гулъ орудій и трескотня ружей: очевидно, Радецкій рѣшился таки атаковать съ фронта.

Я сдѣлалъ набросокъ поля битвы, намѣтилъ мѣста турецкихъ орудій, мѣсто штаба Скобелева и проч. Пока я писалъ, помню, осколокъ гранаты, уже потерявшій отчасти силу, но еще способный перебить ногу, катился по направленію къ моему стулу: я смотрѣлъ на него и загадывалъ, докатится или не докатится? докатился и остановился у самыхъ ногъ,—любезно.

Въ поддержку угличанамъ Скобелевъ послалъ казанцевъ, которые должны были ударить лѣвѣе Панютина въ центръ турокъ.

— Съ Богомъ, братцы, да плѣнныхъ не брать!

— Рады стараться, ваше превосходительство.

«Плѣнныхъ не брать» въ переводѣ на обыкновенный языкъ значитъ: «колоть всѣхъ безъ пощады».

Я напомнилъ Скобелеву эту фразу на другой день.

— Зачѣмъ вы это сказали?

— Да будто я это сказалъ?—спросилъ онъ съ удивленіемъ. Очевидно, фраза эта просто сорвалась у него съ языка, но туркамъ отъ нея не поздоровилось.

Угличане, а за ними казанцы совершенно выбили непріятеля изъ траншей и редутовъ, казанцы довершили работу первыхъ.

Панютинъ, взявши въ руки знамя, самъ велъ солдатъ и, конечно, онъ въ значительной мѣрѣ рѣшилъ участь сраженія.

Замѣчательно, что тотъ же самый полкъ, здѣсь ни на минуту не замявшійся, шедшій впередъ, ложившійся, снова шедшій впередъ, снова ложившійся, какъ на ученьѣ, подъ Плевною, предводительствуемый N. N., какъ засѣлъ въ виноградникахъ, такъ и не вышелъ изъ нихъ—до такой степени храбрость солдатъ зависитъ отъ храбрости командира.

Было очевидно, что битва выиграна. Скобелевъ сдѣлался менѣе нервенъ, смѣялся, шутилъ. Когда подошелъ N. N., я шепнулъ Скобелеву, чтобы онъ помирился съ нимъ, и Михаилъ Дмитріевичъ протянулъ руку: «ну помиримся, ну не сердитесь».... Хотя старикъ и упирался сначала, но въ концѣ концовъ «превосходительства» обнялись и поцѣловались.

Дѣло въ томъ, что еще во время атаки болгаръ N., подошедшій къ Скобелеву съ какимъ-то замѣчаніемъ, услышалъ отъ него вмѣсто отвѣта: «подите прочь отъ меня!» Я совсѣмъ пораженъ былъ такою необычайною рѣзкостью и спросилъ, что это значитъ, за что это?

— А за то, — отвѣчалъ Скобелевъ, что онъ былъ не на мѣстѣ; коли его часть идетъ въ атаку, такъ его мѣсто тамъ, а не здѣсь около меня; я этого не люблю.

Но болѣе всего попало за время этого сраженія отъ скобелевскаго сердца пріятелю моему Н. Д.: воротившись отъ атакующихъ, не успѣлъ онъ обратиться съ чѣмъ-то къ генералу, какъ тотъ освирѣпѣлъ:

— Василій Ивановичъ, пожалуйста, уйдите прочь!

Н. Д. отъѣхалъ въ сторону.

— Нѣтъ, совсѣмъ, совсѣмъ прочь!

Н. Д., впрочемъ, былъ и послѣ пріятелемъ Скобелева, не любившаго терять дружбу талантливыхъ людей.

* * *

Было уже, кажется, около 2-хъ часовъ, когда привели или, вѣрнѣе, приволокли къ Скобелеву плѣннаго пѣхотнаго турецкаго офицера, на лошади, сообщившаго, что ихъ дѣло окончательно проиграно, все бѣжитъ, спасается отъ погрома, который полный.

Съ офицеромъ этимъ хорошо обошлись и онъ потомъ нѣсколько дней ѣздилъ въ свитѣ Скобелева, гдѣ ему понравилось; онъ сданъ былъ подъ покровительство X., съ которымъ вмѣстѣ ѣлъ, пилъ, спалъ и галопировалъ за бѣлымъ генераломъ. Послѣ главнокомандующій замѣтилъ въ свитѣ Скобелева этого страннаго ординарца и замѣтилъ М. Д.:

— Смотри, онъ у тебя не сбѣжалъ бы?

— Нѣтъ, ваше высочество, не сбѣжитъ,—отвѣчалъ Скобелевъ.

Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ во весь опоръ прискакалъ казакъ:

— Ваше превосходительство! турки выкинули бѣлый флагъ!...

Генералъ тотчасъ же сѣлъ на лошадь и поскакалъ въ Шеново. Мы летѣли стремглавъ черезъ множество убитыхъ; чѣмъ ближе къ деревнѣ, тѣмъ болѣе попадалось тѣлъ, сначала нашихъ, а потомъ и турокъ, которые грудами наполняли траншеи и батареи; орудійная прислуга и защищавшая ее пѣхота, очевидно, остались при мѣстахъ и были переколоты—солдаты наши буквально исполнили приказаніе Скобелева. Проскакавши часть Шенова, мы поворотили налѣво, несясь на удачу, не зная, гдѣ турецкій главнокомандующій и его бѣлый флагъ. Н. Д., помню, зацѣпился за дерево и чуть не вылетѣлъ изъ сѣдла; тѣмъ не менѣе онъ былъ, видимо, счастливъ и цвѣлъ удовольствіемъ. Очень талантливый литераторъ и на диво сколоченный натурою человѣкъ, онъ былъ одинъ изъ самыхъ неутомимыхъ корреспондентовъ, какихъ только мнѣ случалось встрѣчать, и рѣшительно всюду поспѣвалъ на своей маленькой юркой лошадкѣ, имѣвшей, по его словамъ, какія-то особенныя качества, не послѣднимъ изъ которыхъ, конечно, была выносливость, способность таскать на такихъ тщедушныхъ четырехъ ногахъ такую плотную, вѣскую фигуру.

Намъ попались толпы плѣнныхъ и, кромѣ того, Скобелеву донесли, что кавалерія отрѣзала дорогу 6,000 турокъ, отступившихъ было къ Казанлыку. Попались наши солдаты, въ такомъ безпорядочномъ видѣ, такими толпами, что начальству ихъ тутъ же крѣпко досталось отъ генерала. Встрѣтился и Панютинъ, совершенно охрипшій, но, не смотря на это, шумѣвшій еще болѣе обыкновеннаго; это, впрочемъ, легко объяснялось возбужденіемъ дня—отъ старшихъ офицеровъ до солдатъ, всѣ участвовавшіе въ дѣлѣ какъ будто сговорились охрипнуть сегодня. Панютинъ потерялъ за штурмъ много народа; когда ему говорили потомъ объ убыли изъ полка полутораста или двухсотъ человѣкъ, онъ презрительно махалъ рукою, дескать, «не стоитъ съ вами и разговаривать, у меня выбыло 350!»

Масса труповъ валялась кругомъ также, какъ и всякаго оружія. Долго ли, коротко ли носились мы въ пространствѣ то направо, то налѣво въ поискахъ за турецкимъ главнокомандующимъ, наконецъ, выбѣжалъ на встрѣчу Скобелеву стрѣлковый полковникъ Z., съ саблею Весселя-паши.

— Гдѣ же онъ самъ?

— Вонъ подъ большимъ курганомъ, въ маленькомъ баракѣ!

Этотъ большой курганъ былъ сверху до низу покрытъ турецкими солдатами, побросавшими свои ружья и аммуницію и апатично дожидавшихся своей участи—на всѣхъ лицахъ было какъ бы написано: «хуже того, что было, не будетъ». Подъ курганомъ крошечный деревянный баракъ, въ дверяхъ котораго стоялъ пожилой турецкій генералъ, брюнетъ съ сильною просѣдью, съ суровымъ нахмуреннымъ лицомъ, что называется «туча-тучею»—это и былъ Вессель-паша, главнокомандующій шипкинскою турецкою арміею. Сзади и кругомъ него было множество офицеровъ, человѣкъ 50, я думаю, и между ними 4 пашей.

Немного не доѣзжая до турокъ, Скобелевъ круто остановилъ коня и послалъ имъ сказать, «чтобы подошли къ нему». Еще болѣе нахмуренный двинулся Вессель-паша, за нимъ паши и всѣ офицеры.

Михаилъ Дмитріевичъ началъ говорить очень любезно, попробовалъ, для позолоты пилюли, хвалить храбрость его войскъ, но ни одна морщина не разгладилась на челѣ побѣжденнаго воина; онъ молчалъ и злобно глядѣлъ на Скобелева; также непривѣтливо смотрѣли и всѣ офицеры. Тогда Скобелевъ перемѣнилъ тонъ разговора.

Прежде всего онъ обратился ко мнѣ и тихо сказалъ:

— Поѣзжайте скорѣе къ генералу Томиловскому, скажите, чтобы онъ ни мало не медля отвелъ плѣнныхъ отъ ружей. Я имѣю свѣдѣніе, что Сулейманъ-паша идетъ сюда изъ Филиппополя, и боюсь, что, при первомъ извѣстіи объ этомъ, турки снова схватятся за оружіе! чтобы онъ сдѣлалъ это быстро и толково—слышите!

Я поскакалъ, передалъ приказъ съ поясненіемъ и на возвратномъ пути, въѣхавъ на большой курганъ, снялъ себѣ на память развѣвавшійся на немъ бѣлый флагъ; это былъ большой кусокъ бѣлой полушерстяной, полушелковой матеріи съ полосами, какъ разъ пригодный для украшенія моей мастерской — но увы! не будучи въ состояніи таскать его съ собою, покамѣсть, съ дозволенія Харанова, я передалъ эту «находку» его деньщику, а тотъ, конечно, съ дозволенія же своего барина потерялъ его.

Турки съ великою боязнью слѣдили за тѣмъ, какъ я снималъ флагъ, представлявшій наглядный конецъ ихъ теперешнихъ бѣдствій, и думали, можетъ быть, что за симъ послѣдуетъ избіеніе ихъ.

Скобелевъ рѣзко обратился къ Весселю:

— Сдается ли Шипка?

— Этого я не знаю!

— Какъ не знаете? да вѣдь вы главнокомандующій!

— Да! Я главнокомандующій, но не знаю, послушаютъ ли они меня.

— «А! если такъ, то я сейчасъ же атакую Шипку» и, чтобы подтвердить угрозу дѣломъ, онъ приказалъ двинуть по направленію къ перевалу резервную бригаду, Суздальскій и Владимірскій полки.

Сказать правду, угроза атаковать Шипку, т. е. эти страшныя снѣжныя громады, высившіяся надъ нами, была, просто, смѣшна и турки должны были быть очень удручены, коли приняли ее въ серьезъ; тѣмъ не менѣе, между турецкими офицерами произошло движеніе, они перебросились нѣсколькими фразами и Вессель заговорилъ уже помягче:

— Постойте, постойте, я пошлю туда моего начальника штаба.

Этотъ начальникъ штаба, полковникъ, вмѣстѣ съ нашимъ генераломъ Столѣтовымъ, говорившимъ по турецки, отправились на перевалъ. Впрочемъ, еще ранѣе бравый Харановъ вызвался слетать туда и сообщить Радецкому о результатѣ битвы.

Въ ожиданіи отвѣта, бригада все-таки двинулась къ горамъ, подъ музыку, церемоніально, на большихъ дистанціяхъ—чтобы войска казалось больше! Мы, а за нами и турецкіе офицеры, съ Весселемъ во главѣ, тронулись туда же. По дорогѣ я сказалъ Скобелеву:

— Помните, вы сомнѣвались, не дурно ли вы дѣлаете, собирая всѣ силы для удара—смотрите, какой результатъ, какой разгромъ!.. А все таки вы еще горячились...

— Будто я горячился.

— Положительно, хотя и меньше, чѣмъ прежде...

Генералъ опять поразослалъ своихъ ординарцевъ, а нѣкоторые и сами куда-то улетучились, такъ что мнѣ опять пришлось развозить его приказанія. Когда мы двигались къ горамъ за Скобелевымъ, были только Н. Д., казакъ со значкомъ и я, что, вѣроятно, не мало смущало пашей, видѣвшихъ русскаго героя, передъ которымъ они положили оружіе, въ такомъ мизерѣ, почти безъ свиты. Они, кажется, сомнѣвались ужъ, настоящій ли это Скобелевъ, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ пашей допрашивалъ меня о чинахъ и отличіяхъ нашего генерала, при чемъ, повидимому, его смутило то, что побѣдитель ихъ только генералъ-лейтенантъ, а не полный генералъ. Я не могъ не улыбнуться тому, что когда я передалъ ихъ начальнику штаба какое-то приказаніе, онъ, оглядѣвши мой полувоенный, полуштатскій нарядъ, спросилъ:

— Позвольте узнать, вы кто такой?

— Я—секретарь генерала!

На мнѣ была короткая румынская шуба, на длинномъ бѣломъ бараньемъ мѣху, большая казачья папаха и шашка черезъ плечо

Только офицерскій Георгіевскій крестъ сглаживалъ немного излишнюю живописность этого костюма.

Скобелевъ серьезно побаивался, какъ бы шипкинскій турецкій генералъ не заупрямился, особенно въ виду настойчивыхъ слуховъ, сообщаемыхъ со всѣхъ сторонъ болгарами, о движеніи сюда Сулеймана-паши, слуховъ, вѣроятно, дошедшихъ и до турокъ и оказавшихся вѣрными лишь на половину: Сулейманъ, дѣйствительно, двигался со стороны Филиппополя, но не побѣдоносно, а отступая, разбитый генераломъ Гурко.

* *
*

Очевидно, отвѣта съ Шипки нельзя было ждать скоро, и мы помѣстились на перерезѣ дороги туда.

Скобелевъ объѣхалъ ряды и вездѣ говорилъ съ солдатами больше пріятельски, чѣмъ начальнически:

— Вотъ, видите, братцы, я всегда говорилъ вамъ, слушайте своихъ начальниковъ; сегодня вы исправно исполнили приказаніе и сдѣлали дѣло, какъ слѣдуетъ—то-же самое будетъ впереди.

Шипка сдалась, въ концѣ концовъ, безъ протеста, но извѣстіе объ этомъ получено было поздно; мы не дождались его и уѣхали за Скобелевымъ домой. Дорогою наткнулись на смѣшную сцену: милѣйшій Д., такъ исправно исполнившій трудное дѣло поѣздки черезъ Балканы и обратно, не утерпѣлъ, чтобы не проявить свою казацкую снаровку также и здѣсь: куда-то запропастившійся, онъ вдругъ оказался на дорогѣ и не одинъ, а тянулъ за узды двухъ большихъ, красивыхъ, сѣрой шерсти, коней, взятыхъ изъ турецкаго артиллерійскаго парка. Увидя Скобелева, онъ очень сконфузился, сталъ дергать лошадей изо всей силы, а тѣ, испуганныя нашимъ приближеніемъ, какъ нарочно, уперлись и загородили дорогу—картина! Скобелевъ отвернулся и объѣхалъ злополучную группу, мы посмѣялись отъ души.

Генералъ занялъ маленькій деревянный баракъ Весселя-паши; я уѣхалъ ночевать въ Иметли, такъ какъ онъ просилъ навѣстить отъ его имени раненаго генерала Z, командира 1-ой бригады 16-й дивизіи, перешедшей теперь временно въ команду Панютину. Раненъ былъ также въ руку графъ Толстой, помощникъ Столѣтова по командованію болгарскимъ ополченіемъ. Вообще говоря, потери наши были значительныя. У болгаръ, дравшихся отчаянно, много выбыло изъ строя; Панютинъ, какъ уже сказано, потерялъ свыше 300 человѣкъ. Стрѣлки потеряли еще больше и ихъ бравый начальникъ Меллеръ-Закомельскій не могъ нахвалиться ими.

По поводу стрѣлковъ я скажу здѣсь нѣсколько словъ: они обра-

зуютъ отдѣльные баталіоны, идущіе впереди другихъ пѣхотныхъ частей, при началѣ дѣла, а затѣмъ обыкновенно и при самой атакѣ; вслѣдствіе этого и потери ихъ бываютъ значительнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ. Въ гвардейскомъ отрядѣ эти сравнительно большія потери стрѣлковъ вызвали неудовольствіе нѣкоторыхъ начальниковъ и рѣшено было поберегать стрѣлковъ—какимъ образомъ? вести ихъ впереди при началѣ дѣла, но пускать въ атаку лишь въ случаѣ нужды, по возможности послѣ другихъ частей, что я нахожу непрактичнымъ: моментъ атаки не всегда можетъ быть съ точностью опредѣленъ впередъ; часто начальникъ выбираетъ удобную минуту, зависящую какъ отъ состоянія непріятеля, такъ и настроенія своихъ солдатъ; воротить передовую часть, когда она только что вошла въ задоръ, разошлась, когда у нея раззудились руки, кажется мнѣ не выгоднымъ для дѣла. Говорятъ, стрѣлки дороги, ихъ надобно беречь, потому что обученіе ихъ труднѣе, чѣмъ другихъ частей пѣхоты — правда, но за то и обезкураживать солдатъ опасно!

* * *

По дорогѣ въ Иметли я побродилъ еще по полю битвы. Удивительно было, что траншейные рвы были завалены убитыми: я объяснялъ себѣ это тѣмъ, что укрѣпленія были еще не готовы; турки только еще работали надъ ними, когда наши пошли въ атаку, поэтому, не разсчитывая на защиту такихъ ничтожныхъ работъ, они встрѣтили нашихъ не за укрѣпленіями, а впереди ихъ.

Въ одномъ мѣстѣ, смотрю, возятся солдатики около огромнаго турка: онъ еще не умеръ, о чемъ даетъ знать тяжелыми вздохами и мычаніемъ, но воины наши не обращаютъ на это ни малѣйшаго вниманія, выворачиваютъ ему всѣ карманы, подпарываютъ куртку и всѣ складки; приподнимаютъ его, снова бросаютъ на земь и ворочаютъ, какъ куль съ мукою; бѣдняга не то стонетъ, не то рычитъ! А какой здоровенный дѣтина этотъ турокъ, кабы ему да силы, какъ бы онъ съумѣлъ расправиться со всѣми искателями сокровищъ.

Батарея праваго непріятельскаго фланга, буквально, наполнена мертвыми тѣлами; лошадь моя шарахнулась, отказалась войти въ середину этого мертваго круга; внутри одни турки—ихъ тутъ просто кололи; внѣ—въ перемѣшку наши и турки, здѣсь еще дрались.

Одинъ трупъ невольно привлекалъ вниманіе: молодой человѣкъ, что называется зеленый юноша, изъ вольноопредѣляющихся, лежалъ поодаль отъ другихъ, навзничъ, руки и ноги шибко раскинуты, глаза широко открыты и смотрятъ на небо—видно, убитъ наповалъ. Сапоги, какъ самая нужная въ походѣ вещь, сняты, карманы выворочены и письма въ огромномъ количествѣ разбросаны вокругъ —

искали, очевидно, не корреспонденцію его. Впрочемъ, золотой крестикъ и образокъ, на золотой же цѣпочкѣ, были не тронуты—доказательство того, что ограбившіе трупъ были не турки.

Я подобралъ всѣ эти письма, заглянулъ въ нихъ и узналъ, что это юноша изъ дворянской семьи съ юга Россіи, собиравшійся было служить въ акцизномъ вѣдомствѣ, но, по объявленіи войны, возгорѣвшій желаніемъ послужить родинѣ на полѣ брани. Вся нѣжность матери сказалась въ этихъ письмахъ; она благословляла его несчетное число разъ, умоляла беречь себя, извѣщала о посылкѣ ему съ оказіею любимаго имъ варенья и проч. Пробѣгая эти письма, я стоялъ около молодаго человѣка и, по временамъ, взглядывалъ на него; можно было подумать, что онъ прислушивается къ моему чтенію вѣстей съ родины, такъ пытливо смотрѣли вверхъ его широко раскрытые, хотя и помутнѣвшіе глаза, такое удивленіе, вмѣстѣ съ глубоко затаенною печалью, сказывалось на его хорошенькомъ личикѣ нѣжнаго цвѣта, съ едва пробивающимися усиками. Я отослалъ эти письма матери убитаго и сколько же благословеній получилъ отъ нея—слезы набѣгаютъ при одномъ воспоминаніи.

* * *

До позднихъ сумерекъ бродилъ я по полю битвы, присматриваясь къ физіономіямъ и позамъ убитыхъ. Особенно поразительны фигуры этихъ послѣднихъ наповалъ: нѣкоторые еще держатъ ружья, а руки, по большей части у всѣхъ, такъ и остаются застывшими, въ томъ положеніи, какъ застала смерть, причемъ глаза открыты, зубы стиснуты.

Фигура какого-то пѣхотнаго солдатика нѣсколько разъ мелькала мимо меня; я думалъ онъ тоже ищетъ денегъ на убитыхъ или подыскиваетъ себѣ подходящіе сапоги—нѣтъ, онъ подходитъ только къ офицерамъ, наклоняется, заглядываетъ въ лицо и спокойно, не торопясь, идетъ къ другому. Я сталъ слѣдить за нимъ: вижу, наклонился... да такъ и приникъ къ трупу; нѣжно, отечески поцѣловалъ его, потомъ началъ оправлять одежду, очищать ее отъ снѣга, голову положилъ по прямѣе, сдвинулъ вѣки; насколько могъ, сложилъ закостенѣвшія руки на груди и, еще разъ бережно опахнувши платье и земнымъ поклономъ попрощавшись съ тѣломъ, отошелъ. Это деньщикъ, не отыскавши барина между здоровыми и ранеными, пришелъ розыскивать его между мертвыми — опять слезы душатъ при воспоминаніи—спасибо тебѣ, добрый, вѣрный драбантъ, спасибо за этого незнакомаго мнѣ, но вѣрно тоже добраго барина твоего.

* * *

. . . .
. . . .

Пріѣхавши въ Иметли, я навѣстилъ прежде всего раненаго Z, командира бригады, и передалъ ему любезное привѣтствіе его начальника, а также освѣдомился о состояніи раны его — она оказалась не тяжелая и была полная надежда на излѣченіе.

Въ избѣ нашихъ молодыхъ людей я просто ахнулъ отъ удивленія: добрая часть ея, отъ полу до потолка, была наполнена лошадиною упряжью, раздобытой запасливымъ Д., вмѣстѣ съ тройкою отличныхъ лошадей, стоявшихъ около хаты; парень куда-то пропалъ послѣ побѣды, но времени, очевидно, не потерялъ.

— Куда вы это все дѣнете? спрашиваю.

— На Донъ отошлю, отвѣчалъ казачекъ, видимо удивленный моимъ наивнымъ вопросомъ.

Грѣшнымъ дѣломъ, и я раздобылъ маленькую, турецкую лошаденку, но я вымѣнялъ ее у турка, давши ему 10 рублей придачи, на бывшаго у меня одра, загнаннаго еще покойнымъ братомъ моимъ Сергѣемъ. Добытый сѣренькій, маленькій чертенокъ, постоянно носившійся маршъ-маршемъ, смѣнилъ моего рыжаго иноходца, совершенно замученнаго за эти дни.

Однако, отъ всѣхъ этихъ невинныхъ соображеній и мѣнъ съ придачею было далеко до геніальной донской смекалки, очевидно, руководившейся и оправдывавшейся одиннадцатою заповѣдью: «не зѣвай!»

* * *

Когда я воротился на другой день въ Шеново, мнѣ сказали, что Скобелевъ давно уже спрашивалъ меня. Я нашелъ его садящимся на лошадь, для осмотра войскъ. Мы поѣхали потихоньку, шажкомъ, и онъ началъ съ того, что сказалъ:

— Дайте мнѣ, Василій Васильевичъ, слово, что вы исполните то, о чемъ я васъ попрошу.

— Извольте.

. . . .

. . . .

.... — Съѣздите въ главную квартиру, разскажите его высочеству, какъ дѣло было; онъ знаетъ, что вы не скажете неправды, что вы ничего не ищете и повѣритъ вамъ болѣе, чѣмъ кому-либо другому.

— Признаюсь, М. Д., такое порученіе крайне мнѣ непріятно; я всегда осторожно держался въ главной квартирѣ и хотя великій князь всегда былъ добръ ко мнѣ, но вѣдь онъ можетъ просто сказать мнѣ, что это не мое дѣло...

— Нѣтъ, не скажетъ, поѣзжайте, сдѣлайте это для меня, вы обѣщали!

— Хорошо, поѣду!

Однако, съ оффиціальнымъ донесеніемъ я посовѣтовалъ послать офицера главной квартиры Гайковскаго, бывшаго всѣ эти дни при отрядѣ Скобелева, котораго я зналъ за хорошаго малаго, неспособнаго сочинять небылицы.

Тѣмъ временемъ мы выѣхали изъ дубовой рощи, закрывавшей деревню. Войска стояли лѣвымъ флангомъ къ горѣ св. Николая, фронтомъ къ Шеново. Скобелевъ вдругъ далъ шпоры лошади и понесся такъ, что мы едва могли поспѣвать за нимъ. Высоко поднявши надъ головою фуражку, онъ закричалъ солдатамъ своимъ звонкимъ голосомъ:

— Именемъ отечества, именемъ государя, спасибо, братцы!

Слезы были у него на глазахъ.

Трудно передать словами восторгъ солдатъ, всѣ шапки полетѣли вверхъ, и опять, и опять, все выше и выше—Ура! Ура! Ура! Ура! безъ конца. Я написалъ потомъ эту картину.

Увидѣвъ послѣ Весселя пашу, я предложилъ ему отправить черезъ меня изъ главной квартиры телеграмму въ Константинополь, на что онъ согласился и приказалъ объ этомъ своему начальнику штаба; тотъ написалъ мнѣ на клочкѣ бумаги по французски:

— «Послѣ многихъ кровопролитныхъ усилій спасти армію, я и паши такіе-то (слѣдуютъ имена четырехъ пашей) сдались съ арміею въ плѣнъ. Вессель».

Также старшіе офицеры наши просили отправить депеши же своимъ, роднымъ, товарищамъ: Столѣтовъ, графъ Толстой, Панютинъ и др. Къ телеграммѣ послѣдняго, извѣщавшаго семью и бывшихъ офицеровъ его полка о томъ, что «Богъ сподобилъ его поколотить турокъ», я прибавилъ еще свою телеграмму, съ увѣдомленіемъ о томъ, что «полковникъ Панютинъ, за свою блистательную атаку, можетъ быть названъ героемъ дня Шеновскаго боя».

* * *

Сейчасъ же я и поѣхалъ съ моимъ экстреннымъ порученіемъ черезъ горы въ Сельви, гдѣ должна была теперь находиться главная квартира. Вмѣстѣ со мною собрался ѣхать и Н. Д., желавшій побывать на Шипкѣ, чтобы дать отчетъ въ газетѣ и о тамошнихъ дѣлахъ и дѣятеляхъ.

Рѣдко случалось мнѣ смѣяться такъ, какъ я смѣялся тутъ при выѣздѣ, благодаря пріятелю, который былъ уже не на куцой, крохотной лошаденкѣ своей, получившей роздыхъ—и не напрасно—а на высокой, худощавой росинантѣ, одолженной ему Дукмасовымъ, запасшимся теперь новенькими, свѣженькими лошадками и, очевидно,

бывшимъ не прочь сбыть «по случаю» старый, залежавшійся товаръ.

— Гдѣ вы достали этого одра? спрашиваю.

— Хочу попробовать; Д. продаетъ ее, это настоящій донецъ, кровный донецъ, прибавилъ онъ, садясь въ сѣдло.

Съ первыхъ же шаговъ, однако, въ кровномъ донцѣ оказались качества, недостойныя его репутаціи: онъ зашагалъ невозможно медленно и лишь только Н. Д. вздумалъ заставить его прибавить шагу, началъ брыкаться, что дальше, то больше; тотъ ударитъ плеткою, этотъ брыкнетъ; тотъ опять—и этотъ опять; Н. Д. сталъ бить не переставая—донецъ сталъ брыкаться не переставая.

Я хохочу до слезъ, а Н. Д. сердится и не только бьетъ своего коня, но еще приговариваетъ:

— Постой, подлецъ, я тебя проучу, я тебя убью. Экая свинья этотъ Д., еще продать хотѣлъ мнѣ эту дрянь. Я тебя куплю, постой!.. Прежде пойдешь у меня, погоди!

Его обыкновенно доброе, довольное лицо совсѣмъ исказилось отъ гнѣва, а лошадь подъ ударами плетки, безъ перерыва хлопавшей по ея худощавымъ бокамъ, начала, просто, кружиться—кружится, опустивши голову, вскидываетъ хвостъ и брыкается!.. Я думалъ, заболѣю отъ смѣха.

Въ деревнѣ Шипкѣ мы нашли все разрушеннымъ: кромѣ церкви не уцѣлѣло ни одного дома.

Мы стали подниматься на гору по шоссе. Турецкіе солдаты копались вездѣ по землянкамъ, укладывали свое жалкое добро въ мѣшки, приготовляясь шагать по горькому пути плѣна.

У самой верхней траншеи, сильно укрѣпленной, противъ нашего послѣдняго пункта, скалы, я былъ пораженъ страшною массою русскихъ мертвыхъ, валявшихся тутъ чуть не одинъ на другомъ.

Замѣчательно много убитыхъ было наповалъ, это замѣчалось по странности позъ, кто съ руками, поднятыми для стрѣльбы, кто лягушкою на карачкахъ и т. п. Около самаго турецкаго бруствера тѣлъ вовсе не было—доказательство, что на штурмъ самыхъ турецкихъ укрѣпленій наши не ходили, а лишь дошли до широкой канавы, прорытой въ нѣкоторомъ разстояніи отъ траншеи, да тамъ и засѣли; по мѣсту нахожденія и расположенію тѣлъ въ этомъ нельзя было ошибиться.

Я отправилъ отсюда свою лошадь кружнымъ путемъ, по шоссе, а самъ началъ подниматься къ скалѣ напрямикъ, по тѣмъ самымъ мѣстамъ, по которымъ Сулейманъ-паша велъ свою бѣшеную атаку на Шипку. Скоро стали попадаться тѣла, оставшіяся еще отъ этихъ штурмовъ, въ платьяхъ, съ кожею, прилипшею къ костямъ на оконечностяхъ, а внутри,

подъ одеждами, представлявшія нѣчто сильно разложившееся... Скоро пришлось ступать по этимъ размягченнымъ трупамъ, такъ густо вся мѣстность была устлана ими. Мѣстами тѣла лежали въ два ряда, одинъ на другомъ, и нога, просто, уходила въ эти жидкія массы, едва прикрытыя снѣгомъ, какъ въ болото. Запахъ былъ просто невыносимъ, меня тошнило; однако, такъ какъ возвращаться назадъ не хотѣлось, то и надобно было идти впередъ, поминутно окунываясь руками и ногами въ мертвечину.

Правду сказать, восходъ тутъ такъ труденъ, что я дивился храбрости турокъ, съумѣвшихъ не только просто карабкаться, какъ это съ трудомъ дѣлалъ я, а атаковать по такой крутизнѣ.

Тьфу ты, чортъ! думалось, вотъ сейчасъ упадешь отъ этого убійственнаго запаха и никто даже знать не будетъ, что живой человѣкъ валяется между трупами—по счастью, на скалѣ, на верху, показался солдатъ.

— Братецъ мой! кричу ему,—выручай!

Онъ спустился, далъ мнѣ руку и вытащилъ на скалу, гдѣ можно было вздохнуть свободнѣе—точно поднялся изъ Дантова ада.

* *
*

Въ старо-знакомой мнѣ, еще по сентябрю землянкѣ я нашелъ генерала М., съ которымъ мы роспили, по случаю побѣды, бутылку шампанскаго.

Н. не было, онъ пошелъ принимать отъ турокъ оружіе и знамена.

Вечеромъ я пошелъ въ землянку стараго моего туркестанскаго знакомаго генерала П., со времени полученія раны знаменитымъ Д., командовавшаго дивизіею. Землянка эта называлась «дворцомъ» и, дѣйствительно, состояла изъ нѣсколькихъ отдѣленій, въ которыхъ даже насѣкомыхъ было менѣе, чѣмъ въ другихъ землянкахъ, не дворцахъ. Я засталъ въ ней цѣлую компанію: самого П., затѣмъ начальника штаба Радецкаго Д., прекраснаго офицера, командира бригады Б. и помянутаго уже полковника С., офицера генеральнаго штаба, бывшаго при М.

Шелъ горячій разговоръ, утихшій при мнѣ, но смыслъ котораго потомъ выяснился: винили Скобелева, за то, что онъ не поддержалъ ихъ атаку третьяго дня и, не спросясь ихъ позволенія, дождался, пока собралъ всѣ силы, ударилъ па турокъ и заставилъ ихъ положить оружіе—только вчера!

Много разъ уже мнѣ случалось видѣть, какъ послѣ битвы даже лучшіе пріятели начинаютъ подставлять другъ другу ногу. Тутъ дѣло осложнялось еще тѣмъ, что М. Д. Скобелевъ давно провинился передъ своими пріятелями, крѣпко обогнавши ихъ — естественно, что

ему нечего было ждать пощады. Подвигъ Скобелева уменьшалъ заслугу шипкинцевъ въ этотъ день и крѣпко умалялъ результатъ спѣшной атаки другого отряда... Разсудительный и вообще довольно справедливый П. больше помалчивалъ, когда на Скобелева нападали, а я защищалъ Скобелева, мнѣ казалось, что и его симпатіи были на противуположной сторонѣ.

— Что-же вы думаете, Вас. Вас., что все дѣло сдѣлалъ одинъ Скобелевъ и что, напримѣръ, наша атака ни къ чему не повела? спросилъ меня Д.

— «Нѣтъ, я никоимъ образомъ не думаю этого. Ваша атака должна была страшно напугать турокъ и заставить ихъ рѣшиться положить оружіе. Очень естественно, что атакованный съ обоихъ фланговъ Вессель окончательно потерялъ голову, когда услышалъ, что и вы съ фронта двинулись. Я искренно полагаю, что каждый сдѣлалъ свое дѣло, но все-таки не могу не думать, что главная роль дня выпала на долю Скобелева»......

. . . .

Я не имѣлъ времени заѣхать къ генералу Радецкому, за что онъ послѣ крѣпко пенялъ, и добрался до Габрова въ санкахъ любезнаго Б. Только выѣхавши изъ Габрова по направленію въ Сельви, я встрѣтилъ человѣка изъ главной квартиры, удостовѣрившаго, что его высочество главнокомандующій уже ѣдетъ сюда; поэтому я воротился и переночевалъ въ Габровѣ у брата моего, жившаго здѣсь для окончательнаго заживленія своей раны. Онъ проживалъ вмѣстѣ съ родственникомъ нашимъ Дубасовымъ, братомъ извѣстнаго моряка, бравымъ шипкинскимъ артиллеристомъ.

Мы больше проболтали, чѣмъ проспали эту ночь, и на утро во ожиданіи пріѣзда Великаго Князя я пошелъ въ помѣщеніе бывшаго женскаго монастыря, обращеннаго въ госпиталь, навѣстить Куропаткина и Ласковскаго, тамъ лечившихся. Послѣдній оказался «въ лучшемъ видѣ» и была основательная надежда на его скорое и полное выздоровленіе. Но К. смотрѣлъ плохо: нервный и вдобавокъ въ сильнѣйшемъ жару. Я позволилъ себѣ распорядиться по Тамерлановски: приказалъ наслать вездѣ войлока, войлокомъ же обтянуть дверь, которая поминутно стучала и, видимо, безпокоила больнаго, а турокъ, наполнявшихъ дворъ и галдѣвшихъ подъ самыми окнами, просто вытурилъ вонъ, за ограду госпиталя. Кромѣ того, отозвавши въ сторону милую сестрицу милосердія, наказалъ ей соблюдать полную тишину и беречь К. какъ зеницу ока, хоть бы по той простой причинѣ, что другаго такого Куропаткина нѣтъ—онъ представляетъ-де нѣкоторымъ образомъ уникъ.

* *
*

Какъ только Великій Князь пріѣхалъ, я отправился въ занятый его высочествомъ домъ. Первые, кто встрѣтились, были Скалонъ и Скобелевъ отецъ.

— «Вы изъ отряда?»

— «Вы отъ Миши?» и сейчасъ же повели меня къ его высочеству.

Я разсказалъ, что я зналъ и какъ я зналъ, по совѣсти, не вдаваясь въ техническія подробности, ни въ похвалы или порицанія, которыя, конечно, не были бы приняты.

Чтобы видѣть, какое впечатлѣніе произвелъ мой разсказъ, я прибавилъ: «упрекаютъ Скобелева за то, что онъ не атаковалъ турокъ днемъ раньше, но это было матеріально невозможно; отрядъ его еще не спустился и нападать съ ничтожными силами было крайне рисковано; даже въ счастливомъ случаѣ большая часть непріятеля ушла бы, такъ какъ у насъ не было кавалеріи, чтобы перегородить ей дорогу»....

— «Ну разумѣется такъ», отвѣчалъ мнѣ главнокомандующій.

. . . .

Я сказалъ потомъ старику Скобелеву, что пріѣхалъ по просьбѣ сына его.

— «Да вы бы сказали его высочеству сколько взято орудій, знаменъ, а то вы только и говорили, что атаковали стройно, да съ музыкой»...

— «Ну, разсказалъ, что зналъ, объ орудіяхъ и проч. узнаетъ великій князь и безъ меня».

Потомъ изъ разговора со Скалономъ я узналъ, что есть намѣреніе заключить миръ теперь же.

. . . .

. . . .

. . . .

Великій князь велѣлъ было подать себѣ лошадь, чтобы навѣстить раненыхъ офицеровъ, но такъ какъ на дворѣ стояла гололедица, а до госпиталя было рукой подать, то я предложилъ пройтись лучше пѣшкомъ. Народъ привѣтствовалъ его восторженно.

Необходимо сказать, что Великій Князь главнокомандующій былъ очень популяренъ; его доброта, доступность, простота обращенія были хорошо извѣстны и вездѣ, гдѣ показывалась его высокая, стройная, чрезвычайно красивая фигура, встрѣчали и провожали его искренно.

Я сказалъ его высочеству, что распорядился вывести турокъ изъ этого госпиталя, такъ какъ они слишкомъ безпокоили нашихъ раненыхъ, что онъ одобрилъ. Онъ долго бесѣдовалъ съ Куропаткинымъ и Л., а затѣмъ обошелъ другихъ раненыхъ.

На слѣдующій день главная квартира должна была перевалить черезъ горы и расположиться въ Казанлыкѣ, а по дорогѣ осмотрѣть войска Радецкаго, Скобелева и Мирскаго.

Я поѣхалъ назадъ, чтобы отдать пріятелю отчетъ въ данномъ имъ порученіи, худо ли,—хорошо ли исполненномъ.

На Шипкѣ была такая вьюга, сильнѣе которой, кажется, трудно себѣ и представить—даже тѣ, что въ Сибири, бывало, заставляли кружить цѣлую ночь около станціи, не были такъ ужасны. П. крѣпко настаивалъ на томъ, чтобы я остался у нихъ переночевать, но я не послушался, напился чаю и поѣхалъ дальше; однако, признаюсь, потомъ раскаялся: снѣжная буря была до того сильна, что не только верхомъ, но и пѣшкомъ двигаться было невозможно. Вѣтеръ дулъ съ такою силою и по дорогѣ стояла такая гололедица, что и меня съ казакомъ и нашихъ лошадей все время сбивало съ ногъ.

Ужъ и вспоминалъ же я «дворецъ-землянку» П. и кипящій самоваръ и борщъ, и котлеты, и горячее красное вино, и шампанское, которое тамъ выпивалось дюжинами... Тьфу, тьфу! Хуже всего было то, что при одномъ изъ своихъ пируэтовъ казакъ разбилъ мой ящичекъ съ красками, такъ-таки въ дребезги—гдѣ-то его починить въ этой общей суматохѣ!

Скользя, падая, снова скользя, даже теряя дорогу, проспускались мы цѣлую ночь и раннимъ утромъ только добрались до Шенова.

. . . .

. . . .

Скобелева я нашелъ занятымъ приготовленіями къ встрѣчѣ главнокомандующаго. Разспросивши меня подробно о разговорѣ моемъ съ Его Высочествомъ, онъ въ свою очередь разсказалъ о бесѣдѣ своей съ Радецкимъ....

Нѣсколько разъ мы отходили въ сторону, Скобелевъ переспрашивалъ о томъ, насколько внимательно выслушанъ былъ мой разсказъ, что именно отвѣтилъ В. К. и проч., видно было, что высокоталантливый и беззавѣтно храбрый человѣкъ весь погруженъ былъ въ заботы обо всѣхъ этихъ подробностяхъ и ихъ возможныхъ послѣдствіяхъ.

..... Я видѣлъ приготовленія Михаила Дмитріевича къ пріему великаго князя, боязнь Скобелева упустить что нибудь регламентарное при этой встрѣчѣ. Онъ понятія не имѣлъ о тонкостяхъ разводовъ и парадныхъ ученій и, боясь, что главнокомандующій захочетъ пропустить мимо себя войска церемоніальнымъ маршемъ, старался подъучиться, куда надобно встать, какъ командовать и т. п.

Единственный источникъ его мудрости по этой части былъ ординарецъ Хомичевскій, который и столомъ у генерала завѣдывалъ

и приказанія его развозилъ, и парзднымъ тонкостямъ своего патрона училъ.

— Да говорите же скорѣе, Х., гдѣ должны стать саперы?

— Непремѣнно впереди, ваше превосходительство.

— Ну, какъ же я долженъ командовать?

— Ваше превосходительство должны выѣхать и скомандовать... и т. д.

Глядя на то, съ какою серьезною, сосредоточенною физіономіею онъ разспрашивалъ и выслушивалъ, какъ задалбливалъ то, что ему «надобно скомандовать», я расхохотался.

— Что вы, Василій Васильевичъ, смѣетесь, однако? — спросилъ Скобелевъ меня, какъ обиженный ребенокъ.

— Да какъ же не смѣяться: генералъ, передъ которымъ турецкая армія положила оружіе, какъ школьникъ, заучиваетъ разныя слова, пріемы, уловки...

* * *

Вотъ высоко, на Шипкинскомъ перевалѣ, показались нѣсколько точекъ, а за ними цѣлая линія, спускавшаяся къ намъ — то былъ главнокомандующій со свитою.

Смущеніе Скобелева дѣлалось все болѣе и болѣе замѣтнымъ; онъ какъ-то съежился, принялъ безпокойный, несчастный видъ. Я всегда замѣчалъ у него жалостную физіономію, когда ему приходилось встрѣчать высокопоставленныхъ лицъ; очевидно, ему было очень тяжело въ это время, онъ мучился о томъ, что ему скажутъ, какъ его примутъ. . . . .

Вотъ Великій Князь спустился уже къ подножію горы, гдѣ дожидался его генералъ Радецкій. Еще издали Великій Князь, махая фуражкою, закричалъ:

— Ѳедору Ѳедоровичу, ура!!

Подъѣхавши, онъ обнялъ, поцѣловалъ Радецкаго, поздравилъ его генераломъ-отъ-инфантеріи и повѣсилъ ему на шею большой крестъ Георгія 2 класса. Затѣмъ Главнокомандующій подъѣхалъ къ Скобелеву, дожидавшемуся передъ самымъ фронтомъ войскъ. Михаилъ Дмитріевичъ поцѣловалъ Его Высочество въ плечо...

. . . .

Великій князь объѣхалъ ряды и вскорѣ уѣхалъ; провожая, Скобелевъ нѣсколько времени поговорилъ съ Его Высочествомъ и сдѣлался спокойнѣе.

. . . .

В. В. Верещагинъ.

Примѣчаніе отъ Ред. Вмѣстѣ съ «Воспоминаніями», напечатанными выше съ нѣкоторыми пропусками, Василій Васильевичъ Верещагинъ сообщилъ намъ въ подлинникѣ печатную, изъ извѣстнаго военно-историческаго атласа Каузлера, складную карту театра военныхъ дѣйствій въ Португаліи, въ 1809 г. Эта карта составляетъ памятникъ сердечной дружбы, соединявшей славнаго русскаго полководца — М. Д. Скобелева съ великимъ русскимъ художникомъ — В. В. Верещагинымъ.

Карта, представляющая военныя дѣйствія въ Португаліи въ 1809 г.

На картѣ этой читаемъ слѣдующія собственноручныя строки Михаила Дмитріевича:

(На лѣвой сторонѣ, чернилами):

«Португальцы вели себя какъ всегда въ подобныхъ обстоятельствахъ должна себя вести недисциплинированная полупьяная толпа. Рѣшеніе маршала Сульта атаковать оба противоположные фланги города, разсчитывая на впечатлительность вооруженныхъ, но мало дисциплинированныхъ массъ, весьма поучительно.

«Думаю, что подъ Монрамомъ 22 августа 1875 г. результатъ былъ бы еще полнѣе, если бы мы сильнѣе и раньше демонстрировали бы нашимъ правымъ флангомъ и, выждавъ результатъ, стремительно атаковали бы центръ. Штурмъ Опорто не слѣдуетъ терять изъ виду при составленіи предположеній атаки открытою силою нашихъ средне-азіатскихъ городовъ и укрѣпленныхъ ауловъ. Стремительная атака главнаго резерва дивизіи Меримé въ центръ позиціи и когда успѣхъ окончательно обрисовался, молодецкій натискъ двухъ полковъ, черезъ весь городъ къ стратегическому ключу — мосту на Дуро, да послужатъ указаніемъ, какими способами организованное и дисциплинированное войско должно обезпечивать за собою успѣхъ.

«Надо помнить, что мы, войска, понимаемъ по своему побѣду и пораженіе и что въ нашей оцѣнкѣ этихъ явленій всегда проглядываетъ извѣстная доля поклоненія преданію и искусству; въ борьбѣ же съ вооруженными массами надо кровью нагнать страхъ, нанести матеріальный ущербъ. Послѣднее особенно важно въ борьбѣ съ азіатскими народами. Съ ними эти соображенія составляютъ краеугольныя основанія при выборѣ того или другаго способа дѣйствій. Скобелевъ».

«18-го іюня 1880 г.».

Съ правой стороны этой карты, вверху, написано М. Д. Скобелевымъ карандашемъ:

«Препровождаю штурмъ г. Опорто для прочтенія начальнику инженеровъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ. Дѣйствіе 2 полковъ дивизіи Мериме могло бы быть примѣнено къ Яныкала, если драгунъ и 2 спѣшанныя сотни пустить съ юга вдоль всего кишлака, когда обрисуется штурмъ сѣверной окраины. Скобелевъ».

«17-го декабря 1880 г.
Самурское».

Съ правой стороны этой карты, внизу, написано М. Д. Скобелевымъ чернилами:

«Секретно».

«Глубокоуважаемому, сердцу русскому дорогому Василію Васильевичу къ свѣдѣнію, не безъ извѣстной гордости моей. Скобелевъ».

«4-го августа 1881 г.
Село Спасское».

Поправка.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1888 г., томъ LX, декабрь, въ «Воспоминаніяхъ В. В. Верещагина», стр. 674, строка 14 снизу, напечатано: Струковъ разсорился, слѣд. читать: Струковъ разговорился.

ИВАНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ КРАМСКОЙ

къ его характеристикѣ.

Съ насупленными бровями и наморщеннымъ лбомъ, всегда резонировавшій въ рѣчи и живописи, Крамской былъ все-таки симпатиченъ и своею любовью къ труду, и своими попытками «смотрѣть въ глубь вещей». Человѣку, учившемуся не на мѣдные гроши, часто было тяжко выслушивать его доморощенную философію, которую я называлъ, не стѣсняясь, «дьячковскою». Послѣ нѣсколькихъ атакъ, свѣже вычитанными заключеніями, Крамской обыкновенно ретировался отъ меня со словами:

— «Вишь ты, къ вамъ и не подступишься!»

Какъ-то въ Парижѣ, подъ впечатлѣніемъ прочитанной книги, онъ сталъ увѣрять, что чувства наши, можетъ быть, обманываютъ насъ и все существующее въ сущности, можетъ быть, вовсе не существуетъ...

— Да мостовая-то, по которой мы съ вами теперь идемъ, существуетъ или не существуетъ, какъ по вашему? спросилъ я его.

— А почемъ знать, можетъ быть, и это обманъ чувствъ...

— Ну, такъ вамъ нужны холодныя души!

Однако, не смотря на частыя пререканія этого рода, мы перестали видѣться лишь въ послѣднія 6, 7 лѣтъ его жизни, когда онъ сталъ очень тяжелъ и скученъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ своей болѣзни. Помню, мнѣ случалось часто безцеремонно критиковать работы Крамскаго, говорить, что онъ пишетъ картины по аптекарски, отпуская краски крохотными дозами и лѣпя рядомъ на лицѣ, въ одномъ и томъ же заведенномъ имъ порядкѣ, розовый, желтый, зеленоватый, рыжій и др. тона; мнѣ случалось говорить, что онъ разсуждаетъ, какъ мудреный дьячекъ, и что Г. правъ, увѣряя, что «Крамской добрый малый, но съ недостаткомъ: какъ ступитъ шагъ, такъ и начинаетъ артезіанскій колодезь рыть». Все это услужливые люди, разумѣется, съ добавленіями, переносили ему и послѣ неудачи

еще съ моимъ портретомъ милѣйшій К. разсердился на меня такъ, какъ только можетъ разсердиться безнадежно больной человѣкъ на здороваго и отступившійся отъ прежняго идеала художникъ на смѣло несущаго его впередъ собрата.

* * *

Крамской былъ старше меня по классамъ академіи; онъ почти кончалъ академическое образованіе, когда я начиналъ его; помню, онъ обращалъ на себя вниманіе своимъ правильнымъ рисункомъ, хотя уже и въ то время сказывался у него недостатокъ чутья къ краскамъ—сильные, правильные рисунки его дѣлались иногда на бѣломъ фонѣ, что мнѣ рѣзало глазъ.

Обладая недюжиннымъ дарованіемъ, онъ написалъ много очень похожихъ портретовъ, но не произвелъ ни одной, изъ ряду вонъ выходящей, картины. Лучшею изъ его картинъ я считаю «Неутѣшное горе». Не смотря на то, что тутъ выставленныя «воспоминанія» азбучны, фигура женщины очень хороша и выразительна. «Христосъ въ пустынѣ» много ниже: мнѣ, бывшему въ Палестинѣ и изучившему страну и людей, непонятна эта фигура въ цвѣтной суконной одеждѣ, въ какой-то крымской, но никакъ ужъ не палестинской, пустынѣ, съ мускулами и жилами, натянутыми до такой степени, что, конечно, никакой натурщикъ не выдерживалъ такой «позы» болѣе одной минуты. Да и что за ребяческое представленіе о напряженіи мысли, сказывающемся напряженіемъ мускуловъ!

Типы Крамскаго изъ простонародія хороши, но, напр., типы въ картинѣ «Русалка» не выдерживаютъ самого снисходительнаго разбора.

Портреты очень хороши, не красками, по большей части фіолетовыми и какъ-то аптечно разноцвѣтными, а сходствомъ, дѣйствительно, иногда поразительнымъ. Я не знаю у насъ другаго художника, который такъ схватывалъ бы характеръ лица. Даже портреты Рѣпина, много превосходя силою красокъ, пожалуй, уступаютъ силою передачи выраженія индивидуальности.

Что касается того большаго полотна, надъ которымъ Крамской трудился 15 лѣтъ, въ которое вложилъ свои лучшія силы и сокровеннѣйшіе помыслы, то надобно прямо сказать, что оно ниже критики.

Крамской просто срѣзался на серьезнѣйшемъ трудѣ своей жизни и на невозможномъ фонѣ какихъ-то фантастическихъ зданій явилъ (послѣ столькихъ лѣтъ ожиданія) не написанную, а вымученную голову Христа, не только плохо исполненную, но, страшно сказать, банальную, вылитый портретъ пошло-красиваго тенора Николини! То-же убійственное выраженіе въ этой головѣ и на эскизахъ и на скульптурныхъ попыткахъ, варварски раскрашенныхъ самимъ художникомъ.

Ошибка громадная, непоправимая, которую Крамской долженъ былъ чувствовать, и которая, вѣроятно, прибавила не мало горечи характеру впечатлительнаго художника, рвавшагося сказать свое слово въ искусствѣ, но задавленнаго урочнымъ трудомъ, недостаткомъ научнаго образованія и тяжелымъ хроническимъ недугомъ.

* *
*

Я познакомился съ Крамскимъ въ 1874 году, по открытіи моей Туркестанской выставки, когда онъ восторженно отнесся къ моимъ работамъ. Письмо его о моихъ картинахъ, дѣлающее честь искренности его порыва, не знаю почему не напечатано между другими его письмами. Мы встрѣчались затѣмъ хотя изрѣдка, но весьма сердечно. Помню, онъ немного обидѣлся, когда въ Парижѣ не могъ попасть въ мою мастерскую, полную тогда и этюдовъ, исполненныхъ въ Индіи, и большихъ полотенъ новоначатыхъ работъ. Онъ говорилъ о сбитыхъ у меня въ кучу свернутыхъ полотнахъ и проч. съ моего голоса—я не показалъ ему ничего, не смотря на настойчивыя просьбы, и это просто потому, что вообще не люблю показывать кому бы то ни было начатыя, невыяснившіяся и для самого себя, работы.

Еще тогда Крамской предлагалъ мнѣ написать портретъ мой, но я отклонилъ, зная по опыту, что обѣщаніе кончить къ одинъ или два сеанса обыкновенно не сдерживается и надобно потерять 4, 5, 6 дней.

Послѣ выставки моей въ Петербургѣ въ 1880 году онъ снова просилъ позволенія написать мой портретъ и такъ настойчиво, что я обѣщалъ сидѣть, какъ только выберу время; вышло, однако, что мнѣ пришлось, наскоро собравшись, уѣхать изъ Питера и я письменно извинился передъ Крамскимъ, обѣщая высидѣть въ другой разъ.

Въ 1883 году я выбралъ, наконецъ, время для этого злополучнаго портрета и пріѣхалъ въ мастерскую Крамскаго. Первый сеансъ затянулся страшно долго; огонь въ каминѣ давно уже погасъ и въ мастерской сдѣлалось холодно, а Крамской все просилъ посидѣть еще, «еще немножко», «еще четверть часика», «минуточку»! Я страшно передрогъ и лишь добрался до гостинницы, какъ меня схватилъ сильнѣйшій припадокъ азіатской лихорадки. Помню, что въ продолженіе всей ночи у меня было лишь одно желаніе—позвонить, позвать слугу, но я не могъ этого сдѣлать, потому что всякое малѣйшее движеніе вызывало самую жгучую дрожь. Только люди, страдавшіе 25 лѣтъ сряду восточною, перемежающеюся лихорадкою, могутъ понять это удовольствіе. Когда послѣ нѣсколькихъ дней болѣзни я случайно встрѣтился съ Крамскимъ и разсказалъ о томъ, что случилось, онъ, кажется, даже не повѣрилъ и по обыкновенію

пустился разсуждать о вліяніи тепла и холода на организмъ..... даже досада меня взяла!

Вскорѣ онъ написалъ мнѣ, прося привезти съ собою нѣсколько индѣйскихъ вещей, индѣйскій коверъ, если можно, такъ какъ намѣревался-де представить меня на индѣйскомъ фонѣ, съ пледомъ на рукѣ и проч. — очевидно, онъ самъ былъ заинтересованъ и меня хотѣлъ заинтересовать портретомъ. Но я рѣшилъ, что больше калачами меня не заманишь—и не поѣхалъ вовсе. Тутъ мой Крамской разсердился по всѣмъ правиламъ: «и невѣжа-то, и обманщикъ, и мазилка-то я», даже сочинилъ на меня безъимянную статью для одной большой газеты.....

«Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно».

И спалъ, и видѣлъ бѣдный Крамской, если не картинами, то хоть портретами, заслужить европейскую извѣстность; не мало предположеній его въ этомъ смыслѣ я выслушалъ и, по мѣрѣ силъ и умѣнья, направилъ — не выгорѣло и давай финтить: «я дескать не то, что другіе, я не ищу извѣстности, не гонюсь за славою....» Дурная, не искренняя черта въ талантливомъ и не глупомъ художникѣ!

P. S. Разсказъ Крамскаго о Ледаковѣ, въ своемъ родѣ, маленькій перлъ, который былъ бы болѣе невиненъ, если бы не былъ адресованъ къ художественному критику. Ледаковъ мой товарищъ по академіи; мы вмѣстѣ писали и рисовали въ натурномъ классѣ. Не видѣвшись съ нимъ 15 лѣтъ, я естественно пожалъ ему руку и поболталъ съ нимъ о прошломъ и настоящемъ. Что можетъ быть проще и натуральнѣе этого? Если бы мы были прежде болѣе близки, то, вѣроятно, обнялись бы и облобызались — вотъ былъ бы Крамскому предметъ для глубокихъ выводовъ!

В. В. Верещагинъ.

ИВАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГОНЧАРОВЪ.

Очеркъ къ его портрету.

1812—1889.

I.

Берега Волги—вотъ мѣсто, 1812-й годъ вотъ время рожденія нашего маститаго романиста—одного изъ славной стаи литературныхъ орловъ великой эпохи Александра II.

Рано лишившись отца, Иванъ Александровичъ получилъ первоначальное воспитаніе въ частномъ пансіонѣ въ своемъ родномъ Симбирскѣ. Затѣмъ онъ былъ отвезенъ въ одну изъ московскихъ гимназій, а въ 1831 г. поступилъ на историко-филологическій факультетъ московскаго университета.

Объ этой порѣ его жизни знаемъ мы всего болѣе, благодаря недавно напечатаннымъ воспоминаніямъ о ней самого И. А. (см. 9 т. полнаго собранія его сочиненій). Тогда „не было никакой платы съ студентовъ; правительство помогало только бѣднымъ студентамъ тѣмъ, что давало имъ квартиру и столъ"…. „Надъ нами, говоритъ И. А. Гончаровъ, не было никакого авторитета, кромѣ авторитета науки и ея преподавателей. Начальства какъ будто никакого не было". Такое положеніе нѣсколько измѣнилось къ концу пребыванія нашего писателя въ университетѣ—когда помощникомъ попечителя былъ назначенъ Д. П. Голохвастовъ. Изъ профессоровъ И. А. Гончаровъ съ особенною признательностью вспоминаетъ о Каченовскомъ, Надеждинѣ, Шевыревѣ, Погодинѣ. Ему пришлось присутствовать

при спорѣ, происходившемъ въ аудиторіи Каченовскаго между профессоромъ-скептикомъ и Пушкинымъ изъ-за „Слова о полку Игоревѣ", подлинность котораго горячо отстаивалась поэтомъ. Изъ студентовъ Ивану Александровичу не пришлось уже застать въ университетѣ ни Бѣлинскаго, ни Герцена, но онъ засталъ еще Лермонтова (вскорѣ переѣхавшаго въ Петербургъ), Станкевича, К. Аксакова, Строева, Бодянскаго....

По окончаніи университетскаго курса въ 1835 г. Иванъ Александровичъ отправился на родину. Относящаяся сюда часть его воспоминаній уже не можетъ намъ служить вполнѣ надежнымъ руководствомъ, такъ какъ, по его собственному свидѣтельству, тутъ надо искать „не голой правды, а правдоподобія", и все описываемое тутъ „не столько было, сколько бывало" (т. е., какъ и въ автобіографіи Гёте, тутъ не исключительно Wahrheit, но и Dichtung).

Извѣстно, что еще въ университетѣ И. А. сталъ уже заниматься переводами съ иностранныхъ языковъ, печатавшимися въ современныхъ журналахъ. Первые его оригинальные опыты помѣщались въ рукописномъ журналѣ [1]), издававшемся въ семействѣ Н. А. Майкова (отца нашего извѣстнаго поэта), съ которымъ И. А. познакомился по переѣздѣ своемъ въ Петербургъ, гдѣ онъ поступилъ на службу по министерству финансовъ. Только много лѣтъ спустя, появился въ печати его первый романъ— „Обыкновенная исторія" („Современникъ" 1847 г.), успѣхъ котораго близко подходилъ къ успѣху „Бѣдныхъ людей" Ѳ. М. Достоевскаго. Оба произведенія были съ жаромъ привѣтствованы Бѣлинскимъ. Позже „Обыкновенной исторіи" (въ слѣдующемъ 1848 г., въ томъ же „Современникѣ") напечатаны были очерки подъ заглавіемъ „Иванъ Савичъ Поджабринъ", написанные еще въ 1842 г. и мало замѣченные собственно потому, что появились послѣ „Обыкновенной исторіи" (авторъ не включилъ ихъ въ полное собраніе своихъ сочиненій). Публика была уже знакома съ отрывкомъ изъ будущаго знаменитаго романа „Обломовъ", который представлялъ и самъ по себѣ нѣчто цѣльное, появившись подъ заглавіемъ: „Сонъ Обломова", когда нашему автору представился случай (въ 1852 г.) отправиться въ трехлѣтнее дальнее

---

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1888 г., томъ LVIII, май, стр. 531—534.

путешествіе въ качествѣ переводчика-секретаря при начальникѣ экспедиціи въ Сѣверную Америку и Японію. Описаніе этого путешествія, какъ извѣстно, печаталось имъ сперва частями въ различныхъ журналахъ, а затѣмъ вышло въ свѣтъ и отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: «Фрегатъ Паллада» (1858 г.).

Между тѣмъ, вскорѣ по возвращеніи изъ путешествія, И. А. перешелъ въ министерство народнаго просвѣщенія на должность цензора. Тутъ имъ былъ приведенъ къ концу давно задуманный романъ «Обломовъ», появившійся въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1858 г. Новымъ эпизодомъ его служебнаго поприща было назначеніе его въ 1862 г. главнымъ редакторомъ газеты министерства внутреннихъ дѣлъ, а въ 1863 г. членомъ совѣта по дѣламъ печати. Давно уже занимала И. А. тема новаго большаго романа, отдѣльные эпизоды котораго вскорѣ и появились въ „Современникѣ". Въ полномъ же видѣ романъ этотъ, какъ извѣстно, былъ напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы" 1868—69 гг. Это тотъ, послужившій для многихъ какимъ-то камнемъ преткновенія „Обрывъ", которымъ въ сущности и обрывается творческая дѣятельность И. А. Гончарова. Затѣмъ появлялись только небольшіе очерки: «Мильонъ терзаній» (по поводу представленія «Горя отъ ума»); «Литературный вечеръ», «Замѣтки о Бѣлинскомъ» и «Лучше поздно, чѣмъ никогда» (родъ авторскаго комментарія къ своимъ сочиненіямъ), а въ самое послѣднее время вышеупомянутыя «Воспоминанія» (I. Въ университетѣ. II. На родинѣ) и четыре очерка подъ общимъ заглавіемъ: «Слуги». Всѣ эти литературныя мелочи, отмѣченныя, конечно, печатью того же выдающагося таланта, вошли въ составъ 8 и 9 т. Полнаго собранія сочиненій И. А. Гончарова. (Изданіе Глазунова) [1].

---

[1]) Біографическій очеркъ И. А. Гончарова былъ помѣщенъ еще въ «Русскомъ Художественномъ Листкѣ» 1859 г. (статья И. С. Ремезова). Затѣмъ такой очеркъ вошелъ въ исторію русской литературы П. Н. Полеваго. О. М.

II.

Одинъ изъ постоянныхъ любимцевъ публики, И. А. Гончаровъ далеко, однако же, не является постояннымъ любимцемъ критики. Судьба его въ этомъ отношеніи отчасти напоминаетъ судьбу Ѳ. М. Достоевскаго. Бѣлинскій на первыхъ же порахъ призналъ въ Гончаровѣ большой талантъ — талантъ чисто объективный. Но уже Бѣлинскій находилъ при этомъ развязку романа неестественною, полагая, что вмѣсто того прозаическаго брака, какимъ кончаетъ Ал. Адуевъ, слѣдовало бы дать ему обратиться въ мистика, фанатика, сектанта (!!!). Другой даровитый критикъ, пошедшій своимъ особымъ путемъ, Ап. Григорьевъ, съ одной стороны обратившій вниманіе не только на «Обыкновенную исторію», но и на «Ивана Савича Поджабрина», съ другой стороны находилъ, что «оба эти произведенія — собственно не художественныя созданія, а этюды, хотя, правда, этюды, блестящіе яркимъ жизненнымъ колоритомъ, выказывающіе несомнѣнный талантъ высокаго художника, но художника, у котораго анализъ, и притомъ очень дешевый и поверхностный анализъ, подъѣлъ всѣ основы, всѣ корни дѣятельности». Это можетъ еще быть справедливымъ относительно «Поджабрина». Первое произведеніе Гончарова, дѣйствительно, только аналитическій этюдъ—мастерской набросокъ русскаго Донъ-Жуана изъ чиновничьяго мірка, попадающаго въ просакъ, но выпутывающагося изъ бѣды самымъ обыкновеннымъ способомъ,—давно уже имъ испытаннымъ способомъ переѣзда на новую квартиру. Но «Обыкновенная исторія» далеко не этюдъ, а глубоко задуманная и безукоризненно выполненная картина. Ап. Григорьевъ заподозрѣлъ художника въ намѣреніи принести поэзію жизни (молодой Адуевъ) въ жертву жизненной прозѣ (дядя), взглядъ, проглянувшій уже у Бѣлинскаго, считавшаго Ал. Адуева способнымъ дойти до мистическаго экстаза и только не допущеннымъ до того прихотью автора. Но Ап. Григорьевъ побилъ самого себя, признавъ, что «стремленіе къ идеалу не признаетъ своего питомца въ Ал. Адуевѣ, и иронія пропала здѣсь задаромъ». На самомъ же дѣлѣ она вовсе не пропала, такъ какъ

И. А. Гончаровъ имѣлъ въ виду убить ею и, дѣйствительно, убилъ только выросшій на почвѣ крѣпостнаго барства безплодный, заоблачный, дрянненькій идеализмъ, а вовсе и не думалъ развѣнчивать идеализма прямаго, жизненнаго. Между тѣмъ заподозрѣваніе автора въ этомъ послѣднемъ сказалось и у другихъ критиковъ—Алкандрова (если не ошибаемся, старый псевдонимъ г. Скабичевскаго) и—какъ это ни странно на первый взглядъ—такого завзятаго реалиста, какъ Писаревъ, который также принялъ Ал. Адуева подъ свое покровительство противъ яко-бы несправедливаго къ нему автора.

Болѣе, если угодно, посчастливилось «Обломову», если имѣть въ виду то, что его глубокое культурно-бытовое значенье у насъ такъ блистательно выяснено было Добролюбовымъ. Даровитый и во многомъ столь симпатичный критикъ не даромъ спросилъ въ самомъ заглавіи своей статьи: что такое обломовщина? Гончаровъ, дѣйствительно, указалъ своимъ героемъ на особую стихію въ нашей жизни—живую, увы! и по сію пору, живую до того, что нельзя даже и предвидѣть ея похоронъ. Адуевщина (не дядюшкина, а племянникова) давно отжила свой вѣкъ, а обломовщина—нѣтъ, какъ не отжила фамусовщина, репетиловщина, молчалинство, хлестаковщина, карамазовщина (вѣдь корни нѣкоторыхъ изъ этихъ явленій глубоко скрываются въ исторической старинѣ). Между тѣмъ уже Писаревъ усмотрѣлъ въ Обломовѣ—какъ это опять ни странно на первый взглядъ—какую-то «клевету на русскую жизнь» и отчасти обидѣлся нѣмецкимъ происхожденіемъ Штольца. Гораздо уже понятнѣе, разумѣется, подобнаго рода нерасположеніе къ Штольцу Ап. Григорьева, склонявшагося, какъ извѣстно, къ народной точкѣ зрѣнія. Ап. Григорьевъ съумѣлъ замѣтить зато и многое сочувственное въ Обломовѣ, дающее полное право предпочесть его Штольцу (безъ сомнѣнія не удавшемуся въ художественномъ смыслѣ, не живому лицу, а ходячей уликѣ обломовщинѣ). Впрочемъ, Ап. Григорьевъ указалъ на такія стороны въ Обломовѣ болѣе устами другаго критика—Де-Пуле, заимствовавъ эти слова изъ его не напечатанной статьи, въ которой онъ налегалъ на „любящую, чистую, поэтическую натуру“ Обломова, вполнѣ признаваемую въ немъ самимъ Штольцемъ [1]). Вся задача въ томъ, чтобы всѣ такія

[1]) См. сочиненія А. А. Григорьева, т. I, стр. 420—422.

качества Штольца стали, наконецъ, приносить жизненные плоды. Объ этомъ-то и заботится такъ долго, на это надѣется и восторженно въ это вѣритъ Ольга, пока ей не приходится убѣдиться, что все это такъ и останется въ немъ только на степени возможнаго, а не существующаго въ самомъ дѣлѣ. Въ этомъ-то и глубокая сущность романа. Между тѣмъ тотъ же Ап. Григорьевъ, по какой-то особой причудѣ, выразился объ Ольгѣ, будто изъ нея подъ старость «выйдетъ преотвратительная барыня съ вѣчною и безцѣльною нервною тревожностью, истинная мучительница всего окружающаго, одна изъ жертвъ Богъ знаетъ чего-то», и будто бы не одинъ Обломовъ долженъ ей предпочесть Агаѳью Ѳедосѣевну «не потому только, что у нея локти соблазнительны и что она хорошо готовитъ пироги», но и потому, что «она гораздо болѣе женщина, чѣмъ Ольга». Такимъ образомъ и надъ «Обломовымъ», въ концѣ концовъ, критика помудрила всласть [1]).

Всего менѣе, однако же, повезло „Обрыву". Въ немъ признавали превосходныя частности, но не признавали произведенія въ цѣломъ, не видя въ немъ именно цѣльности. Этому, конечно, содѣйствовало то, что, задуманный давно, еще до окончанія „Обломова", романъ писался долго, отдѣльными эпизодами. Но критика ошиблась, признавая Марка Волохова насильно втиснутымъ въ романъ, не мыслимымъ въ пору, предшествовавшую освобожденію крестьянъ. Вѣдь и Тургеневскій Базаровъ выставленъ предшествующимъ великой реформѣ. Что тутъ нѣтъ никакой авторской ошибки, что подобный типъ сталъ слагаться у насъ при самомъ началѣ таянія отъ наступившей оттепели, это когда нибудь докажетъ исторія. Критика, съ другой стороны, имѣла право указывать на нѣкоторыя преувеличенія въ Маркѣ, пожалуй, даже на его каррикатурность (хотя самъ же г. Шелгуновъ вспомнилъ объ одномъ новоузенскомъ молодомъ докторѣ, пошедшемъ кое въ чемъ еще дальше Марка), но критика совершенно напрасно не хотѣла признать вполнѣ вѣрно переданными самыя основы

[1]) Напомнимъ, что по поводу «Обломова» нашимъ незабвеннымъ педагогомъ В. Я. Стоюнинымъ высказаны были прекрасныя мысли о важности нормальнаго образованія женщины, отъ которой, по его словамъ, «пойдетъ свѣтъ на новое поколѣніе» («Русскій Міръ» 1859 г. № 20 и 21). О. М.

его доктрины, напрасно одинъ изъ ея представителей озаглавилъ съ сердцовъ свою статью объ „Обрывѣ“ — „Талантливая безталанность“ и, признавая въ ней художественное дарованіе И. А. Гончарова, вовсе не признавалъ въ авторѣ ума (!) [1]). Столь же придирчивою къ автору оказывалась критика и изъ-за его Вѣры — ради того, что она не вполнѣ порвала связь со всѣмъ старымъ. Въ жизни, по большей части, такого полнаго разрыва не бываетъ; его, правду сказать, и не должно быть. Настоящая жизнь, жизнь органическая (а не угорѣлое скаканіе изъ стороны въ сторону) и въ самыхъ лучшихъ своихъ представителяхъ постоянно даетъ намъ такихъ „героевъ и героинь“, которыхъ, съ точки зрѣнія г-жи Цебриковой, пришлось бы выдавать огуломъ за „псевдо-новыхъ“ [2]). Въ каждой новой правдѣ всегда остается многое отъ той „старой правды“, въ которой уличаетъ г. Скабичевскій И. А. Гончарова самымъ заглавіемъ своей статьи, кончающейся тѣмъ, будто выдуманностью своего Марка нашъ романистъ можетъ только научить молодое поколѣніе несуществующему злу [3]). Но г. Скабичевскій совершенно вѣрно налегаетъ на замаскированный сенсуализмъ въ художническихъ вожделѣньяхъ Райскаго и видитъ въ этомъ типѣ „страшный приговоръ надъ всѣмъ поколѣніемъ его времени“. Но вѣдь И. А. Гончаровъ и не думалъ выставлять намъ Райскаго идеаломъ. Правъ былъ критикъ и въ своемъ замѣчаніи, что, заставляя Вѣру упасть въ объятія Марка, авторъ разрушилъ всякую иллюзію романа. Въ самомъ дѣлѣ, признавая вполнѣ возможнымъ увлеченіе Вѣры надеждою очеловѣчить Марка тою вѣчною правдою, которая звучитъ въ ея убѣжденіяхъ, мы не можемъ признать такое существо, какъ она, способнымъ, и вполнѣ разочаровавшись въ своей надеждѣ, отдаться ему, т. е. подтвердить своимъ же примѣромъ его ученье о томъ, что все сводится въ человѣкѣ на одну, такъ называемую, природу, т. е. неудержимую чувственность. Въ этомъ положительная ошибка романа, который такимъ образомъ можетъ имѣть въ самомъ дѣлѣ не желательное

---

[1]) «Дѣло» 1869 г., августъ.
[2]) См. «Отеч. Записки» 1870 г., май (статья «Псевдо-новая героиня»).
[3]) «Отеч. Записки» 1869 г., октябрь (статья «Старая правда»).

для самого автора дѣйствіе на читателя, колебля въ немъ вѣру въ устойчивость человѣческаго достоинства [1]).

III.

Изъ Очерковъ И. А. Гончарова особеннаго вниманія заслуживаетъ, конечно, „Мильонъ терзаній". Это едва ли не лучшее, что было у насъ когда либо писано о знаменитой комедіи Грибоѣдова. Прямо противоположно Пушкину, пашъ авторъ видитъ въ Чацкомъ и убѣдительно выставляетъ въ немъ читателю—живаго человѣка.

Въ „Воспоминаніяхъ", посвященныхъ времени пребыванія послѣ университета „на родинѣ", художественная струнка несомнѣнно звучитъ въ образѣ губернатора Лужицкаго. Тонкій психологическій анализъ ярко проглядываетъ и въ „Слугахъ стараго вѣка", т. е. собственно въ первомъ и послѣднемъ изъ нихъ—литературно-настроенномъ Валентинѣ и скряжничающемъ Матвѣѣ, котораго среди самыхъ невозможныхъ лишеній поддерживаетъ животворная мысль — не о какой нибудь новой шинели (какъ Гоголевскаго Акакія Акакіевича), а о томъ, какъ бы выкупиться изъ крѣпостнаго состоянія.

Встрѣчаясь въ послѣднихъ томахъ Собранія сочиненій И. А. Гончарова съ такими все же только мелочами, невольно приходится сѣтовать, что со времени появленія „Обрыва" (1869 г.) онъ не далъ уже намъ ничего равносильнаго. Неужели на него подѣйствовала несправедливость критики? Не такимъ бы величинамъ считаться съ ея болѣе или менѣе личными счетами и даже просто причудами.

---

[1]) Мы подробно коснулись этого во второмъ томѣ нашихъ «Русскихъ писателей послѣ Гоголя». Вполнѣ сдержанно отнесся къ «Обрыву» тогда еще начинавшій писатель А. И. Пезеленовъ (въ «Зарѣ» 1870 г., май). Укажемъ еще на статью объ И. А. Гончаровѣ покойнаго П. Соловьева (Искусство и жизнь, т. 3).

О. М.

IV.

Въ Альбомъ редактора „Русской Старины“ [1]) занесены горячія слова И. А. Гончарова: „Прахъ многихъ изъ авторовъ возмущается, конечно, если только знаетъ или чувствуетъ то, что огласили послѣ ихъ смерти сокровенную черновую работу творчества, которая совершается въ духѣ постепенности, пока дойдетъ до окончательной отдѣлки. Творецъ хотѣлъ, конечно, представить свой chef-d'oeuvre, а между тѣмъ равнодушные потомки самовольно обнажаютъ зародышъ и т. д. до болѣе подробнаго развитія“.

Намъ кажется, что въ самомъ дѣлѣ нельзя пользоваться чѣмъ либо для печати противъ воли автора или не спросясь у него, т. е. нельзя при его жизни. Послѣ же своей смерти писатель, а тѣмъ болѣе великій писатель, уже всецѣло принадлежитъ потомству, желающему и имѣющему право вполнѣ его разгадать. Тутъ уже всякая утайка представляется незаконною. Да и на что она при истинномъ величіи отошедшаго отъ насъ духа? Такое величіе всегда устоитъ,—при всѣхъ даже не только художническихъ, но и человѣческихъ изъянахъ, которыхъ скрывать не слѣдуетъ. Это былъ бы грѣхъ противъ правды, т. е. того великаго героя, о которомъ говорилъ Л. Н. Толстой въ своихъ севастопольскихъ очеркахъ, и который сталъ властелиномъ всего новѣйшаго періода нашей литературы—въ лицѣ, разумѣется, ея лучшихъ, ея прямыхъ представителей.

Ор. Ѳ. Миллеръ.

---

[1] «Знакомые. Альбомъ М. И. Семевскаго, ред.-изд. «Русской Старины», Спб., 8 д., изд. 1888 г., стр. 61—65.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XXXIX [1]).

Тучкову.

(2-го іюля).

Я не знаю, другъ, что значитъ слово мать,
Я знаю—въ немъ есть міръ любви чудесный,
Я знаю—мать прискорбно потерять
И сиротой докончить путь безвѣстный.
Я матери лишился съ дѣтскихъ лѣтъ,
И нѣтъ ея въ моемъ воспоминаньи,
Но сколько разъ, забывъ земной нашъ свѣтъ,
Носился къ ней я въ пламенномъ желаньи.
И знаемъ, другъ, душѣ въ ея скорбяхъ
Есть тайное, святое утѣшенье
Знать, что душа родная въ небесахъ
Ее хранитъ и въ горѣ и въ смятеньи.
И вотъ, когда вечернею порой
Ты взглянешь вдругъ на небо голубое—
Подумаешь: вотъ матери родной
Съ любовью тѣнь несется надо мною,
И вотъ, когда толпу людей пустыхъ
Вдругъ оскорбилъ, въ порывѣ благородномъ,
Ты правды чистой голосомъ свободнымъ,—
Тебѣ не страшны будутъ козни ихъ:
Вѣдь на тебя изъ горнаго селенья
Взираетъ мать съ улыбкой одобренья.

Н. Огаревъ.

Чертково. 1839 г.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1888 и 1889 гг.

9-го февраля 1889.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ

ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Двадцатипятилѣтняя годовщина его учрежденія.

1864 $\frac{\text{февраля}}{9.}$ 1889.

[«Русская Старина» изд. 1889 г., т. LXI, мартъ].

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ

военно-учебныхъ заведеній

въ 1864—1889 гг.

Въ 1864 г. при военно-учебныхъ заведеніяхъ, по почину бывшаго главнаго ихъ начальника, генералъ-адъютанта Николая Васильевича Исакова, основанъ въ С.-Петербургѣ Педагогическій Музей.

Бывшій военный министръ, графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, съ обычною ему просвѣщенною отзывчивостью ко всему, что клонилось къ упроченію и развитію дѣла образованія, энергично поддержалъ возникшее учрежденіе.

Во главѣ постоянной комиссіи музея, въ 1870 году, былъ поставленъ одинъ изъ питомцевъ академіи генеральнаго штаба—В. П. Коховскій, нынѣ генералъ-маіоръ, посвятившій массу времени и просвѣщенной энергіи на дѣло, ему ввѣренное, по устройству и развитію дѣятельности Педагогическаго Музея. Нынѣшній военный министръ, генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій, и начальникъ военно-учебныхъ заведеній, генералъ Н. А. Махотинъ, весьма сочувственно относятся къ дѣятельности этого учрежденія. По ихъ просвѣщенному предстательству Педагогическому Музею даровано Высочайше утвержденное положеніе, вводящее его въ систему правительственныхъ учрежденій.

Съ 1871 г. учрежденіе это переведено въ такъ называемый Соляной Городокъ, на Пантелеймоновскую улицу и Фонтанку, противъ Лѣтняго сада.

9-го февраля 1889 г. исполнилось четверть вѣка со времени основанія этого учрежденія. Комитетъ, стоящій во главѣ его, рѣшился ознаменовать этотъ день торжественнымъ засѣданіемъ и прежде всего, конечно, общею молитвою за дальнѣйшее процвѣтаніе этого заведенія.

За нѣсколько дней до этого торжества, пишущій эти строки, въ качествѣ гласнаго с.-петербургской городской думы, внесъ предложеніе въ засѣданіи думы о принятіи участія городскимъ общественнымъ управленіемъ въ помянутомъ торжествѣ. Въ рѣчи, сказанной при этомъ случаѣ, мы представили очеркъ этого учрежденія.

«Дѣятельность Педагогическаго музея, какъ извѣстно, весьма разнообразна и вся она направлена къ упроченію и развитію дѣла народнаго образованія и устроенію всевозможныхъ пособій для нагляднаго обученія и образованія какъ въ низшихъ, такъ и въ среднихъ и даже въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ этою цѣлью музей заботами своими составилъ обширнѣйшія коллекціи пособій, общая цѣнность которыхъ достигаетъ до 120,000 руб. По многимъ предметамъ обученія коллекціи этихъ пособій представляютъ хорошій систематическій подборъ. На выставкахъ въ Петербургѣ въ 1870 г., въ Москвѣ въ 1872 г., на нѣсколькихъ спеціальныхъ своихъ педагогическихъ выставкахъ, наконецъ, на международныхъ выставкахъ въ Парижѣ, Брюсселѣ, Лондонѣ, Филадельфіи, Венеціи Петербургскій Педагогическій музей снискалъ всеобщее одобреніе, а на международномъ географическомъ конгрессѣ въ Парижѣ въ 1875 г. единогласно было постановлено, чтобы во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ устраивались педагогическіе музеи по образцу, существующему въ Петербургѣ. Можно смѣло сказать, что не многія изъ русскихъ учрежденій доведены до такого совершенства, до какого доведенъ петербургскій педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній.

«Музей при этомъ преслѣдовалъ постоянно цѣль наивозможно большаго удешевленія всякихъ учебныхъ пособій и въ этомъ до того успѣлъ, что тѣ коллекціи, которыя прежде весьма трудно было получать, теперь дѣлаются въ Россіи, и цѣнность таковыхъ уменьшена, по крайней мѣрѣ, въ три раза. Для петербургскаго городскаго общественнаго управленія, основавшаго 250 начальныхъ училищъ, помянутая заслуга Педагогическаго Музея чрезвычайно важна, такъ какъ наши школы постоянно пользуются пособіями, выработанными и вызванными къ производству въ русскихъ мастерскихъ — именно этимъ музеемъ. Независимо отъ указанной стороны въ дѣятельности Педагогическаго Музея, должно отмѣтить, что подъ сѣнью этого учрежденія существуетъ множество спеціальныхъ педагогическихъ комиссій; общее число членовъ его комиссій доходитъ до 400 лицъ, непосредственно работающихъ въ дѣлѣ обученія и воспитанія или живо интересующихся положеніемъ въ Россіи педагогическаго дѣла. Общее же число членовъ Музея доходитъ до 750. Музеемъ напечатано до 1.200,000 экземпляровъ брошюръ для чтенія народу и для обученія въ школахъ и до 2,000 книгъ. Присутствующимъ здѣсь хорошо извѣстно, что въ аудиторіяхъ музея постоянно устраиваются народныя чтенія; на нихъ съ 1871 года перебывало болѣе 1.650,000 слушателей. Въ этомъ же учрежденіи основана первая по времени безплатная библіотека въ Петербургѣ духовно-нравственныхъ книгъ, устроенъ первый церковный народный хоръ, первый народный классъ элементарнаго обученія теоріи музыки и нотнаго церковнаго пѣнія. Кромѣ того, въ музыкальныхъ классахъ музея, обучается до 200 лицъ обоего пола музыкѣ и пѣнію.

«Сказаннаго достаточно, чтобы городская дума не осталась безучастною въ день торжества 25-ти-лѣтней годовщины Педагогическаго Музея, который съ 1888 г. высочайшею волею внесенъ въ рядъ правительственныхъ учрежденій».

Дума весьма сочувственно выслушала рѣчь гласнаго М. И. Семевскаго и на предсѣдателя городской комиссіи по народному образованію, А. А. Краевскаго, вмѣстѣ съ двумя его заѣстителями, возложена была обязанность явиться на помянутое торжественное засѣданіе Педагогическаго Музея и выразить отъ общественнаго управленія столицы поздравленіе и привѣтъ Педагогическому Музею съ его 25-ти-лѣтнею плодотворною дѣятельностью, направленною къ упроченію, облегченію и распространенію народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ вообще и въ Петербургѣ въ особенности.

9-го февраля 1889 года, въ обширной аудиторіи Педагогическаго Музея собралось нѣсколько сотъ лицъ. Торжество началось молебствіемъ, отслуженнымъ викарнымъ епископомъ Антоніемъ, соборне со многими представителями петербургскаго духовенства. Пѣлъ народный церковный хоръ. Затѣмъ воспослѣдовало открытіе торжественнаго засѣданія директоромъ Педагогическаго Музея генераломъ В. П. Коховскимъ.

Газеты передали всѣ подробности, относящіяся до этого праздника. Мы остановимся лишь на нѣсколькихъ его моментахъ и, въ виду того высокаго значенія, каковое имѣетъ Педагогическій музей въ средѣ прочихъ учрежденій, содѣйствующихъ развитію образованія въ нашемъ отечествѣ, сохранимъ на страницахъ «Русской Старины» нѣсколько актовъ, до праздника 9-го февраля 1889 г. относящихся.

Этотъ день былъ дѣйствительнымъ праздникомъ для всѣхъ лицъ, которымъ дорого дѣло просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ.

Торжество началось прочтеніемъ письма главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, генералъ-лейтенанта Н. А. Махотина, къ директору музея. Вотъ это письмо:

«М. Г. Всеволодъ Порфирьевичъ! Не предвидя возможности прибыть къ молебствію, назначенному сегодня въ Педагогическомъ Музеѣ военно-учебныхъ заведеній по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія со дня его учрежденія, считаю долгомъ обратиться къ вамъ съ просьбой передать всѣмъ просвѣщеннымъ дѣятелямъ музея мое сердечное поздравленіе.

«Но лично къ вамъ, въ особенности, относится мой привѣтъ: къ вамъ, настойчивыми и многолѣтними трудами котораго созидался Музей и успѣлъ пріобрѣсти сочувствіе не только въ нашемъ отечествѣ, но и за его предѣлами.

«Получивъ при учрежденіи Музея лишь указанія общей цѣли, для осуществленія которой онъ обязанъ былъ трудиться, вы твердо установили тотъ образцовый порядокъ по всѣмъ частямъ дѣятельности Музея, который не вызвалъ ни одного справедливаго нареканія,

но, напротивъ, привлекъ къ Музею людей, искренно преданныхъ педагогическому дѣлу. Съ горячею любовью занимаясь въ порученномъ вамъ учрежденіи, вы выработали, самою жизнью Музея, тѣ основанія для дальнѣйшей его дѣятельности, какъ учрежденія правительственнаго, которыя вошли въ положеніе о Педагогическомъ Музеѣ, удостоившееся высочайшаго утвержденія въ 6-й день іюня 1888 г.

«Если истекшая четверть столѣтія выяснила значеніе Педагогическаго Музея, какъ учрежденія общеполезнаго, то она-же навсегда связала имя ваше съ симъ учрежденіемъ, такъ какъ вы были не только ревностнымъ его созидателемъ, но и душею всего, что въ немъ установилось заслуживающаго благодарности; вамъ же досталась по праву и честь быть первымъ его директоромъ.

«Дай Богъ, чтобъ и въ грядущіе годы Педагогическій Музей, руководимый вашимъ просвѣщеннымъ умомъ и долголѣтнею опытностью, продолжалъ такъ-же честно служить дѣлу, возложенному на него высочайшею волею, и сохранилъ въ средѣ своихъ членовъ такихъ-же почтенныхъ дѣятелей, какими онъ могъ справедливо гордиться въ истекшія 25 лѣтъ.

«Примите увѣреніе въ чувствахъ моего уваженія и преданности Николай Махотинъ».

Военный министръ, генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій, привѣтствовалъ директора музея сочувственной телеграммой.

Бывшій военный министръ, графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, изъ своего прекраснаго далека, изъ Крыма, обратился къ генералу Коховскому съ самымъ сердечнымъ привѣтомъ:

— «Съ самаго основанія Педагогическаго Музея, питая глубокое сочувствіе благотворной его дѣятельности подъ просвѣщеннымъ руководствомъ вашего превосходительства, приношу въ день его двадцатипятилѣтняго юбилея сердечное поздравленіе. Искренно желаю ему продолжать и на будущее время работу на пользу просвѣщенія съ прежнимъ блестящимъ успѣхомъ. Дмитрій Милютинъ».

Съ величайшимъ интересомъ было выслушано присутствующими слѣдующее письмо:

Письмо члена госуд. совѣта, бывшаго главн. начальника военно-учебныхъ заведеній, ген.-адъютанта Исакова — директору Музея.

9-го февраля 1889 г.

«М. г. Всеволодъ Порфирьевичъ! Къ сожалѣнію, по нездоровью, я не могу принять личнаго участія въ чествованіи 25-ти-лѣтней дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній,

Къ упоминанію въ вашемъ отчетѣ о томъ, что этотъ Музей учрежденъ мною, я позволяю себѣ прибавить нѣсколько воспоминаній: впервые зародилась мысль о немъ въ 1862 году, при моемъ посѣщеніи, въ Лондонѣ, педагогическаго отдѣла кенсинстонскаго музея и учительскихъ семинарій; мнѣ казалось тогда возможнымъ положить начало подобнымъ двумъ учрежденіямъ въ московскомъ учебномъ округѣ; одно изъ осуществленій этой мысли состоялось только чрезъ нѣсколько лѣтъ и въ другомъ мѣстѣ и даже въ другомъ вѣдомствѣ и только благодаря широкой поддержкѣ графа Д. А. Милютина и той Державной волѣ въ Бозѣ почившаго Государя, которая одна могла устранить всѣ крупныя препятствія отъ новаго дѣла. Попутно, у меня есть благодарное воспоминаніе и къ Императорскому техническому обществу, которое съ своимъ предсѣдателемъ, П. А. Кочубеемъ, во главѣ было всегда нашимъ добрымъ сосѣдомъ.

«Не мало, однако-жъ, препятствій и затрудненій разнаго рода пришлось преодолѣть Педагогическому Музею и собственными силами. Каждая рубрика вашего отчета вызываетъ въ моей памяти: или тѣ узкіе пути, по которымъ приходилось ему дѣлать свои первые шаги, или тѣ стѣснительные путы, кои приходилось ему долго и безропотно нести для того только, чтобы доказать, сколь напрасно они были наложены.

«Не малое время потребовалось и на то, чтобы перестало казаться страннымъ, почему вѣдомство, руководящее 50-ю воспитательными и учебными заведеніями, считаетъ обязанностью заботиться само о разработкѣ вопросовъ воспитанія и обученія, не ожидая срока, когда они дойдутъ до него, готовыми, со стороны.

«Но все это—прошлое, въ настоящемъ мнѣ довелось недавно слышать такой невольный отзывъ: «странное учрежденіе этотъ Соляной городокъ! тамъ цѣлый день въ каждомъ углу что-нибудь дѣлается». Я былъ работникомъ только перваго часа, вы отъ него ушли далеко, и если теперь въ каждомъ углу Педагогическаго Музея что-нибудь дѣлается, то вы этого достигли вашимъ личнымъ трудомъ, большою энергіею и серьезною выдержкою въ направленіи, однажды принятомъ. Кромѣ прямой непосредственной пользы, приносимой учрежденіемъ, доведеннымъ вами до настоящаго развитія, которое у всѣхъ на глазахъ, вы разсѣяли много напрасныхъ опасеній, упорно и долго мѣшавшихъ осуществленію этой пользы. Вамъ, по праву, принадлежитъ и то чувство нравственнаго удовлетворенія за добросовѣстный трудъ, котораго вы никогда не жалѣли, и за долгую дѣятельность, которую вы посвятили служенію такой важной задачѣ, какъ распространеніе разумныхъ понятій о воспитаніи и обученіи.

«Примите, м. г., выраженіе моего искренняго уваженія и стольже искренней признательности за многое прошедшее, совмѣстно съ вами пройденное и пережитое. Николай Исаковъ».

Чтеніе этого письма сопровождалось взрывомъ самыхъ восторженныхъ рукоплесканій. Они несомнѣнно вызваны были не только самымъ содержаніемъ этого привѣта-воспоминанія, но и тою благодарною памятью, каковую оставила многолѣтняя дѣятельность этого въ высокой степени достойнѣйшаго государственнаго дѣятеля. Извѣстно, что Николай Васильевичъ, нѣкогда призванный на постъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній волею императора Александра II и по представленію графа Д. А. Милютина, явилъ себя вполнѣ человѣкомъ на высотѣ той важной задачи воспитанія русскаго юношества, выполненіе каковой было на него возложено. Обширная группа этихъ заведеній была чрезвычайно хорошо поставлена. Личный персоналъ наставниковъ и воспитателей въ нихъ пользовался, вѣроятно, и теперь пользуется славою лучшихъ педагоговъ въ русскомъ обществѣ. Вообще педагогическое и воспитательное дѣло поставлено было Н. В. Исаковымъ въ области ввѣренной ему сферы дѣятельности на такую высоту, на какую только возможно было желать это въ нашемъ отечествѣ. Личныя отношенія Николая Васильевича къ его многочисленнымъ сотрудникамъ, на какихъ бы ступеняхъ они ни стояли, согрѣтыя просвѣщенною привѣтливостью, вниманіемъ и заботливостью о нихъ и о дѣлѣ, имъ ввѣренномъ, оставили неизгладимыя воспоминанія во всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ истинное удовольствіе быть въ какихъ-либо отношеніяхъ къ этому достойнѣйшему дѣятелю. Всѣмъ этимъ, повторяю, мы объясняемъ тотъ восторгъ, съ которымъ выслушано было письмо генералъ-адъютанта Исакова, и оно конечно займетъ одну изъ лучшихъ страницъ въ исторіи Петербургскаго Педагогическаго музея.

Затѣмъ, одна за другой являлись депутаціи отъ различныхъ обществъ, учрежденій, учебныхъ заведеній и редакцій періодическихъ изданій; всѣ эти депутаціи обращались съ адресами и привѣтствіями къ директору музея, въ лицѣ его выражали сочувствіе всего русскаго общества къ плодотворной дѣятельности руководимаго имъ педагогическаго музея.

Музей, конечно, издастъ подробное описаніе всего торжества, происшедшаго въ его стѣнахъ 9-го февраля 1889 г. Здѣсь мы лишь упомянемъ, что депутаціи, явившіяся съ адресными привѣтствіями, были отъ слѣдующихъ обществъ:

Отъ общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви, съ поднесеніемъ иконы Спасителя; слушателей

духовныхъ бесѣдъ, участниковъ народнаго церковн. хора и учащихся церк.-славянскому языку;—С.Петербургской городской думы;—Комиссіи по народному образованію въ столицѣ;—С.-Петербургскаго университета; — Физико-химическагообщества;—Императорскаго Русскаго Техническаго Общества;—Фребелевскаго общества;—Комитета грамотности;—Пріюта принца П. Г. Ольденбургскаго;—Гимназіи г-жи Шаффе;—Гимназіи Л. С. Таганцевой; — Редакціи «Родникъ»;—отъ редакціи «Русская Медицина»;—отъ Редакціи историческаго журнала «Русская Старина»;—отъ Рождественскаго попечительства о бѣдныхъ дѣтяхъ.

Получено было множество писемъ и телеграммъ. Вотъ перечень писемъ:

Отъ Гофмейстера двора Е. И. В. государыни вел. кн. Екатерины Михаиловны;—Генералъ-адъютанта Н. В. Исакова;—Главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній генералъ-лейтенанта Н. А. Махотина;—изъ Курска, отъ Г. И. Шалфеева, директора мѣстной учительской семинаріи;—изъ села Прелестнаго, отъ народнаго учителя И. Завадовскаго;—Профессора Э. Ю. Петри;—Н. Н. Запольскаго;—Н. Н. Вакуловскаго;—В. Гербача;—Е. Н. Андреева;—Prof. Fr. Paulitschke (Wien);—Société Nationale de topographie pratique (Paris);—E. Groult, fondateur des Musées Cantonaux, Lisieux, Calvados (Франція);—Valère Mabille (Mariemont, Бельгія);—А. М. Воронецкаго.

Телеграммы: Отъ военнаго министра генералъ-адъютанта П. С. Ванновскаго;—Графа Д. А. Милютина;—Генерала-адъютанта Ѳ. Ѳ. Трепова;—Флигель-адъютанта Косача;—Старшаго врача Полтавскаго кадетскаго корпуса Медема;—Проф. И. И. Боргмана и П. Г. Васильева;—Директора Пажескаго Е. И. В. корпуса, генералъ-лейтенанта Дитерихса;—Гг. Лисицина, Безбѣдовича и Хрусталева, изъ Оренбурга;—Дѣйствительнаго ст. совѣтника Миропольскаго, изъ Нижняго Новгорода;—О. Д. Хвольсона;—Графа Ѳ. Гейдена и графини Е. Гейденъ;—Генералъ-маіора Энкеля, директора Финляндскаго кадетскаго корпуса;—Бахмутскаго софійскаго двухкласснаго съ ремесленными отдѣленіями училища;—Г. Аршакулова, директора гимназіи въ Гельсингфорсѣ;—директора хоз. части Николаевскаго сиротскаго института и Александринскаго сиротскаго дома Г. Шевшина;—Директора Николаевскаго Александровскаго реальнаго училища Тарапыгина; — Совѣта петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края;—Комитета народныхъ чтеній Г. Николаева;—Астраханской коммиссіи народныхъ чтеній;—Кіевской коммиссіи медицинскихъ народныхъ чтеній;—Кіевской коммиссіи общеобразовательныхъ народныхъ чтеній;—Московской коммиссіи народныхъ чтеній;—Полоцкаго кадетскаго корпуса;—Директора Оренбургскаго кадетскаго корпуса Ѳ. М. Самоцвѣта;—Кіевскаго кадетскаго корпуса;—Профессора Харьковскаго университета Данилевскаго и гг. Свѣтухина и Сумцова;—и. д. ректора Томскаго университета Н. А. Гезехуса;—Проф. Paulitschke;—П. Я. Преображенскаго;—Проф. П. А. Висковатова, изъ Дерпта;—Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи;—Комитета Минусинскаго музея;—Нижегородскаго Аракчеевскаго кадетскаго корпуса;—Попечителя Кавказскаго учебнаго округа тайн. совѣтника К. П. Яновскаго;—г. Леванда, изъ Оренбурга;—Прелестненскаго двухкласснаго училища, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи.

Наше привѣтствіе отъ редакціи «Русской Старины» состояло въ слѣдующемъ словѣ:

«Въ многолѣтней дѣятельности Педагогическаго музея, объемлющей уже четверть столѣтія, мы лично съ особымъ удовольствіемъ и безпредѣльнымъ сочувствіемъ отмѣчаемъ то, что содѣлано музеемъ въ пользу упроченія, въ русскомъ обществѣ вообще и въ массѣ русскаго народа въ особенности, знаній изъ отечественной исторіи. Изъ двухъ тысячъ народныхъ чтеній, устроенныхъ Педагогическимъ музеемъ, весьма значительная часть была посвящена изложенію событій родной исторіи или очеркамъ жизни и трудовъ русскихъ дѣятелей на всевозможныхъ поприщахъ, дѣятелей, сковавшихъ, если можно такъ выразиться, величіе и славу Россіи. Изъ 1.200,000 экземпляровъ брошюръ, выпущенныхъ въ свѣтъ Педагогическимъ музеемъ, громаднѣйшая доля падаетъ на брошюры, такъ либо иначе относящіяся къ отечественной исторіи. Такимъ образомъ изученіе прошлаго и распространеніе изъ онаго честныхъ, здравыхъ, вѣрныхъ свѣдѣній въ народѣ занимали видную часть плодотворной дѣятельности этого учрежденія. Кто же не знаетъ, какъ важно для развитія общества и народа знаніе родной своей исторіи! Только при близкомъ знакомствѣ съ прошлымъ возможно черпать примѣры для назиданія въ настоящемъ и для руководства въ будущемъ. Только прошлое, въ его положительныхъ и отрицательныхъ сторонахъ, можетъ устранять повтореніе ошибокъ въ настоящемъ и давать надежду на лучшее будущее. Вотъ почему мы, повторяемъ, съ особеннымъ сочувствіемъ отмѣчаемъ эту сторону въ дѣятельности педагогическаго музея.

«Но праздникъ нынѣшняго дня есть чествованіе не только одного лица, не только учрежденія; онъ является дорогимъ днемъ для всего образованнаго русскаго общества вообще и петербургскаго въ особенности. Нынѣшнее торжество свидѣтельствуетъ тотъ несомнѣнный отнынѣ фактъ, что не только за рубежемъ дорогаго нашего отечества, но и въ его предѣлахъ починомъ небольшой группы просвѣщенныхъ людей, горячо любящихъ, горячо желающихъ преуспѣянія знаній въ народѣ, возможно основать, упрочить и развить, конечно, при сочувствіи правящихъ сферъ, какъ то было и въ данномъ случаѣ, учрежденіе, занявшее одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду тѣхъ, цѣль бытія которыхъ есть распространеніе просвѣщенія въ глубинѣ народныхъ массъ. Таковое учрежденіе, какъ то, въ стѣнахъ котораго нынѣ мы находимся и дѣятельность котораго нынѣ чествуемъ, есть безспорно одинъ изъ самыхъ дорогихъ свѣточей науки и знанія, а доколѣ будутъ горѣть таковые свѣточи яркимъ огнемъ, доколѣ огонь этотъ не ослабнетъ, дотолѣ каждый

можетъ примиряться съ недостатками настоящаго и съ надеждою взирать на лучшее будущее. Итакъ, привѣтъ вамъ, высокоуважаемый Всеволодъ Порфирьевичъ, и въ лицѣ вашемъ всѣмъ многочисленнымъ сотрудникамъ вашимъ, энергическимъ труженикамъ въ наилучшей сферѣ дѣятельности, въ области просвѣщенія народа, на пользу и славу дорогаго нашего отечества».

Рѣчь эта была принята, какъ и нѣкоторыя другія изъ предшествовавшихъ ей привѣтствій, съ горячимъ сочувствіемъ присутствовавшихъ, выразившимся въ громѣ рукоплесканій.

Въ тотъ же день состоялся обѣдъ, въ которомъ участвовало до 200 лицъ сотрудниковъ педагогическаго музея и лицъ, ему сочувствующихъ. Въ началѣ обѣда былъ поднесенъ депутаціи адресъ отъ сотрудниковъ музея В. П. Коховскому.

Вотъ этотъ въ сердечныхъ выраженіяхъ написанный актъ:

«Многоуважаемый Всеволодъ Порфирьевичъ! Въ нынѣшній торжественный день двадцатипятилѣтія со дня основанія Педагогическаго Музея считаемъ для себя сердечнымъ долгомъ выразить наше глубокое уваженіе къ вашимъ заслугамъ въ созданіи и постепенномъ проведеніи того дѣла, почтенные итоги котораго свидѣтельствуютъ о громадной его пользѣ, признанной не только въ нашемъ отечествѣ, но и далеко за предѣлами его.

«Оглядываясь на несомнѣнно плодотворное прошлое Педагогическаго Музея, мы, ваши сотрудники, которымъ вы дали возможность трудиться и работать въ этихъ стѣнахъ, почерпать силы во взаимномъ общеніи, дѣлиться другъ съ другомъ мыслями и знаніями,—не можемъ не высказать вамъ нашего общаго, искренняго и горячаго убѣжденія, что Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній своими успѣхами и тѣмъ своимъ положеніемъ, въ которомъ нынѣ находится, обязанъ вамъ, вашей неутомимой энергіи, вашей любви къ дѣлу, вашему удивительному трудолюбію и, наконецъ, вашимъ душевнымъ качествамъ, всегда привлекавшимъ къ вамъ и къ этому близкому и родному вамъ дѣлу всѣхъ тѣхъ, кто успѣлъ сколько нибудь узнать васъ. Вашъ примѣръ, ваше постоянное умѣнье придать нашимъ занятіямъ интересъ и жизнь, ваша горячая готовность отозваться на все живое, придти на помощь всему полезному—постоянно укрѣпляли насъ и давали намъ новыя силы въ нашихъ общихъ трудахъ.

«Вступая съ вами въ дальнѣйшій періодъ дѣятельности Музея, мы приносимъ вамъ, глубокоуважаемый Всеволодъ Порфирьевичъ, наше душевное пожеланіе: да продлитъ Богъ ваши дни на многія лѣта, да дастъ вамъ Всемогущій силы и здоровье продолжать

начатое вами дѣло на пользу просвѣщенія дорогаго намъ отечества и въ будущемъ быть окруженнымъ сотрудниками, преисполненными тѣми-же теплыми чувствами глубокаго къ вамъ уваженія, которыми воодушевлены мы, нижеподписавшіеся».

Слѣдуетъ до двухъ сотъ подписей, изъ которыхъ многія принадлежатъ весьма извѣстнымъ и уважаемымъ русскимъ педагогамъ, воспитателямъ и дѣятелямъ общественнымъ, равно ученымъ и писателямъ.

Весьма трогательно было привѣтствіе депутаціи отъ народа.

Депутація эта поднесла В. П. Коховскому адресъ, покрытый больше чѣмъ 160 подписями, и художественно исполненную икону Божіей матери, украшенную окладомъ цѣнностью до 600 рублей.

Этимъ привѣтствіемъ народа мы закончимъ настоящій очеркъ многознаменательнаго торжества 9-го февраля 1889 года, торжества свѣта и разума.

«Ваше превосходительство, Всеволодъ Порфирьевичъ! Въ настоящій многознаменательный день празднованія двадцатипятилѣтія со дня учрежденія Педагогическаго Музея, мы, слушатели духовныхъ бесѣдъ, участники въ общенародномъ церковномъ пѣніи и обучающіеся церковно-славянскому чтенію, вознеся молитвенное благодареніе Господу Богу, привѣтствуемъ васъ съ праздникомъ, особенно дорогимъ вашему сердцу.

«Много лѣтъ тому назадъ, при вашемъ ближайшемъ участіи, были открыты чтенія въ Педагогическомъ Музеѣ по разнымъ вопросамъ знанія, жизни и вѣры,—и кому не памятны донынѣ первыя религіозныя чтенія о Святой землѣ? Вами и вашими сотрудниками руководила одна лишь увѣренность, что доброе сѣмя не заглохнетъ, а взойдетъ, созрѣетъ и принесетъ плодъ. Случайное превратилось въ постоянное: то, чему тогда полагалось начало, нынѣ утвердилось, вошло въ жизнь и приноситъ нравственную пользу.

«Многоуважаемый Всеволодъ Порфирьевичъ! Вы дали помѣщеніе для духовныхъ бесѣдъ, для обученія церковному пѣнію и чтенію, и вотъ мы восемь лѣтъ въ стѣнахъ этого учрежденія слушаемъ Слово Божіе и утверждаемся въ истинахъ вѣры и благочестія.

«Со введеніемъ обученія церковному пѣнію наша признательность къ вамъ возростала по мѣрѣ того, насколько наши сердца преисполнялись чувствами радости при пѣніи священныхъ славословій.

«Да продлитъ Господь вашу жизнь, да благословитъ счастіемъ и успѣхомъ вашу семью и вашу общественную благотворную дѣятельность.

«Досточтимый Всеволодъ Порфирьевичъ! Мы, слушатели духовныхъ бесѣдъ и обучающіеся церковному пѣнію и чтенію, преисполненные чувствами сердечной благодарности, просимъ принять отъ насъ, какъ символъ любви и признательности, сію св. икону Божіей Матери. Да укрѣпитъ Царица Небесная ваши силы для новыхъ трудовъ и да сохранитъ васъ на многія и многія лѣта»!

Слѣдуетъ болѣе 160 подписей.

Примѣчаніе отъ Ред. Считаемъ умѣстнымъ привести изъ нашего «Альбома—Знакомые» (рукопись, томъ IV), нѣсколько данныхъ, относящихся къ біографіи В. П. Коховскаго. Всеволодъ Порфирьевичъ—род. 2-го марта 1835 года, въ деревнѣ Стародубкѣ, Изюмскаго уѣзда; начальное образованіе онъ получилъ въ превосходномъ пансіонѣ англичанина Я. Я. Кука въ г. Бахмутѣ. Въ 1847 году Коховскій принятъ въ Дворянскій полкъ; въ 1853 году произведенъ въ поручики 5 стрѣлковаго батальона, въ составѣ котораго участвовалъ въ осадѣ Силистріи (1854); въ томъ же году переведенъ въ л.-г. Финляндскій полкъ; кончилъ курсъ академіи генеральнаго штаба—въ 1862 году по первому разряду. Воспитатель въ Павловскомъ кадетск. корпусѣ (1863); командиръ роты Павловскаго военнаго училища, въ томъ же году учрежденнаго; въ 1864 году переведенъ въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній, назначенъ начальникомъ учебнаго отдѣленія и правителемъ дѣлъ главнаго военно-учебнаго комитета—при военномъ совѣтѣ. Въ 1870 году В. П. Коховскому поручено предсѣдательство въ постоянной комиссіи Педагогическаго музея в.-уч. заведеній; въ 1873 г. чиновникъ особыхъ порученій IV класса при главн. управленіи военно-учебныхъ заведеній; съ 1878 г. В. П. состоитъ предсѣдателемъ экзаменной комиссіи для испытанія лицъ, желающихъ преподавать въ военно-учебн. заведеніяхъ; въ 1888 году наименованъ директоромъ Педагогическаго музея, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ. Пріятно видѣть, что дѣятельность В. П. Коховскаго не только въ Петербургѣ, но и во многихъ мѣстахъ вызываетъ къ нему вниманіе и уваженіе; объ этомъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что В. П. Коховскій избранъ почетнымъ членомъ: Комиссіи народныхъ чтеній въ Москвѣ,—Спб. Фребелевскаго общества,—Спб. общества хороваго пѣнія,—Société française de topographie въ Парижѣ. Это общество выбило въ 1878 г. золотую медаль имени Коховскаго съ надписью: «pour le musée pédagogqiue» и поднесло ее, вмѣстѣ съ предложеніемъ почетнаго президентства,—Société nationale de topographie pratique, въ Парижѣ,—Society for the development of the science of education, въ Лондонѣ,—Société Royale des sauveteurs de Belgique (съ именной золотой медалью),—Congrès international sur le sort des aveugles,—Общества улучшенія народнаго труда въ память императора Александра II; членомъ-корреспондентомъ: Ligue de l'enseignement en Belgique,—Société Royale de pharmacie, въ Брюсселѣ,—Société Royale de Médecine publique en Belgique,—Société Géographique en Hollande,—Société

des Institutions de prevoyance, во Франціи,—Della Reale Società Didascalica Italiana; членомъ-организаторомъ:—Congrés international de l'enseignemen de Bruxelles, 1880 г.; уполномоченнымъ въ Петербургѣ для организаціи выставки 1872 г. въ Москвѣ отъ общества любителей Естествознанія и Антропологіи; отъ французскаго правительства получилъ званіе officier de l'instruction publique и золотой знакъ (les palmes de l'instruction publique) за услуги дѣлу народнаго образованія; удостоенъ почетными дипломами: отъ Comité des soirées populaires въ Вервье, въ Бельгіи, отъ общества любителей Естествознанія и Антропологіи въ Москвѣ, отъ Congrés international d'hygiène et de Sauvetage, въ Бельгіи, 1876 г., отъ Congrés géographique international de Paris, 1875 г. Ред.

19-ое ФЕВРАЛЯ 1889 г.

Двадцать восьмая годовщина освобожденія крестьянъ [1]).

День этотъ чествовался въ С.-Петербургѣ въ 1889 году, между прочимъ, обычнымъ ежегоднымъ собраніемъ, за дружескимъ обѣдомъ, лицъ, принимавшихъ участіе въ трудахъ по составленію Положеній 19-го февраля, въ качествѣ членовъ славной памяти Редакціонныхъ комиссій, или же потрудившихся надъ крестьянскимъ дѣломъ въ другихъ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, или, наконецъ, участвовавшихъ въ осуществленіи крестьянской реформы на мѣстѣ.

Въ собраніи этого года, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ К. К Грота, участвовали слѣдующія лица: В. А. Арцимовичъ, Н. Х. Бунге, К. И. Домонтовичъ, В. В. Калачовъ, Н. Н. Колошинъ, Ѳ. П. Корниловъ, П. Ѳ. Лиліенфельдъ, М. Н. Любощинскій, М. П. Митковъ, С. А. Мордвиновъ, П. П. и Н. П. Семеновы, М. И. Семевскій, Е. П. Старицкій, Н. И. Стояновскій, А. Д. Шумахеръ, П. А. Шульцъ, Н. П. Щепкинъ и Ю. Н. Милютинъ [2]).

На обѣдѣ 19-го февраля постояннымъ его предсѣдателемъ К. К. Гротомъ былъ провозглашенъ рядъ обычныхъ, традиціонныхъ тостовъ сходокъ этого дня:

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1884 г., томъ XLI; „Русскую Старину" изд. 1885—1888 гг., книги мартъ.

[2]) На обѣдъ 19-го февраля было приглашено двадцать девять лицъ, изъ нихъ по нездоровью или за отсутствіемъ изъ Петербурга не могли, въ этомъ году, принять участіе въ собраніи: А. А. Арцимовичъ, Е. И. Ламанскій, В. М. Маркусъ, баронъ В. Менгденъ, И. А. Новиковъ, М. Е. Салтыковъ, гр. Н. Я. Ростовцевъ, А. И. Скребицкій и П. Е. Татариновъ.

I. За Государя Императора.

II. Въ память главнаго виновника великаго дѣла крестьянской реформы, покойнаго Государя Императора Александра Николаевича.

III. За великое дѣло 19-го февраля 1861 г.

IV. За всѣхъ дѣйствующихъ и дѣйствовавшихъ въ пользу крестьянской реформы.

V. Въ память умершихъ тружениковъ по крестьянской реформѣ, и

VI. За благоденствіе Россіи.

Въ истекшемъ году, со времени 19-го февраля 1888-го года, скончался членъ редакціонныхъ комиссій, членъ государственнаго совѣта, Григорій Павловичъ Галаганъ († 25-го сентября 1888 г.), бывшій постояннымъ участникомъ обѣдовъ этого знаменательнаго дня, въ случаѣ же отсутствія своего изъ Петербурга—всегда привѣтствовавшій это собраніе въ письмахъ или телеграммахъ.

Добрая память опочившаго государственнаго и общественнаго дѣятеля почтена была сердечнымъ словомъ, сказаннымъ его товарищемъ по редакціоннымъ комиссіямъ П. П. Семеновымъ.

«Скончавшійся 25-го сентября 1888-го года бывшій членъ Редакціонныхъ комиссій Григорій Павловичъ Галаганъ принадлежитъ къ старинной малороссійской дворянской фамиліи и свято хранилъ благородныя ея преданія. Горячо любили Галаганы свою малороссійскую родину, но еще выше ставили идею ея единства съ Россіею и тѣмъ сильнѣе обнаруживали свою преданность великому отечеству. Одинъ изъ предковъ Галагана осуществилъ эту преданность тѣмъ, что послѣ измѣны Мазепы до Полтавскаго боя явился подъ знамена царя Петра, во главѣ трехъ казацкихъ полковъ; съ того времени начинается близкая связь фамилій Галаганъ и Кочубей, прославившейся тою же преданностью интересамъ общаго отечества Россіи. На одной изъ Кочубей былъ женатъ Григорій Павловичъ, который, вслѣдствіе того, что его фамилія никогда не развѣтлялась, соединилъ въ своемъ владѣніи обширныя и прекрасно устроенныя имѣнія; будучи, такимъ образомъ, богатымъ и притомъ весьма образованнымъ помѣщикомъ, онъ отдался, съ самаго возникновенія вопроса объ освобожденіи крестьянъ, служенію этому дѣлу. Галаганъ сталъ въ Черниговской губерніи душою крестьянскаго дѣла и настолько дѣйствовалъ горячо и энергично, что, при открытіи дворянскихъ мѣстныхъ комитетовъ въ 1858 г., вошелъ въ составъ Черниговскаго, по назначенію отъ правительства. Въ составѣ комитета онъ явился во главѣ меньшинства, но меньшинства внушительнаго, и вмѣстѣ съ Тарновскимъ увлекъ за собой девять или десять членовъ комитета, въ пользу освобожденія крестьянъ

съ достаточнымъ надѣломъ земли и на выгодныхъ для нихъ экономическихъ условіяхъ. Мнѣніе меньшинства Черниговскаго комитета и объяснительная къ нему записка обратили на себя вниманіе І. И. Ростовцева, вслѣдствіе чего Галаганъ и Тарновскій были, по высочайшей волѣ, приглашены въ члены-эксперты Редакціонныхъ комиссій. Въ составѣ комиссій Галаганъ явился въ высокой степени полезнымъ членомъ, такъ какъ въ Редакціонныхъ комиссіяхъ, кромѣ Галагана, Тарновскаго и Ю. Ф. Самарина, не было лицъ близко знакомыхъ съ особенностями положенія крѣпостныхъ крестьянъ Малороссіи; Галаганъ, вмѣстѣ съ Тарновскимъ, составили проектъ мѣстнаго положенія для крестьянъ малороссійскихъ губерній и когда явились депутаты перваго призыва и во время своихъ диспутовъ въ Редакціонныхъ комиссіяхъ осыпали нападками ихъ предположенія, Галаганъ явился убѣжденнымъ и свѣдущимъ защитникомъ всего выработаннаго по отношенію къ крестьянамъ его родины. Особенно упорную и нелегкую борьбу довелось вынести Галагану и Тарновскому съ бывшимъ членомъ Редакціонныхъ комиссій Мих. Павловичемъ Позеномъ, который, вмѣстѣ съ депутатомъ большинства черниговскаго комитета Подвысоцкимъ, нетолько горячо нападалъ на проектъ мѣстнаго положенія малороссійскихъ губерній, выработанный въ Редакціонныхъ комиссіяхъ, но и отрицалъ у комиссій право составлять какой бы то ни было проектъ мѣстнаго положенія, помимо тѣхъ, которые были составлены губернскими комитетами.

«Между тѣмъ скончался предсѣдатель комиссій Я. И. Ростовцевъ. Явились депутаты втораго призыва; зная вліятельное положеніе Галагана въ петербургскомъ обществѣ, эти депутаты употребили много усилій, дабы привлечь въ свои ряды Григорія Павловича, именно въ тѣхъ видахъ, дабы онъ отступился отъ многаго сдѣланнаго въ пользу крестьянъ южной Россіи, и были моменты, какъ сознавался мнѣ потомъ самъ Галаганъ, что онъ уже начиналъ колебаться, но его искренняя, чистая преданность великому дѣлу освобожденія и благотворное вліяніе на него умной и благородной его жены сохранили его въ рядахъ поборниковъ дѣйствительнаго улучшенія быта освобождаемаго народа.... Такимъ же честнымъ, прямымъ, убѣжденнымъ святостью своего долга дѣятелемъ явился Галаганъ послѣ 19-го февраля въ Кіевѣ, поставленный Царемъ-Освободителемъ во главѣ центральной комиссіи по крестьянскому дѣлу для юго-западныхъ губерній.... Нѣсколько лѣтъ спустя, Григорія Павловича постигло страшное горе: онъ лишился горячо любимаго и подававшаго большія надежды единственнаго сына; тогда Галаганъ, въ память его, основалъ свою знаменитую коллегію, пожертвовавъ для этого учреж-

денія много личныхъ заботъ и трудовъ и значительную часть своего состоянія. Эта коллегія стала однимъ изъ лучшихъ разсадниковъ образованія юношества въ южной Россіи.

«Дороги въ этомъ человѣкѣ были его любовь и чувства сердечной пріязни, каковыя онъ всю жизнь сохранялъ къ своимъ сотоварищамъ по трудамъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ; являясь въ С.-Петербургъ еще до назначенія своего членомъ Государственнаго Совѣта, онъ всегда розыскивалъ бывшихъ членовъ редакціонныхъ комиссій и поддерживалъ съ ними самыя искреннія, пріязненныя отношенія; въ бытность же въ Петербургѣ, Григорій Павловичъ былъ неизмѣннымъ участникомъ дружескихъ сходокъ 19-го февраля... Въ послѣдній разъ, весною 1888 г., больной, оставляя навсегда Петербургъ, онъ пригласилъ меня къ себѣ. Я уже видѣлъ и чувствовалъ, какъ и онъ самъ, что это наше послѣднее свиданіе. Въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ просилъ онъ меня передать его сердечный привѣтъ, его прости всѣмъ его друзьямъ, которые здѣсь присутствуютъ, и я исполняю теперь предсмертную волю дорогаго нашего друга».

Н. Н. Колошинъ и Н. Х. Бунге добавили съ своей стороны нѣсколько подробностей, первый о дѣятельности Г. П. Галагана въ пользу крестьянскаго вопроса въ бытность Галагана въ Кіевѣ, а Николай Христіановичъ напомнилъ о томъ, что выдающеюся чертою въ характерѣ покойнаго Григорія Павловича было увлеченіе; за какое бы дѣло Галаганъ ни брался, онъ относился къ нему горячо, весь имъ увлеченный: было ли то великое дѣло освобожденія крестьянъ, которому онъ такъ много послужилъ, дѣйствовалъ ли онъ во главѣ кіевской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, являлся ли онъ основателемъ своей коллегіи для образованія юношества, наконецъ, основывалъ ли для бывшихъ своихъ крестьянъ ссудо-сберегательное товарищество, покойный отдавался труду съ полнѣйшею любовью,—то было выдающеюся чертою высоко-симпатической личности Григорія Павловича Галагана.

Собраніе выслушавъ все сказанное о покойномъ Г. Павл., съ живѣйшимъ сочувствіемъ и, почтивъ память усопшаго вставаніемъ, единогласно просило К. К. Грота передать по телеграфу вдовѣ Г. П. Галагана выраженія глубокой скорби и соболѣзнованія друзей покойнаго къ тяжкой скорби, ее постигшей, каковая телеграмма и была послана Константиномъ Карловичемъ 20-го февраля.

М. И. Семевскій провозгласилъ тостъ за здоровье Николая Петровича Семенова какъ «лѣтописца и дѣеписателя славной памяти Редакціонныхъ комиссій».

Н. Х. Бунге провозгласилъ тостъ за здоровье высокоуважаемаго Константина Карловича Грота.

Бесѣда собравшихся была оживленная и, между прочими предметами бесѣды, было говорено о появленіи въ недавнее время двухъ монументальныхъ трудовъ по исторіи крестьянскаго дѣла въ Россіи:

«Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII-мъ и въ первой половинѣ XIX-го вѣка» — обширный трудъ В. И. Семевскаго, — составитель каковаго изслѣдованія, 16-го февраля 1889-го года, признанъ императорскимъ московскимъ университетомъ докторомъ русской исторіи, и

«Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II» — первый томъ обширнаго труда сенатора Н. П. Семенова.

Такимъ образомъ великая реформа 19-го февраля вполнѣ вошла уже въ циклъ историческаго изслѣдованія—и пора!

Немногіе оставшіеся въ живыхъ ея участники съ каждымъ годомъ тѣснѣе и тѣснѣе смыкаютъ свои ряды, напутствуя добрымъ, прочувствованнымъ словомъ сходящихъ въ могилу своихъ собратій; кто знаетъ, быть можетъ не далеко уже время, когда не останется никого изъ тѣхъ русскихъ людей, на кого выпалъ счастливый жребій быть въ числѣ сподвижниковъ Державнаго Вождя Россіи—Александра II въ его величайшемъ въ исторіи всѣхъ странъ и народовъ подвигѣ—освобожденія и устроенія быта двадцати мильоновъ рабовъ...

Ред.

На телеграмму К. К. Грота полученъ былъ, 21-го февраля, изъ Кіева, слѣдующій отвѣтъ:

«Глубоко тронута вниманіемъ къ памяти покойнаго мужа, который такъ чтилъ этотъ многозначительный для Россіи день; не откажите принять и передать господамъ бывшимъ членамъ Редакціонныхъ коммиссій мою душевную благодарность. Екатерина Галаганъ».

Списокъ членовъ Редакціонныхъ комиссій по составленію

Положенія 19-го февраля 1861 г.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1884 г., томъ XLI, февраль, стр. 720—721, помѣщенъ списокъ членовъ Редакціонныхъ комиссій (1859—1860 гг.), причемъ въ него введены и члены особой комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, состоявшей при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ 1860 году, такъ какъ означенная комиссія трудилась надъ дѣломъ, по существу весьма важнымъ при осуществленіи затѣмъ общей реформы по освобожденію и устроенію крестьянъ въ Россіи и имѣвшимъ съ нимъ тѣсную связь. При фамиліи каждаго изъ членовъ этой послѣдней комиссіи нами именно оговорено, что таковой былъ — членъ именно этой, а не Редакціонной комиссіи.

Приводимъ нынѣ изъ книги Н. П. Семенова (Освобожденіе крестьянъ въ Россіи, Спб., изд. 1889 г.) списокъ всѣхъ 40 лицъ, бывшихъ членами собственно Редакціонныхъ комиссій (1859—1860 гг.) по составленію проектовъ Положеній 19-го февраля 1861 года, въ каковомъ спискѣ исправлены неточности въ показаніяхъ нашего списка о времени кончины шести изъ членовъ помянутыхъ комиссій; затѣмъ списокъ Н. П. Семенова все еще не вполнѣ удовлетворителенъ, такъ какъ онъ не даетъ показаній о мѣсяцахъ и дняхъ смерти четырехъ членовъ Редакціонныхъ комиссій, а объ одномъ (Ярошинскомъ) составитель списка вовсе не знаетъ—гдѣ и когда онъ умеръ. Ред.

Умершіе члены Редакціонныхъ комиссій.

1. Яковъ Ивановичъ Ростовцовъ, первый предсѣдатель коммиссій, скончался 6-го февраля 1860 года, въ С.-Петербургѣ (род. 28-го декабря 1803 г.).

2. Александръ Николаевичъ Татариновъ † въ 1861 году, въ Симбирской губерніи.

3. Константинъ Ипполитовичъ Гечевичъ † въ 1863 году, за границей.

4. Алексѣй Дмитріевичъ Желтухинъ † 5-го мая 1865 года, въ Петербургѣ (род. 24-го ноября 1820 года).

5. Василій Васильевичъ Тарновскій † 4-го декабря 1866 г., въ Малороссіи (род. 14-го іюня 1810 года)

6. Николай Петровичъ Шишковъ † 14-го марта 1869 года, въ Москвѣ (род. въ 1793 году).

7. Василій Ивановичъ Булыгинъ † 22-го августа 1871 г., въ Петербургѣ (род. въ 1808 году).

8. Михаилъ Павловичъ Позенъ † въ сентябрѣ 1871 года, въ Висбаденѣ (род. въ 1798 году).

9. Николай Алексѣевичъ Милютинъ † 26-го января 1872 г., въ Москвѣ (род. 25-го мая 1818 года).

10. Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, второй предсѣдатель комиссій, † 12-го апрѣля 1874 года, въ Ниццѣ (род. въ 1801 году).

11. Юрій Өедоровичъ Самаринъ † 19-го марта 1876 года, въ Берлинѣ (род. въ 1819 году).

12. Яковъ Александровичъ Соловьевъ † 11-го декабря 1876 года, въ Парижѣ.

13. Николай Ивановичъ Желѣзновъ † 15-го января 1877 г., въ Петербургѣ (род. въ 1815 году).

14. Степанъ Михайловичъ Жуковскій † 25-го сентября 1877 года, за границей (род. въ 1818 году).

15. Александръ Николаевичъ Поповъ † 6-го ноября 1877 года, въ Петербургѣ.

16. Князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій † 19-го февраля 1878 г., въ Санъ-Стефано, близь Константинополя (род. 1-го апрѣля 1821 года).

17. Юлій Андреевичъ Гагемейстеръ † 24-го апрѣля 1878 года, въ Ригѣ (род. въ 1804 году).

18. Князь Борисъ Дмитріевичъ Голицынъ † 10-го декабря 1878 года, въ Парижѣ (род. 17-го мая 1819 года, въ Петербургѣ).

19. Александръ Карловичъ Гирсъ † 24-го іюня 1880 года, въ своемъ имѣніи, въ Лужскомъ уѣздѣ, Петербургской губерніи (род. 29-го мая 1815 года).

20. Бронниславъ Францовичъ Залескій † въ 1880 году, въ Парижѣ.

21. Николай Антоновичъ Кристофари † 9-го марта 1881 года, въ Петербургѣ (род. въ 1802 году).

22. Андрей Парѳеновичъ Заблоцкій-Десятовскій † 24-го декабря 1881 года, въ Петербургѣ (род. 4-го іюля 1808 года).

23. Петръ Алексѣевичъ Булгаковъ † 23-го августа 1883 года, въ Тамбовской губерніи.

24. Николай Николаевичъ Павловъ † 23-го іюня 1884 года, въ своемъ имѣніи, Московской губерніи (род. 26-го октября 1821 года).

25. Николай Васильевичъ Калачовъ † 25-го октября 1885 года, въ своемъ имѣніи Воховщинѣ, Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи (род. 26-го мая 1819 года).

26. Иванъ Павловичъ Арапетовъ † 27-го мая 1887 года, въ Петербургѣ.

27. Князь Сергѣй Павловичъ Голицынъ † 2-го февраля 1888 года въ своемъ имѣніи, подъ Москвою.

28. Григорій Павловичъ Галаганъ † 25-го сентября 1888 года, въ Кіевѣ (род. въ 1819 году),

и 29. Октавіанъ Францовичъ Ярошинскій † неизвѣстно гдѣ и когда.

Оставшесія нынѣ (19-го февраля 1889 г.) въ живыхъ члены бывшихъ Редакціонныхъ комиссій.

1. Апраксинъ, Викторъ Владиміровичъ,—въ званіи камергера, состоящій при министерствѣ государственныхъ имуществъ.

2. Бунге, Николай Христіановичъ—предсѣдатель комитета министровъ, членъ государственнаго совѣта.

3. Грабянка, Андрей Антоновичъ,—помѣщикъ Подольской губерніи, на службѣ не состоящій.

4. Домонтовичъ, Константинъ Ивановичъ,—сенаторъ.

5. Ламанскій, Евгеній Ивановичъ,—тайный совѣтникъ, въ отставкѣ.

6. Любощинскій, Маркъ Николаевичъ,—членъ государственнаго совѣта, сенаторъ.

7. Свѣтлѣйшій князь Варшавскій графъ Паскевичъ-Эриванскій, Ѳедоръ Ивановичъ.

8. Рейтернъ, Михаилъ Христофоровичъ,—статсъ-секретарь, членъ государственнаго совѣта.

9. Семеновъ, Николай Петровичъ,—сенаторъ.

10. Семеновъ, Петръ Петровичъ,—сенаторъ, предсѣдатель статистическаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ и вице-предсѣдатель императорскаго русскаго географическаго общества, и

11. Графъ Шуваловъ, Петръ Павловичъ,—въ званіи камергера, почетный мировой судья Уманьскаго судебнаго округа.

Бывшіе совѣщательные члены Редакціонныхъ комиссій:

Николай Николаевичъ Колошинъ—нынѣ членъ совѣта м-ра внутреннихъ дѣлъ.

Павелъ Антоновичъ Шульцъ—нынѣ сенаторъ [1]).

---

[1]) Въ числѣ членовъ съ совѣщательнымъ голосомъ былъ также Александръ Петровичъ Смирновъ, †, который участвовалъ въ комиссіяхъ по вопросамъ о крестьянахъ мелкопомѣстныхъ имѣній.

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

докторъ русской исторіи

16-го февраля 1889 года.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1889 г., т. LVIII, книга іюнь, стр. 715—720,—мы сообщили читателямъ о выходѣ въ свѣтъ обширнаго, въ теченіи многихъ лѣтъ исполненнаго, труда магистра В. И. Семевскаго: «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII-мъ и первой половинѣ XIX-го вѣка» — два тома, въ 8 д. (всего 1,200 страницъ).

Этотъ монументальный трудъ, исполненный на основаніи массы матеріаловъ, изученныхъ во многихъ архивахъ — встрѣченъ органами русской печати съ полнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ [1]).

16-го февраля 1889 г. въ актовой залѣ Московскаго университета—предъ громаднымъ собраніемъ людей науки, студентовъ и лицъ, интересующихся наукой, произошла защита помянутаго труда В. И. Семевскимъ на степень доктора русской исторіи.

Оффиціальными опонентами были деканъ историко-филологическаго факультета московскаго университета, ординарный профессоръ В. О. Ключевскій, и приватъ-доцентъ по каѳедрѣ русской исторіи—В. Е. Якушкинъ.

Послѣ рѣчи В. И. Семевскаго и продолжительныхъ преній, его трудъ былъ единогласно увѣнчанъ филологическимъ факультетомъ признаніемъ В. И. Семевскаго—докторомъ русской исторіи.

Этотъ актъ увѣнчанія заслугъ ученаго историка, всю жизнь

---

[1]) Таковыя статьи и болѣе или менѣе значительныя рецензіи объ изслѣдованіи В. И. Семевскаго были помѣщены: въ «Вѣстникѣ Европы», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Новостяхъ», «Новомъ Времени», «Трудахъ Вольно-Экономич. Общества», «Историческомъ Вѣстникѣ» и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ.

посвятившаго служенію наукѣ, увѣнчаніе высшимъ ученымъ званіемъ,—было встрѣчено всѣми присутствовавшими на диспутѣ съ величайшимъ энтузіазмомъ.

Молодежь не ограничилась громомъ рукоплесканій, она сдѣлала нашему ученому историку настоящую овацію....

Такъ сочувственно откликнулись русское общество, въ лицѣ ученой корпораціи старѣйшаго и наиболѣе чтимаго въ Россіи университета московскаго и учащаяся въ немъ молодежь, къ заслугамъ нашего историка крестьянскаго вопроса въ Россіи, вопроса, великій интересъ и жизненное значеніе котораго все-конечно никогда не изсякнутъ въ нашемъ крестьянскомъ, въ нашемъ мужицкомъ царствѣ, каковымъ по преимуществу именуютъ въ Европѣ наше дорогое Отечество.

Редакторъ „Русской Старины“ — присоединяетъ свой отъ глубины сердца привѣтъ—Василію Ивановичу Семевскому съ полученною имъ высшею ученою степенью.

Горячо желаемъ новому доктору русской исторіи съ прежнею, столь обычною ему, энергіей и неутомимостью продолжать служеніе отечеству въ сферѣ науки вообще, въ области разработки русской исторіи въ особенности.

Михаилъ Семевскій.

ПЕТРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СВИСТУНОВЪ

† 15-го февраля 1889 г.

Заносимъ на страницы „Русской Старины"—извѣстіе о кончинѣ Петра Николаевича Свистунова. Еще недавно, именно въ іюнѣ мѣсяцѣ 1888-го года, въ бытность нашу въ Москвѣ, мы провели два вечера въ бесѣдѣ съ этимъ просвѣщеннымъ старцемъ.

Воспитанникъ іезуитовъ, блестящій нѣкогда представитель гвардіи и высшаго русскаго общества эпохи Александра I-го, человѣкъ богатый, съ отличной предстоявшей ему карьерой— Петръ Николаевичъ Свистуновъ, увлеченный потокомъ идей своего времени, вошелъ въ тайное общество и погибъ въ водоворотѣ декабрской смуты 1825-го года.

Послѣ продолжительнаго заключенія въ крѣпости, П. Н. былъ сосланъ въ Сибирь, оттуда возвращенъ манифестомъ Царя-Освободителя, которому и отблагодарилъ усердною службою въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и устроенія ихъ новаго быта.

Послѣдніе годы своей жизни П. Н. Свистуновъ прожилъ въ Москвѣ, гдѣ и скончался, въ 5 часовъ по полудни, 15-го февраля 1889 г. Тѣло его погребено въ Алексѣевскомъ монастырѣ.

Въ нашъ альбомъ „Знакомые" (рукопись т. IV) покойный внесъ собственноручно слѣдующія строки:

Петръ Никалаевичъ Свистуновъ—послѣдній изъ декабристовъ— род. 27 іюля 1803 года въ С.-Петербургѣ.

22 мая 1888 г. Москва.

Въ послѣднія наши свиданія П. Н. Свистуновъ много разсказывалъ намъ интереснаго изъ своего далекаго прошлаго; кое что мы успѣли внести въ наши записныя книжки и когда нибудь подѣлимся этимъ съ нашими читателями. Довольно большіе отрывки изъ воспоминаній П. Н. Свистунова бывали лѣтъ двадцать тому назадъ въ печати. Ред.

„РУССКАЯ СТАРИНА" въ изд. 1889 г.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и Воспоминанія.

Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка, разсказы, матеріалы, замѣтки.

Исторія русской литературы.

Исторія искусствъ.

Портреты и рисунки.

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

8. Матеріалы для исторіи русскаго флота. Часть XII. Спб. 1838 г. стр. 778. (На обертке І-й книги „Русской Старины" изд. 1889 г.).

9. Родные поэты, для чтенія въ классѣ и дома. Сборникъ стихотворныхъ произведеній для юношества, указанныхъ въ книгѣ Острогорскаго: „Русскіе писатели", какъ воспитательно-образовательный матеріалъ. Москва. 1888 г., стр. IV+355, въ 8 д. (Тамъ-же).

10. Матеріалы по исторіи Императорской Академіи Наукъ. Т. IV (1739—1741), съ приложеніемъ двухъ портретовъ. Спб., 1887. Портреты Карла фонъ-Бреверна, въ б. 8 д., стр. 824. (Тамъ-же).

11. Систематическій каталогъ дѣламъ комиссіи о коммерціи и о пошлинахъ, хранящихся въ архивѣ департамента таможенныхъ сборовъ. Составилъ начальникъ сего архива Н. Кайдановъ. Спб. 1887 г. въ б. 4 д., стр. V+91.

12. Витебская Старина. Томъ V-й: матеріалы для исторіи Полоцкой епархіи. Часть I, съ 47 отдѣльными приложеніями. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Витебскъ, 1888 г., въ 8 д., стр. CLXVII+650+XX. (На обертке II-й книги „Русской Старины" изд. 1889 г.).

13. Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность. По неизданнымъ источникамъ составилъ ген. штаба генералъ-маіоръ князь Щербатовъ. Томъ первый, съ 23 картами и планами, 1782—1826 гг. Спб., въ б. 8-ю д., 1888 г., стр. 396+139. (Тамъ-же).

14. Очерки и описанія церквей и достопамятностей Полоцкой епархіи, составл. и изд. А. П. Сапуновымъ, въ Витебскѣ, 1888 г., въ 8 д., съ фотографическими снимками и политипажами.

15. Четыре войны. Походныя записки въ 1849, 1853, 1854—1856, 1877—1878 годахъ. П. В. Алабинъ. Самара, 1888 г., стр. 160+4. (Тамъ-же).

16. С. Д. Дрожжинъ (поэтъ-крестьянинъ). Стихотворенія 1866—1888 гг., съ записками автора о своей жизни и поэзіи. Спб. 1888 г., стр. 352. Изд. Б. М. Вольфа. (Тамъ-же).

17. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Александра II.— Н. П. Семенова. Издалъ М. Е. Комаровъ. Спб., 1889 г., въ 8 д., стр. XIX+848. Томъ I: первый періодъ занятій. Съ портретомъ Александра II и изображеніемъ 10 членовъ комиссій, бывшихъ при ихъ открытіи. (На обертке III-й книги „Русской Старины" изд. 1889 г.).

18. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. — М. И. Сухомлинова. Спб. 1889 г. Изданіе А. С. Суворина; въ 8 долю, 2 тома. Томъ I, стр. VIII+612. Томъ II, стр. 516. (На оберткѣ III-й книги „Русской Старины" изд. 1889 г.).

19. Л. Н. Майковъ: Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій. Изданіе А. С. Суворина. Спб., въ 8 долю, стр. VIII+434. (Тамъ-же).

20. Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова.—Книга вторая. Спб. 1889 г., въ 8 д., стр. VIII+420. (Тамъ-же).

21. А. И. Незеленовъ. Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху, съ портретами: Екатерины II, Хераскова, Фонъ-Визина, Капниста, Новикова. Изд. Н. Г. Мартынова. Спб., 1889 г., въ 8 д., стр. VIII+395. (Тамъ-же).

22. Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина (1770—1837 гг.). Изданіе А. Г. Брикнера. Спб., 1888 г., въ 8 д., стр. XVIII+320. (Тамъ-же).

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова.—Книга вторая. Спб. 1889 г. 8 д., стр. VIII+420. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Многолѣтній и весьма добросовѣстный трудъ Н. П. Барсукова — съ каждою новою книгою обѣщаетъ быть все болѣе и болѣе интереснымъ; оно и понятно: уже съ 1826-го года дѣятельность М. П. Погодина расширяется; его ученая дѣятельность—какъ профессора, историка и въ особенности редактора-издателя журнала («Московскій Вѣстникъ») — дѣлается замѣчательною, а личныя качества—оригинальное смѣшеніе добрыхъ свойствъ и недостатковъ чисто русскаго человѣка, выведеннаго свѣточемъ науки и личною энергіею изъ самой толщи народа—привлекаютъ къ нему множество весьма видныхъ въ обществѣ друзей, пріятелей и знакомыхъ....

Настоящій выпускъ труда г. Барсукова обхватываетъ только три года: 1826 — 1829 года, но они весьма любопытны; то было начало суровой Николаевской эпохи. Время это—при всемъ, усиливавшемся затѣмъ, изъ году въ годъ, цензурномъ гнетѣ и жандармской опекѣ надъ обществомъ, блистало талантами въ области поэзіи, вообще въ литературѣ, а также въ сферѣ наукъ.

Читатель второй книги жизнеописанія М. П. Погодина вводится въ самую среду тогдашней его научной, литературной и журнальной дѣятельности въ Москвѣ и въ его отношенія ко множеству русскихъ современныхъ ему дѣятелей, во главѣ которыхъ стоялъ—геніальный Пушкинъ, который онъ какъ живой является въ письмахъ и замѣткахъ его самого и разныхъ лицъ о немъ, разсѣянныхъ во множествѣ во второй книгѣ труда Н. П. Барсукова.

При достоинствахъ изложенія и отличной группировкѣ фактовъ, о чемъ мы уже говорили по поводу первой книги труда Н. П. Барсукова, вторая его книга даетъ весьма интересное чтеніе и массу матеріала для исторіи отечественной словесности и для характеристики русскаго общества конца двадцатыхъ годовъ тек. столѣтія.

А. И. Незеленовъ. Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху, съ портретами: Екатерины II, Хераскова, Фонвизина, Капниста, Новикова. Цѣна 2 руб.; безъ портретовъ 1 руб. 75 коп. Изд. Н. Г. Мартынова. Спб. 1889, въ 8 д., стр. VIII+395.

Книга профессора Спб. университета А. И. Незеленова представляетъ вполнѣ полезное пособіе для преподавателей отечественной словесности и лицъ, изучающихъ исторію отечественной словесности за время XVIII-го вѣка. Въ этомъ трудѣ литературная дѣятельность русскихъ писателей прошлаго столѣтія представлена авторомъ въ трехъ имъ составленныхъ группахъ: «скептическо-матерьялистическое направленіе», «мистическо-нравоучительное направленіе» и «непосредственно-народное направленіе», а въ заключеніе, вслѣдъ за обзоромъ общихъ итоговъ, представленъ «взглядъ на дѣятельность писателей, стоявшихъ внѣ направленій». — Портреты очень плохи, а потому, по нашему мнѣнію, издателю не для чего было ихъ прикладывать.

Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина (1770—1837). Изданіе А. Г. Брикнера. Спб. 1888 г., въ 8 д., стр. XVIII+320. Цѣна 3 руб. на веленевой бумагѣ.

Сынъ Петра Иванов. Панина, побѣдителя Пугачева и одного изъ «строптивѣйшихъ», но дѣльныхъ и умныхъ сподвижниковъ Екатерины II, графъ Никита Петровичъ Панинъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей конца XVIII-го вѣка; дѣятельность его, какъ дипломата и какъ лица, принявшаго самое видное участіе въ событіяхъ царствованія Павла I,—наконецъ опала, постигшая его въ 1801-мъ году и окончившаяся лишь съ его смертью въ 1837 г., замѣчательны; между тѣмъ объ этомъ лицѣ изъ плеяды Паниныхъ въ печати, сравнительно, было до сихъ поръ немного свѣдѣній. Настоящій сборникъ вмѣщаетъ въ себѣ матеріалы, относящіеся до молодости и начала политической дѣятельности гр. Никиты Петровича Панина, 1770—1797 гг.; послѣдующіе годы составятъ второй томъ.

Настоящій сборникъ составленъ благодаря труду внучки графа Никиты Петровича Панина—княгини Маріи Александровны Мещерской, въ продолженіе многихъ лѣтъ занимавшейся собираніемъ и просмотромъ бумагъ семейнаго архива Паниныхъ. М. С.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

1889 г.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художникамг портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Невскій просп., прот Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИН**

Въ Москвѣ — въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ мага нахъ: **А. Л. Васильева** (Страстной бульваръ, д. кн. Горчакова), Н. **Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мост д. Фирсанова), **Н. Печковской** (Петровская линія). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани — **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магаз. **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**", на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина" 1870 г., третье изд., (*53 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1877 г., 12 книгъ (*56 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1878 г., 12 книгъ (*55 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1879 г., 12 книгъ (*36 экз.*), съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина" 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина" 1881 г., 12 книгъ (*44 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1883 г., 12 книгъ (*8 экз.*), съ 17 портрет., 9 руб.
„Русская Старина" 1884 г., 12 кн., изд. второе, (*93 экз.*) съ портр., 9 руб.
„Русская Старина" 1885 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина" 1886 г., 12 книгъ (*10 экз.*), съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина" 1888 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семевскій**.

